Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ • ЧТО ДЕЛАТЬ?

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

ЧТО ДЕЛАТЬ?

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

ЧТО ДЕЛАТЬ?

ИЗ РАССКАЗОВ О НОВЫХ ЛЮДЯХ

Издание подготовили
Т. И. ОРНАТСКАЯ и С. А. РЕЙСЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД • 1975

Ответственный редактор
С. А. Рейсер

Ч $\frac{70301\text{-}538}{042\ (02)\text{-}75}$ 314-75

Н. Г. Чернышевский. 1859 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» был написан в стенах Петропавловской крепости в декабре 1862—апреле 1863 г. Вскоре же напечатанный в «Современнике», он сыграл колоссальную, ни с чем не сравнимую роль не только в художественной литературе, но и в истории русской общественно-политической борьбы. Недаром тридцать восемь лет спустя В. И. Ленин так же озаглавил свое произведение, посвященное основам новой идеологии.

Печатавшийся в спешке, с непрестанной оглядкой на цензуру, которая могла запретить публикацию очередных глав, журнальный текст содержал ряд небрежностей, опечаток и других дефектов — некоторые из них до настоящего времени оставались невыправленными.

Номера «Современника» за 1863 г., содержавшие текст романа, были строго изъяты, и русский читатель в течение более чем сорока лет вынужден был пользоваться либо пятью зарубежными переизданиями (1867—1898 гг.), либо же нелегальными рукописными копиями.

Только революция 1905 г. сняла цензурный запрет с романа, по праву получившего название «учебника жизни». До 1917 г. вышло в свет четыре издания, подготовленных сыном писателя — М. Н. Чернышевским.

После Великой Октябрьской социалистической революции и до 1975 г. роман был переиздан на русском языке не менее 65 раз, общим тиражом более шести миллионов экземпляров.

В 1929 г. издательством Политкаторжан был опубликован незадолго до того обнаруженный в царских архивах черновой, наполовину зашифрованный текст романа; его прочтение — результат героического труда Н. А. Алексеева (1873—1972).* Однако с точки зрения требований современной текстологии это издание ни в какой мере не может нас сегодня удовлетворить. Достаточно сказать, что в нем не воспроизведены варианты и зачеркнутые места. Немало неточностей содержится и в издании «Что делать?» в составе 16-томного «Полного собрания сочинений» Чернышев-

* [Некролог]. — Правда, 1972, 18 мая, стр. 2.

ского (т. XI, 1939. Гослитиздат, подготовка Н. А. Алексеева и А. П. Скафтымова): по сравнению с ним в этой книге более ста исправлений.

Как это ни странно, но до сих пор не было осуществлено научное издание романа. Текст его ни разу не был полностью прокомментирован: некоторые, понятные современникам, но темные для нас места оставались нераскрытыми или же неверно интерпретированными.

Настоящее издание впервые дает научно выверенный текст романа и полностью воспроизводит черновой автограф. В дополнении печатается записка Чернышевского к А. Н. Пыпину и Н. А. Некрасову, важная для уяснения замысла романа и долго остававшаяся ошибочно понятой. В приложении даны статьи, посвященные проблемам изучения романа, и примечания, необходимые для его правильного понимания.

Искренняя благодарность внучке великого революционера и писателя, Н. М. Чернышевской за ряд советов и неизменную дружескую помощь и М. И. Перпер за важные текстологические указания.

Основной текст романа, заметку для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова, статью «Проблемы изучения романа „Что делать?“» и примечания подготовил С. А. Рейсер; статью «Чернышевский-художник» — Г. Е. Тамарченко; черновой текст — Т. И. Орнатская; библиографию переводов на иностранные языки — Б. Л. Кандель. Общую редакцию издания осуществил С. А. Рейсер.

ТЕКСТЫ

ЧТО ДЕЛАТЬ?

ИЗ РАССКАЗОВ О НОВЫХ ЛЮДЯХ

(Посвящается моему другу О. С. Ч.) [1]

I

ДУРАК

Поутру 11 июля 1856 года прислуга одной из больших петербургских гостиниц у станции Московской железной дороги была в недоумении, отчасти даже в тревоге. Накануне, в 9-м часу вечера, приехал господин с чемоданом, занял нумер, отдал для прописки свой паспорт, спросил себе чаю и котлетку, сказал, чтоб его не тревожили вечером, потому что он устал и хочет спать, но чтобы завтра непременно разбудили в 8 часов, потому что у него есть спешные дела, запер дверь нумера и, пошумев ножом и вилкою, пошумев чайным прибором, скоро притих, — видно, заснул. Пришло утро; в 8 часов слуга постучался к вчерашнему приезжему — приезжий не подает голоса; слуга постучался сильнее, очень сильно — приезжий все не откликается. Видно, крепко устал. Слуга подождал четверть часа, опять стал будить, опять не добудился. Стал советоваться с другими слугами, с буфетчиком. «Уж не случилось ли с ним чего?» — «Надо выломать двери». — «Нет, так не годится: дверь ломать надо с полициею». Решили: попытаться будить еще раз, посильнее; если и тут не проснется, послать за полициею. Сделали последнюю пробу; не добудились; послали за полициею и теперь ждут, что увидят с нею.

Часам к 10 утра пришел полицейский чиновник, постучался сам, велел слугам постучаться, — успех тот же, как и прежде. «Нечего делать, ломай дверь, ребята».

Дверь выломали. Комната пуста. «Загляните-ко под кровать» — и под кроватью нет проезжего. Полицейский чиновник подошел к столу, — на столе лежал лист бумаги, а на нем крупными буквами было написано:

«Ухожу в 11 часов вечера и не возвращусь. Меня услышат на Литейном мосту,[2] между 2 и 3 часами ночи. Подозрений ни на кого не иметь».

— Так вот оно, штука-то теперь и понятна, а то никак не могли сообразить, — сказал полицейский чиновник.

— Что же такое, Иван Афанасьевич? — спросил буфетчик.

— Давайте чаю, расскажу.

Рассказ полицейского чиновника долго служил предметом одушевленных пересказов и рассуждений в гостинице. История была вот какого рода.

В половине 3-го часа ночи — а ночь была облачная, темная — на средине Литейного моста сверкнул огонь, и послышался пистолетный выстрел. Бросились на выстрел караульные служители, сбежались малочисленные прохожие, — никого и ничего не было на том месте, где раздался выстрел. Значит, не застрелил, а застрелился. Нашлись охотники нырять, притащили через несколько времени багры, притащили даже какую-то рыбацкую сеть, ныряли, нащупывали, ловили, поймали полсотни больших щеп, но тела не нашли и не поймали. Да и как найти? — ночь темная. Оно в эти два часа уж на взморье, — поди, ищи там. Поэтому возникли прогрессисты, отвергнувшие прежнее предположение: «А может быть, и не было никакого тела? может быть, пьяный, или просто озорник, подурачился, — выстрелил, да и убежал, — а то, пожалуй, тут же стоит в хлопочущей толпе да подсмеивается над тревогою, какую наделал».

Но большинство, как всегда, когда рассуждает благоразумно, оказалось консервативно и защищало старое: «какое подурачился — пустил себе пулю в лоб, да и всё тут». Прогрессисты были побеждены. Но победившая партия, как всегда, разделилась тотчас после победы. Застрелился, так; но отчего? «Пьяный», — было мнение одних консерваторов; «промотался», — утверждали другие консерваторы. — «Просто дурак», — сказал кто-то. На этом «просто дурак» сошлись все, даже и те, которые отвергали, что он застрелился. Действительно, пьяный ли, промотавшийся ли застрелился, или озорник, вовсе не застрелился, а только выкинул штуку, — все равно, глупая, дурацкая штука.

На этом остановилось дело на мосту ночью. Поутру, в гостинице у московской железной дороги, обнаружилось, что дурак не подурачился, а застрелился. Но остался в результате истории элемент, с которым были согласны и побежденные, именно, что если и не пошалил, а застрелился, то все-таки дурак. Этот удовлетворительный для всех результат особенно прочен был именно потому, что восторжествовали консерваторы: в самом деле, если бы только пошалил выстрелом на мосту, то ведь, в сущности, было бы еще сомнительно, дурак ли, или только озорник. Но застрелился на мосту, — кто же стреляется на мосту? как же это на мосту? зачем на мосту? глупо на мосту! — и потому, несомненно, дурак.

Опять явилось у некоторых сомнение: застрелился на мосту; на мосту не стреляются, — следовательно, не застрелился. — Но к вечеру прислуга гостиницы была позвана в часть смотреть вытащенную из воды простреленную фуражку, — все признали, что фуражка та самая, которая была на проезжем. Итак, несомненно застрелился, и дух отрицания и прогресса побежден окончательно.

Все были согласны, что «дурак», — и вдруг все заговорили: на мосту — ловкая штука! это чтобы, значит, не мучиться долго, коли не удастся хорошо выстрелить, — умно рассудил! от всякой раны свалится в воду и захлебнется, прежде чем опомнится, — да, на мосту... умно!

Теперь уж ровно ничего нельзя было разобрать, — и дурак, и умно.

II

ПЕРВОЕ СЛЕДСТВИЕ ДУРАЦКОГО ДЕЛА

В то же самое утро, часу в 12-м, молодая дама сидела в одной из трех комнат маленькой дачи на Каменном острову, шила и вполголоса напевала французскую песенку, бойкую, смелую.

«Мы бедны, — говорила песенка, — но мы рабочие люди, у нас здоровые руки. Мы темны, но мы не глупы и хотим света. Будем учиться — знание освободит нас; будем трудиться — труд обогатит нас, — это дело пойдет, — поживем, доживем —

Ça ira[3]
Qui vivra, verra.[а]

Мы грубы, но от нашей грубости терпим мы же сами. Мы исполнены предрассудков, но ведь мы же сами страдаем от них, это чувствуется нами. Будем искать счастья, и найдем гуманность, и станем добры, — это дело пойдет, — поживем, доживем.

Труд без знания бесплоден, наше счастье невозможно без счастья других. Просветимся — и обогатимся; будем счастливы — и будем братья и сестры, — это дело пойдет, — поживем, доживем.

Будем учиться и трудиться, будем петь и любить, будет рай на земле. Будем же веселы жизнью, — это дело пойдет, оно скоро придет, все дождемся его, —

Donc, vivons,
Ça bien vite ira,
Ça viendra,
Nous tous le verrons».[б]

Смелая, бойкая была песенка, и ее мелодия была веселая, — было в ней две-три грустные ноты, но они покрывались общим светлым харак-

---

а Дело пойдет,
Кто будет жить — увидит (*франц.*), — *Ред.*

б Итак, живем,
Оно скоро придет,
Оно придет,
Мы его увидим (*франц.*), — *Ред.*

тером мотива, исчезали в рефрене, исчезали во всем заключительном куплете, — по крайней мере, должны были покрываться, исчезать, — и исчезали бы, если бы дама была в другом расположении духа; но теперь у ней эти немногие грустные ноты звучали слышнее других, она как будто встрепенется, заметив это, понизит на них голос и сильнее начнет петь веселые звуки, их сменяющие, но вот она опять унесется мыслями от песни к своей думе, и опять грустные звуки берут верх. Видно, что молодая дама не любит поддаваться грусти; только видно, что грусть не хочет отстать от нее, как ни отталкивает она ее от себя. Но грустна ли веселая песня, становится ли опять весела, как ей следует быть, дама шьет очень усердно. Она хорошая швея.

В комнату вошла служанка, молоденькая девушка.

— Посмотрите, Маша, каково я шью? я уж почти кончила рукавчики, которые готовлю себе к вашей свадьбе.

— Ах, да на них меньше узора, чем на тех, которые вы мне вышили!

— Еще бы! Еще бы невеста не была наряднее всех на свадьбе!

— А я принесла вам письмо, Вера Павловна.

По лицу Веры Павловны пробежало недоумение, когда она стала распечатывать письмо: на конверте был штемпель городской почты. «Как же это? ведь он в Москве?» Она торопливо развернула письмо и побледнела; рука ее с письмом опустилась. «Нет, это не так, я не успела прочесть, в письме вовсе нет этого!» И она опять подняла руку с письмом. Все было делом двух секунд. Но в этот второй раз ее глаза долго, неподвижно смотрели на немногие строки письма, и эти светлые глаза тускнели, тускнели, письмо выпало из ослабевших рук на швейный столик, она закрыла лицо руками, зарыдала. «Что я наделала! Что я наделала!» — и опять рыданье.

— Верочка, что с тобой? разве ты охотница плакать? когда ж это с тобою бывает? что ж это с тобой?

Молодой человек быстрыми, но легкими, осторожными шагами вошел в комнату.

— Прочти... оно на столе...

Она уже не рыдала, но сидела неподвижно, едва дыша.

Молодой человек взял письмо; и он побледнел, и у него задрожали руки, и он долго смотрел на письмо, хотя оно было не велико, всего-то слов десятка два:

«Я смущал ваше спокойствие. Я схожу со сцены. Не жалейте; я так люблю вас обоих, что очень счастлив своею решимостью. Прощайте».

Молодой человек долго стоял, потирая лоб, потом стал крутить усы, потом посмотрел на рукав своего пальто; наконец, он собрался с мыслями. Он сделал шаг вперед к молодой женщине, которая сидела по-прежнему неподвижно, едва дыша, будто в летаргии. Он взял ее руку:

— Верочка!

Но лишь коснулась его рука ее руки, она вскочила с криком ужаса,

как поднятая электрическим ударом, стремительно отшатнулась от молодого человека, судорожно оттолкнула его:

— Прочь! Не прикасайся ко мне! Ты в крови! На тебе его кровь! Я не могу видеть тебя! я уйду от тебя! Я уйду! отойди от меня! — И она отталкивала, всё отталкивала пустой воздух и вдруг пошатнулась, упала в кресло, закрыла лицо руками.

— И на мне его кровь! На мне! Ты не виноват — я одна... я одна! Что я наделала! Что я наделала!

Она задыхалась от рыдания.

— Верочка, — тихо и робко сказал он, — друг мой!...

Она тяжело перевела дух и спокойным и все еще дрожащим голосом проговорила, едва могла проговорить:

— Милый мой, оставь теперь меня! Через час войди опять, — я буду уже спокойна. Дай мне воды и уйди!

Он повиновался молча. Вошел в свою комнату, сел опять за свой письменный стол, у которого сидел такой спокойный, такой довольный за четверть часа перед тем, взял опять перо... «В такие-то минуты и надобно уметь владеть собою; у меня есть воля, — и все пройдет... пройдет»... А перо, без его ведома, писало среди какой-то статьи: «перенесет ли? — ужасно, — счастье погибло»...

— Милый мой! я готова, поговорим! — послышалось из соседней комнаты. Голос молодой женщины был глух, но тверд.

— Милый мой, мы должны расстаться. Я решилась. Это тяжело. Но еще тяжеле было бы нам видеть друг друга. Я его убийца. Я убила его для тебя.

— Верочка, чем же ты виновата?

— Не говори ничего, не оправдывай меня, или я возненавижу тебя. Я, я во всем виновата. Прости меня, мой милый, что я принимаю решение, очень мучительное для тебя, — и для меня, мой милый, тоже! Но я не могу поступить иначе, ты сам через несколько времени увидишь, что так следовало сделать. Это неизменно, мой друг. Слушай же. Я уезжаю из Петербурга. Легче будет вдали от мест, которые напоминали бы прошлое. Я продаю свои вещи; на эти деньги я могу прожить несколько времени, — где? в Твери, в Нижнем, я не знаю, все равно. Я буду искать уроков пения; вероятно, найду, потому что поселюсь где-нибудь в большом городе. Если не найду, пойду в гувернантки. Я думаю, что не буду нуждаться; но если буду, обращусь к тебе; позаботься же, чтоб у тебя на всякий случай было готово несколько денег для меня; ведь ты знаешь, у меня много надобностей, расходов, хоть я и скупа; я не могу обойтись без этого. Слышишь? я не отказываюсь от твоей помощи! пусть, мой друг, это доказывает тебе, что ты остаешься мил мне... А теперь, простимся навсегда! Отправляйся в город... сейчас, сейчас! мне будет легче, когда я останусь одна. Завтра меня уже не будет здесь — тогда возвращайся. Я еду в Москву, там осмотрюсь, узнаю, в каком из провин-

циальных городов вернее можно рассчитывать на уроки. Запрещаю тебе быть на станции, чтобы провожать меня. Прощай же, мой милый, дай руку на прощанье, в последний раз пожму ее.

Он хотел обнять ее, — она предупредила его движение.

— Нет, не нужно, нельзя! Это было бы оскорблением ему. Дай руку. Жму ее — видишь, как крепко! Но прости!

Он не выпускал ее руки из своей.

— Довольно, иди. — Она отняла руку, он не смел противиться. — Прости же!

Она взглянула на него так нежно, но твердыми шагами ушла в свою комнату и ни разу не оглянулась на него уходя.

Он долго не мог отыскать свою шляпу; хоть раз пять брал ее в руки, но не видел, что берет ее. Он был как пьяный; наконец понял, что это под рукою у него именно шляпа, которую он ищет, вышел в переднюю, надел пальто; вот он уже подходит к воротам: «кто это бежит за мною? верно, Маша... верно с нею дурно!» Он обернулся — Вера Павловна бросилась ему на шею, обняла, крепко поцеловала.

— Нет, не утерпела, мой милый! Теперь прости навсегда!

Она убежала, бросилась в постель и залилась слезами, которые так долго сдерживала.

III

ПРЕДИСЛОВИЕ

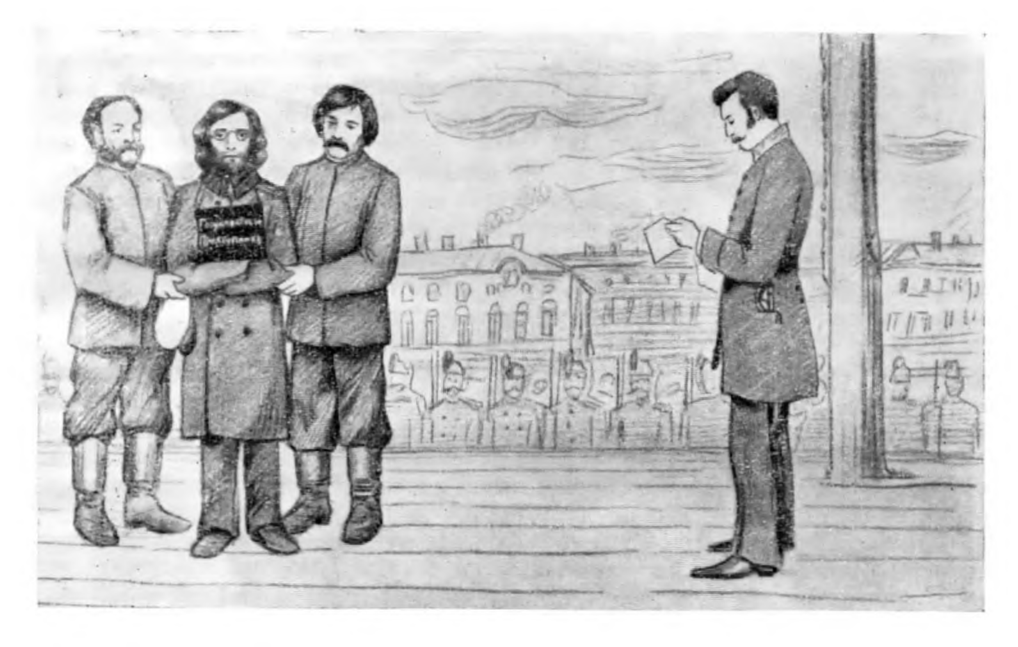
«Содержание повести — любовь, главное лицо — женщина, — это хорошо, хотя бы сама повесть и была плоха», — говорит читательница.

— Это правда, — говорю я.

Читатель не ограничивается такими легкими заключениями, — ведь у мужчины мыслительная способность и от природы сильнее, да и развита гораздо больше, чем у женщины; он говорит, — читательница тоже, вероятно, думает это, но не считает нужным говорить, и потому я не имею основания спорить с нею, — читатель говорит: «я знаю, что этот застрелившийся господин не застрелился». Я хватаюсь за слово «знаю» и говорю: ты этого не знаешь, потому что этого тебе еще не сказано, а ты знаешь только то, что тебе скажут; сам ты ничего не знаешь, не знаешь даже того, что тем, как я начал повесть, я оскорбил, унизил тебя. Ведь ты не знал этого, — правда? — ну, так знай же.

Да, первые страницы рассказа обнаруживают, что я очень плохо думаю о публике. Я употребил обыкновенную хитрость романистов: начал повесть эффектными сценами, вырванными из средины или конца ее, прикрыл их туманом. Ты, публика, добра, очень добра, а потому ты неразборчива и недогадлива. На тебя нельзя положиться, что ты с первых страниц можешь различить, будет ли содержание повести стоить того,

чтобы прочесть ее, у тебя плохое чутье, оно нуждается в пособии, а пособий этих два: или имя автора, или эффектность манеры. Я рассказываю тебе еще первую свою повесть, ты еще не приобрела себе суждения, одарен ли автор художественным талантом (ведь у тебя так много писателей, которым ты присвоила художественный талант!), моя подпись еще не заманила бы тебя, и я должен был забросить тебе удочку с приманкою

Обряд гражданской казни на Мытнинской площади в Петербурге 19 мая 1864 г. Рисунок Т. Н. Гиппиус.

эффектности. Не осуждай меня за то, — ты сама виновата; твоя простодушная наивность принудила меня унизиться до этой пошлости. Но теперь ты уже попалась в мои руки, и я могу продолжать рассказ, как по-моему следует, без всяких уловок. Дальше не будет таинственности, ты всегда будешь за двадцать страниц вперед видеть развязку каждого положения, а на первый случай я скажу тебе и развязку всей повести: дело кончится весело, с бокалами, песнью; не будет ни эффектности, никаких прикрас. Автору не до прикрас, добрая публика, потому что он все думает о том, какой сумбур у тебя в голове, сколько лишних, лишних страданий делает каждому человеку дикая путаница твоих понятий. Мне жалко и смешно

смотреть на тебя: ты так немощна и так зла от чрезмерного количества чепухи в твоей голове.

Я сердит на тебя за то, что ты так зла к людям, а ведь люди — это ты: что же ты так зла к самой себе? Потому я и браню тебя. Но ты зла от умственной немощности, и потому, браня тебя, я обязан помогать тебе. С чего начать оказывание помощи? да хоть с того, о чем ты теперь думаешь: чтó это за писатель, так нагло говорящий со мною? — я скажу тебе, какой я писатель.

У меня нет ни тени художественного таланта. Я даже и языком-то владею плохо. Но это все-таки ничего: читай, добрейшая публика! прочтешь не без пользы. Истина — хорошая вещь: она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей. Поэтому я скажу тебе: если б я не предупредил тебя, тебе, пожалуй, показалось бы, что повесть написана художественно, что у автора много поэтического таланта. Но я предупредил тебя, что таланта у меня нет, — ты и будешь знать теперь, что все достоинства повести даны ей только ее истинностью.

Впрочем, моя добрейшая публика, толкуя с тобою, надобно договаривать все до конца; ведь ты хоть и охотница, но не мастерица отгáдывать недосказанное. Когда я говорю, что у меня нет ни тени художественного таланта и что моя повесть очень слаба по исполнению, ты не вздумай заключить, будто я объясняю тебе, что я хуже тех твоих повествователей, которых ты считаешь великими, а мой роман хуже их сочинений. Я говорю не то. Я говорю, что мой рассказ очень слаб по исполнению сравнительно с произведениями людей, действительно одаренных талантом; с прославленными же сочинениями твоих знаменитых писателей ты смело ставь наряду мой рассказ по достоинству исполнения, ставь даже выше их — не ошибешься! В нем все-таки больше художественности, чем в них; можешь быть спокойна на этот счет.

Поблагодари же меня; ведь ты охотница кланяться тем, которые пренебрегают тобою, — поклонись же и мне.

Но есть в тебе, публика, некоторая доля людей, — теперь уже довольно значительная доля, — которых я уважаю. С тобою, с огромным большинством, я нагл, — но только с ним, и только с ним я говорил до сих пор. С людьми, о которых я теперь упомянул, я говорил бы скромно, даже робко. Но с ними мне не нужно было объясняться. Их мнениями я дорожу, но я вперед знаю, что оно за меня. Добрые и сильные, честные и умеющие, недавно вы начали возникать между нами, но вас уже не мало, и быстро становится все больше. Если бы вы были публика, мне уже не нужно было бы писать; если бы вас еще не было, мне еще не было бы можно писать. Но вы еще не публика, а уже вы есть между публикою, — потому мне еще нужно и уже можно писать.

Глава первая

ЖИЗНЬ ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ В РОДИТЕЛЬСКОМ СЕМЕЙСТВЕ

I

Воспитание Веры Павловны было очень обыкновенное. Жизнь ее до знакомства с медицинским студентом Лопуховым[4] представляла кое-что замечательное, но не особенное. А в поступках ее уже и тогда было кое-что особенное.

Вера Павловна выросла в многоэтажном доме на Гороховой, между Садовой и Семеновским мостом. Теперь этот дом отмечен каким ему следует нумером, а в 1852 году, когда еще не было таких нумеров,[5] на нем была надпись: «дом действительного статского советника Ивана Захаровича Сторешникова». Так говорила надпись; но Иван Захарыч Сторешников умер еще в 1837 году, и с той поры хозяин дома был сын его, Михаил Иванович, — так говорили документы. Но жильцы дома знали, что Михаил Иванович — хозяйкин сын, а хозяйка дому — Анна Петровна.

Дом и тогда был, как теперь, большой, с двумя воротами и четырьмя подъездами по улице, с тремя дворами в глубину. На самой парадной из лестниц на улицу, в бель-этаже, жила в 1852 году, как и теперь живет, хозяйка с сыном. Анна Петровна и теперь осталась, как тогда была, дама видная. Михаил Иванович теперь видный офицер и тогда был видный и красивый офицер.

Кто теперь живет на самой грязной из бесчисленных черных лестниц первого двора, в 4-м этаже, в квартире направо, я не знаю; а в 1852 году жил тут управляющий домом, Павел Константиныч Розальский, плотный, тоже видный мужчина, с женою Марьею Алексевною, худощавою, крепкою, высокого роста дамою, с дочерью, взрослою девицею, — она-то и есть Вера Павловна, — и с 9-летним сыном Федею.

Павел Константиныч, кроме того, что управлял домом, служил помощником столоначальника в каком-то департаменте. По должности он не имел доходов; по дому — имел, но умеренные: другой получал бы гораздо больше, а Павел Константиныч, как сам говорил, знал совесть; зато хозяйка была очень довольна им, и в четырнадцать лет управления он скопил тысяч до десяти капиталу. Но из хозяйкина кармана было тут тысячи три, не больше; остальные наросли к ним от оборотов не в ущерб хозяйке: Павел Константиныч давал деньги под ручной залог.

У Марьи Алексевны тоже был капиталец — тысяч пять, как она говорила кумушкам, — на самом деле побольше. Основание капиталу было положено лет 15 тому назад продажею енотовой шубы, платьишка и мебелишки, доставшихся Марье Алексевне после брата-чиновника. Выручив рублей полтораста, она тоже пустила их в оборот под залоги, действовала гораздо рискованнее мужа и несколько раз попадалась на удочку; какой-то плут взял у нее 5 руб. под залог паспорта, — паспорт

вышел краденый, и Марье Алексевне пришлось приложить еще рублей 15, чтобы выпутаться из дела; другой мошенник заложил за 20 рублей золотые часы, — часы оказались снятыми с убитого, и Марье Алексевне пришлось поплатиться порядком, чтобы выпутаться из дела. Но если она терпела потери, которых избегал муж, разборчивый в приеме залогов, зато и прибыль у нее шла быстрее. Подыскивались и особенные случаи получать деньги. Однажды, — Вера Павловна была еще тогда маленькая: при взрослой дочери Марья Алексевна не стала бы делать этого, а тогда почему было не сделать? ребенок ведь не понимает! и точно, сама Верочка не поняла бы, да, спасибо, кухарка растолковала очень вразумительно; да и кухарка не стала бы толковать, потому что дитяти этого знать не следует, но так уже случилось, что душа не стерпела после одной из сильных потасовок от Марьи Алексевны за гульбу с любовником (впрочем, глаз у Матрены был всегда подбитый, не от Марьи Алексевны, а от любовника, — а это и хорошо, потому что кухарка с подбитым глазом дешевле!). Так вот, однажды приехала к Марье Алексевне невиданная знакомая дама, нарядная, пышная, красивая, приехала и осталась погостить. Неделю гостила смирно, только все ездил к ней какой-то статский, тоже красивый, и дарил Верочке конфеты, и надарил ей хороших кукол, и подарил две книжки, обе с картинками; в одной книжке были хорошие картинки — звери, города; а другую книжку Марья Алексевна отняла у Верочки, как уехал гость, так что только раз она и видела эти картинки, при нем: он сам показывал. Так с неделю гостила знакомая, и все было тихо в доме: Марья Алексевна всю неделю не подходила к шкапчику (где стоял графин с водкой), ключ от которого никому не давала, и не била Матрену, и не била Верочку, и не ругалась громко. Потом одну ночь Верочку беспрестанно будили страшные вскрикиванья гостьи и ходьба и суетня в доме. Утром Марья Алексевна подошла к шкапчику и дольше обыкновенного стояла у него, и все говорила: «слава богу, счастливо было, слава богу!», даже подозвала к шкапчику Матрену и сказала: «на здоровье, Матренушка, ведь и ты много потрудилась», и после не то чтобы драться да ругаться, как бывало в другие времена после шкапчика, а легла спать, поцеловавши Верочку. Потом опять неделю было смирно в доме, и гостья не кричала, а только не выходила из комнаты и потом уехала. А через два дня после того, как она уехала, приходил статский, только уже другой статский, и приводил с собою полицию, и много ругал Марью Алексевну; но Марья Алексевна сама ни в одном слове не уступала ему и все твердила: «я никаких ваших делов не знаю. Справьтесь по домовым книгам, кто у меня гостил! псковская купчиха Савастьянова, моя знакомая, вот вам и весь сказ!» Наконец, поругавшись, поругавшись, статский ушел и больше не показывался. Это видела Верочка, когда ей было восемь лет, а когда ей было девять лет, Матрена ей растолковала, какой это был случай. Впрочем, такой случай только один и был; а другие бывали разные, но не так много.

Когда Верочке было десять лет, девочка, шедшая с матерью на Толкучий рынок, получила при повороте из Гороховой в Садовую неожиданный подзатыльник, с замечанием: «глазеешь на церковь, дура, а лба-то что не перекрестишь? Чать, видишь, все добрые люди крестятся!»

Когда Верочке было двенадцать лет, она стала ходить в пансион, а к ней стал ходить фортепьянный учитель, — пьяный, но очень добрый немец и очень хороший учитель, но, по своему пьянству, очень дешевый.

Когда ей был четырнадцатый год, она обшивала всю семью, впрочем ведь и семья-то была невелика.

Когда Верочке подошел шестнадцатый год, мать стала кричать на нее так: «отмывай рожу-то, что она у тебя, как у цыганки! Да не отмоешь, такая чучела уродилась, не знаю в кого». Много доставалось Верочке за смуглый цвет лица, и она привыкла считать себя дурнушкой. Прежде мать водила ее чуть не в лохмотьях, а теперь стала наряжать. А Верочка, наряженная, идет с матерью в церковь да думает: «к другой шли бы эти наряды, а на меня что ни надень, все цыганка — чучело, как в ситцевом платье, так и в шелковом. А хорошо быть хорошенькою. Как бы мне хотелось быть хорошенькою!»

Когда Верочке исполнилось шестнадцать лет, она перестала учиться у фортепьянного учителя и в пансионе, а сама стала давать уроки в том же пансионе; потом мать нашла ей и другие уроки.

Через полгода мать перестала называть Верочку цыганкою и чучелою, а стала наряжать лучше прежнего, а Матрена, — это уж была третья Матрена, после той: у той был всегда подбит левый глаз, а у этой разбита левая скула, но не всегда, — сказала Верочке, что собирается сватать ее начальник Павла Константиныча, и какой-то важный начальник, с орденом на шее.[6] Действительно, мелкие чиновники в департаменте говорили, что начальник отделения, у которого служит Павел Константиныч, стал благосклонен к нему, а начальник отделения между своими ровными стал выражать такое мнение, что ему нужно жену хоть бесприданницу, но красавицу, и еще такое мнение, что Павел Константиныч хороший чиновник.

Чем бы это кончилось, неизвестно; но начальник отделения собирался долго, благоразумно, а тут подвернулся другой случай.

Хозяйкин сын зашел к управляющему сказать, что матушка просит Павла Константиныча взять образцы разных обоев, потому что матушка хочет заново отделывать квартиру, в которой живет. А прежде подобные приказания отдавались через дворецкого. Конечно, дело понятное и не для таких бывалых людей, как Марья Алексевна с мужем. Хозяйкин сын, зашедши, просидел больше полчаса и удостоил выкушать чаю (цветочного).[7] Марья Алексевна на другой же день подарила дочери фермуар,[8] оставшийся невыкупленным в закладе, и заказала дочери два новых платья, очень хороших — одна материя стоила: на одно платье 40 руб., на другое 52 руб., а с оборками да лентами, да фасоном оба платья

обошлись 174 руб.; по крайней мере так сказала Марья Алексевна мужу, а Верочка знала, что всех денег вышло на них меньше 100 руб., — ведь покупки тоже делались при ней, — но ведь и на 100 руб. можно сделать два очень хорошие платья. Верочка радовалась платьям, радовалась фермуару, но больше всего радовалась тому, что мать наконец согласилась покупать ботинки ей у Королёва:[9] ведь на Толкучем рынке ботинки такие безобразные, а королёвские так удивительно сидят на ноге.

Платья не пропали даром: хозяйкин сын повадился ходить к управляющему и, разумеется, больше говорил с дочерью, чем с управляющим и управляющихой, которые тоже, разумеется, носили его на руках. Ну, и мать делала наставления дочери, всё как следует, — этого нечего и описывать, дело известное.

Однажды, после обеда, мать сказала:

— Верочка, одевайся, да получше. Я тебе приготовила суприз[10] — поедем в оперу, я во втором ярусе взяла билет, где всё генеральши бывают. Все для тебя, дурочка. Последних денег не жалею. У отца-то от расходов на тебя уж все животы подвело. В один пансион мадаме сколько переплатили, а фортепьянщику-то сколько! Ты этого ничего не чувствуешь, неблагодарная, нет, видно, души-то в тебе, бесчувственная ты этакая!

Только и сказала Марья Алексевна, больше не бранила дочь, а это какая же брань? Марья Алексевна только вот уж так и говорила с Верочкою, а браниться на нее давно перестала, и бить ни разу не била с той поры, как прошел слух про начальника отделения.

Поехали в оперу. После первого акта вошел в ложу хозяйкин сын, и с ним двое приятелей, — один статский, сухощавый и очень изящный, другой военный, полный и попроще. Сели и уселись, и много шептались между собою, все больше хозяйкин сын со статским, а военный говорил мало. Марья Алексевна вслушивалась, разбирала почти каждое слово, да мало могла понять, потому что они говорили всё по-французски. Слов пяток из их разговора она знала: belle, charmante, amour, bonheur[a] — да что толку в этих словах? Belle, charmante — Марья Алексевна и так уже давно слышит, что ее цыганка belle и charmante; amour — Марья Алексевна и сама видит, что он по уши врюхался в amour; а коли amour, то уж, разумеется, и bonheur, — что толку от этих слов? Но только что же, сватать-то скоро ли будет?

— Верочка, ты неблагодарная, как есть неблагодарная, — шепчет Марья Алексевна дочери: — что рыло-то воротишь от них? Обидели они тебя, что вошли? Честь тебе, дуре, делают. А свадьба-то по-французски — марьяж, что ли, Верочка? А как жених с невестою, а венчаться как по-французски?

Верочка сказала.

— Нет, таких слов что-то не слышно... Вера, да ты мне, видно, слова-то не так сказала? Смотри у меня!

[a] красивая, прелестная, любовь, счастье (*франц.*), — *Ред.*

— Нет, так; только этих слов вы от них не услышите. Поедемте, я не могу оставаться здесь дольше.

— Что? что ты сказала, мерзавка? — глаза у Марьи Алексевны налились кровью.

— Поедемте. Делайте потом со мною, что хотите, а я не останусь. Я вам скажу после, почему. — Маменька, — это уж было сказано вслух: — у меня очень разболелась голова. Я не могу сидеть здесь. Прошу вас!

Верочка встала.

Кавалеры засуетились.

— Это пройдет, Верочка, — строго, но чинно сказала Марья Алексевна: — походи по коридору с Михайлом Иванычем, и пройдет голова.

— Нет, не пройдет, я чувствую себя очень дурно. Скорее, маменька.

Кавалеры отворили дверь, хотели вести Верочку под руки, — отказалась, мерзкая девчонка! Сами подали салопы, сами пошли сажать в карету. Марья Алексевна гордо посматривала на лакеев: «Глядите, хамы, каковы кавалеры, — а вот этот моим зятем будет! Сама таких хамов заведу. А ты у меня ломайся, ломайся, мерзавка — я те поломаю!» — Но стой, стой, что-то говорит зятек ее скверной девчонке, сажая мерзкую гордячку в карету? Santé — это кажется, здоровье, savoir — узнаю, visite — и по-нашему то же, permettez — прошу позволения. Не уменьшилась злоба Марьи Алексевны от этих слов; но надо принять их в соображение. Карета двинулась.

— Что он тебе сказал, когда сажал?

— Он сказал, что завтра поутру зайдет узнать о моем здоровье.

— Не врешь, что завтра?

Верочка молчала.

— Счастлив твой бог! — однако не утерпела Марья Алексевна, рванула дочь за волосы — только раз, и то слегка. — Ну, пальцем не трону, только завтра чтоб была весела! Ночь спи, дура! Не вздумай плакать. Смотри, если увижу завтра, что бледна или глаза заплаканы! Спущала до сих пор... не спущу. Не пожалею смазливой-то рожи, уж заодно пропадать будет, так хоть дам себя знать!

— Я уж давно перестала плакать, вы знаете.

— То-то же, да будь с ним поразговорчивее.

— Да, я завтра буду с ним говорить.

— То-то, пора за ум взяться. Побойся бога да пожалей мать, срамница!

Прошло минут десять.

— Верочка, ты на меня не сердись. Я из любви к тебе бранюсь, тебе же добра хочу. Ты не знаешь, каковы дети милы матерям. Девять месяцев тебя в утробе носила! Верочка, отблагодари, будь послушна, сама увидишь, что к твоей пользе. Веди себя, как я учу, — завтра же предложенье сделает!

— Маменька, вы ошибаетесь. Он вовсе не думает делать предложения. Маменька! что́ они говорили!

— Знаю; коли не о свадьбе, так известно о чем. Да не на таковских напал. Мы его в бараний рог согнем. В мешке в церковь привезу, за виски вокруг налоя обведу, да еще рад будет. Ну, да нечего с тобой много говорить, и так лишнее наговорила: девушкам не следует этого знать, это материно дело. А девушка должна слушаться, она еще ничего не понимает. Так будешь с ним говорить, как я тебе велю?

— Да, буду с ним говорить.

— А вы, Павел Константиныч, что сидите, как пень? Скажите и вы от себя, что и вы как отец ей приказываете слушаться матери, что мать не станет учить ее дурному.

— Марья Алексевна, ты умная женщина, только дело-то опасное: не слишком ли круто хочешь вести!

— Дурак! вот брякнул, — при Верочке-то! Не рада, что и расшевелила! правду пословица говорит: не тронь дерма, не воняет! Эко бухнул! Ты не рассуждай, а скажи: должна дочь слушаться матери?

— Конечно, должна; что говорить, Марья Алексевна!

— Ну, так и приказывай как отец.

— Верочка, слушайся во всем матери. Твоя мать умная женщина, опытная женщина. Она не станет тебя учить дурному. Я тебе как отец приказываю.

Карета остановилась у ворот.

— Довольно, маменька. Я вам сказала, что буду говорить с ним. Я очень устала. Мне надобно отдохнуть.

— Ложись, спи. Не потревожу. Это нужно к завтрему. Хорошенько выспись.

Действительно, все время, как они всходили по лестнице, Марья Алексевна молчала, — а чего ей это стоило! и опять, чего ей стоило, когда Верочка пошла прямо в свою комнату, сказавши, что не хочет пить чаю, чего стоило Марье Алексевне ласковым голосом сказать:

— Верочка, подойди ко мне! — Дочь подошла. — Хочу тебя благословить на сон грядущий, Верочка. Нагни головку! — Дочь нагнулась. — Бог тебя благословит, Верочка, как я тебя благословляю.

Она три раза благословила дочь и подала ей поцеловать свою руку.

— Нет, маменька. Я уж давно сказала вам, что не буду целовать вашей руки. А теперь отпустите меня. Я в самом деле чувствую себя дурно.

Ах, как было опять вспыхнули глаза Марьи Алексевны. Но пересилила себя и кротко сказала:

— Ступай, отдохни.

Едва Верочка разделась и убрала платье, — впрочем, на это ушло много времени, потому что она все задумывалась: сняла браслет и долго сидела с ним в руке, вынула серьгу — и опять забылась, и много вре-

мени прошло, пока она вспомнила, что ведь она страшно устала, что ведь она даже не могла стоять перед зеркалом, а опустилась в изнеможении на стул, как добрела до своей комнаты, что надобно же поскорее раздеться и лечь, — едва Верочка легла в постель, в комнату вошла Марья Алексевна с подносом, на котором была большая отцовская чашка и лежала целая груда сухарей.

— Кушай, Верочка! Вот, кушай на здоровье! Сама тебе принесла: видишь, мать помнит о тебе! Сижу, да и думаю: как же это Верочка легла спать без чаю? сама пью, а сама все думаю. Вот и принесла. Кушай, моя дочка милая!

Странен показался Верочке голос матери: он в самом деле был мягок и добр, — этого никогда не бывало. Она с недоумением посмотрела на мать. Щеки Марьи Алексевны пылали, и глаза несколько блуждали.

— Кушай, я посижу, посмотрю на тебя. Выкушаешь, принесу другую чашку.

Чай, наполовину налитый густыми, вкусными сливками, разбудил аппетит. Верочка приподнялась на локоть и стала пить. — «Как вкусен чай, когда он свежий, густой и когда в нем много сахару и сливок! Чрезвычайно вкусен! Вовсе не похож на тот спитой, с одним кусочком сахару, который даже противен. Когда у меня будут свои деньги, я буду пить такой чай, как этот».

— Благодарю вас, маменька.

— Не спи, принесу другую. — Она вернулась с другою чашкою такого же прекрасного чаю. — Кушай, а я опять посижу.

С минуту она молчала, потом вдруг заговорила как-то особенно, то самою быстрою скороговоркою, то растягивая слова.

— Вот, Верочка, ты меня поблагодарила. Давно я не слышала от тебя благодарности. Ты думаешь, я злая. Да, я злая, только нельзя не быть злой! А слаба я стала, Верочка! от трех пуншей ослабела, а какие еще мои лета! Да и ты меня расстроила, Верочка, — очень огорчила! Я и ослабела. А тяжелая моя жизнь, Верочка. Я не хочу, чтобы ты так жила. Богато живи. Я сколько мученья приняла, Верочка, и-и-и, и-и-и, сколько! Ты не помнишь, как мы с твоим отцом жили, когда он еще не был управляющим! Бедно, и-и-и, как бедно жили, — а я тогда была честная, Верочка! Теперь я не честная, — нет, не возьму греха на душу, не солгу перед тобою, не скажу, что я теперь честная! Где уж, — то время давно прошло. Ты, Верочка, ученая, а я неученая, да я знаю все, что у вас в книгах написано; там и то написано, что не надо так делать, как со мною сделали. «Ты, говорят, нечестная!» Вот и отец твой, — тебе-то он отец, это Наденьке не он был отец, — голый дурак, а тоже колет мне глаза, надругается! Ну, меня и взяла злость: а когда, говорю, по-вашему я не честная, так я и буду такая! Наденька родилась. Ну, так что ж, что родилась? Меня этому кто научил? Кто должность-то получил? Тут моего греха меньше было, чем его. А они у меня ее отняли, в воспита-

тельный дом отдали, — и узнать-то было нельзя, где она, — так и не видала ее и не знаю, жива ли она... чать, уж где быть в живых! Ну, в теперешнюю пору мне бы мало горя, а тогда не так легко было, — меня пуще злость взяла! Ну и стала злая. Тогда и пошло все хорошо. Твоему отцу, дураку, должность доставил кто? — я доставила. А в управляющие кто его произвел? — я произвела. Вот и стали жить хорошо. А почему? — потому, что я стала нечестная да злая. Это, я знаю, у вас в книгах написано, Верочка, что только нечестным да злым и хорошо жить на свете. А это правда, Верочка! Вот теперь и у отца твоего деньги есть, — я предоставила; и у меня есть, может и побольше, чем у него, — все сама достала, на старость кусок хлеба приготовила. И отец твой, дурак, меня уважать стал, по струнке стал у меня ходить, я его вышколила! А то гнал меня, надругался надо мною. А за что? Тогда было не за что, — а за то, Верочка, что не была злая. А у вас в книгах, Верочка, написано, что не годится так жить, — а ты думаешь, я этого не знаю? Да в книгах-то у вас написано, что коли не так жить, так надо все по-новому завести, а по нынешнему заведенью нельзя так жить, как они велят, — так что ж они по новому-то порядку не заводят? Эх, Верочка, ты думаешь, я не знаю, какие у вас в книгах новые порядки расписаны? — знаю: хорошие. Только мы с тобой до них не доживем, больно глуп народ — где с таким народом хорошие-то порядки завести! Так станем жить по старым. И ты по ним живи. А старый порядок какой? У вас в книгах написано: старый порядок тот, чтобы обирать да обманывать. А это правда, Верочка. Значит, нового-то порядку нет, по старому и живи: обирай да обманывай; по любви тебе говор — хрр...

Марья Алексевна захрапела и повалилась.

II

Марья Алексевна знала, что говорилось в театре, но еще не знала, что выходило из этого разговора.

В то время как она, расстроенная огорчением от дочери и в расстройстве налившая много рому в свой пунш, уже давно храпела, Михаил Иваныч Сторешников ужинал в каком-то моднейшем ресторане с другими кавалерами, приходившими в ложу. В компании было еще четвертое лицо, — француженка, приехавшая с офицером. Ужин приближался к концу.

— Мсьё Сторешни́к! — Сторешников возликовал: француженка обращалась к нему в третий раз во время ужина, — мсьё Сторешни́к! вы позвольте мне так называть вас, это приятнее звучит и легче выговаривается, — я не думала, что я буду одна дама в вашем обществе; я надеялась увидеть здесь Адель, — это было бы приятно, я ее так редко вижу.

— Адель поссорилась со мною, к несчастью.

Офицер хотел сказать что-то, но промолчал.

— Не верьте ему, m-lle Жюли, — сказал статский, — он боится открыть вам истину, думает, что вы рассердитесь, когда узнаете, что он бросил француженку для русской.

— Я не знаю, зачем и мы-то сюда поехали! — сказал офицер.

— Нет, Серж, отчего же, когда Жан просил! и мне было очень приятно познакомиться с мсьё Сторешником. Но, мсьё Сторешни́к, фи, какой у вас дурной вкус! Я бы ничего не имела возразить, если бы вы покинули Адель для этой грузинки, в ложе которой были с ними обоими; но променять француженку на русскую... воображаю! бесцветные глаза, бесцветные жиденькие волосы, бессмысленное, бесцветное лицо... виновата, не бесцветное, а, как вы говорите, кровь со сливками, то есть кушанье, которое могут брать в рот только ваши эскимосы! Жан, подайте пепельницу грешнику против граций, пусть он посыплет пеплом свою преступную голову!

— Ты наговорила столько вздора, Жюли, что не ему, а тебе надобно посыпать пеплом голову, — сказал офицер: — ведь та, которую ты назвала грузинкою, — это она и есть русская-то.

— Ты смеешься надо мною?

— Чистейшая русская, — сказал офицер.

— Невозможно!

— Ты напрасно думаешь, милая Жюли, что в нашей нации один тип красоты, как в вашей. Да и у вас много блондинок. А мы, Жюли, смесь племен, от беловолосых, как финны («Да, да, финны», заметила для себя француженка), до черных, гораздо чернее итальянцев, — это татары, монголы («Да, монголы, знаю», заметила для себя француженка), — они все дали много своей крови в нашу! У нас блондинки, которых ты ненавидишь, только один из местных типов, — самый распространенный, но не господствующий.

— Это удивительно! но она великолепна! Почему она не поступит на сцену? Впрочем, господа, я говорю только о том, что я видела. Остается вопрос, очень важный: ее нога? Ваш великий поэт Карасен, говорили мне, сказал, что в целой России нет пяти пар маленьких и стройных ног.[11]

— Жюли, это сказал не Карасен, — и лучше зови его: Карамзин, — Карамзин был историк, да и то не русский, а татарский,[12] — вот тебе новое доказательство разнообразия наших типов. О ножках сказал Пушкин, — его стихи были хороши для своего времени, но теперь потеряли бо́льшую часть своей цены. Кстати, эскимосы живут в Америке, а наши дикари, которые пьют оленью кровь, называются самоеды.[13]

— Благодарю, Серж. Карамзин — историк; Пушкин — знаю; эскимосы в Америке; русские — самоеды; да, самоеды, — но это звучит очень мило, са-мо-е-ды! Теперь буду помнить. Я, господа, велю Сержу все это говорить мне, когда мы одни, или не в нашем обществе. Это очень полезно для разговора. Притом науки — моя страсть; я родилась быть

m-me Сталь,[14] господа. Но это посторонний эпизод. Возвращаемся к вопросу: ее нога?

— Если вы позволите мне завтра явиться к вам, m-lle Жюли, я буду иметь честь привезти к вам ее башмак.

— Привозите, я примерю. Это затрогивает мое любопытство.

Сторешников был в восторге: как же? — он едва цеплялся за хвост Жана, Жан едва цеплялся за хвост Сержа, Жюли — одна из первых француженок между француженками общества Сержа, — честь, великая честь!

— Нога удовлетворительна, — подтвердил Жан: — но я как человек положительный интересуюсь более существенным. Я рассматривал ее бюст.

— Бюст очень хорош, — сказал Сторешников, ободрявшийся выгодными отзывами о предмете его вкуса и уже замысливший, что может говорить комплименты Жюли, чего до сих пор не смел: — ее бюст очарователен, хотя, конечно, хвалить бюст другой женщины здесь — святотатство.

— Ха, ха, ха! Этот господин хочет сказать комплимент моему бюсту! Я не ипокритка[15] и не обманщица, мсьё Сторешни́к: я не хвалюсь и не терплю, чтобы другие хвалили меня за то, что у меня плохо. Слава богу, у меня еще довольно осталось, чем я могу хвалиться по правде. Но мой бюст — ха, ха, ха! Жан, вы видели мой бюст — скажите ему! Вы молчите, Жан? Вашу руку, мсьё Сторешни́к, — она схвати́ла его за руку, — чувствуете, что это не тело? Попробуйте еще здесь, — и здесь, — теперь знаете? Я ношу накладной бюст, как ношу платье, юбку, рубашку, не потому, чтоб это мне нравилось, — по-моему, было бы лучше без этих ипокритств, — а потому, что это так принято в обществе. Но женщина, которая столько жила, как я, — и как жила, мсьё Сторешни́к! я теперь святая, схимница перед тем, что была, — такая женщина не может сохранить бюста! — И вдруг она заплакала: — мой бюст! мой бюст! моя чистота! о, боже, затем ли я родилась?

— Вы лжете, господа, — закричала она, вскочила и ударила кулаком по столу: — вы клевещете! Вы низкие люди! она не любовница его! он хочет купить ее! Я видела, как она отворачивалась от него, горела негодованьем и ненавистью. Это гнусно!

— Да, — сказал статский, лениво потягиваясь: — ты прихвастнул, Сторешников; у вас дело еще не кончено, а ты уж наговорил, что живешь с нею, даже разошелся с Аделью для лучшего заверения нас. Да, ты описывал нам очень хорошо, но описывал то, чего еще не видал; впрочем, это ничего: не за неделю до нынешнего дня, так через неделю после нынешнего дня, — это все равно. И ты не разочаруешься в описаниях, которые делал по воображению; найдешь даже лучше, чем думаешь. Я рассматривал: останешься доволен.

Сторешников был вне себя от ярости:

— Нет, m-lle Жюли, вы обманулись, смею вас уверить, в вашем заключении; простите, что осмеливаюсь противоречить вам, но она — моя любовница. Это была обыкновенная любовная ссора от ревности; она видела, что я первый акт сидел в ложе m-lle Матильды, — только и всего!

— Врешь, мой милый, врешь, — сказал Жан и зевнул.

— А не вру, не вру.

— Докажи. Я человек положительный и без доказательств не верю.

— Какие же доказательства я могу тебе представить?

— Ну вот и пятишься, и уличаешь себя, что врешь. Какие доказательства? Будто трудно найти? Да вот тебе: завтра мы собираемся ужинать опять здесь. M-lle Жюли будет так добра, что привезет Сержа, я привезу свою миленькую Берту, ты привезешь ее. Если привезешь — я проиграл, ужин на мой счет; не привезешь — изгоняешься со стыдом из нашего круга! — Жан дернул сонетку; вошел слуга. — Simon, будьте так добры: завтра ужин на шесть персон, точно такой, как был, когда я венчался у вас с Бертою, — помните, пред рождеством? — и в той же комнате.

— Как не помнить такого ужина, мсьё! Будет исполнено.

Слуга вышел.

— Гнусные люди! гадкие люди! я была два года уличною женщиною в Париже, я полгода жила в доме, где собирались воры, я и там не встречала троих таких низких людей вместе! Боже мой, с кем я принуждена жить в обществе! За что такой позор мне, о боже? — Она упала на колени. — Боже! я слабая женщина! Голод я умела переносить, но в Париже так холодно зимой! Холод был так силен, обольщения так хитры! Я хотела жить, я хотела любить, — боже! ведь это не грех, — за что же ты так наказываешь меня? Вырви меня из этого круга, вырви меня из этой грязи! Дай мне силу сделаться опять уличною женщиною в Париже, я не прошу у тебя ничего другого, я недостойна ничего другого, но освободи меня от этих людей, от этих гнусных людей! — Она вскочила и подбежала к офицеру: — Серж, и ты такой же? Нет, ты лучше их! («Лучше», флегматически заметил офицер.) Разве это не гнусно?

— Гнусно, Жюли.

— И ты молчишь? допускаешь? соглашаешься? участвуешь?

— Садись ко мне на колени, моя милая Жюли. — Он стал ласкать ее, она успокоилась. — Как я люблю тебя в такие минуты! Ты славная женщина. Ну, что ты не соглашаешься повенчаться со мною? сколько раз я просил тебя об этом! Согласись.

— Брак? ярмо? предрассудок? Никогда! я запретила тебе говорить мне такие глупости. Не серди меня. Но... Серж, милый Серж! запрети ему! он тебя боится, — спаси ее!

— Жюли, будь хладнокровнее. Это невозможно. Не он, так другой, все равно. Да вот, посмотри, Жан уже думает отбить ее у него, а таких

Жанов тысячи, ты знаешь. От всех не убережешь, когда мать хочет торговать дочерью. Лбом стену не прошибешь, говорим мы, русские. Мы умный народ, Жюли. Видишь, как спокойно я живу, приняв этот наш русский принцип.

— Никогда! Ты раб, француженка свободна. Француженка борется, — она падает, но она борется! Я не допущу! Кто она? Где она живет? Ты знаешь?

— Знаю.

— Едем к ней. Я предупрежу ее.

— В первом-то часу ночи? Поедем-ко лучше спать. До свиданья, Жан. До свиданья, Сторешников. Разумеется, вы не будете ждать Жюли и меня на ваш завтрашний ужин: вы видите, как она раздражена. Да и мне, сказать по правде, эта история не нравится. Конечно, вам нет дела до моего мнения. До свиданья.

— Экая бешеная француженка, — сказал статский, потягиваясь и зевая, когда офицер и Жюли ушли. — Очень пикантная женщина, но это уж чересчур. Очень приятно видеть, когда хорошенькая женщина будирует,[16] но с нею я не ужился бы четыре часа, не то что четыре года. Конечно, Сторешников, наш ужин не расстраивается от ее каприза. Я привезу Поля с Матильдою вместо них. А теперь пора по домам. Мне еще нужно заехать к Берте и потом к маленькой Лотхен, которая очень мила.

III

— Ну, Вера, хорошо. Глаза не заплаканы. Видно, поняла, что мать говорит правду, а то все на дыбы подымалась, — Верочка сделала нетерпеливое движение, — ну хорошо, не стану говорить, не расстраивайся. А я вчера так и заснула у тебя в комнате, может, наговорила чего лишнего. Я вчера не в своем виде была. Ты не верь тому, что я с пьяных-то глаз наговорила, — слышишь? не верь.

Верочка опять видела прежнюю Марью Алексевну. Вчера ей казалось, что из-под зверской оболочки проглядывают человеческие черты, теперь опять зверь, и только. Верочка усиливалась победить в себе отвращение, но не могла. Прежде она только ненавидела мать, вчера думалось ей, что она перестает ее ненавидеть, будет только жалеть, — теперь опять она чувствовала ненависть, но и жалость осталась в ней.

— Одевайся, Верочка! чать, скоро придет. — Она очень заботливо осмотрела наряд дочери. — Если ловко поведешь себя, подарю серьги с большими-то изумрудами, — они старого фасона, но если переделать, выйдет хорошая брошка. В залоге остались за 150 р., с процентами 250, а стоят больше 400. Слышишь, подарю.

Явился Сторешников. Он вчера долго не знал, как ему справиться с задачею, которую накликал на себя; он шел пешком из ресторана домой

и все думал. Но пришел домой уже спокойный — придумал, пока шел, — и теперь был доволен собой.

Он справился о здоровье Веры Павловны — «я здорова»; он сказал, что очень рад, и навел речь на то, что здоровьем надобно пользоваться, — «конечно, надобно», а по мнению Марьи Алексевны, «и молодостью также»; он совершенно с этим согласен, и думает, что хорошо было бы воспользоваться нынешним вечером для поездки за город: день морозный, дорога чудесная. — С кем же он думает ехать? «Только втроем: вы, Марья Алексевна, Вера Павловна и я». В таком случае Марья Алексевна совершенно согласна; но теперь она пойдет готовить кофе и закуску, а Верочка споет что-нибудь. «Верочка, ты споешь что-нибудь?» — прибавляет она тоном, не допускающим возражений. — «Спою».

Верочка села к фортепьяно и запела «Тройку» — тогда эта песня была только что положена на музыку,[17] — по мнению, питаемому Марьей Алексевною за дверью, эта песня очень хороша: девушка засмотрелась на офицера, — Верка-то, когда захочет, ведь умная, шельма! — Скоро Верочка остановилась: и это всё так; Марья Алексевна так и велела: немножко пропой, а потом заговори. — Вот Верочка и говорит, только, к досаде Марьи Алексевны, по-французски, — «экая дура я какая, забыла сказать, чтобы по-русски»; — но Вера говорит тихо... улыбнулась, — ну, значит ничего, хорошо. Только что ж он-то выпучил глаза? впрочем, дурак, так дурак и есть, он только и умеет хлопать глазами. А нам таких-то и надо. Вот, подала ему руку — умна стала Верка, хвалю.

— Мсьё Сторешников, я должна говорить с вами серьезно. Вчера вы взяли ложу, чтобы выставить меня вашим приятелям как вашу любовницу. Я не буду говорить вам, что это бесчестно: если бы вы были способны понять это, вы не сделали бы так. Но я предупреждаю вас: если вы осмелитесь подойти ко мне в театре, на улице, где-нибудь, — я даю вам пощечину. Мать замучит меня (вот тут-то Верочка улыбнулась), но пусть будет со мною, что будет, все равно! Нынче вечером вы получите от моей матери записку, что катанье наше расстроилось, потому что я больна.

Он стоял и хлопал глазами, как уже и заметила Марья Алексевна.

— Я говорю с вами, как с человеком, в котором нет ни искры чести. Но, может быть, вы еще не до конца испорчены. Если так, я прошу вас: перестаньте бывать у нас. Тогда я прощу вам вашу клевету. Если вы согласны, дайте вашу руку, — она протянула ему руку: он взял ее, сам не понимая, что делает.

— Благодарю вас. Уйдите же. Скажите, что вам надобно торопиться приготовить лошадей для поездки.

Он опять похлопал глазами. Она уже обернулась к нотам и продолжала «Тройку». Жаль, что не было знатоков; любопытно было послушать: верно, не часто им случалось слушать пение с таким чувством; даже уж слишком много было чувства, не артистично.

Через минуту Марья Алексевна вошла, и кухарка втащила поднос с кофе и закускою. Михаил Иваныч, вместо того чтобы сесть за кофе, пятился к дверям.

— Куда же вы, Михаил Иваныч?

— Я тороплюсь, Марья Алексевна, распорядиться лошадьми.

— Да еще успеете, Михаил Иваныч. — Но Михаил Иваныч был уже за дверями.

Марья Алексевна бросилась из передней в зал с поднятыми кулаками.

— Что ты сделала, Верка проклятая? А? — но проклятой Верки уже не было в зале; мать бросилась к ней в комнату, но дверь верочкиной комнаты была заперта; мать надвинула всем корпусом на дверь, чтобы выломать ее, но дверь не подавалась, а проклятая Верка сказала:

— Если вы будете выламывать дверь, я разобью окно и стану звать на помощь. А вам не дамся в руки живая.

Марья Алексевна долго бесновалась, но двери не ломала; наконец устала кричать. Тогда Верочка сказала:

— Маменька, прежде я только не любила вас; а со вчерашнего вечера мне стало вас и жалко. У вас было много горя, и оттого вы стали такая. Я прежде не говорила с вами, а теперь хочу говорить, только когда вы не будете сердиться. Поговорим тогда хорошенько, как прежде не говорили.

Конечно, не очень-то приняла к сердцу эти слова Марья Алексевна; но утомленные нервы просят отдыха, и у Марьи Алексевны стало рождаться раздумье: не лучше ли вступить в переговоры с дочерью, когда она, мерзавка, уж совсем отбивается от рук? Ведь без нее ничего нельзя сделать, ведь не женишь же без ней на ней Мишку дурака! Да ведь еще и неизвестно, что она ему сказала, — ведь они руки пожали друг другу, — что ж это значит?

Так и сидела усталая Марья Алексевна, раздумывая между свирепством и хитростью, когда раздался звонок. Это были Жюли с Сержем.

IV

— Серж, говорит по-французски ее мать? — было первое слово Жюли, когда она проснулась.

— Не знаю; а ты еще не выкинула из головы этой мысли?

Нет, не выкинула. И когда, сообразивши все приметы в театре, решили, что, должно быть, мать этой девушки не говорит по-французски, Жюли взяла с собою Сержа переводчиком. Впрочем, уж такая была его судьба, что пришлось бы ему ехать, хотя бы матерью Верочки был кардинал Меццофанти;[18] и он не роптал на судьбу, а ездил повсюду при Жюли, вроде наперсницы корнелевской героини.[19] Жюли проснулась поздно, по дороге заезжала к Вихман,[20] потом, уже не по дороге, а по надобности, еще в четыре магазина. Таким образом, Михаил Иваныч

успел объясниться, Марья Алексевна успела набеситься и насидеться, пока Жюли и Серж доехали с Литейной на Гороховую.

— А под каким же предлогом мы приехали? фи, какая гадкая лестница! Таких я и в Париже не знала.

— Все равно, что вздумается. Мать дает деньги в залог, сними брошку. Или вот, еще лучше: она дает уроки на фортепьяно. Скажем, что у тебя есть племянница.

Матрена в первый раз в жизни устыдилась своей разбитой скулы, узрев мундир Сержа и в особенности великолепие Жюли: такой важной дамы она еще никогда не видывала лицом к лицу. В такое же благоговение и неописанное изумление пришла Марья Алексевна, когда Матрена объявила, что изволили пожаловать полковник NN с супругою. Особенно это: «с супругою!» — Тот круг, сплетни о котором спускались до Марьи Алексевны, возвышался лишь до действительно статского слоя общества, а сплетни об настоящих аристократах уже замирали в пространстве на половине пути до Марьи Алексевны; потому она так и поняла в полном законном смысле имена «муж и жена», которые давали друг другу Серж и Жюли по парижскому обычаю. Марья Алексевна оправилась наскоро и выбежала.

Серж сказал, что очень рад вчерашнему случаю и проч., что у его жены есть племянница и проч., что его жена не говорит по-русски и потому он переводчик.

— Да, могу благодарить моего создателя, — сказала Марья Алексевна: — у Верочки большой талант учить на фортопьянах, и я за счастье почту, что она вхожа будет в такой дом; только учительница-то моя не совсем здорова, — Марья Алексевна говорила особенно громко, чтобы Верочка услышала и поняла появление перемирия, а сама, при всем благоговении, так и впивалась глазами в гостей: — не знаю, в силах ли будет выйти и показать вам пробу свою на фортопьянах. — Верочка, друг мой, можешь ты выйти или нет?

Какие-то посторонние люди, — сцены не будет, — почему ж не выйти? Верочка отперла дверь, взглянула на Сержа и вспыхнула от стыда и гнева.

Этого не могли бы не заметить и плохие глаза, а у Жюли были глаза чуть ли не позорче, чем у самой Марьи Алексевны. Француженка начала прямо:

— Милое дитя мое, вы удивляетесь и смущаетесь, видя человека, при котором были вчера так оскорбляемы, который, вероятно, и сам участвовал в оскорблениях. Мой муж легкомыслен, но он все-таки лучше других повес. Вы его извините для меня, я приехала к вам с добрыми намерениями. Уроки моей племяннице — только предлог; но надобно поддержать его. Вы сыграете что-нибудь, — покороче, — мы пойдем в вашу комнату и переговорим. Слушайтесь меня, дитя мое.

Та ли это Жюли, которую знает вся аристократическая молодежь Петербурга? Та ли это Жюли, которая отпускает шутки, заставляющие

краснеть иных повес? Нет, это княгиня, до ушей которой никогда не доносилось ни одно грубоватое слово.

Верочка села делать свою пробу на фортепьяно. Жюли стала подле нее, Серж занимался разговором с Марьей Алексевною, чтобы выведать, каковы именно ее дела с Сторешниковым. Через несколько минут Жюли остановила Верочку, взяла ее за талью, прошлась с нею по залу, потом увела ее в ее комнату. Серж пояснил, что его жена довольна игрою Верочки, но хочет потолковать с нею, потому что нужно знать и характер учительницы и т. д., и продолжал наводить разговор на Сторешникова. Все это было прекрасно, но Марья Алексевна смотрела все зорче и подозрительнее.

— Милое дитя мое, — сказала Жюли, вошедши в комнату Верочки: — ваша мать очень дурная женщина. Но чтобы мне знать, как говорить с вами, прошу вас, расскажите, как и зачем вы были вчера в театре? Я уже знаю все это от мужа, но из вашего рассказа я узнаю ваш характер. Не опасайтесь меня. — Выслушавши Верочку, она сказала: — Да, с вами можно говорить, вы имеете характер, — и в самых осторожных, деликатных выражениях рассказала ей о вчерашнем пари; на это Верочка отвечала рассказом о предложении кататься.

— Что ж, он хотел обмануть вашу мать, или они оба были в заговоре против вас? — Верочка горячо стала говорить, что ее мать уж не такая же дурная женщина, чтобы быть в заговоре. — Я сейчас это увижу, — сказала Жюли. — Вы оставайтесь здесь, — вы там лишняя. — Жюли вернулась в залу.

— Серж, он уже звал эту женщину и ее дочь кататься нынче вечером. Расскажи ей о вчерашнем ужине.

— Ваша дочь нравится моей жене, теперь надобно только условиться в цене — и, вероятно, мы не разойдемся из-за этого. Но позвольте мне докончить наш разговор о нашем общем знакомом. Вы его очень хвалите. А известно ли вам, что он говорит о своих отношениях к вашему семейству, — например, с какою целью он приглашал нас вчера в вашу ложу?

В глазах Марьи Алексевны, вместо выпытывающего взгляда, блеснул смысл: «так и есть».

— Я не сплетница, — отвечала она с неудовольствием: — сама не разношу вестей и мало их слушаю! — Это было сказано не без колкости, при всем ее благоговении к посетителю. — Мало ли что болтают молодые люди между собою; этим нечего заниматься.

— Хорошо-с; ну, а вот это вы назовете сплетнями? — Он стал рассказывать историю ужина. Марья Алексевна не дала ему докончить: как только произнес он первое слово о пари, она вскочила и с бешенством закричала, совершенно забывши важность гостей:

— Так вот они, штуки-то какие! Ах он, разбойник! Ах он, мерзавец! Так вот зачем он кататься-то звал! он хотел меня за городом-то на тот

свет отправить, чтобы беззащитную девушку обесчестить! Ах он, скверпавец! — и так далее. Потом она стала благодарить гостя за спасение жизни ее и чести ее дочери. — То-то, батюшка, я уж и сначала догадывалась, что вы что-нибудь неспросту приехали, что уроки-то уроками, а цель у вас другая, да я не то полагала; я думала, у вас ему другая невеста приготовлена, вы его у нас отбить хотите, — погрешила на вас, окаянная, простите великодушно. Вот, можно сказать, по гроб жизни облагодетельствовали, — и т. д. Ругательства, благодарности, извинения долго лились беспорядочным потоком.

Жюли недолго слушала эту бесконечную речь, смысл которой был ясен для нее из тона голоса и жестов; с первых слов Марьи Алексевны француженка встала и вернулась в комнату Верочки.

— Да, ваша мать не была его сообщницею и теперь очень раздражена против него. Но я хорошо знаю таких людей, как ваша мать. У них никакие чувства не удержатся долго против денежных расчетов; она скоро опять примется ловить жениха, и чем это может кончиться, бог знает; во всяком случае, вам будет очень тяжело. На первое время она оставит вас в покое; но я вам говорю, что это будет ненадолго. Что вам теперь делать? Есть у вас родные в Петербурге?

— Нет.

— Это жаль. У вас есть любовник? — Верочка не знала, как и отвечать на это, она только странно раскрыла глаза. — Простите, простите, это видно, но тем хуже. Значит, у вас нет приюта. Как же быть? Ну, слушайте. Я не то, чем вам показалась. Я не жена ему, я у него на содержаньи. Я известна всему Петербургу как самая дурная женщина. Но я честная женщина. Прийти ко мне — для вас значит потерять репутацию; довольно опасно для вас и то, что я уже один раз была в этой квартире, а приехать к вам во второй раз было бы, наверное, губить вас. Между тем надобно еще увидеться с вами, быть может, и не раз, — то есть, если вы доверяете мне. Да? — Так когда вы завтра можете располагать собою?

— Часов в двенадцать, — сказала Верочка. Это для Жюли немного рано, но все равно, она велит разбудить себя и встретится с Верочкою в той линии Гостиного двора, которая противоположна Невскому;[21] она короче всех, там легко найти друг друга, и там никто не знает Жюли.

— Да, вот еще счастливая мысль: дайте мне бумаги, я напишу этому негодяю письмо, чтобы взять его в руки. — Жюли написала: «Мсьё Сторешников, вы теперь, вероятно, в большом затруднении; если хотите избавиться от него, будьте у меня в 7 часов. Ж. Ле-Теллье».[22] — Теперь прощайте!

Жюли протянула руку, но Верочка бросилась к ней на шею, и целовала, и плакала, и опять целовала. А Жюли и подавно не выдержала, — ведь она не была так воздержна на слезы, как Верочка, да и очень ей трогательна была радость и гордость, что она делает благородное дело;

она пришла в экстаз, говорила, говорила, все со слезами и поцелуями, и заключила восклицанием:

— Друг мой, милое мое дитя! о, не дай тебе бог никогда узнать, что чувствую я теперь, когда после многих лет в первый раз прикасаются к моим губам чистые губы. Умри, но не давай поцелуя без любви!

V

План Сторешникова был не так человекоубийствен, как предположила Марья Алексевна: она, по своей манере, дала делу слишком грубую форму, но сущность дела отгадала. Сторешников думал попозже вечером завезти своих дам в ресторан, где собирался ужин; разумеется, они все замерзли и проголодались, надобно погреться и выпить чаю; он всыплет опиуму в чашку или рюмку Марье Алексевне; Верочка растеряется, увидев мать без чувств; он заведет Верочку в комнату, где ужин, — вот уже пари и выиграно; что дальше — как случится. Может быть, Верочка в своем смятении ничего не поймет и согласится посидеть в незнакомой компании, а если и сейчас уйдет, — ничего, это извинят, потому что она только вступила на поприще авантюристки, и, натурально, совестится па первых порах. Потом он уладится деньгами с Марьей Алексевною, — ведь ей уж нечего будет делать.

Но теперь как ему быть? он проклинал свою хвастливость перед приятелями, свою ненаходчивость при внезапном кру́том сопротивлении Верочки, желал себе провалиться сквозь землю. И в этаком-то расстройстве и сокрушении духа — письмо от Жюли, целительный бальзам на рану, луч спасения в непроглядном мраке, столбовая дорога под ногою тонувшего в бездонном болоте. О, она поможет, она умнейшая женщина, она может все придумать! благороднейшая женщина! — Минут за десять до 7 часов он был уже перед ее дверью. — «Изволят ждать и приказали принять».

Как величественно сидит она, как строго смотрит! Едва наклонила голову в ответ на его поклон. «Очень рада вас видеть, прошу садиться». — Ни один мускул не пошевелился в ее лице. Будет сильная головомойка, — ничего, ругай, только спаси.

— Мсьё Сторешни́к, — начала она холодным, медленным тоном: — вам известно мое мнение о деле, по которому мы видимся теперь и которое, стало быть, мне не нужно вновь характеризовать. Я видела ту молодую особу, о которой был вчера разговор, слышала о вашем нынешнем визите к ним, следовательно знаю все, и очень рада, что это избавляет меня от тяжелой необходимости расспрашивать вас о чем-либо. Ваше положение с одинаковою определенностью ясно и мне и вам («господи, лучше бы ругалась!» думает подсудимый). Мне кажется, что вы не можете выйти из него без посторонней помощи и не можете ждать успешной помощи ни от кого, кроме меня. Если вы имеете возразить что-нибудь, я жду. —

Итак (после паузы), вы подобно мне полагаете, что никто другой не в состоянии помочь вам, — выслушайте же, что я могу и хочу сделать для вас; если предлагаемое мною пособие покажется вам достаточно, я выскажу условия, на которых согласна оказать его.

И тем же длинным, длинным манером официального изложения она сказала, что может послать Жану письмо, в котором скажет, что после вчерашней вспышки передумала, хочет участвовать в ужине, но что нынешний вечер у нее уже занят, что поэтому она просит Жана уговорить Сторешникова отложить ужин — о времени его она после условится с Жаном. Она прочла это письмо, — в письме слышалась уверенность, что Сторешников выиграет пари, что ему досадно будет отсрочивать свое торжество. Достаточно ли будет этого письма? — конечно. В таком случае, — продолжает Жюли все тем же длинным, длинным тоном официальных записок, — она отправит письмо на двух условиях — «вы можете принять или не принять их; вы принимаете их — я отправляю письмо; вы отвергаете их — я жгу письмо», и т. д., все в этой же бесконечной манере, вытягивающей душу из спасаемого. Наконец и условия. Их два: — «Первое: вы прекращаете всякие преследования молодой особы, о которой мы говорим; второе: вы перестаете упоминать ее имя в ваших разговорах». — «Только-то! — думает спасаемый: — я думал, уж она чорт знает чего потребует, и уж чорт знает на что ни был бы готов». Он согласен, и на его лице восторг от легкости условий, но Жюли не смягчается ничем, и все тянет, и все объясняет... «первое — нужно для нее, второе — также для нее, но еще более для вас: я отложу ужин на неделю, потом еще на неделю, и дело забудется; но вы поймете, что другие забудут его только в том случае, когда вы не будете напоминать о нем каким бы то ни было словом о молодой особе, о которой» и т. д. И все объясняется, все доказывается, даже то, что письмо будет получено Жаном еще вовремя. — «Я справлялась, он обедает у Берты» и т. д., — «он поедет к вам, когда докурит свою сигару» и т. д., и все в таком роде и, например, в таком: «Итак, письмо отправляется, я очень рада. Потрудитесь перечесть его, — я не имею и не требую доверия. Вы прочли, — потрудитесь сам запечатать его, — вот конверт. — Я звоню. — Полина, вы потрудитесь передать это письмо» и т. д. — «Полина, я не виделась нынче с мсьё Сторешником, он не был здесь, — вы понимаете?» — Около часа тянулось это мучительное спасание. Наконец письмо отправлено, и спасенный дышит свободнее, но пот льет с него градом, и Жюли продолжает:

— Через четверть часа вы должны будете спешить домой, чтобы Жан застал вас. Но четвертью часа вы еще можете располагать, и я воспользуюсь ею, чтобы сказать вам несколько слов; вы последуете или не последуете совету, в них заключающемуся, но вы зрело обдумаете его. Я не буду говорить об обязанностях честного человека относительно девушки, имя которой он компрометировал: я слишком хорошо знаю нашу светскую молодежь, чтобы ждать пользы от рассмотрения этой стороны во-

проса. Но я нахожу, что женитьба на молодой особе, о которой мы говорим, была бы выгодна для вас. Как женщина прямая, я изложу вам основания такого моего мнения с полною ясностью, хотя некоторые из них и щекотливы для вашего слуха, — впрочем, малейшего вашего слова будет достаточно, чтобы я остановилась. Вы человек слабого характера и рискуете попасться в руки дурной женщины, которая будет мучить вас и играть вами. Она добра и благородна, потому не стала бы обижать вас. Женитьба на ней, несмотря на низкость ее происхождения и, сравнительно с вами, бедность, очень много двинула бы вперед вашу карьеру: она, будучи введена в большой свет, при ваших денежных средствах, при своей красоте, уме и силе характера, заняла бы в нем блестящее место; выгоды от этого для всякого мужа понятны. Но кроме тех выгод, которые получил бы всякий другой муж от такой жены, вы, по особенностям вашей натуры, более чем кто-либо нуждаетесь в содействии, — скажу прямее: в руководстве. Каждое мое слово было взвешено; каждое — основано на наблюдении над нею. Я не требую доверия, но рекомендую вам обдумать мой совет. Я сильно сомневаюсь, чтобы она приняла вашу руку; но если бы она приняла ее, это было бы очень выгодно для вас. Я не удерживаю вас более, вам надобно спешить домой.

VI

Марья Алексевна, конечно, уже не претендовала на отказ Верочки от катанья, когда увидела, что Мишка-дурак вовсе не такой дурак, а чуть было даже не поддел ее. Верочка была оставлена в покое и на другое утро без всякой помехи отправилась в Гостиный двор.

— Здесь морозно, я не люблю холода, — сказала Жюли: — надобно куда-нибудь отправиться. Куда бы? погодите, я сейчас вернусь из этого магазина. — Она купила густой вуаль для Верочки. — Наденьте, тогда можете ехать ко мне безопасно. Только не подымайте вуаля, пока мы не останемся одни. Полина очень скромна, но я не хочу, чтоб и она вас видела. Я слишком берегу вас, дитя мое! — Действительно, она сама была в салопе и шляпе своей горничной и под густым вуалем. Когда Жюли отогрелась, выслушала все, что имела нового Верочка, она рассказала про свое свиданье с Сторешниковым.

— Теперь, милое дитя мое, нет никакого сомнения, что он сделает вам предложение. Эти люди влюбляются по уши, когда их волокитство отвергается. Знаете ли вы, дитя мое, что вы поступили с ним, как опытная кокетка? Кокетство, — я говорю про настоящее кокетство, а не про глупые, бездарные подделки под него: они отвратительны, как всякая плохая подделка под хорошую вещь, — кокетство — это ум и такт в применении к делам женщины с мужчиною. Потому совершенно наивные девушки без намерения действуют, как опытные кокетки, если имеют ум и такт. Может быть, и мои доводы отчасти подействуют на него, но

главное — ваша твердость. Как бы то ни было, он сделает вам предложение, я советую вам принять его.

— Вы, которая вчера сказали мне: лучше умереть, чем дать поцелуй без любви?

— Милое дитя мое, это было сказано в увлечении; в минуты увлечения оно верно и хорошо! Но жизнь — проза и расчет.

— Нет, никогда, никогда! Он гадок, это отвратительно! Я не унижусь, пусть меня съедят, я брошусь из окна, я пойду собирать милостыню... но отдать руку гадкому, низкому человеку — нет, лучше умереть.

Жюли стала объяснять выгоды: вы избавитесь от преследований матери, вам грозит опасность быть проданной, он не зол, а только недалек; недалекий и незлой муж лучше всякого другого для умной женщины с характером, вы будете госпожою в доме. Она в ярких красках описывала положение актрис, танцовщиц, которые не подчиняются мужчинам в любви, а господствуют над ними: «это самое лучшее положение в свете для женщины, кроме того положения, когда к такой же независимости и власти еще присоединяется со стороны общества формальное признание законности такого положения, то есть когда муж относится к жене как поклонник актрисы к актрисе». Она говорила много, Верочка говорила много, обе разгорячились, Верочка, наконец, дошла до пафоса.

— Вы называете меня фантазеркою, спрашиваете, чего же я хочу от жизни? Я не хочу ни властвовать, ни подчиняться, я не хочу ни обманывать, ни притворяться, я не хочу смотреть на мнение других, добиваться того, что рекомендуют мне другие, когда мне самой этого не нужно. Я не привыкла к богатству — мне самой оно не нужно, — зачем же я стану искать его только потому, что другие думают, что оно всякому приятно и, стало быть, должно быть приятно мне? Я не была в обществе, не испытывала, что значит блистать, и у меня еще нет влечения к этому, — зачем же я стану жертвовать чем-нибудь для блестящего положения только потому, что, по мнению других, оно приятно? Для того, что не нужно мне самой, я не пожертвую ничем — не только собой, даже малейшим капризом не пожертвую. Я хочу быть независима и жить посвоему; что нужно мне самой, на то я готова; чего мне не нужно, того не хочу и не хочу. Что нужно мне будет, я не знаю; вы говорите: я молода, неопытна, со временем переменюсь, — ну что ж, когда переменюсь, тогда и переменюсь, а теперь не хочу, не хочу, не хочу ничего, чего не хочу! А чего я хочу теперь, вы спрашиваете? — ну да, я этого не знаю. Хочу ли я любить мужчину? — Я не знаю, — ведь я вчера поутру, когда вставала, не знала, что мне захочется полюбить вас; за несколько часов до того, как полюбила вас, не знала, что полюблю, и не знала, как это я буду чувствовать, когда полюблю вас. Так теперь я не знаю, что я буду чувствовать, если я полюблю мужчину, я знаю только то, что не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничем, чтобы никто не смел сказать мне: ты обязана делать для меня что-нибудь!

Я хочу делать только то, чего буду хотеть, и пусть другие делают так же; я не хочу ни от кого требовать ничего, я хочу не стеснять ничьей свободы и сама хочу быть свободна.

Жюли слушала и задумывалась, задумывалась и краснела и — ведь она не могла не вспыхивать, когда подле был огонь, — вскочила и прерывающимся голосом заговорила:

— Так, дитя мое, так! Я и сама бы так чувствовала, если б не была развращена. Не тем я развращена, за что называют женщину погибшей, не тем, что было со мною, что я терпела, от чего страдала, не тем я развращена, что тело мое было предано поруганью, а тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою, нуждаюсь в других, угождаю, делаю то, чего не хочу, — вот это разврат! Не слушай того, что я тебе говорила, дитя мое: я развращала тебя — вот мученье! Я не могу прикасаться к чистому, не оскверняя; беги меня, дитя мое, я гадкая женщина, — не думай о свете! Там все гадкие, хуже меня; где праздность, там гнусность, где роскошь, там гнусность! — Беги, беги!

VII

Сторешников чаще и чаще начал думать: а что, как я в самом деле возьму да женюсь на ней? С ним произошел случай, очень обыкновенный в жизни не только людей несамостоятельных в его роде, а даже и людей с независимым характером. Даже в истории народов: этими случаями наполнены томы Юма и Гиббона, Ранке и Тьерри;[23] люди толкаются, толкаются в одну сторону только потому, что не слышат слова: «а попробуйте-ко, братцы, толкнуться в другую», — услышат и начнут поворачиваться направо кругом, и пошли толкаться в другую сторону. Сторешников слышал и видел, что богатые молодые люди приобретают себе хорошеньких небогатых девушек в любовницы, —ну, он и добивался сделать Верочку своею любовницею: другого слова не приходило ему в голову; услышал он другое слово: «можно жениться», — ну, и стал думать на тему «жена», как прежде думал на тему «любовница».

Это общая черта, по которой Сторешников очень удовлетворительно изображал в своей особе девять десятых долей истории рода человеческого. Но историки и психологи говорят, что в каждом частном факте общая причина «индивидуализируется» (по их выражению) местными, временными, племенными и личными элементами, и будто бы они-то, особенные-то элементы, и важны, — то есть, что все ложки хотя и ложки, но каждый хлебает суп или щи тою ложкою, которая у него, именно вот у него в руке, и что именно вот эту-то ложку надобно рассматривать. Почему не рассмотреть.

Главное уже сказала Жюли (точно читала она русские романы, которые все об этом упоминают!): сопротивление разжигает охоту. Сторешников привык мечтать, как он будет «обладать» Верочкою.

Подобно Жюли, я люблю называть грубые вещи прямыми именами грубого и пошлого языка, на котором почти все мы почти постоянно думаем и говорим. Сторешников уже несколько недель занимался тем, что воображал себе Верочку в разных позах, и хотелось ему, чтобы эти картины осуществились. Оказалось, что она не осуществит их в звании любовницы, — ну пусть осуществляет в звании жены, это все равно, главное дело не звание, а позы, то есть обладание. О, грязь! о, грязь — «обладать» — кто смеет обладать человеком? Обладают халатом, туфлями. — Пустяки: почти каждый из нас, мужчин, обладает кем-нибудь из вас, наши сестры; опять пустяки: какие вы нам сестры? — вы наши лакейки! Иные из вас — многие — господствуют над нами, — это ничего: ведь и многие лакеи властвуют над своими барами.

Мысли о позах разыгрались в Сторешникове после театра с такою силою, как еще никогда. Показавши приятелям любовницу своей фантазии, он увидел, что любовница гораздо лучше, чем он думал. Ведь красоту, все равно что ум, что всякое другое достоинство, большинство людей оценивает с точностью только по общему отзыву. Всякий видит, что красивое лицо красиво, а до какой именно степени оно красиво, как это разберешь, пока ранг не определен дипломом? Верочку в галерее или в последних рядах кресел, конечно, не замечали; но когда она явилась в ложе 2-го яруса, на нее было наведено очень много биноклей; а сколько похвал ей слышал Сторешников, когда, проводив ее, отправился в фойе! а Серж? о, это человек с самым тонким вкусом! — а Жюли? — ну нет, когда наклевывается такое счастье, тут нечего разбирать, под каким званием «обладать» им.

Самолюбие было раздражено вместе с сладострастием. Но оно было затронуто и с другой стороны: «она едва ли пойдет за вас» — как? не пойдет за него, при таком мундире и доме? нет, врешь, француженка, пойдет! вот пойдет же, пойдет!

Была и еще одна причина в том же роде: мать Сторешникова, конечно, станет противиться женитьбе — мать в этом случае представительница света, — а Сторешников до сих пор трусил матери и, конечно, тяготился своею зависимостью от нее. Для людей бесхарактерных очень завлекательна мысль: «я не боюсь; у меня есть характер».

Конечно, было и желание подвинуться в своей светской карьере через жену.

А ко всему этому прибавлялось, что ведь Сторешников не смел показаться к Верочке в прежней роли, а между тем так и тянет посмотреть на нее.

Словом, Сторешников с каждым днем все тверже думал жениться, и через неделю, когда Марья Алексевна в воскресенье, вернувшись от поздней обедни, сидела и обдумывала, как ловить его, он сам явился с предложением. Верочка не выходила из своей комнаты, он мог говорить только с Марьею Алексевною. Марья Алексевна, конечно, сказала, что она

с своей стороны считает себе за большую честь, но, как любящая мать, должна узнать мнение дочери и просит пожаловать за ответом завтра поутру.

— Ну, молодец, девка моя Вера, — говорила мужу Марья Алексевна, удивленная таким быстрым оборотом дела: — гляди-ко, как она забрала молодца-то в руки! А я думала, думала, не знала, как и ум приложить! думала, много хлопот мне будет опять его заманить, думала, испорчено все дело, а она, моя голубушка, не портила, а к доброму концу вела, — знала, как надо поступать. Ну, хитра, нечего сказать.

— Господь умудряет младенцы, — произнес Павел Константиныч.

Он редко играл роль в домашней жизни. Но Марья Алексевна была строгая хранительница добрых преданий, и в таком парадном случае, как объявление дочери о предложении, она назначила мужу ту почетную роль, какая по праву принадлежит главе семейства и владыке. Павел Константиныч и Марья Алексевна уселись на диване, как на торжественнейшем месте, и послали Матрену просить барышню пожаловать к ним.

— Вера, — начал Павел Константиныч, — Михаил Иваныч делает нам честь, просит твоей руки. Мы отвечали, как любящие тебя родители, что принуждать тебя не будем, но что с одной стороны рады. Ты как добрая послушная дочь, какою мы тебя всегда видели, положишься на нашу опытность, что мы не смели от бога молить такого жениха. Согласна, Вера?

— Нет, — сказала Верочка.

— Что ты говоришь, Вера? — закричал Павел Константиныч; дело было так ясно, что и он мог кричать, не осведомившись у жены, как ему поступать.

— С ума ты сошла, дура? Смей повторить, мерзавка-ослушница! — закричала Марья Алексевна, подымаясь с кулаками на дочь.

— Позвольте, маменька, — сказала Вера, вставая: — если вы до меня дотронетесь, я уйду из дому, запрете — брошусь из окна. Я знала, как вы примете мой отказ, и обдумала, что мне делать. Сядьте и сидите, или я уйду.

Марья Алексевна опять уселась. «Экая глупость сделана, передняя-то дверь не заперта на ключ! задвижку-то в одну секунду отодвинет — не поймаешь, уйдет! ведь бешеная!»

— Я не пойду за него. Без моего согласия не станут венчать.

— Вера, ты с ума сошла, — говорила Марья Алексевна задыхающимся голосом.

— Как же это можно? Что же мы ему скажем завтра? — говорил отец.

— Вы не виноваты перед ним, что я не согласна.

Часа два продолжалась сцена. Марья Алексевна бесилась, двадцать раз начинала кричать и сжимала кулаки, но Верочка говорила: «не вставайте, или я уйду». Бились, бились, ничего не могли сделать. Покончи-

лось тем, что вошла Матрена и спросила, подавать ли обед, — пирог уже перестоялся.

— Подумай до вечера, Вера, одумайся, дура! — сказала Марья Алексевна и шепнула что-то Матрене.

— Маменька, вы что-то хотите сделать надо мною, вынуть ключ из двери моей комнаты, или что-нибудь такое. Не делайте ничего: хуже будет.

Марья Алексевна сказала кухарке: «не надо». — «Экой зверь какой, Верка-то! Как бы не за рожу ее он ее брал, в кровь бы ее всю избить, а теперь как тронуть? Изуродует себя, проклятая!»

Пошли обедать. Обедали молча. После обеда Верочка ушла в свою комнату. Павел Константиныч прилег, по обыкновению, соснуть. Но это не удалось ему: только что стал он дремать, вошла Матрена и сказала, что хозяйский человек пришел; хозяйка просит Павла Константиныча сейчас же пожаловать к ней. Матрена вся дрожала, как осиновый лист; ей-то какое дело дрожать?

VIII

А как же прикажете ей не дрожать, когда через нее сочинилась вся эта беда? Как только она позвала Верочку к папеньке и маменьке, тотчас же побежала сказать жене хозяйкина повара, что «ваш барин сосватал нашу барышню»; призвали младшую горничную хозяйки, стали упрекать, что она не по-приятельски себя ведет, ничего им до сих пор не сказала, младшая горничная не могла взять в толк, за какую скрытность порицают ее, — она никогда ничего не скрывала; ей сказали — «я сама ничего не слышала», — перед нею извинились, что напрасно ее поклепали в скрытности, она побежала сообщить новость старшей горничной, старшая горничная сказала: «значит, это он сделал потихоньку от матери, коли я ничего не слыхала, уж я все то должна знать, что Анна Петровна знает», — и пошла сообщить барыне. Вот какую историю наделала Матрена! «Язычок мой проклятый, много он меня губил!» — думала она. Ведь доследует Марья Алексевна, через кого вышло наружу. Но дело пошло так, что Марья Алексевна забыла доследовать, через кого оно вышло.

Анна Петровна ахала, охала, два раза упала в обморок — наедине со старшею горничною, — значит сильно была огорчена, — и послала за сыном. Сын явился.

— Мишель, справедливо ли то, что я слышу? (тоном гневного страдания.)

— Что вы слышали, maman?

— То, что ты сделал предложение этой... этой... этой... дочери нашего управляющего?

— Сделал, maman.

— Не спросив мнения матери?

— Я хотел спросить вашего согласия, когда получу ее.

— Я полагаю, что в ее согласии ты мог быть более уверен, чем в моем.

— Maman, так нынче принято, что прежде узнают о согласии девушки, потом уже говорят родственникам.

— Это по-твоему принято? быть может, по-твоему также принято: сыновьям хороших фамилий жениться бог знает на ком, а матерям соглашаться на это?

— Она, maman, не бог знает кто; когда вы узнаете ее, вы одобрите мой выбор.

— «Когда я узнаю ее!» — я никогда не узнаю ее! «одобрю твой выбор!» — я запрещаю тебе всякую мысль об этом выборе! слышишь, запрещаю!

— Maman, это не принято нынче; я не маленький мальчик, чтоб вам нужно было водить меня за руку. Я сам знаю, куда иду.

— Ах! — Анна Петровна закрыла глаза.

Перед Марьею Алексевною, Жюли, Верочкою Михаил Иваныч пасовал, но ведь они были женщины с умом и характером; а тут по части ума бой был ровный, и если по характеру был небольшой перевес на стороне матери, то у сына была под ногами надежная почва; он до сих пор боялся матери по привычке, но они оба твердо помнили, что ведь по-настоящему-то хозяйка-то не хозяйка, а хозяинова мать, не больше, что хозяйкин сын не хозяйкин сын, а хозяин. Потому-то хозяйка и медлила решительным словом «запрещаю», тянула разговор, надеясь сбить и утомить сына, прежде чем дойдет до настоящей схватки. Но сын зашел уже так далеко, что нельзя было вернуться, и он по необходимости должен был держаться.

— Maman, уверяю вас, что лучшей дочери вы не могли бы иметь.

— Изверг! Убийца матери!

— Maman, будемте рассуждать хладнокровно. Раньше или позже жениться надобно, а женатому человеку нужно больше расходов, чем холостому. Я бы мог, пожалуй, жениться на такой, что все доходы с дома понадобились бы на мое хозяйство. А она будет почтительною дочерью, и мы могли бы жить с вами, как до сих пор.

— Изверг! Убийца мой! Уйди с моих глаз!

— Maman, не сердитесь: я ничем не виноват.

— Женится на какой-то дряни, и не виноват.

— Ну, теперь, maman, я сам уйду. Я не хочу, чтобы при мне называли ее такими именами.

— Убийца мой! — Анна Петровна упала в обморок, а Мишель ушел, довольный тем, что бодро выдержал первую сцену, которая важнее всего.

Видя, что сын ушел, Анна Петровна прекратила обморок. Сын решительно отбивается от рук! В ответ на «запрещаю!» он объясняет, что дом принадлежит ему! — Анна Петровна подумала, подумала, излила свою

скорбь старшей горничной, которая в этом случае совершенно разделяла чувства хозяйки по презрению к дочери управляющего, посоветовалась с нею и послала за управляющим.

— Я была до сих пор очень довольна вами, Павел Константиныч; но теперь интриги, в которых вы, может быть, и не участвовали, могут заставить меня поссориться с вами.

— Ваше превосходительство, я ни в чем тут не виноват, бог свидетель.

— Мне давно было известно, что Мишель волочится за вашей дочерью. Я не мешала этому, потому что молодому человеку нельзя же жить без развлечений. Я снисходительна к шалостям молодых людей. Но я не потерплю унижения своей фамилии. Как ваша дочь осмелилась забрать себе в голову такие виды?

— Ваше превосходительство, она не осмеливалась иметь таких видов. Она почтительная девушка, мы ее воспитали в уважении.

— То есть, что это значит?

— Она, ваше превосходительство, против вашей воли никогда не посмеет.

Анна Петровна ушам своим не верила. Неужели, в самом деле, такое благополучие?

— Вам должна быть известна моя воля... Я не могу согласиться на такой странный, можно сказать, неприличный брак.

— Мы это чувствуем, ваше превосходительство, и Верочка чувствует. Она так и сказала: я не смею, говорит, прогневать их превосходительство.

— Как же это было?

— Так было, ваше превосходительство, что Михаил Иванович выразили свое намерение моей жене, а жена сказала им, что я вам, Михаил Иванович, ничего не скажу до завтрего утра, а мы с женою были намерены, ваше превосходительство, явиться к вам и доложить обо всем, потому что как в теперешнее позднее время не осмеливались тревожить ваше превосходительство. А когда Михаил Иванович ушли, мы сказали Верочке, и она говорит: я с вами, папенька и маменька, совершенно согласна, что нам об этом думать не следует.

— Так она благоразумная и честная девушка?

— Как же, ваше превосходительство, почтительная девушка!

— Ну, я этому очень рада, что мы можем остаться с вами в дружбе. Я награжу вас за это. Теперь же готова наградить. По парадной лестнице, где живет портной, квартира во 2-м этаже ведь свободна?

— Через три дня освободится, ваше превосходительство.

— Возьмите ее себе. Можете израсходовать до 100 рублей на отделку. Прибавляю вам и жалованья 240 р. в год.

— Позвольте попросить ручку у вашего превосходительства!

— Хорошо, хорошо. Татьяна! — Вошла старшая горничная. — Найди мое синее бархатное пальто. Это я дарю вашей жене. Оно стоит 150 р. (85 р.), я его только 2 раза (гораздо более 20) надевала. Это я дарю вашей дочери, — Анна Петровна подала управляющему очень маленькие дамские часы, — я за них заплатила 300 р. (120 р.). Я умею награждать, и вперед не забуду. Я снисходительна к шалостям молодых людей.

Отпустив управляющего, Анна Петровна опять кликнула Татьяну.

— Попросить ко мне Михаила Иваныча, — или нет, лучше я сама пойду к нему. — Она побоялась, что посланница передаст лакею сына, а лакей сыну содержание известий, сообщенных управляющим, и букет выдохнется, не так шибнет сыну в нос от ее слов.

Михаил Иваныч лежал и не без некоторого довольства покручивал усы. — «Это еще зачем пожаловала сюда-то? Ведь у меня нет нюхательных спиртов от обмороков», думал он, вставая при появлении матери. Но он увидел на ее лице презрительное торжество.

Она села, сказала:

— Садитесь, Михаил Иваныч, и мы поговорим, — и долго смотрела на него с улыбкою; наконец произнесла: — Я очень довольна, Михаил Иваныч; отгадайте, чем я довольна?

— Я не знаю, что и подумать, maman; вы так странно...

— Вы увидите, что нисколько не странно; подумайте, может быть и отгадаете.

Опять долгое молчание. Он теряется в недоумениях, она наслаждается торжеством.

— Вы не можете отгадать, — я вам скажу. Это очень просто и натурально; если бы в вас была искра благородного чувства, вы отгадали бы. Ваша любовница, — в прежнем разговоре Анна Петровна лавировала, теперь уж нечего было лавировать: у неприятеля отнято средство победить ее, — ваша любовница, — не возражайте, Михаил Иваныч, вы сами повсюду разглашали, что она ваша любовница, — это существо низкого происхождения, низкого воспитания, низкого поведения, — даже это презренное существо...

— Maman, я не хочу слушать таких выражений о девушке, которая будет моею женою.

— Я и не употребляла б их, если бы полагала, что она будет вашею женою. Но я и начала с тою целью, чтобы объяснить вам, что этого не будет и почему не будет. Дайте же мне докончить. Тогда вы можете свободно порицать меня за те выражения, которые тогда останутся неуместны по вашему мнению, но теперь дайте мне докончить. Я хочу сказать, что ваша любовница, это существо без имени, без воспитания, без поведения, без чувства, — даже она пристыдила вас, даже она поняла все неприличие вашего намерения......

— Что? Что такое, maman? говорите же!

— Вы сами задерживаете меня. Я хотела сказать, что даже она, — понимаете ли, даже она! — умела понять и оценить мои чувства, даже она, узнавши от матери о вашем предложении, прислала своего отца сказать мне, что не восстанет против моей воли и не обесчестит нашей фамилии своим замаранным именем.

— Maman, вы обманываете?

— К моему и вашему счастью, нет. Она говорит, что...

Но Михаила Иваныча уже не было в комнате, он уже накидывал шинель.

— Держи его, Петр, держи его! — закричала Анна Петровна. Петр разинул рот от такого чрезвычайного распоряжения, а Михаил Иваныч уже сбегал по лестнице.

IX

— Ну что? — спросила Марья Алексевна входящего мужа.

— Отлично, матушка; она уж узнала и говорит: как вы осмеливаетесь? а я говорю: мы не осмеливаемся, ваше превосходительство, и Верочка уж отказала.

— Что? что? Ты так сдуру-то и бухнул, осел?

— Марья Алексевна...

— Осел! подлец! убил! зарезал! Вот же тебе! — муж получил пощечину.— Вот же тебе! — другая пощечина.— Вот как тебя надобно учить, дурака! — Она схватила его за волосы и начала таскать. Урок продолжался немало времени, потому что Сторешников, после длинных пауз и назиданий матери вбежавший в комнату, застал Марью Алексевну еще в полном жару преподавания.

— Осел, и дверь-то не запер,— в каком виде чужие люди застают! стыдился бы, свинья ты этакая! — только и нашлась сказать Марья Алексевна.

— Где Вера Павловна? Мне нужно видеть Веру Павловну, сейчас же! Неужели она отказывает?

Обстоятельства были так трудны, что Марья Алексевна только махнула рукою. То же самое случилось и с Наполеоном после Ватерлооской битвы, когда маршал Груши оказался глуп, как Павел Константиныч, а Лафайет стал буянить,[24] как Верочка: Наполеон тоже бился, бился, совершал чудеса искусства,— и остался не при чем, и мог только махнуть рукой и сказать: отрекаюсь от всего, делай, кто хочет, что хочет, и с собою, и со мною.

— Вера Павловна! Вы отказываете мне?

— Судите сами, могу ли я не отказать вам.

— Вера Павловна! я жестоко оскорбил вас, я виноват, достоин казни, но не могу перенести вашего отказа, — и так дальше, и так дальше.

Верочка слушала его несколько минут; наконец пора же прекратить — это тяжело.

— Нет, Михаил Иваныч, довольно; перестаньте. Я не могу согласиться.

— Но если так, я прошу у вас одной пощады: вы теперь еще слишком живо чувствуете, как я оскорбил вас... не давайте мне теперь ответа, оставьте мне время заслужить ваше прощение! Я кажусь вам низок, подл, но посмотрите, быть может, я исправлюсь, я употреблю все силы на то, чтоб исправиться! Помогите мне, не отталкивайте меня теперь, дайте мне время, я буду во всем слушаться вас! Вы увидите, как я покорен; быть может, вы увидите во мне и что-нибудь хорошее, дайте мне время.

— Мне жаль вас,— сказала Верочка: — я вижу искренность вашей любви (Верочка, это еще вовсе не любовь, это смесь разной гадости с разной дрянью,— любовь не то; не всякий тот любит женщину, кому неприятно получить от нее отказ,— любовь вовсе не то,— но Верочка еще не знает этого и растрогана), — вы хотите, чтоб я не давала вам ответа, — извольте. Но предупреждаю вас, что отсрочка ни к чему не поведет: я никогда не дам вам другого ответа, кроме того, какой дала нынче.

— Я заслужу, заслужу другой ответ, вы спасаете меня! — он схватил ее руку и стал целовать.

Марья Алексевна вошла в комнату и в порыве чувства хотела благословить милых детей без формальности, то есть без Павла Константиныча, потом позвать его и благословить парадно. Сторешников разбил половину ее радости, объяснив ей с поцелуями, что Вера Павловна хотя и не согласилась, но и не отказала, а отложила ответ. Плохо, но все-таки хорошо сравнительно с тем, что было.

Сторешников возвратился домой с победою. Опять явился на сцену дом, и опять Анне Петровне приходилось только падать в обмороки.

Марья Алексевна решительно не знала, что и думать о Верочке. Дочь и говорила, и как будто бы поступала решительно против ее намерений. Но выходило то, что дочь победила все трудности, с которыми не могла сладить Марья Алексевна. Если судить по ходу дела, то оказывалось: Верочка хочет того же, чего и она, Марья Алексевна, только, как ученая и тонкая штука, обработывает свою материю другим манером. Но если так, зачем же она не скажет Марье Алексевне: матушка, я хочу одного с вами, будьте спокойны! Или уж она так озлоблена на мать, что и то самое дело, в котором обе должны бы действовать заодно, она хочет вести без матери? Что она медлит ответом, это понятно для Марьи Алексевны: она хочет совершенно вышколить жениха, так чтоб он без нее дохнуть не смел, и вынудить покорность у Анны Петровны. Очевидно, она хитрее самой Марьи Алексевны. Когда Марья Алексевна размышляла, размышления приводили ее именно к такому взгляду. Но глаза и уши постоянно свидетельствовали против него. А между тем как же быть, если он и ошибочен, если дочь действительно не хочет идти за Сторешникова? Она такой зверь, что неизвестно, как ее укротить. По всей вероятности, негодная Верка не хочет выходить замуж,— это даже несомненно,— здра-

вый смысл был слишком силен в Марье Алексевне, чтобы обольститься хитрыми ее же собственными раздумьями о Верочке как о тонкой интригантке; но эта девчонка устроивает все так, что если выйдет (а чорт ее знает, что у ней на уме, может быть и это!), то действительно уже будет полной госпожой и над мужем, и над его матерью, и над домом, — что ж остается? Ждать и смотреть,— больше ничего нельзя. Теперь Верка еще не хочет, а попривыкнет, шутя и захочет, — ну и припугнуть можно будет... только вовремя! а теперь надо только ждать, когда придет это время. Марья Алексевна и ждала. Но соблазнительна была для нее мысль, осуждаемая ее здравым смыслом, что Верка ведет дело к свадьбе. Все, кроме слов и поступков Верочки, подтверждало эту мысль: жених был шелковый. Мать жениха боролась недели три, но сын побивал ее домом, и она стала смиряться. Выразила желание познакомиться с Верочкой,— Верочка не отправилась к ней. В первую минуту Марья Алексевна подумала, что, если б она была на месте Верочки, она поступила бы умнее, отправилась бы, но, подумав, поняла, что не отправляться — гораздо умнее. О, это хитрая штука! — и точно: недели через две Анна Петровна зашла сама, под предлогом посмотреть новую отделку новой квартиры, была холодна, язвительно любезна; Верочка после двух-трех ее колких фраз ушла в свою комнату; пока она не ушла, Марья Алексевна не думала, что нужно уйти, думала, что нужно отвечать колкостями на колкости, но когда Верочка ушла, Марья Алексевна сейчас поняла: да, уйти лучше всего, — пусть ее допекает сын, это лучше! Недели через две Анна Петровна опять зашла и уже не выставляла предлогов для посещения, сказала просто, что зашла навестить, и при Верочке не говорила колкостей.

Так шло время. Жених делал подарки Верочке; они делались через Марью Алексевну и, конечно, оставались у ней, подобно часам Анны Петровны, впрочем не все; иные, которые подешевле, Марья Алексевна отдавала Верочке под именем вещей, оставшихся невыкупленными в залоге: надобно же было, чтобы жених видел хоть некоторые из своих вещей на невесте. Он видел и убеждался, что Верочка решилась согласиться,— иначе не принимала бы его подарков; почему ж она медлит? он сам понимал, и Марья Алексевна указывала, почему: она ждет, пока совершенно объездится Анна Петровна... И он с удвоенным усердием гонял на корде свою родительницу — занятие, доставлявшее ему немало удовольствия.

Таким образом, Верочку оставляли в покое, смотрели ей в глаза. Эта собачья угодливость была ей гадка, она старалась как можно меньше быть с матерью. Мать перестала осмеливаться входить в ее комнату, и когда Верочка сидела там, то есть почти круглый день, ее не тревожили. Михаилу Иванычу дозволяла она иногда заходить и в ее комнату. Он был с нею послушен, как ребенок; она велела ему читать, — он читал усердно, будто готовился к экзамену; толку из чтения извлекал мало, но все-таки кое-какой толк извлекал; она старалась помогать ему разговорами, —

разговоры были ему понятнее книг, и он делал кое-какие успехи, медленные, очень маленькие, но все-таки делал. Он уж начал несколько приличнее прежнего обращаться с матерью, стал предпочитать гонянью на корде простое держанье в узде.

Так прошло три-четыре месяца. Было перемирие, было спокойствие, но с каждым днем могла разразиться гроза, и у Верочки замирало сердце от тяжелого ожидания — не нынче, так завтра или Михаил Иваныч, или Марья Алексевна приступят с требованием согласия, — ведь не век же они будут терпеть. Если бы я хотел сочинять эффектные столкновения, я б и дал этому положению трескучую развязку; но ее не было на деле; если б я хотел заманивать неизвестностью, я бы не стал говорить теперь же, что ничего подобного не произошло; но я пишу без уловок и потому вперед говорю: трескучего столкновения не будет, положение развяжется без бурь, без громов и молний.

Глава вторая

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ И ЗАКОННЫЙ БРАК

I

Известно, как в прежние времена оканчивались подобные положения: отличная девушка в гадком семействе; насильно навязываемый жених, пошлый человек, который ей не нравится, который сам по себе был дрянноватым человеком и становился бы чем дальше, тем дряннее, но, насильно держась подле нее, подчиняется ей и понемногу становится похож на человека так себе, не хорошего, но и не дурного. Девушка начинала тем, что не пойдет за него; но постепенно привыкала иметь его под своею командою и, убеждаясь, что из двух зол — такого мужа и такого семейства, как ее родное,— муж зло меньшее, осчастливливала своего поклонника; сначала было ей гадко, когда она узнавала, что такое значит осчастливливать без любви; но муж был послушен; стерпится — слюбится, и она обращалась в обыкновенную хорошую даму, то есть женщину, которая сама-то по себе и хороша, но примирилась с пошлостью и, живя на земле, только коптит небо. Так бывало прежде с отличными девушками, так бывало прежде и с отличными юношами, которые все обращались в хороших людей, живущих на земле тоже только затем, чтобы коптить небо. — Так бывало прежде, потому что порядочных людей было слишком мало: такие, видно, были урожаи на них в прежние времена, что рос «колос от колоса, не слыхать и голоса». А век не проживешь ни одинокою, ни одиноким, не зачахнувши,— вот они и чахли или примирялись с пошлостью.

Но теперь чаще и чаще стали другие случаи: порядочные люди стали встречаться между собою. Да и как же не случаться этому все чаще и чаще, когда число порядочных людей растет с каждым новым годом? А со временем это будет самым обыкновенным случаем, а еще со временем и не будет бывать других случаев, потому что все люди будут порядочные люди. Тогда будет очень хорошо.

Верочке и теперь хорошо. Я потому и рассказываю (с ее согласия) ее жизнь, что, сколько я знаю, она одна из первых женщин, жизнь которых устроилась хорошо. Первые случаи имеют исторический интерес. Первая ласточка очень интересует северных жителей.

Случай, с которого стала устроиваться ее жизнь хорошо, был такого рода. Надобно стало готовить в гимназию маленького брата Верочки. Отец стал спрашивать у сослуживцев дешевого учителя. Один из сослуживцев рекомендовал ему медицинского студента Лопухова.

Раз пять или шесть Лопухов был на своем новом уроке, прежде чем Верочка и он увидели друг друга. Он сидел с Федею в одном конце квартиры, она в другом конце, в своей комнате. Но дело подходило к экзаменам в Академии; он перенес уроки с утра на вечер, потому что по утрам ему нужно заниматься, и когда пришел вечером, то застал все семейство за чаем.

На диване сидели лица знакомые: отец, мать ученика, подле матери, на стуле, ученик, а несколько поодаль лицо незнакомое — высокая стройная девушка, довольно смуглая, с черными волосами — «густые, хорошие волосы», с черными глазами — «глаза хорошие, даже очень хорошие», с южным типом лица — «как будто из Малороссии; пожалуй, скорее даже кавказский тип; ничего, очень красивое лицо, только очень холодное, это уж не по-южному; здоровье хорошее: нас, медиков, поубавилось бы, если бы такой был народ! Да, румянец здоровый и грудь широкая — не познакомится со стетоскопом. Когда войдет в свет, будет производить эффект. А впрочем, не интересуюсь».

И она посмотрела на вошедшего учителя. Студент был уже не юноша, человек среднего роста или несколько повыше среднего, с темными каштановыми волосами, с правильными, даже красивыми чертами лица, с гордым и смелым видом, — «недурен и, должно быть, добр, только слишком серьезен».

Она не прибавила в мыслях: «а впрочем, не интересуюсь», потому что и вопроса не было, станет ли она им интересоваться. Разве Федя не говорил ей столько, что скучно стало и слушать? — «Он, сестрица, добрый, только неразговорчивый. А я ему, сестрица, сказал, что вы у нас красавица, а он, сестрица, сказал: „ну, так что же?“, а я, сестрица, сказал: да ведь красавиц все любят, а он сказал: „все глупые любят“, а я сказал: а разве вы их не любите? а он сказал: „мне некогда“. А я ему, сестрица, сказал: так вы с Верочкою не хотите познакомиться? а он сказал „у меня и без нее много знакомых“». — Это все наболтал Федя вскоре после пер-

вого же урока и потом болтал все в том же роде, с разными такими прибавлениями: а я ему, сестрица, нынче сказал, что на вас все смотрят, когда вы где бываете, а он, сестрица, сказал: «ну и прекрасно»; а я ему сказал: а вы на нее не хотите посмотреть? а он сказал: «еще увижу». — Или, потом: а я ему, сестрица, сказал, какие у вас ручки маленькие, а он, сестрица, сказал: «вам болтать хочется, так разве не о чем другом, полюбопытнее».

И учитель узнал от Феди все, что требовалось узнать о сестрице; он останавливал Федю от болтовни о семейных делах, да как вы помешаете девятилетнему ребенку выболтать вам все, если не запугаете его? на пятом слове вы успеваете перервать его, но уж поздно,— ведь дети начинают без приступа, прямо с сущности дела; и вперемежку с другими объяснениями всяких других семейных дел учитель слышал такие начала речей: «А у сестрицы жених-то богатый! А маменька говорит: жених-то глупый!» «А уж маменька как за женихом-то ухаживает!» «А маменька говорит: сестрица ловко жениха поймала!» «А маменька говорит: я хитра, а Верочка хитрее меня!» «А маменька говорит: мы женихову-то мать из дому выгоним», и так дальше.

Натурально, что при таких сведениях друг о друге молодые люди имели мало охоты знакомиться. Впрочем, мы знаем пока только, что это было натурально со стороны Верочки: она не стояла на той степени развития, чтобы стараться «побеждать дикарей» и «сделать этого медведя ручным»,— да и не до того ей было: она рада была, что ее оставляют в покое; она была разбитый, измученный человек, которому как-то посчастливилось прилечь так, что сломанная рука затихла и боль в боку не слышна, и который боится пошевельнуться, чтоб не возобновилась прежняя ломота во всех суставах. Куда уж ей пускаться в новые знакомства, да еще с молодыми людьми?

Да, Верочка так; ну, а он? Дикарь он, судя по словам Феди, и голова его набита книгами да анатомическими препаратами, составляющими самую милую приятность, самую сладостнейшую пищу души для хорошего медицинского студента. Или Федя наврал на него?

II

Нет, Федя не наврал на него; Лопухов, точно, был такой студент, у которого голова набита книгами, — какими, это мы увидим из библиографических исследований Марьи Алексевны, — и анатомическими препаратами: не набивши голову препаратами, нельзя быть профессором, а Лопухов рассчитывал на это. Но так как мы видим, что из сведений, сообщенных Федею о Верочке, Лопухов не слишком-то хорошо узнал ее, следовательно и сведения, которые сообщены Федею об учителе, надобно пополнить, чтобы хорошо узнать Лопухова.

По денежным своим делам Лопухов принадлежал к тому очень малому меньшинству медицинских вольнослушающих, то есть не живущих на казенном содержании студентов, которое не голодает и не холодает. Как и чем живет огромное большинство их — это богу, конечно, известно, а людям непостижимо. Но наш рассказ не хочет заниматься людьми, нуждающимися в съестном продовольствии; потому он упомянет лишь в двух-трех словах о времени, когда Лопухов находился в таком неприличном состоянии.

Да и находился-то он в нем недолго, — года три, даже меньше. До Медицинской академии питался он в изобилии. Отец его, рязанский мещанин, жил, по мещанскому званию, достаточно, то есть его семейство имело щи с мясом не по одним воскресеньям и даже пило чай каждый день. Содержать сына в гимназии он кое-как мог; впрочем, с 15 лет сын сам облегчал это кое-какими уроками. Для содержания сына в Петербурге ресурсы отца были неудовлетворительны; впрочем, в первые два года Лопухов получал из дому рублей по 35 в год, да еще почти столько же доставал перепискою бумаг по вольному найму в одном из кварталов Выборгской части, — только вот в это-то время он и нуждался. Да и то был сам виноват: его было приняли на казенное содержание, но он завел какую-то ссору и должен был удалиться на подножный корм. Когда он был в третьем курсе, дела его стали поправляться: помощник квартального надзирателя предложил ему уроки, потом стали находиться другие уроки, и вот уже два года перестал нуждаться и больше года жил на одной квартире, но не в одной, а в двух разных комнатах, — значит не бедно, — с другим таким же счастливцем Кирсановым. Они были величайшие друзья. Оба рано привыкли пробивать себе дорогу своей грудью, не имея никакой поддержки; да и вообще между ними было много сходства, так что если бы их встречать только порознь, то оба они казались бы людьми одного характера. А когда вы видели их вместе, то замечали, что хоть оба они люди очень солидные и очень открытые, но Лопухов несколько сдержаннее, его товарищ несколько экспансивнее. Мы теперь видим только Лопухова, Кирсанов явится гораздо позднее, а врознь от Кирсанова о Лопухове можно заметить только то, что надобно было бы повторять и о Кирсанове. Например, Лопухов больше всего был теперь занят тем, как устроить свою жизнь по окончании курса, до которого оставалось ему лишь несколько месяцев, как и Кирсанову, а план будущности был у них обоих одинаковый.

Лопухов положительно знал, что будет ординатором (врачом), в одном из петербургских военных гошпиталей — это считается большим счастьем — и скоро получит кафедру в Академии. Практикой он не хотел заниматься. Эта черта любопытная; в последние лет десять стала являться между некоторыми лучшими из медицинских студентов решимость не заниматься по окончании курса практикою, которая одна дает медику средства для достаточной жизни, и при первой возможности бросить ме-

дицину для какой-нибудь из ее вспомогательных наук — для физиологии, химии, чего-нибудь подобного. А ведь каждый из этих людей знает, что, занявшись практикою, он имел бы в 30 лет громкую репутацию, в 35 лет — обеспечение на всю жизнь, в 45 — богатство. Но они рассуждают иначе: видите ли, медицина находится теперь в таком младенчествующем состоянии, что нужно еще не лечить, а только подготовлять будущим врачам материалы для уменья лечить. И вот они для пользы любимой науки, — они ужасные охотники бранить медицину, только посвящают все свои силы ее пользе, — они отказываются от богатства, даже от довольства, и сидят в гошпиталях, делая, видите ли, интересные для науки наблюдения, режут лягушек, вскрывают сотни трупов ежегодно и при первой возможности обзаводятся химическими лабораториями. С какою степенью строгости исполняют они эту высокую решимость, зависит, конечно, от того, как устроивается их домашняя жизнь: если не нужно для близких им, они так и не начинают заниматься практикою, то есть оставляют себя почти в нищете; но если заставляет семейная необходимость, то обзаводятся практикою настолько, насколько нужно для семейства, то есть в очень небольшом размере, и лечат лишь людей, которые действительно больны и которых действительно можно лечить при нынешнем, еще жалком положении науки, то есть больных, вовсе невыгодных. Вот к этим-то людям принадлежали Лопухов и Кирсанов. Они должны были в том году кончить курс и объявили, что будут держать (или, как говорится в Академии: сдавать) экзамен прямо на степень доктора медицины; теперь они оба работали для докторских диссертаций и уничтожали громадное количество лягушек; оба они выбрали своею специальностью нервную систему и, собственно говоря, работали вместе; но для диссертационной формы работа была разделена: один вписывал в материалы для своей диссертации факты, замечаемые обоими, по одному вопросу, другой — по другому.

Однако пора же, наконец, говорить об одном Лопухове. Было время, он порядком кутил; это было, когда он сидел без чаю, иной раз без сапог. Такое время очень благоприятно для кутежа не только со стороны готовности, но и со стороны возможности: пить дешевле, чем есть и одеваться. Но кутеж был следствием тоски от невыносимой нищеты, не больше. Теперь давно уж не было человека, который вел бы более строгую жизнь, — и не в отношении к одному вину. В старину у Лопухова было довольно много любовных приключений. Однажды, например, произошла такая история, что он влюбился в заезжую танцовщицу. Как тут быть? Он подумал, подумал да и отправился к ней на квартиру. — «Что вам угодно?» — «Прислан от графа такого-то с письмом». — Студенческий мундир был без затруднения принят слугою за писарский или какой-нибудь особенный денщицкий. — «Давайте письмо. Ответа будете ждать?» — «Граф приказал ждать». Слуга возвратился в удивлении. — «Велела вас позвать к себе». — «Так вот он, вот он! Кричит мне всегда

так, что даже из уборной различаю его голос. Много раз отводили вас в полицию за неистовства в мою честь?» — «Два раза». — «Мало. Ну, зачем вы здесь?» — «Видеть вас». — «Прекрасно. А что дальше?» — «Не знаю. Что хотите». — «Ну, я знаю, что хочу. Я хочу завтракать. Видите прибор на столе. Садитесь и вы». — Подали другой прибор. Она смеялась над ним, он смеялся над собою. Он молод, недурен собою, неглуп, — да и оригинально, — почему не подурачиться с ним? Дурачилась с ним недели две, потом сказала: «убирайтесь!» — «Да я уж и сам хотел, да неловко было!» — «Значит, расстаемся друзьями?» — Обнялись еще раз, и отлично. Но это было давно, года три назад, а теперь, года два уж, он бросил всякие шалости.

Кроме товарищей да двух-трех профессоров, предвидевших в нем хорошего деятеля науки, он виделся только с семействами, в которых давал уроки. Но с этими семействами он только виделся: он как огня боялся фамильярности и держал себя очень сухо, холодно со всеми лицами в них, кроме своих маленьких учеников и учениц.

III

Итак, Лопухов вошел в комнату, увидел общество, сидевшее за чайным столом, в том числе и Верочку; ну конечно, и общество увидело, в том числе и Верочка увидела, что в комнату вошел учитель.

— Прошу садиться, — сказала Марья Алексевна: — Матрена, дай еще стакан.

— Если это для меня, то благодарю вас: я не буду пить.

— Матрена, не нужно стакана. (Благовоспитанный молодой человек!) Почему же не будете? Выкушали бы.

Он смотрел на Марью Алексевну, но тут, как нарочно, взглянул на Верочку, — а может быть, и в самом деле, нарочно? Может быть, он заметил, что она слегка пожала плечами? «А ведь он увидел, что я покраснела».

— Благодарю вас, я пью чай только дома.

«Однако ж он вовсе не такой дикарь, он вошел и поклонился легко, свободно», — замечается про себя на одной стороне стола. — «Однако ж если она и испорченная девушка, то по крайней мере стыдится пошлостей матери», — замечается на другой стороне стола.

Но Федя скоро кончил чай и отправился учиться. Таким образом, важнейший результат вечера был только тот, что Марья Алексевна составила себе выгодное мнение об учителе, видя, что ее сахарница, вероятно, не будет терпеть большого ущерба от перенесения уроков с утра на вечер.

Через два дня учитель опять нашел семейство за чаем и опять отказался от чаю и тем окончательно успокоил Марью Алексевну. Но в этот

раз он увидел за столом еще новое лицо — офицера, перед которым лебезила Марья Алексевна. «А, жених!»

А жених, сообразно своему мундиру и дому, почел нужным не просто увидеть учителя, а, увидев, смерять его с головы до ног небрежным, медленным взглядом, принятым в хорошем обществе. Но едва он начал снимать мерку, как почувствовал, что учитель не то чтобы снимает тоже с него самого мерку, а даже хуже: смотрит ему прямо в глаза, да так прилежно, что, вместо продолжения мерки, жених сказал:

— А трудная ваша часть, мсьё Лопухов, — я говорю докторская часть.

— Да, трудная. — И все продолжает смотреть прямо в глаза.

Жених почувствовал, что левою рукою, неизвестно зачем, перебирает вторую и третью сверху пуговицы своего вицмундира; ну, если дело дошло до пуговиц, значит, уже нет иного спасения, как поскорее допивать стакан, чтобы спросить у Марьи Алексевны другой.

— На вас, если не ошибаюсь, мундир такого-то полка?

— Да, я служу в таком-то полку, — отвечает Михаил Иваныч.

— И давно служите?

— Девять лет.

— Прямо поступили на службу в этот полк?

— Прямо.

— Имеете роту или еще нет?

— Нет, еще не имею. (Да он меня допрашивает, точно я к нему ординарцем явился).

— Скоро надеетесь получить?

— Нет еще.

— Гм. — Учитель почел достаточным и прекратил допрос, еще раз пристально посмотревши в глаза воображаемому ординарцу.

«Однако же — однако же», — думает Верочка, — что такое «однако же»? — Наконец нашла, что такое это «однако же» — «однако же» он держит себя так, как держал бы Серж, который тогда приезжал с доброю Жюли. Какой же он дикарь? Но почему же он так странно говорит о девушках, о том, что красавиц любят глупые, и — и — что такое «и» — нашла, что такое «и», — и почему же он не хотел ничего слушать обо мне, сказал, что это не любопытно?

— Верочка, ты сыграла бы что-нибудь на фортопьянах, мы с Михаилом Иванычем послушали бы! — говорит Марья Алексевна, когда Верочка ставит на стол вторую чашку.

— Пожалуй.

— И если бы вы спели что-нибудь, Вера Павловна, — прибавляет заискивающим тоном Михаил Иваныч.

— Пожалуй.

Однако ж это «пожалуй» звучит похоже на то, что «я готова, чтобы только отвязаться», — думает учитель. И ведь вот уже минут пять он сидит тут и хоть на нее не смотрел, но знает, что она ни разу не взглянула

на жениха, кроме того, когда теперь вот отвечала ему. А тут посмотрела на него точно так, как смотрела на мать и на отца, — холодно и вовсе не любезно. Тут что-то не так, как рассказывал Федя. Впрочем, скорее всего, действительно, девушка гордая, холодная, которая хочет войти в большой свет, чтобы господствовать и блистать, ей неприятно, что не нашелся для этого жених получше; но, презирая жениха, она принимает его руку, потому что нет другой руки, которая ввела бы ее туда, куда хочется войти. А впрочем, это несколько интересно.

— Федя, а ты допивай поскорее, — заметила мать.

— Не торопите его, Марья Алексевна, я хочу послушать, если Вера Павловна позволит.

Верочка взяла первые ноты, какие попались, даже не посмотрев, что это такое, раскрыла тетрадь опять, где попалось, и стала играть машинально, — все равно, что бы ни сыграть, лишь бы поскорее отделаться. Но пьеса попалась со смыслом, что-то из какой-то порядочной оперы, и скоро игра девушки одушевилась. Кончив, она хотела встать.

— Но вы обещались спеть, Вера Павловна: если бы я смел, я попросил бы вас пропеть из «Риголетто» [25] (в ту зиму «La donna è mobile» [a] была модною ариею).

— Извольте, — Верочка пропела «La donna è mobile», встала и ушла в свою комнату.

«Нет, она не холодная девушка без души. Это интересно».

— Не правда ли, хорошо? — сказал Михаил Иваныч учителю уже простым голосом и без снимания мерки; ведь не нужно быть в дурных отношениях с такими людьми, которые допрашивают ординарцев, — почему ж не заговорить без претензий с учителем, чтобы он не сердился?

— Да, хорошо.

— А вы знаток в музыке?

— Так себе.

— И сами музыкант?

— Несколько.

У Марьи Алексевны, слушавшей разговор, блеснула счастливая мысль.

— А на чем вы играете, Дмитрий Сергеич? — спросила она.

— На фортепьяно.

— Можно ли попросить вас доставить нам удовольствие?

— Очень рад.

Он сыграл какую-то пьесу. Играл он не бог знает как, но так себе, пожалуй, и недурно.

Когда он оканчивал урок, Марья Алексевна подошла к нему и сказала, что завтра у них маленький вечер — день рождения дочери — и что она просит его пожаловать.

---

[a] Женщина изменчива (*итал.*), — *Ред.*

Понятно, в кавалерах недостаток, по обычаю всех таких вечеров; но ничего, он посмотрит поближе на эту девушку, — в ней или с ней есть что-то интересное. — «Очень благодарен, буду». — Но учитель ошибся: Марья Алексевна имела цель гораздо более важную для нее, чем для танцующих девиц.

Читатель, ты, конечно, знаешь вперед, что на этом вечере будет объяснение, что Верочка и Лопухов полюбят друг друга? — Разумеется, так.

IV

Марья Алексевна хотела сделать большой вечер в день рождения Верочки, а Верочка упрашивала, чтобы не звали никаких гостей; одной хотелось устроить выставку жениха, другой выставка была тяжела. Поладили на том, чтоб сделать самый маленький вечер, пригласить лишь несколько человек близких знакомых. Позвали сослуживцев (конечно, постарше чинами и повыше должностями) Павла Константиныча, двух приятельниц Марьи Алексевны, трех девушек, которые были короче других с Верочкой.

Осматривая собравшихся гостей, Лопухов увидел, что в кавалерах нет недостатка: при каждой из девиц находился молодой человек, кандидат в женихи или и вовсе жених. Стало быть, Лопухова пригласили не в качестве кавалера; зачем же? Подумавши, он вспомнил, что приглашению предшествовало испытание его игры на фортепьяно. Стало быть, он позван для сокращения расходов, чтобы не брать тапёра. «Хорошо, — подумал он: — извините, Марья Алексевна», — и подошел к Павлу Константинычу.

— А что, Павел Константиныч, пора бы устроить вист: видите, старички-то скучают?

— А вы по какой играете?

— По всякой.

Тотчас же составилась партия, и Лопухов уселся играть. Академия на Выборгской стороне — классическое учреждение по части карт. Там не редкость, что в каком-нибудь нумере (т. е. в комнате казенных студентов) играют полтора суток сряду. Надобно признаться, что суммы, находящиеся в обороте на карточных столах, там гораздо меньше, чем в Английском клубе, но уровень искусства игроков выше. Сильно игрывал в свое — то есть в безденежное — время и Лопухов.

— Mesdames, как же быть? — играть поочередно, это так; но ведь нас остается только семь; будет недоставать кавалера или дамы для кадрили.

Первый роббер[26] оканчивался, когда одна из девиц, самая бойкая, подлетела к Лопухову,

— Мсьё Лопухов, вы должны танцовать.

— С одним условием, — сказал он, вставая и кланяясь.

— Каким?

— Я прошу у вас первую кадриль.

— Ах, боже мой, я на первую ангажирована; вторую — извольте.

Лопухов снова сделал глубокий поклон. Двое из кавалеров поочередно играли. На третью кадриль Лопухов просил Верочку, — первую она танцовала с Михайлом Иванычем, вторую он с бойкой девицею.

Лопухов наблюдал Верочку и окончательно убедился в ошибочности своего прежнего понятия о ней как о бездушной девушке, холодно выходящей по расчету за человека, которого презирает: он видел перед собою обыкновенную молоденькую девушку, которая от души танцует, хохочет; да, к стыду Верочки, надобно сказать, что она была обыкновенная девушка, любившая танцовать. Она настаивала, чтобы вечера вовсе не было, но вечер устроился, маленький, без выставки, стало быть не отяготительный для нее, и она — чего никак не ожидала — забыла свое горе: в эти годы горевать так не хочется, бегать, хохотать и веселиться так хочется, что малейшая возможность забыть заставляет забыть на время горе. Лопухов был расположен теперь в ее пользу, но ему все еще было непонятно многое.

Он был заинтересован странностью положения Верочки.

— Мсьё Лопухов, я никак не ожидала видеть вас танцующим, — начала она.

— Почему же? разве это так трудно, танцовать?

— Вообще — конечно, нет; для вас — разумеется, да.

— Почему ж для меня?

— Потому что я знаю вашу тайну, — вашу и Федину: вы пренебрегаете женщинами.

— Федя не совсем верно понял мою тайну: я не пренебрегаю женщинами, но я избегаю их, — и знаете, почему? у меня есть невеста, очень ревнивая, которая, чтоб заставить меня избегать их, рассказала мне их тайну.

— У вас есть невеста? [27]

— Да.

— Вот неожиданность! студент — и уж обручен! Она хороша собою, вы влюблены в нее?

— Да, она красавица, и я очень люблю ее.

— Она брюнетка или блондинка?

— Этого я не могу вам сказать. Это тайна.

— Ну, бог с нею, когда тайна. Но какую же тайну женщин она открыла вам, чтобы заставить вас избегать их общества?

— Она заметила, что я не люблю быть в дурном расположении духа, и шепнула мне такую их тайну, что я не могу видеть женщину без того, чтобы не прийти в дурное расположение духа, — и потому я избегаю женщин.

— Вы не можете видеть женщину без того, чтобы не прийти в дурное расположение духа? Однако вы не мастер говорить комплименты.

— Как же сказать иначе? Жалеть — значит быть в дурном расположении духа.

— Разве мы так жалки?

— Да разве вы не женщина? Мне стоит только сказать вам самое задушевное ваше желание — и вы согласитесь со мною. Это общее желание всех женщин.

— Скажите, скажите.

— Вот оно: «ах, как бы мне хотелось быть мужчиною!» Я не встречал женщины, у которой бы нельзя было найти эту задушевную тайну. А большею частью нечего и доискиваться ее — она прямо высказывается, даже без всякого вызова, как только женщина чем-нибудь расстроена,— тотчас же слышишь что-нибудь такое: «Бедные мы существа, женщины!», или: «Мужчина совсем не то, что женщина», или даже и так, прямыми словами: «Ах, зачем я не мужчина!».

Верочка улыбнулась: правда, это можно слышать от всякой женщины.

— Вот видите, как жалки женщины, что если бы исполнилось задушевное желание каждой из них, то на свете не осталось бы ни одной женщины.

— Да, кажется так,— сказала Верочка.

— Все равно, как не осталось бы на свете ни одного бедного, если б исполнилось задушевное желание каждого бедного. Видите, как же не жалки женщины! Столько же жалки, как и бедные. Кому приятно видеть бедных? Вот точно так же неприятно мне видеть женщин с той поры, как я узнал их тайну. А она была мне открыта моею ревнивою невестою в самый день обручения. До той поры я очень любил бывать в обществе женщин; после того — как рукою сняло. Невеста вылечила.

— Добрая и умная девушка ваша невеста; да, мы, женщины,— жалкие существа, бедные мы! — сказала Верочка:— только, кто же ваша невеста? вы говорите так загадочно.

— Это моя тайна, которой Федя не расскажет вам. Я совершенно разделяю желание бедных, чтоб их не было, и когда-нибудь это желание исполнится: ведь раньше или позже мы сумеем же устроить жизнь так, что не будет бедных; [28] но....

— Не будет? — перебила Верочка: — я сама думала, что их не будет; но как их не будет, этого я не умела придумать,— скажите, как?

— Этого я один не умею сказать; это умеет рассказывать только моя невеста; я здесь один, без нее, могу сказать только: она заботится об этом, а она очень сильная, она сильнее всех на свете. Но мы говорим не об ней, а об женщинах. Я совершенно согласен с желанием бедных, чтоб их не было на свете, потому что это и сделает моя невеста. Но я не согласен с желанием женщин, чтобы женщин не было на свете, потому что этому желанию нельзя исполниться: с тем, чему быть нельзя, я не соглашаюсь. Но у меня есть другое желание: мне хотелось бы, чтобы женщины подружились с моею невестою,— она и о них заботится,

как заботится о многом, обо всем. Если бы они подружились с нею, и у меня не было бы причины жалеть их, и у них исчезло бы желание: «Ах, зачем я не родилась мужчиною!» При знакомстве с нею и женщинам было бы не хуже, чем мужчинам.

— Мсьё Лопухов! еще одну кадриль! непременно!

— Похвалю вас за это!— Он пожал ее руку, да так спокойно и серьезно, как будто он ее подруга или она его товарищ.— Которую же?

— Последнюю.

— Хорошо.

Марья Алексевна несколько раз шмыгнула мимо них во время этой кадрили.

Что подумала Марья Алексевна о таком разговоре, если подслушала его? Мы, слышавшие его весь, с начала до конца, все скажем, что такой разговор во время кадрили — очень странен.

Пришла последняя кадриль.

— Мы всё говорили обо мне,— начал Лопухов:— а ведь это очень нелюбезно с моей стороны, что я все говорил о себе. Теперь я хочу быть любезным — говорить о вас, Вера Павловна. Знаете, я был о вас еще гораздо худшего мнения, чем вы обо мне. А теперь... ну, да это после. Но все-таки я не умею отвечать себе на одно. Отвечайте вы мне. Скоро будет ваша свадьба?

— Никогда.

— Я так и думал,— в последние три часа, с той поры как вышел сюда из-за карточного стола. Но зачем же он считается женихом?

— Зачем он считается женихом? — зачем! — одного я не могу сказать вам, мне тяжело. А другое могу сказать: мне жаль его. Он так любит меня. Вы скажете: надобно высказать ему прямо, что я думаю о нашей свадьбе,— я говорила; он отвечает: не говорите, это убивает меня, молчите.

— Это вторая причина, а первую, которую вы не можете сказать мне, я могу сказать вам: ваше положение в семействе ужасно.

— Теперь оно сносно. Теперь меня никто не мучит,— ждут и оставляют или почти оставляют одну.

— Но ведь это не может так продолжаться много времени. К вам начнут приставать. Что тогда?

— Ничего. Я думала об этом и решилась. Я тогда не останусь здесь. Я могу быть актрисою. Какая это завидная жизнь! Независимость! Независимость!

— И аплодисменты.

— Да, и это приятно. Но главное — независимость! Делать, что хочу,— жить, как хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни от кого не требовать, ни в ком, ни в ком не нуждаться! Я так хочу жить!

— Это так, это хорошо! Теперь у меня к вам просьба: я узнаю, как это сделать, к кому надобно обратиться,— да?

— Благодарю.— Верочка пожала ему руку.— Делайте это скорее: мне так хочется поскорее вырваться из этого гадкого, несносного, унизительного положения! Я говорю: «я спокойна, мне сносно» — разве это в самом деле так? Разве я не вижу, что делается моим именем? Разве я не знаю, как думают обо мне все, кто здесь есть? Интригантка, хитрит, хочет быть богата, хочет войти в светское общество, блистать, будет держать мужа под башмаком, вертеть им, обманывать его,— разве я не знаю, что все обо мне так думают? Не хочу так жить, не хочу! — Вдруг она задумалась. — Не смейтесь тому, что я скажу: ведь мне жаль его,— он так меня любит!

— Он вас любит? Та́к он на вас смотрит, как вот я, или нет? Такой у него взгляд?

— Вы смотрите прямо, просто. Нет, ваш взгляд меня не обижает.

— Видите, Вера Павловна, это оттого... Но все равно. А он так смотрит?

Верочка покраснела и молчала.

— Значит, он вас не любит. Это не любовь, Вера Павловна.

— Но...— Верочка не договорила и остановилась.

— Вы хотели сказать: но что ж это, если не любовь? Это пусть будет все равно. Но что это не любовь, вы сами скажете. Кого вы больше всех любите? — я говорю не про эту любовь,— но из родных, из подруг?

— Кажется, никого особенно. Из них никого сильно. Но нет, недавно мне встретилась одна очень странная женщина. Она очень ду́рно говорила мне о себе, запретила мне продолжать знакомство с нею, — мы виделись по совершенно особенному случаю,— сказала, что когда мне будет крайность, но такая, что оставалось бы только умереть, чтобы тогда я обратилась к ней, но иначе — никак. Ее я очень полюбила.

— Вы желаете, чтоб она сделала для вас что-нибудь такое, что ей неприятно или вредно?

Верочка улыбнулась.

— Как же это можно?

— Но нет, представьте, что вам очень, очень нужно было бы, чтоб она сделала для вас что-нибудь, и она сказала бы вам: «если я это сделаю, это будет мучить меня», — повторили бы вы ваше требование, стали ли бы настаивать?

— Скорее умерла бы.

— Вот, вы сами говорите, что это — любовь. Только эта любовь — просто чувство, а не страсть. А что же такое любовь — страсть? Чем отличается страсть от простого чувства? Силою. Значит, если при простом чувстве, слабом, слишком слабом перед страстью, любовь ставит вас в такое отношение к человеку, что вы говорите: «лучше умереть, чем быть причиною мученья для него»; если простое чувство так говорит, что же скажет страсть, которая в тысячу раз сильнее? Она скажет: «скорее умру, чем — не то что потребую, не то что попрошу, — а скорее, чем

допущу, чтобы этот человек сделал для меня что-нибудь, кроме того, что ему самому приятно; умру скорее, чем допущу, чтобы он для меня стал к чему-нибудь принуждать себя, в чем-нибудь стеснять себя». Вот такая страсть, которая говорит так, это — любовь. А если страсть не такая, то она страсть, но вовсе не любовь. Я сейчас ухожу отсюда. Я все сказал, Вера Павловна.

Верочка пожала ему руку.

— До свиданья. Что ж вы не поздравите меня? Ведь нынче день моего рожденья.

Лопухов посмотрел на нее.

— Может быть... может быть! Если вы не ошиблись, хорошо для меня.

V

«Как это так скоро, как это так неожиданно,— думает Верочка, одна в своей комнате, по окончании вечера:— в первый раз говорили и стали так близки! за полчаса вовсе не знать друг друга и через час видеть, что стали так близки! как это странно!»

Нет, это вовсе не странно, Верочка. У этих людей, как Лопухов, есть магические слова, привлекающие к ним всякое огорченное, обижаемое существо. Это их невеста подсказывает им такие слова. А вот что в самом деле странно, Верочка, — только не нам с тобою, — что ты так спокойна. Ведь думают, что любовь — тревожное чувство. А ты заснешь так тихо, как ребенок, и не будут ни смущать, ни волновать тебя никакие сны,— разве приснятся веселые детские игры, фанты, горелки или, может быть, танцы, только тоже веселые, беззаботные. Это другим странно, а ты не знаешь, что это странно, а я знаю, что это не странно. Тревога в любви — не самая любовь,— тревога в ней что-нибудь не так, как следует быть, а сама она весела и беззаботна.

«Как это странно,— думает Верочка: — ведь я сама все это передумала, перечувствовала, что он говорит и о бедных, и о женщинах, и о том, как надобно любить,— откуда я это взяла? Или это было в книгах, которые я читала? Нет, там не то: там все это или с сомнениями, или с такими оговорками, и все это как будто что-то необыкновенное, невероятное. Как будто мечты, которые хороши, да только не сбудутся! А мне казалось, что это просто, проще всего, что это самое обыкновенное, без чего нельзя быть, что это верно все так будет, что это вернее всего! А ведь я думала, что это самые лучшие книги. Ведь вот Жорж Занд — такая добрая, благонравная,— а у ней все это только мечты! Или наши — нет, у наших уж вовсе ничего этого нет. Или у Диккенса[29] — у него это есть, только он как будто этого не надеется; только желает, потому что добрый, а сам знает, что этому нельзя быть. Как же они не знают, что без этого нельзя, что это в самом деле надобно так сделать и что это

непременно сделается, чтобы вовсе никто не был ни беден, ни несчастен. Да разве они этого не говорят? Нет, им только жалко, а они думают, что в самом деле так и останется, как теперь,— немного получше будет, а все так же. А того они не говорят, что я думала. Если бы они *это* говорили, я бы знала, что умные и добрые люди так думают; а то ведь мне все казалось, что это только я так думаю, потому что я глупенькая девочка, что кроме меня, глупенькой, никто так не думает, никто этого в самом деле не ждет. А вот он говорит, что его невеста растолковала всем, кто ее любит, что это именно все так будет, как мне казалось, и растолковала так понятно, что все они стали заботиться, чтоб это поскорее так было. Какая его невеста умная! Только, кто ж это она? Я узнаю, непременно узнаю. Да, вот хорошо будет, когда бедных не будет, никто никого принуждать не будет, все будут веселые, добрые, счастливые. . .»

И с этим Верочка заснула, и спала крепко, и ничего не видела во сне.

Нет, Верочка, это не странно, что передумала и приняла к сердцу все это ты, простенькая девочка, не слышавшая и фамилий-то тех людей, которые стали этому учить и доказали, что этому так надо быть, что это непременно так будет, что этого не может не быть; не странно, что ты поняла и приняла к сердцу эти мысли, которых не могли тебе ясно представить твои книги: твои книги писаны людьми, которые учились этим мыслям, когда они были еще мыслями; эти мысли казались удивительны, восхитительны — и только. Теперь, Верочка, эти мысли уж ясно видны в жизни, и написаны другие книги, другими людьми, которые находят, что эти мысли хороши, но удивительного нет в них ничего, и теперь, Верочка, эти мысли носятся в воздухе, как аромат в полях, когда приходит пора цветов; они повсюду проникают, ты их слышала даже от твоей пьяной матери, говорившей тебе, что надобно жить и почему надобно жить обманом и обиранием; она хотела говорить против твоих мыслей, а сама развивала твои же мысли; ты их слышала от наглой, испорченной француженки, которая таскает за собою своего любовника, будто горничную, делает из него все, что хочет, и все-таки, лишь опомнится, находит, что она не имеет своей воли, должна угождать, принуждать себя, что это очень тяжело,— уж ей ли, кажется, не жить с ее Сергеем, и добрым, и деликатным, и мягким,— а она говорит все-таки: «и даже мне, такой дурной, такие отношения дурны». Теперь, Верочка, нетрудно набраться таких мыслей, какие у тебя. Но другие не принимают их к сердцу, а ты приняла — это хорошо, но тоже не странно: что ж странного, что тебе хочется быть вольным и счастливым человеком! Ведь это желание — не бог знает какое головоломное открытие, не бог знает какой подвиг геройства.

А вот что странно, Верочка, что есть такие же люди, у которых нет этого желания, у которых совсем другие желания, и им, пожалуй, покажется странно, с какими мыслями ты, мой друг, засыпаешь в первый

вечер твоей любви, что от мысли о себе, о своем милом, о своей любви ты перешла к мыслям, что всем людям надобно быть счастливыми и что надобно помогать этому скорее прийти. А ты не знаешь, что это странно, а я знаю, что это не странно, что это одно и натурально, одно и по-человечески; просто по-человечески, — «я чувствую радость и счастье» — значит «мне хочется, чтобы все люди стали радостны и счастливы» — по-человечески, Верочка, эти обе мысли одно. Ты добрая девушка; ты не глупая девушка; но ты меня извини, я ничего удивительного не нахожу в тебе; может быть, половина девушек, которых я знал и знаю, а может быть, и больше, чем половина,— я не считал, да и много их, что считать-то,— не хуже тебя, а иные и лучше, ты меня прости.

Лопухову кажется, что ты удивительная девушка, это так; но это не удивительно, что это ему кажется, — ведь он полюбил тебя! И тут нет ничего удивительного, что полюбил: тебя можно полюбить; а если полюбил, так ему так и должно казаться.

VI

Марья Алексевна шмыгала мимо дочери и учителя во время первой их кадрили; но во время второй она не показывалась подле них и вся была погружена в хлопоты хозяйки по приготовлению закуски вроде ужина. Кончив эти заботы, она справилась об учителе — учителя уже не было.

Через два дня учитель пришел на урок. Подали самовар — это всегда приходилось во время урока. Марья Алексевна вышла в комнату, где учитель занимался с Федею; прежде звала Федю Матрена; учитель хотел остаться на своем месте, потому что ведь он не пьет чаю, и просмотрит в это время Федину тетрадь, но Марья Алексевна просила его пожаловать посидеть с ними, ей нужно поговорить с ним. Он пошел, сел за чайный стол.

Марья Алексевна начала расспрашивать его о способностях Феди, о том, какая гимназия лучше, не лучше ли будет поместить мальчика в гимназический пансион,— расспросы очень натуральные, только не рано ли немножко делаются? Во время этого разговора она так усердно и любезно просила учителя выкушать чаю, что Лопухов согласился отступить от своего правила, взял стакан. Верочка долго не выходила,— вышла; она и учитель обменялись поклонами, будто ничего между ними не было, а Марья Алексевна все еще продолжала беседовать о Феде. Потом вдруг круто поворотила разговор на самого учителя и стала расспрашивать, кто он, что он, какие у него родственники, имеют ли состояние, как он живет, как думает жить; учитель отвечал коротко и неопределенно, что родственники есть, живут в провинции, люди небогатые, он сам живет уроками, останется медиком в Петербурге; словом сказать, из всего этого не выходило ничего. Видя такое упорство, Марья Алексевна приступила к делу прямее:

— Вот вы говорите, что останетесь здесь доктором; а здешним докторам, слава богу, можно жить; еще не думаете о семейной жизни, или имеете девушку на примете?

Что это? учитель уж и позабыл было про свою фантастическую невесту, хотел было сказать «не имею на примете», но вспомнил: «ах, да ведь она подслушивала!» Ему стало смешно,— ведь какую глупость тогда придумал! Как это я сочинил такую аллегорию, да и вовсе не нужно было! Ну вот, подите же, говорят, пропаганда вредна — вон как на нее подействовала пропаганда, когда у ней сердце чисто и не расположено к вредному; ну, подслушала и поняла, так мне какое дело?

— Как же, имею,— сказал Лопухов.

— И помолвлены, или нет еще?

— Помолвлен.

— И формально помолвлены, или только так, между собою говорили?

— Формально помолвлен.

Бедная Марья Алексевна! Она слышала слова «моя невеста» — «ваша невеста» — «я ее очень люблю» — «она красавица»,— и успокоилась насчет волокитства со стороны учителя; и вторую кадриль уже могла вполне отдать хлопотам о закуске вроде ужина. Но ей хотелось пообстоятельнее и пооснователънее узнать эту успокоительную историю. Она продолжала расспросы; ведь каждому приятны успокоительные разговоры, да и во всяком случае любопытно — ведь всё любопытно. Учитель отвечал основательно, хотя, по своему правилу, кратко. — Хороша ли его невеста? — Необыкновенно.— Есть ли приданое? — Теперь нет, но получает большое наследство. — Большое? — Очень большое. — Как велико? — Очень велико. — Тысяч до ста? — Гораздо больше. — А сколько же? — Да что об этом говорить, довольно того, что очень много. — В деньгах? — Есть и в деньгах. — Может быть, и в поместьях? — Да, есть и в поместьях. — Скоро? — Скоро. — А свадьба скоро ли? — Скоро. — Так и следует, Дмитрий Сергеич, покуда еще не получила наследства, а то ведь от женихов отбою не будет. — Совершенная правда. — Да как это бог послал ему такое счастье, да как это не перехватили другие? — Да так; почти еще никто не знает, что она должна получить наследство. — А он проведал? — Проведал. — Да как же? — Да он, признаться сказать, давно проведывал, ну, нашел. — И верно разузнал? — Еще бы, документы сам проверял. — Сам? — Сам. С того и начал. — С того и начал? — Разумеется, кто в своем уме, без документов шагу не делает. — Правда, Дмитрий Сергеич, не делает. Какое счастье-то! Верно за молитвы родительские! — Вероятно.

Учитель и прежде понравился Марье Алексевне тем, что не пьет чаю; по всему было видно, что он человек солидный, основательный; говорил он мало — тем лучше, не вертопрах; но что говорил, то говорил хорошо — особенно о деньгах; но с вечера третьего дня она увидела, что учитель даже очень хорошая находка, по совершенному препятствию

к волокитству за девушками в семействах, где дает уроки: такое полное препятствие редко бывает у таких молодых людей. А теперь она была в полном удовольствии от него. В самом деле, какой солидный человек! И ведь не хвастался, что у него богатая невеста: каждое слово из него надобно было клещами вытягивать. И как пронюхивал-то — видно, давно уж думал подыскать богатую невесту,— и поди, чать, как примазывался-то к ней! Ну, этот, можно сказать, умеет свои дела вести. И с документов прямо так и начал, да и говорит-то как! «без этого, говорит, нельзя, кто в своем уме»— редкой основательности молодой человек!

Верочка сначала едва удерживалась от слишком заметной улыбки, но постепенно ей стало казаться, — как это ей стало казаться? — нет, это не так, нет, это так! — что Лопухов хоть отвечал Марье Алексевне, но говорит не с Марьей Алексевною, а с нею, Верочкою, что над Марьей Алексевною он подшучивает, серьезно же и правду, и только правду, говорит одной ей, Верочке.

Казалось ли только так Верочке, или в самом деле так было, кто знает? Он знал, и она узнала; а нам, пожалуй, и не нужно знать; нам нужны только факты. А факт был тот, что Верочка, слушавшая Лопухова сначала улыбаясь, потом серьезно, думала, что он говорит не с Марьей Алексевною, а с нею, и не шутя, а правду, а Марья Алексевна, с самого начала слушавшая Лопухова серьезно, обратилась к Верочке и сказала: «друг мой, Верочка, что ты все такой букой сидишь? Ты теперь с Дмитрием Сергеичем знакома, попросила бы его сыграть тебе в аккомпанемент, а сама бы спела!», и смысл этих слов был: «мы вас очень уважаем, Дмитрий Сергеич, и желаем, чтобы вы были близким знакомым нашего семейства; а ты, Верочка, не дичись Дмитрия Сергеича, я скажу Михаилу Иванычу, что уж у него есть невеста, и Михаил Иваныч тебя к нему не будет ревновать». — Это было для Верочки и для Дмитрия Сергеича, — он теперь уж и в мыслях Марьи Алексевны был не «учитель», а «Дмитрий Сергеич»;— а для самой Марьи Алексевны слова ее имели третий, самый натуральный и настоящий смысл: «надо его приласкать; знакомство может впоследствии пригодиться, когда будет богат, шельма»; это был общий смысл слов Марьи Алексевны для Марьи Алексевны, а кроме общего, был в них и частный смысл: «приласкавши, стану ему говорить, что мы люди небогатые, что нам тяжело платить по целковому за урок». Вот сколько смыслов имели слова Марьи Алексевны. Дмитрий Сергеич сказал, что теперь он кончит урок, а потом с удовольствием поиграет на фортепьяно.

VII

Много смыслов имели слова Марьи Алексевны, и не меньше того имели они результатов. Со стороны частного смысла их для нее самой, то есть сбережения платы за уроки, Марья Алексевна достигла большего успеха, чем сама рассчитывала; когда через два урока она повела дело о том, что они люди небогатые, Дмитрий Сергеич стал торговаться, сильно торго-

вался, долго не уступал, долго держался на трехрублевом (тогда еще были трехрублевые, т. е., если помните, монета в 75 к.);[30] Марья Алексевна и сама не надеялась спустить ниже, но, сверх чаяния, успела сбить на 60 к. за урок. По-видимому, частный смысл ее слов — надежда сбить плату — противоречил ее же мнению о Дмитрии Сергеиче (не о Лопухове, а о Дмитрии Сергеиче) как об алчном пройдохе: с какой стати корыстолюбец будет поступаться в деньгах для нашей бедности? а если Дмитрий Сергеич поступился, то, по-настоящему, следовало бы ей разочароваться в нем, увидеть в нем человека легкомысленного и, следовательно, вредного. Конечно, этак она и рассудила бы в чужом деле. Но уж так устроен человек, что трудно ему судить о своих делах по общему правилу: охотник он делать исключения в свою пользу. Когда коллежский секретарь Иванов уверяет коллежского советника Ивана Иваныча, что предан ему душою и телом, Иван Иваныч знает по себе, что преданности душою и телом нельзя ждать ни от кого, а тем больше знает, что в частности Иванов пять раз продал отца родного за весьма сходную цену и тем даже превзошел его самого, Ивана Иваныча, который успел продать своего отца только три раза, а все-таки Иван Иваныч верит, что Иванов предан ему, то есть и не верит ему, а благоволит к нему за это, и хоть не верит, а дает ему дурачить себя, — значит, все-таки верит, хоть и не верит. Что прикажете делать с этим свойством человеческого сердца? Оно дурно, оно вредно; но Марья Алексевна не была, к сожалению, изъята от этого недостатка, которым страдают почти все корыстолюбцы, хитрецы и дрянные люди. От него есть избавленье только в двух крайних сортах нравственного достоинства: или в том, когда человек уже трансцендентальный негодяй, восьмое чудо света плутовской виртуозности, вроде Али-паши Янинского, Джеззар-паши Сирийского, Мегемет-Али Египетского, которые проводили европейских дипломатов и (Джеззар) самого Наполеона Великого[31] так легко, как детей, когда мошенничество наросло на человеке такою абсолютно прочною бронею, сквозь которую нельзя пробраться ни до какой человеческой слабости: ни до амбиции, ни до честолюбия, ни до властолюбия, ни до самолюбия, ни до чего; но таких героев мошенничества чрезвычайно мало, почти что не попадается в европейских землях, где виртуозность негодяйства уже портится многими человеческими слабостями. Потому, если вам укажут хитреца и скажут: «вот этого человека никто не проведет», — смело ставьте 10 р. против 1 р., что вы, хоть вы человек и не хитрый, проведете этого хитреца, если только захотите, а еще смелее ставьте 100 р. против 1 р., что он сам себя на чем-нибудь водит за нос, ибо это обыкновеннейшая, всеобщая черта в характере у хитрецов — на чем-нибудь водить себя за нос. Уж на что, кажется, искусники были Луи-Филипп и Меттерних, а ведь как отлично вывели сами себя за нос из Парижа и Вены в места злачные и спокойные буколически наслаждаться картиною того, как там, в этих местах, Макар телят гоняет.[32] А Наполеон I как был хитр, — гораздо хитрее их обоих, да еще при этакой-то хитрости

имел, говорят, гениальный ум, — а как мастерски провел себя за нос на Эльбу, да еще мало показалось, захотел подальше, и удалось, удалось так, что дотащил себя за нос до Св. Елены! А ведь как трудно-то было — почти невозможно, — а сумел преодолеть все препятствия к достижению острова Св. Елены! Прочтите-ко «Историю кампании 1815 г.» Шарраса[33] — даже умилительно то усердие и искусство, с каким он тащил тут себя за нос! Увы, и Марья Алексевна не была изъята от этой вредной наклонности.

Мало людей, которым бронею против обольщения служит законченная доскональность в обманывании других. Но зато многочисленны люди, которым надежно в этом отношении служит простая честность сердца. По свидетельству всех Видоков и Ванек-Каинов,[34] нет ничего труднее, как надуть честного, бесхитростного человека, если он имеет хоть несколько рассудка и житейского опыта. Неглупые люди в одиночку не обольщаются. Но у них есть другой, такой же вредный вид этой слабости: они подвержены повальному обольщению. Плут не может взять ни одного из них за нос; но носы всех их, как одной компании, постоянно готовы к услугам. А плуты, в одиночку слабые насчет независимости своих носов, компанионально не проводятся за нос. В этом вся тайна всемирной истории.

Но забираться нам во всемирную историю будет уж лишнее: занимаешься рассказом, так занимайся рассказом.

Первым результатом слов Марьи Алексевны было удешевление уроков. Другим результатом — то, что от удешевления учителя (то есть, уже не учителя, а Дмитрия Сергеича) Марья Алексевна еще больше утвердилась в хорошем мнении о нем как о человеке основательном, дошла даже до убеждения, что разговоры с ним будут полезны для Верочки, склонят Верочку на венчанье с Михаилом Иванычем,— этот вывод был уже очень блистателен, и Марья Алексевна своим умом не дошла бы до него, но встретилось ей такое ясное доказательство, что нельзя было не заметить этой пользы для Верочки от влияния Дмитрия Сергеича. Как встретилось это доказательство, мы сейчас увидим.

Третий результат слов Марьи Алексевны был, разумеется, тот, что Верочка и Дмитрий Сергеич стали, с ее разрешения и поощрения, проводить вместе довольно много времени. Кончив урок часов в восемь, Лопухов оставался у Розальских еще часа два-три: игрывал в карты с матерью семейства, отцом семейства и женихом; говорил с ними; играл на фортепьяно, а Верочка пела, или Верочка играла, а он слушал; иногда и разговаривал с Верочкою, и Марья Алексевна не мешала, не косилась, хотя, конечно, не оставляла без надзора.

О, разумеется, не оставляла, потому что хотя Дмитрий Сергеич и очень хороший молодой человек, но все же недаром говорится пословица: не клади плохо, не вводи вора в грех. А что Дмитрий Сергеич вор — не в порицательном, а в похвальном смысле,— нет никакого сомнения: иначе за что ж бы его и уважать и делать хорошим знакомым? Неужели с дураками знакомиться? Конечно, следует и с дураками, когда от них можно

попользоваться. Но у Дмитрия Сергеича пока еще нет ничего; стало быть, с ним можно водить дружбу только за его достоинства, то есть за ум, то есть за основательность, расчетливость, уменье вести свои дела. А если у всякого человека чорт знает что на уме, то у такого умного человека и подавно. Стало быть, за Дмитрием Сергеичем надобно смотреть да смотреть. Марья Алексевна и смотрела очень прилежно. Но все наблюдения только подтверждали основательность и благонамеренность Дмитрия Сергеича. Например, по чему сейчас можно заметить амурные шашни? По заглядыванию за корсет. Вот Верочка играет, Дмитрий Сергеич стоит и слушает, а Марья Алексевна смотрит, не запускает ли он глаз за корсет,— нет, и не думает запускать! или иной раз вовсе не глядит на Верочку, а так куда-нибудь глядит, куда случится, или иной раз глядит на нее, так просто в лицо ей глядит, да так бесчувственно, что сейчас видно: смотрит на нее только из учтивости, а сам думает о невестином приданом,— глаза у него не разгораются, как у Михаила Иваныча. Опять, в чем еще замечаются амурные дела?— в любовных словах; никаких любовных слов не слышно; да и говорят-то они между собою мало,— он больше говорит с Марьей Алексевною. Или вот: стал он приносить книги Верочке. Раз Верочка ушла к подруге, и Михаил Иваныч тут сидел. Вот Марья Алексевна взяла книги, принесла Михаилу Иванычу.

— Посмотрите-ко, Михаил Иваныч, французскую-то я сама почти что разобрала: «Гостиная»— значит, самоучитель светского обращения, а немецкую-то не пойму.

— Нет, Марья Алексевна, это не «Гостиная», это Destinée — судьба.

— Какая же это судьба? роман, что ли, так называется, али оракул, толкование снов?

— А вот сейчас увидим, Марья Алексевна, из самой книги. — Михаил Иваныч перевернул несколько листов. — Тут все о сериях больше говорится, Марья Алексевна, — ученая книга.[35]

— О сериях? Это хорошо; значит, как денежные обороты вести.

— Да, все об этом, Марья Алексевна.

— Ну, а немецкая-то?

Михаил Иваныч медленно прочел: «О религии, сочинение Людвига» [36] — Людовика-четырнадцатого, Марья Алексевна, сочинение Людовика XIV; это был, Марья Алексевна, французский король, отец тому королю, на место которого нынешний Наполеон сел.

— Значит, о божественном?

— О божественном, Марья Алексевна.

— Это хорошо, Михаил Иваныч; то-то я и знаю, что Дмитрий Сергеич солидный молодой человек, а все-таки нужен глаз да глаз за всяким человеком!

— Конечно, у него не то на уме, Марья Алексевна, а я все-таки очень вам благодарен, Марья Алексевна, за ваше наблюдение.

— Нельзя, наблюдаю, Михаил Иваныч; такая уж обязанность матери,

чтобы дочь в чистоте сохранить, и могу вам поручиться насчет Верочки. Только вот что я думаю, Михаил Иваныч: король-то французский какой был веры?

— Католик, натурально.

— Так он там не в папскую ли веру обращает?

— Не думаю, Марья Алексевна. Если бы католический архиерей писал, он, точно, стал бы обращать в папскую веру. А король не станет этим заниматься: он, как мудрый правитель и политик, просто будет внушать благочестие.

Кажется, чего еще? Марья Алексевна не могла не видеть, что Михаил Иваныч, при всем своем ограниченном уме, рассудил очень основательно; но все-таки вывела дело уже совершенно начистоту. Дня через два, через три она вдруг сказала Лопухову, играя с ним и Михаилом Иванычем в преферанс:

— А что, Дмитрий Сергеич, я хочу у вас спросить: прошлого французского короля отец, того короля, на место которого нынешний Наполеон сел, велел в папскую веру креститься?

— Нет, не велел, Марья Алексевна.

— А хороша папская вера, Дмитрий Сергеич?

— Нет, Марья Алексевна, не хороша. А я семь в бубнах сыграю.

— Это я так, по любопытству спросила, Дмитрий Сергеич, как я женщина неученая, а знать интересно. А много вы ремизов-то списали, Дмитрий Сергеич!

— Нельзя, Марья Алексевна, тому нас в Академии учат. Медику нельзя не уметь играть.

Для Лопухова до сих пор остается загадкою, зачем Марье Алексевне понадобилось знать, велел ли Филипп Эгалите креститься в папскую веру.

Ну как после всего этого не было бы извинительно Марье Алексевне перестать утомлять себя неослабным надзором? И глаз не запускает за корсет, и лицо бесчувственное, и божественные книги дает читать, — кажется, довольно бы. Но нет, Марья Алексевна не удовлетворилась надзором, а устроила даже пробу, будто учила «логику», которую и я учил наизусть, говорящую: «наблюдение явлений, каковые происходят сами собою, должно быть поверяемо опытами, производимыми по обдуманному плану, для глубочайшего проникновения в тайны таковых отношений»,— и устроила она эту пробу так, будто читала Саксона Грамматика,[37] рассказывающего, как испытывали Гамлета в лесу девицею.

VIII
ГАМЛЕТОВСКОЕ ИСПЫТАНИЕ

Однажды Марья Алексевна сказала за чаем, что у нее разболелась голова; разлив чай и заперев сахарницу, ушла и улеглась. Вера и Лопухов остались сидеть в чайной комнате, подле спальной, куда ушла Марья Алексевна. Через несколько минут больная кликнула Федю. «Скажи се-

стре, что их разговор не дает мне уснуть; пусть уйдут куда подальше, чтоб не мешали. Да скажи хорошенько, чтобы не обидеть Дмитрия Сергеича: видишь, он какой заботливый о тебе». Федя пошел и сказал, что маменька просит вот о чем. — «Пойдемте в мою комнату, Дмитрий Сергеич,— она далеко от спальной, там не будем мешать». Этого, разумеется, и ждала Марья Алексевна. Через четверть часа она в одних чулках, без башмаков, подкралась к двери верочкиной комнаты. Дверь была полуотворена; между дверью и косяком была такая славная щель,— Марья Алексевна приложила к ней глаз и навострила уши.

Увидела она следующее:

В верочкиной комнате было два окна, между окон стоял письменный стол. У одного окна, с одного конца стола, сидела Верочка и вязала шерстяной нагрудник отцу, свято исполняя заказ Марьи Алексевны; у другого окна, с другого конца стола, сидел Лопухов; локтем одной руки оперся на стол, и в этой руке была сигара, а другая рука у него была засунута в карман; расстояние между ним и Верочкою было аршина два, если не больше. Верочка больше смотрела на свое вязание; Лопухов больше смотрел на сигару. Диспозиция успокоительная.

Услышала она следующее:

— ..... Надобно так смотреть на жизнь?[38] — с этих слов начала слышать Марья Алексевна.

— Да, Вера Павловна, так надобно.

— Стало быть, правду говорят холодные практические люди, что человеком управляет только расчет выгоды?

— Они говорят правду. То, что называют возвышенными чувствами, идеальными стремлениями,— все это в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе, и в корне само состоит из того же стремления к пользе.

— Да вы, например, разве вы таков?

— А каков же, Вера Павловна? Вы послушайте, в чем существенная пружина всей моей жизни. Сущность моей жизни состояла до сих пор в том, что я учился, я готовился быть медиком. Прекрасно. Зачем отдал меня отец в гимназию? Он твердил мне: «учись, Митя: выучишься — чиновник будешь, нас с матерью кормить будешь, да и самому будет хорошо». Вот почему я учился; без этого расчета отец не отдал бы меня учиться: ведь семейству нужен был работник. Да и я сам, хотя полюбил ученье, стал ли бы тратить время на него, если бы не думал, что трата вознаградится с процентами? Я стал оканчивать курс в гимназии; убедил отца отпустить меня в Медицинскую академию, вместо того чтобы определять в чиновники. Как это произошло? Мы с отцом видели, что медики живут гораздо лучше канцелярских чиновников и столоначальников, выше которых не подняться бы мне. Вот вам причина, по которой я очутился и оставался в Академии — хороший кусок хлеба. Без этого расчета я не поступил бы в Академию и не оставался бы в ней.

— Но ведь вы любили учиться в гимназии, ведь вы полюбили потом медицинские науки?

— Да. Это украшение; оно и полезно для успеха дела; но дело обыкновенно бывает и без этого украшения, а без расчета не бывает. Любовь к науке была только результатом, возникавшим из дела, а не причиною его; причина была одна — выгода.

— Положим, вы правы,— да, вы правы. Все поступки, которые я могу разобрать, объясняются выгодою. Но ведь эта теория холодна.

— Теория должна быть сама по себе холодна. Ум должен судить о вещах холодно.

— Но она беспощадна.

— К фантазиям, которые пусты и вредны.

— Но она прозаична.

— Для науки не годится стихотворная форма.

— Итак, эта теория, которой я не могу не допустить, обрекает людей на жизнь холодную, безжалостную, прозаичную?..

— Нет, Вера Павловна: эта теория холодна, но учит человека добывать тепло. Спичка холодна, стена коробочки, о которую трется она, холодна, дрова холодны, но от них огонь, который готовит теплую пищу человеку и греет его самого. Эта теория безжалостна, но, следуя ей, люди не будут жалким предметом праздного сострадания. Ланцет не должен гнуться — иначе надобно будет жалеть о пациенте, которому не будет легче от нашего сожаления. Эта теория прозаична, но она раскрывает истинные мотивы жизни, а поэзия в правде жизни. Почему Шекспир величайший поэт? Потому, что в нем больше правды жизни, меньше обольщения, чем у других поэтов.

— Так буду и я беспощадна, Дмитрий Сергеич, — сказала Верочка, улыбаясь:— вы не обольщайтесь мыслью, что имели во мне упорную противницу вашей теории расчета выгод и приобрели ей новую последовательницу. Я сама давно думала в том роде, как прочла в вашей книге и услышала от вас. Но я думала, что это мои личные мысли, что умные и ученые люди думают иначе, оттого и было колебанье. Все, что читаешь, бывало, — все написано в противоположном духе, наполнено порицаниями, сарказмами против того, что замечаешь в себе и других. Природа, жизнь, рассудок ведут в одну сторону, книги тянут в другую, говорят: это дурно, низко. Знаете, мне самой были отчасти смешны те возражения, которые я вам делала!

— Да, они смешны, Вера Павловна.

— Однако, — сказала она, смеясь: — мы делаем друг другу удивительные комплименты. Я вам: вы, Дмитрий Сергеич, пожалуйста, не слишком-то поднимайте нос; вы мне: вы смешны с вашими сомнениями, Вера Павловна!

— Что ж,— сказал он, тоже улыбнувшись, — нам нет расчета любезничать, потому мы не любезничаем.

— Хорошо, Дмитрий Сергеич; люди — эгоисты, так ведь? Вот вы говорили о себе, — и я хочу поговорить о себе.

— Так и следует; каждый думает всего больше о себе.

— Хорошо. Посмотрим, не поймаю ли я вас на вопросах о себе.

— Посмотрим.

— У меня есть богатый жених. Он мне не нравится. Должна ли я принять его предложение?

— Рассчитывайте, что для вас полезнее.

— Что для меня полезнее! Вы знаете, я очень небогата. С одной стороны, нерасположение к человеку; с другой — господство над ним, завидное положение в обществе, деньги, толпа поклонников.

— Взвесьте все; что полезнее для вас, то и выбирайте.

— И если я выберу — богатство мужа и толпу поклонников?

— Я скажу, что вы выбрали то, что вам казалось сообразнее с вашим интересом.

— И что надобно будет сказать обо мне?

— Если вы поступили хладнокровно, рассудительно обдумав, то надобно будет сказать, что вы поступили обдуманно и, вероятно, не будете жалеть о том.

— Но будет мой выбор заслуживать порицания?

— Люди, говорящие разные пустяки, могут говорить о нем, как им угодно; люди, имеющие правильный взгляд на жизнь, скажут, что вы поступили так, как следовало вам поступить; если вы так сделали, значит такова была ваша личность, что нельзя вам было поступить иначе при таких обстоятельствах; они скажут, что вы поступили по необходимости вещей, что, собственно говоря, вам и не было другого выбора.

— И никакого порицания моему поступку?

— Кто имеет право порицать выводы из факта, когда существует факт? Ваша личность в данной обстановке — факт; ваши поступки — необходимые выводы из этого факта, делаемые природою вещей. Вы за них не отвечаете, а порицать их — глупо.

— Однако вы не отступаете от своей теории. Так я не заслужу ваше порицание, если приму предложение моего жениха?

— Я был бы глуп, если бы стал порицать.

— Итак, разрешение, — быть может, даже одобрение, — быть может даже прямой совет поступить так, как я говорю?

— Совет всегда один: рассчитывайте, что для вас полезно; как скоро вы следуете этому совету — одобрение.

— Благодарю вас. Теперь мое личное дело разрешено. Вернемся к первому, общему вопросу. Мы начали с того, что человек действует по необходимости, его действия определяются влияниями, под которыми происходят; более сильные влияния берут верх над другими; тут мы и оставили рассуждение, что когда поступок имеет житейскую важность, эти побуждения называются выгодами, игра их в человеке — соображением выгод,

что поэтому человек всегда действует по расчету выгод. Так я передаю связь мыслей?

— Так.

— Видите, какая я хорошая ученица. Теперь этот частный вопрос о поступках, имеющих житейскую важность, кончен. Но в общем вопросе остаются затруднения. Ваша книга говорит: человек действует по необходимости. Но ведь есть случаи, когда кажется, что от моего произвола зависит поступить так или иначе. Например: я играю и перевертываю страницы нот; я перевертываю их иногда левою рукою, иногда правою. Положим, теперь я перевернула правою: разве я не могла перевернуть левою? не зависит ли это от моего произвола?

— Нет, Вера Павловна; если вы перевертываете, не думая ничего о том, какою рукою перевернуть, вы перевертываете тою рукою, которою удобнее, произвола нет; если вы подумали: «дай переверну правою рукою» — вы перевернете под влиянием этой мысли, но эта мысль явилась не от вашего произвола; она необходимо родилась от других...

Но на этом слове Марья Алексевна уже прекратила свое слушание: «ну, теперь занялись ученостью, — не по моей части, да и не нужно. Какой умный, основательный, можно сказать, благородный молодой человек! Какие благоразумные правила внушает Верочке! И что значит ученый человек: ведь вот я то же самое стану говорить ей — не слушает, обижается: не могу на нее потрафить, потому что не умею по-ученому говорить. А вот как он по-ученому-то говорит, она и слушает, и видит, что правда, и соглашается. Да, недаром говорится: ученье — свет, неученье — тьма. Как бы я-то воспитанная женщина была, разве бы то было, что теперь? Мужа бы в генералы произвела, по провиантской бы части место ему достала или по другой по какой по такой же. Ну, конечно, дела бы за него сама вела с подрядчиками-то: ему где — плох! Дом-то бы не такой состроила, как этот. Не одну бы тысячу душ купила. А теперь не могу. Тут надо прежде в генеральском обществе себя зарекомендовать, — а я как зарекомендую? — ни по-французски, ни по-каковски по-ихнему не умею. Скажут: манер не имеет, только на Сенной ругаться годится. Вот и не гожусь. Неученье — тьма. Подлинно: ученье — свет, неученье — тьма».

Вот именно этот подслушанный разговор и привел Марью Алексевну к убеждению, что беседы с Дмитрием Сергеичем не только не опасны для Верочки, — это она и прежде думала, — а даже принесут ей пользу, помогут ее заботам, чтобы Верочка бросила глупые неопытные девические мысли и поскорее покончила венчаньем дело с Михаилом Иванычем.

IX

Отношения Марьи Алексевны к Лопухову походят на фарс, сама Марья Алексевна выставляется через них в смешном виде. То и другое

решительно против моей воли. Если бы я хотел заботиться о том, что называется у нас художественностью, я скрыл бы отношения Марьи Алексевны к Лопухову, рассказ о которых придает этой части романа водевильный характер. Скрыть их было бы легко. Существенный ход дела мог быть объяснен и без них. Что удивительного было бы, что учитель и без дружбы с Марьею Алексевною имел бы случаи говорить иногда, хоть изредка, по нескольку слов с девушкою, в семействе которой дает уроки? Разве много нужно слов, чтоб росла любовь? В содействии Марьи Алексевны вовсе не было нужды для той развязки, какую получила встреча Верочки с Лопуховым. Но я рассказываю дело не так, как нужно для доставления мне художнической репутации, а как оно было. Я как романист очень огорчен тем, что написал несколько страниц, унижающихся до водевильности.

Мое намерение выставлять дело, как оно было, а не так, как мне удобнее было бы рассказывать его, делает мне и другую неприятность: я очень недоволен тем, что Марья Алексевна представляется в смешном виде с размышлениями своими о невесте, которую сочинила Лопухову, с такими же фантастическими отгадываниями содержания книг, которые давал Лопухов Верочке, с рассуждениями о том, не обращал ли людей в папскую веру Филипп Эгалите и какие сочинения писал Людовик XIV. Ошибаться может каждый, ошибки могут быть нелепы, если человек судит о вещах, чуждых его понятиям; но было бы несправедливо выводить из нелепых промахов Марьи Алексевны, что ее расположение к Лопухову основывалось лишь на этих вздорах: нет, никакие фантазии о богатой невесте и благочестии Филиппа Эгалите ни на минуту не затмили бы ее здравого смысла, если бы в действительных поступках и словах Лопухова было заметно для нее хотя что-нибудь подозрительное. Но он действительно держал себя так, как, по мнению Марьи Алексевны, мог держать себя только человек в ее собственном роде; ведь он, молодой, бойкий человек, не запускал глаз за корсет очень хорошенькой девушки, не таскался за нею по следам, играл с Марьею Алексевною в карты без отговорок, не отзывался, что «лучше я посижу с Верою Павловною», рассуждал о вещах в духе, который казался Марье Алексевне ее собственным духом; подобно ей, он говорил, что все на свете делается для выгоды, что, когда плут плутует, нечего тут приходить в азарт и вопиять о принципах чести, которые следовало бы соблюдать этому плуту, что и сам плут вовсе не напрасно плут, а таким ему и надобно быть по его обстоятельствам, что не быть ему плутом, — не говоря уж о том, что это невозможно, — было бы нелепо, просто сказать, глупо с его стороны. Да, Марья Алексевна была права, находя много родственного себе в Лопухове.

Я понимаю, как сильно компрометируется Лопухов в глазах просвещенной публики сочувствием Марьи Алексевны к его образу мыслей. Но я не хочу давать потачки никому и не прячу этого обстоятельства,

столь вредного для репутации Лопухова, хоть и доказал, что мог утаить такую дурную сторону отношений Лопухова в семействе Розальских; я делаю даже больше: я сам принимаюсь объяснять, что он именно заслуживал благосклонность Марьи Алексевны.

Действительно, из разговора Лопухова с Верочкою обнаруживается, что образ его мыслей гораздо легче мог показаться хорош людям вроде Марьи Алексевны, чем красноречивым партизанам разных прекрасных идей.[39] Лопухов видел вещи в тех самых чертах, в каких представляются они всей массе рода человеческого, кроме партизанов прекрасных идей. Если Марья Алексевна могла повторить с удовольствием от своего лица его внушения Верочке по вопросу о предложении Сторешникова, то и он мог бы с удовольствием подписать «Правда» под ее пьяною исповедью Верочке. Сходство их понятий было так велико, что просвещенные и благородные романисты, журналисты и другие поучатели нашей публики давно провозгласили: «эти люди вроде Лопухова ничем не разнятся от людей вроде Марьи Алексевны». Если столь просвещенные и благородные писатели так поняли людей вроде Лопухова, то неужели мы будем осуждать Марью Алексевну за то, что она не рассмотрела в Лопухове ничего, кроме того, что поняли в людях его разряда лучшие наши писатели, мыслители и назидатели?

Конечно, если бы Марья Алексевна знала хотя половину того, что знают эти писатели, у ней достало бы ума сообразить, что Лопухов плохая компания для нее. Но, кроме того, что она была женщина неученая, она имеет и другое извинение своей ошибке: Лопухов не договаривался с нею до конца. Он был пропагандист, но не такой, как любители прекрасных идей, которые постоянно хлопочут о внушении Марьям Алексевнам благородных понятий, какими восхищены сами в себе. Он имел столько рассудительности, чтобы не выпрямлять 50-летнего дерева. Он и она понимали факты одинаково и толковали о них. Как человек теоретически образованный, он мог делать из фактов выводы, которых не умели делать люди, подобные Марье Алексевне, не знающие ничего, кроме обыденных личных забот да ходячих афоризмов простонародной общечеловеческой мудрости: пословиц, поговорок и тому подобных старых и старинных, древних и ветхих изречений. Но до выводов у них дело не доходило. Если бы, например, он стал объяснять, что такое «выгода», о которой он толкует с Верочкою, быть может Марья Алексевна поморщилась бы, увидев, что выгода этой выгоды не совсем сходна с ее выгодою, но Лопухов не объяснял этого Марье Алексевне, а в разговоре с Верочкою также не было такого объяснения, потому что Верочка знала, каков смысл этого слова в тех книгах, по поводу которых они вели свой разговор. Конечно, и то правда, что, подписывая на пьяной исповеди Марьи Алексевны «Правда», Лопухов прибавил бы: «а так как по вашему собственному признанию, Марья Алексевна, новые порядки лучше прежних, то я и не запрещаю хлопотать о их заведении тем людям, которые

находят себе в том удовольствие; что же касается до глупости народа, которую вы считаете помехою заведению новых порядков, то, действительно, она помеха делу; но вы сами не будете спорить, Марья Алексевна, что люди довольно скоро умнеют, когда замечают, что им выгодно стало поумнеть, в чем прежде не замечалась ими надобность; вы согласитесь также, что прежде и не было им возможности научиться уму-разуму, а доставьте им эту возможность, то, пожалуй, ведь они и воспользуются ею». Но до этого он не договаривался с Марьею Алексевною, и даже не по осторожности, хотя был осторожен, а просто по тому же внушению здравого смысла и приличия, по которому не говорил с нею на латинском языке и не утруждал ее слуха очень интересными для него самого рассуждениями о новейших успехах медицины: он имел настолько рассудка и деликатности, чтобы не мучить человека декламациями, непонятными для этого человека.

Но все это я говорю только в оправдание недосмотра Марьи Алексевны, не успевшей вовремя раскусить, что за человек Лопухов, а никак не в оправдание самому Лопухову. Лопухова оправдывать было бы нехорошо, а почему нехорошо, узришь ниже. Люди, которые, не оправдывая его, захотели бы, по человеколюбию своему, извинить его, не могли бы извинить. Например, они сказали бы в извинение ему, что он был медик и занимался естественными науками, а это располагает к материалистическому взгляду. Но такое извинение очень плохо. Мало ли какие науки располагают к такому же взгляду? — и математические, и исторические, и общественные, да и всякие другие. Но разве все геометры, астрономы, все историки, политико-экономы, юристы, публицисты и всякие другие ученые так уж и материалисты? Далеко нет. Стало быть, Лопухов не избавляется от своей вины. Сострадательные люди, не оправдывающие его, могли бы также сказать ему в извинение, что он не совершенно лишен некоторых похвальных признаков: сознательно и твердо решился отказаться от всяких житейских выгод и почетов для работы на пользу другим, находя, что наслаждение такою работою — лучшая выгода для него; на девушку, которая была так хороша, что он влюбился в нее, он смотрел таким чистым взглядом, каким не всякий брат глядит на сестру; но против этого извинения его материализму надобно сказать, что ведь и вообще нет ни одного человека, который был бы совершенно без всяких признаков чего-нибудь хорошего, и что материалисты, каковы бы там они ни были, все-таки материалисты, а этим самым уже решено и доказано, что они люди низкие и безнравственные, которых извинять нельзя, потому что извинять их значило бы потворствовать материализму. Итак, не оправдывая Лопухова, извинить его нельзя. А оправдать его тоже не годится, потому что любители прекрасных идей и защитники возвышенных стремлений, объявившие материалистов людьми низкими и безнравственными, в последнее время так отлично зарекомендовали себя со стороны ума, да и со стороны характера, в глазах всех порядочных лю-

дей, материалистов ли, или не материалистов, что защищать кого-нибудь от их порицаний стало делом излишним, а обращать внимание на их слова стало делом неприличным.

X

Разумеется, главным содержанием разговоров Верочки с Лопуховым было не то, какой образ мыслей надобно считать справедливым, но вообще они говорили между собою довольно мало, и длинные разговоры у них, бывавшие редко, шли только о предметах посторонних, вроде образа мыслей и тому подобных сюжетов. Ведь они знали, что за ними следят два очень зоркие глаза. Потому о главном предмете, их занимавшем, они обменивались лишь несколькими словами — обыкновенно в то время, как перебирали ноты для игры и пения. А этот главный предмет, занимавший так мало места в их не слишком частых длинных разговорах, и даже в коротких разговорах занимавший тоже лишь незаметное место, этот предмет был не их чувство друг к другу, — нет, о чувстве они не говорили ни слова после первых неопределенных слов в первом их разговоре на праздничном вечере: им некогда было об этом толковать; в две-три минуты, которые выбирались на обмен мыслями без боязни подслушивания, едва успевали они переговорить о другом предмете, который не оставлял им ни времени, ни охоты для объяснений в чувствах, — это были хлопоты и раздумья о том, когда и как удастся Верочке избавиться от ее страшного положения.

На следующее же утро после первого разговора с нею Лопухов уже разузнавал о том, как надобно приняться за дело о ее поступлении в актрисы. Он знал, что девушке представляется много неприятных опасностей на пути к сцене, но полагал, что при твердом характере может она пробиться прямою дорогою. Оказалось не так. Пришедши через два дня на урок, он должен был сказать Верочке: «Советую вам оставить мысль о том, чтобы сделаться актрисою». — «Почему?» — «Потому, что уж лучше было бы вам идти за вашего жениха». На том разговор и прекратился. Это было сказано, когда он и Верочка брали ноты, он — чтобы играть, она — чтобы петь. Верочка повесила было голову и несколько раз сбивалась с такта, хотя пела пьесу очень знакомую. Когда пьеса кончилась и они стали говорить о том, какую выбрать теперь другую, Верочка уже сказала: «А это мне казалось самое лучшее. Тяжело было услышать, что это невозможно. Но ничего — труднее будет жить, а все-таки можно будет жить. Пойду в гувернантки».

Когда он опять был через два дня у них, она сказала:

— Я не могла найти, через кого бы мне искать места гувернантки. Похлопочите, Дмитрий Сергеич: кроме вас некому.

— Жаль, у меня мало знакомых, которые могли бы тут быть полезны. Семейства, в которых я даю или давал уроки, всё люди небогатые, и их знакомые почти всё такие же, но попробуем.

— Друг мой, я отнимаю у вас время, но как же быть.

— Вера Павловна, нечего говорить о моем времени, когда я ваш друг.

Верочка и улыбнулась, и покраснела: она сама не заметила, как имя «Дмитрий Сергеич» заменилось у ней именем «друга».

Лопухов тоже улыбнулся.

— Вы не хотели этого сказать, Вера Павловна, — отнимите у меня это имя, если жалеете, что дали его.

Верочка улыбнулась:

— «Поздно» — и покраснела, — «и не жалею», — и покраснела еще больше.

— Если будет надобно, то увидите, что верный друг.

Они пожали друг другу руки.

Вот вам и все первые два разговора после того вечера.

Через два дня в «Полицейских ведомостях» было напечатано объявление, что «благородная девица, говорящая по-французски и по-немецки и проч., ищет места гувернантки и что спросить о ней можно у чиновника такого-то, в Коломне, в NN улице, в доме NN».

Теперь Лопухову пришлось действительно тратить много времени по делу Верочки. Каждое утро он отправлялся, большею частью пешком, с Выборгской стороны в Коломну[40] к своему знакомому, адрес которого был выставлен в объявлении. Путешествие было далекое; но другого такого знакомого, поближе к Выборгской стороне, не нашлóсь; ведь надобно было, чтобы в знакомом соединялось много условий: порядочная квартира, хорошие семейные обстоятельства, почтенный вид. Бедная квартира поведет к предложению невыгодных условий гувернантке; без почтенности и видимой хорошей семейной жизни рекомендующего лица не будут иметь выгодного мнения о рекомендуемой девушке. А своего адреса уж, конечно, никак не мог Лопухов выставить в объявлении: что подумали бы о девушке, о которой некому позаботиться, кроме как студенту! Таким образом Лопухов и делал порядочный моцион. Забрав у чиновника адресы являвшихся искать гувернантку, он пускался продолжать путешествие: чиновник говорил, что он дальний родственник девушки и только посредник, а есть у ней племянник, который завтра сам приедет переговорить пообстоятельнее. Племянник, вместо того чтобы приезжать, приходил, всматривался в людей и, разумеется, большею частию оставался недоволен обстановкою: в одном семействе слишком надменны; в другом мать семейства хороша, отец дурак; в третьем наоборот, и т. д.; в иных и можно бы жить, да условия невозможные для Верочки: или надобно говорить по-английски, — она не говорит; или хотят иметь собственно не гувернантку, а няньку; или люди всем хороши, кроме того, что сами бедны, и в квартире нет помещения для гувернантки, кроме детской, с двумя большими детьми, двумя малютками, нянькою и кормилицею. Но объявления продолжали являться в «Полицей-

ских ведомостях», продолжали являться и ищущие гувернантки, и Лопухов не терял надежды.

В этих поисках прошло недели две. На пятый день поисков, когда Лопухов, возвратившись из хождений по Петербургу, лежал на своей кушетке, Кирсанов сказал:

— Дмитрий, ты стал плохим товарищем мне в работе. Пропадаешь каждый день на целое утро, и на половину дней пропадаешь по вечерам. Нахватался уроков, что ли? Так время ли теперь набирать их? Я хочу бросить и те, которые у меня есть. У меня есть рублей 40 — достанет на три месяца до окончания курса. А у тебя было больше денег в запасе, кажется, рублей до сотни?

— Больше, до полутораста. Да у меня не уроки: я их бросил все, кроме одного. У меня дело. Кончу его — не будешь на меня жаловаться, что отстаю от тебя в работе.

— Какое же?

— Видишь, на том уроке, которого я не бросил, семейство дрянное, а в нем есть порядочная девушка. Хочет быть гувернанткой, чтоб уйти от семейства. Вот я ищу для нее места.

— Хорошая девушка?

— Хорошая.

— Ну, это хорошо. Ищи. — Тем разговор и кончился.

Эх, господа Кирсанов и Лопухов, ученые вы люди, а не догадались, что особенно-то хорошо! Положим, и то хорошо, о чем вы говорили. Кирсанов и не подумал спросить, хороша ли собою девушка, Лопухов и не подумал упомянуть об этом. Кирсанов и не подумал сказать: «да ты, брат, не влюбился ли, что больно усердно хлопочешь», Лопухов и не подумал сказать: «а я, брат, очень ею заинтересовался» или, если не хотел говорить этого, то и не подумал заметить в предотвращение такой догадки: «ты не подумай, Александр, что я влюбился». Им, видите ли, обоим думалось, что когда дело идет об избавлении человека от дурного положения, то нимало не относится к делу, красиво ли лицо у этого человека, хотя бы он даже был и молодая девушка, а о влюбленности или невлюбленности тут нет речи. Они даже и не подумали того, что думают это; а вот это-то и есть самое лучшее, что они и не замечали, что думают это.

А впрочем, не показывает ли это проницательному сорту читателей (большинству записных литературных судей показывает — ведь оно состоит из проницательнейших господ), не показывает ли это, говорю я, что Кирсанов и Лопухов были люди сухие, без эстетической жилки? Это было еще недавно модным выражением у эстетических литераторов[41] с возвышенными стремлениями: «эстетическая жилка», может быть, и теперь остается модным у них выражением — не знаю, я давно их не видал. Натурально ли, чтобы молодые люди, если в них есть капля вкуса

и хоть маленький кусочек сердца, не поинтересовались вопросом о лице, говоря про девушку? Конечно, это люди без художественного чувства (эстетической жилки). А по мнению других, изучавших натуру человека в кругах, еще более богатых эстетическим чувством, чем компания наших эстетических литераторов, молодые люди в таких случаях непременно потолкуют о женщине даже с самой пластической стороны. Оно так и было, да не теперь, господа; оно и теперь так бывает, да не в той части молодежи, которая одна и называется нынешней молодежью. Это, господа, странная молодежь.

XI

— Что, мой друг, все еще нет места?

— Нет еще, Вера Павловна; но не унывайте, найдется. Каждый день я бываю в двух, в трех семействах. Нельзя же, чтобы не нашлось наконец порядочное, в котором можно жить.

— Ах, но если бы вы знали, мой друг, как тяжело, тяжело мне оставаться здесь. Когда мне не представлялось близко возможности избавиться от этого унижения, этой гадости, я насильно держала себя в каком-то мертвом бесчувствии. Но теперь, мой друг, слишком душно в этом гнилом, гадком воздухе.

— Терпение, терпение, Вера Павловна, найдем!

В этом роде были разговоры с неделю.

Вторник:

— Терпение, терпение, Вера Павловна, найдем.

— Друг мой, сколько хлопот вам, сколько потери времени! Чем я вознагражу вас?

— Вы вознаградите меня, мой друг, если не рассердитесь.

Лопухов сказал и смутился. Верочка посмотрела на него — нет, он не то что не договорил, он не думал продолжать, он ждет от нее ответа.

— Да за что же, мой друг, что вы сделали?

Лопухов еще больше смутился и как будто опечалился.

— Что с вами, мой друг?

— Да, вы и не заметили, — он сказал это так грустно, и потом засмеялся так весело. — Ах, боже мой, как я глуп, как я глуп! Простите меня, мой друг!

— Ну, что такое?

— Ничего. Вы уж наградили меня.

— Ах, вот что! Какой же вы чудак! — Ну хорошо, зовите так.

В четверг было гамлетовское испытание по Саксону Грамматику. После того на несколько дней Марья Алексевна дает себе некоторый (небольшой) отдых в надзоре.

Суббота. После чаю Марья Алексевна уходит считать белье, принесенное прачкою.

— Мой друг, дело, кажется, устроится.

— Да? — Если так... ах, боже мой... ах, боже мой, скорее! Я, кажется, умру, если это еще продлится. Когда же и как?

— Решится завтра. Почти, почти несомненная надежда.

— Что же, как же?

— Держите себя смирно, мой друг: заметят! Вы чуть не прыгаете от радости. Ведь Марья Алексевна может сейчас войти за чем-нибудь.

— А сам хорош! Вошел, сияет, так что маменька долго смотрела на вас.

— Что ж, я ей сказал, отчего я весел, я заметил, что надобно было ей сказать, я так и сказал: «я нашел отличное место».

— Несносный, несносный! Вы занимаетесь предостережениями мне и до сих пор ничего не сказали. Что же, говорите наконец.

— Нынче поутру Кирсанов, — вы знаете, мой друг, фамилия моего товарища Кирсанов....

— Знаю, несносный, несносный, знаю! Говорите же скорее, без этих глупостей.

— Сами мешаете, мой друг!

— Ах, боже мой! И всё замечания, вместо того чтобы говорить дело. Я не знаю, что я с вами сделала бы, — я вас на колени поставлю: здесь нельзя, — велю вам стать на колени на вашей квартире, когда вы вернетесь домой, и чтобы ваш Кирсанов смотрел и прислал мне записку, что вы стояли на коленях, — слышите, что я с вами сделаю?

— Хорошо, я буду стоять на коленях. А теперь молчу. Когда исполню наказание, буду прощен, тогда и буду говорить.

— Прощаю, только говорите, несносный.

— Благодарю вас. Вы прощаете, Вера Павловна, когда сами виноваты. Сами всё перебивали.

— Вера Павловна? Это что? А ваш друг где же?

— Да, это был выговор, мой друг. Я человек обидчивый и суровый.

— Выговоры? Вы смеете давать мне выговоры? Я не хочу вас слушать.

— Не хотите?

— Конечно, не хочу! Что мне еще слушать? Ведь вы уж все сказали; что дело почти кончено, что завтра оно решится, — видите, мой друг, ведь вы сами еще ничего не знаете нынче. Что же слушать? До свиданья, мой друг!

— Да послушайте, мой друг.... Друг мой, послушайте же!

— Не слушаю и ухожу. — Вернулась. — Говорите скорее, не буду перебивать. Ах, боже мой, если б вы знали, как вы меня обрадовали! Дайте вашу руку. Видите, как крепко, крепко жму.

— А слезы на глазах зачем?

— Благодарю вас, благодарю вас.

— Нынче поутру Кирсанов дал мне адрес дамы, которая назначила мне завтра быть у нее. Я лично не знаком с нею, но очень много слышал о ней от нашего общего знакомого, который и был посредником. Мужа

ее знаю я сам, — мы виделись у этого знакомого много раз. Судя по всему этому, я уверен, что в ее семействе можно жить. А она, когда давала адрес моему знакомому для передачи мне, сказала, что уверена, что сойдется со мною в условиях. Стало быть, мой друг, дело можно считать почти совершенно конченным.

— Ах, как это будет хорошо! Какая радость! — твердила Верочка.— Но я хочу знать это скорее, как можно скорее. Вы от нее проедете прямо к нам?

— Нет, мой друг, это возбудит подозрения. Ведь я бываю у вас только для уроков. Мы сделаем вот что. Я пришлю по городской почте письмо к Марье Алексевне, что не могу быть на уроке во вторник и переношу его на среду. Если будет написано: на среду утро — значит дело состоялось; на среду вечер — неудача. Но почти несомненно «на утро». Марья Алексевна это расскажет и Феде, и вам, и Павлу Константинычу.

— Когда же придет письмо?

— Вечером.

— Так долго! Нет, у меня не достанет терпенья. И что ж я узнаю из письма? Только «да» — и потом ждать до среды! Это мученье! Если «да», я как можно скорее уеду к этой даме. Я хочу знать тотчас же. Как же это сделать? Я сделаю вот что: я буду ждать вас на улице, когда вы пойдете от этой дамы.

— Друг мой, да это было бы еще неосторожнее, чем мне приехать к вам. Нет, уж лучше я приеду.

— Нет, здесь, может быть, нельзя было б и говорить. И во всяком случае маменька стала бы подозревать. Нет, лучше так, как я вздумала. У меня есть такой густой вуаль, что никто не узнает.

— А что же, и в самом деле, кажется, это можно. Дайте подумать.

— Некогда думать. Маменька может войти каждую минуту. Где живет эта дама?

— В Галерной, подле моста.

— Во сколько часов вы будете у нее?

— Она назначила в двенадцать.

— С двенадцати я буду сидеть на Конногвардейском бульваре, на последней скамье того конца, который ближе к мосту. Я сказала, что на мне будет густой вуаль. Но вот вам примета: я буду держать в руке сверток нот. Если меня еще не будет, значит меня задержали. Но вы садитесь на эту скамью и ждите. Я могу опоздать, но буду непременно. Как я хорошо придумала! Как я вам благодарна! Как я буду счастлива! Что ваша невеста, Дмитрий Сергеич? Вы уж разжалованы из друзей в Дмитрия Сергеича. Как я рада, как я рада! — Верочка побежала к фортепьяно и начала играть.

— Друг мой, какое унижение искусства! Какая порча вашего вкуса! Оперы брошены для галопов!

— Брошены, брошены!

Через несколько минут вошла Марья Алексевна. Дмитрий Сергеич поиграл с нею в преферанс вдвоем, сначала выигрывал, потом дал отыграться, даже проиграл 35 копеек, — это в первый раз снабдил он ее торжеством и, уходя, оставил ее очень довольною — не деньгами, а собственно торжеством: есть чисто идеальные радости у самых погрязших в материализме сердец, чем и доказывается, что материалистическое объяснение жизни неудовлетворительно.

XII

ПЕРВЫЙ СОН ВЕРОЧКИ

И снится Верочке сон.

Снится ей, что она заперта в сыром, темном подвале. И вдруг дверь растворилась, и Верочка очутилась в поле, бегает, резвится и думает: «как же это я могла не умереть в подвале?» — «это потому, что я не видала поля; если бы я видала его, я бы умерла в подвале», — и опять бегает, резвится. Снится ей, что она разбита параличом, и она думает: «как же это я разбита параличом? Это бывают разбиты старики, старухи, а молодые девушки не бывают». — «Бывают, часто бывают, — говорит чей-то незнакомый голос, — а ты теперь будешь здорова, вот только я коснусь твоей руки, — видишь, ты уж и здорова, вставай же». — Кто ж это говорит? — А как стало легко! — вся болезнь прошла, — и Верочка встала, идет, бежит, и опять на поле, и опять резвится, бегает, и опять думает: «как же это я могла переносить паралич?» — «это потому, что я родилась в параличе, не знала, как ходят и бегают; а если б знала, не перенесла бы», — и бегает, резвится. А вот идет по полю девушка, — как странно! — и лицо, и походка, все меняется, беспрестанно меняется в ней; вот она англичанка, француженка, вот она уж немка, полячка, вот стала и русская, опять англичанка, опять немка, опять русская, — как же это у ней все одно лицо? Ведь англичанка не похожа на француженку, немка на русскую, а у ней и меняется лицо, и все одно лицо, — какая странная! И выражение лица беспрестанно меняется: какая кроткая! какая сердитая! вот печальная, вот веселая, — все меняется! а все добрая, — как же это, и когда сердитая, все добрая? но только какая же она красавица! как ни меняется лицо, с каждою переменою все лучше, все лучше. Подходит к Верочке. — «Ты кто?» — «Он прежде звал меня: Вера Павловна, а теперь зовет: мой друг». — «А, так это ты, та Верочка, которая меня полюбила?» — «Да, я вас очень люблю. Только кто же вы?» — «Я невеста твоего жениха». — «Какого жениха?» — «Я не знаю. Я не знаю своих женихов. Они меня знают, а мне нельзя их знать: у меня их много. Ты кого-нибудь из них выбери себе в женихи, только из них, из моих женихов». — «Я выбрала. . . .» — «Имени мне не нужно, я их не знаю. Но только выбирай из них, из моих женихов. Я хочу, чтоб мои сестры и же-

нихи выбирали только друг друга. Ты была заперта в подвале? Была разбита параличом?» — «Была». — «Теперь избавилась?» — «Да». — «Это я тебя выпустила, я тебя вылечила. Помни же, что еще много невыпущенных, много невылеченных. Выпускай, лечи. Будешь?» — «Буду. Только как же вас зовут? мне так хочется знать». — «У меня много имен. У меня разные имена. Кому как надобно меня звать, такое имя я ему и сказываю. Ты меня зови любовью к людям. Это и есть мое настоящее имя. Меня немногие так зовут. А ты зови так». — И Верочка идет по городу: вот подвал — в подвале заперты девушки. Верочка притронулась к замку — замок слетел: «идите» — они выходят. Вот комната — в комнате лежат девушки, разбитые параличом: «вставайте» — они встают, идут, и все они опять на поле, бегают, резвятся, — ах, как весело! с ними вместе гораздо веселее, чем одной! Ах, как весело!

XIII

В последнее время Лопухову некогда было видеться с своими академическими знакомыми. Кирсанов, продолжавший видеться с ними, на вопросы о Лопухове отвечал, что у него, между прочим, вот какая забота, и один из их общих приятелей, как мы знаем, дал ему адрес дамы, к которой теперь отправлялся Лопухов.

«Как отлично устроится, если это будет так, — думал Лопухов по дороге к ней: — через два, много через два с половиною года я буду иметь кафедру. Тогда можно будет жить. А пока она проживет спокойно у Б., — если только Б. действительно хорошая женщина, — да в этом нельзя и сомневаться».

Действительно, Лопухов нашел в г-же Б. женщину умную, добрую, без претензий, хотя по службе мужа, по своему состоянию, родству она могла бы иметь большие претензии. Ее условия были хороши, семейная обстановка для Верочки очень покойна, — все оказалось отлично, как и ждал Лопухов. Г-жа Б. также находила удовлетворительными ответы Лопухова о характере Верочки; дело быстро шло на лад, и, потолковав полчаса, г-жа Б. сказала, что «если ваша молоденькая тетушка будет согласна на мои условия, прошу ее переселяться ко мне, и чем скорее, тем приятнее для меня».

— Она согласна; она уполномочила меня согласиться за нее. Но теперь, когда мы решили, я должен сказать вам то, о чем напрасно было бы говорить прежде, чем сошлись мы. Эта девушка мне не родственница. Она дочь чиновника, у которого я даю уроки. Кроме меня, она не имела человека, которому могла бы поручить хлопоты. Но я совершенно посторонний человек ей.

— Я это знала, мсьё Лопухов. Вы, профессор N (она назвала фамилию знакомого, через которого получен был адрес) и ваш товарищ, говоривший с ним о вашем деле, знаете друг друга за людей достаточно чи-

стых, чтобы вам можно было говорить между собою о дружбе одного из вас с молодою девушкою, не компрометируя эту девушку во мнении других двух. А N такого же мнения обо мне, и, зная, что я ищу гувернантку, он почел себя вправе сказать мне, что эта девушка не родственница вам. Не порицайте его за нескромность, — он очень хорошо знает меня. Я тоже честный человек, мсьё Лопухов, и поверьте, я понимаю, кого можно уважать. Я верю N столько же, как сама себе, а N вам столько же, как сам себе. Но N не знал ее имени, теперь, кажется, я могу уже спросить его, ведь мы кончили, и нынче-завтра она войдет в наше семейство.

— Ее зовут Вера Павловна Розальская.

— Теперь еще объяснение с моей стороны. Вам может казаться странным, что я, при своей заботливости о детях, решилась кончить дело с вами, не видев ту, которая будет иметь такое близкое отношение к моим детям. Но я очень, очень хорошо знаю, из каких людей состоит ваш кружок. Я знаю, что если один из вас принимает такое дружеское участие в человеке, то этот человек должен быть редкой находкой для матери, желающей видеть свою дочь действительно хорошим человеком. Потому осмотр мне казался совершенно излишнею неделикатностью. Я говорю комплимент не вам, а себе.

— Я очень рад теперь за m-lle Розальскую. Ее домашняя жизнь была так тяжела, что она чувствовала бы себя очень счастливою во всяком сносном семействе. Но я не мечтал, чтобы нашлась для нее такая действительно хорошая жизнь, какую она будет иметь у вас.

— Да, N говорил мне, что ей было дурно жить в семействе.

— Очень дурно. — Лопухов стал рассказывать то, что нужно было знать г-же Б., чтобы в разговорах с Верою избегать предметов, которые напоминали бы девушке ее прошлые неприятности. Г-жа Б. слушала с участием, наконец пожала руку Лопухову:

— Нет, довольно, мсьё Лопухов, или я расчувствуюсь, а в мои лета — ведь мне под 40 — было бы смешно показать, что я до сих пор не могу равнодушно слушать о семейном тиранстве, от которого сама терпела в молодости.

— Позвольте же сказать еще только одно; это так неважно для вас, что, может быть, и не было бы надобности говорить. Но все-таки лучше предупредить. Теперь она бежит от жениха, которого ей навязывает мать.

Г-жа Б. задумалась. Лопухов смотрел, смотрел на нее и тоже задумался.

— Если не ошибаюсь, это обстоятельство не кажется для вас таким маловажным, каким представлялось мне?

Г-жа Б. казалась совершенно расстроенною.

— Простите меня, — продолжал он, видя, что она совершенно растерялась: — простите меня, но я вижу, что это вас затрудняет.

— Да, это дело очень серьезное, мсьё Лопухов. Уехать из дома против воли родных — это, конечно, уже значит вызывать сильную ссору.

Но это, как я вам говорила, было бы еще ничего. Если бы она бежала только от грубости и тиранства их, с ними было бы можно уладить так или иначе, — в крайнем случае, несколько лишних денег, и они удовлетворены. Это ничего. Но... такая мать навязывает ей жениха; значит, жених богатый, очень выгодный.

— Конечно, — сказал Лопухов совершенно унылым тоном.

— Конечно, мсьё Лопухов, конечно, богатый; вот это-то меня и смутило. Ведь в таком случае мать не может быть примирена ничем. А вы знаете права родителей! В этом случае они воспользуются ими вполне. Они начнут процесс [42] и поведут его до конца.

Лопухов встал.

— Итак, мне остается просить вас, чтобы то, что было говорено мною, было забыто вами.

— Нет, останьтесь. Дайте же мне хоть сколько-нибудь оправдаться перед вами. Боже мой, как дурна должна я казаться в ваших глазах! То, что должно заставлять каждого порядочного человека сочувствовать, защищать, — это самое останавливает меня. О, какие мы жалкие люди!

На нее в самом деле было жалко смотреть: она не прикидывалась. Ей было в самом деле больно. Довольно долго ее слова были бессвязны, — так она была сконфужена за себя; потом мысли ее пришли в порядок, но и бессвязные, и в порядке, они уже не говорили Лопухову ничего нового. Да и сам он был также расстроен. Он был так занят открытием, которое она сделала ему, что не мог заниматься ее объяснениями по случаю этого открытия. Давши ей наговориться вволю, он сказал:

— Все, что вы говорили в свое извинение, было напрасно. Я обязан был оставаться, чтобы не быть грубым, не заставить вас подумать, что я виню или сержусь. Но, признаюсь вам, я не слушал вас. О, если бы я не знал, что вы правы! Да, как это было бы хорошо, если б вы не были правы. Я сказал бы ей, что мы не сошлись в условиях или что вы не понравились мне! — и только, и мы с нею стали бы надеяться встретить другой случай избавления. А теперь что я ей скажу?

Г-жа Б. плакала.

— Что я ей скажу? — повторял Лопухов, сходя с лестницы. — Как же это ей быть? Как же это ей быть? — думал он, выходя из Галерной в улицу, которая ведет на Конногвардейский бульвар.[43]

Разумеется, г-жа Б. не была права в том безусловном смысле, в каком правы люди, доказывающие ребятишкам, что месяца нельзя достать рукою. При ее положении в обществе, при довольно важных должностных связях ее мужа очень вероятно, даже несомненно, что если бы она уж непременно захотела, чтобы Верочка жила у нее, то Марья Алексевна не могла бы ни вырвать Верочку из ее рук, ни сделать серьезных неприятностей ни ей, ни ее мужу, который был бы официальным ответчиком по процессу и за которого она боялась. Но все-таки г-же Б. пришлось бы

иметь довольно хлопот, быть может и некоторые неприятные разговоры; надобно было бы одолжаться по чужому делу людьми, услуги которых лучше приберечь для своих дел. Кто обязан и какой благоразумный человек захочет поступать не так, как г-жа Б.? мы нисколько не вправе осуждать ее; да и Лопухов не был неправ, отчаявшись за избавление Верочки.

XIV

А Верочка давно, давно сидела на условленной скамье, и сколько раз начинало быстро, быстро биться ее сердце, когда из-за угла показывалась военная фуражка. — Наконец-то! он! друг! — Она вскочила, побежала навстречу.

Быть может, он и приободрился бы, подходя к скамье, но, застигнутый врасплох, раньше чем ждал показать ей свою фигуру, он был застигнут с пасмурным лицом.

— Неудача?

— Неудача, мой друг.

— Да ведь это было так верно? Как же неудача? Отчего же, мой друг?

— Пойдемте домой, мой друг, я вас провожу. Поговорим. Я через несколько минут скажу, в чем неудача. А теперь дайте подумать. Я все еще не собрался с мыслями. Надобно придумать что-нибудь новое. Не будем унывать, придумаем. — Он уже приободрился на последних словах, но очень плохо.

— Скажите сейчас, ведь ждать невыносимо. Вы говорите: придумать что-нибудь новое, — значит то, что мы прежде придумали, вовсе не годится? Мне нельзя быть гувернанткою? Бедная я, несчастная я!

— Что вас обманывать? Да, нельзя. Я это хотел сказать вам. Но — терпение, терпение, мой друг! Будьте тверды! Кто тверд, добьется удачи.

— Ах, мой друг, я тверда, но как тяжело.

Они шли несколько минут молча.

Что это? да, она что-то несет в руке под пальто.

— Друг мой, вы несете что-то, — дайте, я возьму.

— Нет, нет, не нужно. Это не тяжело. Ничего.

Опять идут молча. Долго идут.

— А ведь я до двух часов не спала от радости, мой друг. А когда уснула, какой сон видела! Будто я освобождаюсь из душного подвала, будто я была в параличе и выздоровела, и выбежала в поле и со мной выбежало много подруг, тоже, как я, вырвавшихся из подвалов, выздоровевших от паралича, и нам было так весело, так весело бегать по просторному полю! Не сбылся сон! А я думала, что уж не ворочусь домой.

— Друг мой, дайте же, я возьму ваш узелок, ведь теперь он уж не секрет.

Опять идут молча. Долго идут и молчат.

— Друг мой, видите, до чего мы договорились с этою дамой: вам нельзя уйти из дому без воли Марьи Алексевны. Это нельзя — нет, нет, пойдем под руку, а то я боюсь за вас.

— Нет, ничего, только мне душно под этим вуалем.

Она отбросила вуаль. — Теперь ничего, хорошо.

— («Как бледна!») Нет, мой друг, вы не думайте того, что я сказал. Я не так сказал. Все устроим как-нибудь.

— Как устроим, мой милый? это вы говорите, чтобы утешить меня. Ничего нельзя сделать.

Он молчит. Опять идут молча.

— («Как бледна! как бледна!») Мой друг, есть одно средство.

— Какое, мой милый?

— Я вам скажу, мой друг, но только когда вы несколько успокоитесь. Об этом надобно будет вам рассудить хладнокровно.

— Говорите сейчас! Я не успокоюсь, пока не услышу.

— Нет; теперь вы слишком взволнованы, мой друг. Теперь вы не можете принимать важных решений. Через несколько времени. Скоро. Вот подъезд. До свиданья, мой друг. Как только увижу, что вы будете отвечать хладнокровно, я вам скажу.

— Когда же?

— Послезавтра на уроке.

— Слишком долго!

— Нарочно буду завтра.

— Нет, скорее!

— Нынче вечером.

— Нет, я вас не отпущу. Идите со мною. Я не спокойна, вы говорите; я не могу судить, вы говорите, — хорошо, обедайте у нас. Вы увидите, что я буду спокойна. После обеда маменька спит, и мы можем говорить.

— Но как же я войду к вам? Если мы войдем вместе, ваша маменька будет опять подозревать.

— Подозревать! — Что мне! Нет, мой друг, и для этого вам лучше уж войти. Ведь я шла с поднятым вуалем, нас могли видеть.

— Ваша правда.

XV

Марья Алексевна очень удивилась, увидев дочь и Лопухова входящими вместе. Самыми пристальными глазами принялась она всматриваться в них.

— Я зашел к вам, Марья Алексевна, сказать, что послезавтра вечер у меня занят, и я вместо того приду на урок завтра. Позвольте мне сесть. Я очень устал и расстроен. Мне хочется отдохнуть.

— В самом деле, что с вами, Дмитрий Сергеич? Вы ужасно пасмурны.

С амурных дел они, или так встретились? Как бы с амурных дел, он бы был веселый. А ежели бы в амурных делах они поссорились, по ее несоответствию на его желание, тогда бы, точно, он был сердитый, только тогда они ведь поссорились бы, — не стал бы ее провожать. И опять она прошла прямо в свою комнату и на него не поглядела, — а ссоры не заметно, — нет, видно, так встретились. А чорт их знает, надо глядеть в оба.

— Я-то ничего особенного, Марья Алексевна, а вот Вера Павловна как будто бледна, — или мне так показалось?

— Верочка-то? С ней бывает.

— А может быть, мне только так показалось. У меня, признаюсь вам, от всех мыслей голова кругом идет.

— Да что же такое, Дмитрий Сергеич? Уж не с невестой ли какая размолвка?

— Нет, Марья Алексевна, невестой я доволен. А вот с родными хочу ссориться.

— Что это вы, батюшка? Дмитрий Сергеич, как это можно с родными ссориться? Я об вас, батюшка, не так думала.

— Да нельзя, Марья Алексевна, такое семейство-то. Требуют от человека бог знает чего, чего он не в силах сделать.

— Это другое дело, Дмитрий Сергеич, — всех не наградишь, надо меру знать, это точно. Ежели так, то есть по деньгам ссора, не могу вас осуждать.

— Позвольте мне быть невеждою, Марья Алексевна: я так расстроен, что надобно мне отдохнуть в приятном и уважаемом мною обществе; а такого общества я нигде не нахожу, кроме как в вашем доме. Позвольте мне напроситься обедать у вас нынче и позвольте сделать некоторые поручения вашей Матрене. Кажется, тут есть недалеко погреб Денкера,[44] у него вино не бог знает какое, но хорошее.

Лицо Марьи Алексевны, сильно разъярившееся при первом слове про обед, сложило с себя решительный гнев при упоминании о Матрене и приняло выжидающий вид: — «посмотрим, голубчик, что-то приложишь от себя к обеду? — у Денкера, — видно, что-нибудь хорошее!» Но голубчик, вовсе не смотря на ее лицо, уже вынул портсигар, оторвал клочок бумаги от завалявшегося в нем письма, вынул карандаш и писал.

— Если смею спросить, Марья Алексевна, вы какое вино кушаете?

— Я, батюшка Дмитрий Сергеич, признаться вам сказать, мало знаю толку в вине, почти что и не пью: не женское дело.

«Оно и по роже с первого взгляда было видно, что не пьешь».

— Конечно так, Марья Алексевна, но мараскин пьют даже девицы. Мне позволите написать?

— Это что такое, Дмитрий Сергеич?

— Просто не вино даже, можно сказать, а сироп. — Он вынул красненькую бумажку.[45] — Кажется, будет довольно? — он повел глазами по записке, — на всякий случай, дам еще 5 рублей.

Доход за три недели, содержание на месяц. Но нельзя иначе, надо хорошую взятку Марье Алексевне.

У Марьи Алексевны глаза покрылись влагою, и лицом неудержимо овладела сладостнейшая улыбка.

— У вас есть и кондитерская недалеко? Не знаю, найдется ли готовый пирог из грецких орехов, — на мой вкус, это самый лучший пирог, Марья Алексевна; но если нет такого — какой есть, не взыщите.

Он отправился в кухню и послал Матрену делать покупки.

— Кутнем нынче, Марья Алексевна. Хочу пропить ссору с родными. Почему не кутнуть, Марья Алексевна? Дело с невестой на лад идет. Тогда не так заживем, — весело заживем, — правда, Марья Алексевна?

— Правда, батюшка Дмитрий Сергеич. То-то, я смотрю, что-то уж вы деньгами-то больно сорите, чего я от вас не ждала, как от человека основательного. Видно, от невесты задаточек получили?

— Задаточка не получил, Марья Алексевна, а если деньги завелись, то кутнуть можно. Что задаточек? Тут не в задаточке дело. Что задаточками-то пробавляться? Дело надо начистоту вести, а то еще подозренье будет. Да и неблагородно, Марья Алексевна.

— Неблагородно, Дмитрий Сергеич, точно, неблагородно. По-моему, надо во всем благородство соблюдать.

— Правда ваша, Марья Алексевна.

С полчаса или с три четверти часа, остававшиеся до обеда, шел самый любезный разговор в этом роде о всяких благородных предметах. Тут Дмитрий Сергеич, между прочим, высказал в порыве откровенности, что его женитьба сильно приблизилась в это время. — А как свадьба Веры Павловны? — Марья Алексевна ничего не может сказать, потому что не принуждает дочь. — Конечно; но, по его замечанию, Вера Павловна скоро решится на замужство; она ему ничего не говорила, только ведь у него глаза-то есть. — Ведь мы с вами, Марья Алексевна, старые воробьи, нас на мякине не проведешь. Мне хоть лет немного, а я тоже старый воробей, тертый калач, так ли, Марья Алексевна?

— Так, батюшка, тертый калач, тертый калач!

Словом сказать, приятная беседа по душе с Марьею Алексевною так оживила Дмитрия Сергеича, что куда девалась его грусть! он был такой веселый, каким его Марья Алексевна еще никогда не видывала. — Тонкая бестия, шельма этакий! схапал у невесты уж не одну тысячу, — а родные-то проведали, что он карман-то понабил, да и приступили; а он им: нет, батюшка и матушка, как сын я вас готов уважать, а денег у меня для вас нет. Экая шельма-то какая! — Приятно беседовать с таким человеком, особенно когда, услышав, что Матрена вернулась, сбегаешь на кухню, сказав, что идешь в свою спальную за носовым платком, и увидишь, что вина куплено на 12 р. 50 коп., — ведь только третью долю выпьем за обедом, — и кондитерский пирог в 1 р. 50 коп., — ну, это, можно сказать, брошенные деньги, на пирог-то! но все же останется и

пирог: можно будет кумам подать вместо варенья, все же не в убыток, а в сбереженье.

XVI

А Верочка сидит в своей комнате.

«Хорошо ли я сделала, что заставила его зайти? Маменька смотрела так пристально.

И в какое трудное положение поставила я его! Как остаться обедать?

Боже мой, что со мной, бедной, будет?

Есть одно средство, — говорит он, — нет, мой милый, нет никакого средства!

Нет, есть средство, — вот оно: окно. Когда будет уже слишком тяжело, брошусь из него.

Какая я смешная: „когда будет слишком тяжело" — а теперь-то?

А когда бросишься в окно, как быстро, быстро полетишь, — будто не падаешь, а в самом деле летишь, — это, должно быть, очень приятно. Только потом ударишься о тротуар — ах, как жестко! и больно? нет, я думаю, боли не успеешь почувствовать, — а только очень жестко! Да ведь это один, самый коротенький миг; а зато перед этим — воздух, будто самая мягкая перина, — расступается так легко, нежно... Нет, это хорошо...

Да, а потом? Будут все смотреть — голова разбитая, лицо разбитое, в крови, в грязи... Нет, если бы можно было на это место посыпать чистого песку, — здесь и песок-то все грязный... нет, самого белого, самого чистого... вот бы хорошо было. И лицо бы осталось не разбитое, чистое, не пугало бы никого.

А в Париже бедные девушки задушаются чадом. Вот это хорошо; это очень, очень хорошо. А бросаться из окна нехорошо. А это хорошо.

Как они громко там говорят. Что они говорят? — Нет, ничего не слышно.

И я бы оставила ему записку, в которой бы все написала. Ведь я ему тогда сказала: „нынче день моего рождения". Какая смелая тогда я была. Как это я была такая? Да ведь я тогда была глупенькая, ведь я тогда не понимала.

Да, какие умные в Париже бедные девушки! А что же, разве я не буду умной? Вот как смешно будет: входят в комнату — ничего не видно, только угарно, и воздух зеленый; испугались: что такое? где Верочка? маменька кричит на папеньку: что ты стоишь, выбей окно! — выбили окно и видят: я сижу у туалета и опустила голову на туалет, а лицо закрыла руками. — „Верочка, ты угорела?" — а я молчу. — „Верочка, что ты молчишь?" — „Ах, да она удушилась!" — Начинают кричать, плакать. Ах, как это будет смешно, что они будут плакать, и маменька станет рассказывать, как она меня любила.

Да, а ведь он будет жалеть. — Что ж, я ему оставлю записку.

Да, посмотрю, посмотрю, да и сделаю, как бедные парижские девушки. Ведь если я скажу, так сделаю. Я не боюсь.

Да и чего тут бояться? ведь это так хорошо! Только вот подожду, какое это средство, про которое он говорит. Да нет, никакого нет. Это только так, он успокоивал меня.

Зачем это люди успокоивают? Вовсе не нужно успокоивать. Разве можно успокоивать, когда нельзя помочь? Ведь вот он умный, а тоже так сделал. Зачем это он сделал? Это не нужно.

Что ж это он так говорит? Будто ему весело, такой веселый голос!

Неужели он в самом деле придумал средство?

Да нет, средства никакого нет.

А если б он не придумал, разве бы он был веселый?

Что ж это он придумал?»

XVII

— Верочка, иди обедать! — крикнула Марья Алексевна.

В самом деле, Павел Константиныч возвратился, пирог давно готов, — не кондитерский, а у Матрены, с начинкою из говядины от вчерашнего супа.

— Марья Алексевна, вы не пробовали никогда перед обедом рюмку водки? Это очень полезно, особенно вот этой, горькой померанцевой. Я вам говорю как медик. Пожалуйста, попробуйте. Нет, нет, непременно попробуйте. Я как медик предписываю попробовать.

— Разве только медика надобно слушать, и то полрюмочки.

— Нет, Марья Алексевна, полрюмочки не принесет пользы.

— А сами-то что же, Дмитрий Сергеич?

— Стар стал, остепенился, Марья Алексевна. Зарок дал.

— В самом деле, согревает как будто бы!

— В том и польза, Марья Алексевна, что согревает.

(«Какой он веселый, в самом деле! Неужели в самом деле есть средство? И как это он с нею так подружился? А на меня и не смотрит, — ах, какой хитрый!»)

Сели за стол.

— А вот мы с Павлом Константинычем этого выпьем, так выпьем. Эль — это все равно что пиво, не больше как пиво. Попробуйте, Марья Алексевна.

— Если вы говорите, что пиво, позвольте, — пива почему не выпить!

(«Господи, сколько бутылок! Ах, какая я глупенькая! Так вот она, дружба-то!»)

(«Экая шельма какой! Сам-то не пьет. Только губы приложил к своей ели-то. А славная эта ель, — и будто кваском припахивает, и сила есть, хорошая сила есть. Когда Мишку с нею окручу, водку брошу, все эту

ель стану пить. — Ну, этот ума не пропьет! Хоть бы приложился, каналья! Ну, да мне же лучше. А поди, чай, ежели бы захотел пить, здоров пить».)

— Да вы бы сами выкушали хоть что-нибудь, Дмитрий Сергеич.

— Э, на моем веку много выпито, Марья Алексевна, — в запас выпито, надолго станет! Не было дела, не было денег — пил; есть дело, есть деньги — не нужно вина, и без него весело.

И таким образом идет весь обед. Подают кондитерский пирог.

— Милая Матрена Степановна, а что к этому следует?

— Сейчас, Дмитрий Сергеич, сейчас, — Матрена возвращается с бутылкою шампанского.

— Вера Павловна, вы не пили, и я не пил. Теперь выпьем и мы. Здоровье моей невесты и вашего жениха!

«Что это?» — «Неужели это?» — думает Верочка.

— Дай бог вашей невесте и верочкину жениху счастья, — говорит Марья Алексевна: — а нам, старикам, дай бог поскорее верочкиной свадьбы дождаться.

— Ничего, скоро дождетесь, Марья Алексевна. Да, Вера Павловна? Да!

«Неужели он в самом деле это говорит?» — думает Верочка.

— Да, Вера Павловна, разумеется да. Говорите же «да».

— Да, — говорит Верочка.

— Так, Вера Павловна, что понапрасну маменьку вводить в сомнение. «Да», и только. Так теперь надобно второй тост. За скорую свадьбу Веры Павловны! Пейте, Вера Павловна! ничего, хорошо будет. Чокнемтесь. За вашу скорую свадьбу!

Чокаются.

— Дай бог, дай бог! Благодарю тебя, Верочка, утешаешь ты меня, Верочка, на старости лет! — говорит Марья Алексевна и утирает слезы. Английская ель и мараскин привели ее в чувствительное настроение духа.

— Дай бог, дай бог, — повторяет Павел Константиныч.

— Как мы довольны вами, Дмитрий Сергеич, — говорит Марья Алексевна по окончании обеда; — уж как довольны! у нас же да нас же угостили; — вот уж, можно сказать, праздник сделали! — Глаза ее смотрят уже более приятно, нежели бодро.

Не все-то так хитро делается, как хитро выходит. Лопухов не рассчитывал на этот результат, когда покупал вино: он хотел только дать взятку Марье Алексевне, чтоб не потерять ее благосклонности, назвавшись на обед. Станет ли она напиваться при постороннем человеке, которому хоть и сочувствует во всем, но не доверяет, потому что кому же она может доверять? — Да и сама она не ждала от себя такого быстрого образа действий: она располагала отложить основательное наслаждение до после-чаю. Но слаб каждый человек. Против водки и других знакомых

вкусов она устояла бы, но эль и тому подобные прелести соблазнили ее неопытность.

Обед вышел совершеннно парадный и барский, и потому Марья Алексевна распорядилась, чтобы Матрена поставила самовар, как следует после барского обеда. Но этою деликатностью воспользовались только она да Лопухов. Верочка сказала, что не хочет чаю, и ушла в свою комнату. Павел Константиныч, человек необразованный, тотчас после последнего блюда пошел прилечь, как всегда. Дмитрий Сергеич пил медленно; выпив чашку, спросил другую. Тут Марья Алексевна уже изнемогла, извинилась тем, что чувствует себя нехорошо с самого утра, — гость просил не церемониться и остался один. Выпил вторую чашку, выпил третью и задремал в креслах, должно быть тоже нализался, как наше-то золото, по рассуждению Матрены. А золото уже храпело; должно быть, этот храп разбудил Дмитрия Сергеича, когда Матрена окончательно ушла в кухню, убрав самовар и чашки.

XVIII

— Простите меня, Вера Павловна, — сказал Лопухов, входя в ее комнату, — как тихо он говорит, и голос дрожит, а за обедом кричал, — и не «друг мой», а «Вера Павловна»: — простите меня, что я был дерзок. Вы знаете, что я говорил: да, жену и мужа не могут разлучить. Тогда вы свободны.

— Милый мой! Ты видел, я плакала, когда ты вошел, — это от радости.

Лопухов поцеловал ее руку, и много раз поцеловал ее руку.

— Вот, мой милый, ты меня выпускаешь на волю из подвала: какой ты умный и добрый. Как ты это вздумал?

— Да как танцовали мы с тобою тогда, так и вздумал.

— Милый мой, и я тогда же подумала, что ты добрый. Выпускаешь меня на волю, мой милый. Теперь я готова терпеть; теперь я знаю, что уйду из подвала, теперь мне будет не так душно в нем, теперь ведь я уж знаю, что выйду из него. А как же я уйду из него, мой милый?

— А вот как, Верочка. Теперь уж конец апреля. В начале июля кончатся мои работы по Академии, — их надо кончить, чтобы можно было нам жить. Тогда ты и уйдешь из подвала. Только месяца три потерпи еще, даже меньше. Ты уйдешь. Я получу должность врача. Жалованье небольшое; но так и быть, буду иметь несколько практики, — насколько будет необходимо, — и будем жить.

— Ах, мой милый, нам будет очень, очень мало нужно. Но только я не хочу так: я не хочу жить на твои деньги. Ведь я и теперь имею уроки. Я их потеряю тогда — ведь маменька всем расскажет, что я злодейка. Но найдутся другие уроки. Я стану жить. Да, ведь так надобно? Ведь мне не должно жить на твои деньги?

— Кто это тебе сказал, мой милый друг Верочка?

— Ах, еще спрашивает, кто сказал. Да не ты ли сам толковал все об этом? А в твоих книгах? в них целая половина об этом написана.

— В книгах? Я говорил тебе это? Да когда же, Верочка?

— Ах, когда! А кто говорил, что все основано на деньгах? Кто это говорил, Дмитрий Сергеич?

— Ну, так что же?

— А ты думаешь, я уж такая глупенькая, что не могу, как выражаются ваши книги, вывесть заключение из посылок?

— Да какое же заключение? Ты бог знает что говоришь, мой милый друг Верочка.

— Ах, хитрец! Он хочет быть деспотом, хочет, чтоб я была его рабой! Нет-с, этого не будет, Дмитрий Сергеич, — понимаете?

— Да ты скажи, я и пойму.

— Все основано на деньгах, говорите вы, Дмитрий Сергеич; у кого деньги, у того власть и право, говорят ваши книги; значит, пока женщина живет на счет мужчины, она в зависимости от него, — так-с, Дмитрий Сергеич? Вы полагали, что я этого не понимаю, что я буду вашей рабой, — нет, Дмитрий Сергеич, я не дозволю вам быть деспотом надо мною; вы хотите быть добрым, благодетельным деспотом, а я этого не хочу, Дмитрий Сергеич! Ну, мой миленький, а еще как будем жить? Ты будешь резать руки и ноги людям, поить их гадкими микстурами, а я буду давать уроки на фортепьяно. А еще как мы будем жить?

— Так, так, Верочка. Всякий пусть охраняет свою независимость всеми силами, от всякого, как бы ни любил его, как бы ни верил ему. Удастся тебе то, что ты говоришь, или нет, не знаю, но это почти все равно: кто решился на это, тот уже почти оградил себя; он уже чувствует, что может обойтись сам собою, отказаться от чужой опоры, если нужно, и этого чувства уже почти довольно. А ведь какие мы смешные люди, Верочка! ты говоришь: «не хочу жить на твой счет», а я тебя хвалю за это. Кто же так говорит, Верочка?

— Смешные, так смешные, мой миленький, — что нам за дело? Мы станем жить по-своему, как нам лучше. Как же мы будем жить еще, мой миленький?

— Вера Павловна, я вам предложил свои мысли об одной стороне нашей жизни, — вы изволили совершенно ниспровергнуть их вашим планом, назвали меня тираном, поработителем, — извольте же придумывать сами, как будут устроены другие стороны наших отношений! Я считаю напрасным предлагать свои соображения, чтоб они были точно так же изломаны вами. Друг мой, Верочка, да ты сама скажи, как ты думаешь жить; наверное, мне останется только сказать: моя милая! как она умно думает обо всем!

— Это что? вы изволите говорить комплименты? Вы хотите быть любезным? Но я слишком хорошо знаю: льстят затем, чтобы господствовать

под видом покорности. Прошу вас вперед говорить проще! Милый мой, ты захвалишь меня! Мне стыдно, мой милый, — нет, не хвали меня, чтоб я не стала слишком горда.

— Хорошо, Вера Павловна, я начну говорить вам грубости, если вам это приятнее. В вашей натуре, Вера Павловна, так мало женственности, что, вероятно, вы выскажете совершенно мужские мысли.

— Ах, мой милый, скажи: что это значит эта «женственность»? Я понимаю, что женщина говорит контральтом, мужчина — баритоном, так что же из этого? Стоит ли толковать из-за того, чтоб мы говорили контральтом? Стоит ли упрашивать нас об этом? Зачем же все так толкуют нам, чтобы мы оставались женственны? Ведь это глупость, мой милый?

— Глупость, Верочка, и очень большая пошлость.

— Так я, мой милый, уж и не буду заботиться о женственности; извольте, Дмитрий Сергеич, я буду говорить вам совершенно мужские мысли о том, как мы будем жить. Мы будем друзьями. Только я хочу быть первым твоим другом. Ах, я еще тебе не говорила, как я ненавижу этого твоего милого Кирсанова!

— Не следует, Верочка: он очень хороший человек.

— А я его ненавижу. Я запрещу тебе видеться с ним.

— Прекрасное начало. Так запугана моим деспотизмом, что хочет сделать мужа куклою. И как же нам с ним не видеться, когда мы живем вместе?

— Да, и всё сидите обнявшись.

— Конечно. За чаем и за обедом. Только руки заняты, трудно обняться-то.

— И целые дни неразлучны.

— Вероятно. Он с своею комнатою, я — с своею, почти неразлучны.

— А если так, почему ж тебе и не перестать с ним видеться вовсе?

— Да ведь мы дружны, иногда хочется поговорить, и говорим, пока не в тягость друг другу.

— Всё сидят вместе, обнимаются и ссорятся, обнимаются и ссорятся. Ненавижу его.

— Да с чего ты это взяла, Верочка? Ссориться мы ни разу не ссорились. Живем почти врознь, дружны, это правда, но что ж из этого?

— Ах, мой милый, как я тебя обманула, как я тебя славно обманула! Ты не хотел мне сказать, как мы с тобой будем жить, а сам все рассказал! Как я тебя обманула! Слушай же, как мы будем жить, — по твоим же рассказам. Во-первых, у нас будет две комнаты, твоя и моя, и третья, в которой мы будем пить чай, обедать, принимать гостей, которые бывают у нас обоих, а не у тебя одного, не у меня одной. Во-вторых, я в твою комнату не смею входить, чтоб не надоедать тебе; ведь Кирсанов не смеет, — потому-то вы и не ссоритесь. Ты в мою также. Это второе. Теперь третье, — ах, мой милый, я и забыла спросить об этом: Кирсанов

вмешивается в твои дела или ты в его? Вы имеете право спрашивать друг друга о чем-нибудь?

— Э, да ведь теперь уж я знаю, к чему этот Кирсанов! Не скажу.

— Нет, я его все-таки ненавижу. И не сказывай, не нужно. Я сама знаю: не имеете права ни о чем спрашивать друг друга. Итак, в-третьих: я не имею права ни о чем спрашивать тебя, мой милый. Если тебе хочется или надобно сказать мне что-нибудь о твоих делах, ты сам мне скажешь. И точно то же наоборот. Вот три правила. Что еще?

— Верочка, второе правило требует объяснений. Мы видимся с тобою в нейтральной комнате [46] за чаем и за обедом. Теперь представь себе такой случай. Мы напились чаю поутру, я сижу в своей комнате и не смею носа показать в твою, значит не увижу тебя до обеда — так ведь?

— Конечно.

— Прекрасно. Приходит ко мне знакомый и говорит, что в два часа будет у меня другой знакомый; а я в час ухожу по делам; я могу попросить тебя передать этому знакомому, который зайдет в два часа, ответ, какой ему нужен, — могу я просить тебя об этом, если ты думаешь оставаться дома?

— Конечно, можешь. Возьмусь ли я за это — другой вопрос. Если я отказываюсь, ты не можешь претендовать, не можешь и спрашивать, почему я отказываюсь. Но спросить, не соглашусь ли я оказать тебе эту услугу, — спросить об этом ты можешь.

— Прекрасно. Но ведь за чаем я еще не знал этого, а войти в твою комнату не могу. Как же я спрошу?

— О боже, как он прост, — это маленькое дитя! Какое недоумение, скажите пожалуйста! Вы делаете вот как, Дмитрий Сергеич. Вы выходите в нейтральную комнату и говорите: «Вера Павловна!» Я отвечаю из своей комнаты: «что вам угодно, Дмитрий Сергеич?» Вы говорите: «я ухожу; без меня зайдет ко мне господин А. (вы называете фамилию вашего знакомого). У меня есть некоторые сведения для передачи ему. Могу ли я просить вас, Вера Павловна, передать их ему?» Если я отвечаю «нет», наш разговор кончен. Если я отвечаю «да», я выхожу в нейтральную комнату, и вы сообщаете мне, что я должна передать вашему знакомому. Теперь вы знаете, маленькое дитя, как надобно поступать?

— Да, милая Верочка, шутки шутками, а ведь в самом деле лучше всего жить, как ты говоришь. Только откуда ты набралась таких мыслей? Я-то их знаю, да я помню, откуда я их вычитал. А ведь до ваших рук эти книги не доходят. В тех, которые я тебе давал, таких частностей не было. Слышать? — не от кого было. Ведь едва ли не первого меня ты встретила из порядочных людей.

— Ах, мой милый, да разве трудно до этого додуматься? Ведь я видала семейную жизнь, — я говорю не про свою семью: она такая особенная, — но ведь у меня есть же подруги, я же бывала в их семействах;

боже мой, сколько неприятностей между мужьями и женами — ты не можешь себе вообразить, мой милый!

— Ну, я-то, Верочка, воображаю.

— Знаешь ли, что мне кажется, мой милый? Так не следует жить людям, как они живут: всё вместе, всё вместе. Надобно видеться между собою или только по делам, или когда собираются вместе отдохнуть, повеселиться. Я всегда смотрю и думаю: отчего с посторонними людьми каждый так деликатен? отчего при чужих людях все стараются казаться лучше, чем в своем семействе? — и в самом деле, при посторонних людях бывают лучше, — отчего это? Отчего с своими хуже, хоть их и больше любят, чем с чужими? Знаешь, мой милый, об чем бы я тебя просила: обращайся со мною всегда так, как обращался до сих пор; ведь это не мешало же тебе любить меня, ведь все-таки мы с тобою были друг другу ближе всех. Как ты до сих пор держал себя? Отвечал ли неучтиво, делал ли выговоры? — нет! Говорят, как это можно быть неучтивым с посторонней женщиною или девушкой, как можно делать ей выговоры? Хорошо, мой милый: вот я твоя невеста, буду твоя жена, а ты все-таки обращайся со мною, как велят обращаться с посторонней: это, мой друг, мне кажется, лучше для того, чтобы было прочное согласие, чтобы поддерживалась любовь. Так, мой милый?

— Я не знаю, Верочка, что мне и думать о тебе. Да ты меня и прежде удивляла.

— Миленький мой, ты хочешь захвалить меня! Нет, мой друг, это понять не так трудно, как тебе кажется. Такие мысли не у меня одной, мой милый: они у многих девушек и молоденьких женщин, таких же простеньких, как я. Только им нельзя сказать своим женихам или мужьям того, что они думают; они знают, что за это про них подумают: ты безнравственная. Я за то тебя и полюбила, мой милый, что ты не так думаешь. Знаешь, когда я тебя полюбила, когда мы в первый раз разговаривали на мое рожденье? как ты стал говорить, что женщины бедные, что их жалко: вот я тебя и полюбила.

— А я когда тебя полюбил? в тот же день, это уж я говорил, только когда?

— Какой ты смешной, миленький! Так сказал, что нельзя не угадать; а угадаю, опять станешь хвалить.

— А ты все-таки угадай.

— Ну понятно, когда: когда я спросила, правда ли, что можно сделать, чтобы людям хорошо было жить.

— За это надобно опять поцеловать твою ручку, Верочка.

— Полно, мой милый, это мне не нравится, когда у женщин целуют руки.

— Почему же, Верочка?

— Ах, мой милый, ты сам знаешь, почему, — зачем же у меня спрашиваешь? Не спрашивай так, мой миленький.

— Да, мой друг, это правда: не следует так спрашивать. Это дурно. Я стану спрашивать только тогда, когда в самом деле не знаю, что ты хочешь сказать. А ты хотела сказать, что ни у кого не следует целовать руки.

Верочка захохотала.

— Вот теперь я тебе прощаю, потому что самой удалось над тобою посмеяться. Видишь, хотел меня экзаменовать, а сам не знал главной причины, почему это нехорошо. Ни у кого не следует целовать руки, это правда, но ведь я не об этом говорила, не вообще, а только о том, что не надобно мужчинам целовать рук у женщин. Это, мой милый, должно бы быть очень обидно для женщин; это значит, что их не считают такими же людьми, думают, что мужчина не может унизить своего достоинства перед женщиною, что она настолько ниже его, что, сколько он ни унижайся перед нею, он все не ровный ей, а гораздо выше ее. А ведь ты не так думаешь, мой миленький, так зачем же тебе целовать у меня руку? А послушай, что мне показалось, мой миленький: как будто мы с тобою не жених с невестой?

— Да, это правда, Верочка, мало похожего; только что же такое — мы с тобою?

— Бог знает что, мой миленький, — или вот что: будто мы давно, давно повенчаны.

— Да что же, мой друг: ведь это и правда. Старые друзья, ничего не переменилось.

— Только одно переменилось, мой миленький: что я теперь знаю, что из подвала на волю выхожу.

XIX

Так они поговорили,— странноватый разговор для первого разговора между женихом и невестой,— и пожали друг другу руки, и пошел себе Лопухов домой, и Верочка заперла за ним дверь сама, потому что Матрена засиделась в полпивной, надеясь на то, что ее золото еще долго прохрапит. И действительно, ее золото еще долго храпело.

Возвратившись домой часу в седьмом, Лопухов хотел приняться за работу, но долго не мог приняться. Голова была занята не тем, а все тем же, чем всю длинную дорогу от соседства Семеновского моста [47] до Выборгской. Конечно, любовными мечтами. Да, ими, только не совсем любовными и не совсем мечтами. Жизнь человека необеспеченного имеет свои прозаические интересы, о них-то Лопухов и размышлял. Понятное дело: материалист, все только думает о выгодах. Он и действительно думал все о выгодах, вместо высоких поэтических и пластических мечтаний он занимался такими любовными мечтами, которые приличны грубому материалисту.

«Жертва — ведь этого почти никак нельзя будет выбить из ее головы. А это дурно. Когда думаешь, что чем-нибудь особенным обязан человеку,

отношения к нему уже несколько натянуты. А ведь узнает. Приятели объяснят, что вот какая предстояла карьера. Да хоть и не объясняли бы, сама сообразит: „ты, мой друг, для меня вот от чего отказался, от карьеры, которой ждал“, — ну, положим, не денег, — этого не взведут на меня ни приятели, ни она сама,— ну хоть и то хорошо, что не будет думать, что „он для меня остался в бедности, когда без меня был бы богат“. Этого не будет думать. Но узнает, что я желал ученой известности и получил бы. Вот и будет сокрушаться: „ах, какую он для меня принес жертву!“ И не думал жертвовать. Не был до сих пор так глуп, чтобы приносить жертвы,— надеюсь, и никогда не буду. Как для меня лучше, так и сделал. Не такой человек, чтобы приносить жертвы. Да их и не бывает, никто и не приносит; это фальшивое понятие: жертва — сапоги всмятку.[48] Как приятнее, так и поступаешь. Так вот поди ты, растолкуй это. В теории-то оно понятно; а как видит перед собою факт, человек-то и умиляется: вы, говорит, мой благодетель. И ведь уж показался всход этой будущей жатвы: „ты, говорит, меня из подвала выпустил,— какой ты для меня добрый“. Очень нужно было бы мне выпускать тебя, если бы самому это не нравилось. Это я тебя выпускаю, ты думаешь? — стал бы заботиться, как же, жди, как бы это не доставляло мне самому удовольствия! Может быть, я самого себя выпустил. Да, разумеется, себя: самому жить хочется, любить хочется, — понимаешь? — самому, для себя все делаю. Как бы это сделать, чтобы не развилось в ней это вредное чувство признательности, которое стало бы тяготить ее. Ну да как-нибудь сделаем,— она же умная, поймет, что это пустяки. Конечно, я не так располагал сделать. Думал, что если она успеет уйти из семейства, то отложить дело года на два; в это время успел бы стать профессором, денежные дела были бы удовлетворительны. Вышло, что отсрочить нельзя. Ну, так мне-то какой убыток? Разве я о себе, что ли, думал, когда соображал, что прежде надобно устроить денежные дела? Мужчине что? Мужчине ничего. Недостаток денег отзывается на женщине. Сапоги есть, локти не продраны, щи есть, в комнате тепло — какого рожна горячего мне еще нужно? А это у меня будет. Стало быть, какой же мне убыток? Но женщине, молоденькой, хорошенькой, этого мало. Ей нужны удовольствия, нужен успех в обществе. А на это у ней не будет денег. Конечно, она не будет думать, что этого недостает ей; она умная, честная девушка; будет думать себе: это пустяки, это дрянь, которую я презираю,— и будет презирать. Да разве помогает то, что человек не знает, чего ему недостает, или даже уверен, что оно ему не нужно? Это иллюзия, фантазия. Натура заглушена рассудком, обстоятельствами, гордостью, — и молчит, и не дает о себе голоса сознанию, а молча все-таки работает и подтачивает жизнь. Не так следует жить молоденькой, не так следует жить красавице; это не годится, когда она и одета не так хорошо, как другие, и не блестит, по недостатку средств. Жаль тебя, бедненькая: я думал, что все-таки

несколько получше для тебя устроится. А мне что? Я в выигрыше,— еще неизвестно, пошла ли бы она за меня через два года; а теперь идет...»

— Дмитрий, иди чай пить.

— Иду.— Лопухов отправился в комнату Кирсанова и на дороге успел думать: «а ведь как верно, что *Я* всегда на первом плане — и начал с себя и кончил собою. И с чего начал: „жертва“ — какое плутовство; будто я от ученой известности отказываюсь, и от кафедры — какой вздор! Не все ли равно, буду так же работать, и так же получу кафедру, и так же послужу медицине. Приятно человеку как теоретику замечать, как играет эгоизм его мыслями на практике».

Я обо всем предупреждаю читателя, потому скажу ему, чтоб он не предполагал этот монолог Лопухова заключающим в себе таинственный намек автора на какой-нибудь важный мотив дальнейшего хода отношений между Лопуховым и Верою Павловною; жизнь Веры Павловны не будет подтачиваться недостатком возможности блистать в обществе и богато наряжаться, и ее отношения к Лопухову не будут портиться «вредным чувством» признательности. Я не из тех художников, у которых в каждом слове скрывается какая-нибудь пружина, я пересказываю то, что думали и делали люди, и только; если какой-нибудь поступок, разговор, монолог в мыслях нужен для характеристики лица или положения, я рассказываю его, хотя бы он и не отозвался никакими последствиями в дальнейшем ходе моего романа.

— Теперь, Александр, не будешь на меня жаловаться, что отстаю от тебя в работе. Наверстаю.

— Что, кончил хлопоты по делу этой девушки?

— Кончил.

— Поступает в гувернантки к Б.?

— Нет, в гувернантки не поступает. Уладилось иначе. Ей теперь можно будет вести пока сносную жизнь в ее семействе.

— Что ж, это хорошо. В гувернантках ведь тяжело. А я, брат, теперь с зрительным нервом покончил и принимаюсь за следующую пару. А ты на чем остановился?

— Да мне еще надобно будет кончить работу над.....

И пошли анатомические и физиологические термины.

XX

«Теперь 28 апреля. Он сказал, что его дела устроятся в начале июля, — положим, 10-го: ведь это уж не начало, 10-е число можно взять. Или, для верности, возьму 15-е; нет, лучше 10-е,— сколько же остается дней? Нынешнего числа уж нечего считать — остается только пять часов его; в апреле остается 2 дня; май — 31 да 2, 33; июнь — 30 да 33, 63; из июля 10 дней,— всего только 73 дня,— много ли это, только 73 дня?

и тогда свободна! Выйду из этого подвала! Ах, как я счастлива! Миленький мой, как он умно это вздумал! Как я счастлива!»

Это было в воскресенье вечером. В понедельник — урок, перенесенный со вторника.

— Друг мой, миленький мой, как я рада, что опять с тобою, хоть на минуточку! Знаешь, сколько мне осталось сидеть в этом подвале? Твои дела когда кончатся? к 10-му июля кончатся?

— Кончатся, Верочка.

— Так теперь мне осталось сидеть в подвале только 72 дня, да нынешний вечер. Я один день уж вычеркнула, — ведь я сделала табличку, как делают пансионерки и школьники, и вычеркиваю дни. Как весело вычеркивать!

— Миленькая моя Верочка, миленькая моя. Да, уж недолго тебе тосковать здесь, два с половиною месяца пройдут скоро, и будешь свободна.

— Ах, как весело будет! Только ты, мой миленький, теперь вовсе не говори со мною, и не гляди на меня, и на фортепьяно не каждый раз будем играть. И не каждый раз буду выходить при тебе из своей комнаты. Нет, не утерплю, выйду всегда, только на одну минуточку, и так холодно буду смотреть на тебя, неласково. И теперь сейчас уйду в свою комнату. До свиданья, мой милый. Когда?

— В четверг.

— Три дня! Как долго! А тогда уж только 68 дней останется.

— Считай меньше: около 7-го числа тебе можно будет вырваться отсюда.

— 7-го? Так уж теперь только 69 дней? Как ты меня обрадовал! До свиданья, мой миленький!

Четверг.

— Мой миленький, только 66 дней мне здесь сидеть.

— Да, Верочка, время идет скоро.

— Скоро? Нет, мой милый. Ах, какие долгие стали дни! В другое время, кажется, успел бы целый месяц пройти, пока шли эти три дня. До свиданья, мой миленький, нам ведь не надобно долго говорить,— ведь мы хитрые, — да? — До свиданья. Ах, еще 66 дней мне осталось сидеть в подвале!

(«Гм, гм. Мне, разумеется, незаметно — за работою время летит. Да ведь и не я в подвале-то. Гм, гм. Да».)

Суббота.

— Ах, мой миленький, еще 64 дня осталось! Ах, какая тоска здесь! Эти два дня шли дольше тех трех дней. Ах, какая тоска! Гадость какая

здесь, если бы ты знал, мой миленький. До свиданья, мой милый, голубчик мой,— до вторника; а эти три дня будут дольше всех пяти дней. До свиданья, мой милый.

(«Гм, гм! Да! Гм! — Глаза не хороши. Она плакать не любит. Это нехорошо. Гм! Да!»)

Вторник.

— Ах, мой миленький, я уж и дни считать перестала. Не проходят, вовсе не проходят.

— Верочка, мой дружочек, у меня есть просьба к тебе. Нам надобно поговорить хорошенько. Ты очень тоскуешь по воле. Ну дай себе немножко воли, ведь нам надобно поговорить?

— Надобно, мой миленький, надобно.

— Так вот о чем я тебя прошу. Завтра, когда тебе будет удобнее, — в какое время, все равно, только скажи,— будь опять на той скамье на Конногвардейском бульваре. Будешь?

— Буду, мой миленький, непременно буду. В 11 часов,— так?

— Хорошо. Благодарю тебя, дружочек.

— До свиданья, мой миленький. Ах, как я рада, что ты это вздумал! Как это я сама, глупенькая, не вздумала. До сидания. Поговорим; все-таки я вздохну вольным воздухом. До свиданья, миленький. В 11 часов непременно.

Пятница.

— Верочка, ты куда это собираешься?

— Я, маменька? — Верочка покраснела,— к Невскому проспекту, маменька.

— Так и я с тобою пойду, Верочка, мне в Гостиный двор нужно. Да что это, Верочка, говоришь, идешь на Невский, а такое платье надела! Надобно получше, когда на Невский,— там люди.

— Мне это платье нравится. Подождите одну секунду, маменька: я только возьму в своей комнате одну вещь.

Отправляются. Идут. Дошли до Гостиного двора, идут по той линии, которая вдоль Садовой, уж недалеко до угла Невского,— вот и лавка Рузанова.[49]

— Маменька, я вам два слова скажу.

— Что с тобою, Верочка?

— До свиданья, маменька; не знаю, скоро ли; если не будете сердиться, до завтра.

— Что, Верочка? я что-то не разберу.

— До свиданья, маменька. Я теперь к мужу. Мы с Дмитрием Сергеичем третьего дня повенчались.— Поезжай в Караванную, извозчик.

— Четвертачок, сударыня.

— Хорошо, поезжай поскорее. Он к вам нынче вечером зайдет, маменька. А вы не сердитесь на меня, маменька.

Эти слова уж едва долетели до Марьи Алексевны.

— Да ты не в Караванную, я только так сказала, чтобы ты не думал долго, чтобы мне поскорее от этой дамы уехать. Налево, по Невскому. Мне гораздо дальше Караванной — на Васильевский остров, в 5-ю линию, за Средним проспектом. Поезжай хорошенько, прибавлю.

— Ах, сударыня, обмануть меня изволили! Надо уж будет полтинничек положить.

— Если хорошо поедешь.

XXI

Свадьба устроилась не очень многосложным, хоть и не совсем обыкновенным образом.

Дня два после разговора о том, что они жених и невеста, Верочка радовалась близкому освобождению; на третий день уже вдвое несноснее прежнего стал казаться ей «подвал», как она выражалась, на четвертый день она уж поплакала, чего очень не любила, но поплакала немножко, на пятый побольше, на шестой уже не плакала, а только не могла заснуть от тоски.

Лопухов посмотрел,— когда произнес монолог «гм, гм»,— посмотрел в другой раз и произнес монолог «гм, гм! да! гм!» Первым монологом он предположил что-то, только что́ именно предположил, са́м не знал, а во втором монологе объяснил себе, какое именно в первом сделал предположение. «Не годится, показавши волю, оставлять человека в неволе», и после этого думал два часа: полтора часа по дороге от Семеновского моста на Выборгскую и полчаса на своей кушетке; первую четверть часа думал, не нахмуривая лба, остальные час и три четверти думал, нахмуривая лоб, по прошествии же двух часов ударил себя по лбу и, сказавши «хуже гоголевского почтмейстера, телятина!»,[50]— посмотрел на часы.— «10, еще можно» — и пошел с квартиры.

Первую четверть часа, не хмуря лба, он думал так: «все это вздор, зачем нужно кончать курс? И без диплома не пропаду,— да и не нужно его. Уроками, переводами достану не меньше,— пожалуй, больше, чем получал бы от своего докторства. Пустяки».

Стало быть, тут нечего было хмурить лба, — сказать правду; задача оказалась не головоломна отчасти и потому, что еще с прошлого урока предчувствовалось ему нечто вроде такого размышления. Это он понял теперь. А если бы ему напомнить размышление, начинавшееся на тему «жертва» и кончавшееся мыслями о нарядах, то можно бы его уличить, что предчувствовалось уж и с той самой поры нечто вроде этого обстоятельства, потому что иначе незачем было бы и являться тогда в нем мысли: «отказываюсь от ученой карьеры». Тогда ему представлялось, что не отказывается, а инстинкт уже говорил: «откажешься, отсрочки

не будет». И если бы уличить Лопухова как практического мыслителя в тогдашней его неосновательности «не отказываюсь», он восторжествовал бы как теоретик и сказал бы: «вот вам новый пример, как эгоизм управляет нашими мыслями! — ведь я должен бы был видеть, но не видел, потому что хотелось видеть не то,— и нашими поступками, потому что зачем же заставил девушку сидеть в подвале лишнюю неделю, когда следовало предвидеть и все устроить тогда же!»

Но ничего этого не вспомнилось и не подумалось ему, потому что надобно было нахмурить лоб и, нахмурив его, думать час и три четверти над словами: «кто повенчает?» — и все был один ответ: «никто не повенчает!» И вдруг вместо «никто не повенчает» — явилась у него в голове фамилия «Мерцалов»; тогда он ударил себя по лбу и выбранил справедливо: как было с самого же начала не вспомнить о Мерцалове? А отчасти и несправедливо: ведь непривычно было думать о Мерцалове как о человеке венчающем.

В Медицинской академии есть много людей всяких сортов, есть, между прочим, и семинаристы; они имеют знакомства в Духовной академии,— через них были в ней знакомства и у Лопухова. Один из знакомых ему студентов Духовной академии — не близкий, но хороший знакомый — кончил курс год тому назад и был священником в каком-то здании с бесконечными коридорами на Васильевском острове.[51] Вот к нему-то и отправился Лопухов — и, по экстренности случая и позднему времени, даже на извозчике.

Мерцалов, сидевший дома один, читал какое-то новое сочинение — то ли Людовика XIV, то ли кого другого из той же династии.[52]

— Вот какое и вот какое дело, Алексей Петрович! Знаю, что для вас это очень серьезный риск; хорошо, если мы помиримся с родными, а если они начнут дело?[53] вам может быть беда, да и наверное будет; но... Никакого «но» не мог отыскать в своей голове Лопухов: как, в самом деле, убеждать человека, чтобы он за нас клал шею в петлю!

Мерцалов долго думал, тоже искал «но» для уполномочения себя на такой риск и тоже не мог придумать никакого «но».

— Как же с этим быть? Ведь хотелось бы... то, что вы теперь делаете, сделал и я год назад, да стал неволен в себе, как и вы будете. А совестно: надо бы помочь вам. Да, когда есть жена, оно и страшновато идти без оглядки.[54]

— Здравствуй, Алеша. Мои все тебе кланяются, здравствуйте, Лопухов; давно мы с вами не виделись. Что вы тут говорите про жену? Всё у вас жены виноваты,— сказала возвратившаяся от родных дама лет 17, хорошенькая и бойкая блондинка.

Мерцалов пересказал жене дело. У молодой дамы засверкали глазки.

— Алеша, ведь не съедят же тебя!

— Есть риск, Наташа.

— Очень большой риск,— подтвердил Лопухов.

— Ну, что делать, рискни, Алеша,— я тебя прошу.

— Когда ты меня не станешь осуждать, Наташа, что я забыл про тебя, идя на опасность, так разговор кончен. Когда хотите венчаться, Дмитрий Сергеич?

Следовательно, препятствий не оставалось.

В понедельник поутру Лопухов сказал Кирсанову:

— Знаешь ли что, Александр? уж верно подарить тебе ту половину нашей работы, которая была моей долей. Бери мои бумаги и препараты, я бросаю. Выхожу из Академии, вот и просьба. Женюсь.

Лопухов рассказал историю в двух словах.

— Если бы ты был глуп, или бы я был глуп, сказал бы я тебе, Дмитрий, что этак делают сумасшедшие. А теперь не скажу. Все возражения ты, верно, постарательнее моего обдумал. А и не обдумывал, так ведь все равно. Глупо ли ты поступаешь, умно ли — не знаю; но, по крайней мере, сам не стану делать той глупости, чтобы пытаться отговаривать, когда знаю, что не отговорить. Я тебе тут нужен на что-нибудь или нет?

— Нужно квартиру приискать где-нибудь в дешевой местности, три комнаты. Мне надобно хлопотать в Академии, чтобы поскорее выдали бумаги, чтобы завтра же. Так поищи квартиру ты.

Во вторник Лопухов получил свои бумаги, отправился к Мерцалову, сказал, что свадьба завтра.

— В какое время для вас удобнее, Алексей Петрович?— Алексею Петровичу все равно, он завтра весь день дома. — Я думаю, впрочем, что успею прислать Кирсанова предупредить вас.

В среду в 11 часов, пришедши на бульвар, Лопухов довольно долго ждал Верочку и начинал уже тревожиться; но вот и она, так спешит.

— Верочка, друг мой, не случилось ли чего с тобой?

— Нет, миленький, ничего, я опоздала только оттого, что проспала.

— Это значит, ты во сколько же часов уснула?

— Миленький, я не хотела тебе сказать; в семь часов, миленький, а то все думала; нет, раньше, в шесть.

— Вот о чем я хотел тебя просить, моя милая Верочка: нам надобно поскорее повенчаться, чтоб обоим быть спокойными.

— Да, миленький, надобно. Поскорей надобно.

— Так дня через четыре, через три...

— Ах, если бы так, миленький, вот бы ты был умник.

— Через три, верно, уж найду квартиру, закуплю, что нужно по хозяйству, тогда нам и можно будет поселиться с тобою вместе?

— Можно, мой голубчик, можно.

— Но ведь прежде надобно повенчаться.

— Ах, я и забыла, миленький, надо повенчаться прежде.

— Так венчаться и нынче можно, — об этом я и хотел просить тебя.

— Пойдем, миленький, повенчаемся; да как же ты все это устроил? какой ты умненький, миленький!

— А вот на дороге все расскажу, поедем.

Приехали, прошли по длинным коридорам к церкви, отыскали сторожа, послали к Мерцалову; Мерцалов жил в том же доме с бесконечными коридорами.

— Теперь, Верочка, у меня к тебе еще просьба. Ведь ты знаешь, в церкви заставляют молодых целоваться?

— Да, мой миленький; только как это стыдно!

— Так вот, чтобы не было тогда слишком стыдно, поцелуемся теперь.

— Так и быть, мой миленький, поцелуемся, да разве нельзя без этого?

— Да ведь в церкви же нельзя без этого, так приготовимся.

Они поцеловались.

— Миленький, хорошо, что успели приготовиться, вон уж сторож идет, теперь в церкви не так стыдно будет.

Но пришел не сторож,— сторож побежал за дьячком,— вошел Кирсанов, дожидавшийся их у Мерцалова.

— Верочка, вот это и есть Александр Матвеич Кирсанов, которого ты ненавидишь и с которым хочешь запретить мне видеться.

— Вера Павловна, за что же вы хотите разлучать наши нежные сердца?

— За то, что они нежные,— сказала Верочка, подавая руку Кирсанову, и, все еще продолжая улыбаться, задумалась: — а сумею ли я любить его, как вы? Ведь вы его очень любите?

— Я? я никого, кроме себя, не люблю, Вера Павловна.

— И его не любите?

— Жили — не ссорились, и того довольно.

— И он вас не любил?

— Не замечал что-то. Впрочем, спросим у него: ты любил, что ли, меня, Дмитрий?

— Особенной ненависти к тебе не имел.

— Ну, когда так, Александр Матвеич, я не буду запрещать ему видеться с вами и сама буду любить вас.

— Вот это гораздо лучше, Вера Павловна.

— А вот и я готов,— подошел Алексей Петрович:— пойдемте в церковь. — Алексей Петрович был весел, шутил; но когда начал венчанье, голос его несколько задрожал, — а если начнется дело? Наташа, ступай к отцу, муж не кормилец, а плохое житье от живого мужа на отцовских хлебах! Впрочем, после нескольких слов он опять совершенно овладел собою.

В половине службы пришла Наталья Андревна, или Наташа, как звал ее Алексей Петрович; по окончании свадьбы попросила молодых зайти к ней; у ней был приготовлен маленький завтрак; зашли, посмеялись, даже протанцовали две кадрили в две пары, даже вальсировали; Алексей Петрович, не умевший танцовать, играл им на скрипке; часа полтора пролетели легко и незаметно. Свадьба была веселая.

— Меня, я думаю, дома ждут уж обедать, — сказала Верочка: — пора. Теперь, мой миленький, я и три и четыре дня проживу в своем подвале без тоски, пожалуй и больше проживу, — стану я теперь тосковать! ведь мне теперь нечего бояться, — нет, ты меня не провожай: я поеду одна, чтобы не увидали как-нибудь.

— Ничего, не съедят меня, не совеститесь, господа! — говорил Алексей Петрович, провожая Лопухова и Кирсанова, которые оставались еще несколько минут, чтобы дать отъехать Верочке: — я теперь очень рад, что Наташа ободрила меня.

На другой день, после четырехдневных поисков, нашлась хорошая квартира, в дальнем конце 5-й линии Васильевского острова. Имея всего рублей 160 в запасе, Лопухов рассудил с своим приятелем, что невозможно ему с Верочкою думать теперь же обзаводиться своим хозяйством, мёбелью, посудою; потому и наняли три комнаты с мёбелью, посудой и столом от жильцов-мещан: старика, мирно проводившего дни свои с лотком пуговиц, лент, булавок и прочего у забора на Среднем проспекте между 1-ю и 2-ю линиею, а вечера в разговорах со своею старухою, проводившею дни свои в штопанье сотен и тысяч всякого старья, приносимого к ней охапками с Толкучего рынка. Прислуга тоже была от хозяев, то есть сами хозяева. Все это стоило 30 рублей в месяц. Тогда — лет 10 тому назад — были в Петербурге времена, еще дешевые по петербургскому масштабу. При таком устройстве были в готовности средства к жизни на три, пожалуй даже на четыре месяца; ведь на чай 10 рублей в месяц довольно? а в четыре месяца Лопухов надеялся найти уроки, какую-нибудь литературную работу, занятия в какой-нибудь купеческой конторе, — все равно. В тот же день, как была приискана квартира — и действительно квартира отличная: для того-то и искали долго, зато и нашли, — Лопухов, бывши на уроке в четверг, по обыкновению, сказал Верочке:

— Завтра переезжай, мой друг; вот адрес. Больше теперь говорить не стану, чтоб не заметили.

— Миленький мой, ты спас меня!

Теперь как уйти из дому? Сказать? Верочка и подумала было, но мать бросится драться, может запереть. Верочка рассудила оставить письмо в своей комнате. Когда Марья Алексевна, услышав, что дочь отправляется по дороге к Невскому, сказала, что идет вместе с нею, Верочка вернулась в свою комнату и взяла письмо: ей показалось, что лучше, честнее будет, если она сама в лицо скажет матери, — ведь драться на улице мать не станет же? только надобно, когда будешь говорить, несколько подальше от нее остановиться, поскорее садиться на извозчика и ехать, чтоб она не успела схватить за рукав.

Таким-то манером и произошла эффектная сцена у лавки Рузанова.

XXII

Но мы видели только еще половину этой сцены.

С минуту — нет, несколько поменьше — Марья Алексевна, не подозревавшая ничего подобного, стояла ошеломленная, стараясь понять и все не понимая, что ж это говорит дочь, что ж это значит и как же это? Но только с минуту или поменьше... Она встрепенулась, вскрикнула какое-то ругательство, но дочь уже выезжала на Невский; Марья Алексевна пробежала несколько шагов в ту сторону, — надобно извозчика, — бросилась на тротуар — «извозчик!» — «Куда прикажете, сударыня?» — куда она прикажет? Послышалось, что дочь сказала «в Караванную», но повернула дочь налево по Невскому. Куда же прикажет она? «Догонять ту, мерзавку!» — «Догонять, сударыня? Да вы скажите толком, куда; а то как же без ряды ехать, а какой конец, неизвестно». — Марья Алексевна совершенно вышла из себя, ругнулась на извозчика, — «пьяна ты, барыня, я вижу, вот что», сказал извозчик и отошел. Марья Алексевна и ругала его вдогонку, и кричала других извозчиков, и бросалась в разные стороны на несколько шагов, и махала руками, и окончательно установилась опять под колоннадой, и топала, и бесилась; а вокруг нее уже стояло человек пять парней, продающих разную разность у колонн Гостиного двора; парни любовались на нее, обменивались между собою замечаниями более или менее неуважительного свойства, обращались к ней с похвалами остроумного и советами благонамеренного свойства: «Ай да барыня, в кою пору успела нализаться, хват, барыня!» — «барыня, а барыня, купи пяток лимонов-то у меня, ими хорошо закусывать, для тебя дешево отдам!» — «барыня, а барыня, не слушай его, лимон не поможет, а ты поди опохмелись!» — «барыня, а барыня, здорова ты ругаться; давай об заклад ругаться, кто кого переругает!» — Марья Алексевна, сама не помня, что делает, хватила по уху ближайшего из собеседников — парня лет 17, не без грации высовывавшего ей язык: шапка слетела, а волосы тут, как раз под рукой; Марья Алексевна вцепилась в них. Это привело остальных собеседников в неописанный энтузиазм: — «Ай да барыня! — Валяй его, барыня!» Некоторые замечали: «Федька, а ты дай-ко ей сдачи», но большинство собеседников было решительно на стороне Марьи Алексевны: «Куда Федьке против барыни! — Валяй, барыня, валяй Федьку, так ему, подлецу, и надо». Было уже много зрителей, кроме собеседников: и извозчики, и сидельцы из лавок, и прохожие. Марья Алексевна как будто опомнилась и, последним машинальным движением далеко отшатнув Федькину голову, зашагала через улицу. Восторженные похвалы собеседников провожали ее.

Она увидела, что идет домой, когда прошла уже ворота Пажеского корпуса, взяла извозчика и приехала счастливо, побила у двери отворившего ей Федю, бросилась к шкапчику, побила высунувшуюся на шум Матрену, бросилась опять к шкапчику, бросилась в комнату Верочки, че-

рез минуту выбежала к шкапчику, побежала опять в комнату Верочки, долго оставалась там, потом пошла по комнатам, ругаясь, но бить было уже некого: Федя бежал на грязную лестницу, Матрена, подсматривая в щель Верочкиной комнаты, бежала опрометью, увидев, что Марья Алексевна поднимается, в кухню не попала, а очутилась в спальной под кроватью Марьи Алексевны, где и пробыла благополучно до мирного востребования.

Долго ли, коротко ли Марья Алексевна ругалась и кричала, ходя по пустым комнатам, определить она не могла, но, должно быть, долго, потому что вот и Павел Константиныч явился из должности, — досталось и ему, идеально и материально досталось. Но как всему бывает конец, то Марья Алексевна закричала: «Матрена, подавай обедать!» Матрена увидела, что штурм кончился, вылезла из-под кровати и подала обедать.

За обедом Марья Алексевна действительно уже не ругалась, а только рычала, и уже без всяких наступательных намерений, а так только, для собственного употребления; потом лечь не легла, но села и сидела одна, и молчала, и ворчала, потом и ворчать перестала, а все молчала, наконец крикнула:

— Матрена! разбуди барина, вели ко мне прийти.

Матрена, в ожидании распоряжений не смевшая уйти ни в полпивную,[55] никуда, исполнила приказ, Павел Константиныч явился.

— Ступай к хозяйке, скажи, что дочь по твоей воле вышла за этого чорта. Скажи: я против жены был. Скажи: вам в угоду сделал, потому что видел, не было вашего желания. Скажи: моя жена была одна виновата, я вашу волю исполнял. Скажи: я сам их и свел. Понял, что ли?

— Понял, Марья Алексевна; это ты очень умно рассуждаешь.

— Ну, ступай же! Хоть обедает, все равно вызови, подними от стола. Покуда не знает.

Справедливость слов Павла Константиныча была так осязательна, что хозяйка поверила бы им, если б он и не обладал даром убедительной благоговейности изложения. А убедительность этого дара была так велика, что хозяйка простила бы Павла Константиныча, если б и не было осязательных доказательств, что он постоянно действовал против жены и нарочно свел Верочку с Лопуховым, чтобы отвратить неблагородную женитьбу Михаила Иваныча. — Как же они повенчались? — Павел Константиныч не пожалел приданого; дал 5000 Лопухову деньгами, свадьбу и обзаведенье сделал всё на свой счет. Через него они и записочками передавались; у его сослуживца на квартире, у столоначальника Филантьева, — женатого человека, ваше превосходительство, потому что хоть я и маленький человек, но девическая честь дочери, ваше превосходительство, мне дорога, — имели при мне свиданья, и хоть наши деньги не такие, чтобы мальчишке в таких летах учителей брать, но якобы предлог дал, ваше превосходительство, и т. д. Неблагонамеренность жены Павел Константиныч изобличал в самых черных порицаниях.

Как было не убедиться и не помиловать Павла Константиныча? А главное — великая, неожиданная радость! Радость смягчает сердце. Хозяйка начала свою отпустительную речь очень длинным пояснением гнусности мыслей и поступков Марьи Алексевны и сначала требовала, чтобы Павел Константиныч прогнал жену от себя; но он умолял, да и она сама сказала это больше для блезиру,[56] чем для дела; наконец резолюция вышла такая, что Павел Константиныч остается управляющим, квартира на улицу отнимается, и переводится он на задний двор, с тем чтобы жена его не смела и показываться в тех местах первого двора, на которые может упасть взгляд хозяйки, и обязана выходить на улицу не иначе как воротами, дальними от хозяйкиных окон. Из 20 р. в месяц прибавки к жалованью 15 р. отнимаются, а 5 р. оставляются в вознаграждение как усердия управляющего к воле хозяйки, так и его расходов по свадьбе дочери.

XXIII

У Марьи Алексевны было в мыслях несколько проектов о том, как поступить с Лопуховым, когда он явится вечером. Самый чувствительный состоял в том, чтобы спрятать на кухне двух дворников, — они бросятся на Лопухова по данному сигналу и исколотят его. Самый патетический состоял в том, чтобы торжественно провозгласить устами своими и Павла Константиныча родительское проклятие ослушной дочери и ему, разбойнику, с объяснением, что оно сильно, — даже земля, как известно, не принимает праха проклятых родителями. Но это были точно такие же мечты, как у хозяйки мысль развести Павла Константиныча с женою; такие проекты, как всякая поэзия, служат собственно не для практики, а для отрады сердцу, ложась основанием для бесконечных размышлений наедине и для иных изъяснений в беседах будущности, что, дескать, я вот что могла (или, смотря по полу лица: мог) сделать и хотела (хотел), да по своей доброте пожалела (пожалел).

Проекты побить Лопухова и проклясть дочь были идеальною стороною мыслей и чувств Марьи Алексевны. Реальная сторона ее ума и души имела направление не столь возвышенное и более практическое — разница, неизбежная по слабости всякого человеческого существа. Когда Марья Алексевна опомнилась у ворот Пажеского корпуса, постигла, что дочь действительно исчезла, вышла замуж и ушла от нее, этот факт явился ее сознанию в форме следующего мысленного восклицания: «обокрала!» И всю дорогу она продолжала восклицать мысленно, а иногда и вслух: «обокрала!» Поэтому, задержавшись лишь на несколько минут сообщением скорби своей Феде и Матрене по человеческой слабости, — всякий человек увлекается выражением чувств до того, что забывает в порыве души житейские интересы минуты, — Марья Алексевна пробежала в комнату Верочки, бросилась в ящики туалета, в гардероб, окинула все торопливым взглядом, — нет, кажется, все цело! — и потом принялась поверять

это успокоительное впечатление подробным пересмотром. Оказалось, что действительно все вещи и платья остались у нее, кроме пары простеньких золотых серег, да старого кисейного платья, да старого пальто, в которых Верочка пошла из дому. По этому вопросу реального направления Марья Алексевна ждала, что Верочка даст Лопухову список своих вещей, чтобы требовать их, и твердо решилась из золотых и других таких вещей не давать ничего, из платьев дать четыре, которые попроще, и дать несколько белья, которое побольше изношено: ничего не дать нельзя, благородное приличие не дозволяет, а Марья Алексевна всегда строго соблюдала благородное приличие.

Другой вопрос реальной жизни был: отношение к хозяйке; мы уже видели, что Марье Алексевне удалось разрешить его удачно.

Теперь третий вопрос: что делать с мерзавкою и подлецом, с дочерью и непрошенным зятем? Проклясть? — это не трудно, но годится только как десерт к чему-нибудь существенному. Существенное возможно только одно: подать просьбу, начать дело, отдать под суд.[57] Сначала, в волнении чувств, Марья Алексевна смотрела на это решение вопроса идеально, и с идеальной точки зрения оно представлялось очень привлекательным. Но по мере того, как успокоивалась кровь от утомления бурею, дело стало обнаруживаться в другом виде. Никто не знал лучше Марьи Алексевны, что дела ведутся деньгами и деньгами, а такие дела, как обольщавшие ее своею идеальною прелестью, ведутся большими и большими деньгами и тянутся очень долго и, вытянув много денег, кончаются совершенно ничем.

Что же делать? В конце концов выходило, что предстоят только два занятия: поругаться с Лопуховым до последней степени удовольствия и отстоять от его требований верочкины вещи, а средством к тому употребить угрозу подачею жалобы. Но поругаться надобно очень сильно, в полную сласть.

Не удалось и поругаться. Пришел Лопухов и начал в том слоге, что мы с Верочкою просим вас, Марья Алексевна и Павел Константиныч, извинить нас, что без вашего согласия...

Марья Алексевна на этом слове закричала: «Я прокляну ее, негодницу!»

Но вместо слова «негодница» успело выговориться только «него...», потому что Лопухов сказал очень громко: «Вашей брани я слушать не стану, я пришел говорить о деле. Вы сердитесь и не можете говорить спокойно, так мы поговорим одни, с Павлом Константинычем, а вы, Марья Алексевна, пришлите Федю или Матрену позвать нас, когда успокоитесь» — и, говоря это, уже вел Павла Константиныча из зала в его кабинет, а говорил так громко, что перекричать его не было возможности, а потому и пришлось остановиться в своей речи.

Довел он Павла Константиныча до дверей зала, тут остановился, обернулся и сказал:

— А то, Марья Алексевна, теперь же и с вами буду говорить; только ведь о деле надобно говорить спокойно.

Она было опять готовилась закричать, но он опять перебил:

— Ну, не можете говорить спокойно, так мы уходим.

— Да ты зачем уходишь, дурак? — прокричала Марья Алексевна.

— Да он меня ведет.

— А если Павлу Константинычу было бы тоже не угодно говорить хладнокровно, так и я уйду, пожалуй, — мне все равно. Только зачем же вы, Павел Константиныч, позволяете называть себя такими именами? Марья Алексевна дел не знает, она, верно, думает, что с нами можно бог знает что сделать, а вы чиновник, вы деловой порядок должны знать. Вы скажите ей, что теперь она с Верочкой ничего не сделает, а со мной и того меньше.

«Знает, подлец, что с ним ничего не сделаешь», — подумала Марья Алексевна и сказала Лопухову, что в первую минуту погорячилась, как мать, а теперь может говорить хладнокровно.

Лопухов возвратился с Павлом Константинычем, сели; Лопухов попросил ее слушать, пока он доскажет то, что начнет, а ее речь будет впереди, и начал говорить, сильно возвышая голос, когда она пробовала перебивать его, и благополучно довел до конца свою речь, которая состояла в том, что развенчать их нельзя, потому дело со Сторешниковым — дело пропащее, как вы сами знаете, стало быть и утруждать себя вам будет напрасно, а впрочем как хотите: коли лишние деньги есть, то даже советую попробовать; да что, и огорчаться-то не из чего, потому что ведь Верочка никогда не хотела идти за Сторешникова, стало быть это дело всегда было несбыточное, как вы и сами видели, Марья Алексевна, а девушку во всяком случае надобно отдавать замуж, а это дело вообще убыточное для родителей: надобно приданое, да и свадьба сама по себе много денег стоит, а главное — приданое; стало быть, еще надобно вам, Марья Алексевна и Павел Константиныч, благодарить дочь, что она вышла замуж без всяких убытков для вас! Вот он так говорил, и прочее в этом роде, и говорил он обстоятельно битых полчаса.

Когда он кончил, то Марья Алексевна видела, что с таким разбойником нечего говорить, и потому прямо стала говорить о чувствах, что она была огорчена, собственно, тем, что Верочка вышла замуж, не испросивши согласия родительского, потому что это для материнского сердца очень больно; ну, а когда дело пошло о материнских чувствах и огорчениях, то, натурально, разговор стал представлять для обеих сторон более только тот интерес, что, дескать, нельзя же не говорить и об этом, так приличие требует; удовлетворили приличию, поговорили, — Марья Алексевна, что она, как любящая мать, была огорчена, — Лопухов, что она, как любящая мать, может и не огорчаться; когда же исполнили меру приличия надлежащею длиною рассуждений о чувствах, перешли к другому пункту, требуемому приличием, что мы всегда желали своей дочери счастья, — с од-

ной стороны, а с другой стороны отвечалось, что это, конечно, вещь несомненная; когда разговор был доведен до приличной длины и по этому пункту, стали прощаться, тоже с объяснениями такой длины, какая требуется благородным приличием, и результатом всего оказалось, что Лопухов, понимая расстройство материнского сердца, не просит Марью Алексевну теперь же дать дочери позволение видеться с нею, потому что теперь это, быть может, было бы еще тяжело для материнского сердца, а что вот Марья Алексевна будет слышать, что Верочка живет счастливо, в чем, конечно, всегда и состояло единственное желание Марьи Алексевны, и тогда материнское сердце ее совершенно успокоится, стало быть тогда она будет в состоянии видеться с дочерью, не огорчаясь.

Так на том и порешили и расстались миролюбиво.

— Ну, разбойник! — сказала Марья Алексевна, проводив зятя.

Ночью даже приснился ей сон такого рода, что сидит она под окном и видит: по улице едет карета, самая отличная, и останавливается эта карета, и выходит из кареты пышная дама, и мужчина с дамой, и входят они к ней в комнату, и дама говорит: посмотрите, мамаша, как меня муж наряжает! и дама эта — Верочка. И смотрит Марья Алексевна, материя на платье у Верочки самая дорогая, и Верочка говорит: «Одна материя 500 целковых стоит, и это для нас, мамаша, пустяки: у меня таких платьев целая дюжина; а вот, мамаша, это дороже стоит, — вот, на пальцы посмотрите!» — Смотрит Марья Алексевна на пальцы Верочке, а на пальцах перстни с крупными брильянтами! — Этот пе́рстень, мамаша, стоит 2000 р., а этот, мамаша, дороже — 4000 р., а вот на грудь посмотрите, мамаша, эта брошка еще дороже: она стоит 10 000 р.! А мужчина говорит, и этот мужчина Дмитрий Сергеич: «Это все для нас еще пустяки, милая маменька, Марья Алексевна! а настоящая-то важность вот у меня в кармане: вот, милая маменька, посмотрите, бумажник, какой толстый и набит все одними 100-рублевыми бумажками, и этот бумажник я вам, мамаша, дарю, потому что и это для нас пустяки! а вот этого бумажника, который еще толще, милая маменька, я вам не подарю, потому что в нем бумажек нет, а в нем все банковые билеты да векселя, и каждый билет и вексель дороже стоит, чем весь бумажник, который я вам подарил, милая маменька, Марья Алексевна!» — Умели вы, милый сын, Дмитрий Сергеич, составить счастье моей дочери и всего нашего семейства; только откуда же, милый сын, вы такое богатство получили? — «Я, милая мамаша, пошел по откупной части!» [58]

И, проснувшись, Марья Алексевна думает про себя: «истинно, ему бы по откупной части идти».

XXIV

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО МАРЬЕ АЛЕКСЕВНЕ

Вы перестаете быть важным действующим лицом в жизни Верочки, Марья Алексевна, и, расставаясь с вами, автор этого рассказа просит вас не сетовать на то, что вы отпускаетесь со сцены с развязкою, несколько невыгодной для вас. Не думайте, что вы через то лишились уважения. Вы остались одураченною, но это нисколько не роняет нашего мнения о вашем уме, Марья Алексевна: ваша ошибка не свидетельствует против вас. Вы встретились с людьми, которых не привыкли встречать прежде, и не грех вам было обмануться в них, судя по прежним вашим опытам. Вся ваша прежняя жизнь привела вас к заключению, что люди делятся на два разряда — дураков и плутов: «кто не дурак, тот плут, непременно плут, думали вы, а не плутом может быть только дурак». Этот взгляд был очень верен, Марья Алексевна, до недавнего времени был совершенно верен, Марья Алексевна. Вы встречали, Марья Алексевна, людей, которые говорили очень хорошо, и вы видели, что все эти люди, без исключения, — или хитрецы, морочащие людей хорошими словами, или взрослые глупые ребята, не знающие жизни и не умеющие ни за что приняться. Потому вы, Марья Алексевна, не верили хорошим словам, считали их за глупость или обман, и вы были правы, Марья Алексевна. Ваш взгляд на людей уже совершенно сформировался, когда вы встретили первую женщину, которая не была глупа и не была плутовка; вам простительно было смутиться, остановиться в раздумье, не знать, как думать о ней, как обращаться с нею. Ваш взгляд на людей уже совершенно сформировался, когда вы встретили первого благородного человека, который не был простодушным, жалким ребенком, знал жизнь не хуже вас, судил о ней не менее верно, чем вы, умел делать дело не менее основательно, чем вы; вам простительно было ошибиться и принять его за такого же пройдоху, как вы. Эти ошибки, Марья Алексевна, не уменьшают моего уважения к вам как женщине умной и дельной. Вы вывели вашего мужа из ничтожества, приобрели себе обеспечение на старость лет, — это вещи хорошие, и для вас были вещами очень трудными. Ваши средства были дурны, но ваша обстановка не давала вам других средств. Ваши средства принадлежат вашей обстановке, а не вашей личности, за них бесчестье не вам, — но честь вашему уму и силе вашего характера.

Довольны ли вы, Марья Алексевна, признанием этих ваших достоинств? Конечно, вы остались бы довольны и этим, потому что вы и не думали никогда претендовать на то, что вы мила или добра; в минуту невольной откровенности вы сами признавали, что вы человек злой и нечестный, и не считали злобы и нечестности своей бесчестьем для себя, доказывая, что иною вы не могли быть при обстоятельствах вашей жизни. Стало быть, вы не станете много интересоваться тем, что к похвале ва-

шему уму и силе вашего характера не прибавлено похвалы вашим добродетелям, вы и не считаете себя имеющею их, и не считаете достоинством, а скорее считаете принадлежностью глупости иметь их. Стало быть, вы не стали бы требовать еще другой похвалы, кроме той, прежней. Но я могу сказать в вашу честь еще одно: из всех людей, которых я не люблю и с которыми не желал бы иметь дела, я все-таки охотнее буду иметь дело с вами, чем с другими. Конечно, вы беспощадна там, где это нужно для вашей выгоды. Но если вам нет выгоды делать кому-нибудь вред, вы не станете делать его из каких-нибудь глупых страстишек; вы рассчитываете, что не стоит вам терять время, труд, деньги без пользы. Вы, разумеется, рады были бы изжарить на медленном огне вашу дочь и ее мужа, но вы умели обуздать мстительное влечение, чтобы холодно рассудить о деле, и поняли, что изжарить их не удалось бы вам; а ведь это великое достоинство, Марья Алексевна, уметь понимать невозможность! Поняв ее, вы и не стали начинать процесса, который не погубил бы людей, раздраживших вас; вы разочли, что те мелкие неприятности, которые наделали бы им хлопотами по процессу, подвергали бы саму вас гораздо бо́льшим хлопотам и убыткам, и потому вы не начали процесса. Если нельзя победить врага, если нанесением ему мелочного урона сам делаешь себе больше урона, то незачем начинать борьбы; поняв это, вы имеете здравый смысл и мужество покоряться невозможности без напрасного деланья вреда себе и другим, — это также великое достоинство, Марья Алексевна. Да, Марья Алексевна, с вами еще можно иметь дело, потому что вы не хотите зла для зла в убыток себе самой — это очень редкое, очень великое достоинство, Марья Алексевна! Миллионы людей, Марья Алексевна, вреднее вас и себе и другим, хотя не имеют того ужасного вида, какой имеете вы. Из тех, кто не хорош, вы еще лучше других именно потому, что вы не безрассудны и не тупоумны. Я рад был бы стереть вас с лица земли, но я уважаю вас: вы не портите никакого дела; теперь вы занимаетесь дурными делами, потому что так требует ваша обстановка, но дать вам другую обстановку, и вы с удовольствием станете безвредны, даже полезны, потому что без денежного расчета вы не хотите делать зла, а если вам выгодно, то можете делать что угодно — стало быть, даже и действовать честно и благородно, если так будет нужно. Вы способны к этому, Марья Алексевна; не вы виноваты в том, что эта способность бездействует в вас, что вместо нее действуют противоположные способности, но она есть в вас, а этого нельзя сказать о всех. Дрянные люди не способны ни к чему; вы только дурной человек, а не дрянный человек. Вы выше многих и по нравственному масштабу.

— Довольны ли вы, Марья Алексевна?

— Что, батюшка мой, мне быть довольной-то? Обстоятельства-то мои плоховаты?

— Это и прекрасно, Марья Алексевна.

Глава третья

ЗАМУЖСТВО И ВТОРАЯ ЛЮБОВЬ

I

Прошло три месяца после того, как Верочка вырвалась из подвала. Дела Лопуховых шли хорошо. Он уже имел порядочные уроки, достал работу у какого-то книгопродавца — перевод учебника географии. Вера Павловна также имела два урока, хотя незавидных, но и не очень плохих. Вдвоем они получали уже рублей 80 в месяц; на эти деньги нельзя жить иначе, как очень небогато, но все-таки испытать им нужды не досталось, средства их понемногу увеличивались, и они рассчитывали, что месяца еще через четыре или даже скорее они могут уже обзавестись своим хозяйством (оно так и было потом).

Порядок их жизни устроился, конечно, не совсем в том виде, как полушутя, полусерьезно устроивала его Вера Павловна в день своей фантастической помолвки, но все-таки очень похоже на то. Старик и старуха, у которых они поселились, много толковали между собою о том, как странно живут молодые, — будто вовсе и не молодые, — даже не муж и жена, а так, точно не знаю кто.

— Значит, как сам вижу и ты, Петровна, рассказываешь, на то похоже, как бы сказать, она ему сестра была, али он ей брат.

— Нашел чему прировнять! Между братом да сестрой никакой церемонности нет, а у них как? Он встанет, пальто [59] наденет и сидит, ждет, покуда самовар принесешь. Сделает чай, кликнет ее, она тоже уж одета выходит. Какие тут брат с сестрой? А ты так скажи: вот бывает тоже, что небогатые люди, по бедности, живут два семейства в одной квартире, — вот этому можно прировнять.

— И как это, Петровна, чтобы муж к жене войти не мог: значит, не одета, нельзя. Это на что похоже?

— А ты то лучше скажи, как они вечером-то расходятся. Говорит: прощай, миленький, спокойной ночи! Разойдутся, оба по своим комнатам сидят, книжки читают, он тоже пишет. Ты слушай, что раз было. Легла она спать, лежит, читает книжку; только слышу через перегородку-то, — на меня тоже что-то сна не было, — слышу, встает. Только, что же ты думаешь? Слышу, перед зеркалом стала, значит, волоса пригладить. Ну вот как есть точно к гостям выйти собирается. Слышу, пошла. Ну, и я в коридор вышла, стала на стул, гляжу в его-то комнату через стекло. Слышу, подошла. — «Можно войти, миленький?» А он: «Сейчас, Верочка, минутку погоди». — Лежал тоже. Платьишко натянул, пальто: ну, думаю, галстух подвязывать станет: нет, галстуха не повязал, оправился, говорит: «Теперь можно, Верочка». «Я, говорит, вот в этой книжке не пони-

маю, ты растолкуй». Он сказал. «Ну, говорит, извини, миленький, что я тебя побеспокоила». А он говорит: «Ничего, Верочка, я так лежал, ты не помешала». Ну, она и ушла.

— Так и ушла?

— Так и ушла.

— И он ничего?

— И он ничего. Да ты не тому дивись, что ушла, а ты тому дивись: оделась, пошла; он говорит: погоди; оделся, тогда говорит: войди. Ты про это говори: какое это заведенье?

— А вот что, Петровна: это секта такая, значит; потому что есть всякие секты.

— Оно похоже на то. Смотри, что верно твое слово.

Другой разговор.

— Данилыч, а ведь я ее спросила про ихнее заведенье. Вы, говорю, не рассердитесь, что я вас спрошу: вы какой веры будете? — Обыкновенно какой, русской, говорит. — А супружник ваш? — Тоже, говорит, русской. — А секты никакой не изволите содержать? — Никакой, говорит: а вам почему так вздумалось? — Да вот почему, сударыня, барыней ли, барышней ли, не знаю, как вас назвать: вы с муженьком-то живете ли? — засмеялась; живем, говорит.

— Засмеялась?

— Засмеялась: живем, говорит. Так отчего же у вас заведенье такое, что вы неодетая не видите его, точно вы с ним не живете? — Да это, говорит, для того, что зачем же растрепанной показываться? а секты тут никакой нет. — Так что же такое? говорю. — А для того, говорит, что так-то любви больше, и размолвок нет.

— А это точно, Петровна, что на правду похоже. Значит, всегда в своем виде.

— Да она еще какое слово сказала: ежели, говорит, я не хочу, чтобы другие меня в безобразии видели, так мужа-то я больше люблю, значит к нему-то и вовсе не приходится не умывшись на глаза лезть.

— А и это на правду похоже, Петровна: отчего же на чужих-то жен зарятся? Оттого, что их в наряде видят, а свою в безобразии. Так в писании говорится, в притчах Соломониих.[60] Премудрейший царь был.

II

Хорошо шла жизнь Лопуховых. Вера Павловна была всегда весела. Но однажды, — это было месяцев через пять после свадьбы, — Дмитрий Сергеич, возвратившись с урока, нашел жену в каком-то особенном настроении духа: в ее глазах сияла и гордость, и радость. Тут Дмитрий Сергеич припомнил, что уже несколько дней можно было замечать в ней признаки приятной тревоги, улыбающегося раздумья, нежной гордости.

— Друг мой, у тебя есть какое-то веселье: что же ты не поделишься со мною?

— Кажется, есть, мой милый, но погоди еще немного: скажу тебе тогда, когда это будет верно. Надобно подождать еще несколько дней. А это будет мне большая радость. Да и ты будешь рад, я знаю; и Кирсанову, и Мерцаловым понравится.

— Но что же такое?

— А ты забыл, мой миленький, наш уговор: не расспрашивать? Скажу, когда будет верно.

Прошло еще с неделю.

— Мой миленький, стану рассказывать тебе свою радость. Только ты мне посоветуй, ты ведь все это знаешь. Видишь, мне уж давно хотелось что-нибудь делать. Я и придумала, что надо завести швейную; ведь это хорошо?

— Ну, мой друг, у нас был уговор, чтоб я не целовал твоих рук, да ведь то говорилось вообще, а на такой случай уговора не было. Давайте руку, Вера Павловна.

— После, мой миленький, когда удастся сделать.

— Когда удастся сделать, тогда и не мне дашь целовать руку, тогда и Кирсанов, и Алексей Петрович, и все поцелуют. А теперь пока я один. И намерение стоит этого.

— Насилие? Я закричу.

— А кричи.

— Миленький мой, я застыжусь и не скажу ничего. Будто уж это такая важность!

— А вот какая важность, мой друг: мы все говорим и ничего не делаем. А ты позже нас всех стала думать об этом — и раньше всех решилась приняться за дело.

Верочка припала головою к груди мужа, спряталась:

— Милый мой, ты захвалил меня.

Муж поцеловал ее голову:

— Умная головка.

— Миленький мой, перестань. Вот тебе и сказать нельзя; видишь, какой ты.

— Перестану: говори, моя добрая.

— Не смей так называть.

— Ну, злая.

— Ах, какой ты! Все мешаешь. Ты слушай, сиди смирно. Ведь тут, мне кажется, главное то, чтобы с самого начала, когда выбираешь немногих, делать осмотрительно, чтобы это были в самом деле люди честные, хорошие, не легкомысленные, не шаткие, настойчивые и вместе мягкие, чтобы от них не выходило пустых ссор и чтобы они умели выбирать других, — так?

— Так, мой друг.

— Теперь я нашла трех таких девушек. Ах, сколько я искала! Ведь я, мой миленький, уж месяца три заходила в магазины, знакомилась — и нашла. Такие славные девушки. Я с ними хорошо познакомилась.

— И надобно, чтоб они были хорошие мастерицы своего дела; ведь нужно, чтобы дело шло собственным достоинством, ведь все должно быть основано на торговом расчете.

— Ах, еще бы нет, это разумеется.

— Так что ж еще? О чем со мной советоваться?

— Да подробности, мой миленький.

— Рассказывай подробности; да, верно, ты сама все обдумала и сумеешь приспособиться к обстоятельствам. Ты знаешь, тут важнее всего принцип, да характер, да уменье. Подробности определяются сами собою, по особенным условиям каждой обстановки.

— Знаю, но все-таки, когда ты скажешь, что это так, я буду больше уверена.

Они толковали долго. Лопухов не нашел ничего поправить в плане жены; но для нее самой план ее развился и прояснился оттого, что она рассказывала его.

На другой день Лопухов отнес в контору «Полицейских ведомостей» [61] объявление, что «Вера Павловна Лопухова принимает заказы на шитье дамских платьев, белья» и т. д. «по сходным ценам» и проч.

В то же утро Вера Павловна отправилась к Жюли. Нынешней моей фамилии она не знает, — скажите, что «m-lle Розальская».

— Дитя мое, вы без вуаля, открыто, ко мне, и говорите свою фамилию слуге, но это безумство, вы губите себя, мое дитя!

— Да ведь я же теперь замужем и могу быть везде и делать, что хочу.

— Но ваш муж — он узнает.

— Он через час будет здесь.

Начались расспросы о том, как она вышла замуж. Жюли была в восторге, обнимала ее, целовала, плакала. Когда пароксизм прошел, Вера Павловна стала говорить о цели своего визита.

— Вы знаете, старых друзей не вспоминают иначе, как тогда, когда имеют в них надобность. У меня к вам большая просьба. Я завожу швейную мастерскую. Давайте мне заказы и рекомендуйте меня вашим знакомым. Я сама хорошо шью, и помощницы у меня хорошие, — да вы знаете одну из них.

Действительно, Жюли знала одну из них за отличную швею.

— Вот вам образцы моей работы. И это платье я делала сама себе: вы видите, как хорошо сидит.

Жюли очень внимательно рассмотрела, как сидит платье, рассмотрела шитье платка, рукавчиков и осталась довольна.

— Мое дитя, вы могли бы иметь хороший успех, у вас есть мастерство и вкус. Но для этого надобно иметь пышный магазин на Невском.

— Да, я заведу со временем; это будет моя цель. Теперь я принимаю заказы на дому.

Кончили дело, начали опять толковать о замужстве Верочки.

— А этот Сторешни́к, он две недели кутил ужасно; но потом помирился с Аделью. Я очень рада за Адель: он добрый малый; только жаль, что Адель не имеет характера.

Выехав на свою дорогу, Жюли пустилась болтать о похождениях Адели и других: теперь m-lle Розальская уже дама, следовательно Жюли не считала нужным сдерживаться; сначала она говорила рассудительно, потом увлекалась, увлекалась, и стала описывать кутежи с восторгом, и пошла, и пошла; Вера Павловна сконфузилась, Жюли ничего не замечала; Вера Павловна оправилась и слушала уже с тем тяжелым интересом, с каким рассматриваешь черты милого лица, искаженные болезнью. Но вошел Лопухов. Жюли мгновенно обратилась в солидную светскую даму, исполненную строжайшего такта. Однако и эту роль она выдержала недолго. Начав поздравлять Лопухова с женою, такою красавицею, она опять разгорячилась: «Нет, мы должны праздновать вашу свадьбу»; велела подать завтрак на скорую руку, подать шампанское, Верочка была должна выпить полстакана за свою свадьбу, полстакана за свою мастерскую, полстакана за саму Жюли. У нее закружилась голова, подняли они с Жюли крик, шум, гам; Жюли ущипнула Верочку, вскочила, побежала, Верочка за нею: беготня по комнатам, прыганье по стульям; Лопухов сидел и смеялся. Кончилось тем, что Жюли вздумала хвалиться силою: «Я вас подниму на воздух одною рукою». — «Не поднимете». Принялись бороться, упали обе на диван, и уже не захотели встать, а только продолжали кричать, хохотать, и обе заснули.

С давнего времени это был первый случай, когда Лопухов не знал, что ему делать. Будить? жалко, испортишь все веселое свиданье неловким концом. Он осторожно встал, пошел по комнате, не попадется ли книга. Книга попалась — «Chronique de l'Œil de Bœuf» [a] — вещь, перед которою «Фоблаз» вял; [62] он уселся на диван в другом конце комнаты, стал читать и через четверть часа сам заснул от скуки.

Часа через два Полина разбудила Жюли: было время обедать. Сели одни, без Сержа, который был на каком-то парадном обеде; Жюли и Верочка опять покричали, опять посолидничали, при прощанье стали вовсе солидны, и Жюли вздумала спросить, — прежде не случилось вздумать, — зачем Верочка заводит мастерскую? ведь если она думает о деньгах, то гораздо легче ей сделаться актрисою, даже певицею: у нее такой сильный голос; по этому случаю опять уселись. Верочка стала рассказывать свои мысли, и Жюли опять пришла в энтузиазм, и посыпались благословенья, перемешанные с тем, что она, Жюли Ле-Теллье, погибшая женщина, — и слезы, но что она знает, что такое «добродетель», — и опять слезы, и обниманья, и опять благословенья.

[a] «Хроника овального окна» (*франц.*), — *Ред.*

Дня через четыре Жюли приехала к Вере Павловне и дала довольно много заказов от себя, дала адресы нескольких своих приятельниц, от которых также можно получить заказы. Она привезла с собою Сержа, сказав, что без этого нельзя: Лопухов был у меня, ты должен теперь сделать ему визит. Жюли держала себя солидно и выдержала солидность без малейшего отступления, хотя просидела у Лопуховых долго; она видела, что тут не стены, а жиденькие перегородки, а она умела дорожить чужими именами. В азарт она не приходила, а впадала больше в буколическое настроёние, с восторгом вникая во все подробности бедноватого быта Лопуховых и находя, что именно так следует жить, что иначе нельзя жить, что только в скромной обстановке возможно истинное счастье, и даже объявила Сержу, что они с ним отправятся жить в Швейцарию, поселятся в маленьком домике среди полей и гор, на берегу озера, будут любить друг друга, удить рыбу, ухаживать за своим огородом; Серж сказал, что он совершенно согласен, но посмотрит, что она будет говорить часа через три-четыре.

Гром изящной кареты и топот удивительных лошадей Жюли произвели потрясающее впечатление в населении 5-й линии между Средним и Малым проспектами, где ничего подобного не было видано по крайней мере со времен Петра Великого, если не раньше. Много глаз смотрели, как дивный феномен остановился у запертых ворот одноэтажного деревянного домика в 7 окон, как из удивительной кареты явился новый, еще удивительнейший феномен, великолепная дама с блестящим офицером, важное достоинство которого не подлежало сомнению. Всеобщее огорчение было произведено тем, что через минуту ворота отперлись и карета въехала на двор: любознательность лишилась надежды видеть величественного офицера и еще величественнейшую даму вторично при их отъезде. Когда Данилыч возвратился домой с торговли, у Петровны с ним произошел разговор.

— Петрович, а видно жильцы-то наши из важных людей. Приезжали к ним генерал с генеральшею. Генеральша так одета, что и рассказать нельзя, а на генерале две звезды.

Каким образом Петровна видела звезды на Серже, который еще и не имел их, да если б и имел, то, вероятно, не носил бы при поездках на службе Жюли, — это вещь изумительная; но что действительно она видела их, что не ошибалась и не хвастала, это не она свидетельствует, это я за нее также ручаюсь: она видела их. Это мы знаем, что на нем их не было; но у него был такой вид, что с точки зрения Петровны нельзя было не увидать на нем двух звезд, — она и увидела их; не шутя я вам говорю: увидела.

— И на лакее ливрея какая, Данилыч: сукно английское, по 5 рублей аршин; он суровый такой, важный, но учтив, отвечает; давал и пробовать на рукаве, отличное сукно. Видно, что денег-то куры не клюют. И сидели они у наших, Данилыч, часа два, и наши с ними говорят просто, вот как

я с тобою, и не кланяются им, и смеются с ними; и наш-то сидит с генералом, оба развалившись, в креслах-то, и курят, и наш курит при генерале, и развалился; да чего? — папироска погасла, так он взял у генерала-то, да и закурил свою-то. А уж с каким почтением генерал ручку поцеловал у нашей-то, и рассказать нельзя. Как же теперь это дело рассудить, Данилыч?

— Все от бога, я так рассуждаю; значит, и знакомство али родство какое — от бога.

— Так, Данилыч, от бога, слова нет; а я и так думаю, что либо наш, либо наша приходятся либо братом, либо сестрой либо генералу, либо генеральше. И признаться, я больше на нее думаю, что она генералу сестра.

— Как же это будет по-твоему, Петровна? Не похоже что-то. Как бы так, у них бы деньги были.

— А так, Данилыч, что мать не в браке родила, либо отец не в браке родил. Потому лицо другое: подобия-то, точно, нет.

— Это может статься, Петровна, что не в браке. Бывает.

Петровна на четыре целые дня приобрела большую важность в своей мелочной лавочке. Эта лавочка целые три дня отвлекала часть публики из той, которая наискось. Петровна для интересов просвещения даже несколько пренебрегла в эти дни своим штопаньем, утоляя жажду жаждущих знания.

Следствием всего этого было, что через неделю явился к дочери и зятю Павел Константиныч.

Марья Алексевна собирала сведения о жизни дочери и разбойника — не то чтобы постоянно и заботливо, а так, вообще, тоже больше из чисто научного инстинкта любознательности. Одной из мелких ее кумушек, жившей на Васильевском, было поручено справляться о Вере Павловне, когда случится идти мимо, и кумушка доставляла ей сведения, иногда раз в месяц, иногда и чаще, как случится. Лопуховы живут между собою в ладу. Дебоша никакого нет. Одно только: молодых людей много бывает, да все мужнины приятели, и скромные. Живут небогато; но видно, что деньги есть. Не то что продавать, а покупают. Сшила себе два шелковых платья. Купили два дивана, стол к дивану, полдюжины кресел, по случаю; заплатили 40 руб., а мебель хорошая, рублей сто надо дать. Сказывали хозяевам, чтоб искали новых жильцов: мы, говорит, через месяц на свою квартиру съедем, а вами, значит хозяевами-то, очень благодарны за расположение; ну, и хозяева: и мы, говорят, вами тоже.

Марья Алексевна утешалась этими слухами. Женщина очень грубая и очень дурная, она мучила дочь, готова была и убить, и погубить ее для своей выгоды и проклинала ее, потерпев через нее расстройство своего плана обогатиться, — это так; но следует ли из этого, что она не имела к дочери никакой любви? Нисколько не следует. Когда дело было кончено, когда дочь безвозвратно вырвалась из ее рук, что ж было делать?

Что с возу упало, то пропало. А все-таки дочь; и теперь, когда уже не представлялось никакого случая, чтобы какой-нибудь вред Веры Павловны мог служить для выгоды Марье Алексевне, мать искренно желала дочери добра. И опять — не то чтобы желала уж бог знает как, но это все равно: по крайней мере она все-таки не бог знает с какою внимательностью шпионила за нею. Меры для слежения за дочерью были приняты только так, между прочим, потому что, согласитесь, нельзя же не следить; ну и желанье добра было тоже между прочим, потому что, согласитесь, все-таки дочь. Почему ж и не помириться? Тем больше, что разбойник-зять, изо всего видно, человек основательный, может быть и пригодится со временем. Таким образом, Марья Алексевна шла понемногу к мысли возобновить сношения с дочерью. Понадобилось бы еще с полгода, пожалуй с год, чтобы доплестись до этого: не было нужды торопиться, время терпит. Но известие о генерале с генеральшею разом двинуло историю вперед на всю остававшуюся половину пути. Разбойник действительно оказывался шельмецом. Отставной студентишка без чина, с двумя грошами денег, вошел в дружбу с молодым, стало быть уж очень важным, богатым генералом и подружил свою жену с его женою: такой человек далеко пойдет. Или это Вера подружилась с генеральшею и мужа подружила с генералом? все равно, значит Вера далеко пойдет.

Итак, немедленно по получении сведения о визите отправлен был отец объявить дочери, что мать простила ее и зовет к себе. Вера Павловна и муж отправились с Павлом Константинычем и просидели начало вечера. Свидание было холодно и натянуто. Говорили больше всего о Феде, потому что это предмет не щекотливый. Он ходил в гимназию; уговорили Марью Алексевну отдать его в пансион гимназии, — Дмитрий Сергеич будет там навещать его, а по праздникам Вера Павловна будет брать его к себе. Кое-как дотянули время до чаю, потом спешили расстаться: Лопуховы сказали, что у них нынче будут гости.

Полгода Вера Павловна дышала чистым воздухом, грудь ее уже совершенно отвыкла от тяжелой атмосферы хитрых слов, из которых каждое произносится по корыстному расчету, от слушания мошеннических мыслей, низких планов, и страшное впечатление произвел на нее ее подвал. Грязь, пошлость, цинизм всякого рода — все это бросалось теперь в глаза ей с резкостью новизны.

«Как у меня доставало силы жить в таких гадких стеснениях? Как я могла дышать в этом подвале? И не только жила, даже осталась здорова. Это удивительно непостижимо. Как я могла тут вырости с любовью к добру? Непонятно, невероятно», думала Вера Павловна, возвращаясь домой, и чувствовала себя отдыхающей после удушья.

Когда они приехали домой, к ним через несколько времени собрались гости, которых они ждали, — обыкновенные тогдашние гости: Алексей Петрович с Натальей Андревной, Кирсанов, — и вечер прошел, как обыкновенно проходил с ними. Как вдвойне отрадна показалась Вере Пав-

ловне ее новая жизнь с чистыми мыслями, в обществе чистых людей! По обыкновению, шел и веселый разговор со множеством воспоминаний, шел и серьезный разговор обо всем на свете: от тогдашних исторических дел (междоусобная война в Канзасе,[63] предвестница нынешней великой войны Севера с Югом,[64] предвестница еще более великих событий не в одной Америке, занимала этот маленький кружок: теперь о политике толкуют все, тогда интересовались ею очень немногие; в числе немногих — Лопухов, Кирсанов, их приятели) до тогдашнего спора о химических основаниях земледелия по теории Либиха,[65] и о законах исторического прогресса, без которых не обходился тогда ни один разговор в подобных кружках,[66] и о великой важности различения реальных желаний,[67] которые ищут и находят себе удовлетворение, от фантастических, которым не находится, да которым и не нужно найти себе удовлетворение, как фальшивой жажде во время горячки, которым, как ей, одно удовлетворение: излечение организма, болезненным состоянием которого они порождаются через искажение реальных желаний, и о важности этого коренного различения, выставленной тогда антропологическою философиею, и обо всем, тому подобном и не подобном, но родственном. Дамы по временам и вслушивались в эти учености, говорившиеся так просто, будто и не учености, и вмешивались в них своими вопросами, а больше — больше, разумеется, не слушали, даже обрызгали водою Лопухова и Алексея Петровича, когда они уже очень восхитились великою важностью минерального удобрения; но Алексей Петрович и Лопухов толковали о своих ученостях непоколебимо. Кирсанов плохо помогал им, был больше, даже вовсе на стороне дам, и они втроем играли, пели, хохотали до глубокой ночи, когда, уставши, развели, наконец, и непоколебимых ревнителей серьезного разговора.

III

ВТОРОЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

И вот Вера Павловна засыпает, и снится Вере Павловне сон.

Поле, и по полю ходят муж, то есть миленький, и Алексей Петрович, и миленький говорит:

— Вы интересуетесь знать, Алексей Петрович, почему из одной грязи родится пшеница такая белая, чистая и нежная, а из другой грязи не родится? Эту разницу вы сами сейчас увидите. Посмотрите корень этого прекрасного колоса: около корня грязь, но эта грязь свежая, можно сказать, чистая грязь; слышите запах сырой, неприятный, но не затхлый, не скиснувшийся. Вы знаете, что на языке философии, которой мы с вами держимся,[68] эта чистая грязь называется реальная грязь. Она грязна, это правда; но всмотритесь в нее хорошенько, вы увидите, что все элементы, из которых она состоит, сами по себе здоровы. Они составляют грязь

в этом соединении, но пусть немного переменится расположение атомов, и выйдет что-нибудь другое; и все другое, что выйдет, будет также здоровое, потому что основные элементы здоровы. Откуда же здоровое свойство этой грязи? обратите внимание на положение этой поляны: вы видите, что вода здесь имеет сток, и потому здесь не может быть гнилости.

— Да, движение есть реальность, — говорит Алексей Петрович, — потому что движение — это жизнь, а реальность и жизнь — одно и то же. Но жизнь имеет главным своим элементом труд, а потому главный элемент реальности — труд, и самый верный признак реальности — дельность.

— Так видите, Алексей Петрович, когда солнце станет согревать эту грязь и теплота станет перемещать ее элементы в более сложные химические сочетания, то есть в сочетания высших форм, колос, который вырастает из этой грязи от солнечного света, будет здоровый колос.

— Да, потому что это грязь реальной жизни, — говорит Алексей Петрович.

— Теперь перейдем на эту поляну. Берем и здесь растение, также рассматриваем его корень. Он также загрязнен. Обратите внимание на характер этой грязи. Нетрудно заметить, что это грязь гнилая.

— То есть фантастическая грязь, по научной терминологии, — говорит Алексей Петрович.

— Так; элементы этой грязи находятся в нездоровом состоянии. Натурально, что, как бы они ни перемещались и какие бы другие вещи, не похожие на грязь, ни выходили из этих элементов, все эти вещи будут нездоровые, дрянные.

— Да, потому что самые элементы нездоровы, — говорит Алексей Петрович.

— Нам нетрудно будет открыть причину этого нездоровья...

— То есть этой фантастической гнилости, — говорит Алексей Петрович.

— Да, гнилости этих элементов, если мы обратим внимание на положение этой поляны. Вы видите, вода не имеет стока из нее, потому застаивается, гниет.

— Да, отсутствие движения есть отсутствие труда, — говорит Алексей Петрович, — потому что труд представляется в антропологическом анализе коренною формою движения, дающею основание и содержание всем другим формам: развлечению, отдыху, забаве, веселью; они без предшествующего труда не имеют реальности. А без движения нет жизни, то есть реальности, потому это грязь фантастическая, то есть гнилая. До недавнего времени не знали, как возвращать здоровье таким полянам; но теперь открыто средство; это — дренаж:[69] лишняя вода сбегает по канавам, остается воды сколько нужно, и она движется, и поляна получает реальность. Но пока это средство не применено, эта грязь остается фантастическою, то есть гнилою, а на ней не может быть хорошей растительности; между тем как очень натурально, что на грязи реальной являются

хорошие растения, так как она грязь здоровая. Что и требовалось доказать: Queadum, как говорится по-латыни.

Как говорится по-латыни, «что и требовалось доказать», Вера Павловна не может расслушать.

— А у вас, Алексей Петрович, есть охота забавляться кухонною латынью и силлогистикою, — говорит миленький, то есть муж.

Вера Павловна подходит к ним и говорит:

— Да полноте вам толковать о своих анализах, тожествах и антропологизмах, пожалуйста, господа, что-нибудь другое, чтоб и я могла участвовать в разговоре, или лучше давайте играть.

— Давайте играть, — говорит Алексей Петрович, — давайте исповедываться.

— Давайте, давайте, это будет очень весело, — говорит Вера Павловна: — но вы подали мысль, вы покажите и пример исполнения.

— С удовольствием, сестра моя,— говорит Алексей Петрович,— но вам сколько лет, милая сестра моя, осьмнадцать?

— Скоро будет девятнадцать.

— Но еще нет; потому положим осьмнадцать, и будем все исповедываться до осьмнадцати лет, потому что нужно равенство условий. Я буду исповедываться за себя и за жену. Мой отец был дьячок в губернском городе и занимался переплетным мастерством, а мать пускала на квартиру семинаристов. С утра до ночи отец и мать все хлопотали и толковали о куске хлеба. Отец выпивал, но только когда приходилась нужда невтерпеж,— это реальное горе, или когда доход был порядочный; тут он отдавал матери все деньги и говорил: «ну, матушка, теперь, слава богу, на два месяца нужды не увидишь; а я себе полтинничек оставил, на радости выпью» — это реальная радость. Моя мать часто сердилась, иногда бивала меня, но тогда, когда у нее, как она говорила, отнималась поясница от тасканья корчаг и чугунов, от мытья белья на нас пятерых и на пять человек семинаристов, и мытья полов, загрязненных нашими двадцатью ногами, не носившими калош, и ухода за коровой; это — реальное раздражение нерв чрезмерною работою без отдыха; и когда, при всем этом, «концы не сходились», как она говорила, то есть нехватало денег на покупку сапог кому-нибудь из нас, братьев, или на башмаки сестрам, — тогда она бивала нас. Она и ласкала нас, когда мы, хоть глупенькие дети, сами вызывались помогать ей в работе, или когда мы делали что-нибудь другое умное, или когда выдавалась ей редкая минута отдохнуть, и ее «поясницу отпускало», как она говорила,— это все реальные радости...

— Ах, довольно ваших реальных горестей и радостей,— говорит Вера Павловна.

— В таком случае, извольте слушать исповедь за Наташу.

— Не хочу слушать: в ней такие же реальные горести и радости, — знаю.

— Совершенная правда.

— Но, быть может, вам интересно будет выслушать мою исповедь,— говорит Серж, неизвестно откуда взявшийся.

— Посмотрим, — говорит Вера Павловна.

— Мой отец и мать, хотя были люди богатые, тоже вечно хлопотали и толковали о деньгах; и богатые люди не свободны от таких же забот...

— Вы не умеете исповедываться, Серж,— любезно говорит Алексей Петрович,— вы скажите, почему они хлопотали о деньгах, какие расходы их беспокоили, каким потребностям затруднялись они удовлетворять?

— Да, конечно, я понимаю, к чему вы спрашиваете, — говорит Серж, — но оставим этот предмет, обратимся к другой стороне их мыслей. Они также заботились о детях.

— А кусок хлеба был обеспечен их детям? — спрашивает Алексей Петрович.

— Конечно; но должно было позаботиться о том, чтобы...

— Не исповедуйтесь, Серж, — говорит Алексей Петрович, — мы знаем вашу историю; заботы об излишнем, мысли о ненужном, — вот почва, на которой вы выросли; эта почва фантастическая. Потому посмотрите вы на себя: вы от природы человек и не глупый, и очень хороший, быть может не хуже и не глупее нас, а к чему же вы пригодны, на что вы полезны?

— Пригоден на то, чтобы провожать Жюли повсюду, куда она берет меня с собою; полезен на то, чтобы Жюли могла кутить, — отвечает Серж.

— Из этого мы видим,— говорит Алексей Петрович, — что фантастическая или нездоровая почва...

— Ах, как вы надоели с вашею реальностью и фантастичностью! Давно понятно, а они продолжают толковать! — говорит Вера Павловна.

— Так не хочешь ли потолковать со мною? — говорит Марья Алексевна, тоже неизвестно откуда взявшаяся: — вы, господа, удалитесь, потому что мать хочет говорить с дочерью.

Все исчезают. Верочка видит себя наедине с Марьей Алексевною. Лицо Марьи Алексевны принимает насмешливое выражение.

— Вера Павловна, вы образованная дама, вы такая чистая и благородная, — говорит Марья Алексевна, и голос ее дрожит от злобы, — вы такая добрая ... как же мне, грубой и злой пьянице, разговаривать с вами? У вас, Вера Павловна, злая и дурная мать; а позвольте вас спросить, сударыня, о чем эта мать заботилась? о куске хлеба; это по-вашему, по-ученому, реальная, истинная человеческая забота, не правда ли? Вы слышали ругательства, вы видели дурные дела и низости; а позвольте вас спросить, какую цель они имели? пустую, вздорную? Нет, сударыня. Нет, сударыня, какова бы ни была жизнь вашего семейства, но это была не пустая фантастическая жизнь. Видите, Вера Павловна, я выучилась говорить по-вашему, по-ученому. Но вам, Вера Павловна, прискорбно и

стыдно, что ваша мать дурная и злая женщина? Вам угодно, Вера Павловна, чтоб я была доброю и честною женщиною? Я ведьма, Вера Павловна, я умею колдовать, я могу исполнить ваше желание. Извольте смотреть, Вера Павловна, ваше желание исполняется: я, злая исчезаю; смотрите на добрую мать и ее дочь.

Комната. У порога храпит пьяный, небритый, гадкий мужчина. Кто — это нельзя узнать, лицо наполовину закрыто рукою, наполовину покрыто синяками. Кровать. На кровати женщина, — да, это Марья Алексевна, только добрая! зато какая она бледная, дряхлая в свои 45 лет, какая изнуренная! У кровати девушка, лет 18, да это я сама, Верочка; только какая же я оборванная. Да что это? у меня и цвет лица какой-то желтый, да и черты грубее, да и комната какая бедная! Мёбели почти нет. — «Верочка, друг мой, ангел мой, — говорит Марья Алексевна, — приляг, отдохни, сокровище, ну что на меня смотреть, я и так полежу. Ведь ты третью ночь не спишь».

— Ничего, маменька, я не устала, — говорит Верочка.

— А мне все нет лучше, Верочка; как-то ты без меня останешься? У отца жалованьишко маленькое, и сам-то он плохая тебе опора. Ты девушка красивая; злых людей на свете много. Предостеречь тебя будет некому. Боюсь я за тебя.— Верочка плачет.

— Милая моя, ты не огорчись, я тебе не в укор это скажу, а в предостереженье: ты зачем в пятницу из дома уходила, за день перед тем, как я разнемоглась? — Верочка плачет.

— Он тебя обманет, Верочка, брось ты его.

— Нет, маменька.

Два месяца. Как это, в одну минуту, прошли два месяца? Сидит офицер. На столе перед офицером бутылка. На коленях у офицера она, Верочка.

Еще два месяца прошли в одну минуту.

Сидит барыня. Перед барынею стоит она, Верочка.

— А гладить умеешь, милая?

— Умею.

— А из каких ты, милая? крепостная или вольная?

— У меня отец чиновник.

— Так из благородных, милая? Так я тебя нанять не могу. Какая же ты будешь слуга? Ступай, моя милая, не могу.

Верочка на улице.

— Мамзель, а мамзель, — говорит какой-то пьяноватый юноша, — вы куда идете? Я вас провожу. — Верочка бежит к Неве.

— Что, моя милая, насмотрелась, какая ты у доброй-то матери была? — говорит прежняя, настоящая Марья Алексевна. — Хорошо я колдовать умею? Аль не угадала? Что молчишь? Язык-то есть? Да я из тебя слова-то выжму: вишь ты, нейдут с языка-то! По магазинам ходила?

— Ходила, — отвечает Верочка, а сама дрожит.

— Видала? Слыхала?

— Да.

— Хорошо им жить? Ученые они? Книжки читают, об новых ваших порядках думают, как бы людям добро делать? Думают, что ли? — говори!

Верочка молчит, а сама дрожит.

— Эк из тебя и слова-то нейдут. Хорошо им жить? — спрашиваю.

Верочка молчит, а сама холодеет.

— Нейдут из тебя слова-то. Хорошо им жить? — спрашиваю; хороши они? — спрашиваю; такой хотела бы быть, как они? — Молчишь! рыло-то воротишь! — Слушай же ты, Верка, что я скажу. Ты ученая — на мои воровские деньги учена. Ты об добром думаешь, а как бы я не злая была, так бы ты и не знала, что такое добром называется. Понимаешь? *Всё* от меня, *моя* ты дочь, понимаешь? *Я* тебе мать.

Верочка и плачет, и дрожит, и холодеет.

— Маменька, чего вы от меня хотите? Я не могу любить вас.

— А я разве прошу: полюби?

— Мне хотелось бы, по крайней мере, уважать вас; но я и этого не могу.

— А я нуждаюсь в твоем уважении?

— Что же вам нужно, маменька? Зачем вы пришли ко мне так страшно говорить со мною? Чего вы хотите от меня?

— Будь признательна, неблагодарная. Не люби, не уважай. Я злая: что меня любить? Я дурная: что меня уважать? Но ты пойми, Верка, что кабы я не такая была, и ты бы не такая была. Хорошая ты — от меня дурной; добрая ты — от меня злой. Пойми, Верка, благодарна будь.

— Уйдите, Марья Алексевна, теперь я поговорю с сестрицею.

Марья Алексевна исчезает.

Невеста своих женихов, сестра своих сестер берет Верочку за руку.

— Верочка, я хотела всегда быть доброй с тобой, ведь ты добрая, а я такова, каков сам человек, с которым я говорю. Но ты теперь грустная, — видишь, и я грустная; посмотри, хороша ли я грустная?

— Все-таки лучше всех на свете.

— Поцелуй меня, Верочка, мы вместе огорчены. Ведь твоя мать говорила правду. Я не люблю твою мать, но она мне нужна.

— Разве без нее нельзя вам?

— После будет можно, когда не нужно будет людям быть злыми. А теперь нельзя. Видишь, добрые не могут сами стать на ноги, злые сильны, злые хитры. Но видишь, Верочка, злые бывают разные: одним нужно, чтобы на свете становилось хуже, другим, тоже злым, чтобы становилось лучше: так нужно для их пользы. Видишь, твоей матери было нужно, чтобы ты была образованная: ведь она брала у тебя деньги, которые ты получала за уроки; ведь она хотела, чтоб ее дочь поймала богатого зятя ей, а для этого ей было нужно, чтобы ты была образованная.

Видишь, у нее были дурные мысли, но из них выходила польза человеку: ведь тебе вышла польза? А у других злых не так. Если бы твоя мать была Анна Петровна, разве ты училась бы так, чтобы ты стала образованная, узнала добро, полюбила его? Нет, тебя бы не допустили узнать что-нибудь хорошее, тебя бы сделали куклой, — так? Такой матери нужна дочь-кукла, потому что она сама кукла и все играет с куклами в куклы. А твоя мать человек дурной, но все-таки человек, ей было нужно, чтобы ты не была куклой. Видишь, как злые бывают разные? Одни мешают мне: ведь я хочу, чтобы люди стали людьми, а они хотят, чтобы люди были куклами. А другие злые помогают мне, — они не хотят помогать мне, но дают простор людям становиться людьми, они собирают средства людям становиться людьми. А мне только этого и нужно. Да, Верочка, теперь мне нельзя без таких злых, которые были бы против других злых. Мои злые — злы, но под их злою рукою растет добро. Да, Верочка, будь признательна к своей матери. Не люби ее, она злая, но ты ей всем обязана, знай это: без нее не было бы тебя.

— И всегда так будет? Нет, так не будет?

— Да, Верочка, после так не будет. Когда добрые будут сильны, мне не нужны будут злые. Это скоро будет, Верочка. Тогда злые увидят, что им нельзя быть злыми; и те злые, которые были людьми, станут добрыми: ведь они были злыми только потому, что им вредно было быть добрыми, а ведь они знают, что добро лучше зла, они полюбят его, когда можно будет любить его без вреда.

— А те злые, которые были куклами, что с ними будет? Мне и их жаль.

— Они будут играть в другие куклы, только уж в безвредные куклы. Но ведь у них не будет таких детей, как они: ведь у меня все люди будут людьми; и их детей я выучу быть не куклами, а людьми.

— Ах, как это будет хорошо!

— Да, но и теперь хорошо, потому что готовится это хорошее; по крайней мере, тем и теперь очень хорошо, кто готовит его. Когда ты, Верочка, помогаешь кухарке готовить обед, ведь в кухне душно, чадно, а ведь тебе хорошо, нужды нет, что душно и чадно? Всем хорошо сидеть за обедом, но лучше всех тому, кто помогал готовить его: тому он вдвое вкуснее. А ты любишь сладко покушать, Верочка, — правда?

— Правда, — говорит Верочка и улыбается, что уличена в любви к сладким печеньям и в хлопотах над ними в кухне.

— Так о чем же грустить? Да ты уж и не грустишь.

— Какая вы добрая!

— И веселая, Верочка, я всегда веселая, и когда грустная, все-таки веселая. — Правда?

— Да, когда мне грустно, вы придете тоже как будто грустная, а всегда сейчас прогоните грусть; с вами весело, очень весело.

— А помнишь мою песенку: «Donc, vivons»? [a]

— Помню.

— Давай же петь.

— Давайте.

— Верочка! Да я разбудил тебя? Впрочем, уж чай готов. Я было испугался: слышу, ты стонешь, вошел, ты уже поешь.

— Нет, мой миленький, не разбудил, я сама бы проснулась. А какой я сон видела, миленький, я тебе расскажу за чаем. Ступай, я оденусь. А как вы смели войти в мою комнату без дозволения, Дмитрий Сергеич? Вы забываетесь. Испугался за меня, мой миленький? подойди, я тебя поцелую за это. Поцеловала; ступай же, ступай, мне надо одеваться.

— Да уж так и быть, давай я тебе прислужу вместо горничной.

— Ну пожалуй, миленький; только как это стыдно!

IV

Мастерская Веры Павловны устроилась. Основания были просты, вначале даже так просты, что нечего о них и говорить. Вера Павловна не сказала своим трем первым швеям ровно ничего кроме того, что даст им плату несколько, немного побольше той, какую швеи получают в магазинах; дело не представляло ничего особенного; швеи видели, что Вера Павловна женщина не пустая, не легкомысленная, потому без всяких недоумений приняли ее предложение работать у ней: не над чем было недоумевать, что небогатая дама хочет завести швейную. Эти три девушки нашли еще трех или четырех, выбрали их с тою осмотрительностью, о которой просила Вера Павловна; в этих условиях выбора тоже не было ничего возбуждающего подозрение, то есть ничего особенного: молодая и скромная женщина желает, чтобы работницы в мастерской были девушки прямодушного, доброго характера, рассудительные, уживчивые, что же тут особенного? Не хочет ссор, и только; поэтому умно, и больше ничего. Вера Павловна сама познакомилась с этими выбранными, хорошо познакомилась, прежде чем сказала, что принимает их, это натурально; это тоже рекомендует ее как женщину основательную, и только. Думать тут не над чем, не доверять нечему.

Таким образом, проработали месяц, получая в свое время условленную плату. Вера Павловна постоянно была в мастерской, и уже они успели узнать ее очень близко как женщину расчетливую, осмотрительную, рассудительную, при всей ее доброте, так что она заслужила полное доверие. Особенного тут ничего не было и не предвиделось, а только то, что хозяйка — хорошая хозяйка, у которой дело пойдет: умеет вести.

Но когда кончился месяц, Вера Павловна пришла в мастерскую с какою-то счетною книгою, попросила своих швей прекратить работу и послушать, что она будет говорить.

[a] «Итак, живем» (*франц.*), — *Ред.*

Стала говорить она самым простым языком вещи понятные, очень понятные, но каких от нее, да и ни от кого прежде, не слышали ее швеи:

— Вот мы теперь хорошо знаем друг друга, — начала она, — я могу про вас сказать, что вы и хорошие работницы, и хорошие девушки. А вы про меня не скажете, чтобы я была какая-нибудь дура. Значит, можно мне теперь поговорить с вами откровенно, какие у меня мысли. Если вам представится что-нибудь странно в них, так вы теперь уже подумаете об этом хорошенько, а не скажете с первого же раза, что у меня мысли пустые, потому что знаете меня как женщину не какую-нибудь пустую. Вот какие мои мысли.

Добрые люди говорят, что можно завести такие швейные мастерские, чтобы швеям было работать в них много выгоднее, чем в тех мастерских, которые мы все знаем. Мне и захотелось попробовать. Судя по первому месяцу, кажется, что точно можно. Вы получали плату исправно, а вот я вам скажу, сколько, кроме этой платы и всех других расходов, осталось у меня денег в прибыли. — Вера Павловна прочла счет прихода и расхода за месяц. В расход были поставлены, кроме выданной платы, все другие издержки: на наем комнаты, на освещение, даже издержки Веры Павловны на извозчика по делам мастерской, около рубля.

— Вы видите, — продолжала она: — у меня в руках остается столько-то денег. Теперь: что делать с ними! Я завела мастерскую затем, чтобы эти прибыльные деньги шли в руки тем самым швеям, за работу которых получены. Потому и раздаю их вам; на первый раз, всем поровну, каждой особо. После посмотрим, так ли лучше распоряжаться ими, или можно еще как-нибудь другим манером, еще выгоднее для вас. — Она раздала деньги.

Швеи несколько времени не могли опомниться от удивления, потом начали благодарить. Вера Павловна дала им довольно поговорить о их благодарности за полученные деньги, чтобы не обидеть отказом слушать, похожим на равнодушие к их мнению и расположению; потом продолжала:

— Теперь надобно мне рассказать вам самую трудную вещь изо всего, о чем придется нам когда-нибудь говорить, и не знаю, сумею ли рассказать ее хорошенько. А все-таки поговорить надобно. Зачем я эти деньги не оставила у себя, и какая охота была мне заводить мастерскую, если не брать от нее дохода? Мы с мужем живем, как вы знаете, без нужды: люди не богатые, но всего у нас довольно. А если бы мне чего было мало, мне стоило бы мужу сказать, да и говорить бы не надобно, он бы сам заметил, что мне нужно больше денег, и было бы у меня больше денег. Он теперь занимается не такими делами, которые выгоднее, а такими, которые ему больше нравятся. Но ведь мы с ним друг друга очень любим, и ему всего приятнее делать то, что для меня приятно, все равно как и мне для него. Поэтому, если бы мне недоставало денег, он занялся

бы такими делами, которые выгоднее нынешних его занятий, а он сумел бы найти, потому что он человек умный и оборотливый, — ведь вы его несколько знаете. А если он этого не делает, значит мне довольно и тех денег, которые у нас с ним есть. Это потому, что у меня нет большого пристрастия к деньгам; ведь вы знаете, что у разных людей разные пристрастия, не у всех же только к деньгам: у иных пристрастие к балам, у других — к нарядам или картам, и все такие люди готовы даже разориться для своего пристрастия, и многие разоряются, и никто этому не дивится, что их пристрастие им дороже денег. А у меня пристрастие вот к тому, чем заняться я с вами пробую, и я на свое пристрастие не то что не разоряюсь, а даже и вовсе не трачу никаких денег, только что рада им заниматься и без дохода от него себе. Что ж, по-моему, тут нет ничего странного: кто же от своего пристрастия ищет дохода? Всякий еще деньги на него тратит. А я и того не делаю, не трачу. Значит, мне еще большая выгода перед другими, если я своим пристрастием занимаюсь и нахожу себе удовольствие без убытка себе, когда другим их удовольствие стоит денег. Почему ж у меня это пристрастие? — Вот почему. Добрые и умные люди написали много книг о том, как надобно жить на свете, чтобы всем было хорошо; и тут самое главное, — говорят они, — в том, чтобы мастерские завести по новому порядку.[70] Вот мне и хочется посмотреть, сумеем ли мы с вами завести такой порядок, какой нужно. Это все равно, как иному хочется выстроить хороший дом, другому — развести хороший сад или оранжерею, чтобы на них любоваться; так вот мне хочется завести хорошую швейную мастерскую, чтобы весело было любоваться на нее.

Конечно, уж и то было бы порядочно, если бы я стала только каждый месяц раздавать вам прибыль, как теперь. Но умные люди говорят, что можно сделать еще гораздо лучше, так что и прибыли будет больше, и можно выгоднее делать употребление из нее. Говорят, будто можно устроить очень хорошо. Вот мы посмотрим. Я буду вам понемногу рассказывать, что еще можно сделать, по словам умных людей, да вы и сами будете присматриваться, так будете замечать, и как вам покажется, что можно сделать что-нибудь хорошее, мы и будем пробовать это делать, — понемножечку, как можно будет. Но только надобно вам сказать, что я без вас ничего нового не стану заводить. Только то и будет новое, чего вы сами захотите. Умные люди говорят, что только то и выходит хорошо, что люди сами захотят делать. И я так думаю. Стало быть, вам не для чего бояться нового, все будет по-старому, кроме того, что сами вы захотите переменить. Без вашего желания ничего не будет.

А вот теперь мое последнее хозяйское распоряжение без вашего совета. Вы видите, надобно вести счеты и смотреть за тем, чтобы не было лишних расходов. В прошлый месяц я одна это делала; а теперь одна делать не хочу. Выберите двух из себя, чтоб они занимались этим вместе со мною. Я без них ничего не буду делать. Ведь ваши деньги, а не

мои, стало быть, вам надобно и смотреть за ними. Теперь это дело еще новое; неизвестно, кто из вас больше способен к нему, так для пробы надобно сначала выбрать на короткое время, а через неделю увидите, других ли выбрать, или оставить прежних в должности.

Долгие разговоры были возбуждены этими необыкновенными словами. Но доверие было уже приобретено Верою Павловною; да и говорила она просто, не заходя далеко вперед, не рисуя никаких особенно заманчивых перспектив, которые после минутного восторга рождают недоверие. Потому девушки не сочли ее помешанною, а только и было нужно, чтобы не сочли помешанною. Дело пошло понемногу.

Конечно, понемногу. Вот короткая история мастерской за целые три года, в которые эта мастерская составляла главную сторону истории самой Веры Павловны.

Девушки, из которых образовалась основа мастерской, были выбраны осмотрительно, были хорошие швеи, были прямо заинтересованы в успехе работы; потому, натуральным образом, работа шла очень успешно. Мастерская не теряла ни одной из тех дам, которые раз пробовали сделать ей заказ. Явилась некоторая зависть со стороны нескольких магазинов и швейных, но это не произвело никакого влияния — кроме того, что для устранения всяких придирок Вере Павловне очень скоро понадобилось получить право иметь на мастерской вывеску. Скоро заказов стало получаться больше, нежели могли исполнять девушки, с самого начала вошедшие в мастерскую, и состав ее постепенно увеличивался. Через полтора года в ней было до двадцати девушек, потом и больше.

Одно из первых последствий того, что окончательный голос по всему управлению дан был самим швеям, состояло в решении, которого и следовало ожидать: в первый же месяц управления девушки определили, что не годится самой Вере Павловне работать без вознаграждения. Когда они объявили ей об этом, она сказала, что и действительно так следует. Хотели дать ей третью часть прибыли. Она откладывала ее несколько времени в сторону, пока растолковала девушкам, что это противно основной мысли их порядка. Они довольно долго не могли понять этого; но потом согласились, что Вера Павловна отказывается от особенной доли прибыли не из самолюбия, а потому, что так нужно по сущности дела. К этому времени мастерская приняла уже такой размер, что Вера Павловна не успевала одна быть закройщицею, надобно было иметь еще другую; Вере Павловне положили такое жалованье, как другой закройщице. Деньги, которые прежде откладывала она из прибыли, теперь были приняты назад в кассу по ее просьбе, кроме того, что следовало ей как закройщице; остальные пошли на устройство банка. Около года Вера Павловна бóльшую часть дня проводила в мастерской и работала действительно не меньше всякой другой по количеству времени. Когда она увидела возможность быть в мастерской уже не целый день, плата ей была уменьшаема, как уменьшалось время ее занятий.

Как делить прибыль? Вере Павловне хотелось довести до того, чтобы прибыль делилась поровну между всеми. До этого дошли только в половине третьего года, а прежде того перешли через несколько разных ступеней, начиная с раздела прибыли пропорционально заработанной плате. Прежде всего увидели, что если девушка пропускала без работы несколько дней по болезни или по другим уважительным причинам, то нехорошо за это уменьшать ее долю из прибыли, которая ведь приобретена не собственно этими днями, а всем ходом работ и общим состоянием мастерской. Потом согласились, что закройщицы и другие девушки, получающие особую плату по развозу заказов и другим должностям, уже довольно вознаграждаются своим особенным жалованьем и что несправедливо им брать больше других еще и из прибыли. Простые швеи, не занимавшие должностей, были так деликатны, что не требовали этой перемены, когда заметили несправедливость прежнего порядка, ими же заведенного: сами должностные лица почувствовали неловкость пользоваться лишним и отказались от него, когда достаточно поняли дух нового порядка. Надобно, впрочем, сказать, что эта временная деликатность — терпения одних и отказа других — не представляла особенного подвига при постоянном улучшении дел тех и других. Труднее всего было развить понятие о том, что простые швеи должны все получать одинаковую долю из прибыли, хотя одни успевают заработывать больше жалованья, чем другие, что швеи, работающие успешнее других, уже достаточно вознаграждаются за успешность своей работы тем, что успевают заработывать больше платы. Это и была последняя перемена в распределении прибыли, сделанная уже в половине третьего года, когда мастерская поняла, что получение прибыли — не вознаграждение за искусство той или другой личности, а результат общего характера мастерской — результат ее устройства, ее цели, а цель эта — всевозможная одинаковость пользы от работы для всех, участвующих в работе, каковы бы ни были личные особенности; что от этого характера мастерской зависит все участие работающих в прибыли; а хара́ктер мастерской, ее дух, порядок составляется единодушием всех, а для единодушия одинаково важна всякая участница: молчаливое согласие самой застенчивой или наименее даровитой не менее полезно для сохранения и развития порядка, полезного для всех, для успеха всего дела, чем деятельная хлопотливость самой бойкой или даровитой.

Я пропускаю множество подробностей, потому что не описываю мастерскую, а только говорю о ней лишь в той степени, в какой это нужно для обрисовки деятельности Веры Павловны. Если я упоминаю о некоторых частностях, то единственно затем, чтобы видно было, как поступала Вера Павловна, как она вела дело шаг за шагом, и терпеливо, и неутомимо, и как твердо выдерживала свое правило: не распоряжаться ничем, а только советовать, объяснять, предлагать свое содействие, помогать исполнению решенного ее компаниею.

Прибыль делилась каждый месяц. Сначала каждая девушка брала всю ее и расходовала отдельно от других: у каждой были безотлагательные надобности, и не было привычки действовать дружно. Когда от постоянного участия в делах они приобрели навык соображать весь ход работ в мастерской, Вера Павловна обратила их внимание на то, что в их мастерстве количество заказов распределяется по месяцам года очень неодинаково и что в месяцы особенно выгодные недурно было бы отлагать часть прибыли для уравнения невыгодных месяцев. Счеты велись очень точные, девушки знали, что если кто из них покинет мастерскую, то без задержки получит свою долю, остающуюся в кассе. Потому они согласились на предложение. Образовался небольшой запасный капитал, он постепенно рос; начали приискивать разные употребления ему. С первого же раза все поняли, что из него можно делать ссуды тем участницам, которым встречается экстренная надобность в деньгах, и никто не захотел присчитывать проценты на занятые деньги: бедные люди имеют понятие, что хорошее денежное пособие бывает без процентов. За учреждением этого банка последовало основание комиссионерства для закупок: девушки нашли выгодным покупать чай, кофе, сахар, обувь, многие другие вещи через посредство мастерской, которая брала товары не по мелочи, стало быть дешевле. От этого через несколько времени пошли дальше: сообразили, что выгодно будет таким порядком устроить покупку хлеба и других припасов, которые берутся каждый день в булочных и мелочных лавочках; но тут же увидели, что для этого надобно всем жить по соседству: стали собираться по нескольку на одну квартиру, выбирать квартиры подле мастерской. Тогда явилось у мастерской свое агентство по делам с булочною и мелочною лавочкою. А года через полтора почти все девушки уже жили на одной большой квартире, имели общий стол, запасались провизиею тем порядком, как делается в больших хозяйствах.

Половина девушек были существа одинокие. У некоторых были старухи-родственницы, матери или тетки; две содержали стариков-отцов; у многих были маленькие братья или сестры. По этим родственным отношениям три девушки не могли поселиться на общей квартире: у одной мать была неуживчивого характера; у другой мать была чиновница и не хотела жить вместе с мужи́чками; у третьей отец был пьяница. Они пользовались только услугами агентства; точно так же и те швеи, которые были не девушки, а замужние женщины. Но, кроме трех, все остальные девушки, имевшие родственников на своих руках, жили на общей квартире. Сами они жили в одних комнатах, по две, по три в одной; их родственники или родственницы расположились по своим удобствам: у двух старух были особые комнаты у каждой, остальные старухи жили вместе. Для маленьких мальчиков была своя комната, две другие для девочек. Положено было, что мальчики могут оставаться тут до 8 лет; тех, кому было больше, размещали по мастерствам.

Всему велся очень точный счет, чтобы вся компания жила твердою мыслью, что никто ни у кого не в обиде, никто никому не в убыток. Расчеты одиноких девушек по квартире и столу были просты. После нескольких колебаний определили считать за брата или сестру до 8 лет четвертую часть расходов взрослой девицы, потом содержание девочки до 12 лет считалось за третью долю, с 12 — за половину содержания сестры ее, с 13 лет девочки поступали в ученицы в мастерскую, если не пристраивались иначе, и положено было, что с 16 лет они становятся полными участницами компании, если будут признаны выучившимися хорошо шить. За содержание взрослых родных считалось, разумеется, столько же, как за содержание швей. За отдельные комнаты была особая плата. Почти все старухи и все три старика, жившие в мастерской квартире, занимались делами по кухне и другим хозяйственным вещам; за это, конечно, считалась им плата.

Все это очень скоро рассказывается на словах, да и на деле показалось очень легко, просто, натурально, когда устроилось. Но устроивалось медленно, и каждая новая мера стоила очень многих рассуждений, каждый переход был следствием целого ряда хлопот. Было бы слишком длинно и сухо говорить о других сторонах порядка мастерской так же подробно, как о разделе и употреблении прибыли; о многом придется вовсе не говорить, чтобы не наскучить, о другом лишь слегка упомянуть; например, что мастерская завела свое агентство продажи готовых вещей, работанных во время, не занятое заказами, — отдельного магазина она еще не могла иметь, но вошла в сделку с одною из лавок Гостиного двора, завела маленькую лавочку в Толкучем рынке, — две из старух были приказчицами в лавочке. Но надобно несколько подробнее сказать об одной стороне жизни мастерской.

Вера Павловна с первых же дней стала приносить книги. Сделав свои распоряжения, она принималась читать вслух, читала полчаса, час, если раньше не перерывала ее надобность опять заняться распоряжениями. Потом девушки отдыхали от слушания; потом опять чтение, и опять отдых. Нечего и говорить, что девушки с первых же дней пристрастились к чтению, некоторые были охотницы до него и прежде. Через две-три недели чтение во время работы приняло регулярный вид. Через три-четыре месяца явилось несколько мастериц читать вслух; было положено, что они будут сменять Веру Павловну, читать по получасу, и что этот получас зачитывается им за работу. Когда с Веры Павловны была снята обязанность читать вслух, Вера Павловна, уже и прежде заменявшая иногда чтение рассказами, стала рассказывать чаще и больше; потом рассказы обратились во что-то похожее на легкие курсы разных знаний. Потом — это было очень большим шагом — Вера Павловна увидела возможность завесть и правильное преподавание: девушки стали так любознательны, а работа их шла так успешно, что они решили де-

лать среди рабочего дня, перед обедом, большой перерыв для слушания уроков.

— Алексей Петрович, — сказала Вера Павловна, бывши однажды у Мерцаловых, — у меня есть к вам просьба. Наташа уж на моей стороне. Моя мастерская становится лицеем всевозможных знаний. Будьте одним из профессоров.

— Что же я стану им преподавать? разве латинский и греческий, или логику и реторику? — сказал, смеясь, Алексей Петрович. — Ведь моя специальность не очень интересна, по вашему мнению и еще по мнению одного человека, про которого я знаю, кто он.[71]

— Нет, вы необходимы именно как специалист: вы будете служить щитом благонравия и отличного направления наших наук.

— А ведь это правда. Вижу, без меня было бы неблагонравно. Назначайте кафедру.

— Например, русская история, очерки из всеобщей истории.

— Превосходно. Но это я буду читать, а будет предполагаться, что я специалист. Отлично. Две должности: профессор и щит.

Наталья Андревна, Лопухов, два-три студента, сама Вера Павловна были другими профессорами, как они в шутку называли себя.

Вместе с преподаванием устраивались и развлечения. Бывали вечера, бывали загородные прогулки: сначала изредка, потом, когда было уже побольше денег, то и чаще; брали ложи в театре. На третью зиму было абонировано десять мест в боковых местах итальянской оперы.[72]

Сколько было радости, сколько счастья Вере Павловне; очень много трудов и хлопот, были и огорчения. Особенно сильно подействовало не только на нее, но и на весь кружок несчастие одной из лучших девушек мастерской. Сашенька Прибыткова, одна из тех трех швей, которых нашла сама Вера Павловна, была очень недурна, была очень деликатна. У ней был жених, добрый, хороший молодой человек, чиновник. Однажды она шла по улице, довольно поздно. К ней пристал какой-то господин. Она ускорила шаг. Он за нею, схватил ее за руку. Она рванулась и вырвалась; но движением вырвавшейся руки задела его по груди, на тротуаре зазвенели оторвавшиеся часы любезного господина. Любезный господин схватил Прибыткову уже с апломбом и чувством законного права и закричал: «Воровство! будочник!» Прибежали два будочника и отвели Прибыткову на съезжую. В мастерской три дня ничего не знали о ее судьбе и не могли придумать, куда она пропала. На четвертый день добрый солдат, один из служителей при съезжей, принес Вере Павловне записку от Прибытковой. Тотчас же Лопухов отправился хлопотать. Ему наговорили грубостей, он наговорил их вдвое и отправился к Сержу. Серж и Жюли были на каком-то далеком и большом пикнике и возвратились только на другой день. Через два часа после того, как возвратился Серж, частный пристав извинился перед Прибытковой, поехал извиняться

перед ее женихом. Но жениха он не застал. Жених уже был накануне у Прибытковой на съезжей, узнал от задержавших ее будочников имя франта, пришел к нему, вызвал его на дуэль; до вызова франт извинялся в своей ошибке довольно насмешливым тоном, а услышав вызов, расхохотался. Чиновник сказал: «так вот от этого вызова не откажетесь» — и ударил его по лицу; франт схватил палку, чиновник толкнул его в грудь; франт упал, на шум вбежала прислуга: барин лежал мертвый, он был ударен о землю сильно и попал виском на острый выступ резной подножки стола. Чиновник очутился в остроге, началось дело, и не предвиделось конца этому делу. Что дальше? дальше ничего, только с той поры жалко было смотреть на Прибыткову.

Было в мастерской еще несколько историй, не таких уголовных, но тоже невеселых: истории обыкновенные, те, от которых девушкам бывают долгие слезы, а молодым или пожилым людям — недолгое, но приятное развлечение. Вера Павловна знала, что при нынешних понятиях и обстоятельствах эти истории неизбежны, что не может всегда предохранить от них никакая заботливость других о девушках, никакая осторожность самих девушек. Это то же, что в старину была оспа, пока не выучились предотвращать ее. Теперь кто пострадает от оспы, так уже виноват сам, а гораздо больше его близкие; а прежде было не то: некого было винить, кроме гадкого поветрия или гадкого города, села, да разве еще того человека, который, страдая оспою, прикоснулся к другому, а не заперся в карантин, пока выздоровеет. Так теперь с этими историями: когда-нибудь и от этой оспы люди избавят себя, даже и средство известно, только еще не хотят принимать его, все равно как долго, очень долго не хотели принимать и средства против оспы.[73] Знала Вера Павловна, что это гадкое поветрие еще неотвратимо носится по городам и селам и хватает жертвы даже из самых заботливых рук; — но ведь это еще плохое утешение, когда знаешь только, что «я в твоей беде не виновата, и ты, мой друг, в ней не виновата»; все-таки каждая из этих обыкновенных историй приносила Вере Павловне много огорчения, а еще гораздо больше дела: иногда нужно бывало искать, чтобы помочь; чаще искать не было нужды, надобно было только помогать: успокоить, восстановлять бодрость, восстановлять гордость, вразумлять, что «перестань плакать, — как перестанешь, так и не о чем будет плакать».

Но гораздо больше — о, гораздо больше! — было радости. Да все было радость, кроме огорчений; а ведь огорчения были только отдельными, да и редкими случаями: ныне, через полгода, огорчишься за одну, а в то же время радуешься за всех других; а пройдет две-три недели, и за эту одну тоже уж можно опять радоваться. Светел и весел был весь обыденный ход дела, постоянно радовал Веру Павловну. А если и бывали иногда в нем тяжелые нарушения от огорчений, за них вознаграждали и особенные радостные случаи, которые встречались чаще огорчений: вот удалось очень хорошо пристроить маленьких сестру или брата той-другой

девушки; на третий год две девушки выдержали экзамен на домашних учительниц, — ведь это было какое счастье для них! Было несколько разных таких хороших случаев. А чаще всего причиною веселья для всей мастерской и радости для Веры Павловны бывали свадьбы. Их бывало довольно много, и все были удачны. Свадьба устроивалась очень весело: много бывало вечеров и перед нею и после нее, много сюрпризов невесте от подруг по мастерской; из резервного фонда делалось ей приданое; но опять, сколько и хлопот бывало тут Вере Павловне, — полные руки, разумеется! Одно только сначала казалось мастерской неделикатно со стороны Веры Павловны: первая невеста просила ее быть посаженною матерью и не упросила; вторая тоже просила и не упросила. Чаще всего посаженною матерью бывала Мерцалова или ее мать, тоже очень хорошая дама, а Вера Павловна никогда: она и одевала, и провожала невесту в церковь, но только как одна из подруг. В первый раз подумали, что отказ был от недовольства чем-нибудь, но нет: Вера Павловна была очень рада приглашению, только не приняла его; во второй раз поняли, что это просто скромность: Вере Павловне не хотелось официально являться патроншею невесты. Да и вообще она всячески избегала всякого вида влияния, старалась выводить вперед других и успевала в этом, так что многие из дам, приезжавших в мастерскую для заказов, не различали ее от двух других закройщиц. А Вера Павловна чувствовала едва ли не самую приятную из всех своих радостей от мастерской, когда объясняла кому-нибудь, что весь этот порядок устроен и держится самими девушками; этими объяснениями она старалась убедить саму себя в том, что ей хотелось думать: что мастерская могла бы идти без нее, что могут явиться совершенно самостоятельно другие такие же мастерские и даже — почему же нет? вот было бы хорошо! — это было бы лучше всего! — даже без всякого руководства со стороны кого-нибудь не из разряда швей, а исключительно мыслью и уменьем самих швей; это была самая любимая мечта Веры Павловны.

V

И вот таким образом прошло почти три года со времени основания мастерской, более трех лет со времени замужства Веры Павловны. Как тихо и деятельно прошли эти годы, как полны были они и спокойствия, и радости, и всего доброго.

Вера Павловна, проснувшись, долго нежится в постели; она любит нежиться, и немножко будто дремлет, и не дремлет, а думает, что́ надобно сделать; и так полежит, не дремлет и не думает — нет, думает: «как тепло, мягко, хорошо, славно нежиться поутру»; так и нежится, пока из нейтральной комнаты, — нет, надобно сказать: одной из нейтральных комнат, теперь уже две их, ведь это уже четвертый год замужства, — муж, то есть «миленький», говорит: «Верочка, проснулась?» — «Да, ми-

ленький». Это значит, что муж может начинать делать чай: поутру он делает чай, и что Вера Павловна — нет, в своей комнате она не Вера Павловна, а Верочка — начинает одеваться. Как же долго она одевается! — нет, она одевается скоро, в одну минуту, но она долго плещется в воде, она любит плескаться, и потом долго причесывает волосы,— нет, не причесывает долго, это она делает в одну минуту, а долго так шалит ими, потому что она любит свои волосы; впрочем, иногда долго занимается она и одною из настоящих статей туалета, надеванием ботинок: у ней отличные ботинки; она одевается очень скромно, но ботинки ее страсть.

Вот она и выходит к чаю, обнимает мужа: — «каково почивал, миленький?», толкует ему за чаем о разных пустяках и непустяках; впрочем, Вера Павловна — нет, Верочка: она и за утренним чаем еще Верочка — пьет не столько чай, сколько сливки: чай только предлог для сливок, их больше половины чашки; сливки — это тоже ее страсть. Трудно иметь хорошие сливки в Петербурге, но Верочка отыскала действительно отличные, без всякой подмеси. У ней есть мечта иметь свою корову; что ж, если дела пойдут, как шли, это можно будет сделать через год. Но вот десять часов. «Миленький» уходит на уроки или на занятие: он служит в конторе одного фабриканта. Вера Павловна — теперь она уже окончательно Вера Павловна до следующего утра — хлопочет по хозяйству: ведь у ней одна служанка, молоденькая девочка, которую надобно учить всему; а только выучишь, надобно приучать новую к порядку: служанки не держатся у Веры Павловны, всё выходят замуж — полгода, немного больше, смотришь, Вера Павловна уж и шьет себе какую-нибудь пелеринку или рукавчики, готовясь быть посаженною матерью; тут уж нельзя отказаться, — «как же, Вера Павловна, ведь вы сами все устроили, некому быть, кроме вас». Да, много хлопот по хозяйству. Потом надобно отправляться на уроки, их довольно много, часов 10 в неделю: больше было бы тяжело, да и некогда. Перед уроками надобно довольно надолго зайти в мастерскую, возвращаясь с уроков, тоже надобно заглянуть в нее. А вот и обед с «миленьким». За обедом довольно часто бывает кто-нибудь: один, много двое, — больше двоих нельзя; когда и двое обедают, уже надобно несколько хлопотать, готовить новое блюдо, чтобы достало кушанья. Если Вера Павловна возвращается усталая, обед бывает проще; она перед обедом сидит в своей комнате, отдыхая, и обед остается, какой был начат при ее помощи, а докончен без нее. Если же она возвращается не усталая, в кухне начинает кипеть дело, и к обеду является прибавка, какое-нибудь печенье, чаще всего что-нибудь такое, что едят со сливками, то есть что может служить предлогом для сливок. За обедом Вера Павловна опять рассказывает и расспрашивает, но больше рассказывает; да и как же не рассказывать? Сколько нового надобно сообщить об одной мастерской. После обеда сидит еще с четверть часа с миленьким, «до свиданья» и расходятся по своим комнатам, и Вера Павловна опять на свою

кроватку, и читает, и нежится; частенько даже спит, даже очень часто, даже чуть ли не наполовину дней спит час-полтора, — это слабость, и чуть ли даже не слабость дурного тона, но Вера Павловна спит после обеда, когда заснется, и даже любит, чтобы заснулось, и не чувствует ни стыда, ни раскаяния в этой слабости дурного тона. Встает, вздремнувши или так понежившись часа полтора-два, одевается, опять в мастерскую, остается там до чаю. Если вечером нет никого, то за чаем опять рассказ миленькому, и с полчаса сидят в нейтральной комнате; потом «до свиданья, миленький», целуются и расходятся до завтрашнего чаю. Теперь Вера Павловна, иногда довольно долго, часов до двух, работает, читает, отдыхает от чтения за фортепьяно, — рояль стоит в ее комнате; рояль недавно куплен, прежде был абонированный; это было тоже довольно порядочное веселье, когда был куплен свой рояль, — ведь это и дешевле. Он куплен по случаю, за 100 рублей, маленький эраровский, старый, поправка стоила около 70 рублей; но зато рояль действительно очень хорошего тона. Изредка «миленький» приходит послушать пение, но только изредка: у него очень много работы. Так проходит вечер: работа, чтение, игра, пение, больше всего чтение и пение. Это — когда никого нет. Но очень часто по вечерам бывают гости — большею частью молодые люди, моложе «миленького», моложе самой Веры Павловны, — из числа их и преподаватели мастерской. Они очень уважают Лопухова, считают его одною из лучших голов в Петербурге, может быть они и не ошибаются, и настоящая связь их с Лопуховыми заключается в этом:[74] они находят полезными для себя разговоры с Дмитрием Сергеичем. К Вере Павловне они питают беспредельное благоговение, она даже дает им целовать свою руку, не чувствуя себе унижения, и держит себя с ними, как будто пятнадцатью годами старше их, то есть держит себя так, когда не дурачится, но, по правде сказать, большею частью дурачится, бегает, шалит с ними, и они в восторге, и тут бывает довольно много галопированья и вальсированья, довольно много простой беготни, много игры на фортепьяно, много болтовни и хохотни и чуть ли не больше всего пения; но беготня, хохотня и все нисколько не мешает этой молодежи совершенно, безусловно и безгранично благоговеть перед Верою Павловною, уважать ее так, как дай бог уважать старшую сестру, как не всегда уважается мать, даже хорошая. Впрочем, пение уже не дурачество, хоть иногда не обходится без дурачеств; но большею частью Вера Павловна поет серьезно, иногда и без пения играет серьезно, и слушатели тогда сидят в немой тишине. Не очень редко бывают гости и постарше, ровня Лопуховым: большею частью бывшие товарищи Лопухова, знакомые его бывших товарищей, человека два-три молодых профессоров, почти всё люди бессемейные; из семейных людей почти только Мерцаловы. Лопуховы бывают в гостях не так часто, почти только у Мерцаловых, да у матери и отца Мерцаловой; у этих добрых и простых стариков есть множество сыновей, занимающих порядочные должности по

всевозможным ведомствам, и потому в доме стариков, живущих с некоторым изобилием, Вера Павловна видит многоразличное и разнокалиберное общество.

Вольная, просторная, деятельная жизнь, и не без некоторого сибаритства: лежанья нежась в своей теплой, мягкой постельке, сливок и печений со сливками, — она очень нравится Вере Павловне.

Бывает ли лучше жизнь на свете? Вере Павловне еще кажется: нет.

Да, в начале молодости едва ли бывает.

Но годы идут, и с годами становится лучше, если жизнь идет, как должна идти, как теперь идет у немногих. Как будет когда-нибудь идти у всех.

VI

Однажды — это было уже под конец лета — девушки собрались, по обыкновению, в воскресенье на загородную прогулку. Летом они почти каждый праздник ездили на лодках, на Острова. Вера Павловна обыкновенно ездила с ними, в этот раз поехал и Дмитрий Сергеич, вот почему прогулка и была замечательна: его спутничество было редкостью, и в то лето он ехал еще только во второй раз. Мастерская, узнав об этом, осталась очень довольна: Вера Павловна будет еще веселее обыкновенного, и надобно ждать, что прогулка будет особенно, особенно одушевлена. Некоторые, располагавшие провести воскресенье иначе́, изменили свой план и присоединились к собиравшимся ехать. Понадобилось взять вместо четырех больших яликов пять, и того оказалось мало, взяли шестой. Компания имела человек пятьдесят или больше народа: более двадцати швей, — только шесть не участвовали в прогулке, — три пожилые женщины, с десяток детей, матери, сестры и братья швей, три молодые человека, женихи: один был подмастерье часовщика, другой — мелкий торговец, и оба эти мало уступали манерами третьему, учителю уездного училища, человек пять других молодых людей, разношерстных званий, между ними даже двое офицеров, человек восемь университетских и медицинских студентов. Взяли с собою четыре больших самовара, целые груды всяких булочных изделий, громадные запасы холодной телятины и тому подобного: народ молодой, движенья будет много, да еще на воздухе, — на аппетит можно рассчитывать; было и с полдюжины бутылок вина: на 50 человек, в том числе более 15 молодых людей, кажется, немного.

И действительно, прогулка удалась как нельзя лучше. Тут всего было: танцовали в 16 пар, и только в 12 пар, зато и в 18, одну кадриль даже в 20 пар; играли в горелки, чуть ли не в 22 пары, импровизировали трое качелей между деревьями; в промежутках всего этого пили чай, закусывали: с полчаса — нет, меньше, гораздо меньше — чуть ли не половина компании даже слушала спор Дмитрия Сергеича с двумя студентами,[75]

самыми коренными его приятелями из всех младших его приятелей; они отыскивали друг в друге неконсеквентности, модерантизм, буржуазность,— это были взаимные опорочиванья; но, в частности, у каждого отыскивался и особенный грех. У одного студента — романтизм, у Дмитрия Сергеича — схематистика, у другого студента — ригоризм; разумеется, постороннему человеку трудно выдержать такие разыскиванья дольше пяти минут, даже один из споривших, романтик, не выдержал больше полутора часов, убежал к танцующим, но убежал не без славы. Он вознегодовал на какого-то модерантиста, чуть ли не на меня даже, хоть меня тут и не было,[76] и, зная, что предмету его гнева уже немало лет, он воскликнул: «да что вы о нем говорите? я приведу вам слова, сказанные мне на днях одним порядочным человеком, очень умной женщиной: только до 25 лет человек может сохранять честный образ мыслей». — Да ведь я знаю, кто эта дама, — сказал офицер, на беду романтика подошедший к спорившим: — это г-жа N.; она при мне это и сказала; и она действительно отличная женщина, только ее тут же уличили, что за полчаса перед тем она хвалилась, что ей 26 лет, и помнишь, сколько она хохотала вместе со всеми? И теперь все четверо захохотали, и романтик с хохотом бежал. Но офицер заместил его в споре, и пошла потеха пуще прежней, до самого чаю. И офицер, жесточе, чем романтик, обличая ригориста и схематиста, сам был сильно уличаем в огюст-контизме. После чаю офицер объявил, что, пока он еще имеет лета честного образа мыслей, он непрочь присоединиться к другим людям тех же лет; Дмитрий Сергеич, а тогда уж поневоле и ригорист, последовали его примеру: танцовать не танцовали, но в горелки играли. А когда мужчины вздумали бегать взапуски, прыгать через канаву и бороться, то три мыслителя оказались самыми усердными состязателями мужественных упражнений: офицер получил первенство в прыганье через канаву; Дмитрий Сергеич, человек очень сильный, вошел в большой азарт, когда офицер поборол его, — он надеялся быть первым на этом поприще после ригориста, который очень удобно поднимал на воздух и клал на землю офицера и Дмитрия Сергеича вместе, это не вводило в амбицию ни Дмитрия Сергеича, ни офицера; ригорист был признанный атлет, но Дмитрию Сергеичу никак не хотелось оставить на себе того афронта, что не может побороть офицера; пять раз он схватывался с ним, и все пять раз офицер низлагал его, хотя не без труда. После шестой схватки Дмитрий Сергеич признал себя несомненно слабейшим: оба они выбились из сил. Три мыслителя прилегли на траву, продолжали спор; теперь огюст-контистом оказывался уже Дмитрий Сергеич, а схематистом офицер, но ригорист так и остался ригористом.

Отправились домой в 11 часов. Старухи и дети так и заснули в лодках; хорошо, что запасено было много теплой одежды, зато остальные говорили без умолку, и на всех шести яликах не было перерыва шуткам и смеху.

VII

Через два дня, за утренним чаем, Вера Павловна заметила мужу, что цвет его лица ей не нравится. Он сказал, что действительно эту ночь спал не совсем хорошо и вчера с вечера чувствовал себя дурно, но что это ничего, немного простудился на прогулке, конечно, в то время, когда долго лежал на земле после беганья и борьбы; побранил себя за неосторожность, но уверил Веру Павловну, что это пустяки. Он отправился на свои обыкновенные занятия; за вечерним чаем говорил, что, кажется, совершенно все прошло, но поутру на другой день сказал, что ему надобно будет несколько времени посидеть дома. Вера Павловна, сильно встревожившаяся и вчера, теперь серьезно испугалась и потребовала, чтобы Дмитрий Сергеич пригласил медика. — «Да ведь я сам медик и сам сумею лечиться, если понадобится; а теперь пока еще не нужно», — отговаривался Дмитрий Сергеич. Но Вера Павловна была неотступна, и он написал записку Кирсанову, говорил в ней, что болезнь пустая и что он просит его только в угождение жене.

Поэтому Кирсанов не поторопился: пробыл в гошпитале до самого обеда и приехал к Лопуховым уже часу в 6-м вечера.

— Нет, Александр, я хорошо сделал, что позвал тебя, — сказал Лопухов: — опасности нет и, вероятно, не будет; но у меня воспаление в легких. Конечно, я и без тебя вылечился бы, но все-таки навещай. Нельзя, нужно для очищения совести: ведь я не бобыль, как ты.

Долго они щупали бока одному из себя, Кирсанов слушал грудь, и нашли оба, что Лопухов не ошибся: опасности нет и, вероятно, не будет, но воспаление в легких сильное. Придется пролежать недели полторы. Немного запустил Лопухов свою болезнь, но все-таки еще ничего.

Кирсанову пришлось долго толковать с Верою Павловною, успокоивать ее. Наконец она поверила вполне, что ее не обманывают, что, по всей вероятности, болезнь не только не опасна, но и не тяжела; но ведь только «по всей вероятности», а мало ли что бывает и против всякой вероятности?

Кирсанов стал бывать по два раза в день у больного: они с ним оба видели, что болезнь проста и не опасна. На четвертый день поутру Кирсанов сказал Вере Павловне:

— Дмитрий ничего, хорош: еще дня три-четыре будет тяжеловато, но не тяжеле вчерашнего, а потом станет уж и поправляться. Но о вас, Вера Павловна, я хочу поговорить с вами серьезно. Вы дурно делаете: зачем не спать по ночам? Ему совершенно не нужна сиделка, да и я не нужен. А себе вы можете повредить, и совершенно без надобности. Ведь у вас и теперь нервы уж довольно расстроены.

Долго он урезонивал Веру Павловну, но без всякого толку. «Никак» и «ни за что», и «я сама рада бы, да не могу», т. е. спать по ночам и оставлять мужа без караула. Наконец она сказала: «Да ведь все, что вы

мне говорите, он мне уже говорил, и много раз, ведь вы знаете. Конечно, я скорее бы послушалась его, чем вас, — значит, не могу».

Против такого аргумента нечего было спорить. Кирсанов покачал головою и ушел.

Приехав к больному в десятом часу вечера, он просидел подле него вместе с Верою Павловною с полчаса, потом сказал: «Теперь вы, Вера Павловна, идите отдохнуть. Мы оба просим вас. Я останусь здесь ночевать».

Вере Павловне было совестно: она сама наполовину, больше чем наполовину знала, что как будто и нет необходимости сидеть всю ночь подле больного, и вот заставляет же Кирсанова, человека занятого, терять время. Что ж это, в самом деле? да, как будто не нужно?.. «как будто», а кто знает? нет, нельзя оставить «миленького» одного, мало ли что может случиться? да, наконец, пить захочет, может быть чаю захочет, ведь он деликатный, будить не станет, значит и нельзя не сидеть подле него. Но Кирсанову сидеть не нужно, она не дозволит. Она сказала, что не уйдет, потому что не очень устала, что она много отдыхает днем.

— В таком случае, простите меня, но я прошу вас уйти, решительно прошу.

Кирсанов взял ее за руку и почти силою отвел в ее комнату.

— Мне, право, совестно перед тобою, Александр, — проговорил больной: — какую смешную роль ты играешь, сидя ночь у больного, болезнь которого вовсе не требует этого. Но я тебе очень благодарен. Ведь я не могу уговорить ее взять хоть сиделку, если боится оставить одного, — никому не могла доверить.

— Если б я этого не видел, что она не может быть спокойна, доверив тебя кому-нибудь другому, разумеется, не стал бы я нарушать своего комфорта. Но теперь, надеюсь, уснет: ведь я медик и твой приятель.

В самом деле, Вера Павловна как дошла до своей кровати, так и повалилась и заснула. Три бессонные ночи сами по себе не были бы важны. И тревога сама не была бы важна. Но тревога вместе с бессонными ночами, да без всякого отдыха днем, точно была опасна; еще двое-трое суток без сна, она бы сделалась больна посерьезнее мужа.

Кирсанов провел еще три ночи с больным; его-то это мало утомляло, конечно, потому что он преспокойно спал, только из предосторожности запирал дверь, чтобы Вера Павловна не могла увидеть такой беспечности. Она и подозревала, что он спит на своем дежурстве, но все-таки была спокойна: ведь он медик, так чего же опасаться? Он знает, когда можно ему спать, когда нет. Ей было совестно, что она не могла прежде успокоиться, чтобы не тревожить его, но теперь уж он не обращал внимания на ее уверения, что будет спать, хотя бы его тут и не было: — «вы виноваты, Вера Павловна, и за то должны быть наказываемы. Я вам не доверяю».

Но через четыре дня было уже очевидно для нее, что больной почти перестал быть больным, улики ее скептицизму были слишком ясны: в этот вечер они втроем играли в карты, Лопухов уже полулежал, а не лежал, и говорил очень хорошим голосом. Кирсанов мог прекратить свои сонные дежурства и объявил об этом.

— Александр Матвеич, почему вы совершенно забыли меня, именно меня? С Дмитрием вы все-таки хороши, он бывает у вас довольно часто; но вы у нас перед его болезнию не были, кажется, с полгода; да и давно так. А помните, вначале ведь мы с вами были дружны.

— Люди переменяются, Вера Павловна. Да ведь я и страшно работаю, могу похвалиться. Я почти ни у кого не бываю; некогда, лень. Так устаешь с 9 часов до 5 в гошпитале и в Академии, что потом чувствуешь невозможность никакого другого перехода, кроме как из мундира прямо в халат. Дружба хороша, но, не сердитесь, сигара на диване, в халате — еще лучше.

В самом деле Кирсанов уже больше двух лет почти вовсе не бывал у Лопуховых. Читатель не замечал его имени между их обыкновенными гостями, да и между редкими посетителями он давно стал самым редким.

VIII

Проницательный читатель, — я объясняюсь только с читателем: читательница слишком умна, чтобы надоедать своей догадливостью, потому я с нею не объясняюсь, говорю это раз навсегда; есть и между читателями немало людей неглупых: с этими читателями я тоже не объясняюсь; но большинство читателей, в том числе почти все литераторы и литературщики, люди проницательные, с которыми мне всегда приятно беседовать, — итак, проницательный читатель говорит: я понимаю, к чему идет дело; в жизни Веры Павловны начинается новый роман; в нем будет играть роль Кирсанов; я понимаю даже больше: Кирсанов уже давно влюблен в Веру Павловну, потому-то он и перестал бывать у Лопуховых. О, как ты понятлив, проницательный читатель: как только тебе скажешь что-нибудь, ты сейчас же замечаешь: «я понял это», и восхищаешься своею проницательностью. Благоговею перед тобою, проницательный читатель.

Итак, в истории Веры Павловны является новое лицо, и надобно было бы описать его, если бы оно уже не было описано. Когда я рассказывал о Лопухове, то затруднялся обособить его от его задушевного приятеля и не умел сказать о нем почти ничего такого, чего не надобно было бы повторить и о Кирсанове. И действительно, все, что может (проницательный) читатель узнать из следующей описи примет Кирсанова, будет повторением примет Лопухова. Лопухов был сын мещанина, зажиточного по своему сословию, то есть довольно часто имеющего мясо во

щах; Кирсанов был сын писца уездного суда, то есть человека, часто не имеющего мяса во щах, — значит и наоборот, часто имеющего мясо во щах. Лопухов с очень ранней молодости, почти с детства, добывал деньги на свое содержание; Кирсанов с 12 лет помогал отцу в переписывании бумаг, с IV класса гимназии тоже давал уже уроки. Оба грудью, без связей, без знакомств пролагали себе дорогу. Лопухов был какой человек? в гимназии по-французски не выучивались, а по-немецки выучивались склонять der, die, das с небольшими ошибками; а поступивши в Академию, Лопухов скоро увидел, что на русском языке далеко не уедешь в науке; он взял французский словарь, да какие случились французские книжонки, а случились: «Телемак», да повести г-жи Жанлис, да несколько ливрезонов нашего умного журнала «Revue Ètrangère», — книги всё не очень заманчивые,[77] — взял их, а сам, разумеется, был страшный охотник читать, да и сказал себе: «не раскрою ни одной русской книги, пока не стану свободно читать по-французски»; ну, и стал свободно читать. А с немецким языком обошелся иначе: нанял угол в квартире, где было много немцев-мастеровых; угол был мерзкий, немцы скучны, ходить в Академию было далеко, а он все-таки выжил тут, сколько ему было нужно. У Кирсанова было иначе; он немецкому языку учился по разным книгам с лексиконом, как Лопухов французскому, а по-французски выучился другим манером, по одной книге, без лексикона: Евангелие — книга очень знакомая; вот он достал Новый завет в женевском переводе,[78] да и прочел его восемь раз; на девятый уже все понимал, — значит, готово. Какой человек был Лопухов? — Вот какой: шел он в оборванном мундире по Каменноостровскому проспекту (с урока, по 50 коп. урок, верстах в трех за Лицеем).[79] Идет ему навстречу некто осанистый, моцион делает, да как осанистый[80] прямо на него, не сторонится; а у Лопухова было в то время правило: кроме женщин, ни перед кем первый не сторонюсь; задели друг друга плечами; некто, сделав полуоборот, сказал: «что ты за свинья, скотина», — готовясь продолжать назидание, а Лопухов сделал полный оборот к некоему, взял некоего в охапку и положил в канаву, очень осторожно, и стоит над ним, и говорит: ты не шевелись, а то дальше протащу, где грязь глубже. Проходили два мужика, заглянули, похвалили, проходил чиновник, заглянул, не похвалил, но сладко улыбнулся; проезжали экипажи, — из них не заглядывали: не было видно, что лежит в канаве; постоял Лопухов, опять взял некоего, не в охапку, а за руку, поднял, вывел на шоссе и говорит: «Ах, милостивый государь, как это вы изволили оступиться? Не повредились, надеюсь? Позвольте вас обтереть?» Проходил мужик, стал помогать обтирать, проходили два мещанина, стали помогать обтирать, обтерли некоего и разошлись. С Кирсановым не было такого случая, а был другой случай.[81] Некая дама, у которой некие бывали на посылках, вздумала, что надобно составить каталог библиотеки, оставшейся после мужа-вольтерианца, который умер за двадцать лет перед тем. Зачем именно через двадцать лет понадобился

каталог, неизвестно. Составлять каталог подвернулся Кирсанов, взялся за 80 р.; работал полтора месяца. Вдруг дама вздумала, что каталог не нужен, вошла в библиотеку и говорит: «не трудитесь больше, я передумала; а вот вам за ваши труды», и подала Кирсанову 10 р. — «Я, ваше ***, даму назвал по титулу, сделал уже больше половины работы: из 17 шкапов переписал 10». — «Вы находите, что я вас обидела в деньгах? Nicolas, поди сюда, переговори с этим господином». Влетел Nicolas. — «Ты как смеешь грубить maman». — «Да ты, молокосос, — выражение неосновательное со стороны Кирсанова: Nicolas был старше его годами пятью, — выслушал бы прежде». — «Люди!» — крикнул Nicolas. — «Ах, люди? Вот я тебе покажу людей!» Во мгновение ока дама взвизгнула и упала в обморок, а Nicolas постиг, что не может пошевельнуть руками, которые притиснуты к его бокам, как железным поясом, и что притиснуты они правою рукою Кирсанова, и постиг, что левая рука Кирсанова, дернувши его за вихор, уже держит его за горло и что Кирсанов говорит: «посмотри, как легко мне тебя задушить» — и давнул горло; и Nicolas постиг, что задушить точно легко, и рука уже отпустила горло, можно дышать, только все держится за горло. А Кирсанов говорит, обращаясь к появившимся у дверей голиафам: «Стой! а то его задушу. Расступитесь, а то его задушу». Все это постиг Nicolas в одно мгновение ока и сделал помавание носом, что, дескать, он основательно рассуждает. «Теперь проводи-ко, брат, меня до лестницы», сказал Кирсанов, опять обратясь к Nicolas и продолжая по-прежнему обнимать Nicolas, вышел в переднюю и сошел с лестницы, издали напутствуемый умиленными взорами голиафов, и на последней ступеньке отпустил горло Nicolas, отпихнул самого Nicolas и пошел в лавку покупать фуражку вместо той, которая осталась добычею Nicolas.

Ну, что же различного скажете вы о таких людях? Все резко выдающиеся черты их — черты не индивидуумов, а типа, типа до того разнящегося от привычных тебе, проницательный читатель, что его общими особенностями закрываются личные разности в нем. Эти люди среди других, будто среди китайцев несколько человек европейцев, которых не могут различить одного от другого китайцы: во всех видят одно, что они «красноволосые варвары, не знающие церемоний»; на их глаза, ведь и французы такие же «красноволосые», как англичане. Да китайцы и правы: в отношениях с ними все европейцы, как один европеец, не индивидуумы, а представители типа, больше ничего; одинаково не едят тараканов и мокриц, одинаково не режут людей в мелкие кусочки, одинаково пьют водку и виноградное вино, а не рисовое, и даже единственную вещь, которую видят свою родную в них китайцы, — питье чаю — делают вовсе не так, как китайцы: с сахаром, а не без сахару. Так и люди того типа, к которому принадлежали Лопухов и Кирсанов, кажутся одинаковы людям не того типа. Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело — и если возьмется,

то уже крепко хватающийся за него, так что оно не выскользнет из рук, — это одна сторона их свойств; с другой стороны, каждый из них человек безукоризненной честности, такой, что даже и не приходит в голову вопрос: «можно ли положиться на этого человека во всем безусловно?» Это ясно, как то, что он дышит грудью; пока дышит эта грудь, она горяча и неизменна, — смело кладите на нее свою голову, на ней можно отдохнуть. Эти общие черты так резки, что за ними сглаживаются все личные особенности.

Недавно зародился у нас этот тип. Прежде были только отдельные личности, предвещавшие его; они были исключениями и, как исключения, чувствовали себя одинокими, бессильными и от этого бездействовали, или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то есть не могли иметь главной черты этого типа, не могли иметь хладнокровной практичности, ровной и расчетливой деятельности, деятельной рассудительности. То были люди хоть и той же натуры, но еще не развившейся до этого типа, а он, этот тип, зародился недавно; в мое время его еще не было, хоть я не очень старый, даже вовсе не старый человек. Я и сам не мог вырасти таким, — рос не в такую эпоху; потому-то, что я сам не таков, я и могу не совестясь выражать свое уважение к нему, к сожалению, я не себя прославляю, когда говорю про этих людей: славные люди.

Недавно родился этот тип и быстро распложается. Он рожден временем, он знамение времени, и, сказать ли? — он исчезнет вместе с своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; теперь... но все равно, что думают о них теперь; через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: «спасите нас!»,[82] и что́ будут они говорить, будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может и не лет, а месяцев, и станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошиканные, страмимые. Так что же, шикайте и страмите, гоните и проклинайте, вы получили от них пользу, этого для них довольно, и под шумом шиканья, под громом проклятий они сойдут со сцены, гордые и скромные, суровые и добрые, как были. И не останется их на сцене? — Нет. Как же будет без них? — Плохо. Но после них все-таки будет лучше, чем до них. И пройдут года, и скажут люди: «после них стало лучше; но все-таки осталось плохо». И когда скажут это, значит пришло время возродиться этому типу, и он возродится в более многочисленных людях, в лучших формах, потому что тогда всего хорошего будет больше и все хорошее будет лучше; и опять та же история в новом виде. И так пойдет до тех пор, пока люди скажут: «ну, теперь нам хорошо», тогда уж не будет этого отдельного типа, потому что все люди будут этого типа, и с трудом будут понимать, как же это было время, когда он считался особенным типом, а не общею натурою всех людей?

IX

Но как европейцы между китайцами все на одно лицо и на один манер только по отношению к китайцам, а на самом деле между европейцами несравненно больше разнообразия, чем между китайцами, так и в этом, по-видимому, одном типе разнообразие личностей развивается на разности более многочисленные и более отличающиеся друг от друга, чем все разности всех остальных типов разнятся между собою. Тут есть всякие люди: и сибариты, и аскеты, и суровые, и нежные, и всякие, всякие. Только, как самый жестокий европеец очень кроток, самый трусливый очень храбр, самый сладострастный очень нравствен перед китайцем, так и они: самые аскетичные из них считают нужным для человека больше комфорта, чем воображают люди не их типа, самые чувственные строже в нравственных правилах, чем морализаторы не их типа. Но всё это они представляют себе как-то по-своему: и нравственность и комфорт, и чувственность и добро понимают они на особый лад, и все на один лад, и не только все на один лад, но и всё это как-то на один лад, так что и нравственность, и комфорт, и добро, и чувственность — всё это выходит у них как будто одно и то же. Но всё это опять только по отношению к понятиям китайцев, а сами между собою они находят очень большие разности понимания, по разности натур. Но как теперь уловить эти разности натур и понятий между ними?

В разговорах о делах между собою, но только между собою, а не с китайцами, выказывают свою разницу европейские натуры. Так и у людей этого типа видно бывает очень большое разнообразие, когда дела ведутся между ними, но только между ними, а не с посторонними. Мы видели перед собою двух людей этого типа: Веру Павловну и Лопухова, и видели, как устроились отношения между ними. Теперь входит третий человек. Посмотрим, какие разности обнаружатся от возможности одному из них сравнивать двух других. Вера Павловна видит перед собою Лопухова и Кирсанова. Прежде ей не было выбора; теперь есть.

X

Но надобно же сказать два-три слова о внешних приметах Кирсанова.

У него, как и у Лопухова, были правильные, красивые черты лица. Одни находили, что красивее тот, другие — этот. У Лопухова, более смуглого, были темно-каштановые волосы, сверкающие карие глаза, казавшиеся почти черными, орлиный нос, толстые губы, лицо несколько овальное. У Кирсанова были русые волосы довольно темного оттенка, темно-голубые глаза, прямой греческий нос, маленький рот, лицо продолговатое, замечательной белизны. Оба они были люди довольно высокого роста, стройные, Лопухов несколько шире костью, Кирсанов несколько выше.

Внешняя обстановка Кирсанова была довольно хороша. Он уже имел кафедру. Огромное большинство избиравших было против него: ему бы не только не дали кафедры, его бы не выпустили доктором, да нельзя было. Два-три молодые человека, да один не молодой человек из его бывших профессоров, его приятели, давно наговорили остальным, будто бы есть на свете какой-то Фирхов,[83] и живет в Берлине, и какой-то Клод Бернар,[84] и живет в Париже, и еще какие-то такие же, которых не упомнишь, которые тоже живут в разных городах, и что будто бы эти Фирхов, Клод Бернар и еще кто-то — будто бы они светила медицинской науки. Все это было до крайности неправдоподобно, потому что светила науки нам известны: Бургав, Гуфеланд; Гарве тоже был великий ученый, открыл обращение крови, тоже Дженнер,[85] выучил оспопрививанию; так ведь мы знаем их, а этих Фирховов да Клодов Бернаров мы не знаем, какие же они светила? А впрочем, чорт их знает. Так вот этот самый Клод Бернар отзывался с уважением о работах Кирсанова, когда Кирсанов еще оканчивал курс, — ну и нельзя: дали Кирсанову докторство, дали года через полтора кафедру. Студенты говорили, что с его поступлением партия хороших профессоров заметно усилилась. Практики он не имел и говорил, что бросил практическую медицину; но в гошпитале бывал очень подолгу: выпадали дни, что он там и обедал, а иной раз и ночевал. Что ж он там делал? Он говорил, что работает для науки, а не для больных: «я не лечу, а только наблюдаю и делаю опыты». Студенты подтверждали это, прибавляя, что ныне лечат только дураки, потому что ныне лечить еще нельзя. Служители судили иначе: «Ну, этого Кирсанов берет в свою палату, — значит, труден», говорили они между собою, а потом больному: «Будь благонадежен: против этого лекаря редкая болезнь может устоять, мастер; и как есть отец».

XI

В первое время замужства Веры Павловны Кирсанов бывал у Лопуховых очень часто, почти что через день, а ближе сказать, почти что каждый день, и скоро, да почти что с первого же дня, стал чрезвычайно дружен с Верою Павловною, столько же, как с самим Лопуховым. Так продолжалось с полгода. Однажды они сидели втроем: он, муж и она. Разговор шел, как обыкновенно, без всяких церемоний; Кирсанов болтал больше всех, но вдруг замолчал.

— Что с тобою, Александр?

— Что вы приутихли, Александр Матвеич?

— Так что-то, нашла хандра.

— Это с вами редко случается, Александр Матвеич, — сказала Вера Павловна.

— Без причины даже никогда, — сказал Кирсанов каким-то натянутым тоном.

Через несколько времени, раньше обыкновенного, он встал и ушел, простившись, как всегда, просто.

Дня через два Лопухов сказал Вере Павловне, что заходил к Кирсанову и, как ему показалось, встречен был довольно странно. Кирсанов как будто хотел быть с ним любезен, что было вовсе лишнее между ними. Лопухов, посмотревши на него, сказал прямо:

— Ты, Александр, что-то дуешься; на кого, на меня что ли?

— Нет.

— На Верочку?

— Нет.

— Так что же с тобою сделалось?

— Нет, ничего; что это тебе показалось?

— Да ты не хорош со мною ныне, натянут, любезен, и видно, что дуешься.

Кирсанов начал расточать уверения, что нисколько, и тем окончательно выказал, что дуется. Потом ему, должно быть, стало стыдно, он сделался прост, хорош, как следует. Лопухов, воспользовавшись тем, что человек пришел в рассудок, спросил опять:

— Ну, Александр, скажи, за что же ты дулся?

— Я не думал дуться; — и опять стал приторен и противен.

Что за чудо? Лопухов не умел вспомнить ничего, чем бы мог оскорбить его, да это и не было возможно, при их уважении друг к другу, при горячей дружбе. Вера Павловна тоже очень усердно вспоминала, не она ли чем оскорбила его, и тоже не могла ничего отыскать, и тоже знала, по той же причине, как у мужа, что это невозможно с ее стороны.

Прошло еще два дня; не зайти к Лопуховым четыре дня сряду было делом необыкновенным для Кирсанова. Вера Павловна даже вздумала: здоров ли он? Лопухов зашел посмотреть, не болен ли в самом деле. Какое, нездоров! продолжает дуться. Лопухов приступил к нему настойчиво. Он, после долгих отнекиваний, начал говорить какой-то нелепый вздор о своих чувствах к Лопухову и к Вере Павловне, что он очень любит и уважает их; но из всего этого следовало, что они к нему невнимательны, о чем — что хуже всего — не было, впрочем, никакого намека в его высокопарности. Ясно было, что господин вломался в амбицию. Все это так дико было видеть в человеке, за которого Лопухов считал Кирсанова, что гость сказал хозяину: — «послушай, ведь мы с тобою приятели: ведь это, наконец, должно быть совестно тебе». Кирсанов с изысканною переносливостью отвечал, что действительно это с его стороны, может быть, мелочность, но что ж делать, если он многим обижался. — «Ну, чем же?» Он начал высчитывать множество случаев, которыми оскорблялся в последнее время, всё в таком роде: «ты сказал, что чем светлее у человека волосы, тем ближе он к бесцветности. Вера Павловна сказала, что ныне чай вздорожал. Это колкость на мой цвет волос. Это намек, что я вас

объедаю». У Лопухова опустились руки: помешался человек на амбиционности, или вернее сказать, просто стал дураком и пошляком.

Лопухов возвратился домой даже опечаленный: горько было увидеть такую сторону в человеке, которого он так любил. На расспросы Веры Павловны, что он узнал, он отвечал грустно, что лучше об этом не говорить, что Кирсанов говорил неприятный вздор, что он, вероятно, болен.

Через три-четыре дня Кирсанов, должно быть, опомнился, увидел дикую пошлость своих выходок; пришел к Лопуховым, был как следует, потом стал говорить, что он был пошл; из слов Веры Павловны он заметил, что она не слышала от мужа его глупостей, искренно благодарил Лопухова за эту скромность, стал сам, в наказание себе, рассказывать все Вере Павловне, расчувствовался, извинялся, говорил, что был болен, и опять выходило как-то дрянно. Вера Павловна попробовала сказать, чтоб он бросил толковать об этом, что это пустяки, он привязался к слову «пустяки» и начал нести такую же пошлую чепуху, как в разговоре с Лопуховым: очень деликатно и тонко стал развивать ту тему, что, конечно, это «пустяки», потому что он понимает свою маловажность для Лопуховых, но что он большего и не заслуживает, и т. д., и все это говорилось темнейшими, тончайшими намеками в самых любезных выражениях уважения, преданности. Вера Павловна, слушая это, точно так же опустила руки, как прежде муж. Когда он ушел, они припомнили, что уж несколько дней до своего явного опошления он был странен; тогда они не заметили и не поняли, теперь эти прежние выходки объяснились: они были в том же вкусе, только слабы.

После этого Кирсанов стал было заходить довольно часто, но продолжение прежних простых отношений было уже невозможно: из-под маски порядочного человека высовывалось несколько дней такое длинное ослиное ухо, что Лопуховы потеряли бы слишком значительную долю уважения к бывшему другу, если б это ухо и спряталось навсегда; но оно по временам продолжало выказываться: выставлялось не так длинно и торопливо пряталось, но было жалко, дрянно, пошло.

Скоро к Кирсанову в самом деле стали холодны, он действительно имел уже причину не находить себе удовольствия у Лопуховых и перестал бывать.

Но он встречался с Лопуховым у одних знакомых. Через несколько времени омерзение Лопухова к нему ослабело: он был ничего, как следует. Лопухов стал заходить к нему. Через год он даже возобновил посещения к Лопуховым и был прежним, отличным Кирсановым, простым и честным. Но бывал редко: видно было, что ему неловко вспоминать о глупой истории, которую он разыграл. Лопухов почти забыл ее. Вера Павловна тоже. Но раз порванные отношения не возобновлялись. По наружности он и Лопухов были опять друзья, да и на деле Лопухов стал

почти по-прежнему уважать его и бывал у него нередко; Вера Павловна также возвратила ему часть прежнего расположения, но она очень редко видела его.

XII

Теперь болезнь Лопухова, лучше сказать, чрезвычайная привязанность Веры Павловны к мужу принудила Кирсанова быть более недели в коротких ежедневных отношениях с Лопуховыми. Он понимал, что ступает на опасную для себя дорогу, решаясь просиживать вечера с ними, чтобы отбивать у Веры Павловны дежурство; ведь он был так рад и горд, что тогда, около трех лет назад, заметив в себе признаки страсти, умел так твердо сделать все, что было нужно, для остановки ее развития. Ведь ему было так хорошо от этого. Две-три недели его тянуло тогда к Лопуховым, но и в это время было больше удовольствия от сознания своей твердости в борьбе, чем боли от лишения, а через месяц боль вовсе прошла и осталось одно довольство своею честностью. Так спокойно, так мило было у него на душе.

А теперь опасность была больше, чем тогда: в эти три года Вера Павловна, конечно, много развилась нравственно; тогда она была наполовину еще ребенок, теперь уже не то; чувство, ею внушаемое, уже не могло походить на шутливую привязанность к девочке, которую любишь и над которой улыбаешься в одно и то же время. И не только нравственно развилась она: если красота женщины — настоящая красота, то у нас на севере женщина долго хорошеет с каждым годом. Да, три года жизни в эту пору развивают много хорошего и в душе, и в глазах, и в чертах лица, и во всем человеке, если человек хорош и жизнь хороша.

Опасность была большая, но только для него, Кирсанова: Вере Павловне какая же опасность? Она любит мужа. Кирсанов не так пуст и глуп, чтобы считать себя опасным соперником Лопухову. Не из фальшивой скромности он думает это: все порядочные люди, которые знают его и Лопухова, ставят их равно. А на стороне Лопухова то неизмеримое преимущество, что он уже заслужил любовь, да, заслужил ее, что он уже вполне приобрел ее сердце. Выбор сделан, она очень довольна и счастлива выбором, у ней не может явиться и мысли искать лучшего: разве ей не хорошо? Об этом смешно и думать, это опасение за нее и за Лопухова было бы нелепым тщеславием со стороны его, Кирсанова.

Так неужели же из-за вздора, из-за того, что Кирсанову придется потосковать месяц, много два, неужели из-за этого вздора давать женщине расстроивать нервы, рисковать серьезною болезнию от сиденья по ночам у кровати больного? Неужели для того, чтоб избежать неважного и недолгого нарушения тишины собственной жизни, допускать серьезный вред другому, не менее достойному человеку? Ведь это было бы нечестно. А нечестный поступок гораздо неприятнее той в сущности и не тяжелой

борьбы с собою, которую придется ему выдержать и в развязке которой — в гордом довольстве собою за твердость — нет сомнения.

Так рассуждал Кирсанов, решаясь прогнать Веру Павловну с напрасного дежурства.

Надобность в дежурстве прошла. Для соблюдения благовидности, чтобы не делать крутого перерыва, возбуждающего внимание, Кирсанову нужно было еще два-три раза навестить Лопуховых на днях, потом через неделю, потом через месяц, потом через полгода. Затем удаление будет достаточно объясняться занятиями.

XIII

Все шло у Кирсанова хорошо, как он и думал. Привязанность возобновилась, и сильнее прежнего; но борьба с нею не представляла никакого серьезного мучения, была легка. Вот Кирсанов был уже второй раз у Лопуховых, через неделю по окончании леченья Дмитрия Сергеича, вот он посидит часов до 9-ти: довольно, благовидность соблюдена; в следующий раз он будет у них через две недели: удаление почти исполнилось. А теперь надобно посидеть еще с час. А в эту неделю уж наполовину заглушено развитие страсти; через месяц все пройдет. Он очень доволен. Он участвует в разговоре так непринужденно, что сам радуется своим успехам, и от этого довольства непринужденность его еще увеличивается.

Лопухов собирался завтра выйти в первый раз из дому. Вера Павловна была от этого в особенно хорошем расположении духа, радовалась чуть ли не больше, да и наверное больше, чем сам бывший больной. Разговор коснулся болезни, смеялись над нею, восхваляли шутливым тоном супружескую самоотверженность Веры Павловны, чуть-чуть не расстроившей своего здоровья тревогою из-за того, чем не стоило тревожиться.

— Смейтесь, смейтесь, — говорила она, — но ведь я знаю, у вас самих не было бы силы поступить иначе на моем месте.

— А какое влияние имеет на человека заботливость других, — сказал Лопухов: — ведь он и сам отчасти подвергается обольщению, что ему нужна бог знает какая осторожность, когда видит, что из-за него тревожатся. Ведь вот я мог бы выходить из дому уже дня три, а все продолжал сидеть. Ныне поутру хотел выйти — и еще отложил на день для большей безопасности.

— Да, тебе давно можно выходить, — подтвердил Кирсанов.

— Вот это я называю геройством, и правду сказать, страшно надоело оно: сейчас бы так и убежал.

— Милый мой, ведь это ты для моего успокоения геройствовал. А убежим сейчас же, в самом деле, если тебе так хочется поскорее кончить карантин. Я скоро пойду на полчаса в мастерскую. Отправимтесь все вместе: это будет с твоей стороны очень мило, что ты первый визит

после болезни сделаешь нашей компании. Она заметит это и будет очень рада такой внимательности.

— Хорошо, отправимся вместе, — сказал Лопухов с заметным удовольствием, что подышит свежим воздухом ныне же.

— Вот хозяйка с тактом, — сказала Вера Павловна: — и не подумала, что у вас, Александр Матвеич, может вовсе не быть желания идти с нами.

— Нет, это очень любопытно, я давно собирался. Ваша мысль счастлива.

Точно, мысль Веры Павловны была удачна. Девушки действительно были очень довольны, что Лопухов сделал им первый визит после болезни. Кирсанов действительно очень интересовался мастерскою: да и нельзя было не интересоваться ею человеку с его образом мыслей. Если б особенная причина не удерживала его, он с самого начала был бы одним из усердных преподавателей в ней. Полчаса, может быть час пролетело незаметно. Вера Павловна водила его по разным комнатам, показывала всё. Они возвращались из столовой в рабочие комнаты, когда к Вере Павловне подошла девушка, которой не было в рабочих комнатах. Девушка и Кирсанов взглянули друг на друга: — «Настенька!» — «Саша!» — и обнялись.

— Сашенька, друг мой, как я рада, что встретила тебя! — девушка все целовала его, и смеялась, и плакала. Опомнившись от радости, она сказала: — нет, Вера Павловна, о делах уж не буду говорить теперь. Не могу расстаться с ним. Пойдем, Сашенька, в мою комнату.

Кирсанов был не меньше ее рад. Но Вера Павловна заметила и много печали в первом же взгляде его, как он узнал ее. Да это было и немудрено: у девушки была чахотка в последней степени развития.

Крюкова поступила в мастерскую с год тому назад, уже очень больная. Если б она оставалась в магазине, где была до той поры, она уж давно умерла бы от швейной работы. Но в мастерской нашлась для нее возможность прожить несколько подольше. Девушки совершенно освободили ее от шитья: можно было найти довольно другого, не вредного занятия для нее; она заменила половину дежурств по мелким надобностям швейной, участвовала в заведывании разными кладовыми, принимала заказы, и никто не мог сказать, что Крюкова менее других полезна в мастерской.

Лопуховы ушли, не дождавшись конца свидания Крюковой с Кирсановым.

XIV

РАССКАЗ КРЮКОВОЙ

На другой день рано поутру Крюкова пришла к Вере Павловне.

— Я хочу поговорить с вами о том, что вы вчера видели, Вера Павловна, — сказала она, — она несколько времени затруднялась, как ей про-

должать: — мне не хотелось бы, чтобы вы дурно подумали о нем, Вера Павловна.

— Что это, как вы сами дурно думаете обо мне, Настасья Борисовна.

— Нет, если б это была не я, а другая, я бы не подумала этого. А ведь я, вы знаете, не такая, как другие.

— Нет, Настасья Борисовна, вы не имеете права так говорить о себе. Мы знаем вас год; да и прежде вас знали многие из нашего общества.

— Так, я вижу, вы ничего обо мне не знаете?

— Нет, как же, я знаю очень много. Вы были служанкою — в последнее время у актрисы N.; когда она вышла замуж, вы отошли от нее, чтоб уйти от отца ее мужа; поступили в магазин N., из которого перешли к нам; я знаю это со всеми подробностями.

— Конечно, за Максимову и Шеину, которые знали, что со мною было прежде, я была уверена, что они не станут рассказывать. А все-таки я думала, что могло как-нибудь со стороны дойти до вас или до других. Ах, как я рада, что они ничего не знают! А вам все-таки скажу, чтобы вы знали, какой он добрый. Я была очень дурная девушка, Вера Павловна.

— Вы, Настасья Борисовна?

— Да, Вера Павловна, была. И я была очень дерзкая, у меня не было никакого стыда, и я была всегда пьяная — у меня оттого и болезнь, Вера Павловна, что, при своей слабой груди, я слишком много пила.

Вере Павловне уже раза три случалось видеть такие примеры. Девушки, которые держали себя безукоризненно с тех пор, как начиналось ее знакомство с ними, говорили ей, что прежде когда-то вели дурную жизнь. На первый раз она была изумлена такой исповедью; но, подумав над нею несколько дней, она рассудила: «а моя жизнь? — грязь, в которой я выросла, ведь тоже была дурна; однако же не пристала ко мне, и остаются же чисты от нее тысячи женщин, выросших в семействах не лучше моего. Что ж особенного, если из этого унижения также могут выходить неиспорченными те, которым поможет счастливый случай избавиться от него?» Вторую исповедь она слушала, уже не изумляясь тому, что девушка, ее делавшая, сохранила все благородные свойства человека: и бескорыстие, и способность к верной дружбе, и мягкость души, — сохранила даже довольно много наивности.

— Настасья Борисовна, я имела такие разговоры, какой вы хотите начать. И той, которая говорит, и той, которая слушает, — обеим тяжело. Я вас буду уважать не меньше, скорее больше прежнего, когда знаю теперь, что вы много перенесли, но я понимаю все, и не слышав. Не будем говорить об этом: передо мною не нужно объясняться. У меня самой много лет прошло тоже в больших огорчениях; я стараюсь не думать о них и не люблю говорить о них, — это тяжело.

— Нет, Вера Павловна, у меня другое чувство. Я вам хочу сказать, какой он добрый; мне хочется, чтобы кто-нибудь знал, как я ему обязана,

а кому сказать кроме вас? Мне это будет облегчение. Какую жизнь я вела, об этом, разумеется, нечего говорить, — она у всех таких бедных одинакая. Я хочу сказать только о том, как я с ним познакомилась. Об нем так приятно говорить мне; и ведь я переезжаю к нему жить, — надобно же вам знать, почему я бросаю мастерскую.

— Если для вас этот рассказ будет приятен, Настасья Борисовна, я рада слушать. Позвольте же, я возьму работу.

— Да, а вот мне и работать нельзя. Какие добрые эти девушки, находили мне занятие по моему здоровью. Я их всех буду благодарить, каждую. Скажите и вы им, Вера Павловна, что я вас просила благодарить их за меня.

— Я ходила по Невскому, Вера Павловна; только еще вышла, было еще рано; идет студент, я привязалась к нему. Он ничего не сказал, а перешел на другую сторону улицы. Смотрит, я опять подбегаю к нему, схватила его за руку. «Нет, я говорю, не отстану от вас, вы такой хорошенький». «А я вас прошу об этом, оставьте меня», он говорит. «Нет, пойдемте со мной». «Незачем». «Ну, так я с вами пойду. Вы куда идете? Я уж от вас ни за что не отстану». — Ведь я была такая бесстыдная, хуже других.

— Оттого, Настасья Борисовна, что, может быть, на самом-то деле были застенчивы, совестились.

— Да, это может быть. По крайней мере, на других я это видела, — не тогда, разумеется, а после поняла. Так, когда я ему сказала, что непременно пойду с ним, он засмеялся и сказал: «когда хотите, идите; только напрасно будет», — хотел проучить меня, как после сказал: ему было досадно, что я пристаю. Я и пошла, и говорила ему всякий вздор; он все молчал. Вот мы пришли. По-студенческому, он уж и тогда жил хорошо, получал от уроков рублей 20 в месяц, и жил тогда один. Я развалилась на диван и говорю: «ну, давай вина». «Нет, говорит, вина я вам не дам, а чай пить, пожалуй, давайте». «С пуншем», я говорю. «Нет, без пунша». Я стала делать глупости, бесстыдничать. Он сидит, смотрит, но не обращает никакого внимания: так обидно. Теперь встречаются такие молодые люди, Вера Павловна, — молодые люди много лучше стали с того времени, а тогда это было диковиной. Мне стало даже обидно, я начала ругать его: «Когда ты такой деревянный, — и выругала его, — так я уйду». «Теперь что ж уходить, он говорит, уж напейтесь чаю: хозяйка сейчас принесет самовар. Только не ругайтесь». И все говорил мне «вы». «Вы лучше расскажите-ко мне, кто вы и как это с вами случилось». — Я ему стала рассказывать, что про себя выдумала: ведь мы сочиняем себе разные истории, и от этого никому из нас не верят; а в самом деле есть такие, у которых эти истории не выдуманные: ведь между нами бывают и благородные и образованные. Он послушал и говорит: «Нет, у вас плохо придумано; я бы вот и хотел верить, да нельзя». А мы уже пили чай. Вот он и говорит: «А знаете, что я по вашему сложению вижу: что

вам вредно пить; у вас от этого чуть ли грудь-то уж не расстроена. Дайте-ко я вас осмотрю». Что же, Вера Павловна, вы не поверите, ведь мне стыдно стало, — а в чем моя жизнь была, да перед этим как я бесстыдничала! И он это заметил, — «да нет, говорит, ведь только грудь послушать». Он тогда еще во 2-м курсе был, а уж много знал по медицине, он вперед заходил в науках. Стал слушать грудь. «Да, говорит, вам вовсе не годится пить, у вас грудь плоха». «А как же нам не пить? — говорю: — нам без этого нельзя». И точно, нельзя, Вера Павловна. «Так вы бросьте такую жизнь». «Стану я бросать! Ведь она веселая!» «Ну, говорит, мало веселья. — Ну, говорит, я теперь делом займусь, а вы идите». — И ушла я, рассерженная, что вечер пропал даром; да и обидно мне было, что он такой бесчувственный: ведь тоже своя амбиция у нас в этом. Вот, через месяц, случилось мне быть в тех местах: дай, думаю, зайду к этому деревянному, потешусь над ним. А это было перед обедом; я с ночи-то выспалась и не была пьяная. Он сидел с книгою. «Здравствуй, деревянный». «Здравствуйте, что скажете?» Я опять стала делать глупости. — «Я, говорит, вас прогоню, перестаньте, я вам говорил, что не люблю этого. Теперь вы не пьяная, можете понимать. А вы лучше вот что подумайте: лицо-то у вас больнее прежнего, вам надо бросить вино. Поправьте одежду-то, да поговорим хорошенько!» А у меня, точно, грудь уж начинала болеть. Он опять слушал, сказал, что расстроена больше прежнего, много говорил; да и грудь-то у меня болела, — я и расчувствовалась, заплакала: ведь умирать-то не хотелось, а он все чахоткой пугал. Я и говорю: «Как же я такую жизнь брошу? Меня хозяйка не выпустит — я ей 17 целковых должна». Ведь нас всегда в долгу держат, чтобы мы были безответны. — «Ну, говорит, у меня 17 целковых не наберется, а послезавтра приходите». Так это странно мне показалось, ведь я вовсе не к тому сказала; да и как же этого ждать было? да я и ушам своим не верила, расплакалась еще больше, думала, что он надо мною насмехается: «грешно вам обижать бедную девушку, когда видите, что я плачу»; и долго ему не верила, когда он стал уверять, что говорит не в шутку. И что вы думаете? — ведь набрал денег и отдал мне через два дня. Мне и тут все еще как будто не верилось. «Да как же, говорю, да за что же, когда вы не хотите иметь со мною дела?»

Выкупилась от хозяйки, наняла особую комнату. Но делать мне было нечего: ведь у нас особые билеты, — куда я с таким билетом покажусь? А денег нет. Я и жила по-прежнему — то есть не по-прежнему: какое сравнение, Вера Павловна! Ведь я к себе уж принимала только своих знакомых, хороших, таких, которые не обижали. И вина у меня не было. Потому какое же сравнение. И, знаете, мне уж это легко было перед прежним. Только нет, все-таки тяжело; и что я вам скажу: вы подумаете, потому тяжело, что у меня было много приятелей, человек пять, — нет, ведь я к ним ко всем имела расположение, так это мне было ничего. Вы меня простите, что я так говорю, только я с вами откровенна: я и теперь

так думаю. Вы меня знаете, нескромная ли я теперь; кто теперь слышал от меня что-нибудь, кроме самого хорошего? Ведь я в мастерской сколько вожусь с детьми, и меня все любят, и старухи не скажут, чтобы я не учила их самому хорошему. Только я с вами откровенна, Вера Павловна, я и теперь так думаю: если расположение имеешь, это все равно, когда тут нет обману; другое дело, если бы обман был.

Вот я так и жила. Прошло месяца три, и много уж отдохнула я в это время, потому что жизнь моя уже была спокойная, и хоть я совестилась по причине денег, но дурной девушкою себя уж не считала.

Только, Вера Павловна, Сашенька бывал у меня в это время, и я его навещала. Вот я и опять к тому подошла, о чем об одном надобно было говорить. Только он не затем меня навещал, как другие, а так наблюдал за мною, чтобы я опять не возвратилась к своей прежней слабости, не пила бы вина. И точно, в первые дни он меня поддержал, потому что меня тянуло к вину. А его я совестилась: ну, как он зайдет да увидит. И должно быть, что я без того не устояла бы, потому что мои приятели, хорошие люди, говорили: «я пошлю за вином». А как я его совестилась, я говорила: «нет, никак нельзя». А то соблазнилась бы: одной этой мысли, что вино мне вредно, не было бы довольно. Потом, недели через три, я и сама укрепилась: позыв к вину прошел, и уж я отвыкла от пьяного обращения. И я все собирала деньги, чтоб ему отдать, месяца через два и отдала все. Он был так рад, что я ему отдала. На другой день он принес мне кисеи на платье, других вещей мне на эти деньги купил. Вот он бывал и после этого, все так же, будто доктор за больным смотрит. А потом, с месяц после того, как я с ним расплатилась, он тоже сидел у меня, и сказал: «Вот теперь, Настенька, вы мне стали нравиться». И точно: от вина лицо портится, и это не могло вдруг пройти, а тогда уж прошло, и цвет лица у меня стал нежный, и глаза стали яснее; и опять то, что я от прежнего обращения отвыкла, стала говорить скромно, знаете, мысли у меня скоро стали скромные, когда я перестала пить, а в словах я еще путалась и держала себя иногда в забывчивости, по прежнему неряшеству; а к этому времени я уж попривыкла и держать себя, и говорить скромнее. Как он это сказал, что я стала ему нравиться, я так обрадовалась, что хотела к нему на шею броситься, да не посмела, остановилась. А он сказал: — «Вот видите, Настенька, я не бесчувственный». И говорил, что я стала хорошенькая и скромная, и стал ласкать меня, — и как же ласкать? взял руку и положил на свою, и стал гладить другою рукою; и смотрит на мою руку; а точно, руки у меня в это время уж были белые, нежные... Так вот, как он взял мою руку, — вы не поверите, я так и покраснела: после моей-то жизни, Вера Павловна, будто невинная барышня, — ведь это странно, а так было. Но при всем моем стыде, — смешно сказать, Вера Павловна: при моем стыде, а ведь это правда, — я все-таки сказала: «Как это вы захотели приласкать меня, Александр Матвеич?» А он сказал: «Потому, Настенька, что вы теперь честная девушка». И эти слова,

что он назвал меня честною девушкою, так меня обрадовали, что я залилась слезами. А он стал говорить: «Что это с вами, Настенька?» и поцеловал меня: что же вы думаете? От этого поцелуя у меня голова закружилась, я память потеряла: можно ли этому поверить, Вера Павловна, чтобы это могло быть после такой моей жизни?

Вот на другое утро сижу я и плачу, что мне теперь делать, бедной, как я жить стану? Только мне остается, что в Неву броситься. Чувствую: не могу я делать того, чем жила; зарежьте меня, с голоду буду умирать, не стану делать. Видите, значит, у меня давно была к нему любовь, но как он не показывал ко мне никакого чувства и надежды у меня не было, чтобы я могла ему понравиться, то эта любовь и замирала во мне, и я сама не понимала, что она во мне есть. А теперь это все и обнаружилось. А это разумеется, что когда такую любовь чувствуешь, как же можно на кого-нибудь и смотреть, кроме того, кого любишь. Это вы по себе чувствуете, что нельзя. Тут уж все пропадает, кроме одного человека. Вот сижу я и плачу: что я теперь буду делать, нечем мне жить. Уж я и в самом деле думала: пойду к нему, увижусь еще раз с ним да пойду после того и утоплюсь. Так все утро проплакала. Только вдруг вижу, он вошел, и бросился меня целовать, и говорит: «Настенька, хочешь со мною жить?» И я сказала, что я думала. И стали мы с ним жить.

Вот было счастливое время, Вера Павловна; я думаю, мало кто таким счастьем пользовался. И все-то он на меня любовался! Сколько раз случалось: проснусь, а он сидит за книгой, потом подойдет посмотреть на меня, да так и забудется, все сидит да смотрит. Но только какой он был скромный, Вера Павловна; ведь уж я после могла понимать, ведь я стала читать, узнала, как в романах любовь описывают, могла судить. Но только, при всей скромности, уж как он любовался на меня! И какое в это время чувство, когда любимый человек на тебя любуется: это такая радость, о какой и понятия нельзя иметь. Уж на что, когда он меня в первый раз поцеловал: у меня даже голова закружилась, я так и опустилась к нему на руки, кажется сладкое должно быть чувство, но не то, все не то. То, знаете, кровь кипит, тревожно что-то, и в сладком чувстве есть как будто какое-то мученье, так что даже тяжело это, хотя нечего и говорить, какое это блаженство, что за такую минуту можно, кажется, жизнью пожертвовать, — да и жертвуют, Вера Павловна; значит, большое блаженство, а все не то, совсем не то. Это все равно, как если, когда замечтаешься, сидя одна, просто думаешь: «Ах, как я его люблю», так ведь тут уж ни тревоги, ни боли никакой нет в этой приятности, а так ровно, тихо чувствуешь, так вот то же самое, только в тысячу раз сильнее, когда этот любимый человек на тебя любуется; и как это спокойно чувствуешь, а не то, что сердце стучит, нет, это уж тревога была бы, этого не чувствуешь, а только оно как-то ровнее, и с приятностью, и так мягко бьется, и грудь шире становится, дышится легче, вот это так, это самое верное:

дышать очень легко. Ах, как легко! так что и час, и два пролетят, будто одна минута, нет, ни минуты, ни секунды нет, вовсе времени нет, все равно как уснешь и проснешься: проснешься — знаешь, что много времени прошло с той поры, как уснул; а как это время прошло? — и ни одного мига не составило; и тоже, все равно как после сна, не то что утомленье, а напротив, свежесть, бодрость, будто отдохнул; да так и есть, что отдохнул; я сказала «очень легко дышать», это и есть самое настоящее. Какая сила во взгляде, Вера Павловна: никакие другие ласки так не ласкают и не дают такой неги, как взгляд. Все остальное, что есть в любви, все не так нежно, как эта нега.

И все, бывало, любуется, все, бывало, любуется. Ах, что это за наслаждение такое! Этого никто не может представить, кто не испытывал. Да вы это знаете, Вера Павловна.

И как это не устанет он целовать глаза, руки, потом станет целовать грудь, ноги, всю, и ведь мне не стыдно: а ведь я и тогда была потом уж такая же, как теперь. Вы знаете, Вера Павловна, ведь я и женского взгляда стыжусь, право; наши девушки скажут вам, какая я застенчивая, ведь я потому и живу в особой комнате. А как же это странно, вы не поверите, что, когда он на меня любуется и целует, мне вовсе не было стыдно, а только так приятно, и так легко дышится; отчего ж это, Вера Павловна, что я своих девушек стыжусь, а его взгляда мне не стыдно? Это, я думаю, не оттого ли, что ведь он мне уж и не казался другим человеком, а как будто мы оба один человек; это как будто не он на меня смотрит, а я сама на себя смотрю, это не он меня целует, а я сама себя целую, — право, так мне представлялось; оттого мне и не стыдно. Да вы это знаете, вам не нужно этого рассказывать. А только как подумаешь об этом, то не можешь оторваться от этой мысли. Нет, я уж уйду, Вера Павловна, больше и говорить ни о чем нельзя. Я только хотела сказать, какой Сашенька добрый.

XV

Крюкова досказала Вере Павловне свою историю уже в другие дни. Они с Кирсановым прожили около двух лет. Признаки начинавшейся болезни как будто исчезли. Но в конце второго года, когда пришла весна, чахотка вдруг обнаружилась уже в сильном развитии. Жить с Кирсановым значило бы Крюковой обрекать себя на скорую смерть. Отказавшись от этой связи, она могла еще рассчитывать, что болезнь опять заглохнет надолго. Они решились расстаться. Заниматься какою-нибудь усидчивою работою также значило бы губить себя. Надобно было искать должности экономки, горничной, няньки — что-нибудь такое, — и у такой госпожи, при которой не было бы утомительных обязанностей, да не было бы — это главное — и неприятностей: условия довольно редкие. Но нашлось такое место. У Кирсанова были знакомства между начинающими артистами; через них Крюкова определилась в горничные к одной из актрис русского

театра, отличной женщине. Долго расставались они с Кирсановым и не могли расстаться: «завтра отправляюсь на свою должность», и одно завтра проходило за другим: плакали, плакали, и все сидели обнявшись, пока уже сама актриса, знавшая, по какому случаю поступает к ней горничная, приехала за нею сама: догадалась, почему горничная долго не является, и увезла ее от продления разлуки, вредного для нее.

Пока актриса оставалась на сцене, Крюковой было очень хорошо жить у ней: актриса была женщина деликатная, Крюкова дорожила своим местом — другое такое трудно было бы найти; за то, что не имеет неприятностей от госпожи, Крюкова привязалась и к ней; актриса, увидев это, стала еще добрее. Крюковой было очень спокойно, и болезнь ее не развивалась или почти не развивалась. Но актриса вышла замуж, покинула сцену, поселилась в семействе мужа. Тут, как уж и прежде слышала Вера Павловна, отец мужа актрисы стал привязываться к горничной; добродетель Крюковой, положим, и не подвергалась искушению, но началась домашняя ссора: бывшая актриса стала стыдить старика, старик стал сердиться. Крюкова не хотела быть причиною семейного раздора, да если б и хотела, уж не имела спокойной жизни на прежней должности, и бросила ее.

Это было года через два с половиною после разлуки с Кирсановым. Она уже вовсе не виделась с ним в это время. Сначала он навещал ее; но радость свиданья так вредно действовала на нее, что он вытребовал у нее позволения не бывать у ней для ее же пользы. Крюкова попробовала жить горничною еще в двух-трех семействах; но везде было столько тревог и неприятностей, что уж лучше было поступить в швеи, хоть это и было прямым обречением себя на быстрое развитие болезни: ведь болезнь все равно развивалась бы и от неприятностей, — лучше же подвергаться той же судьбе без огорчений, только от одной работы. Год швейной работы окончательно подрезал Крюкову. Когда она поступила в мастерскую Веры Павловны, Лопухов, бывший там домашним врачом, делал все возможное, чтобы задержать ход чахотки, сделал многое, то есть много по трудности того небольшого успеха, который получил; но развязка приближалась.

Крюкова до последнего времени находилась в обыкновенном заблуждении чахоточных, воображая, что ее болезнь еще не слишком развилась, потому и не отыскивала Кирсанова, чтобы не вредить себе. Но уже месяца два она очень настойчиво допрашивала Лопухова, долго ли ей остается жить. Зачем это нужно знать ей, она не сказывала, и Лопухов не почел себя вправе прямо говорить ей о близости кризиса, не видя в ее вопросах ничего, кроме обыкновенной привязанности к жизни. Он успокоивал ее. Но она, как чаще всего случается, не успокоивалась, а только удерживалась от исполнения того, что могло доставить отраду ее концу; сама она видела, что ей недолго жить, и чувства ее определялись этою мыслью, но медик уверял ее, что она еще должна беречь себя;

она знала, что должна верить ему больше, чем себе, потому слушалась и не отыскивала Кирсанова.

Конечно, это недоразумение не могло бы быть продолжительно; по мере приближения развязки расспросы Крюковой делались бы настойчивее; она или высказала бы, что у ней есть особенная причина знать истину, или Лопухов или Вера Павловна догадались бы, что есть какая-то особенная надобность в ее расспросах, и двумя-тремя неделями, быть может несколькими днями позже дело все-таки пришло бы к тому же, к чему пришло несколько раньше, благодаря неожиданному для Крюковой появлению Кирсанова в мастерской. Но теперь недоразумение было прекращено не дальнейшим ходом расспросов, а этим случайным обстоятельством.

— Как я рада, как я рада! ведь я все собиралась к тебе, Сашенька! — с восторгом сказала Крюкова, когда ввела его в свою комнату.

— Да, Настенька, и я не меньше тебя рад: теперь не расстанемся; переезжай жить ко мне, — сказал Кирсанов, увлеченный чувством сострадательной любви, и, сказавши, тотчас же вспомнил: как же я сказал ей это? ведь она, вероятно, еще не догадывается о близости кризиса?

Но она или не поняла в первую минуту того смысла, который выходил из его слов, или поняла, но не до того ей было, чтобы обращать внимание на этот смысл, и радость о возобновлении любви заглушила в ней скорбь о близком конце, — как бы то ни было, но она только радовалась и говорила:

— Какой ты добрый, ты все по-прежнему любишь меня.

Но когда он ушел, она поплакала; только теперь она или поняла, или могла заметить, что поняла смысл возобновления любви, что «мне теперь уж нечего беречь тебя, не сбережешь; по крайней мере, пусть ты порадуешься».

И действительно, она порадовалась: он не отходил от нее ни на минуту, кроме тех часов, которые должен был проводить в гошпитале и Академии; так прожила она около месяца, и все время были они вместе, и сколько было рассказов, рассказов обо всем, что было с каждым во время разлуки, и еще больше было воспоминаний о прежней жизни вместе, и сколько было удовольствий: они гуляли вместе, он нанял коляску, и они каждый день целый вечер ездили по окрестностям Петербурга и восхищались ими; человеку так мила природа, что даже этою жалкою, презренною, хоть и стоившею миллионы и десятки миллионов, природою петербургских окрестностей радуются люди; они читали, они играли в дурачки, они играли в лото, она даже стала учиться играть в шахматы, как будто имела время выучиться.

Вера Павловна несколько раз просиживала у них поздние вечера по их возвращении с гулянья, а еще чаще заходила по утрам, чтобы развлечь ее, когда она оставалась одна; и когда они были одни вдвоем, у Крюковой только одно и было содержание длинных, страстных рассказов — какой Сашенька добрый, и какой нежный, и как он любит ее!

XVI

Прошло месяца четыре. Заботы о Крюковой, потом воспоминания о ней обманули Кирсанова: ему казалось, что теперь он безопасен от мыслей о Вере Павловне; он не избегал ее, когда она, навещая Крюкову, встречалась и говорила с ним, и потом, когда она старалась развлечь его. Пока он грустил, оно и точно, в его сознательных чувствах к Вере Павловне не было ничего, кроме дружеской признательности за ее участие.

Но — читатель уже знает вперед смысл этого «но», как и всегда будет вперед знать, о чем будет рассказываться после страниц, им прочтенных, — но, разумеется, чувство Кирсанова к Крюковой при их второй встрече было вовсе не то, как у Крюковой к нему: любовь к ней давным-давно прошла в Кирсанове; он только остался расположен к ней, как к женщине, которую когда-то любил. Прежняя любовь его к ней была только жаждой юноши полюбить кого-нибудь, хоть кого-нибудь. Разумеется, Крюкова была ему не пара, потому что они не были пара между собою по развитию. Когда он перестал быть юношею, он мог только жалеть Крюкову, не больше; мог быть нежен к ней по воспоминанию, по состраданию — и только. Грусть его по ней в сущности очень скоро сгладилась; но когда грусть рассеялась на самом деле, ему все еще помнилось, что он занят этою грустью, а когда он заметил, что уже не имеет грусти, а только вспоминает о ней, он увидел себя в таких отношениях к Вере Павловне, что нашел, что попал в большую беду.

Вера Павловна старалась развлекать его, и он поддавался этому, считая себя безопасным или, лучше сказать, и не вспоминая, что ведь он любит Веру Павловну, не вспоминая, что, поддаваясь ее заботливости, он идет на беду. Да и что же было теперь, через два-три месяца после того, как Вера Павловна стала развлекать его от грусти по Крюковой? Ничего больше, кроме того, что он все это время почти каждый вечер или проводил у Лопуховых, или провожал куда-нибудь Веру Павловну, провожал часто вместе с мужем, чаще — один. Только и было. Но этого было слишком довольно и для нее, не только для него.

Какой был теперь характер дня Веры Павловны? До вечера тот же самый, как и прежде. Но вот шесть часов. Бывало она в это время идет одна в свою мастерскую или сидит в своей комнате и работает одна. А теперь, если ей нужно быть в мастерской вечером, об этом уже накануне сказано Кирсанову, и он является провожать ее. По дороге туда и оттуда, впрочем очень не дальней, они толкуют о чем-нибудь, обыкновенно о мастерской: Кирсанов самый деятельный ее помощник по мастерской. Там она занята распоряжениями, и у него тоже много дела: разве мало набирается у тридцати девушек справок и поручений, которые удобнее всего исполнить ему? А между этих дел он сидит, болтает с детьми; тут же несколько девушек участвуют в этом разговоре обо всем на свете — и о том, как хороши арабские сказки «Тысяча и одна ночь», из которых он

много уже рассказал, и о белых слонах, которых так уважают в Индии, как у нас многие любят белых кошек: половина компании находит, что это безвкусие, — белые слоны, кошки, лошади [86] — всё это альбиносы, болезненная порода, по глазам у них видно, что они не имеют такого отличного здоровья, как цветные; другая половина компании отстаивает белых кошек. «А не знаете ли вы чего-нибудь поподробнее о жизни самой г-жи Бичер-Стоу, роман которой мы все знаем по вашим рассказам?» [87] — говорит одна из взрослых собеседниц; нет, Кирсанов теперь не знает, но узнает, это ему самому любопытно, а теперь он может пока рассказать кое-что о Говарде, который был почти такой же человек, как г-жа Бичер-Стоу.[88] Так идут то рассказы Кирсанова, то споры Кирсанова с компаниею, детская половина которой постоянно одна и та же, а взрослая половина беспрестанно переменяется. Но вот Вера Павловна кончила свои дела, она возвращается с ним домой к чаю, и они долго сидят втроем после чаю; теперь Вера Павловна и Дмитрий Сергеич просидят вместе гораздо больше времени, чем когда не было тут же Кирсанова. Почти каждый из вечеров, которые они проводят только втроем, устроивается на час и даже часа на два музыка: Дмитрий Сергеич играет, Вера Павловна поет, Кирсанов сидит и слушает; иногда Кирсанов играет, тогда Дмитрий Сергеич поет вместе с женою. Но теперь часто случается, что Вера Павловна спешит из мастерской, чтобы успеть одеться в оперу: теперь они очень часто бывают в опере, наполовину втроем, наполовину один Кирсанов с Верою Павловною. И, кроме того, у Лопуховых чаще прежнего стали бывать гости; прежде, не считая молодежи — какие ж это гости, молодежь? это племянники только, — бывали почти только Мерцаловы; теперь Лопуховы сблизились еще с двумя-тремя такими же милыми семействами. Мерцаловы и еще два семейства положили каждую неделю поочередно иметь маленькие вечера с танцами, в своем кругу, — бывает по 6 пар, даже по 8 пар танцующих. Лопухов без Кирсанова не бывает почти никогда ни в опере, ни в знакомых семействах, но Кирсанов часто один провожает Веру Павловну в этих выездах. Лопухов говорит, что хочет остаться в своем пальто, на своем диване. Поэтому только половину вечеров проводят они втроем, но эти вечера уже почти без перерыва втроем; правда, когда у Лопуховых нет никого, кроме Кирсанова, диван часто оттягивает Лопухова из зала, где рояль; рояль теперь передвинут из комнаты Веры Павловны в зал, но это мало спасает Дмитрия Сергеича: через четверть часа, много через полчаса Кирсанов и Вера Павловна тоже бросили рояль и сидят подле его дивана; впрочем, Вера Павловна недолго сидит подле дивана; она скоро устроивается полуприлечь на диване, так, однако, что мужу все-таки просторно сидеть: ведь диван широкий; то есть не совсем уж просторно, но она обняла мужа одною рукою, поэтому сидеть ему все-таки ловко.

Вот таким-то образом прошло месяца три и побольше.

Идиллия нынче не в моде, и я сам вовсе не люблю ее, то есть лично

я не люблю, как не люблю гуляний, не люблю спаржи, — мало ли до чего я не охотник? ведь нельзя же одному человеку любить все блюда, все способы развлечений; но я знаю, что эти вещи, которые не по моему личному вкусу, очень хорошие вещи, что они по вкусу, или были бы по вкусу, гораздо большему числу людей, чем те, которые, подобно мне, предпочитают гулянью — шахматную игру, спарже — кислую капусту с конопляным маслом; я знаю даже, что у большинства, которое не разделяет моего вкуса к шахматной игре и радо было бы не разделять моего вкуса к кислой капусте с конопляным маслом, что у него вкусы не хуже моих, и потому я говорю: пусть будет на свете как можно больше гуляний, и пусть почти совершенно исчезнет из света, останется только античною редкостью для немногих подобных мне чудаков кислая капуста с конопляным маслом!

Точно так я знаю, что для огромного большинства людей, которые ничуть не хуже меня, счастье должно иметь идиллический характер, и я восклицаю: пусть станет господствовать в жизни над всеми другими характерами жизни идиллия. Для немногих чудаков, которые не охотники до нее, будут другие характеры счастья, а большинству нужна идиллия. А что идиллия не в моде и потому люди чуждаются ее, так ведь это не возражение: они чуждаются ее, как лисица в басне чуждалась винограда. Им кажется, что идиллия недоступна, потому они и придумали: «пусть она будет не в моде».

Но чистейший вздор, что идиллия недоступна: она не только хорошая вещь почти для всех людей, но и возможная, очень возможная; ничего трудного не было бы устроить ее, но только не для одного человека или не для десяти человек, а для всех. Ведь и итальянская опера — вещь невозможная для пяти человек, а для целого Петербурга — очень возможная, как всем видно и слышно; ведь и «Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя. Москва 1861 г.» [89] вещь невозможная для десяти человек, а для всей публики очень возможная и недорогая, как всем известно. Но пока итальянской оперы для всего города нет, можно лишь некоторым, особенно усердным меломанам пробавляться кое-какими концертами, и пока 2-я часть «Мертвых душ» не была напечатана для всей публики,[90] только немногие, особенно усердные любители Гоголя изготовляли, не жалея труда, каждый для себя, рукописные экземпляры ее. Рукопись не в пример хуже печатной книги, кое-какой концерт очень плох перед итальянской оперой, а все-таки хороша, все-таки хорош.

XVII

Если бы кто посторонний пришел посоветоваться с Кирсановым о таком положении, в каком Кирсанов увидел себя, когда очнулся, и если бы Кирсанов был совершенно чужд всем лицам, которых касается дело, он

сказал бы пришедшему советоваться: «поправлять дело бегством — поздно; не знаю, как оно разыграется, но для вас бежать или оставаться — одинаково опасно, а для тех, о спокойствии которых вы заботитесь, ваше бегство едва ли не опаснее, чем то, чтобы вы оставались».

Разумеется, Кирсанов сказал бы это только такому человеку, как он сам или как Лопухов, человеку твердого характера и неизменной честности. С другими людьми бесполезно рассуждать о подобных положениях, потому что эти другие люди непременно поступают в таких случаях дрянно и мерзко: осрамят женщину, обесчестятся сами и потом идут по всей своей компании хныкать или хвастаться, услаждаться своею геройскою добродетелью или амурною привлекательностью. С такими людьми ни Лопухов, ни Кирсанов не любили толковать о том, как следует поступать людям благородным. Но говоря человеку своего закона, что бежать теперь чуть ли уже не хуже, чем оставаться, Кирсанов был бы прав. При этом подразумевалось бы: «Я знаю, как стал бы ты держать себя, оставаясь: ведь так, чтобы ничем не обнаружить своего чувства, потому что только в этом случае ты и не будешь негодяем, оставаясь. Задача в том, чтобы как можно более не нарушать спокойствия женщины, жизнь которой идет хорошо. Чтобы оно не нарушилось, этого, кажется, уже невозможно сделать. Чувство, несогласное с ее нынешними отношениями, уже, вероятно, — да чего тут, вероятно, проще говоря: без всякого сомнения, — возникло в ней, только она еще не замечает его. Скоро или нет оно обнаружится в ней для нее самой без всякого вызова с твоей стороны, неизвестно. Но твое удаление будет вызовом ему обнаружиться. Стало быть, твое удаление только ускорит дело, которого ты хочешь избежать».

Но Кирсанов рассуждал о деле не как посторонний человек, а как участник. Ему представлялось, что удалиться труднее, чем оставаться; чувство влечет его остаться, следовательно остаться — не будет ли значить поддаться чувству, обольститься его внушениями? Какое право он имеет так безусловно верить, что ни словом, ни взглядом не обнаружит своего чувства, не сделает вызова? Потому вернее будет удалиться. В своем деле мудрено различить, насколько рассудок обольщается софизмами влечения, потому что честность говорит: поступай наперекор влечению, тогда у тебя больше шансов, что ты поступишь благородно. Это в переводе с теоретического языка на обыкновенный; а теория, которой держался Кирсанов, считает такие пышные слова, как благородство, двусмысленными, темными, и Кирсанов по своей терминологии выразился бы так: «Всякий человек эгоист, я тоже; теперь спрашивается: что для меня выгоднее, удалиться или оставаться? Удаляясь, я подавляю в себе одно частное чувство; оставаясь, я рискую возмутить чувство своего человеческого достоинства глупостью какого-нибудь слова или взгляда, внушенного этим отдельным чувством. Отдельное чувство может быть подавлено, и через несколько времени мое спокойствие восстановится, я опять буду дово-

лен своею жизнью. А если я раз поступлю против всей своей человеческой натуры, я навсегда утрачу возможность спокойствия, возможность довольства собою, отравлю всю свою жизнь. Мое положение вот какое: я люблю вино, и передо мною стоит кубок с очень хорошим вином; но есть у меня подозрение, что это вино отравлено. Узнать, основательно или нет мое подозрение, я не могу. Должен ли я пить этот кубок, или опрокинуть его, чтобы он не соблазнял меня? Я не должен называть своего решения ни благородным, ни даже честным, — это слишком громкие слова, я должен назвать его только расчетливым, благоразумным: я опрокидываю кубок. Через это я отнимаю у себя некоторую приятность, делаю себе некоторую неприятность, но зато обеспечиваю себе здоровье, то есть возможность долго и много пить такое вино, о котором я наверное знаю, что оно не отравлено. Я поступаю неглупо, вот и вся похвала мне».

XVIII

Каким же манером удалиться? Прежняя штука — притвориться обиженным, выставить какую-нибудь пошлую сторону характера, чтобы опереться на нее, — не годится: два раза на одном и том же не проведешь; вторая такая история лишь раскрыла бы смысл первой, показала бы его героем не только новых, но и прежних времен. Да и вообще от всякого быстрого перерыва отношений надобно отказаться; такое удаление было бы легче, но оно было бы эффектно, возбудило бы внимание, то есть было бы теперь пошлостью и низостью (по кирсановской теории эгоизма — глупостью, нерасчетом). Потому остается только один, самый мудреный и мучительный способ: тихое отступление медленным, незаметным образом, так чтоб и не заметили, что он удаляется. Тяжеловато и очень хитро это дело: уйти из виду так, чтобы не заметили твоего движения, когда смотрят на тебя во все глаза, а нечего делать, надобно действовать так. А впрочем, по кирсановской теории, это и не мучительно, а даже приятно; ведь чем труднее дело, тем больше радуешься (по самолюбию) своей силе и ловкости, исполняя его удачно.

И действительно, он исполнил его удачно: не выдал своего намерения ни одним недомолвленным или перемолвленным словом, ни одним взглядом; по-прежнему он был свободен и шутлив с Верою Павловною, попрежнему было видно, что ему приятно в ее обществе; только стали встречаться разные помехи ему бывать у Лопуховых так часто, как прежде, оставаться у них целый вечер, как прежде, да как-то выходило, что чаще прежнего Лопухов хватал его за руку, а то и за лацкан сюртука со словами: «нет, дружище, ты от этого спора не уйдешь так вот сейчас» — так что все бо́льшую и бо́льшую долю времени, проводимого у Лопуховых, Кирсанову приводилось просиживать у дивана приятеля. И все это устраивалось так постепенно, что вовсе и незаметно было, как развивалась

перемена. Помехи являлись, и Кирсанов не только не выставлял их, а, напротив, жалел (да и то лишь иногда, жалеть часто не годилось бы), что встретилась такая помеха; помехи являлись всё такие натуральные, неизбежные, что частенько сами Лопуховы гнали его от себя, напоминая, что он забыл обещание ныне быть дома, потому что у него хотели быть такой-то и такой-то из знакомых, от которых ему не удалось отвязаться... Или он забыл, что если ныне он не будет у такого-то, этот такой-то оскорбится; или он забыл, что у него к завтрашнему утру остается работы часа на четыре, по крайней мере: что ж он, хочет не спать нынешнюю ночь? — ведь уж 10 часов, нечего ему балагурить, пора ему отправляться за работу. Кирсанов даже не всегда слушался этих напоминаний: не поедет он к этому знакомому, пусть сердится этот господин; или: работа не уйдет, время еще есть, а он досидит вечер здесь. А помехи всё накоплялись: и ученые занятия всё неотступнее отнимали у Кирсанова вечер за вечером — провалились бы они, по его мнению (изредка выражаемому вскользь), эти ученые занятия, — и знакомые тоже навязывались на него все больше, и как только они навязываются (это выражается тоже изредка, вскользь) — удивительно, как они навязываются! Это ему так кажется, а Лопуховым очень видно, почему так: он входит в известность, вот и является все больше и больше людей, которым он нужен; и работою нельзя ему пренебрегать, напрасно он начинает полениваться, — да чего, он вовсе изленился в предыдущие месяцы, вот ему и скучно приниматься за нее: — «А надобно, брат Александр». — «Пора, Александр Матвеич!»

Труден был маневр, на целые недели надобно было растянуть этот поворот налево кругом и повертываться так медленно, так ровно, как часовая стрелка: смотрите на нее, как хотите, внимательно, не увидите, что она поворачивается, а она себе исподтишка делает свое дело, идет в сторону от прежнего своего положения. Зато и какое же наслаждение было Кирсанову, как теоретику, любоваться своею ловкостью на практике. Эгоисты и материалисты, ведь они всё делают собственно только в удовольствие себе. Да, и Кирсанов мог, положа руку на сердце, сказать, что он делает свою штуку в удовольствие себе: он радовался на свое искусство и молодечество.

Так прошел месяц, может быть несколько и побольше, и если бы кто сосчитал, тот нашел бы, что в этот месяц ни на волос не уменьшилась его короткость с Лопуховыми, но вчетверо уменьшилось время, которое проводит он у них, а в этом времени наполовину уменьшилась пропорция времени, которое проводит он с Верою Павловною. Еще какой-нибудь месяц, и при всей неизменности дружбы друзья будут мало видеться — и дело будет в шляпе.

Зорки глаза у Лопухова — неужели он ничего не замечает?

— Нет, ничего.

А Вера Павловна? И Вера Павловна ничего не замечает. И в себе

ничего не замечает? И в себе ничего не замечает Вера Павловна; только снится Вере Павловне сон.

XIX

ТРЕТИЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

И снится Вере Павловне сон:

После чаю, поболтавши с «миленьким», пришла она в свою комнату и прилегла, — не спать, спать еще рано, куда же, только еще половина девятого, нет, она еще не раздевалась, — а только так, легла читать. Вот она и читает на своей кроватке, только книга опускается от глаз, и думается Вере Павловне: «Что это, в последнее время стало мне несколько скучно иногда? или это не скучно, а так? да, это не скучно, а только я вспомнила, что ныне я хотела ехать в оперу, да этот Кирсанов, такой невнимательный, поздно поехал за билетом: будто не знает, что когда поет Бозио,[91] то нельзя в 11 часов достать билетов в 2 рубля. Конечно, его нельзя винить: ведь он до 5 часов работал, наверное до 5, хоть и не признался... а все-таки он виноват. Нет, вперед лучше буду просить «миленького» брать билеты и в оперу ездить буду с миленьким: миленький никогда этого не сделает, чтоб я осталась без билета, а ездить со мною он всегда будет рад, ведь он у меня такой милый, мой миленький. А через этого Кирсанова пропустила «Травиату» [92] — это ужасно! Я бы каждый вечер была в опере, если бы каждый вечер была опера — какая-нибудь, хоть бы сама по себе плохая, с главною ролью Бозио. Если б у меня был такой голос, как у Бозио, я, кажется, целый день пела бы. А если бы познакомиться с нею? Как бы это сделать? Этот артиллерист хорош с Тамберликом,[93] нельзя ли через него? Нет, нельзя. Да и какая смешная мысль! Зачем знакомиться с Бозио? разве она станет петь для меня? Ведь она должна беречь свой голос.

А когда ж это Бозио успела выучиться по-русски? И как чисто она произносит. Но какие же смешные слова, и откуда она выкопала такие пошлые стишки? да, она, должно быть, училась по той же грамматике, по которой я: там они приведены в пример для расстановки знаков препинания; как это глупо, приводить в грамматике такие стихи, и хоть бы стихи-то были не так пошлы; но нечего думать о стихах, надобно слушать, как она поет: —

Час наслажденья
    Лови, лови;
Младые лета
    Отдай любви...[94]

Какие смешные слова: и «младые» и «лета» с неверным ударением! [95] Но какой голос, и какое чувство у ней! Да, у ней голос стал гораздо лучше прежнего, несравненно лучше, удивительно! Как же это он

мог стать так много лучше? Да, вот я не знала, как с нею познакомиться, а она сама приехала ко мне с визитом. Как это она узнала мое желанье?

— Да ведь ты давно зовешь меня, — говорит Бозио, и говорит по-русски.

— Я тебя звала, Бозио? Да как же я могла звать тебя, когда я с тобою незнакома? Но я очень, очень рада видеть тебя.

Вера Павловна раскрывает полог, чтобы подать руку Бозио, но певица хохочет, да ведь это не Бозио, а скорее де-Мерик[96] в роли цыганки в «Риголетто», но только веселость хохота де-Мерик, а голос Бозио, и отбегает, и прячется за пологом; как досадно, этот полог прячет ее, и ведь прежде его не было, откуда он взялся.

— Знаешь, зачем я к тебе приехала? — и хохочет, будто де-Мерик, но только Бозио.

— Да кто ж ты? Ведь ты не де-Мерик?

— Нет.

— Ведь ты Бозио?

Певица хохочет: — Узнаешь скоро; а теперь нам надобно заняться тем, за чем я к тебе пришла. Я хочу читать с тобою твой дневник.

— У меня нет никакого дневника, я никогда не вела его.

— А посмотри, что ж это лежит на столике?

Вера Павловна смотрит: на столике у кроватки лежит тетрадь с надписью: «Дневник В. Л.» Откуда взялась эта тетрадь? Вера Павловна берет ее, раскрывает — тетрадь писана ее рукою; когда же?

— Читай последнюю страницу, — говорит Бозио.

Вера Павловна читает: «Опять мне часто приходится сидеть одной по целым вечерам. Но это ничего: я так привыкла».

— Только? — говорит Бозио.

— Только.

— Нет, ты не все читаешь.

— Здесь больше ничего не написано.

— Меня не обманешь, — говорит гостья: — а это что? — Из-за полога протягивается рука. Как хороша эта рука! нет, эта дивная рука не Бозио, и как же эта рука протягивается сквозь полог, не раскрывая полога?

Рука новой гостьи дотрогивается до страницы; под рукою выступают новые строки, которых не было прежде. «Читай», говорит гостья. У Веры Павловны сжимается сердце, она еще не смотрела на эти строки, не знает, что тут написано; но у ней сжимается сердце. Она не хочет читать новых строк.

— Читай, — повторяет гостья.

Вера Павловна читает: «нет, одной теперь скучно. Это прежде не было скучно. Отчего же это прежде не было скучно одной, и отчего теперь скучно?»

— Переверни страницу назад, — говорит гостья.

Вера Павловна перевертывает страницу. «Лето нынешнего года». Кто же так пишет дневники? думается Вере Павловне. Надобно было написать: 1855, июнь или июль, и выставить число, а тут: лето нынешнего года; кто же так пишет в дневниках? «Лето нынешнего года. Мы едем, по обыкновению, за город, на Острова; а в нынешний раз с нами едет миленький; как это приятно мне». Ах, так это август, — какое число? 15 или 12? да, да, около 15-го, это про ту поездку, после которой мой бедный миленький сделался болен, думает Вера Павловна.

— Только?

— Только.

— Нет, ты не все читаешь. А это что? — говорит гостья, и опять сквозь нераскрывающийся полог является дивная рука, опять касается страницы, и опять выступают на странице новые слова, и опять против воли читает Вера Павловна новые слова: «Зачем мой миленький не провожает нас чаще?»

— Переверни еще страницу, — говорит гостья.

«У моего миленького так много занятий, и всё для меня, для меня он работает, мой миленький». Вот и ответ, с радостью думает Вера Павловна.

— Переверни опять страницу.

«Какие честные, благородные люди эти студенты, и как они уважают моего миленького. И мне с ними весело: я с ними, как с братьями, без всякой церемонии».

— Только?

— Только.

— Нет, читай дальше. — И опять является рука, касается страницы, опять выступают новые строки, опять против воли читает Вера Павловна новые строки:

«16 августа», то есть на другой день после прогулки на Острова, ведь она была именно 15-го, думает Вера Павловна: «миленький все время гулянья говорил с этим Рахметовым, или, как они в шутку зовут его, ригористом, и с другими его товарищами. Подле меня едва ли провел он четверть часа», — неправда, больше полчаса, я думаю, да, больше полчаса, я уверена, думает Вера Павловна: «кроме того времени, которое мы сидели рядом в лодке. 17 августа. Вчера весь вечер просидели у нас студенты»; да, это накануне того дня, как миленький занемог, «миленький весь вечер говорил с ними. Зачем он отдает им так много времени, так мало мне? Ведь не все же время он работает, он и сам говорит, что далеко не все время, что без отдыха невозможно работать, что он много отдыхает, думает о чем-нибудь только для отдыха, зачем же он думает один, зачем не со мною?»

— Переверни еще лист.

«Июль нынешнего года, и всякий месяц нынешнего года до болезни миленького, да и в прошлом году то же, и прежде то же. Пять дней тому назад были у нас студенты; вчера то же. Я с ними много шалила, так весело было. Завтра или послезавтра будут опять, опять будет очень весело».

— Только?

— Только.

— Нет, читай дальше, — Опять является рука, касается страницы, опять выступают под рукою новые строки, опять против воли читает их Вера Павловна.

«С начала нынешнего года, особенно с конца весны. Да, это прежде было мне весело с этими студентами, весело, и только. А теперь часто думается: это ребяческие игры, мне долго будут они забавны, вероятно, когда я буду и старуха, когда самой будет уже не по летам играть, я буду любоваться на игры молодежи, напоминающие детство. Но ведь я и теперь смотрю на этих студентов, как на младших братьев, и я не всегда бы хотела превращаться непременно в Верочку, когда хочу отдыха от серьезных мыслей и труда. Ведь я уж Вера Павловна; веселиться, как Верочка, приятно по временам, но не всегда же. Вера Павловна иногда хочет такого веселья, при котором бы оставаться Верою Павловною. Это веселье с ровными по жизни».

— Переверни еще несколько страниц назад.

«Я на днях открываю швейную и отправилась к Жюли просить заказов. Миленький заехал к ней за мной. Она оставила нас завтракать, велела подать шампанского, заставила меня выпить два стакана. Мы с нею начали петь, бегать, кричать, бороться. Так было весело. Миленький смотрел и смеялся».

— Будто только? — говорит гостья, и опять под рукою гостьи выступают новые слова, и опять против воли читает их Вера Павловна:

«Миленький только смотрел и смеялся, Почему ж бы ему не пошалить с нами? Ведь это было бы еще веселее. Разве это было неловко или разве он этого не сумел бы — принять участие в нашей игре? Нет, нисколько не неловко, и он сумел бы. Но у него такой характер. Он только не мешает, он одобряет, радуется, — и только».

— Переверни одну страницу вперед.

«Нынче мы с миленьким были в первый раз после моего замужства у моих родных. Мне было так тяжело видеть ту жизнь, которая давила, душила меня до замужства. Миленький мой! От какой отвратительной жизни он меня избавил! Ночью мне приснился страшный сон: будто маменька упрекает меня в неблагодарности и говорит правду, но такую ужасную правду. что я начала стонать. Миленький услышал этот стон и вошел в мою комнату, а я уж пела (все во сне), потому что пришла моя любимая красавица и утешила меня. Миленький был моею горничною. Так было стыдно. Но он такой скромный, только поцеловал мое плечо».

— Будто только написано? Меня не обманешь, читай... — Опять под рукою гостьи выступают новые слова, и Вера Павловна против воли читает их:

«А ведь это даже как будто обидно».

— Переверни несколько страниц назад.

«Ныне я ждала своего друга Д. на бульваре, подле Нового моста:[97] там живет дама, у которой я думала быть гувернанткою. Но она не согласилась. Мы с Д. вернулись домой очень унылые. Я в своей комнате перед обедом все думала, что лучше умереть, чем жить, как я живу теперь, и вдруг, за обедом, Д. говорит: „Вера Павловна, пьем за здоровье моей невесты и вашего жениха“. Я едва могла удержаться, чтобы не заплакать тут же, при всех, от радости такого неожиданного избавления. После обеда мы долго говорили с Д. о том, как мы будем жить. Как я его люблю: он выводит меня из подвала».

— Читай же все.

— Больше ничего нет.

— Смотри. — Опять под рукою гостьи выступают новые строки.

— Я не хочу читать, — в страхе говорит Вера Павловна; она еще не разобрала, что написано на этих новых строках, но ей уже страшно.

— Не можешь не читать, когда я велю: читай!

Вера Павловна читает:

«Так неужели же я люблю его за то, что он выводит меня из подвала? не самого его, а свое избавление из подвала?»

— Переверни еще назад, читай самую первую страницу.

«В день моего рождения, сегодня, я в первый раз говорила с Д. и полюбила его. Я еще ни от кого не слышала таких благородных, утешительных слов. Как он сочувствует всему, что требует сочувствия, хочет помогать всему, что требует помощи; как он уверен, что счастье для людей возможно, что оно должно быть, что злоба и горе не вечно, что быстро идет к нам новая светлая жизнь. Как у меня радостно расширялось сердце, когда я слышала эти уверения от человека ученого, серьезного: ведь ими подтверждались мои мысли... Как добр он был, когда говорил о нас, бедных женщинах. Каждая женщина полюбит такого человека. Как он умен, как он благороден, как он добр!»

— Хорошо. Переверни опять на последнюю страницу.

— Но эту страницу я уж прочла.

— Нет, это еще не последняя. Переверни еще лист.

— Но на этом листе ничего нет.

— Читай же! Видишь, как много на нем написано. — И опять от прикосновения руки гостьи выступили строки, которых не было.

Сердце Веры Павловны холодеет.

— Я не хочу читать, я не могу читать.

— Я велю. Должна.

— Не могу и не хочу.

— Так я тебе прочту, что́ у тебя написано. — Слушай:

«Он человек благородный, он мой избавитель. Но благородством внушается уважение, доверие, готовность действовать заодно, дружба; избавитель награждается признательностию, преданностию. Только. У него натура, быть может, более пылкая, чем у меня. Когда кипит кровь, ласки его жгучи. Но есть другая потребность, потребность тихой, долгой ласки, потребность сладко дремать в нежном чувстве. Знает ли он ее? Сходны ли наши натуры, наши потребности? Он готов умереть для меня, — и я для него. Но довольно ли этого? Мыслями ли обо мне живет он? Мыслями ли о нем живу я? Люблю ли я его такою любовью, какая нужна мне? Прежде я не знала этой потребности тихого, нежного чувства — нет, мое чувство к нему не...»

— Я не хочу слышать больше! — Вера Павловна с негодованием отбрасывает дневник. — Гадкая! злая! зачем ты здесь! Я не звала тебя, уйди!

Гостья смеется тихим, добрым смехом.

— Да, ты не любишь его; эти слова написаны твоею рукою.

— Проклинаю тебя!

Вера Павловна просыпается с этим восклицанием, и быстрее, чем сознала она, что видела только сон и что она проснулась, она уже вскочила, она бежит.

— Мой милый, обними меня, защити меня! Мне снился страшный сон! — Она жмется к мужу. — Мой милый, ласкай меня, будь нежен со мною, защити меня!

— Верочка, что с тобой? — муж обнимает ее. — Ты вся дрожишь. — Муж целует ее. — У тебя на щеках слезы, у тебя холодный пот на лбу. Ты босая бежала по холодному полу, моя милая; я целую твои ножки, чтобы согреть их.

— Да, ласкай меня, спаси меня! мне снился гадкий сон, мне снилось, что я не люблю тебя.

— Милая моя, кого же ты любишь, как не меня? Нет, это пустой, смешной сон!

— Да, я люблю тебя, только ласкай меня, целуй меня, — я тебя люблю, я тебя хочу любить.

Она крепко обнимает мужа, вся жмется к нему и, успокоенная его ласками, тихо засыпает, целуя его.

XX

В это утро Дмитрий Сергеич не идет звать жену пить чай: она здесь, прижавшись к нему; она еще спит; он смотрит на нее и думает: «что это такое с ней, чем она была испугана, откуда этот сон?»

— Оставайся здесь, Верочка, я внесу сюда чай; не вставай, мой дружочек, я подам тебе, ты умоешься не вставая.

— Да, я не буду вставать, я полежу, мне так хорошо здесь: какой ты умный за это, миленький, как я тебя полюбила. Вот я и умылась, теперь неси сюда чай; нет, прежде обними меня! — И Вера Павловна долго не выпускала мужа, обнявши. — Ах, мой миленький, какая я смешная! как я к тебе прибежала! Что теперь подумает Маша? Нет, мы это скроем от нее, что я проснулась у тебя. Принеси мне сюда одеваться. Ласкай меня, мой миленький, ласкай меня, я хочу любить тебя, мне нужно любить! Я буду любить тебя, как еще не любила!

Комната Веры Павловны стоит пустая. Вера Павловна, уж не скрываясь от Маши, поселилась в комнате мужа. «Какой он нежный, какой он ласковый, мой милый, и я могла вздумать, что не люблю тебя? Какая я смешная!»

— Верочка, теперь ты успокоилась, моя милая; скажи же мне, что тебе приснилось третьего дня?

— Ах, пустяки! Мне только и приснилось, чтó я тебе сказала, что ты мало ласкаешь меня. А теперь мне хорошо. Зачем мы не жили с тобою всегда так? Тогда мне не приснился бы этот гадкий сон, страшный, гадкий, я не хочу помнить его!

— Да ведь мы без него не жили бы, как теперь.

— Правда; я ей очень благодарна, этой гадкой: она не гадкая, хорошая.

— Кто «она»? У тебя, кроме прежней красавицы, еще новая подруга?

— Да, еще новая. Ко мне приходила какая-то женщина, с таким очаровательным голосом, гораздо лучше Бозио, а какие руки у нее! Ах, какая дивная красота! Только руку я и видела: сама она пряталась за пологом, мне снилось, что у моей постели, — за то же я ее и бросила, что на ней это приснилось, — что у ней есть полог и что гостья прячется за ним; но какая дивная рука, мой милый! И она пела про любовь и подсказывала мне, что такое любовь. Теперь я поняла, мой милый. Какая была я глупенькая, я не понимала, ведь была девочка, глупенькая девочка?

— Моя милая, ангел мой, всему своя пора. И то, как мы прежде жили с тобою — любовь; и то, как теперь живем, — любовь; одним нужна одна, другим — другая любовь; тебе прежде было довольно одной, теперь нужна другая. Да, ты теперь стала женщиной, мой друг, и что прежде было не нужно тебе, стало нужно теперь.

Проходит неделя, две. Вера Павловна нежится; в своей комнате бывает она теперь только, когда мужа нет дома или когда он работает, — да нет, и когда работает, она часто сидит у него в кабинете; когда заметит, что мешает, что работа требует полного внимания, тогда зачем же

мешать? Но ведь таких работ у каждого мало, бо́льшая часть и ученой работы — чисто механическая; поэтому три четверти времени он видит подле себя жену, и порою они приласкают друг друга. Только одно изобретение было нужно: купить другой диван, поменьше мужнина. И вот Вера Павловна после обеда нежится на своем диванчике; у диванчика сидит муж и любуется на нее.

— Милый мой, зачем ты целуешь мои руки? ведь я этого не люблю.

— Да? я и забыл, что обижаю тебя, ну и буду обижать.

— Миленький мой, ты во второй раз избавляешь меня: спас меня от злых людей, спас меня от себя самой! Ласкай меня, мой милый, ласкай меня!

Проходит месяц. Вера Павловна нежится после обеда на своем широком, маленьком, мягком диванчике в комнате своей и мужа, то есть в кабинете мужа. Он присел на диванчик, а она обняла его, прилегла головой к его груди, но она задумывается; он целует ее, но не проходит задумчивость ее, и на глазах чуть ли не готовы навернуться слезы.

— Верочка, милая моя, что ты задумчива?

Вера Павловна плачет и молчит. Нет, она утерла слезы.

— Нет, не ласкай, мой милый! Довольно. Благодарю тебя! — и она так кротко и искренно смотрит на него. — Благодарю тебя, ты так добр ко мне.

— Добр, Верочка? Что это, как это?

— Добр, мой милый; ты добрый.

Проходит два дня. Вера Павловна опять нежится после обеда, нет, не нежится, а только лежит и думает, и лежит она в своей комнате, на своей кроватке. Муж сидит подле нее, обнял ее, тоже думает.

«Да, это не то. Во мне нет того», думает Лопухов.

«Какой он добрый, какая я неблагодарная!» думает Вера Павловна.

Вот что они думают.

Она говорит:

— Мой милый, иди к себе, занимайся или отдохни, — и хочет сказать, и умеет сказать эти слова простым, не унылым тоном.

— Зачем же, Верочка, ты гонишь меня? мне и здесь хорошо, — и хочет и умеет сказать эти слова простым, веселым тоном.

— Нет, иди, мой милый. Ты довольно делаешь для меня. Иди, отдохни.

Он целует ее, и она забывает свои мысли, и ей опять так сладко и легко дышать.

— Благодарю тебя, мой милый, — говорит она.

А Кирсанов совершенно счастлив. Трудновата была борьба на этот раз, но зато и сколько внутреннего удовольствия доставляла она ему, и

это удовольствие не пройдет вместе с нею, а будет греть его грудь долго, до конца жизни. Он честен. Да. Он сблизил их. Да, в самом деле сблизил. Кирсанов лежит на диване, курит и думает: «Будь честен, то есть расчетлив, не просчитывайся в расчете, помни сумму, помни, что она больше своей части, то есть что твоя человеческая натура сильнее, важнее для тебя, чем каждое отдельное твое стремление, предпочитай же ее выгоды выгодам каждого отдельного твоего стремления, если они как-нибудь разноречат, — вот только и всего, это и называется попросту: будь честен, и все будет отлично. Одно правило, и какое немудрое, вот и весь результат науки, вот и весь свод законов счастливой жизни. Да, счастливы те, которые родились с наклонностью понять это простое правило. И я довольно счастлив в этом отношении. Конечно, я много, вероятно больше, чем натуре, обязан развитию. А постепенно это будет развиваться в обычное правило, внушаемое всем воспитанием, всею обстановкою жизни. Да, тогда будет всем легко жить на свете, вот как теперь мне. Да, я доволен. Надобно, однако, зайти к ним: я не был уж недели три. Пора, хоть это уж и неприятно мне. Меня уж не тянет к ним. Но пора. Заеду на днях на полчаса. Или не отложить ли на месяц? Кажется, можно. Да, отступление сделано вполне, маневры кончены; скрылся из виду, и теперь не заметят, три недели или три месяца не был я у них. А приятно издали думать о людях, с которыми поступил честно. Отдыхаю на лаврах».

А Лопухов еще через два-три дня, тоже после обеда, входит в комнату жены, берет на руки свою Верочку, несет ее на ее оттоманку к себе: «Отдыхай здесь, мой друг», и любуется на нее. Она задремала, улыбаясь; он сидит и читает. А она уж опять открыла глаза и думает:

«Как у него убрана комната: кроме необходимого, ничего нет. Нет, есть и у него свои прихоти: вот огромный ящик сигар, который я ему подарила в прошлом году, он еще стоит цел, ждет своего срока. Да, это его единственная прихоть, одна роскошь — сигары. Нет, вот и еще роскошь: фотография этого старика; какое благородное лицо у старика, какая смесь незлобия и проницательности в его глазах, во всем выражении лица! Сколько хлопот было Дмитрию достать эту фотографию. Ведь портретов Овена нет нигде, ни у кого.[98] Писал три письма, двое из бравших письма не отыскали старика, третий нашел, и сколько мучил его, пока удалась действительно превосходная фотография, и как Дмитрий был счастлив, когда получил ее, и письмо от «святого старика», как он зовет его, письмо, в котором Овен хвалит меня, со слов его. А вот и другая роскошь: мой портрет; полгода он копил деньги, чтобы просить хорошего живописца, и сколько они с этим молодым живописцем мучили меня. Два портрета — и только. Неужели дорого стоило бы купить гравюр и фотографий, как у меня? У него нет и цветов, которых так много в моей комнате; отчего ж ему не нужны цветы, а мне нужны? Неужели оттого, что

я женщина? Что за пустяки! Или это оттого, что он серьезный, ученый человек? Но ведь у Кирсанова и гравюры, и цветы, а он также серьезный и ученый человек.

И почему ему скучно отдавать мне много времени? Ведь я знаю, что это ему стоит усилия. Неужели оттого, что он серьезный и ученый человек? Но ведь Кирсанов... нет, нет, он добрый, добрый, он все для меня сделал, все готов с радостью для меня сделать! Кто может так любить меня, как он? И я его люблю, и я готова на все для него...»

— Верочка, а ты уж не дремлешь, мой милый друг?

— Миленький мой, отчего у тебя в комнате нет цветов?

— Изволь, мой друг, я заведу. Завтра же. Мне просто не случилось подумать об этом, что это хорошо. А это очень хорошо.

— И о чем еще просила бы я тебя: купи себе фотографий, или лучше я тебе куплю на свои деньги и цветов, и фотографий.

— Тогда действительно они будут мне приятны. Я и так люблю их, но тогда мне приятнее будет иметь их. Но, Верочка, ты была задумчива, ты думала о своем сне. Позволишь ли ты мне просить тебя, чтоб ты побольше рассказала мне об этом сне, который так напугал тебя?

— Мой милый, теперь я не думала о нем. И мне так тяжело вспоминать его.

— Но, Верочка, быть может, мне полезно будет знать его.

— Изволь, мой милый. Мне снилось, что я скучаю оттого, что не поехала в оперу, что я думаю о ней, о Бозио; ко мне пришла какая-то женщина, которую я сначала приняла за Бозио и которая все пряталась от меня; она заставила меня читать мой дневник; там было написано все только о том, как мы с тобою любим друг друга, а когда она дотрогивалась рукою до страниц, на них показывались новые слова, говорившие, что я не люблю тебя.

— Прости меня, мой друг, что я еще спрошу тебя: ты только видела во сне?

— Милый мой, если б не только, разве я не сказала бы тебе? Ведь я это тогда же тебе сказала.

Это было сказано так нежно, так искренно, так просто, что Лопухов почувствовал в груди волнение теплоты и сладости, которого всю жизнь не забудет тот, кому счастье дало испытать его. О, как жаль, что немногие, очень немногие мужья могут знать это чувство! Все радости счастливой любви ничто перед ним: оно навсегда наполняет чистейшим довольством, самою святою гордостью сердце человека. В словах Веры Павловны, сказанных с некоторой грустью, слышался упрек; но ведь смысл упрека был: «друг мой, неужели ты не знаешь, что ты заслужил полное мое доверие? Жена должна скрывать от мужа тайные движения своего сердца: таковы уже те отношения, в которых они стоят друг к другу. Но ты, мой милый, держал себя так, что от тебя не нужно утаивать ничего, что мое сердце открыто перед тобою, как передо мною самой».

Это великая заслуга в муже; эта великая награда покупается только высоким нравственным достоинством; и кто заслужил ее, тот вправе считать себя человеком безукоризненного благородства, тот смело может надеяться, что совесть его чиста и всегда будет чиста, что мужество никогда ни в чем не изменит ему, что во всех испытаниях, всяких, каких бы то ни было, он останется спокоен и тверд, что судьба почти не властна над миром его души, что с той поры, как он заслужил эту великую честь, до последней минуты жизни, каким бы ударам ни подвергался он, он будет счастлив сознанием своего человеческого достоинства. Мы теперь довольно знаем Лопухова, чтобы видеть, что он был человек не сентиментальный, но он был так тронут этими словами жены, что лицо его вспыхнуло.

— Верочка, друг мой, ты упрекнула меня, — его голос дрожал, во второй раз в жизни и в последний раз; в первый раз голос его дрожал от сомнения в своем предположении, что он отгадал, теперь дрожал от радости: — ты упрекнула меня, но этот упрек мне дороже всех слов любви. Я оскорбил тебя своим вопросом, но как я счастлив, что мой дурной вопрос дал мне такой упрек! Посмотри, слезы на моих глазах, с детства первые слезы в моей жизни!

Он целый вечер не сводил с нее глаз, и ей ни разу не подумалось в этот вечер, что он делает над собой усилие, чтобы быть нежным, и этот вечер был одним из самых радостных в ее жизни, по крайней мере до сих пор; через несколько лет после того, как я рассказываю вам о ней, у ней будет много таких целых дней, месяцев, годов: это будет, когда подростут ее дети и она будет видеть их людьми, достойными счастья и счастливыми. Эта радость выше всех других личных радостей; что во всякой другой личной радости редкая, мимолетная высокость, то в ней обыкновенный уровень каждого обыкновенного дня. Но это еще в будущем для нее.

XXI

Но когда жена заснула, сидя у него на коленях, когда он положил ее на ее диванчик, Лопухов крепко задумался о ее сне. Для него дело было не в том, любит ли она его; это уж ее дело, в котором и она не властна, и он, как он видит, не властен; это само собою разъяснится, об этом нечего думать иначе, как на досуге, а теперь недосуг, теперь его дело разобрать, из какого отношения явилось в ней предчувствие, что она не любит его.

Не первый раз он долго сидел в этом раздумье: уж несколько дней он видел, что не удержит за собою ее любви. Потеря тяжелая, но что ж делать? Если б он мог изменить свой характер, приобрести то влечение к тихой нежности, какого требовала ее натура, о, тогда, конечно, было бы другое. Но он видел, что эта попытка напрасна. Если наклонность не дана природою или не развита жизнью независимо от намерений самого

человека, этот человек не может создать ее в себе усилием воли, а без влечения ничто не делается так, как надобно. Стало быть, вопрос о нем решен. На это и были потрачены прежние раздумья. А теперь, покончив свое (как эгоист, всегда прежде всего думающий о себе, и о других лишь тогда, когда уже нечего думать о себе), он мог приняться и за чужое, то есть за ее раздумье. Что он может сделать для нее? Она еще не понимает, что в ней происходит, она еще не так много пережила сердцем, как он; что ж, ведь это натурально: она четырьмя годами моложе его, а в начале молодости четыре года много значат. Не может ли он, более опытный, разобрать то, чего не умеет разобрать она? Как же разгадать ее сон?

Скоро у Лопухова явилось предположение: причина ее мыслей должна заключаться в том обстоятельстве, из которого произошел ее сон. В поводе к сну должна находиться какая-нибудь связь с его содержанием. Она говорит, что скучала оттого, что не поехала в оперу. Лопухов стал пересматривать свой и ее образ жизни, и постепенно все для него прояснялось. Бóльшую часть времени, остававшегося у нее свободным, она проводила так же, как он, в одиночестве. Потом началась перемена: она была постоянно развлечена. Теперь опять возобновляется прежнее. Этого возобновления она уже не может принять равнодушно: оно не по ее натуре, оно было бы не по натуре и огромному большинству людей. Особенно загадочного тут нет ничего. От этого было уже очень недалеко до предположения, что разгадка всего — ее сближение с Кирсановым и потом удаление Кирсанова. Отчего ж Кирсанов удалился? Причина выставлялась сама собою: недостаток времени, множество занятий. Но человека честного и развитого, опытного в жизни и в особенности умеющего пользоваться теориею, которой держался Лопухов, нельзя обмануть никакими выдумками и хитростями. Он может сам обманываться от невнимательности, может не обращать внимания на факт: так и Лопухов ошибся, когда Кирсанов отошел в первый раз; тогда, говоря чистую правду, ему не было выгоды, стало быть и охоты усердно доискиваться причины, по которой удалился Кирсанов; ему важно было только рассмотреть, не он ли виноват в разрыве дружбы, ясно было — нет, так не о чем больше и думать; ведь он не дядька Кирсанову, не педагог, обязанный направлять на путь истинный стопы человека, который сам понимает вещи не хуже его. Да и какая ему надобность, в сущности? Разве в отношениях его с Кирсановым было что-нибудь особенно важное для него? Пока ты хорош и хочешь, чтобы я любил тебя, мне очень приятно; нет — мне очень жаль, и ступай, куда хочешь, не все ли равно мне? Что одним глупцом на свете больше или меньше, это составляет мало разницы. Я принимал глупца за хорошего человека, это мне очень обидно, только и всего. Если наши интересы не связаны с поступками человека, его поступки в сущности очень мало занимают нас, когда мы люди серьезные, исключая двух случаев, которые, впрочем, кажутся исключе-

ниями из правила только людям, привыкшим понимать слово «интерес» в слишком узком смысле обыденного расчета. Первый случай — если поступки эти занимательны для нас с теоретической стороны, как психологические явления, объясняющие натуру человека, то есть если мы имеем в них умственный интерес; другой случай — если судьба человека зависит от нас, тут мы были бы виноваты перед собою при невнимательности к его поступкам, то есть если мы имеем в них интерес совести. Но в тогдашних глупых выходках Кирсанова не было ничего такого, что не было бы известно Лопухову за очень обыкновенную принадлежность нынешних нравов; не редкость было и то, что человек, имеющий порядочные убеждения, поддается пошлости, происходящей от нынешних нравов. А чтобы Лопухов мог играть важную роль в судьбе Кирсанова, этого не могло и воображаться Лопухову: с какой стати Кирсанов нуждается в его заботливости? Следовательно: ступай, мой друг, от меня, куда тебе лучше, какая мне надобность думать о тебе? Но теперь не то: действия Кирсанова представлялись имеющими важное отношение к интересам женщины, которую Лопухов любил. Он не мог не подумать о них внимательно. А подумать внимательно о факте и понять его причины — это почти одно и то же для человека с тем образом мыслей, какой был у Лопухова. Лопухов находил, что его теория дает безошибочные средства к анализу движений человеческого сердца, и я, признаюсь, согласен с ним в этом; в те долгие годы, как я считаю ее за истину, она ни разу не ввела меня в ошибку и ни разу не отказалась легко открыть мне правду, как бы глубоко ни была затаена правда какого-нибудь человеческого дела. Правда и то, что теория эта сама-то дается не очень легко: нужно и пожить, и подумать, чтоб уметь понять ее.

Через какие-нибудь полчаса раздумья для Лопухова было ясно все в отношениях Кирсанова к Вере Павловне. Но он долго все сидел и думал все о том же: разъяснять-то предмет было уже нечего, но занимателен был он; открытие было сделано в полной законченности всех подробностей, но было так любопытно, что довольно долго не дало уснуть.

Однако, что ж в самом деле расстроивать свои нервы бессонницею? ведь уж три часа. Если не спится, надобно принять морфия; он принял две пилюли, «вот только взгляну на Верочку». Но вместо того, чтобы подойти и взглянуть, он пододвинул свои кресла к ее диванчику и уселся в них, взял ее руку и поцеловал. «Миленький мой, ты заработался, все для меня; какой ты добрый, как я люблю тебя», проговорила она сквозь сон. Против морфия в достаточном количестве не устоит никакое крушение духа; на этот раз двух пилюль оказалось достаточно, вот уж одолевает дремота. Следовательно, крушение души своею силою приблизительно равнялось, по материалистическому взгляду Лопухова, четырем стаканам крепкого кофе, против которых Лопухову также было мало одной пилюли, а трех пилюль много. Он заснул, смеясь над этим сравнением.

XXII

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

На другой день Кирсанов только что разлегся было сибаритски с сигарою читать для отдыха после своего позднего обеда по возвращении из гошпиталя, как вошел Лопухов.

— Не вовремя гость — хуже татарина, — сказал Лопухов, шутливым тоном, но тон выходил не совсем удачно шутлив. — Я тревожу тебя, Александр; но уж так и быть, потревожься. Мне надобно поговорить с тобою серьезно. Хотелось поскорее, утром проспал, не застал бы. — Лопухов говорил уже без шутки. «Что это значит? Неужели догадался?» подумал Кирсанов. — Поговорим-ко, — продолжал Лопухов, усаживаясь. — Погляди мне в глаза.

«Да, он говорит об *этом,* нет никакого сомнения».

— Слушай, Дмитрий, — сказал Кирсанов еще более серьезным тоном: — мы с тобою друзья. Но есть вещи, которых не должны дозволять себе и друзья. Я прошу тебя прекратить этот разговор. Я не расположен теперь к серьезным разговорам. И никогда не бываю расположен. — Глаза Кирсанова смотрели пристально и враждебно, как будто перед ним человек, которого он подозревает в намерении совершить злодейство.

— Нельзя не говорить, Александр, — продолжал Лопухов, спокойным, но несколько, чуть-чуть глухим голосом: — я понял твои маневры.

— Молчи. Я запрещаю тебе говорить, если не хочешь иметь меня вечным своим врагом, если не хочешь потерять мое уважение.

— Ты когда-то не боялся терять мое уважение, — помнишь? Теперь ведь ясно все. Я тогда не обратил внимания.

— Дмитрий, я прошу тебя уйти, или я ухожу.

— Не можешь уйти. Ты как полагаешь, твоими интересами я занят?

Кирсанов молчал.

— Мое положение выгодно. Твое в разговоре со мною — нет. Я представляюсь совершающим подвиг благородства. Но это все вздор. Мне нельзя иначе поступать, по здравому смыслу. Я прошу тебя, Александр, прекратить твои маневры. Они не ведут ни к чему.

— Как? Неужели было уж поздно? Прости меня, — быстро проговорил Кирсанов, и сам не мог отдать себе отчета, радость или огорчение взволновало его от этих слов «они не ведут ни к чему».

— Нет, ты не так меня понял. Не было поздно. До сих пор еще нет ничего. Что будет, мы увидим. Но теперь еще нечего видеть. Впрочем, Александр, я не понимаю, о чем ты говоришь; и ты точно так же не знаешь, о чем я говорю; мы не понимаем друг друга, — правда? Нам и незачем понимать друг друга, — так? Тебе эти загадки, которых ты не понимаешь, неприятны. Их не было. Я ничего не говорил. Я не имею ничего сказать тебе. Давай сигару: я свои забыл в рассеянности. Закурю,

и начнем рассуждать об ученых вопросах, я только за этим и пришел, — заняться, от нечего делать, ученой болтовней. Как ты думаешь об этих странных опытах искусственного произведения белковины? [99]— Лопухов пододвинул к одному креслу другое, чтобы положить на него ноги, поспокойнее уселся, закуривая сигару и продолжая свою речь. — По-моему, это великое открытие, если оправдается. Ты повторял опыты?

— Нет, но надобно.

— Как ты счастлив, что в твоем распоряжении порядочная лаборатория. Пожалуйста, повтори, повтори повнимательнее. Ведь полный переворот всего вопроса о пище, всей жизни человечества, — фабричное производство главного питательного вещества прямо из неорганических веществ. Величайшее дело, стоит Ньютонова открытия. Ты согласен?

— Конечно. Только сильно сомневаюсь в точности опытов. Раньше или позже, мы до этого дойдем, несомненно; к тому идет наука, это ясно. Но теперь едва ли еще дошли.

— Ты так думаешь? И я точно так же. Значит, наш разговор кончен. До свиданья, Александр. Но, прощаясь, я прошу тебя бывать у нас часто, по-прежнему. До свиданья.

Глаза Кирсанова, все время враждебно и пристально смотревшие на Лопухова, засверкали негодованьем.

— Ты, кажется, хочешь, Дмитрий, чтоб я так и остался с мнением, что у тебя низкие мысли.

— Вовсе я не хочу этого. Но ты должен бывать у нас. Что тут особенного? Ведь мы же с тобою приятели. Что особенного в моей просьбе?

— Я не могу. Ты затеваешь дело безрассудное, поэтому гадкое.

— Я не понимаю, о каком деле ты говоришь, и должен тебе сказать, что этот разговор мне вовсе не нравится, как тебе не нравился за две минуты.

— Я требую объяснения, Дмитрий.

— Незачем. Ничего нет, и объяснять нечего, и понимать нечего. Вздор тебя горячит, только.

— Нет, я не могу так отпустить тебя. — Кирсанов взял за руку Лопухова, хотевшего уходить. — Садись. Ты начал говорить, когда не было нужно. Ты требуешь от меня бог знает чего. Ты должен выслушать.

Лопухов сел.

— Какое право имеешь ты, — начал Кирсанов голосом еще сильнейшего негодования, чем прежде. — Какое право имеешь ты требовать от меня того, что для меня тяжело. Чем я обязан перед тобою? И к чему это? Это нелепость. Постарайся выбить романические бредни из твоей головы. То, что мы с тобою признаем за нормальную жизнь, будет так, когда переменятся понятия, обычаи общества. Оно должно перевоспитаться, это так. Оно и перевоспитывается развитием жизни. Кто перевоспитался, помогает другим, это так. Но пока оно еще не перевоспиталось, не переме-

нилось совершенно, ты не имеешь права рисковать чужою судьбою. Ведь это страшная вещь, ты понимаешь ли, или сошел с ума?

— Нет, я ничего не понимаю, Александр. Я не знаю, о чем ты толкуешь. Тебе угодно видеть какой-то удивительный смысл в простой просьбе твоего приятеля, чтобы ты не забывал его, потому что ему приятно видеть тебя у себя. Я не понимаю, отчего тут приходить в азарт.

— Нет, Дмитрий, в таком разговоре ты не отделаешься от меня шутя. Надобно показать тебе, что ты сумасшедший, задумавший гадкое дело. Мало ли, чего мы с тобою не признаем? Мы не признаем, что пощечина имеет в себе что-нибудь бесчестящее, — это глупый предрассудок, вредный предрассудок, больше ничего. Но имеешь ли право теперь подвергать мужчину тому, чтоб он получил пощечину? Ведь это было бы с твоей стороны низким злодейством, ведь ты отнял бы спокойствие жизни у человека. Понимаешь ли ты это, глупец? Понимаешь ли ты, что если я люблю этого человека, а ты требуешь, чтоб я дал ему пощечину, которая и по-моему и по-твоему вздор, пустяки, — понимаешь ли, что, если ты требуешь этого, я считаю тебя дураком и низким человеком, а если ты заставляешь меня сделать это, я убью тебя или себя, смотря по тому, чья жизнь менее нужна, — убью тебя или себя, а не сделаю этого? Понимаешь ли это, глупец? Я говорю о мужчине и пощечине, которая глупость, но которая пока отнимает спокойствие жизни у мужчины. Кроме мужчин, есть на свете женщины, которые тоже люди; кроме пощечины, есть другие вздоры, по-нашему с тобою и по правде вздоры, но которые тоже отнимают спокойствие жизни у людей. Понимаешь ли ты, что подвергать какого-нибудь человека — ну хоть женщину — какому-нибудь из этих по-нашему с тобою и по правде вздоров, — ну, какому-нибудь, все равно, понимаешь ли ты, что подвергать этому гадко, гнусно, бесчестно? Слышишь, я говорю, что у тебя бесчестные мысли.

— Друг мой, ты говоришь совершенную правду о том, что честно и бесчестно. Но только я не знаю, к чему ты говоришь ее, и не понимаю, какое отношение может она иметь ко мне. Я ровно ничего тебе не говорил ни о каком намерении рисковать спокойствием жизни, чьей бы то ни было, ни о чем подобном. Ты фантазируешь, и больше ничего. Я прошу тебя, своего приятеля, не забывать меня, потому что мне, как твоему приятелю, приятно проводить время с тобою, — только. Исполнишь ты мою приятельскую просьбу?

— Она бесчестна, я сказал тебе. А я не делаю бесчестных дел.

— Это похвально, что не делаешь. Но ты разгорячился из-за каких-то фантазий и пустился в теорию; тебе хочется, видно, теоретизировать попусту, без всякого применения к делу. Давай, и я стану также теоретизировать, тоже совершенно попусту, я предложу тебе вопрос, нисколько не относящийся ни к чему, кроме разъяснения отвлеченной истины, без всякого применения к кому бы то ни было. Если кто-нибудь, без неприятности себе, может доставить удовольствие человеку, то расчет, по моему

мнению, требует, чтобы он доставил его ему, потому что он сам получит от этого удовольствие. Так ли?

— Это вздор, Дмитрий, ты говоришь не то.

— Я ничего не говорю, Александр; я только занимаюсь теоретическими вопросами. Вот еще один. Если в ком-нибудь пробуждается какая-нибудь потребность, — ведет к чему-нибудь хорошему наше старание заглушить в нем эту потребность? Как по-твоему? Не так ли вот: нет, такое старание не ведет ни к чему хорошему. Оно приводит только к тому, что потребность получает утрированный размер, — это вредно, или фальшивое направление, — это и вредно, и гадко, или, заглушаясь, заглушает с собою и жизнь, — это жаль.

— Дело не в том, Дмитрий. Я поставлю этот теоретический вопрос в другой форме: имеет ли кто-нибудь право подвергать человека риску, если человеку и без риска хорошо? Будет время, когда все потребности натуры каждого человека будут удовлетворяться вполне, это мы с тобою знаем; но мы оба одинаково твердо знаем, что это время еще не пришло. Теперь благоразумный человек доволен тем, если ему привольно жить, хотя бы не все стороны его натуры развивались тем положением, в котором ему привольно жить. Я предположу, в смысле отвлеченной гипотезы, что существует такой благоразумный человек. Предположу, что этот человек — женщина; предположу, опять-таки в смысле отвлеченной гипотезы, что это положение, в котором ему привольно жить, — замужство; предположу, что он доволен этим положением, и говорю: при таких данных, по этой отвлеченной гипотезе, кто имеет право подвергать этого человека риску потерять хорошее, которым он доволен, чтобы посмотреть, не удастся ли этому человеку приобрести лучшее, без которого ему легко обойтись? Золотой век — он будет, Дмитрий, это мы знаем, но он еще впереди. Железный проходит, почти прошел, но золотой еще не настал. Если бы, по моей отвлеченной гипотезе, какая-нибудь сильная потребность этого человека, — предположим, ведь это только для примера, потребность любви, — совершенно не удовлетворялась, или удовлетворялась плохо, я ничего не говорил бы против риска, предпринимаемого им самим, но только против такого риска, а никак не против риска, навлекаемого на него кем-нибудь посторонним. А если этот человек находит все-таки хорошее удовлетворение своей потребности, то и сам он не должен рисковать; я предположу, в смысле отвлеченном, что он не хочет рисковать, и говорю: он прав и благоразумен, что не хочет рисковать, и говорю: дурно и безумно поступит тот, кто станет его, не желающего рисковать, подвергать риску. Что ты можешь возразить против этого гипотетического вывода? Ничего. Пойми же, что ты не имеешь права.

— Я на твоем месте, Александр, говорил бы то же, что ты; я, как ты, говорю только для примера, что у тебя есть какое-нибудь место в этом вопросе; я знаю, что он никого из нас не касается, мы говорим только, как ученые, о любопытных сторонах общих научных воззрений,

кажущихся нам справедливыми; по этим воззрениям, каждый судит о всяком деле с своей точки зрения, определяющейся его личными отношениями к делу, я только в этом смысле и говорю, что на твоем месте стал бы говорить точно так же, как ты. Ты на моем месте говорил бы точно так же, как я. С общей научной точки зрения ведь это бесспорная истина. *А* на месте *В* есть *В*; если бы на месте *В* не было *В*, то оно еще не было бы на месте *В*, ему еще недоставало бы чего-нибудь, чтобы быть на месте *В*, — так ведь? Следовательно, тебе против этого возразить нечего, как мне нечего возразить против твоих слов. Но я, по твоему примеру, построю свою гипотезу, тоже отвлеченную, не имеющую никакого применения ни к кому. Прежде положим, что существуют три человека, — предположение, не заключающее в себе ничего невозможного, — предположим, что у одного из них есть тайна, которую он желал бы скрыть и от второго, и в особенности от третьего; предположим, что второй угадывает эту тайну первого и говорит ему: делай то, о чем я прошу тебя, или я открою твою тайну третьему. Как ты думаешь об этом случае?

Кирсанов несколько побледнел и долго крутил усы.

— Дмитрий, ты поступаешь со мною дурно, — произнес он наконец.

— А очень мне нужно с тобою-то поступать хорошо, — ты для меня интересен, что ли? И притом, я не понимаю, о чем ты говоришь. Мы говорили с тобою, как ученый с ученым, предлагали друг другу разные ученые, отвлеченные задачи; мне, наконец, удалось предложить тебе такую, над которою ты задумался, и мое ученое самолюбие удовлетворено. Потому я прекращаю этот теоретический разговор. У меня много работы, не меньше, чем у тебя; итак, до свидания. Кстати, чуть не забыл: так ты, Александр, исполнишь мою просьбу бывать у нас, твоих добрых приятелей, которые всегда рады тебя видеть, бывать так же часто, как в прошлые месяцы?

Лопухов встал.

Кирсанов сидел, рассматривая свои пальцы, будто каждый из них — отвлеченная гипотеза.

— Ты дурно поступаешь со мною, Дмитрий. Я не могу не исполнить твоей просьбы. Но в свою очередь я налагаю на тебя одно условие. Я буду бывать у вас; но, если я отправлюсь из твоего дома не один, ты обязан сопровождать меня повсюду, и чтоб я не имел надобности звать тебя, — слышишь? — сам ты, без моего зова. Без тебя я никуда ни шагу, ни в оперу, ни к кому из знакомых, никуда.

— Не обидно ли мне это условие, Александр? Что ты, по моему мнению, вор, что ли?

— Не в том смысле я говорил. Я такой обиды не нанесу тебе, чтоб думать, что ты можешь почесть меня за вора. Свою голову я отдал бы в твои руки без раздумья. Надеюсь, имею право ждать этого и от тебя. Но о чем я думаю, то мне знать. А ты делай, и только.

— Теперь знаю и я. Да, ты много сделал в этом смысле. Теперь хочешь еще заботливее хлопотать об этом. Что ж, в этом случае ты прав. Да, меня надобно принуждать. Но, как я ни благодарен тебе, мой друг, из этого ничего не выйдет. Я сам пробовал принуждать себя. У меня тоже есть воля, как и у тебя, не хуже твоего маневрировал. Но то, что делается по расчету, по чувству долга, по усилию воли, а не по влечению натуры, выходит безжизненно. Только убивать что-нибудь можно этим средством, как ты и делал над собою, а делать живое — нельзя, — Лопухов расчувствовался от слов Кирсанова: «но о чем я думаю, то мне знать». — Благодарю тебя, мой друг. А что, мы с тобою никогда не целовались, может быть, теперь и есть у тебя охота?

Если бы Лопухов рассмотрел свои действия в этом разговоре как теоретик, он с удовольствием заметил бы: «А как, однако же, верна теория: эгоизм играет человеком. Ведь самое-то главное и утаил, „предположим, что этот человек доволен своим положением"; вот тут-то ведь и надобно было бы сказать: „Александр, предположение твое неверно", а я промолчал, потому что мне невыгодно сказать это. Приятно человеку, как теоретику, наблюдать, какие штуки выкидывает его эгоизм на практике. Отступаешься от дела потому, что дело пропащее для тебя, а эгоизм повертывает твои жесты так, что ты корчишь человека, совершающего благородный подвиг».

Если бы Кирсанов рассмотрел свои действия в этом разговоре как теоретик, он с удовольствием заметил бы: «А как, однако же, верна теория; самому хочется сохранить свое спокойствие, возлежать на лаврах, а толкую о том, что, дескать, ты не имеешь права рисковать спокойствием женщины; а это (ты понимай уж сам) обозначает, что, дескать, я действительно совершал над собою подвиги благородства к собственному сокрушению, для спокойствия некоторого лица и для твоего, мой друг; а потому и преклонись перед величием души моей. Приятно человеку как теоретику наблюдать, какие штуки выкидывает его эгоизм на практике. Отступался от дела, чтобы не быть дураком и подлецом, и возликовал от этого, будто совершил геройский подвиг великодушного благородства; не поддаешься с первого слова зову, чтобы опять не хлопотать над собою и чтобы не лишиться этого сладкого ликования своим благородством, а эгоизм повертывает твои жесты так, что ты корчишь человека, упорствующего в благородном подвижничестве».

Но ни Лопухову, ни Кирсанову недосуг было стать теоретиками и делать эти приятные наблюдения: практика-то приходилась для обоих довольно тяжеловатая.

XXIII

Возобновление частых посещений Кирсанова объяснялось очень натурально: месяцев пять он был отвлечен от занятий и запустил много

работы — потому месяца полтора приходилось ему сидеть над нею, не разгибая спины. Теперь он справился с запущенною работою и может свободнее располагать своим временем. Это было так ясно, что почти не приходилось и объяснять.

Оно действительно было ясно и прекрасно и не возбудило никаких мыслей в Вере Павловне. И с другой стороны, Кирсанов выдерживал свою роль с прежнею безукоризненною артистичностию. Он боялся, что когда придет к Лопуховым после ученого разговора с своим другом, то несколько опростоволосится: или покраснеет от волнения, когда в первый раз взглянет на Веру Павловну, или слишком заметно будет избегать смотреть на нее, или что-нибудь такое; нет, он остался и имел полное право остаться доволен собою за минуту встречи с ней: приятная дружеская улыбка человека, который рад, что возвращается к старым приятелям, от которых должен был оторваться на несколько времени, спокойный взгляд, бойкий и беззаботный разговор человека, не имеющего на душе никаких мыслей, кроме тех, которые беспечно говорит он, — если бы вы были самая злая сплетница и смотрели на него с величайшим желанием найти что-нибудь не так, вы все-таки не увидели бы в нем ничего другого, кроме как человека, который очень рад, что может, от нечего делать, приятно убить вечер в обществе хороших знакомых.

А если первая минута была так хорошо выдержана, то что значило выдерживать себя хорошо в остальной вечер? А если первый вечер он умел выдержать, то трудно ли было выдерживать себя во все следующие вечера? Ни одного слова, которое не было бы совершенно свободно и беззаботно, ни одного взгляда, который не был бы хорош и прост, прям и дружествен, и только.

Но если он держал себя не хуже прежнего, то глаза, которые смотрели на него, были расположены замечать многое, чего и не могли бы видеть никакие другие глаза, — да, никакие другие не могли бы заметить: сам Лопухов, которого Марья Алексевна признала рожденным идти по откупной части, удивлялся непринужденности, которая ни на один миг не изменила Кирсанову, и получал как теоретик большое удовольствие от наблюдений, против воли заинтересовавших его психологическою замечательностью этого явления с научной точки зрения. Но гостья недаром пела и заставляла читать дневник. Слишком зорки становятся глаза, когда гостья шепчет на ухо.

Даже и эти глаза не могли увидеть ничего, но гостья шептала: нельзя ли увидеть тут вот это, хотя тут этого и вовсе нет, как я сама вижу, а все-таки попробуем посмотреть; и глаза всматривались, и хоть ничего не видели, но и того, что всматривались глаза, уже было довольно, чтобы глаза заметили: тут что-то не так.

Вот, например, Вера Павловна с мужем и с Кирсановым отправляются на маленький очередной вечер к Мерцаловым. Отчего Кирсанов не вальсирует на этой бесцеремонной вечеринке, на которой сам Лопухов валь-

сирует, потому что здесь общее правило: если ты семидесятилетний старик, но попался сюда, изволь дурачиться вместе с другими; ведь здесь никто ни на кого не смотрит, у каждого одна мысль — побольше шуму, побольше движенья, то есть побольше веселья каждому и всем, — отчего же Кирсанов не вальсирует? Он начал вальсировать; но отчего он несколько минут не начинал? Неужели стоило несколько минут думать о том, начинать или не начинать такое важное дело? Если бы он не стал вальсировать, дело было бы наполовину открыто тут же. Если бы он стал вальсировать и не вальсировал бы с Верою Павловною, дело вполне раскрылось бы тут же. Но он был слишком ловкий артист в своей роли, ему не хотелось вальсировать с Верою Павловною, но он тотчас же понял, что это было бы замечено, потому от недолгого колебанья, не имевшего никакого видимого отношения ни к Вере Павловне, ни к кому на свете, остался в ее памяти только маленький, самый легкий вопрос, который сам по себе остался бы незаметен даже для нее, несмотря на шепот гостьи-певицы, если бы та же гостья не нашептывала бесчисленное множество таких же самых маленьких, самых ничтожных вопросов.

Почему, например, когда они, возвращаясь от Мерцаловых, условливались на другой день ехать в оперу на «Пуритан» [100] и когда Вера Павловна сказала мужу: «Миленький мой, ты не любишь этой оперы, ты будешь скучать, я поеду с Александром Матвеичем; ведь ему всякая опера наслажденье; кажется, если бы я или ты написали оперу, он и ту стал бы слушать», почему Кирсанов не поддержал мнения Веры Павловны, не сказал, что «в самом деле, Дмитрий, я не возьму тебе билета», почему это? То, что «миленький» все-таки едет, это, конечно, не возбуждает вопроса: ведь он повсюду провожает жену с той поры, как она раз его попросила: «отдавай мне больше времени», с той поры никогда не забывал этого, стало быть ничего, что он едет, это значит все только одно и то же, что он добрый и что его надобно любить, все так, но ведь Кирсанов не знает этой причины, почему ж он не поддержал мнения Веры Павловны? Конечно, это пустяки, почти незамеченные, и Вера Павловна почти не помнит их, но эти незаметные песчинки всё падают и падают на чашку весов, хоть и были незаметны. А, например, такой разговор уже не песчинка, а крупное зерно.

На другой день, когда ехали в оперу в извозчичьей карете (это ведь дешевле, чем два извозчика), между другим разговором сказали несколько слов и о Мерцаловых, у которых были накануне, похвалили их согласную жизнь, заметили, что это редкость; это говорили все, в том числе Кирсанов сказал: «да, в Мерцалове очень хорошо и то, что жена может свободно раскрывать ему свою душу», только и сказал Кирсанов, и каждый из них троих думал сказать то же самое, но случилось сказать Кирсанову, однако зачем он сказал это? Что это такое значит? Ведь если понять это с известной стороны, это будет что такое? Это будет похвала Лопухову, это будет прославление счастья Веры Павловны с Лопуховым; ко-

нечно, это можно было сказать, не думая ровно ни о ком, кроме Мерцаловых, а если предположить, что он думал и о Мерцаловых, и вместе о Лопуховых, тогда это, значит, сказано прямо для Веры Павловны, с какою же целью это сказано?

Это всегда так бывает: если явилось в человеке настроение искать чего-нибудь, он во всем находит то, чего ищет; пусть не будет никакого следа, а он так вот и видит ясный след; пусть не будет и тени, а он все-таки видит не только тень того, что ему нужно, но и все, что ему нужно, видит в самых несомненных чертах, и эти черты с каждым новым взглядом, с каждою новою мыслью его делаются все яснее.

А тут, кроме того, действительно был очень осязательный факт, который таил в себе очень полную разгадку дела: ясно, что Кирсанов уважает Лопуховых; зачем же он с лишком на два года расходился с ними? Ясно, что он человек вполне порядочный; каким же образом произошло тогда, что он выставился человеком пошлым? Пока Вере Павловне не было надобности думать об этом, она и не думала, как не думал Лопухов; а теперь ее влекло думать.

XXIV

Медленно, незаметно для нее самой зрело в ней это открытие. Все накоплялись мелкие, почти забывающиеся впечатления слов и поступков Кирсанова, на которые никто другой не обратил бы внимания, которые ею самою почти не были видимы, а только предполагались, подозревались; медленно росла занимательность вопроса: почему он почти три года избегал ее? медленно укреплялась мысль: такой человек не мог удалиться из-за мелочного самолюбия, которого в нем решительно нет; и за всем этим, неизвестно к чему думающимся, еще смутнее и медленнее поднималась из немой глубины жизни в сознание мысль: почему ж я о нем думаю? что он такое для меня?

И вот однажды после обеда Вера Павловна сидела в своей комнате, шила и думала, и думала очень спокойно, и думала вовсе не о том, а так, об разной разности и по хозяйству, и по мастерской, и по своим урокам, и постепенно, постепенно мысли склонялись к тому, о чем, неизвестно почему, все чаще и чаще ей думалось; явились воспоминания, вопросы мелкие, немногие росли, умножались, и вот они тысячами роятся в ее мыслях, и всё ростут, ростут, и всё сливаются в один вопрос, форма которого все проясняется: что ж это такое со мною? о чем я думаю, что я чувствую? И пальцы Веры Павловны забывают шить, и шитье опустилось из опустившихся рук, и Вера Павловна немного побледнела, вспыхнула, побледнела больше, огонь коснулся ее запылавших щек, — миг, и они побелели, как снег, она с блуждающими глазами уже бежала в комнату мужа, бросилась на колени к нему, судорожно обняла его, положила голову к нему на плечо, чтобы поддержало оно ее голову,

чтобы скрыло оно лицо ее, задыхающимся голосом проговорила: «Милый мой, я люблю его», и зарыдала.

— Что ж такое, моя милая? Чем же тут огорчаться тебе?

— Я не хочу обижать тебя, мой милый, я хочу любить тебя.

— Постарайся, посмотри. Если можешь, прекрасно. Успокойся, дай идти времени — и увидишь, что можешь и чего не можешь. Ведь ты ко мне очень сильно расположена, как же ты можешь обидеть меня?

Он гладил ее волосы, целовал ее голову, пожимал ее руку. Она долго не могла остановиться от судорожных рыданий, но постепенно успокоивалась. А он уже давно был приготовлен к этому признанию, потому и принял его хладнокровно, а впрочем ведь ей не видно было его лица.

— Я не хочу с ним видеться, я скажу ему, чтобы он перестал бывать у нас, — говорила Вера Павловна.

— Как сама рассудишь, мой друг, как лучше для тебя, так и сделаешь. А когда ты успокоишься, мы посоветуемся. Ведь мы с тобою, что бы ни случилось, не можем не быть друзьями? Дай руку, пожми мою, видишь, как хорошо жмешь. — Каждое из этих слов говорилось после долгого промежутка, а промежутки были наполнены тем, что он гладил ее волосы, ласкал ее, как брат огорченную сестру. — Помнишь, мой друг, что ты мне сказала, когда мы стали жених и невеста? «Ты выпускаешь меня на волю»! — Опять молчанье и ласки. — Помнишь, как мы с тобою говорили в первый раз, что значит любить человека? Это значит радоваться тому, что хорошо для него, иметь удовольствие в том, чтобы делать все, что нужно, чтобы ему было лучше, так? — Опять молчание и ласки. — Что тебе лучше, то и меня радует. Но ты посмотришь, как тебе лучше. Зачем же огорчаться? Если с тобою нет беды, какая беда может быть со мною?

В этих отрывочных словах, повторявшихся по многу раз с обыкновенными легкими вариациями повторений, прошло много времени, одинаково тяжелого и для Лопухова, и для Веры Павловны. Но, постепенно успокоиваясь, Вера Павловна стала наконец дышать легче. Она обнимала мужа крепко, крепко и твердила: «Я хочу любить тебя, мой милый, тебя одного, не хочу любить никого, кроме тебя».

Он не говорил ей, что это уж не в ее власти: надобно было дать пройти времени, чтобы силы ее восстановились успокоением на одной какой-нибудь мысли — какой, все равно. Лопухов успел написать и отдать Маше записку к Кирсанову на случай, если он приедет. «Александр, не входи теперь, и не приезжай до времени, особенного ничего нет и не будет, только надобно отдохнуть». Надобно отдохнуть, и нет ничего особенного, — хорошо сочетание слов. Кирсанов был, прочитал записку, сказал Маше, что он за нею только и заезжал, а что теперь войти ему некогда, ему нужно в другое место, а заедет он на возвратном пути, когда исполнит поручение по этой записке.

Вечер прошел спокойно, по-видимому. Половину времени Вера Павловна тихо сидела в своей комнате одна, отсылая мужа, половину времени он сидел подле нее и успокоивал ее все теми же немногими словами, конечно больше не словами, а тем, что голос его был ровен и спокоен, разумеется не бог знает как весел, но и не грустен, разве несколько выражал задумчивость, и лицо также. Вера Павловна, слушая такие звуки, смотря на такое лицо, стала думать, не вовсе, а несколько, нет, не несколько, а почти вовсе думать, что важного ничего нет, что она приняла за сильную страсть просто мечту, которая рассеется в несколько дней, не оставив следа, или она думала, что нет, не думает этого, что чувствует, что это не так? да, это не так, нет, так, так, все тверже она думала, что думает это, — да вот уж она и в самом деле вовсе думает это, да и как не думать, слушая этот тихий, ровный голос, все говорящий, что нет ничего важного? Спокойно она заснула под этот голос, спала крепко и не видала гостьи, и проснулась поздно, и, проснувшись, чувствовала в себе бодрость.

XXV

«Лучшее развлечение от мыслей — работа, — думала Вера Павловна, и думала совершенно справедливо: — буду проводить целый день в мастерской, пока вылечусь. Это мне поможет».

Она стала проводить целый день в мастерской. В первый день, действительно, довольно развлеклась от мыслей; во второй только устала, но уж мало отвлеклась от них, в третий и вовсе не отвлеклась. Так прошло с неделю.

Борьба была тяжела. Цвет лица Веры Павловны стал бледен. Но по наружности она была совершенно спокойна, старалась даже казаться веселою, это даже удавалось ей почти без перерывов. Но если никто не замечал ничего, а бледность приписывали какому-нибудь легкому нездоровью, то ведь не Лопухову же было это думать и не видеть, да ведь он и так знал, ему и смотреть-то было нечего.

— Верочка, — начал он через неделю: — мы с тобою живем, исполняя старое поверье, что сапожник всегда без сапог, платье на портном сидит дурно. Мы учим других жить по нашим экономическим принципам, а сами не думаем устроить по ним свою жизнь. Ведь одно большое хозяйство выгоднее нескольких мелких? Я желал бы применить это правило к нашему хозяйству. Если бы мы стали жить с кем-нибудь, мы и те, кто стал бы с нами жить, стали бы сберегать почти половину своих расходов. Я бы мог вовсе бросить эти проклятые уроки, которые противны мне, — было бы довольно одного жалованья от завода, и отдохнул бы, и занялся бы ученою работою, восстановил бы свою карьеру. Надобно только сходиться с такими людьми, с которыми можно ужиться. Как ты думаешь об этом?

Вера Павловна уж давно смотрела на мужа теми же самыми глазами, подозрительными, разгорающимися от гнева, какими смотрел на него Кирсанов в день теоретического разговора. Когда он кончил, ее лицо пылало.

— Я прошу тебя прекратить этот разговор. Он неуместен.

— Почему же, Верочка? Я говорю только о денежных выгодах. Люди небогатые, как мы с тобою, не могут пренебрегать ими. Моя работа тяжела, часть ее отвратительна для меня.

— Со мною нельзя так говорить, — Вера Павловна встала, — я не позволю говорить с собою темными словами. Осмелься сказать, что ты хотел сказать!

— Я хотел только сказать, Верочка, что, принимая в соображение наши выгоды, нам было бы хорошо...

— Опять! Молчи! Кто дал тебе право опекунствовать надо мною? Я возненавижу тебя! — Она быстро ушла в свою комнату и заперлась.

Это была первая и последняя их ссора.

До позднего вечера Вера Павловна просидела запершись. Потом пошла в комнату мужа.

— Мой милый, я сказала тебе слишком суровые слова. Но не сердись на них. Ты видишь, я борюсь. Вместо того чтобы поддержать меня, ты начал помогать тому, против чего я борюсь, надеясь, — да, надеясь устоять.

— Прости меня, мой друг, за то, что я начал так грубо. Но ведь мы помирились? поговорим.

— О да, помирились, мой милый. Только не действуй против меня. Мне и против себя трудно бороться.

— И напрасно, Верочка. Ты дала себе время рассмотреть свое чувство, ты видишь, что оно серьезнее, чем ты хотела думать вначале. Зачем мучить себя?

— Нет, мой милый, я хочу любить тебя и не хочу, не хочу обижать тебя.

— Друг мой, ты хочешь добра мне. Что ж, ты думаешь, мне приятно или нужно, чтобы ты продолжала мучить себя?

— Мой милый, но ведь ты так любишь меня!

— Конечно, Верочка, очень; об этом что говорить. Но ведь мы с тобою понимаем, что такое любовь. Разве не в том она, что радуешься радости, страдаешь от страданья того, кого любишь? Муча себя, ты будешь мучить меня.

— Так, мой милый; но ведь ты будешь страдать, если я уступлю этому чувству, которое — ах, я не понимаю, зачем оно родилось во мне! я проклинаю его!

— Как оно родилось, зачем оно родилось, — это все равно, этого уже нельзя переменить. Теперь остается только один выбор: или чтобы ты страдала — и я страдал через это; или чтобы ты перестала страдать — и я также.

— Но, мой милый, я не буду страдать — это пройдет. Ты увидишь, это пройдет.

— Благодарю тебя за твои усилия. Я ценю их, потому что они показывают в тебе волю исполнять то, что тебе кажется нужно. Но знай, Верочка: они нужны кажутся только для тебя, не для меня. Я смотрю со стороны, мне яснее, чем тебе, твое положение. Я знаю, что это будет бесполезно. Борись, пока достает силы. Но обо мне не думай, что ты обидишь меня. Ведь ты знаешь, как я смотрю на это; знаешь, что мое мнение на это и непоколебимо во мне, и справедливо на самом деле, — ведь ты все это знаешь. Разве ты обманешь меня? разве ты перестанешь уважать меня? Можно сказать больше: разве твое расположение ко мне, изменивши характер, слабеет? Не напротив ли — не усилится ли оно оттого, что ты не нашла во мне врага? Не жалей меня: моя судьба нисколько не будет жалка оттого, что ты не лишишься через меня счастья. Но довольно. Об этом тяжело много говорить, а тебе слушать еще тяжеле. Только помни, Верочка, что́ я теперь говорил. Прости, Верочка. Иди к себе думать, а лучше почивать. Не думай обо мне, а думай о себе. Только думая о себе, ты можешь не делать и мне напрасного горя.

XXVI

Через две недели, когда Лопухов сидел в своей заводской конторе, Вера Павловна провела все утро в чрезвычайном волнении. Она бросалась в постель, закрывала лицо руками, и через четверть часа вскакивала, ходила по комнате, падала в кресла, и опять начинала ходить неровными, порывистыми шагами, и опять бросалась в постель, и опять ходила, и несколько раз подходила к письменному столу, и стояла у него, и отбегала, и наконец села, написала несколько слов, запечатала, и через полчаса схватила письмо, изорвала, сожгла, опять долго металась, опять написала письмо, опять изорвала, сожгла, и опять металась, опять написала, и торопливо, едва запечатав, не давая себе времени надписать адреса, быстро, быстро побежала с ним в комнату мужа, бросила его на стол, и бросилась в свою комнату, упала в кресла, сидела неподвижно, закрыв лицо руками; полчаса, может быть час, и вот звонок — это он, она побежала в кабинет схватить письмо, изорвать, сжечь — где ж оно? его нет, где ж оно? она торопливо перебирала бумаги: где ж оно? Но Маша уж отворяет дверь, и Лопухов видел от порога, как Вера Павловна промелькнула из его кабинета в свою комнату, расстроенная, бледная.

Он не пошел за ней, а прямо в кабинет; холодно, медленно осмотрел стол, место подле стола; да, уж он несколько дней ждал чего-нибудь подобного, разговора или письма, ну вот оно, письмо, без адреса, но ее печать; ну конечно, ведь она или искала его, чтоб уничтожить, или только что бросила, — нет, искала: бумаги в беспорядке, но где ж ей было найти его, когда она, еще бросая его, была в такой судорожной тревоге, что оно,

порывисто брошенное, как уголь, жегший руку, проскользнуло через весь стол и упало на окно за столом. Читать почти нет надобности: содержание известно; однако все нельзя не прочитать.

«Мой милый, никогда не была я так сильно привязана к тебе, как теперь. Если б я могла умереть за тебя! О, как бы я была рада умереть, если бы ты от этого стал счастливее! Но я не могу жить без него. Я обижаю тебя, мой милый, я убиваю тебя, мой друг, я не хочу этого. Я делаю против своей воли. Прости меня, прости меня».

С четверть часа, а может быть и побольше, Лопухов стоял перед столом, рассматривая там, внизу, ручку кресел. Оно хоть удар был и предвиденный, а все-таки больно; хоть и обдумано, и решено вперед все, что́ и как надобно сделать после такого письма или восклицания, а все-таки не вдруг соберешься с мыслями. Но собрался же наконец. Пошел в кухню объясниться с Машею:

— Маша, вы, пожалуйста, погодите подавать на стол, пока я опять скажу. Мне что-то нездоровится, надобно принять лекарство перед обедом. А вы не ждите, обедайте себе, да не торопясь: успеете, пока мне будет можно. Я тогда скажу.

Из кухни он пошел к жене. Она лежала, спрятавши лицо в подушки, при его входе встрепенулась:

— Ты нашел его, прочитал его! Боже мой, какая я сумасшедшая! Это неправда, что я написала, это горячка!

— Конечно, мой друг, этих слов не надобно принимать серьезно, потому что ты была слишком взволнована. Эти вещи так не решаются. Мы с тобой успеем много раз подумать и поговорить об этом спокойно, как о деле важном для нас. А я, мой друг, хочу покуда рассказать тебе о своих делах. Я успел сделать в них довольно много перемен, — все, какие было нужно, и очень доволен. Да ты слушаешь? — Разумеется, она и сама не знала, слушает она или не слушает: она могла бы только сказать, что как бы там ни было, слушает или не слушает, но что-то слышит, только не до того ей, чтобы понимать, что это ей слышно; однако же все-таки слышно, и все-таки расслушивается, что дело идет о чем-то другом, не имеющем никакой связи с письмом, и постепенно она стала слушать, потому что тянет к этому: нервы хотят заняться чем-нибудь, не письмом, и хоть долго ничего не могла понять, но все-таки успокоивалась холодным и довольным тоном голоса мужа; а потом стала даже и понимать. — Да ты слушай, потому что для меня это важные вещи. — Безостановочно продолжает муж после вопроса «слушаешь ли?», — да, очень приятные для меня перемены, — и он довольно подробно рассказывает; да ведь она три четверти этого знает, нет, и все знает, но все равно: пусть он рассказывает, какой он добрый! и он все рассказывает: что уроки ему давно надоели, и почему в каком семействе или с какими учениками надоели, и как занятие в заводской конторе ему не надоело, потому что оно важно, дает влияние на народ целого завода, и как

он кое-что успевает там делать: развел охотников учить грамоте, выучил их, как учить грамоте, вытянул от фирмы плату этим учителям, доказавши, что работники от этого будут меньше портить машины и работу, потому что от этого пойдет уменьшение прогулов и пьяных глаз, плату самую пустую, конечно, и как он оттягивает рабочих от пьянства и для этого часто бывает в их харчевнях, — и мало ли что такое. А главное в том, что он порядком установился у фирмы, как человек дельный и оборотливый, и постепенно забрал дела в свои руки, так что заключение рассказа и главная вкусность в нем для Лопухова вышло вот что: он получает место помощника управляющего заводом, управляющий будет только почетное лицо, из товарищей фирмы, с почетным жалованьем; а управлять будет он; товарищ фирмы только на этом условии и взял место управляющего, «я, говорит, не могу, куда мне», — да вы только место занимайте, чтобы сидел на нем честный человек, а в дело нечего вам мешаться, я буду делать», — «а если так, то можно, возьму место», но ведь и не в этом важность, что власть, а в том, что он получает 3500 руб. жалованья, почти на 1000 руб. больше, чем прежде получал всего и от случайной черной литературной работы, и от уроков, и от прежнего места на заводе, стало быть теперь можно бросить все, кроме завода, — и превосходно. И рассказывается это больше полчаса, и при конце рассказывания Вера Павловна уж может сказать, что действительно это хорошо, и уж может привести в порядок волосы и идти обедать.

А после обеда Маше дается 80 коп. сер. на извозчика, потому что она отправляется в целых четыре места, везде показать записку от Лопухова, что, дескать, свободен я, господа, и рад вас видеть; и через несколько времени является ужасный Рахметов, а за ним постепенно набирается целая ватага молодежи, и начинается ожесточенная ученая беседа с непомерными изобличениями каждого чуть не всеми остальными во всех возможных неконсеквентностях, а некоторые изменники возвышенному прению помогают Вере Павловне кое-как убить вечер, и в половине вечера она догадывается, куда пропадала Маша, какой он добрый! Да, в этот раз Вера Павловна была безусловно рада своим молодым друзьям, хоть и не дурачилась с ними, а сидела смирно, и готова была расцеловать даже самого Рахметова.

Гости разошлись в 3 часа ночи — и прекрасно сделали, что так поздно. Вера Павловна, утомленная волнением дня, только что улеглась, как вошел муж.

— Рассказывая про завод, друг мой Верочка, я забыл сказать тебе одну вещь о новом своем месте, это, впрочем, неважно и говорить об этом не стоило, а на случай скажу; но только у меня просьба: мне хочется спать, тебе тоже; так если чего не договорю о заводе, поговорим завтра, а теперь скажу в двух словах. Видишь, когда я принимал место помощника управляющего, я выговорил себе вот какое условие: что я могу вступить в должность когда хочу, хоть через месяц, хоть через два. А теперь

я хочу воспользоваться этим временем: пять лет не видал своих стариков в Рязани — съезжу к ним. До свиданья, Верочка. Не вставай. Завтра успеешь. Спи.

XXVII

Когда Вера Павловна на другой день вышла из своей комнаты, муж и Маша уже набивали вещами два чемодана. И все время Маша была тут безотлучно: Лопухов давал ей столько вещей завертывать, складывать, перекладывать, что куда управиться Маше. «Верочка, помоги нам и ты». И чай пили тут все трое, разбирая и укладывая вещи. Только что начала было опомниваться Вера Павловна, а уж муж говорит: «половина 11-го; пора ехать на железную дорогу».

— Милый мой, я поеду с тобою.

— Друг мой, Верочка, я буду держать два чемодана, негде сесть. Ты садись с Машей.

— Я не то говорю. В Рязань.

— А, если так, то Маша поедет с чемоданами, а мы сядем вместе.

На улице не слишком расчувствуешься в разговоре. И притом, такой стук от мостовой: Лопухов многого не дослышит, на многое отвечает так, что не расслышишь, а то и вовсе не отвечает.

— Я еду с тобою в Рязань, — твердит Вера Павловна.

— Да ведь у тебя не приготовлены вещи, как же ты поедешь? Собирайся, если хочешь; как увидишь лучше, так и сделаешь. Только я тебя просил бы вот о чем: подожди моего письма. Оно придет завтра же; я напишу и отдам его где-нибудь на дороге. Завтра же получишь, подожди, прошу тебя.

Как она его обнимает на галерее железной дороги, с какими слезами целует, отпуская в вагон. А он все толкует про свои заводские дела, как они хороши, да о том, как будут радоваться ему его старики, да про то, что все на свете вздор, кроме здоровья, и надобно ей беречь здоровье, и в самую минуту прощанья, уже через балюстраду, сказал: — Ты вчера написала, что еще никогда не была так привязана ко мне, как теперь, — это правда, моя милая Верочка. И я привязан к тебе не меньше, чем ты ко мне. А расположение к человеку — желание счастья ему, это мы с тобою твердо знаем. А счастья нет без свободы. Ты не хотела бы стеснять меня — и я тебя тоже. А если бы ты стала стесняться мною, ты меня огорчила бы. Так ты не делай этого, а пусть будет с тобою, что тебе лучше. А там посмотрим. Когда мне воротиться, ты напиши. До свиданья, мой друг, — второй звонок, слишком пора. До свиданья.

XXVIII

Это было в конце апреля. В половине июня Лопухов возвратился; пожил недели три в Петербурге, потом поехал в Москву, по заводским делам, как сказал. 9 июля он уехал, а 11 июля поутру произошло недоу-

мение в гостинице у станции Московской железной дороги, по случаю невставанья приезжего, а часа через два потом сцена на Каменноостровской даче. Теперь проницательный читатель уже не промахнется в отгадке того, кто ж это застрелился. «Я уж давно видел, что Лопухов», говорит проницательный читатель в восторге от своей догадливости. Так куда ж он девался, и как фуражка его оказалась простреленною по околышу? «Нужды нет, это все штуки его, а он сам себя ловил бреднем, шельма», ломит себе проницательный читатель. Ну, бог с тобою, как знаешь, ведь тебя ничем не урезонишь.

XXIX

ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК [101]

Часа через три после того, как ушел Кирсанов, Вера Павловна опомнилась, и одною из первых ее мыслей было: нельзя же так оставить мастерскую. Да, хоть Вера Павловна и любила доказывать, что мастерская идет сама собою, но в сущности ведь знала, что только обольщает себя этою мыслью, а на самом деле мастерской необходима руководительница, иначе все развалится. Впрочем, теперь дело уж очень установилось и можно было иметь мало хлопот по руководству им. У Мерцаловой было двое детей; но час-полтора в день, да и то не каждый день, она может уделять. Она наверное не откажется, ведь она и теперь много занимается в мастерской. Вера Павловна начала разбирать свои вещи для продажи, а сама послала Машу сначала к Мерцаловой просить ее приехать, потом к торговке старым платьем и всякими вещами подстать, Рахели, одной из самых оборотливых евреек, но доброй знакомой Веры Павловны, с которой Рахель была безусловно честна, как почти все еврейские мелкие торговцы и торговки со всеми порядочными людьми. Рахель и Маша должны были заехать на городскую квартиру, собрать оставшиеся там платья и вещи, по дороге заехать к меховщику, которому отданы были на лето шубы Веры Павловны, потом со всем этим ворохом приехать на дачу, чтобы Рахель хорошенько оценила и купила все гуртом.

Когда Маша выходила из ворот, ее встретил Рахметов, уже с полчаса бродивший около дачи.

— Вы уходите, Маша? Надолго?

Да, должно быть ворочусь уж поздно вечером. Много дела.

— Вера Павловна остается одна?

— Одна.

— Так я зайду, посижу вместо вас, может быть случится какая-нибудь надобность.

— Пожалуйста; а то я боялась за нее. И я забыла, г. Рахметов: позовите кого-нибудь из соседей, там есть кухарка и нянька, мои приятельницы, подать обедать, ведь она еще не обедала.

— Ничего; и я не обедал, пообедаем одни. Да вы-то обедали ли?

— Да, Вера Павловна так не отпустила.

— Хоть это хорошо. Я думал, уж и это забудут из-за себя.

Кроме Маши и равнявшихся ей или превосходивших ее простотою души и платья, все немного побаивались Рахметова: и Лопухов, и Кирсанов, и все, не боявшиеся никого и ничего, чувствовали перед ним по временам некоторую трусоватость. С Верою Павловною он был очень далек: она находила его очень скучным, он никогда не присоединялся к ее обществу. Но он был любимцем Маши, хотя меньше всех других гостей был приветлив и разговорчив с нею.

— Я пришел без зову, Вера Павловна, — начал он: — но я видел Александра Матвеича и знаю все. Поэтому рассудил, что, может быть, пригожусь вам для каких-нибудь услуг и просижу у вас вечер.

Услуги его могли бы пригодиться, пожалуй, хоть сейчас же: помогать Вере Павловне в разборке вещей. Всякий другой на месте Рахметова в одну и ту же секунду и был бы приглашен, и сам вызвался бы заняться этим. Но он не вызвался и не был приглашен; Вера Павловна только пожала ему руку и с искренним чувством сказала, что очень благодарна ему за внимательность.

— Я буду сидеть в кабинете, — отвечал он: — если что понадобится, вы позовете; и если кто придет, я отворю дверь, вы не беспокойтесь сама.

С этими словами он преспокойно ушел в кабинет, вынул из кармана большой кусок ветчины, ломоть черного хлеба, — в сумме это составляло фунта четыре, — уселся, съел все, стараясь хорошо пережевывать, выпил полграфина воды, потом подошел к полкам с книгами и начал пересматривать, что выбрать для чтения: «известно...», «несамобытно...», «несамобытно...», «несамобытно...», «несамобытно...» это «несамобытно» относилось к таким книгам, как Маколей, Гизо, Тьер, Ранке, Гервинус.[102] «А, вот это хорошо, что попалось», — это сказал он, прочитав на корешке несколько дюжих томов «Полное собрание сочинений Ньютона»; — торопливо стал он перебирать томы, наконец нашел и то, чего искал, и с любовною улыбкою произнес: «вот оно, вот оно», — «Observations on the Prophecies of Daniel and the Apocalypse of St. John»,[103] то есть «Замечания о пророчествах Даниила и Апокалипсисе св. Иоанна». «Да, эта сторона знания до сих пор оставалась у меня без капитального основания. Ньютон писал этот комментарий в старости, когда был наполовину в здравом уме, наполовину помешан. Классический источник по вопросу о смешении безумия с умом. Ведь вопрос всемирно-исторический: это смешение во всех без исключения событиях, почти во всех книгах, почти во всех головах. Но здесь оно должно быть в образцовой форме: во-первых, гениальнейший и нормальнейший ум из всех известных нам умов; во-вторых, и примешавшееся к нему безумие — признанное, бесспорное безумие. Итак, книга капитальная по своей части. Тончайшие черты общего явления должны выказываться здесь осязательнее, чем где бы то ни было, и никогда не может

подвергнуть сомнению, что это именно черты того явления, которому принадлежат черты смешения безумия с умом. Книга, достойная изучения». Он с усердным наслаждением принялся читать книгу, которую в последние сто лет едва ли кто читал, кроме корректоров ее: читать ее для кого бы то ни было, кроме Рахметова, то же самое, что есть песок или опилки. Но ему было вкусно.

Таких людей, как Рахметов, мало: я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы (в том числе двух женщин); они не имели сходства ни в чем, кроме одной черты. Между ними были люди мягкие и люди суровые, люди мрачные и люди веселые, люди хлопотливые и люди флегматические, люди слезливые (один с суровым лицом, насмешливый до наглости; другой с деревянным лицом, молчаливый и равнодушный ко всему; оба они при мне рыдали несколько раз, как истерические женщины, и не от своих дел, а среди разговоров о разной разности; наедине, я уверен, плакали часто) и люди, ни от чего не перестававшие быть спокойными. Сходства не было ни в чем, кроме одной черты, но она одна уже соединяла их в одну породу и отделяла от всех остальных людей.[104] Над теми из них, с которыми я был близок, я смеялся, когда бывал с ними наедине; они сердились или не сердились, но тоже смеялись над собою. И действительно, в них было много забавного, все главное в них и было забавно, все то, почему они были людьми особой породы. Я люблю смеяться над такими людьми.

Тот из них, которого я встретил в кругу Лопухова и Кирсанова и о котором расскажу здесь, служит живым доказательством, что нужна оговорка к рассуждениям Лопухова и Алексея Петровича о свойствах почвы — во втором сне Веры Павловны, оговорка нужна та, что какова бы ни была почва, а все-таки в ней могут попадаться хоть крошечные клочочки, на которых могут выростать здоровые колосья. Генеалогия главных лиц моего рассказа: Веры Павловны, Кирсанова и Лопухова — не восходит, по правде говоря, дальше дедушек с бабушками, и разве с большими натяжками можно приставить сверху еще какую-нибудь прабабушку (прадедушка уже неизбежно покрыт мраком забвения, известно только, что он был муж прабабушки и что его звали Кирилом, потому что дедушка был Герасим Кирилыч). Рахметов был из фамилии, известной с XIII века,[105] то есть одной из древнейших не только у нас, а и в целой Европе. В числе татарских темников,[106] корпусных начальников, перерезанных в Твери вместе с их войском, по словам летописей, будто бы за намерение обратить народ в магометанство (намерение, которого они, наверное, и не имели), а по самому делу просто за угнетение, находился Рахмет. Маленький сын этого Рахмета от жены русской, племянницы тверского дворского, то есть обер-гофмаршала и фельдмаршала, насильно взятой Рахметом, был пощажен для матери и перекрещен из Латыфа в Михаила. От этого Латыфа-Михаила Рахметовича пошли Рахметовы. Они в Твери были боярами, в Москве стали

только окольничими, в Петербурге в прошлом веке бывали генерал-аншефами,[107] — конечно, далеко не все: фамилия разветвилась очень многочисленная, так что генерал-аншефских чинов не достало бы на всех. Прапрадед нашего Рахметова был приятелем Ивана Ивановича Шувалова, который и восстановил его из опалы, постигнувшей было его за дружбу с Минихом. Прадед был сослуживцем Румянцева, дослужился до генерал-аншефства и убит был при Нови.[108] Дед сопровождал Александра в Тильзит и пошел бы дальше всех, но рано потерял карьеру за дружбу с Сперанским. Отец служил без удачи и без падений, в 40 лет вышел в отставку генерал-лейтенантом и поселился в одном из своих поместий, разбросанных по верховью Медведицы. Поместья были, однако ж, не очень велики, всего душ тысячи две с половиною, а детей на деревенском досуге явилось много, человек 8; наш Рахметов был предпоследний, моложе его была одна сестра; потому наш Рахметов был уже человек не с богатым наследством: он получил около 400 душ да 7000 десятин земли. Как он распорядился с душами и с 5500 десятин земли, это не было известно никому, не было известно и то, что за собою оставил он 1500 десятин, да не было известно и вообще то, что он помещик и что, отдавая в аренду оставленную за собою долю земли, он имеет все-таки еще до 3000 р. дохода, этого никто не знал, пока он жил между нами. Это мы узнали после, а тогда полагали, конечно, что он одной фамилии с теми Рахметовыми, между которыми много богатых помещиков, у которых, у всех однофамильцев вместе, до 75 000 душ по верховьям Медведицы, Хопра, Суры и Цны, которые бессменно бывают уездными предводителями тех мест и — не тот, так другой — постоянно бывают губернскими предводителями то в той, то в другой из трех губерний, по которым текут их крепостные верховья рек. И знали мы, что наш знакомый Рахметов проживает в год рублей 400; для студента это было тогда очень немало, но для помещика из Рахметовых уже слишком мало; потому каждый из нас, мало заботившихся о подобных справках, положил про себя без справок, что наш Рахметов из какой-нибудь захиревшей и обеспоместившейся ветви Рахметовых, сын какого-нибудь советника казенной палаты, оставившего детям небольшой капиталец. Не интересоваться же, в самом деле, было нам этими вещами.

Теперь ему было 22 года, а студентом он был с 16 лет; но почти на 3 года он покидал университет. Вышел из 2-го курса, поехал в поместье, распорядился, победив сопротивление опекуна, заслужив анафему от братьев и достигнув того, что мужья запретили его сестрам произносить его имя; потом скитался по России разными манерами: и сухим путем, и водою, и тем и другою по-обыкновенному и по-необыкновенному, — например, и пешком, и на расшивах, и на косных лодках; имел много приключений, которые всё сам устроивал себе; между прочим, отвез двух человек в Казанский, пятерых — в Московский университет, — это были его стипендиаты, а в Петербург, где сам хотел жить, не привез никого, и потому

никто из нас не знал, что у него не 400, а 3000 р. дохода. Это стало известно только уже после, а тогда мы видели, что он долго пропадал, а за два года до той поры, как сидел он в кабинете Кирсанова за толкованием Ньютона на «Апокалипсис», возвратился в Петербург, поступил на филологический факультет, — прежде был на естественном, и только.

Но если никому из петербургских знакомых Рахметова не были известны его родственные и денежные отношения, зато все, кто его знал, знали его под двумя прозвищами; одно из них уже попадалось в этом рассказе — «ригорист»; его он принимал с обыкновенною своею легкою улыбкою мрачноватого удовольствия. Но когда его называли Никитушкою или Ломовым, или по полному прозвищу Никитушкою Ломовым, он улыбался широко и сладко и имел на то справедливое основание, потому что не получил от природы, а приобрел твердостью воли право носить это славное между миллионами людей имя. Но оно гремит славою только на полосе в 100 верст шириною, идущей по восьми губерниям; читателям остальной России надобно объяснить, что это за имя. Никитушка Ломов, бурлак, ходивший по Волге лет 20—15 тому назад, был гигант геркулесовской силы; 15 вершков ростом,[109] он был так широк в груди и в плечах, что весил 15 пудов, хотя был человек только плотный, а не толстый. Какой он был силы, об этом довольно сказать одно: он получал плату за 4 человек. Когда судно приставало к городу и он шел на рынок, по волжскому на базар, по дальним переулкам раздавались крики парней: «Никитушка Ломов идет, Никитушка Ломов идет!» — и все бежали на улицу, ведущую с пристани к базару, и толпа народа валила вслед за своим богатырем.

Рахметов в 16 лет, когда приехал в Петербург, был с этой стороны обыкновенным юношею довольно высокого роста, довольно крепким, но далеко не замечательным по силе: из десяти встречных его сверстников, наверное, двое сладили бы с ним. Но на половине 17-го года он вздумал, что нужно приобресть физическое богатство, и начал работать над собою. Стал очень усердно заниматься гимнастикою; это хорошо, но ведь гимнастика только совершенствует материал, надо запасаться материалом, и вот на время, вдвое большее занятий гимнастикою, на несколько часов в день, он становился чернорабочим по работам, требующим силы: возил воду, таскал дрова, рубил дрова, пилил лес, тесал камни, копал землю, ковал железо; много работ он проходил и часто менял их, потому что от каждой новой работы, с каждой переменой получают новое развитие какие-нибудь мускулы. Он принял боксерскую диету: стал кормить себя — именно кормить себя — исключительно вещами, имеющими репутацию укреплять физическую силу, больше всего бифштексом, почти сырым, и с тех пор всегда жил так. Через год после начала этих занятий он отправился в свое странствование и тут имел еще больше удобства заниматься развитием физической силы: был пахарем, плотником, перевозчиком и работником всяких здоровых промыслов; раз даже прошел бур-

лаком всю Волгу, от Дубовки [110] до Рыбинска. Сказать, что он хочет быть бурлаком, показалось бы хозяину судна и бурлакам верхом нелепости, и его не приняли бы; но он сел просто пассажиром, подружившись с артелью, стал помогать тянуть лямку и через неделю запрягся в нее, как следует настоящему рабочему; скоро заметили, как он тянет, начали пробовать силу, — он перетягивал троих, даже четверых самых здоровых из своих товарищей; тогда ему было 20 лет, и товарищи его по лямке окрестили его Никитушкою Ломовым, по памяти героя, уже сошедшего тогда со сцены. На следующее лето он ехал на пароходе; один из простонародия, толпившегося на палубе, оказался его прошлогодним сослуживцем по лямке, и таким-то образом его спутники-студенты узнали, что его следует звать Никитушкою Ломовым. Действительно, он приобрел и не щадя времени поддерживал в себе непомерную силу. «Так нужно — говорил он: — это дает уважение и любовь простых людей. Это полезно, может пригодиться».

Это ему засело в голову с половины 17-го года, потому что с этого времени и вообще начала развиваться его особенность. 16-ти лет он приехал в Петербург обыкновенным хорошим кончившим курс гимназистом, обыкновенным добрым и честным юношею, и провел месяца три-четыре по-обыкновенному, как проводят начинающие студенты. Но стал он слышать, что есть между студентами особенно умные головы, которые думают не так, как другие, и узнал с пяток имен таких людей, — тогда их было еще мало. Они заинтересовали его, он стал искать знакомства с кем-нибудь из них; ему случилось сойтись с Кирсановым, и началось его перерождение в особенного человека, в будущего Никитушку Ломова и ригориста. Жадно слушал он Кирсанова в первый вечер, плакал, прерывал его слова восклицаниями проклятий тому, что должно погибнуть, благословений тому, что должно жить. — «С каких же книг мне начать читать?» Кирсанов указал. Он на другой день уж с 8 часов утра ходил по Невскому, от Адмиралтейской до Полицейского моста, выжидая, какой немецкий или французский книжный магазин первый откроется, взял, что нужно, и читал больше трех суток сряду, — с 11 часов утра четверга до 9 часов вечера воскресенья, 82 часа; первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь стаканов крепчайшего кофе, до четвертой ночи не хватило силы ни с каким кофе, он повалился и проспал на полу часов 15. Через неделю он пришел к Кирсанову, потребовал указаний на новые книги, объяснений; подружился с ним, потом через него подружился с Лопуховым. Через полгода, хоть ему было только 17 лет, а им уже по 21 году, они уж не считали его молодым человеком сравнительно с собою, и уже он был особенным человеком.

Какие задатки для того лежали в его прошлой жизни? Не очень большие, но лежали. Отец его был человек деспотического характера, очень умный, образованный и ультраконсерватор — в том же смысле, как Марья Алексевна, ультраконсерватор, но честный. Ему, конечно, было

тяжело. Это одно еще ничего бы. Но мать его, женщина довольно деликатная, страдала от тяжелого характера мужа, да и видел он, что́ в деревне. И это бы все еще ничего; было еще вот что: на 15-м году он влюбился в одну из любовниц отца. Произошла история, конечно, над нею особенно. Ему было жалко женщину, сильно пострадавшую через него. Мысли стали бродить в нем, и Кирсанов был для него тем, чем Лопухов для Веры Павловны. Задатки в прошлой жизни были; но чтобы стать таким особенным человеком, конечно, главное — натура. За несколько времени перед тем, как вышел он из университета и отправился в свое поместье, потом в странствование по России, он уже принял оригинальные принципы и в материальной, и в нравственной, и в умственной жизни, а когда он возвратился, они уже развились в законченную систему, которой он держался неуклонно. Он сказал себе: «Я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь к женщине». А натура была кипучая. «Зачем это? Такая крайность вовсе не нужна». — «Так нужно. Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, — мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности».

Поэтому же он стал и вообще вести самый суровый образ жизни. Чтобы сделаться и продолжать быть Никитушкою Ломовым, ему нужно было есть говядины, много говядины, — и он ел ее много. Но он жа́лел каждой копейки на какую-нибудь пищу, кроме говядины; говядину он велел хозяйке брать самую отличную, нарочно для него самые лучшие куски, но остальное ел у себя дома все только самое дешевое. Отказался от белого хлеба, ел только черный за своим столом. По целым неделям у него не бывало во рту куска сахару, по целым месяцам никакого фрукта, ни куска телятины или пулярки.[111] На свои деньги он не покупал ничего подобного; «не имею права тратить деньги на прихоть, без которой могу обойтись», — а ведь он воспитан был на роскошном столе и имел тонкий вкус, как видно было по его замечаниям о блюдах; когда он обедал у когонибудь за чужим столом, он ел с удовольствием многие из блюд, от которых отказывал себе в своем столе, других не ел и за чужим столом. Причина различения была основательная: «то, что ест, хотя по временам, простой народ, и я могу есть при случае. Того, что никогда не доступно простым людям, и я не должен есть! Это нужно мне для того, чтобы хоть несколько чувствовать, насколько стеснена их жизнь сравнительно с моею». Поэтому, если подавались фрукты, он абсолютно ел яблоки, абсолютно не ел абрикосов; апельсины ел в Петербурге, не ел в провинции, — видите, в Петербурге простой народ ест их, а в провинции не ест. Паштеты ел, потому что «хороший пирог не хуже паштета, и слоеное тесто знакомо простому народу», но сардинок не ел. Одевался он очень бедно, хоть любил изящество, и во всем остальном вел спартанский образ

жизни; например, не допускал тюфяка и спал на войлоке, даже не разрешая себе свернуть его вдвое.

Было у него угрызение совести, — он не бросил курить: «без сигары не могу думать; если действительно так, я прав; но, быть может, это слабость воли». А дурных сигар он не мог курить — ведь он воспитан был в аристократической обстановке. Из 400 р. его расхода до 150 выходило у него на сигары. «Гнусная слабость», как он выражался. Только она и давала некоторую возможность отбиваться от него: если уж начнет слишком доезжать своими обличениями, доезжаемый скажет ему: «да ведь совершенство невозможно — ты же куришь», — тогда Рахметов приходил в двойную силу обличения, но бо́льшую половину укоризн обращал уже на себя, обличаемому все-таки доставалось меньше, хотя он не вовсе забывал его из-за себя.

Он успевал делать страшно много, потому что и в распоряжении временем положил на себя точно такое же обуздание прихотей, как в материальных вещах. Ни четверти часа в месяц не пропадало у него на развлечение, отдыха ему не было нужно. «У меня занятия разнообразны; перемена занятия есть отдых». В кругу приятелей, сборные пункты которых находились у Кирсанова и Лопухова, он бывал никак не чаще того, сколько нужно, чтобы остаться в тесном отношении к нему: «это нужно; ежедневные случаи доказывают пользу иметь тесную связь с каким-нибудь кругом людей, — надобно иметь под руками всегда открытые источники для разных справок». Кроме как в собраниях этого кружка, он никогда ни у кого не бывал иначе как по делу — и ни пятью минутами больше, чем нужно по делу, и у себя никого не принимал и не допускал оставаться иначе как на том же правиле; он без околичностей объявлял гостю: «мы переговорили о вашем деле; теперь позвольте мне заняться другими делами, потому что я должен дорожить временем».

В первые месяцы своего перерождения он почти все время проводил в чтении; но это продолжалось лишь немного более полгода: когда он увидел, что приобрел систематический образ мыслей в том духе, принципы которого нашел справедливыми, он тотчас же сказал себе: «теперь чтение стало делом второстепенным; я с этой стороны готов для жизни», и стал отдавать книгам только время, свободное от других дел, а такого времени оставалось у него мало. Но, несмотря на это, он расширял круг своего знания с изумительною быстротою: теперь, когда ему было 22 года, он был уже человеком очень замечательно основательной учености. Это потому, что он и тут поставил себе правилом: роскоши и прихоти — никакой; исключительно то, что нужно. А что нужно? Он говорил: «по каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнее и яснее заключено в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение — только напрасная трата времени. Берем русскую беллетристику. Я говорю: прочитаю всего прежде Гоголя. В тысячах

других повестей я уже вижу по пяти строкам с пяти разных страниц, что не найду ничего, кроме испорченного Гоголя, — зачем я стану их читать? Так и в науках, — в науках даже еще резче эта граница. Если я прочел Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направления [112] и мне не нужно читать ни одного из сотен политико-экономов, как бы ни были они знамениты; я по пяти строкам с пяти страниц вижу, что не найду у них ни одной свежей мысли, им принадлежащей, всё заимствования и искажения. Я читаю только самобытное и лишь настолько, чтобы знать эту самобытность». Поэтому никакими силами нельзя было заставить его читать Маколея; посмотрев четверть часа на разные страницы, он решил: «Я знаю все материи, из которых набраны эти лоскутья».Он прочитал «Ярмарку суеты» Теккерея [113] с наслаждением, а начал читать «Пенденниса», закрыл на 20-й странице: «весь высказался в „Ярмарке суеты“, видно, что больше ничего не будет, и читать не нужно». — «Каждая прочтенная мною книга такова, что избавляет меня от надобности читать сотни книг», говорил он.

Гимнастика, работа для упражнения силы, чтение — были личными занятиями Рахметова; но по его возвращении в Петербург они брали у него только четвертую долю его времени, остальное время он занимался чужими делами или ничьими в особенности делами,[114] постоянно соблюдая то же правило, как в чтении: не тратить времени над второстепенными делами и с второстепенными людьми, заниматься только капитальными, от которых уже и без него изменяются второстепенные дела и руководимые люди. Например, вне своего круга он знакомился только с людьми, имеющими влияние на других. Кто не был авторитетом для нескольких других людей, тот никакими способами не мог даже войти в разговор с ним. Он говорил: «Вы меня извините, мне некогда» — и отходил. Но точно так же никакими средствами не мог избежать знакомства с ним тот, с кем он хотел познакомиться. Он просто являлся к вам и говорил, чтó ему было нужно, с таким предисловием: «Я хочу быть знаком с вами; это нужно. Если вам теперь не время, назначьте другое». На мелкие ваши дела он не обращал никакого внимания, хотя бы вы были ближайшим его знакомым и упрашивали его вникнуть в ваше затруднение: «мне некогда», говорил он и отворачивался. Но в важные дела вступался, когда это было нужно по его мнению, хотя бы никто этого не желал: «я должен», говорил он. Какие вещи он говорил и делал в этих случаях, уму непостижимо. Да вот, например, мое знакомство с ним. Я был тогда уже не молод, жил порядочно, потому ко мне собиралось по временам человек пять-шесть молодежи из моей провинции. Следовательно, я уже был для него человек драгоценный: эти молодые люди были расположены ко мне, находя во мне расположение к себе; вот он и слышал по этому случаю мою фамилию. А я, когда в первый раз увидел его у Кирсанова, еще не слышал о нем: это было вскоре по его возвращении из странствия. Он вошел

после меня; я был только один незнакомый ему человек в обществе. Он, как вошел, отвел Кирсанова в сторону и, указавши глазами на меня, сказал несколько слов. Кирсанов отвечал ему тоже немногими словами и был отпущен. Через минуту Рахметов сел прямо против меня, всего только через небольшой стол у дивана, и с этого-то расстояния каких-нибудь полутора аршин начал смотреть мне в лицо изо всей силы. Я был раздосадован: он рассматривал меня без церемонии, будто перед ним не человек, а портрет, — я нахмурился. Ему не было никакого дела. Посмотревши минуты две-три, он сказал мне: «г. N., мне нужно с вами познакомиться. Я вас знаю, вы меня — нет. Спросите обо мне у хозяина и других, кому вы особенно верите из этой компании», встал и ушел в другую комнату. «Что это за чудак?» — «Это Рахметов. Он хочет, чтобы вы спросили, заслуживает ли он доверия, — безусловно, и заслуживает ли он внимания, — он поважнее всех нас здесь, взятых вместе», сказал Кирсанов, другие подтвердили. Чрез пять минут он вернулся в ту комнату, где все сидели. Со мною не заговаривал и с другими говорил мало, — разговор был не ученый и не важный. «А, десять часов уже, — произнес он через несколько времени, — в 10 часов у меня есть дело в другом месте. Г. N., — он обратился ко мне, — я должен сказать вам несколько слов. Когда я отвел хозяина в сторону спросить его, кто вы, я указал на вас глазами, потому что ведь вы все равно должны были заметить, что я спрашиваю о вас, кто вы; следовательно, напрасно было бы не делать жестов, натуральных при таком вопросе. Когда вы будете дома, чтоб я мог зайти к вам?» Я тогда не любил новых знакомств, а эта навязчивость уж вовсе не нравилась мне. — «Я только ночую дома; меня целый день нет дома», — сказал я. — «Но ночуете дома? В какое же время вы возвращаетесь ночевать?» — «Очень поздно». — «Например?» — «Часа в два, в три». — «Это все равно, назначьте время». — «Если вам непременно угодно, утром послезавтра, в половине 4-го». — «Конечно, я должен принимать ваши слова за насмешку и грубость; а может быть и то, что у вас есть свои причины, может быть даже заслуживающие одобрения. Во всяком случае, я буду у вас послезавтра поутру в половине 4-го». — «Нет, уж если вы так решительны, то лучше заходите попозднее: я все утро буду дома, до 12 часов». — «Хорошо, зайду часов в 10. Вы будете одни?» — «Да». — «Хорошо». Он пришел и точно так же без околичностей приступил к делу, по которому нашел нужным познакомиться. Мы потолковали с полчаса; о чем толковали, это все равно; довольно того, что он говорил: «надобно», я говорил: «нет»; он говорил: «вы обязаны», я говорил: «нисколько». Через полчаса он сказал: «ясно, что продолжать бесполезно. Ведь вы убеждены, что я человек, заслуживающий безусловного доверия?» — «Да, мне сказали это все, и я сам теперь вижу». — «И все-таки остаетесь при своем?» — «Остаюсь». — «Знаете вы, что из этого следует? То, что вы или лжец, или дрянь!» Как это понравится? Что надобно было бы сделать с другим человеком за такие слова? вызвать на

дуэль? но он говорил таким тоном, без всякого личного чувства, будто историк, судящий холодно, не для обиды, а для истины, и сам был так странен, что смешно было бы обижаться, и я только мог засмеяться: — «Да ведь это одно и то же», — сказал я. — «В настоящем случае не одно и то же». — «Ну так, может быть, я то и другое вместе». — «В настоящем случае то и другое вместе невозможно. Но одно из двух — непременно; или вы думаете и делаете не то, что говорите: в таком случае вы лжец; или вы думаете и делаете действительно то, что говорите: в таком случае вы дрянь. Одно из двух непременно. Я полагаю, первое». — «Как вам угодно, так и думайте», — сказал я, продолжая смеяться. — «Прощайте. Во всяком случае, знайте, что я сохраняю доверие к вам и готов возобновить наш разговор, когда вам будет угодно».

При всей дикости этого случая Рахметов был совершенно прав: и в том, что начал так, потому что ведь он прежде хорошо узнал обо мне и только тогда уже начал дело, и в том, что так кончил разговор; я действительно говорил ему не то, что думал, и он действительно имел право назвать меня лжецом, и это нисколько не могло быть обидно, даже щекотливо для меня «в настоящем случае», по его выражению, потому что такой был случай, и он действительно мог сохранять ко мне прежнее доверие и, пожалуй, уважение.

Да, при всей дикости его манеры, каждый оставался убежден, что Рахметов поступил именно так, как благоразумнее и проще всего было поступить, и свои страшные резкости, ужаснейшие укоризны он говорил так, что никакой рассудительный человек не мог ими обижаться, и, при всей своей феноменальной грубости, он был в сущности очень деликатен. У него были и предисловия в этом роде. Всякое щекотливое объяснение он начинал так: «вам известно, что я буду говорить без всякого личного чувства. Если мои слова будут неприятны, прошу извинить их. Но я нахожу, что не следует обижаться ничем, что говорится добросовестно, вовсе не с целью оскорбления, а по надобности. Впрочем, как скоро вам покажется бесполезно продолжать слышать мои слова, я остановлюсь; мое правило: предлагать мое мнение всегда, когда я должен, и никогда не навязывать его». И действительно, он не навязывал: никак нельзя было спастись от того, чтоб он, когда находил это нужным, не высказал вам своего мнения настолько, чтобы вы могли понять, о чем и в каком смысле он хочет говорить; но он делал это в двух-трех словах и потом спрашивал: «Теперь вы знаете, каково было бы содержание разговора; находите ли вы полезным иметь такой разговор?» Если вы сказали «нет», он кланялся и отходил.

Вот как он говорил и вел свои дела, а дел у него была бездна, и всё дела, не касавшиеся лично до него; личных дел у него не было, это все знали; но какие дела у него, этого кружок не знал. Видно было только, что у него множество хлопот. Он мало бывал дома, всё ходил и разъезжал, больше ходил. Но и у него беспрестанно бывали люди, то всё одни и

те же, то всё новые; для этого у него было положено: быть всегда дома от 2 до 3 часов; в это время он говорил о делах и обедал. Но часто по нескольку дней его не бывало дома. Тогда, вместо него, сидел у него и принимал посетителей один из его приятелей, преданный ему душою и телом и молчаливый, как могила.

Года через два после того, как мы видим его сидящим в кабинете Кирсанова за ньютоновым толкованием на «Апокалипсис», он уехал из Петербурга,[115] сказавши Кирсанову и еще двум-трем самым близким друзьям, что ему здесь нечего делать больше, что он сделал все, что мог, что больше делать можно будет только года через три, что эти три года теперь у него свободны, что он думает воспользоваться ими, как ему кажется нужно для будущей деятельности. Мы узнали потом, что он проехал в свое бывшее поместье, продал остававшуюся у него землю, получил тысяч 35, заехал в Казань и Москву, роздал около 5 тысяч своим семи стипендиатам, чтобы они могли кончить курс; тем и кончилась его достоверная история. Куда он девался из Москвы, неизвестно. Когда прошло несколько месяцев без всяких слухов о нем, люди, знавшие о нем что-нибудь, кроме известного всем, перестали скрывать вещи, о которых по его просьбе молчали, пока он жил между нами. Тогда-то узнал наш кружок[116] и то, что у него были стипендиаты, узнал бóльшую часть из того о его личных отношениях, что я рассказал, узнал множество историй, далеко, впрочем, не разъяснявших всего, даже ничего не разъяснявших, а только делавших Рахметова лицом еще более загадочным для всего кружка, историй, изумлявших своею странностью или совершенно противоречивших тому понятию, какое кружок имел о нем как о человеке совершенно черством для личных чувств, не имевшем, если можно так выразиться, личного сердца, которое билось бы ощущениями личной жизни. Рассказывать все эти истории было бы здесь неуместно. Приведу лишь две из них, по одной на каждый из двух родов: одну дикого сорта, другую — сорта, противоречившего прежнему понятию кружка о нем. Выбираю из историй, рассказанных Кирсановым.

За год перед тем, как во второй и, вероятно, окончательный раз пропал из Петербурга, Рахметов сказал Кирсанову: «Дайте мне порядочное количество мази для заживления ран от острых орудий». Кирсанов дал огромнейшую банку, думая, что Рахметов хочет отнести лекарство в какую-нибудь артель плотников или других мастеровых, которые часто подвергаются порезам. На другое утро хозяйка Рахметова в страшном испуге прибежала к Кирсанову: «батюшка-лекарь, не знаю, что с моим жильцом сделалось: не выходит долго из своей комнаты, дверь запер, я заглянула в щель; он лежит весь в крови; я как закричу, а он мне говорит сквозь дверь: „ничего, Аграфена Антоновна“. Какое, ничего! Спаси, батюшка-лекарь, боюсь смертного случаю. Ведь он такой до себя безжалостный». Кирсанов поскакал. Рахметов отпер дверь с мрачною широкою улыбкою, и посетитель увидел вещь, от которой и не Аграфена Антоновна могла

развести руками: спина и бока всего белья Рахметова (он был в одном белье) были облиты кровью, под кроватью была кровь, войлок, на котором он спал, также в крови; в войлоке были натыканы сотни мелких гвоздей шляпками с-испо́ди, остриями вверх, они высовывались из войлока чуть не на полвершка; Рахметов лежал на них ночь. «Что это такое, помилуйте, Рахметов», с ужасом проговорил Кирсанов. — «Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако же на всякий случай нужно. Вижу, могу».[117] Кроме того, что видел Рахметов, видно из этого также, что хозяйка, вероятно, могла бы рассказать много разного любопытного о Рахметове; но, в качестве простодушной и простоплатной, старуха была без ума от него, и уж, конечно, от нее нельзя было бы ничего добиться. Она и в этот-то раз побежала к Кирсанову потому только, что сам Рахметов дозволил ей это для ее успокоения: она слишком плакала, думая, что он хочет убить себя.

Месяца через два после этого — дело было в конце мая — Рахметов пропадал на неделю или больше, но тогда никто этого не заметил, потому что пропадать на несколько дней случалось ему нередко. Теперь Кирсанов рассказал следующую историю о том, как Рахметов провел эти дни. Они составляли эротический эпизод в жизни Рахметова. Любовь произошла из события, достойного Никитушки Ломова. Рахметов шел из первого Парголова в город,[118] задумавшись и больше глядя в землю, по своему обыкновению, по соседству Лесного института. Он был пробужден от раздумья отчаянным криком женщины; взглянул: лошадь понесла даму, катавшуюся в шарабане, дама сама правила и не справилась, вожжи волочились по земле, — лошадь была уже в двух шагах от Рахметова; он бросился на середину дороги, но лошадь уж пронеслась мимо, он не успел поймать повода, успел только схватиться за заднюю ось шарабана — и остановил, но упал. Подбежал народ, помогли даме сойти с шарабана, подняли Рахметова; у него была несколько разбита грудь, но, главное, колесом вырвало ему порядочный кусок мяса из ноги. Дама уже опомнилась и приказала отнести его к себе на дачу, в какой-нибудь полуверсте. Он согласился, потому что чувствовал слабость, но потребовал, чтобы послали непременно за Кирсановым, ни за каким другим медиком. Кирсанов нашел ушиб груди не важным, но самого Рахметова уже очень ослабевшим от потери крови. Он пролежал дней десять. Спасенная дама, конечно, ухаживала за ним сама. Ему ничего другого нельзя было делать от слабости, а потому он говорил с нею, — ведь все равно, время пропадало бы даром, — говорил и разговорился. Дама была вдова лет 19, женщина не бедная и вообще совершенно независимого положения, умная, порядочная женщина. Огненные речи Рахметова, конечно не о любви, очаровали ее: «я во сне вижу его окруженного сияньем», — говорила она Кирсанову. Он также полюбил ее. Она, по платью и по всему, считала его человеком, не имеющим совершенно ничего, потому первая призналась и предложила ему венчаться, когда он, на 11-й день, встал и

сказал, что может ехать домой. «Я был с вами откровеннее, чем с другими; вы видите, что такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу с своею». — «Да, это правда, — сказала она, — вы не можете жениться. Но пока вам придется бросить меня, до тех пор любите меня». — «Нет, и этого я не могу принять, — сказал он, — я должен подавить в себе любовь: любовь к вам связывала бы мне руки, они и так нескоро развяжутся у меня, — уж связаны. Но развяжу. Я не должен любить». Что было потом с этою дамою? В ее жизни должен был произойти перелом; по всей вероятности, она и сама сделалась особенным человеком. Мне хотелось узнать. Но я этого не знаю, Кирсанов не сказал мне ее имени, а сам тоже не знал, что с нею, — Рахметов просил его не видаться с нею, не справляться о ней: «если я буду полагать, что вы будете что-нибудь знать о ней, я не удержусь, стану спрашивать, а это не годится». Узнав такую историю, все вспомнили, что в то время, месяца полтора или два, а может быть и больше, Рахметов был мрачноватее обыкновенного, не приходил в азарт против себя, сколько бы ни кололи ему глаза его гнусною слабостью, то есть сигарами, и не улыбался широко и сладко, когда ему льстили именем Никитушки Ломова. А я вспомнил и больше: в то лето три-четыре раза в разговорах со мною он, через несколько времени после первого нашего разговора, полюбил меня за то, что я смеялся (наедине с ним) над ним, и в ответ на мои насмешки вырывались у него такого рода слова: «да, жалейте меня, вы правы, жалейте: ведь и я тоже не отвлеченная идея, а человек, которому хотелось бы жить. Ну, да это ничего, пройдет», прибавлял он. И точно, прошло. Только однажды, когда уже я слишком много расшевелил его насмешками, даже позднею осенью, все еще вызвал я из него эти слова.

Проницательный читатель, может быть, догадывается из этого, что я знаю о Рахметове больше, чем говорю. Может быть. Я не смею противоречить ему, потому что он проницателен. Но если я знаю, то мало ли чего я знаю такого, чего тебе, проницательный читатель, во веки веков не узнать. А вот чего я действительно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь. Об этом я не имею никаких других ни известий, ни догадок, кроме тех, какие имеют все его знакомые. Когда прошло месяца три-четыре после того, как он пропал из Москвы, и не приходило никаких слухов о нем, мы все предположили, что он отправился путешествовать по Европе. Догадка эта, кажется, верна. По крайней мере, она подтверждается вот каким случаем. Через год после того, как пропал Рахметов, один из знакомых Кирсанова встретил в вагоне, по дороге из Вены в Мюнхен, молодого человека, русского, который говорил, что объехал славянские земли, везде сближался со всеми классами, в каждой земле оставался постольку, чтобы достаточно узнать понятия, нравы, образ жизни, бытовые учреждения, степень благосостояния всех главных составных частей населения, жил для этого и в городах и в селах, ходил пешком из деревни в деревню, потом точно так же познакомился с румы-

нами и венграми, объехал и обошел северную Германию, оттуда пробрался опять к югу, в немецкие провинции Австрии, теперь едет в Баварию, оттуда в Швейцарию, через Вюртемберг и Баден во Францию, которую объедет и обойдет точно так же, оттуда за тем же проедет в Англию и на это употребит еще год; если останется из этого года время, он посмотрит и на испанцев, и на итальянцев, если же не останется времени — так и быть, потому что это не так «нужно», а те земли осмотреть «нужно» — зачем же? — «для соображений»; а что через год во всяком случае ему «нужно» быть уже в Северо-Американских штатах, изучить которые более «нужно» ему, чем какую-нибудь другую землю, и там он останется долго, может быть более года, а может быть и навсегда, если он там найдет себе дело, но вероятнее, что года через три он возвратится в Россию, потому что, кажется, в России — не теперь, а тогда, года через три-четыре, — «нужно» будет ему быть.[119]

Все это очень похоже на Рахметова, даже эти «нужно», запавшие в памяти рассказчика. Летами, голосом, чертами лица, насколько запомнил их рассказчик, проезжий тоже подходил к Рахметову; но рассказчик тогда не обратил особого внимания на своего спутника, который к тому же недолго и был его спутником, всего часа два: сел в вагон в каком-то городишке, вышел в какой-то деревне; потому рассказчик мог описывать его наружность лишь слишком общими выражениями, и полной достоверности тут нет: по всей вероятности, это был Рахметов, а впрочем, кто ж его знает? Может быть, и не он.

Был еще слух, что молодой русский, бывший помещик, явился к величайшему из европейских мыслителей XIX века, отцу новой философии,[120] немцу, и сказал ему так: «у меня 30 000 талеров; мне нужно только 5000; остальные я прошу взять у меня» (философ живет очень бедно). — «Зачем же?» — «На издание ваших сочинений». — Философ, натурально, не взял; но русский будто бы все-таки положил у банкира деньги на его имя и написал ему так: «Деньгами распоряжайтесь, как хотите, хоть бросьте в воду, а мне их уже не можете возвратить, меня вы не отыщете», — и будто б эти деньги так и теперь лежат у банкира. Если этот слух справедлив, то нет никакого сомнения, что к философу являлся именно Рахметов.

Так вот каков был господин, сидевший теперь в кабинете у Кирсанова.

Да, особенный человек был этот господин, экземпляр очень редкой породы. И не за тем описывается мною так подробно один экземпляр этой редкой породы, чтобы научить тебя, проницательный читатель, приличному (неизвестному тебе) обращению с людьми этой породы: тебе ни одного такого человека не видать; твои глаза, проницательный читатель, не так устроены, чтобы видеть таких людей; для тебя они невидимы; их видят только честные и смелые глаза; а для того тебе служит описание такого человека, чтобы ты хоть понаслышке знал, какие люди есть на свете. К чему оно служит для читательниц и простых читателей, это они сами знают.

Да, смешные это люди, как Рахметов, очень забавны. Это я для них самих говорю, что они смешны, говорю потому, что мне жалко их; это я для тех благородных людей говорю, которые очаровываются ими: не следуйте за ними, благородные люди, говорю я, потому что скуден личными радостями путь, на который они зовут вас; но благородные люди не слушают меня и говорят: нет, не скуден, очень богат, а хоть бы и был скуден в ином месте, так не длинно же оно, у нас достанет силы пройти это место, выйти на богатые радостью, бесконечные места. Так видишь ли, проницательный читатель, это я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такие люди, как Рахметов, смешны. А тебе, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди; а то ведь ты, пожалуй, и не поймешь сам-то; да, недурные люди. Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли.[121]

XXX

«Ну, думает проницательный читатель, теперь главным лицом будет Рахметов и заткнет за пояс всех, и Вера Павловна в него влюбится, и вот скоро начнется с Кирсановым та же история, какая была с Лопуховым». Ничего этого не будет, проницательный читатель; Рахметов просидит вечер, поговорит с Верою Павловною; я не утаю от тебя ни слова из их разговора, и ты скоро увидишь, что если бы я не хотел передать тебе этого разговора, то очень легко было бы и не передавать его и ход событий в моем рассказе нисколько не изменился бы от этого умолчания, и вперед тебе говорю, что когда Рахметов, поговорив с Верою Павловною, уйдет, то уже и совсем он уйдет из этого рассказа и что не будет он ни главным, ни неглавным, вовсе никаким действующим лицом в моем романе. Зачем же он введен в роман и так подробно описан? Вот попробуй, проницательный читатель, угадаешь ли ты это? А это будет сказано тебе на следующих страницах, тотчас же после разговора Рахметова с Верою Павловною; как только он уйдет, так это я и скажу тебе в конце главы. Угадай-ко теперь, что там будет сказано: угадать нетрудно, если ты имеешь хоть малейшее понятие о художественности, о которой ты так любишь толковать, — да куда тебе! Ну, я подскажу больше чем половину разгадки: Рахметов выведен для исполнения главнейшего, самого коренного требования художественности, исключительно только для удовлетворения ему; ну, ну, угадай хоть теперь, хоть теперь-то угадай, какое это требование, и что нужно было сделать для его удовлетворения, и каким образом оно удовлетворено через то, что показана тебе фигура Рахметова, остающаяся без

всякого влияния и участия в ходе рассказа; ну-ко, угадай. Читательница и простой читатель, не толкующие о художественности, они знают это, а попробуй-ко угадать ты, мудрец. Для того и дается тебе время, и ставится собственно для этого длинная и толстая черта между строк: видишь, как я пекусь о тебе. Остановись-ко на ней, да и подумай, не отгадаешь ли.

Приехала Мерцалова, потужила, поутешила, сказала, что с радостью станет заниматься мастерскою, не знает, сумеет ли, и опять стала тужить и утешать, помогая в разборке вещей. Рахметов, попросив соседскую служанку сходить в булочную, поставил самовар, подал, стали пить чай; Рахметов с полчаса посидел с дамами, выпил пять стаканов чаю, с ними опростал половину огромного сливочника и съел страшную массу печенья, кроме двух простых булок, служивших фундаментом: «имею право на это наслажденье, потому что жертвую целою половиною суток». Понаслаждался, послушал, как дамы убиваются, выразил три раза мнение, что «это безумие» — то есть не то, что дамы убиваются, а убить себя отчего бы то ни было, кроме слишком мучительной и неизлечимой физической болезни или для предупреждения какой-нибудь мучительной неизбежной смерти, например колесования; выразил это мнение каждый раз в немногих, но сильных словах, по своему обыкновению, налил шестой стакан, вылил в него остальные сливки, взял остальное печенье, — дамы уже давно отпили чай, — поклонился и ушел с этими материалами для финала своего материального наслаждения опять в кабинет, уже вполне посибаритствовать несколько, улегшись на диване, на каком спит каждый, но который для него нечто уже вроде капуанской роскоши.[122] «Имею право на праздник, потому жертвую 12-ю или 14-ю часами времени». Кончив материальное наслаждение, возобновил умственное — чтение комментария на «Апокалипсис». Часу в 9-м приехал полицейский чиновник сообщить жене застрелившегося дело, которое теперь уже вполне было разъяснено; Рахметов сказал, что жена уж знает и толковать с нею нечего; чиновник был очень рад, что избавился от раздирательной сцены. Потом явились Маша и Рахель, началась разборка платья и вещей: Рахель нашла, что за все, кроме хорошей шубы, которую она не советует продавать, потому что через три месяца все равно же понадобилось бы делать новую, — Вера Павловна согласилась, — так за все остальное можно дать 450 р., действительно больше нельзя было и по внутреннему убеждению Мерцаловой; таким образом, часам к 10 торговая операция была кончена: Рахель отдала 200 р., больше у нее не было, остальные она пришлет дня через три, через Мерцалову, забрала вещи и уехала, Мерцалова посидела еще с час, но пора домой кормить грудью ребенка, и она уехала, сказавши, что приедет завтра проводить на железную дорогу.

Когда Мерцалова уехала, Рахметов сложил Ньютоново «Толкование на Апокалипсис», поставил аккуратно на место и послал Машу спросить

Веру Павловну, может ли он войти к ней. Может. Он вошел с обыкновенною неторопливостью и холодностью.

— Вера Павловна, я могу теперь в значительной степени утешить вас. Теперь уже можно, раньше не следовало. Предупредив, что общий результат моего посещения будет утешителен, — вы знаете, я не говорю напрасных слов, и потому вперед должны успокоиться, — я буду излагать дело в порядке. Я вам сказал, что встретился с Александром Матвеичем и что знаю все. Это действительно правда. Я, точно, виделся с Александром Матвеичем, и, точно, я знаю все. Но я не говорил того, что я знаю все от него, и я не мог бы этого сказать, потому что действительно знаю все не от него, а от Дмитрия Сергеича, который просидел у меня часа два; я был предуведомлен, что он будет у меня, потому и находился дома, он сидел у меня часа два или более после того, как он написал записку, столько огорчившую вас. Он-то и просил...

— Вы слышали, что он хочет сделать, и не остановили его?

— Я просил вас успокоиться, потому что результат моего посещения будет утешителен. Да, я не остановил его, потому что решение его было основательно, как вы сама увидите. Я начал: — он-то и просил меня провести этот вечер у вас, зная, что вы будете огорчены, и дал мне к вам поручение. Именно меня выбрал он посредником, потому что знал меня как человека, который с буквальною точностью исполняет поручение, если берется за него, и который не может быть отклонен от точного исполнения принятой обязанности никаким чувством, никакими просьбами. Он предвидел, что вы стали бы умолять о нарушении его воли, и надеялся, что я, не тронувшись вашими мольбами, исполню ее. И я исполню ее, потому вперед прошу: — не просите у меня никакой уступки в том, что я скажу. Его поручение состоит в следующем: он, уходя, чтобы «сойти со сцены»...

— Боже мой, что он сделал! Как же вы могли не удержать его?

— Вникните в это выражение: «сойти со сцены» — и не осуждайте меня преждевременно. Он употребил это выражение в записке, полученной вами, не так ли? и мы будем употреблять именно его, потому что оно очень верно и удачно выбрано.

В глазах Веры Павловны стало выражаться недоумение; ей все яснее думалось: «я не знаю, что это? что же мне думать?» О, Рахметов, при всей видимой нелепости своей обстоятельной манеры изложения, был мастер, великий мастер вести дело! Он был великий психолог, он знал и умел выполнять законы постепенного подготовления.

— Итак, уходя, чтобы, по очень верному его выражению, «сойти со сцены», он оставил мне записку к вам...

Вера Павловна вскочила:

— Где ж она? Давайте ее! И вы могли сидеть здесь целый день, не отдавая мне ее?

— Мог, потому что видел надобность. Скоро вы оцените мои причины. Они основательны. Но прежде всего я должен объяснить вам выражение, употребленное мною в самом начале: «результат будет утешителен». Под утешительностью результата я не разумел получение вами этой записки по двум причинам, из которых первая: самое получение записки еще не было бы достаточным успокоением, чтобы заслуживать имя утешения, не правда ли? для утешения требуется нечто большее. Итак, утешение должно заключаться в самом содержании записки.

Вера Павловна опять вскочила.

— Успокойтесь, я не могу сказать, что вы ошибаетесь. Предупредив вас о содержании записки, я прошу вас выслушать вторую причину, по которой я не мог разуметь под «утешительностью результата» самое получение вами записки, а должен был разуметь ее содержание. Это содержание, характер которого мы определили, так важно, что я могу только показать вам ее, но не могу отдать вам ее. Вы прочтете, но вы ее не получите.

— Как? Вы не отдадите мне ее?

— Нет. Именно я потому и выбран, что всякий другой на моем месте отдал бы. Она не может остаться в ваших руках, потому что, по чрезвычайной важности ее содержания, характер которого мы определили, она не должна остаться ни в чьих руках. А вы захотели бы сохранить ее, если б я отдал ее. Потому, чтобы не быть принуждену отнимать ее у вас силою, я вам не отдам ее, а только покажу. Но я покажу ее только тогда, когда вы сядете, сложите на колена ваши руки и дадите слово не поднимать их.

Если бы тут был кто посторонний, он, каким бы чувствительным сердцем ни был одарен, не мог бы не засмеяться над торжественностью всей этой процедуры и в особенности над обрядными церемонностями этого ее финала. Смешно, это правда. Но как бы хорошо было для наших нерв, если бы, при сообщении нам сильных известий, умели соблюдать хоть десятую долю той выдержки подготовления, как Рахметов.

Но Вера Павловна, как человек не посторонний, конечно могла чувствовать только томительную сторону этой медленности и сама представила фигуру, которою не меньше мог потешиться наблюдатель, когда, быстро севши и торопливо, послушно сложив руки, самым забавным голосом, то есть голосом мучительного нетерпения, воскликнула: «клянусь!»

Рахметов положил на стол лист почтовой бумаги, на котором было написано десять-двенадцать строк.

Едва Вера Павловна бросила на них взгляд, она в тот же миг, вспыхнув, забывши всякие клятвы, вскочила; как молния мелькнула ее рука, чтобы схватить записку, но записка была уж далеко, в поднятой руке Рахметова.

— Я предвидел это — и потому, как вы заметили бы, если бы могли замечать, не отпускал своей руки от записки. Точно так же я буду продолжать держать этот лист за угол все время, пока он будет лежать на столе. Потому всякие ваши попытки схватить его будут напрасны.

Вера Павловна опять села и сложила руки. Рахметов опять положил перед ее глазами записку. Она двадцать раз с волнением перечитывала ее. Рахметов стоял подле ее кресла очень терпеливо, держа рукою угол листа. Так прошло с четверть часа. Наконец, Вера Павловна подняла руку уже смирно, очевидно не с похитительными намерениями, закрыла ею глаза: «как он добр, как он добр!» проговорила она.

— Я не вполне разделяю ваше мнение, и почему — мы объяснимся. Это уже не будет исполнением его поручения, а выражением только моего мнения, которое высказал я и ему в последнее наше свидание. Его поручение состояло только в том, чтобы я показал вам эту записку и потом сжег ее. Вы довольно видели ее?

— Еще, еще.

Она опять сложила руки, он опять положил записку и с прежним терпением опять стоял добрую четверть часа. Она опять закрыла лицо руками и твердила: «о, как он добр, как он добр!»

— Насколько вы могли изучить эту записку, вы изучили ее. Если бы вы были в спокойном состоянии духа, вы не только знали бы ее наизусть, форма каждой буквы навеки врезалась бы в вашей памяти, так долго и внимательно вы смотрели на нее. Но в таком волнении, как вы теперь, законы запоминания нарушаются, и память может изменить вам. Предусматривая этот шанс, я сделал копию с записки, и вы всегда, когда вам будет угодно, можете видеть у меня эту копию. Через несколько времени я, вероятно, даже найду возможным отдать вам ее. А теперь, я полагаю, уже можно сжечь оригинал, и тогда мое поручение будет кончено.

— Покажите еще.

Он опять положил записку. Вера Павловна на этот раз беспрестанно поднимала глаза от бумаги: видно было, что она заучивает записку наизусть и проверяет себя, твердо ли ее выучила. Через несколько минут она вздохнула и перестала поднимать глаза от записки.

— Теперь, как я вижу, уже достаточно. Пора. Уже двенадцать часов, а я еще хочу изложить вам свои мысли об этом деле, потому что считаю полезным для вас узнать мое мнение о нем. Вы согласны?

— Да.

Записка в то же мгновение запылала в огне свечи.

— Ах! — вскрикнула Вера Павловна: — я не то сказала, зачем?

— Да, вы сказали только, что согласны слушать меня. Но уже все равно. Надобно же было когда-нибудь сжечь. — Говоря эти слова, Рахметов сел. — И притом осталась копия с записки. Теперь, Вера Павловна, я вам выражу свое мнение о деле. Я начну с вас. Вы уезжаете. Почему?

— Мне было бы очень тяжело оставаться здесь. Вид мест, которые напоминали бы прошлое, расстроивал бы меня.

— Да, это чувство неприятное. Но неужели много легче было бы вам во всяком другом месте? Ведь очень немногим легче. И между тем что вы делали? Для получения ничтожного облегчения себе вы бросили на произвол случая пятьдесят человек, судьба которых от вас зависела. Хорошо ли это?

Куда девалась скучная торжественность тона Рахметова! Он говорил живо, легко, просто, коротко, одушевленно.

— Да, но ведь я хотела просить Мерцалову.

— Это не так. Вы не знаете, в состоянии ли она заменить вас в мастерской: ведь ее способность к этому еще не испытана. А тут требуется способность довольно редкая. Десять шансов против одного, что вас некому было заменить и что ваш отъезд губил мастерскую. Хорошо ли это? Вы подвергали почти верной, почти неизбежной гибели благосостояние пятидесяти человек. И из-за чего? Из-за маленького удобства себе. Хорошо ли это? Какая нежная заботливость к ничтожнейшему облегчению для себя — и какое бесчувствие к судьбе других! Как вам нравится эта сторона вашего дела?

— Почему же вы не останавливали меня?

— Вы бы не послушались. Да ведь я же и знал, что вы скоро возвратитесь, стало быть дело не будет иметь ничего важного. Виновата вы?

— Кругом, — сказала Вера Павловна, отчасти шутя, но отчасти, даже больше, чем отчасти, и серьезно.

— Нет, это еще только одна сторона вашей вины. Кругом будет гораздо больше. Но за покаяние награда: помощь в исправлении другой вины, которую еще можно исправить. Вы теперь спокойна, Вера Павловна?

— Да, почти.

— Хорошо. Как вы думаете, спит Маша? Нужна она вам теперь на что-нибудь?

— Конечно, нет.

— А ведь вы уж успокоились; стало быть, вы уже могли бы вспомнить, что надобно сказать ей: спи, уж первый час, — а ведь она поутру встает рано. Кто должен был вспомнить об этом, вы или я? Я пойду скажу ей, чтобы спала. И тут же кстати — за новое покаяние, ведь вы опять каетесь, — новая награда, я наберу, что там есть вам поужинать. Ведь вы не обедали ныне; а теперь, я думаю, уж есть аппетит.

— Да, есть; вижу, что есть и очень даже, когда вы напомнили, — сказала Вера Павловна, уж вовсе смеясь.

Рахметов принес холодное кушанье, оставшееся от обеда, — Маша указала ему сыр, баночку с какими-то грибами; закуска составилась очень исправная, — принес два прибора, сделал все сам.

— Видите, Рахметов, с каким усердием я ем, значит хотелось; а ведь не чувствовала и про себя забыла, не про одну Машу; стало быть, я еще не такая злонамеренная преступница.

— И я не такое чудо заботливости о других, что вспомнил за вас о вашем аппетите: мне самому хотелось есть, я плохо пообедал; правда, съел столько, что другому было бы заглаза довольно на полтора обеда, но вы знаете, как я ем — за двоих мужиков.

— Ах, Рахметов, вы были добрым ангелом не для одного моего аппетита. Но зачем же вы целый день сидели, не показывая записки? Зачем вы так долго мучили меня?

— Причина очень солидная. Надобно было, чтобы другие видели, в каком вы расстройстве, чтоб известие о вашем ужасном расстройстве разнеслось для достоверности события, вас расстроившего. Ведь вы не захотели бы притворяться. Да и невозможно вполне заменить натуру ничем, натура все-таки действует гораздо убедительнее. Теперь три источника достоверности события: Маша, Мерцалова, Рахель. Мерцалова особенно важный источник — ведь это уж на всех ваших знакомых. Я был очень рад вашей мысли послать за нею.

— Какой же вы хитрый, Рахметов!

— Да, это не глупо придумано — ждать до ночи, только не мной; это придумал Дмитрий Сергеич сам.

— Какой он добрый! — Вера Павловна вздохнула, только, по правде сказать, вздохнула не с печалью, а лишь с признательностию.

— Э, Вера Павловна, мы его еще разберем. В последнее время он, точно, обдумал все умно и поступал отлично. Но мы найдем за ним грешки, и очень крупненькие.

— Не смейте, Рахметов, так говорить о нем. Слышите, я рассержусь.

— Вы бунтовать? за это наказание. Продолжать казнить вас? ведь список ваших преступлений только еще начат.

— Казните, казните, Рахметов.

— За покорность награда. Покорность всегда награждается. У вас, конечно, найдется бутылка вина. Вам не дурно выпить. Где найти? В буфете или где в шкапе?

— В буфете.

В буфете нашлась бутылка хересу. Рахметов заставил Веру Павловну выпить две рюмки, а сам закурил сигару.

— Как жаль, что не могу и я выпить три-четыре рюмки — хотелось бы.

— Неужели хотелось бы, Рахметов?

— Завидно, Вера Павловна, завидно, — сказал он смеясь. — Человек слаб.

— Вы-то еще слаб, слава богу! Но, Рахметов, вы удивляете меня. Вы совсем не такой, как мне казалось. Отчего вы всегда такое мрачное чудовище? А ведь вот теперь вы милый, веселый человек.

— Вера Павловна, я исполняю теперь веселую обязанность, отчего ж мне не быть веселым? Но ведь это случай, это редкость. Вообще видишь невеселые вещи; как же тут не будешь мрачным чудовищем? Только, Вера Павловна, если уж случилось вам видеть меня в таком духе, в каком я был бы рад быть всегда, и дошло у нас до таких откровенностей, — пусть это будет секрет, что я не по своей охоте мрачное чудовище. Мне легче исполнять мою обязанность, когда не замечают, что мне самому хотелось бы не только исполнять мою обязанность, но и радоваться жизнью; теперь меня уж и не стараются развлекать, не отнимают у меня времени на отнекивание от зазывов. А чтобы вам легче было представлять меня не иначе как мрачным чудовищем, надобно продолжать следствие о ваших преступлениях.

— Да чего ж вам больше? — вы уж и так отыскали два, бесчувственность к Маше и бесчувственность к мастерской. Я каюсь.

— Бесчувственность к Маше — только проступок, а не преступление: Маша не погибала оттого, что терла бы себе слипающиеся глаза лишний час, — напротив, она делала это с приятным чувством, что исполняет свой долг. Но за мастерскую я действительно хочу грызть вас.

— Да ведь уж изгрызли.

— Еще не всю, а я хочу изгрызть всю вас. Как вы могли бросать ее на погибель?

— Да ведь уж я раскаялась и не бросала же: ведь Мерцалова согласилась заменить меня.

— Мы уж говорили, что ваше намерение заменить себя ею — недостаточное извинение. Но вы этою отговоркою только уличили себя в новом преступлении. — Рахметов постепенно принимал опять серьезный, хотя и не мрачный тон. — Вы говорите, что она заменяет вас, — это решено?

— Да, — сказала Вера Павловна без прежней шутливости, уже предчувствуя, что из этого выходит действительно что-то нехорошее.

— Извольте же видеть. Дело решено, кем? вами и ею; решено без всякой справки, согласны ли те пятьдесят человек на такую перемену, не хотят ли они чего-нибудь другого, не находят ли они чего-нибудь лучшего. Ведь это деспотизм, Вера Павловна. Вот уж за вами два великие преступления: безжалостность и деспотизм. Но третье еще более тяжелое. Учреждение, которое более или менее хорошо соответствовало здравым идеям об устройстве быта, которое служило более или менее важным подтверждением практичности их, — а ведь практических доказательств этого еще так мало, каждое из них еще так драгоценно, — это учреждение вы подвергали риску погибнуть, обратиться из доказательства практичности в свидетельство неприменимости, нелепости ваших убеждений, средством для опровержения идей, благотворных для человечества; вы подавали аргумент против святых ваших принципов защитникам мрака и зла. Теперь я не говорю уже о том, что вы разрушали благосостояние 50 человек, — что значит 50 человек! — вы вредили делу человечества, изме-

няли делу прогресса. Это, Вера Павловна, то, что на церковном языке называется грехом против духа святого, — грехом, о котором говорится, что всякий другой грех может быть отпущен человеку, но этот — никак, никогда. Правда ли? преступница? Но хорошо, что все это так кончилось и что ваши грехи совершены только вашим воображением. А ведь однако ж вы в самом деле покраснели, Вера Павловна. Хорошо, я вам доставлю утешение. Если бы вы не страдали очень сильно, вы не совершили бы таких преступных вещей и в воображении. Значит, настоящий преступник и по этим вещам — тот, кто так сильно расстроил вас. А вы твердите: как он добр, как он добр!

— Как? По-вашему, он был виноват, что я страдала?

— А то кто же? И все это дело, — он вел его хорошо, я не спорю, — но зачем оно было? зачем весь этот шум? ничему этому вовсе не следовало быть.

— Да, я не должна была иметь этого чувства. Но ведь я не звала его, я старалась подавить его.

— Ну вот, не была должна. В чем вы виновата, того вы не замечали, а в чем ничуть не виновата, за то корите себя! Этому чувству необходимо должно было возникнуть, как скоро даны характеры ваш и Дмитрия Сергеича: не так, то иначе оно все-таки развилось бы; ведь здесь коренное чувство вовсе не то, что вы полюбили другого, это уже последствие; коренное чувство — недовольство вашими прежними отношениями. В какую форму должно было развиться это недовольство? Если бы вы и он, оба, или хоть один из вас, были люди не развитые, не деликатные или дурные, оно развилось бы в обыкновенную свою форму — вражда между мужем и женою, вы бы грызлись между собою, если бы оба были дурны, или один из вас грыз бы другого, а другой был бы сгрызаем, — во всяком случае, была бы семейная каторга, которою мы и любуемся в большей части супружеств; она, конечно, не помешала бы развиться и любви к другому, но главная штука была бы в ней, в каторге, в грызении друг друга. У вас такой формы не могло принять это недовольство, потому что оба вы люди порядочные, и развилось только в легчайшую, мягчайшую, безобиднейшую свою форму, в любовь к другому. Значит, о любви к другому тут и толковать нечего: вовсе не в ней сущность дела. Сущность дела — недовольство прежним положением; причина недовольства — несходство характеров. Оба вы хорошие люди, но когда ваш характер, Вера Павловна, созрел, потерял детскую неопределенность, приобрел определенные черты, — оказалось, что вы и Дмитрий Сергеич не слишком годитесь друг для друга. Что тут предосудительного кому-нибудь из вас? Ведь вот и я хороший человек, а могли бы вы ужиться со мною? Вы повесились бы от тоски со мною — через сколько дней, как вы полагаете?

— Через немного дней — сказала Вера Павловна, смеясь.

— Он не такое мрачное чудовище, как я, а все-таки вы и он слишком не под стать друг другу. Кто должен был первый заметить это? Кто старее летами, чей характер установился раньше, кто имел больше опытности в жизни? он был должен предвидеть и приготовить вас, чтобы вы не пугались и не убивались. А он понял это лишь тогда, когда не только что вполне развилось чувство, которого он должен был ждать и не ждал, а когда уж даже явилось последствие этого чувства, другое чувство. Отчего ж он не предвидел и не заметил? Глуп он, что ли? Достало бы ума. Нет, от невнимательности, небрежности он пренебрегал своими отношениями к вам, Вера Павловна, — вот что! А вы твердите: добрый он, любил меня! — Рахметов, постепенно одушевляясь, говорил уже с жаром. Но Вера Павловна остановила его.

— Я не должна слушать вас, Рахметов, — сказала она тоном резкого неудовольствия: — вы осыпаете упреками человека, которому я бесконечно обязана.

— Нет, Вера Павловна, если бы вам не нужно было слушать этого, я бы не стал говорить. Что я, в нынешний день, что ли, заметил это? Что я, с нынешнего дня, что ли, мог бы сказать это? Ведь вы знаете, что разговора со мною нельзя избежать, если мне покажется, что нужен разговор. Значит, я бы мог сказать вам это и прежде, но ведь молчал же. Значит, если теперь стал говорить, то нужно говорить. Я не говорю ничего раньше, чем нужно. Вы видели, как я выдержал записку целых девять часов в кармане, хоть мне и жалко было смотреть на вас. Но было нужно молчать, я молчал. Следовательно, если теперь заговорил, что я очень давно думал об отношениях Дмитрия Сергеича к вам, стало быть нужно говорить о них.

— Нет, я не хочу слушать, — с чрезвычайною горячностью сказала Вера Павловна: — я вас прошу молчать, Рахметов. Я вас прошу уйти. Я очень обязана вам за то, что вы потеряли для меня вечер. Но я вас прошу уйти.

— Решительно?

— Решительно.

— Хорошо-с, — сказал он, смеясь. — Нет-с, Вера Павловна, от меня не отделаетесь так легко. Я предвидел этот шанс и принял свои меры. Ту записку, которая сожжена, он написал сам. А вот эту он написал по моей просьбе. Эту я могу оставить вам, потому что она не документ. Извольте. — Рахметов подал Вере Павловне записку.

«11 июля. 2 часа ночи. Милый друг Верочка, выслушай все, что тебе будет говорить Рахметов. Я не знаю, что хочет он говорить тебе, я ему не поручал говорить ничего, он не делал мне даже и намека о том, что он хочет тебе говорить. Но я знаю, что он никогда не говорит ничего, кроме того, что нужно. Твой Д. Л.».

Вера Павловна бог знает сколько раз целовала эту записку.

— Зачем же вы не отдавали мне ее? У вас, может быть, есть еще что-нибудь от него?

— Нет, ничего больше нет, потому что ничего больше не было нужно. Зачем не отдавал? — пока не было в ней надобности, не нужно было отдавать.

— Боже мой, как же зачем? Да для доставления мне удовольствия иметь от него несколько строк после нашей разлуки.

— Да, вот разве для этого, — ну, это не так важно, — он улыбнулся.

— Ах, Рахметов, вы хотите бесить меня!

— Так эта записка служит причиною новой ссоры между нами? — сказал он, опять смеясь: — если так, я отниму ее у вас и сожгу, ведь вы знаете, про таких людей, как мы с вами, говорят, что для нас нет ничего святого. Ведь мы способны на всякие насилия и злодейства. Но что же, могу я продолжать?

Оба они поостыли, она от получения записки, он от того, что просидел несколько минут молча, пока она целовала ее.

— Да, я обязана слушать.

— Он не замечал того, что должен был заметить, — начал Рахметов спокойным тоном: — это произвело дурные последствия. Но если не винить его за то, что он не замечал, это все-таки не извиняет его. Пусть он не знал, что это должно неизбежно возникнуть из сущности данных отношений между вашим и его характером, он все-таки должен был на всякий случай приготовить вас к чему-нибудь подобному, просто как к делу случайности, которой нельзя желать, которой незачем ждать, но которая все-таки может представиться: ведь за будущее никак нельзя ручаться, какие случайности может привести оно. Эту-то аксиому, что бывают всякие случайности, уж наверное он знал. Как же он оставлял вас в таком состоянии мыслей, что, когда произошло это, вы не были приготовлены? То, что он не предвидел этого, произошло от пренебрежения, которое обидно для вас, но само по себе вещь безразличная, ни дурная, ни хорошая; то, что он не подготовил вас на всякий случай, произошло из побуждения положительно дурного. Конечно, он действовал бессознательно, но ведь натура и сказывается в таких вещах, которые делаются бессознательно. Подготовлять вас к этому противоречило бы его выгодам, ведь подготовкою ослаблялось бы ваше сопротивление чувству, несогласному с его интересами. В вас возникло такое сильное чувство, что и самое сильное ваше сопротивление осталось напрасным; но ведь это опять случайность, что оно явилось с такою силою. Будь оно внушено человеком менее заслуживающим его, хотя все-таки достойным, оно было бы слабее. Такие сильные чувства, против которых всякая борьба бесполезна, редкое исключение. Гораздо больше шансов для появления таких чувств, которые можно одолеть, если сила сопротивления совершенно не ослаблена. Вот для этих-то вероятнейших шансов ему и

не хотелось ослаблять ее. Вот мотив, по которому он оставил вас неподготовленною и подверг стольким страданиям. Как вам это нравится?

— Это неправда, Рахметов. Он не скрывал от меня своего образа мыслей. Его убеждения были так же хорошо известны мне, как вам.

— Конечно, Вера Павловна. Скрывать — это было бы уже слишком. Мешать развитию в вас убеждений, которые соответствовали бы его собственным убеждениям, для этого притворяться думающим не то, что думает, это было бы уже прямо бесчестным делом. Такого человека вы никогда бы и не полюбили. Разве я называл его дурным человеком? Он человек очень хороший, как же не хороший? — я, сколько вам угодно, буду хвалить его. Я только говорю, что прежде, чем возникло это дело, — когда оно возникло, он поступал хорошо, — но прежде, чем оно возникло, он поступал с вами дурно. Из-за чего вы мучились? Он говорил, —да тут и говорить-то нечего, это видно само по себе, — из-за того, чтоб не огорчить его. Как же могла остаться в вас эта мысль, что это очень сильно огорчит его? Ей не следовало оставаться в вас. Какое тут огорчение? Это глупо. Что за ревности такие!

— Вы не признаете ревности, Рахметов?

— В развитом человеке не следует быть ей. Это искаженное чувство, это фальшивое чувство, это гнусное чувство, это явление того порядка вещей, по которому я никому не даю носить мое белье, курить из моего мундштука; это следствие взгляда на человека, как на мою принадлежность, как на вещь.

— Но, Рахметов, если не признавать ревности, из этого выходят страшные последствия.

— Для того, кто имеет ее, они страшны, а для того, кто не имеет ее, в них нет ничего не только страшного, даже важного.

— Но вы проповедуете полную безнравственность, Рахметов!

— Вам так кажется после четырех лет жизни с ним? Вот в этом-то он и виноват. Сколько раз в день вы обедаете? Один. Был бы кто-нибудь в претензии на то, если бы вы стали обедать два раза? Вероятно, нет. Почему ж вы этого не делаете? Боитесь, что ли, огорчить кого-нибудь? Вероятно, просто потому, что это вам не нужно, что этого вам не хочется. А ведь обед вещь приятная. Да ведь рассудок и, главное, сам желудок говорит, что один обед приятен, а другой уж был бы неприятен. Но если у вас есть фантазия или болезненная охота обедать по два раза, удержало бы вас от этого опасение огорчить кого-нибудь? Нет, если бы кто огорчался этим или запрещал это, вы только стали бы скрываться, стали бы кушать блюда в плохом виде, пачкали бы ваши руки от торопливого хватанья кушанья, пачкали бы ваше платье оттого, что прятали бы его в карманы, — только. Вопрос тут вовсе не о нравственности или безнравственности, а только о том, хорошая ли вещь контрабанда. Кого удерживает понятие о том, что ревность — чувство, достойное уважения и пощады, что «ах, если я сделаю это, я огорчу», — кого это

заставляет попусту страдать в борьбе? Только немногих, самых благородных, за которых уж никак нельзя опасаться, что натура их повлекла бы к безнравственности. Остальных этот вздор нисколько не удерживает, а только заставляет хитрить, обманывать, то есть делает действительно дурными. Вот вам и все. Разве вам не известно это?

— Конечно, известно.

— Где ж вы после этого отыщете нравственную пользу ревности?

— Да ведь мы с ним сами всегда говорили в этом духе.

— Вероятно, не совсем в этом, или говорили слова, да не верили друг другу, слыша друг от друга эти слова, а не верили конечно потому, что беспрестанно слышали по всяким другим предметам, а, может быть, и по этому самому предмету слова в другом духе; иначе как же вы мучились бог знает сколько времени? и из-за чего? Из-за каких пустяков какой тяжелый шум! Сколько расстройства для всех троих, особенно для вас, Вера Павловна! Между тем как очень спокойно могли бы вы все трое жить по-прежнему, как жили за год, или как-нибудь переместиться всем на одну квартиру, или иначе переместиться, или как бы там пришлось, только совершенно без всякого расстройства, и по-прежнему пить чай втроем, и по-прежнему ездить в оперу втроем. К чему эти мученья? К чему эти катастрофы? И все оттого, что у вас, благодаря прежнему дурному способу его держать вас неприготовленною к этому, осталось понятие: «я убиваю его этим», чего тогда вовсе не было бы. Да, он наделал вам очень много лишнего горя.

— Нет, Рахметов, вы говорите ужасные вещи.

— Опять «ужасные вещи»! Для меня ужасны: мученья из-за пустяков и катастрофы из-за вздора.

— Так по-вашему, вся наша история — глупая мелодрама?

Да, совершенно ненужная мелодрама с совершенно ненужным трагизмом. И в том, что вместо простых разговоров самого спокойного содержания вышла раздирательная мелодрама, виноват Дмитрий Сергеич. Его честный образ действия в ней едва-едва достаточен для покрытия его прежней вины, что он не предотвратил эту мелодраму подготовлением вас, да и себя, вероятно, к очень спокойному взгляду на все это, как на чистый вздор, из-за которого не стоит выпить лишний стакан чаю или не допить одного стакана чаю. Он сильно виноват. Ну, да он довольно поплатился. Выпейте еще рюмку хереса и ложитесь спать. Я достиг теперь и последней цели своего посещения: вот уже три часа; если вас не будить, вы проспите очень долго. А я сказал Маше, чтобы она не будила вас раньше половины одиннадцатого, так что завтра, едва успеете вы напиться чаю, как уж надобно будет вам спешить на железную дорогу; ведь если и не успеете уложить всех вещей, то скоро вернетесь, или вам привезут их; как вы думаете сделать, чтобы вслед за вами поехал Александр Матвеич, или сами вернетесь? а вам теперь было бы тяжело с Машею, ведь не годилось бы, если б она заметила, что вы совершенно

спокойны. Да где будет ей заметить в полчаса торопливых сборов? Гораздо хуже была бы Мерцалова. Но я зайду к ней рано поутру и скажу ей, чтобы не приезжала сюда, потому что вы долго не спали и не должно вас будить, а ехала бы прямо на железную дорогу.

— Какая заботливость обо мне! — сказала Вера Павловна.

— Уж хоть этого-то не приписывайте ему, это уж я сам. Но кроме того, что я его браню за прежнее, — в глаза ему я, конечно, наговорил побольше и посильнее, — кроме того, что он кругом виноват в возникновении всего этого пустого мучения, в самое время пустого мученья он держал себя похвально.

XXXI

БЕСЕДА С ПРОНИЦАТЕЛЬНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ И ИЗГНАНИЕ ЕГО

Скажи же, о проницательный читатель, зачем выведен Рахметов, который вот теперь ушел и больше не явится в моем рассказе? Ты уж знаешь от меня, что это фигура, не участвующая в действии...

— Неправда, — перебивает меня проницательный читатель: — Рахметов действующее лицо: ведь он принес записку, от которой...

— Уж очень плох ты, государь мой, в эстетических рассуждениях, которые так любишь, — перебиваю я его: — после этого, по-твоему, и Маша действующее лицо? Ведь она в самом начале рассказа тоже принесла письмо, от которого пришла в ужас Вера Павловна. И Рахель действующее лицо? ведь она дала за вещи деньги, без которых не могла бы Вера Павловна уехать. И профессор N действующее лицо, потому что рекомендовал Веру Павловну в гувернантки г-же Б., без чего не вышло бы сцены возвращения с Конногвардейского бульвара? Может быть, и Конногвардейский бульвар — действующее лицо? потому что ведь без него не было бы сцены свидания на нем и возвращения с него? А Гороховая улица этак выйдет уж самое главное действующее лицо, потому что без нее не было б и домов, стоящих на ней, значит и дома Сторешникова, значит не было бы и управляющего этим домом, и дочери управляющего этим домом не было бы, а тогда ведь и всего рассказа вовсе бы не было. Ну, однако, положим по-твоему, что все это действующие лица: Конногвардейский бульвар и Маша, Рахель и Гороховая улица, так ведь о них и сказано по пяти слов или того меньше, потому что действие их такое, которое больше пяти слов не стоит, а посмотрите-ко, сколько страниц отдано Рахметову.

— А, теперь знаю, — говорит проницательный читатель: — Рахметов выведен затем, чтобы произнесть приговор о Вере Павловне и Лопухове, он нужен для разговора с Верою Павловною.

— О, да как же ты плох, государь мой! Как раз наоборот понимаешь дело. Разве нужно было выводить особого человека затем, чтоб он высказал свое мнение о других лицах? По этаким надобностям, может быть,

выводят и уводят людей в своих произведениях твои великие художники, а я, хоть и плохой писатель, а все-таки несколько получше понимаю условия художественности. Нет, государь мой, Рахметов вовсе не был нужен для этого. Сколько раз сама Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов выражают сами свое мнение о своих поступках и отношениях? Они люди не глупые, они сами могут рассудить, что хорошо, что дурно, на это им не нужно суфлера. Неужели ты думаешь, что сама Вера Павловна, когда на досуге через несколько дней стала бы вспоминать прошлую сумятицу, не осудила бы свою забывчивость о мастерской точно так же, как осудил Рахметов? И неужели ты полагаешь, что Лопухов сам не думал о своих отношениях к Вере Павловне всего того, что сказал о нем Вере Павловне Рахметов? Он все это думал; порядочные люди сами думают о себе все то, что можно сказать в осуждение им, потому-то, государь мой, они и порядочные люди, — разве ты этого не знал? Очень же плох ты, государь мой, по части соображений о том, что думают порядочные люди. Я тебе скажу больше: неужели ты полагал, что Рахметов в разговоре с Верою Павловною действовал независимо от Лопухова? Нет, государь мой: он был тут лишь орудием Лопухова, и сам тогда же очень хорошо понимал, что он тут лишь орудие Лопухова, и Вера Павловна догадалась об этом через день или через два, и догадалась бы в ту же самую минуту, как Рахметов раскрыл рот, если бы не была слишком взволнована: вот как на самом-то деле были вещи, неужели ты и этого не понимал? Конечно, Лопухов во второй записке говорит совершенно справедливо, что ни он Рахметову, ни Рахметов ему ни слова не сказал, каково будет содержание разговора Рахметова с Верою Павловною; да ведь Лопухов хорошо знал Рахметова, и что Рахметов думает о каком деле, и как Рахметов будет говорить в каком случае, ведь порядочные люди понимают друг друга, и не объяснившись между собою; Лопухов мог бы вперед чуть не слово в слово написать все, что будет говорить Рахметов Вере Павловне, именно потому-то он и просил Рахметова быть посредником. Не посвятить ли тебя еще глубже в психологические тайны? Лопухов очень хорошо знал, что все, что думает теперь про себя он и думает про него Рахметов (и думает Мерцалов, и думает Мерцалова, и думает тот офицер, который боролся с ним на Островах), стала бы через несколько времени думать про него и Вера Павловна, хотя ей никто этого не скажет. Она сейчас же увидела бы это, как только прошла бы первая горячка благодарности; следовательно, рассчитывал Лопухов, в окончательном результате я ничего не проигрываю оттого, что посылаю к ней Рахметова, который будет ругать меня, ведь она и сама скоро дошла бы до такого же мнения; напротив, я выигрываю в ее уважении: ведь она скоро сообразит, что я предвидел содержание разговора Рахметова с нею — и устроил этот разговор, и зачем устроил; вот она и подумает: «какой он благородный человек, знал, что в те первые дни волнения признательность моя к нему подавляла бы меня своею экзальтиро-

ванностью, и позаботился, чтобы в уме моем как можно поскорее явились мысли, которыми облегчилось бы это бремя; ведь хотя я и сердилась на Рахметова, что он бранит его, а ведь я тогда же поняла, что, в сущности, Рахметов говорит правду; сама я додумалась бы до этого через неделю, но тогда это было бы для меня уж не важно, я и без того была бы спокойна; а через то, что эти мысли были высказаны мне в первый же день, я избавилась от душевной тягости, которая иначе длилась бы целую неделю. В тот день эти мысли были для меня очень важны и полезны... да, он очень благородный человек». Вот какую штуку устроил Лопухов, а Рахметов был только его орудием. Видишь ли, государь мой, проницательный читатель, какие хитрецы благородные-то люди, и как играет в них эгоизм-то: не так, как в тебе, государь мой, потому что удовольствие-то находят они не в том, в чем ты, государь мой; они, видишь ли, высшее свое наслаждение находят в том, чтобы люди, которых они уважают, думали о них как о благородных людях, и для этого, государь мой, они хлопочут и придумывают всякие штуки не менее усердно, чем ты для своих целей, только цели-то у вас различные, потому и штуки придумываются неодинаковые тобою и ими: ты придумываешь дрянные, вредные для других, а они придумывают честные, полезные для других.

— Однако как ты смеешь говорить мне грубости? — восклицает проницательный читатель, обращаясь ко мне: — я за это подам на тебя жалобу, расславлю тебя человеком неблагонамеренным!

— Пощадите, государь мой, — отвечаю я: — смею ли я говорить вам грубости, когда ваш характер я столько же уважаю, как и ваш ум. А я только осмеливаюсь просвещать вас по части художественности, которую вы так любите. Вы в этом отношении заблуждались, государь мой, полагая, будто Рахметов выведен собственно для произнесения приговора о Вере Павловне и Лопухове. Не было такой надобности: в мыслях, которые он о них высказывает, нет ничего такого, чего бы я не мог сообщить тебе, государь мой, как мысли самого Лопухова о себе и как мысли, которые и без Рахметова имела бы через несколько времени Вера Павловна о себе и о Лопухове. Теперь, государь мой, вопрос тебе: зачем же я сообщаю тебе разговор Рахметова с Верою Павловною? Понимаешь ли ты теперь, что если я сообщаю тебе не мысли Лопухова и Веры Павловны, а разговор Рахметова с Верою Павловною, то нужно сообщить не те только мысли, которые составляли сущность разговора, но именно разговор? Зачем же нужно сообщать тебе именно этот разговор? Затем, что он разговор Рахметова с Верою Павловною; понимаешь ли хоть теперь? Все еще нет? Хорош же, однако, ты. Плох по части смысла-то, плох. Ну вот тебе, раскушу: если разговаривают два человека, то из разговора бывает более или менее виден характер этих людей, — понимаешь, к чему идет дело? Характер Веры Павловны был ли тебе достаточно известен до этого разговора? Был, ты не узнал тут ни-

чего нового о ней; ты уже знал, что она и вспыхивает, и шутит, и непрочь покушать с аппетитом, и, пожалуй, выпить рюмочку хересу, значит разговор нужен для характеристики не Веры Павловны, а кого же? ведь разговаривающих-то двое: она да Рахметов, для характеристики не ее, а ну-тко, угадай?

— Рахметова! — восклицает проницательный читатель.

— Ну вот, молодец, угадал, за это люблю. Так видишь ли, совершенно наоборот против того, как представлялось было тебе прежде. Не Рахметов выведен для того, чтобы вести разговор, а разговор сообщен тебе для того, и единственно только для того, чтобы еще побольше познакомить тебя с Рахметовым. Из этого разговора ты увидел, что Рахметову хотелось бы выпить хересу, хоть он и не пьет, что Рахметов не безусловно «мрачное чудовище», что, напротив, когда он за каким-нибудь приятным делом забывает свои тоскливые думы, свою жгучую скорбь, то он и шутит, и весело болтает, да только, говорит, редко мне это удается, и горько, говорит, мне, что мне так редко это удается, я, говорит, и сам не рад, что я «мрачное чудовище», да уж обстоятельства-то такие, что человек с моею пламенною любовью к добру не может не быть «мрачным чудовищем», а как бы не это, говорит, так я бы, может быть, целый день шутил да хохотал, да пел, да плясал.

Понял ли ты теперь, проницательный читатель, что хотя много страниц употреблено на прямое описание того, какой человек был Рахметов, но что в сущности еще гораздо больше страниц посвящено всё исключительно тому же, чтобы познакомить тебя все с тем же лицом, которое вовсе не действующее лицо в романе? Скажи же мне теперь, зачем выставлена и так подробно описана эта фигура? Помнишь, я сказал тебе тогда: «единственно для удовлетворения главному требованию художественности». Подумай-ко, какое оно и как удовлетворяется через постановление перед тобою фигуры Рахметова. Додумался ли? Да нет, куда тебе. Ну, слушай же. Или нет, не слушай, ты не поймешь, отстань, довольно я потешался над тобою. Я теперь говорю уж не с тобою, я говорю с публикою, и говорю серьезно.

Первое требование художественности состоит вот в чем: надобно изображать предметы так, чтобы читатель представлял себе их в истинном их виде. Например, если я хочу изобразить дом, то надобно мне достичь того, чтобы он представлялся читателю именно домом, а не лачужкою и не дворцом. Если я хочу изобразить обыкновенного человека, то надобно мне достичь того, чтобы он не представлялся читателю ни карликом и ни гигантом.

Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения, людей, которых я встречаю целые сотни. Я взял троих таких людей: Веру Павловну, Лопухова, Кирсанова. Такими обыкновенными людьми я их считаю, сами они считают себя, считают их все знакомые, то есть такие же люди, как они. Где я говорил о них не в таком духе? Что

я рассказывал о них не такого? Я изображал их с любовью и уважением, потому что каждый порядочный человек стоит любви и уважения. Но где я преклонялся перед ними? Где проглядывает у меня хоть малейшая тень мысли, что они уж бог знает как высоки и прекрасны, что я не могу представить себе ничего выше и лучше их, что они — идеалы людей? Как я о них думаю, так они и действуют у меня, — не больше как обыкновенные порядочные люди нового поколения. Что они делают превыспреннего? Не делают подлостей, не трусят, имеют обыкновенные честные убеждения, стараются действовать по ним, и только — экое какое геройство, в самом деле! Да, мне хотелось показать людей, действующих, как все обыкновенные люди их типа, и надеюсь, мне удалось достичь этого. Те читатели, которые близко знают живых людей этого типа, надеюсь, постоянно видели с самого начала, что главные мои действующие лица — нисколько не идеалы, а люди вовсе не выше общего уровня людей своего типа, что каждый из людей их типа переживал не два, не три события, в которых действовал нисколько не хуже того, как они у меня. Положим, что другие порядочные люди переживали не точно такие события, как рассказываемое мною; ведь в этом нет решительно никакой ни крайности, ни прелести, чтобы все жены и мужья расходились, ведь вовсе не каждая порядочная женщина чувствует страстную любовь к приятелю мужа, не каждый порядочный человек борется со страстью к замужней женщине, да еще целые три года, и тоже не всякий бывает принужден застрелиться на мосту или (по словам проницательного читателя) так неизвестно куда пропасть из гостиницы. Но каждый порядочный человек вовсе не счел бы геройством поступить на месте этих изображенных мною людей точно так же, как они, и совершенно готов к этому, если бы так случилось, и много раз поступал не хуже в случаях не менее или даже и более трудных, и все-таки не считает себя удивительным человеком, а только думает о себе, что я, дескать, так себе, ничего, довольно честный человек. И добрые знакомые такого человека (всё такие же люди, как он: с другими не водится у него доброго знакомства) тоже так думают про него, что, дескать, он хороший человек, но на колена перед ним и не воображают становиться, а думают себе: и мы такие же, как он. Надеюсь, я успел достичь этого, что каждый порядочный человек нового поколения узнает обыкновенный тип своих добрых знакомых в моих трех действующих лицах.

Но эти люди, которые будут с самого начала рассказа думать про моих Веру Павловну, Кирсанова, Лопухова: «ну да, это наши добрые знакомые, простые обыкновенные люди, как мы», — люди, которые будут так думать о моих главных действующих лицах, все-таки еще составляют меньшинство публики. Большинство ее еще слишком много ниже этого типа. Человек, который не видывал ничего, кроме лачужек, сочтет изображением дворца картинку, на которой нарисован так себе, обыкновенный дом. Как быть с таким человеком, чтобы дом показался ему именно домом,

а не дворцом? Надобно на той же картинке нарисовать хоть маленький уголок дворца; он по этому уголку увидит, что дворец — это, должно быть, штука совсем уж не того масштаба, как строение, изображенное на картинке, и что это строение действительно, должно быть, не больше как простой, обыкновенный дом, в каких, или даже получше, всем следовало бы жить. Не покажи я фигуру Рахметова, большинство читателей сбилось бы с толку насчет главных действующих лиц моего рассказа. Я держу пари, что до последних отделов этой главы Вера Павловна, Кирсанов, Лопухов казались большинству публики героями, лицами высшей натуры, пожалуй даже лицами идеализированными, пожалуй даже лицами невозможными в действительности по слишком высокому благородству. Нет, друзья мои, злые, дурные, жалкие друзья мои, это не так вам представлялось: не они стоят слишком высоко, а вы стоите слишком низко. Вы видите теперь, что они стоят просто на земле: это оттого только казались они вам парящими на облаках, что вы сидите в преисподней трущобе. На той высоте, на которой они стоят, должны стоять, могут стоять все люди. Высшие натуры, за которыми не угнаться мне и вам, жалкие друзья мои, высшие натуры не таковы. Я вам показал легкий абрис профиля одной из них: не те черты вы видите. А тем людям, которых я изображаю вполне, вы можете быть ровными, если захотите поработать над своим развитием. Кто ниже их, тот низок. Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие. Наблюдайте, думайте, читайте тех, которые говорят вам о чистом наслаждении жизнью, о том, что человеку можно быть добрым и счастливым. Читайте их — их книги радуют сердце, наблюдайте жизнь — наблюдать ее интересно, думайте — думать завлекательно. Только и всего. Жертв не требуется, лишений не спрашивается — их не нужно. Желайте быть счастливыми — только, только это желание нужно. Для этого вы будете с наслаждением заботиться о своем развитии: в нем счастье. О, сколько наслаждений развитому человеку! Даже то, что другой чувствует как жертву, горе, он чувствует как удовлетворение себе, как наслаждение, а для радостей так открыто его сердце, и как много их у него! Попробуйте — хорошо!

Глава четвертая

ВТОРОЕ ЗАМУЖСТВО

I

Берлин, 20 июля 1856

«Милостивейшая государыня,
Вера Павловна,

Близость моя к погибшему Дмитрию Сергеичу Лопухову дает мне надежду, что вы благосклонно примете в число ваших знакомых человека, совершенно вам неизвестного, но глубоко уважающего вас. И во всяком случае, смею думать, что вы не обвините меня в навязчивости: вступая в корреспонденцию с вами, я только исполняю желание погибшего Дмитрия Сергеича; и те сведения, которые я сообщаю о нем, вы можете считать совершенно достоверными, потому что я буду передавать его мысли его собственными словами, как бы говорил он сам. Вот его слова о деле, объяснение которого составляет цель моего письма:

„Мысли, которые произвели развязку, встревожившую людей мне близких (я передаю подлинные слова Дмитрия Сергеича, как уже сказал), созревали во мне постепенно, и мое намерение менялось несколько раз, прежде чем получило свою окончательную форму. Обстоятельство, которое было причиною этих мыслей, было замечено мною совершенно неожиданно, только в ту минуту, когда она (Дмитрий Сергеич разумеет вас) с испугом сказала мне о сне, ужаснувшем ее. Сон показался мне очень важен; и как человек, смотревший на состояние чувств ее со стороны, я в тот же миг понял, что в ее жизни начинается эпизод, который, на время более или менее продолжительное, изменит прежние наши отношения с нею. Но человек до последней крайности старается сохранить положение, с которым сжился; в основной глубине нашей природы лежит консервативный элемент, от которого мы отступаем только по необходимости. В этом, по моему мнению, заключается объяснение первого моего предположения: мне хотелось думать, и думалось, что этот эпизод через несколько времени минуется, и тогда наши прежние отношения восстановятся. Она хотела избежать самого эпизода через теснейшее сближение со мною. Это увлекло меня, и несколько дней я не считал невозможным исполнение ее надежды. Скоро я убедился, однако же, что надеяться этого — вещь напрасная. Причина тому заключалась в моем характере.

Я вовсе не хочу порицать своего характера, говоря это. Я понимаю его так.

У человека, проводящего жизнь как должно, время разделяется на три части: труд, наслаждение и отдых или развлечение. Наслаждение

точно так же требует отдыха, как и труд. В труде и в наслаждении общий человеческий элемент берет верх над личными особенностями: в труде мы действуем под преобладающим определением внешних рациональных надобностей; в наслаждении — под преобладающим определением других, также общих потребностей человеческой природы. Отдых, развлечение — элемент, в котором личность ищет восстановления сил от этого возбуждения, истощающего запас жизненных материалов, элемент, вводимый в жизнь уже самою личностью; тут личность хочет определяться собственными своими особенностями, своими индивидуальными удобствами. В труде и в наслаждении люди влекутся к людям общею могущественною силою, которая выше их личных особенностей, — расчетом выгоды в труде; в наслаждении — одинаковыми потребностями организма. В отдыхе не то. Это не дело общей силы, сглаживающей личные особенности: отдых наиболее личное дело, тут натура просит себе наиболее простора, тут человек наиболее индивидуализируется, и характер человека всего больше выказывается в том, какого рода отдых легче и приятнее для него.

В этом отношении люди распадаются на два главные отдела. Для людей одного отдела отдых или развлечение приятнее в обществе других. Уединение нужно каждому. Но для них нужно, чтобы оно было исключением; а правило для них — жизнь с другими. Этот класс гораздо многочисленнее другого, которому нужно наоборот: в уединении им просторнее, чем в обществе других. Эта разница замечена и общим мнением, которое обозначает ее словами: человек общительный и человек замкнутый. Я принадлежу к людям необщительным, она — к общительным. Вот и вся тайна нашей истории. Кажется, ясно, что в этой причине нет ничего предосудительного ни для кого из нас. Нисколько не предосудительно и то, что ни у одного из нас не достало силы отвратить эту причину; против своей натуры человек бессилен.

Каждому довольно трудно понять особенности других натур; всякий представляет себе всех людей по характеру своей индивидуальности. Чего не нужно мне, то, по-моему, не нужно и для других, — так влечет нас думать наша индивидуальность; надобны слишком яркие признаки, чтобы я вспомнил о противном. И наоборот: в чем для меня облегчение и простор, в том и для других. Натуральность этого расположения мыслей — мое извинение в том, что я слишком поздно заметил разницу между натурою моею и ее. Ошибке много помогло и то, что, когда мы сошлись жить вместе, она слишком высоко ставила меня: между нами еще не было тогда равенства; с ее стороны было слишком много уважения ко мне; мой образ жизни казался ей образцовым, она принимала за общую человеческую черту то, что было моею личною особенностью, и на время она увлеклась ею. Была и другая причина, еще более сильная.

Между неразвитыми людьми мало уважается неприкосновенность внутренней жизни. Каждый из семейства, особенно из старших, без це-

ремонии сует лапу в вашу интимную жизнь. Дело не в том, что этим нарушаются наши тайны: тайны — более или менее крупные драгоценности, их не забываешь прятать, стеречь; да и не у всякого есть они, многим и ровно нечего прятать от близких. Но каждому хочется, чтобы в его внутренней жизни был уголок, куда никто не залезал бы, как всякому хочется иметь свою особую комнату, для себя одного. Люди неразвитые не смотрят ни на то, ни на другое: если у вас и есть особая комната, в нее лезет каждый не из желания подсмотреть или быть навязчивым, нет, просто потому, что не имеет предположения, что это может беспокоить вас; он думает, что лишь в том случае, когда бы он был вообще противен вам, вы могли бы не желать увидеть его вдруг ни с того, ни с сего явившимся у вас под носом; он не понимает, что может надоедать, может мешать человеку, хотя бы и расположенному к нему. Святыня порога, через который никто не имеет права переступить без воли живущего за ним, у нас признается только в одной комнате, комнате главы семейства, потому что глава семейства может выгнать в шею всякого, выросшего у него под носом, без его спроса. У всех остальных выростает под носом, когда вздумает, всякий, кто старше их или равен им по семейному положению. То же, что с комнатою, и с миром внутренней жизни. В него без всякой надобности, даже без всякой мысли залезает всякий за всяким вздором, и чаще всего не более как затем, чтобы почесать язык о вашу душу. У девушки есть два будничные платья, белое и розовое; она надела розовое, вот уж и можно чесать язык о ее душу. «Ты надела розовое платье, Анюта, зачем ты его надела?» Анюта сама не знает, почему она надела его, — ведь нужно же было надеть какое-нибудь; да притом, если б она надела белое, то вышло бы то же самое. «Так, маменька (или «сестрица»)». — «А ты бы лучше надела белое». Почему лучше, этого не знает сама та, которая беседует с Анютою: она просто чешет язык. «Что ты ныне, Анюта, как будто невесела»? Анюта совершенно ни невесела, ни весела; но почему ж не спросить, отчего то, чего и не видно и нет. «Я не знаю; нет, кажется, я ничего». — «Нет, ты что-то невесела». Через две минуты: «А ты бы, Анюта, села, поиграла на фортепьяно», зачем — неизвестно; и так далее, целый день. Ваша душа будто улица, на которую поглядывает каждый, кто сидит подле окна, не затем, чтобы ему нужно было увидеть там что-нибудь, нет, он даже знает, что и не увидит ничего ни нужного, ни любопытного, а так, от нечего делать: ведь все равно, следовательно, почему же не поглядывать? Улице, точно, все равно; но человеку вовсе нет удовольствия оттого, что пристают к нему.

Натурально, что это приставанье, без всякой цели и мысли, может вызывать реакцию: и как только человек станет в такое положение, что может уединяться, он некоторое время находит удовольствие в уединении, хотя бы по натуре был расположен к общительности, а не к уединению.

Она, с этой стороны, находилась до замужства в исключительно резком положении: к ней приставали, к ней лезли в душу не просто от нечего делать, случайно и только по неделикатности, а систематически, неотступно, ежеминутно, слишком грубо, слишком нагло, лезли злобно и злонамеренно, лезли не просто бесцеремонными руками, а руками очень жесткими и чрезвычайно грязными. Оттого и реакция в ней была очень сильна.

Поэтому не должно строго осуждать мою ошибку. Несколько месяцев, может быть год, я и не ошибался: ей, действительно, нужно и приятно было уединение. А в это время у меня успело составиться мнение о ее характере. Сильная временная потребность ее сходилась с моею постоянною потребностью, что ж удивительного, что я принял временное явление за постоянную черту ее характера? Каждый так расположен судить о других по себе!

Ошибка была, и очень большая. Я не виню себя в ней, но мне все хочется оправдаться; это значит: мне чувствуется, что другие не будут так снисходительны ко мне, как я сам. Чтобы смягчить порицание, я должен несколько поболее сказать о своем характере с этой стороны, которая ей и большей части других людей довольно чужда и потому без объяснений могла бы пониматься в неверном виде.

Я не понимаю отдыха иначе, как в уединении. Быть с другими для меня значит уже чем-нибудь заниматься, или работать, или наслаждаться. Я чувствую себя совершенно на просторе только тогда, когда я один. Как это назвать? Отчего это? У одних от скрытности; у других от застенчивости; у третьих от расположения хандрить, задумываться; у четвертых от недостатка симпатии к людям. Во мне, кажется, нет ничего этого: я прямодушен и откровенен, я готов быть всегда весел и вовсе не хандрю. Смотреть на людей для меня приятно; но это для меня уж соединено с работою или наслаждением, это уж нечто требующее после себя отдыха, то есть, по-моему, уединения. Сколько я могу понять, во мне это просто особенное развитие влечения к независимости, свободе.

И вот сила реакции против прежнего, слишком тревожного положения в семействе заставила ее на время принять образ жизни, несообразный с ее постоянною наклонностью; уважение ко мне поддерживало ее в этом временном расположении дольше, чем было бы само собою; а я в это долгое время составил себе мнение о ее характере, принял временную черту за постоянную и успокоился на том, вот и вся история. С моей стороны была ошибка; но и в этой ошибке было мало дурного; а уж с ее стороны не было совершенно ничего. А сколько страдания вышло из этого для нее, и какою катастрофою кончилось это для меня!

Когда ее испуг от страшного сна открыл мне положение ее чувств, поправлять мою ошибку было поздно. Но если бы мы заметили это раньше, то, может быть, постоянными усилиями над собою мне и ей

удалось бы сделать так, чтобы мы могли навсегда остаться довольны друг другом? Не знаю; но думаю, что и в случае успеха не вышло бы тут ничего особенно хорошего. Положим, мы переделали бы свои характеры настолько, чтобы не осталось нам причины тяготиться нашими отношениями. Но переделки характеров хороши только тогда, когда направлены против какой-нибудь дурной стороны; а те стороны, которые пришлось бы переделывать в себе ей и мне, не имели ничего дурного. Чем общительность хуже или лучше наклонности к уединению, или наоборот? А ведь переделка характера во всяком случае насилованье, ломка; а в ломке многое теряется, от насилования многое замирает. Результат, которого я и она, может быть (но только может быть, а не наверное), достигли бы, не стоил такой потери. Мы оба отчасти обесцветили бы себя, более или менее заморили бы в себе свежесть жизни. Для чего же? Для того только, чтобы сохранить известные места в известных комнатах. Дело другое, если б у нас были дети; тогда надобно было бы много подумать о том, как изменяется их судьба от нашей разлуки: если к худшему, то предотвращение этого стоит самых великих усилий, и результат — радость, что сделал нужное для сохранения наилучшей судьбы тем, кого любишь, — такой результат вознаградил бы за всякие усилия. А теперь, какую разумную цель имело бы это?

Потому при данном положении моя ошибка, по-видимому, повела даже к лучшему: благодаря ей, нам обоим пришлось меньше ломать себя. Она принесла много горя, но без нее, наверное, было бы его больше, да и результат не был бы так удовлетворителен".

Таковы слова Дмитрия Сергеича. Из настойчивости, с которою он так много занимался этою стороною дела, вы легко можете видеть, что он, как и сам говорил, чувствовал в ней что-то неловкое, невыгодное для себя. Он прямо прибавлял: „Я чувствую, что все-таки останусь не совсем прав во мнении тех, кто стал бы разбирать это дело без сочувствия ко мне. Но я уверен в ее сочувствии. Она будет судить обо мне даже лучше, чем я сам. А сам я считаю себя совершенно правым. Таково мое мнение о времени, которое было до ее сна". Теперь я передам вам чувства и намерения, бывшие в нем после того, как ваш сон раскрыл ему неудовлетворительность отношений между вами и им.

„Я сказал (слова Дмитрия Сергеича), что с первых же ее слов о страшном сне я понял неизбежность какого-нибудь эпизода, различного от прежних наших отношений. Я ждал, что он будет иметь значительную силу, потому что иначе было невозможно при энергии ее натуры и при тогдашнем состоянии ее недовольства, которое уж имело очень большую силу от слишком долгой затаенности. Но все-таки, ожидание представлялось мне сначала в самой легкой и выгодной для меня форме. Я рассуждал так: она увлечется на время страстною любовью к кому-нибудь; пройдет год-два, и она возвратится ко мне; я очень хороший человек. Шансы сойтись с другим таким человеком очень редки (я прямо говорю

о себе, как думаю: у меня нет лицемерной уловки уменьшать свое достоинство). Удовлетворенное чувство любви утратит часть своей стремительности; она увидит, что хотя одна сторона ее натуры и менее удовлетворяется жизнью со мною, но что в общей сложности жизни ей легче, просторнее жизнь со мною, чем с другим; и все восстановится по-прежнему. Я, наученный опытом, буду внимательнее к ней; она приобретет новое уважение ко мне, будет иметь еще больше привязанности ко мне, чем прежде, и мы будем жить дружнее прежнего.

Но (это вещь, объяснение которой очень щекотливо для меня; однако же оно должно быть сделано), но как представлялась мне перспектива того, что наши отношения с нею восстановятся? Радовало ли это меня? Конечно. Но только ли радовало? Нет, это представлялось мне и обременением, конечно, приятным, очень приятным, но все-таки обременением. Я очень сильно люблю ее и буду ломать себя, чтобы лучше приспособиться к ней; это будет доставлять мне удовольствие, но все-таки моя жизнь будет стеснена. Так представлялось мне, когда я успокоился от первого впечатления. И я увидел, что не обманывался. Она дала мне испытать это, когда хотела, чтобы я постарался сохранить ее любовь. Месяц угождения этому желанию был самым тяжелым месяцем моей жизни. Тут не было никакого страдания, это выражение нисколько не шло бы к делу, было бы тут нелепо; со стороны положительных ощущений я не испытывал ничего, кроме радости, угождая ей; но мне было скучно. Вот тайна того, что ее попытка удержаться в любви ко мне осталась неудачна. Я скучал, угождая ей.

На первый взгляд может казаться странно, почему же я не скучал, отдавая бесчисленные вечера студентам, для которых, разумеется, не стал бы много беспокоить себя, и почему почувствовал очень сильное утомление, когда отдал всего лишь несколько вечеров женщине, которую любил больше, чем себя, на смерть для которой, и не только на смерть, на всякое мучение для которой я был готов? Это может казаться странно, но только для того, кто не вникнет в сущность моих отношений к молодежи, которой я отдавал столько времени. Во-первых, у меня не было никаких личных отношений с этими молодыми людьми; когда я сидел с ними, я не чувствовал перед собою людей, а видел лишь несколько отвлеченных типов, которые обмениваются мыслями; разговоры мои с ними мало отличались от раздумья наедине; тут была занята во мне лишь одна сторона человека, та, которая всех менее требует отдыха, — мысль. Все остальное спало. И притом разговор имел практическую, полезную цель — содействие развитию умственной жизни, благородства и энергии в моих молодых друзьях. Это был труд; но труд такой легкий, что годился на восстановление сил, израсходованных другими трудами, не утомляющий, а освежающий, но все-таки труд; поэтому личность не имела тут требований, которые ставила для отдыха. Тут я искал пользы, а не успокоения; тут я давал сон всем сторонам моего существа, кроме

мысли; а мысль действовала без всякой примеси личных отношений к людям, с которыми я говорил, поэтому чувствовала себе такой же простор, как наедине; эти разговоры, можно сказать, и не выводили меня из уединения. Тут не было ничего сходного с отношениями, в которых участвует весь человек.

Я знаю, как щекотливо выговорить это слово «скука»; но добросовестность не позволяет мне утаить его. Да, при всей моей любви к ней, я почувствовал облегчение себе, когда потом убедился, что между нею и мною не могут установиться отношения, при которых нам было бы удобно жить по-прежнему. Я начал убеждаться в этом около того же времени, когда она стала замечать, что угождение ее желанию обременительно для меня. Тогда будущее представилось мне в новой форме, которая была приятнее для меня; увидев, что нам невозможно удержаться в прежних отношениях, я стал думать, как бы поскорее, — опять я должен употребить щекотливое выражение, — думать, как бы поскорее отделаться, отвязаться от положения, которое было мне скучно. Вот тайна того, что должно было казаться великодушием человеку, который захотел бы ослепляться признательностью к внешности дела или не был бы так близок, чтобы рассмотреть самую глубину побуждений. Да, мне просто хотелось отделаться от скучного положения. Не лицемерствуя отрицанием хорошего в себе, я не стану отрицать того, что одним из моих мотивов было желание добра ей. Но это был уже только второй мотив, — положим, очень сильный, но все-таки далеко уступавший силою первому, главному — желанию избавиться от скуки: настоящим двигателем было оно. Под влиянием его я стал внимательно рассматривать образ ее жизни и легко увидел, что в перемене ощущений от перемены образа жизни главную роль играет появление и удаление Александра Матвеича. Это заставило меня думать и о нем: я понял причину его странных действий, на которые прежде не обращал внимания, и после того мои мысли получили новый вид, — как я уже говорил, более приятный для меня. Когда я увидел, что в ней уж не только одно искание страстной любви, а уже и сама любовь, только еще не сознаваемая ею, что это чувство обратилось на человека вполне достойного и вообще могущего вполне заменить меня ей, что этот человек сам страстно любит ее, — я чрезвычайно обрадовался. Правда, впрочем, что первое впечатление было тяжело: всякая важная перемена соединена с некоторою скорбью. Я видел теперь, что не могу, по совести, считать себя лицом, необходимым для нее; а ведь я уже привык к этому и, надобно сказать правду, это было мне приятно; следовательно, потеря этого отношения необходимо должна была иметь тяжелую сторону. Но она только на первое время, очень недолго, преобладала над другою стороною, которая радовала меня. Теперь я был уверен в ее счастье и спокоен за ее судьбу. Это было источником большой радости. Но напрасно было бы думать, что в этом заключалась главная приятность; нет, личное чувство опять было гораздо важнее: я видел, что становлюсь

совершенно свободным от принуждения. Мои слова не имеют того смысла, будто для меня бессемейная жизнь кажется свободнее или легче семейной: нет, если мужу и жене нисколько не нужно стеснять себя для угождения друг другу, если они довольны друг другом без всяких усилий над собою, если они угождают друг другу, вовсе не думая угождать, то для них, чем теснее отношения между ними, тем легче и просторнее им обоим. Но отношение между нею и мною не было таково. Поэтому разойтись значило для меня стать свободным.

Из этого видно, что я действовал в собственном интересе, когда решился не мешать ее счастью; благородная сторона была в моем деле, но движущею силою ему служило влечение собственной моей натуры к лучшему для меня самого. Вот поэтому-то я имел силу действовать, могу сказать, — хорошо: не пошатываться туда и сюда, не делать лишней суеты и неприятностей другим, не изменять своей обязанности. Это легко, когда обязанность — влечение собственной натуры.

Я уехал в Рязань. Через несколько времени она вызвала меня, говоря, что мое присутствие уже не будет мешать ей. Я увидел, что оно все-таки мешает. Сколько я могу понять, тут были две причины. Ей было тяжело видеть человека, которому она была слишком много обязана, по ее мнению. Она ошибалась в этом, она не была нисколько обязана мне, потому что я действовал гораздо больше для себя, нежели для нее. Но ей представлялось иначе, и она чувствовала чрезвычайно сильную признательность ко мне. Это чувство тяжелое. В нем есть приятная сторона, но она имеет верх только тогда, когда чувство не слишком сильно. Когда оно сильно, оно стеснительно. Другая причина, — это опять несколько щекотливое объяснение, но надобно говорить то, что думаешь, — другую причину я нахожу в том, что ей была неприятна ненормальность ее положения в смысле общественных условий; ей было тяжело то, что недоставало со стороны общества формального признания ее права занимать это положение. Итак, я увидел, что ей было тяжелое мое существование подле нее. Я не скрою, что в этом новом открытии была сторона, несравненно более тяжелая для меня, чем все чувства, которые испытывал я в прежних периодах дела. Я сохранял к ней очень сильное расположение: мне хотелось оставаться человеком, очень близким к ней. Я надеялся, что это так будет. И когда я увидел, что этого не должно быть, мне было очень, очень прискорбно. И тут уж не было вознаграждения прискорбию ни в каких личных расчетах; я могу сказать, что тут мое решение, мое последнее решение было принято единственно по привязанности к ней, только из желания, чтобы ей было лучше, исключительно по побуждениям не своекорыстным. Зато никогда мои отношения к ней, и в самое лучшее свое время, не доставляли мне такого внутреннего наслаждения, как эта решимость. Тут я поступал уже под влиянием того, что могу назвать благородством, вернее сказать, благородным расчетом, расчетом, в котором общий закон человеческой природы действует чисто один, не заимствуя себе

подкрепления из индивидуальных особенностей, и тут я узнал, какое высокое наслаждение — чувствовать себя поступающим как благородный человек, то есть так, как следует поступать вообще всякому человеку, не Ивану, не Петру, а всякому, всякому без различия имен: какое высокое наслаждение чувствовать себя просто человеком, — не Иваном, не Петром, а человеком, чисто только человеком. Это чувство слишком сильно; обыкновенные натуры, какова моя, не могут выносить слишком частого возвышения до этого чувства; но хорошо тому, кому случалось иногда испытывать его.

Нет надобности объяснять ту сторону моего образа действий, которая была бы величайшим безрассудством в делах с другими людьми, но слишком очевидно оправдывается характером лица, которому уступал я. В то время как я уезжал в Рязань, не было ни слова сказано между ею и Александром Матвеичем; в то время как я принимал свое последнее решение, не было ни слова сказано ни между мною и им, ни между мною и ею. Но я хорошо знал его; мне не было надобности узнавать его мысли для того, чтобы узнать их".

Я передаю слова Дмитрия Сергеича с буквальною точностью, как уже сказал.

Я человек совершенно чужой вам; но корреспонденция, в которую я вступаю с вами, исполняя желание погибшего Дмитрия Сергеича, имеет такой интимный характер, что, вероятно, интересно будет ва́м узнать, кто этот чуждый вам корреспондент, совершенно посвященный во внутреннюю жизнь погибшего Дмитрия Сергеича. Я отставной медицинский студент — больше ничего не умею сказать вам о себе. В последние годы я жил в Петербурге. Несколько дней тому назад я вздумал пуститься путешествовать и искать себе новой карьеры за границею. Я уехал из Петербурга на другой день после того, как вы узнали о погибели Дмитрия Сергеича. По особенному случаю я не имел в руках документов, и мне пришлось взять чужие бумаги, которыми обязательно снабдил меня один из общих знакомых ваших и моих. Он дал мне их с тем условием, чтоб я исполнил некоторые его поручения по дороге. Когда вам случится видеть г. Рахметова, потрудитесь сказать, что все порученное исполнено мною, как должно. Теперь я буду пока бродить, вероятно, по Германии, наблюдая нравы. У меня есть несколько сотен рублей, и мне хочется погулять. Когда праздность надоест, я буду искать себе дела, — какого, все равно, где? — где случится. Я волен, как птица, и могу быть беззаботен, как птица. Такое положение восхищает меня.

Очень возможно, что вам угодно будет удостоить меня ответом. Но я не знаю, где я буду через неделю, — быть может, в Италии, быть может, в Англии, быть может, в Праге, — я могу теперь жить по своей фантазии, а куда она унесет меня, не знаю. Поэтому делайте на ваших письмах только следующий адрес: Berlin, Friedrichstrasse, 20, Agentur von H. Schweigler,[123] под этим конвертом будет ваше письмо в другом кон-

верте, на котором вместо всякого адреса вы поставите только цифры 12345: они будут означать для конторы агентства Швейглера, что письмо должно быть отправлено ко мне.

Примите, милостивейшая государыня, уверение в глубоком уважении от человека, совершенно чуждого вам, но безгранично преданного вам, который будет называть себя:

Отставным медицинским студентом».

«Милостивейший государь, Александр Матвеевич. По желанию погибшего Дмитрия Сергеича я должен передать вам уверение в том, что наилучшим для него обстоятельством казалось именно то, что свое место он должен был уступить вам. При тех отношениях, которые привели к этой перемене, отношениях, постепенно образовавшихся в течение трех лет, когда вы почти вовсе не бывали его гостем, следовательно возникших без всякого вашего участия, единственно из несоответствия характеров между двумя людьми, которых вы потом напрасно старались сблизить, — при этих отношениях была неизбежна та развязка, какая произошла. Очевидно, что Дмитрий Сергеич нисколько не мог приписывать ее вам. Конечно, это объяснение излишне; однако же, более только для формы, он поручил мне сделать его. Так или иначе, тот или другой должен был занять место, которого не мог занимать он, на котором только потому и мог явиться другой, что Дмитрий Сергеич не мог занимать его. То, что на этом месте явились именно вы, составляет, по мнению погибшего Дмитрия Сергеича, наилучшую для всех развязку. Жму вашу руку. Отставной медицинский студент».

— А я знаю...

Что это? знакомый голос... Оглядываюсь, — так и есть! он, он, проницательный читатель, так недавно изгнанный с позором за незнание ни аза в глаза по части художественности; он уж опять тут, и опять с своею прежнею проницательностью, он уж опять что-то знает!

— А! я знаю, кто это писал...

Но я торопливо хватаю первое, удобное для моей цели, что попалось под руку, — попалась салфетка, потому что я, переписав письмо отставного студента, сел завтракать, — итак, я схватываю салфетку и затыкаю ему рот: «Ну, знаешь, так и знай; что ж орать на весь город?»

II

Петербург, 25 августа 1856 г.

«Милостивый государь,

Вы поймете, до какой степени я была обрадована вашим письмом. От всей души благодарю вас за него. Ваша близость к погибшему Дмитрию Сергеичу дает мне право считать и вас моим другом, — позвольте мне употреблять это название. Характер Дмитрия Сергеича виден в каждом из его

слов, передаваемых вами. Он постоянно отыскивает самые затаенные причины своих действий, и ему приносит удовольствие подводить их под его теорию эгоизма. Впрочем, это общая привычка всей нашей компании. Мой Александр также охотник разбирать себя в этом духе. Если бы вы послушали, как он объясняет свой образ действий относительно меня и Дмитрия Сергеича в течение трех лет! По его словам, он все делал из эгоистического расчета, для собственного удовольствия. И я уж давно приобрела эту привычку. Только это несколько меньше занимает меня и Александра, чем Дмитрия Сергеича, мы с ним совершенно сходимся, но у него больше влечения к этому. Да если послушать нас, мы все трое такие эгоисты, каких до сих пор свет не производил. А может быть, это и правда? может быть, прежде не было таких эгоистов? Да, кажется.

Но кроме этой черты, общей всем нам троим, в словах Дмитрия Сергеича есть другая, которая принадлежит уж собственно его положению: очевидна цель его объяснений — успокоить меня. Не то чтобы его слова не были вполне искренни, — нет, он никогда не скажет того, чего не думает, — но он слишком сильно выставляет только ту сторону правды, которая может меня успокоивать. Мой друг, я очень признательна за это, но ведь и я эгоистка — я скажу, напрасно он только заботится о моем успокоении; мы сами оправдываем себя гораздо легче, чем оправдывают нас другие; и я, если сказать правду, не считаю себя ни в чем виноватою перед ним; скажу больше: я даже не считаю себя обязанною чувствовать признательность к нему. Я ценю его благородство, о, как ценю! Но ведь я знаю, что он был благороден не для меня, а для себя. Ведь и я, если не обманывала его, то не обманывала не для него, а для себя, не потому, что обманывать было бы несправедливостью к нему, а потому, что это было бы противно мне самой.

Я сказала, что не виню себя, —так же как и он. Но так же как и он, я чувствую наклонность оправдываться; по его словам (очень верным), это значит: я имею предчувствие, что другие не так легко, как я сама, могут избавить меня от порицания за некоторые стороны моих действий. Я вовсе не чувствую охоты оправдываться в той части дела, в которой оправдывается он, и наоборот, мне хочется оправдываться в той части, в которой не нужно оправдываться ему. В том, что было до моего сна, никто не назовет меня сколько-нибудь виноватою, это я знаю. Но потом не я ли была причиною, что дело имело такой мелодраматический вид и привело к такой эффектной катастрофе? Не должна ли я была гораздо проще смотреть на ту перемену отношений, которая была уж неизбежна, когда мой сон в первый раз открыл мне и Дмитрию Сергеичу мое и его положение? Вечером того же дня, как погиб Дмитрий Сергеич, я имела длинный разговор с свирепым Рахметовым — какой это нежный и добрый человек! Он говорил мне бог знает какие ужасные вещи про Дмитрия Сергеича. Но если пересказать их дружеским тоном к Дмитрию Сергеичу, вместо жесткого, будто враждебного ему тона, которым говорил Рахме-

тов, — что ж, пожалуй, они справедливы. Я подозреваю, что Дмитрию Сергеичу было очень понятно, какие вещи будет говорить мне Рахметов, и что это входило в его расчет. Да, для меня тогда нужно было слышать это, это меня много успокоило, и кто бы ни устроил этот разговор, я очень благодарна за него вам, мой друг. Но и сам свирепый Рахметов должен был признать, что в последней половине дела Дмитрий Сергеич поступал отлично. Рахметов винил его только за первую половину, в которой он имеет охоту оправдываться. Я буду оправдываться во второй половине, хотя никто не говорил мне, что я в ней виновата. Но у каждого из нас, — я говорю про нас и наших друзей, про весь наш кружок, — есть порицатель более строгий, чем сам Рахметов; это наш собственный ум.

Да, я понимаю, мой друг, что было бы гораздо легче для всех, если бы я смотрела на дело проще и не придавала ему слишком трагического значения. По взгляду Дмитрия Сергеича, должно сказать больше: тогда ему вовсе не было бы надобности прибегать к эффектной и очень тяжелой для него развязке, он был доведен до нее только излишнею пылкостью моей тревоги. Я понимаю, что ему должно так казаться, хоть он и не поручал вам передавать мне это. Тем больше я ценю его расположение ко мне, что оно не ослабело даже и от такого мнения. Но послушайте, мой друг, оно не совсем справедливо, оно вовсе несправедливо: не от моей ошибки, не от излишней моей тревоги произошла для Дмитрия Сергеича необходимость испытать то, что он сам называет очень тяжелым. Правда, если бы я не придавала чрезмерной важности перемене отношений, можно было бы обойтись без поездки в Рязань; но он говорит, что она не была тяжела для него; итак, тут еще не было большой беды от моего экзальтированного взгляда. Тяжела была для Дмитрия Сергеича только необходимость погибнуть. Он объясняет неизбежность этого своего решения двумя причинами: я страдала от чрезмерной признательности к нему, я страдала оттого, что не могла стать в такие отношения к Александру, какие требуются общественными условиями. Действительно, я не была совершенно спокойна, я тяготилась своим положением, пока он не погиб, но он не отгадывает настоящей причины. Он думает, что вид его тяготил меня чрезмерным бременем признательности, — это не совсем так. Человек очень расположен отыскивать мысли, которыми может облегчить себя; и в то время, когда Дмитрий Сергеич видел надобность погибели, эта причина уже давно не существовала: моя признательность к нему давно получила ту умеренность, при которой она составляет приятное чувство. А ведь только эта причина и имела связь с моим прежним экзальтированным взглядом на дело. Другая причина, которую приводит Дмитрий Сергеич, — желание придать моим отношениям к Александру характер, признаваемый обществом, — ведь она уже нисколько не зависела от моего взгляда на дело, она проистекала из понятий общества. Над нею я была бы бессильна. Но Дмитрий Сергеич совершенно ошибается, думая, что его присутствие было тяжело

для меня по этой причине. Нет. И без его погибели было бы легко устранить ее, если б это было нужно и если б этого было достаточно для меня. Если муж живет вместе с женою, этого довольно, чтобы общество не делало скандала жене, в каких бы отношениях ни была она к другому. Это уж большой успех. Мы видим много примеров тому, что, благодаря благородству мужа, дело устроивается таким образом; и во всех этих случаях общество оставляет жену в покое. Теперь я нахожу, что это самый лучший и легкий для всех способ устроивать дела, подобные нашему. Дмитрий Сергеич прежде предлагал мне этот способ. Я тогда отвергла его по своей экзальтированности. Не знаю, как было бы, если б я тогда приняла его. Если б я могла быть довольна тем, что общество оставило бы меня в покое, не делало бы мне скандала, не хотело бы видеть моих отношений к Александру, — тогда, конечно, способ, который предлагал мне Дмитрий Сергеич, был бы достаточен, и ему не нужно было бы решаться на погибель. Тогда, конечно, у меня не было бы никакой причины желать, чтобы мои отношения к Александру были определены формальным образом. Но мне кажется, что это устройство дела, удовлетворительное в большей части случаев, подобных нашему, не было бы удовлетворительно в нашем. Наше положение имело ту редкую случайность, что все три лица, которых оно касалось, были равносильны. Если бы Дмитрий Сергеич чувствовал превосходство Александра над собою по уму, развитию или характеру, если бы, уступая свое место Александру, он уступал бы превосходству нравственной силы, если бы его отказ не был доброволен, был бы только отступлением слабого перед сильным, о, тогда, конечно, мне нечем было бы тяготиться. Точно то же, если бы я по уму или характеру была гораздо сильнее Дмитрия Сергеича, если б он до развития моих отношений к Александру был тем, что очень хорошо характеризует анекдот, над которым, помнишь, мой друг, мы много смеялись, — анекдот, как встретились в фойе оперы два господина, разговорились, понравились друг другу, захотели познакомиться: — «я поручик такой-то», сказал один рекомендуясь, — «а я муж г-жи Тедеско»,[124] отрекомендовался другой. Если бы Дмитрий Сергеич был «муж г-жи Тедеско», о, тогда, конечно, не было бы никакой надобности в его погибели, он покорялся бы, смирялся бы, и если бы был человек благородный, он не видел бы в своем смирении ничего обидного для себя, и все было бы прекрасно. Но его отношение ко мне и к Александру было вовсе не таково. Он не был ни на волос слабее или ниже кого-нибудь из нас, — и мы это знали, и он это знал. Его уступка не была следствием бессилия — о, вовсе нет! Она была чисто делом его доброй воли. Так ли, мой друг? Вы не можете отрицать этого. Поэтому в каком же положении видела я себя? Вот в этом, мой друг, вся сущность дела. Я видела себя в положении зависимости от его доброй воли, вот почему мое положение было тяжело мне, вот почему он увидел надобность в своем благородном решении — погибнуть. Да, мой друг, причина моего чувства, принудив-

шего его к этому, скрывалась гораздо глубже, нежели объясняет он в вашем письме. Обременительный размер признательности уже не существовал. Удовлетворить претензиям общества было бы легко тем способом, какой предлагал мне сам Дмитрий Сергеич; да претензии общества и не доходили до меня, живущей в своем маленьком кругу, который совершенно не имеет их. Но я оставалась в зависимости от Дмитрия Сергеича, мое положение имело своим основанием только его добрую волю, оно не было самостоятельно — вот причина того, что оно было тяжело. Судите же теперь, могла ли эта причина быть предотвращена тем или другим взглядом моим на перемену наших отношений. Тут важность была не в моем взгляде, а в том, что Дмитрий Сергеич человек самобытный, поступавший так или иначе только по своей доброй воле, по доброй воле! Да, мой друг, вы знаете и одобряете это мое чувство, я не хочу зависеть от доброй воли чьей бы то ни было, хотя бы самого преданного мне человека, хотя бы самого уважаемого мною человека, в котором я не менее уверена, чем в самой себе, о котором я положительно знаю, что он всегда с радостью будет делать все, что мне нужно, что он дорожит моим счастьем не меньше, нежели я сама. Да, мой друг, не хочу и знаю, что вы одобряете это.

И однако же к чему все это говорится, к чему этот анализ, раскрывающий самые тайные мотивы чувств, которых никто не мог бы доискаться? Все-таки у меня, как у Дмитрия Сергеича, это саморазоблачение делается в свою же пользу, чтобы можно было сказать: я тут не виновата, дело зависело от такого факта, который не был в моей власти. Делаю эту заметку потому, что Дмитрий Сергеич любил такие замечания. Я хочу подольститься к вам, мой друг.

Но довольно об этом. Вы имели столько симпатии ко мне, что не пожалели потратить несколько часов времени на ваше длинное (и, о, какое драгоценное для меня) письмо; из этого я вижу, — как я дипломатически пишу точно такие обороты, как у Дмитрия Сергеича или у вас, — да, *из этого*, только из этого я вижу, что вам интересно будет узнать, что было со мною после того, как Дмитрий Сергеич простился со мною, уезжая в Москву, чтобы вернуться и погибнуть. Возвратившись из Рязани, он видел, что я стеснена. Это сильно обнаружилось во мне, только когда он возвратился. Пока он жил в Рязани, я, скажу вам правду, не так много думала о нем, нет, не так много, как полагаете вы, судя по тому, что он видел, возвратившись. Но когда он уехал в Москву, я видела, что он задумал что-то особенное. Замечалось, что он развязывается с делами в Петербурге, видно было, что он с неделю уж только и ждал их окончания, чтобы уехать, и потом, — как же не было бы этого? Я в последние дни замечала иногда грусть на его лице, этом лице, которое довольно умеет не выдавать тайн. Я предчувствовала, что готовится что-то решительное, крутое. И когда он садился в вагон, мне было так грустно, так грустно. И следующий день я грустила, и на третий день поутру встала еще

грустнее, и вдруг Маша подает мне письмо, — какая это была мучительная минута, какой это мучительный час, мучительный день — вы знаете. Поэтому, мой друг, я теперь лучше, чем прежде, знаю силу моей привязанности к Дмитрию Сергеичу. Я сама не думала, что она так сильна. Да, мой друг, я теперь знаю силу ее, знаете и вы, потому что вы, конечно, знаете, что я решилась тогда расстаться с Александром; весь день я чувствовала, что моя жизнь разбита, отравлена навсегда, вы знаете и мой детский восторг при виде записки моего доброго, доброго друга, записки, совершенно изменившей мои мысли (видите, как осторожны мои выражения, вы должны быть довольны мною, мой друг). Вы знаете все это, потому что Рахметов отправился провожать вас, посадивши меня в вагон; Дмитрий Сергеич и он были правы, говоря, что все-таки надобно было уехать из Петербурга для довершения того эффекта, ради которого Дмитрий Сергеич не пожалел оставлять меня на страшные мучения целый день, — как я благодарна ему за эту безжалостность! Он и Рахметов также были правы, посоветовав Александру не являться ко мне, не провожать меня. Но мне уже не было надобности ехать до Москвы, нужно было только удалиться из Петербурга, и я остановилась в Новгороде. Через несколько дней туда приехал Александр, привез документы о погибели Дмитрия Сергеича, мы повенчались через неделю после этой погибели и прожили с месяц на железной дороге, в Чудове, чтобы Александру удобно было ездить три, четыре раза в неделю в свой гошпиталь. Вчера мы возвратились в Петербург, — вот причина, по которой я так долго не отвечала на ваше письмо: оно лежало в ящике Маши, которая вовсе, было, и забыла о нем. А вы, вероятно, бог знает чего не придумали, так долго не получая ответа.

Обнимаю вас, милый друг, ваша
Вера Кирсанова».

«Жму твою руку, мой милый. Только пожалуйста, уж хоть мне-то ты не пиши комплиментов; иначе я изолью перед тобою сердце мое целым потоком превознесений твоего благородства, тошнее чего, конечно, ничто не может быть для тебя. А знаешь ли, что? не доказывается ли присутствие порядочной дозы тупоумия, как во мне, так и в тебе, тем, что и ты мне и я тебе пишем лишь по нескольку строк; кажется, доказывается, будто мы с тобою несколько стесняемся. Впрочем, мне-то, положим, это еще извинительно; а ты с какой стати? Но в следующий раз уже надеюсь рассуждать с тобою свободно и напишу тебе груду здешних новостей. Твой Александр Кирсанов».

III

Письма эти, совершенно искренние, действительно были несколько односторонни, как замечала сама Вера Павловна. Оба корреспондента, конечно, старались уменьшить друг перед другом силу тяжелых потря-

сений, которые были ими испытаны, — о, эти люди очень хитры! Я часто слыхивал от них, то есть от этих и от подобных им, такие вещи, что тут же хохотал среди их патетических уверений, что, дескать, это для меня было совершенно ничего, очень легко: разумеется, хохотал, когда уверения делались передо мною, человеком посторонним, и при разговоре только вдвоем. А когда то же самое говорилось человеку, которому нужно это слушать, то я поддакивал, что это, дескать, точно, пустяки. Препотешное существо — порядочный человек: я всегда смеялся над каждым порядочным человеком, с которым знаком.

Препотешное существо, даже до нелепости. Вот, хоть бы эти письма. Я к этим штукам отчасти уж попривык, водя дружбу с такими госпожами и господами; ну, а на свежего, неиспорченного человека как должны они действовать, например на проницательного читателя?

Проницательный читатель уж успел опростать свой рот от салфетки и изрекает, качая головою:

— Безнравственно!

— Молодец! угадал! — похваляю я его: — ну, порадуй еще словечком.

— Да и автор-то безнравственный человек, — изрекает проницательный читатель: — вишь, какие вещи одобряет.

— Нет, мой милашка, ты ошибаешься. Я тут многое не одобряю. Пожалуй, даже все не одобряю, если тебе сказать по правде. Все это слишком еще мудрено, восторженно; жизнь гораздо проще.

— Так ты, значит, еще безнравственнее? — спрашивает меня проницательный читатель, вылупив глаза от удивления тому, до какой непостижимой безнравственности упало человечество в моем персонаже.

— Гораздо безнравственнее, — говорю я, неизвестно, вправду ли, насмех ли над проницательным читателем.

Переписка продолжалась еще три-четыре месяца, — деятельно со стороны Кирсановых, небрежно и скудно со стороны их корреспондента. Потом он и вовсе перестал отвечать на их письма; по всему видно было, что он только хотел передать Вере Павловне и ее мужу те мысли Лопухова, из которых составилось такое длинное первое письмо его, а исполнив эту обязанность, почел дальнейшую переписку излишнею. Оставшись раза два-три без ответа, Кирсановы поняли это и перестали писать.

IV

Вера Павловна отдыхает на своей мягкой кушетке, дожидаясь мужа из его гошпиталя к обеду. Ныне она мало хлопотала в кухне над сладкими прибавками к обеду, ей хотелось поскорее прилечь, отдохнуть, потому что она досыта наработалась в это утро, и уж давно так, и еще довольно долго будет так, что она будет иметь досыта работы по утрам: ведь она устроивает другую швейную в другом конце города. Вера Павловна Лопухова жила на Васильевском. Вера Павловна Кирсанова живет

в Сергиевской улице, потому что мужу нужно иметь квартиру ближе к Выборгской стороне.[125] Мерцалова очень хорошо пришлась по той швейной, которая была устроена на Васильевском, — да и натурально; ведь она и мастерская были уж очень хорошо знакомы между собою. Вера Павловна, возвратившись в Петербург, увидела, что если и нужно ей бывать в этой швейной, то разве изредка, ненадолго; что если она продолжает бывать там почти каждый день, то. собственно, потому только, что ее влечет туда ее привязанность и что там встречает ее привязанность; может быть, на несколько времени еще и не вовсе бесполезны ее посещения, все-таки Мёрцалова еще находит иногда нужным советоваться с нею; но это берет так мало времени и бывает все реже; а скоро Мерцалова приобретет столько опытности, что вовсе перестанет нуждаться в Вере Павловне. Да, уж и в первое время по возвращении в Петербург Вера Павловна бывала в швейной на Васильевском больше как любимая гостья, чем как необходимое лицо. Чем же заняться? — ясно, чем: надобно основать другую швейную, в своем новом соседстве, в другом конце города.

И вот основывается новая мастерская в одном из переулков, идущих между Бассейною и Сергиевской. С нею гораздо меньше хлопот, чем с прежнею: пять девушек, составившие основной штат, перешли сюда из прежней мастерской, где места их были заняты новыми; остальной штат набрался из хороших знакомых тех швей, которые работали в прежней мастерской. А это значит, что все было уже приготовлено более чем наполовину: цель и порядок швейной были хорошо известны всем членам компании, новые девушки прямо и поступали с тем желанием, чтобы с первого же раза было введено то устройство, которого так медленно достигала первая мастерская. О, теперь дело устройства идет в десять раз быстрее, чем тогда, и хлопот с ним втрое меньше. Но все-таки много работы, и Вера Павловна устала ныне, как уставала и вчера, и третьего дня, как уставала уж месяца два, только еще два месяца, хотя уже больше полгода прошло со времени второго замужства; что ж, надобно же было сделать себе свадебный праздник, и она праздновала долго. Но теперь она уж принялась за работу.

Да, ныне она наработалась и отдыхает, и думает о многом, о многом, все больше о настоящем: оно так хорошо и полно! Оно так полно жизни, что редко остается время воспоминаньям; воспоминания будут после, о, гораздо после, и даже не через десять лет, не через двадцать лет, а после: теперь еще не их время, и очень еще долго будет не их время. Но все-таки бывают они и теперь, изредка, вот, например, и ныне ей вспомнилось то, что чаще всего вспоминается в этих нечастых воспоминаниях. Вот что ей вспоминается:

V

— Миленький! я еду с тобою!

— Да ведь с тобою нет твоих вещей.

— Миленький мой, завтра же поеду вслед за тобою, когда ты не хотел взять меня с собою ныне.

— Подумай. Посмотри. Подожди моего письма. Оно будет завтра же.

Вот она возвращается домой; что она чувствовала, когда ехала с Машею домой, что чувствовалось и думалось ей во всю эту длинную дорогу с Московской станции за Средний проспект? Она сама не знает, так она потрясена была быстрым оборотом дела: еще не прошло суток, да, только через два часа будут сутки после того, как он нашел ее письмо у себя в комнате, и вот он уж удалился, — как это скоро, как это внезапно! В два часа ночи она еще ничего не предвидела, он выждал, когда она, истомленная тревогою того утра, уж не могла долго противиться сну, вошел, сказал несколько слов, и в этих немногих словах почти все было только непонятное предисловие к тому, что он хотел сказать, а что он хотел сказать, в каких коротких словах сказал он: «Я давно не видел своих стариков, — съезжу к ним; они будут рады» — только, и тотчас же ушел. Она бросилась вслед за ним, хоть он, вошедши, и брал с нее слово не делать этого, бросилась за ним — где ж он? «Маша, где ж он, где ж он?» Маша, еще убирающая чайные принадлежности после недавних гостей, говорит: «Дмитрий Сергеич ушел; сказал, когда проходил: — я иду гулять». И она должна была лечь спать; и странно, как могла она уснуть? Но ведь она не знала же, что это будет в то же утро, которое уже светало; он говорил, что они еще успеют переговорить обо всем. И едва она успела проснуться, уж пора ехать на железную дорогу. Да, все это только мелькнуло перед ее глазами, как будто не было это с нею, будто ей кто-то торопливо рассказывал, что это было с кем-то. Только теперь, возвратившись домой с железной дороги, она очнулась и стала думать: что же теперь с нею, что же с ней будет?

Да, она поедет в Рязань. Поедет. Иначе нельзя ей. Но это письмо? Что будет в этом письме? Нет, что же ждать этого письма для того, чтобы решиться? Она знает, что будет в нем. Но все-таки надобно отложить решение до письма. К чему же отлагать? Она поедет. Да, она поедет. Это думается час, это думается два, это думается три, четыре часа. Но Маша проголодалась и уж в третий раз зовет ее обедать, и в этот раз больше велит ей, чем зовет. Что ж, и это рассеяние. «Бедная Маша, как я заставила ее проголодаться». — «Да что же вы ждали меня, Маша,— вы бы давно обедали, не дожидаясь меня». — «Как это можно, Вера Павловна». И опять думается час, два: «Я поеду. Да, завтра же поеду. Только дождусь письма, потому что он просил об этом. Но, что бы ни было написано в нем, — да ведь я и знаю, что будет в нем, все равно, что бы ни было написано в нем, я поеду». Это думается час, и два; — да, час думается это; но два, думается ли это? Нет, хоть и думается все это же, но думаются еще четыре слова, такие маленькие четыре слова: «он не хочет этого», и все больше и больше думаются эти четыре маленькие слова, и вот уж солнце заходит, а все думается прежнее и эти четыре

маленькие слова; и вдруг перед самым тем временем, как опять входит неотвязная Маша и требует, чтобы Вера Павловна пила чай, — перед самым этим временем, из этих четырех маленьких слов вырастают пять других маленьких слов: «и мне не хочется этого». Как хорошо сделала неотвязная Маша, что вошла! — она прогнала эти новые пять маленьких слов.

Но и благодетельная Маша ненадолго прогнала эти пять маленьких слов. Сначала они сами не смели явиться, они вместо себя прислали опровержение себе: «но я должна ехать», и только затем прислали, чтобы самим вернуться, под прикрытием этого опровержения: в один миг с ним опять явились их носители, четыре маленькие слова, «он не хочет этого», и в тот же миг эти четыре маленькие слова опять превратились в пять маленьких слов: «и мне не хочется этого». И думается это полчаса, а через полчаса эти четыре маленькие слова, эти пять маленьких слов уже начинают переделывать по своей воле даже прежние слова, самые главные прежние слова; и из двух самых главных слов «я поеду» выростают три слова, уж вовсе не такие, хоть и те же самые: «поеду ли я?» — вот как ростут и превращаются слова! Но вот опять Маша: «Я ему, Вера Павловна, уж отдала целковый, тут надписано: если до 9-ти часов принесет, так целковый, позже — так полтинник. Это принес кондуктор, Вера Павловна, приехал с вечерним поездом: говорит, как обещался, так и сделал, для скорости взял извозчика». Письмо от него! — да! Она знает, что в этом письме: «не езди», но она все-таки поедет, она не хочет слушать этого письма, не послушает его, она все-таки поедет, поедет. Нет, в письме не то, — вот что в нем, и чего нельзя не слушать: «Я еду в Рязань; но не прямо в Рязань. У меня много заводских дел по дороге. Кроме Москвы, где, по множеству дел, мне надобно прожить с неделю, я должен побывать в двух городах перед Москвою, в трех местах за Москвою, прежде чем попаду в Рязань. Сколько времени где я проживу, когда буду где, — этого нельзя определить, уж и по одному тому, что в числе других дел мне надобно получать деньги с наших торговых корреспондентов; а ты знаешь, милый друг мой» — да, это было в письме: «милый мой друг», несколько раз было, чтоб я видела, что он все по-прежнему расположен ко мне, что в нем нет никакого неудовольствия на меня, вспоминает Вера Павловна, я тогда целовала эти слова «милый мой друг», — да, было так: — «милый мой друг, ты знаешь, что, когда надобно получить деньги, часто приходится ждать несколько дней там, где рассчитывал пробыть лишь несколько часов. Поэтому я решительно не знаю, когда доберусь до Рязани; но только, наверное, не очень скоро». Она почти слово в слово помнит это письмо. Что ж это? Да, он совершенно отнял у нее возможность схватиться за него, чтоб удержаться подле него. Что ж ей теперь делать? И прежние слова: «я должна ехать к нему» превращаются в слова: «все-таки я не должна видеться с ним», и этот «он» уж не тот, о котором думалось прежде. Эти слова заменяют все

прежние слова, и думается час, и думается два: «я не должна видеться с ним»; и как, когда они успели измениться, только уже изменились в слова: «неужели я захочу увидеться с ним? — нет»; и когда она засыпает, эти слова сделались уже словами: «неужели же я увижусь с ним?» — только где ж ответ? когда он исчез? И едва ли уж не выросли они, да, они выросли в слова: «неужели ж я не увижусь с ним?» И когда она засыпает на заре, она засыпает уж с этими словами: «неужели ж я не увижусь с ним?»

И когда она просыпается поздно поутру, уж вместо всех прежних слов всё только борются два слова с одним словом: «не увижусь» — «увижусь» — и так идет все утро; забыто все, забыто все в этой борьбе, и то слово, которое побольше, все хочет удержать при себе маленькое слово, так и хватается за него, так и держит его: «не увижусь»; а маленькое слово все отбегает и пропадает, все отбегает и пропадает: «увижусь»; забыто все, забыто все, в усилиях большего слова удержать при себе маленькое, да, и оно удерживает его, и зовет на помощь себе другое маленькое слово, чтобы некуда было отбежать этому прежнему маленькому слову: «нет, не увижусь»... «нет, не увижусь», — да, теперь два слова крепко держат между собою изменчивое самое маленькое слово, некуда уйти ему от них, сжали они его между собою: «нет, не увижусь» — «нет, не увижусь»... «Нет, не увижусь», — только что ж это делает она? шляпа уж надета, и это она инстинктивно взглянула в зеркало: приглажены ли волосы, да, в зеркале она увидела, что на ней шляпа, и из этих трех слов, которые срослись было так твердо, осталось одно, и к нему прибавилось новое: «нет возврата». Нет возврата, нет возврата. «Маша, вы не ждите меня обедать; я не буду ныне обедать дома».

— Александр Матвеич еще не изволили возвращаться из гошпиталя, — спокойно говорит Степан, да и как же не говорить ему спокойно, с флегмою? В ее появлении нет ничего особенного: прежде, еще недавно, она часто бывала здесь. «Я и думала так; все равно, я посижу. Вы не говорите ему, что я здесь». Она берет какой-то журнал — да, она может читать, она видит, что может читать: да, как только «нет возврата», как только принято решение, она чувствует себя очень спокойною. Конечно, она мало читала, она вовсе не читала, она осмотрела комнату, она стала прибирать ее, будто хозяйка; конечно, мало прибирала, вовсе не прибирала, но как она спокойна: и может читать, и может заниматься делом, заметила, что из пепельницы не выброшен пепел, да и суконную скатерть на столе надобно поправить, и этот стул остался сдвинут с места. Она сидит и думает: «нет возврата, нет выбора; начинается новая жизнь» — думает час, думает два: «начинается новая жизнь. Как он удивится, как он будет счастлив. Начинается новая жизнь. Как мы счастливы». Звонок; она немного покраснела и улыбнулась; шаги, дверь отворяется. — «Вера Павловна!» — он пошатнулся, да, он пошатнулся, он схватился за ручку двери; но она уж побежала к нему, обняла его: «милый мой, милый мой! Как *он* благороден!

как я люблю тебя! я не могла жить без тебя!» и потом — что было потом? как они перешли через комнату? Она не помнит, она помнит только, что подбежала к нему, поцеловала его, но как они перешли через комнату, она не помнит, и он не помнит; они только помнят, когда они уже обходили мимо кресел, около стола, а как они отошли от двери... Да, на несколько секунд у обоих закружилась голова, потемнело в глазах от этого поцелуя... — «Верочка, ангел мой!» — «Друг мой, я не могла жить без тебя. Как долго ты любил меня, и молчал! Как ты благороден! Как он благороден, Саша!» — «Расскажи же, Верочка, как это было?» — «Я сказала ему, что не могу жить без тебя; на другой день, вчера, он уж уехал, я хотела ехать за ним, весь день вчера думала, что поеду за ним, а теперь, видишь, я уж давно сидела здесь».— «Но как ты похудела в эти две недели, Верочка, как бледны твои руки!» Он целует ее руки. «Да, мой милый, это была тяжелая борьба! Теперь я могу ценить, как много страдал ты, чтобы не нарушать моего покоя! Как мог ты так владеть собою, что я ничего не видела? Как много ты должен был страдать!» — «Да, Верочка, это было не легко», он все целует ее руки, все смотрит на них, и вдруг она хохочет: — «Ах, какая ж я невнимательная к тебе! Ведь ты устал, Саша, ведь ты голоден!» Она вырывается от него и бежит. «Куда ты, Верочка?» Но она ничего не отвечает, она уж в кухне и торопливо, весело говорит Степану: — «Скорее давайте обед, на два прибора, — скорее! Где тарелки и все, давайте, я сама возьму и накрою стол, а вы несите кушанье. Александр так устал в своем гошпитале, надобно скорее дать ему обедать». Она идет с тарелками, на тарелках звенят ножи, вилки, ложки. — «Ха, ха, ха, мой милый! Первая забота влюбленных при первом свиданьи — поскорее пообедать! Ха, ха, ха!» И он смеется, помогает ей накрывать стол, много помогает, но больше мешает, потому что все целует ее руки. «Ах, Верочка, как бледны эти руки!» — и все целует их. Они целуются и смеются. — «Но, Саша, за столом сидеть смирно!» Степан подает суп. За обедом она рассказывает, как все это было. «Ха, ха, мой милый, как мы едим, влюбленные! Правда, я вчера ничего не ела». Входит Степан с последним блюдом. «Степан! Кажется, вы останетесь без обеда от меня?» — «Да, Вера Павловна, придется прикупить для себя что-нибудь в лавочке». — «Ничего, Степан, вперед вы уж будете знать, что надобно готовить, кроме самих вас, на двоих. Саша, где ж твоя сигарочница? Дай мне». Она сама обрезывает для него сигару, сама закуривает ее. «Кури, мой милый, а я пока пойду готовить кофе, или ты хочешь чаю? Нет, мой милый, наш обед должен быть лучше, вы с Степаном слишком мало заботились об этом». Она возвращается через пять минут, Степан несет за нею чайный прибор, и, возвратившись, она видит, что сигара Александра погасла. — «Ха, ха, мой милый, как ты замечтался без меня!» — и он смеется. — «Кури же», — она опять закуривает ему сигару.

И, припоминая все это, Вера Павловна смеется и теперь: «Как же прозаичен наш роман! Первое свидание — и суп, головы закружились от

первого поцелуя — и хороший аппетит, вот так сцена любви! Это презабавно! Да, как сияли его глаза! Что ж, впрочем, они и теперь так же сияют. И сколько его слез упало на мои руки, которые были тогда так бледны, — вот этого теперь уж, конечно, нет; в самом деле, руки у меня хороши, он говорит правду». И Вера Павловна, взглянув на свои руки, опускает их на колено, так что оно обрисовывается под легким пеньюаром, и она думает опять: «он говорит правду», и улыбается, ее рука медленно скользит на грудь и плотно прилегает к груди, и Вера Павловна думает: «правда».

«Ах, что ж это я вспоминаю, — продолжает думать Вера Павловна и смеется, — что ж это я делаю? будто это соединено с этими воспоминаниями! О, нет, это первое свидание, состоявшее из обеданья, целованья рук, моего и его смеха, слез о моих бледных руках, оно было совершенно оригинальное. Я сажусь разливать чай: „Степан, у вас нет сливок? можно где-нибудь достать хороших? Да нет, некогда, и наверное нельзя достать. Так и быть; но завтра мы устроим это. Кури же, мой милый: ты все забываешь курить“».

Еще не допит чай, раздается страшный звон колокольчика, и в комнату влетают два студента и, в своей торопливости, даже не видят ее.— «Александр Матвеич, интересный субъект! — говорят они, запыхавшись:— сейчас привезли, чрезвычайно редкое осложнение». Бог знает, какой латинский термин, обозначающий болезнь интересного субъекта. «Очень любопытно, Александр Матвеич, и нужна немедленная помощь, каждые полчаса дороги, мы даже ехали на извозчике». — «Скорее же, мой милый, спеши», говорит она. Только тут студенты замечают ее и раскланиваются, и в тот же миг уводят с собою своего профессора; его сборы были слишком недолги, он все еще оставался в своем военном сюртуке, и она гонит его, — «оттуда ты ко мне?» говорит она, прощаясь. — «Да». Долго ждет она вечером: вот и десять часов, его все нет, вот и одиннадцать, — теперь уж нечего и ждать. Однако что это такое? Она, конечно, нисколько не беспокоится, не могло же ничего случиться с ним; но, значит, как же он долго был задержан интересным субъектом! и что этот бедный интересный субъект, жив ли он теперь, удалось ли Саше спасти его? Да, Саша был очень долго задержан. Он приехал на другое утро в девять часов, он до четырех часов оставался в гошпитале: «Случай был очень трудный и интересный, Верочка». — «Спасен?» — «Да». — «Как же ты встал так рано?» — «Я не ложился». — «Не ложился? Чтобы не опоздать сюда, не спал ночь! Безбожник! Изволь отправиться домой и спи до самого обеда, непременно, чтоб я застала тебя еще не проснувшимся». В две минуты он был уже выпровожен.

Вот какие были два первые свиданья. Но этот второй обед идет уже как следует; они теперь уже с толком рассказывают друг другу свои истории, а вчера бог знает, что они говорили; они и смеются, и задумываются, и жалеют друг друга; каждому из них кажется, что другой страдал еще

больше... Через полторы недели нанята маленькая дача на Каменном острове, и они поселяются на ней.

VI

Не очень часто вспоминает Вера Павловна прошлое своей нынешней любви; да, в настоящем так много жизни, что остается мало времени для воспоминаний. Но когда вспоминает она прошлое, то иногда — сначала, точно, только иногда, а потом все постояннее — при каждом воспоминании она чувствует недовольство, сначала слабое, мимолетное, неопределенное, — кем? чем? — вот уж ей становится видно, кем: она недовольна собою, за что же? Вот она уже видит, из какой черты ее характера выходит недовольство — да, она очень горда. Но в одном ли прошедшем она недовольна собою? — сначала, да, но вот она уж замечает, что недовольство собою относится в ней и к настоящему. И какой странный характер стал заметен в этом чувстве, когда стал выясняться его характер: будто это не она, Вера Павловна Кирсанова, лично чувствует недовольство, а будто в ней отражается недовольство тысяч и миллионов; и будто не лично собою она недовольна, а будто недовольны в ней собою эти тысячи и миллионы. Кто ж эти тысячи и миллионы? за что они недовольны собою? Если бы она по-прежнему жила больше одна, думала одна, вероятно не так скоро прояснилось бы это; но ведь теперь она постоянно с мужем, они все думают вместе, и мысль о нем примешана ко всем ее мыслям. Это много помогло ей разгадать свое чувство. Прямо он сам нисколько не мог разъяснить эту загадку: пока чувство было темно для нее, для него оно было еще темнее; ему трудно было даже понять, как это возможно иметь недовольство, нисколько не омрачающее личного довольства, нисколько не относящееся ни к чему личному. Это было для него странностью, во сто раз более темною, чем для нее. Но все-таки ей очень помогло то, что она постоянно думала о муже, постоянно была с ним, смотрела на него, думала с ним. Она стала замечать, что, когда приходит ей недовольство, оно всегда сопровождается сравниванием, оно в том и состоит, что она сравнивает себя и мужа, — и вот блеснуло перед ее мыслью настоящее слово: «разница, обидная разница». Теперь ей понятно.

VII

— Саша, какой милый этот NN (Вера Павловна назвала фамилию того офицера, через которого хотела познакомиться с Тамберликом в своем страшном сне), — он мне привез одну новую поэму, которая еще не скоро будет напечатана,[126] — говорила Вера Павловна за обедом. — Мы сейчас же после обеда примемся читать, — да? Я ждала тебя, — всё с тобою вместе, Саша. А очень хотелось прочесть.

— Что ж это за поэма?

— А вот услышишь. Посмотрим, удалась ли ему эта вещь. NN говорит, что сам он — я говорю про автора — отчасти доволен ею.

Вот они располагаются в ее комнате, и она начинает читать:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча...

— Теперь я вижу, — сказал Кирсанов, прослушав несколько десятков стихов: — это у него в новом роде. Но видно, что это его, Некрасова, да? Очень благодарен тебе, что ты подождала меня.

— Еще бы! — сказала Вера Павловна. Они прочли два раза маленькую поэму, которая, благодаря их знакомству с одним из знакомых автора, попала им в руки года за три раньше, чем была напечатана.

— Но знаешь, какие стихи всего больше подействовали на меня? — сказала Вера Павловна, когда они с мужем перечитали еще по нескольку раз иные места поэмы: — эти стихи не из главных мест в самой поэме, но они чрезвычайно влекут к себе мои мысли. Когда Катя ждала возвращения жениха, она очень тосковала:

Извелась бы, неутешная,
Кабы время горевать;
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилося
Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам...

Эти стихи не главные в своем эпизоде, они только предисловие к тому, как эта славная Катя мечтает о своей жизни с Ваней; но мои мысли привязались именно к ним.

— Да, вся эта картина — одна из самых хороших в поэме, но они занимают в ней не самое видное место. Значит, они слишком подошли к мыслям, которые тебя занимали. Какие ж это мысли?

— Вот какие, Саша. Мы с тобою часто говорили, что организация женщины едва ли не выше, чем мужчины, что поэтому женщина едва ли не оттеснит мужчину на второй план в умственной жизни, когда пройдет господство грубого насилия, мы оба с тобою выводили эту вероятность из наблюдения над жизнью; в жизни больше встречается женщин, чем мужчин, умных от природы; так нам обоим кажется. Ты подтверждал это разными подробностями из анатомии, физиологии.

— Какие оскорбительные вещи для мужчин ты говоришь, и ведь это больше ты говоришь, Верочка, чем я: мне это обидно. Хорошо, что время, которое мы с тобою предсказываем, еще так далеко. А то бы я совершенно отказался от своего мнения, чтобы не отходить на второй план. Впрочем, Верочка, ведь это только вероятность, наука еще не собрала столько сведений, чтобы решить вопрос положительным образом.

— Конечно, мой милый. Мы говорили, отчего до сих пор факты истории так противоречат выводу, который слишком вероятен по наблюдениям над частною жизнью и над устройством организма. Женщина играла до сих пор такую ничтожную роль в умственной жизни потому, что господство насилия отнимало у ней и средства к развитию, и мотивы стремиться к развитию. Это объяснение достаточное. Но вот другой такой же случай. По размеру физической силы организм женщины гораздо слабее: но ведь организм ее крепче, — да?

— Это уж гораздо несомненнее, чем вопрос о природном размере умственных сил. Да, организм женщины крепче противится материальным разрушительным силам — климату, погоде, неудовлетворительной пище. Медицина и физиология еще мало занимались подробным разбором этого; но статистика уже дала бесспорный общий ответ: средняя продолжительность жизни женщин больше, чем мужчин. Из этого видно, что женский организм крепче.

— Это тем резче видно, что образ жизни женщин вообще еще гораздо менее здоров, чем у мужчин.

— Есть еще усиливающее соображение, которым увеличивается ясность вывода, — его дает физиология. Полное совершеннолетие достигается женщиною несколько раньше, чем мужчиною. Положим, возрастание женщины оканчивается в 20 лет, мужчины в 25, — приблизительно, в нашем климате, в нашем племени. Положим, тоже приблизительно, что до 70 лет доживает такая же пропорция женщин, какая из мужчин доживает до 65; если мы сообразим разность сроков развития, перевес крепости организма женщины выставится гораздо сильнее, чем предполагает статистик, не бравший в расчет разности лет совершеннолетия. 70 лет — это 3 с половиною раза 20 лет. 65 лет надобно делить на 25 лет, сколько это будет? — да, в частном немного больше 2 с половиною — так, 2 целых и шесть десятых. Значит, женщина проживает три с половиною срока своего полного развития так же легко, как мужчина почти только два с половиною срока. А этою пропорциею измеряется крепость организма.

— В самом деле, разница выходит больше, чем я читала о ней.

— Да, но ведь я говорил только для примера, я брал круглые цифры, на память. Однако же характер заключения тот самый, как я говорю. Статистика уже показала, что женский организм крепче, — ты читала выводы только из таблиц продолжительности жизни. Но если к стати-

стическим фактам прибавить физиологические, разница выйдет еще гораздо больше.

— Так, Саша; смотри же, что я думала, а теперь это обнаруживается для меня еще резче. Я думала: если женский организм крепче выдерживает разрушительные материальные впечатления, то слишком вероятно, что женщина должна была бы легче, тверже выносить и нравственные потрясения. А на деле мы видим не то.

— Да, это очень вероятно. Конечно, это будет пока только предположение, этим еще не занимались, специальных фактов не собирали. Но точно, заключение твое так близко выходит из факта, уже бесспорного, что сомневаться трудно. Крепость организма слишком тесно связана с крепостью нерв. Вероятно, у женщины нервы эластичнее, имеют более прочную структуру, а если так, они должны легче и тверже выдерживать потрясения и тяжелые чувства. На деле мы видим слишком много примеров противного. Женщина слишком часто мучится тем, что мужчина выносит легко. Еще не занимались хорошенько разбором причин, по которым, при данном нашем историческом положении, мы видим такие явления, противоречащие тому, чего следует ожидать от самого устройства организма. Но одна из этих причин очевидна, она проходит через все исторические явления и через все стороны нашего нынешнего быта. Это — сила предубеждения, дурная привычка, фальшивое ожидание, фальшивая боязнь. Если человек думает «не могу», — то и действительно не может. Женщинам натолковано: «вы слабы» — вот они и чувствуют себя слабыми, и действительно оказываются слабы. Ты знаешь примеры, что люди, совершенно здоровые, расслабевали досмерти и действительно умирали от одной мысли, что должны ослабевать и умереть. Но есть примеры, касающиеся целых масс, народов, всего человечества. Один из самых замечательных представляет военная история. В средние века пехота воображала себе, что не может устоять против конницы, — и действительно никак не могла устоять. Целые армии пехоты разгонялись, как стада овец, несколькими сотнями всадников, до той поры, когда явились на континент английские пехотинцы из гордых, самостоятельных мелких землевладельцев, у которых не было этой боязни, которые привыкли никому не уступать без боя; как только пришли во Францию эти люди, у которых не было предубеждения, что они должны бежать перед конницею, — конница, даже далеко превосходившая их числом, была разбиваема ими при каждой встрече; знаешь, знаменитые поражения французских конных армий малочисленными английскими пехотинцами и при Кресси, и при Пуатье, и при Азенкуре.[127] Та же самая история повторилась, когда швейцарцы-пехотинцы вздумали, что вовсе не для чего им считать себя слабее феодальной конницы. Австрийская, потом бургундская конница, более многочисленная, стала терпеть от них поражения при каждой встрече; потом перепробовали биться с ними все другие конницы, и все были постоянно разбиваемы. Тогда все увидели:

«а ведь пехота крепче конницы», — разумеется крепче; но шли же целые века, когда пехота была очень слаба сравнительно с конницею только потому, что считала себя слабою.

— Да, Саша, это так. Мы слабы потому, что считаем себя слабыми. Но мне кажется, что есть еще другая причина. Я хочу говорить о себе и о тебе. Скажи, мой милый: я очень много переменилась тогда в две недели, которые ты меня не видел? Ты тогда был слишком взволнован. Тебе могло показаться больше, нежели было, или, в самом деле, перемена была сильна, — как ты теперь вспоминаешь?

— Да, ты в самом деле тогда очень похудела и стала бледна.

— Вот видишь, мой милый, я теперь поняла, что именно это возмущает мою гордость. Ведь ты любил же меня очень сильно. Отчего же борьба не отразилась на тебе такими явными признаками? Ведь никто не видел, чтобы ты бледнел, худел в те месяцы, когда расходился со мною. Отчего же ты выносил это так легко?

— Вот почему тебя так заняли стихи о том, что Катя избавлялась от тоски работою. Ты хочешь знать, испытал ли я верность этого замечания на себе? Да, оно совершенно справедливо. Я довольно легко выдерживал борьбу потому, что мне некогда было много заниматься ею. Все время, когда я обращал внимание на нее, я страдал очень сильно; но ежедневная необходимость заставляла меня на бо́льшую часть времени забывать об этом. Надобно было заниматься больными, готовиться к лекциям. В это время я поневоле отдыхал от своих мыслей. В те редкие дни, когда у меня оставалось много свободных часов, я чувствовал, что силы изменяют мне. Мне кажется, что если бы я неделю остался на волю своих мыслей, я сошел бы с ума.

— Так, мой милый; и я в последнее время поняла, что в этом был весь секрет разницы между мною и тобою. Нужно иметь такое дело, от которого нельзя отказаться, которого нельзя отложить, — тогда человек несравненно тверже.

— Но ведь у тебя было тогда много дела, и теперь точно так же.

— Ах, Саша, разве это неотступные дела? Я занимаюсь ими, когда хочу, сколько хочу. Когда мне вздумается, я могу или очень сократить, или вовсе отложить их. Чтобы заниматься ими в такое время, когда мысли расстроены, нужно особое усилие воли, только оно заставит заниматься ими. Нет опоры в необходимости. Например, я занимаюсь хозяйством, трачу на это очень много времени; но девять десятых частей этого времени я употребляю на него лишь по своей охоте. При порядочной прислуге разве не пошло бы все почти так же, хотя бы я гораздо меньше занималась сама? И кому это нужно, чтобы с большою тратою времени шло несколько, немножко получше того, чем шло бы при гораздо меньшей трате моего времени. Тоже надобность этого только в моей охоте. Когда мысли спокойны, занимаешься этими вещами; когда мысли расстроены, бросаешь их, потому что без них можно обойтись.

Для важного всегда бросаешь менее важное. Лишь только чувства сильно разыгрываются, они вытесняют мысли о таких делах. У меня есть уроки; это уж несколько важнее: их я не могу отбрасывать по произволу; но это все не то. Я внимательна к ним, только когда хочу; если я во время урока и мало буду думать о нем, он пойдет лишь немного хуже, потому что это преподавание слишком легко, оно не имеет силы поглощать мысль. И потом: разве я в самом деле живу уроками? Разве от них зависит мое положение, разве они доставляют мне главные средства к образу жизни, какой я веду? Нет, эти средства доставляла мне работа Дмитрия, теперь — твоя. Уроки приятны моему чувству независимости и на самом деле небесполезны. Но все-таки в них нет для меня жизненной необходимости. Я пробовала тогда прогонять мучившие меня мысли, занявшись мастерскою гораздо более обыкновенного. Но опять я делала это только по усилию своей воли. Ведь я понимала, что мое присутствие в мастерской нужно только на час, на полтора, что если я остаюсь в ней дольше, я уж беру на себя искусственное занятие, что оно полезно, но вовсе не необходимо для дела. И потом, самое дело это — разве оно может служить важною опорою для обыкновенных людей, как я? Рахметовы — это другая порода; они сливаются с общим делом так, что оно для них необходимость, наполняющая их жизнь; [128] для них оно даже заменяет личную жизнь. А нам, Саша, недоступно это. Мы не орлы, как он. Нам необходима только личная жизнь. Мастерская — разве это моя личная жизнь? Это дело — не мое дело, чужое. Я занимаюсь им не для себя, а для других; пожалуй, и для моих убеждений. Но разве человеку, — такому, как мы, не орлу, — разве ему до других, когда ему самому очень тяжело? Разве его занимают его убеждения, когда его мучат его чувства? Нет, нужно личное дело, необходимое дело, от которого зависела бы собственная жизнь, такое дело, которое лично для меня, для моего образа жизни, для моих средств к жизни, для всего моего положения в жизни, для всей моей судьбы было бы важнее всех моих увлечений страстью, только такое дело может служить опорою в борьбе со страстью; только оно не вытесняется из жизни страстью, а само заглушает страсть, только оно дает силу и отдых. Я хочу такого дела.

— Так, мой друг, так, — горячо говорил Кирсанов, целуя жену, у которой горели глаза от одушевления. — Так, и до сих пор я не думал об этом, когда это так просто; я не замечал этого! Да, Верочка, никто другой не может думать за самого человека. Кто хочет, чтоб ему было хорошо, думай сам за себя, заботься сам о себе, — другой никто не заменит. Так любить, как я, и не понимать, пока ты сама не растолковала! Но, — продолжал он, уже смеясь и все целуя жену: — почему ж ты видишь в этом надобность теперь? собираешься влюбиться в кого, Верочка, — да?

Вера Павловна расхохоталась, и долго они оба не могли сказать ни слова от смеха.

— Да, теперь мы оба можем это чувствовать, — заговорила, наконец,

она: — я теперь могу, так же как и ты, наверное знать, что ни с тобою, ни со мною не может случиться ничего подобного. Но серьезно, знаешь ли, что мне кажется теперь, мой милый: если моя любовь к Дмитрию не была любовью женщины, уж развившейся, то и он не любил меня в том смысле, как мы с тобою понимаем это. Его чувство ко мне было соединение очень сильной привязанности ко мне, как другу, с минутными порывами страсти ко мне, как женщине; дружбу он имел лично ко мне, собственно ко мне; а эти порывы искали только женщины: ко мне, лично ко мне они имели мало отношения. Нет, это не была любовь. Разве он много занимался мыслями обо мне? Нет, они не были для него занимательны. Да, и с его стороны, как с моей, не было настоящей любви.

— Ты несправедлива к нему, Верочка.

— Нет, Саша, это так. В разговоре между мною и тобою напрасно хвалить его. Мы оба знаем, как высоко мы думаем о нем; знаем также, что сколько бы он ни говорил, будто ему было легко, на самом деле было не легко; ведь и ты, пожалуй, говоришь, что тебе было легко бороться с твоею страстью, — все это прекрасно, и не притворство; но ведь не в буквальном же смысле надобно понимать такие резкие уверения, — о, мой друг, я понимаю, сколько ты страдал.... Вот как сильно понимаю это....

— Верочка, ты меня задушишь; и согласись, что, кроме силы чувства, тебе хотелось показать и просто силу? Да, ты очень сильна; да и как не быть сильною с такой грудью....

— Милый мой Саша!

VIII

— Саша, а ведь ты не дал мне договорить о деле, — начала Вера Павловна, когда они часа через два сидели за чаем.

— Я тебе не дал договорить? Я виноват?

— Конечно, ты.

— Кто начал дурачиться?

— И не совестно тебе это?

— Что?

— Что я начала дурачиться. Фи, так компрометировать скромную женщину своею флегматичностью!

— Будто? А я верил тому, что ты толкуешь о равенстве; если равенство, то и равенство инициативы.

— Ха, ха, ха! Какое ученое слово! Но неужели ты меня обвинишь в непоследовательности? Разве я не стараюсь иметь равенства в инициативе? Но, Саша, я теперь беру инициативу продолжать серьезный разговор, о котором мы забыли.

— Бери, но я отказываюсь следовать за тобою. Я теперь возьму инициативу продолжать забывать. Дай руку.

— Саша, но надобно же договорить.

— Завтра успеем. Теперь меня, ты видишь, слишком заинтересовало исследование этой руки.

IX

— Саша, договорим же то, о чем не договорили вчера. Это надобно, потому что я собираюсь ехать с тобою: надобно же тебе знать зачем, — говорила Вера Павловна поутру.

— Со мною? Ты едешь со мною?

— Конечно. Ты спрашивал меня, Саша, зачем мне нужно дело, от которого серьезно зависела бы моя жизнь, которым бы я так же дорожила, как ты своим, которое было бы так же неотступно, которое так же требовало бы от меня всего внимания, как твое от тебя. Мой милый, мне надобно такое дело потому, что я очень горда. Меня давно тяготит и стыдит воспоминание, что борьба с чувством тогда отразилась на мне так заметно, была так невыносима для меня. Ты знаешь, я говорю не о том, что она была тяжела, — ведь и твоя была для тебя также не легка, — это зависит от силы чувства, и не мне теперь жалеть, что она была тяжела, это значило бы жалеть, что чувство было сильно, — нет! но зачем у меня против этой силы не было такой же твердой опоры, как у тебя? Я хочу иметь такую же опору. Но это только навело меня на мою мысль, а настоящая потребность, конечно, в настоящем. Вот она: я хочу быть равна тебе во всем, — это главное. Я нашла себе дело. Когда мы с тобою простились вчера, я долго думала об этом, я вздумала это вчера поутру, без тебя, вчера я хотела посоветоваться с тобою, как с добрым человеком, а ты изменил моей надежде на твою солидность. Теперь уж поздно советоваться: я решилась. Да, Саша, тебе придется много хлопотать со мною; милый мой, как мы будем рады, если я увижу себя способной к этому!

Да, теперь Вера Павловна нашла себе дело, о котором не могла бы она думать прежде: рука ее Александра была постоянно в ее руке, и потому идти было легко. Лопухов ни в чем не стеснял ее, как и она его, и только. Нет, было и больше, конечно, гораздо больше. Она всегда была уверена, что в каком бы случае ни понадобилось ей опереться на его руку, его рука, вместе с его головою, в ее распоряжении. Но только вместе с головою, своей головы он не пожалел бы для нее, точно так же не поленился бы и протянуть руку; то есть в важных случаях, в критические моменты его рука так же готова и так же надежна, как рука Лопухова, — и он слишком хорошо доказал это своею женитьбою, когда пожертвовал для нее всеми любимыми тогдашними мыслями о своей ученой карьере и не побоялся рискнуть на голод. Да, когда было важное дело, рука подавалась. Но вообще рука эта была далеко от нее. Вера Павловна устроивала свою мастерскую; если бы в чем была необходима его помощь, он помогал бы с радостью. Но почему ж он почти ничего не делал? Он только не мешал, одобрял, радовался. У него была своя жизнь, у нее — своя. Теперь не то. Кирсанов не ждал ее требования, чтобы участвовать во всем, что она делала; он был заинтересован столько же, как она сама, во всей ее обыденной жизни, как и она во всей его жизни. Это было уже совершенно не то

отношение, как с первым мужем, и потому она чувствовала у себя новые средства для деятельности, и потому стали в ней серьезно являться, получать для нее практическую требовательность такие мысли, которые прежде были только теоретически известны ей и в сущности не затрогивали ее внутреннюю жизнь: чего нельзя делать, о том и не думаешь серьезно.

Вот какого рода были эти мысли, которые теперь стали живо чувствоваться Верою Павловною и служить мотивами для деятельности.

X

«Нам формально закрыты почти все пути гражданской жизни. Нам практически закрыты очень многие — почти все — даже из тех путей общественной деятельности, которые не загорожены для нас формальными препятствиями. Из всех сфер жизни нам оставлено тесниться только в одной сфере семейной жизни — быть членами семьи, и только. Кроме этого, какие же занятия открыты нам? Почти только одно — быть гувернантками; да еще разве — давать какие-нибудь уроки, которых не захотят отнять у нас мужчины. Нам тесно на этой единственной дороге; мы мешаем друг другу, потому что слишком толпимся на ней; она почти не может давать нам самостоятельности, потому что нас, предлагающих свои услуги, слишком много. Ни одна из нас никому не нужна всё потому же, что нас слишком много. Кто станет дорожить гувернанткою? Только скажите слово, что вы хотите иметь гувернантку, сбегаются десятки и сотни нас перебивать одна у другой место.

Нет, пока женщины не будут стараться о том, чтобы разойтись на много дорог, женщины не будут иметь самостоятельности. Конечно, пробивать новую дорогу тяжело. Но мое положение в этом деле особенно выгодно. Мне стыдно было бы не воспользоваться им. Мы не приготовлены к серьезным занятиям. Я не знаю, до какой степени нужно иметь руководителя, чтобы готовиться к ним. Но я знаю, что до какой бы степени ни понадобилась мне его ежедневная помощь, — он тут, со мной. И это не будет ему обременением, это будет так же приятно ему, как мне.

Нам закрыты обычаем пути независимой деятельности, которые не закрыты законом. Но из этих путей, закрытых только обычаем, я могу вступить на какой хочу, если только решусь выдержать первое противоречие обычая. Один из них слишком много ближе других для меня. Мой муж медик. Он отдает мне все время, которое у него свободно. С таким мужем мне легко попытаться, не могу ли я сделаться медиком.

Это было бы очень важно, если бы явились, наконец, женщины-медики.[129] Они были бы очень полезны для всех женщин. Женщине гораздо легче говорить с женщиною, чем с мужчиною. Сколько предотвращалось бы тогда страданий, смертей, сколько несчастий! Надобно попытаться».

XI

Вера Павловна кончила разговор с мужем тем, что надела шляпу и поехала с ним в гошпиталь испытать свои нервы, — может ли она видеть кровь, в состоянии ли будет заниматься анатомиею. При положении Кирсанова в гошпитале, конечно, не было никаких препятствий этому испытанию.

Я, нисколько не совестясь, уж очень много компрометировал Веру Павловну со стороны поэтичности; например, не скрывал того, что она каждый день обедала, и вообще с аппетитом, а кроме того, по два раза в день пила чай. Но теперь я дошел до такого обстоятельства, что, при всей бесстыдной низости моих понятий, на меня нападает робость, и думаю я: «Не лучше ли было бы скрыть эту вещь? Что подумают о женщине, которая в состоянии заниматься медициною?» Какие грубые нервы должны быть у нее, какая черствая душа! Это не женщина, а мясник! Но, сообразивши, что ведь я и не выставляю своих действующих лиц за идеалы совершенства, я успокоиваюсь: пусть судят, как хотят, о грубости натуры Веры Павловны, мне какое дело? Груба, так груба.

Поэтому я хладнокровно говорю, что она нашла очень большую разницу между праздным смотрением на вещи и деятельною работою над ними на пользу себе и другим.

Я помню, как испугался я, двенадцатилетний ребенок, когда меня, никогда еще не видавшего пожаров, разбудил слишком сильный шум пожарной тревоги. Все небо пламенело, раскаленное; по всему городу, большому провинциальному городу, летели головни, по всему городу страшный гвалт, беготня, крик. Я дрожал, как в лихорадке. По счастию, я успел убежать на пожар, пользуясь тем, что все домашние были в суматохе. Пожар был вдоль набережной (то есть просто берега, потому что какая же набережная?). Берег был уставлен дровами, лубочным товаром. Такие же мальчишки, как я, разбирали и оттаскивали все это подальше от горевших домов; принялся и я, — куда девался весь мой страх! Я работал очень усердно, пока сказали нам: «Довольно, опасность прошла». С той поры я уж и знал, что если страшно от сильного пожара, то надобно бежать туда и работать, и вовсе не будет страшно.

Кто работает, тому некогда ни пугаться, ни чувствовать отвращение или брезгливость.

Итак, Вера Павловна занялась медициною; и в этом, новом у нас деле она была одною из первых женщин, которых я знал. После этого она действительно стала чувствовать себя другим человеком. У ней была мысль: «Через несколько лет я уж буду в самом деле стоять на своих ногах». Это великая мысль. Полного счастия нет без полной независимости. Бедные женщины, как немногие из вас имеют это счастие!

XII

И вот проходит год; и пройдет еще год, и еще год после свадьбы с Кирсановым, и все так же будут идти дни Веры Павловны, как идут теперь, через год после свадьбы, как шли с самой свадьбы; и много лет пройдет, они будут идти всё так же, если не случится ничего особенного; кто знает, что принесет будущее? но до той поры, как я пишу это, ничего такого не случилось, и дни Веры Павловны идут все так же, как шли они тогда, через год, через два после свадьбы с Кирсановым.

После той страшно компрометирующей вещи, что Вера Павловна вздумала и нашла себя способною заниматься медициною, мне уж легко говорить обо всем: все остальное уж не может так ужасно повредить ей во мнении публики. И я должен сказать, что и теперь в Сергиевской, как прежде на Васильевском, три грани дня Веры Павловны составляют: чай утром, обед и вечерний чай; да, она сохранила непоэтическое свойство каждый день обедать и два раза пить чай и находить это приятным, и вообще она сохранила все свои непоэтические, и неизящные, и нехорошего тона свойства.

И многое другое осталось по-прежнему в это новое спокойное время, как было в прежнее спокойное время. Осталось и разделение комнат на нейтральные и ненейтральные; осталось и правило не входить в ненейтральные комнаты друг к другу без разрешения, осталось и правило не повторять вопроса, если на первый вопрос отвечают «не спрашивай»; осталось и то, что такой ответ заставляет совершенно ничего не думать о сделанном вопросе, забыть его: осталось это потому, что осталась уверенность, что если бы стоило отвечать, то и не понадобилось бы спрашивать, давно все было бы сказано без всякого вопроса, а в том, о чем молчат, наверное нет ничего любопытного. Все это осталось по-прежнему в новое спокойное время, как было в прежнее спокойное время; только в нынешнее, новое спокойное время все это несколько изменилось, или, пожалуй, не изменилось, но все-таки выходит не совсем то, что в прежнее время, и жизнь выходит вовсе не та.

Например, нейтральные и ненейтральные комнаты строго различаются; но разрешение на допуск в ненейтральные комнаты установлено раз навсегда для известного времени дня: это потому, что две из трех граней дня перенесены в ненейтральные комнаты; установился обычай пить утренний чай в ее комнате, вечерний чай в его комнате; вечерний чай устроивается без особенных процедур; слуга, все тот же Степан, вносит в комнату Александра самовар и прибор, и только; но с утренним чаем особая манера: Степан ставит самовар и прибор на стол в той нейтральной комнате, которая ближе к комнате Веры Павловны, и говорит Александру Матвеичу, что самовар подан, то есть говорит, если находит Александра Матвеича в его кабинете; но если не застает? Тогда Степану уж нет дела извещать, пусть сами помнят, что пора пить чай. И вот по

этому заведению уж установлено правило, что поутру Вера Павловна ждет мужа без доклада, разрешается ли ему войти; без Саши тут нельзя обойтись ей, это всякий рассудит, когда сказать, как она встает.

Просыпаясь, она нежится в своей теплой постельке, ей лень вставать, она и думает и не думает, и полудремлет и не дремлет; думает — это значит думает о чем-нибудь таком, что относится именно к этому дню, к этим дням, что-нибудь по хозяйству, по мастерской, по знакомствам, по планам, как расположить этот день, это, конечно, не дремота; но, кроме того, есть еще два предмета, года через три после свадьбы явился и третий, который тут в руках у ней, Митя: он «Митя», конечно, в честь друга Дмитрия; а два другие предмета, один — сладкая мысль о занятии, которое дает ей полную самостоятельность в жизни, другая мысль — Саша; этой мысли даже и нельзя назвать особою мыслию, она прибавляется ко всему, о чем думается, потому что он участвует во всей ее жизни; а когда эта мысль, эта не особая мысль, а всегдашняя мысль, остается одна в ее думе, — она очень, очень много времени бывает одна в ее думе, — тогда как это назвать? дума ли это или дремота, спится ли ей или не спится? глаза полузакрыты, на щеках легкий румянец, будто румянец сна... да, это дремота. Теперь, видите сами, часто должно пролетать время так, что Вера Павловна еще не успеет подняться, чтобы взять ванну (это устроено удобно, стоило порядочных хлопот: надобно было провести в ее комнату кран от крана и от котла в кухне; и правду сказать, довольно много дров выходит на эту роскошь, но что ж, это теперь можно было позволить себе), да, очень часто Вера Павловна успевает взять ванну и опять прилечь отдохнуть, понежиться после нее до появления Саши, а часто, даже не чаще ли, так задумывается и заполудремлется, что еще не соберется взять ванну, как Саша уж входит.

Но как хорошо каждый день поутру брать ванну; сначала вода самая теплая, потом теплый кран завертывается, открывается кран, по которому стекает вода, а кран с холодной водой остается открыт, и вода в ванне незаметно, незаметно свежеет, свежеет, как это хорошо! Полчаса, иногда больше, иногда целый час не хочется расставаться с ванною.

И все сама, без служанки, и одевается сама, — это гораздо лучше. Сама, то есть, когда не продремлет срока, а если пропустит? тогда уж нельзя отделаться — да к чему ж и отделываться? — от того, чтобы Саша не исполнял должность горничной! Саша ужасно смешной! и может быть, даже прикосновение руки шепчущей гостьи-певицы не заставит появиться в воображаемом дневнике слова: «А ведь это даже обидно!» А во всяком случае милый взял на себя неизменную обязанность хозяйничать за утренним чаем.

Да и нельзя было бы иначе, Саша совершенно прав, что этому так следовало устроиться, потому что пить утренний чай, то есть почти только сливки, разгоряченные не очень большою прибавкою очень густого чаю, что пить его в постели чрезвычайно приятно. Саша уходит за прибо-

ром, — да, это чаще, чем то, что он прямо входит с чайным прибором, — и хозяйничает, а она все нежится и, напившись чаю, все еще полулежит уж не в постельке, а на диванчике, таком широком, но, главное достоинство его, таком мягком, будто пуховик, полулежит до 10, до 11 часов, пока Саше пора отправляться в гошпиталь, или в клиники, или в академическую аудиторию, но с последнею чашкою Саша уже взял сигару, и кто-нибудь из них напоминает другому: «принимаемся за дело», или «довольно, довольно, теперь за дело» — за какое дело? а как же, урок или репетиция по студенчеству Веры Павловны: Саша ее репетитор по занятиям медициною, но еще больше нужна его помощь по приготовлению из тех предметов гимназического курса для экзамена, заниматься которыми ей одной было бы уж слишком скучно; особенно ужасная вещь — это математика; едва ли не еще скучнее латинский язык; но нельзя, надобно поскучать над ними, впрочем не очень же много: для экзамена, заменяющего гимназический аттестат, в Медицинской академии требуется очень, очень немного; например, я не поручусь, что Вера Павловна когда-нибудь достигнет такого совершенства в латинском языке, чтобы перевести хотя две строки из Корнелия Непота, но она уж умеет разбирать латинские фразы, попадающиеся в медицинских книгах, потому что это знание, надобное ей, да и очень не мудреное. Нет, однако ж, довольно об этом, я уж вижу, что до невозможности компрометирую Веру Павловну: вероятно проница.....

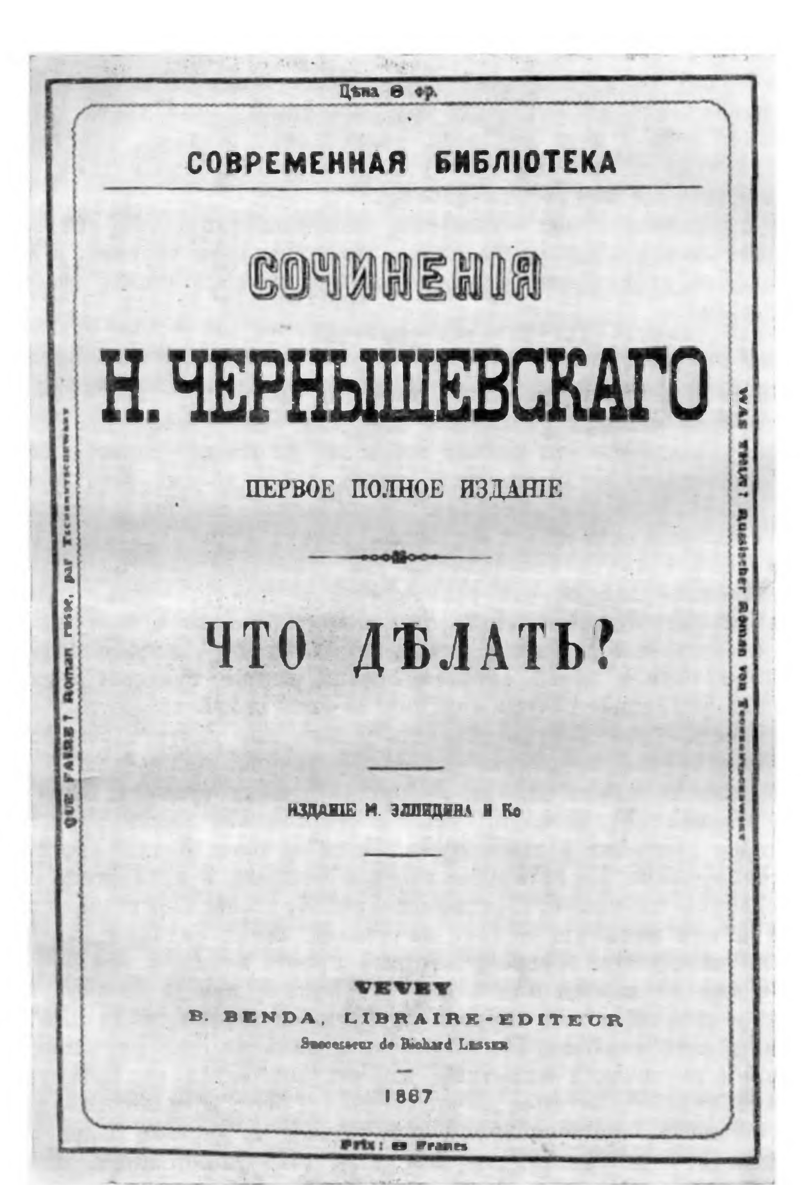
XIII

ОТСТУПЛЕНИЕ О СИНИХ ЧУЛКАХ[130]

— Синий чулок! даже до крайности синий чулок! Терпеть не могу синего чулка! Глуп и скучен синий чулок! — с азартом, но не без солидности произносит проницательный читатель.

Однако же, как мы с проницательным читателем привязаны друг к другу. Он раз обругал меня, я два раза выгнал его в шею, а все-таки мы с ним не можем не обмениваться нашими задушевными словами; тайное влечение сердец, что вы прикажете делать!

— О, проницательный читатель, — говорю я ему, — ты прав, синий чулок подлинно глуп и скучен, и нет возможности выносить его. Ты отгадал это. Да не отгадал ты, *кто* синий чулок. Вот ты сейчас увидишь это, как в зеркале. Синий чулок с бессмысленною аффектациею самодовольно толкует о литературных или ученых вещах, в которых ни бельмеса не смыслит, и толкует не потому, что в самом деле заинтересован ими, а для того, чтобы пощеголять своим умом (которого ему не случилось получить от природы), своими возвышенными стремлениями (которых в нем столько же, как в стуле, на котором он сидит) и своею образованностью (которой в нем столько же, как в попугае). Видишь, чья это грубая образина или прилизанная фигура в зеркале? твоя, приятель. Да, какую

Цѣна 6 фр.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

СОЧИНЕНІЯ

Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗДАНІЕ М. ЭЛПИДИНА И Ко

VEVEY

B. BENDA, LIBRAIRE-EDITEUR

Successeur de Richard Lesser

1867

Prix: 6 Francs

QUE FAIRE? Roman russe, par Tchernychewsky

WAS THUN? Russischer Roman von Tschernyschewsky

Титульный лист издания 1867 г.

длинную бороду ты ни отпускай или как тщательно ни выбривай ее, все-таки ты несомненно и неоспоримо подлиннейший синий чулок, поэтому-то ведь я гонял тебя в шею два раза, единственно поэтому, что терпеть не могу синих чулков, которых между нашим братом, мужчинами, в десять раз больше, нежели между женщинами.

А кто с дельною целью занимается каким-нибудь делом, тот, какое бы ни было это дело и в каком бы платье ни ходил этот человек, в мужском или в женском, этот человек просто человек, занимающийся своим делом, и больше ничего.

XIV

Полезная для проницательного читателя беседа о синем чулке, то есть о нем, оторвала меня от рассказа о том, как теперь проходит день Веры Павловны. «Теперь» — это значит когда ж? да когда угодно с той поры, как она поселилась в Сергиевской улице, и вот до сих пор. А впрочем, что ж и продолжать это описание. Разве только вообще сказать, что та перемена, которая началась в характере вечера Веры Павловны от возобновления знакомства с Кирсановым на Васильевском острове, совершенно развилась теперь, что теперь Кирсановы составляют центр уже довольно большого числа семейств, все молодых семейств, живущих так же ладно и счастливо, как они, и точно таких же по своим понятиям, как они, и что музыка и пенье, опера и поэзия, всякие гулянья и танцы наполняют все свободные вечера каждого из этих семейств, потому что каждый вечер есть какое-нибудь сборище у того или другого семейства или какое-нибудь другое устройство вечера для разных желающих. Вообще на этих сборищах и всяких других препровождениях времени бывает в наличности наполовину всего кружка, и Кирсановы, как другие, наполовину вечеров проводят в этом шуме. Но и об этом нечего говорить, это понятно само собою. Но есть одна вещь, о которой, к несчастию, слишком многим надобно толковать, слишком подробно, чтобы они поняли ее. Каждый если не сам испытал, то хоть начитался, какая разница для девушки или юноши между тем вечером, который просто вечер, и тем вечером, на котором с нею ее милый или с ним его милая, между оперою, которую слушаешь и только, и тою оперою, которую слушаешь, сидя рядом с тем или с тою, в кого влюблен. Очень большая разница. Это известно. Но вот что слишком немногими испытано, что очаровательность, которую всему дает любовь, вовсе не должна, по-настоящему, быть мимолетным явлением в жизни человека, что этот яркий свет жизни не должен озарять только эпоху искания, стремления, назовем хотя так: ухаживания, или сватания, — нет, что эта эпоха по-настоящему должна быть только зарею, милою, прекрасною, но предшественницею дня, в котором несравненно больше и света и теплоты, чем в его предшественнице, свет и теплота которого долго, очень долго ростут, все ростут, и особенно теплота очень долго ростет, далеко за полдень все еще ростет. Прежде было не так:

когда соединялись любящие, быстро исчезала поэзия любви. Теперь у тех людей, которые называются нынешними людьми, вовсе не так. Они, когда соединяет их любовь, чем дольше живут вместе, тем больше и больше озаряются и согреваются ее поэзиею, до той самой поры, позднего вечера, когда заботы о выростающих детях будут уже слишком сильно поглощать их мысли. Тогда забота более сладкая, чем личное наслаждение, становится выше его, но до той поры оно все ростет. То, что прежние люди знали только на мимолетные месяцы, нынешние люди сохраняют в себе на долгие, долгие годы.

Отчего это так? А это уж секрет; я вам, пожалуй, выдам его. Хороший секрет, славно им пользоваться и не мудрено, только надобно иметь для этого чистое сердце и честную душу, да нынешнее понятие о правах человека, уважение к свободе того, с кем живешь. Только, — больше и секрета нет никакого. Смотри на жену, как смотрел на невесту, знай, что она каждую минуту имеет право сказать: «я недовольна тобою, прочь от меня»; смотри на нее так, и она через десять лет после твоей свадьбы будет внушать тебе такое же поэтическое чувство, как невеста, нет, более поэтическое, более идеальное в хорошем смысле слова. Признавай ее свободу так же открыто и формально, и без всяких оговорок, как признаешь свободу твоих друзей чувствовать или не чувствовать дружбу к тебе, и тогда — через десять лет, через двадцать лет после свадьбы ты будешь ей так же мил, как был женихом. Так живут мужья и жены из нынешних людей. Очень завидно. Но зато же ведь они и честны друг перед другом, они любят друг друга через десять лет после свадьбы сильнее и поэтичнее, чем в день свадьбы, но зато же ведь в эти десять лет ни он, ни она не дали друг другу притворного поцелуя, не сказали ни одного притворного слова. «Ложь не выходила из уст его», сказано про кого-то в какой-то книге. «Нет притворства в сердце его», сказано про кого-то в какой-то, может быть в той же книге.[131] Читают книгу и думают: «какая изумительная нравственная высота приписывается ему!» Писали книгу и думали: «это мы описываем такого человека, которому все должны удивляться». Не предвидели, кто писал книгу, не понимают, кто читает ее, что нынешние люди не принимают в число своих знакомых никого, не имеющего такой души, и не имеют недостатка в знакомых и не считают своих знакомых ничем больше, как просто-напросто нынешними людьми, хорошими, но очень обыкновенными людьми.

Одного жаль: в нынешнее время на одного нынешнего человека все еще приходится целый десяток, коли не больше, допотопных людей. Оно, впрочем, натурально — допотопному миру иметь допотопное население.

XV

— Вот мы живем с тобою три года (прежде говорилось: год, потом: два; потом будет говориться: четыре года и так дальше), а все еще мы как будто любовники, которые видятся изредка, тайком. Откуда это взяли,

Саша, что любовь ослабевает, когда ничто не мешает людям вполне принадлежать друг другу? Эти люди не знали истинной любви. Они знали только эротическое самолюбие или эротическую фантазию. Настоящая любовь именно с той поры и начинается, как люди начинают жить вместе.

— Уж не на мне ли ты это замечаешь?

— На тебе я замечаю вещь гораздо более любопытную: еще года через три ты забудешь свою медицину, а еще года через три разучишься читать, и из всех способностей к умственной жизни у тебя останется одна — зрение, да и то разучится видеть что-нибудь, кроме меня.

Такие разговоры не длинны и не часты, но всё у них бывают такие разговоры.

«Да, с каждым годом сильнее».

«Знаешь эти сказки про людей, которые едят опиум: с каждым годом их страсть ростет. Кто раз узнал наслаждение, которое дает она, в том она уж никогда не ослабеет, а все только усиливается».

«Да и все сильные страсти такие же, всё развиваются, чем дальше, тем сильнее».

«Пресыщение! — страсть не знает пресыщения, она знает лишь насыщение на несколько часов».

«Пресыщение знает только пустая фантазия, а не сердце, не живой действительный человек, а испорченный мечтатель, ушедший из жизни в мечту».

«Будто мой аппетит ослабевает, будто мой вкус тупеет óттого, что я не голодаю, а каждый день обедаю без помехи и хорошо. Напротив, мой вкус развивается оттого, что мой стол хорош. А аппетит я потеряю только вместе с жизнью, без него нельзя жить» (это уж грубый материализм, замечаю я вместе с проницательным читателем).

«Разве по натуре человека привязанность ослабевает, а не развивается временем? Когда дружба крепче и милее, через неделю, или через год, или через двадцать лет после того, как началась? Надобно только, чтобы друзья сошлись между собою удачно, чтобы в самом деле они годились быть друзьями между собою».

Эти разговоры постоянны, но вовсе не часты. Коротки и очень не часты. В самом деле, что об этом много и часто говорить?

А вот эти и чаще, и длиннее.

— Саша, как много поддерживает меня твоя любовь. Через нее я делаюсь самостоятельна, я выхожу из всякой зависимости и от тебя — даже от тебя. А для тебя что принесла моя любовь?

— Для меня? Не менее, чем для тебя. Это постоянное, сильное, здоровое возбуждение нерв, оно необходимо развивает нервную систему (грубый материализм, замечаем опять мы с проницательным читателем); поэтому умственные и нравственные силы ростут во мне от моей любви.

— Да, Саша, я слышу от всех, — сама я плохая свидетельница в этом, мои глаза подкуплены, но все видят то же: твои глаза яснеют, твой взгляд становится сильнее и зорче.

— Верочка, что хвалиться или не хвалиться мне перед тобою? Мы один человек; но это должно в самом деле отражаться и в глазах. Моя мысль стала много сильнее. Когда я делаю вывод из наблюдений, общий обзор фактов, я теперь в час кончаю то, над чем прежде должен был думать несколько часов. И я могу теперь обнимать мыслью гораздо больше фактов, чем прежде, выводы у меня выходят и шире, и полнее. Если бы, Верочка, во мне был какой-нибудь зародыш гениальности, я с этим чувством стал бы великим гением. Если бы от природы была во мне сила создать что-нибудь маленькое новое в науке, я от этого чувства приобрел бы силу пересоздать науку. Но я родился быть только чернорабочим, темным мелким тружеником, который разработывает мелкие частные вопросы. Таким я и был без тебя. Теперь, ты знаешь, я уж не то: от меня начинают ждать больше, думают, что я переработаю целую большую отрасль науки, все учение об отправлениях нервной системы. И я чувствую, что исполню это ожидание. В 24 года у человека шире и смелее новизна взглядов, чем в 29 лет (потом говорится: в 30 лет, в 32 года и так дальше), но тогда у меня не было этого в таком размере, как теперь. И я чувствую, что я все еще росту, когда без тебя я давно бы уже перестал рости. Да я уж и не рос последние два-три года перед тем, как мы стали жить вместе. Ты возвратила мне свежесть первой молодости, силу идти гораздо дальше того, на чем я остановился бы, на чем я уж и остановился было без тебя.

— А энергия работы, Верочка, разве мало значит? Страстное возбуждение сил вносится и в труд, когда вся жизнь так настроена. Ты знаешь, как действует на энергию умственного труда кофе, стакан вина; то, что дают они другим на час, за которым следует расслабление, соразмерное этому внешнему и мимолетному возбуждению, то имею я теперь постоянно в себе, — мои нервы сами так настроены постоянно, сильно, живо. (Опять грубый материализм, замечаем и проч.)

Эти разговоры чаще и длиннее.

«Кто не испытывал, как возбуждает любовь все силы человека, тот не знает настоящей любви».

«Любовь в том, чтобы помогать возвышению и возвышаться».

«У кого без нее не было бы средств к деятельности, тому она дает их. У кого они есть, тому она дает силы пользоваться ими».

«Только тот любит, кто помогает любимой женщине возвышаться до независимости».

«Только тот любит, у кого светлеет мысль и укрепляются руки от любви».

И вот эти разговоры очень часты:

— Мой милый, я читаю теперь Боккаччио[132] (какая безнравственность! — замечаем мы с проницательным читателем, — женщина читает Боккаччио! это только мы с ним можем читать. Но я, кроме того, замечаю еще вот что: женщина в пять минут услышит от проницательного читателя больше сальностей, очень благоприличных, чем найдет во всем Боккаччио, и уж, конечно, не услышит от него ни одной светлой, свежей, чистой мысли, которых у Боккаччио так много): ты правду говорил, мой милый, что у него громадный талант. Некоторые его рассказы надобно, по-моему, поставить рядом с лучшими шекспировскими драмами по глубине и тонкости психологического анализа.

— А как тебя забавляют его комические рассказы, в которых он так бесцеремонен?

— Некоторые забавны, но вообще эти рассказы скучны, как всякий слишком грубый фарс.

— Но это надобно извинить ему, — ведь он жил за 500 лет до нас; то, что нам кажется слишком сальным, слишком площадным, тогда не считалось неприличием.

— Как и многие наши обычаи и весь наш тон будут казаться грубы и грязны гораздо меньше чем через 500 лет. Но это не занимательно, я говорю о тех его рассказах, превосходных, в которых серьезно изображается страстная, высокая любовь. В них всего виднее его великий талант. Но вот что я хотела сказать, Саша: он изображает очень хорошо и сильно, судя по этому, можно сказать, что тогда не знали той неги любви, как теперь, любовь тогда не чувствовалась так сильно, хоть и говорят, что это была эпоха самого полного наслажденья любовью. Нет, как можно, они не наслаждались ею и вполовину так сильно. Их чувства были слишком поверхностны, их упоение еще слишком слабо и слишком мимолетно.

«Сила ощущения соразмерна тому, из какой глубины организма оно поднимается. Если оно возбуждается исключительно внешним предметом, внешним поводом, оно мимолетно и охватывает только одну свою частную сторону жизни. Кто пьет только потому, что ему подносят стакан, тот мало смыслит вкус в вине, оно слишком мало доставляет ему удовольствия. Наслаждение уже гораздо сильнее, когда корень его в воображении, когда воображение ищет предмета и повода к наслаждению. Тут кровь волнуется уже гораздо сильнее, и уже заметна некоторая теплота в ней, дающая впечатлению гораздо больше неги. Но это еще очень слабо сравнительно с тем, когда корень отношений, соединенных с наслаждением, находится в самой глубине нравственной жизни. Тут возбуждение проникает всю нервную систему, волнует ее долго и чрезвычайно сильно. Тут теплота проникает всю грудь: это уж не одно биение сердца, которое возбуждается фантазиею, нет, вся грудь чувствует чрезвычайную свежесть

и легкость; это похоже на то, как будто изменяется атмосфера, которою дышит человек, будто воздух стал гораздо чище и богаче кислородом, это ощущение вроде того, какое доставляется теплым солнечным днем, это похоже на то, что чувствуешь, греясь на солнце, но разница огромная в том, что свежесть и теплота развиваются в самых нервах, прямо воспринимаются ими, без всякого ослабления своей ласкающей силы посредствующими элементами».

«Я очень довольна, что еще вовремя бросила эту невыгодную манеру. Это правда: надобно, чтобы обращение крови не задерживалось никакими стеснениями. Но зачем после этого так восхищаться, что цвет кожи стал нежнее? это так должно быть. И от каких пустяков! пустяки, но как это портит ногу! чулок должен держаться сам, весь, и слегка; линия стала правильна, этот перерез исчезает.

Это не так скоро проходит. А ведь я только три года носила корсет, я бросила его еще до нынешней нашей жизни. Но правда, что наши платья все-таки теснят талью и без корсета. Но правда ли, что и это пройдет, как исправилась нога? Правда, несколько проходит, — пройдет; как я довольна. Какой несносный покрой платья! Давно бы пора понять, что гречанки были умнее, платье должно быть широко от самых плеч, как одевались они. Как наш покрой платья портит наш стан! Но у меня эта линия восстановляется, как я рада этому!»

— Как ты хороша, Верочка!

— Как я счастлива, Саша!

И сладкие речи,
Как говор струй;
Его улыбка
И поцелуй.[133]

Милый друг! погаси
Поцелуи твои:
И без них при тебе
Огнь пылает в крови.
И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь,
И блистают глаза,
Словно в ночи звезда.[134]

XVI

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

И снится Вере Павловне сон, будто:

Доносится до нее знакомый — о, какой знакомый теперь! — голос [135] издали, ближе, ближе, —

Wie herrlich leuchtet
Mir die Natur!
Wie glänzt die Sonne!
Wie lacht die Flur! [а, 136]

И видит Вера Павловна, что это так, все так...

Золотистым отливом сияет нива; покрыто цветами поле, развертываются сотни, тысячи цветов на кустарнике, опоясывающем поле, зеленеет и шепчет подымающийся за кустарником лес, и он весь пестреет цветами; аромат несется с нивы, с луга, из кустарника, от наполняющих лес цветов; порхают по веткам птицы, и тысячи голосов несутся от ветвей вместе с ароматом; и за нивою, за лугом, за кустарником, лесом опять виднеются такие же сияющие золотом нивы, покрытые цветами луга, покрытые цветами кустарники до дальних гор, покрытых лесом, озаренным солнцем, и над их вершинами там и здесь, там и здесь — светлые, серебристые, золотистые, пурпуровые, прозрачные облака своими переливами слегка оттеняют по горизонту яркую лазурь; взошло солнце, радуется и радует природа, льет свет и теплоту, аромат и песню, любовь и негу в грудь, льется песня радости и неги, любви и добра из груди — «о земля! о нега! о любовь! о любовь, золотая, прекрасная, как утренние облака над вершинами тех гор!»

O Erd'! O Sonne!
O Glück! O Lust!
O Lieb', o Liebe,
So goldenschön.
Wie Morgenwolken
Auf jenen Höh'n! [б, 137]

— Теперь ты знаешь меня? Ты знаешь, что я хороша? Но ты еще не знаешь; никто из вас еще не знает меня во всей моей красоте. Смотри, что было, что теперь, что будет. Слушай и смотри:

Wohl perlet im Glase der purpurne Wein,
Wohl glänzen die Augen der Gäste... [в, 138]

а

Как мне природа
Блестит вокруг,
Как рдеет солнце,
Смеется луг!
(Перевод С. С. Заяицкого)

б

О мир, о солнце,
О свет, о смех!
Любви, любови
О блеск златой,
Как горний облак
Над высью той!
(Перевод С. С. Заяицкого).

в

Как весело кубок бежит по рукам,
Как взоры пирующих ясны...
(Перевод С. П. Шевырева)

У подошвы горы, на окраине леса, среди цветущих кустарников высоких густых аллей воздвигся дворец.

— Идем туда.

Они идут, летят.

Роскошный пир. Пенится в стаканах вино; сияют глаза пирующих. Шум и шопот под шум, смех и, тайком, пожатие руки, и порою украдкой неслышный поцелуй. — «Песню! Песню! Без песни не полно веселие!» И встает поэт. Чело и мысль его озарены вдохновением, ему говорит свои тайны природа, ему раскрывает свой смысл история, и жизнь тысячелетий проносится в его песне рядом картин.

1

Звучат слова поэта, и возникает картина.

Шатры номадов.[139] Вокруг шатров пасутся овцы, лошади, верблюды. Вдали лес олив и смоковниц. Еще дальше, дальше, на краю горизонта к северо-западу, двойной хребет высоких гор. Вершины гор покрыты снегом, склоны их покрыты кедрами. Но стройнее кедров эти пастухи, стройнее пальм их жены, и беззаботна их жизнь в ленивой неге: у них одно дело — любовь, все дни их проходят, день за днем, в ласках и песнях любви.

— Нет, — говорит светлая красавица, — это не обо мне. Тогда меня не было. Эта женщина была рабыня. Где нет равенства, там нет меня. Ту царицу звали Астарта.[140] Вот она.

Роскошная женщина. На руках и на ногах ее тяжелые золотые браслеты; тяжелое ожерелье из перлов и кораллов, оправленных золотом, на ее шее. Ее волосы увлажнены миррою. Сладострастие и раболепство в ее лице, сладострастие и бессмыслие в ее глазах.

«Повинуйся твоему господину; услаждай лень его в промежутки набегов; ты должна любить его, потому что он купил тебя, и если ты не будешь любить его, он убьет тебя», — говорит она женщине, лежащей перед нею во прахе.

— Ты видишь, что это не я, — говорит красавица.

2

Опять звучат вдохновенные слова поэта. Возникает новая картина.

Город. Вдали на севере и востоке горы; вдали на востоке и юге, подле на западе — море. Дивный город. Не велики в нем домы и не роскошны снаружи. Но сколько в нем чудных храмов! Особенно на холме, куда ведет лестница с воротами удивительного величия и красоты: весь холм занят храмами и общественными зданиями, из которых каждого одного было бы довольно ныне, чтобы увеличить красоту и славу великолеп-

нейшей из столиц. Тысячи статуй в этих храмах и повсюду в городе, — статуй, из которых одной было бы довольно, чтобы сделать музей, где стояла бы она, первым музеем целого мира. И как прекрасен народ, толпящийся на площадях, на улицах: каждый из этих юношей, каждая из этих молодых женщин и девушек могли бы служить моделью для статуи. Деятельный, живой, веселый народ, народ, вся жизнь которого светла и изящна. Эти домы, не роскошные снаружи, — какое богатство изящества и высокого уменья наслаждаться показывают они внутри: на каждую вещь из мебели и посуды можно залюбоваться. И все эти люди, такие прекрасные, так умеющие понимать красоту, живут для любви, для служения красоте. Вот изгнанник возвращается в город, свергнувший его власть: он возвращается затем, чтобы повелевать, — все это знают. Что ж ни одна рука не поднимается против него? На колеснице с ним едет, показывая его народу, прося народ принять его, говоря народу, что она покровительствует ему, женщина чудной красоты даже среди этих красавиц, — и, преклоняясь перед ее красотою, народ отдает власть над собою Пизистрату, ее любимцу. Вот суд; судьи — угрюмые старики, народ может увлекаться, они не знают увлеченья. Ареопаг славится беспощадною строгостью, неумолимым нелицеприятием: боги и богини приходили отдавать свои дела на его решение. И вот должна явиться перед ним женщина, которую все считают виновной в страшных преступлениях: она должна умереть, губительница Афин, каждый из судей уже решил это в душе; является перед ними Аспазия,[141] эта обвиненная, и они все падают перед нею на землю и говорят: «Ты не можешь быть судима, ты слишком прекрасна!» Это ли не царство красоты? Это ли не царство любви?

— Нет, — говорит светлая красавица, — меня тогда не было. Они поклонялись женщине, но не признавали ее равною себе. Они поклонялись ей, но только как источнику наслаждений; человеческого достоинства они еще не признавали в ней! Где нет уважения к женщине, как к человеку, там нет меня. Ту царицу звали Афродита. Вот она.

На этой царице нет никаких украшений, — она так прекрасна, что ее поклонники не хотели, чтоб она имела одежду, ее дивные формы не должны быть скрыты от их восхищенных глаз.

Что говорит она женщине, почти так же прекрасной, как сама она, бросающей фимиам на ее олтарь?

«Будь источником наслаждения для мужчины. Он господин твой. Ты живешь не для себя, а для него».

И в ее глазах только нега физического наслаждения. Ее осанка горда, в ее лице гордость, но гордость только своею физическою красотою. И на какую жизнь обречена была женщина во время царства ее? Мужчина запирал женщину в гинекей, чтобы никто, кроме его, господина, не мог наслаждаться красотою, ему принадлежащею. У ней не было свободы. Были у них другие женщины, которые называли себя свободными, но они

продавали наслаждение своею красотою, они продавали свою свободу. Нет, и у них не было свободы. Эта царица была полурабыня. Где нет свободы, там нет счастия, там нет меня.

3

Опять звучат слова поэта. Возникает новая картина.

Арена перед замком. Кругом амфитеатр с блистательной толпою зрителей. На арене рыцари. Над ареною, на балконе замка, сидит девушка. В ее руке шарф. Кто победит, тому шарф и поцелуй руки ее. Рыцари бьются насмерть. Тоггенбург[142] победил. «Рыцарь, я люблю вас, как сестра. Другой любви не требуйте. Не бьется мое сердце, когда вы приходите, — не бьется оно, когда вы удаляетесь». «Судьба моя решена», — говорит он и плывет в Палестину. По всему христианству разносится слава его подвигов. Но он не может жить, не видя царицу души своей. Он возвращается, он не нашел забвенья в битвах. «Не стучитесь, рыцарь: она в монастыре». Он строит себе хижину, из окон которой, невидимый ей, может видеть ее, когда она поутру раскрывает окно своей кельи. И вся жизнь его — ждать, пока явится она у окна, прекрасная, как солнце; нет у него другой жизни, как видеть царицу души своей, и не было у него другой жизни, пока не иссякла в нем жизнь; и когда погасала в нем жизнь, он сидел у окна своей хижины и думал только одно: увижу ли ее еще?

— Это уж вовсе, вовсе не обо мне, — говорит светлая красавица. — Он любил ее, пока не касался к ней. Когда она становилась его женою, она становилась его подданною; она должна была трепетать его; он запирал ее; он переставал любить ее. Он охотился, он уезжал на войну, он пировал с своими товарищами, он насиловал своих вассалок, — жена была брошена, заперта, презрена. Ту женщину, которой касался мужчина, этот мужчина уж не любил тогда. Нет, тогда меня не было. Ту царицу звали «Непорочностью».[143] Вот она.

Скромная, кроткая, нежная, прекрасная, — прекраснее Астарты, прекраснее самой Афродиты, но задумчивая, грустная, скорбящая. Перед нею преклоняют колена, ей подносят венки роз. Она говорит: «Печальна до смертельной скорби душа моя. Меч пронзил сердце мое. Скорбите и вы. Вы несчастны. Земля — долина плача».

— Нет, нет, меня тогда не было, — говорит светлая красавица.

4

Нет, те царицы были непохожи на меня. Все они еще продолжают царствовать, но царства всех их падают. С рождением каждой из них начинало падать царство прежней. И я родилась только тогда, когда стало падать царство последней из них. И с тех пор как я родилась, царства их стали падать быстро, быстро, и они вовсе падут, — из них следующая

не могла заменить прежних, и они оставались при ней. Я заменяю всех, они исчезнут, я одна останусь царствовать над всем миром. Но они должны были царствовать прежде меня; без их царств не могло прийти мое.

Люди были, как животные. Они перестали быть животными, когда мужчина стал ценить в женщине красоту. Но женщина слабее мужчины силою; а мужчина был груб. Все тогда решалось силою. Мужчина присвоил себе женщину, красоту которой стал ценить. Она стала собственностью его, вещью его. Это царство Астарты.

Когда он стал более развит, он стал больше прежнего ценить ее красоту, преклонился перед ее красотою. Но ее сознание было еще не развито. Он ценил в ней только красоту. Она умела думать еще только то, что слышала от него. Он говорил, что только он человек, она не человек, и она еще видела в себе только прекрасную драгоценность, принадлежащую ему, — человеком она не считала себя. Это царство Афродиты.

Но вот начало в ней пробуждаться сознание, что и она человек. Какая скорбь должна была объять ее и при самом слабом появлении в ней мысли о своем человеческом достоинстве! Ведь она еще не была признаваема за человека. Мужчина еще не хотел иметь ее иною подругою себе, как своею рабынею. И она говорила: я не хочу быть твоею подругою! Тогда страсть к ней заставляла его умолять и смиряться, и он забывал, что не считает ее человеком, и он любил ее, недоступную, неприкосновенную, непорочную деву. Но лишь только верила она его мольбе, лишь только он касался ее — горе ей! Она была в руках его, эти руки были сильнее ее рук, а он был груб, и он обращал ее в свою рабыню и презирал ее. Горе ей! Это скорбное царство девы.

Но шли века; моя сестра, — ты знаешь ее? — та, которая раньше меня стала являться тебе, делала свое дело. Она была всегда, она была прежде всех, она уж была, как были люди, и всегда работала неутомимо. Тяжел был ее труд, медлен успех, но она работала, работала, и рос успех. Мужчина становился разумнее, женщина тверже и тверже сознавала себя равным ему человеком, — и пришло время, родилась я.

Это было недавно, о, это было очень недавно. Ты знаешь ли, кто первый почувствовал, что я родилась, и сказал это другим? Это сказал Руссо в «Новой Элоизе».[144] В ней, от него люди в первый раз услышали обо мне.

И с той поры мое царство ростет. Еще не над многими я царица. Но оно быстро ростет, и ты уже предвидишь время, когда я буду царствовать над всею землею. Только тогда вполне почувствуют люди, как я хороша. Теперь те, кто признают мою власть, еще не могут повиноваться всей моей воле. Они окружены массою, неприязненною всей моей воле. Масса истерзала бы их, отравила бы их жизнь, если б они знали и исполняли всю мою волю. А мне нужно счастье, я не хочу никаких страданий, и я говорю им: не делайте того, за что вас стали бы мучить; знайте мою волю теперь лишь настолько, насколько можете знать ее без вреда себе.

— Но я могу знать всю тебя?

— Да, ты можешь. Твое положение очень счастливое. Тебе нечего бояться. Ты можешь делать все, что захочешь. И если ты будешь знать всю мою волю, от тебя моя воля не захочет ничего вредного тебе: тебе не нужно желать, ты не будешь желать ничего, за что стали бы мучить тебя не знающие меня. Ты теперь вполне довольна тем, что имеешь; ни о чем другом, ни о ком другом ты не думаешь и не будешь думать. Я могу открыться тебе вся.

— Назови же мне себя, ты назвала мне прежних цариц, себя ты еще никогда не называла мне.

— Ты хочешь, чтоб я назвала себя? Смотри на меня, слушай меня.

5

— Смотри на меня, слушай меня. Ты узнаешь ли мой голос? Ты узнаешь ли лицо мое? Ты видела ли лицо мое?

Да, она еще не видела лица ее, вовсе не видела ее. Как же ей казалось, что она видит ее? Вот уж год, с тех пор как она говорит с ним, с тех пор как он смотрит на нее, целует ее, она так часто видит ее, эту светлую красавицу, и красавица не прячется от нее, как она не прячется от него, она вся является ей.

— Нет, я не видела тебя, я не видела лица твоего; ты являлась мне, я видела тебя, но ты окружена сиянием, я не могла видеть тебя, я видела только, что ты прекраснее всех. Твой голос, я слышу его, но я слышу только, что твой голос прекраснее всех.

— Смотри же, для тебя на эту минуту я уменьшаю сиянье моего ореола, и мой голос пусть звучит тебе на эту минуту без очаровательности, которую я всегда даю ему; на минуту я для тебя перестаю быть царицею. Ты видела, ты слышала? Ты узнала? Довольно, я опять царица, и уже навсегда царица.

Она опять окружена всем блеском своего сияния, и опять голос ее невыразимо упоителен. Но на минуту, когда она переставала быть царицею, чтобы дать узнать себя, — неужели это так? Неужели это лицо видела, неужели этот голос слышала Вера Павловна?

— Да, — говорит царица, — ты хотела знать, кто **я**, ты узнала. Ты хотела узнать мое имя, у меня нет имени, отдельного от той, которой являюсь я, мое имя — ее имя; ты видела, кто я. Нет ничего выше человека, нет ничего выше женщины. Я та, которой являюсь я, которая любит, которая любима.

Да; Вера Павловна видела: это она сама, это она сама, но богиня. Лицо богини — ее самой лицо, это ее живое лицо, черты которого так далеки от совершенства, прекраснее которого видит она каждый день не одно лицо; это ее лицо, озаренное сиянием любви, прекраснее всех идеалов, завещанных нам скульпторами древности и великими живописцами великого века живописи, да, это она сама, но озаренная сиянием любви,

она, прекраснее которой есть сотни лиц в Петербурге, таком бедном красотою, она прекраснее Афродиты Луврской,[145] прекраснее доселе известных красавиц.

— Ты видишь себя в зеркале такою, какая ты сама по себе, без меня. Во мне ты видишь себя такой, какою видит тебя тот, кто любит тебя. Для него я сливаюсь с тобою. Для него нет никого прекраснее тебя; для него все идеалы меркнут перед тобою.

Так ли?

Так, о, так!

6

Теперь ты знаешь, кто я; узнай, что я...

Во мне наслаждение чувства, которое было в Астарте: она родоначальница всех нас, других цариц, сменявших ее. Во мне упоение созерцанием красоты, которое было в Афродите. Во мне благоговение перед чистотою, которое было в «Непорочности».

Но во мне все это не так, как было в них, а полнее, выше, сильнее. То, что было в «Непорочности», соединяется во мне с тем, что было в Астарте, и с тем, что было в Афродите. И, соединяясь во мне с другими силами, каждая из этих сил становится могущественнее и лучше от союза. Но больше, еще гораздо больше могущества и прелести дается каждой из этих сил во мне тем новым, что есть во мне, чего не было ни в одной из прежних цариц. Это новое во мне то, чем я отличаюсь от них, — равноправность любящих, равное отношение между ними, как людьми, и от этого одного нового все во мне много, о, много прекраснее, чем было в них.

Когда мужчина признает равноправность женщины с собою, он отказывается от взгляда на нее, как на свою принадлежность. Тогда она любит его, как он любит ее, только потому, что хочет любить, если же она не хочет, он не имеет никаких прав над нею, как и она над ним. Поэтому во мне свобода.

От равноправности и свободы и то мое, что было в прежних царицах, получает новый характер, высшую прелесть, прелесть, какой не знали до меня, перед которой ничто все, что знали до меня.

До меня не знали полного наслаждения чувства, потому что без свободного влечения обоих любящих ни один из них не имеет светлого упоения. До меня не знали полного наслаждения созерцанием красоты, потому что, если красота открывается не по свободному влечению, нет светлого упоения ее созерцанием. Без свободного влечения и наслаждение, и восхищение мрачны перед тем, каковы они во мне.

Моя непорочность чище той «Непорочности», которая говорила только о чистоте тела: во мне чистота сердца. Я свободна, потому во мне нет обмана, нет притворства: я не скажу слова, которого не чувствую, я не дам поцелуя, в котором нет симпатии.

Но то, что во мне новое, что дает высшую прелесть тому, что было в прежних царицах, оно само по себе составляет во мне прелесть, которая выше всего. Господин стеснен при слуге, слуга стеснен перед господином; только с равным себе вполне свободен человек. С низшим скучно, только с равным полное веселье. Вот почему до меня и мужчина не знал полного счастья любви; того, что он чувствовал до меня, не стоило называть счастьем, это было только минутное опьянение. А женщина, как жалка была до меня женщина! Она была тогда подвластным, рабствующим лицом; она была в боязни, она до меня слишком мало знала, что такое любовь: где боязнь, там нет любви...

Поэтому, если ты хочешь одним словом выразить, что такое я, это слово — равноправность. Без него наслаждение телом, восхищение красотою скучны, мрачны, гадки; без него нет чистоты сердца, есть только обман чистотою тела. Из него, из равенства, и свобода во мне, без которой нет меня.

Я все сказала тебе, что ты можешь сказать другим, все, что я теперь. Но теперь царство мое еще мало, я еще должна беречь своих от клеветы не знающих меня, я еще не могу высказывать всю мою волю всем. Я скажу ее всем, когда мое царство будет над всеми людьми, когда все люди будут прекрасны телом и чисты сердцем, тогда я открою им всю мою красоту. Но ты, твоя судьба, особенно счастлива; тебя я не смущу, тебе я не поврежу, сказавши, чем буду я, когда не немногие, как теперь, а все будут достойны признавать меня своею царицею. Тебе одной я скажу тайны моего будущего. Клянись молчать и слушай.

7

. . . .

. . . .

8

— О, любовь моя, теперь я знаю всю твою волю; я знаю, что она будет, но как же она будет? Как тогда будут жить люди?

— Я одна не могу рассказать тебе этого, для этого мне нужна помощь моей старшей сестры, — той, которая давно являлась тебе. Она моя владычица и слуга моя. Я могу быть только тем, чем она делает меня; но она работает для меня. Сестра, приди на помощь.

Является сестра своих сестер, невеста своих женихов.

— Здравствуй, сестра, — говорит она царице, — здесь и ты, сестра? — говорит она Вере Павловне, — ты хочешь видеть, как будут жить люди, когда царица, моя воспитанница, будет царствовать над всеми? Смотри.

Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по нескольку в самых больших столицах, — или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ. Нивы — это наши хлеба, только

не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля — это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсинные деревья, персики и абрикосы, — как же они растут на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето; да, это оранжереи, раскрывающиеся на лето. Рощи — это наши рощи: дуб и липа, клен и вяз, — да, рощи те же, как теперь; за ними очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева, но рощи те же, — только они и остались те же, как теперь. Но это здание — что ж это, какой оно архитектуры? Теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее — дворец, который стоит на Сайденгамском холме:[146] чугун и стекло, чугун и стекло — только. Нет, не только: это лишь оболочка здания; это его наружные стены; а там, внутри, уж настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, — а окна огромные, широкие, во всю вышину этажей! Его каменные стены — будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? серебро? платина? Да и мебель почти вся такая же, — мебель из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия, но из чего ж вся остальная мебель, потолки и полы? «Попробуй подвинуть это кресло», — говорит старшая царица. Эта металлическая мебель легче нашей ореховой. Но что ж это за металл? Ах, знаю теперь, Саша показывал мне такую дощечку, она была легка, как стекло, и теперь уж есть такие серьги, брошки, да, Саша говорил, что рано или поздно алюминий[147] заменит собою дерево, может быть и камень. Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу! Вот в этом зале половина пола открыта, тут и видно, что он из алюминия. «Ты видишь, тут он матовый, чтобы не был слишком скользок, — тут играют дети, а вместе с ними и большие; вот и в том зале пол тоже без ковров, — для танцев». И повсюду южные деревья и цветы; весь дом — громадный зимний сад.

Но кто же живет в этом доме, который великолепнее дворцов? «Здесь живет много, очень много; иди, мы увидим их». Они идут на балкон, выступающий из верхнего этажа галереи. Как же Вера Павловна не заметила прежде? «По этим нивам рассеяны группы людей; везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети вместе. Но больше молодых; стариков мало, старух еще меньше, детей больше, чем стариков, но все-таки не очень много. Больше половины детей осталось дома заниматься хозяйством: они делают почти все по хозяйству, они очень любят это; с ними несколько старух. А стариков и старух очень мало по-

тому, что здесь очень поздно становятся ими, здесь здоровая и спокойная жизнь; она сохраняет свежесть». Группы, работающие на нивах, почти все поют; но какой работою они заняты? Ах, это они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! Но еще бы не идти ей быстро, и еще бы не петь им! Почти всё делают за них машины — и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, — люди почти только ходят, ездят, управляют машинами. И как они удобно устроили себе; день зноен, но им, конечно, ничего: над тою частью нивы, где они работают, раскинут огромный полог; как подвигается работа, подвигается и он, — как они устроили себе прохладу! Еще бы им не быстро и не весело работать, еще бы им не петь! Этак и я стала бы жить! И всё песни, всё песни, — незнакомые, новые; а вот припомнили и нашу; знаю ее:

Будем жить с тобой по-пански:
Эти люди нам друзья, —
Что душе твоей угодно,
Все добуду с ними я...[148]

Но вот работа кончена, все идут к зданию. «Войдем опять в зал, посмотрим, как они будут обедать», — говорит старшая сестра. Они входят в самый большой из огромных зал. Половина его занята столами, — столы уж накрыты, — сколько их! Сколько же тут будет обедающих? Да человек тысяча или больше. Здесь не все; кому угодно, обедают особо, у себя; те старухи, старики, дети, которые не выходили в поле, приготовили все это: «готовить кушанье, заниматься хозяйством, прибирать в комнатах — это слишком легкая работа для других рук, — говорит старшая сестра, — ею следует заниматься тем, кто еще не может или уже не может делать ничего другого». Великолепная сервировка. Все алюминий и хрусталь; по средней полосе широких столов расставлены вазы с цветами, блюда уж на столе, вошли работающие, все садятся за обед, и они, и готовившие обед. «А кто ж будет прислуживать?» — «Когда? во время стола? зачем? Ведь всего пять-шесть блюд: те, которые должны быть горячие, поставлены на таких местах, что не остынут; видишь, в углублениях, — это ящики с кипятком, — говорит старшая сестра. — Ты хорошо живешь, ты любишь хороший стол, часто у тебя бывает такой обед?» — «Несколько раз в год». У них это обыкновенный: кому угодно, тот имеет лучше, какой угодно, но тогда особый расчет; а кто не требует себе особенного против того, что делается для всех, с тем нет никакого расчета. И всё так: то, что могут по средствам своей компании все, за то нет расчетов; за каждую особую вещь или прихоть — расчет».

— Неужели ж это мы? неужели это наша земля? Я слышала нашу песню, они говорят по-русски. — «Да, ты видишь невдалеке реку, — это Ока; эти люди мы, ведь с тобою я, русская!» — «И ты все это сделала?» — «Это все сделано для меня, и я одушевляла делать это, я одушевляю совершенствовать это, но делает это вот она, моя старшая се-

стра, она работница, а я только наслаждаюсь». — «И все так будут жить?» — «Все, — говорит старшая сестра, — для всех вечная весна и лето, вечная радость. Но мы показали тебе только конец моей половины дня, работы, и начало ее половины,— мы еще посмотрим на них вечером, через два месяца».

9

Цветы завяли; листья начинают падать с деревьев; картина становится уныла. «Видишь, на это скучно было бы смотреть, тут было бы скучно жить, — говорит младшая сестра, — я так не хочу». — «Залы пусты, на полях и в садах тоже нет никого, — говорит старшая сестра, — я это устроила по воле своей сестры царицы». — «Неужели дворец в самом деле опустел?» — «Да, ведь здесь холодно и сыро, зачем же быть здесь? Здесь из 2000 человек осталось теперь десять-двадцать человек оригиналов, которым на этот раз показалось приятным разнообразием остаться здесь, в глуши, в уединении, посмотреть на северную осень. Через несколько времени, зимою, здесь будут беспрестанные смены, будут приезжать маленькими партиями любители зимних прогулок провести здесь несколько дней по-зимнему».

— Но где ж они теперь? — «Да везде, где тепло и хорошо, — говорит старшая сестра: — на лето, когда здесь много работы и хорошо, приезжает сюда множество всяких гостей с юга; мы были в доме, где вся компания из одних вас; но множество домов построено для гостей, в других и разноплеменные гости и хозяева поселяются вместе, кому как нравится, такую компанию и выбирает. Но, принимая летом множество гостей, помощников в работе, вы сами на 7—8 плохих месяцев вашего года уезжаете на юг, — кому куда приятнее. Но есть у вас на юге и особая сторона, куда уезжает главная масса ваша. Эта сторона так и называется Новая Россия». — «Это где Одесса и Херсон?» — «Это в твое время, а теперь, смотри, вот где Новая Россия».

Горы, одетые садами; между гор узкие долины, широкие равнины. «Эти горы были прежде голые скалы,— говорит старшая сестра.— Теперь они покрыты толстым слоем земли, и на них среди садов растут рощи самых высоких деревьев; внизу во влажных ложбинах плантации кофейного дерева; выше финиковые пальмы, смоковницы; виноградники перемешаны с плантациями сахарного тростника; на нивах есть и пшеница, но больше рис».—«Что ж это за земля?»—«Поднимемся на минуту повыше, ты увидишь ее границы». На далеком северо-востоке две реки, которые сливаются вместе прямо на востоке от того места, с которого смотрит Вера Павловна; дальше к югу, все в том же юго-восточном направлении длинный и широкий залив; на юге далеко идет земля, расширяясь все больше к югу между этим заливом и длинным узким заливом, составляющим ее западную границу. Между западным узким заливом и морем, которое очень далеко на северо-западе, узкий перешеек. «Но мы в центре пустыни?» — го-

ворит изумленная Вера Павловна. «Да, в центре бывшей пустыни; а теперь, как видишь, все пространство с севера, от той большой реки на северо-востоке, уже обращено в благодатнейшую землю, в землю такую же, какою была когда-то и опять стала теперь та полоса по морю на север от нее, про которую говорилось в старину, что она „кипит молоком и медом“.[149] Мы не очень далеко, ты видишь, от южной границы возделанного пространства, горная часть полуострова еще остается песчаною, бесплодною степью, какою был в твое время весь полуостров; с каждым годом люди, вы, русские, все дальше отодвигаете границу пустыни на юг. Другие работают в других странах: всем и много места, и довольно работы, и просторно, и обильно. Да, от большой северо-восточной реки все пространство на юг до половины полуострова зеленеет и цветет, по всему пространству стоят, как на севере, громадные здания, в трех, в четырех верстах друг от друга, будто бесчисленные громадные шахматы на исполинской шахматнице. Спустимся к одному из них», — говорит старшая сестра.

Такой же хрустальный громадный дом, но колонны его белые. «Они потому из алюминия, — говорит старшая сестра, — что здесь ведь очень тепло, белое меньше разгорячается на солнце, что несколько дороже чугуна, но по-здешнему удобнее». Но вот что они еще придумали: на дальнее расстояние кругом хрустального дворца идут ряды тонких, чрезвычайно высоких столбов, и на них, высоко над дворцом, над всем дворцом и на полверсты вокруг него растянут белый полог. «Он постоянно обрызгивается водою,— говорит старшая сестра:— видишь, из каждой колонны подымается выше полога маленький фонтан, разлетающийся дождем вокруг, поэтому жить здесь прохладно; ты видишь, они изменяют температуру, как хотят».—«А кому нравится зной и яркое здешнее солнце?»—«Ты видишь, вдали есть павильоны и шатры. Каждый может жить, как ему угодно; я к тому веду, я все для этого только и работаю».—«Значит, остались и города для тех, кому нравится в городах?»—«Не очень много таких людей; городов осталось меньше прежнего,— почти только для того, чтобы быть центрами сношений и перевозки товаров, у лучших гаваней, в других центрах сообщений, но эти города больше и великолепнее прежних; все туда ездят на несколько дней для разнообразия; бо́льшая часть их жителей беспрестанно сменяется, бывает там для труда, на недолгое время».—«Но кто хочет постоянно жить в них?»—«Живут, как вы живете в своих Петербургах, Парижах, Лондонах,— кому ж какое дело? кто станет мешать? Каждый живи, как хочешь; только огромнейшее большинство, 99 человек из 100, живут так, как мы с сестрою показываем тебе, потому что это им приятнее и выгоднее. Но иди же во дворец, уж довольно поздний вечер, пора смотреть на них».

— Но нет, прежде я хочу же знать, как это сделалось? —«Что?»—«То, что бесплодная пустыня обратилась в плодороднейшую землю, где почти все мы проводим две трети нашего года».—«Как это сделалось? да что ж тут мудреного? Ведь это сделалось не в один год, и не в десять лет, я по-

степенно подвигала дело. С северо-востока, от берегов большой реки, с северо-запада, от прибережья большого моря,— у них так много таких сильных машин, — возили глину, она связывала песок, проводили каналы, устраивали орошение, явилась зелень, явилось и больше влаги в воздухе; шли вперед шаг за шагом, по нескольку верст, иногда по одной версте в год, как и теперь всё идут больше на юг, что ж тут особенного? Они только стали умны, стали обращать на пользу себе громадное количество сил и средств, которые прежде тратили без пользы или и прямо во вред себе. Недаром же я работаю и учу. Трудно было людям только понять, что́ полезно, они были в твое время еще такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безрассудными, но я учила и учила их; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно. Я не требую ничего трудного, ты знаешь. Ты кое-что делаешь по-моему, для меня, — разве это трудно?» «Нет». — «Конечно, нет. Вспомни же свою мастерскую, разве у вас было много средств? разве больше, чем у других?» — «Нет, какие ж у нас были средства?» — «А ведь твои швеи имеют в десять раз больше удобств, в двадцать раз больше радостей жизни, во сто раз меньше испытывают неприятного, чем другие, с такими же средствами, какие были у вас. Ты сама доказала, что и в твое время люди могут жить очень привольно. Нужно только быть рассудительными, уметь хорошо устроиться, узнать, как выгоднее употреблять средства». — «Так, так; я это знаю». — «Иди же еще посмотреть немножко, как живут люди через несколько времени после того, как стали понимать то, что давно понимала ты».

10

Они входят в дом. Опять такой же громаднейший, великолепный зал. Вечер в полном своем просторе и веселье, прошло уж три часа после заката солнца: самая пора веселья. Как ярко освещен зал, чем же?— нигде не видно ни канделябров, ни люстр; ах, вот что!— в куполе зала большая площадка из матового стекла, через нее льется свет, — конечно, такой он и должен быть: совершенно, как солнечный, белый, яркий и мягкий, — ну да, это электрическое освещение.[149а] В зале около тысячи человек народа, но в ней могло бы свободно быть втрое больше. «И бывает, когда приезжают гости,— говорит светлая красавица,— бывает и больше».—«Так что ж это? разве не бал? Это разве простой будничный вечер?»—«Конечно».—«А по-нынешнему, это был бы придворный бал, так роскошна одежда женщин, да, другие времена, это видно и по покрою платья. Есть несколько дам и в нашем платье, но видно, что они оделись так для разнообразия, для шутки; да, они дурачатся, шутят над своим костюмом; на других другие, самые разнообразные костюмы, разных восточных и южных покроев, все они грациознее нашего; но преобладает костюм, похожий на тот, какой носили гречанки в изящнейшее время Афин,— очень легкий и свободный, и на мужчинах тоже широкое, длинное платье без талии, что-то вроде мантий, иматиев; видно, что это обыкновенный домашний костюм их; как это

платье скромно и прекрасно! Как мягко и изящно обрисовывает оно формы, как возвышает оно грациозность движений! И какой оркестр, более ста артистов и артисток, но особенно какой хор!» — «Да, у вас в целой Европе не было десяти таких голосов, каких ты в одном этом зале найдешь целую сотню, и в каждом другом столько же: образ жизни не тот, очень здоровый и вместе изящный, потому и грудь лучше, и голос лучше», — говорит светлая царица. Но люди в оркестре и в хоре беспрестанно меняются: одни уходят, другие становятся на их место, — они уходят танцовать, они приходят из танцующих.

У них вечер, будничный, обыкновенный вечер, они каждый вечер так веселятся и танцуют; но когда же я видела такую энергию веселья? но как и не иметь их веселью энергии, неизвестной нам? — Они поутру наработались. Кто не наработался вдоволь, тот не приготовил нерв, чтобы чувствовать полноту веселья. И теперь веселье простых людей, когда им удается веселиться, более радостно, живо и свежо, чем наше; но у наших простых людей скудны средства для веселья, а здесь средства богаче, нежели у нас; и веселье наших простых людей смущается воспоминанием неудобств и лишений, бед и страданий, смущается предчувствием того же впереди, — это мимолетный час забытья нужды и горя — а разве нужда и горе могут быть забыты вполне? разве песок пустыни не заносит? разве миазмы болота не заражают и небольшого клочка хорошей земли с хорошим воздухом, лежащего между пустынею и болотом? А здесь нет ни воспоминаний, ни опасений нужды или горя; здесь только воспоминания вольного труда в охоту, довольства, добра и наслаждения, здесь и ожидания только всё того же впереди. Какое же сравнение! И опять: у наших рабочих людей нервы только крепки, потому способны выдерживать много веселья, но они у них грубы, не восприимчивы. А здесь: нервы и крепки, как у наших рабочих людей, и развиты, впечатлительны, как у нас; приготовленность к веселью, здоровая, сильная жажда его, какой нет у нас, какая дается только могучим здоровьем и физическим трудом, в этих людях соединяется со всею тонкостью ощущений, какая есть в нас; они имеют все наше нравственное развитие вместе с физическим развитием крепких наших рабочих людей: понятно, что их веселье, что их наслаждение, их страсть — всё живее и сильнее, шире и сладостнее, чем у нас. Счастливые люди!

Нет, теперь еще не знают, что такое настоящее веселье, потому что еще нет такой жизни, какая нужна для него, и нет таких людей. Только такие люди могут вполне веселиться и знать весь восторг наслажденья! Как они цветут здоровьем и силою, как стройны и грациозны они, как энергичны и выразительны их черты! Все они — счастливые красавцы и красавицы, ведущие вольную жизнь труда и наслаждения, — счастливцы, счастливцы!

Шумно веселится в громадном зале половина их, а где ж другая половина? «Где другие? — говорит светлая царица, — они везде; многие в те-

атре, одни актерами, другие музыкантами, третьи зрителями, как нравится кому; иные рассеялись по аудиториям, музеям, сидят в библиотеке; иные в аллеях сада, иные в своих комнатах, или чтобы отдохнуть наедине, или с своими детьми, но больше, больше всего — это моя тайна. Ты видела в зале, как горят щеки, как блистают глаза; ты видела, они уходили, они приходили; они уходили — это я увлекала их, здесь комната каждого и каждой — мой приют, в них мои тайны ненарушимы, занавесы дверей, роскошные ковры, поглощающие звук, там тишина, там тайна; они возвращались — это я возвращала их из царства моих тайн на легкое веселье. Здесь царствую я».

«Я царствую здесь. Здесь все для меня! Труд — заготовление свежести чувств и сил для меня, веселье — приготовление ко мне, отдых после меня. Здесь я — цель жизни, здесь я — вся жизнь».

11

«В моей сестре, царице, высшее счастие жизни, — говорит старшая сестра, — но ты видишь, здесь всякое счастие, какое кому надобно. Здесь все живут, как лучше кому жить, здесь всем и каждому — полная воля, вольная воля».

«То, что мы показали тебе, нескоро будет в полном своем развитии, какое видела теперь ты. Сменится много поколений прежде, чем вполне осуществится то, что ты предощущаешь. Нет, не много поколений: моя работа идет теперь быстро, все быстрее с каждым годом, но все-таки ты еще не войдешь в это полное царство моей сестры; по крайней мере ты видела его, ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести; настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы успеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее всё, что можете перенести».

XVII

Через год новая мастерская уж совершенно устроилась, установилась. Обе мастерские были тесно связаны между собою, передавали одна другой заказы, когда одна была завалена ими, а другая имела время исполнить их. Между ними был текущий счет. Размер их средств был уже достаточен, чтобы они могли открыть магазин на Невском, если сблизятся между собою еще больше. Устроить это стоило довольно много хлопот Вере Павловне и Мерцаловой. Хотя их компании были дружны, хотя часто одна компания принимала у себя в гостях другую, хотя часто они соединялись для поездок за город, но все-таки мысль о солидарности счетов двух разных предприятий была мысль новая, которую надобно было долго и много разъяснять. Однако же выгода иметь на Невском свой магазин была очевидна, и после нескольких месяцев забот о слиянии двух счетоводств при-

хода в одно Вере Павловне и Мерцаловой удалось достичь этого. На Невском явилась новая вывеска: «Au bon travail. Magasin des Nouveautés».[150] С открытием магазина дела стали развиваться быстрее прежнего и становились все выгоднее. Мерцалова и Вера Павловна уже мечтали в своих разговорах, что года через два вместо двух швейных будет четыре, пять, а там скоро и десять, и двадцать.

Месяца через три по открытии магазина приехал к Кирсанову один отчасти знакомый, а больше незнакомый собрат его по медицине, много рассказывал о разных медицинских казусах, всего больше об удивительных успехах своей методы врачевания, состоявшей в том, чтобы класть вдоль по груди и по животу два узенькие и длинные мешочка, наполненные толченым льдом[151] и завернутые каждый в четыре салфетки, а в заключение всего сказал, что один из его знакомых желает познакомиться с Кирсановым.[152]

Кирсанов исполнил желание; знакомство было приятное, был разговор о многом, между прочим о магазине. Объяснил, что магазин открыт, собственно, с торговою целью; долго говорили о вывеске магазина, хорошо ли, что на вывеске написано travail. Кирсанов говорил, что travail значит труд, Au bon travail — магазин, хорошо исполняющий заказы; рассуждали о том, не лучше ли было бы заменить такой девиз фамилиею. Кирсанов стал говорить, что русская фамилия его жены наделает коммерческого убытка; наконец придумал такое средство: его жену зовут «Вера» — по-французски вера — foi, если бы на вывеске можно было написать вместо Au bon travail — A la bonne foi, то не было ли бы достаточно этого? — Это бы имело самый невинный смысл — «добросовестный магазин», и имя хозяйки было бы на вывеске; рассудивши, увидели, что это можно. Кирсанов с особенным усердием обращал разговор на такие вопросы и вообще успевал в этом, так что возвратился домой очень довольный.

Но во всяком случае Мерцалова и Вера Павловна значительно поурезали крылья своим мечтам и стали заботиться о том, чтобы хотя удержаться на месте, а уж не о том, чтоб идти вперед.

Таким образом, по охлаждении лишнего жара в Вере Павловне и Мерцаловой, швейные и магазин продолжали существовать, не развиваясь, но радуясь уже и тому, что продолжают существовать. Новое знакомство Кирсанова продолжалось и приносило ему много удовольствия. Так прошло еще года два или больше, без всяких особенных происшествий.

XVIII

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ПОЛОЗОВОЙ

С.-Петербург, 17 августа 1860 г.

Милая Полина, мне так понравилась совершенно новая вещь, которую я недавно узнала и которой теперь сама занимаюсь с большим усердием, что я хочу описать ее тебе. Я уверена, что ты также заинтересуешься ею.

Но главное, ты сама, быть может, найдешь возможность заняться чем-нибудь подобным. Это так приятно, мой друг.

Вещь, которую я хочу описать для тебя,— швейная; собственно говоря, две швейные, обе устроенные по одному принципу женщиною, с которою познакомилась я всего только две недели тому назад, но уж успела очень подружиться. Я теперь помогаю ей, с тем условием, чтобы она потом помогла мне устроить еще такую же швейную. Эта дама — Вера Павловна Кирсанова, еще молодая, добрая, веселая, совершенно в моем вкусе, то есть больше похожа на тебя, Полина, чем на твою Катю, такую смирную: она бойкая и живая госпожа. Случайно услышав о ее мастерской, — мне сказывали только об одной,— я прямо приехала к ней без всяких рекомендаций и предлогов, просто сказала, что я заинтересовалась ее швейною. Мы сошлись с первого же раза, тем больше, что в Кирсанове, ее муже, я нашла того самого доктора Кирсанова, который пять лет тому назад оказал мне, помнишь, такую важную услугу.

Поговоривши со мною с полчаса и увидев, что я действительно сочувствую таким вещам, Вера Павловна повела меня в свою мастерскую, ту, которою она сама занимается (другую, которая была устроена прежде, взяла на себя одна из ее близких знакомых, тоже очень хорошая молодая дама), и я перескажу тебе впечатления моего первого посещения; они были так новы и поразительны, что я тогда же внесла их в свой дневник, который был давно брошен, но теперь возобновился по особенному обстоятельству, о котором, быть может, я расскажу тебе через несколько времени. Я очень довольна, что эти впечатления были тогда записаны мною: теперь я и забыла бы упомянуть о многом, что поразило меня тогда, а нынче, только через две недели, уже кажется самым обыкновенным делом, которое иначе и не должно быть. Но чем обыкновеннее становится эта вещь, тем больше я привязываюсь к ней, потому что она очень хороша. Итак, Полина, я начинаю выписку из моего дневника, дополняя подробностями, которые узнала после.

Швейная мастерская,— что же такое увидела я, как ты думаешь? Мы остановились у подъезда, Вера Павловна повела меня по очень хорошей лестнице, знаешь, одной из тех лестниц, на которых нередко встречаются швейцары. Мы вошли на третий этаж, Вера Павловна позвонила, и я увидела себя в большом зале, с роялем, с порядочною мёбелью, — словом, зал имел такой вид, как будто мы вошли в квартиру семейства, проживающего 4 или 5 тысяч рублей в год. — Это мастерская? И это одна из комнат, занимаемых швеями? «Да; это приемная комната и зал для вечерних собраний; пойдемте по тем комнатам, в которых, собственно, живут швеи, они теперь в рабочих комнатах, и мы никому не помешаем».

— Вот что увидела я, обходя комнаты, и что пояснила мне Вера Павловна.

Помещение мастерской составилось из трех квартир, выходящих на одну площадку и обратившихся в одну квартиру, когда пробили двери

из одной в другую. Квартиры эти прежде отдавались за 700, 550 и 425 руб. в год, всего за 1675 руб. Но, отдавая все вместе по контракту на 5 лет, хозяин дома согласился уступить их за 1250 руб. Всего в мастерской 21 комната, из них 2 очень большие, по 4 окна, одна служит приемною, другая — столовою; в двух других, тоже очень больших, работают; в остальных живут. Мы прошли 6 или 7 комнат, в которых живут девушки (я все говорю про первое мое посещение); меблировка этих комнат тоже очень порядочная, красного дерева или ореховая; в некоторых есть стоячие зеркала, в других — очень хорошие трюмо; много кресел, диванов хорошей работы. Мебель в разных комнатах разная, почти вся она постепенно покупалась по случаям, за дешевую цену. Эти комнаты, в которых живут, имеют такой вид, как в квартирах чиновничьих семейств средней руки, в семействах старых начальников отделения или молодых столоначальников, которые скоро будут начальниками отделения. В комнатах, которые побольше, живут три девушки, в одной даже четыре, в других по две.

Мы вошли в рабочие комнаты, и девушки, занимавшиеся в них, тоже показались мне одеты, как дочери, сестры, молодые жены этих чиновников: на одних были шелковые платья из простеньких шелковых материй, на других барежевые,[153] кисейные. Лица имели ту мягкость и нежность, которая развивается только от жизни в довольстве. Ты можешь представить, как это все удивляло меня. В рабочих комнатах мы оставались долго. Я тут же познакомилась с некоторыми из девушек; Вера Павловна сказала цель моего посещения; степень их развития была неодинакова; одни говорили уже совершенно языком образованного общества, были знакомы с литературою, как наши барышни, имели порядочные понятия и об истории, и о чужих землях, и обо всем, что составляет обыкновенный круг понятий барышень в нашем обществе; две были даже очень начитаны. Другие, не так давно поступившие в мастерскую, были менее развиты, но все-таки с каждою из них можно было говорить, как с девушкою, уже имеющею некоторое образование. Вообще степень развития соразмерна тому, как давно которая из них живет в мастерской.

Вера Павловна занималась делами, иногда подходила ко мне, а я говорила с девушками, и таким образом мы дождались обеда. Он состоит по будням из трех блюд. В тот день был рисовый суп, разварная рыба и телятина. После обеда на столе явились чай и кофе. Обед был настолько хорош, что я поела со вкусом и не почла бы большим лишением жить на таком обеде.

А ты знаешь, что мой отец и теперь имеет хорошего повара.

Вот какое было общее впечатление моего первого посещения. Мне сказали, и я знала, что я буду в мастерской, в которой живут швеи, что мне покажут комнаты швей; что я буду видеть швей, что я буду сидеть за обедом швей; вместо того я видела квартиры людей не бедного состояния, соединенные в одно помещение, видела девушек среднего чиновничьего

или бедного помещичьего круга, была за обедом, небогатым, но удовлетворительным для меня;— что ж это такое? и как же это возможно?

Когда мы возвратились к Вере Павловне, она и ее муж объяснили мне, что это вовсе не удивительно. Между прочим, Кирсанов тогда написал мне для примера небольшой расчет на лоскутке бумаги, который уцелел между страниц моего дневника. Я перепишу тебе его; но прежде еще несколько слов.

Вместо бедности — довольство; вместо грязи — не только чистота, даже некоторая роскошь комнат; вместо грубости — порядочная образованность; все это происходит от двух причин: с одной стороны, увеличивается доход швей, с другой — достигается очень большая экономия в их расходах.

Ты понимаешь, отчего они получают больше дохода: они работают на свой собственный счет, они сами хозяйки; потому они получают ту долю, которая оставалась бы в прибыли у хозяйки магазина. Но это не все: работая в свою собственную пользу и на свой счет, они гораздо бережливее и на материал работы и на время; работа идет быстрее, и расходов на нее меньше.

Понятно, что и в расходах на их жизнь много сбережений. Они покупают всё большими количествами, расплачиваются наличными деньгами, поэтому вещи достаются им дешевле, чем при покупке в долг и по мелочи; вещи выбираются внимательно, с знанием толку в них, со справками, поэтому все покупается не только дешевле, но и лучше, нежели вообще приходится покупать бедным людям.

Кроме того, многие расходы или чрезвычайно уменьшаются, или становятся вовсе не нужны. Подумай, например: каждый день ходить в магазин за две, за три версты — сколько изнашивается лишней обуви, лишнего платья от этого. Приведу тебе самый мелочной пример, но который применяется ко всему в этом отношении. Если не иметь дождевого зонтика, это значит много терять от порчи платья дождем. Теперь слушай слова, сказанные мне Верою Павловною. Простой холщевый зонтик стоит, положим, 2 рубля. В мастерской живет 25 швей. На зонтик для каждой вышло бы 50 р., та, которая не имела бы зонтика, терпела бы потери в платье больше, чем на 2 руб. Но они живут вместе; каждая выходит из дому, только когда ей удобно; поэтому не бывает того, чтобы в дурную погоду многие выходили из дому. Они нашли, что 5 дождевых зонтиков совершенно довольно. Эти зонтики шелковые, хорошие; они стоят по 5 руб. Всего расхода на дождевые зонтики — 25 руб., или у каждой швеи — по 1 руб. Ты видишь, что каждая из них пользуется хорошею вещью вместо дрянной и все-таки имеет вдвое меньше расхода на эту вещь. Так с множеством мелочей, которые вместе составляют большую важность. То же с квартирою, со столом. Например, этот обед, который я тебе описала, обошелся в 5 руб. 50 коп. или 5 руб. 75 коп., с хлебом (но без чаю и кофе). А за столом было 37 человек (не считая меня, гостьи, и Веры Павловны), правда, в том числе несколько детей. 5 руб.

75 коп. на 37 человек — это составляет менее 16 коп. на человека, менее 5 р. в месяц. А Вера Павловна говорит, что если человек обедает один, он на эти деньги не может иметь почти ничего, кроме хлеба и той дряни, которая продается в мелочных лавочках. В кухмистерской такой обед (только менее чисто приготовленный) стоит, по словам Веры Павловны, 40 коп. сер.,— за 30 коп. гораздо хуже. Понятна эта разница: кухмистер, готовя обед на 20 человек или меньше, должен сам содержаться из этих денег, иметь квартиру, иметь прислугу. Здесь этих лишних расходов почти вовсе нет или они гораздо меньше. Жалованье двум старушкам, родственницам двух швей — вот и весь расход по содержанию их кухонного штата. Теперь тебе понятен будет расчет, который сделал мне для примера Кирсанов, когда я была у них в первый раз. Написавши его, он сказал мне:

— Конечно, я не могу сказать вам точных цифр, да и трудно было бы найти их, потому что, вы знаете, у каждого коммерческого дела, у каждого магазина, каждой мастерской свои собственные пропорции между разными статьями дохода и расхода, в каждом семействе также свои особенные степени экономности в делании расходов и особенные пропорции между разными статьями их. Я ставлю цифры только для примера; но чтобы счет был убедительнее, я ставлю цифры, которые менее действительной выгодности нашего порядка сравнительно с настоящими расходами почти всякого коммерческого дела и почти всякого мелкого, бедного хозяйства.

— Доход коммерческого предприятия от продажи товаров, — продолжал Кирсанов, — распадается на три главные части: одна идет на жалованье рабочим; другая — на остальные расходы предприятия: наем помещения, освещение, материалы для работы; третья остается в прибыль хозяину. Положим, выручка разделяется между этими частями так: на жалованье рабочим — половина выручки, на другие расходы — четвертая часть; остальная четверть — прибыль. Это значит, что если рабочие получают 100 руб., то на другие расходы идет 50 руб., у хозяина остается также 50. Посмотрим, сколько получают рабочие при нашем порядке, — Кирсанов стал читать свой билетик с цифрами.

Они получают свою плату	100 р.
Они сами хозяева, потому получают и хозяйскую прибыль	50 р.
У них рабочие комнаты помещаются при их квартире, поэтому обходятся дешевле особой мастерской; они бережливы на материал; в этом очень большая пропорция сбережения, я думаю наполовину, но мы положим только на третью долю; из 50 руб., которые шли бы на эти расходы, они сберегают в прибыль себе еще	16 р. 67 к.
	166 р. 67 к.

— Вот мы уж набрали, — продолжал Кирсанов: — что наши рабочие получают 166 р. 67 к., когда при другом порядке они имеют только 100 р. Но они получают еще больше: работая в свою пользу, они трудятся усерднее, потому успешнее, быстрее; положим, когда при обыкновенном, плохом усердии они успели бы сделать 5 вещей, в нашем примере 5 платьев, они теперь успевают сделать 6, — эта пропорция слишком мала, но положим ее; значит, в то время когда другое предприятие заработывает 5 руб., наше заработывает 6 руб.

От быстроты усердной работы выручка и доход увеличиваются на одну пятую долю: от 166 руб. 67 коп. пятая доля 33 р. 33 коп. — итак, еще	33 р. 33 к.
к прежним	166 р. 67 к.
	200 р.

— Поэтому у наших вдвое больше дохода, чем у других, — продолжал Кирсанов. — Теперь, как употребляется этот доход. Имея вдвое больше средств, они употребляют их гораздо выгоднее. Тут выгода двойная, как вы знаете: во-первых, оттого, что все покупается оптом; положим, от этого выигрывается третья доля, — вещи, которые при мелочной покупке и долгах обошлись бы в 3 р., обходятся в 2 руб. На самом деле выгода больше: возьмем в пример квартиру; если б эти комнаты отдавать в наем углами, тут жило бы: в 17 комнатах с 2 окнами по 3 и по 4 человека — всего, положим, 55 человек; в 2 комнатах с 3 окнами по 6 человек и в 2 с 4 окнами по 9 человек, 12 и 18, всего 30 человек, и 55 в маленьких комнатах, — в целой квартире 85 человек; каждый платил бы по 3 р. 50 к. в месяц, это значит 42 р. в год; итак, мелкие хозяева, промышляющие отдачею углов внаймы, берут за такое помещение — 42 руб. на 85 — 3570 руб. Наши имеют эту квартиру за 1250 рублей, почти втрое дешевле. Так в очень многом, почти так, почти во всем. Вероятно, я еще не дошел бы до истинной пропорции, если бы положил сбережение наполовину; но я положу его тоже только в третью долю. Это еще не все. При таком устройстве жизни они не имеют нужды делать многих расходов или нужно гораздо меньшее количество вещей, — Верочка приводила вам пример: обувь, платье. Положим, что от этого количество покупаемых вещей сокращается на одну четвертую долю: вместо 4 пар башмаков достаточно 3, или 3 платья носятся столько времени, как носились бы 4, — эта пропорция опять слишком мала. Но посмотрите, что выходит из этих пропорций.

Дешевизна покупки делает, что вещи достаются на одну третью долю сходнее — то есть, положим, за три вещи платится вместо 3 руб. только 2 руб.; но при нашем порядке этими 3 вещами удовлетворяется столько надобностей, сколько при другом удовлетворя-

лось бы не менее как 4 вещами; это значит, что за свои 200 руб. наши швеи имеют столько вещей, сколько при другом порядке имели бы не менее как за 300 руб., и что эти вещи при нашем порядке доставляют их жизни столько удобств, сколько при другом доставлялось бы суммою не меньше как . . . . 400 р.

— Сравните жизнь семейства, расходующего 1000 руб. в год, с жизнью такого же семейства, расходующего 4000 руб., не правда ли, вы найдете громадную разницу? — продолжал Кирсанов. — При нашем порядке точно такая же пропорция, если не больше: при нем получается вдвое больше дохода, и доход употребляется вдвое выгоднее. Удивительно ли, что вы нашли жизнь наших швей вовсе не похожею на ту, какую ведут швеи при обыкновенном порядке?

Вот какое чудо я увидела, друг мой Полина, и вот как просто оно объясняется. И я теперь так привыкла к нему, что мне уж кажется странно: как же я тогда удивлялась ему, как же не ожидала, что найду все именно таким, каким нашла. Напиши, имеешь ли ты возможность заняться тем, к чему я теперь готовлюсь: устройством швейной или другой мастерской по этому порядку. Это так приятно, Полина.

Твоя К. Полозова.

P. S. Я совсем забыла говорить о другой мастерской, — но уж так и быть, в другой раз. Теперь скажу только, что старшая швейная развилась больше и потому во всех отношениях выше той, которую я тебе описывала. В подробностях устройства между ними много разницы, потому что все применяется к обстоятельствам.

Глава пятая

НОВЫЕ ЛИЦА И РАЗВЯЗКА

I

Полозова говорила в письме к подруге, что много обязана была мужу Веры Павловны. Чтобы объяснить это, надобно сказать, что за человек был ее отец.

Полозов был отставной ротмистр или штаб-ротмистр;[153a] на службе, по обычаю старого тогдашнего века, кутил и прокутил довольно большое родовое имение. А когда прокутил, то остепенился и вышел в отставку, чтобы заняться устройством себе нового состояния. Собрав последние крохи, которые оставались, он увидел у себя тысяч десять, — по-тогдашнему на ассигнации, — пустился с ними в мелкую хлебную торговлю, стал брать всякие маленькие подряды, хватался за всякое выгодное дело, приходив-

шееся по его средствам, и лет через десять имел изрядный капитал. С репутациею такого солидного и оборотливого человека, с чином своим и своею известною в тех местах фамилиею, он мог теперь выбирать какую ему угодно невесту из купеческих дочерей в двух губерниях, в которых шли его торговые дела, и выбрал очень основательно, — с полумиллионом (всё на ассигнации) приданого. Тогда ему было лет 40, и это было лет за 20 с лишком до того времени, как мы видим его дочь, вошедшую в дружбу с Верой Павловною. Приложивши такой большой куш к своим прежним деньгам, он повел дела уже в широком размере и лет через десять после того был миллионером и на серебро, как тогда стали считать. Его жена умерла; она, привычная к провинциальной жизни, удерживала его от переселения в Петербург; теперь он переехал в Петербург, пошел в гору еще быстрее, и лет еще через десять его считали в трех-четырех миллионах. И девицы, и вдовы, молодые и старые, строили ему куры, но он не захотел жениться во второй раз — отчасти потому, что сохранял верную привязанность к памяти жены, а еще больше потому, что не хотел давать мачеху Кате, которую очень любил.

Полозов шел и шел в гору — имел бы уж и не три-четыре миллиона, а десяток, если бы занялся откупами, но он имел к ним отвращение и считал честными делами только подряды и поставки. Собраты по миллионерству смеялись над такою тонкостью подразличения и не были неправы; а он хоть и был неправ, но твердил свое: «коммерциею занимаюсь, грабежом не хочу богатеть». Но вот, за год или за полтора перед тем, как дочь его познакомилась с Верою Павловною, явилось слишком ясное доказательство, что его коммерция мало чем отличалась от откупов по сущности дела, хоть и много отличалась по его понятию. У него был огромный подряд, на холст ли, на провиант ли, на сапожный ли товар, не знаю хорошенько, а он, становившийся с каждым годом упрямее и заносчивее и от лет, и от постоянной удачи, и от возростающего уважения к нему, поссорился с одним нужным человеком, погорячился, обругал, и штука стала выходить скверная. Сказали ему через неделю: «покорись», — «не хочу», — «лопнешь», — «а пусть, не хочу»; через месяц то же сказали, он отвечал то же, и точно: покориться — не покорился, а лопнуть — лопнул. Товар был забракован; кроме того, оказались какие-то провинности ли, злонамеренности ли, и все его три-четыре миллиона ухнули, и Полозов в 60 лет остался нищий. То есть нищий перед недавним; но так, без сравнения с недавним, он жил хорошо: у него осталась доля в каком-то стеариновом заводе, и он, не вешая носа, сделался управляющим этого завода с хорошим жалованьем. Кроме того, уцелело какими-то судьбами несколько десятков тысяч. Если бы такие остатки остались у него лет 15 или хоть 10 тому назад, их было бы довольно, чтобы опять подняться в порядочную гору. Но имея за 60 лет, подниматься уж тяжело, и Полозов рассудил, что пробовать такую вещь поздно, не под силу. Он думал теперь только о том, чтобы поскорее устроить продажу завода, акции ко-

торого почти не давали дохода, кредита и дел которого нельзя было поправить: он рассудил умно и успел растолковать другим главным акционерам, что скорая продажа — одно средство спасти деньги, похороненные в акциях. Еще думал он о том, чтобы пристроить замуж дочь. Но главное — продать завод, обратить все деньги в 5-процентные билеты, которые тогда пошли было в моду, — и доживать век поспокойнее, вспоминая о прошлом величии, потерю которого вынес он бодро, сохранив и веселость и твердость.

II

Отец любил Катю, не давал ультравеликосветским гувернанткам слишком муштровать девушку; «это глупости», говорил он про всякие выправки талии, выправки манер и все тому подобное; а когда Кате было 15 лет, он даже согласился с нею, что можно обойтись ей и без англичанки и без француженки. Тут Катя уж и вовсе отдохнула, ей стал полный простор в доме. А простор для нее значил тогда то, чтобы ей не мешали читать и мечтать. Подруг у ней было немного, две-три близких, искателей руки — без числа: ведь одна дочь у Полозова, страшно сказать: 4 миллиона! [1536]

Но Катя читала и мечтала, а искатели руки оставались в отчаянии. А Кате уж было 17 лет. Так, читала и мечтала, и не влюблялась, но только стала она вдруг худеть, бледнеть и слегла.

III

Кирсанов не занимался практикою, но считал себя не вправе отказываться бывать на консилиумах. А в это время — так через год после того, как он стал профессором, и за год перед тем, как повенчались они с Верою Павловною, — тузы петербургской практики стали уж очень много приглашать его на консилиумы. Причин было две. Первая: оказалось, что точно есть на свете Клод Бернар и живет в Париже. Один из тузов, ездивший неизвестно зачем с ученою целью в Париж, собственными глазами видел Клода Бернара, как есть живого Клода Бернара, настоящего; отрекомендовался ему по чину, званию, орденам и знатным своим больным, и Клод Бернар, послушавши его с полчаса, сказал: «Напрасно вы приезжали в Париж изучать успехи медицины, вам незачем было выезжать для этого из Петербурга»; туз принял это за аттестацию своих занятий и, возвратившись в Петербург, произносил имя Клода Бернара не менее 10 раз в сутки, прибавляя к нему не менее 5 раз «мой ученый друг» или «мой знаменитый товарищ по науке». Как же после этого было не звать Кирсанова на консилиумы? Нельзя не звать. А вторая причина была еще важнее: все тузы видели, что Кирсанов не станет отбивать практику, — не только не отбивает, даже по просьбе с насильствованием не берет. Известно, что у многих практикующих тузов такое заведение:

если приближается неизбежный, по мнению туза, карачун больному и по злонамеренному устроению судьбы нельзя сбыть больного с рук ни водами, ни какою другою заграницею, то следует сбыть его на руки другому медику, — и туз готов тут, пожалуй, сам дать денег, — только возьми. Кирсанов и по просьбе желающего бежать туза редко брал на себя леченье — обыкновенно рекомендовал своих друзей, занимающихся практикою, а себе оставлял лишь немногие случаи, интересные в научном отношении. Как же не приглашать на консилиумы такого собрата, известного Клоду Бернару и не отбивающего практики?

У Полозова-миллионера медиком был один из самых козырных тузов, и когда Катерина Васильевна стала опасно больна, консилиумы долго составлялись всё из тузов. Наконец дело стало так плохо, что тузы решили: пригласить Кирсанова. Действительно, задача была трудная для тузов: нет никакой болезни в больной, а силы больной быстро падают. Надобно же отыскать болезнь; пользовавший врач придумал: atrophia nervorum, «прекращение питания нервов»; бывает ли на свете такая болезнь или нет, мне неизвестно, но если бывает, то уж и я понимаю, что она должна быть неизлечима. А если, несмотря на неизлечимость, все-таки лечить ее, то пусть лечит Кирсанов или кто другой из его приятелей — наглецов-мальчишек.

Итак, новый консилиум, с Кирсановым. Исследовали, расспрашивали больную; больная отвечала с готовностию, очень спокойно; но Кирсанов после первых слов отстал от нее и только смотрел, как исследовали и расспрашивали тузы; а когда они намаялись и ее измучили, сколько требует приличие в таких случаях, и спросили Кирсанова: «Вы что находите, Александр Матвеич?», он сказал: «Я не довольно исследовал больную. Я останусь здесь. Это случай интересный. Если будет нужно снова сделать консилиум, я скажу Карлу Федорычу» — то есть пользовавшему врачу, который просиял восторгом спасения от своей atrophia nervorum.

Когда разошлись, Кирсанов сел у постели больной. Больная насмешливо улыбнулась.

— Жаль, что мы незнакомы с вами, — начал он: — медику нужно доверие; а может быть, мне и удастся заслужить ваше. Они не понимают вашей болезни, тут нужна некоторая догадливость. Слушать вашу грудь, давать вам микстуры — совершенно напрасно. Нужно только одно: знать ваше положение и подумать вместе, можно ли что-нибудь сделать. Вы будете помогать мне в этом?

Больная молчала.

— Вы не хотите говорить со мною?

Больная молчала.

— Вы, вероятно, даже хотите, чтоб я ушел. Я прошу у вас только десять минут. Если через десять минут вы будете, как теперь находить, что мое присутствие бесполезно, я уйду. Вам известно, что у вас нет никакого расстройства, кроме печали? Вам известно, что если это нрав-

ственное состояние ваше продлится, то через две-три недели, а может быть и раньше, вас нельзя будет спасти? А быть может, вы и не проживете двух недель? У вас ныне еще нет чахотки, но она очень, очень близка, и в ваши лета, при таких условиях, она развивается необыкновенно быстро, может кончиться в несколько дней.

Больная молчала.

— Вы не отвечаете. Но вы остались равнодушны. Значит, мои слова не были для вас новостью. Тем, что вы молчите, вы отвечаете мне «да». Вы знаете, что сделал бы на моем месте почти всякий другой? Он пошел бы говорить с вашим батюшкою. Быть может, мой разговор с ним спас бы вас, но, если вам этого не угодно, я не сделаю этого. Почему? Я принимаю правило: против воли человека не следует делать ничего для него; свобода выше всего, даже и жизни. Поэтому, если вам не угодно, чтобы я узнал причину вашего очень опасного положения, я не буду узнавать. Если вы скажете, что вы желаете умереть, я только попрошу вас объяснить мне причины этого желания; если они покажутся мне неосновательны, я все-таки не имею права мешать вам; если они покажутся мне основательны, я обязан помогать вам и готов. Я готов дать вам яд. На этих условиях, прошу вас, скажите мне причину вашей болезни.

Больная молчала.

— Вам не угодно отвечать. Я не имею права продолжать расспросов. Но я могу просить у вас дозволения рассказать вам о себе самом то, что может послужить к увеличению доверия между нами? Да? Благодарю вас. От чего бы то ни было, но вы страдаете? Я также. Я страстно люблю женщину, которая даже не знает и никогда не должна узнать, что я люблю ее. Жалеете ли вы меня?

Больная молчала, но слегка улыбнулась печально.

— Вы молчите, но вы не могли скрыть, что эти мои слова несколько больше замечены были вами, чем прежние. Этого уже довольно: я вижу, что у вас и у меня одна причина страдания. Вам угодно умереть? Мне очень понятно это. Но умирать от чахотки — это долго, это тяжело. Я готов помочь вам умереть, если нельзя помочь ни в чем другом, — я говорю, что готов дать вам яд — прекрасный, убивающий быстро, без всяких страданий. Угодно вам на этом условии дать мне средство узнать, действительно ли ваше положение так безвыходно, как вам кажется?

— Вы не обманете? — проговорила больная.

— Посмотрите внимательно мне в глаза — вы увидите, что не обману.

Больная несколько времени колебалась.

— Нет, все-таки я слишком мало знаю вас.

— Другой на моем месте стал бы уже говорить, что чувство, от которого вы страдаете, хорошо. Я еще не скажу этого. Ваш батюшка знает о нем? Прошу вас помнить, что я не буду говорить с ним без вашего разрешения.

— Не знает.

— Он любит вас?

— Да.

— Как вы думаете, чтó я скажу вам теперь? Вы говорите, он любит вас; я слышал, что он человек неглупый. Почему же вы думаете, что напрасно открывать ему ваше чувство, что он не согласится? Если бы препятствие было только в бедности любимого вами человека, это не удержало бы вас от попытки убедить вашего батюшку на согласие, — так я думаю. Значит, вы полагаете, что ваш батюшка слишком дурного мнения о нем, — другой причины вашего молчания перед батюшкою не может быть. Так?

Больная молчала.

— Видно, что я не ошибаюсь. Что я теперь думаю? Ваш батюшка — человек опытный в жизни, знающий людей; вы неопытны; если какой-нибудь человек ему кажется дурен, вам — хорош, то, по всей вероятности, ошибаетесь вы, а не он. Вы видите, что я должен так думать. Хотите знать, почему я говорю вам такую неприятную вещь? Я скажу. Вы можете рассердиться на мои слова, почувствовать нелюбовь ко мне за них, но все-таки вы скажете себе: он говорит то, что думает, не притворяется, не хочет меня обманывать. Я выигрываю в вашем доверии. Правда ли, я говорю с вами честно?

Больная колебалась, отвечать или нет.

— Вы странный человек, доктор, — проговорила она наконец.

— Нет, не странный, а только не похожий на обманщика. Я прямо сказал, как думаю. Но это лишь мое предположение. Может быть, я и ошибаюсь. Дайте мне возможность узнать это. Назовите мне человека, к которому вы чувствуете расположение. Тогда, — но опять, только если вы позволите, — я поговорю о нем с вашим батюшкою.

— Что же вы скажете ему?

— Он близко знает его?

— Да.

— В таком случае я скажу ему, чтобы он согласился на ваш брак, только с одним условием: назначить время свадьбы не сейчас, а через два-три месяца, чтобы вы имели время обдумать хладнокровно, не прав ли ваш батюшка.

— Он не согласится.

— Согласится, по всей вероятности. А если нет, я помогу вам, как сказал.

Кирсанов долго говорил в этом роде. Наконец добился того, что больная сказала ему имя и разрешила говорить с ее отцом. Но сладить со стариком было еще труднее, чем с нею. Полозов очень удивился, услышав, что упадок сил его дочери происходит от безнадежной любви; еще больше удивился, услышав имя человека, в которого она влюблена, и твердо сказал: «Пусть лучше умирает, чем выходит за него. Смерть

ее и для нее и для меня будет меньшее горе». Дело было очень трудное, тем больше, что Кирсанов, выслушав резоны Полозова, увидел, что правда действительно на стороне старика, а не дочери.

IV

Женихи сотнями увивались за наследницею громадного состояния; но общество, толпившееся за обедами и на вечерах Полозова, было то общество слишком сомнительного типа, слишком сомнительного изящества, которое наполняет залы всех подобных Полозову богачей, возвысившихся над более или менее приличным, не великосветским родным своим кругом и не имеющих ни родства, ни связей в настоящем великосветском обществе, также более или менее приличном; они становятся кормителями пройдох и фатов, совершенно неприличных уже и по внешности, не говоря о внутренних достоинствах. Поэтому Катерина Васильевна была заинтересована, когда в числе ее поклонников появился настоящий светский человек, совершенно хорошего тона: он держал себя так много изящнее всех других, говорил так много умнее и занимательнее их. Отец рано заметил, что она стала показывать ему предпочтение перед остальными, и, человек дельный, решительный, твердый, тотчас же, как заметил, объяснился с дочерью: «Друг мой, Катя, за тобою сильно ухаживает Соловцов; остерегайся его: он очень дурной человек, совершенно бездушный человек; ты с ним была бы так несчастна, что я желал бы лучше видеть тебя умершею, чем его женою, это было бы легче и для меня, и для тебя». Катерина Васильевна любила отца, привыкла уважать его мнение; он никогда не стеснял ее; она знала, что он говорит единственно по любви к ней; а главное, у ней был такой характер больше думать о желании тех, кто любит ее, чем о своих прихотях, она была из тех, которые любят говорить своим близким: «как вы думаете, так я и сделаю». Она отвечала отцу: «Соловцов мне нравится, но если вы находите, что для меня лучше удаляться от него, я так сделаю». Конечно, она не сделала бы и, по своему характеру — не лгать,— не сказала бы этого, если бы любила; но привязанность ее к Соловцову была еще очень слаба, почти еще вовсе не существовала тогда: он был только занимательнее других для нее. Она стала холодна с ним; и, может быть, все обошлось бы благополучно; но отец, по своей горячности, пересолил; и очень немного пересолил, но ловкому Соловцову было довольно и этого. Он видел, что ему надобно играть роль жертвы; как же найти предлог, чтобы стать жертвою? Полозов раз как-то сказал ему колкость, Соловцов с достоинством и печалью в лице простился с ним, перестал бывать. Через неделю Катерина Васильевна получила от него страстное и чрезвычайно смиренное письмо, в том смысле, что он никогда не надеялся ее взаимности, что для его счастия было довольно только видеть ее иногда, даже и не говорить с нею, только видеть; что он жертвует и

этим счастьем и все-таки счастлив, и несчастлив, и тому подобное, и никаких ни просьб, ни желаний. Он даже не просил ответа. Такие письма продолжали приходить и наконец подействовали.

Но подействовали они не очень скоро; Катерина Васильевна в первое время по удалении Соловцова вовсе не была ни грустна, ни задумчива, а перед тем она уже была холодна с ним, да и так спокойно приняла совет отца остерегаться его. Поэтому, когда, месяца через два, она стала печальна, почему ж бы мог отец сообразить, что тут замешан Соловцов, о котором он уже и забыл? — «Ты что-то грустна, Катя».— «Нет, я ничего; это так». Через неделю, через две старик уж спрашивает: «Да ты не больна ли, Катя?» — «Нет, ничего».— Еще недели через две старик уж говорит:— «Тебе надобно лечиться, Катя». Катя начинает лечиться, и старик совершенно успокоивается, потому что доктор не находит ничего опасного, а так только, слабость, некоторое изнурение, и очень основательно доказывает утомительность образа жизни, какой вела Катерина Васильевна в эту зиму, — каждый день, вечер до двух, до трех часов, а часто и до пяти. Это изнурение пройдет. Но оно не проходит, а увеличивается.

Почему же Катерина Васильевна ничего не говорила отцу? — она была уверена, что это было бы напрасно: отец тогда сказал ей так твердо, а он не говорит даром. Он не любит высказывать о людях мнения, которое не твердо в нем; и никогда не согласится на брак ее с человеком, которого считает дурным.

И вот Катерина Васильевна мечтала, мечтала, читая скромные, безнадежные письма Соловцова, и через полгода этого чтения была уж на шаг от чахотки. А отец ни из одного слова ее не мог заметить, что болезнь происходит от дела, в котором отчасти виноват и он: дочь была нежна с ним, как и прежде. «Ты недовольна чем-нибудь?» — «Ничем, папа». — «Ты не огорчена ли чем-нибудь?» — «Нет, папа». — Да и видно, что нет; только уныла, но ведь это от слабости, от болезни. И доктор говорит: это от болезни. А отчего болезнь? Пока доктор считал болезнь пустою, он довольствовался порицаниями танцев и корсетов, а когда он заметил опасность, то явилось «прекращение питания нервов», atrophia nervorum.

V

Но если практикующие тузы согласились, что у m-lle Полозовой atrophia nervorum, развившаяся от изнурительного образа жизни при природной наклонности к мечтательности, задумчивости, то Кирсанову нечего было много исследовать больную, чтобы видеть, что упадок сил происходит от какой-нибудь нравственной причины. Перед консилиумом пользующий медик объяснял ему все отношения больной: семейных огорчений — никаких; отец и дочь очень хороши между собою. А между тем отец не знает причины расстройства, потому что пользующий медик

не знает; что ж это такое? Но ясно, что у девушки сильный характер, если она так долго скрывала самое расстройство и если во все время не дала отцу ни одного случая отгадать его причину; виден сильный характер и в спокойном тоне ее ответов на консилиуме. Нет в ней никаких следов раздражения, она твердо переносит свою судьбу. Кирсанов увидел, что такая девушка заслуживает, чтобы заняться ею,— нельзя ли помочь? Вмешательство показалось ему необходимо: конечно, так или иначе, и без него когда-нибудь дело разъяснится, но не будет ли это поздно? Чахотка очень близка, и тогда никакая заботливость уж не поможет.

Вот он бился с больною часа два и успел победить ее недоверчивость, узнал, в чем дело, и получил позволение говорить о нем с отцом.

Старик изумился, когда услышал от Кирсанова, что причина болезни его дочери — любовь к Соловцову. Как же это? Катя тогда так холодно приняла совет удаляться от него, оставалась так равнодушна, как он перестал бывать у них. Как же она умирает от любви к нему? Да и вообще можно ли умирать от любви? Такие экзальтированности не могли казаться правдоподобны человеку, привыкшему вести исключительно практическую жизнь, смотре́ть на все с холодным благоразумием. Долго возился с ним Кирсанов, он все говорил: «Фантазия ребенка, который помучится и забудет». Кирсанов объяснял, объяснял, наконец растолковал ему, что именно потому-то и не забудет, а умирает, что ребенок. Полозов уломался, убедился, но вместо уступки ударил кулаком по столу и сказал с сосредоточенною решимостью: «Умрет, так умрет,— пусть умирает; это лучше, чем чтобы была несчастна. И для меня легче, и для нее легче!» Те самые слова, какие были сказаны за полгода дочери. Катерина Васильевна не ошибалась, думая, что напрасно говорить с ним.

— Да почему ж вы так упорствуете? Я очень верю, что он нехороший человек; но неужели же уж такой дурной, что жизнь с ним хуже смерти?

— Такой. В нем души нет; она у меня добрая, деликатная, а он гадкий развратник.— И Полозов пустился описывать Соловцова, описал его так, что Кирсанов не нашел, как возражать. Да и точно, как было не согласиться с Полозовым? Соловцов был тот самый Жан, который тогда, перед сватовством Сторешникова, после оперы, ужинал с ним, Сержем и Жюли. Это совершенная правда, что порядочной девушке гораздо лучше умереть, чем сделаться женою такого человека. Он загрязнит, заморозит, изъест своею мерзостью порядочную женщину: гораздо лучше умереть ей.

Кирсанов задумался на несколько минут.

— Нет,— потом проговорил он: — что ж я в самом деле поддался вашему увлечению? Это дело безопасное именно потому, что он так дурен. Она не может этого не увидеть, только дайте ей время всмотреться

спокойно.— Он стал настойчиво развивать Полозову свой план, который высказывал его дочери еще только как свое предположение, может быть и неверное, что она сама откажется от любимого человека, если он действительно дурен. Теперь он в этом был совершенно уверен, потому что любимый человек был очень дурен.

— Я не буду говорить вам, что брак не представляет такой страшной важности, если смотреть на него хладнокровно: когда жена несчастна, почему ж ей не разойтись с мужем? Вы считаете это недозволительным, ваша дочь воспитана в таких же понятиях, для вас и для нее это действительно безвозвратная потеря, и прежде, чем она перевоспитается, она с таким человеком измучится до смерти, которая хуже, чем от чахотки. Но надобно взять дело с другой стороны. Почему вы не надеетесь на рассудок вашей дочери? Ведь она не сумасшедшая? Всегда рассчитывайте на рассудок, только давайте ему действовать свободно, он никогда не изменит в справедливом деле. Вы сами виноваты, что связали его в вашей дочери, развяжите его, и он переведет ее на вашу сторону, когда правда на вашей стороне. Страсть ослепляет, когда встречает препятствия; отстраните их, и ваша дочь станет благоразумна. Дайте ей свободу любить или не любить, и она увидит, стоит ли этот человек ее любви. Пусть он будет ее женихом, и через несколько времени она откажет ему сама.

Такая манера смотреть на вещи была слишком нова для Полозова. Он резко отвечал, что в такие вздоры не верит, что слишком хорошо знает жизнь, что видал слишком много примеров безрассудства людей, чтобы полагаться на их рассудок; а тем смешнее полагаться на рассудок 17-летней девочки. Напрасно Кирсанов возражал, что безрассудства делаются только в двух случаях: или сгоряча, в минутном порыве, или когда человек не имеет свободы, раздражается сопротивлением. Такие понятия были совершенною тарабарщиною для Полозова. — «Она безумная; глупо вверять такому ребенку его судьбу; пусть лучше умрет»: с этих пунктов никак нельзя было сбить его.

Конечно, как ни тверды мысли человека, находящегося в заблуждении, но если другой человек, более развитый, более знающий, лучше понимающий дело, будет постоянно работать над тем, чтобы вывесть его из заблуждения, заблуждение не устоит. Так; но сколько времени возьмет логическая борьба с ним? Конечно, и нынешний разговор не останется без результата; хотя теперь и незаметно никакого влияния его на Полозова, старик все-таки начнет задумываться над словами Кирсанова — это неизбежно; и если продолжать с ним такие разговоры, он одумается. Но он горд своею опытностью, считает себя неошибающимся, он тверд и упрям; урезонить его словами можно, без сомнения, но не скоро. А всякая отсрочка опасна; долгая отсрочка, наверное, гибельна; а долгая отсрочка неизбежна при методическом способе разумной борьбы с ним.

Надобно прибегнуть к радикальному средству. Оно рискованно, это правда; но при нем только риск, а без него верная гибель. И риск в нем вовсе не так велик на самом деле, как покажется человеку, менее твердому в своих понятиях о законах жизни, чем он, Кирсанов. Риск вовсе не велик. Но серьезен. Из всей лотереи только один билет проигрышный. Нет никакой вероятности, чтобы вынулся он, но если вынется? Кто идет на риск, должен быть готов не моргнуть, если вынется проигрыш. Кирсанов видел спокойную, молчаливую твердость девушки и был уверен в ней. Но вправе ли он подвергать ее риску? Конечно, да. Теперь из 100 шансов только один, что она не погубит в этом деле своего здоровья, более половины шансов, что она погибнет быстро; а тут из тысячи шансов один будет против нее. Пусть же она рискует в лотерею, по-видимому более страшную, потому что более быструю, но в сущности несравненно менее опасную.

— Хорошо,— сказал Кирсанов: — вы не хотите вылечить ее теми средствами, которые в вашей власти; я буду лечить ее своими. Завтра я соберу опять консилиум.

Возвратившись к больной, он сказал ей, что отец упрям,— упрямее, чем ждал он,— что надобно будет действовать против него крутым образом.

— Нет, ничего не поможет,— грустно сказала больная.

— Вы уверены в этом?

— Да.

— Вы готовы к смерти?

— Да.

— Что если я решусь подвергнуть вас риску умереть? Я говорил вам об этом вскользь, чтобы выиграть ваше доверие, показать, что я на все согласен, что будет нужно для вас; теперь говорю положительно. Что если придется дать вам яд?

— Я давно вижу, что моя смерть неизбежна, что мне осталось жить немного дней.

— А если завтра поутру?

— Тем лучше. — Она говорила совершенно спокойно. Когда остается одно спасение — призвать себе в опору решимость на смерть, эта опора почти всегда выручит. Если скажешь: «уступай, или я умру» — почти всегда уступят; но, знаете, шутить таким великим принципом не следует; да и нельзя унижать своего достоинства, если не уступят, то уж и надобно умереть. Он объяснил ей план, очень понятный уж и из этих рассуждений.

VI

Конечно, в других таких случаях Кирсанов и не подумал бы прибегать к подобному риску. Гораздо проще: увезти девушку из дому, и пусть она венчается с кем хочет. Но тут дело запутывалось понятиями

девушки и свойствами человека, которого она любила. При своих понятиях о неразрывности жены с мужем она стала бы держаться за дрянного человека, когда бы уж и увидела, что жизнь с ним — мучение. Соединить ее с ним — хуже, чем убить. Потому и оставалось одно средство — убить или дать возможность образумиться.

На другой день собрался консилиум из самых высоких знаменитостей великосветской медицинской практики, было целых пять человек, самых важнейших: нельзя, чем же действовать на Полозова? Нужно, чтобы приговор был безапелляционный в его глазах. Кирсанов говорил,— они важно слушали, что он говорил, тому все важно поддакнули,— иначе нельзя, потому что, помните, есть на свете Клод Бернар и живет в Париже, да и, кроме того, Кирсанов говорит такие вещи, которых — а чорт бы побрал этих мальчишек! — и не поймешь: как же не поддакивать?

Кирсанов сказал, что он очень внимательно исследовал больную и совершенно согласен с Карлом Федорычем, что болезнь неизлечима; а агония в этой болезни мучительна; да и вообще каждый лишний час, проживаемый больною, — лишний час страдания; поэтому он считает обязанностью консилиума составить определение, что, по человеколюбию, следует прекратить страдания больной приемом морфия, от которого она уж не проснулась бы. С таким напутствием он повел консилиум вновь исследовать больную, чтобы принять или отвергнуть это мнение. Консилиум исследовал, хлопая глазами под градом чорт знает каких непонятных разъяснений Кирсанова, возвратился в прежний, далекий от комнаты больной зал и положил: прекратить страдания больной смертельным приемом морфия.

Когда составили определение, Кирсанов позвонил слугу и попросил его позвать Полозова в зал консилиума. Полозов вошел. Важнейший из мудрецов приличным грустно-торжественным языком и величественно-мрачным голосом объявил ему постановление консилиума.

Полозова хватило, как обухом по лбу. Ждать смерти хоть скоро, но неизвестно, скоро ли, да и наверное ли? и услышать: через полчаса ее не будет в живых — две вещи совершенно разные. Кирсанов смотрел на Полозова с напряженным вниманием: он был совершенно уверен в эффекте, но все-таки дело было возбуждающее нервы; минуты две старик молчал, ошеломленный: — «Не надо! Она умирает от моего упрямства! Я на все согласен! Выздоровеет ли она?» — «Конечно», — сказал Кирсанов.

Знаменитости сильно рассердились бы, если б имели время рассердиться, то есть, переглянувшись, увидеть, что, дескать, моим товарищам тоже, как и мне, понятно, что я был куклою в руках этого мальчишки, но Кирсанов не дал никому заняться этим наблюдением того, «как другие на меня смотрят». Кирсанов, сказав слуге, чтобы вывести осевшего Полозова, уже благодарил их за проницательность, с какою они отгадали его намерение, поняли, что причина болезни — нравственное страдание, что

нужно запугать упрямца, который иначе действительно погубил бы дочь. Знаменитости разъехались, каждая довольная тем, что ученость и проницательность ее засвидетельствована перед всеми остальными.

Наскоро дав им аттестацию, Кирсанов пошел сказать больной, что дело удалось. Она при первых его словах схватила его руку, и он едва успел вырвать, чтоб она не поцеловала ее. «Но я не скоро пущу к вам вашего батюшку объявить вам то же самое, — сказал он: — он у меня прежде прослушает лекцию о том, как ему держать себя». Он сказал ей, что́ он будет внушать ее отцу и что не отстанет от него, пока не внушит ему этого основательно.

Потрясенный эффектом консилиума, старик много оселся и смотрел на Кирсанова уж не теми глазами, как вчера, а такими, как некогда Марья Алексевна на Лопухова, когда Лопухов снился ей в виде пошедшего по откупной части. Вчера Полозову все представлялась натуральная мысль: «я постарше тебя и поопытней, да и нет никого на свете умнее меня; а тебя, молокосос и голыш, мне и подавно не приходится слушать, когда я своим умом нажил 2 миллиона (точно, в сущности было только 2, а не 4), — наживи-ко ты, тогда и говори»; а теперь он думал: «экой медведь, как поворотил; умеет ломать», и чем дальше говорил он с Кирсановым, тем живее рисовалась ему, в прибавок к медведю, другая картина, старое забытое воспоминание из гусарской жизни: берейтор Захарченко сидит на «Громобое» [154] (тогда еще были в ходу у барышень, а от них отчасти и между господами кавалерами, военными и статскими, баллады Жуковского), и «Громобой» хорошо вытанцовывает под Захарченкой, только губы у «Громобоя» сильно порваны, в кровь. Полозову было отчасти страшновато слышать, как отвечает Кирсанов на его первый вопрос:

— Неужели вы в самом деле дали бы ей смертельный прием?

— Еще бы! разумеется,— совершенно холодно отвечал Кирсанов. «Что за разбойник! Говорит, как повар о зарезанной курице».

— И у вас достало бы духа?

— Еще бы на это не достало,— что ж бы я за тряпка был!

— Вы страшный человек! — повторял Полозов.

— Это значит, что вы еще не видывали страшных людей, — с снисходительной улыбкой отвечал Кирсанов, думая про себя: «показать бы тебе Рахметова».

— Но как же вы повертывали всех этих медиков!

— Будто трудно повертывать таких людей! — с легкою гримасою отвечал Кирсанов.

Полозову вспомнился Захарченко, говорящий штаб-ротмистру Волынову: «Этого-то вислоухого привели мне объезжать, ваше благородие? Зазорно мне на него садиться-то».

Прекратив бесконечные все те же вопросы Полозова, Кирсанов начал внушение, как ему следует держать себя.

— Помните, что человек может рассуждать только тогда, когда ему совершенно не мешают, что он не горячится только тогда, когда его не раздражают; что он не дорожит своими фантазиями только тогда, когда их у него не отнимают, дают ему самому рассмотреть, хороши ли они. Если Соловцов так дурен, как вы описываете, — и я этому совершенно верю,— ваша дочь сама рассмотрит это; но только когда вы не станете мешать, не будете возбуждать в ней мысли, что вы как-нибудь интригуете против него, стараетесь расстроить их. Одно ваше слово, враждебное ему, испортит дело на две недели, несколько слов — навсегда. Вы должны держаться совершенно в стороне. — Наставление было приправляемо такими доводами: «Легко заставить вас сделать то, чего вы не хотите? а вот я заставил же; значит, понимаю, как надобно браться за дело; так уж поверьте, как я говорю, так и надо делать. Что я говорю, то знаю, вы только слушайтесь». С такими людьми, как тогдашний Полозов, нельзя иначе действовать, как нахрапом, наступая на горло. Полозов вымуштровался, обещал держать себя, как ему говорят. Но, убедившись, что Кирсанов говорит дело и что надо его слушаться, Полозов все еще не мог взять в толк, что ж это за человек: он на его стороне и вместе на стороне дочери; он заставляет его покориться дочери и хочет, чтобы дочь изменила свою волю; как примирить это?

— Очень просто, я хочу, чтобы вы не мешали ей стать рассудительною, только.

Полозов написал к Соловцову записку, в которой просил его пожаловать к себе по очень важному делу; вечером Соловцов явился, произвел нежное, но полное достоинства объяснение со стариком, был объявлен женихом, с тем, что свадьба через три месяца.

VII

Кирсанов не мог бросить дéла: надобно было и помогать Катерине Васильевне поскорее выйти из ослепления, а еще больше надобно было наблюдать за ее отцом, поддерживать его в верности принятому методу невмешательства. Но он почел неудобным быть у Полозовых в первые дни после кризиса: Катерина Васильевна, конечно, еще находится в экзальтации; если он увидит (чего и следует непременно ждать), что жених — дрянь, то уж и его молчаливое недовольство женихом, не только прямой отзыв, принесет вред, подновит экзальтацию. Кирсанов заехал недели через полторы, и поутру, чтобы не прямо самому искать встречи с женихом, а получить на это согласие Катерины Васильевны. Катерина Васильевна уж очень поправилась, была еще очень худа и бледна, но совершенно здорова, хоть и хлопотал над прописываньем лекарств знаменитый прежний медик, которому Кирсанов опять сдал ее, сказав: «лечитесь у него; теперь никакие его снадобья не повредят вам, хоть бы вы и стали принимать их». Катерина Васильевна встретила Кирсанова

с восторгом, но удивленными глазами посмотрела на него, когда он сказал, зачем приехал.

— Вы спасли мне жизнь — и вам нужно мое разрешение, чтобы бывать у нас!

— Но мое посещение при нем могло бы вам показаться попыткою вмешательства в ваши отношения без вашего согласия. Вы знаете мое правило: не делать ничего без воли человека, в пользу которого я хотел бы действовать.

Приехав на другой или третий день вечером, Кирсанов нашел жениха точно таким, каким описывал Полозов, а Полозова нашел удовлетворительным: вышколенный старик не мешал дочери. Кирсанов просидел вечер, ничем не показывая своего мнения о женихе, и, прощаясь с Катериною Васильевною, не сделал никакого намека на то, как он понравился ему.

Этого было уже довольно, чтобы возбудить ее любопытство и сомнение. На другой день в ней беспрестанно возобновлялась мысль: «Кирсанов не сказал мне ни слова о нем. Если б он произвел хорошее впечатление на Кирсанова, Кирсанов сказал бы мне это. Неужели он ему не понравился? Что ж могло не понравиться Кирсанову в нем?» Когда вечером приехал жених, она всматривалась в его обращение, вдумывалась в его слова. Она говорила себе, зачем делает это: чтобы доказать себе, что Кирсанов не должен был, не мог найти никаких недостатков в нем. Это и было так. Но надобность доказывать себе, что в любимом человеке нет недостатков, уже ведет к тому, что они скоро будут замечены.

Через несколько дней Кирсанов был опять и опять не сказал ей ни слова о том, как понравился ему жених. На этот раз она уже не выдержала и в конце вечера сказала:

— Ваше мнение? Что же вы молчите?

— Я не знаю, угодно ли будет вам выслушать мое мнение, и не знаю, будет ли оно сочтено вами за беспристрастное.

— Он вам не нравится?

Кирсанов промолчал.

— Он вам не нравится?

— Я этого не говорил.

— Это видно. Почему ж он вам не нравится?

— Я буду ждать, когда будет видно и то, почему он мне не нравится.

На следующий вечер Катерина Васильевна еще внимательнее всматривалась в Соловцова. «В нем все хорошо; Кирсанов несправедлив; но почему же я не могу заметить, что в нем не нравится Кирсанову?» Она досадовала на свое неуменье наблюдать, думала: «Неужели ж я так проста?» В ней было возбуждено самолюбие в направлении, самом опасном жениху.

Когда Кирсанов опять приехал через несколько дней, он уже заметил возможность действовать сильнее. До сих пор он избегал разговоров с Со-

ловцовым, чтобы не встревожить Катерину Васильевну преждевременным вмешательством. Теперь он сел в группе, которая была около нее и Соловцова, стал заводить разговор о вещах, по которым выказывался бы характер Соловцова, вовлекал его в разговор. Шел разговор о богатстве, и Катерине Васильевне показалось, что Соловцов слишком занят мыслями о богатстве; шел разговор о женщинах, — ей показалось, что Соловцов говорит о них слишком легко; шел разговор о семейной жизни, — она напрасно усиливалась выгнать из мысли впечатление, что, может быть, жене было бы холодно и тяжело жить с таким мужем.

Кризис произошел. Катерина Васильевна долго не могла заснуть, все плакала — от досады на себя за то, что обижает Соловцова такими мыслями о нем. «Нет, он не холодный человек: он не презирает женщин; он любит меня, а не мое богатство». Если б эти возражения были ответом на слова другого, они упрямо держались бы в ее уме. Но она возражала самой себе; а против той истины, которую сам нашел, долго не устоишь — она своя, родная; в ней нельзя заподозрить никакой хитрости. На следующий вечер Катерина Васильевна уже сама испытывала Соловцова, как вчера испытывал его Кирсанов. Она говорила себе, что только хочет убедиться, что напрасно обижает его, но сама же чувствовала, что в ней уже недоверие к нему. И опять долго не могла заснуть, но досадовала уже на него: зачем он говорил так, что не успокоил ее сомнений, а только подкрепил их? Досадовала и на себя; но в этой досаде уже ясно проглядывал мотив: «Как я могла быть так слепа?»

Понятно, что через день, через два она исключительно была занята страхом от мысли: «скоро я потеряю возможность поправить свою ошибку, если ошибалась в нем».

Когда Кирсанов приехал в следующий раз, он увидел, что может говорить с нею.

— Вы доспрашивались моего мнения о нем, — сказал он, — оно не так важно, как ваше. Что *вы* думаете о нем?

Теперь она молчала.

— Я не смею допытываться, — сказал он, заговорил о другом и скоро отошел.

Но через полчаса она сама подошла к нему:

— Дайте же мне совет: вы видите, мои мысли колеблются.

— Зачем же вам нужен чужой совет, когда вы сами знаете, что надобно делать, если мысли колеблются.

— Ждать, пока они перестанут колебаться?

— Как вы сами знаете.

— Я отложу свадьбу.

— Почему ж не отложить, когда вы находите это лучшим.

— Но как он примет это?

— Когда вы увидите, как он примет это, тогда опять подумайте, что будет лучше.

— Но мне тяжело сказать ему это.

— Если так, поручите вашему батюшке, чтоб он сказал ему это.

— Я не хочу прятаться за другого. Я скажу сама.

— Если чувствуете силу сказать сама, то это, конечно, гораздо лучше.

Разумеется, с другими, например с Верою Павловною, не годилось вести дело так медленно. Но каждый темперамент имеет свои особые требования: если горячий человек раздражается медленною систематичностью, то тихий человек возмущается крутою резкостью.

Успех объяснения Катерины Васильевны с женихом превзошел надежды Кирсанова, который думал, что Соловцов сумеет соблюсти расчет, протянет дело покорностью и кроткими мольбами. Нет, при всей своей выдержанности Соловцов не сдержал себя, увидев, что огромное богатство ускользает из его рук, и сам упустил слабые шансы, остававшиеся ему. Он рассыпался резкими жалобами на Полозова, которого назвал интригующим против него; говорил Катерине Васильевне, что она дает отцу слишком много власти над собою, боится его, действует теперь по его приказанию. А Полозов еще и не знал о решении дочери отложить свадьбу; дочь постоянно чувствовала, что он оставляет ей полную свободу. Упреки отцу и огорчили ее своею несправедливостью, и оскорбили тем, что в них выказывался взгляд Соловцова на нее как на существо, лишенное воли и характера.

— Вы, кажется, считаете меня игрушкою в руках других?

— Да, — сказал он в раздражении.

— Я готовилась умереть, не думая об отце, и вы не понимаете этого! С этой минуты все кончено между нами, — сказала она и быстро ушла из комнаты.

VIII

После этой истории Катерина Васильевна долго была грустна; но грусть ее, развившаяся по этому случаю, относилась уже не к этому частному случаю. Есть такие характеры, для которых частный факт сам по себе мало интересен, служит только возбуждением к общим мыслям, которые действуют на них гораздо сильнее. Если у таких людей ум замечательно силен, они становятся преобразователями общих идей, а в старину делались великими философами: Кант, Фихте, Гегель [155] не разработали никакого частного вопроса, им было это скучно. Это, конечно, только о мужчинах: у женщин ведь и не бывает сильного ума, по-нынешнему, — им, видите ли, природа отказала в этом, как отказала кузнецам в нежном цвете лица, портным в стройности стана, сапожникам в тонком обонянии, — это все природа. Потому и между женщинами не бывает людей великого ума. Люди очень слабого ума с таким направлением характера бывают флегматичны до бесчувственности. Люди обыкновенного ума бывают расположены к задумчивости, к тихой жизни и во-

обще наклонны мечтать. Это еще не значит, что они фантазеры: у многих воображение слабо, и они люди очень положительные, они просто любят тихую задумчивость.

Катерина Васильевна влюбилась в Соловцова за его письма; она умирала от любви, основывавшейся только на ее мечтах. Уж из этого видно, что она была тогда настроена очень романически. А шумная жизнь пошлого общества, наполнявшего дом Полозовых, вовсе не располагала к экзальтированной идеальности. Значит, эта черта происходила из собственной ее натуры. Ее давно тяготил шум; она любила читать и мечтать. Теперь ее стало тяготить и самое богатство, не только шум его. Не нужно считать ее за это чувство необыкновенною натурою: оно знакомо всем богатым женщинам скромного и тихого характера. В ней оно только развилось раньше обыкновенного, потому что рано получила она сильный урок.

«Кому я могу верить? чему я могу верить?» — спрашивала она себя после истории с Соловцовым и видела: никому, ничему. Богатство ее отца притягивало из всего города жадность к деньгам, хитрость, обман. Она была окружена корыстолюбцами, лжецами, льстецами; каждое слово, которое говорилось ей, было рассчитано по миллионам ее отца.

Ее мысли становились все серьезнее. Ее стали занимать общие вопросы о богатстве, которое так мешало ей, о бедности, которая так мучит других. Отец давал ей довольно много денег на булавки, она, как и всякая добрая женщина, помогала бедным. Но она читала и думала, и стала замечать, что такая помощь, которую оказывает она, приносит гораздо меньше пользы, чем следовало бы. Она стала видеть, что слишком много ее обманывают притворные или дрянные бедняки; что и людям, достойным помощи, умеющим пользоваться данными деньгами, эти деньги почти никогда не приносят прочной пользы: на время выведут их из беды, а через полгода, через год эти люди опять в такой же беде. Она стала думать: «Зачем это богатство, которое так портит людей? и отчего эта неотступность бедности от бедных? и отчего видит она так много бедных, которые так же безрассудны и дурны, как богатые?»

Она была мечтательница, но мечты ее были тихи, как ее характер, и в них было так же мало блеска, как в ней самой. Ее любимым поэтом был Жорж Занд; но она не воображала себя ни Лелиею, ни Индианою, ни Кавальканти, ни даже Консуэло, она в своих мечтах была Жанною, но чаще всего Женевьевою.[156] Женевьева была ее любимая героиня. Вот она ходит по полю и собирает цветы, которые будут служить образцами для ее работы, вот она встречает Андре, — такие тихие свидания! Вот они замечают, что любят друг друга; это были ее мечты, о которых она сама знала, что они только мечты. Но она любила мечтать о том, как завидна судьба мисс Найтингель,[157] этой тихой, скромной девушки, о которой никто не знает ничего, о которой нечего знать, кроме того, за что она любимица всей Англии: молода ли она? богата ли она, или бедна? счастлива ли она сама,

или несчастна? об этом никто не говорит, об этом никто не думает, все только благословляют девушку, которая была ангелом-утешителем в английских гошпиталях Крыма и Скутари[158] и по окончании войны, вернувшись на родину с сотнями спасенных ею, продолжает заботиться о больных... Это были мечты, исполнения которых желала бы Катерина Васильевна. Дальше мыслей о Женевьеве и мисс Найтингель не уносила ее фантазия. Можно ли сказать, что у ней была фантазия? и можно ли назвать ее мечтательницею?

Женевьева в шумном, пошлом обществе пройдох и плохих фатов, мисс Найтингель в праздной роскоши, могла ли она не скучать и не грустить? Потому Катерина Васильевна была едва ли не больше обрадована, чем огорчена, когда отец ее разорился. Ей было жалко видеть его, ставшего стариком из крепкого, еще не старого человека; было жалко и того, что средства ее помогать другим слишком уменьшились; было на первый раз обидно увидеть пренебрежение толпы, извивавшейся и изгибавшейся перед ее отцом и ею. Но было и отрадно, что пошлая, скучная, гадкая толпа покинула их, перестала стеснять ее жизнь, возмущать ее своею фальшивостью и низостью; ей стало так свободно теперь. Явилась и надежда на счастье: «теперь если в ком я найду привязанность, то будет привязанность ко мне, а не к миллионам моего отца».

IX

Полозову хотелось устроить продажу стеаринового завода, в котором он имел пай и которым управлял. Через полгода, или больше, усердных поисков он нашел покупщика. На визитных карточках покупщика было написано Charles Beaumont, но произносилось это не Шарль Бомон, как прочли бы незнающие, а Чарльз Бьюмонт; и натурально, что произносилось так: покупщик был агент лондонской фирмы Ходчсона, Лотера и К° по закупке сала и стеарина. Завод не мог идти при жалком финансовом и административном состоянии своего акционерного общества; но в руках сильной фирмы он должен был дать большие выгоды: затратив на него 500—600 тысяч, она могла рассчитывать на 100 000 руб. дохода. Агент был человек добросовестный: внимательно осмотрел завод, подробно разобрал его книги, прежде чем посоветовал фирме покупку; потом начались переговоры с обществом о продаже завода и тянулись очень долго по натуре наших акционерных обществ, с которыми соскучились бы даже терпеливые греки, не скучавшие десять лет осаждать Трою.[159] А Полозов все это время ухаживал за агентом, по старинной привычке обращения с нужными людьми, и все приглашал его к себе обедать. Агент сторонился от ухаживаний и долго отказывался от обедов; но однажды, слишком долго засидевшись в переговорах с правлением общества, уставши и проголодавшись, согласился пойти обедать к Полозову, жившему на той же лестнице.

X

Чарльз Бьюмонт, как и следует всякому Чарльзу, Джону, Джемсу, Вильяму, не был охотник пускаться в интимности и личные излияния; но когда его спрашивали, рассказывал свою историю не многословно, но очень отчетливо. Семейство его, говорил он, было родом из Канады; точно, в Канаде чуть ли не половину населения составляют потомки французских колонистов; его семейство из них-то и было, потому-то и фамилия у него была французского фасона, да и лицом он походил все-таки скорее на француза, чем на англичанина или янки. Но, продолжал он, его дед переехал из окрестностей Квебека в Нью-Йорк; и это бывает. Во время этого переселения его отец был еще ребенком. Потом, разумеется, вырос и стал взрослым мужчиною; а в это время какому-то богачу и прогрессисту в сельском хозяйстве вздумалось устроить у себя на южном берегу Крыма, вместо виноградников, хлопчатобумажные плантации; он и поручил кому-то достать ему управляющего из Северной Америки; ему и достали Джемса Бьюмонта, канадского уроженца, нью-йоркского жителя, то есть на столько верст не видывавшего хлопчатобумажных плантаций, на сколько мы с вами, читатель, не видывали из своего Петербурга или Курска гору Арарат; это уж всегда так бывает с подобными прогрессистами. Правда, дело нисколько не испортилось от совершенного незнакомства американского управляющего с хлопчатобумажным плантаторством, потому что разводить хлопчатобумажник в Крыму — то же самое, что в Петербурге виноград. Но когда оказалось это, американский управляющий был отпущен с хлопчатобумажного ведомства и попал винокуром на завод в Тамбовской губернии, дожил тут почти весь свой век, тут прижил сына Чарльза, а вскоре после того похоронил жену. Годам к 65-ти, накопивши несколько денег на дряхлые годы, он вздумал вернуться в Америку и вернулся. Чарльзу было тогда лет 20. Когда отец умер, Чарльз захотел возвратиться в Россию, потому что, родившись и прожив до 20 лет в деревне Тамбовской губернии, чувствовал себя русским. Он с отцом жил в Нью-Йорке и служил клерком в одной купеческой конторе. Когда отец умер, он перешел в нью-йоркскую контору лондонской фирмы Ходчсона, Лотера и К^0, зная, что она имеет дела с Петербургом, и когда успел хорошо зарекомендовать себя, то и выразил желание получить место в России, объяснивши, что он Россию знает, как свою родину. Иметь такого служащего в России, разумеется, было выгодно для фирмы, его перевели в лондонскую контору на испытание, испытали, и вот, с полгода времени до обеда у Полозова, он приехал в Петербург агентом фирмы по сальной и стеариновой части, с жалованьем в 500 фунтов. Совершенно сообразно этой истории, Бьюмонт, родившийся и до 20 лет живший в Тамбовской губернии, с одним только американцем или англичанином на 20 или 50 или 100 верст кругом — с своим отцом, который целый день был на заводе, — сообразно этой истории, Чарльз

Бьюмонт говорил по-русски, как чистый русский, а по-английски — бойко, хорошо, но все-таки не совершенно чисто, как следует человеку, уже только в зрелые годы прожившему несколько лет в стране английского языка.

XI

Бьюмонт увидел себя за обедом только втроем со стариком и очень милою, несколько задумчивою блондинкою, его дочерью.

— Думал ли я когда-нибудь, — сказал за обедом Полозов, — что эти акции завода будут иметь для меня важность! Тяжело на старости лет подвергаться такому удару. Еще хорошо, что Катя так равнодушно перенесла, что я погубил ее состояние, оно и при моей-то жизни было больше ее, чем мое: у ее матери был капитал, у меня мало; конечно, я из каждого рубля сделал было двадцать, значит оно, с другой стороны, было больше от моего труда, чем по наследству; и много же я трудился! и уменье какое нужно было! — старик долго рассуждал в этом самохвальном тоне, — потом и кровью, а главное умом было нажито, — заключил он и повторил в заключение предисловие, что такой удар тяжело перенести и что если б еще да Катя этим убивалась, то он бы, кажется, с ума сошел, но что Катя не только сама не жалеет, а еще и его, старика, поддерживает.

По американской привычке не видеть ничего необыкновенного ни в быстром обогащении, ни в разорении, или по своему личному характеру, Бьюмонт не имел охоты ни восхититься величием ума, нажившего было три-четыре миллиона, ни скорбеть о таком разорении, после которого еще остались средства держать порядочного повара; а между тем надобно же было что-нибудь заметить в знак сочувствия чему-нибудь из длинной речи; потому он сказал:

— Да, это большое облегчение, когда семейство дружно переносит неприятности.

— Да вы как будто сомнительно говорите, Карл Яковлич. Вы думаете, что Катя задумчива, так это оттого, что она жалеет о богатстве? Нет, Карл Яковлич, нет, вы ее напрасно обижаете. У нас с ней другое горе: мы с ней изверились в людей, — сказал Полозов полушутливым, полусерьезным тоном, каким говорят о добрых, но неопытных мыслях детей опытные старики.

Катерина Васильевна покраснела. Ей было неприятно, что отец завел разговор о ее чувствах. Но, кроме отцовской любви, было и другое известное обстоятельство, по которому отец не был виноват: если не о чем говорить, но есть в комнате кошка или собака, заводится разговор о ней; если ни кошки, ни собаки нет, то о детях. Погода — уж только третья, крайняя степень безресурсности.

— Нет, папа́, вы напрасно объясняете мою задумчивость таким высоким мотивом: вы знаете, у меня просто невеселый характер, и я скучаю.

— Быть невеселым, это как кому угодно, — сказал Бьюмонт: — но скучать, по моему мнению, неизвинительно. Скука в моде у наших братьев, англичан; но мы, американцы, не знаем ее. Нам некогда скучать: у нас слишком много дела. Я считаю, мне кажется (поправил он свой американизм),[160] что и русский народ должен бы видеть себя в таком положении: по-моему, у него тоже слишком много дела на руках. Но действительно, я вижу в русских совершенно противное: они очень расположены хандрить. Сами англичане далеко не выдерживают сравнения с ними в этом. Английское общество, ославленное на всю Европу, и в том числе на всю Россию, скучнейшим в мире, настолько же разговорчивее, живее, веселее русского, насколько уступает в этом французскому. И ваши путешественники говорят вам о скуке английского общества! Я не понимаю, где ж у этих людей глаза на свое домашнее!

— И русские правы, что хандрят, — сказала Катерина Васильевна: — какое ж у них дело? им нечего делать; они должны сидеть сложа руки. Укажите мне дело, и я, вероятно, не буду скучать.

— Вы хотите найти себе дело? О, за этим не должно быть остановки; вы видите вокруг себя такое невежество, извините, что я так отзываюсь о вашей стране, о вашей родине, — поправил он свой англицизм:[161] — но я сам в ней родился и вырос, считаю ее своею, потому не церемонюсь, — вы видите в ней турецкое невежество, японскую беспомощность. Я ненавижу вашу родину, потому что люблю ее, как свою, скажу я вам, подражая вашему поэту.[162] Но в ней много дела.

— Да; но один, а еще более одна что может сделать?

— Но вэдь ты же делаешь, Катя, — сказал Полозов: — я вам выдам ее секрет, Карл Яковлич. Она от скуки учит девочек. У нее каждый день бывают ее ученицы, и она возится с ними от 10 часов до часу, иногда больше.

Бьюмонт посмотрел на Катерину Васильевну с уважением:

— Вот это по-нашему, по-американски, — конечно, под американцами я понимаю только северные, свободные штаты; южные хуже всякой Мехики, почти так же гадки, как Бразилия (Бьюмонт был яростный аболиционист [163]), — это по-нашему; но в таком случае зачем же скучать?

— Разве это серьезное дело, m-r Бьюмонт? это не более как развлечение, так я думаю; может быть, я ошибаюсь; может быть, вы назовете меня материалисткою...

— Вы ждете такого упрека от человека из нации, про которую все утверждают, что единственная цель и мысль ее — доллеры?

— Вы шутите, но я серьезно боюсь, опасаюсь высказать вам мое мнение, — оно может казаться сходно с тем, что проповедуют обскуранты о бесполезности просвещения.

«Вот как! — подумал Бьюмонт: — неужели она дошла до этого? это становится интересно».

— Я сам обскурант, — сказал он: — я за безграмотных черных против цивилизованных владельцев их, в южных штатах, — извините, я отвлекся моей американской ненавистью. Но мне очень любопытно услышать ваше мнение.

— Оно очень прозаично, m-r Бьюмонт, но меня привела к нему жизнь. Мне кажется, дело, которым я занимаюсь, слишком одностороннее дело, и та сторона, на которую обращено оно, не первая сторона, на которую должны быть обращены заботы людей, желающих принести пользу народу. Я думаю так: дайте людям хлеб, читать они выучатся и сами. Начинать надобно с хлеба, иначе мы попусту истратим время.

— Почему ж вы не начинаете с того, с чего надобно начинать? — сказал Бьюмонт уже с некоторым одушевлением. — Это можно, я знаю примеры, у нас в Америке, — прибавил он.

— Я вам сказала: одна — что я могу начать? Я не знаю, как приняться; и если б знала, где у меня возможность? Девушка так связана во всем. Я независима у себя в комнате. Но что я могу сделать у себя в комнате? Положить на стол книжку и учить читать. Куда я могу идти одна? С кем я могу видеться одна? Какое дело я могу делать одна?

— Ты, кажется, выставляешь меня деспотом, Катя? — сказал отец: — уж в этом-то я неповинен с тех пор, как ты меня так проучила.

— Папа́, ведь я краснею этого, я тогда была ребенок. Нет, папа́, вы хороши, вы не стесняете. Стесняет общество. Правда, m-r Бьюмонт, что девушка в Америке не так связана?

— Да, мы можем этим гордиться; конечно, и у нас далеко не то, чему следует быть; но все-таки какое сравнение с вами, европейцами. Все, что рассказывают вам о свободе женщины у нас, правда.

— Папа́, поедем в Америку, когда m-r Бьюмонт купит у тебя завод, — сказала шутя Катерина Васильевна: — я там буду что-нибудь делать. Ах, как бы я была рада!

— Можно найти дело и в Петербурге, — сказал Бьюмонт.

— Укажите.

Бьюмонт две-три секунды колебался, «Но зачем же я и приехал сюда? И через кого же лучше узнать?» — подумал он.

— Вы не слышали? — есть опыт применения к делу тех принципов, которые выработаны в последнее время экономическою наукою: вы знаете их?

— Да, я читала; это, должно быть, очень интересно и полезно. И я могу принять в этом участие? Где ж это найти?

— Это основано г-жою Кирсановою.

— Кто она? ее муж медик?

— Вы его знаете? И он не сказал вам об этом деле?

— Это было давно, он тогда еще не был женат, я была очень больна, — он приезжал несколько раз и спас меня. Ах, какой это человек! Похожа на него она?

Но как же познакомиться с Кирсановою? Бьюмонт рекомендует Катерину Васильевну Кирсановой? — Нет, Кирсановы даже не слышали его фамилии; но никакой рекомендации не надобно: Кирсанова, наверное, будет рада встретить такое сочувствие. Адрес надобно узнать там, где служит Кирсанов.

XII

Вот каким образом произошло то, что Полозова познакомилась с Верою Павловною; она отправилась к ней на другой же день поутру; и Бьюмонт был так заинтересован, что вечером приехал узнать, как понравилось Катерине Васильевне новое знакомство и новое дело.

Катерина Васильевна была очень одушевлена. Грусти — никаких следов; задумчивость заменилась восторгом. Она с энтузиазмом рассказывала Бьюмонту, — а ведь уж рассказывала отцу, но от одного раза не унялась, — о том, что видела поутру, и не было конца ее рассказу; да, теперь ее сердце было полно: живое дело найдено! Бьюмонт слушал внимательно; но разве можно слушать так? и она чуть не с гневом сказала:

— M-r Бьюмонт, я разочаровываюсь в вас: неужели это так мало действует на вас, что вам только интересно, — не больше?

— Катерина Васильевна, вы забываете, что я все это видел у нас, в Америке; для меня занимательны некоторые подробности; но само дело слишком знакомо мне. Интерес новизны тут могут иметь для меня только личности, которым обязано своим успехом это дело, новое у вас. Например, что вы можете рассказать мне о m-me Кирсановой?

— Ах, боже мой: разумеется, она мне чрезвычайно понравилась; она с такою любовью объясняла мне все.

— Это вы уж говорили.

— Чего ж вам больше? Что я могу сказать вам больше? Неужели ж мне было до того, чтобы думать о ней, когда у меня перед глазами было такое дело?

— Так, — сказал Бьюмонт, — я понимаю, что совершенно забываешь о лицах, когда заинтересован делом; однако что ж вы можете сказать мне еще о m-me Кирсановой?

Катерина Васильевна стала собирать все свои воспоминания о Вере Павловне, но в них только и нашлось первое впечатление, которое сделала на нее Вера Павловна; она очень живо описала ее наружность, манеру говорить, все, что бросается в глаза в минуту встречи с новым человеком; но дальше, дальше у нее в воспоминаниях уже действительно не было почти ничего, относящегося к Вере Павловне: мастерская, мастерская, мастерская, — и объяснения Веры Павловны о мастерской; эти объяснения она все понимала, но самой Веры Павловны во все следующее время, после первых слов встречи, она уж не понимала.

— Итак, на этот раз я обманулся в ожидании много узнать от вас о m-me Кирсановой; но я не отстану от вас: через несколько дней я опять стану расспрашивать вас о ней.

— Но почему ж вам самому не познакомиться с нею, если она так интересует вас?

— Мне хочется сделать это; может быть, я и сделаю когда-нибудь. Но прежде я должен узнать о ней больше. — Бьюмонт остановился на минуту. — Я думал, лучше ли просить вас, или не просить, кажется, лучше попросить: когда вам случится упоминать мою фамилию в разговорах с ними, не говорите, что я расспрашивал вас о ней или хочу когда-нибудь познакомиться с ними.

— Но это начинает походить на загадку, m-r Бьюмонт, — серьезным тоном сказала Катерина Васильевна. — Вы хотите через меня разузнавать о них, а сам хотите скрываться.

— Да, Катерина Васильевна; как вам объяснить это? — я опасаюсь знакомиться с ними.

— Все это странно, m-r Бьюмонт.

— Правда. Скажу прямее: я опасаюсь, что им будет это неприятно. Они не слышали моей фамилии. Но у меня могли быть какие-нибудь столкновения с кем-нибудь из людей, близких к ним, или с ними, это все равно. Словом, я должен удостовериться, приятно ли было бы им познакомиться со мною.

— Все это странно, m-r Бьюмонт.

— Я честный человек, Катерина Васильевна; смею вас уверить, что я никогда не захотел бы компрометировать вас; мы с вами видимся только во второй раз, но я уж очень уважаю вас.

— Я также вижу, m-r Бьюмонт, что вы порядочный человек, но...

— Если вы считаете меня порядочным человеком, вы позволите мне бывать у вас, чтобы тогда, когда вы достаточно уверитесь во мне, я мог опять спросить вас о Кирсановых. Или, лучше, вы сами заговорите о них, когда вам покажется, что вы можете исполнить эту мою просьбу, которую я сделаю теперь и не буду возобновлять. Вы позволяете?

— Извольте, m-r Бьюмонт, — сказала Катерина Васильевна, слегка пожав плечами. — Но согласитесь, что...

Она опять не хотела договорить.

— Что я теперь должен внушать вам некоторое недоверие? Правда. Но я буду ждать, пока оно пройдет.

XIII

Бьюмонт стал очень часто бывать у Полозовых. «Почему ж? — думал старик: — подходящая партия. Конечно, Катя прежде могла бы иметь не такого жениха. Но ведь она и тогда была не интересантка и не честолюбивая. А теперь лучше и желать нельзя».

Действительно, Бьюмонт был подходящая партия. Он говорил, что думает навсегда остаться в России, потому что считает ее своею родиною. Он человек основательный: в 30 лет, вышедши из ничего, имеет хорошее место. Если б он был русский, Полозову было бы приятно, чтоб он был дворянин, но к иностранцам это не прилагается, особенно к французам; а к американцам еще меньше: у них в Америке человек — ныне работник у сапожника или пахарь, завтра генерал, послезавтра президент, а там опять конторщик или адвокат. Это совсем особый народ, у них спрашивают о человеке только по деньгам и по уму. «Это и правильнее, — продолжал думать Полозов: — я сам такой человек. Занялся торговлею, женился на купчихе. Деньги главное; и ум, потому что без ума не наживешь денег. А он может нажить: стал на такую дорогу. Купит завод, станет управляющим; потом фирма возьмет его в долю. А у них фирмы не такие, как у нас. Тоже и он будет ворочать миллионами...»

Очень возможно, что не суждено сбыться мечтам Полозова о том, что его зять будет миллионером по коммерческой части, как не суждено было сбыться мечтам Марьи Алексевны о том, что ее первый зять пойдет по откупной части. Но все-таки Бьюмонт был хорошая партия для Катерины Васильевны.

Однако ж не ошибался ли Полозов, предусматривая себе зятя в Бьюмонте? Если у старика было еще какое-нибудь сомнение в этом, оно исчезло, когда Бьюмонт, недели через две после того как начал бывать у них, сказал ему, что, может быть, покупка завода задержится на несколько дней; впрочем, едва ли от этого будет задержка: вероятно, они, и не дожидаясь мистера Лотера, не составили бы окончательных условий раньше недели, а мистер Лотер будет в Петербурге через четыре дня.

— Прежде, когда я не был в личном знакомстве с вами, — сказал Бьюмонт, — я хотел кончить дело сам. Теперь это неловко, потому что мы так хорошо знакомы. Чтобы не могло возникнуть потом никаких недоразумений, я писал об этом фирме, то есть о том, что я во время торговых переговоров познакомился с управляющим, у которого почти весь капитал в акциях завода; я требовал, чтобы фирма прислала кого-нибудь заключить вместо меня это дело, и вот, как видите, приедет мистер Лотер.

Осторожно и умно. А с тем вместе ясно показывает в Бьюмонте намерение жениться на Кате: простое знакомство не было бы достаточною причиною принимать такую предосторожность.

XIV

Два-три следующие посещения Бьюмонта начинались довольно холодным приемом со стороны Катерины Васильевны. Она стала действительно несколько не доверять этому мало знакомому человеку, высказавшему загадочное желание разузнавать о семействе, с которым, по его же словам, он не был знаком — и однако же опасался познакомиться по какой-то

неуверенности, что знакомство с ним будет приятно этому семейству. Но и в эти первые посещения если Катерина Васильевна недоверчиво встречала его, то скоро вовлеклась в живой разговор с ним. В прежней ее жизни, до знакомства с ним и с Кирсановым, ей не встречались такие люди. Он так сочувствовал всему, что ее интересовало, он так хорошо понимал ее; даже с любимыми подругами, — впрочем, у ней собственно и была только одна подруга, Полина, которая уж давно переселилась в Москву, вышедши замуж за московского фабриканта, — даже с Полиною она не говорила так легко, как с ним.

И он — он сначала приезжал, очевидно, не для нее, а для того, чтобы узнать через нее о Кирсановой; но с самого же начала знакомства, с той минуты, как заговорили они о скуке и о средствах избегать скуки, видно было, что он уважает ее, симпатизирует ей. При втором свидании он был очень привлечен к ней ее восторгом оттого, что она нашла себе дело. Теперь с каждым новым свиданием его расположение к ней было все виднее для нее. Очень скоро между ними установилась самая простая и теплая приязнь, и через неделю Катерина Васильевна уже рассказывала ему о Кирсановых: она была уверена, что у этого человека не может быть никакой неблагородной мысли.

Правда и то, что, когда она заговорила о Кирсановых, он остановил ее:

— Зачем так скоро? Вы слишком мало меня знаете.

— Нет, достаточно, m-r Бьюмонт; я вижу, что если вы не хотели объяснить мне того, что мне казалось странно в вашем желании, то, вероятно, вы не имели права говорить, мало ли бывает тайн.

А он сказал:

— У меня, вы видите, уж нет прежнего нетерпения знать то, что мне хочется знать о них.

XV

Одушевление Катерины Васильевны продолжалось, не ослабевая, а только переходя в постоянное, уже обычное настроение духа, бодрое и живое, светлое. И, сколько ей казалось, именно это одушевление всего больше привлекало к ней Бьюмонта. А он уж очень много думал о ней — это было слишком видно. Послушав два-три раза ее рассказы о Кирсановых, он в четвертый раз уже сказал:

— Я теперь знаю все, что мне было нужно знать. Благодарю вас.

— Да что ж вы знаете? Я вам только еще говорила, что они очень любят друг друга и совершенно счастливы своими отношениями.

— Больше мне и не нужно было ничего знать. Впрочем, это я всегда знал сам.

И разговор перешел к чему-то другому.

Конечно, первая мысль Катерины Васильевны была тогда, при первом его вопросе о Кирсановой, что он влюблен в Веру Павловну. Но теперь было слишком видно, что этого вовсе нет. Сколько теперь знала

его Катерина Васильевна, она даже думала, что Бьюмонт и не способен быть влюбленным. Любить он может, это так. Но если теперь он любит кого-нибудь, то меня, думала Катерина Васильевна.

XVI

А впрочем, любили ль они друг друга? Начать хотя с нее. Был один случай, в котором выказалась с ее стороны заботливость о Бьюмонте, но как же и кончился этот случай! Вовсе не так, как следовало бы ожидать по началу. Бьюмонт заезжал к Полозовым решительно каждый день, иногда надолго, иногда ненадолго, но все-таки каждый день; на этом-то и была основана уверенность Полозова, что он хочет сватать Катерину Васильевну; других оснований для такой надежды не было. Но вот однажды прошел вечер, Бьюмонта нет.

— Вы не знаете, папà, что с ним?

— Не слышал; вероятно, ничего, некогда было, только.

Прошел и этот вечер, Бьюмонт опять не приезжал. На третье утро Катерина Васильевна собралась куда-то ехать.

— Куда ты, Катя?

— Так, папа, по своим делам.

Она поехала к Бьюмонту.[164] Он сидел в пальто с широкими рукавами и читал; поднял глаза от книги, когда отворилась дверь.

— Катерина Васильевна, это вы? очень рад и благодарен вам, — тем самым тоном, каким бы встретил ее отца; впрочем, нет, гораздо приветливее.

— Что с вами, m-r Бьюмонт, что вы так давно не были? — вы заставили меня тревожиться за вас и, кроме того, заставили соскучиться.

— Ничего особенного, Катерина Васильевна, как видите, здоров. Да вы не выкушаете чаю? — видите, я пью.

— Пожалуй; да что ж вы столько дней не были?

— Петр, дайте стакан. Вы видите, что здоров; следовательно, пустяки. Вот что: был на заводе с мистером Лотером, да, объясняя ему что-то, не остерегся, положил руку на винт, а он повернулся и оцарапал руку сквозь рукав. И нельзя было ни третьего дня, ни вчера надеть сюртука.

— Покажите, иначе я буду тревожиться, что это не царапина, а большое повреждение.

— Да какое же большое (входит Петр со стаканом для Катерины Васильевны), когда я владею обеими руками? А впрочем, извольте (отодвигает рукав до локтя). Петр, выбросьте из этой пепельницы и дайте сигарочницу, она в кабинете на столе. Видите, пустяки: кроме английского пластыря, ничего не понадобилось.

— Да, но все-таки есть опухоль и краснота.

— Вчера было гораздо больше, а к завтрему ничего не будет. (Петр, высыпав пепел и подав сигарочницу, уходит.) Не хотел являться перед вами раненым героем.

— Да написали бы, как же можно?

— Да ведь я тогда думал, что надену сюртук на другой день, то есть третьего дня; а третьего дня думал, что надену вчера, вчера — что ныне. Думал, не стоит тревожить вас.

— Да, а больше встревожили. Это нехорошо, m-r Бьюмонт. А когда вы кончите дело с этою покупкою?

— Да, вероятно, на-днях, но все, знаете, проволочка не от нас с мистером Лотером, а от самого общества.

— А что это вы читали?

— Новый роман Теккерея. При таком таланте, и как исписался! оттого что запас мыслей скуден.

— Я уж читала; действительно, — и так далее.

Пожалели о падении Теккерея, поговорили с полчаса о других вещах в том же роде.

— Однако мне пора к Вере Павловне, да когда же вы с ними познакомитесь? очень хорошие люди.

— А вот как-нибудь соберусь, попрошу вас. Очень вам благодарен, что навестили меня. А это ваша лошадь?

— Да, это моя.

— То-то ваш батюшка никогда на ней не ездит. А порядочная лошадь.

— Кажется; я не знаю в них толку.

— Хорошая лошадь, сударь, рублей 350 стоит, — сказал кучер.

— А сколько лет?

— Шесть лет, сударь.

— Поедем, Захар; я уселась. До свиданья, m-r Бьюмонт. Ныне приедете?

— Едва ли; нет — завтра, наверное.

XVII

Так ли делаются, такие ли бывают посещения влюбленных девушек? Не говоря уж о том, что ничего подобного никогда не позволит себе благовоспитанная девушка, но если позволит, то уж, конечно, выйдет из этого совсем не то. Если противен нравственности поступок, сделанный Катериной Васильевною, то еще противнее всяким общепринятым понятиям об отношениях между мужчинами и девушками содержание, так сказать, этого безнравственного поступка. Не ясно ли, что Катерина Васильевна и Бьюмонт были не люди, а рыбы, или если люди, то с рыбьею кровью? Совершенно соответствовало этому свиданью и то, как она вообще обращалась с ним, видя его у себя.

— Устала говорить, m-r Бьюмонт, — говорила она, когда он долго засиживался: — оставайтесь с папа́, а я уйду к себе, — и уходила.

Он иногда отвечал на это:

— Посидите еще с четверть часа, Катерина Васильевна.
— Пожалуй, — отвечала она в таких случаях; а чаще он отвечал:
— Так до свиданья, Катерина Васильевна.

Что это за люди такие? желал бы я знать, и желал бы я знать, не просто ли они хорошие люди, которым никто не мешает видеться, когда и сколько им угодно, которым никто не мешает повенчаться, как только им вздумается, и которым поэтому не из-за чего бесноваться. Но все-таки меня смущает их холодное обращение между собою, и не столько за них я стыжусь, сколько за себя: неужели судьба моя как романиста состоит в том, чтобы компрометировать перед благовоспитанными людьми всех моих героинь и героев? Одни из них едят и пьют; другие не бесятся без причины: какие неинтересные люди!

XVIII

А между тем, по убеждению старика Полозова, дело шло к свадьбе — при таком обращении предполагаемой невесты с предполагаемым женихом шло к свадьбе! И неужели он не слышал разговоров? Правда, не вечно же вертелись у него перед глазами дочь с предполагаемым женихом; чаще, чем в одной комнате с ним, они сидели или ходили в другой комнате или других комнатах; но от этого не было никакой разницы в их разговорах. Эти разговоры могли бы в ком угодно из тонких знатоков человеческого сердца (такого, какого не бывает у людей на самом деле) отнять всякую надежду увидеть Катерину Васильевну и Бьюмонта повенчавшимися. Не то чтоб они вовсе не говорили между собою о чувствах, нет, говорили, как и обо всем на свете, но мало, и это бы еще ничего, что очень мало, но главное, что̀ говорили, и каким тоном! Тон был возмутителен своим спокойствием, а содержание — ужасно своею крайнею несообразностью ни с чем на свете. Вот, например, это было через неделю после визита, за который «очень благодарил» Бьюмонт Катерину Васильевну, месяца через два после начала их знакомства; продажа завода была покончена, мистер Лотер собирался уехать на другой день (и уехал; не ждите, что он произведет какую-нибудь катастрофу; он, как следует негоцианту, сделал коммерческую операцию, объявил Бьюмонту, что фирма назначает его управляющим завода с жалованьем в 1000 фунтов, чего и следовало ожидать, и больше ничего: какая ж ему надобность вмешиваться во что-нибудь, кроме коммерции, сами рассудите), акционеры, в том числе и Полозов, завтра же должны были получить (и получили, опять не ждите никакой катастрофы: фирма Ходчсона, Лотера и К^0 очень солидная) половину денег наличными, а другую половину — векселями на 3-х месячный срок. Полозов, в удовольствии от этого, сидел за столом в гостиной и пересматривал денежные бумаги, отчасти слушал и разговор дочери с Бьюмонтом, когда они проходили через гостиную: они ходили вдоль через все четыре комнаты квартиры, бывшие на улицу.

— Если женщина, девушка затруднена предрассудками, — говорил Бьюмонт (не делая уже никаких ни англицизмов, ни американизмов), то и мужчина, — я говорю о порядочном человеке, — подвергается от этого большим неудобствам. Скажите, как жениться на девушке, которая не испытала простых житейских отношений в смысле отношений, которые возникнут от ее согласия на предложение? Она не может судить, будет ли ей нравиться будничная жизнь с человеком такого характера, как ее жених.

— Но если, m-r Бьюмонт, ее отношения к этому человеку и до его предложения имели будничный характер, это все-таки представляет ей и ему некоторую гарантию, что они останутся довольны друг другом.

— Некоторую — да; но все-таки было бы гораздо вернее, если б испытание было полнее и многостороннее. Она все-таки не знает по опыту характера отношений, в которые вступает: от этого свадьба для нее все-таки страшный риск. Так для нее; но от этого и для порядочного человека, за которого она выходит, то же. Он вообще может судить, будет ли он доволен: он близко знает женщин разного характера, он испытал, какой характер лучше для него. Она — нет.

— Но она могла наблюдать жизнь и характеры в своем семействе, в знакомых семействах; она могла много думать.

— Все это прекрасно, но недостаточно. Ничто не может заменить личного опыта.

— Вы хотите, чтобы замуж выходили только вдовы? — смеясь сказала Катерина Васильевна.

— Вы выразились очень удачно. Только вдовы. Девушкам должно быть запрещено выходить замуж.

— Это правда, — серьезно сказала Катерина Васильевна.

Полозову сначала было дико слышать такие разговоры или доли разговоров, выпадавшие на его слух. Но теперь он уже попривык и думал: «Что ж, я сам человек без предрассудков. Я занялся торговлей, женился на купчихе».

На другой день эта часть разговора, — ведь это был лишь небольшой эпизод в разговоре, шедшем вообще вовсе не о том, а обо всяких других предметах, — эта часть вчерашнего разговора продолжалась таким образом:

— Вы рассказывали мне историю вашей любви к Соловцову. Но что это такое? Это было...

— Сядем, если для вас все равно. Я устала ходить.

— Хорошо... ребяческое чувство, которое не дает никакой гарантии. Это годится для того, чтобы шутить, вспоминая, и грустить, если хотите, потому что здесь есть очень прискорбная сторона. Вы спаслись только благодаря особенному, редкому случаю, что дело попало в руки такого человека, как Александр.

— Кто?

— Матвеич Кирсанов, — дополнил он, будто не останавливался на одном имени «Александр»: — без Кирсанова вы погибли бы от чахотки или от негодяя. Можно было вывести из этого основательные мысли о вреде положения, которое занимали вы в обществе. Вы их и вывели. Все это прекрасно, но все это только сделало вас более рассудительным и хорошим человеком, а еще нисколько не дало вам опытности в различении того, какого характера муж годится для вас. Не негодяй, а честный человек — вот только что могли вы узнать. Прекрасно. Но разве всякая порядочная женщина может остаться довольна, какого бы характера ни был выбранный ею человек, лишь бы только был честный? Нужно более точное знание характеров и отношений, то есть нужна совершенно другая опытность. Мы вчера решили, что, по вашему выражению, замуж должны выходить только вдовы. Какая же вы вдова?

Все это было говорено Бьюмонтом с каким-то неудовольствием, а последние слова отзывались прямо досадою.

— Это правда, — сказала несколько уныло Катерина Васильевна: — но все-таки я не могла же обманывать.

— И не сумели бы, потому что нельзя подделаться под опытность, когда не имеешь ее.

— Вы всё говорите о недостаточности средств у нас, девушек, делать основательный выбор. Вообще это совершенная правда. Но бывают исключительные случаи, когда для основательности выбора и не нужно такой опытности. Если девушка не так молода, она уж может знать свой характер. Например, я свой характер знаю, и видно, что он уже не изменится. Мне 22 года. Я знаю, что́ нужно для моего счастия: жить спокойно, чтобы мне не мешали жить тихо, больше ничего.

— Это правда. Это видно.

— И будто так трудно видеть, есть или нет необходимые для этого черты в характере того или другого человека? Это видно из нескольких разговоров.

— Это правда. Но вы сами сказали, что это исключительный случай. Правило не то.

— Конечно, правило не то. Но, m-r Бьюмонт, при условиях нашей жизни, при наших понятиях и нравах нельзя желать для девушки того знания будничных отношений, о котором мы говорим, что без него, в большей части случаев, девушка рискует сделать неосновательный выбор. Ее положение безвыходно при нынешних условиях. При них, пусть она будет входить в какие угодно отношения, это тоже почти ни в коем случае не может дать ей опытности; пользы от этого ждать нельзя, а опасность огромная. Девушка легко может в самом деле унизиться, научиться дурному обману. Ведь она должна будет обманывать родных и общество, скрываться от них; а от этого не далек переход до обманов, действительно роняющих ее характер. Очень возможно даже то, что она в самом деле станет слишком легко смотреть на жизнь. А если этого не будет,

если она останется хороша, то ее сердце будет разбито. А между тем она все-таки почти ничего не выиграет в будничной опытности, потому что эти отношения, такие опасные для ее характера или такие мучительные для ее сердца, все-таки эффектные, праздничные, а не будничные. Вы видите, что этого никак нельзя советовать при нашей жизни.

— Конечно, Катерина Васильевна; но именно потому и дурна наша жизнь.

— Разумеется, мы в этом согласны.

Что это такое? Не говоря уж о том, что это чорт знает что такое со стороны общих понятий, но какой смысл это имело в личных отношениях? Мужчина говорит: «я сомневаюсь, будете ли вы хорошею женою мне». А девушка отвечает: «нет, пожалуйста, сделайте мне предложение». — Удивительная наглость! Или, может быть, это не то? Может быть, мужчина говорит: «о том, что я с вами буду счастлив, нечего мне рассуждать; но будьте осторожны, даже выбирая меня. Вы выбрали, — но я прошу вас, думайте, думайте еще. Это дело слишком важное. Даже и мне, хоть я вас очень люблю, не доверяйтесь без очень строгого и внимательного разбора». И, может быть, девушка отвечает: «друг мой, я вижу, что вы думаете не о себе, а обо мне. Ваша правда, мы жалкие, нас обманывают, нас водят с завязанными глазами, чтобы мы обманывались. Но за меня вы не бойтесь: *меня вы* не обманываете. Мое счастье верно. Как вы спокойны за себя, так и я за себя».

— Я одному удивляюсь, — продолжал Бьюмонт на следующий день (они опять ходили вдоль по комнатам, из которых в одной сидел Полозов): — я одному удивляюсь, что при таких условиях еще бывают счастливые браки.

— Вы говорите таким тоном, будто досадуете на то, что бывают счастливые браки, — смеясь отвечала Катерина Васильевна; она теперь, как заметно, часто смеется таким тихим, но веселым смехом.

— А в самом деле, они могут наводить на грустные мысли, вот какие: если при таких ничтожных средствах судить о своих потребностях и о характерах мужчин девушки все-таки довольно часто умеют делать удачный выбор, то какую же светлость и здравость женского ума показывает это! Каким верным, сильным, проницательным умом одарена женщина от природы! И этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, оно задушает его, а история человечества пошла бы в десять раз быстрее, если бы этот ум не был отвергаем и убиваем, а действовал бы.

— Вы панегирист женщин, m-r Бьюмонт; нельзя ли объяснять это проще, — случаем?

— Случай! Сколько хотите случаев объясняйте случаем; но когда случаи многочисленны, вы знаете, кроме случайности, которая производит часть их, должна быть и какая-нибудь общая причина, от которой происходит другая часть. Здесь нельзя предположить никакой другой общей

причины, кроме моего объяснения: здравость выбора от силы и проницательности ума.

— Вы решительно мистрис Бичер-Стоу по женскому вопросу, m-r Бьюмонт. Та доказывает, что негры — самое даровитое из всех племен, что они выше белой расы по умственным способностям.

— Вы шутите, а я вовсе нет.

— Вы, кажется, сердитесь на меня за то, что я не преклоняюсь перед женщиною? Но примите в извинение хотя трудность стать на колени перед самой собою.

— Вы шутите, а я серьезно досадую.

— Но не на меня же? Я нисколько не виновата в том, что женщины и девушки не могут делать того, что нужно по вашему мнению. Впрочем, если хотите, и я скажу вам свое серьезное мнение — только не о женском вопросе, я не хочу быть судьею в своем деле, а собственно о вас, m-r Бьюмонт. Вы человек очень сдержанного характера, и вы горячитесь, когда говорите об этом. Что из этого следует? То, что у вас должны быть какие-нибудь личные отношения к этому вопросу. Вероятно, вы пострадали от какой-нибудь ошибки в выборе, сделанной девушкою, как вы называете, неопытною.

— Может быть, я, может быть, кто-нибудь другой, близкий ко мне. Однако подумайте, Катерина Васильевна. А это я скажу, когда получу от вас ответ. Я через три дня попрошу у вас ответ.

— На вопрос, который не был предложен? Но разве я так мало знаю вас, чтобы мне нужно было думать три дня? — Катерина Васильевна остановилась, положила руку на шею Бьюмонту, нагнула его голову к себе и поцеловала его в лоб.

По всем бывшим примерам, и даже по требованию самой вежливости, Бьюмонту следовало бы обнять ее и поцеловать уже в губы; но он не сделал этого, а только пожал ее руку, спускавшуюся с его головы.

— Так, Катерина Васильевна; но все-таки подумайте.

И они опять пошли.

— Но кто ж вам сказал, Чарли, что я не думала об этом гораздо больше трех дней? — отвечала она, не выпуская его руки.

— Так, конечно, я это видел; но все-таки я вам скажу теперь, — это уже секрет; пойдем в ту комнату и сядем там, чтоб он не слышал.

Конец этого начала происходил, когда они шли мимо старика; старик видел, что они идут под руку, чего никогда не бывало, и подумал: «Просил руки, и она дала слово. Хорошо».

— Говорите ваш секрет, Чарли; отсюда папá не будет слышно.

— Это кажется смешно, Катерина Васильевна, что я будто все боюсь за вас; конечно, бояться нечего. Но вы поймете, почему я так предостерегаю вас, когда я вам скажу, что у меня был пример. Конечно, вы увидите, что мы с вами можем жить. Но ее мне было жаль. Столько страдала и столько лет была лишена жизни, какая ей была нужна. Это

жалко. Я видел своими глазами. Где это было, все равно, — положим, в Нью-Йорке, в Бостоне, Филадельфии, — вы знаете, все равно; она была очень хорошая женщина и считала мужа очень хорошим человеком. Они были чрезвычайно привязаны друг к другу. И однако ж ей пришлось много страдать. Он был готов отдать голову за малейшее увеличение ее счастья. И все-таки она не могла быть счастлива с ним. Хорошо, что это так кончилось. Но это было тяжело для нее. Вы этого не знали, потому я еще не имею вашего ответа.

— Я могла от кого-нибудь слышать этот рассказ?

— Может быть.

— Может быть, от нее самой?

— Может быть.

— Я еще не давала тебе ответа?

— Нет.

— Ты знаешь его?

— Знаю, — сказал Бьюмонт, и началась обыкновенная сцена, какой следует быть между женихом и невестою, с объятиями.

XIX

На другой день, часа в три, Катерина Васильевна приехала к Вере Павловне.

— Я венчаюсь послезавтра, Вера Павловна, — сказала она входя: — и ныне вечером привезу к вам своего жениха.

— Конечно, Бьюмонта, от которого вы так давно сошли с ума?

— Я? сходила с ума? Когда все это было так тихо и благоразумно.

— Очень верю, что с ним вы говорили тихо и благоразумно; но со мною — вовсе нет.

— Будто? Это любопытно. Но вот что еще любопытнее: он очень вас любит, вас обоих, но вас, Вера Павловна, еще гораздо больше, чем Александра Матвеича.

— Что ж тут любопытного? Если вы говорили ему обо мне хоть с тысячною долею того восторга, как мне о нем, то, конечно...

— Вы думаете, он знает вас через меня? Вот в том и дело, что не через меня, а сам, и гораздо больше, чем я.

— Вот новость! Как же это?

— Как? Я вам сейчас скажу. Он с самого первого дня, как приехал в Петербург, очень сильно желал увидеться с вами; но ему казалось, что лучше будет, если он отложит знакомство до той поры, когда приедет к вам не один, а с невестою или женою. Ему казалось, что вам приятнее будет видеть его с нею, нежели одного. Вы видите, что наша свадьба произошла из его желания познакомиться с вами.

— Жениться на вас, чтобы познакомиться со мною!

— На мне! Кто ж говорил, что на мне он женится для вас? О нет, мы с ним венчаемся, конечно, не из любви к вам. Но разве мы с ним

знали друг о друге, что мы существуем на свете, когда он ехал в Петербург? А если б он не приехал, как же мы с ним познакомились бы? А в Петербург он ехал для вас. Какая ж вы смешная!

— Он лучше говорит по-русски, нежели по-английски, говорили вы? — с волнением спросила Вера Павловна.

— По-русски, как я; и по-английски, как я.

— Друг мой, Катенька, как же я рада! — Вера Павловна бросилась обнимать свою гостью. — Саша, иди сюда! Скорее, скорее!

— Что, Верочка? Здравствуйте, Катерина Ва.....

Он не успел договорить ее имени, — гостья уже целовала его.

— Ныне пасха, Саша; говори же Катеньке: воистину воскресе.

— Да что ж это?

— Садись, она раскажет, я и сама ничего не знаю порядком. Довольно, нацеловались, — и при мне! Рассказывай, Катенька.

XX

Вечером, конечно, было еще больше гвалта. Но когда восстановился порядок, Бьюмонт, по требованию своих новых знакомых рассказывая свою жизнь, начал прямо с приезда в Соединенные Штаты. «Как только я приехал, — говорил он, — я стал заботиться о том, чтобы поскорее получить натурализацию. Для этого надобно было сойтись с кем-нибудь, — с кем же? — конечно с аболиционистами. Я написал несколько статей в „Tribune“ [165] о влиянии крепостного права на все общественное устройство России. Это был недурной новый аргумент аболиционистам против невольничества в южных штатах, и я сделался гражданином Массачусетса. Вскоре по приезде я все через них же получил место в конторе одного из немногих больших торговых домов их партии в Нью-Йорке». Далее шла та самая история, которую мы уж знаем. Значит, по крайней мере, эта часть биографии Бьюмонта не подлежит сомнению.

XXI

В тот же вечер условились: обоим семействам искать квартир, которые были бы рядом. В ожидании того, пока удобные квартиры отыскались и устроились, Бьюмонты прожили на заводе, где, по распоряжению фирмы, была отделана квартира для управляющего. Это удаление за город могло считаться соответствующим путешествию, в которое отправляются молодые по прекрасному английскому обычаю, распространяющемуся теперь во всей Европе.

Когда, месяца через полтора, две удобные квартиры рядом нашлись и Кирсановы поселились на одной, Бьюмонты на другой, старик Полозов предпочел остаться на заводской квартире, простор которой напоминает ему, хотя в слабой степени, прежнее его величие. Приятно было остаться

ему там и потому, что он там был почетнейшим лицом на три-четыре версты кругом: нет числа признакам уважения, которыми он пользовался у своих и окрестных приказчиков, артельщиков и прочей подгородной братии, менее высокой и несколько более высокой заводских и фабричных приказчиков по положению в обществе; и почти нет меры удовольствию, с каким он патриархально принимал эти признаки общего признавания его первым лицом того околотка. Зять почти каждый день поутру приезжал на завод, почти каждый день приезжала с мужем дочь. На лето они и вовсе переселялись (и переселяются) жить на заводе, заменяющем дачу. А в остальное время года старик, кроме того, что принимает по утрам дочь и зятя (который так и остается северо-американцем), часто, каждую неделю и чаще, имеет наслаждение принимать у себя гостей, приезжающих на вечер с Катериною Васильевною и ее мужем, — иногда только Кирсановых, с несколькими молодыми людьми, иногда общество более многочисленное: завод служит обыкновенною целью частых загородных прогулок кирсановского и бьюмонтского кружка. Полозов очень доволен каждым таким нашествием гостей, да и как же иначе? ему принадлежит роль хозяина, не лишенная патриархальной почтенности.

XXII

Каждое из двух семейств живет по-своему, как больше нравится которому. В обыкновенные дни на одной половине больше шума, на другой больше тишины. Видятся как родные, иной день и по десять раз, но каждый раз на одну, на две минуты; иной день почти целый день одна из половин пуста, ее население на другой половине. Это все как случится. И когда бывают сборища гостей, опять тоже как случится: иногда двери между квартирами остаются заперты, потому что двери, соединяющие зал одной с гостиною другой, вообще заперты, а постоянно отперта только дверь между комнатою Веры Павловны и Катерины Васильевны, — итак, иногда двери, которыми соединяются приемные комнаты, остаются заперты; это когда компания не велика. А когда вечер многолюден, эти двери отворяются, и тогда уж гостям неизвестно, у кого они в гостях, — у Веры Павловны или у Катерины Васильевны; да и хозяйки плохо разбирают это. Можно разве сделать такое различие: молодежь когда сидит, то сидит более на половине Катерины Васильевны, когда не сидит, то более на половине Веры Павловны. Но ведь молодежь нельзя считать за гостей, — это свои люди, и Вера Павловна без церемонии гоняет их к Катерине Васильевне: «Мне вы надоели, господа; ступайте к Катеньке, ей вы никогда не надоедите. И отчего вы с ней смирнее, чем со мной? Кажется, я постарше». — «И не беспокойтесь, мы больше любим ее, чем вас». — «Катенька, за что они больше любят тебя, чем меня?» — «От меня меньше достается им, чем от тебя». — «Да, Катерина Васильевна обращается с нами, как с людьми солидными, и мы сами зато со-

лидны с ней». Недурен был эффект выдумки, которая повторялась довольно часто в прошлую зиму в домашнем кругу, когда собиралась только одна молодежь и самые близкие знакомые: оба рояля с обеих половин сдвигались вместе; молодежь бросала жребий и разделялась на два хора, заставляла своих покровительниц сесть одну за один, другую за другой рояль, лицом одна прямо против другой; каждый хор становился за своею примадонною, и в одно время пели: Вера Павловна с своим хором «La donna è mobile», а Катерина Васильевна с своим хором «Давно отвергнутый тобою»,[166] или Вера Павловна с своим хором какую-нибудь песню Лизетты из Беранже,[167] а Катерина Васильевна с своим хором «Песню Еремушке».[168] В нынешнюю зиму вошло в моду другое: бывшие примадонны общими силами переделали на свои нравы «Спор двух греческих философов об изящном.[169] Начинается так: Катерина Васильевна, возводя глаза к небу и томно вздыхая, говорит: «Божественный Шиллер, упоение души моей!» Вера Павловна с достоинством возражает: «Но прюнелевые ботинки магазина Королева также прекрасны», — и подвигает вперед ногу. Кто из молодежи засмеется при этом состязании, ставится в угол; под конец состязания из 10—12 человек остаются только двое-трое, слушающие не из углов. Но непомерный восторг производится тем, когда обманом приведут к этой сцене Бьюмонта и отправят его в угол.

Что еще? Швейные, продолжая сживаться, продолжают существовать; их теперь уж три; Катерина Васильевна давно устроила свою; теперь много заменяет Веру Павловну в ее швейной, а скоро и вовсе должна будет заменить, потому что в нынешнем году Вера Павловна, — простите ее, — действительно будет держать экзамен на медика, и тогда ей уж вовсе некогда будет заниматься швейною. «Жаль, что нет возможности развиваться этим швейным: как они стали бы развиваться», говорит иногда Вера Павловна. Катерина Васильевна ничего не отвечает на это, только в глазах ее сверкает злое выражение. «Какая ты горячая, Катя; ты хуже меня, — говорит Вера Павловна. — А хорошо, что у твоего отца все-таки что-нибудь есть; это очень хорошо». — «Да, Верочка, это хорошо, все-таки спокойнее за сына» (следовательно, у нее есть сын). «Впрочем, Катя, ты меня заставила не знаю о чем думать. Мы проживем тихо и спокойно». Катерина Васильевна молчит. — «Да, Катя, ну для меня скажи: да». Катерина Васильевна смеется. «Это не зависит от моего „да“ или „нет“, а потому в удовольствие тебе скажу: да, мы проживем спокойно».

И в самом деле, они все живут спокойно. Живут ладно и дружно, и тихо и шумно, и весело и дельно. Но из этого еще не следует, чтобы мой рассказ о них был кончен, нет. Они все четверо еще люди молодые, деятельные; и если их жизнь устроилась ладно и дружно, хорошо и прочно, то от этого она нимало не перестала быть интересною, далеко нет, и я еще имею рассказать о них много, и ручаюсь, что продолжение моего рассказа о них будет гораздо любопытнее того, что я рассказывал о них до сих пор.

XXIII

Они живут весело и дружно, работают и отдыхают, и наслаждаются жизнью, и смотрят на будущее если не без забот, то с твердою и совершенно основательной уверенностью, что чем дальше, тем лучше будет. Так прошло у них время третьего года и прошлого года, так идет у них и нынешний год, и зима нынешнего года уж почти проходила, снег начинал таять, и Вера Павловна спрашивала: «да будет ли еще хоть один морозный день, чтобы хоть еще раз устроить зимний пикник?», и никто не мог отвечать на ее вопрос, только день проходил за днем, все с оттепелью, и с каждым днем вероятность зимнего пикника уменьшалась. Но вот, наконец! Когда уж была потеряна надежда, выпал снег, совершенно зимний, и не с оттепелью, а с хорошеньким, легким морозом; небо светлое, вечер будет отличный, — пикник! пикник! наскоро, собирать других некогда, — маленький, без приглашений.

Вечером покатились двое саней. Одни сани катились с болтовней и шутками; но другие сани были уж из рук вон: только выехали за город, запели во весь голос, и что запели!

. . . .
Выходила молода
За новые ворота,
За новые, кленовые,
За решетчатые:
— Родной батюшка грозен
И немилостив ко мне:
Не велит поздно гулять,
С холостым парнем играть,
Я не слушаю отца,
Распотешу молодца...[170]
. . . .

Нечего сказать, отыскали песню! Да это ли только? то едут шагом, отстают на четверть версты, и вдруг пускаются вскачь, обгоняют с криком и гиканьем и, когда обгоняют, бросаются снежками в веселые, но не буйные сани. Небуйные сани после двух-трех таких обид решили защищаться. Пропустивши вперед буйные сани, нахватали сами пригоршни молодого снега, осторожно нахватали, так что буйные сани не заметили. Вот буйные сани опять поехали шагом, отстали, а небуйные сани едут коварно, не показали, обгоняя, никакого вида, что запаслись оружием; вот буйные сани опять несутся на них с гвалтом и гиканьем, небуйные сани приготовились дать отличный отпор сюрпризом, но что это? буйные сани берут вправо, через канавку, — им все нипочем, — проносятся мимо в пяти саженя́х: «да, это она догадалась, схватила вожжи сама, стоит и правит», говорят небуйные сани: — «нет, нет, догоним! отмстим!» Отчаянная скачка. Догонят или не догонят? — «Догоним!» с восторгом говорят не-

буйные сани, — «нет», с отчаянием говорят они, «догоним», с новым восторгом. — «Догонят!» с отчаянием говорят буйные сани, — «не догонят!» с восторгом говорят они. — Догонят или не догонят?

На небуйных санях сидели Кирсановы и Бьюмонты; на буйных четыре человека молодежи и одна дама, и от нее-то все буйство буйных саней.

— Здравствуйте, mesdames и messieurs, мы очень, очень рады снова видеть вас, — говорит она с площадки заводского подъезда: — господа, помогите же дамам выйти из саней, — прибавляет она, обращаясь к своим спутникам.

Скорее, скорее в комнаты! мороз нарумянил всех!

— Здравствуйте, старикашка! Да он у вас вовсе еще не старик! Катерина Васильевна, что это вы наговорили мне про него, будто он старик? он еще будет волочиться за мною. Будете, милый старикашка? — говорит дама буйных саней.

— Буду, — говорит Полозов, уже очарованный тем, что она ласково погладила его седые бакенбарды.

— Дети, позволяете ему волочиться за мною?

— Позволяем, — говорит один из молодежи.

— Нет, нет! — говорят трое других.

Но что ж это дама буйных саней вся в черном? Траур это, или каприз?

— Однако я устала, — говорит она и бросается на турецкий диван, идущий во всю длину одной стены зала. — Дети, больше подушек! да не мне одной! и другие дамы, я думаю, устали.

— Да, вы и нас измучили, — говорит Катерина Васильевна.

— Как меня разбила скачка за вами по ухабам! — говорит Вера Павловна.

— Хорошо, что до завода оставалась только одна верста! — говорит Катерина Васильевна.

Обе опускаются на диван и подушки в изнеможении.

— Вы недогадливые! Да вы, верно, мало ездили вскачь? Вы бы встали, как я; тогда ухабы — ничего.

— Даже и мы порядочно устали, — говорит за себя и за Бьюмонта Кирсанов. Они садятся подле своих жен. Кирсанов обнял Веру Павловну; Бьюмонт взял руку Катерины Васильевны. Идиллическая картина. Приятно видеть счастливые браки. Но по лицу дамы в трауре [7] пробежала тень, на один миг, так что никто не заметил, кроме одного из ее молодых спутников; он отошел к окну и стал всматриваться в арабески, слегка набросанные морозом на стекле.

— Mesdames, ваши истории очень любопытны, но я ничего хорошенько не слышала, знаю только, что они и трогательны, и забавны, и кончаются счастливо, я люблю это. А где же старикашка?

— Он хозяйничает, приготовляет закуску; это его всегда занимает, — сказала Катерина Висильевна.

— Ну, бог с ним в таком случае. Расскажите же, пожалуйста. Только коротко; я люблю, чтобы рассказывали коротко.

— Я буду рассказывать очень коротко, — сказала Вера Павловна: — начинается с меня; когда дойдет очередь до других, пусть они рассказывают. Но я предупреждаю вас, в конце моей истории есть секреты.

— Что ж, тогда мы прогоним этих господ. Или не прогнать ли их теперь же?

— Нет, теперь они могут слушать.

Вера Павловна начала свою историю.

. . . .

— Ха, ха, ха! Это милая Жюли! Я ее очень люблю! И бросается на колена, и бранится, и держит себя без всякого приличия! Милая!

. . . .

— Браво, Вера Павловна! «брошусь в окно!» браво, господа! — дама в трауре захлопала в ладоши. По этой команде молодежь оглушительно зааплодировала и закричала «браво» и «ура».

. . . .

— Что с вами? Что с вами? — с испугом сказала Катерина Васильевна через две-три минуты.

— Нет, ничего, это так; дайте воды, не беспокойтесь, Мосолов [172] уже несет. Благодарю, Мосолов, — она взяла воду, принесенную тем молодым ее спутником, который прежде отходил к окну; — видите, как я его выучила, все вперед знает. Теперь совершенно прошло. Продолжайте, пожалуйста; я слушаю.

— Нет, я устала, — сказала она минут через пять, спокойно вставая с дивана. — Мне надобно отдохнуть, уснуть час-полтора. Видите, я без церемонии, ухожу. Пойдем же, Мосолов, искать старикашку, он нас уложит.

— Позвольте, отчего ж мне не заняться этим? — сказала Катерина Васильевна.

— Стоит ли беспокоиться?

— Вы нас покидаете? — сказал один из молодежи, принимая трагическую позу: — если бы мы предвидели это, мы взяли бы с собою кинжалы. А теперь нам нечем заколоться.

— Подадут закуску, заколемся вилками! — с восторгом неожиданного спасения произнес другой.

— О, нет, я не хочу, чтобы преждевременно погибала надежда отечества, — с такою же торжественностью произнесла дама в трауре: — утешьтесь, дети мои. Мосолов, подушку, которая поменьше, на стол!

Мосолов положил подушку на стол. Дама в трауре стала у стола в величественной позе и медленно опустила руку на подушку.

Молодежь приложилась к руке.

Катерина Васильевна пошла укладывать уставшую гостью.

— Бедная! — проговорили в один голос, когда они ушли из зала, все трое остальные, бывшие в небуйных санях.

— Молодец она! — проговорили трое молодых людей.
— То-то ж! — самодовольно сказал Мосолов.
— Ты давно с нею знаком?
— Года три.
— А его хорошо знаешь?
— Хорошо. Вы не беспокойтесь, пожалуйста, — прибавил он, обращаясь к ехавшим на небуйных санях: — это только оттого, что она устала.

Вера Павловна сомнительно переглянулась с мужем и Бьюмонтом и покачала головой.
— Рассказывайте! устала! — сказал Кирсанов.
— Уверяю вас. Устала, только. Уснет, и все пройдет, — равнодушно-успокоительным тоном повторил Мосолов.

Минут через десять Катерина Васильевна возвратилась.
— Что? — спросили шесть голосов. Мосолов не спрашивал.
— Легла спать и уж задремала, теперь, вероятно, уже спит.
— Ведь я ж вам говорил, — сказал Мосолов. — Пустяки.
— Все-таки бедная! — сказала Катерина Васильевна. — Будем при ней врознь. Мы с тобою, Верочка, а Чарли с Сашею.
— Но все-таки это нисколько не должно стеснять нас, — сказал Мосолов: — мы можем петь, танцовать, кричать; она спит очень крепко.

Если спит, если пустяки, то что ж, в самом деле? Расстраивающее впечатление, на четверть часа произведенное дамою в трауре, прошло, исчезло, забылось, — не совсем, но почти. Вечер без нее понемножку направлялся, направлялся на путь всех прежних вечеров в этом роде — и вовсе направился, пошел весело.

Весело, но не вполне. По крайней мере, дамы раз пять-шесть переглядывались между собою с тяжелою встревоженностью. Раза два Вера Павловна украдкою шепнула мужу: «Саша, что́ если это случится со мною?» Кирсанов в первый раз не нашелся, что́ сказать; во второй нашелся: «нет, Верочка, с тобою этого не может случиться». — «Не может? Ты уверен?» — «Да». И Катерина Васильевна раза два шепнула украдкою мужу: «со мною этого не может быть, Чарли?» В первый раз Бьюмонт только улыбнулся, не весело и не успокоительно; во второй тоже нашелся: «по всей вероятности, не может; по всей вероятности».

Но это были только мимолетные отголоски, да и то лишь сначала. А вообще вечер шел весело, через полчаса уж и вовсе весело. Болтали, играли, пели. Она спит крепко, уверяет Мосолов и подает пример. Да и нельзя помешать, в самом деле: комната, в которой она улеглась, очень далеко от зала, через три комнаты, коридор, лестницу и потом опять комнату, на совершенно другой половине квартиры.

Итак, вечер совершенно поправился.

Молодежь, по обыкновению, то присоединялась к остальным, то отделялась, то вся, то не вся; раза два отделялся к ней Бьюмонт; раза два отбивала ее всю от него и от серьезного разговора Вера Павловна.

Болтали много, очень много; и рассуждали всей компаниею, но не очень много.

Сидели все вместе.

— Ну что ж, однако, в результате: хорошо или дурно? — спросил тот из молодежи, который принимал трагическую позу.

— Более дурно, чем хорошо, — сказала Вера Павловна.

— Почему ж, Верочка? — сказала Катерина Васильевна.

— Во всяком случае, без этого жизнь не обходится, — сказал Бьюмонт.

— Вещь неизбежная, — подтвердил Кирсанов.

— Отлично дурно, следовательно, отлично, — решил спрашивавший. Остальные трое его товарищей кивнули головами и сказали: «браво, Никитин».

Молодежь сидела в стороне.

— Я его не знал,[173] Никитин; а ты, кажется, знал? — спросил Мосолов.

— Я тогда был мальчишкою. Видал.

— А как теперь тебе кажется, по воспоминанью, правду они говорят? не прикрашивают по дружбе?

— Нет.

— И после того его не видели?

— Нет. Впрочем, ведь Бьюмонт тогда был в Америке.

— В самом деле! Карл Яковлич, пожалуйста, на минуту. Вы не встречались в Америке с тем русским, о котором они говорили?

— Нет.

— Пора бы ему вернуться.

— Да.

— Какая фантазия пришла мне в голову, — сказал Никитин: — вот бы пара с нею.

— Господа, идите кто-нибудь петь со мною, — сказала Вера Павловна: — даже двое охотников? Тем лучше.

Остались Мосолов и Никитин.

— Я тебе могу показать любопытную вещь, Никитин, — сказал Мосолов. — Как ты думаешь, она спит?

— Нет.

— Только не говори. Ей можешь потом сказать, когда познакомишься побольше. Другим — никому. Она не любит.

Окна квартиры были низко.

— Вот, конечно, это окно, где огонь? — Мосолов посмотрел. — Оно. Видишь?

Дама в трауре сидела, пододвинув кресла к столу. Левою рукою она облокотилась на стол; кисть руки поддерживала несколько наклоненную голову, закрывая висок и часть волос. Правая рука лежала на столе, и пальцы ее приподымались и опускались машинально, будто наигрывая какой-то мотив. Лицо дамы имело неподвижное выражение задумчивости, печальной, но больше суровой. Брови слегка сдвигались и раздвигались, сдвигались и раздвигались.

— И все время так, Мосолов?

— Видишь. Однако иди, а то простудимся. И то уж четверть часа стоим.

— Какой ты бесчувственный! — сказал Никитин, пристально посмотрев на глаза товарища, когда проходили мимо ревербера[174] через переднюю.

— Причувствовался, братец. Это тебе впервой.

Подавали закуску.

— А славная должна быть водка, — сказал Никитин; — да какая же крепкая! Дух захватывает!

— Эх, девчонка! и глаза покраснели! — сказал Мосолов.

Все принялись стыдить Никитина. «Это только оттого, что я поперхнулся, а то я могу пить», — оправдывался он. Стали справляться, сколько часов. Только еще одиннадцать, с полчаса можно еще поболтать, успеем.

Через полчаса Катерина Васильевна пошла будить даму в трауре. Дама встретила ее на пороге, потягиваясь после сна.

— Хорошо вздремнули?

— Отлично.

— И как чувствуете себя?

— Превосходно. Я ж вам говорила, что пустяки: устала, потому что много дурачилась. Теперь буду солиднее.

Но нет, не удалось ей быть солидною. Через пять минут она уж очаровывала Полозова, и командовала молодежью, и барабанила марш или что-то в этом роде черенками двух вилок по столу. Но торопила ехать, а другие, которым уж стало вовсе весело от ее возобновлявшегося буйства, не спешили.

— Готовы лошади? — спросила она, вставая из-за закуски.

— Нет еще, только велели запрягать.

— Несносные! Но если так, Вера Павловна, спойте мне что-нибудь; мне говорили, у вас хороший голос.

Вера Павловна пропела что-то.

— Я вас буду часто просить петь, — сказала дама в трауре.

— Теперь вы, теперь вы! — пристали к ней все.

Но не успели пристать, как она уже села за рояль.

— Пожалуй, только ведь я не умею петь, но это мне не остановка, мне ничто не остановка! Но, mesdames и messieurs, я пою вовсе не для вас, я пою только для детей. Дети мои, не смейтесь над матерью! — а сама брала аккорды, подбирая аккомпанемент: — дети, не сметь смеяться, потому что я буду петь с чувством. — И стараясь выводить ноты как можно визгливее, она запела:

Стонет сизый...

Молодежь фыркнула при такой неожиданности, и остальная компания засмеялась, и сама певица не удержалась от взрыва смеха, но, подавив его, с удвоенною визгливостью продолжала:

. . . . . голубочек,
Стонет он и день и ночь:
Его миленький дружо...[175]

но на этом слове голос ее в самом деле задрожал и оборвался. «Не выходит — и прекрасно, что не выходит, это не должно выходить — выйдет другое, получше; слушайте, дети мои, наставление матери: не влюбляйтесь и знайте, что вы не должны жениться». Она запела сильным, полным контральто:

Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз;
Сладко любить их — завидная доля!
Но, —

это «но» глупо, дети, —

Но веселей молодецкая воля,

не в том возражение, — это возражение глупо, — но вы знаете, почему:

Не женися, молодец!
Слушайся меня! [176]

Дальше, дети, глупость; и это, пожалуй, глупость; можно, дети, и влюбляться можно, и жениться можно, только с разбором, и без обмана, без обмана, дети. Я вам спою про себя, как я выходила замуж, романс старый, но ведь и я старуха. Я сижу на балконе, в нашем замке Дальтоне, ведь я шотландка, такая беленькая, белокурая; подле лес и река Брингал; к балкону, конечно тайком, подходит мой жених; он бедный, а я богатая, дочь барона, лорда; но я его очень люблю, и я ему пою:

Красив Брингала брег крутой
И зелен лес кругом;
Мне с другом там приют дневной

потому что, я знаю, днем он прячется и каждый день меняет свой приют, —

Милей, чем отчий дом;

впрочем, отчий-то дом был не слишком мил и в самом деле. Так я пою ему: я уйду с тобою. Как вы думаете, что он мне отвечает?

Ты хочешь, дева, быть моей,
Забыть свой род и сан,

потому что ведь я знатная, —

Но прежде отгадать сумей,
Какой мне жребий дан.

«Ты охотник?» — говорю я. — «Нет». — «Ты браконьер?» — «Почти угадала», говорит он, —

Как мы сберемся, дети тьмы, —

потому что ведь мы с вами, дети, mesdames и messieurs, очень дурные люди, —

То должно нам, поверь,
Забыть, кто прежде были мы,
Забыть, кто мы теперь,

поет он. — «Давно отгадала, — говорю я: — ты разбойник»; что ж, это правда, он разбойник — да? он разбойник. Что ж отвечает он, господа? «видишь, говорит, я плохой жених тебе»:

О дева, друг недобрый я;
Глухих лесов жилец;

совершенная правда, глухих лесов, потому, говорит, не ходи со мною,

Опасна будет жизнь моя,

потому что ведь в глухих лесах звери, —

Печален мой конец, —

это неправда, дети, не будет печален, но тогда я так думала и он так думал; но все-таки я отвечаю свое:

Красив Брингала брег крутой
И зелен лес кругом;
Мне с другом там приют дневной
Милей, чем отчий дом.[177]

— В самом деле, так было. Значит, мне и нельзя жалеть: мне было сказано, на что я иду. *Так* можно жениться и любить, дети: без обмана; и умейте выбирать.

Месяц встает
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит;
И дева ему говорит:
«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року!» [178]

В таких можно влюбляться, на таких можно жениться.

(— «Забудь, что я тебе говорила, Саша, слушай ее!» — шепчет одна и жмет руку. — «Зачем я не говорила тебе этого? Теперь буду говорить», — шепчет другая.)

— Таких любить разрешаю и благословляю, дети:

Мой милый, смелее
Вверяйся ты року!

Совсем развеселилась я с вами, — а где веселье, там надобно пить,

Гей, шинкарочка моя,
Насип меду й вина, —

мед только потому, что из песни слова не выкинешь, — шампанское осталось? да? — отлично! откупоривайте.

Гей, шинкарочка моя,
Насип меду й вина,
Та щоб моя головонька
Веселонька була!

Кто шинкарка? Я шинкарка:

А у шинкарки чорні брівки,
Ківани підківки — [179]

Она вскочила, провела рукой по бровям и притопнула каблуками.

— Налила, готово! — mesdames и messieurs, и старикашка, и дети, — берите, щоб головоньки веселоньки були!

— За шинкарку! За шинкарку!

— Благодарю! Пью свое здоровье, — и она опять была за роялем и пела:

Да разлетится горе в прах!

и разлетится, —

И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца, — [180]

так и будет, — это видно:

Черный страх бежит как тень
От лучей, несущих день;
Свет, тепло и аромат
Быстро гонят тьму и хлад;
Запах тленья все слабей,
Запах розы все слышней... [181]

Глава шестая

ПЕРЕМЕНА ДЕКОРАЦИЙ

— В Пассаж! — сказала дама в трауре, только теперь она была уже не в трауре: яркое розовое платье, розовая шляпа, белая мантилья, в руке букет. Ехала она не одна с Мосоловым; Мосолов с Никитиным сидели на передней лавочке коляски, на козлах торчал еще третий юноша; а рядом с дамою сидел мужчина лет тридцати. Сколько лет было даме? Неужели 25, как она говорила, а не 20? Но это дело ее совести, если прибавляет.

— Да, мой милый, я два года ждала этого дня, больше двух лет; в то время, как познакомилась вот с ним (она указала глазами на Никитина), я еще только предчувствовала, но нельзя сказать, чтоб ждала; тогда была еще только надежда, но скоро явилась и уверенность.

— Позвольте, позвольте! — говорит читатель, — и не один проницательный, а всякий читатель, приходя в остолбенение по мере того, как соображает, — с лишком через два года после того, как познакомилась с Никитиным?

— Так, — отвечаю я.

— Да ведь она познакомилась с Никитиным тогда же, как с Кирсановыми и Бьюмонтами, на этом пикнике, бывшем в конце нынешней зимы?

— Совершенная правда, — отвечаю я.

— Так что ж такое? вы начинаете рассказывать о 1865 годе?

— Так.

— Да можно ли это, помилуйте!

— Почему ж нельзя, если я знаю?

— Полноте, кто же станет вас слушать!

— Неужели вам не угодно?

— За кого вы меня принимаете? — Конечно, нет.

— Если вам теперь не угодно слушать, я, разумеется, должен отложить продолжение моего рассказа до того времени, когда вам угодно будет его слушать. Надеюсь дождаться этого довольно скоро.

4 апреля 1863

ЧТО ДЕЛАТЬ?*

ИЗ РАССКАЗОВ О НОВЫХ ЛЮДЯХ[1]

I

«ДУРАК»

Поутру, 12 июля 1856 г. прислуга[2] одной из больших петербургских гостиниц у станции Московской дороги была в недоумении, отчасти даже тревоге. В 9-м часу вечера приехал господин с чемоданом, занял нумер, отдал для прописки свой паспорт, спросил себе чаю и котлетку, сказал, чтобы его не тревожили, потому что он устал и хочет спать, но чтобы завтра непременно разбудили в 8 часов, потому что у него есть спешные дела рано поутру, — запер дверь нумера и, пошумев ножом[3] и вилкою, пошумев[4] чайным прибором, скоро притих, — видно, заснул. Пришло утро, слуга постучался в 8 часов в дверь вчерашнего приезжего, — приезжий не подает голоса, — слуга постучался сильнее,[5] постучался очень сильно,[6] —

---

* *Публикуемая по автографу черновая редакция романа впервые воспроизводится с учетом всей авторской правки. Печатается последний слой рукописи, под строкой даются все первоначальные варианты (за исключением незначительных), прочие исправления и рабочие пометы Чернышевского. В зависимости от характера вариантов они вводятся под строкой обозначениями: Вместо: ... было, Далее было, Далее начато, ‹не закончено›. Одно заменяемое слово или небольшое предложение, начинающееся с заглавной буквы, даются непосредственно за номером сноски без всяких обозначений. Сохраняются лексические, морфологические и синтаксические особенности языка автографа. Пропущенные слова либо вводятся в угловых скобках, либо в подстрочных примечаниях оговаривается: Так в рукописи, В рукописи ошибочно, в рукописи: (последнее обычно употребляется в характерных для автографа случаях колебаний в выборе имен персонажей). В угловых скобках приводятся архивные обозначения рукописных листов.*

[1] *Против заглавия дата:* 14 дек‹абря› *и помета:* Действующие лица в рассказе: Рахель, торговка [платьем] поношенным платьем. Вера Павловна Лопухова, [Андрей] [Алексей] Дмитрий Сергеевич Лопухов — жена и муж; ей 22 года, ему 26 лет в начале рассказа. [Иван] Александр Матвеевич Кирсанов — одних лет с Лопуховым. Маша — [горничная] служанка. Лицо, рассказывающее [Николай] Владимир Петрович Турчинов. 30 ‹лет›. [Петр] Посредник, Владимир Петрович Копанцев, 35 лет. [2] *Вместо:* Поутру ~ прислуга — *было: а.* 12 июля 1859 года *б. Начато:* Прислуга *в. Начато:* Поутру, в июле г. Поутру, 27 [июля] августа 1856 г., прислуга [3] *Вместо:* пошумев ножом — *было: а.* и, должно быть *б.* и постучав чайным [4] постучав [5] *После:* сильнее — *было:* очень [6] *После:* сильно, — *было:* не

приезжий все не откликается и не шевелится. «Видно, крепко[1] спит». Слуга подождал четверть часа, опять стал будить, опять не добудился; стал советоваться с другими слугами, с буфетчиком. — «Уж не случилось ли с ним чего?» — «Надо выломать двери». — «Нет, так не годится.[2] Дверь ломать надо с полициею». Решили: постучаться еще раз, посильнее; если и тут не проснется, послать за полициею. Сделали последнюю пробу, не добудились; послали за полициею и теперь ждут, что увидят[3] с полициею.

Часам к 10 утра пришел полицейский чиновник, постучался, велел слугам постучаться,[4] — успех тот же, как прежде. «Нечего делать, ломай дверь, ребята».

Дверь выломали. Комната пуста.[5] «Загляните-ко[6] под кровать», — и под кроватью нет приезжего. Полицейский чиновник подошел к столу, — на столе лежал лист бумаги, а на нем крупными буквами было[7] написано:

«Я ухожу[8] в 11 часов вечера и не возвращусь.[9] Меня услышат на Литейном мосту, между 2 и 3 часами ночи.[10] Прошу полицию препроводить мои вещи по принадлежности».

— Так вот оно, штука-то теперь и понятна, а то не могли никак сообразить, — сказал полицейский чиновник.

— Что же такое, Петр Захарыч? — спросил буфетчик.

— Давайте чаю, расскажу.

Рассказ полицейского чиновника[11] долго служил предметом одушевленных пересказов и рассуждений в гостинице. История была вот какого рода:

В половине 3-го часа ночи, — ночь была облачная, очень темная, — на середине Литейного моста сверкнул огонь и послышался пистолетный выстрел. Бросились[12] на выстрел караульные полицейские служители, прибежали проходившие по мосту,[13] — никого и ничего не было на том месте, где раздался выстрел. Значит, не застрелил, а застрелился. Нашлись охотники нырять, притащили через несколько времени багры, притащили даже какую-то рыбацкую сеть, ныряли, нащупывали,[14] ловили — поймали полсотни[15] больших щеп[16] — но тела не поймали. Да и как найти? Ночь темная,[17] — оно в эти два часа уж на взморье, — поди, ищи там. А может быть, и не было никакого тела? Может быть, пьяный или просто

---

[1] *Вместо:* крепко — *начато:* здоро‹во› [2] *Вместо:* не годится. — *начато:* нельз‹я› [3] окажется [4] *После:* постучаться, — *было:* тоже никакого успеха не получ‹илось?› [5] была пуста. [6] Посмотре‹ли› [7] *Вместо:* лежал лист ∾ было — *было:* лежала развернутая записка, а на ней бы‹ло› [8] ушел [9] *После:* не возвращусь. — *было начато:* А что [10] *После:* ночи — *начато:* Полиция расп‹орядится?› [11] *Далее начато* сооб‹щившего?› [12] *После:* Бросились — *начато:* караул‹ьные› [13] *После:* по мосту, — *было:* ничего [14] *Вместо:* ныряли, нащупывали, — *было: а.* и все-так‹и› *б.* ныряли, искали щу‹пали› [15] *Было:* несколько [16] *После:* щеп — *начато:* и одно брев‹но?› [17] *После:* темная — *начато:* ничего не вид‹но›

озорник, подурачился, выстрелил,[1] да и убежал, а то, пожалуй, тут же стоит в хлопочущей толпе да подсмеивается над тревогою, какую наделал?

Действительно,[2] мнения[3] общества на Литейном мосту разделились. Нашлись прогрессисты, отвергнувшие прежнее предположение о самоубийстве и принявшие новое:[4] «озорник, подурачился». Большинство осталось при прежнем:[5] «какое подурачился, — пустил себе пулю в лоб, да и все тут».[6] Философ из этого выведет, что большинство всегда консервативно.[7] Эстетик выведет, что трагедия влечет к себе мысль и чувство[8] сильнее, чем фарс. Итак, застрелился. Но отчего застрелился? «Пьяный». «Промотался».[9] «Просто дурак». На том,[10] что «просто дурак», сошлись все, даже и те, которые отвергали,[11] что он застрелился: действительно, пьяный ли, или промотавшийся[12] застрелился, или озорник[13] вовсе не застрелился, а только выкинул штуку — все равно, глупая, дурацкая штука.[14]

На этом остановилось дело ночью на мосту. Поутру в большой гостинице[15] у Московской железной дороги обнаружилось,[16] что дурак не подурачился, а точно застрелился. Консерваторы оказались правы, как всегда. Но остался в консервативном результате истории элемент, с которым были согласны и прогрессисты: если[17] и не пошутил, а застрелился, то все-таки дурак. Так мудрый ход истории[18] всегда дает делу конец,[19] более или менее удовлетворительный даже и для побеждаемой стороны.

II

ПЕРВОЕ СЛЕДСТВИЕ ДУРАЦКОГО ДЕЛА[20]

В то же самое утро, часу в 12‹м›, молодая дама сидела в небольшой[21] комнате одной из маленьких дач Каменного острова, шила и вполголоса

---

[1] *После:* выстрелил — *было:* наделал [2] *К слову:* Действительно, — *зачеркнутый вариант:* Но однако же [3] *После:* мнения — *начато:* на Лит‹ейном› [4] *Вместо:* Нашлись ∾ новое: — *было: а.* Одни говорили: застрелился, *б. Начато:* Положили в. *Начато:* Прежнее предположение о самоубийстве, принявшее [5] *Вместо:* Большинство ∾ при прежнем: — *было: а. Начато:* Но *б. Начато:* Друг‹ие› *в.* Большинство решило: застрелился: «какое подура‹чился› *г.* Большинство осталось при таком предположении: [6] *Далее начато:* Но отчего же [7] *После:* консервативно. — *было:* Дурак и художник [8] *Вместо:* что трагедия ∾ чувство — *было:* что высокое и трагическое привлекательнее низкого комического. Трагедия [привлекательнее фарса] влечет к себе человеческую мысль [9] «Проигрался». [10] *Начато:* С эт‹им› [11] *Было: а.* утвержд‹али› *б.* сомне‹вались› [12] проигравшийся [13] *После:* озорник — *начато:* подурач‹ился› [14] *Вместо:* глупая дурацкая штука. — *было: а. Начато:* глупо он с‹делал?› *б.* глупое дурацкое дело. [15] *Вместо:* в большой гостинице — *было:* в гостинице [16] оказалось, [17] *Было:* дурак, если [18] *После:* ход истории — *было:* примиряет все партии, — и дает [19] *После:* конец, — *было:* не совершенно противный [20] *Вместо:* Первое следствие дурацкого дела — *было:* Дурак или злодей? *и дата:* 16 декабр‹я›. *Далее следовало иное начало главы:* — «Письмо к вам, Вера Павловна», — сказала служанка, входя в маленькую комнату, служившую и гостиной и залой на маленькой даче [на] Каменного острова. — Вера Павловна [молоденькая дама], очень молодая дама, — взяла письмо. [21] маленькой

напевала какую-то песню,[1] мелодия песни была веселая,[2] слышались[3] в ней порою и грустные звуки, но они[4] покрывались общим светлым мотивом, — почти вовсе исчезали[5] бы в нем, если бы дама была в другом расположении духа,[6] но у ней[7] эти немногие грустные[8] ноты[9] звучали слышнее других, она как будто встрепенется, заметив это, понизит на них голос и сильнее начнет петь веселые звуки, их сменяющие, — но вот она[10] опять унесется мыслями от песни к своей думе, и опять грустные звуки берут верх.[11] Видно, что молодая дама не любит поддаваться грусти, — только видно, что грусть[12] не хочет отставать от нее, как она ни отталкивает ее от себя. Но грустна ли ее веселая песня,[13] когда ‹она› забывает наблюдать за собою,[14] становится ли опять весела, как следует быть этой песне, — дама шьет очень усердно. Она хорошая швея.

В комнату вошла служанка.[15]

— Посмотрите, Маша, каково я шью,[16] я уж почти кончила рукавчики,[17] которые готовлю[18] себе к вашей свадьбе.

— Ах, да[19] на них меньше узоров, чем на тех, которые вышили вы мне.

— Еще бы! Чтобы невеста не была наряднее всех на свадьбе![20]

— А я[21] принесла вам письмо, Вера Павловна.[22]

По лицу Веры Павловны пробежало недоуменье, когда она[23] стала распечатывать письмо, она увидела, что на конверте[24] штемпель городской[25] почты. «Как же это?[26] Ведь он в Москве?» Она торопливо развернула письмо, — взглянула, побледнела,[27] рука ее с письмом опустилась.

---

[1] *Вместо:* какую-то песню, — *было: а.* какую-то [песню] арию из ка‹кой-то› *б.* какую-то из песен [Беранже] Пьера Дюпона, [который сме‹нил?›], [которыми [ста‹ли›] сменили] и который стал разделять Беранже [2] *Вместо:* мелодия песни была веселая, — *было:* мелодия была [веселая] [смела] бойкая, смелая, веселая, но не вообще [3] но слышались [4] *Далее было:* почти пропадали в общем светлом мотиве, вовсе про‹падали?› [5] пропадали [6] *Вместо:* если бы ∾ духа, — *было: а.* если бы молоденькая дама, в своем рассеяньи [без со‹мнения?›] против воли не при дру‹?› ‹*не закончено*› *б.* если бы пение было совершенно [7] *Было: а.* но она *б.* *Начато:* но у ней они вы‹ходили› *в.* но у ней голос [8] *Вместо:* немногие грустные — *было:* грустные [9] звуки [10] *Вместо:* но вот она — *было:* но сознательное усилие опять уступит место ханд‹ре› [11] *Далее было начато:* Молод‹ая› [12] *Далее было:* против ее воли [13] *Вместо:* Но грустна ∾ песня, — *было:* Но грустна ли она, весела [14] *Далее было:* весела ли она, когда [15] *Вместо:* В комнату ∾ служанка. — *было:* — «Вера Павловна, письмо вам», — сказала [служанка] [молодая девушка] служанка [испол‹няя›], входя в комнату [16] *Вместо:* Посмотрите ∾ шью, — *было:* «Благодарю вас, Маша. [Вы] [Ждет] Пришел ваш жених? Видите, [17] *Было начато:* наря‹д?› [18] шью [19] *Далее было:* они хуже моих [20] *Вместо:* Еще бы! ∾ на свадьбе. — *было:* Еще бы, вы невеста! *Вместо:* всех на свадьбе — *было начато:* посаженной [21] *Было:* Я [22] *Далее было:* Девушка подала его и ушла. — Однако же мне хочется поскорее прочесть письмо. [Служанка] [Маша] [Вера Павловна] [23] *Далее было:* [замет‹ив›] отпустив Машу, [24] на конверте был [25] петербургской городской [26] *Было:* Как же это? как [27] задрожала. *После:* побледнела — *было:* слегка вскрик‹нув›: Нет, это не так;

«Нет, это не так, я не успела прочесть,[1] в письме вовсе нет этого», и она опять подняла руку с письмом,[2] — это все было делом ‹*л. 1*› двух секунд, но в этот второй раз глаза ее долго, неподвижно смотрели на немногие строки письма, и эти светлые глаза тускнели, тускнели,[3] письмо выпало из ослабевших рук на швейный столик, — она закрыла лицо руками, зарыдала. «Что я наделала, что я наделала!» И опять рыданье.

Молодой человек быстрыми, но легкими, осторожными шагами вошел в комнату.

— Верочка, что с тобою? Разве ты у меня охотница плакать? Когда же это с тобою бывает? Что же такое с тобой?[4]

— Прочти... оно на столе... — Она уже не рыдала, — это была минутная слабость, но она сидела неподвижно, едва дыша.[5]

Молодой человек взял письмо, — и он побледнел, читая его, и у него задрожали руки.

Он долго молча стоял, потирая лоб,[6] потом стал крутить усы, потом посмотрел на рукав своего пальто.[7] Наконец он собрался с мыслями. Он сделал шаг вперед, к молодой женщине, которая сидела все по-прежнему неподвижно, едва дыша, будто в летаргии.[8] Он взял ее руку.

— Верочка...

Но едва коснулась его рука ее руки, она вскочила с криком ужаса,[9] как будто поднятая электрическим ударом, стремительно отшатнулась от молодого человека и судорожно оттолкнула его руку.[10]

— Прочь! Не прикасайся ко мне! На тебе его кровь! Ты в крови! Я не могу видеть тебя! Я уйду от тебя! Я уйду![11] Отойди от меня! — И она отталкивала, все отталкивала пустой воздух и вдруг пошатнулась, упала в кресло,[12] закрыла лицо руками: — И на мне его кровь! На мне! Ты не виноват! Я одна! Что я наделала! Что я наделала! — Она задыхалась от рыдания.

— Верочка, — тихо и робко сказал: — друг мой...

Она[13] тяжело перевела дух и тихим,[14] и спокойным, и все еще дрожащим голосом сказала:

— Милый мой, оставь теперь меня; через час войди опять — я буду уже спокойна. Дай мне воды и уйди.

---

[1] *Далее было:* я не там [2] *Далее было:* опять она стала [3] *Далее было:* и вдруг [4] *Вместо:* Молодой человек ∞ с тобой? — *было:* Верочка, что с тобою? [Когда ж это ты] [Ведь] Разве ты у меня охотница плакать? Что с тобою, мой друг? Молодой человек говорил это, торопливо вбегая в комнату с большою тревогою. [5] *Вместо:* едва дыша. — *было:* как убитая громом. [6] *Далее было:* перечитав [7] *Было:* на рукав пальто. *Далее было:* и так прошло, быть может, пять ми‹нут› [8] *Вместо:* которая сидела ∞ в летаргии. — *было начато:* *а.* сидевшей с *б.* оцепеневшей, едва дышавшей, взяв *в.* оцепеневшей будто в летаргии [9] *Далее было начато:* *а.* будто *б.* и отшатнул‹ась› [10] *Далее было:* и все отталкивала, отталкивала ее [как она давно уже была] [хоть] [пустой воздух] [ее], но она была уже оттолкнута [11] *Вместо:* Я уйду! — *было:* Я убегу! Я не могу [12] *Было начато:* на ди‹ван› [13] *Далее было начато:* с нек‹оторым› [14] *Было:* с слишком заметн‹ым›

Он повиновался молча. Вошел[1] в свою комнату, сел опять за свой письменный стол, у которого[2] сидел, — такой спокойный, такой довольный за десять минут перед тем, — взял опять перо. «В такие-то минуты и надобно уметь владеть собою, — у меня есть воля, — все пройдет, пройдет», а перо, без его ведома, писало среди физиологического исследования:[3] «Перенесет ли? — Ужасно! Счастье погибло?»[4]

— Милый мой,[5] я готова, поговорим, — послышалось из соседней комнаты. Голос Веры Павловны был глух, но тверд. — Милый мой, мы должны расстаться. Я решилась. Это тяжело. Но[6] еще тяжелее было бы нам видеть друг друга. Я его убийца. Я убила его для тебя.[7]

— Верочка, чем же ты виновата?[8]

— Не говори ничего. Не оправдывай меня, или я возненавижу тебя.[9] Я, я во всем виновата. Прости меня, что я принимаю решение, очень мучительное для тебя, — и для меня, мой милый, тоже,[10] — но я не ‹могу› поступить иначе — ты сам через несколько времени увидишь, что так следовало поступить.[11] Это кончено. Слушай же. Я уезжаю из Петербурга.[12] Легче будет[13] вдали от мест, которые напоминали бы прошлое. Я продаю свои вещи,[14] на эти деньги я могу прожить несколько времени, — где? — в[15] Твери, в Нижнем, где-нибудь, все равно, — я буду искать уроков пения. Вероятно, найду, потому что поселюсь где-нибудь в большом городе. Если не найду, пойду в гувернантки. Я думаю, что не буду нуждаться. Но если буду, я обращусь к тебе. Займись же на время практикою, чтобы у тебя было на всякий случай готово для меня несколько денег, — ведь ты знаешь, у меня много надобностей, много расходов, — она улыбнулась, — я не могу жить иначе[16] и этих расходов не могу избежать. Слышишь? Я не отказываюсь от твоей помощи,[17] пусть, мой друг, это доказывает тебе, что ты остаешься мне мил. А теперь простимся навсегда.[18] Отправляйся в город, сейчас, сейчас,[19] — мне будет легче, когда я останусь одна. Завтра[20] меня уже не будет здесь. Тогда возвращайся. Я еду в Москву,[21] там осмотрюсь, узнаю,[22] в каком из провинциальных городов

---

[1] Он вошел [2] за которым [3] *Вместо:* среди физиологического исследования — *было начато:* среди статьи «о [пер‹вичности?›] вторичн‹ости?› [4] *Далее было:* оно вывалилось из ‹*не закончено*› [5] *Вместо:* Милый мой, — *начато:* Вера Павловна [6] *Далее было:* мы не можем видеть друг друга без стра‹дания› [7] *Далее было:* *а. Начато:* Дай. *б.* — Верочка, ты [ничем не вино‹вата›] ни в чем не виновата [8] *Далее было: а.* Разве мы не *б.* Разве он сам не *в.* посмотри на *г.* Это несчастие, это [9] *После:* тебя. — *начато:* как [10] *Вместо:* что я принимаю ∾ тоже, — *было:* что я отравляю и твою жизнь, как погубила его. Ты молод, ты еще должен [11] *Далее начато: а.* Мы *б.* Врознь нам будет лег‹че› [12] *Далее было: а.* мне [было слишком тя‹жело›] слишком мучителен был бы вид тех мест, где бы про ‹*не закончено*› эти улицы *б.* он мне был бы невыносим, потому что с эти‹ми› места‹ми› [13] *Далее начато:* там, где нет воспо‹минаний› [14] *Далее начато:* у меня дово‹льно› [15] в Москве [16] *Далее было:* что ж делать [17] *Далее было:* значит, моя любовь [18] *Вместо:* А теперь простимся навсегда. — *было:* Дай же руку, мой милый, — в последний раз, на прощанье, и нет, не целуй, нам нельзя простить [19] *Далее было:* я не могу смотреть [20] *Далее было: а.* в 12 часов я уеду, [запрещаю те‹бе›] [я с поезд‹а›] [21] *Далее было:* спрошу [22] обду‹мать›

вернее можно рассчитывать[1] на уроки. Запрещаю тебе быть на станции, чтобы провожать меня. Я не хочу тебя видеть. Прощай же, мой милый, дай руку на прощанье, в последний раз пожму ее.[2]

Он хотел обнять ее. Она предупредила его движение.

— Нет, не нужно, нельзя,[3] это было <бы> оскорблением[4] ему.[5] Дай руку, — жму ее, — видишь, как крепко, — но прости.[6]

Он не выпускал ее из своей. <*л. 1 об.*>

— Довольно. Иди. — Она отняла руку. Он не смел противиться. — Прости же. — Она взглянула на него так нежно, но твердыми шагами ушла[7] в свою комнату и ни раза не оглянулась на него, уходя.

Он долго не мог отыскать свою шляпу,[8] хотя раз пять брал[9] ее в руки, — он не видел, что берет ее, он был как пьяный. Наконец понял, что это[10] подле него стоит именно шляпа, которую он ищет, вышел в переднюю, надел пальто, — машинально — вот он уже подходит[11] к воротам, — «кто это бежит за мною?[12] верно, Маша». Он оглянулся — Вера Павловна бросилась[13] ему на шею, обняла, крепко поцаловала.

— Нет, не утерпела, мой милый! Теперь прости[14] навсегда![15]

Она убежала, бросилась в постель и залилась слезами, которые так сдерживала.

III

ВТОРАЯ ЗАВЯЗКА

Часа через два[16] к той же даче, где теперь осталась одна Вера Павловна, ехал на извозчике[17] человек уже немолодой,[18] с лицом озабоченным и недовольным. При всей своей солидности, он делал гримасы, полунасмешливые, полупечальные. Лошадь у извозчика была порядочная[19] и бежала очень хорошо, а солидный господин все погонял: «Ведь сказал тебе, что прибавлю сверх уговора гривенник, если поедешь хорошо, — а ты все опускаешь вожжи. Видишь, человеку нужно, жалости в тебе нет».[20]

— Барин, право хорошо едем, всех обгоняли по дороге, две кареты барских обогнали.

---

[1] мне добыть [2] *Далее было:* Он хотел обнять ее. Она удержала его. — Нет, теперь нам нельзя. [3] *Было:* теперь нельзя [На моих] [это было] [Теперь нам] [его кровь] [теперь нельзя] поцало<ваться> [4] *Далее было:* его памяти, и моих и твоих [5] *Далее было начато: а.* Дай ру<ку> *б.* Прости [6] *Далее было:* Довольно. [7] *Далее было:* в дверь, противоположную той, в которую входил он, — [8] *Вместо:* долго ∾ шляпу, — *было:* взял шляпу [9] взял [10] это именно [11] *Вместо:* вот он уже подходит — *было: а. Начато:* отворил *б.* и пошел — вот он уже [вышел] выходит из ворот,—когда он возвратится завтра, ее нет—[хоть он уже] [на] [надо] — вот он пойдет мимо окна ее комнаты — будет ли она [12] за ним? [13] *Начато:* пов<есилась?> [14] *Начато:* прощ<ай> [15] *Далее начато: а.* Как на *б.* Не брани меня, что [16] *Было начато:* Через [17] *Начато:* на порядочн<ом> [18] *Вместо:* уже немолодой — *было: а. Начато:* лет *б.* солидного вида [19] *Вместо:* Лошадь ∾ порядочная — *было:* Извозчик был поря<дочный> [20] *Далее было:* Коли бы много было денег, и не гривенник бы при<бавил>

— Ну, ну, хорошо, пятиалтынный прибавлю, — сказал усовещенный барин.[1]

«Вот полтинника и нет в кармане, — размышлял он, — а все по глупости приятеля. Если бы поступил[2] этот сумасброд, как следует благоразумному человеку, сел бы[3] я в дилижанс, заплатил бы 15 копеек. А теперь теряю полтинник. Уже не считаю того, что время трачу, — ну, без этого нельзя в таких случаях. Да нет, и времени-то втрое больше потеряю по его глупости, чем понадобилось бы,[4] если бы он распорядился умно. Ну застрелился так застрелился, — почему и не сделать так, если нужно, — да делай же умно, чтобы другим хлопот лишних не было. Приготовил бы понемножку, легонько, — ну она бы и приняла спокойнее, и мне бы не пришлось столько возиться с нею. А то вдруг, бухнул, как обухом по лбу, бедную женщину, а друзья и приводи в порядок. Как есть сумасшедший. Да и я хорош: на неделе семь раз зарекаюсь в чужие дела не входить, — своих заглаза довольно, — так нет же вот, — ведь опять сам я навязался. Да когда ж это я буду умнее? — Ну да что же, впрочем, я на себя бранюсь?[5] Для Лопуховой,[6] точно, можно было сделать исключение, — да и все-то они славные люди. Славные люди![7] Что ж, что славные люди? За них за всех не нахлопочешься — это они в мое время были в диковинку, а теперь они как грибы[8] растут. А какая,[9] в самом деле, хорошая молодежь стала заводиться, — и разводится, заметно[10] разводится.[11] Вот опять скажу про себя: не женился в свое время, — почему? ведь смешно подумать: дочь родится — не встретит[12] порядочного человека, за которого бы можно было с спокойною совестью выдать хорошую девушку; — сын родится — и подавно не встретит порядочной девушки, которая бы стоила[13] быть женою порядочного человека. Да, в мое время так было. Я так и распорядился своей молодостью, по Жоржу Занду, по Лелии, по рецепту в этом гимне, который она поет[14] при своем пострижении: „Сказали нам тираны наши: пойте песнь любви. Нет, мы запрем для любви сердца свои.[15] Вы недостойны, чтобы мы любили вас. Будьте людьми, тогда будет вам и любовь“. — Отличный гимн.[16] Да, в ее <время> там у них, а в мое время у нас, был он справедлив. Да как же я не рассудил, что ведь детям-то будет лучше жить, чем матерям да отцам?[17] Вот и теперь, ведь уж очень порядочное время, а через десять-то лет, когда подросли бы мои дети, и еще лучше будет. Славное время, славное время! А я-то и не рассчитал тогда. Говорю себе: „не годится, братец, производить[18] на свет людей, чтобы им так же скверно было жить, как

---

[1] *Далее было:* и стал [уж] бормотать уже про себя, он бормотал всю дорогу, [2] *Начато:* не наде<лал> [3] ехал бы [4] нужно, [5] ропщу? [6] *Начато:* Веры П<авловны> [7] *Далее было:* Да славных-то людей [8] *Вместо:* они как грибы—*было:* их, поди, десятками [9] а какова [10] *Было:* так заметно [11] *Далее начато:* приятно см<отреть?> [12] не найдет [13] *Было:* с которою мог бы [14] *Далее было:* поступ<ая> [15] *Далее начато:* будем жить в скорби, без р<адости?> [16] *Далее было:* Вот тоже, глупость-то: говорят проповедует [17] *Далее было:* А через десять-то лет [18] выпускать

тебе". Ну и не женился. Вот теперь — старый холостяк, и вожусь с детьми двадцати семей,[1] потому что своей семьи нет. А с своею-то, с одною-то, меньше[2] было бы хлопот. Трудновато, трудновато с этакою-то обузою. Ну да что делать? ведь нельзя же и не любить-то кого-нибудь, ну а если родственных-то предпочтений нет, так как же и не полюбить-то человека, когда стоит?[3] Ну, а полюбил, так уж и возись, и хлопочи, — взялся за гуж, не говори, что не дюж, тяни лямку, тяни, Владимир Петрович... Стой, братец, доехали. Вот тебе полтинник, а вот еще пятак, — видишь, двадцать копеек прибавил. Хорошо ехал, молодец!».

— Здравствуй, Маша.[4] Давно не видались! Да какая ты славная стала! Беленькая, румяная, полная, а какая была замарашка да испитая, помнишь? Давно ли?[5] У хороших-то людей хорошо и сиротке жить. Правду я тебе говорил, что к дурным людям тебя не поведу? А свадьба-то скоро будет? Нашла шафера или меня позовешь?

— Ах, Владимир Петрович, не до свадьбы мне теперь! Вера Павловна такая печальная,[6] что...

— Знаю, как бы не знал, так бы и не приехал.[7] А ты думала, на тебя любоваться приехал? за делом приехал. Без дела нигде не бываю.

— Я не знаю, как быть, Владимир Петрович: Вера Павловна приказали не принимать никого.

— Меня-то не принять? Ступай, скажи, примет.

Маша пошла доложить.

— Нет, Владимир Петрович, и вас не хотят принимать.[8] Приказали просить извинения.

— Вишь ты! Ну-ко, давай стул. — Он сел и написал несколько слов. — Отдай Вере Павловне, я подожду, что скажет.

Маша понесла[9] записку.

— Приказали просить.

— Говорил тебе. Еще не родился на свете тот человек, чтоб от меня отвязался, коли хочу навязаться.[10]

Комната Веры Павловны представляла небольшую ярмарку. Стол, диван, стулья были завалены платьями, пеньюарами, мантильями, всяким подобным тряпьем.[11] Бойкая женщина с еврейскою физиономиею перебирала его.[12]

---

[1] *Вместо:* с детьми двадцати семей, — *было:* с двадцатью семьями [2] легче [3] *Далее было:* Тут беспристрастно судить. А не хочешь — ступай прочь. Да. [4] *Далее начато:* Каково поживаешь? [5] *Далее было:* Скоро свадьба будет? [6] расстро<нная> [7] *Далее было начато: а.* У меня дел *б.* Мне без дела шататься нек<огда> [8] *Далее начато:* Извиняются [9] опять ушла [10] *Далее было:* Он вошел в [11] добром. [12] *Далее начато: а.* Когда *б.* Вы пер<ебирайте> *в.* Пересмотрите

— Продолжайте смотреть без меня, Рахель. Когда пересмотрите, отдадите мне <*л. 2*>деньги, сколько стоит. Я знаю, вы меня не обсчитаете.

— Наше дело на том стоит, чтобы обсчитывать, Вера Павловна, — смеясь сказала Рахель совершенно[1] чистым выговором, как природная русская, — но вас-то я не обсчитаю, это верно.

— Знаю, Рахель. Здравствуйте, Владимир Петрович.

— Да разве мы так здороваемся? [2] — Он взял ее головку, поцаловал ее в лоб. — А правый-то глаз заплакан, надобно и его поцаловать, да и левый-то тоже.[3]

— Пойдемте в зал и скажите мне, что он вам говорил вчера?

— У вас тут негде говорить-то, — вся дача с ореховую скорлупу. Надевайте шляпку, пойдем в Минеральный сад, он теперь пуст.[4]

Она шла твердою поступью. Никто не подумал бы, смотря на ее легкую походку, что эта женщина убита горем. По лицу можно бы заметить, — оно осунулось в эти немногие часы; [5] но опущенная вуаль скрывала это.[6]

— Я вам написал, — начал Владимир Петрович, когда они вошли в сад, — я вам написал, что он сидел у меня[7] после того, как отдал на почту [8] письмо к вам. Просидел до половины второго. Мы много толковали, и кое-что из этого он поручил мне передать вам.

— Он вам сказал, что хочет сделать?

— Сказал.

— И вы не удержали его?

— Нет, не удержал; [9] да и не удерживал. Ведь все равно не послушался бы.[10] Но вы дайте мне говорить, — вы-то мне нового ничего не скажете, а он мне велел [11] сказать вам вещи важные. Ну-с, так вот — да я не люблю принимать поручений без письменных документов, — нужно, знаете, и себя обеспечивать. Так вот[12] он и выдал мне документ, — извольте прочесть, — а то и оставьте у себя на память, если хотите.

Он подал ей записку. Она прочла:

«12 июля. Час ночи. Владимир Петрович Копанцев передаст тебе, Вера,[13] мою просьбу.[14] Но прежде, чем ты узнаешь ее, дай себе слово [15] исполнить ее.[16] Я слушался тебя всегда, во всем — послушайся меня один раз — исполни мою просьбу, мою последнюю просьбу. Снова говорю тебе: „прости“».

— Исполню,[17] — сказала Вера Павловна.

— Это хорошо. Слушайте же. — Он стал говорить шепотом.

---

[1] очень [2] *Далее было:* А? [3] *Вместо:* Правый-то глаз∽тоже.—*было:* А глаза-то заплаканы, надобно и их поцаловать, — и он поцаловал оба глаза. Ты по <*не закончено*> [4] *Далее было:* Я вам написал, — начал Владимир Петрович, когда [5] *Далее было:* как будто она [6] *Вместо:* но ∽ это. — *было:* но вуаль была опущена [и стало быть] [и никто не] и не один прохожий подумал [7] *Далее начато:* до поло<вины> [8] *Вместо:* отдал ∽ к вам—*было:* написал вам письмо [9] *Вместо:* не удержал;—*было:* одобрил [10] *Далее было:* [А он] Только дело не в [11] пору<чил> [12] *Далее было:* вам документ [13] милая Вера [14] последнюю просьбу [15] *Вместо:* себе слово — *было:* ему слово, что [16] *Далее было:* Я был рабом твоим, [делал] [все, что] [чего ты] исполнял все, чего ты требовала, старался отгадывать [17] Все, все исполню,

IV
ПРЕДИСЛОВИЕ [1]

Прости меня, добрая публика, что я употребил [2] обыкновенную хитрость [3] романистов: начал рассказ эффектными сценами, вырванными из середины или из конца действия, рассказал эти сцены [4] с известными манерными уловками, прикрыл их туманом загадочности, — ты добра, публика,[5] слишком добра; от этого ты неразборчива и недогадлива (вас,[6] читательница или читатель, я исключаю из этого порицания: в благовоспитанном обществе принято, что, когда говорят что-нибудь невыгодное о всех [7] вообще, то исключают из [8] общего суждения каждого отдельного человека, с которым имеют дело; например: «ах, как злы,[9] бездушны» (при этом всегда предполагается, что вы и я [10] имеем нежные души [11] и превосходнейшие сердца).[12] На тебя, публика, нельзя положиться, что ты с первых страниц повести можешь различить,[13] будет ли содержание стоить того, чтобы прочесть ее (на вас, читательница или читатель, я вполне полагаюсь), — у тебя [14] плохое чутье к истинному достоинству, тебя [15] заманивает или громкое имя автора, или эффектность манеры. Я [16] рассказываю тебе еще первую свою повесть, ты еще не составила себе суждения, что автор одарен великим художественным талантом (ведь у тебя немало писателей,[17] которых ты считаешь великими художниками, — ты очень, очень добра); [18] еще не получив счастия заманивать тебя одною подписью своего имени, я должен был забросить тебе удочку с пошлою приманкою эффектности, на которую ты всегда ловишься.[19] Не осуждай меня за это, ты сама виновата.[20] Мне больно, что твое слишком добродушное свойство — да что церемониться,[21] будем называть вещи настоящими именами: твоя простодушная, ребяческая [22] наивность заставила [23] меня унизиться [24] до такой пошлости.[25] Но теперь ты уже в руках у меня, я могу [26] продолжать рассказ так, как, по-моему, следует рассказывать: просто, без всяких уловок. Дальше не будет ни таинственности, ни эффектности, никаких прикрас. До прикрас ли, когда сердце обливается кровью при мысли о том, как ты, моя добрая публика, живешь и

---

[1] *Против заголовка:* IV. Предисловие—*дата:* 17 декабр‹я›. [2] *Далее было:* с тобою [3] уловку [4] *Вместо:* рассказал эти сцены — *было:* покрыл эти сцены туманом загадочности, чтобы заинтересовать тебя, рассказал их с приправою [известными] [некот‹орыми›] [5] *Далее было: а.* что [с тобою нельзя] [с тобою невольно забыва‹ешь›] простишь [меня с] мое *б.* я буду говорить с тобою откровенно: ты слишком, [6] тебя, [7] о людях [8] *Далее начато: а.* этого *б.* каж‹дого› [9] глупы, [10] *Далее было:* не входим в число этих людей, — что мы с вами [11] сердца [12] *Далее было:* ты не разумеешь [13] *Далее было:* хороша ли, заслужпвает ли повесть своим содержанием [14] ты имеешь [15] ты [16] У меня [17] *Далее было:* одаренных великим художест‹венным› [18] *Далее начато: а.* я не ус‹пел?› *б.* стало быть, мне, начинающему, надобно было зав‹лечь?› [19] *Далее было:* Но теперь — прости меня [20] *Далее начато: а.* Но *б.* Поверь, что я жале‹ю› *в.* Мне [21] *Далее было:* скажу [22] твоя ребяческая [23] *а.* внушила *б.* принудила [24] прибегнуть [25] *Вместо:* до такой пошлости — *было: а.* до пошлости, какой *б.* пошлой эффектн‹ости› [26] *Вместо:* могу — *было: а.* могу поступать по своему характеру, — и буду поступать с *б.* могу и буду поступать как честн‹ый›

думаешь, какой сумбур у тебя в голове (не у вас, читательница или читатель), сколько лишних,[1] лишних страданий делает каждому человеку нелепость твоих понятий.[2] Нужно ли подбирать эффекты, когда из тысяч людей, которых я наблюдал, — всяких людей: пошлых и благородных, умных и глупых, хороших и дурных, все равно, — не встречал я ни одного, в жизни которого не было[3] очень сильных мучений,[4] у которых у всех один источник: пошлость и глупость твоих понятий, моя добрая публика; к чему тут эффектность, когда в жизни каждого,[5] даже самого пустого[6] или самого бездушного,[7] и точно так же в жизни самого спокойного или счастливого человека есть трагедия, не хуже ‹*л. 2 об.*› ратклифовских ужасов и дюмасовских[8] неимоверностей, — нужно только иметь сердце[9] да глаз, чтобы видеть и, видя, чувствовать. Зачем вы[10] так много страдаете, люди? Нет вам никакой надобности страдать, кроме дикости ваших понятий.[11] Поймите истину, и истина осчастливит вас.

У меня[12] нет беллетристического таланта. Я даже и языком-то владею плохо: я краснею,[13] когда перечитываю то, что написал, — чуть не на каждой строке неловкие обороты, излишние повторения, нет метких слов, нет ярких красок. Куда же тут претендовать на художественное дарование[14] — во мне нет ни следа его. Лица, мною выводимые, даже мне самому представляются лишь в неопределенных, бледных очерках. Действие растянуто, части его склеены плохо, белые нитки швов так и торчат повсюду. В целом все выходит нескладно, вяло. Но — все-таки ничего: читайте, прочтете не без пользы. Истина хорошая вещь.[15] Она вознаграждает недостатки писателя, который верно служит ей.

Впрочем, тебе, моя добрейшая публика, надобно договаривать все до конца. — Охотница, но не мастерица отгадывать[16] недосказанное,[17] когда я говорю тебе, что у меня нет никаких следов художественного таланта и что моя повесть очень слаба по исполнению, ты не вздумай заключить, что я так прямо и объясняю тебе, что я нисколько не похож на рассказчиков, которых ты считаешь великими художниками, что мой рассказ[18] ты должна поставить ниже их повестей, — нет,[19] он слишком слаб сравнительно с произведениями людей,[20] действительно одаренных сильным талантом, например с «Мещанским счастьем», «Молотовым»,[21] с малень-

[1] *Вместо:* сколько лишних — *было:* сколько ты страдаешь от этого сумбура, как застрадаешь от лишних [2] *Далее было:* Ты зла,—оттого что нет [3] *Далее было:* мучительной стороны, для [4] *Далее было: а.* которым не было никакого *б.* которые все от этого пошлого тупого происход‹ят› [5] *Далее было:* есть трагедия [6] пошлого [7] *Далее было: а.* самого даже *б.* самого спокой‹ного› [8] *Далее было:* сказочно неправдо‹подобных› [9] душу да сердце [10] *Далее было:* страдаете [11] *Далее было начато: а.* Учите *б.* Пой‹мите› [12] *Далее было:* литературного [13] совещусь [14] художественный талант [15] *Далее было начато:* Кто служит ист‹ине› [16] *Далее было: а. Начато:* не доск‹азанное› *б.* по одной половине [17] *Далее было:* ты всегда придумываешь такие догадки [которые] о мыслях автора, котор‹ые› [18] моя повесть [19] *Далее было: а.* я думаю вовсе не *б.* я, как *в.* он никуда не годится сравн‹ительно› [20] *Далее было: а.* одаренных *б.* истинных худож‹ников› [21] *Далее было:* еще с двумя, тр‹емя›

кими пьесками г. Успенского, — но ведь ты, моя добрейшая публика, еще не разобрала, что эти вещи разнятся, как небо от земли, от восхищающих тебя сочинений прославленных твоих художников, — с этими-то сочинениями ты смело ставь наряду мой рассказ по достоинству исполнения, а по содержанию он выше их.

Поблагодари же меня,[1] ведь ты охотница кланяться[2] тем, кто не уважает тебя, поклонись же и мне.[3] Но я от других, не уважающих тебя, отличаюсь тем, что желаю тебе добра, надеюсь, что ты скоро будешь заслуживать уважения, и,[4] сколько могу, помогаю тебе подняться[5] из грязи, в которой ты по уши сидишь, — попробуй, встань — это не так трудно, как тебе кажется.[6]

Глава первая

ЖИЗНЬ ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ В РОДИТЕЛЬСКОМ СЕМЕЙСТВЕ[7]

Воспитание Веры Павловны было очень обыкновенное, жизнь ее до знакомства с Лопуховым, медицинским студентом, представляла кое-что замечательное, но не особенное, не чрезвычайное.

Когда ей был десятый год, девочка, шедшая с матерью на Толкучий рынок[8] с Гороховой, получила на повороте из Апраксина переулка в Садовую неожиданный плотный щелчок по затылку от костлявой руки своей дюжей родительницы.[9]

— Глазеешь на церковь, дура, а лба-то что не перекрестила? Чать, видишь, все добрые люди крестятся.

Когда ей был четырнадцатый год, обшивала всю семью, впрочем, на ее счастье, семья была не велика: отец, мать да маленький брат.

Отец был управляющим одним из больших домов на Гороховой и служил помощником столоначальника в каком-то департаменте. По должности он не имел[10] никаких доходов,[11] от управления домом получал небольшие доходишки, — другой мог бы получить больше, но Павел Константинович говорил, что он не хапуга и знает совесть. Зато хозяйка дома[12] была им очень довольна, и в десять лет управления он накопил тысяч до пятнадцати капитала, — но из хозяйкина кармана тут было тысяч пять, не больше: остальные наросли к ним от оборотов не в ущерб хозяйке; Павел Константинович держал три извозчичьи пролетки (хозяйка дала ему пользование одною из конюшень, которая оказывалась лишнею, — большая[13] квартира, к которой принадлежала конюшня, была

---

[1] *Далее было:* за назиданье [2] *Далее было:* *а.* назидающим тебя — и читай дальше *б.* тем, кто топчет тебя в грязь [3] *Вместо:* поклонись же и мне — *было:* и полюби [4] *Далее было:* поверь [5] выбраться [6] *Далее было:* Задатки у тебя есть хорошие: ведь ты [7] *Против заглавия помета:* Отец Веры Павловны Павел Константинович, мать — Марья Алексеевна. [Денцов] Расальский. [8] *Вместо:* на Толкучий рынок — *было:* на Сенную площадь [9] *Далее начато:* *а.* Что лб‹а› *б.* Лоб-то перекре‹сти› [10] не получал [11] *Далее было:* эта служба в этих рангах [бессребр‹енника›] достойна благословения как и его [12] *Вместо:* дома — *было:* не могла [13] потому что большая

сдана под фабрику); а главное приращенье было от даванья денег под ручной залог.[1]

У матери Веры Павловны тоже был капиталец — тысяч до пяти, как она говорила кумушкам, а на самом деле и побольше. Основание капиталу было положено продажею енотовой шубы,[2] другого платьишка и мёбелишки, доставшейся после брата-чиновника. Выручив рублей триста, Марья Алексеевна тоже пустила их в оборот под залоги, — действовала гораздо рискованнее мужа, очень разборчивого[3] в приеме залогов, несколько раз попадалась на удочку, — какой-то мошенник заложил ей за 30 р. золотые часы, которые оказались медными, — другой мошенник взял у нее 25 р. под залог своего паспорта, а паспорт оказался краденый, и Марье Алексеевне еще пришлось израсходовать рублей до 25, чтобы выпутаться из этого дела; но если она терпела потери, которых избегал муж, зато и прибыль у нее шла быстрее. Подвертывались и особенные случаи[4] получать деньги. Однажды (Вера Павловна была тогда еще маленькая — при взрослой дочери Марья Алексеевна не стала бы делать этого, а тогда почему было не сделать?[5] «ребенок не понимает», и действительно, сама Верочка еще не[6] поняла бы, да, спасибо, кухарка растолковала очень хорошо; да и кухарка не стала бы толковать — «дитяти этого знать не следует», — говорила[7] кухарка о таких вещах, но так уже пришлось, что не стерпела душа[8] после одной из сильных потасовок от Марьи Алексеевны за гульбу с любовником; ну, пришлось к слову,[9] при жалобе Верочке на мать, и рассказала, а то бы ни за что не стала сказывать), — так однажды приехала к Марье Алексеевне невиданная знакомая дама,[10] нарядная, пышная, красивая — приехала и осталась погостить. Неделю гостила смирно, только все ездил к ней какой‹-то› статский, тоже красивый, и дарил Верочке конфекты, подарил две книжки с картинками, — в одной книжке были хорошие картинки: звери, города разные; а другую книжку Марья Алексеевна тотчас отняла у Верочки, когда уехал офицер,[11] так что только[12] раз она и видела картинки[13] в этой книжке — при нем, — он сам ей показывал.[14] Так неделю гостила знакомая, и все было тихо[15] в доме, — Марья Алексеевна всю неделю не подходила к шкапчику, ключ от которого никому не давала,[16] и всю неделю не била[17] кухарку, и Верочку не била и не бранила ни разу. Потом одну ночь Верочку беспрестанно будили страшные вскрикиванья[18] гостьи и суетня в доме,[19] — утром Марья Алексеевна подошла к шкап-

[1] *Далее начато:* много [2] *Было начато:* двух ено‹товых› [3] осторожного [4] *Вместо:* Подвертывались ∾ случаи — *было:* Были у нее и другие случаи [5] *Текст:* при взрослой дочери ∾ не сделать — *вписан.* [6] *Вместо:* сама Верочка еще не — *было:* она сама не [7] прибавила [8] *Далее начато:* очень [9] *Далее начато:* и рассказ‹ала› [10] *Далее начато:* пышн‹ая› [11] *Так в рукописи.* [12] *Далее было:* с ним она и [13] эти картинки [14] *Далее начато:* Погостила [15] *Было начато:* спо‹койно› [16] *Далее было:* и всю неделю не слышно было от нее запаха [17] не брани‹ла› [18] *Вместо:* страшные вскрикиванья — *было:* крики [19] *Вместо:* и суетня в доме, — *было:* и в доме была суетня

чику и дольше обыкновенного стояла подле него и все говорила: «Слава богу, счастливо было, слава богу», даже подозвала кухарку к шкапчику, — сказала «на здоровье, Матренушка, ведь и ты много потрудилась», и после не то чтобы браниться да драться, как бывало после шкапчика в другое время, а легла спать, поцаловавши Верочку. Потом опять было неделю смирно в доме, только гостья не выходила из своей комнаты, а потом уехала. А через два дня после того, как она уехала, приходил статский — только уже другой статский ‹*л. 3*› и приводил с собою полицию, и много ругал Марью Алексеевну, но Марья Алексеевна сама ни в одном слове не уступала ему и все твердила:[1] «я ваших делов не знаю никаких. Справьтесь по домовым книгам, кто у меня гостил, — псковская купчиха[2] Севастьянова, моя знакомая, вот вам и весь сказ», и наконец, поругавшись, поругавшись, статский ушел и больше носу не показывал. Такой случай только один и был,[3] а другие бывали разные, но не так много.

Когда Верочке пришел[4] шестнадцатый год, мать стала кричать[5] на нее такими словами: «Отмывай рожу-то, что она у тебя, как у цыганки? Да не отмоешь, — такая чучела уродилась, не знаю в кого». Много доставалось Верочке за смуглый цвет лица, и она привыкла считать себя дурнушкою. Прежде мать[6] водила ее чуть не в лохмотьях, а теперь стала наряжать. А Верочка, наряженная, идет с матерью в церковь да думает: «К другой шли бы эти наряды, а на меня что ни надень, все цыганка — чучело, как в ситцевом[7] платье, так и в шелковом. А хорошо быть хорошенькою. Как бы мне хотелось быть хорошенькою».[8]

Через год мать перестала называть Верочку чучелою и цыганкою, а стала наряжать лучше[9] прежнего. Кухарка сказала ей, что[10] собирается сватать ее начальник Павла Константиновича, и какой-то большой начальник, с орденом на шее. Действительно,[11] в департаменте говорили, что начальник отделения, у которого служит Павел Константинович, стал благосклонен к нему, а в кругу товарищей по чинам стал выражать такое мнение, что ему нужно жену хоть бесприданницу, да красавицу, и такое мнение, что Павел Константинович хороший чиновник.

Чем бы это кончилось, неизвестно; но начальник отделения собирался долго, благоразумно, а тут подвернулся другой случай.

Сын хозяйки дома зашел к Павлу Константиновичу и сказал, что мать просит управляющего сходить, взять образцы разных обоев, потому что[12] думает заново отделывать квартиру,[13] в которой живет; и посидел с полчаса, удостоил выпить чашку чаю.[14] А прежде[15] поручения передавались Павлу Константиновичу через дворецкого. Разумеется, дело понятное для

---

[1] и ругала [2] мещанка [3] *Вместо:* Такой случай ∾ был — *было:* Бывали такие случаи [4] был [5] взыскивать [6] Мать преж‹де› [7] в простом [8] *Далее было:* А [горничная] кухарка говорила: «Э, сударыня барышня, [9] больше [10] *Далее было:* на ней [11] *Далее было начато:* собирался, и нача‹льник› [12] *Далее было:* пора сдел‹ать› [13] свою квартиру, [14] *Текст:* и посидел ∾ чаю — *вписан.* [15] *Далее было:* с такими

бывалых людей, как Марья Алексеевна с мужем. Марья Алексеевна на другой же день подарила дочери фермуар, оставшийся невыкупленным у нее, и заказала дочери два новых платья, очень хороших, — одна материя стоила на одно платье 40[1] рублей, на другое 52[2] рубля. С оборками, да лентами, да с фасоном два платья обошлись в 174 рубля, — так сказала мужу Марья Алексеевна, — ну, а Верочка знала, что всех денег пошло на них[3] меньше 100 рублей, но и 100 рублей[4] какие отличные два платья можно сделать!

Платья не пропали даром: хозяйский сын повадился ходить к управляющему[5] и, разумеется, больше говорил с дочерью, чем с управляющим и управляющихою, которые тоже, разумеется, на руках носили его, — ну,[6] делали они и наставленья и дочери, как следует[7] — это нечего описывать, дело известное всякому.

Однажды после обеда мать сказала: «Верочка, одевайся, да получше. Я тебе сюрприз приготовила, — поедем в оперу; во втором ярусе взяла[8] билет, — всё для тебя, дурочка. Последних денег не жалею, не жалею. У отца-то все животы уже подвело от расходов-то на тебя.[9] Фортопьянному учителю ведь платили по целковому за урок, — в четыре-то года сколько на этого одного нехристя вышло. А мадаме-то сколько денег переплатили? Ты этого не чувствуешь, неблагодарная. Нет, видно, души в тебе, бесчувственная-то этакая».[10] — Только и сказала Марья Алексеевна: больше не бранила дочь, а это какая брань? Марья Алексеевна только уж вот так и говорила с Верочкою, а браниться на нее давно перестала — с год, и бить ни разу не била во весь год, с тех пор как прошел слух про начальника отделения.

Поехали в оперу.[11] После первого акта вошел в ложу хозяйский сын и с ним двое приятелей. Сели и уселись. Что-то много перешептывались,[12] — Марья Алексеевна вслушивалась, разбирала почти каждое слово, да мало могла понять, потому что они говорили всё по-французски.[13] Слов пяток[14] из их разговора она знала — belle, amour, bienheureux Micha[15] — ну, да что толку в этих словах?

— Верочка, ты неблагодарная, как есть неблагодарная, — шепчет ей мать, — что ты с ними так холодна? обидели они тебя, что ли, что вошли? Честь тебе, дуре, делают. Смотри ты у меня! Помни, что я тебе говорила, как надо поступать с Михаилом[16] Ивановичем. Смотри ты у меня![17] Я до сих пор терпела твое хордыбаченье — фю, да хрю, да нос от него воро-

---

[1] 25 [2] 32 [3] *Вместо:* что всех денег пошло на них — *было:* что они обошлись [4] *Так в рукописи.* [5] *Далее начато:* Однажды [6] *Далее было:* дочери [7] *Вместо:* как следует — *было:* дело известное [8] взяла для тебя [9] *Далее было:* Будь же благодарна. [10] бесчувственная-то этакая». — *вписано.* [11] *Далее начато:* *а.* в хорошей *б.* на изво‹зчике› [12] говорили между собою [13] *Вместо:* они говорили всё по-французски. — *было начато:* сама по-французски не [14] *Вместо:* Слов пяток — *было:* Но и она понимала слов десяток [15] красавица, любовь, счастливчик Миша (*франц.*) [16] с Борисом [17] *Далее начато:* *а.* Всё-то *б.* Никогда

тишь — смотри, в последний раз говорю: слушайся, а то я те кузькину мать покажу. А как свадьба-то по-французски, Вера?[1] — Верочка сказала. — Ну, а жених с невестою да венчаться — как по-французски? — Верочка и это сказала. — Нет, таких слов что-то не слышно. — «Вера, ты мне, видно, не так слова-то сказала? Смотри у меня!»

— Нет, так, только этих слов вы от них не услышите. Поедемте, я не могу оставаться здесь дольше.

— Что? Что ты сказала, мерзавка? — Глаза у Марьи Алексеевны налились кровью.

— Пойдемте. Делайте со мною, что хотите, а я не останусь. Я вам скажу после, почему.[2] Маменька,[3] — это уже было сказано вслух, — у меня страшно разболелась голова. Я не могу сидеть. Прошу вас. — Верочка встала.

Кавалеры засуетились.

— Это пройдет, Верочка, — строго, но величественно сказала Марья Алексеевна, — походи по коридору с Михаилом Ивановичем, и пройдет голова.

— Нет, не пройдет; я чувствую себя очень дурно; скорее, маменька.

Кавалеры отворили дверь[4] ложи, хотели вести Верочку под руки, — отказалась, мерзкая девчонка, — сами подали салопы,[5] сами отыскивали карету, — Марья Алексеевна гордо поглядывала на лакеев, сидящих по лестнице, — смотрите, хамы, какой мундир на кавалере, который больше всех ухаживает, — и на другом кавалере какой мундир, — а у третьего, хамы, какой перстень на пальце, — больше 4000 стоит, я знаю цену вещам, — этот важнее всех, хоть и не в мундире, — вот, как бы этого подцепить, — ну, да и Мишка хорош, нужды нет, что дурак — это еще лучше, что дурак, — вот, хамы, смотрите, какой у меня зятек-то будет! А ты у меня ломайся, ломайся, сквернавка,[6] я-те поломаю! — Но стой, стой, что говорит этот Мишка-дурак ее скверной девчонке, сажая гордячку[7] неблагодарную в карету?[8] Santé — это здоровье, кажется, savoir — узнаю; visite — и по-нашему визит; permettez — прошу позволенья. ‹*л. 3 об.*› Не уменьшилась злоба в глазах[9] Марьи Алексеевны от этих слов, но[10] надо об их подумать.

Карета двинулась.

— Что он тебе сказал, когда сажал в карету?

---

[1] *Вместо вписанного на полях и между строк:* Верочка, ты неблагодарная ∾ Вера — *было:* Марья Алексеевна хоть бы и не слышала их, так знала бы, о чем они говорят, — но только что же свадьба-то [тут упомина‹ется›] скоро ли будет? Как по-французски-то свадьба, Верочка? [2] *Далее было:* когда приедем *Против текста:* Нет, так ∾ почему — *на полях помета:* хозяйский сын [Борис] Михаил Иванович Сторешников [3] *Далее было:* продолжала [4] *Далее начато:* проводили по [5] *Было:* сами подали шубы, [6] дурища, [7] мерзавку [8] *Вместо:* Но стой ∾ в карету? — *было:* но размышления, которыми занималась Марья Алексеевна, не мешали Марье Алексеевне вслушиваться в слова дурака Мишки ее скверной девчонке. [9] *Было:* Не смягчились черты лица [10] *Далее было:* приняло

— Он сказал, что завтра поутру зайдет к нам узнать о моем[1] здоровье.

— Не врешь, что завтра?

Верочка промолчала.

— Счастлив твой бог! — Однако не утерпела Марья Алексеевна, рванула дочь за волосы, — только слегка, — не такая потасовка ей готовилась, да нельзя: — Ну,[2] пальцем не трону, только завтра чтобы была веселая! Ночь спи, дура, не вздумай плакать. Смотри, если увижу завтра, что бледна или глаза заплаканы, тогда не пожалею смазливой-то рожи твоей, уж заодно пропадать будет, так хоть дам себя знать.

— Я давно перестала плакать, вы знаете.

— То-то же, да будь с ним поразговорчивее.

— Да, я завтра буду с ним говорить.

— То-то, пора за ум взяться. Побойся бога да мать пожалей, страмница.

Прошло минут десять.[3]

— Верочка, ты на меня не сердись. Я из любви к тебе бранюсь. Тебе же добра хочу. Ты не знаешь, каково дети милы матерям. Девять месяцев тебя в утробе носила. Верочка, отблагодари, будь послушна, сама увидишь, что я тебе добра желаю.[4] Держи себя, как я тебя учу,[5] — завтра же предложенье сделает.

— Маменька, вы ошибаетесь. Он вовсе не думает делать предложения. Маменька, чтó они говорили!

— Знаю, — коли не о свадьбе говорили, так известно о чем. Да не на таковских напал. Мы его в бараний рог согнем. В мешке в церковь приведем, за виски[6] вокруг налоя обведем, да еще рад будет. Ну, да нечего много с тобой говорить. И так лишнего наговорила — девушкам не следует этого знать. Это — матернино[7] дело. А девушка должна слушаться — она еще ничего не понимает. Так будешь с ним завтра говорить, как я тебе велю?

— Да, я буду с ним говорить.

— А вы, Павел Константиныч, что сидите, как пень? Скажите и вы от себя, что вы как отец приказываете ей слушаться матери, что мать не будет ее дурному учить.

— Марья Алексеевна, ты[8] умная женщина, только дело-то опасное, — не слишком ли круто хочешь вести?

— Дурак, эко брякнул! При Вере-то! Не рада, что расшевелила, — правду пословица <говорит>: не тронь дерма, не воняет. Эко бухнул. Ты не рассуждай, а ты мне скажи: дочь должна матери слушаться?

— Должна.

— Ну, так и приказывай как отец.

---

[1] как мое [2] Ну, не хнычь [3] с четверть часа [4] *Далее начато:* Он, видно [5] *Далее было:* — Маменька, вы ошибаетесь [6] за руки [7] *Далее начато:* да отц<а> [8] вы

— Верочка, слушайся во всем матери. Мать твоя умная женщина, опытная женщина. Она тебя не будет дурному учить. Я тебе как отец приказываю.

Карета подъехала к крыльцу.

— Довольно, маменька. Я вам сказала, что буду говорить с ним, теперь позвольте мне прямо идти в мою комнату, раздеться и лечь. Я очень, очень устала.

— Ложись. Спи. Не потревожу. Спи. Это нужно к завтрему. Хорошенько выспись.[1]

И действительно, все время, пока они всходили на свой четвертый этаж, Марья Алексеевна молчала. А чего ей это стоило? И опять,[2] когда Верочка пошла прямо в свою комнату, сказавши, что не хочет пить чаю, чего стоило Марье Алексеевне ласковым, мягким голосом сказать:

— Верочка, подойди ко мне. — Дочь подошла. — Хочу тебя благословить[3] на сон грядущий, Верочка. Нагни головку. — Дочь нагнулась. — Бог тебя благословит, спи спокойно, Верочка,[4] бог благословит тебя, как я благословляю. — Она три раза перекрестила дочь и подала ей поцеловать свою руку.

— Нет, матушка, я не притворщица. Я уж давно сказала вам, что не буду целовать вашей руки. А теперь отпустите меня. Я в самом деле чувствую себя дурно.

Ах, как было опять вспыхнули змеиные[5] глаза Марьи Алексеевны. Но пересилила себя и кротко сказала:

— Ступай, отдохни.

Едва Верочка разделась и убрала платье, — впрочем, на это ушло много времени, потому что она задумывалась, — сняла браслет — и долго сидела[6] с ним в руке, вынула серьгу — и опять забылась,[7] — много времени прошло, пока она[8] вспомнила, что ведь она страшно устала, что она ведь и не могла стоять перед зеркалом, а опустилась на стул в изнеможении, как только добрела до своей комнаты, — что надобно поскорее раздеться и лечь, — едва Верочка легла в постель, в комнату вошла Марья Алексеевна с подносом, на котором была большая отцовская чашка — в две[9] добрых чашки, — и много, много сливок было налито в чай — не поскупилась на этот раз мать, — и лежала целая груда сухарей.

— Кушай, Верочка, кушай на здоровье. Сама тебе принесла, видишь, мать помнит о тебе, — сижу да и думаю: «как же это Верочка спать легла без чаю», — сама пью, а сама все про тебя думаю.[10] Вот и принесла, кушай, кушай, мое дитятко ненаглядное.

---

[1] *Далее было:* — Ну, бог тебя благословит, моя милая дочка. [Через] Верочка едва успела раз‹деться› — она взошла [2] *Было:* А чего ей стоило [3] *Вместо:* Хочу тебя благословить — *было:* Благослови тебя [4] *Далее было:* и проснись завтра здоровою [5] *Далее было:* хотя и голубые [6] стояла [7] *Далее было:* *а.* а ноги едва *б.* Верочка добрела *в.* полчаса, если не *г.* по крайней мере полчаса [8] *Далее было:* стала [9] в четыре [10] *Далее начато:* Кушай

Странен показался Верочке голос матери: он в самом деле был мягок и добр, — этого никогда не бывало. Она пристально посмотрела на мать. Щеки Марьи Алексеевны[1] пылали, и глаза несколько блуждали.

— Кушай, кушай, а я посижу, посмотрю на тебя. Выкушаешь, другую чашку тебе принесу.

Чай, наполовину налитый густыми, такими вкусными сливками, вызвал аппетит, — Верочка стала пить. «Как вкусен чай,[2] когда он свежий, густой, и много в нем сливок и сахару! Очень вкусен. Вовсе не то, что жидкий, который уже на второй воде настаивался. О, когда у меня будут свои деньги,[3] я всегда стану пить такой чай, как этот. А то такой дрянный пьешь,[4] что даже противно».

— Благодарю вас, матушка.

— Не спи, принесу другую. — Она вернулась с другой чашкою такого же прекрасного чаю. — Кушай,[5] а я опять посижу.

С минуту она молчала, потом заговорила[6] как-то особенно, то самою быстрою[7] скороговоркою, то ужасно растягивая слова.

— Вот, Верочка, ты меня поблагодарила, давно-о-о я не слы-ы-хала от тебя благодарности. Ты ду-у-у-ма-а-а-ешь, я злая. Да, я злая, только нельзя мне не быть злой. А слаба я ста-а-ала. Какие мои лета? Еще пятидесяти нет, — а вот выпила три пунша, а меня-я-я уж и разобрало, а прежде, бывало, это нипочем, только бодрее делаюсь. А теперь, ви-и-и-дишь, и ослабела. Тяжелая моя жизнь, Верочка. Не[8] хочу, чтобы ты так жила. Богато живи. Я сколько колготы приняла, и-и-и! и-и-и! сколько? Ты не помнишь, как мы с твоим отцом жили, когда он еще не был тут управляющим, — по неделе черный хлеб ели, водой запивали. А я ведь сначала была честная, — теперь я нечестная, не возьму греха на душу, нет, не возьму, не солгу перед тобою, не скажу, что я теперь честная. ‹*л. 4*› — Где уж! то время прошло.[9] Ты, Верочка, ученая, а я неученая, да я знаю все, что у вас в книгах написано.[10] Там много написано,[11] — там и то написано, что не надо[12] делать, так со мной сделали.[13] — Ты, говорят, нечестная, вот тебе и весь сказ. Вот твой отец,[14] — тебе-то он отец, Наденьке не он был отец, — голый дурак, а тоже колол мне глаза: Ты, говорит, нечестная. А я была честная.[15] Ну, меня взяла злость. А когда, го-

[1] матери [2] Какой вкусный чай [3] *Вместо:* когда ∾ свои деньги, — *было:* если бы у меня было много денег, [4] *Было начато:* А ту бурду, тот дрянный [5] Пей [6] вдруг заговорила [7] скорою [8] Я не [9] *Далее было:* Добрая не была никогда, не возьму греха на душу, не солгу, нет: добрая никогда не была, а честная была. А только это все глупость, Верочка: поверь, не обману, глупость. [За это и бог с бедных] А ты думаешь, ты ‹*не закончено*› [10] *Далее было:* Там написано, что бога-де нет. Я знаю, что его и взаправду нет. Если бы он был, так разве бы так на свете делалось? А? Нашу-то сестру как губят, Верочка, — ты погляди-ко на девок-то разрумяненных — они тоже ведь честные были — всё знаю. [11] *Далее было:* всего и [12] *Далее было начато:* а. жене б. честную в. женщине [13] *Далее было:* А со мной как сделали? [14] *Далее было:* дурак [15] *Далее начато:* А когда, гово‹рю›

ворю, я по-вашему нечестная, так и буду нечестная. Наденька родилась: ну так что, что родилась, — а меня кто этому научил? Кто место-то получил? Тут моего греха меньше было, чем его. А я бы одна-то и со злости-то этого не сделала.[1] Они ее у меня отняли — в воспитательный дом отдали, — с тех пор ее и не видала, и где она, не знаю, и жива ли, не знаю, — чать, где уж быть живой, — ну, в теперешнюю пору мне мало горя, а тогда не так-то легко было, — ну,[2] меня пуще злость взяла. Ну и стала злая.[3] Тогда и пошло все хорошо. Твоему отцу, дураку, должность доставил кто? Я доставила. А в управляющие кто его произвел? Я произвела. Вот и стали жить хорошо. А почему? Потому что я стала нечестная да злая. А покуда не была такая, мы какую нужду терпели, Верочка! Это у вас в книгах написано, я знаю, что только злым да нечестным и хорошо жить на свете. Это правда, Верочка. Вот теперь и у отца твоего деньги есть, — я ему доставила, — и у меня есть, может, еще побольше, чем у него, — всё достала, на старость кусок хлеба приготовила.[4] И отец твой, дурак, меня уважать стал, когда я такая стала — по струнке у меня ходит, я его вышколила! А то гнал меня, глаза мне колол, надругался надо мною, а за что? Тогда не за что было.[5] У вас в книгах написано, Верочка, не годится так жить, — а ты думаешь, я этого не знаю? Да в книгах-то у вас написано, что[6] коли не так жить, так надо все по-новому завести, а по нынешнему заведенью нельзя так жить, как они велят, — так что же они по новому-то порядку не заводят?[7] — Эх, Верочка, ты думаешь, я не знаю, какие новые порядки у вас в книгах расписаны? Знаю, хорошие. Только мы с тобою до них не доживем, больно глуп народ — всего боится, — где с таким[8] народом хорошие-то порядки завесть? Так станем жить по старым — и ты по ним живи, Верочка, до новых не доживешь. А старый порядок какой? У вас в книгах написано: старый порядок тот, чтобы[9] обманывать да обирать. Я знаю. А когда нового нет, как же, коль не по старому-то жить-то?[10] Ну и обманывай да обирай. Другого манеру нет.[11] По любви тебе говорю, — ведь я тебе мать. Так и живи. А ты думаешь: новый порядок лучше будет, — а ты думаешь, я не знаю, что лучше будет? Ты думаешь, у меня сердце-то не перекипело? Да я бы их! — Ну и у меня жилы тяни, и я была обманщица да обирательница, — тяни, тяни! Тяни, коли виновата! Спуску не давай! Что меня жалеть! Сама помогу! Перекипело все сердце во мне! Помогу, на себя саму помогу! Тяни, у всех жилы тяни! И у мишкиной матери тяни!

---

[1] *Текст:* Ну так что ∾ не сделала. — *вписан.* [2] *Текст:* с тех пор ее ∾ ну — *вписан.* [3] *Далее было:* А то я была не такая. А кто меня ‹*не закончено*› [4] *Далее было:* и тебя пристроила. А ты думаешь, я не знаю, какая правда-то [5] *Далее было:* Да, надругался, а теперь [6] что новый [7] *Далее было:* — Заведи, тогда станут [8] такому [9] старый порядок тот, чтобы—*вписано.* [10] *Текст:* А когда∾ жить-то? *вписан.* [11] Другого манеру нет. — *вписано.*

И у Мишки-дурака тяни! Народ обирают! Тяни — вот моя рука,[1] подавай сюда мишкину мать, подавай Мишку-дурака — хочу из них жилы тя-хррр...

Она захрапела и повалилась.[2]

Верочка слушала, и[3] женщина, казавшаяся ей чудовищем, теперь становилась понятна: это не зверь, как ей казалось прежде,[4] нет, — это человек — испорченный, ужасный, обращенный колдовством жизни в зверя,[5] но все-таки человек. Прежде в Верочке была только ненависть к матери — теперь она чувствовала, что в ее сердце рождается что-то похожее на жалость.[6] Это был первый и сильный практический урок в любви к людям, как бы ни были они злы и испорчены.[7]

Урок был дан пьяною[8] женщиною, очень дурною.[9]

А между тем Михаил Иванович Сторешников,[10] или Мишка-дурак, как его называла Марья Алексеевна, ужинал в каком-то моднейшем[11] ресторане с двумя приятелями, которые были его компаньонами в ложе;[12] в компании было еще четвертое лицо — француженка, приехавшая с офицером.[13]

— Мсьё Сторешни́к, — вы позвольте мне так называть вас, это приятнее звучит и легче выговаривается, — я не думала, что я буду одна в вашем обществе, я надеялась увидеть здесь[14] Адель.

— Адель поссорилась со мною, к несчастию, — отвечал Сторешников.

— Врет он, Жюли, боится сказать тебе правду, — сказал офицер:[15] — думает, что ты выцарапаешь ему глаза за оскорбление славы[16] своей великой и прекрасной нации, когда узнаешь, что он бросил Адель для нашей[17] соотечественницы.

— Фи, какой дурной вкус! Я бы ничего не имела возразить, если бы вы, мсьё Сторешни́к, покинули Адель для этой грузинки, в ложе которой вы были с ними обоими, но променять француженку на русскую — воображаю: бесцветные серые или оловянные глаза, жиденькие бесцветные во-

---

[1] *Вместо:* Тяни, коли виновата∾рука,— *было: а. Начато:* Не по ‹?› *б. Начато:* Ну *в.* Эх, надо бы, лишь бы другим не терпеть, что я *г.* Да, и у Мишкиной матери тяни! и у Мишки-дурака тяни! Народ обирают! Тяни — вот моя рука, не дрогнула [2] *Далее было: а. Начато:* Да, прочла *б.* Верочка слушала, и [эти дикие] пьяные, дикие слова [пьяной] невежественной, грубой негодницы проясняли ей смысл многого, что читала она в книгах [3] *Далее было:* пьяные, дикие слова невежественной негодницы действительно казались ей так близки по смыслу к тому, что читала она в книгах. Теперь характер матери объяснялся ей тем, что она читала, и живой факт пояснял, ошибалась ли она? Вероятно ошибалась. [Разве] Но эффект речи был не тот, какой [4] *Далее было:* это человек [5] *Вместо:* обращенный ∾ в зверя — *было:* заколдованный в зверский образ [6] *Далее было:* к матери [7] *Далее начато:* Она не могла конечно [8] очень дурною [9] *Вместо:* очень дурною — *было начато:* в пьян‹ом› [10] *Вместо:* Михаил Иванович Сторешников — *было:* Мишка [дур‹ак›] хозяйский сын [11] моднейшем *вписано.* [12] *Далее было:* и была еще четвертая [13] с статским [14] *Далее было:* [мою милую и вашу прекрасную] [bien chère] [A votre belle Ad‹el›] но дальше [я уже не б‹уду›] можно будет уже обойтись без этих точных признаков того, что разговор шел — со стороны по-французски — мою милую, моего друга, красав‹ицу› [15] статский [16] *Было:* национальной славы [17] *а.* русск‹ой› *б.* своей

лосы, бессмысленное, бесцветное лицо — виновата,[1] не бесцветное, а, как вы говорите, кровь со сливками — так, кажется? — то есть[2] кушанье, которое могут брать в рот только ваши эскимосы, — и ни ума, ни жизни, ни огня — фи! фи! Мсьё Jean (она обратилась к офицеру), подайте пепельницу грешнику против граций, — пусть он посыплет пеплом свою голову. <*л. 4 об.*>

— Ты наговорила столько вздора, Жюли, что не ему, а тебе надобно посыпать пеплом голову, — сказал офицер: — как ты бранишь наших русских красавиц, а ведь та, которую ты назвала грузинкой и которую сама ставишь гораздо выше по красоте, чем Адель, ведь она русская.

— Ты смеешься надо мною.

— Чистейшая русская.

— Невозможно!

Серж с комическою торжественностью сделал наклонение головою, выражающее высшую степень положительной несомненности.

— Ты напрасно думаешь, милая Жюли, что в нашей нации один господствующий тип красоты, как в вашей, — да и у вас много блондинок. А у нас блондинки, которых ты ненавидишь и презираешь, — только один из местных типов, может быть самый распространенный, но вовсе не имеющий слишком большого преобладания. Мы — смесь племен, всевозможных племен — от беловолосых до таких, которые ближе к неграм, чем к белокурым северным народам. Я тебе покажу в моем альбоме коллекцию русских красавиц всех возможных типов — от такой, которую ты примешь за англичанку, до такой, которую ты бедуинкою[3] или индейскою баядеркою. И столько огня было у многих у них — говорю по опыту, Жюли.

— Это удивительно! Русская! Но она великолепна! Рост, осанка, — это Виргиния, которая[4] закололась от преследований[5] этого гадкого тирана, Юлия Цезаря, и смерть которой освободила Рим! Великолепна! Зачем она не поступит на сцену?[6] Господа, я говорю только о том, что я видела, но остается один вопрос, очень важный, капитальный: ее нога? Ваш великий поэт Карасен[7] — говорили мне — сказал, что в целой России нет пяти пар маленьких и стройных ног.

— Жюли, это сказал не Карасен, — Карасен знаменитый историк,[8] а поэт самый плохой, да и историк-то не русский, а татарский, — вот тебе новый пример разнообразия[9] наших типов, — да и зовут его не Карасен, а Карамзин. А про ножки сказал Пушкин, стихи которого недурны для своего времени, но теперь уже потеряли цену. Кстати, Жюли, Виргиния закололась от преследований Аппия Клавдия, а не Юлия Цезаря, — когда жил Юлий Цезарь, римские девушки не закалывались от преследований. Да, кстати уж,[10] наши дикари, которые пьют оленью кровь, не эскимосы, а самоеды, — эскимосы живут в Америке.

---

[1] извините, [2] *Далее было:* самое безвкусное из всего, что только [3] *Так в рукописи.* [4] которую [5] *Далее начато:* Юлия [6] *Далее начато:* То есть месьё [7] *а.* Пушкин *б.* Карасин [8] *Вместо:* Карасен∾историк, — *было:* Карасин — Карасин был историк, а не поэ<т> [9] разнородности [10] *Далее было:* у нас живут не эскимосы

— Ты вечно с этими глупостями, Серж;[1] будто не все равно. А впрочем, это полезно для разговора. Эскимосы в Америке, Аппий Клавдий и Виргиния, Карамзин, эскимосы в Америке, самоеды русские, Аппий, Аппий, Аппий. Так. Теперь всё буду помнить.[2] Но, господа, это посторонний эпизод; я многим обязана Сержу, я страстно учиться,[3] но это посторонний эпизод, господа; остается вопрос: ее нога?

— Если вы позволите мне завтра явиться к вам, m-lle Жюли, я буду иметь честь привезти вам ее башмак. — Сторешников говорил с Жюли чрезвычайно почтительно, — он сильно робел перед умной и наглой француженкой.[4]

— Привозите. Я примерю, — это затрогивает мое любопытство.

— Нога удовлетворительна, — подтвердил статский, — но я не идеалист и как человек положительный более интересуюсь существенным:[5] потому я больше обращал внимания на ее бюст.

— Бюст очень, очень хорош, — сказал Сторешников, ободрявшийся выгодными отзывами о предмете его вкуса и досадовавший[6] на себя, что до сих пор, по трусости, не сказал еще ни одного комплимента Жюли: — конечно, хвалить бюст другой женщины здесь было бы святотатством...

— Ха, ха, ха! Этот[7] господин хочет сказать комплимент моему бюсту! Ха, ха, ха! Я не ипокритка и не обманщица, мсьё Сторешни́к, я не хвалюсь и не терплю, чтобы меня хвалили за то, что у меня плохо. У меня довольно еще осталось, чем я[8] могу похвалиться по правде. Но мой бюст — ха, ха, ха! — Жан, вы видели мой бюст, скажите ему? Вы молчите, Жан?[9] Вашу руку, мсьё Сторешни́к,[10] — она схватила его за руку, — чувствуете, что это не тело? Попробуйте еще здесь, и здесь — теперь знаете? — Я ношу накладной бюст, как ношу платье, юбку, рубашку, не потому, чтобы мне это нравилось, — по-моему, было бы лучше без этих ипокритств, — а потому, что это так принято в обществе. Но женщина, которая столько жила, как я, — и как жила, мсьё Сторешни́к, — я теперь святая, схимница перед тем, чем я была, — такая женщина не может сохранить бюста! — И вдруг она зарыдала: — Мой бюст! Мой бюст! Моя молодость! Моя чистота! О, боже! Затем ли я родилась? — Вы лжете, господа, — вскричала она, вскочив и ударив кулаком по столу, — вы клевещете! Вы низкие люди![11] Она не любовни́ца его! Он хочет купить[12] ее! Я видела, как она отворачивалась от него и горела[13] ненавистью к нему! Это гнусно!

— Да, — сказал статский, лениво потягиваясь: — ты прихвастнул, Сторешников, — у вас дело еще не кончено, а ты уже наговорил нам, что живешь с нею, и описывал[14] то, чего еще не видал, — впрочем, это ни-

---

[1] *Далее было:* а впрочем, все это [2] *Далее было:* Merci [3] *Так в рукописи.* [4] *Далее начато:* которая [5] *Далее начато:* между [6] думавший [7] *Далее было:* малень‹кий› [8] что я [9] *Далее было:* Фи, трус! [10] *Далее было:* смелее, смелее — ведь чувствуете, что это вата [11] *Вместо:* низкие люди — *было:* негодяи [12] соблаз‹нить› [13] вспыхивала [14] рассказывал

чего, — не за неделю до нынешнего дня, так через неделю после нынешнего дня, — это все равно. И[1] ты не разочаруешься в описаниях, которые делал по воображению, — найдешь даже лучше, чем думаешь, — я рассматривал, останешься доволен.[2]

Сторешников был вне себя от ярости:

— Нет, m-lle Жюли, вы обманулись, смею вас уверить, в своем заключении,[3] простите, что осмеливаюсь противоречить вам, но она моя любовница. Это была обыкновенная любовная ссора, от ревности, — она видела, что я первый акт сидел в ложе m-lle Матильды. Только и всего.

— Врешь, мой милый,[4] врешь, — сказал Жан и зевнул.

— А не вру, не вру.

— Докажи. Я человек положительный, без доказательств не верю.

— Какие же доказательства я могу тебе представить?

— Ну вот и пятишься, и уличаешь себя, что врешь. Какие доказательства? Будто трудно найти? Да вот тебе: завтра мы собираемся ужинать опять здесь.[5] M-lle Жюли будет так добра, что привезет Сержа, я привезу свою миленькую Матильду, ты привезешь ее; если привезешь, я проиграл, ужин на мой счет; не привезешь — изгоняешься со стыдом из нашего круга.[6] — Жан дернул сонетку, вошел слуга. — Simon, завтра ужин на шесть персон, точно[7] такой, как был, когда я у вас венчался с Матильдою, помните, перед рождеством,[8] — и в той же комнате.

— Как не помнить такого ужина, мсьё. Будет исполнено.

Слуга поклонился и вышел.

— Гнусные люди! Гадкие люди! Я была уличною женщиною два года в Париже, я жила эти два года в самом гадком доме, где собирались мошенники, воры, — я там не встречала троих таких низких людей вместе![9] Боже, с кем я принуждена жить в обществе! За что такой позор мне, боже? — Она упала на колени. — Боже, я слабая женщина! Голод я умела переносить, но в Париже так холодно зимой! Холод был так жесток, обольщения так хитры! Я хотела жить! Я хотела любить — боже, ведь это не грех, за что же так наказываешь меня? Вырви меня из этого круга, вырви меня из этой грязи! Дай мне силу сделаться опять уличною женщиною в Париже, — я не прошу у тебя ничего другого, я не достойна ничего другого! — но освободи меня от этих людей, этих гнусных людей! — Она вскочила и подбежала к офицеру: — Серж, и ты такой же? Нет, ты лучше их. Разве это не гнусно?

— Гнусно, Жюли.

---

[1] *Далее было:* описания твои [2] *Вместо:* останешься доволен — *было:* — хороша, — [будет хорошо] будешь доволен [3] *Далее было: а.* она *б.* это *в.* смею уверять [4] *Вместо:* мой милый, — *было:* братец [5] *Далее было:* Я привезу [М‹атильду›] свою [6] *Далее было: а.* и я продолжаю *б.* и я беру на себя продолжать с нею то [что], чего ты *в.* я изгоняю [7] самый [8] *Вместо:* перед рождеством — *было:* весной [9] *Далее было начато:* Поодиночке

— И ты молчишь? допускаешь? соглашаешься? участвуешь?

— Садись ко мне на колени, моя милая Жюли. — Он стал ласкать ее, она успокоилась. — Как я люблю тебя в такие минуты. Ты славная женщина. Ну что ты не соглашаешься повенчаться со мною? Ведь сколько раз я просил тебя об этом. ‹*л. 5*›.

— Брак? Ярмо? Предрассудок? Никогда! Я тебе запретила говорить такие глупости. Не серди меня. Но,[1] Серж, милый Серж! Запрети ему, он тебя боится, спаси ее!

— Жюли, будь хладнокровнее. Это невозможно, — не он, так другой, все равно. Да вот, посмотри — Жан уже думает отбить ее у него, а таких Жанов тысячи. От всех не убережешь, когда мать хочет торговать дочерью.[2] Лбом стену не прошибешь, говорим мы, русские. Мы умный народ, Жюли. Видишь, как спокойно я живу, приняв этот наш русский принцип.

— Никогда! Ты раб, — француженка свободна! Француженка[3] борется, француженка[4] падает, но она борется! Я не допущу![5] Кто она? Где она живет? Ты знаешь?

— Знаю.

— Поедем к ней. Я предупрежу ее.

— В первом-то часу ночи? Поедем-ко лучше спать. До свиданья, Жан.[6] До свиданья, Сторешников. Разумеется, вы не будете ждать Жюли и меня на ваш завтрашний ужин: вы видите, как она раздражена. Да и мне, сказать по правде, эта история не нравится. Но, коне́чно, вам нет дела до моего мнения, мне — до ваших дел. До свиданья.

— Экая бешеная француженка, — сказал статский, потягиваясь и зевая, когда офицер и Жюли ушли. — Это уж чересчур: с умеренностью — хорошо, когда хорошенькая женщина будирует, но[7] с нею я бы не ужился четырех часов, не то что четырех лет, как Серж. Конечно,[8] Сторешников, наш ужин не расстраивается от ее каприза? Я привезу Поля с Мари вместо них. А теперь пора по домам — мне еще нужно заехать к Матильде.

— Ну, Вера, хорошо.[9] Цвет лица свежий, и глаза не заплаканы. Видно, начала слушаться матери, — говорила за утренним чаем Марья Алексеевна. — Верочка сделала нетерпеливое движение. — Ну хорошо, не стану говорить, не расстраивайся.[10] А я вчера так и заснула у тебя в комнате. Может, наговорила чего лишнего. Я вчера не в своем виде была. Ты не верь тому, что я с пьяных-то глаз наговорила, слышишь? не верь.

---

[1] Я тебе запретила ∾ Но — *вписано.* [2] *Текст:* Да вот ∾ дочерью. — *вписан.* [3] Она [4] она [5] *Далее было:* — Поверь, Жюли, ничему тут нельзя помочь. У нас говорят: «один [не] воин в поле не рать». [6] *Далее было:* — До свиданья. Мы с Жюли не будем на вашем ужине. [7] *Далее было:* до такой степени бушевать [8] А впрочем [9] *Вместо:* Ну, Вера, хорошо — *было начато:* Я вчера [10] не серд‹ись›

Верочка промолчала: мать была опять прежняя Марья Алексеевна, и глаз поопытнее верочкина не мог бы подметить в ней никаких остатков человеческого достоинства.[1] Верочка усиливалась победить отвращение, но не могла. Однако же жалость к матери осталась в ней навсегда.

— Одевайся, Верочка, — чать, скоро придет Мишка-дурак. — Она очень заботливо осмотрела наряд дочери и осталась довольна. — Если ловко поведешь себя, подарю серьги с большими-то изумрудами,[2] — они старого фасона;[3] ушам тяжело, но если на браслетку переделать эти камни, — хорошая браслетка будет. Они у меня за заклад остались за 150 рублей, — с процентами 250, — а стоят больше 400. Слышишь, подарю.

Явился Мишка-дурак. Справился о здоровье Веры Павловны, — «я здорова», — он сказал, что очень рад, и навел речь на то, что здоровьем надобно пользоваться,[4] — конечно, надобно, — по мнению Марьи Алексеевны, и молодостью тоже, — он совершенно согласен и думает, что хорошо было бы воспользоваться нынешним вечером для поездки за город: день морозный, дорога чудесная. — «С кем же он думает ехать?» — «Только втроем: Марья Алексеевна, Вера Павловна и он»;[5] — в таком случае Марья Алексеевна совершенно согласна; это будет очень мило. Но теперь она пойдет готовить кофе и закуску, а Верочка споет что-нибудь.

— Верочка, ты споешь что-нибудь?[6] — прибавляет она многозначительным тоном,[7] не допускающим возражений.

— Спою.

Она села[8] к фортепьяно и запела «Тройку», — тогда эта[9] песня была только что положена на музыку. Но она скоро остановилась.[10] Марья Алексеевна была очень довольна: видно, что Верочка хочет соблюдать послушание, Марья Алексеевна так и внушала ей,[11] — «немножко пропой,[12] а потом и заговори». Но к ее досаде Верочка заговорила по-французски, — «ах, дура я какая: ведь и забыла ей сказать, чтобы говорила по-русски».[13]

Но Вера говорит тихо, — улыбнулась, — ну, значит ничего, хорошо. Только что же стоит, выпучив глаза? впрочем, что же, — известно: Мишка-дурак, так дурак и есть. Он только и умеет хлопать глазами. А нам таких-то и нужно. Ну вот, подала ему руку; отлично, отлично.

— Мсьё Сторешников, я должна говорить с вами серьезно. Вчера вы взяли ложу, чтобы выставить меня вашим приятелям как вашу любов-

---

[1] *Далее начато: а.* Она *б.* Прежней безусловн<ой?> [2] *Далее было:* знаешь, те, что мож<но> [3] *Далее было: а.* но можно передел<ать> на брас<летку> *б. Начато:* если [4] *Далее начато: а.* что не сме<ет> *б.* он пред<лагает?> [5] *Далее было:* прокатятся по островам, [6] *Далее начато:* ты, кажется, после с [7] выражен<ием> [8] стала [9] *Было:* тогда это был новый ро<манс> [10] *Далее было:* Вы знаете [этот ро<манс>] эту песню? вдруг спросила она, остановившись на третьем куп<лете> [11] *Вместо:* Марья Алексеевна ∾ ей — *было:* она так и говорила [12] *Далее было:* что терять [13] *Далее начато:* — Мсьё Сторешников

ницу. Говорить вам, что это бесчестно, я не буду: если бы способны были понять это, вы бы не сделали так. Но я теперь предупреждаю вас: я буду остерегаться встреч с вами где бы то ни было. Но если вы осмелитесь подойти ко мне где-нибудь, — в театре,[1] у кого-нибудь из наших знакомых, на улице, все равно, — я даю вам пощечину.[2] Мать замучит[3] меня[4] (она улыбнулась). Но пусть будет со мною, что будет, все равно. Вы слышали?[5] Вы ныне вечером получите от матери моей записку, что нынешнее катанье наше расстроилось, потому что я нездорова.[6]

Он стоял и хлопал глазами, как уже и заметила Марья Алексеевна.

— Я говорю с вами, как с человеком, в котором нет ни искры чести. Но, может быть, я ошибаюсь, может быть,[7] легкомыслие еще не до конца испортило вас. В таком случае, я прошу вас, перестаньте бывать у нас. Тогда я прощу вам вашу клевету. Если вы согласны, дайте вашу руку, — она протянула руку — он взял, сам не понимая, что делает.

— Благодарю вас. Уйдите же; скажите, что вам надобно торопиться приготовить лошадей для поездки.

Он опять похлопал глазами. Она обернулась к нотам и продолжала «Тройку».

Через минуту Марья Алексеевна вошла, и кухарка втащила поднос с кофе и закуской. Михаил Иванович,[8] вместо того чтобы сесть за кофе, взял шляпу и пятился к дверям. «Куда ‹*л. 5 об.*› же вы? Что с вами?» — «Я тороплюсь, Марья Алексеевна, распорядиться о лошадях». — «Еще успеете». Но Михаил Иванович был уже за дверями.

Марья Алексеевна бросилась из передней в зал с поднятыми кулаками и с криком: «Что ты сделала, Верка проклятая? А?» Но проклятой Верки уже не было в зале, — мать бросилась к ней в комнату, — дверь верочкиной комнаты была заперта, — мать надвинулась всем корпусом на дверь,[9] чтобы выломать ее, но дверь не подавалась, а проклятая Верка сказала:[10] «Если вы будете выламывать дверь, я разобью окно и стану звать на помощь. А вам не дамся в руки живая». Марья Алексеевна бесновалась долго, но двери не ломала; наконец устала кричать. Тогда Верочка сказала через дверь: «Маменька, со вчерашнего вечера мне стало вас жаль. У вас было много горя, вы сказали, оттого вы и стали такая.[11]

---

[1] *Далее было:* на улице [2] *Далее было:* и пусть будет со мною, что будет. [3] съест [4] *Далее начато: а.* я ре‹шилась?› *б.* но я этого *в.* я это знаю [5] *Далее было: а.* У нас *б.* К нам запре‹щаю› *в.* Я про‹шу› *г.* Бывать к нам *д.* Вы перестали бы бывать у нас. Точно так же [я даю] я вам *е.* Если бы в вас была искра чести, вы перестали бы бывать у нас, — [но] вы этого не сделаете; но, конечно, я не буду выходить к вам. Если меня будут тащить к вам насильно, — [предупреждаю, что у меня есть] но этого не будет: мать боится уголовных дел. [6] *Далее начато:* Но если в вас есть хоть искра чести, перестаньте бывать у нас [7] *Далее было:* вы просто [8] *Далее начато:* уже дер‹жал› [9] *Вместо:* мать ∾ на дверь, — *было:* мать попробовала выломать дверь [10] сказала через нее [11] *Далее было:* Прежде я этого не понимала и [делала] любила, когда вы злились. Когда вы меня ругали, когда били, [а я радовалась, что так разозлила, что] я рада была, что вы разозлились. А теперь я не хочу этого. Приходите к двери через час, я вам все скажу, если вы будете спокойны.

Мне жалко вас. Я не хочу вас злить.[1] Приходите к двери через час — и, если будете спокойны, я вам все скажу и выйду к вам. А теперь успокойтесь».

Утомленные нервы[2] сами собой успокоиваются, и у Марьи Алексеевны родилось раздумье: не лучше ли вступить в переговоры с дочерью, чем добиваться у нее послушания ругательствами и побоями? Ведь без нее ничего нельзя сделать — не женишь же без нее на ней Мишку-дурака. Не удалось повести с нею дело, как волчихе, не надо ли стать лисой и с нею, как с Мишкой-дураком?[3] Да и то надо сообразить: ведь еще неизвестно, что она ему сказала, ведь они руки пожали друг другу, что это значит? — Разумеется, таких мыслей не пришло бы в голову Марье Алексеевне, если бы она не видела, что власть ее над дочерью оборвалась, — ну, разумеется, по наблюдению, внесенному во все романы, что дерзкий человек, не привыкший встречать сопротивления,[4] трусит и бывает разбит наповал, как встретит твердое сопротивление.

Но однако же много времени, много времени взяла у Марьи Алексеевны борьба[5] между бешенством и чувством бессилия, свирепостью и хитростью, и бог знает, чем бы все это кончилось, если бы не раздался звонок. Это были Жюли с своим Сержем.

— Серж, говорит по-французски ее мать? — было[6] первое слово Жюли, когда она проснулась.

— Не знаю, а должно быть, не говорит,[7] — она такая грубая баба. Нет, наверное не говорит,[8] — это было видно по ее лицу, когда она вчера вслушивалась в наш шепот. А ты все еще не выкинула из головы своей мысли?

— Нет, Серж; и я попрошу тебя ехать со мною, когда мать не говорит по-французски, — может быть, понадобится передать ей что-нибудь такое,[9] что я не хотела бы передавать через дочь.

— Изволь, мой друг, я рад.[10]

Жюли и Серж проснулись поздно; пока собрались, ушло время часов до 12, а тут понадобилось по дороге завернуть к Вихман, — Жюли заболталась,[11] загляделась на наряды, — потом заехали в лавку Погребова, — потом Жюли вздумалось съесть пирожок в какой-то кондитерской, — таким-то образом и Михаил Иванович успел побывать у управляющего, и Марья Алексеевна успела набеситься до усталости и потом просидеть бог знает сколько времени в усталом и благоразумном размышлении, прежде чем Жюли и Серж доехали с Литейной на Гороховую.

---

[1] *Вместо:* Я ∾ злить — *было:* Не злитесь [2] мысли [3] *Далее начато:* Ведь она и то [4] *Далее было:* падает, встретив сопротив‹ление› [5] *Вместо:* много времени ∾ борьба — *было:* сидела Марья Алексеевна, в борьбе [6] сказала [7] *Далее было:* с нами вчера нет [8] *Далее начато:* иначе, раз она вмеша‹лась› [9] *Вместо:* может быть ∾ такое, — *было:* вероятно, мне надобно будет передать ей [многое что я] много такого, [10] Изволь ∾ я рад. *вписано.* [11] заболталась часа три

— Серж, а под каким же предлогом приехали мы? — спросила Жюли, входя на лестницу.

— Ну, все равно, что вздумается, — она отдает деньги [1] в залог, сними брошку, отдай ей, или вот, гораздо лучше: дочь дает уроки на фортепьяно, ты хочешь учить какую-нибудь племянницу.[2]

Кухарка пришла в благоговение, увидев мундир Сержа и в особенности великолепие Жюли, — такой важной дамы она еще никогда не видывала лицом к лицу. В такое же благоговение и неописанное удивление пришла Марья Алексеевна, когда кухарка доложила,[3] что «полковник [4] N. N. с супругою [5] изволили пожаловать». Полковник был очень важной [6] фамилии. Марья Алексеевна оправилась наскоро и выбежала.[7]

Серж сказал, что [8] очень рад вчерашнему случаю, познакомившему и пр., сказал, что у его жены есть племянница и прочее, что его жена не говорит по-русски,[9] потому он был нужен как переводчик, и т. д.

— Да, могу благодарить моего создателя, — сказала Марья Алексеевна, — у Верочки большой талант учить на фортепьянах, и я за счастье почту, что она вхожа будет в такой дом. Только учительница-то моя несколько нездорова, — Марья Ал<ексеевна> говорила особенно громко, чтобы Верочка слышала ее слова и сообразовалась с ними, — не знаю, будет ли она в состоянии выйти и показать вам пробу свою на фортепьянах. — Верочка, друг мой, можешь ты выйти сюда или нет?

«К матери какие-то незнакомые люди,[10] — почему ж не выйти? Видно, что она при них не станет делать сцену». Верочка отперла дверь и вышла; взглянула на Сержа и вспыхнула от стыда, от досады.

У Жюли были такие глаза, от которых редко что укрывалось, и она начала прямо:

— Милое дитя мое, вы удивляетесь [11] и смущаетесь, видя человека, при котором вчера были так оскорбляемы, который и сам, вероятно, участвовал в оскорблениях. Мой муж легкомыслен, но он все-таки лучше других повес; вы его извините для меня, а я приехала к вам с добрыми намерениями. Мы говорим, что хотим просить вас давать уроки моей племяннице. Это только предлог, но надобно поддержать его. Вы сыграете

---

[1] вещи [2] *Текст:* Серж∾племянницу—*вписан.* [3] сказала [4] генерал [5] *К слову:* супругою — *на полях зачеркнутая вставка:* Жюли звала Сержа, по французскому обыкновению, мужем, он ее женою. Круг [который обнимался], сплетни о котором доходили до Марьи Ал<ексеевны>, не поднимался выше того слоя [6] хорошей [7] *Далее было:* — Мне очень приятно, что я имел вчера удовольствие познакомиться с вами в театре, — позвольте рекомендовать вам мою жену, — [Серж] Жюли по французскому обыкновению звала Сержа мужем, и он ее всегда называл женою, — мы много слышали о том, что ваша дочь прекрасная учительница музыки, — моя жена имеет племянницу, — девочку лет 6, — которой пора учиться на фортепьяно, [но моя жена] и вот она просит вашу дочь давать уроки. [8] что уже [9] *Вместо:* не говорит по-русски — *было:* француженка [10] *Вместо:* К матери ∾|люди—*было:* Верочка слышала чужие голоса, — какие-то гости [11] *Далее начато:* видя и негоду<ете>

нам что-нибудь, — покороче, — потом я пойду в вашу комнату, и мы переговорим. Слушайтесь меня, дитя мое <*л. 5*>.

Та ли это Жюли,[1] которую знает вся аристократичная петербургская молодежь? Та ли это[2] Жюли,[3] которая кричит, поет, легкомысленничает, отпускает такие штуки, от которых не всякий повеса не покраснеет?[4] Нет, это не она, — это серьезная, солидная, величественная дама,[5] — это княгиня, до ушей которой никогда не доносилось ни одно грубоватое слово, которая во всю жизнь была и будет строжайшею хранительницею самого строгого светского достоинства.

— Верочка, госпожа полковница, верно, передали тебе свое желанье?[6]

— Да, жена[7] сказала ей, зачем приехала, — подтвердил Серж.

— Так ты, конечно, почтешь себя за честь соответствовать их намерению, если потрафишь[8] на них своим искусством. А теперь сделай при них пробу ему на фортепьянах.[9]

Верочка села делать пробу на фортепьянах, Жюли стала возле нее и показывала вид, что внимательно слушает, Серж занимался разговором с Марьею Алексеевною.

— Ты, конечно, выведываешь из нее все, что нужно,[10] — конечно, ты расспросишь ее больше всего о ее намерениях относительно твоего гадкого приятеля. Мы уходим, ты не отпускай ее мешать нам, мы скоро кончим.

— Жена говорит, — перевел Серж, — что ваша дочь играет восхитительно, но что она желает поближе познакомиться со взглядом вашей дочери на преподавание и с ее характером, потому характер учительницы действует на ребенка, а моя жена так заботится о своей племяннице.[11]

— У моей Верочки, можно сказать, ангельский характер, уж я ей так успокоена, так успокоена.

Жюли взяла Верочку за талью, прошла с нею раза два по залу, потом повела ее в ее комнату.

— Милое дитя мое, ваша мать дурная, очень дурная женщина. Но чтобы мне знать, как мне говорить с вами, прошу вас рассказать мне, как и зачем вы были вчера в театре и что там было с вами. Я все это знаю от моего мужа, но из вашего рассказа я узнаю ваши понятия и ваш характер. Говорите, как с сестрою, откровенно — меня стыдиться нечего, и не опасайтесь[12] меня.

Та ли это Жюли, которая вчера[13] при своем любовнике брала руку молодого человека и заставляла его ощупывать свою грудь, приговари-

---

[1] *Далее начато: а.* вертляв<ая> *б.* отчаян<ная> [2] *Далее начато:* легкомысл<енная> [3] *Далее было: а.* у которой *б.* которая чуть на голове не ходит? [4] *Далее было:* которые [5] *Далее было:* она говорит плавно [6] *Далее начато:* Ты, конечно, почтешь себя [7] она [8] угодишь [9] *Вместо:* при них ∾ на фортепьянах — *было: а.* ему *б.* при них [10] *Далее начато:* расспроси<шь> [11] *Далее было:* и потому она хочет с вашей дочерью — мы здесь стали бы им мешать, пусть они уйдут в ко<мнату> [12] не бойтесь [13] *Далее было:* брала

вая: «плотнее, смелее — чувствуете тело?»[1] — Ее ли это лицо, ее ли голос внушает такое полное и заслуженное доверие — чистой девушке? она ли слушает эту девушку с нежною внимательностью, с благородным негодованием чистейшей из женщин? Да, это она, та самая Жюли, которая вчера кутила и ныне будет кутить, — нужды нет, на нее может положиться чистая девушка.

— Так, вы[2] девушка умная, и у вас есть характер. С вами можно говорить. Слушайте же, что было дальше, — сказала Жюли, выслушав. — Эти трое господ и с ними одна потерянная женщина — это страшное слово, мое милое дитя, — отправились кутить в трактир. Там эта потерянная женщина сказала вашему врагу, что он клевещет на вас. Один из его друзей — негодяй, — к счастью, это не мой муж — мой муж молчал, — этот негодяй стал подсмеиваться над вашим врагом, и у них составилось пари, что он привезет вас ныне вечером в тот же трактир,[3] как свою любовницу, ужинать со вчерашнею компаниею. Он хочет купить[4] вас у вашей матери — это ясно. Она в состоянии продать вас — это видно по ее лицу.

— Нет, моя мать не продаст меня, — сказала Верочка, — правда, она дурная женщина, но не до такой же степени. Но он хотел[5] обмануть мою мать. Он был у нас ныне и звал нас вечером кататься. — Верочка рассказала, как было дело.

— Да? Вы уверены, что он хотел обмануть вашу мать? А я скорее предполагаю, что они оба были в заговоре против вас, что она уже продала вас. Надобно[6] узнать, вы или я угадываем истину. Я пойду к ним и увижу это. Вы оставайтесь здесь. Вы там лишняя.

— Серж, он уже звал[7] эту женщину и ее дочь кататься ныне вечером.[8] Скажи ей, что[9] было вчера,[10] — из того, как она примет это, мы увидим, была ли она в заговоре с ним.

— Жена моя говорит, что у вашей дочери действительно ангельский характер и что они совершенно сошлись.[11] Она хочет теперь спросить вас о цене уроков, — вероятно, мы не разойдемся и на этом. Но позвольте мне прежде докончить наш разговор о нашем общем знакомом. Вы очень его хвалите. А известно ли вам, что он говорит о своих отношениях к вашему семейству, например: с какою целью он приглашал нас вчера к вам в ложу?

— Я не сплетница, — отвечала с заметным неудовольствием Марья Алексеевна, — сама не разношу вестей и мало их слышу. — Это было сказано даже не без колкости, при всем ее благоговении к гостю, — мало ли что болтают молодые люди, особенно когда подкутят?[12] Они все

---

[1] *Далее было:* Да, это та самая Жюли, которая еще и не такие штуки делала и будет делать, — [неужели это она] что это она, — она [2] *Далее было:* понимаете [3] *Далее было:* ужинать [4] подку<пить> [5] хочет [6] Но надобно [7] *Далее было:* их ныне [8] *Далее было:* Нужно узнать, была ли она в заговоре. [9] *Было:* *а.* Потому говор<и> *б.* Скажи прямо, за что [10] *Далее было:* посмо<трим> [11] сойдутся [12] *Далее начато:* Это они нехорошо

любят хвалиться своими успехами в женщинах. На это нечего обращать внимания.[1]

— Хорошо-с. Ну, а вот это вы назовете сплетнями? — и он рассказал вчерашнюю историю. Марья Алексеевна не дала ему докончить последнего слова, — как только он дошел до пари об ужине, она вскочила и с бешенством закричала, совершенно забывая важность гостей:

— Так вот они, штуки-то какие! Ах, он разбойник! Ах, он мерзавец! Так вот он зачем кататься-то звал! Он бы меня за городом-то на тот свет отправил, чтобы беззащитную девушку обесчестить! Ах он сквернавец! — и так дальше, — потом она стала благодарить[2] гостя за спасение жизни ее и чести ее дочери. — То-то, батюшка, я уж и сначала догадывалась, что вы что-нибудь неспросту приехали, что уроки-то уроками, а[3] цель-то у вас другая, — меня ведь на мякине-то не обманешь [4] — я старый воробей, — видела, батюшка, видела, что у вас не уроки на уме, — да я думала, что вы хотите выведывать да расстроивать, что у вас ему другая невеста приготовлена, вы его у нас отбить хотите; согрешила на вас, окаянная, простите меня великодушно. Вот, можно сказать, по гроб облагодетельствовали. — И ее благодарности, ругательства, извинения долго лились беспорядочным потоком.[5] ‹*л. 6 об.*›

Жюли недолго слушала эту бесконечную ‹речь›, смысл которой был ясен из тона голоса и жестов; француженка с первых же слов Марьи Алексеевны встала и вернулась в комнату Верочки.

— Да, вы правы, ваша мать не участвовала в заговоре. Она еще думает только насильно отдать вас за него, а не продать. Она теперь очень раздражена против него, но я хорошо знаю таких людей, как она: у них никакое чувство не удержится против расчета денежных выгод. Она скоро опять примется ловить жениха — и чем может кончиться, неизвестно. Но во всяком случае вам будет очень тяжело. Теперь, на первое время, она вас оставит в покое. Но я вам говорю, что это ненадолго. Что вам делать? об этом надобно подумать. У вас есть родные в Петербурге?

— Нет.

— Это жаль. У вас есть любовник?

Верочка не знала, как и отвечать на это, — она только странно раскрыла глаза.

— Простите, простите, это видно, что нечего об этом и спрашивать. Значит, у вас нет приюта. Ну, слушайте: я не то, чем вам показалась. Я не

---

[1] *Далее было:* — Вы так думаете? Я не согласен с вами. — Я больше вашего на свете жила [сужу], потому и [холодна] не обращаю внимания на пересуды, и к молодым людям. [2] *Вместо:* стала благодарить — *начато: а.* разраз‹илась› *б.* рассыпалась в благ‹одарности› [3] *Далее было:* вы хотите [4] *Против текста:* Я не мастерица ∾ не обманешь — *на полях запись:* (к сну Верочки) — Только, как зовут вас? Мне так хочется знать. — У меня много имен. Как нужно кому звать меня, так и зовет. Есть у меня страшные имена, есть у меня добрые имена. Ты зови меня любовью к людям, — это и есть мое настоящее имя. [5] *Вместо:* беспорядочным потоком — *начато: а.* неудерж‹имым?› *б.* бурным

жена ему. Я у него на содержаньи. Я известна всему Петербургу как погибшая женщина. Но я честная женщина. Прийти ко мне — для вас значит потерять репутацию. Уже то, что я один раз была в этой квартире, довольно опасно для вас, а приехать мне сюда во второй раз было бы наверное губить вас. Между тем нам надобно увидеться еще, может быть и не раз, — то есть, если вы доверяете мне. Да? Так когда вы завтра можете располагать собою?

— Часов в двенадцать.

— Для меня это немного рано, но все равно, встану пораньше. Дожидайтесь меня — ну хоть в Гостином дворе, по той линии, которая противоположна Невскому, — она самая маленькая, там легче увидеть друг друга. Я буду под густой вуалью, чтобы не компрометировать вас. Мы поговорим. Да, вот еще счастливая мысль. Дайте бумаги, я напишу к этому негодяю, чтобы взять его в руки. — Она написала:

— «Мсьё Сторешни́к, вы, вероятно, теперь в большом затруднении. Если хотите избавиться от него, будьте у меня ныне в 7 часов. Жюли».

— Теперь прощайте. — Жюли протянула руку, но Верочка бросилась к ней на шею — и целовала, и плакала, и опять целовала. — А Жюли и подавно <не> выдержала — ведь она не была так воздержна на слезы, как Верочка.

— Друг мой, милое мое дитя, — о, не дай тебе бог никогда узнать, что чувствую я теперь, когда после многих лет в первый раз прикасаются к губам моим чистые губы. Умри, но не давай поцалуя без любви!

Первая грудь, к которой с доверием и любовью прижалась грудь Верочки, была грудь погибшей женщины, — это был второй практический урок ее в любви к людям.[1]

План Сторешникова не был так человекоубийствен, как предположила Марья <Алексеевна>: она, по своей манере, дала делу слишком грубую форму; но сущность дела она отгадала. Сторешников думал продлить катанье приблизительно до той поры, когда начнется ужин; завезти своих дам в тот ресторан, где будет ужин, — конечно, в другую, отдаленную, особую комнату; всыпать опиуму в чашку чаю или в рюмку вина Марье Алексеевне; Верочка встревожится, растеряется, когда мать повалится без чувств; он заведет ее в компанию ужинающих, — вот уже пари выиграно, а что там дальше делать, покажут обстоятельства, — может быть, Верочка в своем смятении ничего не поймет и посидит в незнакомой компании, а если явится в ней подозрение, если она уйдет сейчас же — ничего, это извинят, потому что она только еще вступила на поприще авантюристки и, натурально, совестится на первых порах.

Но теперь что ему делать? Он проклинал свою хвастливость, проклинал свою ненаходчивость при внезапном сопротивлении Верочки. Осра-

[1] *Далее на полях дата:* 19 декабр<я>

мился, осрамился. Если бы он был похрабрее, он посматривал бы на пистолет, — но он этого не делал, а только мысленно желал себе провалиться сквозь землю, по временам выражая это желание и словесным монологом. Да, ему теперь нельзя будет носу показать никуда, — засмеют. «Чорт бы меня побрал!» — «Чорт бы вас всех побрал!»

И в этаком-то расстройстве и сокрушении духа — письмо от Жюли. Целительный бальзам на рану, — луч спасения в непроглядном мраке, столбовая дорога под ногою тонувшего в бездонном болоте. Сторешников считал минуты до 7 часов. «О, она поможет! Она умнейшая женщина! Она все может придумать.[1] О, она, если захочет, всем зажмет рты — ведь ее все боятся! Какая добрая, благородная!»

Минут за десять до семи часов он уже был перед ее дверью. — «Изволят ждать и приказали принять». — Как величественно сидит она, как строго смотрит! Едва наклонила голову в ответ на его поклон. «Очень рада вас видеть, прошу садиться», — ни один мускул не пошевельнулся в ее лице — будет головомойка, сильная головомойка! «Ничего, ругай, только спаси!»

— Мсьё Сторешни́к, — начала она холодным, медленным[2] тоном: — вам известно мое мнение о деле, по которому мы видимся теперь и которое потому не нужно мне вновь характеризовать теперь. Я видела ту молодую особу, о которой был разговор вчера. Она рассказала мне о вашем нынешнем визите к ним, следовательно я знаю все[3] и очень рада, что это избавляет меня от тяжелой надобности расспрашивать вас о чем-либо. Ваше положение с одинакою определенностью известно и мне, и вам («господи, господи! лучше бы ругалась!» — думает[4] подсудимый); — мне кажется, что вы не можете выйти из него без посторонней помощи и не можете ждать успешной помощи ни от кого, кроме меня, — если вы имеете что-нибудь,[5] я жду. Итак, — продолжала она после небольшой паузы, — вы также полагаете, что никто другой не в состоянии помочь вам, — выслушайте же, что я могу и желаю сделать для вас. Конечно, при известном вам моем взгляде на дело, занимающее нас, вы не должны ожидать, что я окажу вам пособие без возложения на вас известных требований; я выскажу их, если средство, которое могу я принять для вашего избавления,[6] найдете действительно могущим вывести вас из настоящего вашего положения («мучительница! так и вытягивает душу!»). Я могу сделать для вас следующее: отправить к Жану это письмо, уже приготовленное мною, — я пишу:

«Мой маленький Жан, я передумала после вчерашнего моего отказа участвовать в вашем ужине, — он будет очень мил, и я непременно хочу быть на нем; но, к несчастию, я не могу располагать нынешним вече-

---

[1] сделать [2] величавым [3] *Вместо:* я знаю все — *было:* я не могла узнать [4] мыслит [5] *Так в рукописи, по-видимому пропущено слово:* возразить [6] *Далее было:* покажется вам [достато‹чно›] [разрешаю‹щим›] действи‹тельно›

ром, — будьте же так добры, согласитесь для меня и убедите мсьё Сторешника согласиться на то,[1] чтобы отложить это[2] удовольствие до другого вечера, о котором мы условимся! Вы так любезны, что не откаже<те> мне в этом удовольствии, а[3] ваше влияние на мсьё Сторешника[4] сильно, потому я надеюсь, что вы победите его естественное нетерпение.[5]

P. S.[6] За нынешний напрасный заказ ужина должна заплатить я; не допускаю никаких возражений против этого».

— Если вам кажется, что этого будет достаточно («совершенно! совершенно! вы спасаете меня!» — лепечет подсудимый), — итак, по вашему мнению, достаточно, — в таком случае высказываю свои требования.[7] Вы принимаете их — я отправляю письмо; вы отвергаете их — я жгу письмо («а, чорт бы тебя, что ты мучишь-то так долго, — на всё согласен», — думает подсудимый), и вы остаетесь при собственных ваших силах («ну уж нет, не захочу»). Итак, мои требования. Первое: вы прекращаете всякие преследования молодой особы, о которой мы говорим. Второе: вы перестаете упоминать ее имя в ваших разговорах. Первое нужно для нее; второе — также для нее, но еще гораздо более для самих вас: я отложу ужин на неделю, потом еще на неделю, и дело забудется; но вы поймете, что другие забудут его в том случае, когда вы не <будете> напоминать о нем каким бы то ни было словом о молодой особе. Что вы думаете о моих требованиях?

— Клянусь исполнить их, — произносит подсудимый и начинает дышать свободнее.

— Я очень рада. Письмо отправляется. Потрудитесь сам запечатать. Вот оно, — просмотрите его — я не имею и не требую доверия, — и вот конверт, уже надписанный. — Я звоню, — Лизетта, вы отдадите это письмо Захару[8] и прикажете[9] ему отправиться немедленно. Лизетта, я не виделась ныне с мсьё Сторешником, — вы понимаете? Он не был здесь.

— Через десять минут вы должны будете спешить домой, чтобы Жан застал вас, — мое письмо найдет его, я справилась, что он обедает ныне у Матильды. Но десятью минутами вы еще можете располагать, и я воспользуюсь ими, чтобы сказать вам несколько слов, — вы последуете или не последуете совету, в них заключающемуся, но вы зрело обдумаете их. Я не буду говорить об обязанности честного человека относительно девушки, имя которой он компрометировал, — я слишком хорошо знаю светскую молодежь, чтобы ждать пользы от рассмотрения этой стороны

---

[1] на некоторую от<срочку?> [2] его [3] быть может [4] *Далее было:* заставит и его отложить [5] *Вместо:* что вы ∾ нетерпение. — *было:* на успех [6] *Далее начато:* Плачу [7] *Далее начато:* Ответ [8] Ивану [9] *Далее начато:* ему ждать ответа, и если

вопроса. Но[1] я нахожу, что женитьба на девушке, о которой мы говорим, была бы выгодна для вас. Как женщина прямая, я изложу вам основания такого моего мнения с полною ясностью, хотя некоторые из них и щекотливы для вашего слуха, — впрочем, я смотрю на вас, и не только одного вашего слова — малейшего жеста[2] вашего будет достаточно, чтобы я остановилась. Вы человек слабого характера и рискуете попасться в руки какой-нибудь дурной женщины, которая будет мучить вас и помыкать вами. Она добра и благородна, она не стала бы[3] обижать вас. Женитьба на ней, несмотря на низкость ее[4] происхождения и бедность, сравнительно с вами, чрезвычайно много двинула бы вперед вашу карьеру: она, будучи введена в большой свет, при ваших достаточных денежных средствах, при своей красоте, уме и силе характера,[5] заняла бы[6] в нем очень блестящее место;[7] выгоды от этого для мужа понятны. Но кроме тех выгод, которые получил бы всякий муж от такой жены, вы, по особенностям вашей натуры, более чем кто-либо нуждаетесь в содействии — скажу прямее — в руководстве. Каждое мое слово было взвешено; каждое основано на наблюдении над нею. Я не требую доверия, но рекомендую вам обдумать мой совет.[8] Я сильно сомневаюсь, чтобы она приняла вашу руку, — но[9] если бы она приняла ее, это было бы очень выгодно для вас. Я не удерживаю вас больше, вам надобно спешить домой. ‹*л. 7*›

Марья Алексеевна, разумеется, уже не претендовала на отказ Верочки от катанья,[10] когда увидела, что Мишка-дурак хотел погубить ее, Марью Алексеевну, чего Мишка-дурак вовсе не хотел. Верочка была оставлена в покое... — На другое утро она без всякой помехи отправилась на условленное свиданье. «Здесь морозно, я не люблю холода, — сказала Жюли: — куда-нибудь надобно нам отправиться, куда бы? Погодите, я сейчас вернусь из этой лавки. Вы не входите». — «Сквозь эту вуаль ничего не будет видно,[11] и вы в ней можете безопасно ехать ко мне. Поедемте. Только не подымайте вуаль, пока моя горничная не выйдет из комнаты. Лизетта[12] очень скромна, но я не хочу, чтоб и она вас видела. Я вас слишком берегу. Видите, я надела лизеттину шубу и шляпу, чтобы никто не узнал меня».

Когда Жюли отогрелась, выслушала всё,[13] что имела сказать Верочка, она рассказала ей вчерашнее свое свиданье с Сторешниковым.

---

[1] *Далее начато:* а. я имела б. я имею причины, по моему мнению [2] *Вместо:* жеста — *было начато:* недоволь‹ства› [3] *Вместо:* она не стала бы — *было:* с нею вы [4] *Вместо:* Женитьба на ней ∾ ее — *было:* Она, несмотря на низкость своего [5] *Слова:* при своей ∾ характера, — *вписаны.* [6] стала [7] *Вместо:* блестящее место; — *начато:* выгодное положение; [8] *Далее начато:* Препят‹ствия› [9] *Далее начато:* советов‹ала?› [10] *Вместо:* разумеется ∾ от катанья, — *было:* совершенно примирилась с отказом дочери от катанья, [11] *Вместо:* Сквозь ∾ видно, — *было:* Эта вуаль очень густая, [12] Моя Лизетта [13] новости

— Теперь, милое дитя мое, нет никакого сомнения, что он через несколько времени сделает вам предложение. Эти люди влюбляются по уши, когда волокитство их отвергается. Знаете ли вы, что вы поступили с ним, как опытная кокетка? Кокетство, — я говорю про настоящее кокетство, а не про глупые, бездарные подделки под кокетство, они отвратительны, как всякая плохая подделка под хорошую вещь, — кокетство — это ум и такт в применении к делам женщины с мужчинами. Потому совершенно наивные и чистосердечные девушки[1] кажутся иногда кокетками дурам и сплетницам.[2] Они без кокетства действуют так, как действуют хорошие кокетки,[3] потому что[4] для этого даже вовсе не нужно рассчитанного намерения, — довольно иметь ум и такт. Может быть, и мои доводы[5] отчасти подействуют на него, но я себе не приписываю заслуги, главное — вы. Как бы ни было, он сделает вам предложение, и я советую вам принять его.

— Вы, которая вчера сказали мне: лучше умереть, чем дать поцалуй без любви?

— Милое дитя мое, это было сказано в экстазе: в минуты экстаза оно верно и хорошо. Но жизнь — проза и расчет.

— Нет, никогда, никогда! Он гадок, это отвратительно, — я не унижусь, пусть меня съедят, — я брошусь из окна, я пойду собирать милостыню, — но отдать руку гадкому, тупому, низкому человеку, — нет, лучше умереть!

Жюли стала выставлять выгоды: — «Вы избавитесь от преследований матери, вам грозит опасность быть проданной, — он не зол, а только глуп, — глупый и незлой муж лучше всякого другого для умной женщины с характером, — вы будете госпожою в доме». Она в ярких красках описала положение актрис,[6] танцовщиц, других женщин, которые не подчиняются мужчинам в любви, а господствуют над ними. «Это самое лучшее положение в свете для женщины, кроме того, когда к такой же независимости и власти прибавляется со стороны общества еще формальное признание законности такого положения, — то есть, когда муж относится к жене, как поклонник актрисы к актрисе».[7] Жюли говорила много, Верочка спорила много, обе разгорячились, — Верочка наконец дошла до пафоса:

— Вы называете меня фантазеркою, спрашиваете, чего же хочу[8] от жизни? Я не хочу ни властвовать, ни подчиняться, я не хочу ни обманывать, ни притворяться, — я не хочу смотреть на мнение других, добиваться[9] того, что рекомендуют мне желать другие, хотя мне самой этого вовсе не нужно, — я не привыкла к богатству — мне самой оно не нужно, зачем же я стану искать его только для того, что другие думают, будто оно

---

[1] *Вместо:* совершенно ∾ девушки — *начато:* многие у‹мные› [2] *Далее начато:* Ваша мать слишком груба, [3] *Далее было:* сходство поразительно, рукод ‹*не закончено*› [4] *Далее было:* кокетка [5] вчера‹шние› доводы [6] *Далее было:* певиц [7] *Далее было:* и вы можете [8] *Далее начато:* чего ищу в [9] желать

всякому приятно и, следовательно, должно быть приятно мне? Я не была в обществе, не испытывала, что значит блистать, — и у меня [1] еще нет потребности к этому, — зачем же я стану жертвовать чем‹-нибудь› для блестящего положения только потому, что, по мнению других, оно приятно? Я не пожертвую ничем для того, что не нужно мне самой, не только собою не пожертвую, не пожертвую даже капризом. Я хочу быть независима и жить по-своему; что нужно мне самой, на то я готова, — чего не нужно мне самой, того не хочу и не хочу делать. Что нужно мне будет после [2] — я не знаю, — вы говорите, я молода, неопытна, переменюсь, — когда переменюсь, тогда и переменюсь, — а теперь — не хочу, не хочу, не хочу ничего, чего не хочу. А чего я хочу теперь? Я сама не знаю, — хочу ли я любить мужчину — я не знаю, — ведь я вчера поутру,[3] когда вставала, не знала, что мне захочется полюбить вас, — за несколько часов до того, как полюбила вас, не знала, что полюблю, — и не знала, как это я буду чувствовать, когда полюблю вас. Так вот теперь я не знаю, что я буду чувствовать, когда буду любить мужчину, — я знаю только, что не хочу никому поддаваться, — хочу быть свободна,[4] никому не хочу быть обязана ничем, чтобы никто не смел сказать мне: «ты обязана делать для меня что-нибудь»; я хочу делать только, что буду хотеть, и пусть другие делают так же, я ‹не› хочу ни от кого требовать ничего,[5] — я хочу не стеснять [6] ничьей свободы и хочу быть свободна.

Жюли слушала и задумывалась, задумывалась и краснела, и — ведь она [7] не могла не вспыхивать, когда подле был огонь, — вскочила [8] и прерывающимся голосом заговорила:

— Так, дитя мое, так. Я и сама бы так чувствовала, если бы не была развращена, — не тем я развращена,[9] за что называют женщину погибшей,[10] не тем, что было со мной, что я терпела, от чего страдала, — нет, не тем я развращена, что [11] тело мое было предано поруганью, а [12] тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою, нуждаюсь в других, — должна угождать, делать то, чего не хочу, что противно мне, — вот это разврат. Не слушай того, что я тебе говорила, дитя мое: я развращала тебя, — вот казнь, вот мучение — я ‹не› могу прикасаться к чистому, не оскверняя; беги меня, дитя мое, прощай, прощай, я гадкая женщина, не думай о свете, — там все гадкие, хуже меня, — где праздность, там гнусность, где роскошь, там гнусность,[13] — беги, беги! [14]

---

[1] *Далее начато:* нет к эт‹ому› [2] потом [3] *Далее было:* не знала, что [4] *Далее было:* хочу, чтобы [5] *Далее было:* кто что хочет [6] быть [7] *Далее было:* вспыхивала от пафоса [8] *Далее было:* протянула руки, будто благословляя и [9] *Далее было:* что у меня были десятки [10] раз‹вратной› [11] *Далее было:* погибшая женщина [12] *Текст:* не тем, что было со мной ∾ а — *вписан.* [13] где роскошь — там гнусность — *вписано.* [14] *Далее начато:* Там живут, как я, на чужой счет, — там *Далее дата:* 20 декабр‹я› $6^1/_2$ час‹ов› утр‹а›

Сторешников чаще и чаще начал думать: «а что, как я в самом деле возьму да женюсь на Вере?»[1] С ним произошел случай, очень обыкновенный в жизни не только людей несамостоятельных, в его роде, а даже и людей с независимым характером, даже и в истории народов, — этими случаями наполнены томы Юма и Гиббона, Ранке и Тьерри, — люди толкаются, толкаются в одну сторону — только потому, что не слышат слова «а попробуйте-ко, братцы, толкнуться в другую», — услышат — и начнут[2] поворачиваться направо кругом — и пошли толкаться в другую сторону. Сторешников слышал и видел, что богатые молодые люди приобретают себе хорошеньких небогатых девушек в любовницы, — ну и он добивался сделать Верочку своею любовницею, другого слова не приходило ему в голову; он услышал другое слово «можно жениться»[3] — ну и стал думать на тему «жена», как прежде думал на тему «любовница».[4]

Это общая черта,[5] по которой Сторешников очень удовлетворительно изображал в своей особе[6] девять десятых долей истории рода человеческого. Но и историки и психологи говорят, что в каждом конкретном случае общая причина индивидуализируется местными,[7] временными, и племенными, и личными мотивами и что вот они-то и важны, — то есть, что все ложки[8] хотя и ложки, но каждый хлебает[9] суп или щи тою ложкою, которая у него, именно у него в руке, и что вот именно эту-то ложку надобно рассматривать.[10] Почему не рассмотреть?

Главное уже сказала Жюли:[11] сопротивление разжигает охоту.[12] Сторешников привык мечтать, как он будет «обладать» Верочкою, — я схожусь[13] с Жюли в том, что люблю называть грубые вещи прямыми именами грубого и пошлого языка, на котором почти все мы почти постоянно мыслим и говорим, — о чем кто думает чисто, о том надобно говорить чисто, ‹*л. 7 об.*› деликатно, а грубость зачем скрашивать словами? — Я в этом случае нахожу неудовлетворительным слово «обладать»; но публика так деликатна, что не позволила бы мне выражаться, как надобно,[14] — ну, будем[15] говорить «обладать», а разуметь будем самые грязные мечты пустого сладострастия. Сторешников уже несколько недель занимался тем, что воображал себе Верочку в разных позах, и хотелось ему, чтобы эти мечты осуществились. Оказалось, что не осуществит их она как любовница, — ну пусть осуществляет как жена, это все равно. Приятные мысли, — ну да их мы попробуем разобрать когда-нибудь в другой раз.[16]

---

[1] *Далее было:* очень обыкновенный слу‹чай› [2] вдруг его и начнут [3] *Вместо:* «можно жениться» — *было:* «женись» [4] *Далее было:* По-моему это так, и всё тут. Но историки и психологи не довольствуются таким объяснением, — им, кроме того, что переменяются [люди] [5] *Вместо:* общая черта, — *было:* *а.* общее объясн‹ение› *б.* общая причина, с которой Стор‹ешников› [6] *Вместо:* в своей особе — *было:* собою [7] конкретными, [8] *Далее было:* просто ложки и только [9] *Было:* *а.* ест *б.* подносит [10] *Далее было:* По-моему следует больше рассматривать суп или щи, хороши ли они или нет [11] *Далее было:* люди [12] *Далее начато:* и увидев, что [13] *Далее было:* по характеру [14] *Вместо:* как надобно — *было:* сме‹лее?› [15] стану [16] *Далее начато:* А жена, признаюсь вам

О, грязь, — о, грязь![1] — «обладать» — кто смеет обладать человеком? Обладают сюртуком,[2] халатом, туфлями. Пустяки, заидеальничался: каждый из нас, мужчин, обладает кем-нибудь из вас, наши сестры.[3] Опять заидеальничался, — какие вы нам сестры, вы — наши лакейки, — иные из вас — многие — господствуют над нами, — ничего,[4] ведь и многие лакеи господствуют над своими барами.[5]

Сладострастие разыгралось в Сторешникове после театра с такою силою, какой он еще не знал. Когда он показал любовницу своей фантазии, то узнал, что эта любовница занимает между всеми женщинами по красоте. Ведь красоту, все равно что ум, что всякое другое достоинство, большинство людей оценивает с точностью только по общему отзыву. Всякий видит, что красивое лицо красиво,[6] но у большинства только этим неопределенным впечатлением или суждением и ограничивается мнение, пока красота не получит[7] диплома на ранг, соответствующий ее достоинству.[8] Верочку в галерее или в последних рядах кресел, конечно, не замечали; но когда она явилась в ложе второго яруса, на нее было наведено больше биноклей, чем на кого-нибудь, — а сколько восторженных похвал ей слышал Сторешников в фойе, куда отправился, проводив ее, — а Серж — о, это человек с очень разборчивым вкусом, — а Жюли, страшная Жюли, — они как отозвались? Ну нет, когда наклевывается такое счастие,[9] так не надо разбирать,[10] как им завладеть.

Самолюбие было раздражено вместе с сладострастием. Но оно было затронуто и с другой стороны: «она едва ли пойдет за вас». «Как? за меня не пойдет? при таком[11] мундире и доме? Нет, врешь, француженка, пойдет, — вот пойдет же, пойдет».

Была и еще одна причина в том же роде. Мать Сторешникова, конечно, станет противиться женитьбе, — мать в этом случае представительница света, — а Сторешников до сих пор трусил матери и, конечно, тяготился своею зависимостью от нее. Для людей бесхарактерных очень завлекательна мысль: «я не боюсь; захочу, так не побоюсь, у меня есть характер».

Конечно, тут было и желание блистать в обществе через жену.[12]

А тут прибавилось и то, что ведь Сторешников не смеет показаться к Верочке в прежней роли, — а так[13] и тянет посмотреть на нее.[14]

Словом сказать, с каждым днем Сторешников все тверже[15] думал жениться и через неделю явился с предложением. Верочка не выходила из комнаты — он мог сказать свое намерение только Марье Алексеевне.

---

[1] *Далее было:* только [2] *Далее было:* шляпкою, сапо<гами> [3] читательницы. [4] *Далее было:* это господство и держится всё [5] *Далее начато:* но мне эти го<спода?> [6] *Далее было:* а до какой именно степени красивей этого? [7] *Далее начато:* соответству<ющего> [8] *Далее начато: а.* Конечно, Гоголь хорошо п<оказал?> *б.* Диплом был получен. Диплом очень высокий [9] *Далее начато:* что позы, перина, осущест<влять> [10] зевать, [11] *Далее было:* чине [12] *Далее было начато: а.* но главное *б.* словом сказать [13] *Было:* а как же [14] *Далее было:* особенно, когда она играет на фортепьяно, да и [15] *Вместо:* всё тверже — *было: а.* яснее *б.* ближе

Марья Алексеевна отвечала, что она с своей стороны почтет за большую честь, но как любящая мать спросит мнение дочери и просит пожаловать за ответом завтра поутру.[1]

— Ну, молодец-девка моя Вера, — говорила мужу[2] Марья Алексеевна, удивленная таким быстрым оборотом дела: — гляди-ко, как она забрала молодца в руки, — а я думала, думала, не знала, как и ум приложить, — думала, что много хлопот мне будет опять его заманить, — думала, испорчено все дело, — а она, моя голубушка, не портила, а к доброму концу вела; знала, как надо поступать. — Ну, хитра, нечего сказать.

— Господь умудряет младенцы, — произнес Павел Константинович. Он редко играл роль в домашней жизни, но Марья Алексеевна была строгая хранительница добрых преданий, и в таком парадном случае, как объявление дочери о предложении, она дала[3] мужу ту почетную роль, какая по праву принадлежит главе семейства и господину.[4] Павел Константинович и Марья Алексеевна уселись на диване, как на торжественнейшем месте, и послали кухарку попросить барышню пожаловать к ним.

Верочка пришла.

— Садись, Вера, — сказал отец.

Верочка села на один из стульев.[5]

— Вера, — начал Павел Константинович, — Михаил Иванович просит твоей руки. Мы отвечали, как любящие тебя родители, что принуждать тебя не будем, но с своей стороны рады. Ты как добрая и послушная дочь, какою мы тебя всегда видели, положишься на нашу опытность, что такого жениха мы от бога молить не смели. Согласна, Вера?

— Нет, — твердо сказала Верочка.

— Что ты говоришь, Вера? — закричал Павел Константинович:[6] дело было таково, что и он мог кричать, не спросившись прежде у жены.[7]

— С ума ты сошла, дура? Повтори, скверна
вка, ослушница? — закричала Марья Алексеевна, подымаясь[8] с кулаками на дочь.

— Позвольте, маменька, — сказала Верочка, вставая,[9] — если вы до меня дотронетесь, я уйду[10] из дому, — запрете — брошусь из окна. Я ждала этого предложения, знала, как вы примете мой отказ, и обдумала, что мне делать. Сядьте и сидите,[11] или я уйду.

Марья Алексеевна опять уселась. («Экая дура я, не догадалась переднюю-то дверь запереть, — задвижку-то в одну секунду отодвинет, не поймаю, убежит!»)[12]

— Я не пойду за него, а без моего согласия не станут венчать. Делайте со мною, что хотите, но я не соглашусь.

---

[1] и просит ∽ поутру. — *вписано.* [2] *Вместо:* говорила мужу — *было:* думала [3] *Далее было:* ему надлежащую [4] *Далее было:* Призвали Верочку [5] *Текст:* Павел Константинович и Марья Алексеевна ∽ из стульев. — *вписан.* [6] *Далее было:* очевидность [7] таково ∽ у жены. *вписано.* [8] налетая [9] *Вместо:* сказала Верочка, вставая, — *было:* отступая шаг назад, [10] убегу [11] и слушайте, [12] *Текст:* «Экая я дура ∽ убежит!» — *вписан.*

— Вера, ты с ума сошла, — сказала Марья Алексеевна задыхающимся голосом.

— Как же это можно? Что же мы ему скажем завтра? — говорил отец.

— Вы не виноваты перед ним, что я не согласна.

Часа полтора продолжалась сцена. Марья Алексеевна бесилась, двадцать раз[1] начинала кричать и сжимала кулаки, но Верочка[2] говорила: «не вставайте, или я уйду». Бились, бились, ничего не могли сделать. Покончилось тем, что вошла кухарка и спросила: подавать ли обед, — пирог уже перестоялся.

— Хорошо, Вера, подумай до вечера, — сказала мать: — одумайся, дура. — Марья Алексеевна шепнула что-то кухарке.[3]

— Маменька,[4] вы что-то хотите сделать надо мною — вынуть[5] ключ из двери моей комнаты или что-нибудь такое. Не делайте ничего — хуже будет.[6]

Марья Алексеевна сказала кухарке: «не надо». («Экой зверь какой,[7] как бы не за рожу твою тебя сватал, всю бы ее в кровь избила. Тронуть-то — изуродует себя, проклятая».)

Пошли обедать. Пообедали молча. После обеда Верочка ушла в свою комнату. Павел Константинович прилег, по обыкновению, соснуть. Но это не удалось ему. Только что стал он дремать, вошла кухарка и сказала, что хозяйский[8] человек пришел, — хозяйка просит[9] Павла Константиновича немедленно пожаловать к ней. Кухарка вся дрожала, как осиновый лист, — ей-то какое дело дрожать? [10]

А как же прикажете не дрожать ей, когда[11] через нее вся эта беда сочинилась? Как только она позвала Верочку к родителям, тотчас же побежала сказать жене хозяйского повара,[12] что «ваш барин[13] сосватал нашу барышню», — призвали младшую горничную или, как бы это определить[14] точнее? подгорничную или унтергорничную[15] хозяйки, стали попрекать, что она не по-приятельски себя ведет, ничего им до сих пор не сказала; младшая горничная не могла взять в толк, за какую скрытность ее порицают, — ей сказали, — «я сама ничего не слышала»; перед ней извинились,[16] что напрасно поклепали ее в скрытности, — она побежала сообщить новость старшей горничной, — старшая горничная сказала: «значит, это он сделал потихоньку от матери,[17] коли я ничего не слыхала, — уж

---

[1] двадцать раз *вписано.* [2] *Далее начато:* каждый [3] Марья Алексеевна ∾ кухарке *вписано.* [4] *Далее было:* я боюсь, что вы думаете запереть меня, или [5] запереть [6] *Вместо:* хуже будет — *было:* раскаетесь [7] *Далее было:* уродился [8] господский [9] требует [10] *Против текста:* Пошли обедать ∾ дрожать? — *заметка:* Мать Сторешникова Анна Петровна [11] *Далее начато:* *а.* все дело из<-за> *б.*.она кру<гом> *в.* она всю эту [12] швейцара, [13] *Было начато:* Михаил [14] сказать [15] младшую горничную ∾ унтергорничную *вписано.* [16] *Вместо:* перед ней извинились — *было:* ее извинили или лучше [17] от барыни

я-то всё должна знать, что Анна Петровна[1] знает», и пошла сообщить барыне. Вот какую историю наделала кухарка! «Язычок мой проклятый, много он меня губил!» — Ведь доследует Марья Алексеевна, через кого вышло наружу.

Анна Петровна, одна из тех богатых барынь[2] дурного тона, которых так много в высшем круге чиновничества и офицерства,[3] — не аристократичном, но с претензиею[4] на аристократизм, — и которых уж столько раз описывали, охала, охала,[5] два раза упала в обморок[6] (наедине с старшею горничною, значит действительно была сильно огорчена) и послала за сыном. Сын явился.

— Мишель, справедливо то, что я слышу?[7]

— Что[8] вы слышали, maman?

— То, что ты сделал предложение этой... этой... ну, дочери нашего управляющего?

— Сделал, maman.

— Не спросив мнения матери?

— Я хотел спросить вашего согласия, когда получу ее.[9] ‹*л. 8*›

— Я полагаю, что в ее согласии ты мог[10] быть уверен более, чем в моем.

— Maman, так ныне принято, что прежде узнают о согласии девушки, потом уже говорят родственникам.

— Это, по-твоему, принято, — может быть, также, по-твоему, принято ныне сыновьям хороших фамилий жениться бог знает на ком, а матерям соглашаться?

— Она, maman, не бог знает кто; когда вы[11] узнаете ее, вы одобрите мой выбор.

— Когда я узнаю ее! — я никогда не узнаю ее! — Одобрю твой выбор! — я запрещаю тебе всякую мысль об этом выборе, — слышишь, запрещаю!

— Maman, это не принято ныне. Я не маленький мальчик, чтобы вам нужно было водить меня за руку. Я сам знаю, куда иду.

— Ах! — Анна Петровна закрыла глаза.

Марья Алексеевна называла Сторешникова Мишкою-дураком, — перед нею он действительно был дурак; перед Верочкою и Жюли он совершенно пасовал, — но ведь они были женщины с умом и характером; а тут по части

---

[1] барыня [2] полных и дрянных бары‹нь› [3] *Вместо:* в высшем круге ∾ офицерства, — *было:* в высших слоях [бога‹того›] неаристократического чиновничества [имею‹щего›] и высшего офицерства [4] *Вместо:* не аристократичном, но с претензиею—*было:* не аристократичных, но имеющих [(слабый) дост‹уп›] поползновение [5] *Вместо:* охала, охала, — *было:* *а.* прослез‹илась› *б.* ахнула, охнула, [6] Далее было: *а.* наед‹ине› *б.* в течение [7] слышала? [8] О чем же [9] *Далее начато:* — Но если она [10] можешь [11] если бы вы

ума[1] бой был равный, и если по характеру был небольшой перевес на стороне матери, зато у сына была под ногами надежная почва, — он боялся ссоры с матерью, уступал ей до сих пор по привычке, но ведь они оба твердо помнили, что дом принадлежал не ей, а ее мужу, стало быть хозяин-то, собственно, сын, хотя мать и распоряжалась до сих пор, как полная хозяйка. Потому-то она и медлила теперь решительным словом «запрещаю», а тянула разговор, надеясь сбить и утомить сына прежде, чем дойдет до настоящей схватки. Но сын зашел уже так далеко, что вернуться было нельзя, и он ‹по› необходимости должен был держаться.

— Maman,[2] уверяю вас, что лучшей дочери вы не могли бы иметь.

— Изверг! Убийца матери!

— Maman, будемте рассуждать хладнокровно. Ведь[3] раньше или позже жениться надобно, а женатому человеку нужно больше расходов, чем холостому.[4] Я, пожалуй, мог бы жениться на такой, что все доходы с дома понадобились бы на мое хозяйство. А она будет почтительною дочерью, и мы могли бы жить с вами, как до сих пор.

— Изверг! Убийца мой! Уйди с моих глаз!

— Maman, не сердитесь, я ничем не виноват!

— Женится на какой-то дряни, и не виноват!

— Ну, теперь, maman, я сам уйду. Я не хочу, чтобы при мне ее называли такими именами.

— Убийца мой! — Анна Петровна упала в обморок, а Мишель ушел, очень довольный тем, что бодро выдержал первую сцену, которая важнее всего.

Видя, что сын ушел, Анна Петровна прекратила обморок. Сын решительно отбивается от рук! Вот тебе и «запрещаю!» — он в ответ на запрещенье делает, что дом принадлежит ему! Анна Петровна подумала, подумала, что ей делать, излила[5] свою скорбь старшей горничной, — которая, надобно отдать ей справедливость, совершенно разделяла ее чувство презрения к дочери управляющего,[6] — посоветовалась с нею и послала за управляющим.

— Я была до сих пор очень довольна вами, Павел Константинович; но теперь интриги, в которых вы, может быть, и не участвовали, легко заставят меня поссориться с вами.

— Ваше превосходительство, я ни в чем тут не виноват, бог свидетель.

— Мне давно было известно, что Мишель волочится за вашей дочерью. Я не мешала этому, потому что молодому человеку нельзя жить без развлечений.[7] Я снисходительна[8] к шалостям молодых людей. Но я не потерплю унижения моей фамилии. Слышите? Как ваша дочь осмелилась забрать себе в голову такие виды?

---

[1] ума и характера [2] Матушка [3] Вы знаете, что [4] *Далее начато:* Другая [5] *Начато:* посове‹товалась› [6] *Было:* к Верочке, как бог знает [7] *Далее было:* и шалостей [8] снисходительная мать

— Ваше превосходительство, она не осмеливалась иметь таких видов. Она почтительная девушка, мы ее воспитали в уважении.

— То есть, что это значит?

— Она, ваше превосходительство, против вашей воли никогда не смеет.[1]

Анна Петровна ушам своим не верила, — неужели в самом деле такое благополучие?

— Вам должна быть известна моя воля. Я не могу согласиться на такой странный, можно сказать неприличный брак.

— Мы это чувствуем, ваше превосходительство, и Верочка чувствует, ваше превосходительство. Она так и сказала, ваше превосходительство: «я не смею, говорит, прогневить их превосходительство».

— Как же это было?

— Так было, ваше превосходительство, что Михаил Иванович выразили свое намерение моей жене, а жена сказала им, что я вам ничего не скажу до завтрего утра, — а мы с женою, ваше превосходительство, намерены были явиться к вам и доложить обо всем, потому что как в теперешнее позднее время не осмеливались тревожить вашего превосходительства. А когда Михаил Иванович ушли, мы сказали Верочке, и она говорит: «Я с вами, говорит, папенька и маменька, согласна, что не нам об этом не следует».[2]

— Так она благоразумная и честная девушка?

— Как же, ваше превосходительство, почтительная девушка.

— Ну, я этому очень рада, что мы можем остаться с вами в дружбе. Я награжу вас за это. Теперь же готова наградить.[3] По той парадной лестнице, где живет портной, квартира во втором этаже направо ведь свободна?

— Через три дня освободится, ваше превосходительство.

— Возьмите ее себе и отделайте[4] заново. Можете израсходовать до двухсот на отделку. Я прибавляю вам и жалованья 240 рублей в год.

— Позвольте осмелиться попросить ручку поцаловать у вашего превосходительства.

— Хорошо, хорошо,[5] Татьяна! — Вошла старшая горничная. — Найдите мое синее бархатное пальто. — Татьяна принесла пальто. — Это я дарю вашей жене. Оно стоит 150 рублей, я его только два раза надевала. А вот это я дарю вашей дочери, — Анна Петровна подала управляющему[6] очень маленькие дамские часы с цветочками из довольно крупных брильянтов: — за них заплатила я 300 рублей. Я умею награждать и вперед вас не забуду.

Павел Константинович снова выпросил поцаловать ручку и был отпущен с новыми уверениями в милости.

---

[1] не посмеет [2] *Так в рукописи.* [3] *Далее было:* Во втором этаже на улицу по парадной лестнице квартира напр‹аво› [4] *Далее было:* конечно, на мой счет, — не роскошно, но порядо‹чно› [5] *Далее было:* Возьмите [6] *Было:* Павлу Кон‹стантиновичу›

Как[1] он вышел за дверь, Анна Петровна опять кликнула Татьяну. — Попросить ко мне Михаила Ивановича, — или нет, лучше я сама пойду к нему. — Она боялась, что посланница передаст лакею, а лакей[2] сыну содержание известий, сообщенных управляющим, и[3] букет выдохнется, не так шибнет ему в нос от ее слов.

Михаил Иванович лежал[4] и не без некоторого довольства ходом дела покручивал[5] усы.[6] «Это еще зачем пожаловала сюда-то? ведь у меня нет[7] нюхательных спиртов да гофманских капель от обмороков», думал он, вставая при ее внезапном появлении. Но он увидел, что на ее лице написано презрительное торжество.

Она села и сказала:

— Садитесь, Михаил Иванович, и мы поговорим. — Он сел.[8]

Она долго смотрела на него с торжествующею улыбкою. Наконец произнесла:

— Я очень довольна, Михаил Иванович. Отгадайте, чем я довольна?

— Я, право, не знаю, maman,[9] что и подумать; вы так странно...

— Вы увидите, что нисколько[10] не странно. Подумайте, может быть и отгадаете.

Опять долгое молчание. Он теряется в недоумении, она наслаждается торжеством. Долгое молчание.

— Вы не можете отгадать, я вам скажу, — это очень просто и натурально; если бы в вас была искра благородного чувства, вы отгадали бы. Ваша любовница, — в прежнем разговоре Анна Петровна лавировала, теперь ей уже нечего было лавировать:[11] у неприятеля отнято средство победить ее, и она дает себе полную волю потешаться над ним, — ваша любовница, — не возражайте, Михаил Иванович, — вы сами повсюду ‹*л. 8 об.*› разглашали, что она ваша любовница, — мне все это было известно тогда же, — не возражайте же, — это существо низкого происхождения, низкого воспитания, низкого поведения, — даже это презренное существо...

— Maman, я не хочу слышать таких выражений о девушке, которая будет моею женою.

— Я[12] и не употребляла бы их, если бы она будет[13] вашею женою. Но я и начала с тою целью, чтобы объяснить вам, что этого не будет и почему не будет. Дайте же мне докончить. Тогда вы свободно можете порицать меня за все выражения, которые тогда останутся неуместны, по вашему мнению, — но теперь дайте мне докончить. Я сказала, что ваша любовница, это существо без имени, без воспитания, без поведения, без чув-

---

[1] Едва [2] *Вместо:* лакею, а лакей — *было:* слуге сына, а слуга [3] и таким образом [4] лежавший [5] покручивавший [6] *Далее было: а.* вскочил *б.* при виде матери встал [7] *Далее начато:* спиртов да от [8] *Далее было:* предчувствуя, что произошло что-нибудь чрезвы‹чайное› [9] *Далее было: а.* он не мог решить *б.* сказал он, затрудняясь [10] вовсе [11] сдержи‹ваться› [12] Да я [13] *Так в рукописи.*

ства, — даже она пристыдила вас, даже она поняла все неприличие вашего намерения...

— Что? что такое, maman? говорите же...

— Вы сами задерживаете[1] меня. Я хотела сказать, что даже она, — она, понимаете ли вы, — даже она умела понять и оценить мои чувства, — и она,[2] узнавши от матери о вашем предложении, прислала своего отца сказать мне, что она не пойдет против моей воли и не обесчестит нашей фамилии своим замаранным именем.

— Maman, вы обманываете?

— К моему и вашему счастию, нет. Она говорит, что...

Но Михаила Ивановича уже не было в комнате при этих словах: он уже накидывал шинель.

— Держи его, Петр, держи его! — закричала Анна Петровна. Петр разинул рот и остолбенел от такого странного распоряжения, — а Сторешников [3] уже сбегал по лестнице.

— Ну что? — спросила Марья Алексеевна входящего мужа.

— Отлично, матушка.[4] Она уж узнала и говорит: как вы смеете? А я говорю: мы не осмеливаемся, ваше превосходительство, и Верочка отказала.

— Что? что? как? ты так сдуру-то и бухнул, осел?

— Матушка...

— Осел, подлец, убил, зарезал! Вот же тебе![5] — муж получил пощечину, — вот же тебе! — другая пощечина. — Нет, так тебя не проймешь, — вот как тебя надобно учить, — она схватила его за волосы и начала таскать. Надобно полагать, что урок продолжался немало времени, потому что Сторешников,[6] после всех долгих пауз и длинных назиданий матери вбежавший в комнату, еще застал учительницу в полном жару преподавания.

— Осел, и дверь-то не запер![7] в каком виде чужие люди застают! стыдился бы, свинья ты этакая, — только и нашлась сказать Марья Алексеевна.

— Где Вера Павловна? Мне нужно видеть Веру сейчас же, — неужели она отказывает?

Обстоятельства были так трудны, что Марья Алексеевна только махнула рукой, — таков был Наполеон после Ватерлооской битвы, когда маршал Груши оказался глуп, как Павел Константинович,[8] а Лафайетт начал буянить, как Верочка,[9] — он тоже бился, бился, совершал чудеса искусства и остался не при чем, и мог только махнуть рукою и сказать:

---

[1] перерываете [2] *Далее начато:* присла<ла> [3] *Было начато:* Михаил [4] *Далее начато:* Гово<рит> [5] *Далее было:* вот [6] *Было начато:* Михаил [7] забыл зак<рыть> [8] *Вместо:* маршал Груши ∾ Константинович, — *было:* Виллингтон и Блюхер стояли под Парижем [9] *Вместо:* начал буянить, как Верочка — *было:* ораторствовал в национальном собрании. *После:* Верочка — *было:* А любимец Марьи Алексеевны уподоблялся этому любимцу

«отказываюсь от всего, делай кто хочет что хочет, и с собою, и со мною».

— Вера Павловна! Вы отказываете мне?

— Судите сами, могу ли я не отказать вам.

— Вера Павловна! Я жестоко оскорбил вас, я виноват, достоин казни, но я не могу перенести вашего отказа, — и так дальше, и так дальше, — Верочка слушала несколько минут, остановила его.

— Нет, Михаил Иванович, я не могу согласиться, перестаньте, все будет напрасно; я не могу.

— Но если так, прошу у вас одной пощады:[1] вы теперь еще слишком живо чувствуете мое оскорбление, — не давайте мне теперь ответа, дайте мне время заслужить ваше прощение, — я кажусь вам легкомыслен, низок, подл, — посмотрите на меня: быть может, я исправлюсь, — я употреблю все силы на то, чтобы исправиться, — помогите мне, не отталкивайте меня теперь, дайте мне время,[2] — я буду исправляться, я буду во всем слушаться вас, — вы увидите, как я покорен, быть может, вы увидите, что во мне есть и хорошее, — любовь совершает чудеса — быть может, она изменит меня... дайте мне время.

— Мне жалко вас. Я вижу искренность вашей любви («Верочка, это еще[3] не любовь, это смесь разной гадости с разной дрянью, — любовь не то: не всякий тот любит женщину, кому неприятно получить от нее отказ,[4] — любовь не то».)[5] Вы говорите, чтобы я не давала вам ответа, — извольте. Но поверьте, что отсрочка ни к чему не поведет, — я никогда не дам вам другого ответа, кроме того, какой давала ныне.

— Заслужу, заслужу другой ответ! Вы спасаете меня! — Он схватил ее руку и начал целовать.

Марья Алексеевна вошла в комнату и уже готовилась благословить милых детей без формальности, в порыве чувства, потом позвать Павла Константиновича, чтобы благословить парадно. Сторешников разбил половину ее радости, объяснив ей с поцалуями, что Верочка не дала согласия, а только отложила ответ. — Плохо, но все-таки хорошо сравнительно с тем, что было.

Сторешников возвратился[6] домой с победою и объявил матери, что она обманулась: его невеста не отказывает ему, а только просит повременить, — это очень натурально, потому что она очень молода. Опять явился на сцену дом, и опять Анна Петровна должна была пасовать.

Марья Алексеевна не замедлила сообразить, что ее дочь, как «хитрая девка, вся в меня, только еще половчее», отлагает согласие по расчету. Нетрудно было догадаться, в чем и заключается расчет: она хочет совершенно вышколить Мишку-дурака, забрать его в свои руки так, чтобы он

---

[1] *Далее было:* моя вина перед вами слишком еще [2] *Далее было:* я заслужу ваше уважение [3] ты еще [4] *Вместо:* кому ∾ отказ, — *было:* кто готов себе пустить пулю в лоб, получив отказ, [5] *Против текста:* Мне жалко вас ∾ не то»). — *дата:* 21 декабр<я>. [6] отправился

без нее дохнуть не смел, вынудить покорность у матери Мишки-дурака. Молодец девка!

Предположения Марьи Алексеевны оправдывались делом: Мишка-дурак был шелковый, мать Мишки-дурака боролась недели три, но сын побивал [1] ее домом, и она стала смиряться. Выразила желание познакомиться с Верочкой, — Верочка не отправилась к ней, — Марья Алексеевна была приведена в восторг этою хитрою выдумкою;[2] недели через две Анна Петровна зашла сама, под предлогом осмотреть новую отделку квартиры, — была холодна, язвительно любезна, — Верочка после двух-трех колких ее фраз ушла в свою комнату и этой новой тонкостью хитрого расчета привела в новый восторг Марью Алексеевну; [3] недели еще через две Анна Петровна опять зашла [4] и уже не выставляла предлогов для посещения, а просто сказала, что пришла навестить, и уже почти не говорила колкостей, — еще через несколько времени [5] и вовсе не говорила колкостей при Верочке. С Марьею Алексеевною она была зуб за зуб, они любезничали и деликатничали так, что от каждого слова на два ногтя [6] входила булавка в тело, — но кожа[7] у Марьи Алексеевны была погрубее, и булавки[8] Анны Петровны только приятно щекотали ее, а Анна Петровна от ее булавок при ней коробилась,[9] а наедине (то есть и с старшею горничною) стонала и выла истошным голосом, — это все передавалось Марье Алексеевне прямо же от старшей горничной, которая уже видела, чья сторона берет верх, и много радовало Марью Алексеевну и было счастливейшим временем ее жизни. Счастью, конечно, много помогало и то, что Мишка-дурак — теперь она не звала его Мишка-дурак, а называла[10] Михаилом Ивановичем — делал подарки и ей, и Верочке, — подарки его Верочке шли через руки Марьи Алексеевны и оставались в них, подобно часам Анны Петровны, — впрочем, не все: иные, которые были подешевле, Марья Алексеевна через несколько времени отдавала Верочке — дарила, как вещи, оставшиеся у нее в залоге невыкупленными, — нельзя же, надобно, чтобы Михаил Иванович видел некоторые из своих вещей на Верочке. Он видел и убеждался,[11] что Верочка решилась согласиться, — иначе она не стала бы принимать его подарков, — и понимал, в чем штука: [12] он не разделял мысли Марьи Алексеевны, что Верочка медлит для полнейшего подчинения его себе, — таких мыслей об отношениях другого к себе [13] никто не делает, — но понимал не хуже Марьи Алексеевны, что Верочка медлит в ожидании, пока совершенно обуздается и перестанет брыкать Анна Петровна; от этого он с удвоенным усердием гонял на корде свою родительницу, получая немалое удовольствие от этого занятия.

Верочке было гадко то, что она замечала; но она не замечала и поло-

[1] напирал [2] *Далее было:* дочери [3] *Далее начато:* ну, да уже [4] *Вместо:* опять зашла — *было:* прислала записку, что [5] *Далее начато:* устроила небо‹льшой› [6] на полвершка [7] шкура [8] эти булавки [9] стонала [10] называла за глаза [11] *Было начато:* успо‹каивался› [12] *Далее было:* оттого, что Верочка [13] *Вместо:* таких мыслей ∾ к себе — *начато:* таких мыслей о себе никто не

вины упражнений Марьи Алексеевны и Михаила Ивановича над Анною Петровною. А ее оставляли в покое, смотрели ей в глаза;[1] это собачье угождение тоже было гадко, но она старалась как можно реже быть с матерью, которая перестала осмеливаться входить в ее[2] комнату, а в своей комнате — то есть почти целые сутки — Верочка была спокойна. К Михаилу Ивановичу она стала привыкать, — с нею он был как ребенок; она заставила его читать, — он читал очень усердно, будто готовился к экзамену, — толку извлекал мало, но все кое-какой толк извлекал; она старалась помочь его развитию разговорами,[3] — разговоры были ему несколько понятнее книг, и кто посмотрел бы со стороны на его успехи — правда медленные и очень неширокого[4] умственного размаха, — тот сказал бы, что со временем сделается он человеком сносным. Он уже даже начинал приличнее[5] прежнего обращаться с матерью — стал предпочитать гонянью на корде простое держанье в узде. ‹*л. 9*›

Глава вторая

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ И ЗАКОННЫЙ БРАК

Неизвестно, чем кончилось бы это положение, если бы развивалось из одних прежних своих элементов, без появления нового случая, перевернувшего все вверх дном. Очень может быть, что, когда напоследок[6] стали бы[7] говорить Верочке, что уже пора решить, она вновь сказала бы «не пойду» и подверглась бы новой опале, — судя по прежнему, это очень вероятно; но чуть ли не вероятнее то, что она попривыкла бы[8] иметь Сторешникова под своею командою, стала бы находить, что из двух зол — такого мужа и такой матери — муж меньшее зло, и осчастливила бы своего поклонника; сначала ей стало бы[9] гадко, когда она испытала бы, что такое значит осчастливливать без любви, — но он был бы послушен, и понемногу[10] она обратилась бы в обыкновенную хорошую даму, — а может быть, даже и в плохую даму, — мало ли женщин начинали тем,[11] что были очень хорошими людьми,[12] но постепенно освоивались с пошлостью? — Так чаще всего бывало и с женщинами, и с мужчинами в прежние времена; но теперь все чаще и чаще стало случаться другое — что в эпоху, когда определяется[13] характер жизни на весь век, порядочные люди встречаются, находят поддержку друг в друге и навсегда укрепляются в человеческом образе мыслей и жизни. Да и как этому не случаться чаще и чаще, когда число порядочных людей растет с каждым новым годом? Скоро это будет самым обыкновенным случаем. Хорошо тогда будет жить на свете! Впрочем, мы с Верочкою не можем жаловаться, — нам и теперь хорошо. Теперь — то есть когда вы читаете мой рассказ

---

[1] *Далее начато:* ухажив‹али› [2] *В рукописи ошибочно:* в свою [3] своими разговорами [4] невысокого [5] несколько приличнее [6] наконец [7] *Далее было:* тешить Верочку, она повторила бы [8] *Далее было:* к мысли [9] *Далее было:* спать [10] *Далее было:* дело стало бы [11] *Далее начато:* чем на‹чинали?› [12] *Далее начато:* а становились как [13] решается

о Верочке, написанный с ее согласия, — а мы переживали и тяжелые минуты, — ну да они миновались навсегда.[1]

Да, так неизвестно, к чему[2] бы пришло дело, если бы не явился новый случай, который дал ему крутой поворот. Случай состоял в том, что Верочка встретилась с человеком,[3] который в самом деле полюбил ее, и она его также, и что не захотели они расстаться.[4]

Дмитрий Сергеевич Лопухов[5] был студент Медицинской академии, живший уроками. Надобно стало готовить в гимназию маленького брата Верочки,[6] Павел Константинович стал спрашивать у сослуживцев хорошего и дешевого учителя,[7] один из сослуживцев рекомендовал ему Лопухова.

Раз пять или шесть он уже был на своем новом уроке, прежде чем он и Верочка увидели друг друга,[8] — он сидел с Федею в одном конце квартиры, она в[9] другом конце, в своей комнате,[10] — но дело подходило к экзаменам в Академии, он сказал однажды, что теперь будет приходить уже не по утрам, — по утрам ему нужно заниматься, — а вечером, и когда пришел в следующий раз, застал все семейство за чаем.[11]

На диване сидели лица знакомые:[12] отец, мать ученика; подле матери, на стуле, ученик; а несколько поодаль лицо незнакомое — высокая, стройная девушка,[13] довольно смуглая, с черными волосами — «густые, хорошие волосы», — с черными глазами — «глаза хорошие, даже очень хорошие, в них много жизни», — с южным типом лица — «как будто из Малороссии, пожалуй даже скорее кавказский тип, — ничего, очень красивое лицо, только очень холодное, это уж не по-южному, — здоровье[14] хорошее, мы, медики, поубавились бы в числе, если бы[15] такой был народ, — да, румянец здоровый,[16] эта не познакомится с стетоскопом, — широкая грудь,[17] — когда войдет в свет, точно, будет производить эффект.[18] А впрочем, не интересуюсь».

---

[1] *Далее было:* Видите, я поступаю [с вами] честно с вами, читатель [вперед]: не заманиваю вас секретами неизвестности будущего: говорю, что будет и как будет [будет, говорю вам]; у меня от вас нет секретов; [2] чем [3] порядочн‹ым› человеком [4] *Далее было:* Видите [читатель], я поступаю с вами честно, — не заманиваю вас секретами неизвестности; — всё вперед говорю, что было и как было. Вы меня простите, что я на первый случай и схитрил с вами и бранил вас, — мы были люди, друг другу не знакомые. А теперь [я уже думаю, что] между нами уже установилась приязнь [и я не стану лукавить с вами, так] и у меня нет тайн от вас. [Да, я сейчас заметил] [5] *В рукописи:* Андрей *Вместо:* Андрей Сергеевич Лопухов—*было начато: а.* Нов‹ый› *б.* Чело‹век› [6] *Против текста:* Андрей Сергеевич ∾ брата Верочки, — *на полях заметка:* Федя, брат Верочки. [7] *Далее начато:* ему реком‹ендовали› [8] *Далее начато:* он всё уходил [9] *Начато:* в своей [10] *Далее было: а.* да однажды и — *б.* но потом он пере ‹*не закончено*› *в.* однажды он ска‹зал› [11] *Далее было:* Приличие требует, Марья Алексеевна исполнила приличие, она предложила [госп‹одину›] учителю чаю; учитель сказал, что он посидит с ними, пока Федя напьется, [но сам пить не будет. Это очень понравилось Марье Алексеевне: «Хороший молодой человек!»] *Далее начато:* А там вот она, невеста. [12] *Далее было:* хозяин, хозяйка [подле], после хоз‹яйки› [13] *Далее начато: а.* с черными большими *б.* с черными волосами [14] ну, здоровье [15] если бы у нас [16] *Далее было:* стетоскоп [17] *Далее было:* и мускулы ничего [18] *Далее было:* а впрочем, не [любопыт‹ствую›] желаю [вам] тебе

И она посмотрела на вошедшего[1] студента, — студент был уже не юноша, человек среднего роста, или несколько повыше среднего, с темно-каштановыми волосами,[2] несколько смугловатый, но так, слегка только; черты лица правильные, даже красивые, держит себя смело и гордо, смотрит человеком, видавшим жизнь и давно уже привыкшим надеяться на себя. «Недурен, и, должно быть, добр, только слишком серьезен».[3]

Она не прибавила в мыслях «а впрочем, не интересуюсь», потому что и вопроса об этом не было, станет ли она им интересоваться:[4] разве Федя не наговорил ей столько, что уже скучно стало и слушать? — «Он, сестрица, добрый, только никогда не улыбается. Я, сестрица, расхохочусь, а он смотрит,[5] не бранится, только смотрит, и не на меня, сестрица, на стол смотрит или в окно. А я ему, сестрица, сказал, что вы у нас красавица, а он, сестрица, сказал: „ну, так что же?“ — а я, сестрица, сказал: „да ведь красавиц все любят“, а <он> сказал: „все глупые любят“, — а я, сестрица, сказал: „а вы не такой, который их любит?“, — а он сказал: „хлопот с ними много, мне некогда“, — я ему сказал: „так вы с Верочкой не хотите познакомиться?“, а он, сестрица, сказал:[6] „у меня и без <нее> знакомых много“». Это[7] все наболтал Федя после первого же урока, и потом все болтал в том же роде, с разными такими же пополнениями: — «а я ему, сестрица, и нынче сказал, что на вас все смотрят, как вы где бываете. А он, сестрица, сказал: „ну, и прекрасно“. А я ему сказал: „а вот вы бы на нее посмотрели“, а он, сестрица, сказал: „еще увижу“». Или,[8] потом: «а я ему, сестрица, сказал, какие у вас ручки маленькие, а он сказал: „вам болтать хочется, так разве не об чем другом, полюбопытнее?“».

И учитель узнал от Феди все, что требовалось узнать о сестрице;[9] останавливал он Федю от болтовни о семейных делах, да как вы остановите девятилетнего ребенка[10] от болтовни, если не запугаете его так, чтобы он дрожал перед вами? Учитель на пятом слове повертывал речь ученика на что-нибудь другое; но ведь дети начинают всегда, как Цицерон свою речь против Катилины, — без приступа, с самой сущности дела, — и вперемежку с другими объяснениями всяких других семейных дел учитель слышал такие начала речей:[11] «А у сестрицы жених-то богатый.[12] — А маменька говорит, жених-то глупый. — А маменька уж как за женихом-то ухаживает. — А маменька говорит: „сестрица-то ловко богатого[13] жениха поймала“. — А маменька говорит: „я хитра, а Верочка-то хитрее меня“. —

---

[1] *Далее было:* гостя, среднего роста [2] *Далее начато:* тоже с<муглый?> [3] *Далее было:* точно [4] *Далее было:* с какой стати [5] *Далее начато:* а я ему [6] *Далее начато: а.* «пожалуй, позн<акомлюсь?>» *б.* «некогда мне» [7] *Далее было: а.* расска<зал> *б.* успе<л> [8] Потом [9] *Далее начато: а.* чтобы отбить и ту небольш<ую> *б.* и что у сестрицы бога<тый> [10] маль<чика> [11] цицероновских речей. *Далее начато: а.* погибших исто<рий> *б.* — А Михаил Иванович глупый, — нам маменька говорит [12] богатый жених [13] такого

А маменька говорит: „мы женихову-то мать из дому-то выгоним“». И так дальше, и так дальше.

Натурально,[1] что при таких сведениях друг о друге молодые люди имели мало охоты знакомиться. Впрочем, Верочка — так, — мы ее знаем, она точно не должна была иметь охоты, — она не стояла на той степени развития, чтобы[2] стараться «побеждать дикарей», «сделать этого медведя ручным» или «захочу, так заставлю влюбиться», — да и не до того ей было — она рада, рада была, что оставили ее в покое, хоть сравнительно с прежним, — она была разбитый,[3] измученный человек, которому как-то вдруг случилось прилечь так, ‹что› сломанная рука затихла, и боль в боку не слышна стала, и дышать можно, и который боится пошевельнуться, чтобы не возобновилась прежняя боль во всех суставах. Куда уж пускаться в новые знакомства, да еще с молодыми людьми?

Ну, Верочка так; а его[4] мы еще не знаем, — дикарь он, судя по словам Феди, и голова его набита книгами, да, вероятно, ‹*л. 9 об.*› анатомическими препаратами, составляющими самую милую приятность, самое любимое развлечение, самую сладостнейшую пищу души для хорошего медицинского студента. Или[5] Федя наврал на него?

Едва ли, — ведь все, что он пересказывал из рассуждений Марьи Алексеевны, было верно.[6] Одно только может быть, — Верочка составила себе по словам Феди не совсем точное[7] понятие об учителе, как и он по словам того же Феди составил не слишком верное понятие о ней.

Лопухов по денежной своей обстановке принадлежал к тому меньшинству медицинских студентов, которое не голодает и не холодает.[8] Как[9] и чем живет большинство, это богу известно, а людям непостижимо: бедность изумительная. Но не о большинстве теперь речь, — этот рассказ не унижается до того,[10] чтобы заниматься людьми, которые терпят недостаток в съестном продовольствии. Потому он упомянет лишь в двух-трех словах о времени, когда Лопухов жил в таком неприличном состоянии.[11]

Лопухов,[12] ‹сын› рязанского мещанина, кое-как существовал в гимназии;[13] отец, по мещанскому сословию, жил достаточно, то есть его семейство имело[14] щи с мясом не по одним воскресеньям и даже пило чай каждый день. Но для содержания сына в Петербурге такие ресурсы недостаточны, — впрочем, в первые три[15] года Лопухов получал из дому рублей по 30 или 35 в год, еще столько же он доставал перепискою бумаг

---

[1] Конечно [2] *а.* когда *б.* чтобы «побеждать [3] точно разбитый [4] ну, а его [5] Вероят‹но› [6] *Против фразы:* Едва ли ∾ было верно. — *дата:* 22 декабр‹я› [7] *Вместо:* не совсем точное — *было: а.* неправ‹ильное› *б.* неверное [8] *Вместо:* Лопухов ∾ не холодает. — *было:* Как и чем живет большинство медицинских студентов, это богу известно, а людям непостижимо. [Из всего учащегося] Бедность изумительная. Но Лопухов [9] Как же [10] до описания [11] *Далее было:* и поспешит перейти к периоду [более его жизни] более соответствующему [12] Он был [13] *Вместо:* кое-как ∾ в гимназии; — *было: а. Начато:* попавшего *б.* кончил в гимназии, жил хорошо [14] *Вместо:* его семейство имело — *было:* имел [15] два

по вольному найму в одном из кварталов Выборгской части — ну и жил, как живет большинство студентов, эти три года. Но[1] когда он перешел,[2] он оправился: помощник квартального надзирателя предложил ему уроки, потом нашлись еще кое-какие уроки, и дело пошло хорошо. Он уже два года жил на одной квартире, то есть в одной комнате, с другим таким же счастливцем из своих товарищей, прошедшим такую же школу. Они[3] были величайшие друзья. Оба рано привыкли пробивать себе дорогу своей грудью, оба не имели никакой опоры и поддержки ни в ком, кроме самих себя;[4] в характерах у них было много сходства, так что разница замечалась только при сравнении, а врознь они оба казались бы людьми одного и того же типа. Но когда вы их видели вместе, то выказывалось, что хотя оба они люди одинаково солидные[5] и оба люди открытые, но Лопухов несколько сдержаннее,[6] а товарищ его, Кирсанов, несколько экспансивнее, Лопухов несколько похолоднее, хотя тоже очень горяч, Кирсанов несколько[7] более[8] пылок, хотя тоже очень умеет держать себя в руках.[9] Но разница была очень невелика.[10] О Кирсанове[11] речь будет еще после, а теперь[12] мы говорим о нем лишь потому, что они жили вместе, были очень дружны[13], и дружба их была очень тверда[14], так что и планы будущности были у них общие.

Главный план состоял в том, что они будут ординаторами в петербургских военных гошпиталях, а практикою заниматься не будут. Удивительная вещь: в последние лет десять стала являться между лучшими из медицинских студентов твердая решимость по окончании курса не заниматься практикою, которая одна дает средства для достаточной жизни, а жить исключительно очень небогатым жалованьем военного молодого медика и при первой возможности совершенно бросить медицину для какой-нибудь из вспомогательных ее наук, — для физиологии, химии, чего-нибудь подобного. Это геройство. Каждый из этих молодых медиков верно знает, что, занявшись практикою, имел бы в 30 лет громкую репутацию, и уже собрал бы порядочное обеспечение на всю жизнь в 35, а в 40 лет был бы богат. Но они говорят, — удивительная вещь, что они не составляют чрезвычайного исключения: в каждом курсе бывает таких человека два-три или и больше,— они говорят,[15] что медицина не из тех наук, которые получают наиболее от людей, занимающихся прямо ими самими, как например химия или физика,— что она находится еще во младенческом состоянии, из которого могут вывесть ее только химические и физиологические изы-

---

[1] Но на третьем [2] *Так в рукописи.* [3] Оба они [4] *Далее было:* оба рано привыкли держать себя независимо [5] *Далее начато:* но Лопухов [6] *Далее начато:* и задум‹чивее› [7] *Далее начато:* меч‹тательнее?› [8] *Далее начато:* идеалист, хотя [9] *Далее начато: а.* что *б.* Почти только [10] *Далее было:* нужно было долго всматриваться, чтобы [разли‹чить›] разобрать, су‹*не закончено*› [11] Но о Кирсанове [12] *Далее было: а.* займем‹ся› *б.* подействует наш [13] *Далее было:* и конечно [14] *Вместо:* очень тверда — *было:* такого рода [15] *Далее было: а.* что медицина находится *б.* что медицина не из тех наук, которыми развиваются через прямое занятие

скания,[1] и потому, говорят они, будем заниматься этими изысканиями, которые всего нужнее для медицины в нынешнем ее положении;[2] и по этому соображению они отказываются от карьеры, даже от благосостояния, даже от житейского довольства, и для пользы любимой науки — все они охотники ругать медицину, только все свои силы посвящают ее пользе[3] — они отказываются от всех вознаграждений, ею даваемых,[4] — а еще есть народ,[5] воображающий, что наше время бедно энтузиазмом и самоотвержением,— да это, например, что же такое, как не самоотверженнейший энтузиазм? Хорошие люди эти молодые медики, бросающие медицину для исследований, из которых должна родиться истинная[6] медицина.[7] Но если они бросают ее, как говорят, — это значит, что бросают только личное пользование выгодами от нее, а в самом-то деле никто[8] не знает ее так, как они, никто так неусыпно не следит за ее быстрыми ‹успехами›,— да и нельзя иначе: ведь[9] они взялись за такое дело,[10] чтобы вести ее вперед,[11] так уж не приходится им-то отставать. Хорошие люди и хорошие медики, — жаль только, не лечат, — зато благодаря им другие научаются лечить.— Вот к этим-то людям принадлежали и наши приятели. Они в том[12] году должны были окончить курс и объявили, что будут держать (или, как говорят в Академии: сдавать) экзамен прямо на степень доктора медицины. Теперь они работали[13] для диссертаций и уничтожали[14] громадное количество лягушек, — оба они выбрали своею специальностью нервную систему и, собственно говоря, работали вместе; но для формы[15] работа была разделена, то есть один вписывал в материалы для своей диссертации факты, находимые обоими, по одному вопросу,[16] другой — по другому.

Но пора же, наконец, говорить об одном Лопухове. Было время, он частенько порядком кутил,— это было, когда он сидел без чаю,[17] иной раз без сапог, — это время очень благоприятно для кутежа не только со стороны готовности, но и со стороны возможности: пить — дешевле, чем есть[18] и одеваться,— но[19] это было следствие невыносимой тоски от нищеты,[20] не больше. Теперь давно уже не было человека, который бы вел такую строгую жизнь — и не в отношении к одному вину, а точно так же и в другом отношении. У него было довольно много любовных приключений. Однажды, например, был такой случай: он влюбился в заезжую танцовщицу,[21] — как тут быть?[22] Он подумал, подумал, да и отправился к ней на квартиру. — «Что вам[23] угодно?» — «Прислан от графа такого-то с письмом». — Студенческий мундир без затруднения был принят слугою пе-

[1] *Далее было:* что надо [2] *Далее начато:* и занимаются ими, медицина вещь очень [3] *Вместо:* ее пользе — *было:* ей [4] *Далее начато:* вот, говор‹ят› [5] люди, [6] настоящая [7] *Далее начато:* Только в [8] пожалуй никто [9] *Далее начато:* они ведут ее вперед, ведь они издают [10] *Вместо:* такое дело, — *было:* то, что [11] *Далее было:* стало быть и поведут [12] в нынешнем [13] *Было начато:* заготовл‹яли› [14] страшно уничтожали [15] *Далее было:* один из [16] предмету, [17] без денег, [18] *Далее было:* — да и всегда можно найти товари‹щей› [19] *Далее было:* оно теперь [20] бедн‹ости› [21] певицу [22] *Далее было:* [в] на Выборгской стороне довольно всякого народа — есть между прочим отставные конюхи, официанты, отдыхающие на лаврах [23] тебе

вицы за писарский или какой-нибудь особенный денщицкий. — «Давайте письмо; ответа будете ждать?» — «Граф приказал ждать». — Слуга возвратился в удивлении: «Велела вас позвать к себе». — «Так вот он! вот он! кричит мне всегда так, что даже[1] из уборной различаю его голос! Много раз отводили вас в полицию за ваши неистовства в мою честь?» «Только два раза». «Мало. — Ну, зачем вы здесь?» — «Видеть вас». — «Прекрасно; а дальше что?» — «Что хотите. Сам не знаю». — «Ну, я знаю.[2] Я хочу[3] закусывать — видите, прибор на столе, садитесь и вы». — Подали другой прибор. Она смеялась над ним, он смеялся над собою, чокались,— он молод, недурен собою, неглуп,[4] да и оригинален,— почему не подурачиться? Дурачилась с ним недели две, потом сказала: «теперь убирайтесь».— «Да я уж сам хотел убираться, да неловко было сказать».— «Значит, расстаемся друзьями?» Обнялись еще раз — и отлично.[5] ‹*л. 10*›

Но это было давно — года три назад. А теперь, года два уж,[6] он бросил всякие шалости.

Кроме товарищей да двух-трех профессоров, предвидевших[7] в нем замечательного деятеля науки, он виделся только с семействами, в которых давал уроки. Но с этими семействами он только виделся,[8] он, как огня, боялся фамильярности и держал себя очень холодно и сухо со всеми лицами в них, кроме своих маленьких учеников и учениц.

Так мы остановились на том, что Лопухов вошел в комнату,[9] окинул взглядом общество, сидевшее около чайного стола,[10] увидел в числе других и Верочку, ну и общество увидело, в том числе и Верочка увидела, что в комнату вошел учитель.

— Прошу садиться,— сказала Марья Алексеевна.— Прасковья, дай еще стакан.

— Если это для меня, то благодарю вас, — я не буду пить.

— Прасковья, не нужно стакана.— «Благовоспитанный молодой человек».— Почему же не будете? Выкушали бы.

Верочке было несколько совестно,— он смотрел на Марью Алексеевну,[11] но тут, как нарочно, взглянул на Верочку,— а может быть и в самом деле нарочно? Может быть, он заметил, что она[12] слегка пожала плечами? «А ведь он увидел, что я покраснела».

— Благодарю вас, я пью чай только дома.

«Однако ж, он вовсе не такой дикарь,— он вошел и поклонился легко, свободно».— «Однако же, если она и испорченная девушка, то по крайней мере[13] стыдится пошлостей матери».[14]

---

[1] *Далее начато:* кулис‹ы› [2] *Далее было:* Закусить надобно. [3] собираюсь [4] *Далее было:* весел [5] *Далее начато:* кончи‹лось› [6] *Далее было:* единственные живые существа с женскими именами [7] уважавших [8] *Далее было:* держал себя [9] *Далее было:* взглянул на всю [10] *Далее было:* [и он] — ну, [они] общество тоже и [11] *Далее начато:* но должно быть виде‹л› [12] *Далее было:* не умела [13] *Далее было: а.* понимает неловкость *б.* не такая *в.* живо чувствует слишком-то грубые неловкости [14] *Далее начато:* Еще раза два посмотрел он на нее, — без люб‹опытства?›

Но Федя скоро кончил[1] чай и отправился учиться. Таким образом, важнейший результат этого вечера остался[2] только тот, что Марья Алексеевна составила себе выгодное мнение об учителе,[3] видя, что ее сахарница,[4] вероятно, не будет терпеть большого ущерба от перенесения уроков с утра на вечер.

Через два дня учитель опять застал все семейство за чаем и опять отказался от чаю — и тем окончательно завоевал[5] сердце Марьи Алексеевны, абсолютно облегчив ее от всяких опасений насчет его отношений к сахарнице. Но на этот раз он увидел за чайным столом еще новое лицо — офицера, перед которым лебезила Марья Алексеевна. — «А, жених-то».

Сторешников,[6] как человек богатый и, по своему мнению, высшего общества, вздумал, что ему следует смерить студента-учителя с ног до головы небрежным, медленным взглядом, принятым в хорошем обществе для подобных случаев. Но едва он начал снимать мерку, как почувствовал, что учитель — не снимает с него самого тоже мерку, а даже хуже — смотрит[7] ему прямо в глаза, да так пристально и неотступно, что вместо продолжения мерки сказал:

— А трудная ваша часть, мсьё Лопухин, я говорю — докторская часть.[8]

— Да, трудна. — И все продолжает смотреть прямо в глаза Сторешникову.

Сторешников[9] почувствовал, что левою рукою, неизвестно зачем, перебирает вторую и третью сверху пуговицы своего мундира, — ну, значит уже нет другого спасения, как поскорее допить стакан, чтобы обратиться к Марье Алексеевне с просьбою налить еще стакан.[10]

— На вас, если не ошибаюсь, мундир такого-то[11] полка?

— Да, я служу в таком-то полку,— отвечает Михаил Иванович.

— И давно служите?

— Девять лет.

— Прямо поступили на службу в этот полк?

— Прямо.

— Имеете роту или еще нет?

— Нет, не имею. («Да он меня допрашивает, точно я к нему ординарцем явился».)

— Скоро надеетесь получить?

— Нет еще.

---

[1] допил [2] был [3] *Далее было:* за то [4] чай и сахарница, [5] победил [6] *Было начато:* Михаил [7] *Было начато:* устави<лся> [8] *Далее было:* Да, трудна, зато нет ничего полезнее ее. [Я это го<ворю>] Это самое высокое призвание. Я так говорю потому, что сам не буду медиком. [9] *Далее начато:* не нашел другого спасения, как [10] *Вместо:* налить еще стакан. — *было:* о новом. [11] *Было начато:* кирасир<ского>.

— Гм.— Учитель почел[1] достаточным и прекратил допрос, посмотрев еще раз пристально в глаза Михаилу Ивановичу.

(«Однако же», «однако же», думает Верочка,— что «однако же», она не может выразить себе определительнее,— наконец находит,[2] что именно такое «однако же» — «однако же он держит себя так, как держал бы себя тот офицер, который был с француженкою, — да какой же он дикарь? — Но почему ж он странно говорит о девушках, о том, что красавиц любят глупые — и — и» — что такое «и»? — Да, нашла, что такое «и»,— «и почему же он не хотел ничего слышать обо мне, сказал, что это нелюбопытно?»)

— Верочка, ты сыграла бы что-нибудь на фортепьянах, мы с Михаилом Ивановичем послушали бы,— говорит Марья Алексеевна, когда Верочка ставит на стол вторую чашку.[3]

— Пожалуй.

— И если бы вы спели что-нибудь, Вера Павловна,— прибавляет заискивающим голосом Сторешников.

— Пожалуй и спою.

(«Однако ж она не ломается,— и опять, ведь вот я сижу тут минут десять уж, — она не то чтобы кокетничать или строить глазки — она на него ни разу не взглянула, кроме того, когда отвечала, — а тут смотрела просто,[4] будто на отца, или на Федю, или на свою кухарку,— что ж это значит? Федя вздор болтал? Хорошо, так зачем же ты идешь за него? — Ты не кокетка, верю; но неужели ты так алчна к деньгам?») [5]

— Федя, а ты допивай поскорее,— заметила[6] мать.

— Не торопите его, Марья Алексеевна,— я хочу послушать, если Вера Павловна позволит.

Верочка раскрыла[7] первые ноты, какие попались, даже не посмотрев на них, раскрыла тетрадь опять где попалось[8] и стала играть машинально,— видно было, что ей все равно, что бы ни сыграть, лишь бы поскорее отделаться. Но пьеса попалась со смыслом — какая-то ария из порядочной оперы, и скоро игра девушки одушевилась. Кончив, она хотела встать.

— Но вы обещались спеть, — если бы я смел, я попросил бы вас, Вера Павловна, пропеть из Риголетто, — сказал Сторешников[9] (в ту зиму[10] La donna è mobile была модною ариею).[11]

---

[1] *Было начато:* свел наконец глаз‹а› [2] замечает, [3] *Вместо:* мы с Михаилом Ивановичем ∾ чашку. — *было:* говорит Марья Алексеевна минуты через две или через три. [4] *Далее было:* как на человека, до которого [5] *Далее было: а.* Да что за вздор, будто *б.* Тут что-нибудь и [6] *Было начато:* ск‹азала› [7] *Далее начато:* стоявшую [8] *Далее было:* но оказалось, она раскрыла на середине какой-то пьесы. Верочка перевернула [9] *Было начато:* Мих‹аил› [10] *Далее было: а.* весь Петербург *б.* модною ариею была «La donna è mobile» ‹Сердце красавицы. . . (*итал.*)› [11] *Фраза:* в ту зиму ∾ ариею). — *вписана.*

— Извольте. — Верочка пропела La donna è mobile, — встала и ушла в свою комнату.

— Не правда ли, хорошо? — сказал Сторешников учителю уже без всяких замашек снимания мерки.

— Да, хорошо.

— А вы знаток в музыке, как слышно по вашему тону.

— Так себе.

— И сами музыкант?

— Несколько.

У Марьи Алексеевны, слушавшей разговор, блеснула счастливая мысль.

— А на чем же вы играете, Дмитрий[1] Сергеевич? — спросила она.

— На фортепьяно.

— Можно попросить вас доставить нам удовольствие?

— Очень рад.— Он сел и сыграл какую-то пьесу,[2] играл он не бог знает как, но недурно.

Когда он оканчивал урок, Марья Алексеевна подошла и сказала, что послезавтра у них маленький вечер — день рожденья дочери — и что она просит его пожаловать.

(«Понимаю, в кавалерах недостаток, по обычаю всех таких вечеров; ну да ничего — посмотрю на нее поближе, тут есть что-то странное». [3]) — Очень благодарен, буду.[4] ‹*л. 10 об.*›

Марья Алексеевна хотела сделать большой вечер на верочкины.[5] Верочка упрашивала, чтобы вовсе не звали никаких гостей. Одной хотелось сделать выставку жениха, другой тяжела была.[6] Поладили на том, что сделать самый маленький вечер, пригласить лишь несколько человек близких знакомых. Позвали сослуживцев Павла Константиновича, двух приятельниц Марьи Алексеевны, четырех девиц,[7] которые были короче других с Верочкою. Одна из девиц не могла приехать по нездоровью,[8] три приехали.[9]

Осматривая собравшихся гостей, Лопухов увидел, что в кавалерах нет недостатка: при каждой из девиц находился молодой человек, кандидат в женихи[10] или уже и вовсе жених.[11] Стало быть, Лопухова приглашали не в качестве кавалера; зачем же? Подумавши, он вспомнил, что приглашению предшествовало испытание его игры на фортепьяно,— стало быть, он позван для сокращения расходов, чтобы не брать тапера. «Хорошо,— подумал он,— извините, Марья Алексеевна», и подошел к Павлу Константиновичу.

---

[1] *В рукописи:* Андрей [2] *Далее начато:* потом по [3] *Вместо:* тут есть что-то странное». — *было:* она что-то странно [4] *Было начато:* непремен‹но› [5] *Так в рукописи.* [6] *Так в рукописи.* [7] девушек, [8] по небольшому нездоровью [9] осталось три. [10] *Вместо:* кандидат в женихи — *было:* искавший или думавший [11] *Далее начато:* Лопухов сообр‹азил›

— А что, Павел Константинович, пора бы устроить вист. Видите, старички-то скучают.

— А и правда, что пора.[1] А вы по какой играете?

— По всякой играю.

Тотчас же составилась партия, и Лопухов уселся играть.[2] Академия на Выборгской стороне — классическое учреждение по части карт: там[3] не в редкость, что играют по полтора суток сряду.[4] Чуть ли не половина медицинских студентов очень хорошие игроки. Сильно игрывал в свое время и Лопухов.

— Mesdames, как же быть?[5] Играть поочередно, это так — но ведь нас остается только семь: будет недоставать кавалера или дамы для кадрили?[6]

Первый роббер оканчивался,[7] когда одна из девиц,[8] самая бойкая, подлетела к Лопухову.

— Мсьё Лопухов, вы должны танцовать.

— С одним условием,— сказал, вставая и кланяясь.

— Каким?[9]

— Я прошу у вас первую кадриль.[10]

(«Однако какой он светский, хоть бы офицеру такому быть».) — Ах, боже мой, я на первую ангажирована; вторую — извольте.

Лопухов снова сделал глубокий[11] поклон.

Танцовали восемь[12] кадрилей; Лопухову пришлось танцовать две кадрили с каждой из дам. Двое из кавалеров поочередно играли.

На третью[13] кадриль Лопухов просил Верочку, — первую она танцовала с Сторешниковым, вторую — он с бойкою девицей.

— Мсьё Лопухов, я никак не ожидала видеть вас танцующим,— начала Верочка.

— Почему же?[14]

— Вы, кажется, ненавидите нас, женщин.

— Я? Нет, но я избегаю женского общества.

— Почему же?

— Я обручен, и у меня очень ревнивые невесты.[15]

— У вас не невеста, а невесты?

— Да, у меня две невесты.

— Однако же это интересно, даже страшно.

---

[1] А и правда, что пора. *вписано.* [2] *Далее было:* Он играл и играл очень хорошо, как многие из медицинских студентов. [3] *Далее было:* бывают партии, которые [4] *Далее начато:* Игрывал [5] *Далее было:* Ну, мы будем играть поо‹чередно› [6] *Далее начато:* Через [7] подход‹ил› [8] *Далее начато:* *а.* побойчее *б.* очень [9] *Далее начато:* Первая [10] *Далее было:* (однако какой светский, хоть бы офицеру такому быть). [11] глубокий и вместе важный [12] *Было исправлено на:* девять [13] *Было:* На третью или четвертую [14] *Далее было:* Разве [15] *Далее было:* Невесты? Как

— Да, одна из невест довольно страшная. Одна, которая не страшна, но тоже очень ревнива, — почти неотступно сидит со мною, когда я дома, и следит за каждым моим движением, — но исчезает, лишь только кто войдет в комнату, и не выходит за порог ее. Мы с нею ставим на лампу реторты, режем лягушек, — она очень добрая, но безжалостная.

— Ну, эта невеста мне не интересна. Не называйте ее, пожалуй, — знаю. Но другая невеста, другая, — другую вы должны назвать мне.

— Другую? Нет, другую не назову, — может быть, после, когда мы ближе познакомимся. Но теперь — нет.[1]

— «Не назову?» Или это секрет? Но я требую.

— Назвать не могу, потому что она не бесплотное существо, как первая,— нет, эта невеста живая.

— По крайней мере, можно описать ее? Она хороша собою?

— Очень.

— Брюнетка или блондинка?[2]

— На это я не могу вам отвечать. Но я вам могу сказать, например,[3] где и как мы с нею виделись ныне, да нет, это было бы длинно,[4] — мы слишком много раз виделись в течение дня, — скажу, как я виделся с нею, когда ехал сюда. На Выборгской мне встретился старик, довольно хилый, и тащил узел белья,— я его знаю, это отец двух вдов, прачек, они живут подле нас, — с ним шла моя невеста и так дружно разговаривала с ним. — Я выехал на мост — шла женщина[5] в каком-то дрянном капоте, который вовсе не согревал ее,— она дрожала,— я взглянул — моя невеста идет и говорит с нею. Я проехал еще несколько — мне встретился мастеровой, такой худой, оборванный, пьяный, — я взглянул — моя невеста идет и говорит с ним. Я выехал на набережную,— . . .

— Довольно, довольно,— понятно: бедность, нищета.

— Может быть, вы отгадали, может быть, вы не отгадали,— я сказал, что не могу назвать вам ее имени. Впрочем, я отвечаю вам такими аллегориями, которые хороши[6] в поэмах, а не в разговоре.[7] Вы спросили, ненавижу ли я женщин? Нет, я их очень люблю — прежде влюблялся, теперь просто люблю, но мне их жалко.[8]

— Жалеете? Вот новость! Разве мы так жалки?

— Да разве вы не женщина?

— Мое положение совершенно особенное.

(«Странно,— как она посмотрела — с какою-то благодарностью. Гм! Так вот что! Однако трудно верить после всего, что я слышал.— Или хочет передо мною разыгрывать жертву? Это скорее».)

— А если вы женщина, то, хотите, я скажу вам самое задушевное[9] ваше желание, самую глубочайшую тайну вашу?

---

[1] *Далее было:* боюсь [2] *Далее начато: а.* Блондинка *б.* Этого я не [3] как мы [4] *Далее было:* довольно [5] *Далее было:* и несла на руках ребенка, в очень легонь ‹ком› [6] лучше [7] в простом разговоре. [8] *Вместо:* но мне их жалко. — *было:* и очень жалею [9] глубочайшее

— Скажите, скажите, — это тем любопытнее, что у меня нет никаких.

— Да? — Он посмотрел на нее.

— Нет.

— Ну, личных, особенных, может быть, еще и нет. Но это общая тайна всех женщин.

— Скажите ее, я еще не знаю ее.

— Вот она: «Ах, как бы мне хотелось быть[1] мужчиною!» Я не встречал женщины, у которой бы нельзя было найти[2] эту задушевную тайну. А большею частью она прямо высказывается, даже без всякого вызова. Как только женщина чем-нибудь расстроена, она тотчас говорит[3] что-нибудь такое: «зачем я не мужчина?» или: «бедные мы существа, женщины», или: «мужчина совсем не то, что женщина», или что-нибудь такое. Правда?

Верочка улыбнулась.— Правда, это можно слышать от всякой женщины.

— Вот видите, как жалки женщины, что если бы исполнить задушевнейшее желание каждой из них, то на свете не осталось бы ни одной женщины.

— Да, кажется, так,— сказала Верочка.

— Все равно, как не осталось бы на свете ни одного бедного, ни одного больного — видите,[4] как же их не жалеть? Я совершенно разделяю желания бедных и больных, которые когда-нибудь исполнятся, — ведь раньше или позже мы сумеем устроить жизнь так, что не будет ни бедных, ни больных.

— Не будет? — Глаза Верочки сверкали: — я сама думала, что не будет, но как их не будет, я не умела придумать.[6]

— А вот, видите, есть такие две женщины, которые об этом стараются, — очень сильные, сильнее всех людей на свете, да и сильнее всего на свете,— одна хочет сделать, чтобы не было больных, другая — чтоб не было бедных, — это и есть мои невесты. — Так вот, я согласен с желанием больных и бедных, чтобы их не было, — но не согласен с желанием женщин, чтоб женщин не было на свете, потому что этому желанию нельзя исполниться: с тем, чему нельзя быть, я не соглашаюсь. Женщины так и останутся женщинами, мужчины — мужчинами. Но у меня есть другое желание: мне хотелось бы, чтобы женщины подружились с моею второю невестою, — она и об <них> заботится, как о многом,[7] — она очень обо многом заботится. Если бы они подружились[8] с нею, и мне не стало бы причины жалеть их, и у них исчезло бы желание: «ах, зачем я не родилась[9] мужчиною!»

---

[1] *Вместо:* как бы мне хотелось быть — *было:* если б я была [2] выманить [3] *Далее начато:* — «несчастные [4] *Далее было: а.* как же их не *б.* какое же чувство [5] Впрочем, я не совершенно [6] *Против фразы:* Не будет ∾ придумать. — *дата:* 24 декабр<я> [7] *Вместо:* как о многом, — *было: а.* как обо многом *б.* как о бедных [8] *Начато:* поз<накомились> [9] *Вместо:* зачем я не родилась — *было:* если б я была

— Мсьё Лопухов, еще одну кадриль, непременно.

— Похвалю[1] вас за это, вот как,— он пожал ей руку — да так спокойно и серьезно, как будто ее подруга, или как жмет своему товарищу. — Которую же?

— Последнюю.

— Хорошо.[2]

Марья Алексеевна несколько раз шмыгала мимо их во время этой кадрили.

Пришла последняя кадриль.

— В прошлый раз разговор шел все обо мне, — начал Лопухов,[3] — а ведь это вовсе невежливо[4] с моей ‹стороны›, что я все говорил о себе. Теперь давайте[5] поговорим о вас. Знаете, я был о вас еще гораздо худшего мнения, чем вы обо мне.[6] А теперь — ну, да это после. Но все-таки я не умею отвечать себе на одно. Отвечайте вы мне. Скоро будет ваша свадьба?

— Никогда![7]

— Что ж[8] это значит?[9] Зачем он считается женихом?

— Зачем? Одного я вам не скажу — мне тяжело.[10] А другое могу сказать: мне жаль его. Он так любит меня, — сказать ему, что я думаю, — я говорила, но он отвечает: «не говорите, это убьет, не говорите, молчите».

— Хорошо, это одна причина. А другая?

— Я не могу вам сказать, ‹*л. 11*› — это не моя тайна.

— Это не ваша тайна, что ваше положение в семействе ужасно. Теперь я все понимаю; и как же я был слеп, что не понял этого, как увидел вас; простите меня.[11]

— Теперь оно сносно. Теперь меня никто не мучит — ждут и оставляют меня — или почти оставляют меня одну.

— Но ведь это не может же тянуться долго — к вам начнут приставать. Что тогда?

— Ничего. Я думала об этом и решилась. Я тогда не останусь здесь. Я могу быть[12] актрисою. Ах, какая это завидная жизнь! Независимость, независимость!

— Ну, и аплодисменты.

— Да, и это хорошо,— но главное, независимость! Делать, что хочу, жить, как хочу, никого не спрашиваясь, — ничего ни от кого не требовать, — ни в ком, ни в ком не нуждаться! Я так хочу жить!

— Хорошо, хорошо! Это так! Теперь у меня просьба к вам: я узнаю, как это сделать, к кому надобно обратиться, — да?

— Благодарю,— она пожала ему руку.— Делайте же это скорее,—

---

[1] Благодарю [2] *Текст:* Последнюю. — Хорошо. *вписан.* [3] *Далее было:* а теперь мне хотелось бы, чтобы вы сказа‹ли› [4] недели‹катно› [5] позвольте [6] *Далее начато:* Вот вам и комп‹лимент› [7] *Было:* — Не знаю. Я думала, что никогда. [8] Да? Что ж [9] *Далее было:* Мне жаль его. — Вы говорите, [10] *Далее было:* это не мой секрет. [11] *Вместо:* Это не ваша тайна ∾ меня. — *было:* — Я больше не спрашиваю вас, — я все понимаю, — и как я был слеп, что не понял этого, как увидел вас, — простите меня. [12] Я пойду

мне так хочется поскорее вырваться из этого несносного, гадкого, унизительного положения! Я спокойна, мне сносно — разве это так в самом деле? Разве я не вижу, что делается моим именем? Разве я не знаю, как думают обо мне все, кто здесь есть? Интригантка, хитрит,— обирает жениха,[1] хочет быть богата, войти в светское общество, блистать, — будет держать мужа под башмаком, будет помыкать им, обманывать его! — Разве я не знаю, что все так обо мне думают,— нет, нет,[2] напрасно смотрите, не навернулись ли слезы,[3] — их давно у меня не бывает. Не хочу так жить, не хочу!

Вдруг она задумалась.

— Не смейтесь тому, что я скажу. Ведь мне жаль его — он так меня любит.

— Он вас любит? А вот что: так он на вас смотрит, как вот я, или нет? Такой у него взгляд?

— Вы смотрите просто, прямо на меня, — вы смотрите на меня, как смотрят на меня те подруги, которые расположены ко мне. Нет, ваш взгляд не смущает[4] и не обижает меня.[5]

— Видите ли, это потому, что мой взгляд чист. А он так смотрит?

Она покраснела и молчала.[6]

— Значит, он не любит. Это не любовь, Вера Павловна.

— Что же это?

— Что такое это, я вам не скажу. Только это дурная вещь. А зато вы скажете, что такое любовь. Тогда вы сами решите, любовь ли его чувство к вам. Скажите, кого вы больше всех любите, — я говорю не про страсть,[7] мы сейчас к ней вернемся,[8] — кого вы любите больше всех из ваших родных, из подруг?

— Из них — никого сильно. Но недавно мне встретилась одна очень странная женщина: она очень дурно говорила мне о себе, запретила мне продолжать знакомство с нею, — мы виделись по совершенно особенному случаю, — она сказала, что когда мне будет крайность, но только самая страшная крайность, такая, что оставалось бы только умереть, чтоб тогда я обратилась к ней, но иначе никак; я ее очень полюбила.

— Хорошо. Вы желаете, чтоб она делала для вас что-нибудь такое, что ей неприятно или вредно?

Верочка улыбнулась.[9]

— Хорошо; но представьте же, что вам очень, очень нужно было бы, чтобы она сделала для вас что-нибудь, и она сказала бы вам: «если я это

---

[1] *Далее было: а.* держит его только за *б.* будет дер<жать> *в.* жертвует его [2] *Далее было: а.* я заплачу *б.* слез не уви<дите> *в.* слез не будет [3] *Далее начато:* я давно раз<училась> [4] не стыдит [5] *Далее начато:* Нет, я, когда вы смотрите на меня [6] *Далее было:* Вы виноваты чем-нибудь перед ним? — Чем же? Она засмеялась. — Так отчего же вы стыдитесь его и вам неловко, ко<гда> [7] *Вместо:* я говорю не про страсть — *было:* я говорю не про любовь [8] *Далее начато:* я говор<ю> [9] *Далее было:* — Да мне нечего от нее требовать, об этом нечего и говорить, — разумеется, нет

сделаю, это будет мучить меня»; — повторили бы ваше требование? Стали бы настаивать?

— Скорее умерла бы.

— Ну вот видите, это любовь.[1] Только это любовь — просто чувство, а не страсть. Любовь между женщиною и мужчиною — страсть. А чем отличается страсть от простого чувства? Силою.[2] Так вот видите ли, если при простом чувстве, слабом, слишком слабом перед страстью, любовь ставит вас в такое[3] отношение к человеку, что вы говорите: «лучше умереть, чем быть причиною мучения для него», — если простое чувство так говорит, то что же скажет страсть?[4] Вот что она скажет: «умру скорее, чем не только потребую словами или делом, — чем в мыслях, чтобы этот человек сделал для меня что-нибудь, кроме того, что ему самому приятно, — умру скорее, чем допущу, чтобы он для меня стал принуждать себя».[5] Вот что такое любовь[6] между женщиной и мужчиной. А если страсть не такова, так она не любовь.[7] Вашу руку — я сейчас ухожу отсюда. Я все сказал.

— До свиданья. Только что же вы не поздравили меня? Ведь ныне день моего рождения.

Он смотрел[8] на нее.

— Может быть. Если вы не ошибаетесь, хорошо для меня.[9]

— Еще одно слово: то, что вы говорили, вы говорили?

— И вы спрашиваете?

— Ах, боже мой, какой же вы непонятливый, — она улыбнулась: — я вовсе не то спрашиваю: вы один так говорите?

И он улыбнулся. — Ах, вот что, — нет, не я один, это говорит моя вторая невеста.

— Она хорошая женщина?

— Хорошая.

— Только как же ее имя? Вы не считайте меня глупенькою девочкою, что я сказала: ее зовут «бедность». Я тотчас же увидела,[10] что нет. Но как же ее?[11]

Он засмеялся.[12]

— Когда хорошенько познакомитесь с нею, тогда сама и подскажет вам свое имя.[13]

---

[1] *Далее начато:* Но любовь [2] *Далее начато: а.* Можно *б.* Если я страстно *в.* Моя любовь [3] *Вместо:* ставит вас в такое — *было:* внушает вам такое [4] любовь [5] *Далее было начато: а.* или лишился какой *б.* или [отказ‹ался›] или — для меня [испортил] лишился ‹?› [чего-нибудь] какой-нибудь [6] страсть [7] *Вместо:* она не любовь. — *начато: а.* это не любовь, Вера *б.* страсть [8] долго смотрел [9] *Далее начато: а.* Если ошибаетесь *б.* Может быть. Вот на всякий случай, — он улыбнулся [10] *Вместо:* Я тотчас же увидела — *было:* Я знаю, что нет, ее зову‹т› [11] *Далее было:* Он засмеялся. — Вера Павловна, кто ее любит, тот сам дает ей имя, какое [подх‹одит›] подсказывает ему любовь к ней, у ней много имен, — у нее много дела [но забот], скоро узнаете, как ее [звать] называть, прежде познакомьте‹сь› [12] *Далее начато:* У нее такая привычка, что преж‹де› [13] *Вместо:* сама ∾ свое имя. — *было:* и скажет она свое имя, — сама.

«Как это быстро, как это неожиданно», — думала Верочка[1] в своей комнате по окончании вечера. «В первый раз говорили, и стали так близки![2] За полчаса вовсе не знать друг друга — и через час видеть, что[3] готовы всем на свете пожертвовать друг для друга! Как это странно!»

Верочка, тут есть другая странность, — не для тебя или для него, или для меня, а для тех многих, которые не знали таких людей, как вы: отчего у тебя нет ни колебанья, ни сомненья? Вот это странно для них. Ведь, по их мнению,[4] это так трудно — не сомневаться ни в себе, ни в другом.[5] А вот что еще страннее для них, Верочка: как это ты совершенно спокойна? Ведь они привыкли думать, что любовь так и должна быть в самом деле тревожным чувством, какое они испытывали, в каком видели таких же, как они, не верующих ни в себя, ни в тех, кого любят. А ведь ты, Верочка, когда ты будешь спать мирно, как малютка, на твоем ‹лице› будет такая тихая радость, как будто ты еще и не знаешь, что такое страсть. Это, Верочка, люди, которые не знают, что такое настоящая любовь, — та любовь, которую стоит называть любовью. Это жалкие люди, Верочка: они или сами не были достойны любить, как[6] требует человеческое достоинство, или были так несчастны, что любили недостойных. А мы с тобою, Верочка, не испугаемся[7] слова «страсть» — мы испытали, что, когда страсть такова, как ей[8] по-настоящему и следует быть всегда, в ней нет ничего страшного.[9] Почивай[10] мирно, мой друг, Верочка.

«Как это странно, — думает она:[11] — ведь я сама все это передумала, перечувствовала,[12] — что он мне говорил и о бедных, и о больных, и о женщинах, и о том, как надобно любить,[13] — откуда я это взяла? Кое-что такое было в книгах, которые читала я, но ведь там было вовсе не то, — и все с какими-то сомнениями, или с безнадежностью, или исключениями[14] да ограничениями, — а я думала, что это самые лучшие книги, — даже и у Жоржа Санда, — а ведь Жорж Санд такая добрая, благородная и, кажется, все знает, а нет, и у ней не то, — и у наших не то, — нет, у наших уж вовсе не то; а вот удивительно: даже и у Диккенса не то, а ведь как будто все знает, — отчего же и он этого не знает? А ведь в этом всё. Ведь без этого ничего нельзя понять,[15] — если бедные останутся, как же жить на свете, хоть бы и не был сам беден?[16] Да, что ж[17] не знают этого, что

---

[1] *Далее было:* сидя одна [2] *Далее было:* Неужели это так? [3] *Далее начато: а.* не будем жить друг *б.* наши судьбы связ‹аны› *в.* что как будто знаем дру‹г› [4] Ведь они не [5] *Далее начато:* А ты, Верочка, так уверена не в [6] как достойно [7] не тревожимся [8] *Далее было:* и следует [9] мучительного. [10] Спи, мой д‹руг› [11] *Далее было: а. Начато:* засы‹пая› *б.* уже в полудремоте *в.* уже в своей *г.* уже го‹?› [12] и перечувствовала [13] и о том ∾ любить, — *вписано.* [14] вовсе исключениями [15] *Далее начато: а.* что хор‹ошо› *б.* что [16] *Далее было: а.* Нельзя жи‹ть› *б.* Тяжело. [17] *Далее начато:* это никто этого

надобно,[1] чтоб вовсе никто ни беден, ни несчастен?[2] Да разве у них нет этого? Нет, у них[3] все как-то не так. Им и жалко, а все им думается, что без этого нельзя, — что это жалко, и так и останется, — нет, не останется, не останется! Да разве они этого не говорят? Нет, не говорят: если б они *это* говорили, я бы давно и знала, что умные и добрые люди так думают, — а то ведь мне все казалось, что это только я так мечтаю, — потому так мечтаю, что глупенькая девочка, которая ничего не понимает; я все думала, что, кроме меня, глупенькой девочки, никто <*л. 11 об.*> этому не верит, никто этого не ждет, — а вот он говорит, что его невеста растолковала всем, кто ее любит, что это именно все так будет, как мне казалось, и всем[4] рассказала так понятно, так хорошо, что они все стали заботиться, стали работать, чтоб это поскорее так было. Какая его невеста умная! Только кто ж это она? А я узнаю, кто, — непременно узнаю — ведь я такая: что захочу, то и сделаю. Да, вот будет хорошо, когда это будет, — бедных не будет, больных не будет, никто никого принуждать не будет, — все будут веселые, добрые. . .» И с этим Верочка заснула.[5]

Верочка,[6] это не странно, что передумала и перечувствовала это ты[7] — простенькая девушка,[8] не слышавшая и фамилий-то тех людей, которые стали учить нас[9] тому, что ты думаешь, — вовсе не странно,[10] что ты[11] поняла и приняла к сердцу эти мысли, которых[12] не могли себе ясно представить даже самые умные и добрые люди из людей двадцатью годами постарше тебя, — тогда, Верочка, эти мысли только еще вырабатывались жизнью, и[13] трудно было понять их во всей простоте и живости, — а теперь они выработались, носятся в воздухе,[14] как аромат в полях, когда пришла пора цветов, — у кого свежая грудь, тот или та дышит,[15] и только, — а грудь так сама и наполняется мягким ароматным воздухом. Нет, это еще не так странно,[16] а вот что покажется странно людям,[17] не перечувствовавшим[18] того, что тебе так знакомо, не полюбившим[19] доброй красавицы-невесты, которую больше тебя любит твой милый и которую ты хочешь любить больше, чем его, — им странно покажется то, с какими мыслями ты, мой друг,[20] засыпаешь в первый день первой любви, — то, что от себя, от своего милого, от своей любви перешла ты к мыслям, что всем людям надобно быть счастливыми и что ты хочешь жить для того, чтобы помогать этому скорее быть, — но нам с тобою это не странно,[21] — по-нашему с тобою этому так и должно быть, это одно и на-

---

[1] бедным надобно, [2] *Далее начато:* От чего я этого у них [3] *Далее было:* этого нет. [4] и ведь так всем [5] И с этим ∾ заснула. *вписано.* [6] *Было:* Нет, Верочка [7] *Вместо:* передумала ∾ ты — *было:* ты всё [8] *Далее было:* которая только и читала [9] людей [10] *Вместо:* вовсе не странно, — *было:* но [11] *Далее было:* передумала эти [12] *Далее было:* о которых, кроме немногих [13] *Далее было:* нужна была гениальность, доходящая [14] в воздухе у нас [15] *Далее было:* не думает ни о чем [16] *Вместо:* Нет, ∾ странно — *было:* Это не странно [17] жалким людям [18] которые не перечувствовали [19] *Вместо:* не полюбившим — *было:* которые не желают и полюбить [20] мой друг Верочка [21] *Далее было:* как мы с тобою чувствуем, этому так и д<олжно>

турально: по-нашему с тобою — «я чувствую [1] радость и счастье», значит «я хочу,[2] чтобы все люди были радостны и счастливы, и буду думать об этом и буду трудиться для этого».

Так, Верочка, так,[3] — ты чувствуешь по-человечески.[4]

Марья Алексеевна шмыгала мимо дочери и учителя во время первой их кадрили, но во время второй она не показывалась подле них, а вся была погружена в хлопоты хозяйки по приготовлению ужина.[5] Кончив эти заботы, осмотрев накрытый стол, она справилась, — учителя уже не было. Через два дня учитель пришел [6] на урок, когда подали самовар,[7] — это приходилось [8] всегда во время урока; она вышла [9] в комнату, где учитель занимался с Федею, и попросила его пожаловать, посидеть с нею, пока будут пить [10] чай: учитель завел было такой обычай, что Феде подавали чай в комнату, где он сидел с учителем, — Федя пил, а учитель в это время рассказывал [11] ему истории про зверей, про птиц и тому подобные вещи, не входившие в предмет их ученья, так что, кроме первого раза, вовсе и не показывался в другие комнаты, кроме этой.[12] Но теперь Марья Алексеевна сказала, что ей нужно поговорить с ним.

Он пошел и сел за чайный стол. Марья Алексеевна начала расспрашивать его о способностях Феди, о том, какая гимназия лучше,[13] о том, не лучше ли поместить [14] его в гимназический пансион, и так далее, — что же, очень натуральные расспросы заботливой матери. Но во время этих расспросов она так усердно и любезно просила учителя выкушать чаю,[15] что Лопухов согласился отступить от своего правила и взял стакан.[16] Верочка долго не выходила, — вышла, она и он обменялись поклонами, как будто ничего между ними не было, а Марья Алексеевна все еще продолжала расспросы о Феде. Вдруг она круто поворотила разговор на самого учителя и стала расспрашивать, кто он, что он, как живет, как думает жить, — есть ли у него родственники, имеют ли состояние, — старалась входить во все подробности. Учитель отвечал коротко и неопределенно, что родственники есть, живут в провинции, что люди небогатые, что он живет уроками, думает быть [17] медиком при гошпитале в Петербурге, — словом сказать, из всего этого ничего не выходило. Видя такое упорство, Марья Алексеевна приступила к делу прямее:

— Вот вы говорите, что останетесь здесь,[18] — а здешним докторам, слава богу, можно жить, — еще не думаете о семейной жизни, или имеете девушку на примете?

---

[1] я хочу знать [2] я хочу и буду стараться [3] *Далее было:* ты человек [4] *Вместо:* Так ∾ по-человечески. — *было:* — Э, да уж ты заснула, милая моя Верочка. [5] *Далее начато:* Перед у‹жином› [6] опять пришел [7] *Вместо:* когда подали самовар — *начато:* *а.* чаю *б.* до чаю оставалось еще [8] было [9] сама вышла [10] куш‹ать› [11] болтал [12] *Вместо:* в другие ∾ этой. — *было:* в чайную комнату [13] *Далее было:* две гимназии были [14] отдать [15] чашку чаю [16] *Далее было:* радушно предло‹женный› [17] остаться [18] *Далее было:* значит

(«Так вот оно к чему велось. Видно, лучше бы тебе, матушка, не[1] подслушивать».)

— Как же, имею.

— И помолвлены или нет еще?

— Помолвлен.[2]

— И формально помолвлены, или только так, между собою говорили?

— Формально помолвлены.

Бедная Марья Алексеевна! Она беспрестанно слышала слова: «моя невеста», «ваша невеста», «я ее очень люблю», «она красавица», — и успокоилась, что волокитства со стороны учителя быть не может, и уже не подслушивала во вторую кадриль, — ей хотелось только обстоятельнее и основательнее узнать эту успокоительную историю. Она и начала-то спрашивать уж не из недостатка[3] убеждения, а потому, что ведь приятно душе услышать подробно о том, чем она угомонилась при одном звуке главного слова. Она продолжала расспросы, учитель отвечал основательно, хотя, по своему правилу, кратко. «Хороша ли его невеста?» — «Необыкновенно». — «Есть ли приданое?» — «Нет, но получит огромное наследство». — «Как велико?» — «Очень велико». — «Тысяч сто?» — «Гораздо больше». «Неужели до миллиона?» — «Может быть, и не один». — Марья Алексеевна всплеснула руками и пришла в восторг. — «Скоро ли?» — «Вероятно, скоро». «А свадьба скоро ли?» — «При первой возможности». — «Так и следует, Дмитрий Сергеевич, скорее, по́куда еще не получила наследства, — а то ведь от женихов отбою не будет». — «Совершенная правда». — «Да как это бог послал ему такое счастье, да как это не отбили еще ее у него?» — «Да так, еще почти никто не знает, что она должна получить наследство». — «А он проведал?» — «Он проведал». «И верно разузнал?» — «Еще бы, документы сам проверял, с того и начал. Без документов он бы шагу не сделал. Он дурак был бы иначе».[4] «Какое счастье-то! Конечно, за молитвы родительские?» — «Вероятно».[5]

Марья Алексеевна, и прежде довольная[6] учителем за то, что он не пьет ее чаю, а с вечера третьего дня убедившаяся, что такой учитель — редкая находка по необыкновенному у таких молодых людей совершенному препятствию к волокитству за девушками в семействах, в которых они приняты,[7] теперь была от него уже в полном восторге:[8] какой солиднейший и умнейший человек, — и разведал-то о наследстве, которого еще никто не пронюхал, и не забыл по документам-то спра-

---

[1] *Вместо:* Видно, ∾ не — *было:* Лучше бы, видно, не [2] *Далее начато:* Значит, можно вас, Дмитрий Сергеевич, с невестою поздр‹авить› [3] сомнения [4] *Текст:* с того и начал ∾ иначе». — *вписан.* [5] *Далее начато: а.* Если бы Марья Алек‹сеевна› *б.* С Марьею *в.* Над Марьею Алексеевною сбылся тот афоризм [6] уже довольная [7] *Далее было:* теперь была от него уже в совер‹шенном?› *б.* то есть, по неспособности его быть поме‹хой› совершенно [8] *Далее было:* и плут-то какой-то

виться, — ведь это кому из молодых людей придет в голову? И поди-ко, чать, как примазывался-то к невесте, — а богат-то как будет! Ну, этот, можно сказать, умеет свои дела вести.

Верочка сначала едва удерживалась от слишком заметной улыбки, но постепенно ей стало казаться, — как же это ей стало казаться? да нет, как же и показаться этому, — да нет, это в самом деле так, — что Дмитрий Сергеевич отвечает хотя и Марье Алексеевне, но говорит не Марье Алексеевне,[1] а ей, Верочке, что он подшучивает над Марьею Алексеевною, но серьезно, серьезно, и все правду, только правду говорит ей, Верочке.

Казалось ли только так Верочке, или в самом деле так было, кто знает? Он знал, и она узнала,[2] а нам, пожалуй, и не нужно знать. Нам нужны факты. И факты — я[3] ничего не рассказываю, кроме фактов, — хороши они, дурны они — мне что за дело, — сами судите, правдоподобны они или нет по вашему мнению, это зависит от того, в каком кругу вы жили, с какими людьми знались. Это ваше дело, а не мое.[4] Когда я скажу, что земля вертится вокруг солнца, один скажет: несомненно так, другой — что это неправдоподобно, третий — что это просто невозможно.[5] Я полагаю, что мнения того, другого и третьего не имеют никакого влияния на достоверность самого факта, а свидетельствуют только о степени развития людей, выражающих о нем то или другое мнение.

Итак, мне нет дела до мнений, я занимаюсь только фактами. А факт был тот, что Верочка, ‹*л. 12*› скоро переставшая улыбаться и начавшая слушать Дмитрия Сергеевича серьезно, думала, что она[6] все лучше и лучше понимает его странные вчерашние и нынешние слова,[7] а Марья Алексеевна, слушавшая его также серьезно, обратилась к Верочке и сказала: «Друг мой, Верочка, что ты все такой букой сидишь? Ты бы развлеклась[8] — попросила бы Дмитрия Сергеевича сыграть тебе в аккомпанемент, а сама бы спела», — и смысл этой фразы был: «мы вас очень уважаем, Дмитрий Сергеевич, и желаем, чтобы вы были близким знакомым нашего семейства;[9] а ты, Верочка, не дичись Дмитрия Сергеевича, — я скажу Михаилу Ивановичу, что у него уж есть невеста, и Михаил Иванович тебя к нему не будет ревновать». Таков был смысл слов Марьи Алексеевны для Верочки и Лопухова; а для нее самой они имели — конечно очень натуральный — такой смысл:[10] «надо его приласкать, — впоследствии полезен будет, когда станет богат»;[11] но кроме

---

[1] *Вместо:* отвечает ∾ Марье Алексеевне — *было:* говорит не с Марьею Алексеевною [2] *Далее начато:* когда потом спроси‹ла› [3] я вам [4] *Вместо:* Это ∾ не мое. — *было:* Я вам только говорю, что это не мое [5] *Далее начато:* Я не ответчик за [6] *Было:* что она понимает [7] речи; [8] *Было начато:* попросила Дими‹трия› [9] *Против текста:* и смысл этой фразы ∾ семейства; — *дата:* 25 декабр‹я› [10] *Далее было:* Я ему скажу [чтобы], не мож‹ет› [11] *Далее было:* а теперь вот что

этого был для нее и другой смысл:[1] «я ему стану говорить, что мы люди небогатые, что нам тяжело платить за уроки по целковому — не может ли он взять[2] поменьше».

Вот сколько смыслов имели слова Марьи Алексеевны.[3] Дмитрий Сергеевич сказал, что теперь он кончит урок, а потом с удовольствием поиграет на фортепьяно.

Много смыслов[4] имели слова Марьи Алексеевны, много имели и результатов; со стороны сбережения платы за уроки она достигла успеха, превосходившего размер ее ожиданий: через неделю она намекнула Дмитрию Сергеевичу, — теперь уж он был не учитель, а Дмитрий Сергеевич, — что они люди небогатые; он с первого же намека[5] понял и был «так деликатен» — по ее выражению, — что сказал, что для них он готов брать вместо целкового полтинник. Всякий посторонний подумал бы, что это не совсем клеится с характером корыстолюбивого пройдохи,[6] каким Дмитрий Сергеевич[7] казался Марье Алексеевне. Но так уж устроен человек, что не любит судить по общему правилу о том, что касается до него, — всегда охотник делать исключения в свою пользу.[8] Когда, например, какой-нибудь пройдоха-подчиненный[9] уверяет начальника-пройдоху, что предан ему душою и телом, то пройдоха-начальник, зная, что подчиненный-пройдоха обманывает всех, верит, что этот обманщик действительно предан ему;[10] что вы прикажете делать с этим свойством[11] человеческого сердца? Оно дурно, оно вредно, но Марья Алексеевна не была, к сожалению, изъята от этого недостатка, которым страдают почти все корыстолюбцы, хитрецы и дрянные люди,[12] — от него избавлены люди только двух разрядов: или[13] когда человек уже трансцендентальный негодяй, восьмое чудо[14] света по мошеннической виртуозности, когда мошенничество наросло на нем такою абсолютно прочною[15] бронею, сквозь которую не пробивается на свет[16] никакая человеческая слабость — ни тщеславие, ни самолюбие.[17] Таких героев мошенничества чрезвычайно мало,[18] и если кто-нибудь укажет

---

[1] *Далее было:* Когда мы его приласкаем, я ему скажу [2] взять за уроки [3] *Вместо:* Вот сколько ∾ Марьи Алексеевны. — *начато:* Вот был смысл слов Марьи [4] *Вместо:* Много смыслов — *было:* Много было смыслов в [5] раза [6] *Вместо:* корыстолюбивого пройдохи — *было:* человека [хитр‹ого›] алчного и хитрого [7] он [8] *Вместо:* судить ∾ пользу. — *было:* *а.* подвергаться критике того, что ему выгодно или приятно. *б.* [подводить] судить по общему правилу о том, что касается до него, — в свою пользу. [9] секретарь [10] *Вместо:* верит ∾ предан ему; — *было:* думает, что его-то он не обманывает. [11] качест‹вом› [12] *Далее начато:* от него спасает только или [13] *Вместо:* от него избавлены ∾ или — *было:* от него избавляют людей только две крайности, или та [14] сказочное чудовище [15] *Вместо:* абсолютно прочною — *было:* *а.* толстою *б.* крепкою [16] наружу [17] *Далее было:* [ни] когда он уже служит [мошенник] [таких идеалов] [мошенничества] своей идее с энтузи‹азмом› [18] *Далее было:* и всегда смело [бейтесь] ставьте об заклад [что против] сто рублей против рубля, что очень легко провести плута, если только плут

вам хитреца и скажет: «вот этого человека никто не проведет»,[1] — смело ставьте сто рублей против рубля, что этот плут сам себя водит за нос, не в том, так в другом. Уж, кажется, доки были[2] Луи Филипп и Меттерних,— а ведь как отлично вывели сами себя за нос из Парижа и Вены в места злачные и спокойные идиллически наслаждаться картиною того, как там, в этих местах, Макар телят гоняет.[3] А Наполеон Великий был как хитр,— да при такой-то хитрости еще имел — по крайней мере все так уверяют все [4] — гениальный ум, — а как мастерски провел себя за нос на Эльбу; да еще мало показалось, захотел подальше провести себя — и удалось, удалось:[5] так и дотащил себя за нос до острова св. Елены, — а ведь как трудно-то было, почти невозможно, а все-таки сумел преодолеть все препятствия к достижению острова св. Елены, — прочтите-ко «Историю кампании 1815 г.» Шарраса, — умилительно усердие и искусство, с каким великий макиавеллист тут вел себя за нос. Увы, Марья Алексеевна не была изъята[6] от слабости, которой[7] подвержены были ее более знаменитые в истории Европы сотоварищи.[8]

Мало людей, которым бронею против обольщения служит законченная доскональность в мошенничестве. Но зато многочисленны люди, которых делает[9] недоступными обольщению простая честность сердца. По свидетельству всех Видоков и Ванек Каинов, нет ничего труднее, как надуть честного, бесхитростного человека, если он имеет хоть немножко рассудка[10] и житейского опыта. У честных, бесхитростных людей есть совершенно другая вредная слабость:[11] в одиночку они не обольщаются; но они подвержены повальному обольщению, — ни одного из них не может взять за нос плут,[12] но носы всех их вместе, как одной компании, постоянно готовы к услугам. Плуты[13] имеют прямо противоположное свойство:[14] в одиночку они очень слабы насчет независимости своих носов; но компанионально[15] их носы не проводятся.

Однако ж мы забрались в историю и психологию, — это уж лишнее.[16] Занимаешься рассказом, так занимайся рассказом.

Слова Марьи Алексеевны, имевшие так много смыслов, имели и много результатов. Одним было понижение платы за урок с целкового на полтинник. Другим, что от этого удешевления учителя, то есть теперь уже не учителя, а Дмитрия Сергеевича, Марья Алексеевна еще более утвердилась в хорошем мнении о нем, то есть и во мнении, что он,[17]

---

[1] *Вместо:* никто не проведет», — *начато:* трудно про‹вести› [2] *Вместо:* Уж ∾ были — *было:* На что уж, кажется, дока был [3] *Далее начато:* Вот там [4] *Так в рукописи.* [5] *Далее начато:* про‹тащил› [6] *Вместо:* не была изъята — *было:* не избегла [7] на которой [8] *Далее было:* [Зато] Мало таких плутов, которые не водили бы себя за нос, — [но многочисленны] — зато многочисленны люди, которые спасаются от [9] защищ‹ает› [10] рассудка *вписано.* [11] *Далее начато:* прямо [12] *Было начато:* мош‹енник› [13] Мошенники [14] *Вместо:* имеют ∾ свойство: — *было начато:* совершенно наобор‹от› [15] *Далее начато:* они мастерски [16] *Вместо:* уж лишнее. — *начато:* находится в разн ‹*не закончено*› [17] *Далее начато:* плут перво‹статейный›

как две капли воды, похож на нее саму и что его компания может[1] только принести пользу Верочке, то есть прочнее утвердить Верочку в принципах ее самой, Марьи Алексеевны, — конечно, Верочка и сама дока, но все еще молода,[2] — если еще остаются в ее голове какие-нибудь глупости, там какие-нибудь глупые девические мечты, так он поможет Марье Алексеевне выбивать их из дочери.[3]

Третьим результатом слов Марьи Алексеевны было, разумеется, то, что[4] Верочка и Лопухов стали с ее разрешения и под ее покровительством и надзо̀ром проводить[5] вместе довольно много времени. Лопухов, кончив урок часов в восемь, оставался в семействе[6] Марьи Алексеевны еще часа два-три, игрывал в карты с матерью семейства, отцом семейства и женихом; говорил с ними, играл на фортепьяно, а <*л. 12 об.*> Верочка пела, или Верочка играла, а он слушал, или она и он разговаривали, и Марья Алексеевна не мешала, не косилась, — хотя, конечно, не оставляла их без надзора.

Разумеется, не оставляла, потому что, хотя Дмитрий Сергеевич и очень хороший молодой человек, но все же недаром говорится пословица: «пальца в рот никому не клади». Она наблюдала, — но все наблюдения утверждали ее убеждение в благонамеренности Дмитрия Сергеевича. Например, Верочка играет, а он стоит и слушает, — а Марья Алексеевна и смотрит, не запускает ли он глаз сверху за корсет, — нет, не думает запускать, — глядит в лицо Верочке, да глядит так «бесчувственно», что сейчас видно: на нее смотрит только из учтивости, а сам думает о невестином приданом;[7] и глаза у него не разгораются, как у Михаила Ивановича.[8] Или вот — приносил он книги Верочке;[9] раз Верочка собралась к подруге, — и Михаил Иванович тут сидел, — вот, как Верочка ушла, Марья <Алексеевна> взяла книги, принесла Михаилу Ивановичу: «Посмотрите-ко, Михаил Иванович, это какая немецкая-то книга? — французскую-то я сама разобрала: написано „Гармония“ — ну, как на фортопьянах играть, это хорошо;[10] а вот по-немецки-то я не мастерица».

Михаил Иванович посмотрел, посмотрел на заглавие и медленно произнес: «О религии, сочинение Люд-ви-́га, Люд-ви-га, — Людовика Че-

---

[1] *Вместо:* и что его ∽ может — *было:* и стало быть, мож<ет?> [2] *Далее было: а. Начато:* ну не *б.* ну ей не мешает посмотреть поближе на [3] *Вместо:* так он поможет ∽ дочери. — *было:* так это для нее хорош<о> [4] что учитель [5] *Исправлено на:* могли проводить [6] в доме [7] *Текст:* да глядит ∽ приданом; — *вписан вместо начатого:* да с таким [холод<ным>] спокойным выражением [8] *Далее было: а.* так и следует Михаилу *б.* глазам [тольк<о>] куда разгораться, — он, когда смотрит на нее, [так] такой *в.* Делали *г.* А чтобы сказал этак что-нибудь люб<езное> [9] *Далее было:* Марья Алексеевна, улучивши время, когда Верочка была [в Гостином дворе] у [какой-то] подруги, обшарила в комнате у Верочки все ящики и уголки, нет ли записочек, — нет, — взяла книги, которые принес Димитрий Сергеевич [10] нуж<но>

тырнадцатого». Это, Марья Алексеевна, был французский король — отец тому королю, на место которого нынешний Наполеон сел.[1]

— Значит, о божественном?

— О божественном, Марья Алексеевна.

— Это хорошо, Михаил Иванович. То-то, я и знаю, что Дмитрий Сергеевич солидный молодой человек, — а все-таки нужен глаз да глаз за всяким человеком.

— Это вы правду говорите, Марья Алексеевна.

— Только вот что я думаю, Михаил Иванович: король-то французский какой был веры?

— Католик, натурально.

— Так он там не в папскую ли веру обращает?

— Нет, это напрасно беспокоитесь, Марья Алексеевна. Если бы католический архиерей писал, он, точно, стал бы в папскую веру обращать, а король этим не станет заниматься, — он, как мудрый правитель и политик, просто благочестие будет внушать.

— Это ваша правда, Михаил Иванович.

Она сказала: «ваша правда» и сама видела, что Михаил Иванович основательно рассудил, при всем его недальнем уме; но все-таки вывела дело уж совершенно начистоту. Дня через два, через три она вдруг сказала Лопухову:

— А что, Дмитрий Сергеевич, я хочу у вас спросить: прошлого французского короля отец, — ну, вот того короля, на место которого нынешний Наполеон сел, — так его отец велел в папскую веру креститься?

— Нет, не велел, Марья Алексеевна.

— А папская вера хороша, Дмитрий Сергеевич?

— Нет, Марья Алексеевна, нехороша.[2]

— Это я так только по любопытству спросила, Дмитрий Сергеевич, — как я женщина неученая, а знать интересно.

Для Лопухова до сих пор[3] остается загадкою, зачем Марье Алексеевне понадобилось знать,[4] обращал ли людей в папскую веру отец Филипп Эгалите. Ну, как после всего этого не было бы извинительно Марье Алексеевне перестать утомлять себя неослабным надзором?[5] И глаз за корсет не запускает, и лицо бесчувственное, и дает божественные книги читать, — кажется, довольно. Но нет, Марья Алексеевна не удовлетворилась надзором,[6] а устроила пробу, — будто знала[7] логику г. Рождественского, говорящую, что «наблюдение явлений, каковые

---

[1] *Вместо:* отец тому ∾ сел. — *было:* отец тому, который вот недавно-то бежал и на место которого нынешний император сел. [2] *Вместо:* Нет ∾ нехороша — *было:* Что же в ней [особенного] хорошего [3] *Вместо:* Для Лопухова до сих пор — *начато:* Лопухов до [4] *Далее начато:* *а.* об отце *б.* об учи‹теле› [5] *Далее начато:* Но она не [6] *Было начато:* *а.* надзор‹ом› *б.* наблюде‹нием› [7] читала индуктивную

происходят сами собою,[1] должно быть проверяемо опытами, производимыми по обдуманному плану, для глубочайшего[2] проникновения в тайны таковых отношений», — и устроила эту пробу так, будто читала Саксона Грамматика, рассказывающего, как испытывали Гамлета девицею в лесу.

Однажды она сказала за чаем, что у нее разболелась[3] голова; разлив чай, ушла и улеглась. Верочка и Лопухов остались сидеть в чайной комнате, которая была рядом с спальной, куда[4] ушла Марья Алексеевна. Через несколько минут больная крикнула Федю. «Скажи сестре, что их разговор не дает мне уснуть, — пусть уйдут куда подальше, чтобы не мешали мне.[5] Да скажи хорошенько, чтобы не обидеть Дмитрия Сергеевича, — видишь, какой он заботливый о тебе». Федя пошел и сказал, что вот[6] маменька о чем просят. «Ну, пойдемте в мою комнату, Дмитрий Сергеевич, — она далеко[7] от спальни, там не будем мешать». Этого и ждала, разумеется, Марья Алексеевна. Через четверть часа она прокралась[8] в одних чулках, без башмаков, к двери верочкиной комнаты, — дверь была полуотворена, — между дверью и косяком была такая славная щель, — Марья Алексеевна приложила к ней[9] и навострила уши.

Увидела она следующее. В верочкиной комнате было два окна; в промежутке окон стоял письменный стол Верочки. У одного окна, с одного конца стола, сидела Верочка и вязала ‹*л. 13*› шерстяной нагрудник отцу; у другого окна и с другого конца стола сидел Лопухов, — локтем одной руки оперся на стол, и в этой руке была сигарка, а другая рука у него была засунута в карман; — расстояние между ним и Верочкою было аршина два, коли не больше. Диспозиция успокоительная, — но разговор, подслушанный Марьею Алексеевною, был еще лучше диспозиции разговаривающих.

— ...надобно так смотреть на жизнь? — с этих слов начала слышать Марья Алексеевна, — их говорила Верочка.

— Да, Вера Павловна, — так надобно.

— Так правду говорят[10] холодные практические люди, что человеком управляет только расчет выгоды?[11]

— Они говорят правду. То, что называют возвышенными[12] чувствами, идеальными стремлениями, — все это в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе.[13]

---

[1] *Вместо:* каковые ∾ собою, — *было:* происходящих в природе [без нашего у‹частия›] [соде‹йствия›] [естественным пор‹ядком›] [без наш‹его›] без нашего желания [2] яснейшего [3] сильно разболелась [4] *Вместо:* которая ∾ куда — *было:* по соседству спальной, куда [5] *Вместо:* чтобы не мешали мне. — *было:* а я сосну [6] вот так [7] всех дальше [8] *Далее было:* в чайную или столовую [9] *Так в рукописи.* [10] *Вместо:* правду говорят — *начато:* не обман‹ывают› [11] *Далее было:* эгоизм. [12] *Было начато:* благор‹одными›. [13] *Вместо:* каждого к своей пользе. — *было:* *а.* к выгоде *б.* к польз‹е› *в.* к личной пользе каждого.

— Да например вы, разве вы таков?

— А каков же, Вера Павловна? Вы послушайте, в чем существенная пружина всей моей жизни.[1] В чем состояла сущность моей жизни до сих пор? Я учился, я готовился быть медиком. Прекрасно.[2] Зачем отдал меня отец в гимназию?[3] Он твердил мне: «учись, Митя, учись: выучишься, чиновник будешь, нас с матерью кормить будешь, да и самому будет хорошо». Вот почему я мог учиться, — без этого у отца не достало бы силы делать для меня такое пожертвование — ведь семейству нужен был работник. Да я и сам, хоть полюбил ученье, не стал бы тратить на него время, если бы не думал, что трата[4] вознаградится с процентами мне и семейству. Я подрос, стал оканчивать курс, убедил[5] отца отпустить меня в Медицинскую академию, вместо того чтобы определять в чиновники. Это как случилось? Опять точно так же. Мы с отцом видели, что медики живут гораздо лучше канцелярских чиновников и столоначальников, выше которых мне едва ли подняться, если б я поступил на службу из гимназии. Вот вам и причина, по которой очутился и оставался я в Академии. Дело шло о том, чтобы обеспечить хороший кусок хлеба себе и семейству. Без расчета пользы[6] я не мог бы поступить в Академию и не захотел бы оставаться в ней.

— Но ведь вы любили учиться в гимназии? Ведь вы потом полюбили медицинские науки?

— Да. Этим украшалось дело, это было полезно для его успеха. Но оно могло быть — и обыкновенно бывает — без этого украшения,[7] а без расчета пользы не могло быть; значит, какова бы ни была роль возвышенного стремления — любви к науке, в моем случае, — мой случай был со стороны этого прибавочного украшения редким исключением, а не общим правилом, которое ничего не знает ни о чем, кроме расчета пользы.[8] Да и в моем исключительном случае любовь к науке — идеальная тенденция, высокое стремление — это было ведь уже только результатом, возникавшим из дела, а не коренною причиною его. Причина была одна — расчет выгоды.

— Дмитрий Сергеевич, я не спорю: эта теория имеет за себя девяносто девять из ста фактов, но...

— Нет, Вера Павловна, я не сделаю[9] уступки: и сотый факт — вот

[1] *Далее было: а. Начато:* «Учись, Митя, — говорил мне отец, с тех пор, как я помню, что *б. Начато:* «Митя, корми‹лец› *в.* Бывало, отец и мать ласкают меня и приговаривают: «Расти, Митя, большой, кормилец нам будешь на старости лет» — да вот вам первая, коренная идея [высосанная мною с молоком матери, — идея], лежавшая в основании самых чистых, бескорыстных отношений моего детства, а ведь отец и мать у меня очень хорошие люди, бескорыстнейшие люди, они для меня последнюю серебряную [ложечку] ложку продали, когда отправляли меня в Петербург. [2] *Текст:* В чем состояла ∾ Прекрасно. — *вписан.* [3] *Далее начато:* С тех пор, как [4] потеря [5] *Начато:* реш‹ил› [6] выгоды [7] *Вместо:* Но оно могло быть ∾ украшения, — *было:* Но во-первых оно могло быть, — и обыкновенно бывает, — без этого украшения, во-вторых, это украш‹ение› [8] *Далее начато:* Во-вторых [9] не делаю

как мой пример — только до тех пор кажется исключением из нее, пока вы не рассмотрите его хорошенько. Нет, Вера Павловна, все сто фактов объясняются только этою теориею, и ни один не может быть удовлетворительно объяснен никакою другою.

— Положим, вы правы, — она подумала, как будто припоминала и соображала, — да, вы, кажется, правы, — все, что я могу разобрать, объясняется [1] расчетом пользы. Но ведь эта теория холодна.

— Теория должна быть сама по себе холодна. Ум должен судить о вещах холодно.

— Но она беспощадна.

— Истина не должна знать [2] пощады ко лжи. Она беспощадно должна отрицать всякую ложь, как бы ни было приятно или лестно для нас обольщение.

— Но она прозаична.

— Для науки не годится стихотворная форма.[3]

— Итак, эта истина,[4] которой [5] я не могу не допустить, обрекает людей на жизнь холодную, безжалостную, прозаичную.

— Нет, Вера Павловна, — истина холодна, но она учит человека добывать тепло. Огниво холодно, кремень холоден, трут холоден, дрова холодны, — но от них огонь, который готовит [6] теплую пищу человеку и греет его самого. Истина безжалостна — но ко лжи,[7] ложь губит, а истина избавляет от вреда. У хирурга не должна дрожать рука, ланцет не должен гнуться, — иначе [8] пациент не получит облегчения. — Наука прозаична, но она раскрывает истинную жизнь, а поэзия в правде жизни, а не во лжи. Почему Шекспир величайший поэт? Потому что в нем больше правды ‹*л. 13 об.*› жизни, меньше обольщения ложью, чем у других поэтов.

— Так буду и я беспощадна, Дмитрий Сергеевич,[9] — сказала Верочка, улыбаясь: — вы не обольщайтесь заблуждением, что имели во мне упорную противницу своей теории своекорыстия [10] и приобрели [11] ей новую последовательницу: я сама давно думала в том роде, как прочла в вашей книге и услышала от вас, — эти мысли сами собою родятся, когда смотришь на жизнь. Но только я думала,[12] что это мои личные мысли, что все умные и ученые люди думают иначе, — оттого и было [13] колебание. Как же иначе? Все, что читаешь, бывало, все написано в противоположном духе,[14] все наполнено [15] обличениями, укоризнами,[16] презрительными сарказмами против того,[17] что извлекаешь из наблюдения жизни, из наблюдений над самим собою. Природа, жизнь, рассудок ве-

---

[1] *Вместо:* объясняется — *было начато:* я могу [2] *Вместо:* не должна знать — *было:* не знает [3] *Вместо:* Для науки ∾ форма. — *было:* Наука не стихотворство [4] *Было начато:* тео‹рия› [5] против которой [6] греет [7] *Далее было:* потому что [8] иначе нельзя [9] *Далее начато:* вы не думай‹те› [10] *Далее было:* я давно сама [11] сделали [12] не знала [13] было прежде [14] *Далее начато:* везде воз‹*не закончено*› [15] написано [16] *Далее было:* но презрением к [прозаическо‹му›] тому, что [17] тому

дут в одну сторону, — авторитеты — авторитеты тянут в другую, говорят: это дурно, низко, а между тем видишь и чувствуешь, что это натурально и неизбежно.[1] Знаете, ведь мне самой смешны те возражения, которые я вам делала.

— Да, они смешны, Вера Павловна.

— Однако мы говорим друг другу удивительные комплименты, — я вам: вы, Дмитрий Сергеевич, пожалуйста, не очень-то поднимайте нос, я сама не глупее вас, — а вы мне: вы, Вера Павловна, смешны с вашими сомнениями. — Она улыбнулась.[2]

И он засмеялся.

— Что ж, если мы не любезничаем друг с другом, так это[3] потому, что нам нет расчета: у вас богатый жених, у меня богатая невеста.[4]

— Хорошо, Дмитрий Сергеевич. Люди эгоисты — так ведь? Вот вы толковали о себе, и я хочу потолковать о себе.

— Так и следует, каждый должен больше всего думать о себе.

— Хорошо, хорошо. Не поймаю ли я вас на вопросах о себе?

— Посмотрим.

— Ну, будьте беспощадны в применении вашей теории ко мне. У меня богатый жених. Но он пошл, я имею отвращение к нему. Должна ли я принять его предложение?

— Рассчитывайте, что для вас полезнее.

— Что для меня полезнее! — Вы знаете, я очень небогата, — он богат;[5] с одной стороны, пошлость человека, нерасположение к нему, с другой — господство[6] над ним, завидное положение в обществе, деньги,[7] толпа поклонников.[8]

— Взвесьте все, — что полезнее для вас, то и выбирайте.

— Ну, и если я выберу — богатого мужа и толпу поклонников?

— Я скажу, что вы выбрали то, что казалось вам сообразно[9] с вашим интересом.

— И что надобно будет сказать обо мне?

— Если вы поступили обдуманно, хладнокровно, то надобно будет сказать, что вы поступили обдуманно.

— Будет мой выбор заслуживать порицания?[10]

— Он будет признан сообразным с вашею натурою.

— Но однако же что надобно будет сказать о моем поступке?

— То, что вы поступили так, как следовало вам поступить, — если вы так сделали, значит такова была ваша личность, что нельзя вам было поступить иначе, что вы поступили по необходимости вещей, что, соб-

---

[1] *Далее начато: а.* Как *б.* Так и не [2] *Далее начато:* Что ж, если мы не говор‹им› [3] *Далее было:* очень показывает, что [4] *Далее было:* разве мы [дураки] глупцы, что станем думать [о чем-нибудь] [компро‹метирующем›] чем-нибудь таким заниматься, комп‹рометирующим› друг друг‹а› [5] *Далее начато:* я [буду] войду [6] деньги [7] свобода [8] *Далее начато:* полная свобода вознагр‹адит› [9] выгодно [10] *Вместо:* Будет ∾ порицания? — *начато:* И заслужу я пориц‹ание›

ственно говоря, вам и не было другого выбора, что кто стал бы ждать, что вы можете поступить иначе, тот грубо ошибался бы.

— И никакого порицания моему поступку?

— Кто имеет право порицать выводы из факта, когда существует факт? Ваша личность в данной обстановке — факт; ваши поступки — необходимые выводы, делаемые из этого факта природою вещей; вы не отвечаете за них.

— Однако вы не отступаете от своей теории. Так я не заслужу ваше порицание, приняв предложение моего жениха?

— Я был бы глуп, если стал порицать это.

— Итак — полное разрешение, — быть может, даже одобрение; быть может, положительный совет поступить так, как я говорю?

— Совет один всегда: рассчитывайте, что для вас полезно; как скоро вы следуете этому совету — одобрение.

— Ну хорошо. Благодарю вас. Теперь личный вопрос обо мне разрешен. Возвратимся к первому, самому[1] общему вопросу. Мы начали с того, что человек действует по необходимости, что каждое его действие[2] определяется[3] влияниями, под которыми происходит, что сильнейшие влияния берут верх над слабейшими, — вот тут у нас и было вставное рассуждение о том, что когда поступок имеет какую-нибудь житейскую важность, эти побуждения называются интересом, выгодою, пользою, — что способ их действия в человеке, игра этих сил в нем называется соображением пользы, расчетом интересов, — что поэтому человек всегда действует по расчету выгоды, — так я передаю связь мыслей?

— Так.

— Видите, какая я хорошая ученица. Теперь — это частный случай — вопрос о поступках, имеющих житейскую важность, достаточно разобран нами. Но в общем вопросе еще остаются затруднения.[4] Теория[5] говорит, что человек действует по необходимости, — мне приходили[6] в голову некоторые возражения.[7] Есть случаи, в которых кажется, будто зависит от произвола сделать[8] <так> или иначе. Например, я играю и перевертываю страницы нот. Я перевертываю их иногда левою рукою, иногда правою. Положим, я теперь перевернула правою; разве я не могла перевернуть левою? Не дело ли это моего произвола?

— Нет, Вера Павловна.[9] Если вы не обратите внимания на обстоятельства, при которых произошел этот факт, то останутся незамеченными для вас причины, заставившие вас <*л. 14*> перевернуть ноты именно правою, а не левою...

---

[1] *Вместо:* первому, самому — *было:* прежнему [2] *Вместо:* по необходимости ∾ действие — *было:* по необходимости — это привело нас к рассуждениям о том, что его действия [3] *Далее было:* суммой [4] *Вместо:* остаются затруднения. — *было:* надобно еще разобрать неко<торые> *Текст:* Мы начали ∾ затруднения. — *вписан.* [5] Ваша теория [6] как мне приходят [7] затруднения [8] поступить [9] *Далее было:* надобно о<братить?>

Но на этом слове Марья Алексеевна уже прекратила свое слушание: «Ну, теперь занялись ученостью, тут нечего слушать. Какой умный, основательный, можно сказать благородный молодой человек! Какие благоразумные правила внушает Верочке! [1] Полезные разговоры! И что значит ученый человек, — ведь вот я то же самое стану говорить ей, она не слушает да обижается,[2] — не могу на нее потрафить, потому что по-ученому не умею говорить. А вон, как он по-ученому-то говорит, она и слушает, и видит, что правда, и соглашается.[3] Недаром говорится: «ученье свет, неученье тьма». Хорошо, кто ученье имеет! Как бы я-то воспитанная женщина была, разве бы то было, что теперь? Мужа [4] бы в генералы произвела, по провиантской бы части место достала или по другой по какой по такой же,[5] — ну, разумеется, дела бы за него сама вела с подрядчиками, — ему где, плох! Дом-от бы не такой состроила, как этот. Не тысячу бы[6] душ купила. А теперь не могу — тут надо прежде в генеральском[7] кругу себя зарекомендовать, — а я как себя зарекомендую? Ни по-французски, ни по-каковски [8] по-ихнему не умею, — скажут: манеры не имеет, невоспитанная, как есть, скажут, хабалда, на Сенной только ругаться, — вот и не гожусь! Неученье — тьма. Подлинно, подлинно: «ученье — свет, неученье — тьма».

Вот именно этот подслушанный разговор и породил [9] в Марье Алексеевне убеждение, что разговоры с Дмитрием Сергеевичем не только не принесут Верочке вреда, как она и прежде думала, а даже принесут пользу,[10] помогут ее заботам,[11] чтобы Верочка совершенно бросила все остатки глупых девических неопытных мыслей и поскорее покончила венчаньем дело с Сторешниковым.

Я понимаю, как сильно компрометируется в глазах просвещенной публики [12] Лопухов и содержанием разговора, подслушанного Марьею Алексеевною, и одобрением, полученным от Марьи Алексеевны. Я мог бы скрыть эти оба обстоятельства, невыгодные для Лопухова, мог бы совершенно умолчать об этом разговоре, а чувства Марьи Алексеевны к Лопухову оставить в тени, — дело очень легко было рассказать и без этого: что удивительного было бы, если бы учитель имел случаи говорить с девушкою семейства, в котором дает уроки, хотя бы и не пользовался особенным [13] доверием матери семейства? Разве много нужно слов, чтобы росла любовь? Разве мало случаев обменяться двумя-тремя словами незаметно ни для [14] каких зорких надсмотрщиц? В содействии Марьи Алексеевны не было нужды для той развязки, какую получила встреча Верочки и Лопухова. Но я рассказываю дело, как оно было, и не хочу [15]

[1] *Далее было:* Ну, да Верочка-то сама не промах, а эт‹о› [2] *Далее было:* а он вон как по-ученому [3] *Далее было:* Вот оно правда и есть [4] Мужу [5] *Далее было а. Начато:* Все *б.* Он бы не сумел [6] *Было начато:* Две бы т‹ысячи› [7] *Вместо:* прежде в генеральском — *было:* в большом генераль‹ском› [8] ни по-ученому [9] развил [10] *Далее было:* то есть помогут ей скорее решить вы‹бить› [11] *Далее было:* поскорее [пок‹орить?›] выбить из [12] *Далее было:* и в особенности [13] чрезвычайным [14] ни от [15] не намерен

давать потачки никому. Каков бы там ни был Лопухов, я выдаю его читателю головой и [1] ни прикрывать, ни защищать не стану.[2]

Но если уже я не утаил этих обстоятельств, то не мешает и сделать о них две-три заметки, не в оправдание[3] Лопухову, — он от этих заметок, быть может, еще больше проиграет во мнении [4] людей с возвышенными чувствами, — а просто для объяснения дела.

Одобрение, заслуженное разговором Лопухова [5] от Марьи Алексеевны, было не случайно.[6] Действительно, образ мыслей Лопухова был таков, что гораздо легче мог показаться хорош людям вроде Марьи Алексеевны, чем красноречивым [7] <*л. 14 об.*> партизанам [8] разных прекрасных [9] идей.[10] Красноречивые поклонники разных прекрасных идей имеют такой образ мыслей: «надобно воровать, но быть честным», «лги, но будь правдив», «люби добро, но защищай зло» и т. д.; [11] форма этого прекрасного образа мыслей состоит, как видите, в том, что по каждому предмету он имеет пару мыслей, которые могут быть отлично связаны [12] в одно целое риторическими и схоластическими лыками, веревками и лентами,[13] но здравым смыслом не могут быть соединены [14] в одно. Сущность дела, удовлетворяемого [15] таким пестрым арлекинадством ума, состоит в [16] доказательстве того, что козла следует оставить в огороде, потому что он там отгоняет воробьев и всякую птицу, поедающую капусту. Способ, которым получается такой удовлетворительный результат, со-

---

[1] *Далее начато:* защи<щать> [2] *Далее было:* Но Марью Алексеевну я хочу защищать, потому что [и] недолюбливаю ее, — у меня такая привычка: кого не могу терпеть, того не могу не защищать.

[Она пред<ставляла?>] Нам случилось видеть ее в таких отношениях, в которых она представляется очень дурною женщиною [в других отношениях], — да и нельзя было бы нам увидеть ее в другом свете, потому что, с какой стороны ее ни возьми, все-таки она очень дурная женщина. Но позвольте однако же, что ж в ней особенно дурного? Она грубовата, — только тем и отличается от Анны Ивановны, Марьи Ивановны, Настасьи Ивановны, Анны Петровны, Марьи Петровны, Настасьи Петровны, Анны Васильевны, Марьи Васильевны, Настасьи Васильевны, с которыми вы знакомы, с которыми вы почтительны и внимательны, с которыми вы даже дружны. Половина мужчин и половина женщин ничуть не лучше ее, напротив, она лучше большей доли из них, потому что она умна. Что делает она особенного? Заманивает богатого жениха, принуждает дочь идти за него, — только какая же тут редкость? Какое тут небывалое злодейство? Она ругается, — простите ее, она не воспитывалась в пансионе. Она выпивает? [— Что ж] Правда [этого] [но ведь это только [особый вид] особая форма того же самого, что делают другие, услаждая тем или другим свой желудок, — она не так воспитана, чтобы наслаждаться изяществом каких-нибудь десертов или конфект или печений, — где ей?] — это порок, это слабость [это пор<ок>] [3] *Далее было:* а быть мо<жет> [4] в глазах [5] *Было начато:* Дмитрия Сергеевича [6] *Далее было:* Подслушай она почти всё [7] *Начато:* изящ <ным> [8] защ<итникам> [9] возвышенных [10] *Далее было:* У Марьи Алексеевны был свой образ действий, но образ [11] *Далее было: а.* которые из этих идей [они на] прекрасны, пусть это будет все равно *б.* не в том дело, которые из этих идей прекрасны, которые нет, но сущность [12] связаны вместе [13] *Далее было:* очень [14] связаны [15] *Было начато:* выражаем<ого> [16] *Далее было:* в разрешении задачи замазать и исказить смысл фактов, чтобы о том, что коз<ла>

стоит в том, что[1] вместо того смысла, какой имеют факты[2] в реальной жизни, подстановляется какой-нибудь другой смысл, не оскорбляющий изящного и нежного чувства своею грубостью, а напротив, приятный зрению благовидностью, слуху благозвучностью, обонянию благоуханностью, вкусу сладостью, осязанию мягкостью и всем пяти чувствам угодливостью.[3] Лопухов брал факты, как они есть, оставляя им тот смысл, какой они имеют,[4] — эта грубая — если хотите, пошлая и гнусная — верность[5] реальному смыслу фактов делала то, что Лопухов, хотя и занимался теоретизированьем,[6] видел вещи в тех самых чертах, в каких представляются они всей массе человечества, думающего[7] не по теории, а по практике. Быть может, это плохо рекомендует его — мне все равно.[8] Как человек, теоретически образованный, он мог делать из фактов выводы, которых не умели делать люди, не знавшие ничего, кроме обыденных личных забот и ходячих бессвязных афоризмов простонародной общечеловеческой мудрости — пословиц, поговорок и тому подобных старых и старинных, древних и ветхих изречений, — но пока дело шло о том,[9] что делается и как делается на свете, как живут[10] и за-за чего бьются люди, Лопухов думал и говорил, подобно всем людям,[11] хитрым и нехитрым, честным и нечестным, добрым и злым, думающим не по теории, а по житейской практике, в том числе и подобно Марье Алексеевне.

Вот объяснение того, что Марья Алексеевна находила его разговоры разговорами человека основательного. Если бы дело дошло до выводов,[12] может быть, ей и не понравились бы его выводы. Но он толковал с Верочкою о том,[13] почему и что делают люди, и Марья Алексеевна видела, что он понимает вещи, как их понимает всякий практический человек, в том числе и она сама.

Но нельзя же удовлетвориться нам тем слишком неопределенным понятием[14] о его образе мыслей, какое удовлетворило и успокоило Марью Алексеевну.[15] Нам мало знать, практичен или непрактичен, реален или

---

[1] *Далее начато:* *а.* отриц‹ая› *б.* замаз‹ывая› [2] факты жизни [3] *Далее начато:* Марья Алексе‹евна› [4] *Далее было:* [так] [с этой стороны он бы] Марья Алексеевна, отличавшаяся от многих простых людей образом действий, не отличалась ни от кого из них образом мыслей, — это грубое терпенье или нежеланье [угождать перед] [жить] устроивать ‹*не закончено*› [5] реальность [6] хотя и занимался теоретизированьем, — *вписано.* [7] занимающегося жи‹вой?› [8] *Далее было:* Но он, подобно Марье Алексеевне, подобно всем великим практикам, хорошим и дурным, от [статских ‹?›] Хлодвига до Наполеона I, от [Генгст‹енберга›] софистов до иезуитов [от Тертулиана] [и подобно всем малым практикам от торговки макаронами на южном конце Европы до торговки [кедровы‹ми›] [маковым печеньем] жареным картофелем на северном конце Европы, находил, что] и всем простым людям, хитрым и нехитрым, честным и нечестным, добрым и злым, находил, что [жизнь построена на обмане и обманываньи и обираньи] человек бьется из-за денег, потому что на деньги покупается и хлеб, и одежа, и дрова; находил, что как человек, знавший ‹*не закончено*›. [9] *а.* о фак‹тах› *б.* о смысле *в.* о фактах, взглядах на факты [10] *Далее было:* и почему так [11] простым людям [12] *Далее начато:* неизвест‹но› [13] о принципах того, [14] *Далее было:* какое [15] *Вместо:* удовлетворило ∾ Марью Алексеевну. — *было:* составила себе Марья А‹лексеевна›

фантастичен взгляд человека на вещи, — мы привыкли требовать более[1] точных определений.[2] Что делать, надобно признать, — потому что скрыть нельзя, оно уже обнаружилось перед читателем, — по своему образу мыслей Лопухов был, что называется, материалист.[3] Что можно сказать в извинение такому дурному свойству Лопухова? Разве только то, что он был медик и занимался естественными науками, — это располагает к материалистическому взгляду.[4] Но, по правде сказать, и это извинение плоховато. Мало ли какие науки располагают[5] к такому же взгляду? — и математические, и исторические, и общественные, — но разве все аналисты,[6] геометры и астрономы, все историки, все статистики, политико-экономы, юристы, публицисты так уж и имеют материалистический образ мыслей? Да и химики,[7] ботаники, физиологи, медики разве все так уж и материалисты? Далеко нет. Стало быть, от заразы можно предохраниться.[8] Стало быть, с Лопухова не снимешь порицания. — Конечно,[9] мы видели в Лопухове некоторые черты, как свидетельствующие в его пользу: он сознательно и твердо решился отказаться от всяких житейских выгод и почетов для работы на пользу другим;[10] на девушку, которая была так хороша, что он влюбился в нее, он, влюбляясь и влюбившись, смотрел так, что иной брат не смотрит на сестру таким чистым[11] взглядом; но[12] следует ли из этого, что можно[13] его защищать? Вовсе не следует. ‹*л. 15*› Он был материалист — этим все решено, — и автор не так прост, чтобы стал спорить против того, что материалисты — люди низкие и безнравственные.

А впрочем, автору нет дела до того, хорошими или дурными людьми будут представляться тому или другому разряду публики те или другие из людей, действующих в этом рассказе. Дело автора только рассказывать, что они делали и что с ними было.[14] Разумеется, главным содержанием разговоров Верочки и Лопухова были не рассуждения о том, какой образ мыслей надобно считать справедливым. Но если[15] с вечера именин Верочки они оба жили мыслями друг о друге, то довольно долго времени прежде,[16] чем стали они прямо говорить о своем чувстве.[17] Они знали,

---

[1] *Вместо:* мы привыкли ∾ более — *было:* нам нужны более [2] *Далее было:* Итак, нельзя скрыть от [3] *Далее начато:* Автор [4] *Далее начато:* как распо‹лагает› [5] *Вместо:* какие науки располагают — *было начато:* что распо‹лагает› [6] *а.* астро‹номы› *б.* геометры и аналисты [7] медики, физиологи [8] *Далее было: а. Начато:* Сам *б.* А кто не предо[ст]хранился, то [9] *Далее было:* этот материалист [10] *Далее было:* мечты его были чест‹ные› [он правда] [у него] он смотрел [11] *Далее начато:* цело‹мудренным› [12] *Далее начато: а.* я *б.* что [13] *Далее было: а.* оправдать или извинить *б.* что его образ мыслей не был дурен? [14] *Далее было:* Разумеется, Верочка и Лопухов [говорили] разговаривали не всё о тех принципах, которые так понравились Марье Алексеевне. [15] *Далее было:* любовь [16] *Так в рукописи.* [17] *Вместо:* прямо ∾ чувстве. — *было:* гово‹рить› о своих чувствах.

что за ними следят, — но и не это главное[1] — главное то,[2] что они[3] были слишком заняты мыслями о том, что делать Верочке. Ее положение было так затруднительно, что заботами о нем заслонялись речи о чувстве.[4]

На другое утро после именин Верочки Лопухов уже собирал[5] сведения о том, как надобно приняться за дело о ее поступлении в актрисы. Он знал, что[6] девушке представляется много неприятных опасностей на пути к сцене. Но он полагал, что ей нужен только характер, чтобы избежать оскорбительных неприятностей. Оказалось не так. Что именно оказалось, это длинная история, которую можно и не рассказывать, — довольно того, что, пришедши через два дня на урок, он сказал Верочке:[7] «Советую вам оставить мысль о том,[8] чтобы сделаться <актрисою> — достичь этого трудно».[9] — «Почему же?» — «Да потому, что уж лучше было бы вам идти[10] за вашего жениха». На том разговор и прекратился.[11] Это было сказано, когда он[12] и Верочка брали ноты, — он, чтоб играть, она, чтобы петь. Верочка повесила было голову и несколько раз сбивалась с такту, хотя пела арию очень знакомую.[13] Ария кончилась, и они стали говорить,[14] какую арию теперь выбрать, она уже сказала ему: «А это мне казалось самое лучшее. Тяжело было услышать, что это невозможно. Но ничего. Труднее будет жить, а все-таки можно будет жить.[15] Пойду в гувернантки».

Когда он опять был через два дня, она сказала:

— Дмитрий Сергеевич, как же это сделать, чтобы поскорее достать место гувернантки? Прошу вас.

— Жаль, мало у меня знакомых, которые тут могли бы быть полезны, — семейства, в которых я давал или даю уроки, — всё люди небогатые[16] и тоже не имеют знакомых[17] людей достаточных. Но попробуем.

— Друг мой, я отнимаю у вас время, — но[18] как же быть?

— Вера Павловна, нечего[19] говорить о моем времени, когда я ваш друг.[20]

Верочка и улыбнулась, и покраснела. Она сама не заметила, как

---

[1] было главное [2] было то [3] что у них [4] *Вместо:* что заботами ∾ о чувстве. — *было: а. Начато:* что от раздумья о нем *б.* что от заботы о нем мало оставалось в их разговорах *в.* что от заботы о нем в их разговорах оставалось мало *г. Начато:* что заботами о нем заслонялись мы<сли> [5] справлял<ся> [6] *Далее начато:* это задача — вещь, соеди<ненная?> [7] *Далее начато:* ваше намерение [8] о сцене [9] *Далее было:* без таких вещей, которые были при вашем понятии о том, что [10] *Вместо:* вам идти — *было:* идти за [11] *Далее начато:* Верочка [12] *Далее было:* садился за фортепьяно [а Верочка] и вместе с Верочкою листал ноты для пения [13] *Далее начато:* но он [14] *Далее начато:* что еще спеть [15] *Далее было:* я буду давать уроки на фортепьяно. Конечно, я потеряю те, которые теперь имею, — маменька наскажет на меня в этих домах [бог знает] всяких ужасов, но буду искать других. Не найду <*не закончено*> [16] бедн<ые> [17] *Далее было:* в том кругу, где у людей есть средства — и комнаты для того, чтоб гувернантке было [дозво<лено?>] [ко<торой>] [в которой] [18] но что [19] *Далее было:* об этом [20] *Далее начато:* Ах

имя «Дмитрий Сергеевич» заменилось у ней именем «друга». Он тоже улыбнулся.[1]

— Вы не хотели этого сказать,[2] Вера Павловна, — отнимите у меня это имя, если жалеете, что дали его.

Она улыбнулась. «Поздно», — и покраснела опять. «И не жалею», — и покраснела еще больше.

— Если будет надобно, то увидите, что верный друг.

Пожали руки друг другу.

Вот вам и все первые два разговора после того вечера.

Через два дня в «Полицейских ведомостях» было напечатано объявление, что девушка, говорящая по-французски и по-немецки[3] и проч., ищет места гувернантки и что спросить о ней можно у чиновника такого-то, в Коломне, в NN улице, доме NN. ‹*л. 15 об.*›

Теперь Лопухову пришлось действительно тратить много времени по делу Верочки.[4] Каждое утро он отправлялся — большею частью пешком — с Выборгской стороны в Коломну к своему знакомцу, адрес которого был выставлен в объявлении, — путешествие было далекое, но другого такого знакомого, поближе к Выборгской стороне, не нашлось, — ведь надобно было, чтобы у знакомого соединялось много условий: не слишком бедная квартира, хорошие семейные обстоятельства, почтенный вид. Бедная квартира поведет к предложению невыгодных условий для гувернантки; без почтенности и видимой хорошей семейной жизни рекомендующего лица не будут иметь выгодного мнения о рекомендуемой девушке. А своего адреса уж, конечно, никак не мог Лопухов выставить в объявлении, — что подумали бы о девушке, о которой некому позаботиться, кроме как студенту? Таким образом, Лопухов и делал порядочный моцион. Забрав у чиновника адресы являвшихся искать гувернантку, он пускался продолжать странствование. Чиновник говорил, что[5] он дальний родственник девушки и только посредник, а есть у ней племянник,[6] который завтра сам приедет поговорить обстоятельнее. Племянник, вместо того чтобы приезжать, приходил, — всматривался в людей и, разумеется, большею частью оставался недоволен обстановкою: в одном семействе слишком надменны, в другом — мать семейства хороша, отец дурен, в третьем — наоборот, в четвертом — какие-нибудь другие неудобства. Но объявления продолжали являться в «Полицейских ведомостях», продолжали являться ищущие гувернантку,[7] и Лопухов не терял надежды.

В этих поисках прошло недели две.[8] На пятый день поисков, когда

---

[1] *Вместо:* тоже улыбнулся — *было:* засмеялся [2] *Вместо:* не хотели этого сказать — *было:* обмолвились [3] *Далее начато:* могущ‹ая› [4] *Рядом с текстом:* Теперь ∾ Верочки. — *дата:* 28 дек‹абря› [5] что девушка [6] *Далее было:* сын ее старшей [7] *Вместо:* продолжали ∾ гувернантку, — *было начато:* и в ищущих гувернантку не было недо‹статка› [8] *Вместо:* В этих ∾ две. — *было:* Так прошло с неделю.

Лопухов, возвратившись[1] из хождения по Петербургу, лежал на своей кушетке, Кирсанов посмотрел, посмотрел на него и сказал:

— Дмитрий, ты стал плохим товарищем мне в работе.[2] Пропадаешь каждый день на целое утро[3] и на половину дней пропадаешь по вечерам. Нахватал уроков, что ли? Так время теперь набирать их?[4] Я хочу на эти месяцы бросить и те, которые у меня есть. У меня есть рублей 30, достанет[5] на четыре[6] месяца до окончания экзаменов и диссертации, — ведь уж апрель. У тебя было больше денег в запасе, — кажется, рублей до сотни.

— Больше, до полутораста. Да у меня не уроки, я их все бросил, кроме одного. У меня дело, — кончу его,[7] не будешь на меня жаловаться, что отстаю от тебя в работе.

— Какое же дело?

— Видишь, на том уроке, которого я не бросил, семейство дрянное, а в нем есть порядочная девушка. Хочет[8] быть гувернанткой, чтоб уйти от семейства. Вот я и ищу для нее места.

— Хорошая девушка?

— Хорошая.

— Ну, это хорошо.[9] Ищи, не претендую на тебя.

Эх, господа Кирсанов и Лопухов, ученые вы люди, а[10] не догадались вы, что[11] особенно-то хорошо. Положим,[12] и то хорошо, о чем вы говорили, но[13] гораздо лучше то, что вы только это и говорили. Кирсанов и не подумал спросить,[14] хороша ли собою девушка, Лопухов и не подумал упомянуть об этом, — Кирсанов и не подумал сказать: «да ты, брат, не влюбился ли, что больно усердно хлопочешь», — Лопухов и не подумал сказать: «а я, Александр,[15] очень ею заинтересовался», — или, если не хотел говорить этого, то не подумал заметить в предотвращение такой догадки, что «ты не подумай, Александр, что я влюбился».[16] Им, видите ли, обоим думалось, что когда дело идет об избавлении человека от тяжелого положения, то нимало не относится к делу, красиво[17] ли лицо этого человека, хотя бы он даже был и молодая девушка, и о влюбленности или невлюбленности тут нет речи. То есть они даже и не подумали того, что думают это, — а вот это-то есть самое лучшее, что они и не замечали,[18] что думают это.[19]

---

[1] *Было:* возвратился, по обыкнов‹ению?› [2] *Далее начато:* — Погоди, вот кончу хло‹поты› [3] *Вместо:* каждый день ∞ утро — *было:* *а.* все утро, потом лежишь *б.* каждое утро [4] *Вместо:* набирать их? — *было:* ими заниматься? [5] проживу [6] на эти четыре [7] *Далее было:* примусь помогать т‹ебе› [8] Вот решилась [9] *Было:* Ну, это хорошо. Ищи. [10] а тоже, как [11] *Далее было:* хорошо. Не то хорошо что вы говорите [12] Не то [13] но еще [14] *Далее было:* Лопухов [15] брат [16] влюблен». [17] *Было начато:* хорош‹о› [18] не подумали, [19] *Далее начато:* Сказано: хоро‹шо›

А впрочем, не показывает ли это проницательному сорту читателей (большинству записных литературных судей показывает, — ведь оно состоит из людей проницательных), что это были люди сухие, без «эстетической жилки», — это было когда-то модное выражение у эстетических литераторов с возвышенными стремлениями: «эстетическая жилка» — может быть, и теперь все еще остается модным, — не знаю, я давно их не видал. Натурально ли, чтобы молодые люди не поинтересовались вопросом о лице, говоря про девушку, если в них есть капля вкуса и чего-нибудь живого? Конечно, сухие люди без художественного чувства. А по мнению других, изучавших натуру человека в кругах, еще более богатых эстетическим чутьем, молодые люди в таких случаях непременно немножко — или и порядком — потолкуют о женщине с самой пластической стороны. ‹*л. 16*› Оно так и было, да не теперь, господа; оно и теперь так бывает, да не в той[1] части молодежи, которая одна и называется нынешней молодежью. Это, господа, странная молодежь.[2]

— Ну что, мой друг? Все еще нет места?

— Нет еще, Вера Павловна. Но не унывайте, найдется. Каждый день я бываю в двух, в трех семействах. Нельзя же, чтобы не нашлось наконец порядочное, в котором бы можно жить.[3]

— Ах, но если бы вы знали, мой друг, как тяжело, тяжело мне оставаться здесь. Когда мне не представлялась близко возможность избавиться от этого[4] унижения, этой гадости, я насильно держала себя в каком-то мертвом бесчувствии. Но теперь, — ах, мой друг, мне душно в этом гнилом, в этом гадком воздухе.

— Терпение, терпение, Вера Павловна, найдем.

В этом роде были разговоры с неделю.

Вторник:

— Терпение, терпение, Вера Павловна, найдем.

— Друг мой, сколько хлопот вам,[5] — сколько потери времени для вас, — чем я вознагражу вас?[6]

— Вы вознаградите меня, мой друг, если не рассердитесь.

Он сказал и смутился.

Она посмотрела на него, — нет, он не то что не договорил, он не думал продолжать, — он ждет от нее ответа.

— Да за что же, мой друг, что вы сделали?

Он еще больше смутился и как будто опечалился.

— Что с вами, мой друг?

— Да, вы и не заметили. — Он сказал это так грустно и вдруг засмеялся так весело. — Ах, боже мой, как я глуп, как я глуп! Простите меня, мой друг.

---

[1] *Было начато:* луч‹шей› [2] *Далее начато:* Не похож‹ая?› [3] *Далее начато:* Я не у‹жилась бы ?› [4] *Было:* от этой [5] *Далее начато:* Боже [6] *Далее было:* Разве эти вещи, мой друг, требуют?

— Ну, что такое?

— Ничего, вы уж наградили меня.

— Ах, вот что! Какой же вы чудак! Ну хорошо, зовите так, не сержусь.[1]

В четверг было гамлетовское испытание по Саксону Грамматику, и после того надзор стал слабее.

Суббота.[2] После чаю[3] Марья Алексеевна уходит считать белье, принесенное прачкою.

— Мой друг, дело, кажется, устроится.

— Да? Если так, — ах, боже мой, ах, боже мой! Скорее! Я, кажется, умру,[4] если это еще продлится. Когда же и как?

— Решится завтра.[5] Почти, почти несомненная надежда.

— Что же, как же?

— Слушайте,[6] держите себя смирно, мой друг, — заметят, — вы чуть <не> прыгаете от радости, друг мой, — ведь ваша маменька может сейчас войти за чем-нибудь.

— А сам хорош. — Вошел, сияет, так что маменька долго смотрела на вас.

— Что ж, я ей сказал, отчего я весел, я заметил, что надобно было что-нибудь сказать.

— Несносный, несносный! Вы занимаетесь предостережениями[7] мне и до сих пор ничего не сказали. Ну, что же?

— Ныне поутру Кирсанов — вы знаете, мой друг, фамилия моего товарища Кирсанов...[8]

— Знаю, несносный, несносный, говорите же скорее без этих глупостей.

— Сами мешаете, мой друг.

— Ах, боже мой, и всё замечания, вместо того чтобы скорее говорить дело. Я не знаю, что я с вами сделала бы, — я вас на колени поставлю, — здесь нельзя, велю вам стать на колени на вашей квартире, когда вы вернетесь домой, и чтобы ваш Кирсанов смотрел, и чтобы написал мне записку, что вы стояли на коленях, — слышите, что я с вами сделаю?

---

[1] *Далее было:* Четверг.

— Друг мой, мне мало этой награды.

— Неблагодарный! Если так, то Дмитрий Сергеевич и Вера Павловна, — слышите, — не иначе.

[— Пожалу<йста>] — Да ведь вы не знаете, что я хотел сказать.

— Ну, что же?

— Я ни разу еще не целовал вашу руку?

— Да кто ж вам запрещал? Но разве [можно, когда] это можно было?

— Только как же это сделать, чтобы не заметили?

— Вот как.

[2] В субботу. [3] До разговора [4] умираю, [5] Я буду завтра. [6] Ну, слушайте [7] наставлени<ями> [8] *Вместо:* вы знаете ∾ Кирсанов... — *было:* дал мне адрес дамы, котор<ая>

— Хорошо, я буду стоять на коленях. А теперь молчу. Когда исполню наказание, буду прощен. Тогда и буду говорить.

— Ну, прощаю, только говорите, несносный.

— Благодарю вас,[1] вы прощаете, когда сами виновата, сами все перебивали, Вера Павловна.

— Вера Павловна? Это что? А «ваш друг» где же?

— Да, это был выговор, мой друг. Видите, какой обидчивый и суровый.

— Выговор? Вы [2] мне смеете давать выговоры? Если так, я не хочу вас слушать.

— Не хотите?

— Не хочу. Что мне еще слушать? Ведь уж вы все сказали, — что дело почти кончено, что завтра оно решится, — видите, мой друг, ведь вы сами еще ничего не знаете нынче, что же слушать? [3] До свиданья, мой друг.

— Да послушайте, друг мой... друг мой, послушайте же.

— Не слушаю и ухожу. Ну,[4] говорите скорее. Не буду перебивать. Ах, боже мой, если бы вы знали, как вы меня обрадовали! [5] Боже мой, когда ж это было со мною, чтобы я шутила, чтобы я болтала вздор, шалила, как дитя! Дайте вашу руку. Видите, как крепко, крепко жму. Благодарю вас, благодарю вас. Теперь давайте говорить дело. Рассказывайте.[6] ‹*л. 16 об.*›

— Ныне поутру Кирсанов дал мне адрес дамы, которая назначила мне завтра поутру быть у нее. Я лично не знаком с нею. Но очень много слышал о ней от нашего общего близкого знакомого, который и был посредником. Я знаю также ее мужа. Судя по этому, я уверен, что в ее семействе можно жить. А она сказала, давая адрес нашему знакомому для передачи мне, что уверена, что сойдется со мною в условиях. Стало быть, мой друг, дело можно почти ‹считать› совершенно конченным.

— Ах, как это будет хорошо! Ах, какая радость! — твердила Верочка. — Но я хочу знать это скорее, как можно скорее! Вы от нее прямо проедете к нам?

— Нет, мой друг, это возбудит подозрения. Я бываю у вас только для уроков. Мы сделаем вот что. Я пришлю по городской почте письмо к Марье Алексеевне, что не могу [7] быть на уроке во вторник и переношу его на среду; если будет написано: на среду утро, — значит, дело состоялось; на среду вечер — неудача. Марья Алексеевна это [8] расскажет и вам, и вашему батюшке, и Феде.

— Когда же придет письмо?

— Вечером.

---

[1] Этого мало, что [2] От вас [3] *Далее начато:* ваши по ‹*не закончено*› [4] А вы [5] *Было:* как я рада! [6] *Вместо:* дело. Рассказывайте — *было:* теперь я спокойна. [7] мне нельзя [8] сама это

— Боже мой, это так долго! Нет, у меня не достанет терпенья! И что же я узнаю из письма? Только «да» или «нет»? и потом ждать до среды, если «да» — нет, это мученье. Если «да», я завтра же перейду жить к этой даме. Мне надобно знать[1] тотчас же. Как же это сделать? Боже мой! Знаете, что я сделаю: я буду ждать вас на улице, когда вы выйдете от этой дамы.

— Друг мой, да это было бы еще неосторожнее, чем мне приехать к вам. Уж лучше я приеду.

— Нет, здесь, может быть, нельзя будет и говорить, и во всяком случае маменька стала бы подозревать. Нет,[2] сделаю так, как вздумала. У меня есть такой густой вуаль, что никто не узнает.

— А что же, в самом деле? кажется, это можно. Дайте подумать.[3]

— Некогда думать. Маменька может войти каждую минуту. Где живет эта дама?

— В Галерной, подле моста.

— Во сколько часов вы будете у ней?

— Она назначила в час.[4]

— С часу я буду сидеть на Конногвардейском бульваре, на последней скамье того конца, который ближе к мосту. Я сказала, что на мне будет густой вуаль. Но вот вам примета: я буду держать в руке сверток нот. Если меня не будет еще там, значит меня что-нибудь задержало. Но вы[5] садитесь на эту скамью и ждите: я могу опоздать, но буду непременно.

— Пусть будет по-вашему, мой друг.

— Как я хорошо придумала! — твердила Верочка. — Как я вам благодарна, мой друг, — как я буду счастлива! Я перейду к этой даме завтра же. Вы так и скажите ей: завтра же. Хорошо, что мы успели всё переговорить. Теперь разговор для маменьки. Что ваша невеста, Дмитрий Сергеевич? вот вам, вы из друзей уже разжалованы в Дмитрия Сергеевича. Да говорите же о вашей невесте.

— Моя невеста?[6] Я в эти <дни> забывал ее.

— Этого вы не должны делать.[7] Но нет, и я не могу говорить ни о чем, кроме этого. Я сажусь играть.

Она начала играть[8] какие-то вальсы, галопы, польки.

— Друг мой, какое унижение искусства, какая порча вашего вкуса! Оперы[9] брошены для галопов?[10]

— Брошены, брошены!

---

[1] Я хочу зна<ть> [2] *Было начато: а.* Луч<ше> *б.* Я *в.* Нет, как [3] *Вместо:* А что же ∾ подумать — *было:* В самом деле, ведь мне этого и не пришло в голову, что вуаль может [4] В 1-ом часу. [5] *Текст:* значит ∾ Но вы — *вписан.* [6] *Далее начато: а.* Нам надобно *б.* Бог з<нает?> [7] *Далее было:* Но если вы не можете этого говорить, скажите, что же она [8] *Далее было:* самые веселые отрывки из «Севильского цирульника».

— Видите, гораздо хуже играю это, чем все, что вы слышали. Это потому, что давно, очень давно не играла я [таких] ничего веселого, а теперь [9] Росси<ни> [10] танцев?

Через несколько минут вошла Марья Алексеевна. Дмитрий Сергеевич поиграл с нею в преферанс, — сначала выигрывал,[1] потом дал ей отыграться, даже проиграл около полтинника,[2] это в первый раз он дал ей торжество[3] и, уходя, оставил ее очень довольною.

Эту ночь Верочка не спала так спокойно, как после дня рождения.[4] Ей снилось, что она заперта в сыром, темном подвале, — и вдруг замок сорван, — кем же? как же?[5] — и Верочка очутилась в поле, — бегает, резвится и думает: «Как же это я могла не умереть в подвале? Это потому, что я не видала поля, — если бы я его видала, я бы умерла в подвале!» — и опять бегает, резвится. Ей снится, что она разбита параличом, — она думает: «Как же это я разбита параличом? Это бывают разбиты старики, старухи, а молодые девушки не бывают».

«Бывают, часто[6] бывают, — говорит кто-то: — и ты теперь будешь здорова, вот только я коснусь твоей руки, — видишь, ты уж и здорова — вставай же». Кто ж это говорит? А как стало легко — вся болезнь прошла, — и Верочка[7] встала, идет, бежит, и[8] опять на поле, и опять резвится, бегает, — и опять думает: «Как же это я могла переносить паралич? Надобно было умереть. — Это потому, что я родилась в параличе и не знала, как ходят и бегают, а если бы знала, не перенесла бы паралича», и бегает, и резвится. А вот идет девушка,[9] — как[10] странно: и костюм, и лицо, и походка — все беспрестанно меняется[11] в ней, — то она англичанка, то француженка, вот она уж немка, — полячка, — а вот стала и русская,[12] — опять англичанка, — опять немка, — опять русская,[13] — и[14] выражение лица беспрестанно меняется: какая сердитая![15] какая добрая! какая печальная! какая веселая![16] — и какая странная: переменяется, вся переменяется, а все та же,[17] — и лицо то же, — как же, одно лицо? Разве англичанка[18] похожа на француженку?[19] похожа, — и как же это, сердитая она — о, какая сердитая! — а все-таки[20] добрая, очень добрая — как же это?[21] Но только какая же она красавица, — как ни меняется лицо, с каждою переменою — все прекраснее, все прекраснее.

---

[1] выиграл, [2] *Вместо:* около полтинника — *было:* полтинник [3] такое торжество [4] именин. [5] *Вместо:* кем же? как же? — *было:* *а. Начато:* прек‹расной› *б.* какой-то дамой, как В‹ерочка› [6] очень часто [7] *Вместо:* говорит кто-то ∾ и Верочка — *было:* *а.* говорит опять какая-то прекрасная дама: «Очень часто бывают, но я умею их вылечивать, я тебя уже вылечила, как только подала руку, у меня такая рука. Пойдем со мною, Верочка [и они опять]» *б.* вдруг кто-то дотрогивается до [нее] ее руки и говорит: полно лежать, пойдем. — Кто же это говорит [8] и она [9] дама, нет, это не та дама [10] какая [11] всё меняется [12] *Вместо:* стала ∾ и русская, — *было:* и русская [13] *Вместо:* опять ∾ русская, — *было:* — и какая странность, — меняется, а не так [14] вот и [15] раздраженная [16] *Далее было:* — и как с каждою минутою переменяются [осанка] в ней осанка и черты [как скром‹но›], — вот идет скромно, плавно, тихо, — вот запрыгала, танцует, — вот скачет как бешеная, — опять тиха и скромна [17] *Далее было:* сейчас [18] у русской [19] *Далее было:* а у ней все фр‹анцузское› [20] а видно ч‹то› [21] *Далее было:* подходит к В‹ерочке›

Подходит к Верочке. «Ты кто?» [1] — «Он меня прежде звал Вера Павловна, а теперь зовет „мой друг“». — «А, так это ты та Верочка, которая меня полюбила?» — «Да, я вас очень люблю. Только кто же вы?» — «Я невеста твоего жениха». — «Какого жениха?» — «Я не знаю, я своих женихов не знаю. Они меня знают, а мне нельзя их знать, у меня их очень, очень много. Ты кого-нибудь [2] из них выбери себе в женихи, только из них, из моих женихов». — «Я выбрала...» — «Имени не нужно.[3] Я не знаю имен.[4] Но только выбирай из моих женихов, — только из них. Я хочу, чтобы мои сестры [5] и мои женихи выбирали только друг друга. Ты была заперта [6] в подвале, была разбита параличом? [7]» — «Да». — «Теперь избавилась?» — «Да».[8]— «Это я тебя выпустила, я тебя вылечила. Помни же, что [9] еще много невыпущенных, невылеченных. Выпускай их, лечи их, — будешь?» — «Буду».[10]

Верочка идет [11] по городу, — вот подвал,[12] в подвале заперты девушки: [13] ‹*л. 17*› Верочка притронулась к замку — замок слетел, — «выходите, сестры» — они выходят, — вот комната, в комнате лежат девушки, разбитые параличом, — «сестры» [14] все встают, идут, и все они на поле, и опять на поле, и опять бегают, резвятся, — ах, как весело с ними вместе, гораздо веселее, чем одной, ах, как весело! [15]

В последнее время Лопухову некогда было видеться с своими академическими знакомыми. Кирсанов, продолжавший видеться с ними,[16] на вопросы о Лопухове отвечал, что [17] у Лопухова, между прочим, вот какая забота, — и один из их общих приятелей [18] дал ему адрес дамы, к которой теперь отправлялся Лопухов.

Г-жа Б. понравилась Лопухову, — он нашел в ней женщину умную, добрую, без претензий.[19] Ее условия были хороши, семейная обстановка для Верочки была очень спокойна,[20] все оказалось удовлетворительно, как и надеялся Лопухов.[21] И г-жа Б., видимо, находила удовлетворительными ответы Лопухова на ее вопросы о характере Верочки, ее привычках [22] и т. д., — словом, дело быстро шло на лад, и,[23] потолковав с полчаса, г-жа

---

[1] *Далее было:* «Я [Ве‹рочка›] прежде [была] называлась Верочка, Вера Павловна, а теперь стала [2] какого-нибудь [3] Мне не нужно имени [4] *Далее было начато: а.* Я и твое‹го› *б.* Я назыв‹аю› [5] *Далее начато:* выбир‹али› [6] *Вместо:* была заперта — *было:* сидела [7] *Вместо:* была разбита параличом?» — *было:* лежала в параличе? [8] *Далее начато: а.* Не хочешь опять быть *б.* Не хочешь быть опять заперт‹ой› *в.* Помни же, другие остались [9] что дру‹гие› [10] *Далее было:* только вы научите меня. [11] опять идет [12] девушка [13] *Далее было:* выходите [14] *Далее было:* вставайте [15] *Далее было:* И вот опять та красавица, невеста ее жениха [16] *Вместо:* Кирсанов ∾ с ними, — *было:* Но Кирсанов, разумеется, продолжал видеться с ними, и [один из них, Б,] [профессор [А.] Б], между прочим, говорил им, что [17] *Далее было:* он занят отыскиванием места гув‹ернантки› [18] знакомых [19] *Далее было:* Сначала потолковали о том, чего ищет [20] *Далее было:* словом [21] *Далее было: а.* и она также *б.* Не считайте чем-нибудь особ‹енным› [22] понятиях [23] *Далее было:* и пришло к ладу быстрее, чем

Б. сказала, что «если ваша сестра будет согласна на мои условия, я прошу ее переселиться ко мне, и чем скорее, тем лучше».

— Она согласна. Она уполномочила меня кончить дело за нее. Но теперь, когда мы решили, я должен сказать вам то, о чем напрасно было бы говорить, прежде чем мы условились обо всем другом. Эта девушка не родственница[1] мне. Она дочь чиновника, у которого я даю уроки. Кроме меня, она не имела человека, которому могла бы поручить хлопоты о доставлении ей места.[2] Но я совершенно посторонний человек ей.

— Я это знала, мсьё Лопухов. Вы, мсьё Кирсанов и профессор М. (она назвала фамилию знакомого, через которого Кирсанов получил адрес) знаете друг друга за людей достаточно чистых, чтобы можно вам говорить между собою о дружбе одного из вас с молодою девушкою, не компрометируя эту девушку во мнении своего товарища. А М. такого же мнения обо мне и,[3] зная, что я ищу гувернантку,[4] почел себя вправе сказать мне, что эта девушка вовсе не родственница вам. Не осуждайте его за неосторожность, — ведь вы знаете, что[5] очень хорошо знает меня. Я тоже честный человек, мсьё Лопухов, и, поверьте, я понимаю, кого можно уважать и кто выше подозрений. Я верю М. столько же, как сама себе, а М. верит вам столько же, как сам себе. Но М.[6] не знал ее имени.[7] Теперь, кажется, я уже могу спросить его, — ведь мы кончили с вами, и ныне — завтра она войдет в наше семейство.

Г-жа Б. Лопухову еще больше прежнего понравилась простым и честным тоном, с каким сказала это.[8]

— Ее зовут Вера Павловна Расальская.[9] Вы увидите, что я вовсе не хочу говорить комплимент вам, когда скажу, что я очень рад теперь за m-lle Расальскую.[10] Ее домашняя жизнь была так тяжела, что она[11] будет чувствовать себя очень счастливою у вас.

— Так ей было дурно жить в семействе?

— Очень дурно. — Лопухов стал рассказывать то, что нужно было сказать г-же Б., чтобы она,[12] по незнанию, не затрудняла[13] Верочку[14] своими вопросами. Г-жа Б. слушала с большим участием, — наконец с чувством[15] пожала руку Лопухову.

— Нет, довольно, мсьё Лопухов, или[16] я расчувствуюсь, а в мои

[1] не сестра [2] *Далее было:* и я [поэтому] называл ее своею двоюродною сестрою потому, что [3] *Далее было:* когда уз‹нал› [4] *Далее было:* сказал мне ваши фамилии [5] мы с ним [6] *Далее было:* да кажется и ваш друг Кир‹санов› [7] фамилии. [8] *Далее было:* Да, это [хорошее] будет большое счастье для m-lle [9] *Далее начато:* *а.* Для m-lle Расаль‹ской› *б.* Говоря без комплиментов [10] *Вместо:* что я очень рад ∾ Расальскую. — *было:* когда скажу, что [для] m-lle Расальская будет чувствовать себя очень счастливою, поселившись у вас. Положение гувернантки вообще незавидно [11] *Далее было: Начато:* [отдох‹нув?›] на первое время решительно потеря‹ется?› [12] *Далее начато:* *а.* избегала оч‹ень› *б.* по не‹знанию?› [13] *Было:* не обременяла Ве‹рочку› расспросами [14] *Далее было:* *а.* вопросами о ее семейных отношениях *б. Начато:* ненужными [15] с большим чувством [16] а то

лета — ведь мне под 40 лет — это было ‹бы› смешно. Но я не в силах[1] равнодушно слушать о семейном тиранстве, потому что сама много страдала от него.

Все это говорилось так просто, искренно, что Лопухов был очарован.

— Позвольте же сказать еще только одно, — впрочем, это такие пустяки, о которых,[2] в сущности, не стоит говорить. Но все-таки я должен вас предупредить. Отец и мать m-lle Расальской вовсе не знают о ее намерении удалиться из семейства, и она переедет к вам без их согласия. Конечно, это все равно,[3] однако же вы согласитесь,[4] мне надобно упомянуть об этом.

Г-жа Б. задумалась.

Лопухов посмотрел, посмотрел и тоже задумался.

— Если не ошибаюсь, это обстоятельство не кажется для вас таким маловажным, каким представляется[5] мне?[6]

Г-жа Б. казалась совершенно расстроенною.

— Простите меня, — продолжал Лопухов, видя, что она[7] не может собраться с мыслями отвечать ему, — простите меня, но я вижу, что это вас затрудняет.

— Извините меня, мсьё Лопухов, но я решительно не знаю, как нам быть. Неужели нельзя получить согласия родителей?

— Нет, нельзя. У них другие виды на дочь. У них приготовлен для нее выгодный, но плохой жених.[8] Они не согласятся.

Г-жа Б.[9] окончательно сконфузилась.

— Боже мой, как я дурна должна показаться в ваших глазах! То, что должно заставлять каждого порядочного человека сочувствовать, защищать, — это самое останавливает меня! О боже мой, какие мы жалкие люди! Мы не смеем подать руку человеку именно в том положении, когда ему всего нужнее опереться на чью-нибудь руку!

На нее в самом деле было жалко смотреть: она не прикидывалась. Ей было в самом деле больно.

Лопухов встал.

— Итак, мне остается просить вас, чтобы то, что было говорено мною, было забыто вами.

— Нет, останьтесь, — она удержала его за руку. — Дайте же мне хоть сколько-нибудь оправдаться перед вами.

Довольно долго ее слова были бессвязны, потом мысли ее пришли в порядок, — но и бессвязные, и в порядке, они уже не говорили Лопу-

---

[1] *Далее было:* слышать этого [2] о которых почти [3] *Далее было: а. Начато:* для *б.* но я считал [4] *Далее было:* вы должны бы это [5] казало‹сь› [6] *Далее было:* Г-жа Б. была женщина светская, была женщ‹ина› [7] *Далее начато:* реши‹тельно› [8] *Далее было:* От этого она, главным образом, и на‹меревается?›. [9] *Далее было:* несмотря на свои лета, как она выразилась,

хову ничего нового: как только он увидел, что она задумалась,[1] услышав о «маловажном» обстоятельстве, он думал уже ‹не› о том, переедет ли Верочка жить к ней, — он видел, что не к ней, а вообще куда бы то ни было из своего семейства ‹*л. 17 об.*› нельзя уйти Верочке, — «как же, в самом деле, я не подумал об этом? Ведь это так!» — Да, это было так: Верочка не имела права удалиться из семейства против воли родных.

Он дал г-же Б. говорить не потому, чтобы хотел слушать, что̀ она говорит, — он и не слушал, что̀ она говорит, — он[2] сам слишком занят был открытием, которое сделала она ему, чтобы заниматься ее оправданиями и извинениями.[3] Давши ей наговориться вволю, он сказал:

— Все, что вы говорили в свое извинение, было напрасно. Я обязан был остаться, чтобы не быть грубым, не оставить в вас мысли, что я или виню вас, или сержусь на вас. Но, признаю̀сь вам, я не слушал вас. Если б я не знал, что вы правы![4] Да, как бы это было хорошо, если бы вы не были правы! Я сказал бы ей, что мы не сошлись в условиях или что вы не понравились мне, — и только, и мы с нею стали бы надеяться встретить другой случай избавления. А теперь что я ей скажу?

У госпожи Б. были слезы на глазах.

— Что я ей скажу? что я ей скажу? — повторял Лопухов, сходя с лестницы. — Как же это ей быть?[5] как же это ей быть? — думал он, выходя из Галерной на улицу,[6] ведущую от моста к Конногвардейскому бульвару.

Разумеется, г-жа Б. не была права в таком[7] безусловном смысле, в каком правы люди, доказывающие[8] ребятишкам, что месяца нельзя достать рукой.[9] Она[10] женщина, имеющая хорошее положение в обществе,[11] имеющая знакомства в кругу[12] довольно важном. Ее муж сам человек, до которого есть надобности у многих более или менее важных лиц. Если бы она уже во что бы то ни стало захотела, чтобы Верочка жила у нее, то может быть — даже очень вероятно, — что Марья Алексеевна не могла бы вырвать дочь из ее дома. Но — но все-таки г-же Б. пришлось бы иметь очень много хлопот, быть может немало и неприятностей, — а ее мужу надобно было бы одолжаться по̀ чужому делу людьми, услуги[13] которых лучше оставить, приберечь[14] для своих дел.[15] Кто обязан, и какой благоразумный человек станет поступать не так, как г-жа Б.? — Я не буду поступать не так, как она. Мы сочувствуем,[16] но надевать на себя

---

[1] *Вместо:* увидел, что она задумалась, — *было:* взглянул на ее смущенное задум‹авшееся› [2] *Далее было:* думал о своем поср‹едничестве?› [3] *Далее начато:* *а.* и он ее слушал только потому *б.* и он дал ей говорить только для того, чтобы она говорила, чтобы не осталась огорчена тем, что он *на нее* сердится или [4] *Было:* Если бы вы были правы, [5] Что ей делать? что ей [6] *Вместо:* выходя ∾ на улицу, — *было:* *а.* идя по улице *б.* огибая угол *в.* выходя из Галерной улицы к [Ко‹нногвардейскому›] б‹ульвару› [7] в том [8] *Было начато:* утвержд‹ающие› [9] их рукой [10] Она была [11] *Далее начато:* и знаком‹ства› [12] между людьми [13] *Было:* *а.* просьбы к *б.* *Начато:* пользование [14] непочат‹ыми› [15] *Далее было:* ведь известно, что од‹нажды?› [16] Я сочувствую

лямку, чтобы снять с другого петлю,[1] этого, извините, мы с вами не сделаем.[2] Однако же мы вовсе не бездушные, мы сочувствуем, мы даже делаем для других, что можем[3] делать без особенных неудобств для себя. Только видите ли что? — почти ничего существенно полезного для других нельзя сделать без больших неудобств для себя. Потому действительно положение Верочки представлялось Лопухову почти безвыходным, — по крайней мере тем путем, на который рассчитывали он и Верочка, действительно нельзя было Верочке выйти из него.

А Верочка давно, давно сидела на условленной скамье, — и сколько раз начинало быстро, быстро биться ее сердце, когда из-за угла показывалась трехугольная шляпа студента (тогда студенты еще носили трехугольные шляпы), — наконец-то, он, друг! Она вскочила, побежала навстречу.

Быть может, и он прибодрился бы,[4] подходя к скамье,[5] — но застигнутый врасплох раньше, чем ждал показать ей свою фигуру, он был застигнут с пасмурным лицом.

— Неудача?[6]

— Неудача, мой друг.

— Да ведь это было так верно? Как же неудача? Отчего?

— Идите домой, мой друг, я вас провожу.[7] Поговорим. Через несколько минут скажу все, в чем неудача. А теперь дайте подумать. Я все еще не собрался с мыслями. Надобно придумать что-нибудь новое. Не будем унывать, придумаем. — Он уже прибодрился на последних словах.

— Как же ждать? Скажите сейчас, скорее, ведь это невыносимо. Вы говорите: «придумать[8] что-нибудь новое», — значит то, что мы прежде думали, вовсе не годится? Мне нельзя быть гувернанткою? Бедная я! несчастная я?

— Что вас обманывать? Да, нельзя. Я это хотел сказать вам. Но — терпение, терпение, мой друг! Будьте тверда![9] Кто тверд — добьется[10] удачи.

— Ах, мой друг, я тверда, — но как тяжело!

Они прошли несколько шагов молча. Он смотрел на нее, — лицо было совершенно скрыто очень густым[11] вуалем, — но все равно, он смотрел на нее. Идут. «Что это, она как-то не совсем прямо держится, несколько набок? — Да и салоп несколько поднялся около левого локтя».

— Друг мой, вы[12] несете что-то? Дайте, я возьму.

---

[1] *Вместо:* но надевать ∾ петлю — *начато:* подставлять свои бока [для] [за] для [сечения] ударов, сыплющихся на чужие [2] *Вместо:* мы ∾ не сделаем. — *было:* я не сделаю. Но я не бездушный человек. [3] *Вместо:* Однако же ∾ можем — *было:* Я сочувствую. Я даже делаю для других что могу [4] *Далее было:* если бы [5] *Далее было:* а может [6] — Опять неудача? [7] *Вместо:* Идите ∾ провожу. — *начато:* Пойдемте же, я прово‹жу› [8] надобно придумать [9] *Начато:* бодр‹а› [10] *а.* выйдет *б.* будет [11] густой [12] с вами

— Нет, нет, не нужно. Это не тяжело. Ничего.[1]

Опять идут молча. Долго идут.

— А ведь я[2] до пяти часов не спала от радости, мой друг. И когда уснула, какой сон видела! Будто я освобождаюсь из душного подвала, будто я была в параличе и выздоровела, и выбежала в поле, и со мною выбежало много подруг, тоже, как я,[3] вырвавшихся из подвалов, выздоровевших от паралича, — и мы бегали, и нам было так весело, так весело здоровым бегать по просторному полю! Не сбылся сон! А я думала, что уж не ворочусь домой!

— Друг мой, дайте же, я возьму ваш узел, — ведь теперь он уж[4] не секрет.[5]

Опять идут молча.[6] Долго идут и молчат.

— Друг мой, видите, до чего мы договорились с этой дамой: вам нельзя уйти из дому без воли Марьи Алексеевны. Это нельзя. Но — нет, нет, пойдем под руку,[7] а то я боюсь за вас.

— Нет, ничего, только мне душно под этим вуалем.

Она отбросила вуаль с лица. — Теперь ничего, хорошо.

— («Как бледна!») Нет, мой друг, вы не думайте того, что я сказал. Я не так сказал. Всё устроим как-нибудь.[8]

— Как устроим, мой милый,[9] — нет, это вы говорите,[10] чтобы утешить меня. Ничего нельзя сделать.

Он молчит. Опять идут молча.

— («Как бледна! Как бледна!»)[11] Мой друг, есть одно средство.

— Какое? какое?

— Я вам скажу, мой друг, — но только, когда вы несколько успокоитесь. Об этом надобно будет вам рассудить хладнокровно.

— Говорите сейчас, я не успокоюсь, пока не услышу.

— Нет, теперь вы слишком взволнованы, мой друг. Теперь вы не можете принимать важных решений.[12] Через несколько времени. Скоро. А вот и ваш подъезд. До свиданья, мой друг. Как только я увижу,[13] что вы будете отвечать хладнокровно, я вам скажу.

— Когда же?

— Послезавтра, на уроке.

— Слишком долго!

— Нарочно буду завтра.

— Нет, скорее.

---

[1] *Далее было:* Друг мой, как невын‹осимо?› [2] А я ведь [3] *Вместо:* много ∽ как я, — *было:* много таких же, как я, [4] уже он [5] *Далее было:* И я видела вашу ту невесту [6] *Далее было:* Идут [7] *Было:* не так, я поддержу вас [8] *Вместо:* Все устроим как-нибудь. — *было:* — Есть одно средство.

— Есть? Ради бога! Милый мой! [Всё, что угодно] На всё, на всё готова, только бы избавиться! *Против этого текста дата:* 30 дек‹абря› [9] милый мой, [10] *Было:* *а.* это вы *б.* нет, я не знаю [11] *Далее было:* Ничего, не уны‹вай› [12] *Далее начато:* Дайте про‹йти?› [13] Как только вы несколько у‹спокоитесь›

— Нынче вечером.

— Нет, я вас не отпущу. Идите со мною. Я неспокойна, вы говорите, теперь я не могу судить, вы говорите, — хорошо.[1] Обедайте[2] у нас. Вы увидите, что я буду спокойна. После обеда маменька[3] спит, и мы можем говорить.

— Но как же я войду к вам? Ваша маменька удивится,[4] что мы вошли[5] вместе, — она станет опять следить за нами, как следила.

— Подозревать? следить? — нет, мой друг, — в самом деле, вам лучше уж идти к нам. Ведь я шла с поднятою вуалью. Нас[6] могли видеть вместе. Меньше опасности, если вы войдете. ‹*л. 18*›

— Ваша правда.

Он позвонил.

Марья Алексеевна очень удивилась, увидев дочь и Лопухова входящими вместе. Самыми пристальными, самыми зоркими глазами она принялась всматриваться в них.

— Я зашел к вам, Марья Алексеевна, сказать, что послезавтра вечер у меня занят и что я вместо того, чтобы послезавтра, приду на урок завтра. Позвольте мне сесть. Я очень устал и расстроен. Мне хочется отдохнуть.

— В самом деле, что с вами, Дмитрий Сергеевич? Вы ужасно пасмурны. («Нет, не похоже на амурные шашни,[7] — он сердитый, да и она невесела. Видно, просто встретились. А кто их знает? Смотреть надо в оба глаза. Да нет, не похоже. Как бы амурные шашни да поссорились бы, не пришли бы вместе. А как бы не поссорились, так с амурных-то дел он бы веселый был.[8] И она ушла в свою комнату и на него не поглядела, — нет, видно, что не видит в нем своего предмета».)[9]

— Я-то ничего особенного, Марья Алексеевна, — а вот Вера Павловна что-то как бледна, — или мне так показалось?

— Верочка-то? С ней бывает.

— А может быть, мне так только показалось, — мне, признаюсь вам, от своих мыслей голова кругом идет.

— Да что же такое, Дмитрий Сергеевич? Уж не с невестой ли какая размолвка?

— Нет, Марья Алексеевна, невестой я доволен, а вот с родными хочу поссориться.

— Что это вы, батюшка, Дмитрий Сергеевич, как это можно с родными ссориться? Я об вас, батюшка, не так думала.

— Да нельзя, Марья Алексеевна: дурное семейство-то. Требуют от человека бог знает чего, чего он не в силах сделать.

---

[1] *Текст:* Я неспокойна ∾ хорошо. — *вписан.* [2] *Начато:* Как мы [3] *Начато:* Как мамень‹ка› [4] будет подозревать [5] *Начато:* возвра‹тились› [6] Нам [7] *Вместо:* не похоже ∾ шашни — *было:* амурных шашней [8] *Вместо:* он бы веселый был — *было:* она бы може‹т› *После:* был — не похоже. [9] И она ушла ∾ предмета». — *вписано.*

— Это другое дело, Дмитрий Сергеевич. Всех не наградишь. Надо меру знать. Это точно. Ежели так, то есть по деньгам ссора, не могу вас осуждать.

— Позвольте мне быть невеждою, Марья Алексеевна, — я так расстроен, что надобно мне отдохнуть в приятном и уважаемом мною обществе, — а такого общества я нигде не нахожу, кроме как в вашем доме. Позвольте мне напроситься обедать у вас ныне и позвольте сделать некоторые поручения вашей Матрене, — кажется, тут есть недалеко погреб Денкера, — у Денкера вина не бог знает какие, но можно пить.[1]

Лицо Марьи Алексеевны, сильно разъярившееся при первом слове про обед, сложило с себя решительный гнев при упоминании о Матрене и приняло выжидающий вид. «Посмотрим, голубчик, что от себя приложишь к обеду». Но Лопухов, вовсе[2] не смотря на ее лицо, уже вынул портсигар, оторвал[3] клочок бумаги от какого-то письма, завалявшегося в нем, взял карандаш и уже писал.

— Если смею спросить, Марья Алексеевна, вы какое вино кушаете?

— Я, батюшка, Дмитрий Сергеевич, признаться вам сказать, мало знаю толку в вине, — почти что и не пью, не женское дело.

(«Ну да, с первого дня по роже видел, что не пьешь».)

— Конечно так, Марья Алексеевна. Но мараскин даже девицы пьют, — вы мне позволите написать?

— Это что такое, Дмитрий Сергеевич?

— Просто не вино даже, можно сказать, а сироп.

Он вынул красненькую бумажку, — кажется, будет довольно. — Он повел глазами по записке, — на всякий случай, дам[4] еще 5 рублей.

У Марьи Алексеевны глаза покрылись влагою, и лицом неудержимо овладела сладостнейшая улыбка.

— У вас ведь и кондитерская недалеко? Не знаю, найдется ли готовый пирог из грецких орехов, — на мой вкус, это самый лучший пирог, Марья Алексеевна. Но если нет такого — какой есть.

Он отправился в кухню[5] и послал Матрену делать закупки.[6]

— Кутнем ныне, Марья Алексеевна. Хочу пропить ссору с родными. Почему не кутнуть, Марья Алексеевна? Дело с невестою к концу[7] идет. Тогда не так заживем — весело заживем, — правда, Марья Алексеевна?

— Правда, батюшка, Дмитрий Сергеевич. То-то я смотрю, что-то вы больно уж деньгами-то сорите, чего я[8] не ждала, как от человека основательного. Видно, от невесты задаточек получили?

— Задаточка не получил, Марья Алексеевна. А если деньги завелись,[9] то кутнуть можно. Что задаточек? Дело надо начистоту вести. Тут не об задаточке дело.[10] Так я дело не поведу — не стану по кусочкам

[1] кажется ∾ пить. — *вписано.* [2] нимало [3] взял [4] *Было начато:* при‹бавлю› [5] Он встал, направился в кухню [6] *Далее начато:* С полчаса или больше [7] на лад [8] *Далее начато: а.* во‹все?› *б.* от [9] есть [10] *Текст:* А если деньги ∾ дело. — *вписан.*

тянуть, — еще подозренье возбудишь, — да и неблагородно, Марья Алексеевна?

— Неблагородно, батюшка, Дмитрий Сергеевич, — точно неблагородно. По-моему, во всем надо благородство соблюдать.[1]

— Правда ваша, Марья Алексеевна.

С полчаса или три четверти часа, остававшиеся [2] до обеда, шел самый любезный разговор в этом роде о всяких благородных предметах, милых сердцу Марьи Алексеевны. Тут, между прочим, Дмитрий Сергеевич в порыве откровенности высказал, что свадьба [3] его очень приблизилась в последнее время, и утешил Марью Алексеевну тем, что Вера Павловна скоро решится [4] на замужество, — это он видит, [5] — она ему ничего не говорила, но он видит.

— Ведь мы с вами, Марья Алексеевна, старые [6] воробьи, нас [7] на мякине не проведешь. Мне хоть лет и немного, а я тоже старый воробей, тертый калач, — так ли, Марья Алексеевна?

— Так, батюшка, тертый калач, тертый калач.

Словом сказать, отрадное общество уважаемой Марьи Алексеевны так оживило Дмитрия Сергеевича, что куда девалась его грусть, — он был такой веселый, каким [8] его Марья Алексеевна еще никогда не видывала. «Тонкая бестия, шельма этакий, — видно, схапал уж у невесты не одну тысячу, — а родные-то проведали, что он карман-то [9] понабил, да и приступили, — а он им: нет, батюшка и матушка, как сын, я вас готов уважать, а денег у меня для вас нет. Экая шельма-то какая!» — Да, приятно беседовать с таким человеком, особенно когда, услышав, что Матрена воротилась, сбегаешь на кухню, сказавши, что идешь в свою спальную за носовым платком, и увидишь, что вина куплено на 10 р. 50 коп., — ведь третью долю, чать, только выпьем за обедом-то, — и кондитерский пирог в 2 рубля, — ну это, можно сказать, брошеные деньги — на пирог-то; но все же останется и пирог, — можно будет как-нибудь кумам подать вместо варенья. Все не в убыток, а в сбереженье. ‹*л. 18 об.*›

«Хорошо ли я сделала, что заставила его зайти? Маменька смотрела так пристально».

«И в какое трудное положение поставила я его! Как остаться обедать? Ведь маменька ни за что не пригласит».

«Боже мой, что со мной, бедной, будет?»

«Есть одно средство, говорит он, — нет, мой милый Дмитрий, нет никакого средства».

«Нет, есть средство — вот оно — окно: когда будет тяжело, уже слишком тяжело, брошусь из него».

---

[1] *Далее было:* А мое благородство вот какое, Марья Алексеевна [2] *Было начато:* продол‹жавшиеся?› [3] свадьба уже [4] даст [5] *Далее было:* потому, как она [вед‹ет›] дер‹жит› [6] терты‹е› [7] мне [8] что [9] руки

«Какая я смешная: „когда будет слишком тяжело“, а теперь-то?»

«А когда бросишься в окно — как быстро, быстро полетишь, — будто не падаешь, а в самом деле летишь, — это, должно быть, очень приятно. Только потом ударишься о мостовую, — ах, как жестко! Больно? Нет, боли, я думаю, не успеешь почувствовать, — а только жестко — должно быть, очень жестко!»

«Нет, это хорошо. Ведь это один, один самый коротенький миг, — а зато перед этим воздух — будто самая мягкая перина, расступается так легко, нежно, мягко».

«Да, а потом? Будут все смотреть — голова разбитая, лицо разбитое, в крови, в грязи, — ах, какой гадкий этот Петербург: на тротуарах всегда грязь, — если бы можно было выбрать чистое место, куда упасть, — посыпать бы чистого песку, белого, чистого, — здесь и песок все какой-то грязный, — нет, самого белого, самого чистого, и не жестко было,[1] — а ведь все равно бы убилась, — вот и прекрасно было бы, — и лицо осталось цело, и не было бы на нем крови, и не пугало бы никого, не казалось бы гадкое, как покажется разбитое. Ах, как бы хорошо, если бы внизу был бы песок — белый песок».

«А в Париже бедные девушки задушаются чадом — это хорошо, очень, очень хорошо. Бросаться в реку — это нехорошо, — будут ловить, — тело становится такое уродливое, — нет, это нехорошо. А если бы...»

«Как они громко там говорят! Что они говорят? Нет, ничего не слышно».

«Да, вот если бы удушиться чадом, — как бы это было хорошо!»

«И я бы оставила записку ему, в которой бы все, все написала. Ведь я ему тогда сказала: нынче день моего рождения. — Как это я сказала? Какая я была смелая! Как это я была такая? Да ведь я оттого, что я была[2] глупенькая, — ведь я сама не понимала, как это... как это... А что это „как это?“ важно? — нет, не так, — или стыдно? нет, это не стыдно. Что ж это? Как это тяжело, — как это тяжело, да, это то слово: „тяжело“».

«Да, вот в Париже бедные девушки какие умные! А что же, разве я не буду умной? Сделаю, как они. Вот как смешно будет: входят в комнату — ничего не видно, только угарно, и такой зеленый воздух, и туман — испугались: „что такое? где Верочка?“ Маменька кричит на папеньку: „Что ты стоишь, выбей окно!“ Выбили окно — и видят: я сижу у туалета, и опустила голову на туалет, а лицо закрыла руками. „Верочка, ты угорела?“ — А я молчу. „Верочка, что ты молчишь?“ — „Ах, да она удушилась!“ Начинают кричать, плакать. Ах, как смешно, что они будут плакать, и маменька станет рассказывать, как меня любила».

«Да, это смешно, так, а ведь он будет жалеть, — ведь он очень будет жалеть».

[1] *Так в рукописи.* [2] *Было:* была тогда

«Что ж, я оставлю ему записку».

«Да, посмотрю, посмотрю, да и сделаю, как бедные парижские девушки. Я сделаю. Я не сделаю? Нет, нет, если я уж скажу, так сделаю. Ведь я храбрая, я не боюсь».

«Да и чего тут бояться? Ведь это так хорошо! — Только вот подожду, какое это средство, про которое он говорит. Да нет, никакого нет. Это только так, он успокоивал меня».

«Зачем это люди успокоивают? Вовсе не нужно успокоивать. Как можно успокоить? Разве это можно? Когда нельзя помочь, разве можно успокоить? Ведь вон он умный, а тоже так сделал. Зачем он так сделал? Это не нужно».

«Что ж это как он говорит? Будто ему весело, такой веселый голос».

«Неужели он в самом деле придумал средство?»

«Да нет, этого нельзя. А если б не придумал, разве бы он был веселый? Что ж это он придумал?»

— Верочка, иди кушать! — крикнула Марья Алексеевна.

В самом деле, Павел Константинович воротился, — пирог давно готов — не кондитерский, а у Матрены, с начинкою из вчерашней говядины от супа.

— Марья Алексеевна, вы не пробовали перед обедом рюмку водки? Это очень полезно, особенно полынной или вот этой, горькой померанцевой. Я вам говорю как медик. Пожалуйста, попробуйте. Нет, нет, непременно попробуйте. Я как медик предписываю попробовать.

— Разве только что медика надобно слушать, — и то полрюмочки.

— Нет, Марья <Алексеевна>, полрюмочки не принесет пользы.

— А сами-то что же, Дмитрий Сергеевич?

— Стар стал, остепенился, Марья Алексеевна, зарок дал. . .[1]

— В самом деле, согревает как будто бы.[2]

— В том и польза, Марья Алексеевна, что согревает.

(«Какой он веселый в самом деле! Неужели в самом деле есть средство? А на меня и не смотрит! Ах, какой хитрый! И как это он с нею так подружился?»)

Сели за стол.

— А вот мы с Павлом Константиновичем этого[3] выпьем, так выпьем. Эль — это все равно что[4] пиво, не больше как пиво — попробуйте, Марья Алексеевна.

— Если вы говорите, что пиво, позвольте, пива почему не выпить?

(«Господи, сколько бутылок, — пять, шесть, семь! Что это[5] маменька так расщедрилась? — Ах, я недогадливая,[6] — ведь он угощает! Так вот она, дружба-то?»)

---

[1] А сами-то ∾ дал. . . *вписано.* [2] *Вместо:* согревает как будто бы — *было:* как согревает. [3] элю [4] *Вместо:* Эль ∾ что — *было:* Это пиво [5] Откуда это? [6] *Было начато:* глу<пая>

(«Экая шельма какой! Сам-то не пьет! Только губы приложил к своей ели-то. А славная эта ель! Ей-богу, славная! И кваском как будто пахнет, а сила есть, есть сила хорошая! Когда Мишку-дурака окрутим, водку брошу, всё[1] эту ель стану пить! Ну, этот ума не пропьет! Хоть бы приложился, каналья! Ну, да мне же лучше. А поди, чай, ежели захотел пить, здоров пить».) — Да вы бы сами выкушали хоть что-нибудь, Дмитрий Сергеевич.

— Э, на моем веку много выпито, Марья Алексеевна, — в запас выпито, надолго станет. Не было дела, не было денег, — пил; есть дело, есть деньги — не нужно вина, и без него весело.

(«Нет, это еще лучше ели, — думает Марья Алексеевна, когда через другие бутылки дошла очередь до мараскину. — Каждый день, Мишка-дурак, штоф подавай! Что сладкая[2] водка? Никакого вкусу не имеет против этого. Давай на день по штофу, Мишка-дурак».[3])

И таким образом идет весь обед. Подают кондитерский пирог.

— Милая Матрена Саввишна, а что к этому следует?

— Сейчас, Дмитрий Сергеевич, сейчас. — Матрена возвращается с бутылкою шампанского.

— Вера Павловна, вы не пили, и я не пил. Теперь выпьем и мы. Здоровье моей невесты и вашего жениха!

(«Да?» «Так?» «Так ли?» думает Верочка.)

— Дай бог вашей невесте и верочкину жениху счастья! — говорит Марья Алексеевна: — а нам, старикам, дай бог поскорее верочкиной свадьбы дождаться.

— Ничего, скоро дождетесь, Марья Алексеевна. Да, Вера Павловна? — Да?

(«Неужели он это говорит?[4] А если не это? Что мне сказать?»)

— Да, Вера Павловна? — разумеется, да, — говорите же «да».

— Да, — говорит Верочка.

— Так, Вера Павловна, — что понапрасну время тянуть у маменьки?[5] Да, и только. Так теперь надобно[6] второй тост. За скорую свадьбу Веры Павловны! Пейте,[7] Вера Павловна, ничего, хорошо будет. Чокнемтесь. За вашу скорую свадьбу! — Чокаются.[8]

— Дай бог, дай бог! Благодарю тебя, Верочка, утешаешь ты меня, Верочка, на старости лет! — говорит Марья Алексеевна и утирает глаза.[9] Ель и в особености мараскин привели ее в чувствительное настроение духа.[10]

— Дай бог, дай бог, — повторяет Павел Константинович.

---

[1] *В рукописи:* всю [2] французская [3] *Текст:* («Нет ∾ дурак») — *вписан.* [4] Что он говорит? [5] *Вместо:* время ∾ у маменьки? — *было:* маменьку огорчать? [6] можно [7] *Было начато:* Куш‹айте› [8] *Текст:* Да и только. ∾ Чокаются. — *вписан.* [9] и утирает глаза. *вписано.* [10] *Далее начато:* она отира‹ет›

— Как мы довольны вами, Дмитрий Сергеевич, — уж как довольны,— говорит Марья Алексеевна по окончании обеда:[1] — у нас да нас угостили, — вот уж, можно сказать, праздник сделали!

— Это что за праздник, Марья Алексеевна,[2] — вот скоро, при свадьбе Веры Павловны, — тогда настоящий праздник будет.

— Конечно, Дмитрий Сергеевич. — Глаза ее смотрят уже более приятно, нежели бодро.

Не все то так хитро делается, как хитро выходит. Лопухов не рассчитывал на этот результат, когда покупал вино: он хотел только дать взятку Марье Алексеевне, чтобы не потерять ее благосклонности тем, что назвался на обед. Он думал,[3] что не станет же она напиваться допьяна при постороннем человеке, которому — кто ж ее знает? — может быть, и не совсем доверяет, — даже прямо можно ждать: не доверяет, потому что кому же она может доверять? Да и Марья Алексеевна не ждала такого быстрого образа действия от себя, — она располагала отложить окончательное наслаждение до после-чаю. Но слаб каждый человек, — против водки, даже той сладкой,[4] которая была у нее лакомством,[5] — против мадеры и хересу она устояла бы; но прелесть незнакомых ей вкусных вещей[6] соблазнила ее. Притом же, этот предательский мараскин ‹*л. 19*› так обманчив.

Обед[7] вышел совершенно парадный и барский, потому Марья Алексеевна распорядилась, чтобы и Матрена поставила самовар, как следует[8] после барского обеда. Но этою[9] деликатностью барских обедов суждено было воспользоваться только Марье Алексеевне и Лопухову: Верочка сказала, что она не хочет чаю, и ушла в свою комнату; Павел Константинович, человек необразованный, тоже не стал ждать чаю, отправился прилечь прямо[10] после последнего блюда, как всегда; Марья Алексеевна едва-едва могла дождаться. Дмитрий Сергеевич пил медленно — и, выпив чашку, спросил другую. — Тут Марья Алексеевна спасовала[11] и стала извиняться тем, что чувствует себя не совсем хорошо — с самого утра, должно быть простудилась, шедши из церкви. Гость просил не церемониться и остался один. Он выпил вторую чашку и все сидел, — так что уже Матрена не вытерпела: «Еще угодно?» — «Да, еще». Выпил третью чашку, посидел еще, «должно быть, не вздремнул ли?» по рассуждению Матрены, «должно быть, тоже нализался, как это золото, что храпит в спальной», — верно, этот храп и разбудил Дмитрия Сергеевича: он подозвал Матрену взять чашку,[12] посидел еще, но долго ли, этого Матрена уже

[1] по окончании обеда: *вписано.* [2] *Далее начато:* еще почище празд‹ник› [3] опасался, [4] сладкой, французской, [5] лучшим лакомством, [6] *Вместо:* незнакомых ∾ вещей — *было:* неведомых лакомств [7] Так обед [8] делают [9] *Было начато: а.* Верочка *б.* Но сим [10] тотчас [11] *Было: а.* уже спасовала и, извинившись, ушла спать. Гость остался один, — он отпустил *б.* спасовала и не дождавшись, пока принесет ее Матрена [12] *Далее было:* подал ей полтинник, — «за труды, что она для него бегала нынче по лавкам». «А вы, когда пойдете, заприт‹е›

не видала, поспешив убрать посуду, чтобы успеть, по обычаю, посетить мелочную и зайти в полпивную, пока храпит «ее золото».

— Простите меня, Вера Павловна, — сказал Лопухов, входя в ее комнату. («Как дрожит его голос! А какой смелый был он за обедом? И не „друг мой", а „Вера Павловна"».[1]) — Простите меня, что я был дерзок, — вы знаете, что́ я говорил, — да, жену и мужа не могут разлучить. Тогда[2] вы свободны.[3]

— Милый мой, ты видел, я плакала, когда ты вошел, — это от счастия.

— Дайте вашу руку. — Он взял и целовал[4] ее руку. — Нам не нужно было говорить, что мы любим друг друга? — Да и говорили. — И все целовал ее руку.[5]

— Мой милый, давно ты это вздумал?[6]

— Давно, Верочка, с тех пор, как в первый раз говорил с тобой.

— Ах, мой милый, — вот ты меня выпускаешь на волю из подвала, — только как же это будет, мой миленький?[7]

---

[1] *Далее начато:* как и [2] Тогда никто [3] *Далее было:* — Милый мой! — она бросилась к нему на шею: Ты видишь, я плакала, это от радости. ([Ах] Что это? что это? как же это?) [Он] Ты меня останавливаешь? Ты не хочешь, чтоб я обняла тебя?

Он выпустил ее руки, которые взял, не допустив их обнять себя, поднес к своим губам и целовал. («Да, это уж слишком грубо! Как будто оттолкнуть! В такую минуту! [Ведь это оскорбление] Оскорбление святейшего порыва!»)

— Верочка, прости меня, прости меня. Ты видишь, какой я дурной, какой я холодный. Я педант, Верочка, жалкий педант. Нет, этого нельзя простить! Но — бери меня, каков я есть, — лучшего ты не встретила. Встретишь. [4] *Было:* Он взял ее руку, стал ц‹аловать› [5] *Далее было:* — Да поцалуй же наконец, — сказала и покраснела и засмеялась. Он поцаловал ее в лоб, взял ее волоса и начал цаловать их. [— Да ведь ты жених? Ведь женихи и невесты]

— Ну, и я тебя не поцалую, если так.

— В церкви, Верочка. [Не]

— С твоими понятиями? С понятиями, которыми ты уже и мне набил половину моей простенькой головы! Ах, какой ты смешной! — И она расхохоталась.

— Смешной, Верочка. — И он засмеялся.

[— И всё это] — Это так твоя невеста велит?

— Так она велит.

— Да [ведь] ты разве то говорил? Ведь ты говорил всё: никаких стеснений, никаких условий, никаких форм, — всё это вредно, безнравственно [а сам]

— Так и будет, Верочка. Но [мы] пока этого нет, будем показывать, Верочка, что мы требуем этого для других, не для себя. Мы требуем богатства людям, — мы сами должны оставаться бедны. Мы требуем. . . [6] *Далее было:* [А ты когда?] — Я-то давно, — а ты когда?

— Я не знаю, — только я знаю, что нынче во сне я видела твою ту, страшную, как ты говоришь, — мне она была добрая — [и сказала] она спросила меня, кого я выбрала, — тут я и заметила, что выбрала тебя.

— А раньше?

— Не знаю.

— А что ты мне сказала на свои именины?

— Ах, мой ‹*не закончено*›

[7] *Вместо:* Ах ∞ миленький? — *было:* Ну, как же мы будем жить?

— А вот как, Верочка: теперь уж конец апреля, — в начале июля кончатся мои работы для определения себе места в обществе, — я получу должность врача, — жалованье небольшое, но так и быть, буду иметь несколько практики — настолько, насколько будет необходимо, — и будем жить.

— Ах, мой милый, нам очень, очень мало нужно,[1] — но только я не хочу так, — я не хочу жить на твои деньги, — я ведь и теперь имею уроки, — я их потеряю, когда выйду за тебя, — маменька всем им расскажет, что я злодейка, — но найдутся другие уроки, да? Ведь мне не должно жить на твои деньги?

— Кто это тебе сказал, мой милый друг Верочка?

— Ах, еще спрашивает, кто сказал? Да не ты ли сам толковал все об этом? А в твоих книгах — целая половина их была об этом написана.

— Я тебе говорил это? Да когда же, Верочка, бог с тобой!

— Ах, когда? А кто говорил, что все основано на деньгах? Кто это говорил, Дмитрий Сергеевич?

— Ну, так что же?

— А ты думаешь, я уже такая глупенькая, что не могу, как в ваших книгах говорится, вывесть заключения из посылки?

— Да какое же заключение?

— Ах хитрец, он хочет быть деспотом, хочет, чтобы я была его слепой рабой, — нет, этого не будет, Дмитрий Сергеевич, — понимаете?

— Да ты скажи, я и пойму.

— Все основано на деньгах, говорите вы, Дмитрий Сергеевич, — у кого деньги, у того власть и право, говорят ваши книги, — значит, пока женщина живет на счет мужчины, она в зависимости от него, — так-с, Дмитрий Сергеевич? Вы полагали, что я этого не понимаю, что я буду вашей рабой, — нет-с, Дмитрий ‹*л. 19 об.*› Сергеевич, я не дозволю вам ‹быть› деспотом над,[2] — вы хотите быть добрым, благодетельным деспотом, — я этого не хочу, Дмитрий Сергеевич. — Ну, мой миленький, а еще как мы будем жить? Ты будешь резать руки и ноги людям, поить их гадкими микстурами, а я буду [3] давать уроки на фортепьяно, — ну, а еще как мы будем жить?

— Так, так, Верочка. Всякий[4] пусть охраняет свою независимость всеми силами от всякого, как бы ни любил его, как бы ни верил. Правда твоя, Верочка; старайся быть независима от меня, — дай опять поцалую твою руку за это. А ведь какие мы смешные люди, Верочка: ты мне говоришь: «не хочу жить на твой счет», а я с похвалою принимаю это, — верно, я очень скуп, сказал[5] бы всякий, кто подслушал бы, — разве так говорят другие, Верочка?

---

[1] *Далее было:* почти не больше [2] *Так в рукописи.* [3] *Вместо:* резать ∾ а я буду — *было:* резать людей, я буду [4] Кто может, всякий *Против этого текста дата:* 31 дек‹абря› [5] скажет

— Ну кто же так говорит, мой милый, — другой стал бы спорить, что не хочет[1] допустить свою жену хлопотать о средствах жить, пока имеет силы работать для нее, — да я от тебя не хочу таких слов. Пусть другие[2] говорят это, — мы станем жить по-своему, как нам самим лучше. Как же мы будем жить еще?

— Вера Павловна, я предложил вам свои мысли об одной стороне нашей жизни, — вы изволили совершенно низвергнуть их вашим планом, назвали меня тираном, поработителем, — извольте же сама, Вера Павловна, придумывать, как будут устроены другие стороны наших отношений, — я считаю напрасным[3] предлагать вам мои соображения, чтобы они точно так же были изломаны вами. — Друг мой Верочка, да ты сама скажи, как ты думаешь жить, — наверное, мне останется только сказать: «Ах, моя милая, как умно она обо всем думает!»

— Это что? Вы изволите говорить комплименты? Вы хотите быть любезным?[4] Но я слишком хорошо знаю, что льстят[5] затем, чтобы господствовать под видом покорности. Прошу вас вперед говорить проще. Милый мой, ты захвалишь меня, — мне стыдно слушать, когда ты меня похвалил,[6] нет, не хвали меня, чтобы я не стала слишком горда.

— Хорошо, Вера Павловна, я начну говорить вам грубости, если вам это приятнее. В вашей натуре, Вера Павловна, так мало женственности, что, вероятно, вы выскажете совершенно мужские мысли.

— Ах, мой милый, скажи: что это значит — женственность? Я понимаю, что женщина говорит контральтом, мужчина — баритоном,[7] — ну, так что ж из этого?[8] Стоит ли толковать женщине,[9] чтобы она не баритоном? — ведь она и так не станет делать этого, — или упрашивать[10] ее, чтобы она говорила контральтом, — ведь она и без всяких ваших внушений и забот не может говорить иначе? Зачем же все всё так толкуют нам, чтоб мы оставались женственны? Ведь это глупость, мой милый![11]

— То же самое, Верочка, как славянофилы упрашивают русский народ,[12] чтобы он оставался русским,[13] — они не имеют понятия, что такое натура, и думают, что хоть мне, например, нужно ужасно[14] заботиться о том, чтобы у меня волосы оставались каштановыми, — а если[15] я чуть забуду об этом заботиться, то вдруг порыжею.

---

[1] не захочет [2] *Вместо:* да я ∾ другие — *было:* *а.* и ты бы, пожалуй, стал это говорить, мой ми‹лый› *б.* да тебе нельзя говорить этого, ты сам научил знаешь что, да ведь это другие [3] излиш‹ним› [4] *Далее было:* Это обыкновенная манера [5] *Далее было:* тогда, когда хотят господ‹ствовать› [6] *Далее было:* ведь я привыкла считать себя так [7] *Далее начато:* *а.* женщина *б.* у женщины *в.* у мужчины [8] *Далее было:* Стоит ли хвалить или унижать женщину за это? [9] ей [10] *Было начато:* стоит го‹ворить?› [11] мой друг! [12] *Вместо:* как ∾ народ, — *было:* [что] как упрашиванье русского народа [13] *Вместо:* русский народ ∾ русским, — *было:* нас, чтобы мы оставались русскими, [14] *Вместо:* хоть мне ∾ ужасно — *было:* нам ужасно [15] а если бы

— Так я, мой милый, уже и не стану заботиться о женственности. Извольте,[1] Дмитрий Сергеевич, я буду говорить вам совершенно мужские мысли о том, как мы будем жить.[2]

— Ну, посмотрим, посмотрим, каков твой[3] план. Постараемся держаться его.

— Он очень прост, мой милый. Послушай, ты как живешь с своим Кирсановым? Ах, я еще не говорила тебе, как я ненавижу этого[4] твоего милого Кирсанова!

— Да за что же, Верочка? Что он тебе сделал?

— Ненавижу, я его враг[5] — я запрещу тебе видеться с ним. Слышите ль, мой милый, запрещу?[6]

— А скажите нам на милость, какое удачное начало:[7] так запугана моим стремлением поработить ее, что для безопасности хочет сделать мужа куклою, которою будет играть, как ей нравится!

— Да, Дмитрий Сергеевич, я запрещу вам видеться с этим несносным, ужасным вашим Кирсановым.

— Хорошо, но как же <не> видеться, когда мы живем вместе?

— Ах, он ничего не понимает! Не теперь, а когда повенчаемся.

— О, тогда конечно.

— Ну, так и быть, позволю тебе с ним видеться, — только как можно реже. Ну скажи, мой милый, как вы с ним живете?

— Разумеется, как: у нас две комнаты, — в одной живет он, в другой я.

— Вы беспрестанно вместе?

— С какой же стати? Когда есть дело, тогда говорим о деле. Когда[8] хочется так посидеть вместе и болтать вздор от нечего делать — сидим и болтаем. Но вообще он живет сам по себе, я — сам по себе.

— И вы не надоедаете друг другу?

— Никогда.

— Как же вы этого избегаете?

— Да очень просто: всегда подразумевается, что я ни минуты не останусь в его комнате иначе, как по его приглашению остаться, — оно большею частью не высказывается, но ведь это видно — по лицу, по жестам, по ответам, — если я чуть замечаю, что он предпочитает остаться один, — или нет, даже больше: если я не вижу прямых признаков, что ему приятно будет, если я останусь, и неприятно, если я уйду, то я ухожу. И он делает относительно меня точно так же.[9]

---

[1] *Далее было:* я буду вам говорить [2] *Далее начато:* Слушай [3] какова у тебя [4] *Далее было:* гадкого Кир<санова> [5] он мне враг [6] *Далее было:* Вот это милое начало для человека, — ведь ты уж сказала, что не хочешь заботиться о женственности, так значит, ты просто человек [7] *Далее начато:* заботиться [8] Если иногда [9] *Далее было:* Но как же вы тогда попадаете в комнаты [друг другу] один к другому? Может быть, ты входишь, а ему неприятно? [— Чтобы знать] Но ведь вы очень дружны [вам], — ну как же вы это сделаете, чтобы <*не закончено*>

— Часто вы ссоритесь?

— Никогда.

— Отчего ж это?

— Да именно потому, что соблюдаем это правило: не быть на глазах один у другого иначе, ‹как› по его прямому желанию.

— Ах, мой милый, как я тебя обманула, как я тебя славно обманула! Ты не хотел сказать мне, как мы с тобою будем жить, а сам все, все рассказал! Как я тебя обманула! Ну, слушай же, как мы будем жить, по твоим же рассказам! Во-первых, у нас будет две комнаты — твоя и моя — и третья комната, где мы будем пить чай, обедать, принимать гостей, которые бывают у нас обоих, а не у тебя одного или не у меня одной. Это во-первых. Во-вторых: я в твою комнату не смею входить, чтобы не надоедать тебе. Ты в мою — также. Это второе? Ну, в-третьих, — ах, мой милый, я забыла спросить об этом: Кирсанов вмешивается в твои дела? Или ты в его? Вы имеете право доспрашиваться друг у друга о чем-нибудь?

— Э, да ведь теперь я вижу, зачем ты спрашиваешь, — не скажу.

— И не нужно. Я сама знаю: не имеете права ни о чем спрашивать друг друга; не вмешиваетесь в дела один другого. Итак, в-третьих: я не имею права ни о чем спрашивать тебя,[1] мой милый, — если тебе хочется или надобно сказать мне что-нибудь о твоих делах, ты сам мне скажешь. И точно то же — наоборот. Ну, вот три правила. Что еще ‹*л. 20*› дальше?[2]

— Верочка, второе правило требует пояснений: ну хорошо, мы видимся с тобою в нейтральной комнате за чаем и за обедом. Теперь представь себе такой случай: напившись поутру чаю, я сижу в своей комнате и не смею носа показать в твою — до самого обеда, — так ведь?

— Конечно.

— Приходит ко мне знакомый, не нейтральный, а собственно мой, и говорит, что через два часа[3] зайдет другой знакомый, — между тем мне нужно уйти на три[4] часа из дому. Но я знаю, зачем он придет, — я могу попросить тебя передать ему тот ответ, который ему нужен, — я могу просить тебя об этом, если ты думаешь оставаться дома?

— Конечно, можешь. Возьмусь я за это или нет, это другой вопрос. Если я откажусь, ты не можешь ни претендовать, ни спрашивать меня, почему я отказываюсь. Но спросить, не соглашусь ли я оказать тебе эту услугу, — спросить ты можешь.

— Прекрасно. Но я не имею права войти в твою комнату, — ведь это между чаем и обедом, — как же я спрошу тебя об этом?

— О боже, как он прост, это маленькое дитя![5] Какое недоумение — скажите пожалуйста! Вы делаете вот как, Дмитрий Сергеевич. Вы вхо-

---

[1] вас, если вы [2] *Далее было:* — Дальше остается только написать эти три правила крупными буквами и [про] выставить в рамках за стеклами на дверях каждой ком‹наты› [3] *Вместо:* через два часа — *было:* через несколько времени [4] *Было: а.* на неско‹лько› *б.* на полтора [5] *Далее было: а. Начато:* Ему *б.* Он [ничего] не может сам догадаться

дите в нейтральную комнату и говорите: «Вера Павловна!» Я отвечаю из своей комнаты: «Что вам угодно, Дмитрий Сергеевич?» Вы говорите: [1] «Я ухожу из дому; в мое отсутствие зайдет господин А (вы называете фамилию вашего знакомого), у меня есть некоторые сведения для передачи ему. Могу ли я просить вас, Вера Павловна, передать ему их?» Если я отвечаю: «нет», — наш разговор кончен; если я отвечаю: «да», — я выхожу к вам в нейтральную комнату, и вы сообщаете мне, что я должна, по вашей просьбе, передать вашему знакомому. Теперь вы знаете,[2] маленькое дитя, как надобно поступать?

— Да, моя милая Верочка, шутки шутками, а ведь в самом деле лучше всего жить так, как ты говоришь. Только откуда набралась [3] таких мыслей?

— Ах, мой милый, да разве трудно до этого додуматься?[4] Ведь я видала семейную жизнь,[5] — я говорю не про свою семью, она такая особенная, — но ведь у меня есть же подруги, я же бывала в их семействах, боже мой, сколько неприятностей между мужьями и женами, — ты не можешь вообразить себе, мой милый!

— Ну я-то, Верочка, воображаю.[6]

— Знаешь ли, что мне кажется, мой милый? Так не следует жить людям, как они живут — всё вместе, всё вместе. Надобно видеться между собою или только по делам, или когда собираются вместе отдохнуть, веселиться, — я всегда смотрю и думаю: отчего с посторонними людьми каждый так деликатен? отчего при чужих людях почти все стараются казаться лучше, чем в своем семействе? И ведь в самом деле, при посторонних людях бывают лучше, — отчего это? Мне кажется, слишком большая фамильярность[7] вовсе не годится в обыкновенной жизни.

— А как бы ты полагала лучше?

— Я скажу, только ты не смейся, — вообще,[8] мой милый, об чем бы я тебя просила: обращайся со мною всегда так, как обращался до сих пор, — ведь это же не мешало же тебе любить меня, ведь мы же не обманывали друг друга, — и ведь я все-таки знала, мой милый, что могу во всем, во всем ждать от тебя помощи, — ведь ты был же мне ближе, чем отец и мать, — даже если бы я с ними и была дружнее, чем была, ты все-таки был бы мне ближе, я бы тебе все-таки доверила такие мысли, каких не сказала бы ни хорошей матери, ни сестре, ни брату, а тебе, тебе все это говорила, что только было у меня на уме, — значит, ведь мы были же близки с тобою? А ты как держал себя? Отвечал ли когда-нибудь неучтиво или делал ли выговоры? [9] Как же это можно, быть неучтивым с посто-

---

[1] *Далее начато:* Через [2] Вы поняли меня [3] составила себе [4] *Вместо:* да разве ∾ додуматься? — *было:* разве я слепая, или не ду<мала?> [5] *Вместо:* семейную жизнь, — *было:* [как] сколько мелких неприятностей в семействах, — только от того, что им [6] *Далее было:* Нет, мой милый, и ты не воображаешь, — помнится, что ты мне говорил о задушевном желании всех женщин [7] бесцеремонность [8] *Далее начато:* не надоб<но> [9] *Далее начато:* Нет, не

ронней девушкой или делать ей выговоры? Этого нельзя, — так говорят. Хорошо, мой милый, — вот я твоя невеста, буду твоя жена, а ты все-таки обращайся со мною, как велят обращаться с посторонней девушкой, — это, мой друг, мне кажется, лучше для того, чтобы было прочное согласие, чтобы любовь поддерживалась. Так, мой милый?

— Не знаю, Верочка, что мне думать о тебе: то, что ты говоришь, я знаю, — да я помню, откуда я это вычитал, а ведь ты этого еще ничего не читала, до ваших рук эти книги не доходят, — они считаются или безнравственными, или слишком серьезными для девушки.[1] Общество, которое ты знала,[2] было тоже не бог знает какое развитое, — ведь едва ли ты меня не первого встретила из порядочных людей, — откуда же у тебя все это? Ты меня беспрестанно этим удивляла.

— Миленький мой, ты хочешь захвалить меня, будто у меня уж такой удивительный ум, — нет, мой друг, это не так трудно понять, как тебе кажется. Такие мысли не у меня одной, мой милый, они у многих девушек и молоденьких женщин, таких же простеньких, как я, — только им нельзя сказать своим женихам или мужьям того, что они думают, — над ними посмеются или побранят, скажут: «ты безнравственная». Я за то тебя и полюбила, мой милый, что ты не так думаешь. Знаешь, я когда тебя полюбила? Когда[3] мы с тобою в первый раз говорили, когда было мое рожденье, — как ты стал говорить, что женщины — бедные, что их жалко, так я тебя и полюбила.

— А я тебя когда полюбил? В тот же день, уж я говорил, — только когда?

— Ну, какой ты смешной, миленький, — когда так сказал, так разве трудно угадать, а угадаю, опять хвалить станешь.

— А ты все-таки угадай.

— Ах, мой миленький, ведь уж это понятно: ну, когда я сказала, чтобы ты мне сказал, правда ли, что можно сделать, чтобы людям было хорошо жить.

— За это надобно опять поцаловать твою руку, Верочка.

— Полно,[4] мой милый,[5] это мне не нравится, когда у женщин цалуют руки.

— Почему же, Верочка?

— Ах, мой милый, ты знаешь сам почему, — зачем же у меня спрашиваешь?

— Да, мой друг, это правда: не следовало спрашивать. Я дурно с тобой обращаюсь. Ну, я вперед стану спрашивать только тогда, когда в самом деле не знаю, ‹*л. 20 об.*› что ты хочешь сказать. А ты хотела сказать, что ни у кого не следует цаловать руки.

---

[1] *Далее начато:* Откуда же ты [2] ты видела [3] *Далее было:* ты на рож‹деньи› [4] Да [5] *Далее было: а.* вот теперь меня *б.* так ведь

Верочка засмеялась.

— Ну вот я тебя теперь простила, потому что самой удалось над тобою посмеяться: видишь, хотел меня экзаменовать, а сам не <знал> главной причины, почему это нехорошо. Ни у кого никому не надобно целовать руки, это твоя правда, но ведь [1] я не про то говорила, не вообще, а только про то, что мужчинам у женщин не надобно целовать рук: это, мой милый,[2] должно бы быть обидно для женщин, — это значит, что их не считают такими же людьми, — думают, что перед женщиною [3] мужчина не может унизить своего достоинства, что она настолько ниже его, как он ни унижайся, он все-таки не ровный ей, а гораздо выше.[4] А ведь ты не так думаешь, мой миленький, так зачем же тебе <целовать> у меня руку? Говори [5] со мной серьезно и поступай серьезно, как с ровной себе,[6] вот я об чем тебя прошу. А послушай, что мне показалось, мой миленький: как будто мы с тобою не жених с невестой?

— Да, это правда, Верочка: мало похожего; только что же такое мы с тобою?

— Мы как будто давно, давно повенчаны.[7]

— Да что же, ведь и правда, мой друг. Старые друзья — ничего не переменилось в наших отношениях.

— Только одно переменилось, мой миленький: что я теперь знаю, что я из подвала на волю выхожу.

Так они поговорили и пожали друг другу руки. Хоть бы раз поцеловались, — нет. Мне не хотелось бы писать этого, — я не написал бы этого, если бы [8] этот рассказ имел [9] только тех читателей, которые знают людей, в нем действующих. Правда, что тогда не нужно было бы писать и всего рассказа, потому что кто знает таких [10] людей, какие в нем действуют, тот <знает> и все, что в нем написано. Но моя цель — познакомить с такими людьми то большинство публики, которое или вовсе не знает их, или имеет о них такое же понятие, какое тунгузы о европейских людях. Для этого большинства я принужден делать заметки, которые, собственно говоря, неприличны.[11] Неприлично, говоря о Париже, замечать, [12] что это большой город; неприлично, говоря о Голландии, замечать, что в ней нет тигров и гремучих змей; [13] приличие требует предполагать, что это [14] слушатель не нуждается в этих пояснениях. Но что же вы станете делать, когда имеете тысячи доказательств, что ваш слушатель нуждается [15] в этих оговорках, — да еще, пожалуй,[16] готов возразить вам, что это не так, что он по опыту знает, что это не бывает так, что не бывает на свете больших городов,

---

[1] а главное [2] *Далее начато:* обид<но> [3] перед ними [4] *Далее было:* Так, мой миленький [5] Ты обращ<айся> [6] *Далее было:* ты больше меня зна<ешь> [7] *Далее было:* и уже так привыкли к тому, что мы повенчаны, что <*не закончено*> [8] *Далее начато:* меня чи<тали> [9] читали [10] этих [11] дурны. [12] объяснять, [13] *Далее было:* неприлично, но сам [14] *Далее было:* сам уже [15] *Начато:* вообр<ажает> [16] потребует

что не бывает на свете никаких Голландий? Есть на свете, читатель, удивительные люди, и большинство твоих сотоварищей — читателей (конечно, не ты, — ты помнишь, что ты исключаешься из всякого невыгодного отзыва с моей стороны) принадлежит к удивительным людям. Они не знают, что такое чистота девушки и что такое уважение порядочного человека к чистоте девушки. — Грязные люди, дрянные люди, гнилые люди. Хорошо, что ты, читатель, не таков. — Впрочем, я несправедлив:[1] я человек старого века, я все забываю, что переменилось к лучшему многое с той поры, как установились мои понятия, — что[2] русская публика, к какой я привык, уже больше чем наполовину сменилась публикою другого поколения,[3] более честного и более чистого.[4] Не очень еще много в ней людей, у которых голова в порядке. Но большинство уже имеет, по крайней мере, желание смотреть на белый свет честным взглядом.[5]

Возвратившись домой часу в седьмом,[6] Лопухов хотел приняться за работу, но долго не мог приняться. Голова была занята не тем, а все тем же, о чем он думал всю длинную дорогу из соседства Семеновского моста до Выборгской. «Конечно, любовными ‹мечтами›, — да, ими,[7] только не совсем любовными и не совсем мечтами. Жизнь человека необеспеченного[8] имеет свои прозаические интересы, которые позанимательнее, чем мечты вообще, а любовь имеет не очень много общего с любовными мечтами в частности. А тут еще вдобавок те две невесты, которые не помешали — хоть по-настоящему и должны были бы помешать — найти[9] третью. Лопухов, как материалист,[10] при самых возвышенных положениях души не мог отказаться от мысли об этих невестах. Понятное дело, материалисты ведь допускают и многоженство, и многомужство, и всякие такие ужасы, от каких и наши мифические фармазоны, продавшие душу сатане и кончающие свою карьеру тем, что сожигаются самовозгоранием, стали бы открещиваться с ужасами, — да ведь не шутя допускают, я на них не стану взводить напраслины: допускают. Да это[11] и будет доказано фактами в дальнейшей истории Верочки и Лопухова.

Итак, Лопухов занимался такими любовными мечтами, какие приличны грубому материалисту, помешанному на теории эгоизма и материальных выгод.

«Жертва — и ведь этого почти нельзя будет выбить из ее головы. А это дурно: когда думаешь, что чем-нибудь особенным обязан человеку, отношения к нему уже несколько натянуты. А ведь узнает. Приятели объяснят, что, дескать, отказался для вас от карьеры, на которой ждал, — ну, положим, не денег, этого не взведут на меня, хоть и то хорошо, что

---

[1] *Далее начато:* я много [2] что эти понятия [3] *Вместо:* публикою другого поколения, — *было:* [другою], [чест‹ною›] публикою другого [4] *Далее начато:* Эти новы‹е› [5] *Далее было:* Если они многого не понимают, то [6] в шестом [7] только ими [8] простого человека [9] встретить [10] *В рукописи ошибочно:* материализм [11] *Далее было:* мы сами

не будет думать, что, дескать, он[1] для меня остался в бедности, когда без меня был бы богат. Этого-то[2] не будет она думать, — но ей наскажут, что я желал[3] ученой известности и получил бы. Вот и будет сокрушаться: „ах, чем он для меня пожертвовал“. Да не думал жертвовать. Как для меня лучше, так и сделал. Какая тут жертва. Жертвовать вообще чем бы то ни было для кого бы то ни было вообще глупо. Да этого и не бывает. Это фальшивое понятие, — это сапоги всмятку, и только. Как приятнее, так и поступаешь. Так вот, поди ты, растолкуй это. В теории-то оно понятно, а как видит перед собою факт, человек-то и умиляется: вы, говорит, мой благодетель. Уж показался[4] всход этой будущей жатвы: вы, говорит, меня из подвала выпустили, — какой, говорит, вы добрый! И будет потом умиляться. Очень нужно было бы мне выпускать тебя, если бы самому это не нравилось, — это я тебя выпускаю, ты думаешь? — стал бы[5] заботиться, как же, жди, как бы 〈*л. 21*〉 это не доставляло мне самому удовольствия. Может, я самого себя выпустил. Да разумеется, самому жить хочется, самому любить хочется, — понимаешь? самому, — для себя все делаю. Чорт возьми, как бы это сделать, чтобы не развилось в ней это вредное[6] чувство признательности, которое тяготит.[7] Ну, да как〈-нибудь〉 сделаем, — она же умная, поймет, что я правду буду говорить. Конечно, я не так располагал сделать. Думал, что когда удастся ей уйти из семейства, то отложить дело года на два, — в это время успел бы стать профессором, денежные дела были бы[8] удовлетворительны. Вышло, что отсрочить нельзя. Ну, так мне-то какой убыток? Разве я об себе что ли думал, когда соображал, что прежде надобно устроить свои денежные дела? Мужчине что? мужчине ничего. Недостаток денег отзывается на женщине. Сапоги есть, локти не продраны, щи есть, в комнате тепло, — какого[9] рожна горячего мне еще нужно? А это у нас будет. Стало быть, какой же[10] мне убыток? Но женщине — молоденькой, хорошенькой — этого мало.[11] Нужны удовольствия, нужен успех в обществе. А на это не будет денег. Конечно, она не будет думать, что этого недостает ей, — умная, честная девушка, — будет думать себе: „это пустяки, это дрянь, которую я презираю“ — и будет презирать.[12] Да разве помогает то, что человек не знает, чего ему недостает, или даже уверен, что оно ему не нужно? Это иллюзия, фантазия. Натура заглушена рассудком, обстоятельствами, убеждениями, — ну и молчит, не дает о себе голоса сознанию, а молча все-таки работает и подтачивает жизнь. Не так следует жить молодой, не так красавице, — это не годится,[13] когда она и одета не так хорошо, как другие, и она не блестит[14] по недостатку средств.[15] Жаль тебя, бедненькая, — я думал, что все-таки несколько получше для тебя устроится.

---

[1] *Далее было:* мой друг [2] А ведь этого хоть [3] был [4] Уж были [5] очень нуж〈но〉 [6] отвратн〈ое〉 [7] *Далее начато:* Это бы [8] *Далее было:* для нее [9] чего [10] чем [11] *Далее начато:* зачем красота, если [12] *Далее начато:* Да ведь это [13] *Было:* гадко видеть [14] проходит [15] *Далее было:* проигрывает

А мне что? Я в выигрыше, — неизвестно еще, пошла ли бы она за меня через два ‹года› — а теперь идет».

— Дмитрий, иди чай пить.

Лопухов отправился в комнату Кирсанова.

— Ну, Александр, теперь не будешь на меня жаловаться, что отстаю в работе. Наверстаю.[1]

— Что, кончил хлопоты по делу этой девушки?

— Кончил.

— Поступает в гувернантки к Б.?

— Нет, в гувернантки не поступает, иначе уладилось. Ей можно будет вести в семействе порядочную жизнь.[2]

— Что ж, это хорошо. В гувернантках тяжело. И порядочно устроилось ее семейное положение? [3]

— Порядочно.

— И действительно хорошая девушка?

— Хорошая.

— Ну и прекрасно. Я теперь, брат, с зрительным нервом покончил и уже довольно много работ сделал над следующей парою. А ты на чем остановился?

— Да мне еще надобно будет кончить работу над... ну, и так далее, пошли физиологические термины.

«Теперь[4] 25 апреля. Он сказал, что его дела устроятся в начале июля, — ну, положим, 10-го, — ведь это уж не начало, 10-е число можно взять, — или для верности возьму 15-е, — нет, лучше 10-е, — сколько же остается дней? Нынешнего числа уж нечего считать, — в апреле остается 5 дней, май — 31 да 5 — 36, июнь — 30 да 36 — 66, июль 10, — всего только 76 дней. Я сделаю, как пансионерки и школьники делают, — право, так сделаю: разграфлю бумагу, напишу все дни и буду каждый день вычеркивать, — в самом деле, так сделаю, — а, только 76 дней, — и тогда свободна! Выйду из этого подвала! Ах, как я счастлива! Миленький мой, как я счастлива!»

Это воскресенье. В понедельник урок, перенесенный со вторника.

— Друг мой, миленький мой, как я рада, что опять с тобою хоть на минуточку! Знаешь, сколько мне осталось сидеть в этом подвале? Твои дела когда кончатся? К 10-му июля кончатся?

— Кончатся, Верочка.

— Так теперь мне осталось сидеть в подвале только 75 дней да нынешний вечер, — я один день уж вычеркнула, — ‹ведь› я ‹сделала› табличку, как школьники, и вычеркиваю дни.

---

[1] Примусь [2] Ей можно ∾ жизнь. *вписано.* [3] *Вместо:* устроилось ∾ положение? — *было: а.* устроилась она? *б.* устроилась беднень‹кая› *в.* устроились ее дела? *г.* устроилось ее положение семейное? [4] Теперь у нас

— Миленькая моя, Верочка, миленькая моя![1] Да, уже недолго тебе тосковать тут, — два с половиною месяца пройдут скоро. Будешь свободна.[2]

— Ах, как весело будет! Только, мой миленький, ты теперь со мною не говори много и не гляди на меня, и на фортепьяно не каждый раз будем играть. И не каждый раз буду выходить при тебе из комнаты. Нет, не утерплю, выйду всегда, — только на одну минутку, — и так холодно буду смотреть на тебя, неласково, — и теперь сейчас уйду в свою комнату. До свиданья, мой милый. Когда?

— В четверг.[3]

— Три дня! Как долго. А тогда уж только 72 дня останется.

— Считай меньше: около 7-го числа можно будет тебе вырваться отсюда. ‹*л. 21 об.*›

— 7-го? Так уж теперь только 72 дня? Ах, как ты обрадовал! До свиданья, мой миленький!

Четверг.

— Мой миленький, только 69 дней мне здесь сидеть.

— Да, время идет скоро.

— Скоро? Нет, мой милый. Ах, какие долгие стали дни! В другое время, кажется, целый месяц успел бы пройти, пока шли эти три дня. До свиданья, мой миленький. Нам ведь не надобно долго говорить друг с другом, — ведь мы хитрые, да? — До свиданья! Ах, еще 69 дней осталось мне сидеть в подвале!

(«Гм! гм! Да, —мне, разумеется, незаметно, — за работою[4] время летит. Да ведь и не я в подвале-то. Гм! гм! Да!»)

Суббота.

— Ах, мой миленький, еще 67 дней осталось! Ах, какая тоска здесь! Эти два дня были дольше тех трех дней! Ах, какая тоска! Гадость какая, если бы ты знал, мой миленький! До свиданья, мой милый, голубчик мой, до вторника, — ах, а эти три дня будут дольше всех пяти дней! До свиданья, милый мой!

(«Гм! Да! гм! Глаза нехороши.[5] Она плакать не любит. Это нехорошо. Гм! Да!»)[6]

Вторник.

— Ах, мой миленький, еще 64 дня осталось!

— Верочка, мой дружочек,[7] у меня к тебе есть просьба, — нам надобно поговорить хорошенько. Ты очень тоскуешь[8] по воле. Ну, дай себе немножко воли, — ведь нам надобно поговорить.

— Надобно, мой миленький, надобно![9]

---

[1] *Далее начато:* Будет, [2] *Далее начато:* Ты [3] *Далее было:* А знаешь что? [4] *Было начато:* работа очень сок‹ращает› [5] *Далее начато:* Это [6] *Далее было:* Нет, такие глаза тебе не годятся! [7] *Далее было:* ты уже слишком тоскуешь по воле [8] *Далее начато:* это вр‹емя› [9] *Далее начато: а.* Мы с тобою ведь всё *б.* А здесь нельзя

— Так вот что, я тебя прошу: завтра, когда тебе будет удобнее — в какое время, все равно, только скажи, — будь опять на той скамье на Конногвардейском бульваре. Будешь?

— Буду, мой миленький, непременно. В 11[1] часов? Так?

— Хорошо, благодарю тебя, Верочка.

— До свиданья, мой миленький, — ах, как я рада, что ты это вздумал, — как это я, глупенькая, сама не вздумала? До свиданья. Поговорим, все-таки вздохну вольным воздухом. До свиданья, миленький, в 11 часов непременно.[2]

Пятница.

— Верочка, ты куда это собираешься?

— Я, маменька? (и покраснела) — к Невскому, маменька (и покраснела еще больше).

— Так и я с тобою пойду, Верочка. Мне в Гостиный двор нужно. Да что это, Верочка, говоришь, идешь на Невский, а такое платье надела, — надо бы получше, коли на Невский.

— Мне, маменька, это платье нравится. Подождите одну секунду,[3] маменька, я в своей комнате только возьму[4] одну вещь.

Отправляются. Идут. Дошли до Гостиного двора, идут по той линии, которая вдоль Садовой, — уж недалеко до угла Невского, — вот и лавка Рузанова.

— Маменька, я вам два слова скажу.

— Что с тобою, Верочка?

— До свиданья, маменька. Не знаю, скоро ли, — если не будете сердиться, — до завтра.[5]

— Что, Верочка, я что-то не разберу.

— До свиданья, маменька, я теперь к мужу. Мы с Дмитрием Сергеевичем третьего дня повенчались. Извозчик, в Караванную!

— Четвертачок, сударыня.

— Хорошо, поезжай хорошенько. — Он к вам вечером зайдет. А вы не сердитесь на меня, маменька! — Да ты не в Караванную, я только так сказала, чтоб поскорее от этой дамы уехать, — мне гораздо дальше, поезжай по Невскому, на Васильевский, в 5 линию, у Среднего проспекта, поезжай хорошенько, я прибавлю.

— Ах, сударыня, обмануть изволили! Надо уж будет полтинничек положить.

— Если хорошо поедешь.

Свадьба устроилась не очень многосложным, хотя и не совсем обыкновенным образом.

---

[1] В 12 [2] *Было:* в 12 часов непременно! Да! *Текст:* До свиданья ∾ непременно! — *вписан.* [3] *Далее было:* Отправляются. Идут. Дошли до Гостиного двора. идут [4] *Вместо:* только возьму — *было: а.* забыла одну *б.* возьму [5] *Далее начато:* я, маменька,

Жалко было смотреть на Верочку, — дня два [1] после разговора о том, что они жених и невеста, Верочка радовалась близкому освобождению, — на третий день уже вдвое несноснее прежнего стал казаться ей «подвал», как она выражалась, — на четвертый она уже поплакала, чего она очень не любила, но поплакала немножко, — на пятый побольше, — на шестой уже не плакала, только не могла заснуть от тоски.

Лопухов посмотрел, посмотрел и увидел, что не годится дело, показавши волю, оставлять человека в неволе. Подумал ‹*л. 22*› часа два после того, как был на уроке в субботу, — о том, как решить дело, он думал недолго, — «Все это вздор. Зачем оканчивать курс? Разве не все равно? Уроками, переводами достану себе не меньше, чем сколько получал бы жалованья, будучи ординатором. Может быть, получу еще больше. Пустяки». С этой стороны раздумья не было,[2] — правду сказать, отчасти и потому, что у Лопухова еще с прошлого урока бродило в голове что-то похожее на мысль: бросить все свои дела, чтобы поскорее вырвать Верочку. Это намерение до сих пор не представлялось ему ясно, но оно уже передумалось в нем бессознательно, и когда он подумал о нем отчетливо, он почувствовал, что дело уже решено им без его ведома, так что и те недолгие мысли, которые пробежали в его уме при первом сознательном представлении дела, пробежали только так, для формы, а не то чтобы действительно [3] было нужно сообразить их — они уж были соображены.[4]

Итак, на эту часть думы пошло всего две-три минуты. Два часа ушли на другую: как же повенчаться? Кто станет венчать девушку без согласия родителей, без всяких документов?[5] Думал, думал Лопухов — ничего не придумывалось — и вдруг придумал, — вскочил, побежал, сел, против обыкновения, на извозчика.

В Медицинской академии есть много людей всякого рода,[6] кроме богатого сорта, — есть там, в числе другого народа, много семинаристов. Они имеют знакомства в Духовной академии, — были через них и у Лопухова такие знакомства, — он вспомнил, что один воспитанник Духовной академии, его бывший знакомый, кончивший курс год тому назад, сделался [7] священником в Петербурге, при каком-то большом казенном заведении.

— Вот какое и вот какое дело, Алексей Петрович, — знаю, что для вас это очень серьезный риск, — хорошо, если мы помиримся с родными; а если [8] они начнут дело, вам может быть беда, — но — но... — «но» никакого нельзя было найти — как в самом деле убеждать человека, чтобы он за нас клал шею в петлю?

Алексей Петрович долго думал. Тоже не мог придумать никакого «но» в оправдание себе, чтобы [9] сделать такой риск.[10]

---

[1] *Начато:* каждый [2] *Против фразы:* С этой стороны ∾ не было — *дата*: 1 январ‹я› [3] в самом деле [4] *Далее начато:* Но было [5] *Далее начато:* Если бы, [6] *В рукописи ошибочно:* людей всякого рода людей [7] *а.* наход‹ится› *б.* служит [8] *Далее начато:* не помир‹имся› [9] если [10] *Далее было:* — Эх, старый приятель, ничего нельзя придумать. Но [логика] «психология учит» — помните, как мы резались с вами — я за Гегеля, вы за Конта [и после мы увидели, что ни], — и после мы с вами сошлись

— Что вы теперь делаете, я год назад сделал, — женился. Женатый человек не волен в себе. А совестно, — так и хотелось бы помочь вам. Да когда есть жена, так нечего делать: без оглядки не пойдешь.

— Что вы тут про жену говорите? Всё у вас жены виноваты, — сказала очень молоденькая дама, лет 17, бойкая и милая, жена Алексея Петровича, возвратившаяся от родных,[1] у которых провела этот вечер.

Алексей Петрович, представив жене Лопухова,[2] рассказал[3] дело. У Машеньки засверкали глазки.

— Что, Алеша, ведь не съедят[4] же тебя?

— Есть риск, Машенька.

— Очень большой риск, — подтвердил Лопухов.

— Ну, что делать, рискни, Алеша, я тебя прошу.

— Когда ты не станешь меня осуждать,[5] что я про тебя забыл, подвергаясь опасности, так разговор кончен. Когда венчаться хотите, Дмитрий Сергеевич?

Таким образом препятствий не оставалось.[6]

В понедельник поутру Лопухов сказал Кирсанову:

— Знаешь ли что, Александр? Уж верно подарить тебе ту половину нашей работы, которая была моей долей. Бери мои бумаги и препараты. Я бросаю. Выхожу из Академии. Вот и просьба. Женюсь. — Рассказал историю в двух словах.

— Если бы ты был глуп или бы я был глуп, сказал бы я тебе, Дмитрий, что этак сумасшедшие делают.[7] А теперь не скажу. Все возражения ты сам, верно, постарательнее меня обдумывал. А и не обдумывал, так ведь все равно. Глупо ли ты поступаешь, умно ли, не знаю, — но по крайней мере[8] сам не стану той глупости делать, чтобы пытаться тебя отговаривать, когда знаю, что не отговоришь. Я тебе тут нужен на что-нибудь или нет?

— Свидетелем будешь.[9] Надобно квартиру приискать — три комнаты где-нибудь в дешевой местности,[10] — мне надобно будет в Академии хло-

---

на одном, бросив старых своих любимцев, — так психология учит, что, когда ум утомлен одним предметом, надобно дать ему отдых, заняться другими, и в это время вдруг может пролиться неожиданный свет на прежний предмет? Видите, схоластика-то как въелась? По силлогизмам рассуждаем. Потолкуемте о другом, потом вернемся к этому и рассудим окончательно. Каково поживают мои другие старые знакомые? Целый год ни с кем из вас не видался. Что-то нового в естественных науках? Расскажите-ко, я послушаю.

— Эх, Алексей Петрович, не то в голове.

— А вы сделайте усилие, — на что же воля у человека? Правда, что ее нет, — ну, да по крайней мере так говорится. [Но не дождавшись] [1] откуда-то [2] представив жене Лопухова, *вписано.* [3] рассказал ей [4] если съедят [5] *Вместо:* ты не ∾ осуждать, — *было:* ты меня не удер‹живаешь› [6] *Вместо:* препятствий не оставалось — *было:* все препятствия были устран‹ены› [7] *Далее начато:* Да ведь почему не [8] *Далее было:* [я не] мне-то, как [9] *Далее было*: Ведь надобно в книге свидетельствовать. Пригласи Б. быть свидетелем. Еще двух нужно с ее стороны. Пригласи кого-нибудь [10] *Вместо:* три комнаты ∾ местности, — *было:* три комнаты подешевле, где-нибудь в дешевом месте,

потать, чтобы поскорее выпустили.[1] Ведь это надобно завтра же кончить. Так мне некогда квартиру искать. Похлопочи ты.[2]

— Ну, желаю тебе счастья, Дмитрий. Поцалуемся.

— Верно, будет счастье.

Во вторник Лопухов получил свои бумаги из Академии,[3] отправился к Алексею Петровичу, спросил его, когда он будет завтра дома. «Весь день». — «Так все равно для вас, во сколько часов?» — «Все равно». — «Я думаю, впрочем, что Кирсанов успеет[4] предупредить вас, Алексей Петрович». — «Тем лучше». ‹*л. 22 об.*›

В среду, в 11 часов,[5] Лопухов, пришедши на бульвар, не нашел[6] Верочки на условленной скамье. Прошло с четверть часа — ее все нет. Он начал тревожиться. А вот и она, так спешит.

— Верочка, друг мой, не случилось ли чего с тобою?

— Нет, миленький, ничего — я опоздала только оттого, что чуть-чуть не проспала.

— Это значит, ты во сколько же часов уснула?

— Ах, миленький, я не хотела тебе сказывать, в 7 часов, миленький; нет, раньше, в 6, а то все думала.

— Так вот видишь, Верочка,[7] я об чем тебя хотел просить:[8] нам бы надобно поскорее повенчаться, чтобы обоим быть спокойными.

— Да, миленький, надобно. Поскорее надобно.

— Так дня через четыре, через три.

— Ах, если бы так, миленький мой, — вот бы ты был умник.

— Так дня через три, когда квартиру приготовим, служанку найдем, нам и можно будет поселиться с тобою вместе?

— Можно, мой голубчик, можно.

— А ведь прежде надобно повенчаться.

— Ах, я и забыла, миленький, — надо повенчаться прежде.

— Так венчаться и нынче можно, вот я об этом и хотел тебя просить.

— Пойдем, миленький, повенчаемся. Да как же это ты все устроил, — какой ты умненький, голубчик!

— А вот по дороге все расскажу, поедем.

Приехали, прошли по длинным коридорам к церкви, отыскали сторожа, послали к Алексею Петровичу, — Алексей Петрович жил в том же доме с бесконечными коридорами.[9]

— Теперь, Верочка, у меня еще к тебе просьба: ведь ты знаешь, в церкви заставляют молодых цаловаться.

— Да, мой миленький, заставляют, — только как это стыдно!

— Так вот, чтобы не было тогда слишком, поцалуемся теперь.

---

[1] написа‹ли?› [2] *Далее начато:* Мебель [3] *Далее было: а. Начато:* отправ‹ился›. *б.* и бывши на уроке [4] что я успею [5] в два часа [6] *Вместо:* Лопухов ∾ не нашел — *было:* Лопухов не увидел [7] *Далее было:* чтобы вперед так не слу‹чалось› [8] *Далее было:* чтобы [9] *Далее было:* раньше

— Ах, мой миленький, так и быть, поцалуемся, — да разве без этого нельзя?

— Да ведь в церкви же нельзя без этого, — так приготовимся.[1]

— Да,[2] нельзя без этого, нельзя,[3] — ну поцалуемся.

Поцаловались.

— Миленький, хорошо, что успели приготовиться, — вон уж сторож идет, — теперь в церкви не так стыдно будет.

Но вошел не сторож,[4] — сторож побежал за дьячком, — вошел Кирсанов, дожидавшийся их у Алексея Петровича.

— Верочка, вот это и есть Александр Матвеевич Кирсанов, которого ты ненавидишь и с которым хочешь запретить мне видеться.

— Вера Павловна, за что же вы хотите разлучать наши нежные сердца?

— За то, что они нежные, — сказала Верочка, подавая руку Кирсанову. И вдруг, еще продолжая улыбаться, уже задумалась: — А сумею ли я любить его, как вы? Ведь вы его очень любите?[5]

— Я? Я никого, кроме себя, не люблю, Вера Павловна.

— И его не любите?

— Жили — не ссорились, и того довольно.

— И он вас не любил?

— Не замечал что-то.[6] Спросим, впрочем, у него. Ты любил, что ли, меня, Дмитрий?

— Особенной ненависти к тебе не имел.

— Ну, когда так, Александр Матвеевич, так я не буду запрещать ему видеться, Александр Матвеевич, и сама буду вас любить.

— Вот это гораздо лучше, Вера Павловна.

— А вот и я, готов, — подошел[7] Алексей Петрович, — пойдемте в церковь.

Алексей Петрович[8] был весел, шутил, но когда начал венчанье, голос его дрожал[9] («а если начнется дело — Машенька, ступай к отцу, муж не кормилец, — плохое житье от живого мужа на отцовском хлебе»),[10] — впрочем, после нескольких слов он опять уже совершенно владел собою. В половине службы пришла Марья Андреевна[11], или Машенька, как звал ее Алексей Петрович, — тут же успела познакомиться с Верочкою, — по окончании свадьбы попросила молодых зайти к ней, — у ней был приготовлен маленький[12] завтрак,[13] зашли, поболтали,[14] даже вальсировали

---

[1] *Далее было:* сделай [2] Ну когда [3] *Далее было:* только зачем это целуются? [4] Шел не ст<орож> [5] *Далее было:* Чрезвычайно. Почти столько же, ну [6] *Было начато:* Полагаю, что не [7] *Вместо:* готов, — подошел — *было:* позвольте рекомендоваться вам [8] *Далее было:* шутил [9] несколько дрожал [10] *Текст:* («а если ∾ хлебе»), — *вписан.* [11] *Начато:* Иван<овна> [12] *Начато:* скро<мный> [13] *Далее было:* [по] сидели, болтали, смеялись, [как Верочк<а>] [она была молоденькая>] хозяйка была так мила и радушна, ко <*не закончено*> [14] *Далее было:* довольно

в две пары, — Алексей Петрович играл на скрипке, — часа полтора пролетело так легко и незаметно. Свадьба была веселая.[1]

— Ах, меня уже, я думаю, ждут дома обедать, — сказала Верочка,[2] — пора, — теперь, мой миленький, я и три, и четыре дня проживу в своем подвале без тоски, — пожалуй, и больше проживу, — как хочешь, — чего мне теперь бояться? Нет, ты меня не провожай: я поеду одна, чтобы еще не увидали как-нибудь.

— Да, это в самом деле лучше, Верочка.

— Ничего, не съедят меня, не совеститесь, — говорил Алексей Петрович, провожая Лопухова, остававшегося с Кирсановым еще на несколько минут, чтобы[3] дать время Верочке уехать.[4] — Я теперь очень рад, что Маша ободрила меня.

На другой день, после[5] четырехдневных поисков, нашлась квартира — в дальнем конце[6] 5 линии Васильевского острова. Имея всего рублей 160 в запасе, Лопухов рассудил с своим приятелем, что невозможно на первый раз думать им с Верочкою обзаводиться хозяйством — мёбелью, кухонною посудою, — потому наняли три комнаты от жильцов — мещан, старика и старухи,[7] — комнаты с мёбелью,[8] самоваром и чашками, и со столом на двоих от хозяев; прислуга тоже была от хозяев, то есть сами хозяева. Все это стоило 30 рублей в месяц. Тогда, лет 10[9] тому назад, были в Петербурге еще дешевые, по петербургскому масштабу, времена.

Таким образом, были в готовности средства к жизни[10] на три, пожалуй даже на четыре месяца, — ведь на чай 10 р‹ублей› в месяц довольно? — а в четыре месяца Лопухов надеялся найти уроки, какую-нибудь литературную работу, занятия в какой-нибудь купеческой конторе — все равно, что бы то ни было. В тот же[11] день, как была приискана квартира, он сказал[12] Верочке, бывши, по обыкновению, на уроке, во время чаю:

— Завтра переезжай, мой друг; вот адрес. Больше теперь говорить не стану, чтобы не заметили.

— Миленький мой, ты спас меня.

Теперь, как уйти из дому? Сказать? Верочка подумала было, — но мать бросится драться, — может запереть. Она рассудила, что говорить незачем, и приготовила письмо, чтобы оставить его в своей комнате.

---

[1] *Далее было:* А между тем, из этих пяти молодых человек, был только один, который [не ду‹мал›] [не рисковал] не подвергался [в] [тут]

[— Решительная [девушка] вы девушка, — сказала [Мар‹ья›] между прочим]

[— Давно пора воротить]

[2] *Далее было:* ничего теперь [3] *Далее было:* не выходить [4] *Далее начато:* Для старых приятелей [5] *Далее было:* перед тем [6] в дальнем конце — *вписано.* [7] *Вместо:* мещан ∾ старухи — *было:* каких-то стариков-мещан [8] *Далее было:* прислугою [9] десять лет [10] *Вместо:* были ∾ к жизни — *было:* *а. Начато:* жизнь *б.* средства к жизни были в готовности [11] В четыре же [12] сказал это

Когда Марья Алексеевна, услышав,[1] что дочь отправляется по дороге к Невскому, сказала, что пойдет вместе с нею, Верочка вернулась в свою комнату и взяла письмо, — ей[2] вздумалось, что лучше будет,[3] если она скажет матери сама, изустно, — это казалось ей честнее. А драться на улице мать не станет же, — только надобно несколько подальше от нее остановиться,[4] когда будешь говорить,[5] поскорее взять извозчика и уехать,[6] чтобы она не успела схватить за рукав.

Таким образом и произошла эффектная сцена у лавки Рузанова.

Но мы видели только еще половину этой сцены.[7]

С минуту — нет, несколько поменьше — Марья Алексеевна,[8] ничего подобного не подозревавшая, стояла как ошеломленная, стараясь понять и все не понимая, что ж это говорит дочь, что ж это значит, и как же это? Но только с минуту или поменьше... Она встрепенулась, вскрикнула какое-то ругательство, — но дочь уже выезжала на Невский ‹*л. 23*› проспект, — Марья Алексеевна пробежала несколько шагов в ту сторону, — извозчика надобно, — бросилась на тротуар.[9] «Извозчик!» — «Куда прикажете?» Куда прикажет она? Ей послышалось, что дочь сказала «в Караванную», но дочь повернула налево по Невскому, — куда же прикажет она? «Догонять ту мерзавку!» — «Догонять, сударыня? да вы скажите толком, куда, а то как же без ряды ехать, а какой конец — неизвестно». — «Дурак ты, давай догонять!» — «Пьяна ты, я вижу,[10] барыня, вот что», — сказал извозчик и отошел. Марья Алексеевна совершенно вышла из себя, — и ругала вдогонку отошедшего извозчика, и кричала других извозчиков, — а вокруг нее уже стояло человек пять парней, продающих яблоки и разную разность у колонн Гостиного двора; парни любовались на нее и обменивались между ‹собою› замечаниями более или менее[11] неуважительного смысла, — некоторые свои замечания обращали и прямо к ней, в таком роде: «Барыня, а барыня, а ты опохмелись!» — «Барыня, а барыня, а ты здорова ругаться-то, а давай-ко об спор, кто кого переругает!» Она, уже сама не помня, что делает, хватила по уху ближайшего из этих собеседников, шапка слетела, — Марья Алексеевна вцепилась ему в волосы. Это привело в неописанный энтузиазм остальных собеседников. «Ай да барыня! Валяй его, барыня!» Некоторые замечали: «Федька, а ты дай-ко ей сдачи!» Но большинство собеседников решительно было на стороне Марьи Алексеевны: «Куда против нее Федьке! Валяй, барыня, валяй Федьку! Так ему, подлецу, и надо!»[12] Тут уже было много зрителей, кроме первоначальных собеседников, и извозчики, и си-

---

[1] увидев [2] *Вместо:* Верочка вернулась ∾ ей — *было:* Верочке пришла мысль [3] сказать ей [4] стоять [5] *Далее начато:* чтобы не у‹спела› [6] *Вместо:* взять ∾ и уехать — *было:* сесть и уехать [7] *Далее было:* Верочка могла бы и не до такой степени спешить отъездом, могла она [8] мать [9] *Далее было:* и тут уже растерялась так [10] должно быть, [11] не столько [12] *Текст:* Некоторые ∾ надо!» — *вписан.*

дельцы из лавок, и прохожие, — Марья Алексеевна как будто опомнилась и, последним машинальным движением далеко отшатнув Федькину голову, зашагала[1] через улицу. Восторженные похвалы собеседников провожали ее.[2]

Она увидела, что идет домой, когда была уже[3] против Апраксина двора, взяла извозчика и приехала, — зашла к шкапчику, побила Федю, побила Матрену, — опять зашла к шкапчику и пошла по комнатам, ругаясь. Но бить было уже некого: Федя и Матрена спрятались.

Долго ли, коротко ли она ругалась и кричала в пустых комнатах,[4] определить она не могла, но должно быть долго, потому что вот и Павел Константинович явился из должности, — досталось и ему, — и идеально, и материально досталось. Но как всему бывает конец, то наконец закричала она: «Матрена, подавай обедать!»

Матрена увидела, судя[5] по прежним подобным, хотя и слабейшим опытам, что штурм кончился, явилась, подала обедать.

За обедом Марья Алексеевна действительно уже не ругалась, а только рычала, и без всяких наступательных намерений,[6] а так, уже только для собственного употребления, — потом молчала и ворчала, потом и ворчать перестала вовсе, а все молчала, наконец крикнула:

— Матрена, разбуди барина, вели ему ко мне прийти.[7]

Павел Константинович пришел.

— Ступай к хозяйке, скажи, что дочь по твоей воле вышла за этого чорта. Скажи: «я против жены был». Скажи: «я это вам в угоду сделал, потому что видел, не было вашего желания». Скажи: «моя жена одна была виновата, а я вашу волю исполнял». Скажи: «я сам их и свел». Понял, что ли?

— Да этого как же не понять, Марья Алексеевна, это ты очень умно рассуждаешь.

— Ну, ступай к ней.

Справедливость слов Павла Константиновича была так осязательна, что хозяйка поверила бы им, если бы он и не[8] обладал даром убедительной[9] благоговейности изложения. А убедительность этого дара была так велика, что хозяйка простила бы Павла Константиновича, если б и не было осязательных доказательств, что он постоянно действовал против жены и нарочно свел Верочку с Лопуховым, чтобы отвратить неблагородную женитьбу Михайла Ивановича.[10] «Как же они повенчались?» — Павел Константинович не пожалел приданого, — дал 5 тысяч рублей Лопухову; свадьбу всю сделал на свой счет,[11] через него они и записочки

---

[1] пошла [2] *Далее было:* Как она очутилась дома, она [3] уже далеко [4] *Далее начато:* но время про‹ходило?› [5] *Вместо:* увидела, судя — *было:* изучившая ход и психологию Марьи Алексеевны, не знала [6] действий, [7] *Вместо:* Матрена ∾ прийти. — *было:* Дурак, поди ко мне [8] *Далее начато:* красноре‹чиво› [9] почтительной [10] *Далее было:* А главное, радость смягчает сердце [11] *Далее было:* и всё тайно — он

передавали, — у его сослуживца на квартире — у столоначальника Прохорова, «семейного человека, ваше превосходительство, потому что хоть я и маленький человек,[1] но девическая честь дочери, ваше превосходительство, мне дорога, — имели при мне, ваше превосходительство, свиданья, — и когда Верочка через меня, ваше превосходительство, к нему получила пристрастие, сам его в свой дом, якобы для ученья сынишки, ваше превосходительство, — а хоть[2] наши деньги не такие, чтобы с таких лет парню учителей брать, — но якобы предлог дал, ваше превосходительство», — и так далее. Неблагонамеренность жены Павел Константинович изобличал[3] в самых черных порицаниях.

Как было не убедиться и не помиловать[4] Павла Константиновича? Главное — великая, неожиданная радость. Радость смягчает сердце. Хозяйка начала свою отпустительную речь очень длинным пояснением гнусности мыслей[5] и поступков Марьи Алексеевны[6] и сначала требовала, чтобы Павел Константинович прогнал жену от себя, если хочет остаться управляющим, — но он умолял, да она и сама сказала это больше для острастки,[7] чем для дела, — наконец, резолюция вышла такая, что Павел Константинович оставляется управляющим, — квартира на улицу у него отнимается, и переводится он на задний двор с тем, чтобы его жена не смела показываться[8] в местах, на которые может упасть взор хозяйки, — его жена обязана выходить на улицу не иначе, как третьими воротами, самыми дальними от окон хозяйки. Из 20 рублей в месяц, прибавленных к жалованью, 15 рублей отнимаются, а 5 рублей оставляются управляющему в вознаграждение как его усердия к воле хозяйки, так и его расходов по свадьбе дочери. ‹*л. 23 об.*›

У Марьи Алексеевны было в мыслях несколько проектов о том, как поступить с Лопуховым, когда он явится вечером:[9] самый чувствительный состоял в том, чтобы спрятать[10] в кухне двух дворников, они бросятся на Лопухова по данному сигналу и исколотят его; самый патетический состоял в том, чтобы торжественно провозгласить устами[11] и своими и Павла Константиновича родительское проклятие ослушной дочери и ему, с объяснением, как оно сильно, — даже земля, как известно, не принимает праха проклятых родителями. Но это были более мечты, как у их хозяйки мысль развести Павла Константиновича с женою, — такие проекты более служат[12] для отрады сердцу[13] бесконечными рассуждениями в будущем, что, дескать, я вот что могла (или, смотря по полу

---

[1] хоть мы и маленькие люди, [2] а какие мне [3] выставлял [4] не смиловаться [5] сердца [6] *Против текста:* Хозяйка ∾ Марьи Алексеевны — *дата:* 2 январ‹я› [7] для тона, [8] и показываться [9] когда он явится вечером: *вписано.* [10] позвать [11] *Начато:* обоп‹х› [12] питаются [13] *Далее было:* (мир внутренней жизни) — и пояс‹няют?›

лица: мог) сделать и хотела (хотел) так сделать, да по своей доброте пожалела (пожалел).[1]

Проект побить Лопухова и проклясть дочь был идеальною стороною мыслей и чувств Марьи Алексеевны; реальная жизнь ее ума и души имела[2] направление, не столь возвышенное и более практическое,[3] — разница, неизбежная по слабости всякого человеческого существа.[4] Когда она опомнилась между Пажеским[5] корпусом и Апраксиным переулком, — постигла, что дочь действительно исчезла, вышла замуж и ушла от нее, — этот факт[6] явился ее сознанию в форме следующих мысленных восклицаний: «убежала! мерзкая девчонка! обокрала!»[7] — И всю дорогу она продолжала восклицать[8] мысленно, а иногда и вслух: «мерзавка! обокрала!» Поэтому-то, излив свою скорбь на Федю и Матрену,[9] — опять человеческая слабость, по которой[10] всякий человек[11] увлекается выражением чувств до того, что забывает в порыве души о житейских интересах минуты, — она и пробежала в комнату Верочки, тотчас же бросилась[12] в ящики туалета, в гардероб, окинула все торопливым взглядом, — нет, кажется, все цело, — потом принялась поверять это первое успокоительное впечатление подробным, внимательным пересмотром, — оказалось, что действительно все вещи и платья остались у нее, кроме пары простеньких[13] золотых серег, которые носила Верочка дома, да простенького платья[14] и старого бурнуса, в которых она пошла из дому.[15] По этому вопросу[16] реального направления Марья Алексеевна ждала, что Верочка даст Лопухову список своих вещей и он будет требовать их.[17] Она твердо решилась из золотых и тому подобных вещей ничего, но из платьев дать два, которые попроще, и дать несколько белья, которое побольше изношено, — ничего не дать нельзя, благородное приличие не дозволяет,[18] а Марья Алексеевна всегда строго соблюдала благородное приличие.

Другой вопрос реальной жизни был: отношения к матери Мишки-дурака, — мы уже видели, что Марье Алексеевне удалось разрешить его удачно.

Теперь третий вопрос: что делать с мерзавкою и с подлецом, то есть с дочерью и непрошенным зятем? Проклясть? Это нетрудно, но годится

---

[1] *Далее было:* А что делать на ‹*не закончено*› *Далее было начато:* Реальные [2] *Далее было*: несколько иное [3] *Далее начато:* и почти [4] *Далее начато:* Как только [5] у Пажеского [6] *Было начато: а.* эта *б.* это *в.* ее сознание [7] *Далее было:* потому-то она [8] восклицала [9] *Было начато:* сорвав гнев на Феде и [10] по которой иногда [11] *Далее было: а.* уклоняется страст‹но?› *б.* по голосу сер‹дца› [12] *Вместо:* тотчас же бросилась — *было начато:* долго ры‹лась› [13] маленьких [14] *Вместо:* да простенького платья — *было: а.* да кисейного платья, в котором она ходила дома, которое *б.* [простеньк‹ого›] [баре‹жевого›] кисейного белого платья, которое бы‹ло› *в.* платья [из], которое *г.* простенького платья, которое за непрезента‹бельностью› [15] из дома [16] С этой стороны [17] *Вместо:* что Верочка ∾ их — *было:* что Лопухов будет требовать именем [18] *Вместо:* благородное приличие не дозволяет — *было начато: а.* этого требует бл‹агородное› *б.* другой вопрос

только как десерт к чему-нибудь[1] существенному. Существенное возможно только одно: подать просьбу, начать дело, отдать под суд. Сначала, в волнении[2] страстей, Марья Алексеевна смотрела на это решение[3] идеально,[4] и с идельной точки зрения оно представлялось очень привлекательным. Но по мере того[5] ‹как› кровь успокоивалась от утомления бурею, дело стало представляться в другом виде: никто не знал так хорошо, как Марья Алексеевна, что дела ведутся деньгами и деньгами,[6] а такие дела, как обольщавшее ее своею идеальною прелестью, тянутся[7] очень долго[8] и кончаются совершенно ничем, если не тратить на них очень много денег.

Что же делать? В конце концов оказалось, что предстоят[9] только два занятия: ругаться[10] с Лопуховым до последней степени удовольствия и отстоять от его требований верочкины вещи, а средством к тому употребить угрозу подачею жалобы. Но поругаться надобно очень сильно.

Не удалось и этого. Пришел Лопухов и начал в том роде, что — мы с Верочкою просим вас, Марья Алексеевна и Павел Константинович, извинить нас, что мы решились...

Марья Алексеевна на этом слове закричала:

— Я прокляну ее, негодницу...

Но слова «негодница» она не договорила, потому что Лопухов сказал очень громко:

— Вашей брани я слушать не стану. Я пришел говорить о деле. Вы сердитесь и не можете говорить спокойно, так мы поговорим одни с Павлом Константиновичем, а вы, Марья Алексеевна, пришлите Федю или Матрену позвать нас, когда успокоитесь, — и, говоря это, уже взял Павла Константиновича за руку и уже вел его из залы в его кабинет, а говорил так громко, что перекричать его не было возможности, и потому пришлось остановиться в своей речи.

Довел он Павла Константиновича до дверей залы, — тут остановился, обернулся и сказал:[11]

— А то, Марья Алексеевна, теперь же и с вами буду говорить, — только ведь о деле надобно говорить спокойно.

Она опять было готовилась закричать, — он опять перебил:

— Ну, не можете говорить спокойно, так мы уходим.

— Да ты зачем уходишь, дурак? — прокричала Марья Алексеевна.

— Да он меня ведет, матушка!

— А вы зачем, Павел Константинович, позволяете называть себя такими бранными именами? Марья Алексеевна дел не знает, она думает, что с нами может бог знает что сделать, — а вы чиновник, вы деловой

---

[1] к более [2] в порыве [3] на этот вопрос [4] *Далее начато: а.* но [как] по мере того [5] Но горькая [6] *Далее начато: а.* если бы *б.* а что из такого [7] *Было начато:* треб‹уют› [8] *Далее начато:* требу‹ют› [9] что не делать [10] поругаться [11] *Далее начато:* Так. А не лучше ли

порядок должны знать, вы скажите, что теперь она с Верочкою ничего не сделает, а со мною и того меньше.[1]

«Знает, подлец, что ничего с ним не сделаешь», — подумала Марья Алексеевна и сказала Лопухову, что в первую минуту погорячилась как мать, а теперь может говорить хладнокровно.

Лопухов возвратился с Павлом Константиновичем, сели;[2] Лопухов попросил ее слушать, пока он доскажет, что начнет; что ее речь будет впереди, — и начал говорить, сильно возвышая голос, когда она хотела перебить его, и таким образом благополучно довел до конца свою речь, которая состояла преимущественно в том, что Верочка[3] никогда не хотела[4] идти за Сторешникова и не пошла, что, стало быть, нечего и огорчаться[5] Марье Алексеевне расстройством дела, которое никогда не могло устроиться, а что девушку[6] во всяком случае надобно отдавать замуж, а это вообще дело убыточное для родителей: надобно приданое, да и свадьба сама по себе много денег стоит, — а главное, приданое,[7] — стало быть, еще можно считать выгодою, что дочь вышла замуж без всяких расходов и убытков,[8] — и так далее, в этом роде.

Когда он кончил, то Марья Алексеевна видела,[9] что с таким разбойником нечего говорить, и потому перешла к чувствам, — что она ‹*л. 24*› была огорчена собственно тем, что Верочка вышла замуж, не испросивши согласия[10] родительского, что это для материнского сердца огорчительно, — ну, а когда дело пошло о материнских чувствах и огорчениях, то уже, натурально, разговор стал представлять для обеих сторон более только тот интерес, что, дескать, нельзя же не поговорить и об этом, так приличие требует. — Ну, удовлетворили приличию, поговорили, — Марья Алексеевна — что она, как любящая мать, была огорчена, — Лопухов — что она, как любящая мать, может и не огорчаться, — когда приличие было удовлетворено[11] надлежащею длиннотою рассуждений по этому пункту о чувствах, перешли к другому пункту, требуемому приличием, — что, дескать, мы всегда желали своей дочери счастья, — это с одной стороны, а с другой стороны отвечалось, что это, конечно, вещь несомненная,[12] — тоже разговор был доведен до приличной длинноты и по этому пункту, — тогда стали прощаться — тоже с объяснениями такой длинноты, какая требуется благородным приличием, — и результатом всего оказалось, что Лопухов, понимая расстройство материнского[13] сердца, не просит Марью Алексеевну теперь же дать дочери позволение видеться с нею, потому что теперь это, может

---

[1] *Далее начато:* Это он говорил [2] и начали [3] *Далее начато: а.* за Мих‹аила› *б.* не [4] *начато:* не сог‹ласилась бы› [5] *начато*: серди‹ться› [6] *Вместо:* а что девушку — *было: а.* [а что дочь] [некий?] другой *б.* что если Верочка *в.* и когда Верочка не пошл‹а› [7] *Далее начато:* платья [8] *Вместо:* без ∾ убытков, — *было: а.* не требуя никаких *б.* не разорив [9] увидела [10] без благословенья [11] достаточно удовлетворено [12] *Было: а. Начато:* без *б.* разумеется никто и [13] нежного материнского

быть, еще было бы тяжело для Марьи Алексеевны, а что вот Марья Алексеевна будет слышать, что Верочка живет счастливо, в чем, конечно, всегда и состояло[1] единственное желание Марьи Алексеевны, и что когда Марья Алексеевна совершенно убедится в этом, тогда, конечно, и материнское сердце ее совершенно успокоится, стало быть тогда она будет в состоянии видеться с дочерью, не огорчаясь.

Так на том и порешили и расстались миролюбиво.

— Ну, разбойник,— сказала Марья Алексеевна, проводив зятя.

Ночью даже приснился ей сон такого рода: что сидит она[2] под окном и видит — по улице едет карета, самая отличная, и останавливается эта карета,[3] и выходит из кареты пышная дама, и мужчина с дамою, и входят они к ней в комнату, и дама говорит: «посмотрите, мамаша, как меня муж одевает»,— и дама эта Верочка,— и смотрит Марья Алексеевна, материя на платье у Верочки самая дорогая,— и говорит Верочка: «одна материя 500 целковых стоит, а это для нас, мамаша, пустяки,— у меня таких целая дюжина, а вот, мамаша, это дороже стоит — вот, на пальцы посмотрите»,— смотрит Марья Алексеевна на пальцы Верочки, и на пальцах перстни крупных бриллиантов,— «этот перстень, мамаша, стоит 2000 рублей, а этот, мамаша, дороже, 4000 рублей, а вот на грудь посмотрите, мамаша, — эта брошка еще дороже: она стоит 10 000 рублей», — а мужчина говорит: «а это все для нас еще пустяки, милая маменька, Марья Алексеевна, а настоящая-то важность вот у меня в кармане,— вот, милая маменька, посмотрите, бумажник, какой толстый и набит все одними сторублевыми бумажками, и этот бумажник я вам, мамаша, дарю, потому что и это для нас пустяки, а вот этого бумажника, который еще толще, милая маменька, я вам не подарю, потому что в нем бумажек нет, а всё банковые билеты да векселя, и каждый билет или вексель дороже стоит, чем весь бумажник, который я вам подарил, милая маменька».[4]— «Умели вы, милый сын, Дмитрий Сергеевич, составить счастье моей дочери и всего нашего семейства; только откуда же, милый сын, вы такое богатство получили?» — «Я, милая маменька, по откупной части пошел».

И, проснувшись, Марья Алексеевна думает про себя: «истинно, ему бы по откупной части идти».

Глава третья

ЗАМУЖСТВО И ВТОРАЯ ЛЮБОВЬ

Прошло два месяца после того,[5] как Верочка вырвалась из подвала. Дела Лопуховых шли хорошо. Он успел два хорошие урока,[6] достал

---

[1] состояло, конечно [2] *Далее было:* с Лопуховым и говорит: [теперь вы] как же это вы, Дмитрий Сергеевич [3] *Далее было:* у окна, у ее подъезда [4] *Далее начато:* Счастлива ты, моя Верочка [5] после женить‹бы› [6] *Так в рукописи.*

работу у какого-то книгопродавца,— перевод учебника географии.[1] Вера Павловна также имела урок,— пока еще только один и не очень завидный. Но все-таки нужды не пришлось испытать,— напротив, Лопуховы уже рассчитывали, что скоро,— через полгóда или даже меньше,— могут обзавестись своим хозяйством. Доходы были очень скромные, но и расходы тоже.

Порядок их жизни устроился, конечно, не совсем в том виде, как полушутя, полусерьезно устроивала его Верочка в день своей фантастической помолвки, но все-таки очень похоже на то.[2] Старик и старуха, жильцами которых они были,[3] много толковали между собою о том, как странно живут молодые,— будто вовсе и не молодые,— даже и не муж и жена, а так, точно бог знает кто.[4]

— Как бы тебе это сказать, Сидоровна: на то похоже, ежели бы, примерно, она ему сестра была, али он ей брат.

— Нашел чему приравнять![5] Между братом да сестрою никакой церемонности нет, а у них как?[6] Он, как встал, пальто надевает, и сидит, ждет, покуда[7] самовар принесешь. Ну, сделает чай, кликнет ее,— она тоже уж одета выходит. Какие тут брат с сестрою,— а ты так скажи: вот, бывает тоже, что небогатые люди по два семейства живут в одной квартире, — вот этому можно приравнять.[8]

— И как это, Сидоровна, чтобы муж к жене войти не мог,[9] значит, не одета, нельзя. Это на что похоже?

— А ты то лучше скажи: как они вечером-то расходятся? Говорит: «прощай, миленький, спокойной ночи»,[10]—разойдутся оба по своим комнатам, сидят, книжки читают, ну, он тоже пишет.[11] Ты слушай, что раз было: ‹*л. 24 об.*› Легла она спать, лежит, читает книжку;[12] только слышу через перегородку-то, на меня сна-то тоже что-то не было, — слышу,[13] встает. Только что же ты думаешь? слышу, одевается; ну, думаю, что дальше? Слышу, перед зеркалом стала, — значит, волоса пригладить. Ну, вот как есть, точно в гости собирается. Ну, слушаю. Слышу, пошла. Ну, и я в коридор вышла, стала на стул — гляжу в его-то комнату через стекло-то. Слышу, подошла. «Можно войти, миленький?» — ведь у ней другого имени ему нет. А он: «сейчас, Верочка, минутку погоди»,— лежал тоже. Платьишко натянул, пальто застегнул,— ну, думаю,

---

[1] *Далее было: а.* Вера Павловна также [нашла себе урок] успела немножко осуще‹ствить› *б.* Вере Павловне также удалось сделать *в.* Вера Павловна также начала исполнение [2] *Вместо:* не совсем ∾ на то. — *было: а.* такою *б.* таким крайним *в.* с такою крайнею [формалистичностью] формалистикою взаимного [3] *Вместо:* жильцами ∾ были — *было начато:* у которых нани‹мали› [4] точно чужие [5] *Было:* — Что грешишь-то, чему приравниваешь! [6] *Далее было:* Ты в окно-то чать видишь тоже [7] *Далее начато: а.* она *б.* мы [8] *Далее было: а.* Значит: ты видал ли, [чтобы], что *б.* — Чудной нынешн‹ий› *в.* А дружно живут [9] *Далее было:* или теперь, вечером, как прощаются [10] *Далее начато:* и он говорит [11] *Далее было:* Она ложится. Ну, как [12] *Было:* Сидела она, читала книжку. *После:* книжку — *было:* видно, непонятно, показалось [13] через перегородку ∾ слышу, *вписано*

галстух надевать станет, нет, галстуха не повязал,— оправился, говорит: «теперь можно, Верочка». «Я, говорит, вот в этой книжке не понимаю, ты растолкуй». Он сказал. «Ну, говорит, извини, миленький, извини, что я тебя побеспокоила». А он говорит: «Ничего, Верочка, я, говорит, так лежал, ты не помешала». Ну, она и ушла.

— Так и ушла? [1]

— Так и ушла.[2]

— И он ничего?

— И он ничего. Да ты не тому дивись, что ушла, а ты тому дивись,— оделась, пошла,— он говорит: «погоди», оделся,— тогда говорит: «войди». Ты про это говори: какое это заведенье?

— А вот что, Сидоровна: это секта такая, значит.

Другой разговор:

— Петрович, а ведь я ее спросила про ихнее заведенье. Говорю: «вы, говорю, Вера Павловна, не рассердитесь, что я вас спрошу: вы какой веры?» — «Обыкновенно какой, русской», говорит. «А супружник ваш?» — «Тоже, говорит, русской».— «А секты никакой не изволите содержать?» — «Никакой, говорит: а почему так вздумалось?» — «Да вот почему, сударыня, — барыней, барышней ли, не знаю как назвать: вы с муженьком-то живете ли?» Засмеялась: «Живем», говорит. «Так отчего же у вас заведенье такое, что[3] вы его неодетая не принимаете, точно вы с ним не живете?» — «Да это, говорит, для того, что зачем же растрепанной показываться? А секты тут никакой нет».— «Так что же такое?» — говорю. «А для того, говорит, что так-то любви больше, и размолвок нет».

— А это точно, Сидоровна, что на правду похоже. Значит, всегда в своем виде.

— Да она мне еще какое слово сказала: «Ежели, говорит, я не хочу, чтобы другие меня в безобразии видели, так мужа-то, говорит, я больше люблю, значит,[4] ему-то и вовсе не приходится, не умывшись-то, на глаза лезть».

— А и это на правду похоже,[5] Сидоровна: отчего же на чужих-то жен зарятся? Оттого, что их в наряде видят, а свою в безобразии. Так и в писании говорится, в притчах Соломоних. Премудрейший царь был.

Говорится ли это в притчах Соломоних, или нет, не знаю.[6]

Хорошо[7] шла жизнь Лопуховых. Вера Павловна была всегда весела.[8] Но однажды,— это было месяцев через пять после свадьбы,[9]— Лопухов,

---

[1] И ушла? [2] И ушла. [3] *Далее было:* он к вам взойти не смеет, и одевается, когда — Да и я к нему не смею, говорит, так что же тут [4] *Далее начато:* *а.* когда *б.* для [5] *Вместо:* на правду похоже — *было:* правда [6] *Далее было:* Но вот третий разговор, но он происходил уже и гораздо позднее, [через] слишком через полгода после свадьбы Лопуховых. [7] Вообще хорошо [8] *Было начато:* Но особенно весела ст‹ала› [9] замужства

возвратившись с урока, нашел жену в каком-то особенном настроении духа: она была как-то особенно довольна чем‹-то› как будто необыкновенным,[1] в ее глазах была и гордость, и радость. Тут Лопухов припомнил,[2] что уже несколько дней можно было замечать в ней признаки приятной тревоги, улыбающегося раздумья, нежной гордости.

— Друг мой, у тебя есть какое-то веселье,— что же ты не поделишься со мною?

— Кажется, есть, мой милый. Но погоди еще немного,— я скажу тебе тогда, когда это будет верно. А то еще, пожалуй, понапрасну похвастаешься и тебя обманешь. Но кажется, что это верно.

— Но что же такое?

— А ты забыл наш уговор, мой миленький? Не расспрашивать? Скажу, когда будет верно. Но, чтобы было верно, надобно подождать еще несколько дней. А это будет мне большая радость! Да и ты будешь рад, я знаю.

Прошло еще с неделю.

— Мой миленький, стану тебе рассказывать свою радость, только ты мне ‹посоветуй› — ты ведь все это[3] знаешь. Видишь ли что, мой друг, мне давно хотелось что-нибудь делать, — для твоей невесты, помнишь? — для страшной, — только она для меня вовсе не страшная. Я и придумала, давно уж, что можно[4] завести мастерскую, швейную, а, ведь это хорошо?

— Ну, мой друг, у нас был уговор, чтобы я твоих рук не целовал, — да ведь то говорилось про другие дела, а на такой случай уговора не было. Давайте руку, Вера Павловна.

— После, мой миленький, когда удастся сделать.

— Когда удастся сделать, тогда и не мне дашь руку поцаловать,— тогда и Кирсанов, и Алексей Петрович, и все поцалуют,— а теперь пока я один,— и намерение стоит этого.

— Насилие? я закричу.

— А кричи.

— Миленький мой, я застыжусь и не скажу ничего,— будто уж это такая важность!

— А вот какая важность, мой друг: мы все говорим, а ничего не делаем. А ты[5] позже нас всех стала думать об этом, а раньше всех решилась приняться за дело.

— Миленький мой, ты захвалил меня, — она покраснела и припала лицом к его груди, — спряталась. Он поцаловал[6] ее голову. — Умная головка.[7]

— Миленький мой, перестань. Вот тебе и сказать нельзя. Видишь, ты какой.

---

[1] *Далее было*: смотря в ее [2] вспомнил, [3] *Вместо:* все это — *было: а.* все книги *б.* все эти теории [4] что надобно [5] *Далее начато:* как обдумал‹а› [6] *Было: а.* нагну‹лся› *б.* цалова‹л› [7] *Далее было:* нет не годится

— Перестану, говори, моя добрая.[1]

— Не смей так называть.

— Ну, злая.

— Эх, какой ты, все мешаешь. Ты слушай. Ведь тут, мне кажется, то, чтобы с самого начала, когда выбираешь немногих, нужна осмотрительность, — чтобы это были люди в самом деле [2] хорошие, честные, не легкомысленные, не шаткие, и настойчивые, ⟨*л. 25*⟩ и вместе мягкие, чтобы от них не выходило пустых ссор и чтобы они ⟨умели⟩ выбирать других. Так?

— Так, мой друг.

— Теперь я нашла трех таких девушек,— ах, сколько я перебирала,— ведь я, мой миленький, уж месяца три заходила в магазины, знакомилась. И нашла,— такие славные девушки. Я с ними хорошо познакомилась.

— И надобно, чтобы они были хорошие мастерицы своего дела,— ведь надобно, чтобы дело шло собственным достоинством,— ведь все должно быть основано на торговом расчете.

— Ах, еще бы нет, мой миленький,— это разумеется.

— Так что же еще? О чем со мною советоваться?

— Да подробности, мой миленький.

— Ну, рассказывай подробности,— да, верно, ты сама всё обдумала и сумеешь приспособиться с обстоятельствами. Ты знаешь,[3] тут главное — принцип, да характер, да уменье. Подробности определяются сами собою, по особенным условиям каждой обстановки.

— Так, знаю,— но все-таки, когда ты скажешь, что так, я буду более уверена.

Толковали долго. Лопухов не нашел ничего поправить в плане жены, но для нее самой план развился и прояснился оттого, что она рассказывала его.

На другой день Лопухов отнес в контору «Полицейских ведомостей» объявление, что «Вера Лопухова принимает заказы на шитье дамских платьев, белья» и т. д. «по сходным ценам» и т. д.[4]

В то же утро Вера Павловна отправилась к Жюли.

— «Нынешней моей фамилии она не знает, — скажите, что m-lle Розальская».

— Дитя мое, вы, без вуаля, открыто, ко мне, и говорите свою фамилию слуге? — но это безумство,— вы губите себя, мое дитя![5]

— Я замужем и могу теперь быть везде и делать, что хочу.[6]

— Но ваш муж, — он узнает.

— Он через час будет здесь.

---

1 моя радость 2 дейст⟨вительно⟩ 3 *Далее было:* но все-таки надобно 4 *Далее начато:* с полною ответственностью как *Против текста:* На другой день ∞ и т. д. — *дата:* 3 январ⟨я⟩ 5 *Далее начато:* Вера Павловна 6 *Далее начато:* *а.* не риску⟨я⟩ *б.* не нужд⟨аясь⟩

Верочка коротко рассказала свою.[1] Жюли была в восторге, обнимала Верочку, целовала, плакала. Когда пароксизм прошел, Вера Павловна начала разговор о цели своего визита.[2]

— Вы[3] знаете, старых друзей не вспоминают иначе, как тогда, когда имеют в них надобность. У меня к вам большая просьба. Я завожу швейную мастерскую — давайте мне заказы и рекомендуйте меня вашим.[4] Я сама хорошо шью, и помощницы у меня хорошие,— да вы знаете одну из них,— действительно, Жюли знала одну из них за отличную швею,— а вот вам образцы моей работы. И это платье я делала сама себе: вы видите, как оно хорошо сидит.

Жюли очень внимательно рассмотрела,[5] как сидит платье, рассмотрела шитье платка, рукавчиков и осталась довольна.

— Мое дитя, вы могли бы иметь хороший успех, у вас есть мастерство и вкус. Но для этого надобно иметь пышный магазин на Невском.

— Да, я заведу со временем, это[6] будет моя цель. Теперь я принимаю[7] заказы на дому.[8]

Кончили дело, начали болтать опять о замужстве Верочки.

— А этот Сторешни́к — он две недели кутил, — ужасно,[9] но потом помирился с Аделью,— я очень рада и за Адель,— он добрый малый, только жаль, что Адель не имеет характера.

И, оборвавшись на этой теме, Жюли[10] пустилась болтать о похождениях Адели и других,— теперь m-lle Розальская была[11] дама, следовательно, Жюли не считала нужным сдерживаться,— сначала она говорила рассудительно, потом увлекалась, увлекалась и стала говорить[12] о кутежах с восторгом, с легкомыслием,[13] и пошла, и пошла. Вера Павловна сконфузилась, Жюли ничего не замечала, — Вера Павловна оправилась и слушала уже с тем тяжелым интересом,[14] с каким рассматриваешь[15] черты милого лица, искаженные болезнью.[16] Но вошел[17] Лопухов, и Жюли мгновенно обратилась в солидную светскую даму, исполненную строжайшего такта. Но и эту роль она выдержала недолго,— начав поздравлять Лопухова с женою, такою красавицею, она опять разгорячилась:—«нет, мы должны праздновать вашу свадьбу»,— велела подать завтрак на скорую руку, подать шампанское.[18] Верочка была должна выпить полстакана за свою свадьбу, полстакана за свою мастерскую, полстакана за саму Жюли, и у нее закружилась голова. Поднялся крик, шум, гам, Жюли

---

[1] *Так в рукописи.* [2] *Текст:* Верочка коротко ∾ визита — *вписан.* [3] Но вы [4] *В рукописи ошибочно:* ваших [5] *Было:* Жюли рассмотрела платье и [6] теперь это [7] *Было:* Но теперь я буд‹у› [8] *Далее начато:* Мои заказы вы будете иметь. На [9] *Далее было:* так что со всеми едва не [10] *Было:* И пустившись на эту тему, Жюли [11] стала [12] *Вместо:* стала говорить — *было:* дошла до рассказ‹ов› [13] *Далее было:* потом, еще хуже [14] *Вместо:* с тем тяжелым интересом, — *было:* с интересом человека из [15] *Далее начато: а.* гнилую язву *б.* гной‹ную› *в.* гнилую [16] *Далее было:* — возможно ли [17] явился [18] *Вместо:* велела подать ∾ шампанское. — *было начато:* явилось шампанское, поднялся

ущипнула Верочку, вскочила, побежала, Верочка за ней, — поднялась[1] беготня по комнатам, прыганье по стульям, — Лопухов сидел и смеялся, — кончилось тем, что Жюли вздумала хвалиться силою:[2] «я вас одною рукою подниму на воздух», «не поднимете», — принялись бороться, упали обе на диван[3] и уже не захотели встать, а только продолжали кричать, хохотать — и обе уснули.

С давнего времени это был первый случай, когда Лопухов не знал, что ему делать. Будить? Жалко, испортишь все веселое свиданье неловким[4] концом, — подумал, подумал, стал искать книги, — попалась книга «Chronique de l'Oeil de Boeuf» — вещь, перед которою Фоблас кажется вял,[5] — уселся на другой диван, стал читать и через четверть часа сам заснул — не от шампанского, на него и ром мало действовал, — а от скуки.

Лизетта разбудила Жюли часа через два — было время обедать,— пообедали,— Верочка и Жюли опять покричали, опять посолидничали, при прощанье стали вовсе солидны; Жюли *‹л. 25 об.›* вздумала спросить — прежде не случилось вздумать,— зачем Верочка заводит мастерскую:[6] ведь если она думает о деньгах, то гораздо легче ей сделаться певицею, — у ней такой сильный и уже обработанный голос; опять уселись,[7] Верочка стала рассказывать свои мысли,— и Жюли опять пришла в энтузиазм, и посыпались благословения, перемешанные с тем, что она, Жюли ле Телье, погибшая женщина,— и слезы,[8]— но что она знает, что такое «добродетель»,— и опять слезы, и опять благословения.

Дня через[9] четыре Жюли приехала к Вере Павловне и дала довольно много заказов от себя, дала[10] несколько адресов своих приятельниц, которые также сделают заказы. Она привезла с собою Сержа, сказав, что без этого нельзя: «Лопухов был у меня, ты должен теперь сделать ему визит». Жюли держалась очень солидно и выдержала солидность без малейшего[11] отступления, хотя просидела[12] у Лопуховых долго. В патетизм не приходила, а впадала[13] больше в буколическое настроение, с восторгом вникая во все подробности бедноватой[14] обстановки быта Лопуховых и находя, что именно так следует жить, что иначе нельзя жить, что только в скромной обстановке возможно истинное счастье и т. д., и даже объявила[15] Сержу, что они отправятся с ним жить[16] в Швейцарию, поселятся в маленьком сельском домике, будут любить друг друга, пить сливки, удить рыбу, ухаживать за своим огородом,— Серж сказал, что он совершенно согласен, но посмотрит, что она будет говорить часа через три-четыре.

---

[1] *Текст:* Жюли ущипнула ∾ поднялась — *вписан.* [2] *Далее было:* Верочка, бороться [3] *Далее было:* и обе заснули [4] скучным [5] вял и скучен [6] *Далее начато: а.* неужели она так *б.* неужели они [7] вернулись [8] *Было:* а что она не проклинает тех *б.* что надобно [9] Через [10] *Было начато:* сооб‹щила› [11] всякого [12] сидела [13] а находилась [14] скромной [15] сказала [16] отправится жить

Гром изящной[1] кареты и топот пары удивительных лошадей Жюли произвели сильное впечатление[2] в населении 5-й линии между Средним и Малым проспектами. Много глаз смотрели, как у запертых ворот одноэтажного деревянного домика в пять окон вышла из кареты удивительно великолепная дама, с видным офицером, важное достоинство которого не подлежало сомнению. Всеобщее огорчение было произведено тем, что через минуту ворота отворились, карета въехала на двор,[3] и любознательность лишилась надежды видеть еще раз величественного офицера и еще величественнейшую даму вторично при их отъезде. Когда Петрович возвратился домой с своей торговли, у Сидоровны[4] с ним произошел разговор:[5]

— Петрович, а видно, что наши жильцы-то из важных людей. Приезжали к ним генерал с генеральшею. Генеральша так одета, что и рассказать нельзя, а на генерале две звезды.

Каким[6] образом видела звезды на Серже, который если бы и имел их, то вероятно не носил бы при простых визитах к знакомым, а пока еще и не имел,— это довольно удивительно. Но действительно не подлежит ни малейшему сомнению то, что Сидоровна видела на нем две звезды,— действительно видела; это мы знаем, что их на нем не было, но у него был такой вид, что с точки зрения Сидоровны нельзя было не увидать на нем двух звезд.

— И на лакее ливрея какая, Петрович,— сукно аглицкое, рублей по 5 аршин, — видно, что денег-то куры не клюют. И сидели они у наших, Петрович, часа два, и наши с ними говорят просто, вот как я с тобою, и не кланяются,[7] и смеются, и наш-то сидит с генералом,— и оба развалились в креслах-то, и курят,— так и курит[8] при генерале, и развалился,— да чего, — папироска погасла, так он взял у генерала, да и закурил свою-то. А уж с каким почтением генерал ручку целовал у нашей, так и рассказать нельзя. Как же теперь это дело рассудить, Петрович?

— Всё от бога, значит, и знакомство али родство такое от бога.

— Так, Петрович, от бога, слова нет, — ну, а я так думаю, что либо наш, либо наша приходится либо братом, либо сестрой либо генералу, либо генеральше.

— Как же это будет по-твоему, Сидоровна? Не похоже что-то. Как бы так, у них бы деньги были.

— А так, Петрович, что значит не в браке мать родила, либо отец не в браке родил.

— Это может статься, Сидоровна; бывает.

Сидоровна на три <дня> приобрела большую важность в[9] мелочной лавочке.[10] Все обращались к ней с душами, жаждущими знания.

---

[1] великолепной [2] *Далее было*: в 5-ой линии [3] *Далее было:* и таким обр<азом> [4] *Здесь и далее в рукописи:* Степановны [5] такой разговор [6] Отку<да> [7] *Далее было:* и наш генеральше прислуживает, ну, там, знаешь [8] *Было:* и генеральша так и курит [9] в двух [10] *Далее было:* и постепенно

Следствием всего этого было, что через неделю[1] явился к дочери и зятю Павел Константинович.

Марья Алексеевна собирала сведения о жизни Веры Павловны, не то чтобы постоянно и заботливо, а так, вообще, тоже больше из чисто отвлеченного научного инстинкта любознательности, поручила одной из мелких своих кумушек,[2] жившей на Васильевском, справляться о ее дочери, когда случится идти мимо, и кумушка доставляла ей сведения иногда раз в месяц, иногда и чаще, как случится. Лопуховы живут между собою в ладу. Дебоша никакого нет. Одно только: молодых людей много бывает,— да всё мужнины приятели, и скромные.[3] Живут небогато, но видно, что деньги есть. Не то что продавать, а покупают. Шелковое платье себе сшила. По случаю два дивана, стол к дивану, полдюжины кресел купили, заплатили 40 рублей, — а мебель хорошая, рублей 100 надо дать. Сказывали хозяевам, чтобы новых жильцов искали, — «мы, говорит, через месяц на свою квартиру съедем».

Марья Алексеевна утешалась этими слухами. Женщина очень грубая и в своем роде очень дурная, она много мучила дочь, готова была и убить и погубить ее для своей выгоды, это так, и проклинала ее, потерпев через нее ужасное расстройство отличного плана обогатиться. Но следует ли из этого, что она не имела к дочери никакой любви? Нисколько не следует. Когда дело было кончено, когда дочь решительно отбилась от рук,— что ж делать? Что с возу упало, то пропало. А все-таки дочь,— и теперь, когда уже не могло представиться никакого случая, чтобы для выгоды Марьи Алексеевны мог случиться какой-нибудь вред дочери, мать желала ей добра. И опять — не то чтобы желала уж, а бог знает, все равно, как вы могли бы, пожалуй, подумать, что она бог знает как заботилась шпионить за ней, ‹*л. 26*›,— как меры для слеженья за дочерью были приняты так, между прочим,[4] потому что, согласитесь, нельзя же не следить, — так и желанье добра было между прочим, потому что, согласитесь, все-таки дочь. Почему ж и ‹не› помириться? тем больше, что разбойник зять, как по всему видно, человек основательный, делец, выйдет в люди, пробьет себе дорогу, стало быть, со временем и пригодится. Таким образом, Марья Алексеевна и шла[5] понемногу к мысли возобновить сношения[6] с дочерью. Понадобилось бы еще с полгода, пожалуй с год, на то, чтобы доплестись до этого,— нужды не было торопиться, время терпит,— но слух о генерале с генеральшей разом двинул[7] дело вперед через всю остававшую‹ся› половину дороги. Разбойник действительно оказывался шельмецом:[8] отставной студентишко без чина с двумя грошами денег вошел в дружбу[9] с богатым генералом и подружил свою жену с его женою — такой человек

---

[1] *Далее было:* нежданно-негаданно [2] *Далее начато:* справ‹ляться› [3] и ведут себя скромно. [4] *Далее было:* кое-как [5] и приходила [6] *Вместо:* возобновить сношения — *было:* помир‹иться› [7] разом наполнил чашу расположения [8] *Далее было:* как [9] *Было начато:* познако‹мился›

далеко пойдет! Или это Вера[1] с генеральшей подружилась и мужа подружила с генералом? Все равно, значит Вера далеко пойдет.

Потому, немедленно по получении сведения о визите, отправлен был отец объявить дочери,[2] что мать простила ее и зятя и зовет к себе. Вера Павловна отправились с Павлом Константиновичем и просидели вечер с ним и Марьею Алексеевною. Свидание было, конечно, холодно и натянуто. Кое-как досидев до чаю, Лопуховы спешили отправиться домой.[3]

Полгода Верочка жила спокойно, чисто,[4] и странное впечатление произвел на нее ее подвал. Грязь, цинизм, пошлость всякого рода,[5] — как это поразительно резко бросается теперь в глаза ей, уже отвыкшие от таких картин.

«Как это[6] у меня доставало силы жить в этих тяжелых[7] и гадких стеснениях? Как я могла дышать в этой атмосфере? И не только жила, даже осталась здорова. Удивительно, непостижимо. Как могла тут[8] вырасти с любовью к добру? Удивительно!»[9] — думала Вера Павловна.

Когда они возвратились домой, к ним через несколько времени заехали Алексей Петрович с Марьей Андреевною,[10] зашел и Кирсанов. Как[11] вдвойне отрадна показалась Вере Павловне ее новая жизнь, с этими чистыми мыслями,[12] в обществе чистых людей! По обыкновению, шел и веселый разговор[13] со множеством воспоминаний, шел и серьезный разговор обо всем на свете, от тогдашних дел,— междоусобная война в Канзасе, предвестница великой нынешней[14] войны юга с севером, занимала собою этот маленький кружок:[15] теперь о политике толкуют все, тогда интересовались ею очень немногие, и в числе их были[16] Лопухов, Кирсанов, их знакомые, — до тогдашнего спора о химических основаниях земледелия по теории Либиха,[17] и о законах исторического прогресса, без которых не обходился ни один разговор в подобных кружках, и о важности различения реальных желаний,[18] которые ищут и находят удовлетворение, от фантастических, которым невозможно, да и не было бы приятно найти себе удовлетворение,— важности, которая тогда была выставлена антропологическою философиею,[19] и обо всем тому подобном или и не подобном,

[1] Верка [2] звать до‹чь› [3] *Вместо:* Вера Павловна ∾ домой. — *было начато:* Свиданье с матерью [4] чисто, благор‹одно›, полгода *Далее было: а.* не видела в ее об‹ществе› *б.* не видела она в своем обществе других людей, кроме людей [благород‹ных›] чистых [она каждый день]. Эти знакомые [5] *Далее начато:* все это подейств‹овало› [6] Боже мой, как это [7] в этой мучительной, тяжелой [8] не стать тут [9] *Было начато:* Непостижи‹мо› [10] *В рукописи:* Ивановною [11] Как отдохнула [12] *Было:* эти чистые мы‹сли› *После:* мыслями — *было:* с этим дельным же разговором, на [13] *Далее было:* с анекдотами [14] нынешней *вписано.* [15] *Было:* занимала собою маленький кружок, к которому они [16] *Далее было:* люди [в кругу которых] [составлявшие], к числу которых при‹надлежали› [17] *Вместо:* спора ∾ Либиха: *было:* спора о земледельческой теории [18] *Было начато:* стрем‹лений› [19] *Вместо:* и о важности ∾ философиею, — *было: а.* и о всем тому подобном или неподобном, но родственном *б.* и о различии [фантастических] между фантастическими и реальными желаниями, [и о поло‹жении›] которое в первый раз так хорошо разъяснено было тогда антропологическою философиею

но родственном. Дамы по временам и вслушивались в эти учености, рассказывавшиеся очень просто, будто и не учености,[1] и вмешивались в них своими вопросами,[2] а больше не слушали, шутили,[3] — даже обрызгали водою Алексея Петровича и Лопухова, когда они уже очень восхитились важностью минерального удобрения,— но Алексей Петрович и Лопухов толковали о своих ученостях непоколебимо; Кирсанов плохо помогал им,— был больше на стороне дам, и они втроем играли, пели, хохотали до глубокой ночи, когда, уставши, развели, наконец, и непоколебимых ревнителей серьезных разговоров. И вот[4] Вера Павловна засыпает, и снится ей сон.

Поле, и <по> полю ходят муж,— то есть миленький,— и Алексей Петрович; и миленький говорит:

«Вы интересуетесь знать, Алексей Петрович, почему из одной[5] грязи родится пшеница,[6] — такая белая, чистая и нежная,— а на другой грязи не может родиться. Эту разницу вы сейчас сами увидите. Посмотрите[7] корень этого[8] прекрасного колоса, — видите, это грязь свежая, — она, можно сказать, чистая грязь, — вы знаете, на языке нынешней философии это называется реальная грязь. Она грязна, это правда, — но всмотритесь в нее хорошенько, — вы видите,[9] что все элементы, из которых она состоит, сами по себе здоровы.[10] Они составляют грязь в этом соединении, но пусть немного переменится[11] расположение атомов — и выйдет что-нибудь другое, — и все другое, что выйдет, будет также здоровое, потому что основные элементы здоровы. Отчего это? Обратите внимание на положение этой поляны, — вы видите, что вода здесь имеет сток, и потому гнилости не может быть». <*л. 26 об.*>

«Да, движение есть реальность,— говорит Алексей Петрович,— потому что движение — это жизнь, а жизнь и реальность одно и то же.[12] Но движение есть труд, потому труд есть реальность».

«Так видите, Алексей Петрович, что если из этой грязи[13] вырастет колос, он будет здоровый?»

«Да, потому что это грязь реальной жизни», говорит Алексей Петрович.

«Теперь перейдем на эту поляну. Берем и здесь растение, рассматриваем также его корень. Он также загрязнен,— обратите внимание на характер этой грязи. Нетрудно видеть, что это грязь гнилая».

«То есть фантастическая грязь, по научной терминологии», говорит Алексей Петрович.

---

[1] по временам ∾ не учености, *вписано.* [2] *Вместо:* в них своими вопросами, — *было:* своими вопросами в этот разговор [3] и толковали [4] *Далее было:* усталая от [5] на одном [6] *Было начато:* хороший ко<лос> [7] Взгляните [8] *Далее было:* растения, этого [9] тут видите, [10] *Далее было:* Вот земля, видите [она], это хорошая земля, вся земля [11] переместятся [12] *Далее начато:* Да, это серд<це?> [13] *Вместо:* из этой грязи — *было: а.* в эту грязь *б.* в этой [почве] грязи

«Итак, элементы этой грязи находятся в нездоровом состоянии;[1] натурально, что как бы они ни перемещались, и какие бы другие вещи, не похожие на грязь, ни выходили из этих элементов, все эти вещи будут нездоровые, дрянные».

«Да, потому что самые элементы нездоровы», говорит Алексей Петрович.

«Нам нетрудно будет открыть причину этого нездоровья».[2]

«То есть этой фантастической гнилости», говорит Алексей Петрович.

«Да, гнилости этих элементов, если мы обратим внимание на положение этой поляны. Вы видите, вода не имеет стока из нее, застаивается и потому гниет.

— Да, отсутствие движения есть недостаток труда, потому что труд и движение представляются в антропологическом анализе понятиями тождественными. А без движения нет жизни, следственно нет и реальности; итак, это есть грязь фантастическая, то есть грязь гнилая. Вы видите теперь, почему никакого хорошего растения не может возникнуть из этой грязи»?[3]

«Да, потому что это грязь фантастическая, или гнилая, между тем как очень натурально, что на грязи реальной являются[4] хорошие растения, так как она есть грязь здоровая.[5] Что и требовалось доказать, — как говорится по-латине».

Как говорится по-латине «что и следовало доказать», — Вера Павловна не может расслушать.

«А у вас, Алексей Петрович, осталась привычка к кухонной латине и к силлогистике», говорит миленький, то есть муж.

Вера Павловна подходит к ним и говорит: «Да полноте вам толковать о своих анализах, тожествах и антропологизмах,— пожалуйста, что-нибудь другое,[6] чтоб и я могла участвовать в разговоре».

«Давайте исповедываться»,[7] говорит Алексей Петрович.

«Давайте, давайте, это будет очень весело, — говорит Вера Павловна. — Но вы подали мысль, вы и подайте[8] пример исполнения».

«С удовольствием, сестра моя,— говорит Алексей Петрович.— Но вам сколько лет, милая сестра? Осьмнадцать?»

«Скоро будет девятнадцать».

«Но еще нет; потому положим осьмнадцать, и будем все исповедываться за жизнь только до восьмнадцати лет, потому что нужно равенство условий. Я буду исповедываться за себя и за жену. Мой отец был дьячок в губернском городе и занимался переплетным мастерством;[9] моя мать пускала на квартиру семинаристов. С утра до ночи и мать, и отец всё толковали о куске хлеба. Отец выпивал, — но только оттого,

---

[1] *Далее начато:* как вы [2] *Было:* этой гнилости». [3] на этой почве?» [4] растут [5] *Начато:* реальная [6] *Вместо:* пожалуйста ∾ другое, — *было: а.* поговорим о чем-нибудь *б. Начато:* займ‹емся› [7] Давайте сядем [8] начина‹йте› [9] *Далее было:* чтобы можно было жить

когда приходилась нужда невтерпеж,[1] — это реальное горе, — или когда доход был порядочный, — он отдавал матери все деньги и говорит: „ну, матушка, теперь, слава богу, на два месяца нужды не увидишь, — а я себе полтинничек оставил, на радости выпью“ — это реальная радость. Моя мать часто сердилась, иногда бивала меня, но тогда,[2] когда у ней, как она говорила, поясница отнималась от тасканья корчаг и чугунов, и мытья белья[3] на нас пятерых и на пять человек семинаристов, и мытья полов, загрязняемых нашими двадцатью ногами, не носившими калош,[4] и ухода за коровой, — это реальное раздражение нерв чрезмерною работою без отдыха, — и когда при всем при этом „концы с концами не сходились“, как она говорила,[5] то есть нехватало денег на сапоги кому из нас, братьев, или на башмаки сестрам, — это реальное горе. Она ласкала нас, но только тогда, когда[6] мы, хоть и глупенькие дети, сами вызывались пособить ей в работе, или когда[7] мы делали что-нибудь другое умное, или когда выдавалась[8] ей редкая минута отдохнуть и ее поясницу „отпускало“, как она говорила, — это всё реальные радости».

«Ах, довольно ваших реальных радостей и горестей!»[9]

«В таком случае, позвольте начать исповедь за жену».

«Не хочу слушать,[10] в ней точно такие же реальные горести и радости».[11]

«Совершенная правда».

«Но, быть может, вам интересно будет выслушать мою́ исповедь», говорит Серж, неизвестно откуда взявшийся.

«Посмотрим».

«Мои отец и мать, хотя были люди богатые, точно так же вечно толковали о деньгах, — и богатые люди не свободны от таких же забот».

«Вы не умеете исповедываться, Серж, — любезно говорит Алексей Петрович: — вы скажите, почему же они толковали о деньгах? Какие расходы их беспокоили? Каким потребностям[12] затруднялись они удовлетворять?»

«Да, конечно, я понимаю, к чему вы спрашиваете. Но оставим этот предмет. Обратимся к другой стороне их мыслей. Они также заботились о детях».[13]

«А кусок хлеба был обеспечен их детям?»

«Конечно, но надобно было позаботиться».

«Не исповедуйтесь, Серж, — говорит Алексей Петрович, — мы знаем вашу историю: заботы об излишнем, мысли о ненужном, — вот почва, на которой вы выросли, это почва фантастическая. Потому, посмотрите вы на себя: вы от природы человек и неглупый, и очень хороший, — а к чему вы пригодны, на что, кому вы полезны?»

---

[1] *Далее начато:* или когда [2] ведь тогда [3] полов [4] *Текст:* и мытье белья ∾ калош, *вписан.* [5] *Далее было:* это [6] *Далее было:* могла купить нам [7] когда было [8] она выдавалась [9] *Далее было:* Ну, исповедуйтесь [10] *Далее было:* будут [11] *Далее было:* ведь она мне рассказывала [12] Какие потребности [13] любили детей».

«Пригоден к тому, чтобы провожать Жюли повсюду, куда она берет меня с собою; полезен на то, чтобы Жюли могла кутить», отвечает Серж.[1]

«Из этого мы видим, — говорит Алексей Петрович, — что фантастическая или нездоровая почва...»

«Ах, как вы надоели с вашею реальностью и фантастичностью — давно все понятно, а они продолжают толковать», говорит Вера Павловна.

«Так не хочешь ли потолковать со мною? — говорит Марья Алексеевна, тоже неизвестно откуда взявшаяся: — вы, господа, удалитесь, потому что мать хочет поговорить с дочерью».

Все исчезают. Вера видит себя[2] наедине с Марьею Алексеевною. Лицо Марьи Алексеевны принимает насмешливое выражение.

«Вера Павловна, вы образованная дама, вы такая чистая и благородная, — говорит мать,[3] и голос ее дрожит от злобы: — вы такая добрая, — как мне, грубой и злой пьянице, разговаривать с вами?[4] У вас злая и дурная мать, — а позвольте вас спросить, об чем эта мать заботилась? О куске хлеба, — это по-вашему, по-ученому, реальная, истинная человеческая забота — не правда ли? Вы слышали ругательства, вы видели дурные дела и низости, — но какую цель они имели? пустую, вздорную? Нет, сударыня, какова бы ни была жизнь вашего семейства, но это была не пустая фантастическая жизнь. Видите, Вера Павловна, я выучилась говорить по-вашему, ученому. Но вам, Вера Павловна, прискорбно и стыдно, что ваша мать злая женщина? Вам угодно было бы, чтоб я была доброю и честною женщиною?[5] Я колдунья, Вера Павловна, я могу исполнить ваше желанье. Извольте смотреть,[6] Вера Павловна,[7] ваше желанье исполняется, — я, злая, исчезаю, — смотрите на добрую вашу мать и ее дочь».

Кровать. На кровати женщина[8] — да это Марья Алексеевна, только добрая,[9] — зато какая она бледная, дряхлая в свои 45 лет, какая изнуренная, — у кровати девушка лет восемнадцати, — да это я сама, это я, Верочка, — только какая же оборванная, — да что это? У меня и цвет лица какой-то желтый. Да и комната какая бедная![10] Мёбели почти нет. «Верочка, друг мой, ангел мой, — говорит Марья ‹*л. 27*› Алексеевна, —приляг, отдохни, мое сокровище,[11] — ну что на меня смотреть, я и так полежу, — ведь ты третью ночь не спишь».

«Ничего, маменька, я не устала».

---

[1] *Далее начато:* Ах, какой [2] Верочка остается [3] она [4] *Далее было:* А не помните ли [5] *Было начато:* было бы иметь [добр‹ую›] мать [6] *Далее было:* у вас мать добрая женщина, смотрите, смотрите [7] *Далее было:* что такое вам представляется, вот [8] *Далее было:* [лет] одних лет с Марьею Алексеевною и лицо [9] *Далее было:* у кровати [10] Ах, какая комната [11] *Начато:* мой др‹уг›

«А мне все нет лучше, Верочка. Как-то без меня останешься? У отца жалованьишко маленькое, ты девушка красивая, злых людей на свете много, предостеречь тебя будет некому, — боюсь я за тебя».

Верочка плачет.

«Милая моя, ты не огорчись, я тебе не в укор это скажу, а в предостереженье: ты зачем в воскресенье вечером из дому уходила, за день перед тем, как я занемогла?»

Верочка плачет.

«Он тебя обманет, Верочка, брось ты его».

«Нет, маменька».

Два месяца, — как это, в одну минуту два месяца прошли?

Сидит офицер, на столе перед офицером бутылка, на коленях у офицера она, Верочка.

Еще два месяца прошли. Сидит барыня. Перед барынею стоит Верочка.

«А [1] гладить умеешь, милая?»

«Умею».

«А из каких ты, крепостная или вольная?»

«У меня отец был чиновник».

«Так из благородных, милая? Так я тебя нанять не могу. Какая ты будешь слуга? Ступай, моя милая, не могу».

Верочка на улице.[2]

«Мамзель, а мамзель, — говорит какой-то пьяноватый юноша: — вы куда идете? Я вас провожу».[3]

Верочка бежит к Неве.

«Что, моя милая, насмотрелась, какая ты у доброй-то матери была? — говорит прежняя, настоящая Марья Алексеевна: — хорошо я колдовать умею? Али не угадала? [4] Что молчишь? Язык-то есть? Да я из тебя слова выжму, — вишь ты, не идут с языка-то. По магазинам ходила?»

«Ходила», говорит Верочка, а сама дрожит.

«Видала? Слыхала?»

«Да».

«Хорошо им жить? Ученые они? Книжки читают, об новых ваших порядках думают, как бы людям добро делать? Думают, что ли, говори!»

Верочка молчит.

«Эк из тебя слова нейдут. Хорошо им жить, спрашиваю?»

«Нет», отвечает Верочка.

«Такой хотела бы быть, как они? Молчишь, рыло-то гнешь, видно, невкусно. Слушай же, Вера, что я скажу:

---

[1] А хорошо [2] Верочка на улице. *вписано.* [3] *Далее начато:* А то по моей [4] *Далее было:* — Угадали, маменька. — Да нет, Вера, ты не так отвечай.

Ты ученая — на мои воровские деньги учена́. Ты об добром думаешь,[1] а как бы я не злая была, так бы ты и знала, что такое добром называется. Понимаешь? Всем своим хорошим моему дурному обязана. Всё от меня. Меня не будь, и тебя бы не было. Я бы не такая была, и ты бы такая не была».[2] ‹*л. 27 об. Середина*›

Как пристыжена, как опечалена Верочка.[3]

«Маменька, это правда, но я все-таки не могу любить вас».

«А я разве прошу тебя об этом,[4] Вера?»[5]

«Мне хотелось бы по крайной мере уважать вас, но я и этого не могу».

«А я разве нуждаюсь в твоем уважении, Вера?»

«Что же вам нужно, маменька? Зачем вы пришли ко мне так страшно говорить со мною, чего вы требуете?»

«Будь признательна. Не люби, не уважай — я зла и к тебе — что меня любить? — Я все делаю дурно[6] — что меня уважать? Но ты пойми, что без меня, дурной, ты не была бы хорошей».

«Уйдите, М‹арья› А‹лексеевна›, теперь я поговорю с сестрицею».

М‹арья› А‹лексеевна› исчезает, — невеста своих женихов, сестра своих сестер[7] берет за руку Верочку.

«Верочка, я хотела быть[8] с тобою всегда — ведь ты всегда добрая,[9] а я такая, какой сам человек, с которым я говорю. Но ты теперь грустная — видишь, и я грустная — посмотри, хороша я грустная?»

«Все-таки лучше всех на свете».

«Поцалуй меня, Верочка, — мы вместе огорчены. Ведь твоя мать говорила правду. Я ее не люблю, но она мне нужна».[10]

«Разве без нее нельзя вам?»

«После будет можно, когда не нужно будет людям быть злыми. А теперь нельзя. Видишь, добрые не могут сами стать на ноги, — злые сильны, злые хитры.[11] Но видишь, Верочка, злые[12] бывают разные. Одним нужно, чтобы на свете становилось хуже, а другим нужно, чтобы становилось лучше,[13] — так нужно для их пользы. Видишь, твоей матери было нужно, чтобы ты была образованная, — ведь она брала у тебя деньги, которые ты получала за уроки; ведь она хотела, чтобы ее дочь поймала богатого зятя ей, а для этого нужно было ей, чтобы ты училась. Видишь, у ней были дурные мысли, но выходила

---

[1] *Далее было:* на мои разбойничьи деньги [2] *Далее было:* Или с тобою по-ученому по-вашему говорить? Я колдунья, я умею. Слушай: ты моя дочь, люби же меня. [Ну, что же теперь ты] [Ну что же, что] *Вместо:* Что молчишь ∾ не была». — *было:* — Угадали, маменька. — Да нет, Вера, ты не так отвечай: [3] *Далее было: а.* она не смеет взглянуть н‹а› *б.* Я [не умею] ничего не знаю [4] И не люби [5] *Далее было:* Я не могу даже уважать вас, — мне. . . — Я и об этом не просила тебя, Вера [6] Я дурна [7] *Вместо:* своих женихов ∾ сестер — *было:* сестра [8] я обращалась [9] *Далее было: а.* и я с тобою *б.* я так‹ая› [10] *Далее было:* — И вы за нее? — Когда на нее нападают, — тогда я за нее. Она говорила тебе правду. [11] ведь сильны, злые ведь хитры. О, только бы [12] *Далее было:* не дружны, — ведь они [каждый] любят каждый только себя — они дерутся [13] *Далее было:* они

из них польза человеку,[1] — ведь тебе вышла польза? А у других злых не так. Если бы твоя мать была Анна Петровна, разве ты училась бы так, чтобы стала образованная, узнала добро, полюбила его? Нет, тебя[2] бы не допустили узнать что-нибудь хорошее, тебя бы сделали куклой, так? Такой матери нужна дочь кукла,[3] потому что она сама кукла и все играет с куклами в куклы. А твоя мать человек, — дурной, а все-таки человек. Видишь, Верочка, как злые бывают разные? Одни[4] мешают мне, — ведь я хочу, чтобы люди стали людьми, а они хотят, чтобы люди были куклами. А другие злые помогают мне.[5] Они[6] не хотят помогать мне, — но[7] они дают простор людям становиться людьми, они собирают средства людям становиться людьми,[8] а мне только этого и нужно. Да, Верочка, теперь мне нельзя без таких злых, которые были бы против других злых. Мои злые злы, но под их злою рукою растет добро.[9] Да, Верочка, будь признательна к своей матери. Не люби ее — она злая; но[10] не осуждай ее — без нее не было бы тебя».

«И всегда так будет?»

«Нет, Верочка, когда добрые будут сильны, тогда[11] мне не нужны будут злые. Это скоро будет, Верочка. Тогда злые увидят, что нельзя им быть злыми, и те злые, которые[12] были людьми, станут добрыми, — ведь они были злыми только потому, что им вредно было быть добрыми, а ведь они знают, что добро лучше зла, — они полюбят его, когда можно будет любить его без вреда».

«А те злые, которые были куклами, что с ними будет? Мне и их жаль».

«Они будут играть в другие куклы — только в безвредные куклы. Но[13] ведь у них не будет таких детей, как они, — ведь у меня все люди будут людьми, и их детей я выучу быть не куклами, а людьми».

«Ах, как это хорошо будет!»

«Да; да и теперь хорошо, потому что теперь приготовляется это хорошее, — когда ты, Верочка, помогаешь кухарке готовить обед, — ведь в кухне душно,[14] чадно — а ведь тебе хорошо, нужды нет, что чадно и душно?[15] Всем хорошо[16] сидеть за обедом, но лучше всех тому, кто помогал готовить его, — тому он вдвое вкуснее. Правда, Верочка?»

«Правда».

«Так о чем же грустить? Да ты уж и не грустишь».

«Какая вы добрая!»[17]

---

[1] *Вместо:* но ∾ человеку — *было начато:* но полезные мы‹сли› [2] она тебя [3] *Вместо:* дочь кукла, — *было:* кукла [4] *Далее начато:* своею зло‹бою› [5] А другим злым нужно [6] *Далее было:* против тех злых [7] *Далее было:* им нужно обманывать [8] они собирают ∾ людьми, *вписано.* [9] *Вместо:* но под ∾ добро — *было:* но они создают мне добрых [10] но знай, что [11] *Далее было:* все злые будут изго‹няться?› [12] *Далее было:* умны как твоя ма‹ть› [13] *Далее было: а.* они тогда перевед‹утся?› *б.* их тогда скоро [14] жарко, [15] *Далее было:* Ведь ты думаешь [зато как у мужа и тебе будет хор‹ошо›]: а какой вкусный [16] Хорошо [17] *Далее было: а.* Вы *б.* Как мне стало

«И веселая, Верочка, — я всегда веселая, — и когда грустная, все-таки веселая, правда?»

«Да, вы всегда прогоняете грусть, — когда мне грустно, вы придете тоже грустная, а сейчас прогоните грусть».

«Помнишь мою песенку: «Donc, vivons? ..»

«Помню».

«Давай петь!»

«Давайте!»

— Верочка![1] Да я разбудил тебя? Впрочем, уж чай готов. Я было испугался — слышу, ты стонешь, вошел, — слышу, ты уж поешь.

— Нет, мой миленький, я сама проснулась. Я тебе расскажу за чаем. Ступай, я оденусь. А как вы смели войти без позволения в мою комнату, Дмитрий Сергеевич? Вы забываетесь. А ты испугался за меня? Миленький, подойди, я тебя поцалую за это.[2] Ну, поцаловала, — ступай же, ступай, мне надо одеваться.

— Да уж так и быть, давай я тебе прислужу вместо горничной.[3]

— Ну, пожалуй, миленький — только как это стыдно![4] ‹*л. 28 об.*›

Мастерская Веры устроилась. Основания были просты, вначале даже так просты, что нечего о них и говорить. Вера Павловна не сказала своим трем первым швеям ровно ничего, кроме того, что дает им плату[5] несколько больше той, какую получают швеи в магазинах, — дело не представляло ничего необыкновенного,[6] швеи видели, что Вера Павловна женщина не пустая, не легкомысленная, и ее предложение не возбуждало никаких недоумений. Они приняли его с охотою.[7] Эти три девушки выбрали других, трех или четырех,[8] с тою осмотрительностью, о которой просила их Вера Павловна, — в условиях выбора тоже не было ничего возбуждающего недоверие: молодая и скромная женщина хочет, чтобы работницы ее мастерской были девушки прямодушного, доброго характера, рассудительные, уживчивые, — что же тут такого особенного? Не хочет ссор — и только.[9] Она сама познакомилась и с этими выбранными; хорошо познакомилась, прежде чем сказала, что принимает их; это, натурально, тоже рекомендует ее как женщину основательную — и только.

Таким порядком проработали месяц, получая в свое время условленную плату. Вера Павловна сама постоянно бывала в мастерской[10] и вошла в полное доверие у швей как женщина основательная.

---

[1] Верочка, что это? [2] и поцалуй меня [3] *Далее было:* Стыдно вам, сударь, ст‹ыдно› [4] *Текст:* Как пристыжена, как опечалена Верочка ‹*стр. 489*› ∾ как это стыдно — *вписан 5 января, позднее последующего текста до слов:* исполнению решенного ее компаниею ‹*стр. 496*›. [5] *а.* больше *б.* плату больше [6] *Далее было:* Вера Павловна, очевидно, была [7] *Далее начато:* Увидев, что работы будет [8] *Вместо:* выбрали ∾ четырех, — *было:* нашли еще [с дес‹яток›] дру‹гих› *После:* четырех — *было:* и соблюдая те усло‹вия› [9] *Далее начато:* Подозрит‹ельность?› [10] *Далее было:* [и смотрела] говорила, разумеется, как не со швеями

Но когда кончился месяц, Вера Павловна пришла в мастерскую с какою-то[1] счетною книгою, попросила своих швей прекратить работу и послушать, что она будет говорить.

Стала говорить она самым простым языком в таком роде:

— Вот, мы теперь хорошо знаем друг друга. Я могу про вас сказать, что вы и хорошие работницы, и хорошие девушки. А вы про меня, чтобы я была дура или какая-нибудь хитрая обманщица.[2] Значит, можно мне с вами поговорить теперь откровенно,[3] и если мои слова покажутся вам странны, то вы об них подумаете хорошенько, а не скажете с первого же раза, что у меня какие-нибудь невозможные или обманчивые мысли. Добрые люди говорят, что можно завести такие швейные мастерские, чтобы швеям было[4] в них много выгоднее работать, чем в таких, какие мы все знаем. Вот мне и захотелось попробовать. Судя по первому месяцу,[5] кажется, что, точно, можно. Вы получали плату исправно,— а вот я вам скажу, сколько, кроме той платы, осталось[6] у меня денег[7] в прибыли. — Вера Павловна прочла счет прихода и расхода за месяц. В расходе были поставлены, кроме выданной платы, все другие издержки: на наем комнаты, на освещение, даже издержки[8] Веры Павловны на извозчика по делам мастерской, около рубля.

— Так вот, у меня в руках остается, как видите, столько-то денег. Теперь, что делать с этими деньгами? Я завела мастерскую затем, чтобы эти прибыльные деньги шли в руки тем самым швеям, за работу которых получены. Потому и раздаю их вам — на первый раз всем поровну, — после посмотрим, так ли лучше распоряжаться ими, или можно как[9] иначе, еще выгоднее для вас. — Она раздала деньги.

Швеи несколько времени не могли опомниться от удивления, потом начали благодарить. Вера Павловна дала им несколько поговорить о их благодарности за полученные деньги, чтобы не обидеть отказом,[10] похожим на пренебрежение к их мнению или расположению, потом продолжала:

— Теперь надобно мне рассказать вам самую трудную вещь изо всего, о чем придется нам когда-нибудь говорить, и не знаю, сумею ли рассказать ее хорошенько.[11] А все-таки попробовать надобно.[12] Зачем я эти деньги не оставила у себя,[13] какая охота была мне заводить мастерскую, если не брать от нее дохода?[14] Мы с мужем живем без нужды, — люди, как вы знаете, не богатые, но всего у нас довольно. А если бы мне чего было мало, мне стоило бы мужу сказать,— да и говорить бы не

---

[1] с какими-то [2] *Так в рукописи. Далее начато:* *а.* Скажу вам теперь *б.* Посудите же *в.* Так вы будете [3] *Далее было:* и вы не станете понимать [4] в которых швеям будет [5] *Было начато:* На первый раз, по [6] приходи‹лось› [7] *Далее было:* полученных [8] несколько полтин‹ников› [9] еще как [10] резким отказом слушать [11] *Было начато:* как [12] *Далее начато:* Странно вам [13] *Далее было:* что мне за охота заниматься с вами, если я не [из] для моей пользы завела [14] барыша? *Далее было:* А это, можно сказ‹ать›,

нужно, он бы сам заметил, что мне нужно больше денег,[1] и было бы у меня больше денег.[2] Он теперь занимается не такими делами, которые выгоднее, а которые ему приятнее. Но <*л. 27 об. Низ*> мы[3] с ним друг друга очень любим, и ему всего приятнее делать то, что для меня[4] приятно, все равно как и мне для него. Поэтому, если бы у меня недоставало денег, он занялся бы делами, которые выгоднее нынешних его занятий, — он сумел бы найти, потому что он человек умный и оборотливый.[5] А если он этого не делает, значит мне довольно и тех денег, сколько у нас с ним есть. Это потому, что у меня нет большого пристрастия к деньгам, — ведь оно не у всех же людей, — вы знаете, у людей есть разные пристрастия: у одних[6] пристрастие к балам или к театру, у других к нарядам или картам, — а у меня вот к этому, чем я с вами пробую заняться. А почему это пристрастие у меня? Вот почему. Добрые и умные люди много книг написали о том, как надобно жить на свете, чтобы всем хорошо было, и самое главное, по их словам, то, чтобы мастерские завести по новому порядку,— вот мне и хочется посмотреть, сумеем ли мы с вами завести такой порядок, какой нужно. Это все равно, как иному хочется хороший дом выстроить, другому развести хороший сад или оранжерею, — так вот мне хочется завести хорошую швейную мастерскую, чтобы весело было на нее любоваться.[7]

Оно, конечно, уж и то было бы порядочно, если бы я стала каждый месяц раздавать вам прибыль, как теперь. Но добрые люди говорят, что можно сделать еще гораздо лучше, так что и прибыли будет больше, и употребление из нее можно делать выгоднее. Говорят, будто можно очень хорошо устроить. Вот мы посмотрим. Я вам буду понемногу рассказывать, что еще можно сделать, по словам умных людей, да вы и сами будете присматриваться, так будете замечать,— и, как вам[8] что покажется можно сделать хорошее, мы и будем пробовать это делать — понемножку, как будет можно. Но только то надобно сказать, что я без вас ничего нового не стану заводить,— только то и будет новое, чего вы сами захотите. Умные люди говорят, что только то и выходит хорошо, что люди сами захотят сделать.

А теперь вот мое последнее хозяйское распоряжение без вашего совета. Вы видите, надобно вести счеты[9] и смотреть за тем, чтобы не было лишних расходов. В прошлый месяц я одна[10] это делала, а теперь одна делать не хочу. Выберите двух из себя, чтобы они этим занимались вместе со

---

[1] *Далее было:* [и он] он человек умный, оборотливый, нашел бы себе дела выгоднее нынешних своих дел, [2] *Далее было:* Да он меня любит, и все готов для меня сделать. Но мне довольно. Да и сама по себе, я могла бы достать больше денег [3] но он [4] что мне [5] *Далее было: а.* ведь вы его немножко знаете *б.* ведь вы все его немножко знаете [потому что], значит у меня [6] *В рукописи:* у них [7] *Далее начато:* Вот теперь вы сами [8] что вам [9] *Далее начато: а.* и повер<ять?> *б.* чтобы [10] я сама

мною и по вашему желанию. Я без них[1] ничего не буду делать. Ведь ваши деньги, а не мои, стало быть, вам и смотреть за ними надобно.[2] Теперь это дело еще новое, неизвестно, кто из вас к нему больше способны, так для пробы надобно сначала выбрать на короткое время, — а через неделю посмотрите, других ли[3] выбрать, или оставить прежних в этой должности.

Долгие разговоры были возбуждены этими странными словами. Но доверие было уже приобретено Верою Павловною,[4] да и говорила она просто, не говорила далеко вперед, не рисуя никаких особенно заманчивых перспектив, которые возбуждают после восторга недоверие. Потому девушки не сочли ее помешанною, — а только это и было нужно, чтобы не сочли помешанною. Дело пошло понемногу.

Конечно, понемногу,— вот короткая история мастерской за целые два года, в которые эта мастерская ‹составляла› главную сторону истории самой Веры Павловны.[5]

Девушки,[6] из которых составился корень мастерской, были выбраны осмотрительно, были хорошие швеи, были прямо заинтересованы в успехе работы, потому, натуральным образом, работа шла очень успешно. Мастерская не теряла[7] никого из тех, которые раз пробовали сделать ей заказ.[8] Пробудилась небольшая зависть со стороны некоторых[9] модных магазинов и швейных. Между прочим, для избежания всяких придирок очень скоро понадобилось Вере Павловне получить[10] право иметь на мастерской вывеску. Скоро заказов стало получаться больше, чем сколько могли исполнять девушки, с самого начала вошедшие в мастерскую, и состав ее увеличивался. Через полгода[11] в ней было до двадцати девушек, потом и больше.[12]

Одно из первых последствий того,[13] что окончательный[14] голос по всему управлению дан был самим швеям, состояло[15] в решении, которого и надобно было ожидать: в первый же месяц управления через своих выборных девушки определили, что не годится самой Вере Павловне работать без вознаграждения. Когда они объявили ей об этом, она сказала, что и действительно так следует. Хотели дать ей[16] третью часть прибыли,— она несколько времени и откладывала ее в сторону, пока растолковала девушкам, что это противно главной мысли их порядка.[17] Они[18] довольно долго не могли понять этого, но потом согласились, что действительно[19] Вера Павловна отказывается от особенной доли из прибыли не

---

[1] *Было начато:* Я не против [2] Ведь ∾ надобно *вписано.* [3] других ли хозяек [4] *Далее было:* и девушки не сочли ее помешанною, — а только [5] *Поверх этой фразы и рядом с ней несколько раз повторено:* 1863 [6] *Далее начато:* были вы‹браны› [7] *Было начато:* зарекомендов‹ала› [8] *Вместо:* никого ∾ заказ — *было начато:* ни одной заказ‹чицы› [9] соседних [10] взять [11] *Было: а.* Через *б.* Когда [12] потом, стали основываться [13] *а.* отдачи *б.* представления того избирательного [14] решительный [15] *В рукописи ошибочно:* состоял [16] *Далее было:* четвертую, даже [17] *Вместо:* их порядка, — *было:* дел‹а› [18] Когда они [19] *Далее было:* это не го‹дится?›

из самолюбия,[1] а потому, что так нужно по сущности дела. К этому времени мастерская имела уже такой размер, что[2] одна Вера Павловна не успевала быть закройщицею и надобно было иметь двух закройщиц. Ей положили такое же жалованье, как им.

Как делить прибыль? Вере Павловне хотелось довести до того, чтобы прибыль делилась совершенно поровну между всеми. До этого дошли только в конце второго года, а прежде того перешли через несколько [3] ступеней от раздела[4] прибыли пропорционально заработанной плате.[5] Сначала увидели, что если какая-нибудь девушка пропускала без работы несколько дней по болезни или другим уважительным причинам, то нехорошо за это уменьшать ее долю[6] из прибыли. Потом согласились, что закройщицы и другие девушки, получающие особую плату по развозу заказов и другим должностям, уже достаточно вознаграждаются своим особенным жалованьем и что несправедливо брать им больше[7] других также и из прибыли.[8] Простые швеи, не занимавшие должностей, были так деликатны, что не требовали этой перемены, когда заметили несправедливость прежнего порядка,— сами должностные лица почувствовали неловкость пользоваться лишним и отказались от него, когда[9] вместе со всей мастерской достаточно поняли дух нового порядка.— Труднее всего было развить то понятие, что простые швеи[10] должны получать одинаковую долю из прибыли, хотя одни успевают заработывать больше жалованья, чем другие, что швеи, работающие успешнее других, уже достаточно вознаграждаются ‹*л. 28*› за успешность своей работы[11] платою за работу. Это и было последнее изменение[12] распределения прибыли, сделанное уже только в конце второго года, когда мастерская поняла, что прибыль — не вознаграждение за искусство той или другой личности, а результат общего характера мастерской, результат ее устройства, ее цели, а цель эта — всевозможная одинаковость пользы от работы для всех участвующих в работе, каковы бы ни были личные особенности, что[13] от этого характера мастерской зависит все участие работающих в прибыли.[14] А характер мастерской, ее дух составляется единодушием всех, и для этого единодушия одинаково важна всякая участница:[15] и молчаливое согласие самой застенчивой[16] или наименее даровитой участницы не менее важно для сохранения единодушной гармонии, для развития[17] и со-

[1] *Вместо:* не из самолюбия, — *было: а.* не по притворств‹у› *б.* не по какому-нибудь [утрир‹ованному›] [щеп‹етильному›] слишком [2] *Далее было:* кроме [3] *Далее начато:* промеж‹уточных› [4] дележа [5] *Вместо:* пропорционально ∾ плате — *было начато:* сообразно количеству [6] *Вместо:* за это ∾ долю — *было начато:* лишать ее за это и час‹ти› [7] также больше [8] *Далее начато:* Это [9] *Далее начато:* вся мастер‹ская› [10] *Начато:* что между простыми [11] *Далее начато: а.* большим *б.* тем же [12] *Далее начато:* сделан‹ное› [13] что только [14] *Далее начато:* Несколько раньше [15] швея, *После:* участница — *было:* деятельная хлопотливость бойкой участницы [ничего тут не сдела‹ла бы›] не достигла бы этого результата без незаметного [16] *Далее начато: а.* самой безот‹ветной› *б.* самой беззащ‹итной› [17] для успеха

хранения порядка, полезного для всех, для всего успеха дела, чем деятельная хлопотливость самой бойкой или самой даровитой.

Я пропускаю множество подробностей, потому что не описываю мастерскую, а только рассказываю лишь в той степени, в какой нужно это для обрисовки деятельности Веры Павловны. Если и упоминаются некоторые подробности, то лишь затем, чтобы видно было, как действовала Вера[1] Павловна,[2] как она вела дело шаг за шагом, и терпеливо, и неотступно, и как твердо выдерживала свое правило: не распоряжаться ничем, а только советовать, предлагать свое содействие и помогать исполнению решенного ее компаниею.[3] ‹*л. 28 об. Верх*›

Прибыль делилась каждый месяц. Сначала девушки брали всю ее, — быть может, это и было лучше всего вначале, потому что у каждой из них были безотлагательные надобности, которые следовало удовлетворить как можно скорée, а девушки еще не были привычны действовать дружно.[4] Когда от постоянного участия в делах они приобрели навык соображать весь ход работ в мастерской, Вера Павловна обратила их внимание на то, что в их мастерской количество заказов распределяется очень неровно по разным месяцам и что в месяцы, особенно выгодные, недурно отлагать часть прибыли для уравнения месяцев, когда работа не так выгодна. Это было первою мерою по делу об уменье самым выгодным образом употреблять прибыль. Разумеется,[5] велись очень точные счеты, и девушки знали, что если кто из них покинет мастерскую, то не встретит затруднений тотчас же получить свою долю, остающýюся в кассе. Образовался небольшой запасный капитал,— понемногу рос, и начали приискивать употребления ему. С первого же раза было всеми понято, что из этого капитала можно делать ссуды девушкам, у которых встречается какая-нибудь особенная, чрезвычайная надобность, и никому не пришло в голову, что надобно присчитывать проценты на занятые деньги,— бедные люди имеют понятие, что хорошее денежное пособие бывает без процентов. За учреждением этого небольшого банка последовало основание комиссионерства для покупок: девушки нашли выгодным покупать чай, сахар, кофе, обувь, многие другие вещи[6] через посредство мастерской, которая брала товары по более дешевой цене. От этого через несколько времени пошли дальше, — сообразили, что выгодно будет устроить таким же порядком покупку хлеба и других вещей, которые берутся в булóчных и мелочных лавочках. Но вместе с тем рассудили, что для оптового, дешевого получения[7] этих мелких ежедневных покупок надобно всем жить по соседству,— постепенно стали собираться по нескольку на одну квартиру и выбирать квартиры подле мастерской. Тогда у мастерской явилось свое агентство по делам с мелочною лавочкою, а года через полтора почти

---

[1] *Далее начато:* в этом [2] *Далее начато:* чтобы [3] *Против слов:* не распоряжаться ∞ компаниею. — *дата:* 5 январ‹я› [4] *Далее начато:* Расплатившись с долгами, они [5] *Далее начато:* и по эт‹ому› [6] *Далее было:* в одной ла‹вочке?› [7] для оптовой дешевой покупки

все девушки уже жили на одной большой квартире, имели общий стол и покупали провизию совершенно тем порядком, как делается в больших хозяйствах. Половина девушек были существа одинокие. У некоторых были старухи-родственницы,[1] матери или тетки; две содержали стариков-отцов; у многих были маленькие братья или сестры. По этим родственным отношениям три девушки не могли поселиться на общей квартире: у одной мать была неуживчивого характера, у другой мать была чиновница и не хотела жить вместе с мужичками, у третьей отец был пьяница. Но все остальные девушки, имевшие родственников на своих руках, жили на общей квартире. Сами они жили в одних комнатах с другими девушками, их родственники или родственницы расположились по своим удобствам: у двух старух были особые комнаты у каждой; остальные старухи жили вместе. Для маленьких девочек была своя комната, для маленьких мальчиков ‹— своя›. Положено было, что мальчики могут оставаться тут до 8 лет,— тех, кому было больше 8 лет, размещали по разным мастерствам.[2] Всему велся очень точный счет, чтобы вся компания жила твердою мыслью, что никто не остается в обиде, никто никому не в убыток. Расчеты одиноких девушек по квартире и столу были просты,— после нескольких колебаний определили, что за маленькую сестру или брата до 8 лет надобно считать четвертую[3] долю расходов против расходов взрослой девушки, потом содержание девушки до 12 лет считать за половину содержания взрослой ее сестры. Эти девушки поступали в ученицы в мастерскую, если сестры не находили случая пристроить их иначе, и положено было, что с 16 лет они становятся полными участницами компании, если будут признаны выучившимися хорошо шить.[4] За содержание взрослых родственников было, конечно, положено столько же, как за содержание швей. За отдельные комнаты была особая плата. Почти все старухи и все три старика, жившие в мастерской квартире, занимались делами по кухне и другими хозяйственными вещами — за это, разумеется, считалась им плата.[5]

Все это рассказывается скоро и легко, да и показалось очень легко, просто, натурально, когда устроилось. Но устроивалось медленно, постепенно, каждая новая мера стоила долгих рассуждений, каждый переход был следствием целого ряда хлопот. Было бы слишком долго и сухо рассказывать о других сторонах мастерской так же подробно, как о разделе прибыли и устройстве квартиры, да это и не нужно,— ведь в этом рассказе не описывается самая мастерская, а только характеризуется жизнь Веры Павловны. Потому обо многом вовсе можно не говорить, об ином довольно будет сказать по два, по три слова, — например,

---

[1] *Далее было:* тетки [2] *Далее было: а.* Когда устроилась общая квартира, мастерская, конечно, *б.* Легко говорить все это [но делалось это], но устроивалось это [3] третью [4] *Далее начато:* Все это скоро и легко ра‹*не закончено*› [5] занимались ∾ плата *вписано.*

что мастерская завела свое агентство продажи готовых вещей, работанных во время, не занятое заказами:[1] отдельного магазина она еще не могла иметь, но вошла в сделку с одной из лавок Гостиного двора и завела маленькую лавочку на Толкучем рынке, — две из старух были приказчиками в этой лавочке.[2]

Но надобно хоть несколько строк уделить на умственную сторону жизни мастерской.[3] Вера Павловна с первых же дней стала приносить книги;[4] сделав[5] свои распоряжения при начале работы, спросив обо всем[6] и отвечав на всё по работам, она принималась читать вслух, читала полчаса, час, если раньше не перерывала ее надобность опять заняться[7] распоряжениями, — потом девушки отдыхали от слушанья, она от чтения, — потом опять чтение и опять отдых.[8] Нечего и говорить о том, что с первых же дней девушки пристрастились к чтению, — некоторые из них были охотницы до него и прежде. Через две-три недели это чтение во время работы приняло регулярный вид. Через три-четыре месяца[9] явилось между девушками несколько мастериц читать вслух, и девушки положили, что эти мастерицы[10] будут сменять Веру Павловну, — они получили право читать по получасу, и этот получас засчитывался им за работу. Когда число мастериц читать увеличилось, с Веры Павловны и вовсе была снята обязанность читать вслух. Вера Павловна уже и прежде заменяла иногда чтение рассказами; теперь, освободившись от обязанности читать, она стала рассказывать больше, чаще, — постепенно рассказы обратились во что-то, похожее на легкие курсы разных знаний. Потом — это было очень большим шагом вперед — Вера Павловна увидела возможность завести и правильное преподавание: девушки стали так любознательны, а работа их шла так успешно, что они решились делать среди рабочего дня, перед обедом, большой перерыв для слушания уроков.

— Алексей Петрович, у меня есть к вам просьба, — сказала Вера Павловна, бывши однажды у Мерцаловых. — Машенька уж на моей стороне. Моя мастерская становится лицеем всевозможных наук,[11] — будьте одним из профессоров.

— Что же я стану преподавать им — латинский или греческий язык, или логику и реторику? — сказал, смеясь, Алексей Петрович, — ведь нынешняя моя специальность не очень интересна по вашему мнению и по мнению еще одного человека, про которого уже я знаю.[12]

---

[1] *Вместо:* работанных ∾ заказами, — *начато:* когда у ней образовался пе‹ре-рыв› [2] *Далее начато:* Другие старухи [3] *Далее было:* Нечего и говорить, что девушки с первых же дней [приняли] пристрастились слушать чтение во время работы. [4] *Вместо:* с первых ∾ книги — *было:* приходила с книгою и [5] *Вместо:* сделав — *было:* и читать вслух, когда [остава‹лось›] кончала [6] *Вместо:* спросив обо всем — *было:* осмотрев [спраш‹ивая›] всё [7] *Вместо:* если раньше ∾ заняться — *было:* *а.* пока не перерывала *б.* если раньше не перерывала ее надобность занять‹ся› [8] *Далее начато:* Через две, три [9] *Далее было:* [деву‹шки›] [некотор‹ые›] девушки уже стали поочередно [10] что они [11] знаний, [12] *Вместо:* не очень ∾ я знаю. — *было:* не по вкусу им, вам, да и еще [мож‹но›] одному человеку

— Нет,[1] вы необходимы именно как специалист — вы будете служить щитом благонравия и отличного направления наших наук.

— А ведь это правда.[2] Вижу, без меня было бы неблагонравно. Назначайте кафедру.

— Да вот вам кафедра: русская история, очерки из всеобщей истории.[3]

— Превосходно. Но это я буду читать, а будет предполагаться, что я специалист. Отлично. Две [4] должности: профессор и щит.[5]

Мерцалова, Кирсанов, Лопухов, два-три студента, сама Вера Павловна были другими «профессорами», как они в шутку называли себя.

Вместе с преподаванием устроивались и развлечения. Были [6] вечера, загородные прогулки,[7] изредка — потом, когда уже бывало побольше денег,[8] то и чаще — брали ложи в театре. На третью [9] зиму было абонировано десять мест в галерее итальянской оперы.

Сколько было радости, сколько счастья Вере Павловне, — очень много трудов и хлопот, — были и огорчения. Особенно сильно подействовало не только на нее, но и на весь кружок несчастие одной из лучших девушек мастерской. Сашенька [10] Кожухова была одна из тех трех швей, которых нашла [11] сама Вера Павловна. Она была девушка очень талантливая, очень недурна собою, чрезвычайно деликатна. У ней был жених, добрый, хороший молодой человек — чиновник. Однажды она ‹шла› по улице довольно поздно. К ней пристал какой-то господин. Она ускорила [12] шаг. Он за нею. Схватил ее за руку. Она рванулась и вырвалась, но [13] быстрым движением вырывавшейся из его рук руки задела его по груди, — на тротуаре зазвенели оторвавшиеся золотые часы любезного господина. Любезный господин схватил Кожухову уже с апломбом и чувством законного права и закричал: «воровство! будочник!» Прибежали два будочника и отвели Кожухову на съезжую. В мастерской три дня ничего не ‹*л. 29*› знали о ее судьбе и не могли придумать, как и куда могла она пропасть. На четвертый день добрый солдат, один из служителей при съезжей, принес Вере Павловне записку от Кожуховой. Тотчас же Лопухов отправился хлопотать. Ему наговорили грубостей, и только, — это было [14] давно, лет восемь тому назад,[15] с тех пор полиция очень много переменилась в обращении с людьми, одетыми порядочно; переменилась ли в обращении с народом и переменилась ли в сущности, я не знаю, но очень может быть, что переменилась [16] даже и в этом, — тогда было другое, господствовала еще полная грубость. Лопухов отправился к Сержу, — Серж и Жюли были на каком-то далеком и большом пикнике, возвратились только на

---

[1] *Было начато:* Ну, что [2] А что вы думаете, ведь это правда? [3] *Далее начато:* Ведь [4] Итак две [5] *Далее начато:* Как [6] Тут были [7] *Далее начато:* нечто вроде [8] *Вместо:* когда ∾ денег — *было:* дела пришли в хорошее положен‹ие› [9] На вторую [10] Маша [11] были найд‹ены› [12] пошла [13] и [14] было еще [15] *Текст:* лет ∾ назад *вписан.* [16] несколько переменилась

третий день. После того[1] как возвратился Серж, частный пристав очень вежливо извинился перед Кожуховой, потом поехал извиняться[2] перед ее женихом. Но жениха он уже не застал:[3] он уже был у Кожуховой на съезжей, узнал от арестовавших ее будочников имя франта, пришел к нему, вызвал его на дуэль; до вызова на дуэль франт извинялся[4] перед ним в своей ошибке довольно насмешливым тоном, а услышав вызов, расхохотался, — чиновник сказал: «так вот от этого вызова не откажетесь», и дал ему пощечину, — франт схватил револьвер, — чиновник толкнул его, чтоб отвести от себя удар, — франт упал, а между тем раздался выстрел, — на выстрел прибежала прислуга, — барин лежал мертвый: он был ударен[5] о землю сильно и попал виском на какой-то вострый выступ резной подножки стола. Чиновник очутился в остроге, началось дело, и не предвиделось конца этому делу. Что ж дальше? Дальше ничего, только с той поры жалко было смотреть на Кожухову.

Было[6] в мастерской еще несколько[7] историй, не таких абсолютно уголовных, но тоже невеселых, — истории обыкновенные,[8] — те, от которых девушкам бывают долгие слезы, а молодым, или средних лет, или старым людям недолгое, но приятное развлечение. Вера Павловна знала, что эти истории пока неизбежны, что при нынешних понятиях и обстоятельствах не предохранит от них никакая заботливость других о девушке, никакая осторожность и строгость девушки к самой себе; это то же,[9] что в старину была оспа, пока не выучились, как сохранять от нее. Теперь, кто пострадает от оспы, так уже виноват сам, а гораздо больше виноваты его близкие, — а прежде было не то: некого было винить, кроме гадкого поветрия, или гадкого климата, или гадкого города да[10] того человека, который, страдая оспою, прикоснулся к другому, а не заперся[11] в карантин, покуда выздоровеет.[12] Так теперь с этими историями, — когда-нибудь и от этой оспы люди[13] избавят себя, даже и средство известно, — только еще не хотят принимать, как[14] долго не хотели, очень долго не хотели принимать и средство против оспы. Знала Вера Павловна, что,[15] пока это гадкое поветрие еще неотвратимо,[16] непобедимо, носится по городам и селам и хватает жертв даже из самых заботливых рук, — но ведь это[17] еще плохое утешение, если знаешь только, что «я в твоей беде не виновата, и ты, друг мой, в ней не виновата», — все-таки каждая новая из этих обыкновенных историй приносила Вере Павловне много огорчения, а еще гораздо

---

[1] *Было:* *а.* Когда возвратился Серж *б.* Через два [2] оправдыв‹аться› [3] *Далее начато:* Вера Павловна имела неосторожность [4] *Вместо:* до вызова ∾ извинялся — *было:* франт сначала из‹винялся› [5] он упал [6] Много было [7] еще несколько *вписано.* [8] *Против текста:* Было в мастерской ∾ обыкновенные, — *дата:* 6 январ‹я› [9] но все-таки это [10] или [11] не убежал [12] *Далее начато:* *а.* Как было прежде, свежие, хорошие лица *б.* А всякий, бывало, и [13] люди будут [14] как и средство против оспы [15] *Далее было:* [эт‹о›] от этого поветрия неизбеж‹но› [16] *Вместо:* еще неотвратимо, — *было:* *а.* еще хватает многих *б.* неотвратимо [во мно‹гих›] от многих [17] но все-таки

больше дела: иногда нужно бывало искать, чтобы помочь, — чаще искать не было нужды,[1] надобно было только помогать, успокоивать,[2] восстановлять бодрость, восстановлять гордость, вразумлять, что: «перестань плакать, — как перестанешь, так и не о чем будет плакать».[3]

Но гораздо больше — о, гораздо больше — было радости, — да все было радость, кроме огорчений, — а ведь огорчения были только отдельными случаями:[4] ныне, через три-четыре[5] месяца, огорчишься за одну, а в то же время радуешься за всех других, — а пройдет две-три недели, и за эту тоже уж можно радоваться. Светел и весел был весь обыденный ход дела — постоянно радовал Веру Павловну. А если и бывали в нем иногда тяжелые нарушения от огорчений, за них вознаграждали и особенные радостные случаи, которые, бывало, встречались чаще огорчений: вот удалось пристроить маленького брата[6] девушки, вот,[7] во второй год, две девушки выдержали экзамен на домашних учительниц, — это было какое счастье для них![8] Было несколько разных таких хороших случаев. Но чаще всего причиною веселья для всей мастерской и радости для Веры Павловны бывали[9] свадьбы. Их было довольно много — в два года до десяти, — и все были удачны. Свадьбы праздновались очень весело: много бывало вечеров и перед свадьбою, и после свадьбы, много бывало сюрпризов невесте от ее подруг по мастерской, из резервного фонда, мастерская делала ей приданое.[10] Но опять и сколько бывало хлопот Вере Павловне, — полны руки, разумеется. Одно только сначала казалось мастерской неделикатно[11] со стороны Веры Павловны: первая невеста просила ее быть посаженною матерью, просила очень много и не упросила; вторая — тоже просила и не допросилась.[12] Чаще всего посаженною матерью бывала Мерцалова или мать ее, тоже хорошая дама, Вера Павловна — никогда: она, вместе с другими, и одевала, и провожала в церковь невесту, но не посаженною матерью.[13]

В первый раз подумали, что это[14] недовольство чем-нибудь, — объяснились — нет, видно, что она очень рада была приглашению, хоть и не[15] приняла его; во второй раз поняли: это просто была скромность: Вере Павловне не хотелось парадно являться патроншей[16] невесты, она всячески избегала всякого вида превосходства или влияния,[17] старалась всегда выводить вперед других — и действительно успевала в этом так, что многие из дам, бывавших в мастерской для заказов, не видели в ней

---

[1] *Далее было:* сами являлись [2] утеш‹ать› [3] *Далее было:* это такая [4] *Далее было: а.* пропадали *б.* общий ход за [5] два—три [6] *Вместо:* маленького брата — *было:* родственника или кого-нибудь из родных деву‹шки› [7] *Далее было:* удалось самой девушке удалось получить ‹*так в рукописи*› [8] *Далее начато:* Но чащ‹е› [9] *Далее было:* разумеется [10] *Далее было:* Некоторые из десяти девушек, вышедших [11] нехорошо [12] *Далее начато:* Думали сначала [13] Чаще всего ∞ матерью, *вписано.* [14] *Далее было:* гордость, — но Вера Павловна [сама одевала невесту] вовсе не так [15] *Вместо:* хоть и не — *было:* потому только не [16] *Далее было начато:* своих [17] *Далее начато:* она вообщ‹е›

ничего отличного от двух других закройщиц;[1] иные обращались к ней же самой с вопросом, кем заведен такой порядок в мастерской — и Вера Павловна чувствовала едва ли не самую приятную из всех своих радостей от мастерской, когда получала через это случай объяснять[2] не столько спрашивающей даме, сколько самой себе, что все это устроено самими девушками. Впрочем, в желании убедиться, что ее личная роль не очень значительна, действовала не одна скромность, — тут было и другое чувство: ей хотелось думать, что мастерская могла бы идти без нее, что могут возникать другие[3] такие же мастерские совершенно самостоятельно, и даже — почему же нет? вот было бы хорошо! это было бы лучше всего! — даже без всякого руководства со стороны кого-нибудь не из разряда швей, а исключительно мыслью и уменьем самих швей, — это была самая любимая мечта Веры Павловны.

И вот таким образом прошло гораздо более двух лет[4] со времени основания мастерской, несколько более[5] трех лет со времени замужства Веры Павловны. Как тихо и деятельно[6] прошли эти годы, как полны были они и спокойствия, и радости, и всего доброго.

Поутру[7] Вера Павловна, проснувшись, долго нежится в постели, — она любит нежиться,[8] — и немножно как будто дремлет, и думает, что надобно сделать, и так полежит, не дремлет и не думает, — нет, думает: «ах, как тепло, мягко, хорошо, — славно нежиться поутру!»[9] — Так и нежится, пока из средней, <*л. 29 об.*> нейтральной, комнаты муж, то есть «миленький», говорит: «Верочка, проснулась?»[10] «Да, миленький». Это значит, что муж может начинать делать чай и что Вера Павловна — нет, в своей комнате она не Вера Павловна, а Верочка — начинает[11] одеваться. Ах, как же долго она одевается, — нет, она одевается скоро — в одну минуту, — но она долго умывается, она любит плескаться в воде и потом долго причесывает волосы, да и не то чтобы причесывала, а любит возиться с ними, — впрочем, иногда долго надевает и ботинки — у ней отличные ботинки, — она очень скромно одевается, но ботинки — ее страсть.

Вот и выходит к чаю, в нейтральную комнату, обнимает мужа, — «миленький, каково почивал?», толкует ему за чаем о разных пустяках и не-пустяках, впрочем[12] Вера Павловна — нет, Верочка, она и за утренним чаем еще Верочка — пьет не столько чай, сколько сливки, — чай только предлог для сливок, — сливок больше половины чашки, сливки — это тоже ее страсть. Трудно достать хорошие сливки в Петербурге, — но Верочка отыскала[13] действительно отличные сливки, без всякой подмеси.

---

[1] от простой закройщицы [2] уверять [3] без нее другие [4] *Вместо:* гораздо ∾ лет — *было:* два с половиною [5] *Было: а.* почти *б.* около [6] *Далее было:* спокойно [7] *Далее было:* чай, приготовленный [8] полежать на теплом ме<сте> [9] *Далее начато:* — А вон [10] одевайся [11] *В рукописи:* и начинает [12] *Далее было:* но надобно сказать, что Верочка [13] отыскала молочницу

У ней есть мечта: иметь свою корову. Что ж, если дела пойдут, как шли,— через год, через полтора это можно будет сделать.[1]

Но вот чай кончен: 10 часов. «Миленький» уходит на уроки или на занятие, — у него есть занятие в конторе одного фабриканта, — или возвращается в свою комнату работать. Вера Павловна — теперь она уже окончательно Вера Павловна до следующего утра — хлопочет по хозяйству, — ведь у ней одна служанка, обыкновенно молоденькая девочка, которую всему надобно учить, — а только выучишь,[2] надобно приучать новую к порядку — служанки не держатся у Веры Павловны, всё выходят замуж; полгода, немножко побольше, — смотришь, Вера Павловна уж и шьет себе какую-нибудь пелеринку или что-нибудь в этом роде, готовясь быть посаженною матерью, — тут уж нельзя отказаться: «как же, Вера Павловна, ведь вы сами все устроили», разные благодарности, и Вера Павловна дуется[3] за эти благодарности, — «так уж некому быть, кроме вас»; да, много хлопот по хозяйству, хоть оно и маленькое. — Надобно отправляться в мастерскую, надобно отправляться на уроки, — у Веры Павловны довольно много уроков — часов 10[4] в неделю, — больше было бы тяжело, да и некогда, — с уроков надобно опять заглянуть в мастерскую, — а вот обед с миленьким, — довольно часто за обедом бывает кто-нибудь — один, много двое, потому что больше нельзя: и так, если обедают двое, надобно несколько хлопотать, делать новое блюдо, чтобы достало кушанья, — когда Вера Павловна возвращается домой усталая, обед бывает проще, — она перед обедом сидит[5] в своей комнате, отдыхая,[6] и обед остается, какой был начат при ее помощи, а докончен без нее, — если же она возвращается не уставши, в кухне начинает кипеть дело, и к обеду является прибавка вроде какого-нибудь[7] печенья, а чаще всего вроде чего-нибудь такого, что едят со сливками, то есть что может служить предлогом для сливок. За обедом опять Вера Павловна рассказывает и расспрашивает, но больше рассказывает, — да как же не рассказывать: сколько нового надобно сообщить об одной мастерской; после обеда сидят еще с четверть часа с миленьким, — «до свиданья», — и расходятся опять по своим комнатам, и Вера Павловна опять на свою кроватку, и читает, и нежится, частенько даже спит, — даже очень часто — даже чуть ли не наполовину дней спит час, полтора часа, — это слабость, и даже слабость едва ли не дурного тона, — но[8] Вера Павловна спит после обеда, когда заснется, и даже любит, чтобы заснулось, и не чувствует ни стыда, ни раскаяния от этой слабости дурного тона. Просыпается, или, если не спала, то так полежавши и понежившись часа полтора, встает, опять одевается, идет в мастерскую, остается там до чаю.[9] Если вечером

---

[1] *Далее было:* Есть, пожалуй, еще мечта, нет, это не мечта, это так только, как [2] *Далее было:* ее уж и нет [3] бран‹ит› [4] 12 [5] немножко сидит [6] *Далее было:* а если она, возвратившись [7] каких-нибудь [8] но что же делать? [9] *Далее начато:* Чай с

никого не бывает, то опять за чаем рассказы миленькому, и с полчаса сидят в нейтральной комнате, — потом: «до свиданья, миленький», — и целуются и расходятся до завтрашнего чаю. Тогда Вера — иногда и довольно долго — работает,[1] читает, читает, — отдыхает[2] от чтения за фортепьяно,[3] — рояль стоит в ее комнате, рояль недавно куплена, прежде была абонированная, — это было тоже порядочное веселье, когда завелся свой[4] рояль: да ведь это и дешевле,[5] абонемент стоит 6 рублей в месяц, отличный рояль куплен по случаю за 100 р‹ублей›, — маленький Эраровский, старый, весь избитый, — починка стоила 40 р‹ублей›, — но зато действительно рояль очень хорошего тона, — вот и проходит вечер: чтение, игра, пение. Это, когда никого нет.[6] Но очень часто по вечерам бывают гости — большею частью молодые люди, моложе «миленького» и моложе самой Веры Павловны,[7] — из их числа и преподаватели в мастерской, — они очень уважают Лопухова,[8] они просто считают его одною из лучших голов в Петербурге, — может быть, они и не ошибаются, и настоящая связь их с Лопуховыми в этом: они находят полезными для себя разговоры с Лопуховым. К Вере Павловне они ‹питают› беспредельное благоговение, — она даже дает им целовать ‹руку›, не чувствуя себе унижения от этого, — держит себя с ними, как будто пятнадцатью годами старше их, — то есть когда не дурачится; но, по правде сказать, большею частью шалит, бегает, дурачится с ними, и они в восторге, и тут бывает довольно много[9] вальсированья и галопированья, довольно много простой беготни, много игры на фортепьяно, много хохотни и болтовни и чуть ли не всего больше пения, — но беготня, хохотня и всё нисколько не мешают этой молодежи совершенно, безусловно и безгранично благоговеть перед Верою Павловною, — уважать ее так, как дай бог уважать старшую сестру, как не всегда уважается мать, даже хорошая. Не очень редко[10] бывают гости и постарше, ровня Лопуховым,[11] — большею частью бывшие товарищи Лопухова, знакомые его бывших товарищей, человека два-три из молодых профессоров, — почти всё люди бессемейные. Из семейных людей почти только Мерцаловы, — Лопуховы бывают в гостях не так часто — почти только у Мерцаловых, да у матери и отца Мерцаловой,[12] — у этих стариков есть множество сыновей, занимающих довольно важные места, и потому в доме стариков, живущих с некоторым изобилием, Лопухова видит довольно многоразличное и разнокалиберное общество.

Вольная, просторная, деятельная жизнь, и не без некоторого сибарит-

---

[1] *Далее было:* и работа разная [2] по временам отдыхает [3] *Далее начато:* у ней наконец есть ф‹ортепьяно› [4] завелась своя [5] дешевле стоит, запл‹атить›, чем аб‹онировать› [6] Это когда одни. [7] *Далее было:* они бывают потому, что уваж‹ают› [8] *Далее было:* и отчасти, но так, в душе только, — робеют перед ним, но нет, это не робость, [они] — дело в том, что [9] *Далее было:* беготни [10] Иног‹да› [11] *Далее было:* сами Лопуховы [12] *Далее было:* там видят они

ства[1] — лежанье поутру в постели нежась,[2] — славная жизнь — она очень нравится Вере Павловне.[3]

Однажды — это было уже под конец лета, около половины августа, — девушки собрались по обыкновению в воскресенье на загородную прогулку. Летом они ездили чаще всего на лодках на острова. Вера Павловна почти всегда ездила с ними, на этот раз поехал и Дмитрий Сергеевич, — вот почему и была замечательна прогулка — его спутничество было редкостью, и в то[4] лето он ехал только еще во второй раз. Мастерская, узнав об этом, осталась очень довольна: Вера Павловна будет еще веселее обыкновенного, и надобно ждать, что прогулка будет особенно одушевленна.[5] Некоторые, располагавшие провесть воскресенье иначе, изменили свой план и присоединились к собиравшимся ехать на острова. Понадобилось взять вместо трех больших яликов четыре, — и того оказалось мало, прибавился пятый. Компанию имело[6] человек сорок народа, ‹*л. 30*› в том числе около пятнадцати швей — только пять не участвовали в прогулке, — три пожилых женщины,[7] пять маленьких девочек, четыре[8] маленьких мальчика, матери, сестры и братья швей, три молодые человека, женихи,[9] — один из них был подмастерье часовщика,[10] другой — мелкий торговец, оба мало[11] уступали манерами третьему жениху, учителю уездного училища, — человек пять других молодых людей, таких же разнокалиберных[12] званий, в том числе даже молодой офицер,[13] человек пять университетских и медицинских студентов.[14]

Взяли с собою четыре большие самовара, целые груды разных булочных изделий, огромные куски холодной телятины и тому подобного, — народ молодой, движенья будет много, даже еще на воздухе, — на аппетит можно рассчитывать, — было и с полдюжины бутылок вина; на сорок человек, в том числе 15 человек ‹молодых› людей, кажется, не много.

И действительно, прогулка удалась как нельзя лучше. Тут всего было: танцевали в 12 пар, танцевали в 14 пар, танцевали только и в 10 пар, — играли в горелки, чуть ли не в 20 пар,[15] импровизировали трое качелей между деревьями, — в промежутках всего этого пили чай, закусывали, — чуть не половина компании[16] даже слушала с полчаса спор двух студентов, самых усердных[17] поклонников Дмитрия Сергеевича, с Дмитрием же Сергеевичем, которого его любители постепенно изобличали в неконсеквентности, остатках прокислой гегелевщины,[18] модерантизме, кон-

---

[1] *Далее было:* то есть того, чтобы нежиться поутру и пить сливки, [2] лежанье ∾ нежась *вписано.* [3] *Далее было:* Зато, и много переменилась Вера Павловна в три года привольной жизни: [она пополнела]: кто смотрел на ее фигур‹у› [4] и в нынешнее [5] *Далее начато:* Поэтому собралась ехать почти [6] *Вместо:* Компанию имело — *начато:* Было [7] *Далее было:* один [8] столько же [9] *Далее было:* двое были очень изящ‹ны› [10] *Было:* подмастерье переплетчика, другой часовщика [11] *Вместо:* мало — *было:* недурно одеты и нисколько не [12] разношер‹стных› [13] *Вместо:* молодой офицер — *было:* подпоручик [14] *Далее было:* *а.* в медицинской академии *б.* университета [15] *Далее начато:* играли в ф‹анты?› [16] *Далее было:* с полчаса [17] самых усердных *вписано.* [18] неконсеквентности ∾ гегелевщины, *вписано.*

серватизме, и — что уже хуже всего — в буржуазности, — и что еще хуже самой буржуазности — в скептицизме, — из других студентов один стал было вступаться за Дмитрия Сергеевича, — тогда и двое других пристали к нападающим, пристал к ним и офицер, — дело пошло так горячо, что один из нападающих [1] сказал холодным и важным тоном: «я приведу слова, сказанные мне на днях одним порядочным человеком,[2] женщиной очень умной: „только до 25 лет человек может сохранять честный[3] образ мыслей“», — другой нападающий захохотал: «Да я знаю, кто эта дама, — она при мне сказала это [4] — это m-me N, отличный[5] человек, только ей самой теперь уж 26-ой год, — помнишь, ведь за полчаса же она сама это говорила», — тогда все расхохотались,[6] принялись считать, сколько лет кому осталось иметь честный образ мыслей, — большинство решило, что пока еще имеют лета честного образа мыслей, то надобно играть в горелки, и спорить с Дмитрием Сергеевичем остались опять только два,[7] его постоянные противники и упорнейшие поклонники. После чаю и они бросили спор, танцевать не танцевали, но в горелки играли, качались, а когда мужчины вздумали бегать взапуски, прыгать через канаву и бороться, то эти три мыслителя оказались самыми усердными состязателями мужественных упражнений: один из противников-поклонников получил первенство в прыганье через канаву, другой, действительно атлет, поборол всех, даже Дмитрия Сергеевича, который был очень силен, — даже офицера, который был еще сильнее, — Дмитрий Сергеевич был очень раздосадован на себя, что не может побороть офицера, — превосходство атлета, своего противника, признавал[8] и прежде, — схватывался с офицером пять раз, и все пять раз был побежден. Измучившись до последней невозможности, офицер, Дмитрий Сергеевич и один из противников — отличившийся в прыганье — прилегли на траву и пустились рассуждать о системе Огюста Конта, в которой видели очень много верного, но слишком много непоследовательной примеси средневековых понятий, что уже совершенно непростительно Конту,[9] идущему от математических принципов и начинающему с понятий, выработанных естествознанием, — тут не было разноречия, противник-поклонник остался доволен Дмитрием Сергеевичем и сказал, что за его строго логический разбор непоследовательностей Конта примиряется с ним.

Отправились домой в 11 часов.[10] Старухи и дети так и уснули в лодках, — хорошо, что запасено было много теплой одежды, — зато остальные говорили [11] безумолку, и много было шуток и смеху.

---

[1] *Далее было:* уже стал жалеть Дмитрия Сергеевича, который [2] *Вместо:* одним ∾ человеком, — *было начато:* одной [хорош‹ей›] пор‹ядочной› [3] благородный и честный [4] говорила это тебе [5] *Было начато:* слав‹ный› [6] *Было начато:* захо‹хотали› *Далее было:* положили, что это несомненно [7] *Вместо:* и спорить ∾ два, — *было:* и Дмитрий Сергеевич остался опять один спорить с [8] давно признал [9] *Далее было:* математику [10] *Было начато:* Воротились домой в первом [11] *Далее было:* и хохот⟨али⟩

Через два дня Вера Павловна за утренним чаем заметила мужу, что цвет его лица ей не нравится. Он сказал, что действительно эту ночь он проспал не совсем хорошо и вчера с вечера чувствовал себя дурно, но что это ничего, — немного простудился на прогулке, — конечно, в то время, когда после беганья и борьбы долго лежал на земле, — побранил себя за эту неосторожность, но уверил Веру Павловну, что это пройдет, ничего. Он отправился[1] на свои обыкновенные занятия, за вечерним чаем сказал, что, кажется, совершенно все прошло, — но поутру сказал, что ему надобно будет несколько дней посидеть дома. Вера Павловна,[2] сильно встревожившаяся и вчера, теперь серьезно испугалась и потребовала, чтобы Дмитрий Сергеевич пригласил[3] медика. «Да ведь я сам медик, я и сам сумею лечиться, если понадобится, а теперь пока еще не надобно» — отговаривался он. Но Вера Павловна была неотступна, и муж[4] написал записку к Кирсанову. Он говорил, что болезнь пустая и что он просит его только в угождение жене.

Поэтому Кирсанов не поторопился:[5] пробыл в гошпитале до самого[6] обеда, пообедал,[7] покурил после обеда и приехал к Лопуховым уже часу[8] в шестом вечера.

— Нет, Александр, я хорошо сделал, что тебя позвал, — сказал Лопухов: — опасности нет и, вероятно, не будет, но у меня воспаление в легких.[9] Конечно, я и без тебя вылечился бы,[10] но все-таки будь консультантом. Нельзя, нужно для очищения совести, — ведь я не бобыль, как ты.

Долго они вдвоем щупали бока одному из себя,[11] Кирсанов слушал грудь, и нашли оба, что Лопухов[12] не ошибся: опасности, вероятно, не будет, но[13] воспаление в легких довольно сильное. Придется пролежать недели полторы. Но опасного ничего нет. Немного запустил Лопухов свою болезнь, но все-таки еще ничего.

Кирсанову пришлось долго толковать с Верою Павловною, успокоивая ее. Наконец она поверила вполне, что ее не обманывают, что,[14] по всей вероятности, опасного ничего нет, — но ведь только «по всей вероятности», — а мало ли что бывает и против всякой вероятности.

Кирсанов стал бывать по два раза в день у больного, — не для больного, они оба видели, что[15] болезнь проста и[16] не представляет опасности,[17] но для Веры Павловны. Так прошло три дня. На четвертый день поутру Кирсанов сказал Вере Павловне:[18]

— Дмитрий — ничего, хорош, еще дня три-четыре будет тяжеловато, но не тяжелее вчерашнего, а потом станет[19] уж и поправляться. Но об

---

[1] отправился поутру [2] *Далее было начато:* ему [3] *Вместо:* чтобы ∾ пригласил — *было:* чтобы муж послал [4] *Далее начато:* *а.* посла‹л› *б.* сказал что [пошл‹ет›] напи‹шет› [5] не ушел из гошпиталя, про‹быв› [6] позднего [7] потом пообедал [8] часов [9] *Далее было:* все-таки [10] *Далее начато:* ведь [11] *Далее было:* толковали [12] *а.* что первое предпол‹ожение› *б.* что диагност [13] но будет [14] что опасного [15] что особенно [16] и пока [17] *Далее начато:* что Лопухов [18] *Далее начато:* Наш общий [19] будет

вас, Вера Павловна, я хочу поговорить с вами серьезно: вы дурно делаете, — зачем не спать по ночам? Ему совершенно не нужна сиделка, да и я не нужен, ‹*л. 30 об.*› но себе вы можете повредить, и совершенно без надобности, — ведь у вас и теперь уж нервы довольно расстроены, и совершенно понапрасну.

Долго он урезонивал Веру Павловну, но без всякого толку. «Никак», и «ни за что», и «я бы сама рада, да не могу», — то есть спать по ночам и оставлять мужа без караула. Наконец, сказала: «да ведь все, что вы мне говорите, он уж мне говорил, вы знаете, — много раз говорил. Ведь его бы я скорее послушалась, чем вас, — значит, не могу».

Против такого аргумента нечего было возразить.

— Правда ваша, Вера Павловна, — сказал Кирсанов,— только я вижу, что с вами надобно принять крутые меры. Вот увидите, каково не слушаться двух медиков,— давайте два листа бумаги: один весь испишу микстурами для вас я, другой испишет он, и скажем, что пока вы все микстуры не выпьете, до тех пор Дмитрий не выздоровеет,— а микстуры будут самые противные на вкус.

— Ах, не смейтесь, Александр Матвеевич, я вовсе не хочу смеяться,— а сама все-таки засмеялась, потому что лицо Кирсанова выражало всю отвратительность вкуса микстур, которые принуждена она будет пить, и он делал жесты, показывавшие, как рука не хочет подносить микстуру к губам, и как микстура льется с ложки от дрожания руки, и как весь корпус вздрагивает [1] и пожимается от ужасной микстуры.

— Вот увидите вечером. А теперь — до свиданья: [2] нужно в гошпиталь,— ради бога, скажите, зачем вы заставляете меня отнимать время у действительно больных людей? [3] Но когда меня будут за это на том свете посылать в ад, я скажу: «нет, извольте посылать Веру Павловну, ее грех!», — и опять жесты, как он уперся и не идет в ад, а рекомендует[4] тащить туда ее. Нельзя не рассмеяться, потому что очень смешные гримасы, но Вера Павловна рассердилась на него. До шуток ли, в самом деле?

Зато как же и совестно ей было, когда Кирсанов, приехавши к больному в десятом часу вечера и просидев подле него [5] вместе с нею с полчаса, сказал: «Вера Павловна, отдохните, мы оба просим вас; я останусь здесь ночевать». — Ведь она сама наполовину — больше чем наполовину — знала, что как будто бы и нет необходимости сидеть всю ночь подле больного, и вот заставляет Кирсанова, человека занятого, терять время; что ж это в самом деле? — да, «как будто не нужно», — «как будто», — а кто знает? Нет, нельзя оставить миленького одного, — мало ли что может случиться? да, наконец, если пить захочется, — чаю захочется, как же тут? ведь он деликатный, будить не станет, значит и нельзя

[1] пожимается [2] *Далее было:* ради бога, скажите: [3] *Далее было:* Грех вам, Вера Павловна [4] указыв‹ает› [5] *Далее было:* с Верою Павловною

не сидеть подле него, — но Кирсанову сидеть не нужно, она не дозволит, — всё это передумалось в одну минуту, и она сказала, что не уйдет, а что «вам, Александр Матвеевич, нужнее отдыхать, чем мне, — ведь вы с утра до ночи работаете, отправляйтесь вы домой, я вас прошу». Перекорились таким образом раза два — «нет, вы отдохните», — «нет, вы уезжайте домой», — тогда Кирсанов встал, сказал Лопухову: «ну, брат Дмитрий, ты не у места деликатничаешь со мною, что не просишь Веру Павловну отдохнуть, — ведь ты должен видеть...» «Вижу, Александр, да мне в самом деле стыдно по пустякам отнимать у тебя ночь, — ведь ты ошибаешься, если думаешь проводить ее да заснуть, — ведь она будет приходить справляться, и если застанет тебя сонного, то все равно [1] твое присутствие не поможет». «Да разве я этого не знал?[2] Конечно, знаю, — так уж я поступлю и за тебя и за себя. Вера Павловна, простите, — невежда, быть может, но с истинною преданностью и чувством глубочайшего уважения имею честь» — говоря это, он стоял подле нее, предлагая ей руку, как любезные кавалеры предлагают дамам для прогулки, — она не брала руки, — отстраняла ее, — но при словах: «глубочайшего уважения» он очень плавно взял ее за талью и повел из комнаты, продолжая: «имею честь быть вашим спутником. Серьезно, Вера Павловна, как медик, прошу вас лечь. Вот вам, на всякий случай, пилюли из морфия, — если не заснете через четверть часа, примите две». Он ввел ее в ее комнату, затворил за нею дверь и возвратился к больному.

— Мне, право, перед тобою совестно, Александр: какую смешную [3] роль <ты играешь>, сидя ночь у больного, болезнь которого вовсе не требует этого.[4] Но благодарю тебя, очень благодарю. Я решительно начинал беспокоиться за нее. Нервы у ней очень [5] расстроивались.

Нервы Веры Павловны, действительно, были утомлены, — три ночи без душевной тревоги ничего бы не значили для нее: здоровье у ней было крепкое. Но она очень боялась [6] за мужа. Да, нервы были так расстроены, что она как дошла до кровати, как упала на кровать,[7] так и лежала, — не могла раздеться, — не могла заснуть, — не могла и принять сонных пилюль, — рукам так тяжело было подняться, — почти спала, и глаза почти закрылись, но не спала. Долго, долго она так лежала неподвижною, — «только, что ж это? сплю я иль нет? в бреду я иль нет? [8] — нет, не в бреду, — что ж это он так долго стоит в дверях? Он думал, что надобно взглянуть на меня,[9] сплю ли я, здорова, — так ведь должно казаться, что я сплю и здорова; господи, что это он всё стоит в дверях и всё смотрит на меня? какой чудак!» Наконец, он ушел от дверей. — Опять прошло сколько-то времени — должно быть, много, — вот он опять в дверях, и опять стоит долго, долго, и так пристально смотрит, — наконец,

[1] *Далее было:* уж потом мы с твоим усерди<ем> [2] предвид<ел> [3] дикую [4] *Вместо:* болезнь ∾ этого — *было:* которому вовсе не нужно это. [5] очень у ней [6] тревож<илась> [7] *Вместо:* дошла ∾ на кровать — *было:* упала на кровать [8] брежу иль нет? [9] *Далее было:* да ведь

опять ушел, — через несколько времени Вера Павловна заснула крепко и проспала до тех пор,[1] пока услышала из-за дверей голос Кирсанова:

— Вера Павловна, до свиданья. Мне пора в гошпиталь, — вставайте, бегите к своему больному, который почти так же здоров,[2] как вы, бегите скорей, а то совесть будет мучить, что оставили беспомощным. «Ах, как я заспалась. Десять часов!»

Вера Павловна[3] чувствовала себя бодрою и была, по правде сказать,[4] очень благодарна Кирсанову за то, что он дал ей возможность отдохнуть.[5] Потому она не рассердилась на его шутливый тон. Он продолжал из-за двери:[6]

— А видели вы, я четыре раза приходил смотреть на вас, Вера Павловна? — двойная цель была, Вера Павловна: взглянуть, что с вами, — ведь я немножко трусил за вас, — показать вам себя, что я не сплю, — да была и третья цель — о ней говорю только по секрету — помолиться на вас, чтобы бог послал мне вашу добродетель ухаживать за кем не нужно.

— Да, я видела два раза.

— Неужели? я не полагал. Если видели, да еще два раза, то это значит, вам в самом деле надобно кой-что выпить, — я вам оставлю рецепт. Эти капли будут довольно вкусны, до свиданья.

— До свиданья.

И на этот вечер Кирсанов приехал ночевать и еще пять ночей провел у постели Лопухова, чтобы не допустить[7] Веру Павловну проводить их без сна;[8] в самом деле, довольно утомлялась она заботами о больном и во время дня. Через шесть дней она убедилась наконец, что больной почти вовсе перестал быть болен и что дежурить подле него нет надобности: да и нельзя было не убедиться, — в этот вечер они втроем играли в карты, Лопухов уже полулежал на подушках и говорил уже очень хорошим[9] голосом.

— Александр Матвеевич, почему вы совершенно забыли меня? — именно меня, потому что с Дмитрием[10] вы хороши по-прежнему, — он бывает у вас часто, вы у нас перед этим временем, кажется,[11] с полгода не были, — да и раньше тоже, — а помните, мы[12] были с вами дружны вначале, — между прочим сказала Вера Павловна во время этой игры.

— Мне казалось... казалось, Вера Павловна, простите за откровенность, мне... казалось, что вы несколько недолюбливаете меня. («Как это глупо! как это низко! как это я не нашелся![13]»)

— Я? вас? Ну с чего вы это взяли? Да когда же не была я вам рада?[14]

---

[1] *Вместо:* и проспала ∾ пор — *было:* проспала [до одиннадцати] до десяти часов [2] *Далее было:* который чуть ли не зд‹оров› [3] *Далее было:* выспалась [4] *Вместо:* по правде сказать, — *было начато:* в самом д‹еле› [5] *Вместо:* дал отдохнуть. — *было:* заставил ее отд‹охнуть› [6] *Далее было начато:* Судя по голосу, вы не со‹всем?› [7] *Вместо:* чтобы не допустить — *было:* не допуская [8] *Далее начато:* через пять дней [9] и говорил очень тверд‹ым› [10] с мужем [11] *Далее начато:* больш‹е› [12] как мы [13] это сорвалось? Я не то хотел сказать. [14] *Далее начато:* Причина гораздо

— Добрая Вера Павловна, вы и послушали — это я хочу только поинтересничать, а истинная причина гораздо проще: я в эти два года был сильно занят. Я почти нигде не бываю. Я страшно работаю, а потом хочется полежать на диване с сигарой.[1] Из мундира и фрака в халат, — иной переход невозможен. А халатная жизнь так привлекательна.

Ясно, к чему идет дело.[2] Опытный в романах читатель видит, что начинается новый роман в жизни Веры Павловны и что Кирсанов будет играть роль в этом романе — счастливую или несчастную, это пока еще не видно, но видно, что он влюблен в Веру Павловну, что он поэтому давно и перестал[3] бывать у Лопуховых.[4] Является в истории Веры Павловны новое лицо,[5] надобно описать[6] его.

Но описывать почти нечего. Он был друг[7] Лопухова, — и уже было говорено, что[8] между ними было гораздо больше сходства, чем разницы, — а это и почти всё, что нужно сказать о нем: говорить подробнее значило бы повторять то, что мы знаем о Лопухове. Лопухов был сын мещанина,[9] зажиточного по мещанскому сословию, то есть довольно часто имеющего[10] мясо во щах, — Кирсанов был сын писца уездного суда, то есть человека, часто не имеющего мяса во щах, — значит и наоборот, часто имеющего мясо во щах. Лопухов с очень ранней молодости,[11] почти с детства,[12]добывал деньги на свое содержание, — и Кирсанов тоже[13] с третьего класса гимназии давал уроки.[14] Оба грудью, без связей, без знакомств, пролагали себе дорогу. Лопухов был какой человек? — В гимназии по-французски не выучивались, а по-немецки выучивались склонять der, die, das с небольшими ошибками, — а поступивши в Академию, Лопухов скоро увидел, что на русском языке далеко не уедешь в науке; он взял французский словарь да какие случились французские книжонки, — а случились «Телемак» да[15] один том «Рассуждения о красноречии» старика Роллена, да несколько разрозненных ливрезонов нашего умнейшего журнала Revue étrangère, — книги всё не очень вкусные, — взял их — а сам был, разумеется, страстный охотник читать — да и сказал себе: «не раскрою ни одной русской книги, пока не стану свободно читать по-французски», — ну, и стал свободно читать, а с немецким языком обошелся иначе: нанял угол в квартире,[16] где было много немцев-мастеровых, ‹*л. 31*› да и жил с ними, пока стал порядочно говорить по-немецки, — угол был

---

[1] *Далее было:* Но не так вы чужды, зачем же до такой степени [2] *Далее начато:* Начинается в ж‹изни› [3] поэтому перестал [4] *Далее было:* [что] поэтому, надобно же сказа‹ть› [5] *Вместо:* Является ∾ лицо, — *было начато:* *а.* Новое лицо выходит на *б.* Является в рассказе [6] рассказыва‹ть› [7] *а.* прият‹ель› *б.* близкий *в.* приятель [8] что сходства [9] небогатого мещанина, [10] *Далее было:* на столе [11] *Вместо:* с очень ранней молодости, — *было начато:* с незапам‹ятных› [12] *Далее было:* помогал отцу со‹держать› [13] *Далее было:* давал уроки [14] уроки младшим. [15] *Далее было:* роман виконта д'Арленкура, да «Рассуждение о всеобщей [16] *Вместо:* угол в квартире — *было:* квартиру

мерзкий, немцы скучны, в Академию ходить очень далеко, а он все-таки выжил, сколько ему было нужно. У Кирсанова было иначе: он немецкому учился[1] по разным книгам с лексиконом, как Лопухов французскому, а по-французски выучился не так, а вот как: евангелие — книга очень знакомая, — он достал Новый завет на французском языке, да и прочел его 8 раз, — на девятый раз уже всё понимал — значит готово. Лопухов был какой человек? Вот какой: шел он в оборванном мундиришке по Каменноостровскому проспекту, с урока (по 50 коп. за урок получал, верстах в трех[2] за Лицеем), идет навстречу ему какой-то туз да, разумеется, прямо на него, не сторонится, а у Лопухова было в то время правило: «кроме женщин, ни перед кем первый не сторонюсь», — ну, и задели друг друга плечами, — туз, полуобернувшись, сказал: «Что ты за свинья, скотина!» и поправил звезду, готовясь продолжать назидание, — а Лопухов сделал полный оборот к тузу, взял туза за руки подле плеч, да и положил его в канаву, очень осторожно, да и стоит над ним и говорит: «Ты не шевелись, а то дальше протащу, где грязь глубже», — ну, и постоял над ним, — проходили два мужика, заглянули,[3] похвалили, — проходил чиновник, заглянул, не похвалил, но сладко улыбнулся, — проезжали мимо экипажи, — ну, из тех не было видно, что в канаве, — ну, так и постоял Лопухов, потом опять взял туза за руки подле плеч, поднял и говорит: «Ах, ваше превосходительство, как это вы изволили оступиться? не повредились? позвольте вас обтереть». И стал обтирать. Подошли два мужика — уж другие, — подошел мещанин, помогали обтирать, обтерли и разошлись. Так, — с Кирсановым[4] <не> случилось этому быть, а был такой случай. Дама, у которой тузы бывали на посылках, вздумала, что надобно составить каталог библиотеки, оставшейся после ее мужа вольтерьянца, умершего лет за 15 перед тем. Зачем именно через 15 лет понадобился каталог, неизвестно. Подвернулся составлять каталог Кирсанов, взялся за 80 р., работал месяц и[5] переписал уже 7 шкапов из 12-ти. Вдруг дама вздумала, что каталог не нужен, вошла[6] в библиотеку и говорит: «не трудитесь больше, я передумала, а вот вам за ваши труды», и подала Кирсанову 10 р. «Я, ваше-ство, — назвал даму по ее титулу, очень хорошему, — сделал уж больше половины работы». — «Вы находите, что я вас обидела в деньгах? Nicolas, поди сюда, переговори с этим господином». Влетел Nicolas. «Ты как смеешь грубить maman?» «Да ты, молокосос (выражение неосновательное со стороны Кирсанова, потому что Nicolas был старше его годами десятью[7]), выслушал бы прежде». «Люди!» — крикнул Nicolas. — «Ах, люди? Вот я покажу тебя людям». Во мгновение ока Nicolas постиг, что не может пошевелить левою[8] рукою, потому что она притиснута к боку Кирсанова[9] его собственным боком, а притиснута

---

[1] учился так, к<ак> [2] на пятой версте [3] поглядели, [4] *Далее было:* этого не было, а был [5] *Далее было:* больше [6] взошла [7] *Вместо:* был старше ∾ десятью — *было:* был восемью или десятью годами [8] правою [9] *Далее было:* как

так крепко потому, что правая рука Кирсанова, грациозно обогнув его талью, держит его правую[1] руку, как в клещах, а в то время прижимает его стан к стану все того же Кирсанова, не столь нежно, сколь усердно; а левая рука все того же Кирсанова, дернув его за вихор[2] более в назидание, нежели в вырывание, уже держит его за горло, уже подавила горло, так что оно захрипело, и уже Кирсанов сказал: «видишь, как легко задушить!» — точно, видно, что легко, — и уже отпустила горло, так только придерживает, да как ловко,[3] — все в то же самое мгновение; дама испустила визг и упала в обморок, и поспешно вступили в комнату несколько голиафов, — и все-таки опять в то же самое мгновение Кирсанов проревел голиафам: «Стой![4] ни с места! кто из вас пошевелится, этому парню оплеуха![5] и задушу его прежде, чем до меня добежите![6] Ну, теперь проводите-ко меня до лестницы», сказал Кирсанов, и Nicolas несколько помавает носом в знак того, что, дескать, слушайтесь, он правильно рассуждает; и Кирсанов пошел с Nicolas по комнате, и прошел в переднюю, и сошел с лестницы, напутствуемый издали голиафами с умиленными лицами, и на последней ступени отпустил горло Nicolas и оттолкнул его слегка, так деликатно, и пошел в лавку покупать шляпу, вместо той, которая осталась в добычу Nicolas.[7]

Ну, что ж различного скажете вы[8] о таких людях? Все их резко выдающиеся черты — черты не индивидуумов, а типа, — типа, различного[9] от привычных нам, что его общими особенностями закрываются от нас личные[10] разности в нем, — как будто[11] несколько человек европейцев в Китае,[12] которых не могут различить одного от другого китайцы, — во всех видят одно, что они «красноволосые варвары, не знающие церемоний»,[13] — да китайцы и правы: в отношениях с ними все европейцы — как один европеец — не индивидуумы, а представители племени, больше ничего: одинаково не едят тараканов и мокриц, одинаково не режут в мелкие кусочки людей, — одинаково пьют водку и виноградное вино, а не рисовое вино, — и единственную вещь, которую видят в них свою родную[14] китайцы, питье чаю, делают вовсе не так — с сахаром, а не без сахару. Так и люди того типа, к которому принадлежали Лопухов и Кир-

---

[1] левую [2] *Далее было:* [впрочем] [потому впрочем] впрочем, не так больно, как рукам и бокам [3] *Текст:* а левая рука ∾ ловко, *вписан.* [4] *Далее начато:* если [5] *Далее начато:* Десяток дам, прежде [6] *Далее было:* Сказал, ради бога, братцы, не подходите! [7] *Вместо:* и Nicolas ∾ в добычу Nicolas — *было:* и пошел с [молокососом] Nicolas по комнате, и [вышедши сам] прошел в переднюю, и сошел с лестницы [и на последней ст‹упеньке›], напутствуемый издали голиафами с умиленными лицами и на последней ступень‹ке› отпустил руки Nicolas и пошел в лавку покупать шляпу, которая осталась в наследство Nicolas. [8] Ну, что ж вы скажете [9] такого различного [10] частные [11] *Далее было:* несколько диких гусей забрались в стадо ручных [12] *Было:* китайцев в [13] *Против текста:* как будто несколько ∾ церемоний», — *дата:* 8 январ‹я› [14] *Вместо:* которую ∾ родную — *начато:* в которой похожи

санов,[1] кажутся все одинаковы людям не того типа. Каждый из них человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, не унывающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватающийся[2] за него, так что оно не ускользнет из рук, — и каждый — человек безукоризненной честности, такой, что даже не приходит в голову и вопрос: «можно ли положиться на этого человека во всем, безусловно?» Это ясно, как то, что он дышит грудью, — пока дышит эта грудь, она горяча и неизменна, — смело кладите[3] на нее свою голову, на ней можно отдохнуть. Эти общие черты так резки, что за ними сглаживаются личные особенности.[4]

Недавно зародился этот тип — в мое время его еще не было, хотя я и не очень старый человек, даже вовсе не старый человек, — и быстро расплюжается. Это признак времени. Он рожден временем, и сказать ли? пройдет с ним.[5] Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью, — она переживается быстро. Шесть лет тому назад этих людей не видели,— три года тому назад презирали, — теперь боятся, — через несколько лет будут благословлять, — еще через немного, очень немного лет — быть может, и не лет, а месяцев — их станут проклинать, и они будут согнаны со сцены[6] ошиканные, страмимые,[7] — так что же? шикай и срами, проклинай и гони, но ты получил пользу от них, этого довольно для них, и сойдут со сцены гордые[8] и скромные, суровые и добрые, нежные, как были. И не останется их на сцене? — Нет. — Как же будет без них? — Плохо, но после них все-таки лучше, чем до них. И скажут: «после них стало лучше, но все-таки осталось плохо»; и когда скажут это, значит пришло время[9] возродиться этому типу, и он возродится в более многочисленных людях, в лучших формах, потому что тогда всего хорошего будет больше, и всё хорошее будет лучше; и опять та же история в новом виде, и так пойдет до тех пор, пока люди скажут: «ну, теперь нам хорошо»,— тогда не будет этого отдельного типа, потому что уже все люди будут <*л. 31 об.*> этого типа и с трудом будут понимать, как же это было время, когда он считался особенным типом, а не общею[10] натурою всех людей.

Но как европейцы между китайцами все на одно лицо и на один манер только по отношению к китайцам, а на самом деле между европейцами несравненно больше разнообразия, чем между китайцами, так и в этом одном, по-видимому, типе разнообразие личностей развивается[11] на большее число разностей и более отличающихся друг от друга, чем все разности[12] всех остальных типов разнятся между собою. Тут есть всякие люди: и сибариты, и аскеты, и суровые, и нежные,[13] и всякие. Только,

[1] *Далее начато:* для людей [2] *Было:* то уже вцепляю<щийся> [3] *Начато:* прекло<няйте> [4] различ<ия> [5] *Далее начато: а.* Недавно *б.* Если он недавно живет, то и недолго [6] и они сойдут со сцены [7] *Далее начато:* и перестанут [8] *Далее было:* суровые [9] *Далее было:* этому типу [10] *Далее начато: а.* челове<ческою> *б.* природ<ою> [11] *Далее начато:* гораздо [интере<снее>] оригина<льнее> [12] *Далее начато:* между [13] *Далее начато:* и способные к

как самый жестокий европеец очень кроток, самый сладострастный очень нравствен перед китайцем, так и они: самые аскетичные из них считают нужным для человека больше комфорта, чем воображают люди не их типа, самые чувственные[1] строже в нравственных правилах, чем ригористы не их типа.[2] Но всё это представляется им как-то по-своему, — и нравственность, и комфорт,[3] и добро, и чувственность понимают они на особый лад, и все на один лад, и не только все на один лад, но и всё это как на один лад, так что и нравственность, и комфорт, и добро, и чувственность — всё это выходит по их как будто одно и то же. Но всё это опять только по отношению к понятиям китайцев, — между собою они находят очень большие разности понимания по разности натур. Но как теперь уловить эти разности натур и понятий между ними?

В разговорах и делах между собою — но[4] только между собою, а не с китайцами — выказывают[5] свою разницу европейские натуры. Так и у людей этого типа[6] видно бывает очень большое разнообразие, когда дела ведутся между ними,[7] но только между ними, а не с посторонними. Мы имели перед собою двух людей этого типа: Веру Павловну и Лопухова, и видели, как устроились отношения между ними. Теперь входит третий человек, — посмотрим, какие разности обнаружатся от возможности одному из них сравнивать двух других, — перед Верою Павловною стоят Лопухов и Кирсанов. Прежде ей не было выбора, теперь есть.

Но надобно же сказать два-три слова о внешних отношениях Кирсанова.

И у него, как у Лопухова, были правильные, красивые черты лица. Одни находили, что из них[8] красивее тот, другие — этот.[9] Лопухов, более смуглый, с темными каштановыми волосами, имел орлиный нос,[10] толстые губы, лицо более овальное, карие сверкающие глаза, — Кирсанов имел прямой греческий нос,[11] маленький рот,[12] ‹лицо› более продолговатое, темно-голубые глаза, был очень бел лицом; русые волосы довольно темного оттенка.[13] Оба они были люди довольно высокого роста, стройные,[14] Лопухов несколько шире костью, Кирсанов несколько выше.[15]

Внешняя обстановка Кирсанова была довольно хороша. Он уже был профессором,[16] — огромное ‹большинство› избиравших было против него, — ему бы не только не дали кафедры, его бы не выпустили доктором, да нельзя было: два-три молодые человека да один немолодой человек из его бывших

---

[1] наклонные к [2] *Вместо:* не их типа. — *было:* других [3] *Далее было:* всё это они как-то иначе [4] *Было начато:* Между собою, но [5] *Далее начато:* европейские нак‹лонности?› [6] *Далее было:* когда они [7] *Далее было:* без [8] из них один [9] что этот [10] *Вместо:* с темными ∾ нос, — *было:* *а.* был из тех, которые *б.* имел римский орлиный нос [11] прямой нос, [12] *Вместо:* маленький рот — *было:* губы его [13] *Вместо:* русые ∾ оттенка — *было начато:* но волоса темно-пепельные, довольно темного [14] и хорошего здоровья [15] *Далее начато:* Кирсанов [16] *Далее начато:* ему не бо‹льшинство›

профессоров, его приятели, давно наговорили остальным, что будто бы есть на свете какой-то Фирхов[1] и какой-то Клод Бернар, да еще какие-то такие же, которых и не упомнишь, и что будто бы эти какие-то Фирхов, Клод Бернар да еще кто-то — светила медицинской науки; — всё это было до крайности неправдоподобно, потому что светила науки нам известны: Бургав, Гуфеланд,[2] — Гарве тоже был великий ученый, открыл обращение крови, — тоже Дженнер, который выучил оспопрививанию, — а этих разных Фирховов да Клодов Бернаров мы не знаем, какие они светила? а впрочем, чорт их знает, — так вот этот самый Клод Бернар отзывался с уважением о работах[3] Кирсанова,[4] когда тот еще оканчивал курс, — ну, и нельзя: дали Кирсанову докторство, дали года через полтора кафедру. Студенты говорили, что с его поступлением партия хороших профессоров заметно усилилась. Практики он не имел и говорил, что бросил практическую медицину, но в гошпитале бывал очень подолгу, — бывали дни, что он там и обедал, и пил чай вечером; иной раз даже и ночевал. Что же он[5] там делал? Он говорил, что работает для науки, а не для больных: «Я, говорит, не лечу, а делаю наблюдения и опыты», студенты говорили то же,[6] служители гошпиталя говорили иначе между собою: «Ну, этого Кирсанов берет в свою палату, — видно, труден», а потом больному: «Будь благонадежен,[7] супротив этого лекаря редкая болесть может устоять».[8]

В первое время замужства Веры Павловны Кирсанов бывал[9] у Лопуховых очень часто — почти через день, иногда и каждый день. Он скоро стал[10] чрезвычайно дружен с Верой Павловной.[11] Так продолжалось с полгода. Однажды они сидели втроем — он, муж и она,[12] разговор шел, как обыкновенно, без всяких церемоний; Кирсанов болтал больше всех, но вдруг замолчал.

— Что с тобою, Александр?

— Так что-то, нашла хандра.

— Это с вами редко случается, Александр Матвеевич, — сказала Вера Павловна.

— Без причины даже никогда, — сказал Кирсанов каким-то натянутым голосом.

Через несколько времени — гораздо раньше обыкновенного — он встал и ушел, простившись, как всегда, просто.

---

[1] Фиргоф [2] то есть Гуфеланд [3] о трудах [4] *Далее было:* и вошел [5] Что он [6] *Далее было:* больные [7] *Далее было:* уж коли один волосок может ухватить, от могилы оттащит. [Он] Этот таких вылечивает, что только [8] *Вместо:* Я, говорит ∾ устоять — *было:* но больные находили, что он не лекарь, а отец, [9] *Начато:* Кирсанов с полгода быва‹л› [10] Много времени он был [11] *Далее было начато: а.* Вдруг *б.* Одн‹ажды› [12] *Далее было: а.* Они болтали и Вера Павловна шутя сказала как-то кстати, что *б. Начато:* Вдруг

Дня через два Лопухов сказал Вере Павловне, что он заходил к Кирсанову и, как ему показалось, встречен был несколько странно, [1] — Кирсанов как будто хотел быть с ним любезен, что было вовсе лишнее между ними. Лопухов, посмотрев, посмотрев на него, сказал прямо: «Ты, Александр, что-то дуешься, — на кого? — на кого, на меня, что ли?» — «Нет». — «На Верочку?» — «Нет». — «Так что же с тобою?» — «Нет, ничего, что тебе показалось?» — «Да это вздор, ты нехорош ныне со мною, натянут,[2] любезен,[3] и видно, что дуешься». Кирсанов начал расточать уверения, что нисколько, — и тем окончательно выказал, что дуется. Потом ему стало как будто стыдно, он стал прост, хорош, как следует, даже очень мил.[4] Лопухов, воспользовавшись этим, опять спросил: «Ну, Александр,[5] скажи же, за что ты дулся?» — «Я не думал дуться», — и опять стал натянут, приторен и противен.

Что за чудо? Лопухов не мог вспомнить ничего, чем бы мог оскорбить его, да это и было невозможно при их глубоком[6] уважении друг к другу, при ‹*л. 32*› горячей, безусловной дружбе их. Вера Павловна тоже очень усердно вспоминала, не она ли чем оскорбила его, — тоже ничего не могла отыскать и тоже знала по той же самой причине, как у мужа, что это невозможно с ее стороны.

Прошло еще дня два, — не быть четыре дня сряду у Лопуховых было делом необыкновенным для Кирсанова. Вера Павловна[7] даже вздумала, здоров ли[8] он, — Лопухов зашел посмотреть, не болен ли в самом деле. — Какое, нездоров! — продолжает дуться. Лопухов стал приступать[9] к нему настойчиво, — он, после долгих отнекиваний, начал говорить какой-то нелепый[10] вздор о своих чувствах к Лопухову и Вере Павловне, что он очень любит их, — но из всего этого следовало, что они к нему невнимательны;[11] — ну, видно было, что человек вломался в амбицию. Всё это было так дико видеть в человеке,[12] за какого Лопухов знал Кирсанова, что гость сказал хозяину: «Послушай, ведь мы с тобою приятели, — ведь это, наконец, должно быть совестно тебе». Кирсанов с изысканною переносливостью отвечал, что действительно это, с его стороны, может быть, мелочность, но что ж делать, если многим обижался. «Ну чем же?» Он начал высчитывать множество случаев,[13] которыми обижался в последнее время, — всё в таком роде: «Ты сказал, что ‹чем› светлее у человека волосы, тем он ближе к бесцветности; Вера Павловна сказала, что нынче чай вздорожал, — это колкость на мой цвет[14] волос,[15] это намек, что я вас объедаю»;

---

[1] *Далее было: а.* с натянутою. *б.* с особенною, на него, вовсе не умевшего [2] *Далее было:* ухаживаешь [3] любезен и приторе‹н› [4] *Далее было:* говорил так тепло, хо‹рошо?› [5] друг, [6] *Было начато:* действ‹ительном› [7] *Далее было: а.* напомнила *б.* сказала [8] не заб‹олел› [9] приставать [10] пошлый [11] *Далее было: а.* и что он видит, что он бывает *б.* всё это было так дико в Кирсанове — словом [12] *Далее начато:* порядочн‹ом› [13] слов или случаев [14] *а.* моим *б.* моему цве‹ту› [15] волос и лица

у Лопухова опустились руки:[1] человек помешался на амбиционности или, вернее сказать, просто стал дураком и пошляком.

Лопухов возвратился домой просто опечаленный: тяжело было увидеть такую сторону в человеке, которого он так любил. На расспросы Веры Павловны, что же он такое узнал, он отвечал грустно, что лучше об этом не говорить, что Кирсанов говорил неприятный вздор, что он, вероятно, болен.

Через три-четыре дня Кирсанов, должно быть, сам увидел дикую пошлость своих выходок, — пришел к Лопуховым, был как следует, потом стал говорить, что он был пошл, — из слов Веры Павловны он заметил, что она[2] не слышала от мужа его глупостей, — искренно благодарил Лопухова за эту скромность, стал сам, в наказание себе, рассказывать всё Вере Павловне, расчувствовался, извинялся, говорил, что был болен, — и опять выходило как-то дрянно, — Вера Павловна стала было говорить, чтобы он бросил толковать об этом, что это пустяки, — он привязался к слову «пустяки» и начал нести такую же пошлую чепуху, как в разговоре с Лопуховым: очень деликатно и тонко стал развивать ту тему, что, конечно, это «пустяки», потому что он понимает свою маловажность для Лопуховых, но что он большего и не заслуживает, и т. д. — всё это говорилось темными намеками, в самых любезных выражениях глубокого уважения и преданности и т. д. Вера Павловна, слушая это, точно так же опустила руки, как прежде Лопухов. Когда он ушел, они припомнили, что несколько дней до своего явного опошления он был несколько не в своей тарелке, очевидно, было что[3]

После этого Кирсанов стал бывать опять часто, — но продолжение прежних простых отношений было уже невозможно: из-под маски порядочного человека высовывалось[4] несколько дней такое длинное ослиное ухо, что Лопуховы потеряли бы слишком значительную долю расположения к нему, если б ухо это и спряталось навсегда, — его нельзя было бы забыть; но оно по временам продолжало выказываться, выставлялось — не так длинно, и торопливо пряталось, — но жалко,[5] дрянно, пошло.

Скоро к нему в самом деле стали холодны. Через несколько времени он действительно имел причину не находить удовольствия у Лопуховых и перестал бывать.

Лопухов иногда заходил к нему. Он был ничего, как следует. Через год он даже возобновил посещения к Лопуховым и был опять[6] прежним отличным Кирсановым, простым и честным, но бывал редко, — видно было, что ему неловко вспоминать о глупой истории, какую он разыграл. Лопухов почти забыл ее, Вера Павловна тоже. Но раз порванные отношения не возобновлялись. По наружности он и Лопухов были друзья, да

---

[1] *Далее начато:* такой ахинеи он [2] что она ничего не знает, в чем он [3] *Фраза:* Когда он ушел ∞ было что — *вписана и не закончена.* [4] высунулось [5] но было жалко [6] опять человеком

и на деле Лопухов стал почти по-прежнему уважать его, — Вера Павловна[1] также возвратила ему часть прежнего расположения, — но[2] она очень редко его видела.

Теперь болезнь Лопухова, лучше сказать, чрезвычайная[3] привязанность Веры Павловны к Лопухову принудила его быть[4] более недели в коротких ежедневных отношениях с ними.[5] Он понимал, что ступает на опасную для себя дорогу, решаясь сидеть ночи у Лопухова, — ведь[6] он был так рад и горд тем, что в первый раз заметил в себе признаки страсти так рано,[7] умел так твердо сделать, что было нужно для остановки ее развития.[8] Ему было так хорошо от этого: две-три недели его тянуло тогда к Лопуховым, но и тут было больше приятности от сознания[9] своей твердости в борьбе, чем боли от лишения, — а через две-три недели боль вовсе прошла, осталось одно довольство своею честностью,[10] — так спокойно, так мило было у него на душе. А теперь опасность была больше, чем тогда:[11] Вера Павловна много изменилась в эти три года.[12] Если красота женщины настоящая красота — у нас на севере женщина долго хорошеет с каждым годом. Еще важнее была нравственная перемена, резко[13] бросившаяся в глаза Кирсанову, который больше двух лет почти не говорил с Верою Павловною.[14] Три года жизни в эту пору жизни развивают много[15] хорошего, если человек хорош и жизнь хороша. Опасность была большая, но только <для> Кирсанова, — Вере Павловне какая же опасность? Она любит мужа, да и смешно было бы[16] ему считать себя опасным соперником ее мужу[17] — это глупо.[18] «Ну, что ж?

---

[1] *Далее было:* не совсем настолько, как прежде, но [все-таки] стала однако [2] но он бывал [3] чрезмерная [4] *Далее начато:* несколь<ко> [5] *Далее начато:* Тяжело ему бы<ло> порвать [6] *Далее было:* вечер [пер<ед>] [при] тут [7] *Далее было:* так твердо [8] *Против текста:* так рано ∾ развития — *дата:* 10 янв<аря> [9] от гордого сознания [10] *Далее было:* с той поры, Кирсанов чувствовал себя как будто повысившись в нравственном чине, как будто получивши [11] *Далее было:* и он стал [12] *Далее было начато:* *а.* и изменилась к лучшему [Она] [Она ст<ала>] *б.* История красоты *в.* Молоденькая дев<ушка> бывает различна. Если лицо красиво — не основными чертами физиономии, а только им *г.* Причины *д.* История красоты бывает различна *е.* и изменилась к лучшему. Развилась [и физич<ески>] в 18 лет. Странная. Есть такие лица [13] слиш<ком> [14] *Далее было начато:* *а.* В чем была перемена, это мы *б.* Между чувства<ми> *в.* Женщина *г.* Три года жизни деятельной, благород<ной> *д.* Много перемени<лась?> *е.* Чувство — но об э<том> *ж.* Он расстался с нею, когда она — дело понятное [15] *Вместо:* развивают много — *было:* дают много человеку развитому, женщине [16] будет [17] *Далее было начато:* что он за особенный [18] глупо, конечно. *Вместо:* да и смешно ∾ глупо — *было:* *а.* и не имеет расположения искать себе любовников. [А] Да и муж такой, что умная женщина — станет ли она всматриваться в Кирсанова с мыслью отыскивать в нем совершенства, которыми затмились бы достоинства мужа? [Да и чем он] [И не имеет никакого основания и муж действительно такой человек, которого затмить не] Да и муж [действительно такой человек, который] ее из таких людей [которых не будет покидать], [которых покидать] [которых [во<все?>] [нелегко, раз полюбив] [которых и зат<мить>] [и желанья] [и не имеет мысли когда-нибудь] и Кирсанов уж конечно не будет отвлекать ее внимания от него на себя, — да и хоть и привык *б.* *Начато:* и что он за счастье *в.* *Начато:* и не имеет охоты [отыскивать новый предмет] всматриваться

Отойти для собственного спокойствия[1] недели через полторы, через две теперь будет несколько больнее, чем тогда было через полгода, но серьезной боли и теперь не будет.[2] Неужели из-за такого вздора давать женщине расстраивать нервы, рисковать болезнью от сиденья по ночам у кровати больного?[3] Так рассуждал Кирсанов.[4]

Надобность заменять Веру Павловну у его постели прошла. Кирсанов думал для соблюдения благовидности[5] еще два-три раза навестить Лопуховых, потом не быть у них недели две, отговариваясь занятиями, потом не быть месяц, потом полгода.[6] ‹*л. 32 об.*›

Все шло у него хорошо, как он и думал. Привязанность возобновилась, и сильнее прежнего, но борьба с нею не представляла никакого серьезного мучения, была[7] еще легка. Вот Кирсанов уже был два раза у Лопуховых по окончании болезни Дмитрия Сергеевича, — довольно, благовидность[8] соблюдена, — он начинает отходить. Прошло две недели, — ну, теперь надобно побывать еще раз, — а потом можно будет пропустить уже месяц.[9] В эти две недели[10] уже наполовину заглушено развитие чувства, — и прекрасно, через месяц он уже будет[11] совершенно в своей тарелке. Вот он сидит у Лопуховых и участвует в разговоре так непринужденно, что сам радуется своим успехам, и от этого довольства непринужденность еще увеличивается. Лопухов собирался завтра выйти в первый раз из дому, Вера Павловна была от этого в особенно хорошем настроении, радовалась чуть ли не больше — да наверное больше, — чем сам бывший больной.[12] Разговор[13] коснулся болезни, смеялись над нею, восхваляли шутливым тоном самоотверженность Веры Павловны, чуть не расстроившей себя тревогою из-за того, о чем не стоило тревожиться. «Смейтесь, смейтесь, — говорила она: — я сама знаю, что это забавно, но ведь[14] и вы сами поступали бы точно так же на моем месте».

— А какое влияние имеет заботливость других на человека, — сказал Лопухов: — ведь он и сам отчасти подвергается обольщению, что нужна ему бог знает какая осторожность, когда видит,[15] что[16] из-за него тревожатся. Ведь вот я — мог бы выходить из дому[17] уже дня четыре, а всё продолжал сидеть. Ныне поутру хотел выйти — и еще отложил на день для большей безопасности.

---

[1] *Вместо:* Ну, что ж ∾ спокойствия — *было:* Тогда отойти [2] *Далее было:* *а.* Конечно, и не было б ее, если б [не случился самый пустой разговор] [встретился самый] *б.* Оно так и было бы. Но [3] *Далее было:* *а.* Пройдет надобность *б.* Неужели стоит из-за этого даже [4] *Далее было:* *а.* *Начато:* и разу‹меется› *б.* и вся вероятность бы *После:* Кирсанов — *начато:* Болезнь Лопухова [5] *Вместо:* для соблюдения благовидности — *было:* сделать [6] *Далее было:* Но в одно из двух [7] она была [8] прилич‹ие› [9] *Вместо:* а потом ∾ месяц. — *было:* *а.* а потом на меся‹ц› *б.* *Начато:* еще *в.* *Начато:* уж мож‹но› [10] *Далее начато:* *а.* неболь‹шое› *б.* зародыш [11] *Вместо:* он уже будет — *было:* будет уже [12] *Вместо:* бывший больной — *было:* взд‹оравливающий› [13] Гово‹рили› [14] но что ж [15] знает [16] что вдруг [17] *Далее начато:* по кра‹йней›

— Да, тебе давно было можно выходить, — подтвердил Кирсанов.

— Вот это я называю геройством, — и, правду сказать, страшно надоело оно, — сейчас бы так и убежал.

— Милый мой, да ведь это ты все для моего успокоенья геройствовал. А убежим сейчас же в самом деле, если тебе так хочется[1] поскорее окончить[2] карантин. Я скоро пойду в мастерскую, отправимтесь все вместе, — это будет с твоей стороны очень мило, что ты первый визит после болезни сделаешь нашей компании. Она заметит это и будет рада такой внимательности.

— Хорошо, отправимся вместе.

— Вот хозяйка с тактом, — сказала Вера Павловна: [3] — и не подумала, что у вас, Александр Матвеевич, вовсе может не быть желания идти с нами.

— Нет, это очень любопытно. Я давно собирался. Ваша мысль очень счастлива.

Точно, мысль Веры Павловны была удачна.[4] Девушки действительно нашли очень милым, что Дмитрий Сергеевич сделал им первый визит после болезни. Кирсанов действительно очень интересовался мастерскою, — да и нельзя было не интересоваться ею человеку с тем образом мыслей, который был общий у него с Лопуховым. Если бы особенная причина не удерживала его, он с самого начала был бы одним из самых усердных преподавателей[5] в ней. Полчаса, может быть час, пролетели незаметно.[6] Вера Павловна водила его по разным комнатам мастерской[7] и общих комнат,[8] в которых девушки обедали, собирались[9] по вечерам. Осмотревши всё, они возвращались в мастерскую через столовую, когда к Вере Павловне подошла девушка, которой не было в мастерской; девушка и Кирсанов взглянули друг на друга: «Настенька!»[10] «Саша!» и обнялись.

— Сашенька, друг мой, как я рада, что встретила[11] тебя! — и всё целовала, и смеялась, и плакала. Опомнившись от радости, она сказала: — нет, Вера Павловна, о делах уж не стану говорить теперь, не могу расстаться с ним. Пойдем, Сашенька, в мою комнату.[12]

Кирсанов был не меньше ее рад, но Вера Павловна заметила,[13] что в первом же его взгляде, как он узнал ее, было много[14] печали; да это было и неудивительно: у девушки была чахотка в последней степени развития.[15]

---

[1] надо [2] подышать [3] *Далее было:* оставляю гостю выбор или отправить‹ся› [4] Точно ∾ удачна. *вписано.* [5] *Было:* самым усердным препод‹авателем› [6] *Далее было:* Вошла в комнату девушка, которой не было [7] *Далее было:* показывала, объясняла [8] *Далее было:* принадлежавших к [9] сидели [10] Катенька [11] наконец увиде‹ла› [12] и всё целовала ∾ комнату. *вписано.* [13] *Далее было:* что он смотрит украдкою [14] больше [15] *Далее было:* Пойдем в мою комнату, Сашенька, — Вера Павловна извинит тебя.

Крюкова поступила в мастерскую с год тому назад, уже очень больная, — если бы она оставалась в магазине, где была до той поры, она давно бы уже умерла от швейной работы. Но в мастерской нашлась для нее возможность прожить несколько[1] подольше, чем было бы иначе. Девушки совершенно освободили ее от шитья, — можно было найти довольно другого занятия для нее,[2] — она заменила половину прежних дежурств по мелким надобностям швейной, вела те[3] счеты, которые не требовали[4] много письма, участвовала в заведывании некоторыми кладовыми, принимала заказы, — <для> работы было полезно, и никто не мог сказать,[5] что Крюкова менее других приносит пользы[6] мастерской.

Лопуховы ушли, не дождавшись окончания свиданья[7] Крюковой с Кирсановым.

На другой день, рано поутру, Крюкова пришла к Вере Павловне.

— Я хочу поговорить с вами о том, что вы вчера видели, Вера Павловна, — сказала она, — она несколько времени затруднялась, как ей продолжать, — мне не хотелось бы, чтобы вы дурно подумали о нем, Вера Павловна.

— Что это как вы сами дурно думаете обо мне, Настасья[8] Борисовна!

— Нет, если бы это была не я, а другая, я бы не подумала этого. А ведь я, вы знаете, не такая, как другие.

— Нет, Настасья Борисовна,[9] вы не имеете права <так> говорить о себе. Мы знаем вас год. Да и прежде вас знали многие из нашего общества.

— Так, я вижу, вы ничего обо мне не знаете?

— Конечно, знаю[10] очень многое; вы были служанкою, в последнее время у актрисы N;[11] когда она вышла замуж, вы отошли от нее, чтобы избежать ухаживаний[12] отца ее мужа, — поступили в магазин N, из которого перешли к нам; я знаю это со всеми подробностями.[13]

— А больше вы ничего не знаете? Да,[14] в самом деле, Вера Павловна, ведь у нас не любят сплетен; и за Максимову и Шеину, которые знали меня прежде, я была уверена, что они не станут рассказывать. Но[15] все могло как-нибудь со стороны быть рассказано вам или другим. Как я рада, что они ничего не знают, — как я рада! значит, не нужно оправдывать его перед вами в том, что он был знаком со мною, — но я вам все-таки расскажу, чтобы вы знали, какой он добрый. Я была очень дурная девушка, Вера Павловна.

---

[1] еще несколько [2] *Против текста:* Девушки ∾ для нее, — *дата:* 11 янв<аря> [3] те разные [4] не требовавшие [5] *Вместо:* не мог сказать, — *было:* не видел причины [6] *Вместо:* приносит пользы — *было:* полезна [7] разговора [8] Катерина [9] *Далее было:* почему же знакомство [10] Знаю [11] *Далее было:* потом отошли от нее [12] любезностей [13] *Далее было:* Ах как это мило со стороны [14] *Далее было: а. Начато:* Да что *б.* Да, если вы [только] знаете только [15] Но ведь меня

— Вы, Настасья Борисовна?

— Да, Вера Павловна, была. И я была очень дерзкая, у меня не было никакого стыда, и я была всегда пьяная, — у меня оттого и болезнь, Вера Павловна, что я при своей слабой груди слишком много пила.

Вере Павловне уже раза два или три[1] случалось видеть[2] примеры, что девушки, которые уже давно держали себя самым безукоризненным образом, когда начиналось ее знакомство с ними, прежде когда-то вели самую дурную жизнь. На первый раз она была удивлена такою исповедью, но,[3] подумав над нею несколько дней, она рассудила: «А моя жизнь? грязь,[4] в которой я выросла, ведь тоже была очень дурна, — однако же не прилипла она ко мне, как остаются от нее чисты сотни, тысячи женщин, выросших в семействах[5] не лучше моего. Что ж[6] удивительного, если из этого унижения также могут выходить[7] неиспорченными те, которым счастливый случай поможет избавиться от него?» И вторую исповедь она слушала, уже не изумляясь тому, что девушка, ее делавшая, сохранила все благородные свойства человека: и бескорыстие, и способность верной дружбы, и[8] даже сохранила довольно много наивности.

— Настасья Борисовна, я имела[9] такие разговоры, какой вы хотите начать. Той, которая говорит, и той, которая слушает, обеим тяжело,[10] — я вас буду уважать не меньше — скорее больше прежнего, услышав, что вы много перенесли. Но я понимаю всё, и не слышав, — не будем говорить об этом,[11] — передо мною не нужно объясняться. У меня самой много лет жизни прошло очень в больших огорчениях,[12] я[13] стараюсь не думать о них[14] и не люблю говорить о них — это тяжело.

— Нет, Вера Павловна, у меня другое чувство, я вам хочу сказать, какой он добрый, — мне хочется, чтобы кто-нибудь знал, как я ему обязана, — а кому сказать, кроме вас? Мне этот рассказ будет облегчением. О том, какую жизнь я вела,[15] разумеется, нечего говорить, — она у всех таких бедных одинакова. Я хочу рассказать только о том, как я с ним познакомилась:[16] об нем так приятно говорить мне. И ведь я переезжаю к нему жить, — надобно же вам знать, почему я бросаю мастерскую.

— Позвольте же, я возьму работу, — если так, если для вас рассказ будет приятен, Настасья Борисовна,[17] я рада вас слушать.

— Да, а вот мне и работать нельзя. Какие добрые эти девушки — нашли возможность успокоить меня, — я их буду всех благодарить, каж-

---

[1] три или четыре [2] слышать [3] *Далее начато: а.* в т‹у› *б.* через *в.* скоро она [4] та грязь [5] в таких же семействах [6] Почему ж [7] *Вместо:* из этого ∾ выходить — *было:* от этого унижения могут остав‹аться› [8] *Далее начато:* способность ко [9] имела случай [10] *Далее было:* зачем же [11] *Далее было: а.* я не такая *б.* у меня самой бы‹ло› [12] *Вместо:* в больших огорчениях, — *было:* очень тяжело [13] я знаю как [14] об этом и ничего [15] О том, как я жила [16] *Далее начато:* Ах, я така‹я› [17] если так ∾ Настасья Борисовна, *вписано.*

дую. Скажите и вы, Вера Павловна, что я просила вас благодарить их за меня.

Я ходила по Невскому, Вера Павловна, — только что вышла, было еще рано, — идет студент, — я привязалась к нему, — он[1] ничего не сказал, а перешел на другую сторону улицы. Смотрит, я опять подбегаю к нему, схватила его за руку: «Нет, я говорю, я не отстану от вас, вы такой хорошенький». — «А я вас прошу об этом, оставьте меня», говорит. «Нет, пойдемте со мною». — «Незачем». — «Ну, так[2] я с вами пойду. Вы куда идете? Я уж от вас ни за что не отстану». Ведь я была такая бесстыдная, хуже других.

— Оттого, Настасья Борисовна, что, может быть, на самом-то деле были застенчива, совестились.

— Да, это, может быть, правда. По крайней мере на других я это видела, не тогда, разумеется, а после поняла. Так когда я ему сказала, что непременно пойду с ним, он перестал сердиться, а сказал: «Когда хотите, идите, только напрасно будет», и засмеялся — он хотел меня проучить, как после сказал, — ему было досадно, что я так пристаю. Я и пошла с ним, и говорила ему всякий вздор, — он все молчал. Вот мы пришли. По-студенческому, он уж и тогда жил хорошо, он был тогда во втором курсе, у него были хорошие уроки, он получал больше 20 рублей в месяц. Тогда он жил один. Я развалилась на диван и говорю: «Ну, давай вина». — «Нет, говорит, вина я вам не дам, а чай пить, пожалуй, давайте». — «С пуншем», — я говорю. «Нет, без пунша». Стала делать глупости, бесстыдничать. Он сидит и смеется, — да так обидно, — смотрит, но не обращает никакого внимания. Теперь встречаются такие молодые люди, — ведь я, Вера Павловна, осталась приятельница с одной из тогдашних моих подруг: очень добрая и хорошая, только никак не может отстать от вина, такая несчастная,[3] — теперь есть такие[4] молодые люди, много лучше стали[5] с того времени. А тогда это было диковиной. Мне стало даже обидно, я начала ругать его: «Когда ты такой деревянный, — и выругала его, — так я уйду». «Теперь что ж уходить, — он говорит, — уж напейтесь чаю, хозяйка сейчас принесет[6] самовар. Только не ругайтесь,[7] — и все говорил мне „вы“, — вы лучше расскажите-ко мне, ‹*л. 33*› кто вы, и как с вами это случилось». — Я ему стала рассказывать, что про себя выдумала, — ведь мы сочиняем себе разные истории, и от этого никому из нас не верят, а у многих — в самом деле есть такие, у которых эти истории не выдуманы: ведь между нами бывают и образованные, и благородные.[8] Он послушал, послушал, и говорит: «Нет, у вас[9] плохо придумано, я бы вот и хотел верить, да нельзя. Зачем вы лжете?» А мы

---

[1] *Далее было:* сказал: «вы видите, что [напрасно теряете] я не расположен любезничать [2] Ну, да так [3] *Далее было:* а тогда это было редкость [4] *Далее было:* которые и с нами, то есть с [5] стали лучше [6] *Было:* сейчас принесут [7] *Далее было:* ведь я вам говорил, что [8] *Далее было:* и только скоро [9] это вы

уж пили чай. Вот он и говорит: «А знаете, что я по вашему сложению вижу? что вам вредно пить вино. У вас чуть ли уж грудь-то от него не расстроена, — дайте-ко я вас осмотрю», — что же, вы не поверите, Вера Павловна, ведь мне стыдно стало, а в чем моя жизнь была,[1] перед этим как бесстыдничала! И он заметил: «Да нет, говорит, ведь только грудь послушать», — он во втором курсе тогда еще был, а уже много знал по медицине, он вперед заходил в науках, — стал слушать грудь. «Да, — говорит, — вам вовсе не годится пить. У вас грудь плоха». — «А как же нам не пить, — я говорю, — нам без этого нельзя». И точно, нельзя, Вера Павловна. «Так вы бросьте такую жизнь». — «Стану я бросать, ведь она веселая». — «Ну, говорит, мало веселья. Ну, теперь я делом займусь, а вы идите. Вот вам целковый,[2] чтобы вы не жаловались, что у вас вечер пропал». — А я швырнула[3] ему целковый, — ведь из нас тоже обидчивые в этом: «За что[4] я возьму, за кого ты меня принимаешь? Чтоб я стала даром деньги брать?» Право, так и сказала: «За кого принимаешь?» — ведь вам это смешно[5] покажется: «За кого принимаешь!» — и пошла. А он говорит: «Ну, так я вам вот что скажу: ежели когда так захотите посидеть, — только чтобы не ругаться, — так заходите»; — разумеется, ему честно показалось, что я денег не взяла. «А зачем я к вам приду?» — И ушла, рассерженная, что вечер пропал, да и обидно мне было, что он такой бесчувственный. Вот, через месяц этак, случилось мне быть в тех местах; дай, думаю, зайду к этому деревянному, потешусь над ним. А это было перед обедом, я с ночи-то выспалась и не была пьяная. — Он сидел с книгою. «Здравствуй, деревянный», я говорю. «Здравствуйте. Что скажете?» — «Зашла тебя проведать». Опять стала дурачиться. «Я, говорит, вас прогоню, если вы станете эти глупости делать. Ведь я вам говорил, что не люблю. Теперь вы не пьяная, можете понимать. А вы лучше вот что подумайте: у вас лицо-то больнее прежнего, вам надо бросить вино. Поправьте одежу-то, да поговорим хорошенько». — А у меня, точно, грудь-то уж начинала болеть. — «Да как же с тобой[6] говорить, когда ты такой бесчувственный,[7] ты обижаешь». — «Нет, говорит, я не бесчувственный, да лучше об вас поговорим, обо мне нечего говорить». — Стал расспрашивать про грудь, опять слушал, сказал, что расстроена больше прежнего, что мне нельзя так жить; — ну, знаете, много говорил об этом, да и грудь-то у меня болела — я и расчувствовалась, заплакала, ведь умирать-то не хотелось, а он все чахоткою пугал; я расплакалась и говорю: «Да как же я такую жизнь брошу? Ведь меня хозяйка не выпустит, — я ей 17 целковых должна, — ведь нас всегда в долгу держат, чтобы мы безответны были».[8] «Ну, говорит, у меня 17 целковых не наберется, а послезавтра приходите»; — так это мне странно показалось — ведь я вовсе не к тому сказала, да и как же этого

[1] в чем ∾ была, *вписано.* [2] полтин‹ник› [3] обидел‹ась› [4] Когда не за что [5] странно [6] с вами [7] *Далее было:* Вот я опять, пожалуй [8] *Текст:* ведь нас ∾ были». *вписан.*

ждать было? — да я и ушам своим не поверила, расплакалась еще больше, думала, что это он надо мной насмехается, — «грешно, — я говорю, — вам, — уж наглость[1] бросила и стала его называть „вы“, — грешно вам обижать бедную девушку, когда видите, что я плачу».[2] И что вы думаете, ведь долго ему не верила, когда он стал уверять, что говорит не в шутку. И что вы думаете, ведь набрал денег и отдал мне, когда я через два дня пришла. Мне и тут всё еще как будто не верилось.[3] «Да как же, говорю, да за что же, когда вы не хотите иметь со мною дела?»[4] Выкупилась от хозяйки. Наняла особую комнату, — но делать я ничего не умела, а наняться мне было нельзя никуда, потому что ведь у нас особые билеты, — куда с таким билетом покажешься?[5] А денег нет, и жила по-прежнему, — то есть не по-прежнему, какое сравнение, Вера Павловна,[6] ведь я к себе уж принимала только своих знакомых, хороших, таких, которые не обижали, и вина у меня не было, потому какое же сравнение, и знаете? мне это уж легко было перед прежним, — только нет, все-таки тяжело, — и что я вам скажу? — вы подумаете, потому тяжело, что у меня много приятелей было, — человек пять? Нет, ведь я ко всем к ним имела расположение, так это мне было ничего, — вы меня простите, Вера Павловна, что я так говорю, только я с вами откровенна: я и теперь так думаю. Вы меня знаете, Вера Павловна, развратная ли я теперь какая-нибудь или нескромная ли? Кто, Вера Павловна, слышал теперь что-нибудь, кроме самого хорошего, — ну скажите, Вера Павловна, если бы у вас дочь была, а я была бы здоровая, — не побоялись бы взять меня в няньки, что я буду ее дурному учить?

— Нет, Настасья Борисовна, не побоялась бы.

— Я знаю, что не побоялись бы. Ведь я в мастерской сколько вожусь с детьми, и все меня любят, и старухи не скажут, чтобы я[7] не учила их самому хорошему, — это верно, и никто от меня нескромного слова не услышит, — только я и теперь так думаю: если расположение имеешь, это все равно, Вера Павловна, потому что тут обману нет, — другое дело, если бы обман был, — так я не этим стыдилась, Вера Павловна, а тем, что все-таки деньги брала, — это мне очень стыдно было. А только, Вера Павловна, вы простите меня, что я вам скажу: ведь почти что всем женщинам, по-моему, также должно быть стыдно, которые и благородные женщины, замужние, и мужа не обманывают, не заводят любовников себе, — ведь они тоже за деньги живут с мужьями, — да еще я скажу вам больше: я — про себя скажу — ведь я, когда так стала жить, вперед денег не брала, должна никому не была, когда у меня расположения не было,

---

[1] наглость-то [2] *Далее начато:* Ну, разумеется, он [3] *Далее начато: а.* Выкупилась *б.* Только от хозяйки [4] *Далее было:* Да я, говорит, ведь и не дарю вам эти [5] *Далее было:* и жила [6] *Далее было:* такая жизнь еще [7] *Далее было: а.* детям что *б.* не была хор‹ошей?›

я и говорила: «Ты ступай, я не хочу, чтобы ты нынче тут был», — а если не то что по времени у меня не было расположения, а к человеку не было расположения, ведь я его вовсе отсылала, что «я не буду с тобою знакома», — значит, Вера Павловна, я еще меньше была им обязана перед ними за себя иметь стыд, — а как[1] у нас замужние женщины живут, Вера Павловна? Я не про наших простых женщин говорю, из простого звания, — те незадаром мужниными деньгами кормятся: ведь она работница в доме, и обшивает, и обмывает мужа, и есть ему готовит,[2] и за детьми смотрит, всё она: и швея, и прачка, и судомойка, и кухарка, и нянька, и всё, — этой нет стыда с мужем жить, — я говорю про ваше звание, Вера Павловна,[3] да не про бедных, — что бедные, они все так живут, как и простые, хоть и благородные. Бедная жена тоже и из благородных людей тоже полезный человек в доме: за свою заботу, за свои труды имеет содержание от мужа, — ей не стыдно, Вера Павловна, — она,[4] вы меня извините, что я так скажу, — она с ним как с мужем живет не за плату, она свою плату не за это берет, — я говорю, мужнин хлеб ест, мужнино платье носит, от мужа комнату получает не за это, Вера Павловна, что с ним как жена живет, а за то, что она ему полезная помощница; — ей не стыдно, — а я говорю про достаточных людей, про тех жен, которые так живут, ни на что в доме не нужны, кроме как для прихоти да для похвальбы мужу, — [5] эти, Вера Павловна, за что свое содержание имеют? Им, по-моему, так же должно быть стыдно, как мне тогда было, — вы меня простите, что я так говорю, — может быть, это потому так мне кажется, что я прежде[6] вела дурную жизнь, так, может быть,[7] это от нее[8] дурные мысли остались. — Да нет, Вера Павловна, — опять как же это сказать? — Что дурно,[9] так ведь то я осуждаю, самыми строгими словами, — вино, или бесстыдство какое, или если кто-нибудь обижает, или учит вредному, — это я очень осуждаю, Вера Павловна, — отчего же у меня такие мысли? Верно, это не от дурной моей жизни развратные мысли остались, а должно быть, что это верные мысли и что если другим они не представляются, так разве потому, что они меньше горечи испытали, не могут так правильно судить о жизни. Видите, какая я гордая в своих мыслях, Вера Павловна, — ну да недолго мне погордиться.

— Так вот как я и жила, Вера Павловна, — это мне не стыдно было, Вера Павловна, что у меня не один человек бывает, — простите меня, что я так сказала, что я этого и теперь не осуждаю, потому что я без расположения никого не принимала, — дружна была с ними, потому что были хорошие люди, не обижали, — только тем я очень стыдилась,[10] что плату от них брала,[11] что я по расположению к себе их принимала, а по виду как

---

[1] а как дамы [2] *Далее было:* да и ежели время [3] *Далее было:* в котором [4] она с ним [5] *Далее было:* это, Вера Павловна, тоже [6] *Далее начато:* дурну‹ю› [7] *Далее было:* я не могу [8] от нее во мне [9] Что было дурно, то я знаю, что [10] огорчалась [11] *Далее было:* что если я просто

будто за деньги им себя продавала. Вот так и прошло, Вера Павловна, месяца три, и много уж я отдохнула в это время, потому что моя жизнь в это время была уже спокойная, и — извините,[1] Вера Павловна, что я так скажу,[2] — совестилась я по причине денег, а дурной девушкой себя не считала.[3] Но совестно было из-за денег. ‹*л. 33 об.*›

— Только, Вера Павловна, и он, Сашенька, бывал у меня в это время, и я его навещала, — вот[4] я опять к тому подошла, об чем одном надобно было говорить, — а что рассказывала я об себе, ведь без этого можно было обойтись, — только, Вера Павловна, кому же про свою жизнь не хочется рассказать так, чтобы после, когда, знаете, в живых не будешь, чтобы те,[5] кого уважал, помнили тебя в настоящем твоем виде, как ты была и как чувствовала, — что же, Вера Павловна, вам нечего говорить, какие мои чувства к вам, — конечно, Вера Павловна, не то, что к Сашеньке, — как можно сравнить, и тени той нет, потому что этого, Вера Павловна, никак нельзя, — ну, а все-таки[6] вас больше всех люблю после него. — Вот я стала говорить, Вера Павловна, что Сашенька меня навещал, — только не за тем, как другие, а так, будто имел за мною наблюдение, чтобы я[7] к своей прежней слабости[8] не возвратилась,[9] вина бы не пила. И точно: в первые дни он меня поддержал, потому что я совестилась; ну, как он зайдет да увидит, — а в первое время тянуло, потому что у меня уж была привычка,[10] и должно быть, что без него я не устояла бы, потому что мои приятели,[11] хоть и были добрые, хорошие люди, но[12] тоже говорили: «Я, говорит, пошлю за вином». — А как я его совестилась, я и говорила: «Нет, никак нельзя». — А то, знаете, соблазнилась бы, — одной той мысли было бы не довольно, что это для моей болезни вредно. А потом, Вера Павловна,— этак недели через две, — я уж сама укрепилась, прошел позыв к вину, и уж отвыкла я от пьяного обращения. Только, Вера Павловна,[13] я все собирала деньги, чтоб ему отдать, и месяца через два отдала все. И он был так рад, что я ему их отдала, — и только я тогда же это поняла, что ему не деньги понравились, а что[14] у меня эти деньги лежали на душе; и на другой день он мне принес кисеи на платье, две пары ботинок, цветов купил;[15] «я, говорит, вас не хотел обидеть, чтобы от ваших денег отказаться».[16]

---

[1] *Начато:* про‹стите› [2] *Далее было начато: а.* это я расск‹азываю?› *б.* разврат‹ная?› *в.* моя *г.* я не счит‹аю› [3] *Вместо:* дурной ∞ не считала — *было:* на своей совести греха не видела и не вижу, а не [4] вот значит [5] чтобы хоть один, [6] *Далее было:* после [7] *Было: а.* точно чтобы я *б.* чтобы я точно [8] *Далее было:* то есть к вину [9] *Далее было:* не стала бы [10] *Далее было:* и без него может [11] *Было: а.* прияте‹ли› *б.* знак‹омые› [12] *Далее было начато: а.* этой не *б.* имели [13] *Далее начато:* месяца [14] *Далее было:* я не хотела [15] *Вместо:* кисеи ∞ купил — *было:* платья, башмаков, дешевень‹ких?› [16] *Вместо:* и на другой день ∞ отказаться». — *было: а. Начато:* а я, собс‹твенно?› *б.* потом он сказал *в.* и сказал: [вам] [вы ку‹пите›] давайте, я на эти деньги *г.* только Вера Павловна, он

— Вот он опять бывал и после этого с месяц,[1] все так же, будто лекарь за больным смотрит.[2] А потом, — это уж через месяц было после того, как я с ним расплатилась, — он тоже сидел у меня, и сказал: «вот теперь, Настенька, вы мне стали нравиться», — а точно,[3] от вина лицо портится,[4] и вдруг это[5] не могло пройти, а тогда уж прошло, и цвет лица у меня стал нежный, и глаза стали ясные, — и опять то, что от прежнего обращения отвыкла, и стала говорить скромно, — знаете, мысли-то у меня скоро стали скромные, когда я перестала пить, а в словах-то я еще путалась, — ну, этак бывало, или сяду да забуду платье оправить хорошенько, по прежнему, знаете, неряшеству, а к этому времени я уж попривыкла и держать и говорить гораздо скромнее,[6] — вот, как он это сказал, что я ему стала нравиться, я так обрадовалась, что хотела ему на шею броситься да поцаловать, да не посмела, остановилась, — а он говорит: «Вот видите, Настенька, я не бесчувственный». — И долго сидел и говорил, что я стала хорошенькая и скромная, — только,[7] потом он и стал[8] ласкаться ко мне, — и так это мне странно показалось от него, когда он начал ласкаться,[9] и как же ласкаться? Взял руку и положил на свою, и стал так нежно гладить другою рукою, и смотрит на эту руку, — а точно, руки у меня тогда были[10] уж беленькие, нежные, — всё смотрит на руку, и иногда в глаза посмотрит, — так вот, как он взял мою руку, вы[11] не поверите, Вера Павловна, — я так и покраснела, — после моей-то жизни, Вера Павловна, будто какая-нибудь самая невинная барышня, ведь это странно, Вера Павловна, а так было, — но при всем моем стыде, — смешно сказать, Вера Павловна: при стыде моем, а ведь правда, все-таки сказала: «Как это вы захотели приласкать меня, Александр Матвеевич?» — А он сказал: «Потому, Настенька, что вы теперь честная девушка», — эти слова так меня обрадовали, что он назвал меня честною девушкою, что я так и залилась слезами, — а он стал говорить: «Что это с вами, Настенька?» — и поцаловал меня, — что же вы думаете, Вера Павловна, от этого поцалуя у меня голова закружилась, я себя не помнила,[12] — можно ли этому поверить, Вера Павловна, чтобы это могло быть после такой моей жизни?

— Вот, Вера Павловна, на[13] другое утро сижу[14] я, да и плачу: что мне теперь делать, бедной, как я жить стану? Только мне и остается, что

---

[1] *Вместо:* бывал ∾ с месяц, — *было:* зашел недели через полторы, [2] *Далее было:* или как я [3] *Далее начато: а.* я когда *б.* ведь это я [4] *Далее было:* потому что здоровье [5] этого [6] *Вместо:* ну, этак бывало ∾ скромнее, — *было:* ну, и без намерения, и тогда что-нибудь нескромно сделаю, бывало, по забывчивости, [раз] [то] [придет] — а тут уж я отвыкла, стала и говорить приличнее [и от прежней-то привычки], этак бывало [руками] [и сяду, а заб‹уду›] или сяду, да забуду платье оправить хорошенько — по прежнему, знаете, неряшеству, или говорю, да рукою махну, [как по] — а к этому времени я уж стала и держать [7] *Далее было:* уж поздно стало [8] и говор‹ит› [9] *Далее начато: а.* я даже при всей моей совест‹ливости› *б.* взял [10] *Вместо:* а точно ∾ были — *начато:* а она, точно, была у [11] так вы [12] *Вместо:* я себя не помнила — *было:* и я себя забыла [13] так на [14] когда сижу

в Неву[1] броситься, потому что чувствую я: не могу[2] я того, что я делала, зарежьте меня, с голоду буду умирать, не стану делать. — Видите, Вера Павловна, значит у меня давно была к нему любовь, но как он не показывал ко мне никакого чувства и у меня надежды никакой не было, чтобы я могла ему понравиться,[3] то эта любовь и замирала во мне, и я сама не понимала, что она во мне есть. А теперь все и обнаружилось. А это, разумеется, когда такую любовь чувствуешь, то как же можно на кого-нибудь и смотреть, кроме того, кого любишь?[4] Это и вы по себе чувствуете, что нельзя. Тут уж все пропадает, кроме одного человека. В этом и похвалы никакой нет, потому что иначе и <не> можешь чувствовать.[5] Вот сижу я и плачу: «что я теперь буду делать? Нечем мне теперь жить». Я уж в самом деле думала: «пойду к нему, увижусь еще с ним, да пойду после того и утоплюсь». Так все утро и проплакала. Только[6] вдруг вижу, он вошел и бросился меня целовать, и говорит: «Настенька, об чем я тебя хотел спросить? Хочешь ты со мной жить?»[7] — Я ему и сказала, что я думала. И стали мы с ним жить.

— Вот было счастливое время, Вера Павловна, — я думаю, мало кто таким счастьем пользовался. И все-то он на меня любовался, Вера Павловна, — сколько раз случалось: проснусь, а он сидит, да и смотрит, — знаете, он изнежил меня, я иной раз лягу рано,[8] а он привык заниматься, сидит за книгой, — да и не усидит, — подойдет <взглянуть> на меня, да так и забудется, — всё сидит да смотрит. Но только, какой же он скромный был, Вера Павловна, — ведь я после уже умела понимать, не то что по сравнению, как другие со мною были, это, разумеется, какое сравнение, — а ведь я стала читать, узнала, как в романах любовь описывают, по этому могла судить, — но только, Вера Павловна, уж как он любовался на меня, — и какое в это время чувство, Вера Павловна, когда любимый человек на тебя[9] любуется, это такая нега, Вера Павловна, о какой я и понятия никакого не имела, — уж на что, когда он меня в первый раз поцаловал, — у меня даже голова закружилась, я так и опустилась к нему на руки, — кажется, сладкое должно быть чувство — но всё не то, Вера Павловна, — то, знаете, кровь кипит,[10] тревожное что-то, и в сладком чувстве есть как будто какое-то мученье, — так что тяжело[11] это даже, хотя нечего и говорить, какое блаженство, что за[12] такую минуту можно, кажется, жизнью пожертвовать, — да и жертвуют, Вера Павловна, значит, большое блаженство, — а всё не то, совсем не то,[13] не то, — это все равно, как если когда замечтаешься, сидя одна, просто думаешь: «ах, как я его люблю»; — так ведь когда так задумаешься,[14] тут уж ни тревоги, ни боли

---

[1] реку [2] что не могу [3] показаться [4] *Далее было:* В этом, Вера Павловна, и досто<инство?> [5] *Вместо:* и ∽ чувствовать. — *начато:* и быть [6] Только смотрю [7] *Далее начато:* У меня [8] *Далее было:* проснусь поздно [9] *Вместо:* на тебя — *было:* так на твою [10] *Далее было:* какое-то раздр<ажение> [11] так что и рада и тяжело [12] за него [13] *Текст:* тревожное ∽ совсем не то, *вписан.* [14] мечтаешь

никакой нет в этой приятности, а так ровно, тихо чувствуешь, — так вот то же самое, только в тысячу раз сильнее, когда этот любимый человек на тебя любуется,[1] — и как это спокойно чувствуешь, — и не то что сердце сильнее бьется, нет, — то уж тревога была бы, этого не чувствуешь, а только грудь шире становится, дышится легче, — вот это так, это самое верное: дышать очень легко! Ах, как легко, — так что и час, и два пролетят, будто одна минута, — как одна минута, — нет, ни минуты, ни секунды нет, вовсе времени нет, все равно как уснешь и проснешься, — проснешься, чувствуешь, что много времени прошло с той поры, как уснул, — а как это время прошло, — это и ни одного мига не составило, Вера Павловна; и тоже опять все равно как после сна: не то что утомление, а напротив, свежесть, бодрость, будто отдохнул, — да так и есть, что отдохнул; я сказала: «очень легко дышится» — это и есть самое настоящее. Какая сила во взгляде, Вера Павловна, — никакие другие ласки так не[2] ласкают, не дают такой неги, как взгляд. Все остальное, что есть в любви, все не так нежно, как эта нега.

— И все, бывало, любуется; все, бывало, любуется, — ах, что это за наслажденье такое, — это никто не может представить, кто не испытывал,[3] — да вы это знаете. Вам не нужно этого рассказывать, — а как подумаешь об этом, то не можешь оторваться от этой мысли. Нет, я уж уйду, Вера Павловна, больше и говорить ни об чем нельзя. Я только хотела сказать, какой Сашенька добрый.

Крюкова досказала свою историю Вере Павловне уже в другие дни. Они с Кирсановым прожили около двух лет; признаки[4] начинавшейся болезни как будто исчезли; но[5] на третью весну чахотка вдруг обнаружилась уже в сильном развитии. Жить с Кирсановым было бы[6] для Крюковой обрекать себя на скорую смерть, — но отказавшись от этой связи, она могла еще рассчитывать, что болезнь опять заглохнет надолго.[7] Они решились расстаться. Заниматься какою-нибудь усидчивою работою также значило бы губить себя. Надобно было искать должности горничной, экономки, няньки, что-нибудь в этом роде; и должности, и такой госпожи, при которой не было бы ни утомительных обязанностей, ни, в особенности, неприятностей. Условия довольно трудные. Но нашлось такое место.[8] У Кирсанова были знакомства между начинающими артистами, — через них Крюкова определилась в горничные к одной из актрис русского театра, отличной женщине. Долго расставались и не могли они расстаться с Кирсановым. «Завтра отправлюсь на свою должность» — и одно завтра проходило за другим. Плакали, плакали, и всё сидели, обняв-

---

[1] *Далее было: а.* это можно и *б.* это, ведь, знаете, не одна минута [2] не так [3] *Далее было:* да впрочем, что ж я ва‹м› [4] следы [5] но когда [6] значило бы [7] Далее было: если она будет [8] *Текст:* Надобно было ∾ место. *вписан.*

шись, пока уже сама актриса, знавшая,[1] по какому случаю поступает к ней горничная, приехала за нею сама, догадавшись, почему она <*л. 34*> долго не является, и зная, что это продление разлуки очень вредно для бедной больной девушки. Пока актриса оставалась на сцене, Крюковой было очень хорошо жить у ней: актриса была женщина деликатная, Крюкова была привязана к своему месту — другое такое трудно было бы найти, — актриса была довольна горничною; горничная за то, что не имеет от нее неприятностей, привязалась и к ней самой, — актриса, увидев это, стала еще добрее; Крюковой было очень спокойно,[2] и болезнь ее действительно не развивалась или почти не развивалась. Но актриса вышла замуж, покинула сцену и поселилась в семействе мужа, — тут, как и[3] прежде слышала Вера Павловна, привязался к горничной отец мужа актрисы,[4] — добродетель Крюковой, положим, и не подвергалась никакому искушению, но начались домашние сцены:[5] бывшая актриса стала стыдить старика, старик стал сердиться, — Крюкова не хотела быть причиною семейного раздора, да если бы и хотела, то уже не имела бы прежней спокойной жизни на прежней должности, и бросила ее.

Это было года через полтора после разлуки с Кирсановым. Она уже не виделась с ним в это время. Сначала он навещал ее, но радость свиданья так вредно действовала на нее, что он вытребовал у нее позволения не бывать у ней для ее же пользы. Крюкова пробовала жить горничною еще в двух-трех семействах, но везде было столько тревог и неприятностей, что уж лучше было поступить в швеи, хоть это и было прямым обречением себя на быстрое развитие болезни, — ведь болезнь все равно развивалась бы и от неприятностей; пусть же [будет она] подвергаться той же судьбе без огорчений, только от одной работы. Год швейной работы окончательно подрезал Крюкову. Когда она поступила в мастерскую Веры Павловны, Лопухов, бывший там домашним доктором, делал все возможное, чтобы задержать ход чахотки, сделал много, то есть по трудности того небольшого успеха, который получал, но успех сам по себе был невелик.

Крюкова до последнего времени находилась в обыкновенном заблуждении чахоточных, воображая, что ее болезнь еще не бог знает <как> развилась. Поэтому она сама не хотела отыскивать Кирсанова, зная, что свидания с ним были для нее ядом. Но уже месяца два-три она очень настойчиво спрашивала Лопухова, долго ли остается ей жить. Зачем это нужно знать ей, она не говорила, и Лопухов, конечно, не почел себя вправе прямо сказывать[6] ей о близости развязки, не видя в ее вопросах ничего, кроме обыкновенной привязанности к жизни. Он считал своим долгом

---

[1] слышавшая, [2] *Вместо:* Крюковой ∾ спокойно, — *было:* жить Крюковой было отлично [3] уже и [4] *Вместо:* отец мужа актрисы — *было:* пожилой любитель [5] *Далее было:* между бывшею актрисою и отцом ее мужа, Крюкова [6] *Было:* говор<ить>

успокоивать ее. Но как чаще всего случается, она не успокоивалась, а только удерживалась от исполнения мысли, которая могла доставить отраду ее концу: сама она видела,[1] что ей недолго жить, и чувства ее определялись этою мыслью, но медик уверял ее, что она еще должна дорожить своим здоровьем, и[2] она знала, что должна верить ему больше, чем себе, потому и слушалась его в своих поступках и не отыскивала Кирсанова.

Разумеется, это недоразумение не могло быть продолжительно:[3] с приближением кризиса расспросы Крюковой о состоянии ее болезни сделались бы настойчивее, определеннее; если бы она и не высказала, что имеет еще[4] особенную причину узнавать[5] истину, кроме[6] обыкновенного интереса всех больных, то Лопухов или Вера Павловна заметили бы это, дело разъяснилось бы, и двумя-тремя неделями,[7] быть может несколькими днями позже все-таки дело пришло бы к тому же самому, к чему пришло несколько раньше благодаря неожиданному для Крюковой появлению Кирсанова в мастерской. Но[8] теперь недоразумение было прекращено не дальнейшим ходом расспросов, а этим случайным обстоятельством.

— Как я рада, как я рада,[9] ведь я всё собиралась к тебе, Сашенька, — с восторгом сказала Крюкова, когда ввела его в свою комнату.

— Да, Настенька, я не меньше тебя рад,[10] — теперь не расстанемся, переезжай жить ко мне, — сказал Кирсанов, увлеченный чувством сострадательной любви,[11] — и, сказавши, тотчас же вспомнил: «как же я сказал ей это, — ведь она, вероятно, еще не догадывается о безнадежности и близости развязки».

Но она или не поняла в первую минуту смысла, который выходил из его слов, или если поняла, так не до того ей было, чтобы обращать внимание на этот смысл, и радость возобновления любви заглушала в ней скорбь мысли о близком конце,[12] — она только радовалась и говорила: «Какой ты добрый, ты все по-прежнему любишь меня».

Но, когда он ушел, она поплакала: только теперь она или поняла, или[13] могла заметить, что поняла смысл возобновления любви, — тот смысл, что «теперь мне уж нечего беречь тебя, не сбережешь, по крайней мере пусть ты порадуешься»...

И действительно, она порадовалась: он не отходил от нее ни на минуту, кроме тех часов, которые брали у него гошпиталь и должность, — так прошло около месяца, и болезнь быстро развивалась, был уже очень недалек конец, — и они все время были вместе, — и сколько было рас-

---

[1] она сама понимала [2] *Далее было:* в поступках [3] *Далее было: а.* Крюкова так или иначе *б.* Лопухов или Вера Павловна скоро заметили [4] другую [5] знать [6] кроме любви к жизни [7] *Далее было:* позже [8] Но это появление [9] Как ∾ рада *вписано.* [10] *Далее было:* что встретил тебя [11] увлеченный ∾ любви *вписано.* [12] *Далее было:* да впрочем [13] или обратила

сказов обо всем, что было с каждым во время разлуки, и еще больше было воспоминаний о прошлой жизни вместе, — и сколько было удовольствий:[1] они гуляли вместе, — он нанял коляску, и они по целым вечерам каждый день ездили по окрестностям Петербурга, — она многих из этих окрестностей еще вовсе не видала и так восхищалась ими,[2] — ей не часто приходилось бывать за городом, а теперь половину времени проводила среди зелени, — а[3] человеку так мила природа, что даже этою жалкою, презренною, хоть и стоившею миллионы и десятки миллионов,[4] природою окрестностей радуются люди,[5] которым не была природа,[6] более живая[7] и радостная, — они читали, они играли в дурачки, они играли в свои козыри, играли в лото, — она даже стала учиться играть в шахматы,[8] «потому что Сашенька любит шахматы», как будто имела время выучиться; но больше всего он просто любовался на нее, и ей, как она говорила, «было очень легко дышать».

Вера Павловна несколько раз просиживала у них вечера, еще чаще заходила к Крюковой по утрам, чтобы развлечь ее, когда она оставалась одна,[9] — и когда они были одни вдвоем, у Крюковой только и было все одно и то же содержание бесконечных рассказов — то, «какой Сашенька добрый», и как он любуется на нее, и как легко дышится от этого, и как жарко он целует ее, и тут она смеялась: «Как это он не устанет целовать, — начнет,[10] Вера Павловна, целовать глаза, потом руки, потом станет целовать грудь, потом ноги, — и ведь мне не стыдно, право не стыдно, а ведь я уж совсем отвыкла от мужских взглядов, — ведь я́, Вера Павловна, женского взгляда стыжусь, — право стыжусь, — вы спросите наших девушек, какая я застенчивая, ведь я ни при одной из них не одевалась, — ведь я поэтому и жила в особой комнатке, Вера Павловна, потому что я очень застенчива, Вера Павловна, я очень стыдливая, Вера Павловна, — а как это так странно, Вера Павловна, вы не поверите, что когда он на меня любуется и целуе́т, мне не стыдно, а только так приятно и легко дышится; отчего это, Вера Павловна, — ведь вот, я даже вас стыжусь, отчего же его взгляда не стыжусь? — это, я думаю, Вера Павловна, не оттого ли, что уж он мне[11] и не кажется другим человеком, а кажется, как будто мы оба один человек; как будто это не он на меня смотрит, а я сама на себя смотрю; и будто это не он меня целует, а сама целую, — право, так мне представляется, — это оттого и не стыдно». ‹*л. 34 об.*›[12]

---

[1] *Текст:* и всё время ∾ удовольствий: *вписан.* [2] и так восхищалась ими, *вписано.* [3] а каждый [4] *Вместо:* миллионы ∾ миллионов — *было:* очень дорого, [5] *Далее было начато: а.* которые *б.* в душе которых нет *в.* душа которых не [слилась] имеет воспоминаний о другой природе, хоть несколько [6] *Так в рукописи.* [7] нежная [8] *Далее начато:* чтобы [9] *Далее было:* и всё слушала, когда она была с нею одна [10] *Было:* руки начнет [11] что уж я и не считаю его [12] *В конце этой страницы рукописи, в обратном направлении, был начат текст, представляющий собою вариант начала § VIII главы первой романа (см. ниже, стр. 715).*

Прошло месяца четыре.[1] Заботы о Крюковой, потом воспоминания о ней обманули Кирсанова, — ему казалось, что теперь он безопасен от мыслей о Вере Павловне, и он не избегал ее, когда она, навещая[2] Крюкову, встречалась и говорила с ним; потом не избегал, когда она старалась развлечь его, — он очень грустил[3] по бедной своей приятельнице.[4] Пока он грустил,[5] оно, точно,[6] в его сознательных чувствах к Вере Павловне не было ничего, кроме дружеской признательности за ее участие.

Но[7] — читатель уже знает вперед смысл этого «но»,[8] как всегда будет вперед знать, о чем[9] будет говориться после страниц, им прочтенных,[10] — но, разумеется, чувство Кирсанова к Крюковой было при их второй встрече вовсе не то, как у Крюковой к нему, — любовь к ней давным-давно прошла[11] в Кирсанове, — он только остался расположен[12] как <к> женщине, которую когда-то любил.[13]

То была жажда[14] юноши полюбить кого-нибудь, — когда Кирсанов перестал быть юношею, он[15] мог только жалеть Крюкову,[16] не больше, — он был дружен с нею по воспоминанию, не больше.[17] Грусть по ней скоро сгладилась, но когда она рассеялась[18] на самом деле, ему всё еще помнилось, что он занят этою грустью,[19] а когда он заметил, <что> уже не имеет грусти, а только вспоминает[20] о прошлой грусти, он увидел себя в таких отношениях к Вере Павловне, что увидел,[21] что попался в большую беду.

Вера Павловна старалась его развлекать, и что же было теперь, через два-три месяца после того, как начала она развлекать его от грусти о Крюковой? — Да ничего больше, как только то, что он почти каждый вечер или проводил у Лопуховых, или провожал куда-нибудь Веру Павловну — провожал часто вместе с мужем, чаще один.

И какой был теперь характер дня Веры Павловны? — до вечера[22] тот же самый, как и прежде, — но[23] вот 6[24] часов, — бывало она в это время идет одна в свою мастерскую или сидит в своей комнате и работает одна. А теперь, если ей ныне нужно быть в мастерской и вечером, Кирсанову сказано об этом накануне, и он является провожать ее,[25] — по дороге туда и оттуда — впрочем, очень недальней — они толкуют о чем-нибудь, обыкновенно о мастерской; там она занята распоряже-

---

[1] *Было начато: а.* Болезнь Крюковой *б.* Посещение Крюковой *в.* Меся<ц> *Против фразы:* Прошло месяца четыре — *дата:* 17 январ<я> [2] посещ<ая> [3] *Далее было:* и ему не до того было, что [4] *Вместо:* своей приятельнице. — *было начато:* Кр<юковой> [5] *Далее начато:* дело шло хор<ошо> [6] *Далее начато: а.* сближение с Верою Павловною [не показалось бы] не имело ничего [7] Но сам [8] *Вместо:* смысл этого «но», — *было:* к чему относится это «но» [9] что [10] *Вместо:* будет ∽ прочтенных — *было начато:* прочтет на следу<ющей> [11] была [12] *Вместо:* остался расположен — *было:* дорожил [13] *Далее было: а.* В то время он был юношею, готовым броситься, *б.* А с той поры ведь он не остался в эти четыре года только с тем [14] неразборчивая жажда [15] он перестал [16] *Далее было:* как не [17] и только [18] но очнувшись [19] *Далее было:* хотя в [20] помнит [21] *Вместо:* что увидел — *было:* что почувствовал [надоб<ность>] себ<я> [22] до [illegible] обеда [23] но вечер [24] 7 [25] *Далее было:* она занята

ниями, и у него много дела, — он сидит, болтает с детьми, — тут же подсело несколько девушек и участвуют в болтовне обо всем на свете — и о белых слонах, которых так уважают в Индии, и о белых кошках, которых многие так любят у нас, — Кирсанов и половина компании находит, что это безвкусие, белые слоны, кошки, лошади, коровы — все это альбиносы, это болезненная порода, — в самом деле, по глазам у них видно, что они не имеют такого отличного здоровья, как цветные, — другая половина компании отстаивает белых кошек и коров, потому что они в самом деле очень милы, — и они вовсе не так болезненны — это предубежденье, — главная защитница их,[1] девочка лет 14, пришла к такому заключению;[2] она так и говорит, что «она пришла к этому заключению»: дикие животные имеют определенный цвет шерсти, — дикий белый гусь непременно серый, и если бы встретился дикий гусь с белыми перьями, он, точно, был бы альбинос и больной, — а ручные, домашние животные становятся разноцветными, и белый домашний гусь — такой же здоровый, как и темный,[3] — ведь[4] темный тоже не серый[5] — однообразие цвета исчезло,[6] — или:[7] не знает ли Кирсанов чего-нибудь поподробнее о жизни[8] самой Бичер-Стоу, роман которой мы все знаем? — Нет, теперь Кирсанов не знает этого, — а в следующий раз он будет знать, ему самому это интересно,[9] а теперь пока он может рассказать кое-что о Вильберфорсе,[10] — и в этом роде идут то рассказы Кирсанова, то споры Кирсанова с компаниею, детская половина которой каждый раз одна и та же, потому что всегда в полном комплекте, а взрослая половина каждый раз новая.[11]

Они возвратились домой к чаю и сидят втроем после чаю очень долго,[12] — теперь Вера Павловна и Дмитрий Сергеевич проводят гораздо больше времени вместе, чем когда не было тут же Кирсанова, — на половину вечеров, которые они проводят втроем, устроивается музыка, — даже больше, чем наполовину: Дмитрий Сергеевич играет, Вера Павловна поет, Кирсанов сидит и слушает, — иногда тоже играет,[13] — тогда Дмитрий Сергеевич поет вместе с женою, а иногда Кирсанов поет вместе с нею, — но теперь они очень часто бывают в опере, — наполовину втроем, наполовину один Кирсанов с Верою Павловною. У Лопуховых[14] чаще прежнего стали бывать гости, — прежде бывали почти только Мерцаловы, — теперь Лопуховы сблизились с двумя-тремя такими же милыми семействами,[15] — Лопуховы, Мерцаловы и два другие семейства положили каждую неделю поочередно устроивать маленький вечер с танцами в своем кругу, — бывает по 6,[16] иногда даже по 8 пар танцующих. Лопу-

---

[1] один главный оратор — защитник [2] *Вместо:* пришла ∾ заключению; — *было:* доказывает [3] черный [4] ведь он тоже [5] *Далее было:* неужели и он [6] распалось на [7] *Далее было:* они толкуют [8] *Далее начато:* Марии [9] *Далее было:* он прочтет это [10] *Далее было начато: а.* который дей‹ствует?› *б.* и об англий‹ских?› [11] *Далее было:* Но Вера Павловна и теперь далек‹о› [12] *Далее начато:* Лопухов при Кирсанове [13] поет. *Далее было:* а больше, сидит и слушает. [14] У них [15] *Далее было:* завели [16] по 5

хов без Кирсанова не бывает[1] почти никогда ни в оперу, ни[2] в знакомых семействах, — но Кирсанов часто провожает один Веру Павловну в этих выездах; Лопухов часто говорит, что хочет оставаться в своем пальто на своем диване, — иногда этот диван оттягивает его из залы, где фортепьяно, когда у Лопуховых нет никого, кроме Кирсанова,[3] но это мало спасает его: через полчаса, много через час Вера Павловна и Кирсанов уж тоже бросили фортепьяно и сидят подле его дивана, — впрочем, Вера Павловна недолго сидит подле дивана, — она скоро устроивается полуприлечь на диване так, что мужу[4] все-таки просторно сидеть, — ведь диван широкий, — то есть не совсем уже просторно, но она обняла мужа одною рукою, и поэтому сидеть ему все-таки ловко.

Вот таким-то образом прошли месяца три[5] из тех четырех, которые прошли со времени рассказа[6] Крюковой.

Идиллии нынче не в моде, и я сам вовсе не люблю их, то есть лично я не люблю, как не люблю шампанского, не люблю гуляний,[7] не люблю лилового цвета, не люблю спаржи, — мало ли чего я не люблю, ведь нельзя же одному человеку любить все цвета,[8] все блюда, все способы развлечения, все сорты вин, — но я знаю, что эти вещи, которые[9] не по моему личному вкусу, очень хорошие вещи, что они нравятся большему числу людей, чем то, которое, как я, предпочитает гулянью[10] — шахматную игру, спарже — кислую капусту с конопляным маслом;[11] знаю даже, что у большинства, вкусов которого я не разделяю, вкусы не хуже моих.[12] Так, я знаю, что ‹у› огромного большинства людей, — которые ничуть не хуже меня, — счастье[13] должно иметь идиллический характер. А что идиллия не в моде и потому они чуждаются ее, так это не возражение: они чуждаются ее, как лисица в басне чуждалась винограда, — кажется им, что недоступна идиллия, потому они и придумали: «пусть она будет не в моде». А хорошая вещь почти для всех людей идиллия, — и возможная, очень возможная, — только не для одного или десяти человек, а для всех, — ведь и итальянская опера,[14] и «Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя, Москва,[15] 1861 г.» — все это вещи, невозможные для одного, для десяти человек, — а для всех, как видите, очень возможны. Но пока итальянской оперы для всего города нет,[16] можно лишь некоторым особенно усердным меломанам пробавляться домашними концертами; и пока вторая часть «Мертвых душ» не была напечатана для всей публики,

---

[1] никуда не является [2] ни на этих [3] *Далее было:* он, замечая в нем эту наклонность [4] Лопухову [5] уже два месяца [6] разговора В‹еры Павловны› [7] печальных гуляний [8] *Далее было:* мне нравится яркий желтый с густым, несколько оранжевым отливом *Далее дата:* 18 янв‹аря› [9] *Далее было:* лично [10] *Вместо:* как я ∾ гулянью — *было:* *а.* не находит в них [удов‹ольствия›] личной приятности *б.* предпочитает [им более] шампанскому мадеру [11] *Далее было:* и что у большинства [12] *Вместо:* вкусы ∾ моих — *было:* вкусы [более сообразны][лучше] вернее, чем [13] даже счастье [14] *Далее было:* и Невский проспект [15] СПБ [16] *Вместо:* для всего города нет, — *было:* нет

только немногие, особенные поклонники Гоголя приготовляли каждый для себя,[1] не жалея труда, рукописные экземпляры;[2] — рукопись хуже печатной книги, домашний концерт плох перед итальянской оперой,[3] — а все-таки хороша, все-таки хорош.[4] ‹*л. 35*›

Если бы кто пришел посоветоваться с Кирсановым о таком положении, в каком он себя увидел, когда очнулся, а Кирсанов был бы посторонним человеком этому делу, он принял бы в ровное соображение интересы всех троих лиц, до которых могло коснуться дело,[5] и сказал бы своему собеседнику: «Поправить дело бегством поздно; не знаю, как оно разыграется, но знаю, что бежать или оставаться одинаково опасно; делайте, как хотите, все равно».

Если б Кирсанов пришел посоветоваться с Лопуховым, Лопухов принял бы в главное соображение спокойствие Веры Павловны (по теории эгоизма, что для него самого[6] это главное, что ее интерес составляет главную его выгоду, пред которой другие соображения для него не важны) и сказал бы: «Друг мой, бежать — хуже, чем оставаться. Если ты остаешься, — я тебя знаю, — ты будешь держать себя так, чтоб она как можно дольше не замечала твоего чувства; в ней самой, без вызова с твоей стороны, оно возникнет, — вероятно, уж и возникло, остается только обнаружиться ему перед нею самой; скоро или нет это будет при тебе, мы еще не знаем; но твой отъезд тотчас же вызовет это, — он только ускорит дело, которого ты хочешь избежать, — твое удаление усилит ее чувство, в этом нет сомнения.[7] Но важнейшая вещь не в этом: если ты будешь здесь,[8] мы всегда можем все вместе дружески обдумать, как нам поступить, но если тебя нет,[9] не будет одного из лиц,[10] об интересе которых пойдет дело».[11] И как теоретик Лопухов наслаждался б наблюдением, как тут в его мыслях на практике главную роль играет «я», прикрываясь беспристрастием, — он очень основательно доказал бы, что благородная роль,[12] которую он берет на себя, — роль, представляющая

---

[1] *Вместо:* приготовляли ∾ для себя — *было:* запаслись [2] списки [3] *Вместо:* плох ∾ оперой — *было:* хуже итальянской опер‹ы› [4] *К последующему тексту романа, помеченному:* 23 янв‹аря› — *относится заметка на полях:* Отсюда я начинаю писать сокращенно, как писаны все мои черновые [ру‹кописи›], — это я делаю потому, что надеюсь, Комиссия уже достаточно знакома с моим характером, чтобы знать, что в моих бумагах [‹*несколько густо зачеркнутых слов*› ничего] и не может быть ничего противозаконного. Притом же, ведь это черновая рукопись, которая переписывается набело без сокращений. Но если непременно захотелось бы прочесть и эти черновые страницы романа, я готов прочесть их вслух (это легче) или дать ключ к сокращениям. [5] *Незачеркнутый вариант:* которых оно могло коснуться [6] что свое [7] *Текст:* твое удаление ∾ сомнения. — *вписан.* [8] *Далее было:* чувство это не будет иметь [9] *Далее было:* будет тяжелее и борьба с чувством [10] *Вместо:* нет ∾ лиц, — *было:* нет, не будет одного из лиц [мне], которое должно быть выслушано для того или другого решения [11] *Далее было начато:* а. Он подтвердил бы это б. Кроме того, подтвердилась бы теория эгоизма [которой он был в это] и он увидел бы [12] *Было:* роль беспристрастная

Черновая рукопись «Что делать?»

наиболее шансов для сохранения перевеса над Кирсановым в сердце Веры Павловны.[1]

Но Кирсанов, конечно, не посоветовался с Лопуховым, как ему поступить, и[2] судил о деле не как посторонний человек,[3] а как участник, потому он принял в главное соображение интересы Лопухова и решил удалиться. Прежняя штука — притвориться обиженным, выставить какую-нибудь пошлую сторону характера, чтоб опереться на нее для размолвки, — не годилась: два раза на одном и том же не проведешь; вторая попытка только раскрыла бы смысл первой[4] истории, показала бы его героем не только новых, но и прежних времен. Он подумал[5] было, что лучше всего будет уехать на время из Петербурга.[6] Но рассудил,[7] что и это было бы слишком эффектно, — лучше всего для дела, хоть труднее всех других способов удаления для него самого, было простое отступление тихим, незаметным образом, так, чтобы и не видели, что он отступает, — он выбрал это и исполнял свой метод, не выдав своего намерения[8] ни одним недомолвленным или немолвленным словом, ни одним взглядом, — по-прежнему был он свободен и шутлив с Верою Павловною, по-прежнему было видно, что ему приятно в ее обществе, только стали встречаться — чаще и чаще ‹*л. 35 об.*› — разные помехи ему бывать[9] у Лопуховых так часто, как раньше, оставаться у них целый вечер, как

---

[1] *Вместо:* Если бы кто пришел ∾ Веры Павловны — *было:* Если бы кто-нибудь другой пришел посоветоваться с Кирсановым о таком положении, в котором он себя увидел, когда очнулся, а Кирсанов был бы посторонний человек этому положению, Кирсанов принял бы в ровное соображение интересы всех троих лиц, до которых могло коснуться дело, сказал бы своему собеседнику: «поправлять дело бегством — поздно. Как оно разыграется — не знаю, но оставаться или бежать — одинаково опасно [не для] — делай как хочешь, всё равно».

Если бы Кирсанов [тот] пришел посоветоваться с Лопуховым, Лопухов принял бы в главное соображение интересы Веры Павловны ‹и› сказал бы ему: «друг мой, бежать — хуже, чем оставаться. Если ты останешься, — ты, я тебя знаю [не вино‹ват?›], будешь держать себя так, чтобы она как можно дольше не замечала твоего чувства; в ней самой, без вызова с твоей стороны [пробудится, может быть], возникнет, — вероятно, уже возникло [такое чув‹ство›], значит, уже только остается [обнаружиться ему] обнаружить для нее самой такое же чувство, как в тебе. Твое удаление наверное усилит его [если], а если оно еще не обнаружилось, то и обнаружит и усилит его». [2] и конечно [3] *Вместо:* конечно ∾ человек — *было начато:* судил о деле не как посторонний [4] прежней [5] рассудил [6] *Далее было:* и приискал хороший предлог: стал говорить, что очень заинтересовался вопросом о климатическом влиянии на здорового и больного и думает сделать поездку для этого по местностям, климат которых отличается резкими особенностями. Поездка продлится полгода, может быть больше, в это время близкие отношения рассохнутся. [Но] Чтоб поездка не возбудила размышлений своей неожиданностью, а размышления не повели к открытию ее причины, надобно было приучить к мысли о ней — на это требовалось недели две-три. Он и подготовлял, и начал уже хлопотать о получении [отпуска] командировки или отпуска от службы. *После этого текста следует отступ и начинается новая, не вошедшая в окончательный текст, главка* (*см. ниже, стр. 716*) [7] увидел, [8] *Далее было:* взглядом [9] *Вместо:* ему бывать — *было:* оставаться

раньше, да стали делаться всё одушевленнее споры его с Лопуховым о всяких ученых и неученых предметах, так что все более долго из времени, проводимого им у Лопуховых, приходилось просиживать ему у дивана в кабинете приятеля, — и все это делалось так постепенно, что эта перемена никому не была заметна, и все помехи являлись так натурально, что иногда сами Лопуховы гнали его от себя, напоминая, что он забыл обещание быть ныне дома — ведь у него хотел быть ныне тот и тот из знакомых, — забыл обещание быть ныне у такого-то знакомого, который ведь может и оскорбиться, — Кирсанов даже не всегда слушался этих напоминаний: не поедет он к этому знакомому, пусть сердится, он лучше поспорит с Лопуховым, — тоже развилась у него и Лопухова охота играть в шахматы. А помехи всё накоплялись, и ученые занятия всё неотступнее отнимали[1] у него вечер за вечером, — как ему иногда не хотелось возвращения к работе, — а невозможно,[2] поутру не успел кончить, до завтра нельзя отложить, — и зачем он навязал себе это новое знакомство и это новое знакомство. — Нет,[3] он не должен лениться, — нет, он не должен порицать себя за это и за это новое знакомство, потому что оно хорошо, — говорил ему иногда Лопухов.

Труден был маневр — на целые недели надобно было растянуть этот поворот налево кругом[4] и повертываться так медленно, так ровно, как идет часовая стрелка: смотри на нее как хочешь внимательно, не увидишь, что она поворачивается, а она себе исподтишка делает свое дело, идет и идет в сторону от первого своего положения. Зато какое ж наслаждение было ему как теоретику любоваться своею ловкостью на практике. Эгоисты и материалисты, — ведь они всё делают для своего удовольствия, и он мог, положа руку на сердце, сказать, что делает для своего удовольствия, чтоб любоваться своим искусством и молодечеством.

Так прошел месяц, и если б кто сосчитал, то нашел бы, что в месяц[5] ни на волос не уменьшилась эта короткость с Лопуховыми, но втрое уменьшилось время, которое он проводит у Лопуховых, и в четыре раза уменьшилось время, которое проводит он с Верою Павловною. Еще два-три месяца, и при всей неизменности дружбы[6] друзья мало будут видеться.

Зоркие глаза у Лопухова — неужели они ничего не замечают? Нет, ничего.

И Вера Павловна ничего не замечает? Ничего.

И Вера Павловна ничего не замечает в себе? Нет, ничего не замечает, только — снится ей сон.

---

[1] требовали [2] *Далее было:* завтра [3] *Далее было: а.* его нельзя за это порицать *б.* он напрасно ле‹нится› [4] *Далее было:* и исполнить его по ‹*1 нрзб.*›, чтобы он бы не мог заметить [5] в неделю *После:* месяц — *начато:* дружб‹а› [6] *Далее было:* он будет

ТРЕТИЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

И снится Вере Павловне сон.

Лежит она вечером на своей мягкой, теплой кроватке и читает, — только книга опускается от глаз, и думается Вере Павловне:

— Что это в последнее время стало мне несколько скучно? или это не скучно, а так — да, это не скучно, а только я вспомнила, что ныне хотела я ехать в оперу, да этот Кирсанов такой невнимательный, поздно поехал за билетами, — будто не знает, что, когда поет Бозио,[1] нельзя достать билетов в 11 часов утра. Конечно, его нельзя винить — ведь он до 5 часов работал,[2] а все-таки виноват, нет, я сама буду вперед ездить с Дмитрием. Через него пропустила «Норму» — ведь это неприятно.[3] Если б у меня был такой голос, как у Бозио, я, кажется, целый день пела бы. И если б познакомиться с Бозио? Как бы это сделать? Этот артиллерист знаком с Тамберликом, нельзя ли через него? Нет, нельзя. Да и какая смешная мысль, — зачем знакомиться с Бозио? Разве она станет петь[4] для меня? Ведь она должна беречь свой голос.[5]

А когда ж это Бозио успела выучиться по-русски? и как чисто она произносит; но какие же смешные слова, и откуда она выкопала такие пошлые стишки, — да она, должно быть, училась по той же грамматике, по которой училась я: там они приведены в пример для расстановки знаков препинания, — как это глупо приводить в грамматике такие стихи, — и хотя бы стихи-то были не так пошлы, — но нечего думать о стихах,[6] надобно слушать, как она поет их.

Час наслажденья лови, лови.
Младые лета отдай любви. . .

Какие смешные слова! и «младые лета» вместо молодые лета, — а еще говорят — не устарел Пушкин; но какой голос и какое чувство! какое чувство! У нее голос стал гораздо лучше прежнего, гораздо лучше — удивительно, — вот я не знала, как с нею познакомиться, а она сама приехала ко мне с визитом — как она узнала мое желанье?

— Да ведь ты давно зовешь меня, — говорит Бозио — и все по-русски.

— Я тебя звала, Джулия?[7] Да как же я могла звать тебя, когда я с тобою незнакома? Но я очень рада видеть тебя.

Вера Павловна раскрывает полог, чтоб подать[8] руку Бозио, но певица хохочет — это уж скорее не Бозио, а де-Мерик в роли цыганки в «Риголетто», — и отбегает, и прячется за пологом,[9] — как досадно, этот полог

---

[1] *Вместо:* когда поет Бозио, — *было:* что на «Норму» с Гризи *Далее в рукописи везде осталось:* Гризи *Здесь же на полях помета:* везде Бозио [2] *Далее было:* так бы не брался. Нет, я [3] скучно [4] *Вместо:* она станет петь — *было:* она поет [5] *Далее было:* La donna è mobile. . . [6] но некогда заниматься стихами [7] *Имя:* Джулия — *в тексте осталось ошибочно: так звали певицу Гризи, имя Бозио — Анджолина.* [8] позна‹комиться› [9] *Далее было:* и откуда может

прячет ее, а раньше его не было, откуда он взялся?[1] — а Бозио прячется за пологом.

— Знаешь, зачем я к тебе приехала? — и хохочет, — да, де-Мерик, только голос несравненно лучше.

— Да кто ж ты[2] — ведь ты не де-Мерик?

— Нет.

— Ведь ты Бозио?

Певица хохочет. — Узнаешь; а нам надобно заняться тем, за чем я к тебе пришла. Я хочу читать с тобою твой дневник.[3]

— У меня нет никакого дневника, я никогда не вела его, — говорит Верочка.

— Посмотри, что ж это лежит на столике у твоей кровати?[4]

Верочка смотрит — на столике лежит толстая тетрадь с надписью: «Дневник В. Л.»[5] Откуда взялась эта тетрадь? Верочка берет ее, раскрывает, — тетрадь писана ее рукою — когда же?[6]

— Читай последнюю страницу.

Верочка читает: «Снова мне приходится часто сидеть одной по целым вечерам — но это ничего, я так[7] привыкла».

— И только?

— Только.

— Нет, ты не всё читаешь!

— Здесь ничего больше не написано.

— Меня не обманешь, — а это что?

Из-за полога протягивается рука, — как хороша эта рука, — нет, это не рука Бозио, только у Фиоретти[8] такие руки, — и как же она протянула руку через полог, не раскрывая полога?[9]

Рука дотрогивается до строк.

— Читай, — говорит гостья.

Что за странность? На странице выступают под ее рукою новые строки.

— Читай, — повторяет гостья.

Верочка читает:

«Нет, одной скучно теперь, это прежде мне не было скучно. Отчего это раньше мне не было скучно одной?»

— Переверни страницу назад, — говорит гостья.

Вера Павловна перевертывает страницу. «Лето нынешнего года...» Кто ж так пишет дневник? Надобно было написать 1855, положим, июль

---

[1] *Было:* как нарочно взялся *Против этих слов дата:* 25 янв‹аря› [2] ты такая [3] *Против слов:* ведь ты ∾ дневник. — *дата:* 26 янв‹аря› [4] *Вместо:* Посмотри ∾ кровати? — *было:* А что ж у тебя в руках? [5] В. П. Л. [6] *Против текста:* Верочка смотрит ∾ когда же? — *дата:* 27 янв‹аря›. [7] я к этому [8] *Вместо:* только у Фиоретти — *было:* разве это Ф‹иоретти› *В рукописи:* Фъорито [9] *Вместо:* не раскрывая полога? — *было:* Ведь полог не раскрыт?

или июнь, и написать, какое число, а тут: «лето нынешнего года». Кто ж так пишет в дневниках? «Мы едем, по обыкновению, за[1] город. В этот раз едет с нами миленький. (Ах, так это август — какое же число; не помню, кажется, около 10, это про ту поездку, после которой бедный мой миленький захворал.) Как это приятно».

— Только? — говорит гостья.

— Только.

— Нет, ты не всё читаешь. А это что?

Снова сквозь нераскрывающийся полог является рука, снова касается страницы, снова выступают новые строки.[2]

«Миленький все время гулянья говорил[3] с этим несносным Рахметовым[4] — или, как они все зовут его в шутку, ригористом — и с другими его товарищами, подле меня посидел[5] едва четверть часа, кроме того времени, когда мы сидели рядом в лодке, — да и тут больше говорил с Рахметовым. — 11 августа у нас сидели[6] студенты, миленький весь вечер говорил с ними. Зачем[7] он отдает им так много времени, мне так мало? У него много занятий; так, но ведь[8] не все же время он работает, — ведь он сам говорит, что[9] и отдыхает, думает о чем-нибудь только для отдыха,[10] почему ж он отдыхает и думает один, почему не со мною?»

— Переверни еще несколько листов[11] назад.

«Я[12] на-днях открываю швейную и отправилась к Жюли просить заказов.[13] Миленький заехал к ней за мною. Она велела подать[14] завтрак, велела[15] подать шампанское. Заставила меня выпить почти два стакана. Мы с нею[16] начали шалить, бегать, бороться. Так было весело».

— Будто только? — Снова рука гостьи касается страницы, снова выступают новые строки.

«А миленький смотрел и смеялся. Почему ж бы ему не пошалить с нами? Ведь это было бы[17] еще веселее. Разве это было бы неловко принять участие в нашей игре?[18] Нисколько; но нет, у него такой характер, — он только не мешает, он одобряет, он радуется — и только».

— Переверни страницу.

«Ныне мы с миленьким были в первый раз у наших после моей

---

[1] *Было начато:* Мы едем за [2] *Против текста:* Снова ∾ новые строки. — *дата:* 28 янв‹аря› [3] спорил [4] Ральгиным [5] *В рукописи:* едва посидел [6] *Вместо:* у нас сидели — *было:* снова сидели [7] Почему [8] *Далее было:* он отдыхает же, ведь он сам мне говорит: я читаю этот вздор только для отдыха, а собственно этого не стоит читать, — почему же отдых только за книгою, а [не со мной] не в разговоре со мной? [9] *Далее начато:* много времени [10] *Далее начато:* или читает какую-нибудь [11] *Вместо:* еще ∾ листов — *было:* еще страницу. За месяц или за полтора. Верочка посмотрела на последнюю страницу третьего дня. Как это странно написано, надобно было написать 23 дек‹абря›, — еще, — еще лист назад. Несколько листов [12] *а.* Мы *б.* Я задумала [13] *Далее начато:* а за мной зае‹хал› [14] Она поставила [15] стала [16] *Было начато:* Я так [17] Нам было бы [18] *Далее начато:* или не сумел бы

свадьбы. Мне было так тяжело видеть, как я раньше жила. Миленький мой, от какой отвратительной[1] жизни он меня избавил. Ночью мне приснился страшный сон: будто маменька упрекает меня в неблагодарности и говорит правду, но такую страшную правду, что я начала стонать, — миленький услышал этот стон и вошел в мою комнату, — а я уж пела — все во сне, потому что пришла моя любимая красавица и утешила меня. Миленький был моей горничной. Так было стыдно. Но он так скромен, только поцаловал мое плечо».[2]

Опять рука касается страницы, опять выступают новые слова.

«А ведь это даже как будто обидно».[3]

— Переверни страницу.

«Нынче я ждала своего друга Дмитрия[4] на бульваре подле нового моста: там живет[5] дама, у которой думала я жить гувернанткой. Но она не согласилась. Мы воротились домой очень унылые. Я в своей комнате перед обедом думала все о том, как лучше умереть, потому что нельзя так жить, как я живу теперь, — вдруг за обедом Дмитрий говорит: „Вера Павловна, пьем здоровье моей невесты и вашего жениха!“ — я едва могла удержаться, чтоб не заплакать тут же при всех от радости о таком неожиданном избавлении. После обеда мы долго говорили с Дмитрием о том, как мы будем жить. Как я люблю, он выводит[6] меня из подвала».

— Читай же всё снова...

«Так неужели я люблю его за то, что он выводит меня из подвала? Не самого его, а свое избавление из подвала?»

— Переверни, читай самую первую страницу.

«Ныне, в день моего рожденья, мы в первый раз говорили с Дмитрием, и я полюбила его. Я еще ни от кого не слышала таких благородных, утешительных слов, — как он сочувствует всему, что требует[7] сочувствия; хочет помогать всему, что требует помощи; как он уверен, что счастье возможно, что оно должно быть, что злоба и горе не вечно, что быстро[8] идет к нам новая, светлая жизнь. Как у меня расширялось сердце, когда я слышала эти уверения человека серьезного, ученого — ведь они подтверждали мои мысли, — как добр он был, когда говорил о нас, бедных женщинах, — каждая женщина полюбит такого человека. Как он умен, как благороден, как он добр!»[9]

— Хорошо, переверни опять на последнюю страницу.

— Но эту страницу я уже прочитала.

— Нет, это еще не последняя.[10] Переверни еще лист.

— Но ‹на› этом листе ничего нет.[11]

— Читай же, — видишь, как много написано на нем.

---

[1] ужасной [2] *Далее было:* Разве только? Читай дальше. [3] *Далее было:* Тогда мне это понравилось. [4] Лопухова [5] была [6] избавляет [7] нуждается [8] скоро [9] *Далее было:* Разве только? Читай дальше. [10] *Далее было:* 22 декабря. Но эта страница была [11] *Вместо:* Но ∾ нет. — *было:* И он был *Далее дата:* 29 янв‹аря›

Снова выступили от прикосновения руки гостьи строки, которых не было раньше, — и Вера Павловна читает:

«Он человек благородный,[1] он мой избавитель.[2] Но[3] благородство внушает приязнь, избавитель награждается признательностью,[4] преданностью. Разве у него натура, может быть, более пылкая,[5] чем у меня. Когда кипит кровь, ласки его жгучи. Но есть[6] другая потребность[7] — потребность тихих, долгих ласк. Знает ли он ее? Сходны ли наши характеры? Сходны ли наши потребности? Он готов умереть для меня — и я для него — но[8] довольно ли этого? Мыслями ли обо мне живет он? Мыслями ли о нем живу я? Люблю ли я его такою любовью, какая нужна мне? Раньше я не чувствовала этой потребности тихой[9] нежности, — нет, мое чувство к нему не...»

— Гадкая, злая,[10] зачем ты здесь? Я не звала тебя! Уйди, я не хочу читать! — Вера Павловна бросает тетрадь.

Гостья смеется тихим, добрым, таким нежным, таким увлекательным смехом:[11] — Да, ты не любишь его.

— Проклинаю тебя!

Вера Павловна просыпается с этим восклицанием[12] и быстрее, чем сознала, что она только видит сон и что она проснулась,[13] она уж вскочила, она бежит. ‹*л. 36*›

— Мой милый, ласкай меня, защити меня, мне снился страшный сон![14]

Она жмется к мужу. — Милый мой, ласкай меня, будь нежен со мною, защити меня!

— Верочка! Что с тобою? — Муж обнимает ее. — Ты вся дрожишь, ты бледна, босая ты бежала по холодному полу;[15] моя милая, согрейся здесь, дай мне поцаловать эти ножки, согреть их.

— Да, ласкай меня, спаси меня, мне снился гадкий сон, мне снилось, что я не люблю тебя.

— Милая моя, кого же ты любишь, как не меня? Нет, это пустой, смешной сон.

— Да, я люблю тебя, только цалуй меня, ласкай меня; я тебя буду любить, я тебя люблю! ласкай меня!

---

[1] *Далее было:* я за это полюбила [2] *Далее было:* за это полюбила [3] *Далее было: а.* сходны ли мы *б.* благородство *в.* Такую любовь Кирсанову внушает благородство [4] *Вместо:* избавитель ∾ признательностью, — *было:* за него [Кирсанову] избавителю внушается признательность. [5] *Вместо:* Разве ∾ пылкая, — *было: а. Начато:* Сходны ли *б.* Разве [любовь за] та любовь, которая называется страстною любовью [внушается], более сходна с чувством и вся только и [‹?› огромного благородства, великих услуг] [он страст‹ный›] [у него характер более страстный] У него натура может быть более страстной [6] Но только есть ли у меня [7] *Далее было: а. Начато:* кто *б.* любуется ли он [8] *Далее было: а.* живая эта приязнь *б.* наша приязнь — любовь ли? Любовь то [для меня] к нему — я такую любовь [9] долгой [10] *Далее было:* проклинаю тебя! вскрикнула Вера Павловна [11] *Далее было начато:* Я не хожу без [12] *Далее было: а.* она вся дрожит страшно *б.* она вся дрожит [13] *Далее было начато:* уже бежит в испуге ‹для› того, чтоб прямо бежать [иск‹ать›] за [14] *Далее было:* мне снился [15] *Далее было:* — Верочка

Она крепко обнимает мужа, вся жмется к нему и, успокоенная его ласками, тихо засыпает, целуя его.

В это утро Дмитрий Сергеевич[1] не идет звать жену пить чай, — она здесь,[2] прижавшись к нему, — она еще спит. Он думает,[3] смотря на нее: «что это с нею? чем она была испугана? что снилось ей?» — Оставайся здесь, Верочка, я принесу сюда чай, —[4] не вставай, мой дружочек,[5] умываться. Я подам тебе, ты умоешься, не вставая.

— Да, я не буду вставать, мне так хорошо здесь, какой ты умный, миленький, как я тебя полюблю! Вот я и умылась, неси сюда чай — нет, прежде обними меня, мой миленький, — и она долго не выпускает его из своих объятий. — Ах, мой миленький, какая я смешная, как я к тебе прибежала, что теперь подумает Маша? Нет, мой миленький, мы это скроем от нее, что я проснулась у тебя. Принеси мне сюда одеваться. Ласкай меня, мой миленький, ласкай меня, я очень люблю тебя, тебя мне нужно любить — я буду любить тебя, как еще не любила.

Комната Веры Павловны теперь стоит пустая.[6] Она, уж не скрываясь от Маши, поселилась в комнате мужа. «Как он нежен, как он ласков! Мой милый, и я могла думать, что ты не любишь меня, что я не люблю тебя?[7] Какая я смешная».

— Верочка, теперь ты успокоилась, моя милая, скажи же мне, что тебе приснилось третьего дня?

— Ах, мой миленький, ничего, пустяки, — мне только приснилось, что я тебе сказала, что ты мало ласкаешь меня, — а теперь мне так хорошо, мой милый.[8] Зачем мы всегда не жили с тобою так? Тогда мне не приснился бы этот гадкий сон, — страшный, гадкий, я не хочу помнить его.

— Да ведь без него мы не жили бы так, как теперь.

— Правда, мой миленький, я очень благодарна ей, этой гадкой, она не гадкая, она хорошая.[9]

— Кто она? у тебя новая подруга?[10]

— Да, мой миленький, новая, ко мне приходила какая-то женщина с таким очаровательным голосом, гораздо лучше Бозио, — и какие у нее руки, мой миленький, — ах, какая дивная красота, — только я руку и видела, мой миленький, сама она пряталась за пологом, мне снилось, что у моей кроватки, — той, брошенной, — есть полог и что она прячется за ним, — но какая дивная рука у нее, мой милый! и она пела мне про любовь и подсказывала мне, что такое любовь; я поняла теперь, мой милый, — какая глупенькая была я раньше, мой миленький, я не понимала[11] — ведь я была девочка, мой миленький, глупенькая девочка?

---

[1] *Далее было:* не идет, проснувшись [2] спит здесь [3] Он боится [4] *Далее было:* а ты лежи, — так я [5] *Далее было:* зачем? [6] *Вместо:* теперь стоит пустая — *было:* пустая [7] *Далее было:* Вера Павловна хо‹чет?› [8] мой друг [9] добрая. [10] *Далее было:* так [11] *Далее было:* какая глупая

— Моя милая, всему своя пора: и то, как мы раньше жили с тобою, — любовь, и то, как теперь живем, — любовь. Одним нужна одна, другим — другая любовь; раньше тебе было довольно одной, теперь нужна другая. Да, ты стала женщиной, мой друг,[1] и то, чего не нужно было тебе раньше, стало нужно теперь.

Проходит неделя, две. Верочка нежится после обеда, — ведь теперь в своей комнате, в своей комнате бывает она только за делом,[2] — диван вынесен из комнаты Дмитрия Сергеевича, ему нет места, он в комнате Веры Павловны, а на его месте стоит кроватка Веры Павловны, — кроватка[3] узенькая, но тем лучше — ведь[4] подушка Веры Павловны его грудь, — ей просторно, она умеет так хорошо, ловко прилечь, обнявши его, — Верочка нежится после обеда на своей кроватке, у кроватки сидит муж и любуется на нее.

— Ах, мой миленький, зачем ты целуешь мои ноги? Ведь я этого не люблю.[5]

— Да? ну, значит, я обижаю тебя, — и буду обижать.

— Миленький мой! Ты во второй раз избавляешь меня — спас меня от злых людей, спас меня от себя самой! Ласкай же меня, милый, ласкай меня!

Проходит месяц.

Верочка опять нежится после обеда на своей кроватке в комнате мужа, — она обняла мужа, прилегла к нему головой на грудь, — но она задумывается, задумывается — и на глазах слезы; он целует ее, но не прогоняет поцалуями слез — они тихо льются.

— Верочка, милая моя, что с тобою?

Она плачет и молчит, — нет, она отерла слезы.

— Нет, не ласкай меня, мой милый. Довольно. Благодарю тебя. — Она[6] смотрит ему в глаза. — Благодарю тебя, ты так добр ко мне.

— Добр, Верочка? Что это значит?

— Добр, мой милый; ты добрый.

Через два дня. Вера Павловна опять нежится, — нет, не нежится, а только лежит и думает, — в своей комнате на его диване. Он сидит подле нее, обнял ее, думает.

Лопухов: «Да, это не то. Во мне нет того».

Вера Павловна: «Какой он добрый. Какая я неблагодарная!»

Вот что они думают.

Она говорит:

---

[1] *Вместо:* стала ∞ друг — *было:* из девочки стала женщиной, мой друг, как хороша ты стала [2] *Далее было: а.* и странно *б.* смешно [3] она [4] *Далее было:* Вера Павловна так обнимает мужа, когда спит [5] *Далее было:* Да? и не люби [6] И она

— Мой милый, иди к себе, занимайся или отдохни.

— Зачем же, Верочка, ты гонишь меня? Мне здесь хорошо.

— Нет, иди, мой милый, ты довольно делаешь для меня, — иди, отдохни.

Он начинает целовать ее, и она забывает свои мысли, и ей опять так сладко и легко дышать. — Благодарю тебя, мой милый.

Проходит два дня.[1] А Кирсанов совершенно счастлив. Трудновата была борьба в этот раз, но зато сколько и довольства собою. — Он честен. Да. Он сблизил их. Он лежит на своем диване и думает: «будь честен, и будет отлично, — какое простое правило![2] — Счастливы те, кто родился с наклонностью понять его. И я довольно счастлив в этом отношении. Конечно, я очень много, может быть больше, чем натуре, обязан развитию.[3] А постепенно будет развиваться это в обычное правило, которое будет внушаться всем воспитанием, всею обстановкою жизни. Тогда как легко будет всем жить на свете, — так, как теперь мне. Да,[4] я очень доволен. Надобно, однако, зайти к ним. Я не был уж около месяца. Пора, хоть это уж и неприятно мне. Теперь меня уж не тянет к ним.[5] — Не пора, — на-днях заеду[6] на полчаса. Или лучше не быть, — кажется, можно и не быть, — побываю через два-три месяца, — кажется, уж отступление сделано вполне, маневры кончены, скрылся из виду, и не заметят, две недели или три месяца не буду я у них».

А Лопухов входит в комнату жены, берет на руки свою Верочку, несет ее на ее кроватку. — Отдыхай здесь, мой друг, — и любуется на нее. Она задремала, улыбаясь. Он сидит и читает. А она уж снова открыла глаза и думает:[7]

«Как у него убрана комната: кроме необходимого нет ничего. Нет, и у него есть и свои прихоти: этот ящик сигар, который я ему подарила[8] в прошлом году, — он еще стоит на окне, ждет своего срока.[9] Как он любит старые сигары, — да, ведь он теперь знает в них толк, — это для него единственная роскошь, — единственная прихоть. Нет, и вот еще прихоть, — фотография этого старика,[10] — какое благородное лицо у старика! Какая смесь наивности и проницательности в его глазах, во всем выражении лица! Сколько хлопот было Дмитрию достать эту фотографию, — ведь портретов Овена нет нигде, ни у кого. Писал ему три письма, двое из бравших письма не могли отыскать старика, третий нашел. Как он был

[1] Другой день [2] *Далее было:* И ведь [3] *Вместо:* Конечно ∾ развитию. — *было:* Но как нужно очень большое развитие ума. [4] *Далее начато:* да, здесь и сам доволен, и они довольны — не риго‹рист› [5] *Далее было начато:* но мне как-то неловко, так как для меня всё прошло [6] зайду [7] *Против текстов:* Проходит два дня ∾ я у них» *и:* А Лопухов ∾ и думает: — *знаки перестановки:* 2) *и* 1) [8] подарила еще [9] *Далее было:* едва ли кто из всех наших знакомых знает [10] *Далее начато:* двух

счастлив, когда получил эту фотографию и письмо от святого старика,[1] как он зовет его, в котором старик хвалит меня по его словам. А вот и другая роскошь: мой портрет.[2] И только.[3] Неужели дорого стоило бы купить[4] какие-нибудь гравюры или фотографии, как у меня? — Нет, это не потому, что дорого, а потому, что ему не нужно это.[5] А отчего ж мне приятно, что в моей комнате стены не голые? У него нет и цветов, которых так много в моей комнате, — отчего мне нужны цветы, а ему не нужны? Неужели оттого, что я женщина? Что за пустяки! Или это оттого, что он серьезный, ученый человек? Но ведь у Кирсанова комнаты точно так же убраны — у него есть и гравюры, и цветы, — а ведь он тоже ученый и серьезный человек».

— «И почему ему скучно отдавать мне много времени? — думает опять Вера Павловна.[6] — Ведь это ему стоило усилия? неужели оттого, что он ученый и серьезный человек? Но ведь Кирсанов... Нет,[7] он добрый, добрый, он все для меня сделал, он все готов для меня сделать, — кто может так любить, как он?[8] Я его люблю, и я готова на все для него».

— Верочка, а ты уж не спишь?

— Миленький мой, отчего у тебя в комнате нет цветов?

— Изволь, мой друг, я заведу, завтра же. Мне просто не случилось подумать об этом, что это хорошо; а это очень хорошо.

— И о чем я тебя еще просила бы: купи себе фотографий, — или лучше я тебе куплю на свои деньги, и цветов и фотографий.[9]

---

[1] *Вместо:* святого старика — *было:* старика [2] *Далее было:* А сколько времени он собирал на него деньги, — говорят, портрет хорош — еще бы, ведь он обошелся ему, кажется, [3] *Далее было начато:* В самом деле? Неужели так дорого? Ведь не все [4] повесить [5] *Далее было вписано:* В моей комнате цветы — у него нет цветов? Ведь это так мило, а у него нет и цветов, а у Кирсанова [6] думает опять Вера Павловна *вписано.* [7] *Далее было:* не хочу думать этого, это гадко думать [8] *Далее было:* этот месяц я его больше люблю, я только его люблю и буду любить [9] *Далее было:* Дня через два после этого Лопухов вошел к Кирсанову и сказал очень просто:

— Я зашел звать тебя к нам, — ты нас совсем забыл.

— С удовольствием, только вы не претендуйте на мою забывчивость: ты знаешь, сколько у меня работы. Но, пожалуй, нынешним вечером я могу располагать.

В самом деле, отказаться не будет ли неловко; не возбудит ли это подозрений? Нет, нисколько.

— У меня нынешний вечер занят, Дмитрий [ты извинишь меня], но в другой день — когда хочешь. Но вы не сердитесь на меня: [ведь я] ты знаешь, я от души люблю вас, но у меня столько занятий.

[— Понятно, Александр, ты готовишься к экзаменам.

— Каким? Я, кажется, уж выдержал все, какие нужно, — не то, что ты, недоучившийся студент.

— А что, Александр, как ты думаешь: порядочные люди наблюдают друг за другом?

— С ученою целью — почему порядочному человеку не понаблюдать и другого порядочного человека, как всякое другое существо? Но с житейской, я теперь говорю, не стоит наблюдать человека [так] тому, кто знает людей: и без наблюдений можно все знать и видеть вперед].

— Ну, когда случится, только пожалуйста не забывай нас. Ты нас не боишься?

— Милая моя, тогда действительно они будут для меня приятны. Верочка, ты была задумчива, ты думаешь о своем сне.[1] Мой друг, позволишь ли ты мне просить тебя, чтобы ты рассказала[2] мне побольше[3] об этом[4] сне, который так напугал тебя?

— Мой миленький, мне так тяжело вспоминать его.

— Но, Верочка, может быть полезно будет мне знать.

— Изволь, мой миленький. Мне снилось, что я скучаю оттого, что не поехала в итальянскую оперу, что я думаю о ней, о Бозио,[5] и ко мне пришла какая-то женщина, которая все пряталась за пологом и велела читать мне мой дневник, — у меня там было написано все только о том, как мы с тобою любим друг друга, а когда она дотрогивалась рукою до страниц, на них выступали новые слова, говорившие, что я не люблю тебя.[6]

— Прости меня, мой друг, что я еще спрошу тебя. Ты только видела во сне?

— Милый мой, неужели,[7] если б не только, я б не сказала тебе?[8] ‹*л. 36 об.*›

Это было сказано так нежно, так искренно, так просто, что Лопухов почувствовал волнение, сладости которого всю жизнь не забудет тот, кому счастье дало испытать его, — о, как жаль, что немногие, очень немногие мужья могут иметь это чувство.[9] Все радости счастливой любви ничто перед этим чувством, — оно навсегда наполняет чистейшим довольством, самою святою гордостью грудь человека: в словах Веры Павловны, сказанных с некоторою грустью, слышался нежный упрек, — но ведь смысл

— С какой стати?

— Так.

— Дмитрий, чем я подал тебе повод так говорить со мною?

— А разве нужны поводы, Александр, и что особенного я сказал? — Ничего. Я просто пошутил. [Но ты, кажется, . . . Послушай, что я тебе скажу еще, так, в шутку: как ты полагаешь: а я вижу, как ты полагаешь, мы с тобою знаем человеческое сердце?

— Не знаю, знаем ли мы его, но ты знаешь.]

— Слушай, Александр, я тебе предложу чисто теоретический вопрос: ревность естественное чувство, или нет? [Если два друга расходятся] Если расположение двух приятелей изменилось, на это должна быть причина, или нет?

— Вероятно.

— Мы были с тобою дружны, или нет? Тянуло нас делить время друг с другом, или нет?

— Да.

— Осталось это чувство во мне, расположение во мне? Ты молчишь?

— Да.

— А в тебе? Я постоянно захожу к тебе и не так, что

[1] ты была ∾ сне. *вписано. К этой же фразе относится зачеркнутый текст:* Что это за перемена в Верочке? думал Лопухов. Угадать нетрудно. [2] *Вместо:* чтобы ты рассказала — *было:* что ты видела [3] подробно [4] о том [5] *Далее начато:* хотела познаком‹иться› с Бозио [6] *Далее начато: а.* Прости меня, Верочка *б.* Благодарю [7] неужели не только [8] *Далее было:* Разве я стану скрывать от тебя [9] *Далее было:* Вот награда за [все] любовь и

этого упрека был: «друг мой, неужели ты не знаешь, что[1] ты заслужил полное мое доверие, — жена должна скрывать от мужа[2] тайные движения своего сердца — таковы отношения, в которых они стоят друг к другу, но ты, мой друг, держал себя так, что[3] от тебя[4] мне не нужно утаивать ничего, что мое сердце открыто перед тобою, как ‹перед› мною самой». Это великая заслуга в муже, эта награда покупается только высоким нравственным достоинством, — кто заслужил ее, тот[5] вправе считать себя человеком безукоризненного благородства, тот смело может надеяться,[6] что совесть его чиста и всегда будет чиста, что мужество никогда не изменит ему,[7] что во всяких испытаниях он останется спокоен и тверд, что судьба почти не властна над миром его души, что с той минуты, как он заслужил эту великую честь, до последней минуты жизни, каким бы ударам ни подвергался он, он будет счастлив сознанием своего человеческого достоинства. Мы довольно знаем Лопухова, чтобы сказать, что он не был человек сентиментальный, — но он был так тронут словами жены, что стал на колени.

— Верочка, ты упрекнула меня, но этот упрек мне дороже всех слов любви. Прости меня, я оскорбил тебя[8] своим вопросом, но как я счастлив, что мой дурной вопрос вызвал этот упрек.[9] Посмотри, слезы на моих глазах, со времени детства это первые мои слезы.[10] Он не сводил с нее глаз весь этот вечер, и ей ни разу не подумалось, что это он делает усилие над собою, чтоб быть нежным, и этот вечер был одним из самых радостных в ее жизни.

Но когда она заснула на коленях[11] у него, он положил ее в ее постельку, стал думать о ее сне.[12] Для него дело было не в том, любит ли она его,[13] — это уж ее дело, в котором и она не властна, и он, как он видит, не властен, — его дело разобрать: из какого отношения явилось в ней предчувствие, что она не любит его.

Не первую это ночь сидел он долго в раздумье,[14] — уж несколько дней он видел, что не удержит за собою ее любви, — потеря тяжелая, конечно, но что ж делать? Если б он мог изменить свой характер, если б он мог бы приобрести то влечение к тихой неге любви, какого требовала ее натура, — о, тогда, конечно, было бы другое, — но он видел, что эта попытка напрасна: наклонности, которой не дала природа или не развила жизнь независимо от намерений, нельзя развить в себе усилием воли, а без вле-

[1] *Далее было:* моим мужем [2] *Далее было:* муж от жены [3] *Далее было:* ты не только муж мой [4] *Далее было:* я не [5] тот благородный [6] *Далее было:* что он не будет знать упреков совести и [7] *Далее было:* что он смело может смотреть в глаза каждому и что он выше всех, [8] *Далее было: а.* смыслом *б.* но как я счастлив [9] *Вместо:* что мой дурной ∾ упрек. — *было: а.* что оскорблением этим *б.* что услышал *в.* что слышу [10] *Вместо:* со времени ∾ слезы. — *было:* первые слезы мои [с тех пор как я], я не помню, чтоб [11] на руках [12] словах. [13] *Далее было:* он думал о том [14] *Далее было: а.* он раздумывал *б. Начато:* он несколько уж

чения ничего не делается так, как надобно. Стало быть, вопрос о нем решен. Но что он может сделать для нее? Она еще не понимает, что в ней происходит,[1] она еще не так много пережила сердцем, как он, — что ж, ведь она моложе его четырьмя годами, это натурально — не может ли он, более опытный, разобрать того, чего не в силах разобрать она? Как же разгадать ее сон? [2]

Скоро явилось у Лопухова предположение: причина ее мыслей должна заключаться в том обстоятельстве, из которого произошел ее сон. В этом поводе ко сну должна заключаться какая-нибудь связь с его происхождением. Она говорит, что скучала оттого, что не поехала в оперу. Он стал обдумывать ее образ жизни — постепенно все для него прояснялось. Большую часть времени, остающегося у нее свободным, находилась она, так же как он,[3] в одиночестве. Потом началась перемена, — она была постоянно развлечена, теперь опять возобновлялось прежнее.[4] Этого возобновления она уж не может принять равнодушно: оно не по ее натуре, — оно было бы не по натуре и большинству людей, особенно загадочного тут ничего нет. От этого было уж очень недалеко до предположения, что разгадка всего [5] — ее сближение с Кирсановым и потом удаление Кирсанова. Почему ж Кирсанов удалился? Он выставлял причиною недостаток времени, множество занятий. Но человека честного и развитого нельзя обмануть никакими выдумками. Он может обманываться сам от невнимательности, — он может не обращать внимания на факт; так и Лопухов ошибся, когда Кирсанов удалился в первый раз, — собственно говоря, ему не было интереса доискиваться причины, по которой удалялся Кирсанов, — ему нужно было только подумать, не он ли виноват в разрыве дружбы; нет, — так ему не о чем думать, он не дядька Кирсанову, он не педагог, обязанный направлять [6] на путь истины стопы человека, который сам понимает вещи не хуже его. Да и какое ему дело, в сущности, до Кирсанова? Разве в отношениях с Кирсановым было что-нибудь особенно важное для него? Пока ты хорош и хочешь, чтоб я любил тебя, мне очень приятно; нет, — мне очень жаль, и ступай, куда хочешь, — не все ли равно мне? Что [7] одним глупцом на свете больше или меньше, это составляет мало разницы; что я принимаю глупца за хорошего человека, это мне очень обидно — только и всего. Если наши интересы не связаны с поступками человека, эти поступки в сущности очень мало занимают человека серьезного — за исключением двух случаев, которые служат только видимым исключением только для людей, привыкших понимать слово «интересы» в узком смысле обыденного расчета, — это случаи: когда мы имеем умственный интерес в поступках человека, или

---

[1] *Далее было:* если б она более могла понимать [2] *Против фразы:* Как ∾ сон? — *дата:* 30 янв‹аря› [3] *Вместо:* находилась ∾ как он — *было:* проходила у нее, так же как у него [4] *Далее начато:* Ясно, что [5] *Далее было:* заключается [6] *Далее было:* стопы человека [7] Но что

когда мы <имеем> в них интерес нашей совести, когда они занимательны для нас с теоретической стороны, как психологическое явление, объясняющее натуру человека;[1] но в тогдашних глупых выходках Кирсанова не было ничего такого, что не[2] было бы известно Лопухову за очень обыкновенную принадлежность нынешних нравов, — не редкость было и то, что человек, имеющий порядочные убеждения, поддался слабости, происходящей от нынешних нравов.

Другой случай исключения — когда судьба человека зависит от нас, — тут мы были бы виноваты перед собою, если б были невнимательны к нему, — но Лопухову не могло же представляться тогда, что он может играть важную роль в судьбе Кирсанова. Следовательно, ступай, мой друг, от меня, куда тебе угодно, какая мне надобность. — Но теперь не то: действия[3] Кирсанова представлялись в связи с интересами женщины, которую Лопухов любит, — он не мог не подумать о них внимательно, — а подумать внимательно о факте и понять его причины — это почти одно и то же для человека с тем образом мыслей, какой был у Лопухова, — и сам Лопухов находит, что его теория дает безошибочные средства к анализу движений человеческого сердца, — и я, признаюсь, согласен с ним в этом: в те долгие годы, как я считаю[4] ее за истину, она ни разу не вводила меня в ошибку и ни разу не отказывалась легко открывать мне истину, как бы глубоко ни была затаена истина какого-нибудь человеческого дела.

Через какие-нибудь полчаса раздумья для Лопухова было ясно все в отношениях Кирсанова к нему и Вере Павловне.[5] Но[6] он долго все сидел и думал все о том же, все о том, — предмет был слишком занимателен; разъяснять было уже нечего, но открытие было так любопытно, что довольно долго не давало уснуть.

Однако с чего ж, в самом деле, расстроивать свои нервы бессонницею, — ведь уж три часа: если не спится, надобно принять морфию, — он и принял две сонные пилюли, «вот только взгляну еще на Верочку». Но вместо того чтобы подойти и взглянуть, Лопухов пододвинул кресла к ее постельке и уселся в них, — взял ее руку и поцаловал. «Миленький мой, ты заработался, — какой ты добрый, как я тебя люблю», проговорила она впросонках. Против морфия[7] не устоит никакое крушение духа, — на этот раз двух пилюль оказалось достаточно, вот уже одолевает дремота.[8] Следовательно, крушение сердца приблизительно равнялось, по материалистическому взгляду Лопухова, своею силою четырем стаканам крепкого кофе, против которых одной пилюли мало, трех уже много.[9] Он заснул, смеясь над этим сравнением.

---

[1] *Текст:* которые служат ∾ человека — *вписан.* [2] что Лопухов не [3] судьба [4] дорожу [5] *Далее было:* с той минуты [6] Но это было так [7] *Далее было:* бессонница не [8] вот ∾ дремота *вписано.* [9] против которой ∾ много *вписано.*

На другой день Кирсанов только что лег читать для отдыха после своего довольно позднего обеда по возвращении из гошпиталя, как вошел Лопухов.[1]

— Не во-время гость хуже татарина, — сказал Лопухов шутливым тоном, но тон выходил не совсем удачно шутлив. — Я тревожу тебя, Александр, но есть чего потревожиться; мне надобно поговорить с тобою серьезно. — Эти слова были сказаны уж без шутки. «Что это значит? Неужели догадался?» думал Кирсанов. — Поговорим-ко. Погляди мне в глаза.

«Да, он говорит об[2] этом, нет никакого сомнения».

— Слушай, Дмитрий: — мы с тобою друзья. Но есть вещи, которых не должны позволять себе и друзья. Я прошу тебя прекратить разговор. Я не расположен теперь к серьезным разговорам. И никогда не бываю расположен. — Глаза Кирсанова <смотрели> как будто перед ним человек, которого он подозревает в намерении совершить злодейство.

— Нельзя не говорить, Александр, — продолжал Лопухов спокойным, но несколько глухим тоном: — Я понял твои маневры.

— Молчи. Я запрещаю тебе говорить, если ты не хочешь иметь меня своим вечным врагом, если не хочешь потерять моего уважения.

— Ты не боялся терять мое уважение, — помнишь? Теперь ведь это ясно. Я тогда не обратил внимания.

— Дмитрий, я прошу тебя уйти, или я ухожу.

— Не можешь уйти. Как ты полагаешь, твоими интересами я занят?

Кирсанов молчал.

— Мое положение выгодно. Твое в разговоре со мною — нет. Я представляюсь совершающим подвиг благородства,[3] но это все вздор. Мне нельзя поступать иначе, по здравому смыслу. Я прошу тебя, Александр, прекратить эти маневры. Они ни к чему не ведут.

— Как? Неужели было уж поздно? Прости меня, — сказал Кирсанов и сам не <мог> отдать себе отчета, радость или огорчение волнует его душу от этих слов: «они ни к чему не ведут» — но лицо его вспыхнуло.

— Нет, ты не так меня понял. Вовсе не было поздно. До сих пор еще ничего нет; что будет, мы увидим. Но теперь видеть еще нечего,[4] — и притом, Александр, я не знаю, о чем ты говоришь, — и ты точно так же не знаешь, о чем я говорю — правда? Мы не понимаем друг друга. Правда? Нам незачем понимать друг друга. Так? Тебе эти загадки, которых ты не понимаешь, неприятны.[5] Их не было. Я ничего не говорил. Я ничего не имею тебе сказать. Давай сигару: я забыл свои в рассеян-

---

[1] *Против текста:* На другой день ∾ Лопухов. — *дата:* 31 янв<аря> [2] Да, он хочет говорить о [3] *Далее было:* но ты знаешь [4] *Вместо:* Вовсе ∾ нечего, — *было:* Еще ничего нет, но удаление твое ни к чему не приведет [5] *Далее начато:* Позволь, это разговор

ности, — закурим и начнем рассуждать об ученых вопросах, — я только за этим к тебе и пришел — поболтать, от нечего делать, об этих странных опытах искусственного произведения белковины. Давай же сигару. — Лопухов закурил сигару, пододвинул кресла, чтобы положить ноги, разлегся поспокойнее и продолжал: — да, это великое открытие, если оправдается.[1] Ты повторяешь опыты?

— Нет еще, но надобно.

— Пожалуйста, повтори внимательнее. Ведь полный переворот всего вопроса о пище, — фабричное производство главного питательного вещества из неорганических элементов. Величайшее дело, — стоит [2] Ньютонова открытия. Ты согласен?

— Конечно, только сильно сомневаюсь в верности опытов; раньше или позже мы до этого дойдем несомненно, — но теперь еще едва ли дошли.

— Ты так думаешь? И я точно так же. Значит, наш ‹разговор› кончен. До свиданья, Александр. Но, прощаясь, я прошу тебя бывать у нас часто. До свиданья.

Глаза Кирсанова вспыхнули. — Ты, кажется, хочешь, Дмитрий, чтоб я предположил в тебе низкие мысли?

— Вовсе я этого не хочу. Но ты должен бывать у нас. Что тут особенного? Разве мы с тобою не приятели? Что особенного в моей просьбе?

— Я не могу, Дмитрий. Ты затеваешь дурное или безрассудное дело.

— Я не понимаю, о каком ты деле говоришь, и должен тебе сказать, что этот разговор мне вовсе теперь не нравится, как тебе не нравился он за две [3] минуты.

— Я требую объяснения, Дмитрий.

— Незачем. Ничего нет, и объяснять нечего, и понимать нечего.[4] Ты понимаешь.

— Нет, я не могу отпустить тебя. — Кирсанов взял Лопухова за руку. — Садись. Ты начал говорить, когда не было нужно; ты требуешь от меня бог знает чего, — ты должен выслушать.

Лопухов сел.[5]

— Какое право имеешь ты требовать от меня того, что для меня тяжело? Чем я обязан перед тобою? И к чему это? Это нелепость. Постарайся выбить романические бредни из твоей головы. То, что мы с тобою признаём за нормальную жизнь,[6] будет так, когда переменятся понятия, обычаи общества. Его надобно перевоспитать, это так. Оно перевоспитывается развитием жизни. Но пока оно не перевоспиталось, не изменилось совершенно, мы не имеем права рисковать чужою судьбою. Ведь это страшная вещь, — ты понимаешь?

---

[1] *Далее было:* я советовал [2] *Далее начато:* важнее [3] за десять [4] *Далее было:* Надобно только наблюдать и я должен наблюдать. [5] Кирсанов сел. [6] *Далее было:* это при смене обы‹чаев›

— Нет, я ничего не понимаю, Александр. Я не знаю, о чем ты хотел говорить. Тебе угодно видеть какой-то удивительный смысл в простой просьбе твоего приятеля, чтоб ты не забывал его, потому что ему приятно видеть тебя у себя. Я не вижу, отчего тут приходить в азарт.

— Нет, Дмитрий, в таких разговорах ты не отделаешься от меня шутками. Мало ли чего мы с тобою не признаём? Ты не видишь ничего оскорбительного в пощечине, — и я тоже. Но ведь ты был бы бесчестный человек, если бы дал кому-нибудь пощечину, потому что этим делом, в сущности пустым, ты отнял бы спокойствие у человека.[1] По-нашему, этот человек должен засмеяться и назвать обидчика глупцом, больше ничего.[2] Но ведь он не в силах сохранить это благоразумие против общественного мнения, говорящего ему, что он смертельно обесчещен, — и ты сам, может быть, — я почти наверное — потерял бы спокойствие[3] от этой обиды, которую сам вовсе не считаю обидою. Ты понимаешь меня? Это такое же самое дело. Я, ты теперь знаем, что это — вздор. Но тот человек, — положим, женщина, — на кого обращаются укоризны, она не может оставаться спокойною, она мучится мелкими ежедневными неприятностями, гадкими преследованиями со стороны общества.[4] Подвергать им человека — положим, мы говорим о женщине — бесчестно. Слышишь ли? Я говорю, что у тебя бесчестные мысли.

— Друг мой, ты говоришь совершенную правду, только я не знаю, к чему ты ее говоришь. Я ничего тебе <не> говорил о своем намерении[5] подвергать опасности или неприятностям со стороны общества или каким-то преследованиям какого-то человека, — которого ты еще вдобавок признаешь за женщину. Ты фантазируешь[6] и больше ничего. Я прошу тебя, своего приятеля, не забывать меня, потому что мне, как твоему приятелю, приятно проводить время с тобою, — только.[7] Исполнишь ты мою приятельскую просьбу?

— Она бесчестна, я сказал тебе, я не делаю бесчестных дел.

— Это похвально. Но ты разгорячился из-за каких-то фантазий, которых я совершенно не понимаю. Поговорим об ученых предметах. Это успокоит нас обоих, и ты, может быть, взглянешь на мои слова, как следует рассудительному человеку. Очень полезно было бы повторить опыты Сегена, который в маленьком размере производит осуществление Лапласовой теории возникновения солнечной системы, — я советовал бы тебе похлопотать об этом и постараться упростить их, чтоб[8] в гимназиях можно было[9] давать ученикам это наглядное подтверждение истины, очень важной.

---

[1] *Далее было:* и я это считаю обидою, потому [2] *Вместо:* засмеяться ∾ ничего. — *было:* улыбнуться и больше ничего [3] *Вместо:* потерял бы спокойствие — *было:* не смог бы спокойно того [4] *Далее было:* Это бесчестное дело [5] *Далее было:* обпдно [6] *Далее было:* ты говоришь вздор [7] *Далее было:* тут все. Что ты гор<ячишься> [8] *Далее было:* эти опыты [9] *Далее было:* делать это наглядное подтверждение

— Ты бесишь меня, Дмитрий.

— Бешу, потому что ты хотел беситься. Но, видно, в самом деле ты стал фантазером, и надобно вразумлять[1] тебя. А я сделаю тебе несколько вопросов. Если мы без неприятности себе можем доставить какое-нибудь удовольствие человеку, то расчет, по моему мнению, требует, чтоб мы доставили его, потому что мы сами получим от этого удовольствие. Так?

— Это вздор, Дмитрий. Ты говоришь не то.

— Я ничего не говорю, Александр. Я только занимаюсь теоретическими вопросами. Вот еще один: если в ком-нибудь пробуждается какая-нибудь потребность, — какая бы то ни было, все равно, — ведет к чему-нибудь хорошему наше старание заглушить в нем эту потребность? По моему мнению, нет: она только примет утрированный размер,[2] — это будет дурно, ‹*л. 37*› или примет какое-нибудь фальшивое направление, — это будет вредно, или, заглушаясь, будет заглушать жизнь, — это будет жаль.

— Дело не в том, Дмитрий, — я поставлю этот теоретический вопрос в другой форме: имеем[3] ли мы право подвергать человека риску, если ему и без риска хорошо? Будет время, когда все потребности натуры каждого человека будут удовлетворяться вполне, — это мы с тобою знаем; но мы оба одинаково твердо знаем, что это время еще не пришло. Теперь благоразумный человек доволен и тем,[4] если ему привольно жить, хотя бы не все стороны[5] развивались тем положением, в котором ему привольно жить: от добра добра не ищут. Благоразумный человек — положим, что это женщина, положим, что это привольное положение — замужство, — это все равно, я говорю только для примера, — благоразумный человек должен довольствоваться таким положением.[6] Кто смеет подвергать его риску потерять хорошее, которым он, может, доволен, чтоб посмотреть, не удастся ли приобрести ему лучшее, без которого ему легко обойтись? Золотой век еще впереди, Дмитрий, — мы еще на грани,[7] железный — проходит, почти прошел, но золотой еще не настал.[8] Если б потребность, — положим, потребность любви, — я опять говорю только к примеру, это все равно, — если б она вовсе не удовлетворялась, если б она удовлетворялась плохо, тогда я не имел бы возражений против риска. Но если она удовлетворяется хорошо, человек может не рисковать, — я нахожу, что он прав и благоразумен, если он не хочет рисковать, — и я говорю, что дурно и безумно поступит тот, кто станет не желающего рисковать подвергать риску. Что ты можешь возразить против этого? Ничего! Пойми же, что ты не имеешь права.

— Я на твоем месте, Александр, говорил бы точно то же, что ты, — я говорю, как ты, только для примера, что у тебя есть какое-нибудь ме-

[1] образум‹ить› [2] *Далее было:* если заглушается [3] можем [4] *Далее было:* когда может [жить] быть порядочным [5] потребности [6] *Далее было:* и я [7] *Далее было:* только на границе [8] *Далее было:* Теперь еще не время, еще надобно различать потребности, со временем каждый будет есть только те блюда, которые наиболее ему по вкусу. Но мы еще не достигли такого изобилия.

сто в этом теоретическом вопросе, — я знаю, что он никого из нас не касается, мы говорим только как ученые,[1] а не о любопытных сторонах общих научных воззрений, — по этим воззрениям каждый судит о всяком деле с своей точки, по своим личным отношениям к делу, — я только в этом смысле и говорю[2] о том, что на твоем месте я стал бы говорить точно так же, как и ты. Ты на моем месте говорил бы точно так же, как я. С общей научной точки зрения ведь это бесспорная истина: А на месте В есть В, если б оно на месте В не было В, оно еще не было бы на месте В, ему бы недоставало чего-нибудь, чтоб быть на месте В, — так ведь? Следовательно, и против этого нечего тебе возразить, как мне нечего возразить против твоих слов. Но я тебе предложу еще один ученый вопрос, тоже общий вопрос, не имеющий никакого житейского применения ни к кому из нас. Предположим, что есть три человека, — предположение, не заключающее в себе невозможного. Предположим, что у одного из них есть тайна, которую он желал бы скрыть от двух остальных; что один из этих двух угадывает тайну первого и говорит ему: ты должен сделать то, о чем я просил[3] тебя, или я открою эту тайну третьему. Как ты думаешь об этом случае?

А Кирсанов побледнел и долго тер лоб рукою.

— Дмитрий, ты поступаешь со мною дурно, — проговорил он наконец.

— Это все равно, хорошо или дурно. И притом я не понимаю, о чем ты говоришь, — я говорю с тобою как ученый с ученым, мы предлагали друг другу разные отвлеченные задачи, — мне, наконец, удалось предложить тебе такую, над которой ты задумался, и мое ученое самолюбие удовлетворено. Поэтому я прекращаю этот теоретический разговор. У меня много работы,[4] не меньше, чем у тебя. Итак, до свиданья, — не претендуй, что не сидел у тебя долго. Кстати, чуть было не забыл: что ж, Александр, ты исполнишь мою просьбу бывать у нас, твоих добрых приятелей, которые всегда рады тебя видеть, бывать так же часто, как в прошлые месяцы? — Лопухов встал.

Кирсанов долго сидел, потирая лоб. Лопухов[5] опять присел и закурил[6] сигару.

— Ты дурно поступаешь со мною, Дмитрий, — я не могу не исполнить твоей просьбы; но в свою очередь я налагаю на тебя одно условие: я буду бывать у вас; но ты обязан сопровождать меня из своего дома повсюду, куда я должен буду отправляться. Слышишь? я без тебя не делаю ни шагу ни в оперу, ни к кому из знакомых.

— Не обидно ли это условие, Александр? Разве такой человек, как я, может иметь сомнение в таком человеке, как ты?

---

[1] *Далее было:* о гипотезах [2] *Далее было:* что твое положение и мое положение [3] прошу [4] У меня дела много [5] *Далее было: а.* стоял *б.* не у‹ходил› *в.* сидел [6] спокойно курил

— Благодарю тебя, Дмитрий, но я вовсе не об этом и думал.[1] Я такой обиды не нанесу тебе. Свою голову я бы положил в твои руки без всякой оглядки, — надеюсь, что имею право ждать этого и от тебя. Нет, я думал не об этом. У меня совершенно другая цель.

— Теперь угадываю. Да, ты много сделал в этом смысле и хочешь еще заботливее хлопотать об этом. Что ж, в этом случае ты прав. Да, меня надобно принуждать. Но, мой друг, как я ни благодарен тебе, из этого ничего не выйдет. Я сам пробовал принуждать себя. У меня есть воля, ты знаешь. Но то, что делается по расчету, по чувству долга, по усилию воли, а не по влечению натуры, выходит безжизненно.[2] Благодарю тебя. А что, ведь мы с тобою никогда не целовались, — теперь, может быть, и у тебя есть охота? [3]

Они горячо поцеловались.[4]

Возобновление частых посещений Кирсанова объяснялось очень натурально: пять месяцев он был слишком отвлечен от занятий и запустил много работы. Потому он должен был долго сидеть над нею, не разгибая спины; теперь он справился с нею и может свободнее располагать своим временем.

И действительно, это было прекрасно и не возбуждало никаких сомнений в Вере Павловне. И, с другой стороны, Кирсанов выдерживал свою

---

[1] не про то и говорил. [2] *Далее было:* пассивно. [3] *Вместо:* теперь ∾ охота? — *было:* и едва ли и у тебя нет [4] *Вместо:* Они ∾ поцаловались — *было:* Кирсанов обнял Лопухова. *За этой фразой следует набросок:*

Далее, план только

I Возвращение К.‹ирсанова› достаточно оправдывалось: он в 4 месяца рассеяния запустил работу, теперь спустил ее, снова имеет свободное время. Поэтому В.‹ера› П.‹авловна› ничего не заметила, но замечает: он с нею обходится не так, как с другими. И почему он таскает с собою повсюду Лопухова?

II Разговор. К.‹ирсанов› говорит: счастлива женщина, которая имеет такого мужа, как Л.‹опухов›, называет ее, нет, под другим именем. 1/2 III. III. Через полтора месяца В.‹ера› П.‹авловна› бежит к мужу: Я люблю его

— Ну, так что ж? — Нет, я ему сказала, чтоб он не бывал у нас.

IV Через три дня. Муж говорит: Верочка [не лучше ли было бы нам поселиться], я давно не виделся с родными, я съезжу.

— Как? Ты смеешь? Сцена.

3/4 III. V. Через неделю. Нет, мой друг, прости меня, я не могу жить без него, но как я люблю тебя.

1/2 IV. VI. Она стеснена — Л.‹опухов› думает: когда переедем на дачу, ничего — переезжают — сначала действительно ей легче.

1/2 IV. VII. Через два месяца. Нет, то же, потому что зависимость от доброты, милости мужа.

VIII. То, что в начале повести.

IX. Приходит ригорист.

Глава IV. 1. Письмо Л.‹опухова› — 2. Ответ В.‹ерочки› и К.‹ирсанова› 3. 4-й сон Верочки. 5 глава готов план. 5. Через полгода: буду медиком. Может быть, в 4 главе только.

роль с прежней безукоризненной артистичностью. Он боялся за себя, что когда он войдет к Лопуховым после ученого разговора с своим другом,[1] несколько сконфузится или покраснеет от волнения, или[2] в глазах его отразится его волнение, когда он в первый раз взглянет на Веру Павловну, или что он будет слишком заметно избегать смотреть на нее в весь вечер, — нет. Он остался и имел полное право остаться доволен собою за минуту встречи с нею: приятная дружеская улыбка человека, который очень рад, что возвращается к старым приятелям, от которых должен был отрываться на несколько времени, спокойный взгляд, бойкий и любезный разговор человека, на душе у которого нет никакой заботы,[3] нет никаких мыслей, кроме тех, которые беспечно льются у него с языка; если бы вы были самая злая сплетница и смотрели на него с величайшим желанием найти что-нибудь не так, вы не увидели[4] бы в нем ничего другого, кроме как человека, который очень рад, что может приятно убить, от нечего делать, вечер в обществе своих хороших знакомых.

А если первая минута была так хорошо выдержана, то что значит выдержать себя в остальной вечер? А если первый вечер он умел выдержать себя, то было бы трудно ему держать себя в следующие[5] вечера? Ни одного слова,[6] которое не было бы совершенно свободно и беззаботно, ни одного взгляда, который не был бы хорош и прост, прям и дружествен — и только.

Но — если он держал себя не хуже прежнего, то глаза, которые смотрели на него, уже были расположены замечать многое, чего не замечали прежде, чего и не могли бы заметить никакие другие глаза, — да, никакие другие глаза не могли бы заметить: сам Лопухов удивлялся непринужденности, которая ни на один миг не изменила Кирсанову, — но гостья недаром пела и заставляла читать[7] дневник. Слишком зорки[8] становятся глаза, когда эта гостья шепчет на ухо.

Даже и эти глаза не могли увидеть ничего, — но они не видели многих мелочей, которые увидели бы теперь, — и то, что они не видели их, что этих мелочей, незаметных ни для кого другого, не было,[9] — этого уже было довольно, чтобы глаза заметили: тут что-то не так.

Вот, например, Вера Павловна с мужем и Кирсановым отправились на маленький очередной вечер к Мерцаловым. Почему Кирсанов не вальсирует на этой бесцеремонной вечеринке, где сам Лопухов вальсирует, потому что здесь такое правило: если ты семидесятилетний старик, но попался сюда, дурачься вместе с другими, — ведь никто здесь ни на кого не смотрит, у каждого одна мысль: побольше шуму, побольше движенья, то есть побольше веселья каждому и всем. Кирсанов начал валь-

---

[1] когда он войдет ∾ другом, *вписано.* [2] *Далее было:* будет слишком избегать смотреть на Веру Павловну [3] мысли [4] не заметили [5] в остальные [6] *Далее было:* ни одного взгляда [7] *Вместо:* заставляла читать — *было:* читала [8] *Далее было:* эти глаза, которые указывают, что написано в дневнике [9] недоставало

сировать, — но зачем он несколько минут не начинал? Неужели стоило думать: решиться или не решиться на такой подвиг? Если б не стал вальсировать, дело было бы наполовину открыто тут же; если б он стал вальсировать и не вальсировал с Верою Павловною, дело вполне раскрылось бы тут же, — но он был слишком ловкий артист в своей роли, — ему не хотелось вальсировать с Верою Павловною, поэтому вздумал было он вовсе не вальсировать; но — вальсировал и с нею точно так же, как с другими, потому от его недолгого колебанья, не имевшего никакого видимого отношения[1] ни[2] к Вере Павловне, ни к кому на свете, остался в ее уме только маленький, самый легкий вопрос, — вопрос, который сам по себе был бы <не> заметен даже для нее, несмотря на шепот гостьи-певицы, если б та же певица не нашептывала беспрестанно таких же самых маленьких, самых ничтожных вопросов.

Почему, например, когда они[3] на другой день условились ехать в оперу на «Пуритан»[4] и когда Вера Павловна сказала мужу: «миленький, ты не любишь этой оперы,[5] ты будешь скучать,[6] я поеду с Александром Матвеевичем, — ведь для него всякая опера наслаждение, — кажется, если б я или ты написали[7] оперу, он и ту стал бы слушать», — почему Кирсанов не поддержал мнение Веры Павловны, что «в самом деле,[8] Дмитрий, я не возьму тебе билета», — почему это? То, что миленький все-таки едет, это, конечно, ничего, ведь он теперь повсюду провожает жену по ее же просьбе, раз она его попросила: «отдавай мне больше времени»,[9] и он с той поры никогда не забывает этого, — это так; но ведь Кирсанов не знает этой причины; почему ж он не поддержал мнения Веры Павловны? Конечно, это пустяки, и Вера Павловна не помнит их, почти не замечает, но эти пустяки, почти незаметные, все-таки производят и производят свое дело, — и, например, такой разговор уж весьма много подвигает дело.

Между другим разговором сказали несколько слов[10] о Мерцаловых, у которых были накануне, похвалили их согласную жизнь, заметили, что это редкость,[11] — это говорили все, и в том числе Кирсанов заметил: «как я уважаю такого мужа, как Мерцалов, перед которым жена может совершенно свободно раскрывать свою душу, — как счастлива должна быть такая жена, у которой никогда не было и не будет мысли, что она должна сколько-нибудь опасаться мужа или остерегаться перед ним!»

Только сказал Кирсанов — и каждый из них троих думал сказать то же самое, но случилось сказать Кирсанову, — но зачем он это сказал? Что это такое значит? Ведь если понять это с известной стороны, что такое это? Это похвала Лопухову, это прославление счастья Веры Пав-

---

[1] видимой связи [2] ни к нему [3] *Далее было:* возвращаясь [4] «Elis <*не закончено*> [5] *Далее начато:* зачем тебе [6] *Далее было:* не езди, мы [7] сочинили [8] *Далее было начато: а.* тебе чуть *б.* тебе чуть ли не [9] «больше времени ⌶ отдавай мне», [10] *Текст:* Между ∾ слов — *вписан.* [11] *Далее было:* в семьях

ловны с Лопуховым. Конечно, это совершенно применяется к Мерцаловым; конечно, это может сказать человек, совершенно не думающий ни о ком, кроме них, — а предположим, что он думает и о Мерцаловых и вместе еще о ком-нибудь другом? Тогда, конечно, он говорил это о Лопухове и о Вере Павловне и сказал это для Веры Павловны, — зачем же он это сказал? ‹*л. 37 об.*›

Это повторение в духе басни о волке и ягненке, это всегда так бывает:[1] если явилось в человеке настроение[2] искать чего-нибудь, он находит во всем то, чего ищет, — пусть не будет никакого следа, а он все-таки видит след; пусть незаметно и тени,[3] а он все-таки видит не только тень того, что ему нужно, он видит все, что ему нужно, видит уж в самых несомненных чертах, и эти черты с новым взглядом, с каждой новой мыслью ему делаются всё яснее. А тут, кроме того, был действительно очень осязательный факт, который раскрывал всё: ясно, что Кирсанов уважает Лопуховых,[4] — зачем же он слишком на два года расходился с ними? Ясно, что он человек вполне порядочный, — каким же образом он выставлялся тогда человеком пошлым? Пока Вере Павловне не было надобности думать об этом, она и не думала, как не думал Лопухов;[5] теперь ее влекло[6] думать.

Медленно, незаметно для нее самой зрело в ней это открытие.[7] Всё накоплялись мелкие, почти забывавшиеся впечатления слов и поступков Кирсанова, на которые никто другой не обратил бы внимания, которых она сама почти не замечала, а только подозревала, предполагала; медленно росла[8] занимательность[9] вопроса: «почему же он почти три года[10] избегал ее?»[11] Медленно укреплялась мысль: «такой человек не мог удалиться по чувству мелочного тщеславия, которого в нем решительно нет», — и за всем этим, неизвестно к чему думающимся, еще смутнее и медленнее поднималась из немой глубины жизни в сознание мысль: «почему же я думаю о нем? что он такое для меня?»

---

[1] *Вместо:* Это ∾ бывает, — *было: а.* как вы изложили *б.* Это повторение [наоборот] в противоположном смысле [2] *Вместо:* если ∾ настроение — *было: а. Начато:* тогда мы не *б.* это говорит так ‹?›: если возбудить такое настроение, что один человек хочет владеть [3] *Вместо:* и тени — *было:* никакой тени [4] Веру Павловну [5] *Далее было:* Ей не было надобности подумать — и вся история скоро стала ясна ей, как Лопухову, — а когда стало ясно ей, что Кирсанов любит ее, ей стало ясно, отчего ей было скучно, когда он [перестал] два месяца тому назад перестал бывать у них, отчего она читает в дневнике и видит в нем [необыкновенные] новые строки, ее смутившие.

Это открытие зрело в ней медленно, незаметно для нее самой, — и вот однажды [поутру] после обеда она сидела в своей комнате и читала. [6] тянуло [7] *Перед фразой:* Медленно ∾ открытие. — *дата:* 1 февр‹аля› [8] медленно росло это из главного недоумения [9] важность [10] *Вместо:* почти три года — *было: а. Начато:* один *б.* более ‹чем› два года [11] *Далее было: а.* и как можно так бороться *б.* и росло мнение

И вот, однажды, после обеда, Вера Павловна сидит в своей комнате,[1] шьет и думает. Начала она думать спокойно, но являлись воспоминания, вопросы, — мелкие, немногие, — росли, умножались, — и вот они тысячами роятся перед ее мыслью и всё растут, всё растут и всё сливаются в один вопрос, роковой, форма которого все проясняется: «что ж это такое со мной? о чем я думаю, что я чувствую?» — и пальцы Веры Павловны забывают шить, и шитье опустилось из опустившихся рук, и Вера Павловна немного побледнела — вспыхнула, побледнела больше,[2] и как огонь коснулся ее запылавших щек, и они побелели, как снег, — она вскочила и, вся дрожа, с блуждающими глазами вбежала в комнату мужа, — бросилась на колени к нему,[3] судорожно обняла его, склонила голову к нему на плечо, чтоб [4] поддержало оно ее голову, чтоб скрыло оно лицо ее, и задыхающимся голосом проговорила:

— Милый мой, я люблю его, — и зарыдала.

— Что ж такое, моя милая Верочка, чем же тут огорчаться тебе? — сказал Лопухов, лаская жену.

— Я не хочу обижать тебя, мой милый, я хочу любить тебя.

— Что ж, постарайся, посмотрим, — если можешь, прекрасно; [5] дай идти времени,[6] успокойся. Ты не можешь обидеть меня — ведь ты ко мне [7] очень сильно расположена, — как же ты можешь обидеть меня? — Он стал гладить ее волоса, поцаловал ее в голову,[8] стал пожимать ее руку; [9] она долго рыдала, но постепенно успокоивалась.

Лопухов давно уж ждал этого признания, потому и принял его с видимым хладнокровием, — но как бы ни были мы приготовлены к тяжелому для нас событию, оно все-таки тяжело действует на нас, когда совершается.

— Я не хочу с ним видеться, я скажу ему, чтоб он перестал бывать у нас, — говорила Вера Павловна.

— Как сама рассудишь, мой друг, как лучше для тебя, так и сделай. А когда ты успокоишься, мы посоветуемся. Ведь мы с тобою, что бы ни случилось, не можем не быть друзьями? Дай руку, — пожми мою, — видишь, как хорошо? — Каждое из этих слов говорилось после долгого промежутка, а промежутки были наполнены тем, что он цаловал ее волосы, ласкал ее, как брат огорченную сестру. — Помнишь, мой друг, что ты мне сказала, когда мы с тобою стали женихом и невестою? «Ты выпускаешь меня на волю!» — Опять молчание и ласки, — помнишь, как мы с тобою говорили в первый раз, что значит любить человека — радоваться тому, что хорошо для него, делать все, что нужно, чтоб ему было

---

[1] *Далее было:* и думает [2] сильнее *Далее было:* как огонь загорелись [3] *Далее было:* обняла [4] чтоб скрыть [5] *Далее было:* ведь ты знаешь, что я тебя люблю [6] *Далее было начато:* обдумай, увидишь силу своего чувства, если нет, тогда увидишь, что [тебе] тут [7] *Далее было:* расположена [8] в лоб, [9] *Вместо:* стал ∾ руку; — *было:* взял ее руку

лучше, — так? — Опять молчание и ласки.[1] — Что тебе лучше, то и меня радует,[2] — но ты посмотришь, как тебе лучше. — Опять молчание и ласки. — Зачем же огорчаться? Если с тобою нет беды, какая беда может быть со мною?

В этих тихих, отрывочных словах, повторявшихся по многу раз, прошло много времени, одинаково тяжелого и для Лопухова, и для Веры Павловны. Но, постепенно успокоиваясь, Вера Павловна стала наконец дышать легче. Она обняла[3] мужа крепче прежнего и все твердила: «Я хочу тебя любить, мой милый, тебя одного, не хочу любить никого, кроме тебя».

Он не говорил ей, что это теперь уж не в ее силах, — надобно было дать пройти времени, чтоб[4] ее силы восстановились успокоением на какой-нибудь мысли, все равно.

Лопухов успел написать и отдать служанке[5] записку к Кирсанову, на случай, если он приедет: «Прошу тебя, Александр, не ходи теперь; не будь и завтра; если не получишь от меня новой записки, приезжай послезавтра. Особенного ничего нет и не будет, но мне надобно отдохнуть дня два». Ему надобно отдохнуть! И нет ничего важного!

Вечер прошел спокойно, по-видимому. Вера Павловна половину времени тихо плакала одна, отсылая мужа из своей комнаты, половину времени он сидел подле нее и успокоивал ее все теми же немногими словами, — конечно, не словами, а тем, что голос его был ровен и спокоен, если не весел, то и не грустен, и лицо тоже, — наконец она стала сама как будто наполовину думать, что важного ничего нет, что она приняла за сильную страсть просто неважную мечту, которая рассеется в несколько дней, не оставив никакого следа, — нет, она не думала этого, она чувствовала, что это не так, но это думалось ей, глядя на спокойное лицо мужа, слушая его тихий, ровный голос, говорящий, что нет ничего важного, и она несколько ободрялась тем, что ей думалось это. Утомленная волнением, она крепко спала, заснув поздно, — и проснувшись,[6] чувствовала бодрость.

«Лучшее развлечение от мыслей — работа», думала Вера Павловна, и совершенно справедливо: «буду проводить целый день в мастерской, пока вылечусь; это мне поможет».

Она стала проводить целый день в мастерской. В первый день действительно несколько развлеклась от мыслей, во второй — только устала, но уж мало отвлеклась, в третий — и вовсе не отвлеклась от мыслей. Так прошло с неделю.

---

[1] *Далее было:* кто любит, тому [2] *Далее было:* а если б я стал мешать тому, что [3] стала ласкать снова [4] чтоб она [5] *Было:* и оставить у Маши [6] *Далее было:* свежая, бод<рая>

Борьба была тяжела; цвет лица Веры Павловны стал бледен. Но по наружности она была совершенно спокойна, старалась даже казаться веселой, и это удавалось ей. Но если никто другой не замечал ничего, то муж, конечно, очень хорошо видел все.[1]

— Верочка, — начал он через неделю: — мы с тобою живем, исполняя старое поверье, что сапожник всегда без сапог, платье на портном сидит дурно. Мы учим других жить по нашим экономическим принципам, а сами не думаем устроить по ним свою жизнь. Ведь одно большое хозяйство выгоднее нескольких мелких? Я желал бы применить это правило к нашему хозяйству. Если мы станем жить с кем-нибудь, мы и те, кто с нами стал бы жить, могли бы сберегать почти половину своих расходов.[2] Надобно только сходиться таким людям, которые могут ужиться. Как ты думаешь об этом?

Вера Павловна давно уж смотрела на него точно такими же подозрительными, разгорающимися от гнева глазами, как Кирсанов в день их ученого разговора. Когда он кончил, ее лицо горело.

— Я прошу тебя прекратить этот разговор. Он неуместен.

— Почему же, Верочка? я рассчитываю денежные выгоды. Люди небогатые, как мы с тобою, не должны пренебрегать ими.

— Со мною нельзя так говорить; я не позволю говорить со мною темными[3] словами. Смей сказать, что ты хотел сказать!

— Я хотел сказать, Верочка, что, принимая в соображение наши общие выгоды, было бы нам хорошо...

— Опять то же? молчи! Кто дал тебе право[4] опекунствовать надо мною? Я возненавижу[5] тебя!

Она быстро встала, ушла в свою комнату и заперлась.

Это была первая и последняя их ссора.

До позднего вечера Вера Павловна просидела запершись, потом пошла в комнату мужа.

— Мой милый, я сказала тебе такие суровые слова. Но не сердись на них. Ты видишь, я борюсь. Вместо того, чтоб поддержать меня, ты хочешь помогать тому, против чего я борюсь, надеясь — да, надеясь — устоять.

— Прости меня, друг мой, за то, что начал так грубо. Но — ведь мы помирились? — поговорим.

— О да, помирились, мой милый, только не действуй против меня. Мне и против одной себя трудно бороться.

— Верочка, и напрасно. Ты дала себе время рассмотреть свое чувство, — ты видишь, что оно серьезнее, чем хотела ты думать вначале, зачем мучить себя?

---

[1] *Далее было начато:* Через неделю за чаем [2] *Далее начато:* Как ты дум‹аешь?›
[3] *Далее было:* двусмысленными [4] Как ты смеешь [5] ненавижу

— Нет, мой милый, я хочу любить тебя и не хочу, не хочу обижать тебя.

— Друг мой, ты хочешь добра мне. Что ж ты думаешь, мне приятно или нужно, чтоб ты продолжала мучить себя? [1]

— Мой милый, но ведь ты так любишь меня!

— Конечно, Верочка, что об этом говорить. Но в чем же состоит любовь? Не в том ли, чтоб желать хорошего человеку, которого любишь, чтоб не быть для него причиною страданья? Вот мое чувство. Мучая себя, ты будешь мучить меня.

— Так, мой милый, но ведь ты будешь страдать, если я уступлю этому чувству, которое непонятно зачем родилось, которое я проклинаю.

— Как оно родилось, зачем оно родилось, это все равно. Этого переменить уж нельзя. Теперь остается только один выбор: или чтоб ты страдала и я страдал через это, или чтоб ты перестала страдать и я тоже.

— Но, мой милый, я не буду страдать, это пройдет. Ты увидишь, это пройдет.

— Благодарю тебя за твои усилия. Но знай, Верочка, они нужны кажутся только для тебя, не для меня. Я смотрю со стороны, мне яснее, чем тебе, твое положение, я знаю, что это будет бесполезно. Борись, пока достает силы; но [2] обо мне не думай, что ты обидишь меня. Ведь ты знаешь, как я смотрю на это. Разве ты обманешь меня? Разве ты перестанешь уважать меня? Можно сказать больше: разве твое расположение ко мне, изменив характер, ослабеет? Напротив, не усилится ли оно оттого, что [3] не нашла во мне врага? Не жалей меня, моя судьба нисколько не будет жалка оттого, что ты не лишишься через меня счастья. Но довольно. Об этом тяжело говорить. Только помни, Верочка, что я теперь сказал. Прости, Верочка. Иди думать или почивать. Не думай обо мне, думай о себе, — только думая о себе, ты можешь не делать и мне напрасного горя.

Через две недели, когда Лопухов сидел поутру в своей конторе, Вера Павловна провела все время в чрезвычайном волнении: [4] она бросалась в постель, закрывала лицо руками, через четверть часа вскакивала, бросалась ходить по комнате, опускалась в кресла и опять ходила неровными, порывистыми шагами,[5] и опять ходила, и опять бросалась в постель, и несколько раз подходила к письменному столу, и стояла у него, и отбегала, и наконец села, написала несколько слов, — запечатала, — через полчаса схватила письмо, изорвала, сожгла, и опять написала, и опять изорвала и сожгла, и опять написала, и,[6] быстро, быстро

---

[1] *Вместо:* мне приятно ∾ себя? — *было начато:* что ты добро делаешь мне, что мучаешь [2] *Далее было:* но [знай, что] помни, что ты сво‹бодна› [3] *Далее было:* я стеснил [4] *Против текста:* Через две недели ∾ волнении: — *дата:* 5—6 февр‹аля› [5] *Далее было:* и останавливалась [6] *Далее было:* хотела сжечь, но

запечатав, побежала с ним в комнату мужа, бросила его на стол[1] — и побежала в свою комнату, и бросилась в кресла, и сидела, закрыв лицо руками, час, полтора часа,[2] — и вот звонок: «это он», — она побежала в кабинет схватить письмо, изорвать, сжечь, «где ж оно? его нет, где ж оно?» — она торопливо перебирала бумаги — «где ж оно?»[3] Но Маша уж отворяла дверь, и Лопухов видел, как промелькнула Вера Павловна из его кабинета в свою комнату, расстроенная, бледная.

Он прошел в кабинет, холодно и медленно осмотрел стол, — да, уж несколько дней он ждал чего-нибудь подобного, — вот письмо, без адреса, но ее печать, да, это она его искала теперь, или только что бросила, — нет, искала, бумаги в беспорядке, — но где ж ей было найти, когда она, еще бросая его, была в таком волнении, что[4] оно, судорожно брошенное, проскользнуло через весь стол и упало на окно за столом.[5] ‹*л. 38*›

«Мой милый, никогда не была я так сильно привязана к тебе, как теперь. Если б я могла умереть для тебя! Как рада была бы я умереть, если б ты стал от этого счастливее! Но прости меня, мой милый, я не могу жить без него. Я обижаю тебя, я убиваю тебя — мой друг, я не хочу этого, я делаю против своей воли. Прости меня, прости меня!»

С четверть часа, а может быть и побольше Лопухов простоял перед столом, потирая лоб, — оно, хотя удар и предвиденный, а все-таки больно, — хоть и обдумано и решено вперед все, что надобно сказать и сделать после такого письма или разговора, а все-таки не вдруг соберешься с мыслями. Но собрался же наконец, пошел прежде всего в кухню объясниться с Машею:

— Маша, вы, пожалуйста, погодите подавать на стол, пока я опять скажу. Мне что-то нездоровится, надобно принять лекарство перед обедом. Я потом скажу, когда подать. А сами вы не ждите, обедайте себе, да не торопясь; успеете, пока мне будет можно.

Из кухни пошел к жене. Она лежала,[6] спрятавши лицо в подушки, и при входе встрепенулась:

— Ты нашел его, прочитал его? — боже мой, какая я сумасшедшая! Это неправда, что я написала, это горячка.

— Конечно, мой друг, этих слов нельзя принимать серьезно, потому что ты была слишком взволнована. Эти вещи так не решаются тобою.[7] Мы успеем много раз подумать и поговорить спокойно, как о деле важном

---

[1] *Далее было:* верну‹лась› [2] *Далее было:* звонок как будто [3] *Далее было:* дверь уж отворена и *Вместо:* Через две недели ∾ оно?» — *было:* Через две недели Лопухов, возвратясь из своей конторы к обеду, нашел у себя на столе [письмо] запечатанное письмо [подписанное], надпись была рукою Веры Павловны [он со дня] — он знал содержание письма, — он со дня на день ждал разговора или письма. Вот содержание. ‹*Далее без изменения следует текст письма, перенесенный ниже*› [4] что бросая [5] *Далее было:* Лопухов знал содержание письма, — [это известная вещь] ход вещей [6] Она вскочила [7] *Далее было:* Но когда так взволнованно, то скорее всего

для нас. А я, мой друг, хочу рассказать тебе покуда о своих делах. Я успел в них сделать довольно много перемен, — все, какие было нужно, и очень доволен. Да ты слушаешь? [1]

Разумеется, она и не знала, слушает она или не слушает, она могла бы только сказать, что как бы там ни было, слушает или не слушает, но что слышит, только не до того ей, чтоб понимать, что́ это ей слышно, — однако же все-таки слышно, и все-таки слышно, что дело о чем-то другом, не имеющем никакой связи с письмом, — и постепенно она стала нехотя слушать, потому что это успокоивает, и хоть долго ничего не понимала, но все-таки успокоивалась холодным и довольным тоном голоса мужа. А муж довольно подробно рассказывал, — да ведь она три четверти этого уж знает, но все-таки пусть он рассказывает; как он добр! — он довольно подробно рассказывает, что уроки давно ему надоели — и почему, в каком семействе или с какими учениками надоели, и как занятие в конторе ему не надоело, потому что оно важно, дает влияние на народ целого завода, и как он кое-что успевает там сделать — развел охотников учить грамоте, выучил их, как учить грамоте, и вытянул от фирмы плату этим учителям — самую пустую, конечно — и помогает им, и как он старается оттягивать рабочих от пьянства, и насколько это ему удается, и мало ли что такое? А главное в том, что он порядком установился у фирмы как человек дельный и оборотливый, так что — заключение рассказа — самая приятная для него вещь: он получает место помощника управляющего заводом;[2] управляющий будет только почетное лицо, с почетным жалованьем — один из товарищей фирмы, — а управлять будет он; это и сам управляющий говорит, что, дескать, куда же мне, вы лучше; мне жалованье, а я так только буду, — но и не в этом важность, а в том, что он получает 3500 р. жалованья, — почти на 1000 руб. больше, чем получал раньше всего и от литературной работы, и от уроков, и от места в конторе, стало быть можно бросить все, кроме завода, — и превосходно, — и рассказ продолжается почти полчаса, и при окончании его Вера Павловна уж может сказать, что действительно это хорошо, и уж может приглаживать волосы и идти обедать.

А после обеда Маша отправляется — на извозчике — с запискою [3] от Лопухова, и через несколько времени является Рахметов,[4] а потом один за другим еще несколько студентов, и начинается ожесточенная ученая беседа с непомерными обличениями каждого чуть не всеми остальными во всяких неконсеквентностях, а некоторые изменники ученому прению помогают Вере Павловне кое-как убить вечер. И все это, разумеется, просто оттого, что Маша отвезла к Рахметову и двум-трем другим диспутантам записки: «Друзья, нынешний вечер у меня совершенно свободен, и я рад был бы погрызться[5] с вами и с теми из наших общих приятелей, кото-

---

[1] *Далее было:* Ведь это [2] *Далее начато:* с жалов‹аньем› [3] по поручению
[4] *Здесь и далее:* Рахманов [5] видеть

рым нечего делать». Да, в этот раз Вера Павловна была безусловно рада своим молодым друзьям, хотя и не дурачилась с ними, а сидела смирно.

Гости разошлись в два часа[1] — и прекрасно сделали, что так поздно. Вера Павловна, утомленная волнением дня, только что улеглась, как вошел муж.

— Друг мой Верочка, рассказывая про завод, я забыл сказать тебе одну вещь о своем новом месте, — это, однако, неважно, и говорить об этом не стоит, но все-таки скажу. Только прежде просьба: мне хочется спать, тебе тоже, так если чего не договорю об заводе, отложу до завтра, а нынче скажу только в двух словах. Видишь, какое условие выговорил я себе, когда принимал место помощника управляющего: что я могу вступить в должность, когда захочу, — хоть через месяц, через два. Вот я хочу воспользоваться этим временем, чтоб навестить своих родных, которых не видал уж пять лет, — пора навестить стариков, они соскучились. До свиданья, Верочка, спокойной ночи.

Когда Вера Павловна на другой день вышла из своей комнаты, Маша с Лопуховым уж набивали его вещами чемодан. И все время Маша тут была неотлучно, — Лопухов давал ей <столько> вещей свертывать, завертывать, что — куда справиться Маше! «Верочка, помоги нам с нею и ты!»[2] И чай пили тут же, все трое, всё разбирая и укладывая вещи, — некогда. А вот и половина одиннадцатого — пора ехать на железную дорогу.

— Милый мой, я еду с тобою.

— Верочка, я буду держать два чемодана, негде сесть. Ты садись с Машей.

— Не то, я говорю — в Рязань.

— А, если так, то Маша поедет с чемоданами, а мы сядем вместе.

Едут. На улице[3] не слишком расчувствуешься в разговоре. И притом, такой стук от мостовой: Лопухов многого не дослышит, потому на многое и не отвечает.

— Я еду с тобою в Рязань, — твердит Вера Павловна.

— Да ведь у тебя не приготовлены вещи, как же ты поедешь? Собирайся, если хочешь, только я тебя прошу вот о чем: подожди моего письма, оно придет завтра же, я отдам его на дороге.

Как она его обнимала на галерее станции, с какими слезами целовала, отпуская в вагон!

А он на прощанье только все толковал про свои заводские дела да про то, как будут рады ему его старики,[4] и только на прощанье:[5]

— Ты написала вчера, что никогда еще так не была привязана ко мне, как теперь, — это правда, мой друг. И я привязан[6] к тебе

[1] *Далее было:* у Веры Павловны уже слипались глаза [2] *Далее начато:* А вот и [3] На дороге [4] родные [5] *Далее начато:* помни [6] тоже к тебе привязан

не меньше, чем ты ко мне. А расположение к человеку — желание счастья ему. А счастья нет без свободы. Ты не хотела бы стеснять меня — и я тебя тоже. И если б ты стала стесняться меня, ты бы меня огорчила. Так не делай этого, а пусть будет с тобою, что тебе лучше. А там посмотрим. Когда мне воротиться, ты напиши. Я пришлю адрес. До свиданья, мой друг. Второй звонок, слишком пора. До свиданья, мой друг.

Это было в конце апреля. В половине июня Лопухов возвратился. Пожил недели три в Петербурге, потом опять уехал в Москву, по заводским делам, 9 июля, а 11 июля поутру произошло недоумение[1] в гостинице на станции железной дороги по случаю невставанья[2] приезжего и сцена на каменноостровской даче. Теперь проницательный[3] ‹читатель› уж не промахнется в отгадке того, кто это застрелился или не застрелился. «Лопухов», говорит проницательный читатель. — «Как?» — «Да он и не застрелился». — «Так куда ж он девался? и как фуражка его оказалась простреленною по околышу?» — «Нужды нет, я знаю, что не застрелился», ломит себе проницательный читатель. Ну, бог с тобою, как знаешь, — ведь тебя ничем не урезонишь.[4]

Часа через три после того, как ушел Кирсанов, Вера Павловна опомнилась, и одною из первых ее мыслей было: «нельзя же так оставить мастерскую».[5] Да, хоть Вера Павловна и обольщала себя мыслью, что мастерская идет сама собою, но ведь в сущности знала, что только обольщает[6] себя этим, а в самом деле для мастерской необходима руководительница. Но теперь дело уж почти установилось, и[7] хлопот по руководству им можно было иметь довольно мало. У Мерцаловой было двое детей, но час-два в день она могла уделять на мастерскую — она наверное не откажется, ведь она и теперь много занимается ею. Вера Павловна начала разбирать свои платья, свои вещи для продажи, а сама послала Машу — сначала к Мерцаловой, просить ее приехать к ней, потом к торговке старым платьем, Рахели, очень ловкой торговке, одной из самых оборотливых евреек, но доброй знакомой Веры Павловны, с которой — как со всеми порядочными людьми почти все еврейские мелкие торговцы и торговки — Рахель была безусловно честна.

Когда Маша выходила из ворот, ее встретил Рахметов, уж с полчаса бродивший около дачи.

— Вы уходите, Маша? Надолго?

— Часа на два.

— Вера Павловна остается одна?

---

[1] произошла сцена [2] пропажи [3] догадливый [4] ведь с тобою не столкуешься. *Текст:* и только на прощанье ∾ не урезонишь — *переписан набело ‹см. ниже, стр. 716–719›* [5] *Перед текстом:* Часа через три ∾ мастерскую — *дата:* 6—7 февр‹аля› [6] утешает [7] *Далее было:* Мерцалова может делать больше ее ожидания

— Да.

— Так я зайду, посижу вместо вас, может быть ей случится какая-нибудь надобность.

Кроме Маши и равнявшихся ей или превосходивших ее[1] простотою души и платья, все немного побаивались Рахметова, но Маша и подобные ей и превосходившие ее[2] сильно благоволили к нему. Он вошел, раскланялся с Верою Павловною, сказал, что он знает все и приехал посидеть у нее вечер — на всякий случай, не понадобятся ли ей услуги, — услуги бы были нужны, пожалуй, хоть сейчас: помогать в разборке вещей, и всякий другой на его месте и был бы приглашен, и сам вызвался бы в одну и ту же секунду и занялся бы этим; но[3] Вера Павловна поблагодарила его за внимательность, не попросила пособить ей разбирать вещи, и он не вызвался, а сказал: «так я буду сидеть в кабинете, если что будет нужно, позовите», преспокойно ушел в кабинет, долго выбирал, какую книгу ему взять, наконец выбрал из полного собрания сочинений Ньютона тот том, где было «Толкование на Апокалипсис»,[4] и принялся очень внимательно читать: «да, эта сторона знания до сих пор оставалась у меня пробелом. Ньютон писал это толкование, когда был наполовину человеком в здравом уме, наполовину помешанным.[5] Книга классическая по вопросу о смешении безумия с умом, — ведь оно почти во всех книгах и почти во всех головах, но здесь оно[6] должно быть в образцовой форме: во-первых, гениальнейший ум — образцовый, во-вторых, и примешанное к нему безумие ‹*л. 38 об.*› — признанное, бесспорное безумие. Значит,[7] книга капитальная по своей части. Черты общего явления должны выказаться здесь рельефнее, чем где бы то ни было, и никто не может сомневаться в том, что это черты именно того явления, которому принадлежат, — смешения безумия с умом. Надобно изучить».

Если б я был художником вроде наших великих художников, я бы не должен был упоминать о появлении Рахметова, потому что он не принял существенного участия в ходе рассказываемого мною дела. Если б я был истинным художником,[8] я взял бы предметом для рассказа те стороны жизни,[9] в которых Рахметов был главным действующим лицом. Но с такою великою задачею я не справился бы, потому что я не художник, а[10] без Рахметова все-таки не обойдется в моем рассказе, потому что я все уж не такой же писатель, как наши великие художники, которые имеют куафферские и фокуснические[11] понятия о требованиях искусства, —

[1] *Вместо:* равнявшихся ∾ ее — *было:* ей подобных [2] *Далее было:* простодушные и [3] *Далее было:* он был совершенно особенный человек [4] *Далее было:* самый удобный для чтения [5] *Вместо:* когда был ∾ помешанным — *было:* сохраняя с одной стороны силу ума, был наполовину *После:* помешанным — *было:* Интересно видеть, как отразилось это [6] *Далее было:* в классической форме [7] Потому [8] *Далее начато:* *а.* он *б.* Рахметов был бы [9] *Далее было:* *а.* *Начато:* кружка, описы‹ваемого› *б.* Лопухова и Кирсанова *в.* кружка [10] *Далее было:* *а.* рассказываю *б.* описываю [11] *Вместо:* куафферские и фокуснические — *было:* *а.* философские *б.* водевильные

я рассказываю все,[1] что нужно для оттенения главных лиц и положений моего рассказа, а Рахметов полезен для этого.[2]

Главные лица моего рассказа, Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов, огромному большинству читателей будут представляться лицами идеальными, пожалуй даже невероятными.[3] А те читатели, которые сами близко знают людей этого типа, скажут, что все трое они — люди нисколько не выше общего уровня своего типа,[4] — так на них и смотрят все хорошие их знакомые, то есть сами люди в их роде. Но Рахметов и в их кругу считался человеком особенным. Таких людей — немного, но[5] знать их тоже не мешает, — они и оттеняют собою массу[6] людей своего типа, таких, как Вера Павловна, Кирсанов и Лопухов, да[7] и сами по себе важны:[8] это двигатели двигателей,[9] это теин в чаю,[10] букет в благородном вине, это соль соли земли. Я встречал человек шесть таких людей.

Тот из них, которого я встречал в кругу[11] Лопухова и Кирсанова и о котором поэтому говорю здесь, служит живым доказательством, что[12] рассуждения Лопухова и Алексея Петровича[13] в третьем сне[14] Веры Павловны о полянах и почвах требуют оговорки: в самой гнилой поляне выделяются маленькие клочочки, на которых можно вырасти здоровому колосу. Генеалогия[15] Веры Павловны, Кирсанова, Лопухова не восходит никак дальше дедушек с бабушками.[16] Рахметов был из фамилии, известной с XIII века,[17] — в числе татарских «темников» (корпусных начальников), вырезанных в Твери вместе с их войском за покушение обращать народ в магометанство, был Рахмет;[18] у него был сын Латыф — Михаил,[19] рожденный от жены — русской, насильно взятой им, племянницы[20] тверского «дворского» (нечто вроде французских майордомов и коннетаблей);[21] за мать был пощажен и сын,[22] и от него пошли Рахметовы. Они в Твери были боярами, в Москве стали окольничими, в Петербурге в прошлом веке бывали генерал-аншефами, — конечно, не все, потому что фамилия разветвилась очень многочисленная,[23] — генерал-аншефских чинов недостало бы на всех. Прапрадед нашего Рахметова был приятелем И. И. Шувалова, который и восстановил его из опалы, постиг-

---

[1] я описываю лишь [2] *Было начато:* а без Рахметова они были бы [3] *Далее начато:* Но люди, которые [4] *Далее было:* Рахметов был [5] *Далее было: а.* они важны по их *б.* важны очень [6] остальную массу [7] *Далее было:* Рахметов, служили очевидным исключением [8] *Далее было: а. Начато:* Это — тс *б.* Каждый из них [тот] сам, который стоит тысячи, это соль со‹ли› [9] *Далее было:* это соль соли земли [10] *Далее было:* никотин в эфире, букет в благородном вине, [хинин] [это соль] [никотин] теобромин в шоколаде *Против этой фразы дата:* 7 февр‹аля› [11] в кружке [12] *Далее было:* бывают исключения из правила [13] *Далее было:* о полянах и почве [14] *В рукописи ошибочно, вместо:* во втором [15] *Далее было:* всех почти героев останавливается [16] *Далее начато:* Фамилия [17] известной с времен Симеона Гордого [18] *В рукописи:* Рахман [19] *Вместо:* Михаил — *было:* Иеремия [20] дочери [21] *Далее было:* жена [22] *Далее было:* служивший у тверского [23] *Текст главы «Особенный человек» до слов:* очень многочисленная — *был перебелен автором (см. ниже, стр. 719—722).*

шей за дружбу с Минихом. Прадед поссорился за рысаков с А. Орловым и опять попал в немилость. Дед провожал Александра в Тильзит и пошел бы дальше всех, но потерял[1] карьеру за дружбу с Сперанским. Отец служил без удачи и без падений, в сорок лет вышел в отставку генерал-лейтенантом и поселился в одном из своих поместий,[2] разбросанных[3] по верховью Медведицы; поместья были, однако, не очень велики — всего душ тысячи три, а детей на деревенском досуге явилось много, человек восемь, потому наш Рахметов был человек небогатый:[4] он получил около 400[5] душ да тысяч восемь[6] десятин земли. Как он распорядился с душами и с землею, это не было никому известно,[7] да и то, что у него есть поместье, почти никому не было известно, не было известно и то, что из 8000 десятин земли он удержал за собою 1000 десятин и имел до 3000 рублей дохода от отдачи их в аренду. Известно было только, что он из тех Рахметовых, все бывавших предводителями,[8] между которыми есть богатые помещики, но что он сам проживает в год рублей 400, — для студента тогда это было очень много, но для помещика из Рахметовых слишком уж мало; потому думали, что из какой-нибудь захиревшей и обеспоместившейся ветви их.

Теперь ему было 22 года, а студентом он был с 16 лет, — но на три года он покидал университет — вышел из второго курса,[9] поехал в свое поместье, распорядился, победив сопротивление[10] опекуна, потом скитался по России и, между прочим, отвез двух человек в Казанский, пять человек в Московский университет — это были его стипендиаты. А сам он хотел жить в Петербурге, потому в Петербург не привез никого, и потому никому не было известно, что у него не 400, а больше 2000 руб. дохода. Теперь это стало известно, и как стало известно, это мы сейчас увидим. — Итак, за два года до той поры, как теперь сидел он за толкованием Ньютона на Апокалипсис, он возвратился в Петербургский университет, поступил на филологический факультет, — раньше был на естественном, — и он оставался в Петербурге в университете еще два года.

Но если никому не были известны родственные и денежные отношения Рахметова, зато все, кто его знал, знали его под двумя прозвищами: одно уже попадалось в этом рассказе — «ригорист» — его он принимал с обыкновенною своею легкою улыбкою мрачноватого удовольствия, — но когда его называли Никитушкою, или Ломовым, или по полному прозвищу Никитушкою Ломовым, он улыбался широко и сладко, — и имел полное ‹основание›, потому что не получил от натуры, а приобрел силою воли право носить это славное между миллионами людей имя. Но из 60 губер-

---

[1] попал [2] *Далее начато:* на низ‹овье› [3] *Далее было:* от Суры [4] *Далее было: а. Начато:* именья отец *б.* но ему досталось [5] 500 [6] двенадцать [7] *Далее начато: а.* но все-таки он имел *б.* у него осталось почти тысяча [8] *Далее было:* и попечителями гимназий [в трех уездах] трех губерний [9] *Далее было:* скитался по [10] *Вместо:* победив сопротивление — *было:* выдержав [борьбу] сопр‹отивление›

ний только 8[1] знают это славное имя,[2] читателям остальным надобно объяснить. Никитушка Ломов был бурлак, ходивший по Волге[3] лет 20—15 тому назад, — это был гигант геркулесовской силы: 15 вершков ростом, он был так широк в груди и в плечах, что весил 15 пудов, хотя не был толст, а только плотен, — какой он был силы, об этом довольно сказать одно:[4] он получал плату[5] за четырех человек. Когда судно приставало к городу и он шел по улице, по дальним переулкам раздавались крики парней: «Никитушка Ломов идет, Никитушка Ломов идет», и все бежали на улицу, идущую от пристани к рынку, по-волжскому базару, и толпа народа валила за своим богатырем.[6]

Рахметов в 16 лет был юношею обыкновенным, довольно большого роста, довольно крепким,[7] но далеко не замечательным по силе, — из десяти встречных[8] юношей его лет наверное трое были сильнее его. Но на половине 17-го года он вздумал, что нужно приобрести физическое богатырство, и он начал работать над собою: стал заниматься гимнастикою, — но ведь это только школа,[9] это хорошо, но ведь этого мало; вдвое больше времени — на несколько часов в день — он становился чернорабочим по работам, требующим силы: таскал дрова, рубил дрова, тесал камни, ковал железо, — много работ он менял, получая из каждой новой работы новое развитие каких-нибудь мускулов, и принял боксерскую диету:[10] стал пить и есть все, что имеет[11] репутацию укреплять мускулы, стал питаться почти исключительно бифштексом,[12] почти сырым, и с тех пор жил так до той поры, как мы его видим, — через год после начала этих занятий он отправился в свое странствованье, и тут еще занимался развитием силы: был пахарем и раз[13] прошел всю Волгу от Дубовки до Рыбинска бурлаком, — сказать, что он хочет быть бурлаком, показалось бы хозяину судна и бурлакам верхом нелепости, и его не приняли бы[14] бурлаком, — он не так и сел на судно, а как пассажир,[15] но, подружившись, стал помогать тянуть лямку и через неделю запрягся в нее, как следует настоящему рабочему, — скоро заметили, как он тянет, начали пробовать силы, — он перетягивал четверых, пятерых не всегда, — тогда ему было 20 лет, и товарищи по лямке прозвали его младшим братишком Никитушки Ломова. На следующее лето он ехал на пароходе, — один из простонародья, толпившегося на палубе, ока-

---

[1] 6 [2] *Вместо:* это славное имя, — *было:* кто это, [3] *Далее начато:* от Р‹остова› [4] *Вместо:* об этом ∾ одно: — *было:* это свидетельство довольно точно [5] жалованье [6] *Вместо:* по дальним переулкам ∾ богатырем *было:* за ним валила толпа народу: Никитушка Ломов идет. Никитушка Ломов идет, — спешили парни из дальних переулков [сбегаясь к нему] и бежали к нему толпами [7] *Вместо:* обыкновенным ∾ крепким, — *было:* среднего роста, довольно здоровым, [8] *Далее было:* наверное трое были [9] упр‹ажнение› *После:* школа — *начато:* изящество и искусство пользоваться [10] *Вместо:* принял ∾ диету; — *было:* завел атлетическую диету [11] *Вместо:* пить и есть ∾ имеет — *было:* чай и все, что не имело [12] мясом, [13] и одно лето [14] *Вместо:* сказать, что ∾ не приняли бы — *было:* могли его не принять [15] простой пассажир

зался его прошлогодним товарищем по лямке, и таким-то образом его спутники-студенты узнали, что его следует звать Никитушкою Ломовым. Действительно, он приобрел непомерную силу. «Так нужно, — говорил он, — это полезно, это может пригодиться, сила дает уважение и любовь у простых людей».

Это ему засело в голову с половины семнадцатого года, потому что с этого времени и вообще начала развиваться его особенность. Шестнадцати лет он приехал в университет в Петербург обыкновенным хорошо кончившим курс гимназистом, обыкновенным хорошим юношею [1] и прожил месяца [2] три-четыре по-обыкновенному, как живут начинающие студенты первого курса. Но стал он слышать, что есть между студентами особенно умные головы, которые и думают не так, как другие, и занимаются, как волы, — тогда таких людей между студентами было очень мало, — и узнал с десяток имен этих людей. Они заинтересовали его, — он стал искать знакомства с кем-нибудь из них, и ему случилось сойтись с Кирсановым, — и началось его перерождение в человека особенного, в будущего Никитушку Ломова и ригориста. Жадно слушал он в первый вечер Кирсанова, плакал, прерывал его слова восклицаниями [3] проклятий тому, что должно погибнуть, благословений тому, что должно жить.[4] «Какие же книги мне начать читать?» Кирсанов указал. Он на другой день с 8 часов ходил по Невскому, от Адмиралтейства до Полицейского моста, выжидая, какой немецкий или французский книжный магазин первый отопрется, взял, что нужно, и читал больше трех суток сряду — с 11 часов утра четверга до 7 часов вечера воскресенья — 80 часов. Первые две ночи не спал так, на третью выпил 8 стаканов крепчайшего кофе, — до четвертой ночи не хватило силы ни с каким кофе, — он повалился и проспал на полу [5] часов 15. Через неделю он пришел к Кирсанову требовать указаний [6] на новые книги и объяснений и подружился с ним; потом через него подружился и с Лопуховым. Через полгода, хотя ему было только 17 лет, а ‹им› уже по 22 года,[7] они не считали его молодым человеком сравнительно с собою, и уж он был особенным человеком.

Какие задатки для того лежали в прошлой его жизни? Не очень большие, но лежали. Отец его был человек деспотического характера, очень умный, образованный и ультраконсерватор — в том же смысле, как Марья Алексеевна, но честный. Это бы еще ничего. Но мать, женщина довольно деликатная, страдала от тяжелого характера мужа. И это бы еще ничего, — было еще вот что: [8] на пятнадцатом году он влюбился в одну из любовниц отца, произошла свирепая история, ему было жалко женщины, сильно пострадавшей через него. Мысли стали бродить [9] в нем, и

[1] молодым человеком [2] *Вместо:* и прожил месяца — *было :* но месяца через [3] проклятиями [4] *Далее было:* и не спал но‹чей› [5] *Далее начато:* почти [6] объяснений [7] *В рукописи ошибочно:* часа [8] *Далее было:* он влюбился в одну из любовниц [9] *Вместо:* стали бродить — *было:* бродили

Кирсанов был для него тем, чем Лопухов для Веры Павловны. Задатки в прошлой жизни были; но чтоб стать таким особенным человеком, конечно, главное — натура.

Незадолго перед тем временем, как вышел он из университета и отправился в свое поместье, потом скитаться по России, он уж принял оригинальные принципы и нравственной, и умственной жизни. Он сказал себе: «я не пью ни капли вина; я не прикасаюсь к женщине» — а натура была, конечно, кипучая. «Зачем ты так делаешь, эта крайность вовсе не нужна». «Нужно. Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, — мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не потому, что лично мы хотим удовлетворения своим страстям, что не для себя лично мы этого требуем, а для человека вообще, — что мы говорим только по принципу, по убеждению, а ‹не› по личному пристрастию». Поэтому же он стал и вообще вести самый суровый образ жизни. Чтобы стать и продолжать быть Никитушкою Ломовым, ему нужно было есть говядину[1] — и много:[2] он ел ее много. Но он жалел каждой копейки на какую-нибудь пищу, кроме мяса, — кроме мяса, он ел только все самое дешевое, — от белого хлеба он отказался, ел только черный; — у него было положено: есть свежие огурцы только с того времени, как они начинали продаваться в Петербурге по 50 коп. за сотню. У него по нескольку месяцев не бывало во рту куска сахару, никакого фрукта,[3] куска телятины или пулярки.[4] На свои деньги он ничего подобного не покупал: «не имею права тратить деньги на прихоть, без которой можно обойтись», — а ведь он был воспитан на роскошном столе и имел гастрономический вкус, — но, однако, когда ему случалось обедать за чужим столом, он ел многие из этих[5] блюд, других не ел и за чужим столом, — причина различия была основательная: «то, что ест хоть по временам простой народ, и я могу есть при случае.[6] Того, что никогда не доступно простому народу, я не должен есть» — поэтому он абсолютно не ел абрикосов,[7] яблоки ел абсолютно, апельсины ел в Петербурге, в провинции не ел, потому что в Петербурге ест, в провинции не ест их простой народ;[8] пастеты ел, потому что хороший пирог не хуже пастета, и слоеное тесто знакомо вкусу простого народа, но сардинок не ел. Одевался он очень бедно и в остальном вел спартанскую жизнь, — между прочим, не допускал даже тюфяка и спал на войлоке, даже не разрешая себе свернуть его вдвое.

Было у него угрызение совести: он не бросил курить. Это была единственная его слабость. Из 400 р. его расхода до[9] 150 выходило у него на сигары, — «гнусная слабость», как он выражался. Только это и давало некоторую возможность отбиваться от него: если уж начинал он слиш-

[1] мясо [2] много мясного: [3] яблока [4] *Далее было начато:* Но когда он обедал у [5] *Вместо:* многие из этих — *было:* эти [6] при счастливом случае [7] персиков [8] *Вместо:* яблоки ел ∾ народ; — *было:* но апельсины ел [9] около

ком доезжать[1] своими обличениями за гнусные прихоти, тот ему говорил: «да ведь ты же куришь сигары», тогда Рахметов приходил в двойное ожесточение, но половина его укоризн уже обращалась[2] на себя, и противнику все-таки доставалось[3] меньше.

Он успевал делать страшно много, потому что и в распоряжении временем наложил на себя такое же обуздание всяких прихотей, как в материальных вещах: ни четверти часа не пропадало у него на развлечения, отдыха ему не было нужно по целым месяцам. Все было рассчитано, каждый шаг должен был иметь свое законное оправдание. В кругу приятелей, сборные пункты которых были у Лопухова и у Кирсанова,[4] он бывал никак не чаще, чем сколько нужно, чтоб оставаться в тесных отношениях ‹*л. 39*› к этому кругу. «Это нужно, — говорил он, — нужно на всякие случаи иметь тесную связь с каким-нибудь довольно большим кругом людей».[5] Кроме того, он никогда ‹ни› у кого не бывал иначе как по делу, и ни пятью минутами больше, чем нужно по делу, и у себя никого не принимал и не держал иначе как на том же правиле: он без околичностей объявлял гостю: «мы переговорили о вашем деле, теперь позвольте мне заняться другими делами, потому что надобно дорожить[6] временем». Когда началось его возрождение, он почти все время проводил в чтении, — но это продолжалось лишь немного больше полугода, — когда он увидел, что приобрел систематический образ мыслей в духе, принципы которого нашел справедливыми, он тотчас же сказал себе: «Теперь чтение стало делом второстепенным. Я с этой стороны готов для жизни». И он стал отдавать чтению только время, свободное от других дел, а такого времени оставалось у него мало.[7] Но, несмотря на это, он расширял свои знания с изумительною быстротою — в 22 года он был человеком очень основательной учености, потому что и тут поставил себе правилом: роскоши и прихоти никакой; только то, что нужно. А что нужно? Он говорил: «По каждому предмету капитальных сочинений очень немного. Во всех остальных повторяется, разжижается, портится то, что все заключено в этих немногих. Надобно читать только их, всякое другое чтение — напрасная трата времени.[8] Я читаю только такие книги, из которых каждая делает ненужным для меня чтение сотни книг, читаемых другими. Я читаю только самобытное, и лишь настолько, чтоб знать эту самобытность». Поэтому, например, нельзя было никакими силами заставить его читать Маколея, — четверть часа посмотревши на разные страницы разных томов его, он сказал: «ничего самобытного. Я знаю все материи,[9] из которых набраны эти лоскутья». Два романа Жорж Занда

[1] доезжать кого [2] относилась [3] становилось [4] *Вместо:* сборные пункты ∾ Кирсанова, — *было:* центрами которого были Лопухов и Кирсанов, [5] Это нужно ∾ людей». *вписано.* [6] *Вместо:* надобно дорожить — *было:* я дорожу [7] *Вместо:* отдавать ∾ мало — *было: а.* читать очень мало [в год] — в последние два года, он *б.* [но читал] читать только в свободное время [8] *Далее было:* Поэтому каждую прочитанную [9] все материи *вписано.*

он прочел с наслаждением, — посмотрев на третий, он сказал: «видно, что в остальных не найду больше ничего, кроме того, что уже в двух, мною прочтенных. Поэтому больше читать не нужно». Из Теккерея — только «Ярмарку суеты», — начал читать «Пенденниса», сказал: «видно, что больше ничего не нужно: будет только повторение».

Гимнастика и чтение были личными занятиями Рахметова, — но они занимали разве четвертую часть его времени, в остальное время он занимался чужими делами,[1] постоянно соблюдая то же правило, как в чтении: не тратить время на второстепенных людей и дел, заниматься только капитальными,[2] забота о которых уж избавляет его от надобности заниматься второстепенными, изменяющимися от главных.[3] Например, кроме своего круга, он знакомился только с людьми, имеющими влияние на других;[4] кто не занимал самостоятельного положения, не был авторитетом для какого-нибудь круга, тот никакими способами не мог даже войти в разговор с ним; он говорил: «вы меня извините, мне некогда», и отходил. Но точно так же никак не мог избежать знакомства с ним тот, с кем познакомиться хотел он, — он приходил к вам и говорил: «Мне нужно познакомиться с вами. Если у вас теперь нет времени для разговора, то назначьте». На мелкие ваши дела он не обращал никакого внимания, хотя бы вы были ближайшим его знакомым и упрашивали его вникнуть в какое-нибудь ваше затруднение. «Мне некогда», говорил он и отворачивался; но в важные дела, когда было нужно,[5] по его мнению, он вмешивался без всяких околичностей, хотя бы никто этого не желал. «Я должен», говорил он.[6] Какие вещи он делал и говорил в этих случаях, уму непостижимо. Да вот, например, мое знакомство с ним. Я в первый раз увидел его у Кирсанова. Прежде я не слышал его фамилии — он только что вернулся тогда в Петербург из своего странствия. Он мою фамилию знал.[7] Он вошел после меня. Я был единственный незнакомый ему человек в обществе. Он, как вошел, отвел Кирсанова в сторону и, указав глазами, сказал несколько слов. Кирсанов отвечал тоже несколько слов и был отпущен. Через минуту Рахметов сел прямо против меня и начал смотреть мне в лицо. Я был раздосадован — он рассматривал меня без церемонии, как[8] будто перед ним не человек, а портрет; я нахмурился, — ему не было никакого дела,[9] — так прошло минуты две. После того он сказал мне: «Г-н N, мне нужно с вами познакомиться. Я вас знаю, вы меня нет. Прошу вас спросить обо мне у хозяина и у других, кому вы наиболее доверяете из этой компании». Встал и ушел в другую

---

[1] *Вместо:* в остальное ∾ делами — *было:* но чем занят он в остальное время, этого никто не мог бы определить, но всякий из его знакомых знал, что у него ни одна минута не проходит без дела и что он очень много ‹*не закончено*› [2] *Далее было начато:* от которых зависит [3] *Против текста:* Гимнастика ∾ от главных. — *дата:* 8 февр‹аля› [4] *Далее было: а.* с мелкими *б.* но кто [5] *Далее было:* он вмешивался [6] хотя бы никто ∾ он. *вписано.* [7] *Далее было:* я [едва] лишь только обменялся [8] как кусок [9] *Далее было:* я собирался

комнату.[1] «Что это за чудак?» — «Это Рахметов, он хочет, чтоб вы спросили, заслуживает ли он доверия, — безусловно; и стоит ли внимания, — он поважнее всех нас здесь вместе взятых», сказал Кирсанов; другие подтвердили. Через пять минут он опять вернулся в комнату, где сидели все мы. В весь вечер не сказал со мною ни слова, да и с другими не говорил почти ничего — разговор шел не ученый и не важный. — «Десять часов? В десять часов у меня есть дело в другом месте. Мне пора уйти.[2] N, — он обратился ко мне, — я должен сказать вам несколько слов.[3] Когда я отвел Кирсанова[4] в сторону спросить его, кто вы, я указал на вас глазами, потому что ведь вы и без того должны были бы заметить, что я спрашиваю о вас, кто этот один; следовательно, не делать жестов, натуральных при таком вопросе, было бы напрасно. Когда вы будете дома, чтоб я мог зайти к вам?» Я тогда не любил новых знакомств, а эта навязчивость уж вовсе не нравилась мне. «Я только ночую дома, весь день мой занят», сказал я. «Но ночуете дома? так можно в то время, как вы воротитесь ночевать». — «Я возвращаюсь поздно». — «Например?» — «Часа в два, в три». — «Это все равно, назначьте время». — «Если вам непременно угодно, завтра в половине четвертого». — «Конечно, я должен принимать ваши слова за насмешку и грубость, но это все равно; а может быть и то, что у вас есть свои причины, может быть даже заслуживающие одобрения. Хорошо, я буду у вас завтра в половине четвертого». Я пришел в трепет. «Нет, уж если вы так решительны, то я завтра весь день дома. Заходите когда вам удобнее». — «Хорошо. Например, в десять часов утра вы будете один?» — «Да». — «Я зайду». Он пришел и точно так же без околичностей приступил прямо к делу, по которому почел нужным познакомиться со мною. Мы поговорили с полчаса; о чем мы говорили — это неважно для читателя, довольно того, что он говорил «да», я говорил «нет», он говорил «вы обязаны», я говорил «нисколько». Через полчаса он сказал: «Вижу, что продолжать бесполезно. Ведь вы сами знаете, что я человек, заслуживающий безусловного доверия?» — «Да, мне это сказали и это я сам вижу теперь». — «И вы все-таки остаетесь при своем?» — «Остаюсь». — «Знаете вы, что из этого следует? — то, что вы или лжец, или дрянь». Что бы вы сделали с другим за такие слова? А он говорил таким тоном судебного приговора, без всякого личного чувства, да и сам был так странен, что смешно было обижаться. «Да, одно из двух, может быть то и другое вместе», отвечал я, засмеявшись. «Нет, только одно из двух. Если вы говорили искренно, — вы дрянь; но я полагаю, что у вас[5] на душе не то, что на языке, — и что вы фальшивый человек».[6] — «Как вам угодно». — «Прощайте. В том и

[1] из комнаты [2] *Вместо:* В десять часов ∾ уйти. — *было:* Десять часов, мне пора [сказал он] уйти. [3] *Далее начато:* я спросил [4] хозяина [5] *Было:* что вы сказали не искренно [6] *Вместо:* фальшивый человек — *было:* лжец *После:* человек — *было:* Да [это может быть] это хорошо. Прощайте.

в другом случае знайте, что я совершенно доверяю и когда вы найдете нужным, я готов возобновить наш разговор».

А между тем он был чрезвычайно деликатен, и свои ужасные вещи говорил так, что[1] рассудительный человек действительно никак не мог ими обижаться. Например, всякое щекотливое объяснение он начинал так: «Вам известно, что я буду говорить без всякого личного чувства; если мои слова будут неприятны, вперед прошу извинить их; но я сам не обижаюсь ничем, что говорится добросовестно, по убеждению, с желанием пользы, без намерения оскорблять; требую[2] того же и от других. Впрочем, как скоро[3] вам покажется бесполезно продолжать слышать мои слова, я остановлюсь: мое правило — предлагать мое мнение, не навязывать его никому» — и действительно, он не навязывал: никак нельзя было спастись от того, чтоб он, когда ему казалось нужным, не высказал вам своего мнения настолько, чтоб вы могли понять, о чем и в каком смысле он хочет говорить. Но он делал это в двух-трех словах не более и после того[4] спрашивал:[5] «Теперь вы знаете, каково было бы содержание разговора. Угодно вам иметь его?» Если вы говорили «нет», он кланялся и уходил.

Года через два после того, как мы видим Рахметова сидящим у Веры Павловны, читающим Ньютоново толкование на Апокалипсис, он уехал из Петербурга, сказав нескольким ближайшим из своих знакомых, что ему здесь нечего больше делать.[6] Он продал свою землю, получил за нее около 35 000, заехал в Казань[7] и Петербург, роздал около 5000 своим семи стипендиатам, чтобы они имели средства для окончания курса.[8] Тем и кончается его достоверная история. Куда он девался из Москвы — неизвестно. Когда[9] прошло несколько месяцев и не было никаких слухов о нем,[10] люди, знавшие о нем что-нибудь, кроме известного всем, перестали скрывать эти вещи,[11] о которых по его просьбе молчали, пока он жил между нами. Тогда-то мы узнали[12] и то, что у него были стипендиаты,[13] и вообще многое из того[14] об его личных[15] отношениях и домашней жизни, что рассказано[16] мной; узнали и множество другого, поразившего нас своей чрезвычайностью или несоответственностью с нашим прежним мнением о Рахметове как о человеке чрезвычайно сухом. Рас-

---

[1] *Далее было:* нельзя действительно [2] советую [3] *Текст:* но я сам ∾ как скоро — *вписан.* [4] он делал ∾ после того *вписано.* [5] *Далее было начато:* Угодно [6] *Далее было:* что он сделал все что мог и [по<кидает>] [нас оставляет] [узнали, что он покидает своих знакомых] уехал за границу [7] в Москву [8] *Далее было:* и потом скрылся неизвестно куда [9] Но когда [10] *Далее начато:* *а.* люди Рахметова, знавшие *б.* *Начато:* стипендиаты начали раскрываться [11] *Далее было:* скрывать которые не должен был никто [12] *Вместо:* мы узнали — *было:* заговорили [13] *Далее было:* узнали и многое другое, о чем рассказывать было бы долго, о чем довольно было рассказать один-два анекдота [14] *Вместо:* многое из того — *было:* много подробностей [15] домашних [16] *Далее было начато:* мной до того времени как он исчез, мы знали только его манеры в

сказывать всё было бы здесь неуместно, довольно будет двух анекдотов, открытых нам Кирсановым.[1]

За год перед тем, как исчезнуть, Рахметов сказал Кирсанову:[2] «дайте мне порядочное количество[3] мази для заживления ран от острых орудий»,[4] Кирсанов дал огромную банку,[5] думая, что Рахметов хочет отнести это лекарство в какую-нибудь артель плотников[6] или других рабочих, которые часто подвергаются порезам. На другое утро хозяйка Рахметова в страшном испуге прибежала к Кирсанову. «Батюшка лекарь, не знаю, что с моим жильцом сделалось, — вся кровать в крови, а он говорит: „ничего", — спаси, батюшка,[7] боюсь смертного случая. Ведь он такой до себя безжалостный». Кирсанов поскакал. Рахметов отпер дверь без противоречия, — и Кирсанов[8] увидел удивительную вещь.[9] Спина и бока рубахи Рахметова были облиты кровью, войлок, на котором он спал, тоже, — в войлоке были натыканы сотни мелких гвоздей остриями вверх, высовываясь из него на полвершка: Рахметов пролежал на них ночь. «Что это вы делаете?» — «Так, пробую. Нужно. Неправдоподобно, но на всякий случай нужно. Вижу — могу». Из этого видно, что хозяйка могла бы тоже кое-что порассказать о Рахметове, — но в качестве простодушной и простоплатной старуха была без ума от него, и уж конечно от нее нельзя было ничего добиться. Она и в этот-то раз побежала к Кирсанову только потому, что сам Рахметов позволил ей это для ее успокоения: она слишком плакала, думая, что он хочет убить себя.

Месяца через два после этого, — дело было в мае, — Рахметов пропадал на неделю, этого тогда никто не заметил,[10] потому что так бывало нередко. Но заметили после того, что он довольно долго был угрюм, — не раздражался против себя напоминаниями о гнусной его слабости, о сигарах, и даже не улыбался широко и сладко при имени Никитушки Ломова.[11] Теперь Кирсанов рассказал, что Рахметов был влюблен. Любовь началась событием, достойным Никитушки Ломова. Рахметов шел из первого Парголова в город, по соседству Лесного института. Он шел, задумавшись, глядя в землю, и был пробужден из глубокого раздумья отчаянными криками женщины — взглянул: лошадь, почти уж поровнявшаяся с ним, испуганно несла шарабан, в котором сидела дама; он бросился на середину дороги, но уж не успел схватить за повод, — лошадь была уж впереди, — он успел только схватиться за заднюю ось шарабана — и остановил лошадь, но упал,[12] — подбежал народ, остановили лошадь, подняли его, — у него были довольно сильно разбиты локти, грудь, — но

[1] узнали и множество ∽ Кирсановым. *вписано.* [2] *Вместо:* сказал Кирсанову — *было:* пришел спросить у Кирсанова [3] *Вместо:* порядочное количество — *было:* большую банку [4] острых орудий». *вписано.* [5] огромную банку, *вписано.* [6] плотничью артель [7] спаси, батюшка, *вписано.* [8] Рахметов ∽ и Кирсанов *вписано.* [9] *Далее начато:* Войлок [10] *Далее было начато:* Но заме‹тили› *Против текста:* спина и бока ∽ не заметил, — *дата:* 9 февр‹аля› [11] *Далее было: а.* Дело объяснилось тем, что у него была л‹юбовь› *б. Начато:* Конечно, тогда никому из нас не было охоты заниматься этим [12] *Далее было:* и лошадь поволокла его

главное, колесом вырвало у него порядочный кусок мяса из правой ноги. Дама уж опомнилась и приказала отнести его к себе. Он согласился, потому что чувствовал большую слабость,[1] сказал, чтоб послали непременно за Кирсановым, не за каким-нибудь другим доктором. Кирсанов нашел его очень ослабевшим от потери крови. Он пролежал дней десять. Спасенная дама, конечно, ухаживала за ним сама; ему было нечего делать по слабости, оттого он говорил с нею — ведь все равно время пропадало бы даром; дама была вдова лет 19,[2] женщина не бедная и вообще совершенно независимого положения, умная, порядочная; речи Рахметова очаровали ее. Он в нее тоже. Она считала его по платью и по всему человеком, не имеющим решительно ничего, потому первая призналась ему и предложила венчаться. «Я с вами был откровеннее, чем с другими, — вы видите, что[3] такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу с своею». — «Да, это правда, — сказала она, — вы не можете жениться», и отдавалась ему. «Нет, и этого я не могу принять, — сказал он: — я должен подавить в себе любовь:[4] привязанность к вам связала бы мне руки, я не должен любить». Эта сцена продолжалась с утра до вечера в последний день, когда он уже мог встать.[5] Когда Кирсанов рассказал, стали припоминать[6] многое, показывающее, как сильно он страдал: например, в разговорах со мною, — он, вскоре после нашего первого разговора,[7] полюбил меня за то, что я смеялся над ним, — ведь смех смеху рознь,[8] — и около этого времени, да и потом нам с ним нужно было иногда видеться, — так, в разговорах со мною вырвались у него в ответ на мои насмешки такого рода слова:[9] «Да, вы правы: меня надобно жалеть, — жалейте, жалейте: ведь и я тоже[10] не отвлеченная идея, а человек, которому хотелось бы жить, ну да это пройдет», прибавил он, — и действительно прошло.

Проницательный читатель, может быть, догадается по этому, что я знал о Рахметове больше, чем говорю, — может быть, я поставил себе правилом не противоречить проницательному читателю, — но мало ли что я знаю, да ему этого не нужно знать, потому что он проницателен. Но действительно я не знаю, где он теперь, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь. Об этом я знаю только, что знают все его знакомые,[11] именно вот что. Когда прошло три-четыре месяца после того,[12] как он пропал из Москвы, и не было никаких слухов о нем, все мы предположили, что он отправился путешествовать. И эта догадка, кажется, верна, по крайней мере она подтверждается вот каким случаем:

---

[1] *Далее было:* едва успел [2] *Далее начато:* с порядочн‹ыми?› [3] *Далее было:* моя обязанность не допускает женитьбы [4] *Далее было: а. Начато:* когда вы *б.* когда б я не был робким [5] идти. [6] Когда Кирсанов рассказал нам это, мы припомнили [7] после ∞ разговора, *вписано.* [8] *Далее было:* и, около этого времени, у нас с ним было два-три дела, по которым мы виделись. [9] *Далее было · начато:* вы правы, да, мне лучше было бы умереть, чем [10] тоже человек, которому [11] *Вместо:* все его знакомые, — *было:* Кирсанов и мы все *После:* знакомые — *было начато: а.* куд‹а› *б.* через год именно встре‹тился› [12] *Вместо:* Когда ∞ после того, — *было начато: а.* Когда о нем не было *б.* Когда прошло несколько

Через год после того, как он пропал, один из знакомых Кирсанова встретил[1] в вагоне по дороге из Вены в Мюнхен[2] Рахметова, который говорил ему, что проехал славянские земли, везде сближался со всеми классами, в каждой земле оставался столько, сколько было ему нужно, чтоб иметь достаточное представление о нравах, понятиях, образе жизни, степени благосостояния всех главных составных ‹частей› населения;[3] жил[4] для этого в городах и в селах, ходил пешком из деревни в деревню; старался[5] потом точно так же познакомился с населением северной Германии, и за тем был в немецких частях Австрии,[6] за тем же едет в Баварию,[7] оттуда поедет[8] по Вюртембергу и Бадену, — потом точно так же займется другими европейскими странами,[9] для знакомства с Францией, Испанией, Италией, Англией, по его расчету, нужно ему будет года два, потом он поедет в Америку,[10] потому что Северо-Американские штаты всего более[11] на земном шаре интересуют его; что[12] не знает, возвратится ли он в Россию, или найдет себе дело в Северо-Американских штатах, — если найдет, то, может быть, и не возвратится, — но вероятнее, что возвратится, потому что, кажется,[13] в России будет он — через несколько времени, теперь нет — полезнее, чем в Северной Америке.

Все это очень похоже на Рахметова.[14] Наружность,[15] лета этого проезжего,[16] насколько мог припомнить рассказчик, тоже сходились с рахметовским,[17] но наш рассказчик не обратил тогда особенного внимания на своего собеседника[18] и мог описывать его только[19] общими выражениями, так что полной достоверности нет, — по всей вероятности, это был Рахметов, а впрочем, кто ж знает? Очень может быть, что и не он.[20]

Так вот какой был господин, сидевший в кабинете Кирсанова над толкованием на Апокалипсис.[21] ‹*л. 39 об.*›

«Ну, — думает проницательный читатель:[22] — теперь главным лицом будет Рахметов и заткнет[23] за пояс всех, и Вера Павловна в него влю-

---

[1] *Далее было:* на железной дороге [2] *Далее было начато:* русского, наружность и манеры которого сходились с рахметовскими, по его мнению, вероятно [3] *Далее начато:* потом несколько дней [4] жил по нескольку дней [5] *Далее было:* приискать себе какие-нибудь занятия и благодаря [6] *Далее было начато:* едет в [Южн‹ую?›] Юго [7] *Далее было:* *а.* и всё с *б.* и потом [8] *Далее начато:* *а.* Рей‹ном› *б.* Герм‹анией› [9] *Далее было начато:* *а.* и по *б.* по которым не так *в.* и думает объехать потом *г.* на это [10] *Далее начато:* всё с [11] *Далее было:* интересуют его [12] *Далее начато:* изу‹чение?› [13] *Далее было начато:* *а.* что Россия более *б.* Россия имеет более надобности [14] *Далее было:* *Начато:* *а.* По наружности *б.* Лета, наружность *в.* Голос [15] Голос, [16] *Далее было:* [тоже] сходство его лица, по мнению рассказчика, тоже [17] *Вместо:* с рахметовскими — *было:* *а.* с приметами *б.* с наружностью Рахметова [18] *Вместо:* на своего собеседника — *было:* на встретившегося [19] *Вместо:* и мог ∾ только — *было:* не мог описать его довольно [20] *Вместо:* и не он. — *было:* и не Рахметов вовсе. Мало чудаков на свете? [21] *Текст:* Через год после того ∾ Апокалипсис *вписан. Первоначальный перебеленный вариант текста:* но мало ли что я знаю ∾ на Апокалипсис — *см. на стр. 722—723.* [22] *Далее было:* конечно, появление этого лица [23] побьет

бится, и начнется с Кирсановым та же история, какая была с Лопуховым». Ничего этого не будет, проницательный читатель: Рахметов просидит вечер [1] и поговорит с Верой Павловной, которая нисколько не подумает влюбиться в него, и [2] потом уйдет, и после того о нем уже не будет никакого помина в романе, и то, что он поговорит с нею, будет разделяться на две половины: одну половину его слов, которую я тебе не передам, мог бы сказать ей всякий из товарищей Рахметова, мог сказать Мерцалов, могла бы сказать Мерцалова, которая вот уж и подъезжает к даче, [3] а другую половину того, что он сказал ей, я передам тебе,[4] и ты сам увидишь, что от этой половины уж ровно ничего не может и не должно будет произойти.[5] Так что Рахметов только и сделает, что посидит вечер, да и уйдет, а действующим лицом, ни главным, ни не-главным — никаким не будет он в моем романе.

Зачем же мною он выведен в романе и так подробно описан? — Вот, ты попробуй, проницательный читатель, угадаешь ли это? А это будет сказано тебе на следующих страницах, когда Рахметов уйдет, в самом конце этой главы, — угадай-ко, кто там будет, — угадать не трудно, если ты имеешь хоть малейшее понятие о художественности,[6] о которой ты так любишь толковать; Рахметов выведен для исполнения главного требования художественности. Нутко, отгадай, какое это требование и зачем он выведен? [7] Читательница и простой читатель, не толкующие о художественности, — они знают, — а попробуй-ко отгадать ты.

Приехала Мерцалова, потужила, поутешала; сели пить чай, — обедать так и не обедала Вера Павловна, — к чаю позвали Рахметова, он с четверть часа посидел [8] с ними, покуда пили чай, послушал, как они убиваются,[9] высказал два раза мнение, что это безумие, то есть не то, что они убиваются, а застрелиться[10] от чего бы то ни было, кроме слишком мучительной физической болезни или для предупреждения[11] какой-нибудь мучительной неизбежной смерти, — высказал это мнение раза три-четыре в немногих, но сильных словах, по своему обыкновению, потом поклонился и ушел опять в кабинет дочитывать свою занимательную книгу.[12]

Через несколько времени после чаю приехал полицейский чиновник сообщить жене застрелившегося дело, которое теперь уж было совершенно разъяснено, — Рахметов [13] сказал, что жена уж знает и толковать

---

[1] вечер допоздна [2] и пойдет [3] *Далее было:* могла бы сказать Маша, могла бы Рахель, которая через час [4] *Далее было:* но эту половину [5] *Далее было:* и Вера Павловна, может, через несколько времени стала бы всё это думать [6] *Далее было: а.* о рассказе *б.* о художественности рассказа [7] *Далее было начато: а.* Порядочный читатель *б.* Неглупый читатель [8] *Далее начато:* покуда пили [9] *Далее было:* и сам пожалел действительно, сказав что это [10] *Вместо:* то есть ∾ застрелиться — *было:* то есть не убиванье о Лопухове, и то что они убиваются, — а стреляться было уж конечно безумие [11] избежания [12] *Далее начато:* Приехала Маша и Рахель [13] Рахметов встретил

с нею нечего; чиновник был очень рад, что избавился от раздирательной сцены, и уехал. Потом явились Маша и Рахель, началась разборка и оценка платья и вещей — Рахель нашла, что за всё, кроме хорошей зимней шубы, которую не советовала ей продавать — ведь понадобится, может быть, через три месяца делать новую,[1] — можно дать 450 руб., — действительно, больше не стоило и по внутреннему убеждению Мерцаловой, — таким образом, часам к десяти торг был кончен, Рахель заплатила 200 рублей — больше у нее не было, остальные пришлет через три дня через Мерцалову, — забрала вещи и уехала. Мерцалова посидела еще с час, — но пора домой, кормить грудью ребенка, — и уехала, пожалевши, что не может оставаться дольше, и сказавши, что приедет завтра проводить на железную дорогу.

Когда Мерцалова уехала, Рахметов сложил Толкование на Апокалипсис, поставил на место и послал Машу спросить Веру Павловну, может ли он войти к ней. — Может. — Он вошел.

— Вера Павловна,[2] я могу теперь в значительной степени утешить вас, — теперь это уже можно. Таков этот общий результат моего посещения, смею вас уверить; вы знаете, я не говорю напрасных слов. Да, я могу в очень значительной степени утешить вас. Предупредив вас об этом, начинаю излагать дело в порядке.[3] Я вам сказал, что встретился с Александром Матвеевичем[4] и что знаю все. Это действительно правда. С Александром Матвеевичем я, точно, встретился;[5] и, точно, я знаю все, — но я не говорил, что знаю все от Александра Матвеевича, — и действительно я знаю все не от него. Дмитрий Сергеевич, который просидел у меня часа два после того, как написал записку, столь огорчившую вас, — он-то и просил меня посидеть у вас этот вечер, зная, что вы будете очень огорчены, и[6] дал мне к вам поручение.[7] Меня он выбрал посредником потому, что знает меня как человека, который с безусловной буквальностью исполняет поручение, за которое возьмется, и не может быть отклонен от исполнения[8] обязанности никаким чувством, никакими просьбами. Он предвидел, что вы будете умолять о нарушении его воли, и надеялся, что я, не тронувшись вашими мольбами, исполню его поручение. Оно состоит в следующем: он, уходя для того, чтоб «сойти[9] со сцены», — ведь он так выражается в записке, полученной вами? — будем употреблять это выражение, потому что оно совершенно верно и очень счастливо выбрано, — уходя от меня, чтобы сойти со сцены, он оставил мне другую записку к вам.

Вера Павловна вскочила:

— Давайте, где она?

[1] *Текст:* хорошей ∾ новую — *вписан.* [2] *Далее было:* прошу вас [верить, что меня можно слушать] слушать меня хладнокровно, потому что результат моего р‹ассказа?› [3] *Текст:* я могу ∾ в порядке — *вписан.* [4] *Далее было:* *а.* что от него *б.* и что он не [5] *Далее начато:* *а.* но он *б.* но всё [6] *Далее было:* и предвидя, что вам понадобится чья-нибудь помощь [7] *Далее было:* сказать вам о последнем при‹казе?› [8] от буквального исполнения [9] «исчезнуть

— Ее содержание успокоительно. Но — вот в этом и заключается мое поручение — я должен только показать вам ее, чтобы вы прочли, но в ваши руки я ее не отдам, потому что она не должна остаться в ваших руках, — и, чтоб не иметь надобности отнимать ее у вас силою, я покажу вам ее только тогда, когда вы сядете, сложите руки на коленях и дадите мне слово не поднимать их, — тогда я положу записку на стол перед вашими глазами.

Если б тут был кто-нибудь посторонний, он, каким бы чувствительным сердцем ни был одарен, не мог бы не засмеяться [1] над этою торжественною обрядностью. Но Вере Павловне, конечно, не до того было, чтобы забавляться забавною стороною приготовлений Рахметова, — она терпеливо села, сложила руки и сама не менее забавным,[2] то есть раздирающим душу, безумным голосом вскрикнула: «клянусь!»

Рахметов положил на стол лист [3] почтовой бумаги, на котором было только десять-двенадцать [4] строк.

Вера Павловна, едва бросив на них взгляд, — вспыхнула, вскочила и, совершенно забывая о всяких клятвах, бросилась рукою схватить записку — но записка была уж далеко, в поднятой руке Рахметова.

— Я предвидел это — и потому, как вы могли заметить, не отпускал своей руки от записки, — точно так же я буду продолжать держать этот лист за угол все время, пока он будет лежать на столе. Потому все ваши попытки схватить его будут напрасны.

Вера Павловна опять села и сложила руки. Рахметов опять положил [5] перед ее глазами записку. Она двадцать раз перечитывала, вся дрожа от волнения. Рахметов стоял очень терпеливо, так прошло с четверть часа. Наконец, Вера Павловна подняла [6] руки: [7]

— Как он добр, как он добр!

— Я не вполне разделяю ваше мнение и почему, мы объяснимся. Это уж не будет исполнением его поручения,[8] но выражением моего собственного мнения, которое я выразил и ему в это последнее наше свидание. Его поручение состояло в том, чтобы я показал вам эту записку и потом сжег ее. — Вы довольно видели ее?

— Еще, еще.

Она опять уселась, сложа руки, он опять положил записку и стоял с прежним терпением, может быть, целые полчаса; она [9] впивалась глазами в записку,[10] потом опять закрыла лицо руками: «как он добр, как он добр!»

— Насколько могли вы изучить его записку, вы изучили ее. Если б вы были в спокойном состоянии духа, то не только вы знали бы ее наизусть, — форма каждой буквы навеки врезалась бы в вашей памяти, так

---

[1] не улыбнуться [2] торжественным, [3] пол-листа [4] пять-шесть [5] разложил [6] спокойно; подняла [7] руки и глаза: [8] *Далее было: а.* но, сколько я могу судить *б.* но он только поручил [9] *Далее было:* старалась запомнить форму [10] *Далее было:* будто для того, чтоб врезалась в память форма каждой буквы

долго и внимательно смотрели вы на нее. Но в таком волнении, в каком вы были, законы запоминания[1] нарушаются, и память скоро может изменить вам.[2] Предусматривая этот шанс, я списал копию с записки, и вы всегда можете видеть у меня эту копию, когда вам будет угодно. Со временем я, вероятно, даже найду возможным отдать вам ее. А теперь, я полагаю, уж можно сжечь записку, и тогда мое поручение будет совершенно кончено.

— Покажите еще.

Он опять разложил записку. Вера Павловна на этот раз беспрестанно поднимала глаза от записки — видно было, что она заучивает ее наизусть и поверяет, твердо ли выучила. Через несколько минут она вздохнула и перестала поднимать глаза от записки.

— Теперь, как я уж вижу, достаточно. Пора. Уж поздно — около 12 часов, а я еще хотел изложить вам свой взгляд на это дело,[3] потому что считаю полезным для вас выслушать мое мнение.[4] Вы согласны?

— Да.[5]

Записка в ту же секунду запылала в огне свечи.

— Ах! — вскрикнула Вера Павловна, — я не то сказала, зачем?[6]

— Да, вы сказали, что согласны слушать меня. Но уж все равно. Надобно же было когда-нибудь сжечь. И притом осталась копия. Теперь, Вера Павловна, я выражу вам свое мнение о деле. Я начну с вас. Вы уезжаете. Почему?

— Мне будет тяжело оставаться здесь, вид мест, которые напоминали бы прошлое, расстроивал бы меня.

— Да, это чувство неприятно. Но неужели так много легче было бы вам в другом месте? Ведь очень немногим легче. Что же сделали? Для получения ничтожного облегчения себе вы бросили[7] на произвол случая[8] 50 человек, судьба которых от вас зависела. Хорошо ли это?

Куда девалась скучная торжественность тона Рахметова! Он говорил легко, просто и свободно.

— Да, но ведь я хотела просить Мерцалову.

— Это не так. Вы не знаете, в состоянии ли Мерцалова заменить вас в мастерской. Ведь ее способность к этому еще не испытана. А ведь тут требуется способность довольно редкая. Десять шансов против одного, что вас некому заменить и что ваш отъезд губит мастерскую. Хорошо ли это? Какая нежная заботливость о маленьком облегчении для себя и какое бесчувствие к судьбе других! Вы лишили благосостояния 50 человек. Из-за чего? Из-за маленького удобства для себя. Как вам это нравится?

---

[1] памяти [2] *Далее было:* А записка должна быть уничтожена. [3] *Вместо:* взгляд ∾ дело — *было:* мнение об этом деле [4] *Вместо:* выслушать мое мнение. — *было: а.* услышать *б.* узнать мой взгляд *Далее было:* Позвольте сжечь [5] Рахметов, вы добрый ангел [6] *Против фразы:* Ах ∾ зачем — *дата:* 10 ф‹евраля› [7] пожертвовали [8] судьбы

— Почему же вы не остановили меня?

— Ведь вы бы не послушались, и потом я знал, что вы скоро возвратитесь,[1] стало быть дело не будет иметь ничего важного, и его ведь вы уже решили, еще даже не зная, согласится ли Мерцалова. Она, вероятно, согласилась?

— Да, с удовольствием, — сказала Вера Павловна, думая, что это служит некоторым извинением ей перед обличителем.[2]

— Значит, дело решено — она заменяет вас?

— Решено.

— Без всякой справки о том, согласны ли[3] те 50 человек на такую перемену — не хотят ли они чего-нибудь другого, не хотят ли они чего-нибудь лучшего? Какой деспотизм! Вы кругом виноваты. Эта история еще не кончена. Но, мимоходом, еще одна ваша вина по другому случаю. Вы теперь спокойны?

— Почти.

— Как вы думаете, спит Маша? Нужна она вам теперь?

— Нет.

— Не надобно ли вспомнить, что, может, ей хочется спать? Ведь уж первый час, а ей вставать рано. Кто должен был вспомнить об этом: вы или я? Я пойду скажу ей, что вы сказали, что она может ложиться. Кстати, соберу что там есть вам поужинать, — ведь вы ныне не обедали? А теперь, я думаю, аппетит уже есть?

— Да, — сказала Вера Павловна, уж улыбнувшись.

— С моей стороны это не подвиг, что я вспомнил о вашем аппетите — мне самому хочется есть, я сам тоже плохо пообедал.

Рахметов принес холодное кушанье, оставшееся от обеда, приборы, всё. Сели ужинать.

— Ах, Рахметов, каким добрым ангелом вы для меня стали с этою запискою, — но зачем же вы так долго мучили меня?

— Надобно было, чтоб видели, в каком вы расстройстве, и чтоб известие разнеслось для достоверности события, вас расстроившего. Теперь Мерцалова, Рахель, Маша — три источника достоверности события. Из-за этого можно потерпеть несколько часов — не правда ли? Ведь вы ‹не› захотели бы притворяться, да и невозможно подделаться под натуру. Натура всегда действует вернее. Так казалось Дмитрию Сергеевичу.

— Это он придумал? Ах, как добр и умен!

— Да, это дело он обдумал хорошо. Но о нем мы после, надобно ли его хвалить вообще. Теперь пока еще о вас. А, кстати, о вас: ведь у вас, вероятно, найдется бутылка вина? Где она? Вам не мешает выпить.

— В той комнате, в буфете.

---

[1] *Далее было:* в таком случае перемена этого города [2] суровым обличителем.
[3] *Далее было:* на то

Рахметов стал угощать Веру Павловну хересом — заставил ее выпить две рюмки.

— Рахметов, да ведь вы совсем не такой, как я думала, — отчего вы всегда такое мрачное чудовище, а теперь вы очень милый, веселый человек?

— Вера Павловна, ведь теперь я исполняю веселую обязанность — отчего же мне не быть веселым? Но ведь этот случай большая редкость. Вообще видишь невеселые вещи — вот и бываешь мрачным чудовищем. Только, Вера Павловна, уж если у нас дошло до таких откровенностей обо мне, — пожалуйста, пусть будет секрет, что я не мрачное чудовище. Мне легче исполнять мои обязанности, когда вообще не замечают этой стороны моего характера.[1] Да, Вера Павловна, хотелось бы быть веселым. А, однако, это пустяки — ведь следствие о ваших преступлениях еще не кончено.

— Докончите, их уж три — невнимательность к Маше...

— Это не преступление: Маша не погибала оттого, что потирала бы сонные[2] глаза лишний час, и она, бедняжка, делала это с приятным чувством, что исполняет свой долг, — это не преступление, а проступок,— но два великих преступления в деле: безжалостность и деспотизм. — — Да? — Да, Вера Павловна, и в том же деле с мастерской еще третье преступление, самое тяжелое. Учреждение, которое более или менее хорошо соответствует здравым идеям об устройстве быта, которое служит[3] более или менее важным подтверждением совершенной практичности их, — а ведь этих доказательств еще так мало, они так драгоценны, — это учреждение вы подвергали риску погибнуть — обратиться из доказательства практичности в доказательство непрактичности ваших убеждений, — убеждений, благотворных для человечества; вы подавали аргумент против святых[4] ваших убеждений защитникам мрака и зла. Это, Вера Павловна,[5] то, что на церковном языке называется грехом[6] против духа святого, о котором ‹*л. 40*› говорится, что все другие грехи могут быть отпущены человеку, но этот — никак, никогда. Так ли, преступница? Но хорошо, что это все так кончилось и что ваши грехи[7] совершены только вашим воображением.[8] А ведь вы покраснели, Вера Павловна?[9] — хорошо, я вам доставлю утешение:[10] если б вы не страдали тогда очень сильно, вы не совершили бы их и в воображении, — значит, настоящий

---

[1] *Далее начато:* А видели вы меня [2] сонные *вписано.* [3] *Далее было:* подтверждением [4] святых *вписано.* [5] *Далее было:* измена, ренегатство — сдел ‹ать› [6] преступлением [7] *Далее начато:* еще только в [8] *Далее было*: Но послушайте, Рахметов, от преступницы перейдемте к преступлению. Вы [сказали] восклицаете, Вера Павловна: какой добрый, какой добрый — [а] да, когда уж нельзя было отвертеться *Против этой фразы дата:* 11 ф‹евраля› [9] *Далее было: а.* В самом деле *б.* Разумеется [10] *Далее было:* ваши грехи совершены только в вашем воображении, — я вам покажу человека, который сделал дурное не в воображении, —

преступник и по этому делу тот, кто так сильно расстроил вас. Кто это такой, как вы думаете? вы все твердите: «как он добр, как он добр!»

— Как, по-вашему, он виноват [1] в том, что я страдала?

— А кто же? и все это дело [2] — он вел его очень хорошо, но как оно могло возникнуть, зачем оно возникло? Зачем весь этот шум? Этому ничему вовсе не следовало быть.[3]

— Да, я не должна иметь этого чувства, но ведь я не звала, я старалась подавить его.

— Я вовсе не о том говорю;[4] ему необходимо надобно было возникнуть, как скоро даны характеры ваш и Дмитрия Сергеевича, — не в той, так в другой форме оно все равно развилось бы, — видите, ведь любовь к другому здесь уж только последствие, причина в несходстве характеров — ведь он сам теперь говорит это; вы не могли надолго остаться довольны вашими отношениями — он старше вас, он опытнее вас, он должен был это предвидеть [5] и заранее приготовить вас к этому, чтоб вы не пугались и не убивались, а он понял [6] это лишь тогда, когда последствие [7] уж явилось.[8]

— Рахметов, я не должна слышать вас, — вы осыпаете предо мною упреками человека, которому я бесконечно обязана.

— Нет, Вера Павловна, не прежде,[9] не было должно[10] слушать: теперь это полезно для вас, — почему, вы сами увидите через несколько времени, — ведь[11] до сих пор молчал же — ведь вы знаете, что нельзя было бы избежать, чтоб я не сказал и раньше, если б считал нужным, — но я молчал, хотя сильно досадовал, — я говорю не потому, что мне хочется, я говорю только то, что нужно, и не раньше того, чем нужно. Верьте этому. Вы видите, как я выдержал записку целых девять часов в кармане, хотя мне и жалко было смотреть на вас.[12] Было нужно молчать о ней — я и молчал. Значит, если я теперь не молчу об этом, то нужно говорить.

— Почему ж нужно? Если вы теперь скажете, я не буду слушать вас.

— Решительно?

— Решительно.[13]

— Хорошо. Я предвидел и этот шанс[14] и принял свои меры. Ну, записку, которая сожжена, написал он сам, — а вот эту он написал по моему совету. Эту я могу оставить вам, потому что она не документ.[15] Извольте. — Рахметов передал Вере Павловне записку:

---

[1] тут виноват [2] и это дело [3] *Далее было:* если бы он умел [держаться] поступать как должно [4] *Далее было:* что за важность в вашем чувстве, — вот о чем я говорю — то, что одно важно, а я [5] *Далее было:* он его увидел только тогда, когда [6] увидел [7] когда все дело [8] *Далее было:* что это за человек [9] *Далее было:* вам должно слушать [10] не было нужно [пока не было решено], пока он не принял этого решения [11] я ведь [12] *Далее начато:* Поверьте же, что я не [13] *Далее было:* Очень жаль, что вы заставляете меня прибегать [14] *Далее было: а.* Вот вам *б.* Ну [15] потому ∾ не документ. *вписано.*

«Милый друг, Верочка, выслушай все, что тебе будет говорить Рахметов. Я не знаю, что такое будет он говорить, но я знаю, не будет говорить ничего, кроме того, что нужно будет тебе выслушать. Твой Д. Л.»

Вера Павловна бог знает сколько раз целовала эту записку.[1]

— Зачем же вы не отдавали мне ее? У вас, может быть, есть еще что-нибудь от него?

— Нет, больше ничего нет, потому что больше ничего не было нужно. Почему не отдавал? Пока не было надобности в ней, зачем же было отдавать ее?

— Боже мой, да для доставленья мне удовольствия иметь несколько строк от него после нашей разлуки.

— Через несколько времени вы увидите причину.[2] Так я могу теперь говорить?

— Да, я обязана слушать.[3]

— Он не замечал того, что должен был заметить; это произвело[4] дурные последствия, но он не виноват, что не замечал, — что ж делать? — я хочу сказать: пусть он не замечал, — это все равно, он все-таки должен был на всякий случай приготовить вас к чему-нибудь подобному — просто как делу случайности, которой нельзя желать, которой незачем ждать, но которая может случиться, — ведь за будущее никак нельзя ручаться, какие случаи могут в нем представиться; как мог он оставлять вас в таком состоянии мыслей, что, когда произошло это, вы не были приготовлены?[5] это уж прямо дурная вещь, положим, он делал бессознательно, не по расчету, — но ведь натура и сказывается в том, что делается бессознательно,[6] само собою, приготовить вас к этому не соответствовало его выгодам, он этим ослаблял ваше сопротивление[7] чувству, которое было бы не согласно с его интересами, — в вас возникло такое сильное чувство, что сильнейшее ваше сопротивление осталось напрасно, — но ведь это опять случайность, что представилось с первого же раза именно такое сильное чувство, — именно такого сильного чувства могло вовсе не представиться никогда;[8] будь чувство внушено вам человеком, менее заслуживающим его, хотя все-таки достойным, чувство было бы слабее, — и вы тогда при сохранении полной силы к сопротивлению могли бы одолеть это чувство.[9] Но[10] такое сильное чувство, против которого всякое сопротивление бесполезно, — редкое исключение, гораздо больше шансы такого чувства, которое можно одолеть, если сила сопротивления совершенно не ослаблена. Вот он для

---

[1] *Далее было:* Говорите, я обязана слушать. Но [2] *Далее было начато: а.* конечно, что *б.* в отношении этой записки *в.* не так драгоценна в том отношении, чтоб стоила хлопот [3] *Далее было: а.* Пожалуйста. *б.* Но положим [4] принесло [5] *Далее было:* Знаете, отчего это было? От эгоизма — он мог бы не отдавать себе отчета, как не отдавал себе отчета в этом; он не удовлетворялся чем-нибудь [6] *Далее было:* не по расчету, без [7] вашу борьбу [8] *Далее было:* повстречайся вам [9] *Далее было:* Но [такое] подобное чувство, которое может [10] *Далее было:* конечно более чем редки случаи такого сильного

этих-то вероятных шансов и не хотел ослаблять его. Как вам это нравится?[1]

— Это неправда, Рахметов, он не скрывал от меня своего образа мыслей. Его убеждения так же хорошо известны мне, как вам.

— Конечно, Вера Павловна.[2] Скрывать — это было бы уж слишком. Мешать развитию в вас убеждений, которые соответствуют его собственным убеждениям, для этого притворяться думающим не то, что думаешь, — это было бы уж прямо бесчестным делом. Я вовсе не хотел этого сказать. Он человек очень хороший, — как же не хороший?[3] Я сколько вам угодно буду хвалить его. Он очень благородный человек. Я только говорю, что он кое-что просмотрел и что это кое-что было очень важно. Из-за чего вы мучились? Он говорил мне — да тут нечего и говорить, это было ясно само по себе — из-за того, чтоб не огорчать его. Как же могла оставаться в вас эта мысль, что это огорчит его? Ей не следовало оставаться. Какое тут огорчение? Это глупо. Что за ревности такие?

— Вы не признаете ревности, Рахметов?

— В развитом[4] человеке ей не следует быть. Это искаженное чувство, это фальшивое чувство.

— Но, Рахметов, если не признавать ревности, из этого выходят страшные последствия.

— Для того, кто имеет ее, они страшны, — для того, кто не имеет ее, в них нет ничего не только страшного, даже важного.

— Но вы проповедуете безнравственность, Рахметов.

— Вам так кажется, после четырех лет жизни с ним? Вот в этом-то он и виноват.[5] Скажите, сколько раз в день вы обедаете?

— Один.

— Был бы кто-нибудь в претензии на то, что вы стали бы обедать два раза? Вероятно, нет. Отчего же вы этого не делаете? Вы боитесь огорчить кого-нибудь? Вероятно, просто потому, что это вам не нужно, что этого вам не хочется. А ведь обед — ведь это приятно.[6] Но вам довольно одного. А если б вам пришла фантазия или болезненная охота обедать по два раза — удержало бы вас от этого опасение огорчить кого-нибудь? Нет, если б кто-нибудь огорчался этим или запрещал бы вам это, вы стали бы только скрываться — стали бы только кушать блюда[7] в плохом виде,[8] кушать кое-как, пачкали б руки от торопливого хватания кушанья, пачкали б ваше платье оттого, что прятали бы его в карманы, — только. Вопрос тут вовсе не о нравственности или безнравственности, а просто о[9]

[1] *Далее было:* пусть ты бы страдал [2] *Далее было начато:* Но значит это не то, когда вы всё так [3] *Далее было начато:* Если б он не был человеком очень хорошим, тогда [4] порядочном [5] *Далее было:* Разве безнравственность то, что мы понимаем вещи в их естественном ‹?› виде? Скажите, был ли кто-нибудь в претензии на то, если б мы подружились с вами, — если б, например, я стал довольно часто ездить с вами в оперу? [6] *Далее начато:* Только [7] дурные блюда [8] *Далее начато:* [и без удобства, извиняясь за] без салфеток, у плиты ‹?› [9] *Далее было:* контрабанде и

только,[1] хорошая ли вещь контрабанда. Что мне не нужно, того я не стану делать, хотя бы это никого не огорчало; что мне нужно, я сделаю,[2] не останавливаясь тем, что это кому[3] неприятно. Вот вам и все. Конечно, бывают исключения, — но ведь вы знаете жизнь, знаете, что этих исключений очень мало и что те люди, которые удерживаются чувством долга, — только люди[4] благородные, для которых всего менее нужно беречь фальшь из опасения,[5] чтоб они не стали безнравственны. Фальшь никого не удерживает от поступка, она только ведет к тому, что и поступки становятся фальшивы. Разве вам не известно это?

— Конечно, известно.[6]

— Где ж вы после этого отыщете нравственную пользу в поддержке понятия о ревности? [7]

— Боже мой, да ведь это я все знаю.

— И все-таки мучились бог знает сколько месяцев? И из-за чего? Из-за каких пустяков какие тяжелые[8] мученья, сколько расстройства для всех, — очень спокойно могли бы вы все трое[9] жить по-прежнему, как жили за год, — или как-нибудь переместиться на одну квартиру, или разъехаться на три квартиры — или как там вам вздумалось, — и по-прежнему пить чай втроем, и ездить в оперу втроем, — к чему этот шум? К чему эти катастрофы? И все оттого, что у вас оставалось понятие: «я убиваю его», чего вовсе не было бы тогда; и теперь, действительно, всем троим было ‹бы› много приятней.

— Нет, Рахметов, вы говорите ужасные вещи.

— Опять ужасные вещи?[10] Для меня ужасны — шум из-за пустяков и неприятности из-за вздора. Вот что ужасно, и во всем этом он виноват.

— Но вы говорите то, что говорят проповедники безнравственности. Вы проповедуете то, что было во времена Регентства.

— Вера Павловна, времена Регентства вовсе не были безнравственнее других. Раньше было гораздо больше безнравственности, чем при регенте:

---

[1] *Так в рукописи.* [2] *Вместо:* нужно, я сделаю — *было:* хочется, то я сделаю, хотя бы [3] *Так в рукописи.* [4] люди только [5] *Вместо:* для которых ∾ опасения, — *было:* *а.* которые не стали бы дурно *б.* которые всего ‹менее› нуждаются в фальши *в.* для которых всего менее нужна фальшь, чтоб [6] *Далее начато:* *а.* О чем мы *б.* О какой же безнравственности [7] *Далее было:* — Но, Рахметов, назовите это не ревностью — все равно, ведь, наконец, больно ж, если вы любите кого-нибудь, а он не [любит вас] отвечает вам любовью.

— Это другое дело. Может быть, я хотел бы теперь играть в [преферанс] пикет, а вы не хотите, мне очень огорчительно это. Что ж это, ревность во мне? И почему вы не хотите? Просто потому, что не хотите, а не потому, чтоб кто-нибудь стал ревновать? Нет, или потому, что вы вообще не хотите играть в преферанс, или потому, что не хотите играть со мною.

— Но я могу не хотеть играть с вами потому, что играю в пикет с другим.

— Тогда ваше чувство и будет ревность.

— Что ж, вы [8] тяжелые *вписано.* [9] вы все трое *вписано.* [10] *Далее было:* Да ведь это делается на каждом шагу — посмотрите

при Людовике XIV — больше, при Людовике XIII — еще больше, и чем дальше назад, тем все больше и больше, — а ближе к нашему времени, тем все меньше, а чем дальше будет идти время, тем все меньше будет ее оставаться, и отчего? оттого, что положение женщины улучшается, она больше сознает свое достоинство и лучше сохраняет его. Дело в том, чтоб развивать в людях чувство человеческого достоинства, а не в том, чтобы поддерживать предрассудки. Разве вы этого не знаете? Дело в том, чтобы не было обмана; дело в том, чтоб не было вертопрашества, — то и другое зависит от того, чтоб человек был развит, — развивайте человека, не забивайте ему голову вздором, вздор ничему не помогает.

— Итак, по вашему мнению, вся наша история — глупая мелодрама? [1]

— Да, только с трагическим содержанием, — в том, что вместо простых, обыкновенных разговоров самого спокойного содержания вышла раздирательная мелодрама, виноват Дмитрий Сергеевич. Ну, да он довольно поплатился за нее. Мир его памяти — выпейте еще рюмку за его память и ложитесь спать, — я достиг своей цели: теперь уж три часа, — если вас не будить, вы теперь проспите долго; [2] я и сказал Маше, чтоб она не будила вас раньше половины одиннадцатого, так что завтра вы едва успеете напиться чаю, как уж вам пора будет на железную дорогу, — ведь если и не успеете уложить всех вещей, не беда, скоро вам привезут их, да и воротитесь скоро, — а ведь теперь вам будет тяжело с Машею: ведь вы не должны же показывать, что вы совершенно спокойны, — еще хуже было бы с Мерцаловой, — я зайду к ней рано завтра и скажу, чтоб она не приезжала сюда, потому что вы долго не спали и не надо вас будить, а ехала бы прямо на железную дорогу, — кажется, устроить таким образом будет всего легче для вас.

— А какой же и вы добрый, Рахметов! [3]

— Ну, скажи же теперь, проницательный читатель, зачем выведен Рахметов, который теперь ушел и уж больше не явится в моем рассказе? [4] Ты уже знаешь от меня, что это фигура, не принявшая никакого участия в действии.[5]

— Неправда, — говорит самодовольно проницательный читатель, — Рахметов принес записку, от которой...

— Уж очень ты плох [6] в знании художественности, о которой столько толкуешь; после этого, по-твоему, и Маша действующее лицо в романе? Ведь она в самом начале его принесла письмо, от которого [7] пришла в ужас Вера Павловна? И Рахель действующее лицо, потому что купила вещи и

---

[1] глупый фарс [2] если ∾ долго; *вписано.* [3] *Далее было:* Это еще не велико достоинство, Вера Павловна. [4] *Далее начато: а.* Как *б.* Какая художественная потребность *в.* Ты знаешь, что ему не скрыться от тебя [5] *Вместо:* Ты уже ∾ в действии. — *было: а.* Ты знаешь уж от меня, что эта фигура, стоя совершенно неподвижно, не имевшая никакого участия *б. Начато:* Ты знаешь, что теперь спросят от тебя [6] Плох ты, как я [7] *Далее было:* произошла сцена, заставившая ‹?›

дала деньги, без которых Вера Павловна ведь не могла бы уехать? И Матрена действующее лицо, потому что сходила купить вина, без которого Марья Алексеевна не пришла бы в умиление, помнишь, после возвращения с Конногвардейского бульвара? И профессор N действующее лицо, потому что рекомендовал Веру Павловну в гувернантки г-же Б., без чего не вышло бы сцены возвращения с Конногвардейского бульвара? Может быть, и Конногвардейский бульвар действующее лицо, потому что без него ведь не было сцены свидания на нем и возвращения с него? Плох, плох ты, братец мой, в художественности-то. Говори, объясни,[1] какие же действующие лица?[2] И Гороховая улица действующее лицо, потому что ведь без нее не было бы[3] и дома Сторешникова, — значит, и всего романа не было бы?[4] Ну, положим, что все это, по-твоему, действующие лица, так ведь о них же и было сказано по пяти слов или того меньше, потому что действие-то их такое, которое больше пяти слов не стоит, — а посмотри-ко, сколько страниц отдано Рахметову?[5]

— А, теперь знаю, — говорит проницательный читатель: — Рахметов выведен затем, чтоб произнести приговор о Вере Павловне и Лопухове, — он нужен для разговора с Верою Павловною.

— Все-таки ты плох, государь мой, — как раз наоборот понимаешь дело, — разве нужно было выводить особенного человека затем,[6] чтоб он сказал свое мнение о действующих лицах? Это, может быть, делают твои великие художники, — я не знаю,[7] — а у меня все-таки побольше смысла в голове и побольше понимания условий художественности. Я так не сделаю, чтоб родить на свет божий дармоеда только затем, чтоб он говорил.[8] Нет, государь, поэтому вовсе не было нужно Рахметова. Сколько раз сама Вера Павловна, Кирсанов, Лопухов выражали мнение о своих отношениях и действиях? Ведь они люди не глупые,[9] они могут рассудить, что хорошо, что нет, — и неужели ты думаешь, что сама Вера Павловна, когда на досуге стала бы припоминать все, что наделала в этот день суматохи, не осудила бы свою забывчивость[10] о мастерской точно так же, как осудил ее Рахметов? И неужели ты думаешь, что Лопухов сам не думал о своих отношениях к Вере Павловне всего того, что говорил Вере Павловне Рахметов?[11] Он все это думал, государь мой,[12] — порядочные люди сами ду-

[1] *Далее было:* Действующие лица в романе только появляются — какие ж это действующие лица? [2] *Вместо вписанного:* Плох ∾ лица? — *начато:* Плох, плох ты, брат — ты ведь [3] *Далее было:* и стоящих на ней домов, в том числе [4] *Далее было: а.* и приказчик в погр⟨ебе⟩ *б.* дверь в погребе [5] *Далее начато: а.* Вера Павловна — самое главное действующее лицо, а *б.* что ж это такое? *в.* Да Рахметов не только [6] только затем, [7] *Далее начато:* я что-то давно бросил читать [8] *Далее было: а.* и вот почему *б.* я думаю вот как [9] *Далее было:* и рассудительные [10] *Вместо:* сама ∾ забывчивость — *было:* самой Вере Павловне не пришло бы в голову, когда успокоилась бы и могла бы рассудить на досуге, стала бы припоминать все, что наделала в этот день суматохи, и осудила бы свои действия точно так же, как осудила свою забывчивость [11] *В рукописи ошибочно:* Лопухов. [12] *Далее было:* и через несколько страниц ты увидишь доказательства тому

мают о себе все то, что может кто бы то ни было другой сказать в осуждение[1] им, потому-то они и порядочные люди, — ведь это только ты, государь мой, это знаешь.[2] ‹*л. 40 об.*› Очень плох ты, государь мой, по части художественных соображений,[3] я тебе скажу больше: неужели ты полагаешь, что Рахметов, разговаривая с Верою Павловною, действовал независимо от Лопухова? Нет, государь мой, он был в этом случае только орудием Лопухова и сам очень хорошо знал, что он тут только орудие Лопухова, — и Вера Павловна догадалась об этом через день или через два, — и в ту самую минуту догадалась, как только Рахметов раскрыл рот, если б не была так взволнована. Вот как на самом-то деле были вещи, — неужели ты и этого-то не понял? Конечно, Лопухов во второй записке говорил совершенно справедливо, что ни он Рахметову, ни Рахметов ему ни слова не говорил о том, каково будет содержание разговора Рахметова с Верою Павловною, да ведь Лопухов хорошо знал, какой человек Рахметов, и что Рахметов думает о каком деле, и как Рахметов будет говорить в каком случае; ведь порядочные люди очень хорошо понимают друг друга, и не объяснившись между собою: Лопухов мог бы вперед чуть не слово в слово написать все, что будет говорить Рахметов с Верою Павловною, — именно потому-то[4] он и поручил именно Рахметову быть посредником. Видишь ли, я еще дальше посвящу тебя в психологические тайны: Лопухов очень хорошо знал, что все, что теперь думает про себя он, Лопухов, будет через ‹несколько› времени думать о нем и сама Вера Павловна, как только пройдет ее первая горячка восторженной благодарности; так вот видишь ли,[5] следовательно, в окончательной развязке он ничего не проигрывает оттого, что посылает к ней Рахметова, который будет ругать его, — все равно она и сама ведь дошла бы очень скоро до такого же мнения, — напротив, он от этого выигрывает в ее уважении: ведь она очень скоро сообразит, что он предвидел содержание разговора Рахметова с нею и нарочно устроил этот разговор, — вот она и подумает: «ах, какой он благородный человек — не отвиливал от появления в моем уме тех мыслей о нем, которые не могли уж не явиться раньше или позже, а напротив, позаботился, чтоб они были вызваны в моем уме как можно поскорее, именно в этот день суматохи, потому что в этот день мне были полезны, — ведь хотя я и сердилась на Рахметова, что он бранил его, а ведь я понимала, что Рахметов в сущности говорит правду, — а я тогда очень была подавляема слишком тяжелой признательностью к его великодушию, — вот он позаботился поскорее облегчить мне это иго и послал Рахметова снять его — благородный человек!» Видишь, государь, какие хитрецы благородные-то люди, — не такие, как ты, — видишь, государь мой, как иг-

[1] в порицание [2] *Далее было:* Так видишь ли, проще всего мне было бы в этом случае, если уж мне [непременно] казалось непременно нужно б высказать порицание поступков Веры Павловны и Лопухова, проще я мог обойтись [3] *Далее было:* да и по части здравого смысла тоже [4] затем [5] *Далее было:* по его теории эгоизма

рает в них эгоизм-то, — не так, как в тебе, государь мой,[1] — потому что удовольствие-то они находят не в том, в чем ты, государь мой, — они, видишь ли, высшее наслаждение свое находят в том, чтоб люди, которых они уважают, думали о них как о благородных людях, и для этого, государь мой, они по своему эгоизму хлопочут и придумывают всякие штуки так же усердно, как ты для своих целей; только цели-то у тебя и у них разные, потому и штуки-то придумываются неодинаковые тобою и ими: ты придумываешь пошлые и гадкие,[2] вредные для других штуки, а они придумывают честные, полезные для других штуки.[3]

— Так видишь, государь мой, зачем же после этого те мысли[4] о Вере Павловне, которые скоро были бы сами собою в голове Веры Павловны, и те мысли о Лопухове, которые тогда уже были в голове Лопухова и скоро были бы сами собою в голове Веры Павловны, сообщил я тебе не как их мысли, а сообщил тебе разговор Рахметова с Верой Павловной? Понимаешь ли ты теперь, что[5] если сообщается тебе этот разговор, то его,[6] значит, нужно[7] сообщить тебе не только те мысли, которые составляли сущность разговора, но именно разговор? Зачем же нужно сообщать именно разговор? Затем,[8] что он разговор Рахметова с Верою Павловною, — понимаешь ли ты теперь? Все нет еще? Хорош, однако, ты, — плох по части здравого-то смысла, плох. Ну, если <разговаривают> два человека, то из этого разговора бывает более или менее виден характер этих людей — понимаешь теперь, к чему идет дело? Характер Веры Павловны был ли тебе достаточно знаком до этого разговора? Конечно, был — из того, как она в нем держала себя, ты не узнал о ней ничего нового — ты знал, что она и вспыхивает, и шутит, и что <не> прочь она покушать, когда аппетит,[9] и, пожалуй, выпить рюмку хереса[10] — значит, разговор нужен для характеристики не Веры Павловны, — а кого же? Ведь только двое разговаривают-то — она да Рахметов, так кого ж из двух? — Для характеристики Рахметова, — говорит проницательный читатель. — Ну вот, молодец, угадал, — за это люблю. Так видишь ли, совершенно наоборот против того, как представлялось было тебе: не Рахметов выведен для того, <чтоб> вести разговор, а разговор сообщен только для того, чтоб еще более познакомить тебя с Рахметовым, — из этого разговора ты увидел, что Рахметову хотелось бы выпить хереса, а хереса он не пьет, — что Рахметов не безусловно «мрачное чудовище», — напротив, когда он может, когда он за каким-нибудь приятным делом забывает на минуту свои грустные думы,

---

[1] *Далее начато: а.* потому что свое наслаждение *б.* чтобы тебя считать [2] *Далее было:* штуки, а они [3] *Далее было:* [Плохо]. [А ты этого] Плох ты, государь мой, и по части здравого смысла, что ничего этого не понял [4] *Далее было:* которые были в голове у Лопухова и у [5] *Далее было:* Рахметов говорил с Верою Павловною [6] *Далее было:* важность тут [7] *Далее было:* именно то, чтобы Рахметов говорил с Верою Павловною [8] *После:* Затем — *следует:* мой [9] когда чувствует аппетит, [10] *Далее было: а.* это только ты непочтителен с женщиною *б.* это ты всё знал

свои жгучие заботы, то он и шутит, и[1] весело болтает;[2] — «да только, говорит, редко это мне удается, и горько, говорит, мне, что мне это так редко удается, ну да что,[3] я, говорит, сам не рад, что я мрачное чудовище, да уж обстоятельства-то таковы, что человек с моею пламенною любовью к добру не может не быть мрачным чудовищем, — а кабы не это, говорит, так я был бы, может быть, такой веселый человек, что целый бы день шутил, да пел, да плясал[4] — вот, говорит, каковы мои обстоятельства, и вот, говорит, каков мой характер».

— Понял ли ты теперь, проницательный читатель, что хотя много[5] страниц употреблено на прямой рассказ о том, какой человек был Рахметов, но нужно, в сущности, еще гораздо больше страниц употребить на то, чтоб только познакомить тебя с этим лицом,[6] которое вовсе не действующее в романе, — ведь и длинный разговор этот с Верою Павловною нужен только для этого. Скажи же мне теперь, зачем выведена и так подробно описана эта фигура?

— Я все пристаю к тебе с прежним вопросом. Помнишь, что я тогда тебе сказал: «для удовлетворения главному требованию художественности», — додумался ли тогда?[7] Видно, что нет,[8] а то не говорил бы такого вздора. Видишь ли, в чем оно состоит: <*л. 41*> первое требование художественности состоит[9] вот в чем: надобно изображать так, чтоб читатель представлял себе предметы в истинном их виде. Например, если хочешь изобразить дом, то надобно достичь того,[10] чтобы он читателю представлялся домом, а не лачужкою и не дворцом; если я хочу изобразить обыкновенного человека, то надобно мне достичь того, чтоб он не представлялся читателю ни гигантом,[11] ни карликом. Прекрасно. Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения и изобразил[12] троих таких людей — Веру Павловну, Лопухова, Кирсанова.[13] Такими я считаю, такими они сами себя считают, такими считают их все их знакомые — то есть такие же люди, как они, такими же увидят их в моем рассказе все порядочные люди:[14] хорошие люди, очень хорошие люди, но нет в них ничего высокого и превыспреннего. Но ты, проницательный читатель, сбился бы с толку, тебе они показались бы лицами идеализирован-

---

[1] *Далее было:* и пустословит, а пожалуй, даже не прочь был бы сделать комплимент. [2] *Далее было:* а ведь ты этого не знаешь, сколько бы ты по своей проницательности не думал, что уж [3] *Далее было:* а, говорит, вот я из-за того и бьюсь, что хотел бы <чтобы> то было несколько по <иному?> [4] танцовал *После:* плясал — *было:* понял ли ты теперь, проницательный [5] *Вместо:* много — *было: а.* вот *б.* вдвое больше [6] фигурою [7] *Далее было: а.* какого *б.* и вот нет? [8] *Далее было начато:* если бы знал [9] *Далее было: а.* в том, чтобы уб<едить?> *б.* в таком свете видел и в такой обстановке [10] достичь того, *вписано.* [11] *Начато:* голиаф<ом> [12] выставил [13] *Далее было:* Порядочные люди видят, что это очень обыкновенные люди, вовсе не исполины [14] *Далее было:* да, это самые обыкновенные люди, ни

ными до неправдоподобия, до невозможности.[1] Ты так низок перед ними, что хотя они[2] просто-напросто ходят по земле, но тебе показались бы парящими на облаках, потому что ты смотришь на них из преисподней трущобы.[3] Сколько я тебя ни уверял бы в противном, они тебе показались бы героями.[4] Где я говорил о них это? Что я рассказывал о них такого? Я изображал их с любовью и уважением, потому что каждый порядочный человек стоит любви и уважения, — но где я преклонялся перед ними? Я люблю их, и только, — чего же их не любить? Это еще не значит, что уж выше и прекраснее их я не знаю никого и ничего, что они для меня — идеалы людей, что я хотел выставить их идеальными людьми.[5] А тебе, проницательный читатель, показалось бы это. Что они делают превыспреннего? — не делают подлостей, не трусят, стараются поступать честно, насколько достает сил,[6] — они делают только то, что делают все обыкновенные люди их типа, — мне хотелось и представить их такими, не больше. Надеюсь, что это мне удалось.[7] *‹л. 41 об., до середины›*

Глава четвертая

ВТОРОЕ ЗАМУЖСТВО И ДРУГАЯ СВАДЬБА[8]

Милостивая государыня, Вера Павловна!

Близость моя к погибшему[9] Дмитрию Сергеевичу Лопухову,[10] а еще больше самое содержание моего письма, дают мне надежду,[11] что вы благосклонно примете в число ваших знакомых человека, совершенно вам неизвестного, но глубоко уважающего вас. Во всяком случае, смею думать, что вы не обвините меня в навязчивости:[12] начиная эту корреспонденцию, я исполняю желание покойного Дмитрия Сергеевича, и те сведения, которые я сообщаю о нем, вы можете считать[13] совершенно достоверными, потому что[14] я буду передавать его мысли собственными его словами, как бы говорил он сам. Вот его слова о деле, объяснение которого составляет цель моего письма.

«Мысли, которые произвели развязку, встревожившую некоторых людей, мне близких,[15] созревали во мне постепенно, и мое намерение[16] ме-

---

[1] *Вместо:* лицами ∾ до невозможности — *было:* героями, людьми на ходулях ‹?›, идеалами [2] *Далее было:* тебе показались бы парящими на облаках, как [3] *Далее начато:* Что они [4] *а.* исполинами *б.* гигантами [5] *Далее начато:* Что они [6] *Далее было:* не плуты, не дрянные — они обыкновенные люди [7] *Далее начато:* Надеюсь, что тебе [8] *Против заглавия помета:* Начал перечитывать 5 март‹а›. [9] покойному [10] *Далее было:* дает мне право [11] *Далее было:* что вы не почтете навязчивостью [с моей стороны] [отставного студента медика] с моей стороны [то, что] [благосклонно] и не станете в чем-нибудь уп‹рекать› [12] Во всяком случае ∾ навязчивости: *вписано.* [13] принимать [14] *Далее было:* они представляют буквально повторение его собственных слов. [Его намерение, о котором я не смею судить, созревало п‹остепенно?› Дело] Его намерение, которое я совершенно нахожу основательным, [15] Мысли ∾ близких, *вписано.* [16] *Вместо:* мое намерение — *было:* мысли

нялось много раз, прежде чем получило[1] свою окончательную форму. То обстоятельство, которое было причиною моих мыслей, было замечено мною совершенно неожиданно для меня — только в ту минуту, когда она с испугом сказала мне о сне, ужаснувшем ее.[2] Сон показался мне очень важным, и как человек, смотревший на состояние ее чувств со стороны, [3] я в тот же миг понял, что в ее жизни начинается эпизод, который на время, более или менее продолжительное, изменит ее прежние отношения ко мне. Но человек всегда до последней крайности старается сохранить отношения, с которыми сжился, — в глубине нашей природы лежит консервативный элемент, от которого мы отступаем только по необходимости, — в этом, по моему мнению, заключается объяснение моего предположения — мне хотелось думать и подумалось, что этот эпизод через несколько времени минуется, и тогда наши прежние отношения могут восстановиться».

Вы[4] хотели избежать самого эпизода,[5] через теснейшее сближение с ним. Это увлекло его, и несколько дней[6] он не считал невозможным исполнение вашей надежды. Скоро он увидел, что она напрасна. Причина тому, как вы, конечно, знаете, заключалась в его характере. Он откровенно признал это:

«Я не порицаю своего характера, я понимаю его так: у человека, проводящего жизнь как должно, — говорил он, — время разделяется на три части: труд, наслаждение и отдых, или развлечение. Наслаждение точно так же требует отдыха, как и труд.[7] В труде и в наслаждении общечеловеческий элемент берет верх над личными особенностями: в труде мы действуем под преобладающим определением внешних рациональных надобностей, в наслаждении под преобладающим определением других, тоже общих потребностей человеческой природы. Отдых, или развлечение — элемент, в котором личность ищет восстановления сил от этого возбуждения, более или менее истощающего запас ее жизненных материалов; это элемент, вводимый в жизнь уже самою личностью, тут личность хочет определяться уже собственными своими особенностями, своими индивидуальными удобствами. В труде и в наслаждении люди влекутся к людям общею могущественною силою, которая выше их личных особенностей; расчетом выгоды в труде, — одинаковыми материальными потребностями организма. В отдыхе не то — это не дело общей потребности, более или менее сглаживающей личные особенности; отдых есть наиболее личное дело, тут натура просит себе наиболее простора, тут человек наиболее ин-

---

[1] остановилось на [2] *Вместо:* когда она ∾ ее. — *было:* когда вы с испугом сказали мне о сне, вас ужаснувшем. [3] *Далее было:* он, так ни на миг не смевший [4] *Далее было:* когда увидели [5] *Далее было:* [изме‹ниться›] сблизиться с ним [6] *Вместо:* Это ∾ дней — *было:* *а.* это его тр‹онуло› *б.* Так как это его тронуло и он [несколько дней] на несколько [7] *Далее было:* *а.* В труде все люди должны быть одинаковые и людям нетрудно *б.* в труде и в наслаждении людей связывает сильная, такая могущественная сила

дивидуализируется.[1] Характер человека всего более выказывается в том, какого рода развлечение или отдых легче и приятнее всего для него. В этом отношении люди распадаются на два главных отдела. Для одних отдых или развлечение приятнее в обществе других.[2] Уединение нужно каждому, но для них нужно,[3] чтоб оно было исключением, а правило для них — жизнь с другими. Сколько я мог заметить, этот класс гораздо многочисленнее другого, которому нужно наоборот: людям этого второго отдела в уединении просторнее, чем в обществе других.[4] Эта разница замечена и общим мнением, которое обозначает ее названиями: „человек общительный“ и „человек замкнутый“. Я принадлежу к[5] людям необщительным, она — к людям общительным. Вот и вся тайна нашей истории. Это единственная причина, по которой мы разошлись.[6] В этой причине нет ничего предосудительного для кого-нибудь из нас. Нисколько не предосудительно и то, что ни у одного из нас не достало силы отвратить эту причину: против своей натуры человек бессилен.

Каждому из нас довольно трудно понять особенности других натур, — каждый представляет себе людей по своей индивидуальности, и нужна большая внимательность, чтоб отчетливо представить себе, как могут существовать индивидуальности другого характера. Что не нужно мне, то кажется мне ненужным и для других: необходимы слишком яркие признаки, чтобы я вспомнил о противном.[7] И наоборот: то, что ‹*л. 42*› служит мне облегчением и простором, может быть другим бременем и стеснением. Вот мое извинение в том, что я слишком поздно заметил разницу между натурою моею и ее. Ошибке много помогло и то, что,[8] когда мы сошлись жить вместе, она слишком высоко ставила меня: между нами тогда не было равенства, с ее стороны было слишком много уважения ко мне, мой образ жизни казался ей образцовым; она принимала за общечеловеческую черту и то, что было уж личною особенностью: в жизни всех таких людей уединение должно занимать больше места, чем допускается натурою большей части людей.

Была и другая причина к тому, — может, еще более сильная. Между неразвитыми[9] людьми вообще мало уважается неприкосновенность внутренней жизни: каждый[10] из семейства,[11] особенно из старших, без церемонии сует лапу в вашу интимную жизнь; дело не в том, что это нарушает, например, тайны: тайны — более или менее крупные драгоценности,[12] их не забывают спрятать, их не забывают стеречь, да не у всякого и есть они: часто человеку и ровно нечего прятать от близких. Но вообще каждому хочется, чтоб и в его внутренней жизни был уголок, куда никто не

---

[1] *Текст:* В труде ∾ индивидуализируется. *вписан.* [2] *Далее начато:* Эти могут быть [3] оно нужно, [4] *Далее начато:* Просто это [5] *Далее было:* к одному разряду, последнему, она к первому [6] *Далее начато:* Вы [видели] говорили, что [7] *Далее было начато:* Вы знаете, что если я и курю, пью, то я забываю, слишком [8] *Далее было:* она очень уважала меня, [9] В неразвитых [10] каждый без церемоний [11] из членов семейства [12] сокровища

залезал бы к нему, как хочется каждому иметь свою комнату, в которой он был бы спокоен от всяких посещений. Люди неразвитые не смотрят ни на то, ни на другое: если у вас и есть особая комната, в нее лезет каждый — не из желания подсмотреть или быть навязчивым, — нет, без всякого предположения, что это может беспокоить вас, — он думает, что вы не желали бы его видеть вдруг, ни с того ни с сего и без всякой нужды являющимся у вас под носом, — что вы не желали бы этого, что вам неприятно было бы это только в том случае, когда бы вам вообще было неприятно его видеть; он не понимает, что может надоедать, может мешать человеку, хотя он и мил ему.[1] Святыня порога, через который не имеет права переступить никто без воли живущего за ним, у нас признается[2] только в одной комнате, комнате главы семейства, потому что глава семейства может выгнать в шею всякого, выросшего у него под носом без его спроса. У всех остальных вырастает под носом, когда только вздумает,[3] всякий, кто старше их или равен им по семейному положению.[4] То же, что с комнатою, и с миром внутренней жизни. В него[5] без всякой надобности, даже без всякой мысли, что, может быть, делает неприятное вам, залезает всякий, кому вздумается,[6] за всяким вздором,[7] а чаще всего не более как за тем, чтобы почесать язык о вашу душу. У девушки есть два будничных платья, розовое и белое. Она надела розовое, — вот уж и можно чесать язык о ее душу. „Ты надела розовое платье, Анюта, чего ты его надела?" Анюта сама не знает, чего она его надела, просто ей вздумалось надеть его[8] — ведь нужно же было надеть какое-нибудь, и если б она надела белое, повторилась бы та же история. „Так, маменька", или „сестрица" — „А ты бы лучше надела белое". Почему „лучше"? Этого не знает та, которая беседует[9] с Анютою, она просто чешет язык. „Что ты ныне как будто невесела?" Анюта совершенно ни весела, ни невесела, — но ведь надобно спросить, чтоб почесать язык. „Я не знаю, нет, кажется, ничего". — „Нет, ты что-то как будто невесела. — А ты бы, Анюта, села за фортепьяно", — зачем, неизвестно советчице, „что ты не села за фортепьяно?" Анюта,[10] может быть, хотела сесть за фортепьяно через пять минут. „Я не знаю, так, не вздумалось". „Анюта,[11] нет, ты бы села". И так далее, целый день. Ваша душа будто улица, на которую поглядывает каждый, кто сидит подле окошка, не за тем,[12] что ему нужно увидеть там что-нибудь, — он и знает, что[13] не увидит ничего ни нужного, ни любопытного, — а так, от нечего делать, — ведь все равно, так почему ж не поглядывать,[14] когда

---

[1] он не понимает ∾ мил ему. *вписано. Против этой фразы дата:* 13 февр‹аля›
[2] уважается [3] когда только вздумает, *вписано.* [4] *Далее было:* когда вздумает
[5] В него залезает [6] кому вздумается, *вписано.* [7] *Далее было:* кому когда вздумается [8] *Вместо:* вздумалось надеть его — *было:* почему — да не подумала об этом, просто розовое попалось под руки [9] спрашивает [10] *Далее было:* не села за фортепьяно [11] *Далее было:* вот ты и прежде [12] *Далее было:* чтобы что-нибудь [13] потому что там [14] заглядывать

есть окошко? Улице, точно, все равно; но человеку вовсе нет удовольствия оттого, что пристают к нему.

Натурально, это приставанье без всяких целей и мысли, просто по непониманию того, что приставание скучно для того, к кому пристают, — натурально, что оно[1] может вызвать реакцию, и как только человек станет[2] в такое положение, что может уединяться, он на некоторое время находит[3] удовольствие в уединении, хотя бы по натуре был общителен, а не замкнут.

Она с этой стороны находилась до замужства в исключительно резком положении: к ней приставали, к ней лезли в душу не просто от нечего делать, случайно и только по неделикатности, а систематически, неотступно, ежеминутно, слишком грубо, слишком нагло, — лезли злобно и злонамеренно, — лезли не просто бесцеремонными руками, а руками очень жесткими и чрезвычайно грязными; оттого и реакция в ней была очень сильна.

Поэтому нельзя строго осуждать мою ошибку. Несколько месяцев, может быть, год, я и не ошибался: ей действительно нужно и приятно было уединение. А в это время успело у меня составиться понятие о ее потребностях. Сильная временная потребность сходилась с моею постоянною потребностью — что ж удивительного,[4] что я принял временное явление за постоянную черту ее характера? Каждый так расположен судить[5] о других по себе!

Я не могу сильно винить себя за ошибку. Но ошибка была, и очень большая. Я не виню себя в ней. Но мне все хочется оправдываться, — мне думается, что другие не будут так снисходительны ко мне, как я сам. Чтобы смягчить[6] порицание, я должен несколько побольше сказать о своем характере с этой стороны, которая для нее и для большей части других людей довольно чужда, — потому без объяснений представлялась бы слишком неясно.[7]

Я не понимаю отдыха иначе, как в уединении. Быть с другими для меня значит[8] уже чем-нибудь заниматься: или работать, или наслаждаться.[9] Как это назвать? Я чувствую себя совершенно на просторе, мне совершенно легко тогда только, когда я один.[10] Отчего это? У одних — это от скрытности; у других — от застенчивости; у третьих — от расположения задумываться, хандрить; у четвертых — от недостатка симпатии к лю-

---

[1] что это приставанье [2] может стать [3] чувствует [4] преступного [5] считать [6] Для смягчения [7] *Вместо:* без объяснений ∾ неясно. — *было:* представляется довольно неясной [8] *Далее было:* быть стесненным ими [9] *Далее было:* В детстве я всегда, когда мог, уносил в какой-нибудь уголок лакомый кусок, чтоб съесть его наедине, на досуге. [И теперь стакан чаю, но выпитый наедине, для меня вдвое приятнее.] [Что у одного от скрытности, у другого] [10] *Далее было:* отчего это?

дям.[1] Во мне ничего этого, кажется, нет: я прямодушен и откровенен, я всегда готов быть весел и вовсе не хандрю; смотреть на людей — для меня приятно, но это для меня уж наслаждение, уж нечто, требующее после себя отдыха, то есть, по-моему, уединения. Отчего ж во мне это? Сколько я могу понять себя, во мне это просто от слишком особого развития влечения к независимости, свободе.[2]

И вот сила реакции против прежнего, слишком тревожного положения в семействе заставила ее на время[3] принять образ жизни, несообразный с ее постоянною наклонностью, а уважение ко мне поддержало ее в этом временном расположении дольше, чем было бы само собою, — а я в это долгое время составил себе мнение о ее характере, принял временную черту его за постоянную[4] — от общей всем нам привычки судить о других по себе — и успокоился на этом мнении, — вот и вся история.[5] С моей стороны была ошибка, но и в этой ошибке было мало дурного, а уж с ее стороны — ровно[6] нисколько, — а сколько страдания вышло из этого для нее, и какою катастрофою кончилось это для меня!»[7]

Когда он увидел свою ошибку в ее испуге от страшного сна, поправлять эту ошибку во всяком случае было поздно.[8]

«Но если бы мы заметили это раньше, может быть, мне и ей постоянными усилиями над сближением наших[9] характеров <удалось бы> сде-

---

[1] *Далее было: а. Начато:* у меня *б.* у меня может здесь другая крайность — слишком развитая потребность независимости, свободы. Я прямодушен [2] *Вместо:* (Сколько я могу понять ∾ свободе). — *было:* Отдыхая один, я делаю то же самое, что делают другие вместе с другими, — я болтаю [думаю] слегка о пустяках и не-пустяках, но — говорю с самим собою [мне только с самим собою собственно]; я сам для себя общество. У меня есть наклонность легко раздваиваться, как будто распадаться на двух человек, из которых один заменяет другому собеседника. [Что это такое? Какое отношение] Понятно, что третий собеседник, настоящий другой человек, тут уж лишний, он [стесняет] мешает интимной беседе двух, которые уже есть в одном мне. Как понять отношение между этими двумя чертами моей наклонности к уединению? От наклонности к нему развилась во мне способность так легко разделяться на двух [человек] собеседников? Или эта способность — коренная черта и уж от нее развилась наклонность к уединению? Я вижу, что у меня в этом отношении слишком живая фантазия, — от живости ли фантазии стала ненужною, лишнею мне поддержка легкого движения мыслей содействием других, которая нужна для других, или оттого, что присутствие другого мне лишнее, стала так жива моя фантазия? Я не разберу, [этого] [почему это], как это произошло вначале, это произошло еще в детстве, и я не помню, как это было. [3] *Вместо*: И вот ∾ на время — *было*: И вот, она увлекается уважением к моему образу жизни, но сила реакции против прежнего [образа] [отношения] положения в семействе [вела] доставляла по временам [4] *Далее было:* по привычке [5] *Далее было:* сказал Дмитрий Сергеевич. *После этого начато:* Дурн<о?> [6] вовсе [7] *Далее было:* Из всего этого вы видите [что Дмитрий Сергеевич находился] настроение духа Дмитрия Сергеевича [он с]: по его мнению, виноват он; по его мнению, вина его очень невелика [но по его же] [но он не думает, чтобы вообще], — и все-таки [вы только признательны к нему, и более ничего], в вас нет другого чувства кроме признательности и приязни к нему, и перед Александром Матвеевичем, — вы думали о нем только с выгодной стороны, нет, посторонние люди готовы были смотреть на его ошибку так легко. [8] *Вместо:* эту ошибку ∾ поздно. — *было:* ее было поздно. [9] *В рукописи:* ваших

лать так, чтобы мы <*л. 42 об.*> опять остались довольны друг другом? По моему мнению, даже и в этом случае не могло бы [1] выйти ничего особенно хорошего. Очень может быть, что мы успели бы каждый переделать себя настолько, чтоб ей не осталось причины тяготиться своими отношениями ко мне. Но переделки характеров хороши [2] только тогда, когда направлены против каких-нибудь дурных сторон, а те стороны, которые пришлось бы переделывать в себе ей и мне, не имели в себе ничего дурного — чем общительность лучше или хуже наклонности к уединению, или наоборот? Ровно ничем.[3] А ведь переделка характера во всяком случае насилованье, ломка, а в ломке очень <многое> теряется от насилованья, многое замирает. Результат,[4] которого я [5] и она, может быть — но только может быть — достигли бы мы, не стоил такой потери.[6] Мы [7] оба отчасти обесцветили бы себя и более или менее заморили бы в себе свежесть жизни, — для чего же? для того только, чтоб сохранить известные места в известных комнатах.[8] Дело другое, если б у нас были дети, — тогда [9] надобно было бы много подумать о том, как изменяется их судьба от нашей [10] разлуки: если к худшему, то дело предотвращения этого стоит самых великих усилий, и результат — радость, что сделал нужное для сохранения наилучшей судьбы тех, кого любишь, — этот результат вознаградил бы за усилия. А теперь, какую разумную цель имело бы это?

Поэтому при данном положении моя ошибка, по-видимому, даже повела к лучшему, — благодаря ей нам обоим не пришлось [11] более ломать себя.[12] Она принесла много горя, но без нее наверное было бы больше, да и результат не был бы так удовлетворителен. — Однако из этого всего видно,[13] что мои мысли очень заняты оправданием себя, чувствуя,[14] что я, вероятно, покажусь не совсем правым тем, кто стал бы разбирать это дело без сочувствия ко мне.[15] Но своим глазам я представлялся совершенно правым. Вот мое мнение о времени, которое было до ее сна. Теперь я расскажу свои чувства и намерения после того, как было мною замечено ее недовольство.

Я сказал, что с первого же ее слова о страшном сне я понял неизбежность для нее какого-нибудь эпизода, различного от наших [16] прежних отношений. Я [17] ждал, что этот эпизод будет иметь значительную силу, потому что иначе было невозможно при энергии ее натуры и при тогдашнем состоянии ее чувства недовольства своим образом жизни,[18] которое уж

[1] не было бы [2] *Далее было:* по моему мнению [3] *Далее было: а. Начато:* Это было бы *б.* По его мнению, это было бы насило<ванье> [4] По его мнению, результат [5] вы [6] *Вместо:* такой потери. — *было:* того [7] Вы [8] *Далее начато:* По его мнению [9] тогда судьба *Против текста:* Но переделки ∾ тогда — *помета:* Перечитывал 6 марта [10] от вашей [11] *Вместо:* благодаря ей ∾ не пришлось — *было:* а несомненно то, что благодаря ей не пришлось и ни мне, ни ей ломать [12] *Далее было:* чем было бы это, если бы эта ошибка была замечена раньше. [13] вы видите *Далее было начато: а.* что он все-таки *б.* что мы ей *в.* все к удовлетворению ее, т. е. что он все [14] т<о> е<сть> смутно чувствуя [15] *Далее было: а.* Но себя он считал пра<вым> *б.* В своих глазах он [был] пред<ставлялся> [16] ваших [17] Он [18] недовольства ∾ жизни *вписано.*

имеет очень большую силу от слишком долгой затаенности. Но все-таки ожидание представлялось мне сначала в самой легчайшей и выгодной для меня форме. Я рассуждал так: она увлечется на несколько времени страстной любовью к кому-нибудь;[1] пройдет два-три года, я буду ждать, и она возвратится ко мне. Я очень хороший муж, шансы иметь другого такого хорошего мужа очень редки (я говорю прямо, [2] что о себе думаю, во мне нет нисколько лицемерного желания умалять свое достоинство). Удовлетворенное чувство[3] любви утратит часть своей стремительности, а между тем мы оба станем старше, то есть спокойнее:[4] она увидит, что хотя одна сторона ее натуры и менее удовлетворяется жизнью со мною, но что в общей сложности ее натуре просторнее, легче жизнь со мною, чем с другим, — и все восстановится[5] по-прежнему. Я, наученный опытом, буду внимательнее к ней; она приобретет новое уважение ко мне, то есть еще больше привязанности ко мне, и мы будем жить лучше прежнего.[6]

Но — это вещь, объяснение которой очень щекотливо для меня, однако же оно должно быть сделано, — но как же представлялась мне перспектива того, что наши отношения с нею восстановятся? Радовало ли это меня? — Конечно; но только ли? Нет, это представлялось мне и обременением, — конечно, приятным, очень приятным, но все-таки обременением, — в нем было много тяжелого. Я очень сильно люблю ее и буду ломать себя, чтобы приспособиться к ней, — это будет доставлять мне приятное чувство исполнения долга, но все-таки моя жизнь будет стеснена — так представлялось это мне в эту минуту. И я увидел, что не обманывался. Испытать это она дала мне, когда хотела, чтобы я постарался сохранить ее любовь. Месяц[7] угождения был самым тяжелым месяцем в моей жизни.[8] Тут не было никакого страдания, — такое выражение не шло бы к делу, было бы тут нелепо,[9] — с этой стороны, положительных ощущений, я не чувствовал ничего, кроме радости, угождая ей,[10] — но мне было скучно.[11] Вот тайна того, что ее попытка удержаться[12] в любви ко мне осталась неудачна: я скучал с ней.

На первый раз может показаться странно, почему я не скучал, отдавая бесчисленные вечера студентам, которым уж, конечно, не был расположен жертвовать ничем важным и не стал бы нисколько беспо-

---

[1] *Вместо:* Я рассуждал ∾ к кому-нибудь; — *было:* Я стал ждать временного увлеченья кем-нибудь *После:* кому-нибудь — *было:* чувство удовлетворится, остынет [2] *Вместо:* (я говорю ∾ думаю, — *было:* вы видите, он сам [3] Чувство скоро удовлетворится [4] *Далее было:* терпеливее, всё устроится по-прежнему [5] устроится [6] *Далее было:* За этим следует объяснение, которое, по его словам, наиболее щекотливое. Я, по его желанию, я постарался это высказать [7] Этот месяц [8] *Вместо:* в моей жизни. — *было:* в его жизни, по его словам [9] *Далее было:* по его словам, [10] вам, [11] *Далее было начато:* По его словам, отдавая вам часть своего внимания, он проводил время так, как проводил [12] *Вместо:* что ее ∾ удержаться — *было:* она не удержалась

коить себя, и почему я чувствовал такое сильное утомление,[1] когда отдал всего лишь несколько вечеров женщине, которую любил больше, чем себя, на смерть, и не только[2] на смерть, — на всякое мучение для которой я был совершенно готов? Это[3] может казаться странно, но только для того, кто не вникнет в сущность моих отношений к молодежи, которой я отдавал столько времени. Во-первых, разговоры с ними были совершенно отвлеченные, и с ними у меня не было никаких личных отношений:[4] когда я сидел с ними, я не чувствовал перед собою людей, а видел несколько отвлеченных типов, которые обмениваются мыслями; разговор с ними для меня мало отличался от раздумья наедине; тут была занята во мне лишь одна сторона человека, — которая всего менее требует отдыха, — мысль; все остальное[5] спало. Тут разговор имеет практическую, полезную цель — содействие развитию[6] умственной жизни других; это был труд, но труд такой легкий, что походил на развлечение[7] от другого труда:[8] не утомляющий, а освежающий силы, но все-таки труд, поэтому личность и не имела тут тех требований, которые делала для отдыха; тут я делал дело, а не отдыхал; тут я искал пользы, а не успокоения; тут я давал сон всем сторонам моего существа, кроме мысли; а мысль[9] действовала без всякой примеси личных отношений к людям, с которыми я говорил, поэтому чувствовала себе такой же простор, как наедине; потому эти разговоры, можно сказать, не выводили меня из уединения.[10] Это было почти время дремоты, в которой мне снилось[11] несколько разговаривающих людей. Тут нет ничего общего с отношениями, в которых участвует весь человек.

Я чувствую, как щекотливо выговорить перед нею это слово «скука»;[12] но добросовестность не позволяет мне утаить его;[13] при всей моей любви к ней я почувствовал облегчение себе, когда потом убедился,[14] что между нею и мною не может установиться тех отношений, при которых мы могли бы жить вдвоем.[15] Я стал в этом убеждаться около того же времени, когда она начала замечать, что[16] угождение ее желанию обременительно для меня.[17] Тогда будущее стало представляться мне в новой форме, которая была мне приятнее. Увидев эту невозможность, я стал думать, как бы скорее, — опять я должен упот-

---

[1] *Вместо:* чувствовал ∾ утомление, — *было:* скучал, [2] *Далее было:* на всякое мучение [3] *Далее было:* по его мнению, [4] *Далее было:* по его словам, [5] *Далее было:* вполне [6] *Вместо:* содействие развитию — *было:* развитие [7] на шутку [8] *Далее начато:* поэтому тут не было тех требований [9] *Далее было:* не связывалась [чув‹ством›] никакими личными отношениями [10] *Далее было:* [казались] мне казались моей обязанностью, но обязанность была вообще так легка, что обращалась в легкое наслаждение [11] *Вместо:* в которой мне снилось — *было:* в которой я видел сон [12] *Вместо:* Я чувствую ∾ «скука»; — *было:* Вот этот сон. [13] *Далее было:* Да, говорю, я скучал [14] *Далее было:* что бывшие отношения не могут восстановиться между вами и им [15] *Далее начато:* быть довольными [16] что как ни старалась [17] *Далее было:* тогда он и исполнил ваше желание

ребить это выражение, которое щекотливо,[1] — стал думать, как бы поскорее отделаться, отвязаться от этого положения, которое было мне скучно; вот[2] тайна того, что должно было казаться великодушием человеку, который захотел бы ослепляться признательностью к внешности дела или не был бы так близок, чтобы рассмотреть самую глубину его побуждений.[3] Да, мне просто хотелось отделаться[4] от скучного положения. Не лицемерствуя отрицанием в себе хорошего,[5] я не стану отрицать того, что одним из моих мотивов[6] было желание добра ей, но[7] это был уже второй мотив, положим, очень сильный, но все-таки далеко уступавший силою первому — желанию избавиться от скуки; настоящим двигателем было оно; под влиянием этого желания[8] я стал внимательно соображать ее образ жизни[9] и легко увидел, что в перемене ощущений от перемен в образе жизни главную роль играет появление и удаление Александра Матвеевича. Это заставило меня думать о нем, — я понял причину его странных действий, на которые раньше не обращал внимания, и после этого мои мысли получили новый вид: когда я понял,[10] что в ней уж не то что[11] только еще искание страсти, а уж сама любовь,[12] только еще несознаваемая ею, что это чувство обратилось на человека вполне достойного и по благородству своему совершенно достойного вполне заменить ей меня, и что этот человек сам страстно любит, — я чрезвычайно обрадовался. Первое впечатление от этого открытия было тяжело, — всякая важная перемена соединена с некоторою скорбью, — я видел, что не могу по совести считать себя лицом, необходимым для нее, а ведь я уж привык к этому, ‹*л. 43*› эта сторона открытия была тяжела мне, но только в течение первого времени она преобладала над другою стороною, которая радовала меня.[13] Теперь я был уверен в ее счастье и спокоен за ее судьбу. Это было источником большой радости. Но[14] напрасно было бы думать,[15] ‹что› в этом заключалась главная приятность. Нет, опять личное чувство было гораздо важнее: я видел, что становлюсь совершенно свободным от принуждения. Мои слова не имеют того смысла,[16] будто для меня бессемейная жизнь кажется свободнее или легче семейной, — нет, если мужу и жене не нужно нисколько стеснять себя для угождения друг другу, если они довольны

---

[1] *Далее было начато:* на это я считаю обязанностью ответить сообразно с [2] вот, по его словам [3] душевных движений. [4] *Вместо:* мне просто ∾ отделаться — *было:* по его словам, мне хотелось поскорее отделаться ради вас [5] *Далее было начато: а.* с целью оставить *б.* он не *в.* он все не хотел, чтобы я отрицал что-нибудь. [6] *Далее было:* — не очень сильных, но мотивов [7] но, по его словам, [8] под влиянием мотивов [9] *Далее было:* и увидел, что играет роль [10] *Далее было:* что ваша любовь еще не сознаваемая [11] *Далее было:* потребность [12] *Далее было:* обращенная на человека [13] *Вместо:* радовала меня — *было начато:* была рад‹остною?› [14] *Далее было:* по его словам [15] *Далее было:* что это было главною причиною его [16] *Вместо:* Мои слова ∾ смысла, — *было начато: а.* Напрасно *б.* Теперь следует, по его словам,

друг другом без всяких усилий над собою, если они угождают друг другу, вовсе не думая угождать, — им вместе еще[1] гораздо легче и просторнее, чем было бы при одинокой жизни. Но ведь отношение между нею и мною[2] не было таково. Поэтому разойтись с нею значило для меня стать свободным. Когда жена и муж[3] совершенно идут друг к другу, это наоборот: они теряют свободу от разлуки. Но тут[4] было не так, мне возвращалась свобода.

Из этого видно, что я действовал в собственном интересе, когда[5] решился не мешать ее счастью,[6] — благородная сторона была в моем деле, но движущею силою ему служило влечение собственной моей натуры к лучшему для меня, — поэтому-то я имел силу действовать, могу сказать, хорошо.

Я уехал в Рязань. Через несколько времени она вызвала меня, говоря, что теперь мое присутствие уж не будет мешать ей.[7]

Я увидел,[8] что оно все-таки мешает.

Сколько я могу понять, тут были две причины: ей[9] было тяжело видеть человека, которому она считала себя бесконечно обязанною, — положим, она ошибалась в этом, не была нисколько обязана мне, потому что я действовал гораздо больше для себя, нежели для нее,[10] но ей[11] представлялось иначе, и она чувствовала чрезвычайно сильную признательность ко мне, — это чувство тяжелое, — в нем есть приятная сторона, но она имеет верх только тогда, когда оно не сильно; когда сильно — оно стеснительно. Другая причина, — это опять несколько щекотливое объяснение,[12] — ей неприятна была ненормальность ее положения в смысле общественных условий, тяжело[13] то, что недоставало со стороны общества формального признания[14] ее[15] права занимать это положение. Я не скрою,[16] в этом новом открытии была для меня сторона, гораздо более тяжелая,[17] чем все чувства, которые я испытывал в прежних периодах дела. Я сохранял к ней[18] очень сильное расположение.[19] Мне хотелось оставаться человеком, очень близким к ней.[20] Я надеялся, что после так будет; и когда увидел, что этого не должно

---

[1] *Вместо:* им вместе еще — *было:* это конечно еще [2] *Вместо:* отношение между нею и мною — *было:* у вас так [3] Когда муж и жена [4] Да, но тут [5] *Далее было:* *а.* поступал сообразно с вашим интересом *б.* *Начато:* старался [6] *Далее было:* поэтому-то он действовал тут [обращая] [энергически] [хорошо] честно и сильно. Вот, по его словам, объяснение, очень простое, благородными мотивами [7] *Вместо:* мое присутствие ∾ мешать ей. — *было:* вашим отношениям ничто не помешает. [8] Он увидел [9] вам [10] для вас, [11] но вам [12] *Вместо:* несколько ∾ объяснение, — *было:* *а.* вопрос щекотливый *б.* по моему мнению, щекотливый *После:* объяснение, — *было:* но я, по его мнению, должен был учесть и это [13] неприятно [14] *Вместо:* недоставало ∾ признания ее — *было:* *а.* *Начато:* вы не имели формального *б.* недоставало формального признания [15] за нею [16] *Далее было:* от вас, что мне было [17] *Вместо:* Я не скрою ∾ тяжелая, — *было:* не скрою, но мне тяжело [18] к вам [19] *Далее было:* *а.* Я могу назвать эту любовь [как] дружбою, скорее чувством, переменившимся ‹?› из братского, отцовского чувства, но все-таки это чувство было сильно. [20] к вам.

быть, мне было очень прискорбно.[1] И тут[2] уж не было вознаграждения прискорбию ни в каких личных расчетах,[3] — я могу сказать, что тут решение мое было принято уж единственно по привязанности к ней,[4] из желания лучшего для нее,[5] исключительно по побуждениям несвоекорыстным.[6] Зато[7] никогда никакие отношения к ней[8] в самое лучшее время этих отношений не доставляли мне такого внутреннего наслаждения, как эта решимость.[9] Тут я уже поступал собственно под влиянием того, что называется благородством, и[10] я тут узнал, какое высокое наслаждение чувствовать[11] себя благородным человеком. Нет надобности[12] объяснять ту сторону моего[13] образа действий, которая была бы величайшим безрассудством[14] в обыкновенных случаях, но слишком ясно оправдывается характером лица, которому уступал я. В то время, когда я уезжал в Рязань, не было ни слова сказано между нею и Кирсановым; в то время как я принимал свое последнее решение, не было ни слова сказано ни между мною и ею,[15] ни между мною и г. Кирсановым. Но я слишком хорошо[16] — так хорошо знал его, что мне не было надобности узнавать его мысли, чтоб знать их».

Я человек совершенно чужой[17] вам, но корреспонденция, в которую[18] вступил я с вами, исполняя желание покойного Дмитрия Сергеевича,[19] имеет такой интимный характер, что, вероятно, вам[20] надобно узнать, кто такой неизвестный корреспондент, так глубоко посвященный[21] во внутреннюю жизнь покойного Дмитрия Сергеевича и в ваши отношения[22] к нему. Я отставной медицинский студент — больше я не умею ничего сказать вам о себе.[23] В последние годы я жил в Петербурге,[24] и несколько дней тому назад я вздумал[25] пуститься путешествовать и искать себе новой карьеры за границею.[26] По странному случаю я не имел[27] в руках документов, и мне пришлось[28] взять чужие бумаги, которыми обязательно снабдил меня[29] один из моих знакомых,

---

[1] *Далее было:* Он терял сестру, терял дочь, терял [2] И тут, по его словам, [3] *Далее было:* тут, по его словам, [4] к вам, [5] для вас, [6] чистым. [7] *Далее было:* по его словам, [8] к вам [9] *Далее было:* Вот его слова: смею я назвать себя [человеком] исключительно благородным человеком [который был зн‹ал›], который бы совершенно [10] *Далее было:* и тут, он понял это в первый раз [11] быть [12] По его собственному мнению, нет надобности [13] *Вместо:* ту сторону моего — *было:* одну сторону его [14] *Далее было: а.* в деле *б.* по отношению к [15] ни между вами и мною, [16] *Далее было:* знаю, что Кирсанов [17] неизвестный [18] но письмо, которое [19] *Далее начато:* ставит меня в [20] для вас [21] *Далее было:* в вашу тайну [22] в вашу жизнь [23] *Далее было:* Я давно начал новую карьеру — и не думаю, чтобы она не была удовлетворительна. [24] *Далее было:* и смело могу сказать, что не был‹о?› [25] *Далее было:* бросить дела, которые были у меня в Пет‹ербурге› [26] *Далее было:* Мое путешествие было странно. [Я сел] Я пустился не тою дорогою, которую избрал, — такая случилась надобность. [27] я затерял [28] *Вместо:* и мне пришлось — *было:* потому должен был [29] *Далее было: а.* один из знакомых покойного Дмитрия Сергеевича, некто г. Рахметов, чем очень обязал меня. Он говорил, что они находились у него на крайний случай запасенными как средства для лиц, нуждающихся в том *б.* но [меня] снабдил меня нужными бумагами — этот знакомый покойного Дмитрия Сергеевича

но с тем условием, чтобы я исполнил по дороге некоторые его поручения. Когда вам случится видеть г. Рахметова, потрудитесь сказать, что все порученное мною исполнено, как должно. Он знает. Теперь я буду пока бродить по Германии, наблюдая нравы, знакомясь с людьми. У меня есть несколько сотен рублей,[1] и мне хочется погулять. Когда праздность надоест, я буду искать себе дела, какого? — все равно, где? — где случится. Я волен, как птица, и могу быть беззаботен, как птица, — такое положение восхищает меня.

Очень может быть,[2] что вам угодно будет удостоить меня ответом.[3] Но я не знаю, где я буду через неделю, — может быть, в Италии, может быть, в Англии, может быть, в Праге, — я теперь могу жить по своей фантазии,[4] и куда она унесет меня, я не знаю.[5] Поэтому делайте[6] на ваших письмах только следующий адрес: Berlin, Agentur von H. Schweigler, Friedrichstrasse, № 21.[7] Под этим конвертом будет ваше письмо в другом конверте, на котором вместо всякого адреса будут выставлены только цифры: 1 2 3 4 5: они будут обозначать для конторы агентства Швейглера, что это письмо должно быть отправлено ко мне.

Примите, милостивая государыня, уверение в глубоком уважении от человека, совершенно чуждого вам, но безгранично преданного вам, который будет называть себя

отставным медицинским студентом.[8]

Милостивый государь Александр Матвеевич. По желанию покойного Дмитрия Сергеевича[9] я должен передать вам уверение в том, что счастливейшим для него обстоятельством казалось именно то, что свое место он должен был уступить вам. При тех отношениях, которые повели к этой перемене, — отношениях, которые постепенно образовались в течение почти трех лет, когда вы почти вовсе не бывали его гостем,[10] следовательно при отношениях, возникших без всякого вашего участия, — единственно из несходства характеров между двумя людьми,[11] которых вы потом напрасно старались сблизить, — при этих отношениях была неизбежна та развязка, какая произошла. По твердому мнению Дмитрия Сергеевича, вы нисколько не должны приписывать ее себе. Он почти уверен, что это объяснение излишне, но на всякий слу-

---

[1] денег [2] Очень может быть *вписано.* [3] *Далее было:* но я не могу дать вам своего адреса, потому что [4] *Вместо:* могу ∾ фантазии — *было:* один со своей фантазией [5] *Далее начато: а.* Поэтому адресуйте *б.* Но мне адресуйте [6] пишите [7] *Далее было:* В этой конторе [начнется] будет известно, куда надобно пересылать письма для меня. [Он] Конторщик — немец, увидев письмо на неизвестном ему [языке] алфавите без обратного адреса, по этому признаку [8] *Против текста:* где случится ∾ студентом. — *на полях помета:* Перечитывал 5 марта. [9] *Далее было:* выражаю [10] *Вместо:* постепенно образовались ∾ гостем, — *было:* возникли без вашего участия в такое время, когда вы уже [более] около двух лет не [посещали] были его гостем, постепенно образовались [11] лицами,

чай поручил мне сделать его. Так или иначе, тот или другой, должен был занять место, которого не мог занимать он, на которое только потому и мог явиться другой, что Дмитрий Сергеевич не мог занимать его. То, что на этом месте явились именно вы, составляет, по мнению покойного Дмитрия Сергеевича, большое счастье как для вас, так и для лица, интересы которого были особенно ему драгоценны. Примите уверение в глубоком моем уважении».

— А! Я знаю...

Что это? Знакомый голос и в особенности знакомая ослиная интонация этого голоса, — оглядываюсь, — так и есть! он! он, проницательный читатель, так недавно изгнанный с позором за непонимание ни аза в глаза по части художественности, — уж он опять тут, и опять с своею прежнею проницательностью, — он уж опять что-то знает!

— А! Я знаю, — ревет он в телячьем восторге от своей догадливости, — знаю, кто это такой пишет в...

Я торопливо хватаю[1] первое, что удобно для моей цели, что попалось под руку, — попалась салфетка, потому что я, переписав письмо «отставного студента», сел завтракать, — итак, я схватываю салфетку и затыкаю ему рот: «Ну, знаешь, так и знай; что ж орать[2] на весь город?»[3]

Милостивый государь,

Вы поймете, до какой степени я была обрадована вашим письмом. От всей души благодарю вас за него.[4] Ваша близость к покойному Дмитрию Сергеевичу дает мне право считать и вас моим другом. Позвольте мне употреблять это название.[5]

Характер Дмитрия Сергеевича[6] виден в каждом из его слов, передаваемых вами: он постоянно отыскивает самые затаенные причины[7] своих действий, и ему доставляет удовольствие подводить их под свою теорию эгоизма, — впрочем, это общая привычка всей нашей компании. Мой Александр также охотник разбирать себя в этом духе. Если б вы послушали, как он объясняет свой образ действий в течение трех лет относительно меня и Дмитрия Сергеевича![8] Всё, по его словам, происходило по эгоистическому расчету, для его собственного удовольствия. И я уж давно приобрела эту привычку. Словом сказать, мы все трое, если послушать нас, такие эгоисты, каких до сих пор свет еще не производил. А может быть, это и правда? Может быть, прежде не было таких

---

[1] *Далее было начато:* *а.* под руку *б.* что попало [2] *Вместо:* что ж орать — *было:* что ж ты орешь [3] *После:* на весь город?» — *помета:* Перечитано 9 марта. [4] *Далее было начато:* *а.* Характер нашего покойного друга *б.* Я вполне в вас [5] *Далее было:* И потом, почему «вы», не могу я говорить вам проще, называя вас «ты»? [6] *Вместо:* Дмитрия Сергеевича — *было:* нашего покойного друга [7] *Вместо:* затаенные причины — *было:* глубокие побуждения [8] *Далее было:* [вы могли] этот эгоист

эгоистов? Может быть, прежде не знали, что человек именно тогда лучше всего соблюдает свою выгоду,[1] когда действует благородно? Кажется, так. По крайней мере и Дмитрий Сергеевич говорил это, и мой Александр так говорит: да, мы новые люди, конечно,[2] далеко не из лучших новых людей, но все-таки новые люди.

Но кроме этой черты, общей всем нам троим, в словах Дмитрия Сергеевича, которые передает мне ваше письмо, есть и другая черта, уж собственно принадлежащая его положению:[3] очевидная цель всех его объяснений — успокоить меня.[4] Мой друг, я[5] очень признательна за это,[6] но ведь и я эгоистка — я скажу: напрасно он столько заботится о моем успокоении, — мы сами себя оправдаем гораздо легче, чем оправдают нас другие, и я, если сказать правду, не считаю себя ни в чем виноватою перед ним.[7] Скажу больше: я даже не считаю себя обязанною быть признательной к нему. Я ценю его благородство, но ведь я знаю, что он был благороден не для меня, а для себя. Ведь и я, если не обманывала его, то не обманывала его не для него, а для себя — не потому,[8] что обманывать было бы несправедливостью к нему, а потому, что это было бы противно мне самой. Покойный Дмитрий Сергеевич наверное одобрил бы такой способ понимания вещей. Мой Александр одобряет его.

Я сказала, что не виню себя,[9] — так же, как и он. Но так же, как и он, я чувствую влечение оправдаться, то есть, по его словам, имею предчувствие, что другие не так легко могут избавить[10] меня от порицания[11] за некоторые стороны моих действий, как избавляю я.[12] Я не чувствую никакой охоты оправдываться в той части дела, в которой оправдывается он, — и, наоборот, мне хочется оправдаться в той части, в которой он не находит нужды оправдываться. В том, что было до моего сна, никто не назовет меня сколько-нибудь виноватою, это я знаю; но потом — не я ли сама была причиною, что дело имело такой мелодраматический вид и привело к такой эффектной катастрофе? Не должна ли я была гораздо проще смотреть на ту перемену отношений, которая была уж неизбежна, когда этим сном[13] в первый раз раскрылось мне и Дмитрию Сергеевичу положение мое и Дмитрия Сергеевича? Вечером того дня,[14] когда погиб Дмитрий Сергеевич, я имела длинное

---

[1] *Вместо:* свою выгоду — *было:* своекорыстный расчет [2] может быть, [3] *Далее начато:* все [4] *К слову:* меня — *зачеркнутая вставка на полях:* Он поэтому даже выставляет всё дело довольно односторонне и я могу во многом по ‹*не закончено*› [5] *Далее начато:* благодарю Дмитрия [6] *Далее было:* коварство ‹?› и скажу, что и я уж [7] *Далее было: а.* Но я ценю его благородство *б.* Но я [я считаю] знаю, что благородно [8] ведь не потому, [9] *Далее было:* Но я также чувствую как [10] оправдать [11] могут ∾ от порицания *вписано.* [12] *Далее было начато: а.* Но только это у *б.* Мы с ним совершенно *в.* Дело наше распадается на две части, и ваше отношение к этим частям совершенно [13] *Вместо:* этим сном — *было: а.* мне приснился этот сон *б.* проснулась [14] *Вместо:* Вечером того дня — *было начато: а.* В тот *б.* В тот в‹ечер›

объяснение с свирепым[1] Рахметовым, — какой это мягкий и добрый человек![2] — он говорил мне бог знает какие ужасные вещи про Дмитрия Сергеевича, но если пересказать их вместо его жестокого, как будто враждебного Дмитрию Сергеевичу[3] тона тоном дружеским к Дмитрию Сергеевичу — что ж, пожалуй, они справедливы. Я подозреваю, что Дмитрию Сергеевичу было очень понятно, в каком смысле будет говорить со мною Рахметов, и что это входило в его расчет.[4] Да, для меня тогда нужно было слышать эти вещи, они меня успокоили, и кто бы ни устроил этот разговор, я очень благодарна за него вам, мой друг. Но сам Рахметов должен был сознаться, что Дмитрий Сергеевич в последней половине дела поступил отлично. Он винил его только за первую половину, в которой он и имел охоту оправдываться. Я буду оправдываться во второй половине, хотя никто не говорил[5] мне, что я виновата в ней. Но у каждого из нас есть порицатель, более строгий, чем сам Рахметов, — это наш собственный ум.

Да, я чувствую, что было бы гораздо легче для всех, если б я смотрела на дело проще, не придавала ему важного значения. Тогда Дмитрию Сергеевичу не было бы надобности прибегать к такой радикальной развязке, до которой он был доведен излишнею пылкостью моей тревоги. Так, мне кажется, должен он смотреть на дело, хотя не поручал вам передать мне это.[6] Но ведь и у меня есть свои извинения. Вторая половина нашей истории начинается с поездкою в Рязань.[7] Мне кажется, что если б я не придавала чрезмерной[8] важности перемене отношений, можно было бы обойтись без этой поездки, — но ведь она не была тяжела[9] для него, — стало быть, и не велика беда, наделанная моим экзальтированным взглядом на[10] перемену отношений. Совершенно другое дело — погибель Дмитрия Сергеевича. Он объясняет необходимость своего решения двумя причинами: обременительностью мне признательности к нему и моим желанием стать к Александру в отношения, правильность которых признается обществом. Он говорит:[11] — мне было тяжело видеть человека, которому я была, по моему мнению, бесконечно обязана, — вид его тяготит меня чрезмерным бременем признательности. Нет, это не совсем так. Надобно помнить, что человек слишком расположен приискивать мысли, которыми может облегчить себя, и в то время, когда он видел надобность погибнуть, эта причина уж давно

---

[1] с ужасным [2] *Далее было:* я подозревала [3] *Текст:* как будто ∾ Дмитрию Сергеевичу *вписан.* [4] в его расчет *вписано.* [5] не винил [6] хотя не говорил вам этого [7] *Вместо:* Вторая половина ∾ в Рязань — *было:* Когда он ездил в Рязань, по его собственным словам, не составляло для него важности, следовательно, я была спокойна за эту часть второй половины нашей мелодрамы [8] чрезмерной *вписано.* [9] важна [10] *Далее было:* дело, совершенно иное [11] *Текст:* обременительностью ∾ говорит: *вписан.*

не существовала[1] — моя признательность к нему давно получила ту умеренность,[2] при которой она чувство приятное. А ведь только эта причина и имела связь с моим прежним экзальтированным взглядом на дело. Вторая причина — желание придать моим отношениям к Александру характер, признаваемый обществом, — ведь она совершенно нисколько не зависела от моего взгляда на дело, она проистекала из понятий общества. Против нее я была бы бессильна. Но Дмитрий Сергеевич совершенно ошибается, если думает,[3] что его присутствие было тяжело для меня именно по этой причине. Нет, напротив, если бы он не погибал, то ведь легко было бы устранить ее, если б ‹*л. 43 об.*› только это было нужно и если бы этого было бы достаточно для меня.[4] Если муж живет вместе с женою, этого уж совершенно довольно, чтоб общество не делало скандала жене, в каких бы отношениях ни была она к[5] кому-нибудь другому.[6] Это уж большой успех. Мы имеем довольно примеров тому, что благодаря благородству мужа дело устроивается таким образом, и видим, что во всех этих случаях общество оставляет жену в покое. Теперь я нахожу, что это самый лучший и легкий для всех способ устроивать[7] дела, подобные нашему. Дмитрий Сергеевич прежде предлагал мне этот способ, — тогда я отвергла его по своей экзальтированности. Не знаю, как было бы, если б я тогда приняла его. Если б я могла остаться довольною[8] только тем, что общество оставило бы меня в покое, не делало бы мне скандала, не хотело ‹бы› видеть моих неправильных отношений к Александру, — этого, конечно, было бы достаточно[9] для того, чтоб Дмитрию Сергеевичу не нужно было решаться на погибель.[10] Тогда, конечно, у меня не было бы никакой надобности желать, чтобы мои отношения к Александру определены были официальным образом. Но мне теперь кажется, что[11] в нашем случае не было бы удовлетворительно такое устройство дела, совершенно удовлетворительное для большей части подобных случаев. Наше положение имело ту редкую[12] случайность, что все три личности, которых оно касалось,[13] были равносильны. Если бы Дмитрий Сергеевич чувствовал превосходство Александра над собою[14] по уму, или по развитию, или по характеру, тогда, уступая свое место Александру, он уступал бы превосходству той или другой нравственной силы, — его отказ не был бы отказом добровольным, а отступлением слабого перед сильным. Точно

---

[1] *Далее было:* я видела [2] *Вместо:* получила ту умеренность, — *было:* вошла в границы, [3] *Вместо:* если думает, — *было:* если ‹*нрзб.*› важность [4] *Далее было:* При наших нравах [5] *Далее было:* к мужу или [6] *Далее было:* муж признает эти отношения, и общество удовлетворяется этим. [7] развязывать [8] *Вместо:* могла ∾ довольною — *было:* осталась довольною, то [9] *Вместо:* этого, конечно, ∾ достаточно — *было:* этого было бы достаточно [10] *Вместо:* решаться на погибель — *было:* прибегать к погибели [11] *Далее было:* при данных характерах — моем и Дмитрия Сергеевича, это устройство было бы неудовлетворительно [12] довольно редкую [13] *Вместо:* которых оно касалось — *было:* участвовавших в нем [14] *Далее было:* или если б я

то же было бы, если бы я по уму или характеру была бы гораздо сильнее Дмитрия Сергеевича и он до развития моих отношений к Александру был уж тем, что очень хорошо характеризует анекдот, которым, помнишь,[1] мой друг, я забавлялась целых три[2] вечера? — как встретились в фойе Большой итальянской оперы два господина, разговорились, понравились друг другу, захотели познакомиться; «так будем же знакомы», сказал один: «я поручик[3] такой-то». — «А я муж г-жи Тедеско», — отрекомендовался другой. Если бы Дмитрий Сергеевич[4] был «муж г-жи Тедеско», о, тогда, конечно,[5] точно так же не было бы надобности в его погибели, как и в случае решительного превосходства Александра над ним, — он опять уступал бы силе, покорялся бы, смирялся бы, — и если бы был человек благородный, не видел бы в этом своем смирении ничего обидного для себя — и все было бы прекрасно. Но его отношения ко мне и к Александру были вовсе не таковы. Он не был ни на волос ниже или слабее кого-нибудь из нас, — и мы это знали, и он это знал. Его уступка не была следствием бессилия[6] — о, вовсе нет, — она была чисто делом его доброй воли. Так ли, мой друг, — вы не можете отрицать этого? Поэтому в каком же положении видела я себя? — вот в этом, мой друг, вся сущность дела. Я видела себя в положении зависимости от его доброй воли, — вот почему мое положение было тяжело мне, вот почему он увидел надобность в благородном решении погибнуть. Да, мой друг, причина чувства, которое принудило его к этому, скрывалась гораздо глубже, нежели объясняет он в вашем письме. Обременительный размер признательности уже не существовал; удовлетворить претензиям общества было бы легко тем способом, какой он сам предлагал мне, — да ведь претензии общества и не доходили до меня, живущей в своем очень маленьком кругу, который совершенно не имеет их. Но[7] я оставалась в зависимости от него, мое положение имело своим основанием только его добрую волю, оно не было самостоятельно — вот причина того, что мне было тяжело. Судите же теперь, могла ли эта причина быть отвращена каким бы то ни было спокойным взглядом моим на перемену наших отношений? Тут важность не в моем взгляде, а в том, что Дмитрий Сергеевич был человек самобытный,[8] поступавший так или иначе по доброй воле — по доброй воле! Понимаете ли вы, мой друг, какой глубокий эгоизм скрывается в моем чувстве: я не хочу зависеть от доброй воли кого бы то ни было, хотя бы самого преданного мне человека, хотя бы самого уважаемого мною человека, в котором я не менее уверена, чем в самой себе, о котором

[1] *Вместо:* Очень хорошо ∾ мой друг — *было:* известный «муж своей жены» — помните, мой друг, анекдот [2] *Вместо:* целых три — *было:* два [3] офицер *Далее было:* или не помню, что-то в этом роде, поручик или штабс-капитан такой-то [4] *Вместо:* Дмитрий Сергеевич — *было:* ты [5] *Далее было:* не было бы надобности [6] *Вместо:* следствием бессилия — *было:* покорностью слабого, не была следствием бессилия [7] *Далее было:* вот в чем было дело [8] независимый,

я положительно знаю, что[1] он всегда будет с радостью делать все, что мне нужно, что он дорожит моим счастьем не меньше, нежели я сама,[2] — можете ли вы измерить, мой друг, как глубок эгоизм в моем чувстве? И однако же, к чему все это говорится? к чему этот анализ, раскрывающий самые тайные мотивы[3] чувства, — такие мотивы, которых не доискался бы никто другой и которые вовсе ведь не приносят же особенной чести? все-таки[4] и это саморазоблачение делается только в свою же пользу, чтоб можно было сказать: «я тут не виновата, дело зависело от такого факта, изменить который было не в моей власти».

Но довольно об этом. Если вы имели столько симпатии[5] ко мне, что не пожалели потратить так много времени на ваше длинное письмо, то, конечно, я должна быть уверена, что вам интересно будет узнать, что было со мною после погибели Дмитрия Сергеевича. Вы, конечно, знаете от Рахметова, что я была в отчаянии, прочитав записку, в которой Дмитрий Сергеевич говорил,[6] что «сходит со сцены»; вы, конечно, знаете от него, что я решилась навсегда расстаться с Александром и уехать из Петербурга, что, дав мне помучиться весь день до поздней ночи, Рахметов показал мне записку моего доброго, доброго друга, которая совершенно изменила мои мысли (видите, какая я дипломатка, как осторожны мои выражения, вы должны быть довольны этим), — но уехать из Петербурга все-таки было надобно для достижения того же самого эффекта, для которого Дмитрий Сергеевич не пожалел[7] оставлять меня на страшное мучение в течение целого дня, — как я благодарна ему за эту безжалостность![8] Вы, конечно, знаете также, что Рахметов еще раньше, чем явился сидеть сторожем моего отчаяния, отыскал Александра и сказал ему, что было нужно для его успокоения. Ехать до Москвы мне уж не было надобности, надобно было только удалиться из Петербурга. — Я уехала в Новгород, туда приехал через несколько дней Александр, привез документы о погибели Дмитрия Сергеевича, мы повенчались через неделю после этой погибели, прожили еще с месяц в Новгороде и вчера[9] возвратились в Петербург; вот причина, по которой я так долго не отвечала на ваше письмо: оно лежало[10] в ящике Маши, дожидаясь меня. А вы, вероятно,[11] бог знает чего ни передумали, не получая так долго ответа.

Обнимаю вас, милый друг. Ваша В е р а К и р с а н о в а.

Жму твою руку, мой милый, — только, пожалуйста, уж хоть мне-то ты не пиши комплиментов, — иначе я изолью[12] перед тобою сердце мое целым наводнением превознесений твоего благородства, тошнее чего, конечно, ничего не может для тебя быть. А по правде говоря, не дока-

---

[1] что он готов [2] *Далее было:* такой человек, — понимаете ли вы, мой друг, [3] побуждения [4] *Далее было начато:* к такой же эгоистической цели интереса [6] объявил [7] заставил [8] *Далее было начато:* *а.* до Рахметова *б.* на другое *в.* рано *г.* на другое утро отыскал Рахметов [9] и потом [10] оставалось [11] я думаю, [12] изольюсь

зывает ли присутствие порядочной дозы тупоумия как у меня, так и у тебя в том, что и ты мне, и я тебе пишем лишь по нескольку строк, — что мы на первое время как-то как будто несколько конфузимся в разговоре? Какая пошлость! Впрочем, мне-то, положим, это еще извинительно, — а ты-то с какой стати? В следующий раз, надеюсь, уж буду рассуждать с тобою свободно и напишу тебе здешние новости в подробном размере.[1] Твой Александр Кирсанов.[2]

Переписка эта продолжалась еще три-четыре месяца, деятельно со стороны Кирсановых, довольно небрежно и скудно со стороны их корреспондента. Потом он и вовсе перестал отвечать на их письма. Оставшись пять-шесть раз без ответа, бросили писать и они.[3]

Утро.[4] Муж[5] в своем госпитале. Вера Павловна ждет его к обеду. Она досыта наработалась в этот день: ведь она образует другую мастерскую, в другом конце города. С Лопуховым они жили на Васильевском. Теперь она живет в Сергиевской улице, потому что Кирсанову нужно иметь квартиру ближе к Выборгской стороне.[6] Мерцалова очень хорошо пришлась по той мастерской, которая была основана на Васильевском острове, — да и натурально:[7] — ведь она уж[8] была хорошо знакома с мастерской и сама тоже хорошо знакома ей. Когда Вера Павловна возвратилась в Петербург, она увидела, что если ей и нужно бывать в этой мастерской, то разве изредка,[9] больше только потому, что ее привязанность влечет ее туда и что там ее встречает привязанность, — может быть, на несколько времени еще и не вовсе бесполезны ее посещения: все-таки ведь Мерцалова иногда еще находит нужным предлагать ей вопросы о том или о другом, — но это[10] берет так мало времени, она уж и теперь бывает там больше как любимая гостья, чем как необходимое лицо,[11] а скоро Мерцалова приобретет столько опытности, что вовсе перестанет нуждаться в ней. Чем же заняться? Ясно чем: надобно основать другую мастерскую в другом конце города. — И новая мастерская основывается в одном из переулков, идущих между Бассейною и Сергиевскою. С нею гораздо меньше хлопот, чем с прежнею:[12] ведь основной штат[13] — пять человек — перешел сюда из прежней мастерской, где места их заняты но-

---

[1] в подробном размере. *вписано.* [2] *Далее на полях дата:* 14 февр‹аля› [3] *После:* и они — *было начато:* Четвертый сон Веры Павловны. *а.* И снится Вере Павловне [что она сама] сон: слышит она знакомый прекрасный голос поет: Sein hoher. . . И сладкие речи. . . вот идет она и поет. . . Хорошо ли я пою? Добра ли я? певица ли *б.* [И снится] [Милый мой] И снится Вере Павловне сон *Рядом с наброском:* И снится ∾ сон — *заметка:* в этот день поутру записку, содержание которой таково: не пора ли прекратить ожидание? [4] *а. Начато:* В *б. Начато:* Поздний вечер. Вера Павловна [5] Кирсанов [6] *Далее было:* прежде они жили на Васильевском [7] да и натурально *вписано.* [8] ведь она и раньше [9] *Далее было:* по [люб‹ви›] привязанности [10] ведь это [11] она уж ∾ лицо, *вписано.* [12] *Далее было:* и за нее она уже рада [13] кадр

выми девушками;[1] ведь остальной штат новой мастерской[2] набрался из хороших знакомых тех швей, которые работают[3] в первой мастерской. А это значит, что все уж было более чем наполовину приготовлено: цель и порядок известны всем членам компании, новые девушки прямо и поступили с тем желанием, чтобы введен был[4] с первого же раза тот порядок, которого так медленно достигла первая мастерская. О, теперь дело устройства идет вдесятеро быстрее, чем тогда, и хлопот с ним втрое меньше; но все-таки много работы, и Вера Павловна устала ныне, как устала и вчера,[5] как устает уж два месяца, — (да, только еще два месяца, хотя уж около полугода прошло со времени ее второго замужства: что ж, надобно же было сделать себе свадебный праздник месяца на два по возвращении из Новгорода), — как будет уставать еще месяца три.[6]

Итак, Вера Павловна устала и отдыхает, и думает — о многом, о многом, всего больше о настоящем: оно так хорошо![7] Часто отдаваться воспоминаниям некогда: слишком много в настоящем, воспоминания будут позже, о, гораздо позже, через несколько десятков лет, — но всетаки бывают они изредка и теперь, — вот и ныне ей вспомнилось то, что чаще всего вспоминается в этих нечастых воспоминаниях.

— Миленький мой, я еду с тобою! Я завтра же поеду вслед за тобою,[8] когда ты не хочешь взять меня ныне с собою.

— Подумай. Посмотри. Подожди моего письма. Оно будет завтра же.

Когда она возвращается домой, и сама не знает, что она чувствует,[9] так она потрясена этим быстрым оборотом дела: еще[10] не прошло суток[11] — да, только вот еще через два часа будут сутки после того, как он прочел ее письмо, — и вот, он уже удалился — как это скоро, как это внезапно! В два часа ночи она еще ничего не предвидела, — он выждал, когда она, уж[12] утомленная тревогою того утра, уж не могла долго противиться сну, вошел, сказал несколько слов, — и в этих словах почти все было только непонятное предисловие к тому, что он хотел сказать, — а что хотел он сказать ей, он сказал в таких кратких словах: «я давно не видел своих стариков, съезжу к ним, как они будут рады» — только, и тотчас же ушел. Она бросилась за ним, хоть он и просил ее не делать этого, —где ж он? Маша, еще не успевшая уснуть после гостей,[13] говорит: «Дмитрий Сергеевич ушел гулять». И она должна была лечь спать, и странно, как могла она уснуть? — но ведь она не знала же, что это будет завтра, — ведь он сказал, что они еще успеют переговорить обо всем, — и едва успела проснуться, уж ему пора ехать на железную дорогу. Да, все это только мелькнуло перед ее глазами, как будто это

[1] желающими [2] штат новой мастерской *вписано.* [3] находятся [4] *Далее было:* тот порядок [5] *Далее было:* как устанет и завтра [6] *Далее было начато:* да, три месяца ей уж нельзя было [7] *Далее было:* Но вспоминается [8] *Вместо:* Я ∾ вслед за тобою, — *было:* поеду к тебе, [9] *Далее было:* или уж [10] только [11] двое суток [12] уж едва [13] еще ∾ гостей, *вписано*

не было с нею, будто ей кто-то торопливо рассказывает, что это было с кем-то другим. Только теперь, возвратившись домой с железной дороги, она очнулась и стала думать: что же теперь с нею?

Да, она поедет в Рязань. Поедет. Иначе нельзя ей. Но это письмо? Что будет в этом письме? Нет, что же ждать этого письма для того, чтобы решиться? Она знает, что будет в нем. Но все-таки надобно отложить решение до письма. Да, она поедет. Это думается час, это думается два, это думается три, четыре часа.[1] Но Маша проголодалась и уж в третий раз зовет ее обедать, но в этот раз больше велит ей, чем зовет ее. Что ж, и это рассеяние.[2] Бедная Маша, как я заставила ее проголодаться! — «Да что же вы ждали меня, — вы ‹бы› обедали, пе дожидаясь?» — «Как это можно, Вера Павловна?» [3] И опять думается час, два: «я поеду, — да, завтра же поеду, только дождусь его письма, потому что он просил об этом, но что бы ни было написано там, — да ведь я и знаю, что в нем, — все равно, что бы ни было написано в нем, я поеду». Это думается час и два; — час это думается, но два думается ли это? Нет, хоть и думается все это же, но думаются еще четыре слова, такие маленькие слова: «он не хочет этого». И все больше и больше думаются эти четыре маленьких слова, — и вот уж солнце скоро зайдет, а все думается прежнее, и эти четыре маленьких слова — и вдруг, перед самым тем временем, как опять входит неотвязная Маша и требует, чтобы Вера Павловна пила чай, — перед самым этим временем эти четыре маленьких слова обращаются в четыре [4] других маленьких слова: «и мне не хочется этого». Как хорошо сделала эта неотвязная Маша, что вошла! Она прогнала эти новые четыре маленьких слова.

Но и благодетельная Маша ненадолго отогнала эти маленькие слова. Сначала явилось опровержение им: «но я должна ехать», и в тот же миг опять стали закрываться маленькие четыре слова: «он не хочет этого», и в тот же ‹миг› эти четыре маленьких слова опять выросли в пять маленьких слов: «и мне не хочется этого». И думается это полчаса, и через полчаса эти четыре маленьких слова, эти пять маленьких слов уж начинают переделывать по своей воле ‹*л. 44*› даже прежние слова, даже самые главные, главные, и из двух слов: «я поеду» — вырастают три слова, уже вовсе не такие, хоть и те же самые: [5] «поеду ли я?» вот как растут и превращаются слова, — но вот опять Маша: «я ему, Вера Павловна, уж отдала полтинник, как тут на конверте написано, — это кондуктор принес, который приехал с вечерним поездом; он говорит, что, как обещал, так и сделал: для скорости приехал на извозчике». Письмо от него, да, она знает, что в этом письме: «не езди», но она все-таки поедет, она не послушается, — нет, в письме не то, — вот что в нем, чего нельзя не слушаться: «Я еду в Рязань, но не прямо в Рязань. У меня много завод-

[1] *Далее начато:* Маша [2] *Далее было:* и опять думается [3] *Далее было:* Давайте же обедать вместе. [4] *Так в рукописи.* [5] вырастают ∾ те же самые *вписано.*

ских дел по дороге; кроме Москвы, где по множеству дел мне надобно прожить с неделю,[1] я должен быть еще в двух городах раньше Москвы и в трех после Москвы,[2] прежде чем попаду в Рязань. Сколько времени где я проживу, когда где буду, — не буду определять, потому что в числе других дел есть получения денег[3] с разных наших торговых корреспондентов, а ты знаешь, милый друг мой, что если надобно получить деньги, то часто приходится ждать по нескольку дней там, где рассчитывал пробыть всего несколько часов, и поэтому я решительно не знаю, когда я доберусь до Рязани, но наверное не так скоро».

Он совершенно отнимал у нее[4] возможность схватиться за него, чтоб удержаться подле него.

Что ж ей теперь делать?[5] И прежние слова:[6] «я должна ехать к нему» превращаются[7] в слова: «все-таки я не должна видеться с ним», и этот «он» уж не тот, о котором думалось раньше.[8] Этими словами заменяются все прежние слова, и думается час, и думается два: «я не должна видеться с ним» — и как они, когда они заменились словами: «неужели ж я захочу увидеться с ним? Нет». И когда она засыпает,[9] эти слова: «неужели я увижусь с ним?» едва ли уж не выросли,[10] да, выросли в слова: «неужели же я не увижусь с ним?» И когда на другое утро она просыпается, уж вместо всех прежних слов только все борется одно слово с двумя словами: «увижусь» — «не увижусь» — и то слово, которое побольше, все хочет удержать маленькое слово, так и льнет, так и льнет к нему, так и хватается за него, так и держится его: «не увижусь»;[11] а маленькое слово все отбегает и пропадает, все отбегает и пропадает: «увижусь»; и так идет утро, забыто все, забыто все от этих усилий[12] большого слова удержать подле себя маленькое, — да, и оно удерживает его и зовет на помощь себе другое маленькое слово, чтобы некуда было отбежать этому маленькому: «нет, не увижусь», — да,[13] теперь два слова крепко держат между собою третье, самое маленькое слово, некуда ему отбежать,[14] они сжали его между собою: «нет, не увижусь» — «нет, не увижусь» — «нет, не увижусь»; только что это делает она?[15] Шляпа уж надета, и это она инстинктивно взглянула в зеркало, приглажены ли волоса[16] — да, в зеркале она увидела, что на ней шляпа; и опять[17] из трех слов, которые успели было срастись так твердо, два пропадают, осталось одно, и к нему прибавились новые, совсем новые: «нет возврата». Нет возврата, нет возврата. — Маша, вы не ждите меня обедать; я не буду ныне обедать дома.[18]

---

[1] где по множеству ∾ неделю *вписано.* [2] раньше ∾ Москвы, *вписано.* [3] долгов [4] оставлял ее [5] *Далее начато:* Куда [6] *Далее было начато:* ***а.*** «поеду ли я» ***б.*** я поеду [7] заме‹няются› [8] *Далее было начато:* придет [9] *Далее было:* едва ли [10] едва ли уж не [заменились] превратились [11] *Текст:* то слово ∾ «не увижусь»; *вписан.* [12] стараний [13] *Далее было:* теперь это слово крепко и [14] уйти [15] *Далее начато:* на ней уж [16] *Далее было:* прямо ли, так [17] *Далее было:* три слова: «нет, не так [18] *Против текста:* Нет возврата ∾ дома. — *дата:* 15 февр‹аля›

— Александр Матвеевич еще не изволили возвращаться из гошпиталя, — спокойно говорит Степан,[1] — ведь в ее появлении нет ничего особенного для Степана: пол‹года› назад она так часто бывала здесь.

— Я знаю; все равно, я посижу. Вы не говорите ему, Степан, что я здесь.[2]

Она берет какой-то журнал — да, она может читать и видит, что может читать; да, как только «нет возврата», как только принято решение,[3] она чувствует себя гораздо спокойнее. Конечно, она мало читала — вовсе не читала, — она осмотрела комнату, она стала прибирать[4] ее, будто хозяйка — конечно, мало убирала, вовсе не убирала, но как она спокойна: и может читать, и может заниматься делом, — заметила,[5] что из пепельницы не выброшен пепел, что[6] этот стул остался сдвинут с места. Она сидит и думает: «нет возврата, нет выбора, начинается новая жизнь»,[7] — думает час, думает два: «как он удивится, как[8] он будет счастлив[9] — начинается новая жизнь. Да, как мы счастливы».[10]

Звонок; она немного покраснела и улыбнулась. Шаги, дверь отворяется, — «Вера Павловна»! — он пошатнулся,[11] да, он пошатнулся, он схватился за ручку двери, но она уж[12] подбежала к нему, обняла его. «Милый мой, как он благороден! как я люблю тебя! Я не могла жить без тебя»! —и потом что было? — она не помнит,[13] — только помнит, что она поцаловала его, но как они перешли через комнату — этого она не помнит, — и он не помнит, — да, на несколько секунд у них обоих закружилась голова, потемнело в глазах от этого поцалуя — они очнулись уж через несколько секунд, увидели, что сидят рядом на диване — обнявшись, и снова поцаловались. «Верочка, ангел мой!»[14] — «Друг мой, я не могла жить без тебя; как долго ты любил меня и молчал, как ты благороден, как он благороден, Саша!» — «Скажи же, Верочка, как это было?» — «Я вчера сказала ему, что не могу жить без тебя; на другой день он уж уехал,[15] это было вчера, я хотела ехать за ним; весь день вчера я думала, что поеду за ним, — а теперь, видишь, я у тебя!» — «Но как ты похудела в эти две недели, Верочка, как бледны твои руки!» Он цалует ее руки. «Да, мой милый, это была тяжелая борьба! Теперь я могу ценить, как много страдал ты, чтоб не нарушить моего покоя! Как мог ты так владеть собою, что я ничего не могла видеть? Как много ты должен был страдать!» — «Да, Верочка, это было не легко!» Он цалует ее руки — и

---

[1] *Далее начато:* Нужды нет [2] Вы не говорите ∾ здесь. *вписано.* [3] *Вместо:* принято решение — *было:* решено [4] убирать [5] *Далее было:* какая-то вещь осталась на ст‹оле› [6] *Далее было:* повер‹нут?› угол ковра — надобно [7] *Далее начато:* час [8] как обрадуется [9] *Далее было:* а я? [10] *Далее было:* итак сбылось, как мы счастливы! [11] так сильно пошатнулся, [12] *Далее начато:* обняла [13] *Далее было:* как они поцаловались, сколько раз — на [14] *Далее было:* благодарю тебя [15] *Далее было:* я хотела ехать за ним

вдруг она хохочет: «Ах, как же невнимательна к тебе, — ведь ты устал, ведь ты голоден», — она вырывается[1] от него и бежит. «Куда ты, Верочка?» Но она[2] ничего не отвечает, она уж в кухне и торопливо, весело говорит Степану:[3] «скорее, давайте обед, — на два прибора, — скорее, где тарелки и всё, давайте, — я сама возьму, накрою стол, вы теперь несите. Александр так устал в своем гошпитале». Она идет с тарелками, на тарелках звенят ножи, вилки, ложки, — «ха, ха, ха! мой милый — первая забота влюбленных при первом свидании — поскорее пообедать! Ха, ха, ха!» И он смеется и помогает ей накрыть стол — много помогает, но больше мешает, потому что все целует ее руки[4] — ах, ах, как бледны эти руки! и все целует их, — и они[5] целуются и оба смеются. За столом сидят смирно, не шалят. Степан подает суп, — за обедом она рассказывает ему, как все это было. «Ха, ха, ха! как мы едим, влюбленные!» Входит Степан с другим[6] блюдом. «Степан,[7] кажется, от меня вы останетесь без обеда?» — «Да, Вера Павловна, придется идти прикупить[8] для себя в лавочке». — «Ничего, Степан, вперед вы уже будете знать, что надобно готовить для двоих. Давай мне свою сигарочницу, — она сама обрезывает для него сигару, сама закуривает ее, — кури, мой милый, а я пока пойду готовить[9] кофе — или ты хочешь чаю? чего ты хочешь? Нет, твой обед должен быть лучше, вы с Степаном слишком мало заботились об этом».[10]

Она возвращается через пять минут, — Степан несет за нею чайный прибор, и, возвратившись, она видит, что его сигара погасла́.[11] «Ха, ха, мой милый, как ты замечтался без меня!» И он смеется,[12] они пьют чай. «Кури же, — она снова закуривает сигару и подает ему, — кури же».

И припоминая[13] все это, она и теперь смеется: «как же прозаичен наш роман! — первое свидание — и суп, головы закружились от первого поцалуя — и хороший аппетит! — вот сцена любви![14] — Как все это было забавно![15] Да, как сияли его глаза, — что ж, впрочем, они и теперь так же сияют, — и сколько его слез упало на мои руки, которые были тогда так бледны![16] — Этого теперь уж нет; в самом деле, у меня руки хороши, он говорит правду».

«Я сажусь, хочу разливать чай.[17] — Степан, у вас нет сливок, как же с этим быть? можно ли где достать хороших? да нет, некогда». — «Нет, сударыня, у нас здесь нет хороших сливок».[18] — «Ну, так и быть, но завтра мы устроим это, — кури ж, мой милый, ты все забываешь курить».

---

[1] бежит [2] она уж [3] *Далее начато:* давайте [4] *Далее начато:* бледн‹ые?› [5] и оба они вместе [6] с новым [7] *Далее было:* вам, я думаю [8] купить [9] *Далее было: а.* кофе *б.* чай, *в.* поскорее кофе [10] *Далее было:* Какая в самом деле проза — первое свидание и суп, кружится голова от первого поцалуя и хороший аппетит! [11] *Далее было:* — Он так и остался неподвижен, как она [12] *Далее начато:* да, я [13] передумывая [14] *Далее было:* Вот ро‹ман›, не знаю, найде‹тся› [15] *Далее было:* Нет, не забавно. [16] *Далее было:* нет слез, они уж [17] *Вместо:* Я сажусь ∾ чай — *было:* Мы сидим и пьем чай. [18] *Далее было:* Ну если нет, я буду пить с вином

Еще не допит чай, раздается страшный звон колокольчика, и в комнату влетают два студента, — они в своей торопливости [1] даже и не видят ее — и, запыхавшись и перебивая друг друга: [2] «Александр Матвеевич, интересный субъект! [3] сейчас привезли, скорее! [4] чрезвычайно редкое осложнение!» — бог знает какой-то латинский термин, обозначающий болезнь интересного субъекта. — «Нужна немедленно помощь,[5] каждые полчаса дороги». — «Скорее же, мой милый,[6] спеши!» говорит она; — только тут студенты замечают ее, раскланиваются [7] и уходят с Александром, — сборы его были недолги, потому что он все еще так и оставался в своем военном сюртуке.[8] «Оттуда ты ко мне?» говорит она, прощаясь с ним. «Да». Долго ждет она его вечером — вот и 11 часов, и 12, и час, и два, а его все нет — что это такое? Она, конечно, нисколько не беспокоится, — ведь ничего ж не может случиться, но неужли он так долго задержан больным? Да, он является на другое утро в 9 часов — он до 4 часов оставался в госпитале,[9] случай был очень трудный и очень интересный, — он едва заснул на три часа и поспешил к ней.[10] Она гонит его: «отправляйся назад, сумасшедший, как это можно! Спи! послал бы ко мне Степана сказать, как это было. Отправляйся же, спи, я буду к обеду», — и она прогоняет его.

Как оригинальны два первых свиданья! Но этот второй обед идет уж, как следует: они рассказывают друг другу свои истории, они и смеются, и задумываются, и жалеют друг друга, — каждому из них кажется, что другой страдал больше него...[11] Через полторы недели уж снята маленькая дача на Каменном острове, — ведь Александру нельзя быть слишком далеко от госпиталя, — и они поселяются на ней.

Не очень вспоминала Вера Павловна прошлое[12] своей теперешней любви, — ведь в настоящем так много жизни, что не очень много [13] места остается для воспоминаний. Но когда она вспоминала, то иногда, — сначала[14] это было редкое, слабое, мимолетное чувство, потом развилось до очень заметной силы, — она была почему-то недовольна собою в этой истории: чем именно недовольна, это долго оставалось для нее совершенно смутным. Но она вдумывалась, вдумывалась, и ей стало казаться, что причина недовольства относится не к одному прошедшему, что она и теперь чем-то недовольна в себе.

---

[1] *Вместо:* в своей торопливости — *было:* запыхавшись и ничего не замечая [2] и запыхавшись ∾ друг друга *вписано.* [3] *Далее было:* говорит запыхавшись один [4] *Далее начато:* нуж‹на› [5] *Далее было:* спешит прибавить первый, — скорее [6] *Далее было: а.* гонит *б.* говорит [7] и раскланиваются [8] *Вместо:* в своем ∾ сюртуке. — *было: а.* в своем му‹ндире› *б.* в своем военном мундире [9] *Далее было:* едва успел заснуть на часо‹к› [10] *Далее было:* всего на полчаса, потому что ему кажется надобно поскорее обойти [11] *Далее было:* Через полторы недели они [12] свое прошлое [13] *Вместо:* не очень много — *было:* мало [14] сначала мимолетно

— Скажи, мой милый, правду, — ты медик, ты физиолог, ты натуралист: как ты думаешь, должна быть разница в характере чувств между мужчиною и женщиною?

— Это один из множества таких вопросов, на которые[1] сама наука еще не отвечает, отвечают только ученые; один говорит «да», другой говорит «нет».[2]

— Ну, конечно, все говорят: «да», — все, кроме очень немногих, которые обо всем говорят не то, что все. Ты говоришь: «нет»? Я не говорила об этом с Дмитрием, — ведь мы вообще за четыре года меньше с ним говорили, чем с тобою в эти полгода, — хотя и с ним мы много говорили, то есть почти все я одна говорила, — ты говоришь «нет»?

— Да, я говорю «нет», но я ручаюсь[3] только за то, что я так думаю и что я могу опровергнуть все возражения против этого; а за то, что это действительно полная истина, я не ручаюсь.[4]

— Но все-таки ты говоришь «нет»?

— Нет, я тебе не скажу, что я думаю, это обидно для нас, мужчин.

— Знаю, ты уж говорил это, — что организация женщины совершеннее и что, очень вероятно, женщина оттеснит мужчину на второй план в высших отраслях жизни, когда исчезнет господство грубого насилия,[5] которое теперь не дает женщине ни таких средств развития, ни таких мотивов для стремления к развитию, какие имеет мужчина. Я сама так думаю, мой милый, — но это время еще так далеко́ от нас, что мужчинам[6] еще рано обижаться. Но я <поставлю> вопрос и более частный: как ты думаешь, должны ли чувства иметь больше власти над женщиною, чем над мужчиною?

— Ведь и об этом нельзя сказать[7] ничего положительно несомненного[8] при нынешнем состоянии знания. Но мне кажется скорее наоборот. Размер силы женского организма много меньше,[9] но крепость женского организма больше. Это доказывается уж одним тем, что продолжительность средней жизни у женщин больше, чем у мужчин, несмотря даже на то,[10] что нынешний образ жизни гораздо менее здоров. Насколько я могу судить, женский организм энергичнее выдерживает впечатления, — о метеорологических влияниях погоды, климата,[11] не совсем удовлетворительной пищи это, кажется, можно сказать поло-

---

[1] на которые точно [2] *Далее было:* это все смотря чью сторону берет наука [3] я уверен [4] *Далее было:* Конечно, мой милый; полная истина то, что кровь обращается в жилах, что от движения зависит то, что бьется сердце [а пожалуй и то, что сердце бьется], а отчего бьется сердце, отчего нервы заставляют беспрестанно сжиматься и разжиматься его мускулы — ведь об этом существуют только мнения, а полной истины еще не известно. [Я знаю, что так и тут] [5] *Далее было:* и когда женщина [6] вам [7] нельзя сказать *вписано.* [8] *Далее начато:* нельзя сказать [9] *В рукописи ошибочно:* больше [10] несмотря даже на то *вписано.* [11] *Далее было:* всего того

жительно, — ведь это,[1] вероятно, прямо доказывается тем, что средняя продолжительность женской жизни больше; но из этого, по моему мнению, выходит слишком сильная вероятность того, что он должен легче выносить и нервные[2] впечатления, потрясающие внутреннюю жизнь.

— Да, мне кажется, что это должно быть так. Отчего это не так?

— Обычай, дурная привычка, — то, почему разбитая армия бежит, хотя если она вздумала бы остановиться, то ведь она остановила бы неприятеля.

— То, почему мы способны вязать чулки и не способны читать по-гречески, хотя выучиться по-гречески[3] вовсе не труднее, чем выучиться играть[4] на фортепьяно, и хотя греческая грамматика не должна быть скучнее штопанья старых чулок, заниматься которым доставало же терпенья у старухи-мещанки, нашей хозяйки на Васильевском острове, — помнишь? ведь мы на той квартире были дружны. ‹*л. 44 об.*› Нам толкуют: женщины слабы, женщины слабы, — вот и втолковали нам, чтоб мы считали себя слабыми, — а это очень много значит, как думаешь о себе, чего ждешь от себя.

— Конечно, все равно как в средние века пехота воображала о себе, что она не может устоять против конницы, — и действительно никогда не могла устоять, и целые армии пехоты разгонялись, как овцы, какими-нибудь несколькими сотнями всадников, до той поры, когда пришли английские пехотинцы из гордых мелких самостоятельных земледельцев, у которых была собственная земля, которые никому не привыкли уступать место без боя; как только пришли эти люди, у которых не было мысли, что они должны бежать перед конным рыцарством,[5] — рыцарская конница и была разбиваема[6] ими каждый раз, как встречалась с ними: бежала от них и при Кресси, и при Пуатье, и при Азенкуре; и та же самая история повторилась, когда швейцарские мужики вздумали, что нет им никакого основания считать себя слабее рыцарей: тысячи рыцарей стали терпеть поражения от сотен их каждый раз, как встречались с ними. Тогда все и увидели: а ведь пехота-то крепче конницы в сражениях, — и на самом деле она крепче, а ведь прошли ж целые века, когда показывалась крепче только потому, что пехота считала себя слабою.

— Да, Саша, это так. Мы слабы оттого, что считаем себя слабыми.

Вера Павловна думает и думает;[7] теперь она уж знает, за что она недовольна собою в истории своей любви к Саше; она думает о том, отчего происходит в ней то, чем она недовольна, — оттого ли только, что она уж и думала, или есть еще другая причина. Но теперь она, как и он, ведь любит думать вместе, — о чем думает он, думает вместе

---

[1] *Далее было:* прямо доходит до [2] он должен ∞ нервные *вписано.* [3] *Вместо:* выучиться по-гречески — *было:* греческий язык [4] *Вместо:* выучиться играть — *было:* игра [5] *Вместо:* конным рыцарством, — *было начато:* перед св‹оими› знатными [ко‹нными›] всадниками [6] *Далее было:* сотнями [7] *Далее было:* и чем больше думает она

с нею, о чем думает она, думает вместе с ним, — и вот через неделю, через полторы новый разговор.[1]

— Мой милый, я нашла себе ответ на то, о чем стану тебя спрашивать. Но все-таки ты отвечай мне. Может быть, ты увидишь новую сторону в деле, если я не заставлю[2] тебя своим рассказом смотреть[3] только на ту же, которая видна мне. Скажи, мой милый, я тогда много переменилась в две недели, как ты не видел меня? Как ты нашел меня, когда увидел меня у себя? Ты сказал, что мои руки бледны.[4] В самом деле перемена была очень заметна?

— Да,[5] не видя тебя тогда две недели, я удивился тому, как ты похудела.[6]

— А ведь любил меня очень сильно, отчего же борьба не отразилась на тебе такими явными признаками? Ведь никто не видел, чтобы ты худел, бледнел в это время и в те месяцы, как стал расходиться со мною, — отчего же ты переносил ее так легко?

— Как тебе сказать, — я не думал об этом, но[7] ведь на это готов ответ в моем образе жизни, в том, как проходило мое время:[8] мне было некогда слишком много заниматься этою борьбою. Все время, когда я обращал на нее внимание, я страдал[9] очень сильно. Но ведь на это у меня оставалось лишь[10] менее половины времени, — в остальное время я не мог думать об этом, — ежедневная необходимость заставляла меня отдавать время моим делам. Надобно было заниматься больными, готовиться к лекциям — в это время я поневоле отдыхал от своих мыслей.[11]

— Этим достаточно объясняется то, что силы твои не ослабевали — так чувствовал это?

— Да; когда[12] у меня изредка случались дни, в которые оставалось у меня[13] много свободных часов, или когда[14] мне было очень тяжело выносить эти дни, я чувствовал, что силы изменяют мне. Мне казалось, если б на неделю оставили меня на волю моих мыслей, я сошел бы с ума.

— Так, Саша,[15] и мне кажется, что в этом весь секрет. Нужно такое дело, от которого нельзя отвязаться, которое нельзя отложить, — тогда только можно будет выносить такие мысли.[16]

---

[1] *После фразы:* Но теперь она ∾ разговор. — *дата:* 16 февр‹аля› [2] не расскажу [3] видеть [4] *Далее было:* очень похудела. Когда я тебя увидел, я был поражен. [5] *Далее было:* в самом деле, я был тогда [6] *Далее было:* А как ты думаешь, Саша, много сильнее любила я тебя [чем ты меня] — Как тебе сказать это? Наверно нельзя любить сильнее, ‹*2 нрзб.*› равенства в неизвестном вопросе, но разобрать трудновато. — Ведь я любил тебя очень сильно, если не мог во все эти четыре года ‹*не закончено*› [7] но ты спрашиваешь [8] в моем ∾ время *вписано.* [9] чувствовал [10] *Вместо:* оставалось лишь — *было:* было только [11] *Далее было начато:* а. Так б. Ты думаешь, что [12] если [13] *Вместо:* оставалось у меня — *было:* я мог [14] *Далее было:* я не мог одолевать своих мыслей [15] Так, мой милый [16] твердо выносить свои мысли.

— Но ведь у тебя есть дела?

— Ах, мой милый, какие ж это неотступные дела? Я занимаюсь ими тогда, когда хочу, сколько хочу; когда мне вздумается, я могу[1] или очень сократить, или вовсе отложить их; чтоб заниматься ими в такое время, когда мысли расстроены, нужно новое усилие воли; только оно заставляет заниматься ими, нет опоры в необходимости. Например, я занимаюсь хозяйством, но я трачу на это лишь по своей охоте девять десятых того времени, которое употребляю на него;[2] при порядочной прислуге разве не пойдет почти все так же, хотя б гораздо меньше занималась сама? И кому это нужно, чтоб с большею тратою времени немного лучше пошло, чем шло с меньшей тратою? Тоже на это только моя охота. Когда мысли спокойны, можно заниматься этими вещами, когда мысли расстроены, бросаешь их, потому что без них можно обойтись. Ведь для важного дела бросаешь менее важное. Как только чувства разыгрываются сильно, приобретают важность, они и вытесняют эти мысли. У меня есть уроки — это уж важнее, их я не могла бросить, — но это[3] все не то: я внимательна к ним только когда хочу; если я и мало думаю во время урока, все-таки выходит лишь очень немногим хуже, потому что преподаванье легко, — я могу вести его,[4] почти не думая о нем, и оно идет почти все так же. И потом, разве я в самом деле живу уроками? Разве от них зависит мое положение в обществе, они доставляют главные средства к тому образу жизни, который я веду? Нет, эти средства все-таки раньше доставляла мне работа Дмитрия, теперь твоя. Опять выходит, что это только моя охота, а не необходимость.[5] Дело не имеет для меня, говоря серьезно, такой важности, чтоб из-за него я могла забывать что-нибудь очень важное для меня. Я пробовала[6] выгнать из своей головы мучившие меня мысли, занявшись мастерской гораздо больше прежнего, но и тут опять я чувствовала, что делаю это[7] только по усилию одной своей воли, что мое присутствие в мастерской нужно на час—на полтора, а если я остаюсь в ней дольше, я уж беру на[8] себя искусственное занятие, что оно, конечно, полезно, но вовсе не необходимо для дела, — и потом, и это дело — разве оно может служить слишком важною опорою?[9] Даже то время, которого оно необходимо требует от меня, — разве это время отдается мною ему по необходимости для меня? это дело — не мое дело,[10] а чужое; я занимаюсь им не для себя, а для других, — пожалуй, и для моих убеждений, — но разве человеку до других, когда ему самому очень тяжело? Разве его занимают его убеждения, когда его мучат чувства? Нет, нужно лично необходимое дело, дело, от которого зависела бы соб-

---

[1] *Далее было начато:* отложить их, нужно дело, которое раньше [2] *Далее было:* разве же заботы [3] но это занятие только машинальное [4] *Далее было:* спустя рукава [5] *Далее было:* Я пробовала, да не [6] пробовала заниматься [7] *Далее было:* по своей [8] я уж беру на *вписано.* [9] *Далее начато:* Я занимаюсь [10] *Далее было:* я занимаюсь

ственная жизнь, — такое дело, которое лично для меня,[1] для моего образа жизни, для моих средств к жизни, вообще для моего положения в жизни, для всей моей судьбы было бы важнее всех моих увлечений страстью,[2] — только такое дело может служить опорою в борьбе со страстью, только оно не вытесняется из головы мыслями о страсти, а само заглушает их, дает отдых. Так я думаю, мой милый. Я должна найти себе такое дело.

— Почему ж ты видишь в этом надобность, — сказал шутя Кирсанов, — разве ты собираешься влюбиться в кого?

Вера Павловна расхохоталась.

— Нет, теперь я чувствую, что этого уж не может быть, — мы с тобою сошлись настолько хорошо, что[3] во мне нет потребности чего-нибудь иного, — ведь и тебя я полюбила тогда,[4] когда развилась во мне новая потребность, которой не было раньше,[5] — то, что я чувствовала к Дмитрию, не было любовью женщины. И знаешь ли, что мне кажется, мой милый: он не любил меня в том смысле, какой имеет это слово для нас с тобою. Его чувство ко мне было соединением очень сильной привязанности ко мне как другу с минутными порывами страсти ко мне как женщине; дружбу он имел ко мне, лично ко мне, — а эти порывы искали только женщины; ко мне, лично ко мне они имели мало отношения. И потом, разве он много занимался мыслями обо мне? Нет, они не были занимательны для него. Да,[6] с его стороны, как с моей, в нашей жизни с ним не было настоящей любви.

— Ты несправедлива к нему, Верочка.

— Нет, мой друг, это так. В разговоре между мною и тобою напрасно хвалить его — мы оба знаем, как высоко мы думаем о нем, и что бы мы там ни говорили, а мы[7] очень хорошо помним,[8] что всем своим счастьем обязаны его благородству, и что бы там ни говорил он, что оно было ему легко, мы знаем, что нет; ведь и ты, пожалуй, говоришь, что тебе было легко бороться с твоей страстью, — все это хорошо,[9] но ведь уж не в буквальном же смысле справедливы такие резкие уверения — и тебе было очень тяжело бороться с твоим чувством, и ему было очень тяжело[10] отказываться от своих отношений ко мне. Зачем мне говорить перед тобою, как я ценю его чувство ко мне? Если б я не умела ценить его, я не умела б ценить и той борьбы, которую ты вел с собою, чтоб не нарушить[11] моего спокойствия, — но, мой друг, он не имел ко мне того чувства, которое есть любовь для меня и для тебя. У него другая натура. То, что он чувствовал ко мне, для его натуры,

---

[1] *Далее было:* было бы важным для моей судьбы [2] *Вместо:* увлечений страстью — *было:* личных чувств [3] что эта потребность [4] *Вместо:* ведь ∾ тогда — *было:* ведь и в тебя я влюбилась, когда во мне развилась новая [5] *Далее было:* знаешь ли, что мне кажется [мой милый], Саша [6] Да, с моей стороны [7] а мы чувствуем, что всем [8] знаем [9] совершенно справедливо, только [10] трудно [11] которую ∾ не нарушить *вписано.*

точно, любовь; но для меня и для тебя это еще не любовь. Но ты спрашиваешь меня, Саша, зачем мне нужно дело, от которого серьезно зависела бы моя жизнь, которым я так же дорожила бы, как ты своим, которое было бы так же неотступно, так же требовало бы моего внимания, как твое от тебя? Это, мой милый, потому, что я очень горда. Меня давно тяготило и стыдило воспоминание, что борьба с чувством отразилась на мне так заметно, была так невыносима для меня, — ты знаешь, я не о том говорю, что она была тяжела, — ведь и твоя для тебя была не легка, ведь зависит от силы чувства, и теперь мне не жаль, что она была тяжела; это значило бы жалеть, что чувство было сильно, — нет, но зачем против этой силы не было у меня такой твердой опоры, как у тебя? я давно думала об этом, — отчего это недовольство собою и в чем искать ограждения[1] для своей гордости, — и я нашла это, и надобно только выбрать себе дело. Я подумаю еще несколько времени о выборе, — он уж почти сделан, — однако надобно еще обдумать,[2] — и, если я решусь на то, на что думаю решиться, мне нужно будет твое содействие, Саша.[3]

Да, теперь было уж не то, что прежде: прежде Вера Павловна была только свободна.[4] Лопухов ни в чем не стеснял ее, да и она его, и только. Нет, было и больше.[5] Она была вполне уверена, что в каком бы случае ни понадобилось ей опереться на его руку, рука эта в ее распоряжении.[6] Но — только в важных случаях, в критические минуты.[7] В важных случаях эта рука была так же надежна, как рука Кирсанова, но вообще она была от нее далеко.[8] Вера Павловна устроивала мастерскую. Если б ей понадобилась его помощь в чем-нибудь, он с радостью сделал бы все, что нужно, — но почему ж он почти ничего не делал? Он только не мешал, он одобрял и радовался, но она не требовала его помощи, и он оставлял ее одну.[9] У него была своя жизнь, у нее своя; в чем было нужно, они могли вполне рассчитывать друг на друга, — но их мысли не сливались постоянно. Теперь было не то. Она видела, Кирсанов не ждал надобности, чтоб делать для нее все, что нужно, — он был заинтересован во всей обыденной ее жизни,[10] как и она во всей его жизни. Это совершенно не то отношение, и потому она видела теперь у себя новые средства к деятельности, которых не было у нее раньше. Эта рука подавалась ей, и теперь она могла думать

---

[1] гарантии [2] *Далее начато:* а. тогда я б. мне нужно [3] *К концу этой фразы отнесена помета:* Перечитывал 10 март<а> [4] *Вместо:* Вера Павловна ∾ свободна. — *было:* у Веры Павловны были только развязаны руки, она была свободна. [5] *Далее было:* В самом важном деле, она каждую минуту [6] *Вместо:* в ее распоряжении — *было:* протянется с радостью. [7] *Далее было:* она могла ждать от него опоры [8] *Далее было:* Отношение Веры Павловны к такому [9] *Далее было:* Теперь было не то. Он не Кирсанов. [10] *Вместо:* был заинтересован ∾ жизни, — *было:* он интересовался всей ее жизнью,

идти вперед, на дорогу, о которой раньше и не думалось ей.[1] Вот одно из размышлений Веры Павловны:[2]

«Нам формально[3] закрыты почти все пути гражданской жизни. Нам на деле закрыты очень многие[4] даже из тех путей общественной деятельности, которые не загорожены от нас формальными препятствиями.[5] Из всех сфер жизни нам оставлено тесниться только в одной сфере семейной жизни. Быть[6] членом семьи, и только — кроме этого занятия открыто нам почти только одно[7] — быть гувернантками, да еще разве давать какие-нибудь уроки, которых не захотят отнять у нас мужчины.[8] Нам тесно на этой единственной дороге, мы мешаем друг другу, потому что слишком толпимся на ней; она почти не может давать нам самостоятельности, потому что нас, предлагающих свои услуги, слишком много, ни одна из нас никому не нужна, — все потому, что нас так много.[9] Кто станет дорожить гувернанткою? Только скажите слово, что вы хотите иметь гувернантку, — сбегутся десятки и сотни нас перебивать одна у другой это место. Нет, пока женщины не станут стараться о том, чтоб разойтись на много дорог, они не будут иметь самостоятельности. Конечно, пробиваться на новую дорогу тяжело, но мое положение в этом отношении особенно выгодно. Мне стыдно было бы не воспользоваться им. Мы не приготовлены к серьезным занятиям; я не знаю, до какой степени нужно иметь руководителя в том, чтоб готовиться к ним; но[10] до какой бы степени ни понадобилась[11] мне его ежедневная помощь, он тут, со мною, это не будет обременением ему, это будет ему так же приятно, как мне.

Нам закрыты обычаем пути[12] независимой деятельности, которые не закрыты законами. Но из этих, закрытых только обычаем, я могу вступить на какой хочу, если только решусь выдержать первое противодействие обычая. Один из них слишком много ближе ко мне. Мой муж медик,[13] — он отдает мне все время, которое у него свободно; с таким мужем мне легко попытаться, не могу ли я стать медиком. Было бы очень важно, если б явились наконец женщины-медики. Это было бы очень полезно для всех женщин, — женщине с женщиной все-таки легче говорить, чем с мужчиной. Сколько предотвращалось бы тогда не-

---

[1] Эта рука ∾ ей. — *вписано.* [2] *Вместо:* Вот ∾ Веры Павловны — *было начато:* Вера Павловна думает вот [3] формально *вписано.* [4] многие из тех [5] *Далее начато:* Мы имеем [6] Кроме того быть [7] *Вместо:* и только ∾ одно — *было:* кроме того [что нам] какие другие занятия открыты нам? Почти только те, которых мужчины не берут на себя, потому что эти занятия превращают человека в подчиненного члена чужой семьи, да еще потому, что мужчинам неприлично и просто нельзя з‹аниматься› [8] *Вместо:* которых ∾ мужчины. — *было:* которые не годятся для мужчин, как *После:* мужчины. — *было:* Что еще? — Быть актрисами — и только. [9] *Вместо:* все ∾ много — *было:* вместо нас готовы десятки других [10] но у меня [11] ни потребовалось [12] все пути [13] *Далее было:* мне легко заняться медициною

счастий, которые происходят только оттого, что нет для женщин медиков-женщин».

Вера Павловна кончила разговор с мужем тем, что она возобновит его, когда совершенно обдумает дело.[1] Но это было только остатком прежней привычки думать обо всем одной, делать все по возможности одной, — эта привычка вовсе уж не шла к ее отношениям с ее Сашей, и, вместо того чтоб молчать еще несколько дней, она на следующее утро сказала ему, что поедет с ним в гошпиталь, если это можно, потому что хочет испытать свои нервы — может ли она видеть кровь, будет ли она в состоянии заниматься анатомиею. При его помощи в гошпитале это, конечно, не представило никакого затруднения.

Не совестясь нисколько,[2] я уж очень много компрометировал Веру Павловну относительно поэтичности: я нимало не скрывал того, что она каждый день обедала, и вообще с аппетитом, а кроме того, по два раза в день пила чай. Но теперь я дошел до такого обстоятельства, что[3] на меня самого нападает робость, и[4] думаю я: не лучше ли было бы скрыть эту вещь? Что подумают о женщине, которая в состоянии заниматься медициною? Как должны быть грубы нервы, как черства душа у нее! Но сообразив, что ведь я и не показываю своих действующих лиц идеалами совершенства, я успокоиваюсь; пусть судят, как хотят, о грубости натуры Веры Павловны:[5] мне какое дело?[6] груба, так груба.[7] Поэтому я хладнокровно говорю, что она нашла очень большую разницу между праздным смотрением на вещи и деятельной работою над ними для пользы себе и другим. Я помню, как я испугался, двенадцатилетний ребенок, когда меня в первый раз разбудил слишком сильный шум пожарной тревоги: все небо пламенело, раскаленное,[8] по всему городу — большому провинциальному городу — валит густой дым, летят головни; по всему городу страшный гвалт, беготня, крик, — я дрожу как в лихорадке; по счастью, я успел убежать[9] на пожар, пользуясь тем, что все домашние были в суматохе.[10] Пожар был вдоль[11] набережной (то есть просто берега, потому что набережная какая же?); берег весь был установлен[12] дровами и лубочным товаром; такие же мальчишки, как я, разбирали и оттаскивали все это подальше от горевших домов;[13] принялся и я, — куда девался весь страх? работал очень усердно,[14] пока

---

[1] *Далее было:* потому что на это ей нужно еще несколько дней [2] Не совестясь нисколько, *вписано.* [3] *Далее было:* *а.* мне делается *б.* на меня уж [4] *Далее было:* мучимый раскаянием [5] моей Веры Павловны [6] *Далее начато:* Я не ручался, что [7] груба так груба. *вписано.* [8] *Далее было:* весь город горел, большой провинциальный город, вдали страшный [9] *Вместо:* я успел убежать — *было:* мне удалось скрыться, пол‹ьзуясь› [10] в тревоге. [11] близ [12] *Далее было:* поленницами, (помещенными ‹?› пятериками) [13] *Вместо:* от горевших домов: — *было:* из-под ветра [14] *Далее было*: до изнурения, всю ночь

сказали нам: «довольно, опасность прошла». С той поры я уж и знал, что если страшно от сильного пожара, то надобно бежать и работать, — и вовсе не будет страшно.[1] Кто работает, тому некогда ни пугаться, ни чувствовать отвращение или брезгливость.

Итак, Вера Павловна занялась медициною — и в этом новом у нас деле[2] была[3] одною из первых женщин, которых я знал. Она занялась медициною и после этого действительно стала чувствовать себя другим человеком — у нее была мысль: «через несколько лет я буду уже действительно сто́ять в жизни на своих ногах», — это великая мысль. Это великое счастье. Бедные женщины, как немногие из вас имеют это счастье! Да, полного счастья нет ‹без› полной самостоятельности. Есть десятки людей, которых я настолько уважаю, что не моргну глазом, если голова моя может слететь с плеч от одного слова кого-нибудь из них — и если всех их будут пытать как угодно, чтоб они сказали это слово; есть из них несколько человек, которых я так уважаю, что, по правде сказать, не пожалею своей головы для спасения головы кого-нибудь из них, хотя мне голова моя очень дорога. Но если б я был хоть в малейшей зависимости от кого-нибудь из них, мне опротивела бы жизнь.[4] ‹*л. 45*›

И вот проходит полгода, и пройдет еще полгода, и еще год,[5] и два, и много лет[6] все так же будут идти дни Веры Павловны, как идут через полгода после свадьбы с Кирсановым,[7] — то есть они будут идти так же, если не случится ничего особенного, — кто знает, что принесет будущее?[8] Но до той поры, как я пишу это, ничего такого не случилось, и они идут так же. Как же они шли тогда, через полгода после замужства?

После той страшно компрометирующей вещи, что Вера Павловна вздумала и нашла себя способной заниматься медициною, мне уже легко говорить обо всем остальном — все остальное уж не может так ужасно повредить Вере Павловне во мнении публики. И я опять должен сказать, что по-прежнему три грани ее дня составляют: чай утром,[9] обед и вечерний чай; да, она сохранила непоэтическое свойство[10] каждый день хотеть[11] два раза пить чай и обедать — и все другие свойства

---

[1] *Далее было начато:* То же самое, если всякие неприятности, или тяжелое чувство при виде чего-нибудь [2] *Далее было начато: а.* рассчитывала держать экзамен *б.* с половины она только *в.* она [рассчитывала] готовилась [кончить] держать экзамен года через три после того, как занялась медициною, занялась серьезно. [3] была и тут [4] *Рядом с текстом:* Не совестясь нисколько ∞ жизнь — *на полях набросок, относящийся к последующему тексту* (*см. стр. 670*) [5] и год [6] *Далее было:* и еще много лет — если не случится, — [7] через полгода ∞ с Кирсановым, *вписано.* [8] кто знает ∞ будущее? *вписано.* [9] утром чай, [10] *Вместо:* непоэтическое свойство — *было: а.* привычку *б. Начато:* низкое [11] *Вместо:* каждый день хотеть — *было: а.* каждый день обедать и два раза *б.* каждый день хотеть обедать и

непоэтического и неизящного, и нехорошего[1] тона свойства сохранила она.

И многое другое осталось по-прежнему в это[2] новое, спокойное время ее жизни, как было в прежнее спокойное время. Осталось и разделение комнат на нейтральные и не-нейтральные, осталось и правило не входить в не-нейтральные комнаты друг к другу без разрешения, осталось и правило не повторять вопроса, если на первый вопрос промолчали или отвечали: «не спрашивай»;[3] и осталось правило быть довольным таким ответом, не думать о том, почему не отвечают; осталось[4] это правило и это довольство, потому что осталась уверенность, что если б стоило отвечать,[5] то и не понадобилось бы спрашивать, — все было давно сказано без всякого вопроса, и в том, о чем молчат, наверное нет ничего любопытного. Да, все это осталось, как было в прежнее спокойное время, только в нынешнее, новое спокойное время все это несколько изменилось[6] — или, пожалуй, и вовсе не изменилось, но выходит все-таки не совсем так.

Например, нейтральные и не-нейтральные комнаты строго различаются, — но, во-первых,[7] у него и у нее очень часто бывает охота испрашивать себе допуск в чужую комнату; во-вторых, гораздо меньшая часть времени проводится в нейтральных комнатах. Права уединения уважаются с прежнею строгостью; но прежде уединение было правилом; время, проводимое вместе, было только перерывом этого правила. Теперь — наоборот.[8] Прежние вещи, страшно компрометирующие поэтичность[9] моего рассказа, в котором занимают такое важное место чай и обед, продолжают[10] быть основанием для времени, проводимого вместе; но время это вообще так раздвигается, что вещи, служащие ему основанием, занимают уж только небольшую часть его; после утреннего чаю и перед обедом почти каждый день является и другое основание проводить много времени вместе: Кирсанов помогает жене готовиться к деятельности медика.[11] Он ее репетитор по занятиям медициною, он облегчает ей[12] изучение некоторых предметов гимназического курса, которые также нужны для экзамена: без него ей было бы скучно заниматься латинским языком, математикою,[13] — конечно,[14] заниматься ими только слегка, очень слегка, ведь для экзамена требуется очень мало.[15] Я не ру-

---

[1] *Вместо:* нехорошего — *было: а. Начато:* неблагор‹одного› *б.* несветского [2] как было это [3] *Вместо:* если ∾ «не спрашивай»; — *было:* если один не отвечал на него с первого раза или отвечал, что [не лучше] [нет, мне нет] у меня нет желания отвечать [4] и осталось [5] *Далее было:* то не надо дожидаться вопроса [6] смягчилось [7] *Далее было:* чужая комната [8] *Далее было:* [кроме времени] Частым временем, проводимым вместе, служат по-прежнему все те же [страшные] компрометирующие, подрывающие [9] Прежние ∾ поэтичность *вписано.* [10] служат [11] *Вместо:* готовиться ∾ медика — *было: а. Начато:* го‹товиться› *б.* в ее занятиях медициною [12] *Далее было:* скучноватое приготовленье [13] латинским языком, математикою, *вписано.* [14] конечно, только [15] *Далее было:* — латинский язык, математика

чаюсь, что Вера Павловна когда-нибудь достигнет или желает достигнуть, например, в латинском языке такого совершенства, чтоб перевести хоть две строки из Корнелия Непота, но[1] фразы, попадающиеся в медицинских книгах, она скоро будет уметь, потому что это надобное для нее знание, но очень нетрудное знание. Нет, однако же, довольно об этом: я чувствую, что слишком компрометирую Веру Павловну, — проницательный читатель, пожалуй, уж отгадал, что она... она синий чулок, даже крайне синий чулок. — «Терпеть не могу, глуп и скучен синий чулок!» — ревет проницательный читатель.[2]

Как мы с проницательным читателем привязались друг к другу! Он меня раз обругал непристойными словами, я его два раза выгнал в шею, а все-таки мы не можем не обмениваться[3] с ним нашими задушевными мыслями: тайное влечение сердец, что вы прикажете делать?

— О, проницательный читатель,[4] синий чулок подлинно глуп и скучен, и нет возможности терпеть его,[5] ты отгадал, — да не отгадал, кто синий чулок.[6] Вот ты сейчас это увидишь, как в зеркале.[7] Синий чулок[8] с бессмысленною аффектациею самодовольно толкует о литературных или ученых вещах, в которых ни аза в глаза не смыслит; толкует не потому, что в самом деле заинтересован ими, а для того, чтоб щегольнуть своим умом (которого у него не случилось получить от природы) и образованностью[9] (которой в нем столько же, как в попугае), — видишь, чья это грубая образина или прилизанная фигура в зеркале? Твоя, приятель,[10] да какую длинную бороду ты ни отпускай или как тщательно ни выбривай ее и каким густым басом ни говори, все-таки ты несомненно и неоспоримо подлиннейший синий чулок, поэтому-то я гонял тебя два раза в шею только потому, что терпеть не могу синих чулков, которых между нашим братом — мужчинами по крайней мере в десять раз больше, чем между женщинами. Кто с дельною целью занимается каким-нибудь делом, какое бы это дело ни было и в каком бы платье, мужском или женском, ни ходил этот человек, — это человек — просто человек, занимающийся этим делом, и больше ничего.[11]

Вера Павловна много времени работает[12] по своему[13] приготовлению в медики, муж во всем помогает, но это не значит, чтоб содействие ей отнимало у него много времени. Если мы когда-нибудь жалуемся, что чье-нибудь дело отнимает у нас много времени, это значит одно из двух:

---

[1] *Далее начато:* медиц‹инские› [2] *Фраза* — «Терпеть ∾ читатель. — *вписана.* [3] не меняться [4] *Далее начато:* ты ре‹шил?› [5] подлинно ∾ его, *вписано.* [6] *Далее было:* синий чулок, приятель, это ты, хотя ты и носишь бороду [7] Вот ∾ в зеркале. *вписано.* [8] *Далее было:* толкует с бестолков‹ою?› [9] *Далее было:* до которой он, однако, [10] толку ∾ приятель, *вписано.* [11] *Вместо:* Кто с дельною целью ∾ ничего. — *было:* Кто с дельною и честною целью работает над чем-нибудь, тот ни в каком случае не занимается чем-нибудь, тот просто человек, занимающийся этим делом, и больше ничего. [12] *Вместо:* работает — *было: а.* занята за работою для *б.* занята, но оставляет [13] над своим

или мы занимаемся этим делом[1] без охоты,[2] по принуждению, или занимаемся им бестолково (в таком случае мы так же бестолково занимаемся и своими делами — уж не оттого, чье дело, наше или чужое, а от устройства нашей головы). На самом деле чужое дело служит отдыхом от своего, а всякому человеку[3] для хорошего занятия делом в часы работы нужно так много отдыха, что[4] рассудительная наклонность передавать другим, сколько б времени ни брала у нас, никогда не будет[5] в убыток нашей работе.[6]

Разница нынешнего от прежнего, пожалуй, вся только в том, что[7] с Лопуховым они[8] проводили время врозь, насколько могут проводить врозь время те, кто живет[9] и прекрасно живет вместе; со вторым мужем они проводят время вместе, насколько можно,[10] не стесняя друг друга, не мешая друг другу, проводить время вместе людям, из которых у каждого много, очень много работы. Но от этого все содержание внутренней жизни Веры Павловны, конечно, уж не то.[11]

Просыпаясь, она, по обыкновению, долго нежится в своей постельке и думает, и не думает, и дремлет, и не дремлет, — но, кроме предметов думанья, есть два новых: приятная мысль о занятии,[12] которое даст ей полную самостоятельность[13] в жизни, и о своем милом, — это, впрочем, такая мысль, которую и нельзя назвать особою мыслью, она прибавляется ко всему, потому что ведь во всей ее жизни участвует он, — о чем ни думаешь, все приходится думать и о нем. Сказать по правде, это прекращается тем, что он является исполнять должность горничной, — и, может быть, от прикосновенья руки гостьи, может быть, не могут теперь прибавляться в дневнике слова: «а ведь это даже обидно», но это как бы там ни было, а[14] во всяком случае с этою горничною много смеха.[15]

Милый имеет обязанностью хозяйничать поутру <за> чаем,[16] — и до десяти часов или до одиннадцати часов идет занятие с ним, наполовину прерываемое разговором о всяких различных, уже не ученых делах, — потом на несколько часов расстаются, у каждого свои дела, — перед обедом

---

[1] *Далее было:* бестолково [2] *Вместо:* или мы ∾ без охоты — *было:* или чужое дело скучно нам [3] *Далее было:* нужно так много отдыха для хорошего [4] *Далее было:* чужое дело [5] *Далее было: а.* у нас уменьшением нашей работы *б.* в убыток для нашей работы. Так, 6—7 часов работы в день — это уж очень много (разумеется, я говорю про нас, порядочных людей, а занимающийся физическим трудом — тот [6] *Против текста:* Если мы жалуемся ∾ работе — *дата:* 17 февр<аля> *После:* в убыток нашей работе — *было: а.* Вот тут — [вся], пожалуй, и вся разница нынешнего от прежнего спокойного *б.* Вот, пожалуй, и вся разница [7] пожалуй ∾ что *вписано.* [8] *Далее было:* [жили] проводили время врозь, насколько можно хорошо жить, проводя время между собою, живучи вместе, хорошо живучи, с Кирсановым они живут [9] *Далее было:* вместе и живет между собою хорошо [10] *Далее было:* проводить вместе время людям [из] которые [11] *Далее было: а.* Поздний вечер *б.* Поздний *в.* Измени<лось?> [12] *а.* о деле *б.* о труде [13] избавление [14] но это ∾ а *вписано.* [15] *Вместо:* с этою ∾ смеха — *было:* тут много хохота, и довольно много шепота. Эта горничная [16] *Вместо:* Милый ∾ <за> чаем, — *было начато: а.* Чай, — и до 10 *б.* Милый уж

очень часто опять занятие с милым, а после обеда уж постоянно долгий разговор о всем, что случилось и вздумалось нового, и вспомнилось старого,[1] — да, это уж разговор, в котором и муж болтает едва ли меньше Веры Павловны, а не то, что, бывало, все почти только она рассказывает, а Лопухов слушает, и поддакивает, и одобряет.[2] Где этот разговор? Конечно, никогда не в нейтральных комнатах — говорят в комнате Веры Павловны, потому что ведь она хочет нежиться после обеда, — поэтому в ее комнате стоит диван и для мужа, чтобы и он мог отдыхать, болтая. И опять тут слишком часто слышен смех, — а иногда и ничего не слышно, потому что — что таить грех? Вера Павловна часто болтает, болтает, да и задремлет, — я уж говорил, что это дурной тон, но теперь он имеет больше извинений[3] — она теперь слишком часто ложится поздно, а горничная является прислуживать слишком рано.

Потом они опять расходятся заниматься каждый своею работою часа на два, на три до вечернего <чаю>, — за ним опять долго сидят вместе, — его пьют обыкновенно не в нейтральной комнате, где происходит утренний чай и обед,[4] а в кабинете Александра Матвеевича; часов в десять, иногда в одиннадцать Вера Павловна уходит в свою комнату работать и работает довольно долго, до часу, иногда до двух.[5]

Но теперь едва ли не меньше чем на половину вечеров проводят они[6] таким образом время, и наверное меньше половины обедов. За обедом[7] три раза в неделю у них обедает по два,[8] иногда и по три из молодежи, составляющей кружок, центром которого служит теперь уж один Кирсанов. Как они там устраивают между собою очередь, бог их знает, но должно быть, что у них заведено что-то вроде хотя не очень полной очереди, — их человек 12—15, и без какой-нибудь очереди было бы невозможно. Человека два-три особенно близких приятелей Веры Павловны из их числа бывают[9] иногда за обедом и по другим дням. Изредка бывает и кто-нибудь из приятелей других лет.[10] По вечерам вся компания бывает раз в неделю, для этого назначен день, — тут же бывает и человек восемь постарше, которых молодежь считает своими людьми, так что набирается компания человек в двадцать. Характер этих собраний тот же, как был раньше, — но нет, однако: роль Веры Павловны в них теперь гораздо зна-

---

[1] *Далее было: а.* бывало говорит муж, *б.* говорит почти одна Вера Павловна [2] *Далее было:* Но через час, через полтора часа после обеда расходятся, не бывают вместе. Теперь и за очень небольшим делом и за обедом очень часто бывают гости, — обедают по два, по три и больше, это [студенты] молодежь, с которою Вера Павловна по-прежнему. Если гости за столом постарше, разговор после обеда идет как <*не закончено*> [3] теперь ∾ извинений *вписано.* [4] *Вместо:* происходит ∾ обед, — *было:* совершается обед, [5] *Далее было начато:* — Что же тут делается? — Ничего, как то, что [6] *Далее было:* только вдвоем [7] *а.* А обедают *б.* За обедом раза четыре и чаще, через день, или дня по три сряду, бывает, что к обеду явл<яются> [8] *Далее было:* из числа [9] обедают [10] Изредка ∾ лет. *вписано.*

чительнее,[1] фортепьяно и пение[2] с криком и шалостями уже совершенно уравновешивают ожесточенные изобличения взаимных неконсеквентностей[3] и глубокие исследования всяких неудобопостижимых вопросов.[4] Разница в том, что раньше, бывало, составляют компанию Веры Павловны только изменники ученому разговору, а теперь раза два-три в вечер ученый разговор сам изменяет себе, и тогда подымается страшный гвалт: стук и беготня бывают такие, что была бы беда для квартиры этажом ниже, если б эту квартиру не занимала булочная, для которой эта беда незаметна.[5]

Весь небольшой кружок знакомых,[6] близко знакомых семейств, который теперь стал вдвое больше,[7] начал проводить более разнообразную жизнь с более разнообразными развлечениями. Кроме прежних вечеров с танцами, которые теперь многолюднее, очень часто устраиваются различные пикники[8] в разнообразнейших видах, даже до того, что похожи бывают на маленькие путешествия, — это зависит главным образом от состояния гошпитальных дел Александра Матвеевича, — редко, но все-таки в год несколько раз[9] бывает, что[10] не бывает слишком трудных больных, при которых не могли бы заменить его его помощники; и как только это бывает, семейств 5—6 из числа 8—9 пропадают[11] из города дня на два-три, иногда и больше, смотря все-таки по положению гошпиталя.

Стало быть, кажется, одна только разница: то, что в прежнее время, перед смутным временем жизни Веры Павловны, устроила она при содействии Кирсанова, теперь развилось, — так, в этом дело. Но для нее не это главная перемена: главная перемена в том, что прежде было веселое развлечение, и только, а теперь,[12] когда человек, который любит увлекаться тем же весельем, когда он принимает в нем участие не из того только, чтоб не слишком отставать от вас, а потому, что ему самому так же весело, как вам, это уже не просто веселое развлечение,[13] это уж совсем не то: все время иначе бьется сердце, и звонче смех, и одушевление так

---

[1] *Далее было:* и пение [2] *Далее было:* совершенно уравновешивают [3] *Вместо:* неконсеквентностей — *было:* неудовольствий в образе мыслей [4] *Далее было*: *а.* Молодежь наход‹ит› *б.* И суматоха бывает каждый раз страшная, от той половины [5] *Вместо:* такие, что была бы беда ∾ незаметна. — *было: а.* так что иной раз какой-нибудь стул [оказывается] требует потом врачеванья. *б. Начато:* по-прежнему *в.* через вечер *г.* так что парню — работнику столяра часто приходилось по воскресеньям [приходить] не один час возиться с врачеваньем мебели — Как? Даже ломается мебель? — Увы [мебель сл‹амывается?›], бывает. *д.* так что была бы беда для квартиры этажом ниже, если б эту квартиру не занимала булочная [в которой не так-то слышна эта стукотня] [которая не слышна], в которой [это не так-то слышно] [слышно] не так чтобы вовсе не ‹*не закончено*› [6] знакомых семейств [7] *Вместо:* стал вдвое больше, — *было:* уж до восьми или девяти [8] *Вместо:* различные пикники — *было:* и гулянья. *После:* пикники — *было:* [по временам даже за город] О, ужас! Даже в городе обеды и гости и катанья по Неве летом, экскурсии по железной дороге [9] *Вместо:* в несколько раз — *было:* три, четыре раза [10] *Далее было:* он может находиться в больнице один по нескольку дней [11] скрываются [12] *Далее было:* не веселье делается для веселья [13] *Вместо:* веселое развлечение, — *было:* веселье

сильно, что распространяется на всех, кто тут вместе с вами: для всех веселье становится при вас вдвое живее и радостнее, чем было бы без вас.[1] *‹л. 45 об.›*

— Саша, вот мы живем с тобою три года,[2] — и все еще как будто любовники, которые видятся изредка, тайком, — а мы с тобою, кажется, имеем немало случаев видеться, — откуда это взяли, Саша, что любовь ослабевает,[3] когда нам ничто[4] не мешает вполне принадлежать друг другу? Эти люди не знали любви, Саша,[5] — мои ощущения становятся[6] сильнее с каждым годом.

— А мои?

— О, за тебя я боюсь одного: еще через три года ты начнешь забывать[7] свою медицину, а еще через три разучишься читать, и из всех способностей к умственной жизни у тебя останется только одна — зрение, да и то ты разучишься видеть что-нибудь, кроме меня.

— В самом деле,[8] Верочка, это усиливается с каждым годом. Знаешь эти сказки про людей, которые едят опиум, — это все преувеличено,[9] опиум вовсе не так разрушителен,[10] но в самом деле от него почти нельзя[11] отстать, напротив,[12] чем дальше, тем больше усиливается страсть к нему. Да,[13] кто думает, что любовь ослабевает от полной возможности отдаваться ей всегда, те не знают, что такое настоящая любовь.

Это говорится через три года, и то же будет говориться через пять, и через десять лет, и дальше, много дальше.

Нет, это еще не любовь, которая знает пресыщение,[14] — это какая-нибудь мелкая страстишка, желание похвастаться — хоть перед собою — победою, желание поинтриговать, что-нибудь такое мелкое, — нет, это не любовь;[15] любовь не знает пресыщения, она знает только насыщение[16] так же, как страсть к вину,[17] как страсть к опиуму, с которой сравнивает ее Кирсанов,[18] как курение табаку,[19] — насыщение на несколько часов, на время отдыха от насыщения,[20] — и после каждого насыщения становится все сильнее, сильнее.[21] Кто не знает этого, тот не знает настоящей любви.

---

[1] *Далее в рукописи план:* Арена, Тирада о любви. 3—4-й сон Веры Павловны, явление певицы. *По этому плану далее нами размещаются эпизоды, вписанные Чернышевским ниже в разных местах рукописи.* [2] *Перед текстом, начатым этими словами, дата:* 21 март‹а›. [3] *Далее было начато:* от спокой‹ной?› [4] никто [5] *Далее было начато:* а. я не чувствую этого б. ведь все это [6] сделались [7] *Вместо:* начнешь забывать — *было начато:* забудешь [8] *Далее было:* ты [9] *Вместо:* всё преувеличено — *было:* преувеличено [10] страшен, [11] *Вместо:* почти нельзя — *было:* трудно [12] *Далее было начато:* каждый го‹тов› [13] *Далее начато:* это лю‹бовь› [14] *Вместо:* которая знает пресыщение — *было:* которая пресыщает [15] *Вместо:* нет ∾ любовь; — *было:* это не страсть [16] *Вместо:* не знает ∾ насыщение — *было:* знает только одно утомление на несколько часов, — пресыщение, то же [17] *Далее было:* поэтому пресыщение [18] *Далее было:* а. как отрава б. как очень сильное отравление [19] *Далее было:* как аппетит [20] *Вместо:* на время ∾ насыщения, — *было:* до отдыха [21] все сильнее.

— Саша, как много поддерживает меня твоя любовь, через нее я делаюсь самостоятельной, я выхожу из всякий зависимости от тебя. А для тебя что принесла моя любовь?

— Для меня? Может быть, не меньше, чем моя для тебя. Это постоянное сильное, здоровое возбуждение нервов, — разве оно не развивает всякую энергию? Посмотри ты на меня, разве я такой[1] человек, как был?

— Да, Саша, я от всех слышу, что твои глаза стали очень ясны, что твой взгляд очень силен — я прежде этого не слышала.

— Верочка, чем хвалиться и чем не хвалиться мне перед тобою? — мы как один человек, — то, что замечают в моих глазах, в выражении моего лица, должно быть так. Моя мысль стала много сильнее,[2] — когда я делаю выводы из наблюдений, обзор фактов, я теперь в час кончаю то, над чем[3] раньше должен был думать несколько часов. Если б, Верочка, во мне был какой зародыш гениальности, я с этим чувством стал бы великим гением, — если б без него я мог бы создать что-нибудь новое в науке, я с этим чувством приобрел бы силу пересоздать науку, — если б я родился со способностью стать хоть во втором ряду великих ученых, я с этим чувством стал на первое место между всеми,[4] — но я родился быть только чернорабочим в науке, добросовестным тружеником, который разрабатывает мелкие частные вопросы, — таким я и был без тебя, — теперь, ты знаешь, я уж не то, — от меня начинают ждать большего за границею, — думают, что я переработаю целую большую отрасль науки[5] — всё учение об отправлениях нервной системы, — и я чувствую теперь, что я исполню это ожидание, — в 24 года[6] у человека шире и смелее новизна взглядов, — тогда во мне не было этого в таком размере, как теперь,[7] и я чувствую, что я все еще расту,[8] когда без тебя я уж давно бы перестал расти, — я уж и не рос[9] в два последних года перед тем, как мы стали жить вместе, — ты возвратила мне первую свежесть молодости,[10] силу идти гораздо дальше того, на чем бы я остановился без тебя.[11] ‹*л. 52 об., с середины*›

— Милая моя!

— Милый мой!

— Как ты хороша, Верочка!

— Как я счастлива, Саша!

И снится Вере Павловне сон.

Wie herrlich leuchtet[12]

---

[1] тот [2] *Далее было:* я теперь завершаю в час [3] *Вместо:* над чем. — *было:* что [4] между ними; [5] *Далее было:* ты знаешь, я уж авторитет [6] в 20 лет [7] *Далее было:* когда мне уж скоро будет [8] развиваюсь, [9] *Вместо:* и не рос — *было:* и перестал [10] *Вместо:* первую ∞ молодости — *было:* *а. Начато:* юн‹ость› *б.* свежесть [11] *Последующий текст написан раньше, на листе 47, но помещается нами здесь в соответствии с окончательным текстом и пометой Чернышевского:* «После медицины, перед разговором с просвещенным мужем. 20 ф‹евраля›» [12] *Дале· было начато: а.* Die wolle Welt *б.* O Lieb, o Lieb, So golden schön

Упоителен[1] голос певицы, и справедливы слова ее дивной песни: золотом отливает, сияет[2] слегка волнующаяся нива, покрыто цветами поле, развертываются сотни, тысячи цветов на кустарнике,[3] опоясывающем поле, зеленеют и тихо шепчут высокие деревья аллей[4] сада,[5] подымающиеся за кустарником, и во влажной[6] тени густых дерев сада[7] пестреют новые[8] цветы; аромат несется с поля, от кустов, из наполненных цветами[9] аллей и рощ сада;[10] весело порхают[11] по ветвям птицы,[12] — и тысяча голосов несется от ветвей[13] вместе с ароматом, и за лесом опять виднеются такие сияющие золотом[14] нивы, покрытые[15] цветами луга, покрытые цветами кустарники, наполненные цветами зеленеющие леса — до дальних, дальних гор, облитых сиянием. Над вершинами сияющие, лучезарные, светлые, серебристые, золотистые, пурпуровые прозрачные облака своими радужными переливами слегка оттеняют золотом по горизонту яркую лазурь;[16] и за теми высокими то же — всюду то же,[17] вся земля[18] — нива, цветник, сад,[19] озаренные[20] солнцем;[21] радуется и радует природа, льет свет[22] и теплоту, аромат и песню, радость и негу в грудь,[23] льется песня радости и неги, любви и добра[24] из груди:

— О земля, о солнце, о счастье,[25] о нега — о любовь, золотая, прекрасная, как светлые утренние облака над вершинами гор!

O E‹rd!› O S‹onne!›
O G‹lück!› O L‹ust!›

— Теперь ты знаешь меня? Да ты знаешь, что я хороша, но ни ты, никто из вас еще не знает во всей моей красоте, — смотри, что было, что теперь, что будет.

Роскошный пир, пенится[26] в стаканах вино, сияют глаза пирующих,[27] шум и шепот под шум, смех[28] и украдкой неслышный поцалуй.

«Певца,[29] певицу, — без песни не полно веселье!»

— Пойдем к ним, они зовут меня. Я буду вам петь о себе после, — говорит она гостям, — раньше послушайте про старину.[30]

И встает поэт,[31] озарена вдохновением его мысль, ему говорит природа свои тайны, ему раскрывает свой смысл история, и жизнь тысячелетий сливается в его песне в ряд картин,[32] быстро сменяющих одна другую.

---

[1] Да и вправду [поет] очарователен [2] блестит [3] *Вместо:* развертываются ∾ на кустарнике — *было:* покрыты цветами все ветви ку‹старников› [4] густых аллей [5] высокие ∾ сада, *вписано.* [6] в цветущей [7] и во влажной ∾ сада *вписано.* [8] новые *вписано.* [9] *Вместо:* наполненных цветами — *было:* цветущих [10] *Вместо:* аллей ∾ сада; — *было:* ле‹са› рощи, парка [11] *Вместо:* весело порхают — *было:* порхают [12] *Вместо:* птицы, — *было:* тысячи веселых птиц [13] *Вместо:* от ветвей — *было начато:* из э‹того› [14] золотом *вписано.* [15] пестреющие [16] Над вершинами ∾ лазурь *вписано.* [17] *Далее было начато:* а. Куда б. где ни [18] *Далее было:* сад и рай [19] сад и лес [20] все переполнено [21] *Далее было:* а. *Начато:* проникающим б. радует природа [22] аромат [23] *Вместо:* и теплоту ∾ ∾ в грудь, — *было:* и [пе‹сню›] аромат, песню и радость в гр‹удь› [24] добра и любви [25] о любовь [26] пенится вино [27] *Далее было начато:* шепот и [28] хохот [29] Певца, певца [30] *Текст:* пойдем ∾ старину. *вписан.* [31] певец, [32] в четыре картины

Звучит вдохновенная песнь,[1] и возникает картина.

Шатры номадов.[2] Вокруг[3] шатров пасутся овцы, лошади, верблюды. Вдали лес олив и смоковниц; еще дальше, дальше, на краю горизонта хребет высоких гор; склоны гор покрыты кедрами;[4] но стройнее кедров эти пастухи,[5] стройнее пальм их жены,[6] и беззаботна их жизнь в ленивой неге;[7] у них одно дело — любовь, все дни проходят, день за день, в песнях любви.[8]

— Нет, — говорит певица, — это не обо мне. Меня тогда не было. Эта женщина была рабыня. Где нет равенства, там[9] нет меня.[10] Ту царицу звали Астарта, — смотри[11] на нее.

Роскошная женщина; на руках и ногах ее тяжелые[12] золотые браслеты; тяжелое ожерелье из перлов и кораллов,[13] оправленных золотом, на шее. Сладострастие и раболепство в ее лице, сладострастие и бессмыслие в ее глазах. Ее волоса увлажнены миррою. «Повинуйся твоему господину, услаждай лень[14] его в промежутки набегов, — ты должна любить его, потому что он купил тебя, и если ты не будешь любить его, он убьет тебя», говорит она женщине, лежащей[15] перед нею в прахе.

— Ты видишь, что это не я, — говорит певица.

Опять звучат вдохновенные слова поэта, возникает новая картина.

Город. Вдали на севере и на западе горы, вдали на западе, ближе на юге и на востоке море. Дивный город. Не велики в нем домы и не роскошны снаружи,[16] но сколько в нем чудных храмов, — особенно на холме,[17] на который ведет лестница с воротами удивительного величия и красоты, — весь этот холм занят храмами и общественными зданиями, из которых каждого одного было бы довольно ныне, чтоб увековечить красоту[18] и славу великолепнейшей[19] из столиц;[20] и тысячи статуй в этих храмах и повсюду в городе, — статуй, одной из которых было бы довольно ныне, чтоб сделать музей, в котором стояла[21] бы, первым музеем целого мира; и как прекрасен народ,[22] толпящийся в храмах,[23] на площадях, на улицах; каждый из этих юношей, каждая из этих молодых женщин и девушек могли бы служить моделью для статуи. Деятельный, живой, веселый народ. И эти домы, не роскошные снаружи, какое несравненное

---

[1] *а.* Поет певец *б.* Звучат стихи [2] *Далее было:* востока. [3] Кругом [4] *Вместо:* хребет ∾ кедрами — *было: а.* увенчанный облаками хребет, покрытый кедрами *б. Начато:* высокий, высокий хребет, покрытый [5] *Вместо:* пастухи — *было начато:* эти юноши, стройнее [6] эти жены [7] *Вместо:* и беззаботна ∾ неге; — *было:* и жгучи их страсти в ленивой неге [8] *Далее было начато:* Меня тогда не было, [9] так там [10] *Далее было начато: а.* Вот кто увлек‹?› *б.* Когда такая царица [11] посмотри [12] тяжелые *вписано.* [13] *Вместо:* из перлов и кораллов, — *было: а. Начато:* на ш‹ее› *б.* из перлов и алмазов на груди [14] праздность [15] простертой [16] *Вместо:* и не роскошны снаружи — *было: а.* но роскошно убр‹аны› *б. Начато:* но [17] *Далее было начато:* который весь занят [18] блеск [19] *а.* любой *б.* самой прекрасной [20] *Далее было:* и особенно один [холм] храм [21] хранилась [22] этот народ [23] *Далее начато:* около

изящество внутри них! На каждую вещь[1] из мебели и посуды можно залюбоваться.[2] *‹л. 47, с середины›* И все эти[3] люди живут[4] для любви, красота для них выше всего.

Вот изгнанник, ненавистный народу, возвращается в этот город, чтоб повелевать им, — все знают, что ж ни одна рука не поднимается против него? На колеснице с ним едет, показывая его народу, прося народ принять его, говоря народу, что покровительствует ему, женщина чудной красоты даже среди этих красавиц, — и, склоняясь перед красотою ее, народ отдает власть над собою Писистрату,[5] любимцу ее.[6]

Вот суд;[7] судьи — угрюмые старики; если кто[8] в целом городе может холодно видеть красоту, то, конечно, они. Ареопаг славится беспощадною строгостью, неумолимым нелицеприятием, — боги и богини приходят отдавать свои дела на решение его, — и вот должна явиться перед ним женщина, обвиняемая в страшных преступлениях, — она должна умереть, она губительница Афин,[9] — каждый из них уж решил[10] это в душе, — и вот является перед ними эта[11] Аспазия, эта обвиняемая, и они повергаются перед нею на землю и говорят:[12] «ты не можешь быть судима, ты слишком прекрасна!» Это ли не царство красоты, это ли не царство любви?

— Нет, — говорит певица, — меня тогда не было.[13] Они поклонялись женщине, но не признавали ее равною себе. Они поклонялись ей, но только как источнику наслаждений. Человеческого достоинства они еще не признавали в ней.[14] Где нет уважения к женщине как человеку, равному с мужчиною, там нет меня. Ту царицу звали Афродита. Посмотри на нее.[15]

На этой царице нет никаких украшений; она так прекрасна, что всякое украшение только скрывало бы часть ее красоты; она так прекрасна, что поклонники ее не хотели, чтобы она имела одежду, — ее дивные формы[16] не должны быть скрыты от их восхищенных глаз, бросающих фимиам на олтарь ее.[17] Что ж говорит она красавицам, которые почти так же прекрасны, как она?

---

[1] *Вместо:* На каждую вещь — *было:* *а.* *Начато:* каждую *б.* на каждую чашку, на каждый сосуд и кухонную вещь [2] *Далее было:* *а.* даже на самую простую *б.* так красива она *После:* залюбоваться — *было начато:* *а.* Вот одна из самых богатых и изящных [по внутреннему] в целом городе *б.* сидит женщина необыкновенной красоты даже среди этих красавиц, и мужчина, который [3] И все они [4] [выше всего] [5] *Вместо:* Писистрату, — *было начато:* человеку, который [6] *Текст:* Вот изгнанник ∾ ее. *вписан.* [7] *Вместо:* Вот суд — *было:* Вот женщина, обвиняемая в нескольких страшных преступлениях, является в его суд [8] *Далее было:* недоступнее [9] *Далее было:* и вот явилась пред ним эта обвиняемая [10] *Вместо:* уж решил — *было:* думает [11] эта обвиняемая [12] *Вместо:* Ареопаг ∾ говорят: — *было:* Но когда является перед ними эта обвиняемая, Аспазия, они, только взглянув, склонились перед нею и сказали [13] *Далее было начато:* *а.* Я гораздо прекраснее *б.* Этой женщине по‹клонялись?› [14] *Далее было начато:* Ту царицу звали [15] *Далее повторено:* [Пос‹мотри›] Смотри на нее. [16] *Вместо:* ее дивные формы — *было начато:* *а.* ее те‹ло› *б.* ее дивное те‹ло› [17] бросающих ∾ ее. *вписано.*

«Будьте источником наслаждения для мужчины. Он господин ваш». И в ее глазах только нега физического наслаждения,[1] ее осанка горда, в ее лице гордость, но[2] гордость только своею физическою красотою. И в самом деле, как живут эти женщины? Мужчины запирают их в геникей, чтоб никто, кроме господина, не мог наслаждаться красотою, ему принадлежащею, они тут не были свободны.[3] Были у них другие женщины, которые называли[4] себя свободными, но те женщины продавали наслаждение своею красотою, — тут не было свободы. Где нет свободы, там нет[5] счастья, там нет меня.

Опять звучат слова поэта. Возникает новая картина.

Арена перед замком, кругом[6] амфитеатр для блистательной толпы зрителей. На арене рыцари. На балконе замка сидит девушка.[7] В ее руке шарф.[8] Кто победит, тому шарф. Рыцари бьются насмерть, чтоб получить шарф от нее. Тоггенбург победил. «Рыцарь, я люблю вас, как сестра, другой любви не требуйте. Не бьется мое сердце, когда вы приходите, не бьется оно, когда вы удаляетесь». — « Судьба моя решена», говорит он[9] и плывет в Палестину. Сарацины трепещут его,[10] по всему христианству разносится слава его подвигов, но он не может жить, не видя царицы души своей.[11] Вот корабль; он плывет домой видеть ее. «Не стучитесь, рыцарь, она в монастыре»; и он строит себе хижину,[12] из окон которой, невидимый ею, может видеть ее, когда она поутру раскрывает окно своей кельи; и вся жизнь его — ждать, когда она явится у окна, прекрасная, как солнце; нет у него другой жизни,[13] как видеть царицу души своей, и не будет у него другой жизни, пока иссякнет в нем жизнь, и когда погасала его жизнь, он сидел[14] у окна своей хижины и только думал: «увижу ли ее еще?»

— Это уж вовсе, вовсе не обо мне, — говорит певица. — Он любил ее, пока не касался к ней. Когда она становилась его женою, она становилась его подданною,[15] она должна была трепетать его, он[16] запирал ее, он переставал любить ее; он охотился,[17] он уезжал на войну, он пировал со своими товарищами, он насиловал своих вассалок,[18] — жена была заперта, была презрена им.[19] Ту женщину, которой касался[20] мужчина, мужчина уж не любил тогда. Нет, тогда меня не было. Ту царицу звали Дева. Посмотри на нее.

Скромная, кроткая, нежная,[21] прекрасная, — прекраснее Астарты,

---

[1] *Далее было:* *а.* в ней нега *б.* сияющее лицо ее [2] но только [3] *Далее было:* где нет свободы, где нет свободы, там нет меня. [4] считали [5] там нет меня [6] балконы кругом [7] *Далее начато:* Рыцари бьются на [8] *Далее было:* Рыцари бьются насмерть [9] *Далее было начато:* *а.* трубит в *б.* но бро‹сается?› *в.* посылает к [10] *Далее начато:* слава [11] *Вместо:* царицы души своей. — *было:* своей царицы. [12] келью, [13] *Вместо:* другой жизни, — *было:* другой мысли, другой цели, [14] только сидел [15] *Далее было:* когда она становилась [16] он переставал любить [17] *Далее было:* он пировал с другими [18] *Далее было:* но жену — нет [19] *Далее было:* Нет, тогда меня не было. [20] *Далее было начато:* не любил. Когда нет [21] *Далее было:* но задумчивая, грустная

прекраснее самой Афродиты, но задумчивая, грустная, скорбящая,[1] — перед нею склоняют колена, ей подносят венки роз, — она говорит: «печальна до смертной скорби душа. Меч пронзил сердце мое. Скорбите[2] и вы, — вы несчастны, земля — долина плача».

— Нет, нет, тогда уж, конечно, не было меня. — Нет, те царицы были не похожи ‹на меня›. Я родилась только тогда, когда кончилось царство последней из них. Но они должны были царствовать прежде меня, без их царства не может прийти мое царство.[3] Люди были, как животные. Они перестали быть животными, когда стали ценить красоту, — но женщина была слаба, мужчина силен, — тогда все решалось силою, он должен был присвоить[4] себе женщину, красоту которой ценил. Когда он стал более развит, он стал больше прежнего ценить ее красоту и преклонялся перед нею, — но ее ум был еще не развит,[5] а он говорил, что он только один человек, она не человек, и она не считала себя человеком и могла быть только вещью, красота которой дает ему наслаждение, — и была рабынею его.

Но вот начало в ней пробуждаться сознание, что и она человек. Какая скорбь должна была обнять ее от самого слабого сознания[6] о своем человеческом достоинстве! Ведь она не признавалась человеком! Ведь мужчина не хотел иметь ее иною подругою себе, как рабынею. И она говорила: «нет, я не хочу быть твоею подругою!» Тогда[7] страсть к ней заставляла его умолять и смиряться, и он забывал, что она не человек, а только женщина, и он любил ее,[8] деву,[9] непорочную, никому не доступную;[10] но лишь только верила[11] она его мольбе, лишь только касался он ее, — горе ей! — она была в руках его, эти руки были сильнее, чем ее, и он был еще слишком груб, и обращал ее в свою рабыню, и презирал ее. Горе ей.

Но шли века, моя сестра — ты знаешь ее? — та, которая давно стала являться тебе, — делала свое дело, — она была всегда, она была прежде всех, она уж была, как только были люди;[12] она делала свое дело, и мужчина становился разумнее, и женщина больше и больше сознавала себя равным ему человеком, и наконец[13] я родилась. Это было недавно, — о, это было очень недавно, — ты знаешь, кто первый почувствовал, что я родилась, и сказал это другим,[14] и ты знаешь, где он это сказал? Сказал Руссо в «Новой Элоизе». Тут люди в первый раз услышали обо мне.

И с той поры мое царство растет. Но еще не над многими я царица, — оно быстро растет, скоро я буду царствовать над всею землею. Тогда только[15] вполне почувствуют[16] люди, как я хороша. Теперь те, кто при-

---

[1] печальная, [2] Скорбите и плачьте [3] *Далее было начато:* *а.* Нужно *б.* Человек [4] поработить [5] *Вместо:* неразвит, — *было:* груб, и она оставалась его рабынею [6] *Вместо:* слабого сознания — *было:* слабой мысли [7] Тогда разгоралась в нем любовь [8] *Далее было:* но горе ей, недоступной нико‹му› [9] *Далее начато:* никому [10] *Далее начато:* но горе ей, если она [11] заслушивалась [12] *Вместо:* она ∾ люди — *было:* [она была] тогда еще не было людей [13] *Далее было:* моя сестра сказала мне [14] людям, [15] *Далее было:* увидят [16] узнают

знает мою власть, еще не могут вполне повиноваться ей. Они окружены неприязненною ей массою, она отравит им жизнь, если они будут знать и исполнять всю мою волю. А я хочу, чтобы они были счастливы, и я еще не говорю им всей своей воли, и я говорю им: «Не делайте того, за что вас мучат,[1] знайте меня лишь настолько, насколько можно знать теперь без вреда себе».

— Но я могу знать тебя? [2]

— Да, ты можешь, потому что твое положение очень счастливо. Тебе некого бояться. Ты можешь делать все, что захочешь, тебе можно знать обо мне,[3] и когда ты будешь знать все обо мне,[4] тебе не нужно желать, и ты не будешь желать ничего,[5] за что мучат теперь знающих.[6] Теперь ты вполне довольна тем, что имеешь,[7] ни о чем другом, ни о ком другом ты не думаешь и не будешь думать, я могу открыться тебе вся.

— Скажи же мне, как звать тебя? Ты назвала мне прежних цариц, но твое имя?

— Моя имя? — но раньше мой голос — узнаешь ли ты его? [8]

— Твой голос? Нет, я не знаю, чей это голос; я знаю только, что, когда я слышала его в первый раз, мне вспомнился, как слабое, слишком грубое предчувствие его, лучший, симпатичнейший голос, какой слышала я в мою жизнь, — я говорила: это голос лучшей певицы, какую я слышала. — Как твое лицо? [9]

— Мое лицо — ты видела ли его?

Да, ведь она еще не видела лица ее, вовсе не видела ее — как же ей казалось, что она видела ее? Вот она уж полгода является ей и не прячется от нее, но она всегда окружена таким сиянием, что и видно, и не видно одежду ее, стан ее, лицо ее, — и видно, и не видно.

— Нет, я не видела лица твоего, я не видела тебя. Я видела тебя, но глаза мои были слишком слабы, чтобы видеть тебя сквозь твое сияние.

— Теперь они довольно укрепились, смотри же на меня, — мое имя — у меня нет имени отдельного от той, которой являюсь я, мое имя — ее имя. Видишь ли, кто я? — Нет ничего выше человека, нет ничего выше женщины — я та, которой являюсь я; я та самая, кто любит, кто любима.

Да, она видит: это она сама, это она сама, но богиня. Ее черты — ее самой, лицо — это живое ее лицо,[10] черты которого так далеки от совершенства, когда не озарены любовью, это лицо, озаренное сиянием любви, прекраснее всех идеалов, завещанных нам скульпторами[11] и живописцами,

---

[1] *Далее было:* я не хочу мучений, вы будете счастливы [2] *Далее было:* Да, теперь, в этих разговорах со мною, можешь. Когда ‹*не закончено*› [3] *Далее было начато:* и ты не захочешь делать ничего [4] и когда ∾ обо мне, *вписано.* [5] *Вместо:* и ты ∾ ничего, — *было:* ты не жела‹ешь? *не закончено*› [6] *Вместо:* теперь знающих. — *было:* других людей. [7] *Далее было начато:* ничего другого, много ты не [8] мой голос ∾ его? *вписано.* [9] *Текст:* Твой голос? ∾ лицо? — *вписан.* [10] *Далее было:* в нем так много ‹*нрзб.*› [11] древними скульпторами

в прежние века жившими;[1] да, это она сама, но, озаренная сиянием любви,[2] она прекраснее Афродиты Луврской, прекраснее той, которая зовется Сикстинской.[3]

— Ты видишь себя в зеркале такою, какая ты сама по себе, без меня. Вот ты видишь себя такой, какой видит тебя тот, кто любит тебя. Для него я сливаюсь с тобою, для тебя — я сливаюсь с <ним>: для тебя нет никого, нет ничего лучше его — так ли?

— Так, о, так! <*л. 47 об.*>

— Теперь ты знаешь, кто я, — узнай, что̀ я. Во мне чувственное наслаждение, это было и в Астарте,[4] она родоначальница всех нас, других цариц, сменявших ее. Во мне восхищение[5] созерцанием красоты, — это было и в Афродите,[6] во мне благоговение перед чистотою, — это было и в Деве.[7] Но во мне все это не так, как было в них.[8] Это соединение того, что было в Деве, с тем, что было в Астарте, которую хотела совершенно отвергнуть Дева, и с тем, что в Афродите, которую тоже хотела отвергнуть Дева.[9] Но есть во мне еще одно, чего не было ни в одной из них, — равноправность любящих, равное отношение между ними, как людьми, и от этого одного много, о, много другого прекрасного.[10] Признавая равноправность женщины с собою, мужчина отказывается от взгляда на нее как на свою принадлежность; она любит его, как он любит, только потому, что хочет любить его, — не хочет, он не имеет никаких прав над нею. И она над ним. Поэтому во мне свобода.[11] И от этого нового во мне, чего не было в прежних царицах, и то мое, что было в них, все получает новый[12] характер, высшую прелесть. До меня не знали полноты упоения чувственным наслаждением, потому что без свободного влечения обоих любящих ни один из них не имеет светлого упоения.[13] До меня не знали полного восхищения созерцанием красоты, потому что если красота открывается не по свободному влечению, нет светлого[14] упоения созерцанием ее — без свободного влечения и наслаждение, и восхищение мрачны[15] перед тем, каковы они во мне. Непорочность[16] моя выше непорочности Девы, — Дева знала только чистоту[17] тела, во мне чистота сердца, — я свободна, поэтому во мне нет обмана, нет притворства; я не скажу слова, которого не чувствую, я не даю поцалуя, который мне не сладко давать. Но[18] есть во мне

---

[1] *Далее было:* прекраснее [2] *Вместо:* сиянием любви — *было:* любовью [3] *Вместо:* ее самой лицо ∾ Сикстинской. — *было:* ее самой черты, но прекрасные, озаренные сиянием любви, она прекраснее всего, что создавал как осуществление своего идеала резец греческого скульптора, кисть Рафаэля. [4] *Вместо:* чувственное ∾ Астарте, — *было: а. Начато:* чувственность, как в Астарте, но — это было *б.* чувственное наслаждение, но это было и при Астарте. [5] наслаждение [6] при Афродите. *Далее было:* при ней это прибавилось, как то, что было при Астарте; [7] при Деве [8] при них [9] *Далее было: а.* во мне всё это слилось *б.* во мне это теперь выше и прекраснее того, что *в.* во мне все это не так, все это выше и прекраснее, у [10] *Далее было начато: а.* Кто *б.* Му<жчина> [11] *Далее было начато:* И если этого мне [12] иной [13] экстаза<?> [14] чистого [15] *Далее было:* гадки [16] Чистота [17] *Было исправлено на:* непорочность [18] Но то

нового, чего не было и в них, — оно и дает высшую прелесть тому, что было и в них, оно и само по себе составляет во мне прелесть, которая выше всего. Только с равным себе человеком сам человек вполне свободен. Господин стеснен[1] перед слугою, потому что слуга стеснен перед ним;[2] общество низшего — не то общество, в котором[3] человеку всего легче и приятнее.[4] С низшим скучно, только с равным полное веселье. Вот почему не знал до меня полного счастья любви мужчина. А женщина — о, как жалка до меня женщина[5] — ведь подчиненным лицом, ведь рабским лицом была она.[6] А будучи в зависимости, она была в боязни,[7] она до меня слишком мало знала, что такое любовь: ведь где боязнь, там нет любви, это хорошо сказал один из друзей Девы, хоть сам не понимал, что он говорит. Поэтому, если ты хочешь одним словом сказать, чтó я, это слово: равенство. Без него для меня наслаждение[8] телом, восхищение красотою его, благоговение перед чистотою сердца — скучны и гадки. Из него, из равенства — и свобода во мне, без которой нет меня.

Я все сказала тебе, что ты можешь сказать другим, все, что я теперь. Но теперь мое царство еще мало, я еще слаба, я еще не могу высказывать всю мою волю всем. Я скажу ее, когда[9] царство мое будет над всеми людьми, когда все люди будут прекрасны и телом, и сердцем, — тогда я скажу всем всю мою волю. Но тебе, — ты, твоя судьба особенно счастлива, тебя я не смущу, — тебе я не поврежу, сказавши, чем я буду, когда[10] не немногие, как теперь, а все будут[11] достойны признавать меня своею царицею; тебе одной я скажу тайны моего будущего.[12] Клянись молчать и слушай.

Что она говорила, этого я не знаю. Я могу догадываться, что она говорила, — но я не знаю, — я уверен, что я не ошибаюсь в том, что я отгадываю, — но я не знаю. Та, от которой я слышал это, слышал этот сон, и которая здесь названа Верой Павловной, сказала мне: «Я клялась молчать и молчу». — «Я знаю, все равно, все равно». — «Может быть», отвечала она. «Вам было сказано вот что», я сказал ей. «Может быть, нет, может быть, да, я не имею права сказать вам ни да, ни нет — и к чему вам знать это? Этого еще нет, это еще невозможно, к чему ж вам знать? Но то, что было дальше, то уже не тайна, то я могу сказать вам».[13]

— О, любовь моя, теперь я знаю всю твою волю, но она смущает меня: я знаю, что это так, но я не знаю, как же это будет? Как будут тогда жить люди?

---

[1] натянут [2] *Далее было: а.* господину *б.* это хорошо сказал один из друзей Девы, хотя и сам не понимал, что сказал: где страх, там нет любви, полнота любви несовместима с страхом. [3] *Далее было:* легко [4] *Далее было:* Весело и легко только с равным [5] *Далее было:* где низшая может только [6] *Вместо:* ведь ∾ она — *было:* ведь она была рабою [7] *Далее было:* а где боязнь, так [8] *Далее было:* и восхищение [9] *Далее было:* все будут прекрасные люди [10] *Далее было:* буду царствовать не над немногими, как теперь, а над [11] станут [12] *Далее было:* слушай [13] *К последующему тексту дата:* 23 февр‹аля›

— Этого я одна не могу рассказать тебе, — ведь мы тогда будем неразлучны с моею старшею сестрою, с тою, которую ты знала гораздо раньше меня. — Сестра моя, иди к нам!

Является сестра своих сестер, невеста своих женихов.

— Здравствуй, сестра, — говорит она певице. — Здесь и ты, сестра? — говорит она Вере Павловне, — пойдем же смотреть, как будут жить люди, когда я и сестра будем царствовать над миром.[1]

Смотри, вот как они будут жить. Смотри, здесь и дети детей твоих.

Здание, громадное, громадное здание, каких теперь только по нескольку[2] лишь в самых больших городах, — это здание стоит среди[3] лугов, полей и рощ. Поля — это наши хлеба,[4] только не такие, как у нас, — густые, густые,[5] изобильные, изобильные. — Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Только в оранжереях могут вырасти такие колосья, из каких состоит вся эта нива. Поля — это наши поля, с нашими цветами, — но такие цветы только в цветниках у нас, какими покрыты эти поля. Рощи — это наши рощи, дуб и липа, клен и вяз — да, рощи те же, как теперь, — заботлив уход за ними, нет больного дерева в них, но рощи те же. Это здание — что ж это такое? Какой оно архитектуры? Такой нет теперь, — есть только один намек на нее, он стоит на Сайденгамском холме — чугун и стекло, чугун и стекло — только. Нет, не только: это оболочка здания, это его наружные стены, а там, внутри — то уж настоящий дом, громаднейший дом, он одет[6] этим хрустально-чугунным зданием как футляром,[7] оно образует вокруг него широкие галереи по всем его этажам,[8] а этот внутренний дом? из чего ж это он?[9] Его стены каменные, с огромными окнами на галереи во всю вышину этажа, — но какие ж это полы и потолки? Из чего эти двери? Что это такое? Серебро? Платина?[10] И мебель почти вся такая же — мебель из дерева,[11] тут только каприз, она, должно быть, только для разнообразия,[12] но из чего ж это вся остальная мебель?[13] попробую подвинуть[14] это кресло![15] Да, металлическая мебель легче нашей ореховой,[16] — что ж это за металл?[17] Ах, знаю теперь,[18] Саша мне показывал такую дощечку, это алюминий, да, Саша говорил, что рано или поздно алюминий заменит собою дерево, может быть и камень. Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий, и все стены в громадных зеркалах, и какие ковры на этом полу! Лишь

[1] *Вместо:* Этого я одна ∾ над миром. — *было:* Теперь ты знаешь всю мою волю, — смотри же, как будут жить люди по моей воле. [2] по два [3] среди поля [4] *Далее было начато:* луга — это [5] *Далее было:* колосья на них как кусты‹?› [6] покрыт [7] *Далее было начато:* тут широк‹ий?› [8] *Вместо:* по ∾ этажам; — *было:* по стенам; [9] *Далее было:* тут опять более всего чугуна, — остальное камень. [10] Серебро? Платина? *зачеркнуто и восстановлено. Далее было:* Но нет, эти двери легки, как дерев‹янные› [11] деревянная мебель [12] *Далее было:* что ж это такое [13] *Далее было:* эти двери, потолки? [14] взять это кресло [15] *Далее было начато:* видишь, как [16] *Вместо:* Да ∾ ореховой, — *было:* Да, оно легче нашего орехового [17] что ж это такое? [18] знаю теперь, *вписано.*

в немногих местах пол оставлен не покрытым ими,[1] и тут видно, что он из алюминия, — тут играют дети, а с ними играют и большие — и как же танцовать по коврам?[2]

— Кто[3] ж живет в этом доме, который огромнее и[4] великолепнее дворцов?[5]

— Много здесь живет, здесь живут и дети детей твоих, — иди,[6] мы увидим.

Они идут на балкон, выступающий из верхнего этажа галереи, — как же Вера Павловна не заметила раньше, — по этим лугам,[7] нивам, рощам рассеяны группы людей: везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети вместе, — они работают и поют, — что это они делают? Ах, это они убирают хлеб, — но как быстро идет у них работа! Но и как же им не петь? Их работа легка,[8] почти всё за них делают машины, — и жнут, и собирают, и вяжут снопы, и отвозят[9] их, — люди почти только ходят и ездят и управляют машинами; еще бы им не петь, и еще <бы> не скоро шла их работа! Что это? Все переменяются, вместо них новые, а они куда ж идут? — Надобно часто менять работу, чтоб она не наскучила; эти работали уж час, довольно, они на час идут в мастерские, а работавшие час в мастерских пришли сменить их.

— О, какая веселая работа! Да, день зноен, но им, конечно, ничего,— над тем местом, где работают, они развертывают полог, им прохладно под ним — еще бы не жать так! Этак и я стала бы жать! И всё песни, и всё песни — незнакомые, — нет, припомнили и нашу одну — помню ее:

Будем жить с тобой по-пански.
Эти люди нам. . .[10]

Все идут к зданию, прошел час, довольно работать поутру, теперь надолго отдых — до завтрашнего утра.[11] Но войдем опять в комнаты.

Половина громадной залы[12] занята столами с кувертами на тысячу человек или больше, — их завтрак уж готов, — те старухи, те дети, которые не выходят на работу в поле и в мастерские, приготовили его, — они накрывают столы, — только старухи и дети, — это слишком легкая работа для других рук; кто может, делает то, чего еще не могут или уж не могут делать они.

— Смотри, какой чай, какое кофе, какой сыр,[13] какие закуски, часто ты имеешь такой завтрак? — а ведь ты живешь очень хорошо, — такое разнообразие?

---

[1] *Вместо:* оставлен ∾ ими, — *было:* остался открытым [2] *Текст:* Но как же все это ∾ по коврам *вписан.* [3] Да, кто [4] огромнее и *вписано.* [5] *Далее было начато: а.* Иди на б<алкон> *б.* Пойдем на балкон [6] *Далее было начато:* я тебе [7] *Далее было:* полям [8] *Далее было:* они только ходят и управляют м<ашинами> [9] свозят [10] *Вместо стихотворения Кольцова:* Будем жить ∾ нам. . . — *было начато другое:* Раздудись. . . [11] *Далее было начато: а.* Но они идут ко мне. Да, *б.* Ты познакомься [12] Эта громадная зала [13] *Далее начато:* и вет<чина>

— Нет, где ж мне такой; как можно; нет, это могут иметь только богачи.

— А при детях детей твоих все будут иметь его. Вот они входят, они не видят нас с тобою, — разговоры и шутки,[1] смех и песни не прерываются — и шепот, и пожимание рук.

Но завтрак кончен.[2]

— Что это? Это бал?

— Да, каждый день два раза, потому это не бал, — и ты видишь, что здесь осталась, поочередно составляет хор и оркестр и танцует только третья, четвертая доля тех, кто был за завтраком, а ведь за завтраком не все были, кто был в поле, — ты видишь, что здесь больше чем наполовину детей, из других разве из пяти остался один.

— Где же другие?

— Они разошлись по своим библиотекам, по своим музеям, по своим аудиториям,[3] наконец, больше всего просто гулять в сад, или разошлись[4] по своим комнатам.

— Зачем же по своим комнатам?

— Одни для того, чтобы быть одним или со своими детьми, другие — это моя тайна, — зачем же был шепот и пожимание рук? Ты видела, этого было больше всего, ты видела, как горели их щеки, как горели их глаза. Я царствую здесь над всеми, да и как мне не царствовать здесь над всеми? Видишь, вечная перемена радостного[5] труда, пиров, наслаждения и неги отдыха, и всего больше[6] неги мною.

— Неужели ж это наша земля? Я слышала нашу песню, они говорили по-русски — неужели ж это мы?

— Да, ты ‹видишь› вдали реку — это Ока; эти люди — мы, — ведь с тобою я — русская.

— И так будут все жить?

— Это все для меня сделано, и меня одушевляла делать это моя старшая сестра, та, которую ты знала прежде меня.

— И так будут все жить?

— Да, для всех вечная весна и лето,[7] вечная радость. Но я тебе показала только одну и меньшую часть их жизни,[8] — смотри, вот они через два месяца.[9] Цветы завяли, листья начали падать с деревьев — картина становится уныла, — что смотреть на нее, ты видишь, на полях и в садах нет никого,[10] на балконе холодно, иди в комнаты.

— Что это? Дворец совершенно пуст? Где ж они?

---

[1] *Вместо:* разговоры и шутки — *было начато:* вот и [пе‹сни›] шутки и [2] Но завтрак кончен. *вписано.* [3] *Далее было:* по своим бил‹лиардным› и шахм‹атным› [4] гулять ∞ разошлись *вписано.* [5] веселого [6] *Далее было начато:* служ‹ения› [7] *Вместо:* вечная ∞ лето, — *было начато: а.* вечное лето *б.* вечный май *в.* вечный июнь *г.* вечный май и [8] и меньшую ∞ жизни, *вписано.* [9] *Далее было начато: а.* Ты видишь их де‹ла?›, смотри, это здесь *б.* Но оно *в.* Это начина‹ется› *г.* Падает первый снег [10] *Далее было:* иди в дом

— Да ведь здесь становилось уж холодно и сыро, скучно и тяжело,— зачем же им быть здесь?

— Но как же оставили все это?

— А почему ж не оставить? Разве ты думаешь — нужно стеречь тогда, когда у всех довольно всего? Впрочем, здесь осталось из двух тысяч человек 5—6 оригиналов, которым [1] на этот раз вздумалось, показалось приятным развлечением побыть здесь несколько времени [2] — в глуши, в уединении, — показалось [3] любопытно испытать осеннюю погоду, — вероятно, они скоро уедут, но потом беспрестанно будут здесь переменяться партии по нескольку человек, любители зимних прогулок, — они будут приезжать сюда провести несколько зимних дней, — летом все едут сюда, потому что здесь хорошо, а зимою что здесь делать? Работы нет,[4] видишь, эта страна служит для них дачею, — летом для всех, надолго, зимою — для немногих <не> надолго. А летом сюда приезжает очень много народа кроме нас, — мы с тобою были в доме, где видели почти одних наших, — но [5] есть множество таких домов, может быть половина, в которые приезжают на лето совершенно другие народы, — всякие, с юга, для разнообразия пожить, то есть и поработать лето на севере. Есть множество и таких домов, в которых наши [6] и иностранцы живут вместе.

— Но где ж наши теперь?

— Да везде, где тепло и хорошо. Но больше всего их в той стране, которую я тебе покажу. Полетим.

Горы одеты садами — эти горы когда-то были голые скалы, теперь они покрыты толстым <слоем> земли, и на них среди садов растут рощи самых высоких деревьев; внизу, во влажных ложбинах, плантации кофейного дерева, финиковые пальмы, смоковницы,[7] олеандровые деревья.

— А что это за поля? это не наш хлеб?

— Нет, сахарный тростник, рис.[8]

— Что это за гора [9] далеко на северо-западе? Форма ее знакома, — неужели?

— Да, ты отгадала, это Синай.

— Но ведь на юг и восток от Синая песчаная, бесплодная пустыня?

— Была; теперь, как видишь, нет.

Опять дом, такой громадный, из чугуна и стекла, — но внутри настоящий дом под этим футляром, уж совершенно не такой, какой она видела [10] у нас, на севере: стены громадной толстоты, массивные, окон мало. Зачем же это так?

---

[1] *Далее было:* нрави<тся> [2] *Далее было:* вдали от [3] *Далее было:* приятно погулять по снегу, полюбоваться на блестящий снег, на [4] *Далее было: а.* скучно *б.* и все уезжают туда [5] *Далее было:* таких домов не очень много, — в большей части летом переменяется много различного народа [6] русские [7] *Вместо:* смоковницы — *было начато:* фигов<ые> [8] *Далее было:* одна только — среди рощ, полей — ту [9] *Вместо:* Что это за гора — *было:* Что это, [вид этой горы] [зна<ком?>] [которая на] форма этой горы, которая видна [10] *Вместо:* она видела — *было:* видно там

— Здесь нужна прохлада; толстые стены дают прохладу; здесь небо так безоблачно, солнце так ярко, что люди[1] в своих жилищах любят для разнообразия несколько меньше света,[2] но ведь здесь так хорошо на воздухе, что в комнатах они только отдыхают, — а для отдыха (и для меня, прибавляет она ‹*л. 48*› с улыбкою) приятен полусвет.

— Но кто и в комнатах хочет иметь полный солнечный[3] свет?

— Конечно, может иметь его сколько хочет, — смотри, в нескольких десятках от главного здания большие павильоны, — видишь, они самой легкой постройки, — видишь, в одних из них больше окон, чем в домах нашего севера, другие почти сквозные; кому где угодно, тот там и проводит время. Теперь войдем в дом, уж вечер, время отдыха, ты посмотришь, как они проводят вечер.

— Но нет, послушай, как же это могло все сделаться?

— Что — как сделаться?

— Что песчаная[4] пустыня обращена в плодороднейшую землю, где теперь проводят две трети года сотни миллионов наших, уезжающих к себе на прежнюю родину, вместе с сотнями миллионов других людей,[5] только на четыре лучших месяца?

— Как что сделалось? да ведь это же сделалось не в один год, не в два,[6] — скрепляли глиною, илом, орошали, проводили каналы версту за верстой, — и шли шаг за шагом вперед, — и теперь[7] вот уж возделана половина этой пустыни, и дело все подвигается понемногу, — но как прежде были оазисы плодородной земли среди пустыни, так теперь оставлены для разнообразия, для развлечения небольшие куски пустыни среди плодородной земли.

— Но как же это всё? Положим, постепенно, но ведь все-таки какие громадные средства были нужны...

— Если б и в твое время люди употребляли на рассудительные вещи половину тех средств, которые тратили на вредный вздор, вроде войны и приготовлений к ней, да сбирания средств для нее, да на всякие ссоры между собою, на хвастовство и всякие глупости, и если б половину тех средств, которые употребляют на рассудительные дела, они употребляли расчетливо, самым выгодным образом, — и в твое время люди могли бы жить уж очень изобильно и могли бы делать решительно всякие работы для приготовления еще лучшей жизни, для преобразования лица земли так, чтоб было им[8] просторно селиться, где природа хороша.[9] Вспомни свою мастерскую: какие были у вас лучшие средства против других? А ведь твои девушки имели в десять раз больше довольства и в сто раз больше радости, чем другие, занимаясь тою же работою с таким же искусством; отчего это?[10] Только от рассудительного, выгодного употребления

[1] *Далее было:* которые возвращаются в дом [2] *Вместо:* несколько ∾ света, — *было:* полусвет [3] *Вместо:* полный солнечный — *было:* яркий [4] песчаная *вписано.* [5] вместе ∾ людей, *вписано.* [6] *Далее было начато:* покрывали землю плодородн‹ым› [7] теперь еще [8] *Далее было:* где [9] *Далее начато:* ведь с той поры [10] *Далее начато:* От хорошего

средств. А с твоей поры прошло много времени, — оно прошло недаром, — много нового, хорошего придумали люди, потому что всё больше и больше думали о дельном, вместо вредного вздора; но смотри же, как они проводят вечер, — там на родной даче ты видела их за завтраком, в промежуток, — долгий промежуток между двумя отделениями работы, — тогда почти никто не сменял своего рабочего платья, оно было хорошо, такое, какое в твое время носили люди твоего состояния, — половина из них устроила себе то, что показалось тебе балом;[1] нет, это было короткое, импровизованное веселье; теперь ты посмотри, как проводят они вечер, время настоящего отдыха, время настоящих наслаждений. Уж три часа прошло после заката солнца,[2] мы увидим середину их вечера.

Они входят в дом. Опять громадный зал, как ярко освещен он, чем? Нигде не видно люстр и канделябров. В центре потолка зала[3] большая[4] площадка из матового стекла, — через нее идет солнечный свет, ровный, белый,[5] — ах, это электрическое освещение! — в зале около тысячи человек народа, — что это? придворный бал? — так роскошна одежда женщин, — но нет, этот покрой одежды не тот, видно, что другие времена, — есть несколько и в платьях нашего покроя, — они оделись так для разнообразия, для шутки, — но преобладает тот характер платья, какой был в древнем мире:[6] и на мужчинах, и на женщинах широкое, длинное, без талии,[7] — что-то вроде хитонов, иматиев, стол, тог, — как скромно[8] и прекрасно,[9] как мягко и изящно обрисовывает оно формы! Какой оркестр! Какой хор! В оркестре и хоре тоже люди беспрестанно меняются: одни входят, которым хочется отдохнуть от танцев за музыкою или пением, другие выходят, чтоб танцовать, — и ведь это кажется просто: у них бал, они веселятся и танцуют,[10] — но какую энергию веселья выражают эти слова! Ведь эти наработались, — кто не наработался вдоволь, тот[11] не приготовил нервы, чтоб чувствовать полноту веселья, — и теперь веселье простых людей[12] более радостно и свежо чувствуется рабочими людьми, когда им удается веселиться, чем нами, но ведь у них скудные средства для веселья, а здесь они богаче, чем у нас, и ведь их веселье смущается воспоминанием недостатков и неудобств, лишений и страданий, смущается предчувствием[13] того же и впереди, — это краткий миг забвения нужды и горя, а разве нужда и горе могут быть забыты вполне? Разве песок пустыни не заносит, разве миазмы болота не заражают и некоего клочка хорошей земли с хорошим воздухом, который лежит между пустынею и болотом? А здесь нет ни воспоминаний, ни опасений нужды и горя, —

---

[1] *Вместо:* то ∾ балом; — *было:* бал, но ведь тоже наскоро, без большого [2] *Вместо:* Уж ∾ солнца — *было:* Солнце зашло [3] *Вместо:* В центре ∾ зала — *было:* [На] В четырех углах зала, углах, в [4] большая матовая [5] *Далее было:* яркий [6] *Вместо:* в древнем мире: — *было начато:* у гр‹еков› [7] *Далее было:* а. *Начато:* но его, большей частью б. и без рукавов [8] хорошо [9] *Далее было:* обри‹совывает› [10] *Далее было начато:* но разве может [11] тот не может так веселиться, и тот [12] *Далее было:* сильнее, главное, более увлекательно [13] *Далее было:* опасением

здесь воспоминания только вольного[1] труда в охоту,[2] довольства, добра[3] и наслаждения, ожидание только вольного[4] труда в охоту, веселья,[5] довольства, добра и наслаждения. Нет, теперь нет такого веселья! Как все они цветут здоровьем и силою, как стройны они, как грациозны,[6] как правильны и нежны, как энергичны и выразительны их черты! Это счастливые красавицы и красавцы, ведущие жизнь[7] труда и наслаждения, — как им не веселиться? Где теперь такие люди? Где теперь такое веселье?[8] Ведь у рабочих людей[9] нервы только крепки[10] и потому способны к сильному ощущению веселья, — а ведь эти их[11] нервы грубы, — а здесь нервы и крепки,[12] как у наших рабочих людей, и впечатлительны, как у нас, — восприимчивость к веселью,[13] как была в рабочих людях твоего времени, со всею тонкостью[14] ощущений, как какая была у образованных[15] людей твоего времени, они имели[16] все нравственное развитие образованных людей твоего времени и все физическое развитие крепких[17] рабочих людей твоего времени, — суди же, как живо их веселье!

— Вольная воля,[18] вольная воля! Шумно веселится половина моих людей — а другие, где они? Везде они — и по библиотекам, и в музеях, и в аудиториях,[19] и в аллеях рощ,[20] и в густых благоухающих садах,[21] и группами, и уединенные; и в своих комнатах, но в комнатах немногие уединяются;[22] — нет, мало одиночек отдыхают в своих комнатах,[23] — ты не слышала, что̀ в комнатах, — занавесы дверей толсты, в несколько рядов, они поглощают звуки, — здесь каждая комната[24] — неведомый, неслышный приют, когда хочет быть неведомым, недоступным, неслышным для других приютом, но я[25] скажу тебе, что в них царствую я, — ты видела, с бала уходят, ты видишь, на бал приходят, — это я увлекаю[26] из огромного аванзала моего царства в недоступные, неслышные[27] приюты, где царствую я, это я возвращаю их ‹из моего› царства опять на легкое веселье!

Да, я царствую здесь! Здесь всё для меня! Труд — заготовление[28] свежести чувств и сил для меня, веселье — приготовление ко мне, отдых после меня! здесь я — цель жизни, здесь я вся жизнь!

— То, что я показываю тебе, будет в таком полном развитии нескоро, — пройдут десятки, может быть сотни лет прежде, чем вполне осуществится

---

[1] вольного *вписано.* [2] в охоту, *вписано.* [3] веселья [4] вольного *вписано.* [5] *Далее было:* добра и [6] как ∾ грациозны, *вписано.* [7] дельную жизнь [8] *Текст:* и ведь их веселье ∾ такое веселье? *вписан.* [9] у рабочих людей *вписано.* [10] здоровы [11] *Вместо:* эти их — *было:* они [12] *Далее было:* и впечатлительны [13] *Вместо:* восприимчивость к веселью, — *было:* вся сила [14] чувствительностью [15] у развитых [16] *Далее было:* совершенно такой же образ людей твоего времени, и энергию рабочего [17] здоровых [18] Вся воля, [19] *Далее было:* и в тени садов [20] *Далее было:* и под группами роскошных деревьев садов, густых благоухающих деревьев [21] и в своих уединениях [22] *Далее начато:* такие всё [23] *Далее было начато:* *а.* из комнат *б.* мы сто ‹*не закончено*› *в.* я сказала тебе, что в комнатах [24] *Далее было:* уединенный [25] но ты [26] *Далее было:* это мое царство [27] *Вместо:* в недоступные, неслышные — *было:* в уединенные [28] заготовление сил

то, что можешь предощущать[1] ты, что видела теперь ты, — нет, не сотни лет, нет, меньше, моя сестра работает быстро, ее силы растут не по годам, а по дням, — но все же ты[2] еще не доживешь до того, что видела ты;[3] — зато, по крайней мере, ты видела это, ты знаешь будущее — оно светло, оно прекрасно![4] Говори же тем, кто[5] живет в одно время с тобою: вот чем будет будущее, — будущее светло и прекрасно, любите, стремитесь к нему, работайте для него,[6] приближайте его,[7] захватывайте из него в настоящее, насколько можно захватить, — настолько будет светла и добра, полна радости[8] и наслаждения ваша жизнь, насколько успеете вы перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него! приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести! *‹л. 48 об. Верх›*

Через год новая мастерская уже совершенно устроилась, установилась, пришла в порядок;[9] мастерские были тесно[10] связаны между собою, передавали друг другу заказы; одна исполняла часть работы другой, когда той случалось быть заваленной[11] заказами; между ними был постоянный текущий счет. Размер их средств вместе был уж настолько обширен, что, если бы они сблизились еще больше, можно было открыть магазин на Невском. Это опять стоило довольно долгих хлопот Вере Павловне и Мерцаловой. Хотя отношения между девушками той и другой компании были тесные, хотя все они были между собою знакомы, хотя часто одна компания принимала у себя в гостях другую, хотя часто они соединялись для поездок[12] за город летом, но все-таки мысль о слиянии счетов двух различных предприятий была мысль новая, которую долго надобно было разъяснять. Однако же выгода иметь на Невском свой магазин была очевидна, и после[13] нескольких месяцев хлопот о слиянии двух предприятий в одно Вере Павловне и Мерцаловой удалось достичь этого. На Невском явилась новая вывеска: «Au bon travail. Magasin des Nouveautés».

С открытием магазина на Невском[14] дела начали довольно заметно становиться еще выгоднее прежнего. Магазин входил в моду, — не в высшем кругу, до этого куда ж бы! но все-таки в кругах довольно богатых, то есть дающих выгодные заказы.[15]

Через два-три месяца стали замечаться в магазине посетители,[16] отли-

---

[1] видеть [2] ты не [увидишь] [жит‹*не закончено*›] [3] *Далее было:* но знай [4] *Далее было:* Люби, стремись к нему — насколько светла и прекрасна будет жизнь каждого из живущих [5] кого [6] *Далее было:* насколько [7] приближайте его, *вписано.* [8] *Вместо:* полна радости — *было:* радостна [9] *Далее было начато:* а. под б. заказывали ей много, все ее прежние мастерские уж имели [10] довольно тесно [11] *Вместо:* той ∾ заваленной — *было:* когда та была почему-нибудь з‹авалена?› [12] для гуляний [13] *Далее было:* хлопот о слиянии [14] *Далее было:* значительно увеличилось количество выгодных заказов [15] *Против текста:* Через год ∾ выгодные заказы. — *на полях рукою Чернышевского помета, означающая номер будущей главки:* XVII. Полулист 19. [16] *Далее было:* которые казались несколько странными

чавшиеся любознательностью, несколько неловкою, которой как будто конфузились сами, которая как будто сопровождалась в них[1] не тою мыслью, какою сопровождается[2] обыкновенная любознательность в любознательных людях:[3] «ведь[4] если я интересуюсь тем, чем интересуешься ты, то, вероятно, ты смотришь на меня с расположением и постараешься, как можешь, сам просветить меня», нет, а как будто другою мыслью: «конечно, ты на меня смотришь косо и стараешься спрятать хвост от меня, но меня все-таки не проведешь». Таких посетителей было два-три человека, и бывали они каждый раза по три, по четыре. В их «любознательности» прошло еще месяца полтора.[5] А месяца через полтора приехал к Кирсанову один отчасти знакомый, а больше незнакомый ему собрат по медицине и после различного разговора о различных медицинских казусах, главным образом после рассказов гостя об удивительных успехах того метода врачевания,[6] которого он тогда держался и который состоял в том, чтобы больному несколько дней не давали ничего пить: «потому что все болезни состоят в худосочии, а соки постоянно выделяются из организма, следовательно, если не давать нового источника для этих отделений, то худые соки по необходимости истощатся и через то болезнь пройдет»,* — сказал, что, между прочим, имеет Кирсанову приглашение: один просвещенный человек,[7] много наслышавшийся о Кирсанове, желает познакомиться с ним. Кирсанов отвечал, что отправится к просвещенному человеку завтра же.

Просвещенный человек, — которого точнее следует называть даже просвещенным мужем, хотя у него и не было жены,[8] — итак, просвещенный муж был действительно просвещенный муж, потому что тогда — в 1858—1859 гг. — было уж очень просвещенное время. Некоторые <не>просвещенные люди еще были, да и то уж были большой редкостью, но эта редкость попадалась тогда только между существами,[9] которых нельзя с точностью назвать мужами, хотя б у них и были жены; а между мужами в собственном[10] смысле слова, то есть такими мужами, которые мужи собственно сами по себе,[11] — мужи, потому что мужи, а не потому, что имеют жен, — между такими мужами непросвещенных не было: мужи все до одного были тогда просвещенными.

Муж[12] принял Кирсанова, как, конечно, следует просвещенному мужу принимать гостей,[13] с которыми ему самому захотелось познакомиться, — очень любезно; усадил, сам несколько пододвинул стул, предложил си-

* Это положительный факт. Один из моих лучших знакомых [лечил так] говорил, что один медик лечил по такому методу. Теперь этот медик держится уж другого метода, кажется пятого с тех <пор>, как лечил высушиванием, что было лет 15 назад.

[1] *Вместо:* сопровождалась в них — *было:* внушалась ими самими [2] внушается [3] *Далее было:* дескать [4] *Далее было:* ведь я тебя не заставляю [5] месяца три-четыре. [6] которым он лечил, [7] *Далее было:* пользующийся уважением [8] *Вместо:* хотя ∞ жены, — *было:* хотя он и не был женат [9] людьми, [10] в точном [11] *Далее было:* а не потому, что имеют жен [12] Итак, просвещенный муж [13] посетителей

гару и сказал[1] несколько очень хороших слов о том, что он очень рад случаю познакомиться «с вами, Александр Матвеевич», потому что он очень много наслышался «о вас, Александр Матвеевич», «как об одном из лучших украшений нашей медицинской науки, которая так необходима для государства», и проч., — все это было действительно очень любезно, особенно то, что назвал Кирсанова по имени и отчеству, — вот что значит просвещение! Прекрасная вещь. После этого несколько времени шел просвещенный разговор о медицине, а напоследок дошел и до цели знакомства, до приятного случая.

— У меня к вам есть просьба, — сказал просвещенный муж, когда достаточно доказал свою просвещенность и любезность.[2] — Сделайте одолжение, объясните мне, что за магазин открыла ваша супруга на Невском?

— Модный магазин, — сказал Кирсанов.

— Но с какою целью открыт он,[3] это важно?

— С обыкновенною целью всех модных магазинов, торгующих дамскими нарядами.

Просвещенный[4] муж посмотрел на своего гостя с внимательной мыслью; Кирсанов посмотрел на просвещенного мужа тоже с внимательной мыслью; просвещенный, смотря с внимательной мыслью, усмотрел, что гость, с которым ему приятно было познакомиться, — человек прижимистый, на которого надобно напирать плотнее.

— Я должен вам сказать, г. Кирсанов (почему просвещенный муж вдруг забыл имя и отчество своего гостя?), что о магазине вашей супруги ходят невыгодные[5] слухи.

— Это очень может быть: у нас любят сплетни; магазин моей жены имеет некоторый успех, может быть есть в ком зависть к нему, — вот вам и объяснение. Но любопытно бы знать, какие ж это невыгодные <слухи?>[6] Сплетни о модных магазинах чаще всего состоят в том, что они служат местами любовных свиданий. Не это ли уж?[7] Но это была бы чистая нелепость.[8]

Просвещенный муж снова посмотрел на Кирсанова с внимательною мыслью и убедился,[9] что его гость — человек не только прижимистый, но и очень прижимистый.

— Помилуйте, Александр Матвеевич, кто же смеет оскорблять такою клеветою вашу супругу? Она и вы, конечно, слишком много выше подобных подозрений. И притом, если б слухи,[10] о которых я говорю, относились к этому, мне не было бы причины искать вашего знакомства, потому что[11] подобными вещами нет надобности заниматься людям серьезным. Но я желал[12] с вами познакомиться потому, что, высоко уважая пользу, при-

[1] и очень хорошо сказал [2] *Далее начато:* *а.* Магазин вашей *б.* Прошу в<ас> [3] этот магазин [4] Ученый [5] странные [6] *Далее начато:* О каком модном магазине чаще [7] *Начато:* Если так, тогда я [8] *Текст:* Не это ли ∾ нелепость. — *вписан.* [9] и еще более убедился, [10] дела [11] *Далее начато:* *а.* я этим *б.* мне нет надобности [12] искал

носимую государству вашей ученой деятельностью, я бы желал быть вам полезен, и потому позвольте мне просить вас, Александр Матвеевич:[1] будьте осторожнее. Обществу и, можно сказать, государству драгоценны такие ученые деятели,[2] как вы, потому что процветание науки — первая потребность благоустроенного государства, и потому они должны, Александр Матвеевич,[3] — можно сказать более: обязаны беречь себя.

— Насколько я сам о себе знаю, я не делаю ничего такого, что противоречило бы моей обязанности перед обществом[4] и государством беречь себя.

Просвещенный муж посмотрел на Кирсанова с внимательной мыслью и усмотрел, что его гость человек не только очень прижимистый, но и закоснелый.

— Будем говорить прямо, Александр Матвеевич, к чему людям просвещенным не быть между собою вполне откровенными? Я сам в душе социалист и читаю Прудона с наслаждением. Но...

— Позвольте сказать несколько слов, чтобы не оставалось между нами недоразумений.[5] Вы сказали: «тоже социалист». Это «тоже», вероятно, относится ко мне. Почему я, вы думаете, социалист? Может быть, вовсе нет, — кроме социалистов, есть протекционисты, есть последователи Сэ, есть последователи исторических воззрений Рау, есть последователи множества различных других направлений в политической экономии. Для[6] причисления человека к последователям одного из них надобно иметь какие-нибудь основания.[7]

— Я имею те основания причислять вас, г. Кирсанов, к социалистам, что мне известно устройство магазина вашей супруги.

— Это устройство позволяют последователи всех направлений, когда они говорят серьезно. Некоторые из них — и теперь уж очень немногие — нападают на него,[8] когда ведут полемику против последователей какого-нибудь другого направления, смотря по надобности. Но нападают только тогда, когда ведут полемику. В спокойном, чисто ученом изложении не отваживается не признавать[9] его безопасность и полезность для общества решительно никто из пишущих о политической экономии. Если я говорю неправильно, прошу вас указать мне хоть один пример противного.

— Г-н Кирсанов, мы здесь не для ученых споров.[10] Вы согласитесь, что мне некогда ими заниматься.[11] Магазин г-жи Кирсановой[12] имеет вредное направление, и я бы советовал ей, и в особенности вам, быть осторожнее.

— Если он вреден, то его надобно закрыть, а нас отдать под суд. Но мне любопытно было бы знать, в чем же состоит его вред?

---

[1] Александр Матвеевич *вписано.* [2] такие люди, [3] Александр Матвеевич, *вписано* [4] *Далее было:* беречь [5] *Далее было:* Я не социалист. [6] Таким образом, для [7] доказательства. [8] *Далее было:* это может статься, но только это. [9] *Вместо:* не признавать — *было:* говорить [10] *Далее было:* Мне некогда [11] *К слову:* заниматься — *знаком отнесена дата:* 18 февр‹аля› [12] *Вместо:* госпожи Кирсановой — *было:* вашей супруги

— Да во всем. Начнем хотя с вывески. Что это такое «Au bon travail»? — это прямо революционный лозунг.[1]

— В переводе это будет означать: «магазин хорошей работы»;[2] какой тут революционный смысл, что модный магазин обещает хорошо исполнять заказы, я не понимаю.

— Смысл этих слов не тот. Они означают, что надобно все магазины так устроить, тогда только будет хорошо рабочему сословию. И само слово travail — это[3] ясно — взято из социалистов, это революционный лозунг.

— Мне кажется, что с тех пор, как французы стали пахать землю, а раньше того — охотиться за зверями, они[4] уж занимались какою-нибудь работою и не могли обходиться в своих разговорах без этого слова; а оно[5] очень давнишнее, лет на тысячу старше всех социалистов, уверяю.

— Но к чему вообще какие-нибудь слова на вывеске? «Модный магазин такой-то» — и довольно.

— Вывесок с разными девизами очень много на Невском.[6] «Au pauvre Diable», «A l'Elégance», — мало ли? Потрудитесь проехать по Невскому, вы увидите.

— Мне с вами некогда спорить. Я вас прошу заменить эту вывеску[7] другою, на которой было бы просто написано: «модный магазин такой-то». Вот таково прямое изъявление[8] воли, которая должна быть исполнена.[9]

— Теперь я не спорю, я говорю: это будет сделано. Но,[10] принимая[11] перед вами за мою жену обязательство исполнить это, я должен сказать, что эта перемена сильно вредит денежным интересам предприятия. Она вредит им вдвойне: во-первых, всякая перемена фирмы отнимает[12] значительную[13] часть торговой известности, возвращает коммерческое предприятие далеко назад в отношении торгового успеха. Во-вторых, моя жена носит мою фамилию, моя фамилия русская, русская фамилия на модном магазине уж подрывает[14] его. Денежные интересы моей жены сильно пострадают.[15] Но она покорится необходимости.

Просвещенный муж задумался с искренним участием.

— Ваш магазин есть коммерческое предприятие? Эта точка зрения заслуживает внимания. Администрация должна охранять денежные интересы и покровительствовать развитию торговли. Но можете ли вы уверить меня честным словом, что магазин вашей супруги есть коммерческое предприятие?

— Даю вам честное слово, да. Он — коммерческое предприятие.

---

[1] революционное направление. [2] *Вместо:* «магазин ∾ работы»; — *было:* «хорошая работа»; [3] это напоминает [4] *Далее было:* не могли [в разговорах] обходиться без [5] ну а оно [6] на Невском. *вписано.* [7] *Далее было начато:* Просто д‹олжно?› [8] *В рукописи слову «изъявление» соответствует сокращение:* ве, *что может быть расшифровано также и как:* веление, повеление, выражение [9] *Далее было начато: а.* Изв‹ольте?› *б.* Не можете перечить ‹?› [10] *Далее было начато:* я не по‹нимаю?› [11] исполняя *После:* принимая — *было:* на себя от имени [12] срывает [13] значительную *вписано.* [14] *Вместо:* уж подрывает — *было:* страшно подрывает [15] страдают.

— Скажите,[1] что можно сделать в облегчение денежной потери,[2] которой, к сожалению, необходимо должна подвергнуться ваша супруга?[3] Все возможные средства[4] для смягчения этого неизбежного удара будут допущены[5] мною с готовностью,[6] могу сказать больше: с удовольствием. Но, вы понимаете, эта вывеска не может остаться.

— Мне приходит в голову вот что. В вывеске представляется неудобным словом travail, оно должно быть заменено именем моей жены. В этом состоит требование общественной пользы?

— Да.

— Я нахожу возможным исполнить это требование, важность оснований которого я вполне ценю, избегнув № 2 из двух невыгод — страшного[7] удара, который нанесло бы магазину выставленное на нем имя[8] с окончанием — off. Имя моей жены Вера. Можно передать это на французский язык словом Foi, — если оставить слово bon, ограничив эту перемену только размером[9] необходимости, относящейся собственно к слову travail, то новая вывеска была бы: «A la bonne foi» — собственно «добросовестный магазин»,[10] но во французской надписи будет даже оттенок консервативного смысла: foi — Вера, как бы в противоположность тенденциям отрицательного характера.

Просвещенный муж задумался.

— Это вопрос важный. На первый взгляд ваше желание, Александр Матвеевич,[11] представляется возможным. Но я в настоящую минуту не хотел бы давать вам решительного ответа, надобно зрело обдумать это.

— Я позволю себе[12] высказать прямо мою мысль:[13] конечно, в людях обыкновенных быстрота решения и зрелость его — условия не легко соединимые. Но[14] я никогда не сомневался,[15] что встречал в жизни людей[16] со взглядом, с одного раза обнимающим все стороны вопросов, формулирующим[17] совершенно верный и зрелый окончательный вывод, — это талант, по преимуществу административный.[18]

— Я требовал у вас только несколько минут, — глубокомысленно сказал просвещенный муж, — и несколько минут мне действительно необходимы.

Несколько минут прошло в глубоком молчании.

---

[1] *Перед:* Скажите — *было начато:* Я право не знаю, как это [2] денежного убытка, [3] *Далее было начато:* Кроме уступки [4] *Было: а.* уступки *б.* снисхождения *в.* заботы *г.* меры [5] приняты [6] с удовольствием, [7] убийственного [8] на ней фамилия [9] мерою [10] *Далее было: а.* Это право разрешает *б.* Этим достигается более удовлетворительный результат [11] Александр Матвеевич, *вписано.* [12] *Далее было:* может быть, дерзко [13] *Вместо:* Я позволю ∞ мысль — *было:* Если вы позволите мне высказать мое мнение [оно], это бы значительно упростило [14] Но эти исключительные натуры [15] *Далее было:* что эти некоторые исключительные лица обладают качествами своего ума, при которых [16] *Далее было:* у которых решительно [17] *Далее было:* окончательный [18] *Далее было:* и кроме того в сфере высшей администрации.

— Да, я теперь обдумал все стороны вопроса. Ваш компромисс может быть принят. Вы поймете[1] грустную необходимость более или менее нарушить ваши интересы для интересов общества, — могу сказать больше: для интересов общественного благоустройства; но точно так же я жду от вашего беспристрастия, Александр Матвеевич, и[2] признания готовности сделать все возможное для возможного смягчения необходимой меры.

— Будьте уверены, что я ценю одинаково и важность[3] принимаемой вами меры, и вашу заботливость о возможном охранении наших частных интересов.

— Итак, мы расстаемся дружелюбно, Александр Матвеевич, это очень меня радует как вообще по моей готовности служить смягчающим посредником между государственной необходимостью и частными интересами, так и в особенности по моему уважению к вам, как одному из наших достойнейших ученых,[4] которыми так должно дорожить общество, — могу сказать более: которых так уважает правительство.

Просвещенный муж и ученый, им уважаемый, с чувством пожали друг другу руки.

Довольно долго Вера Павловна и муж находили себе источник частого удовольствия в размышлениях о том, как общество,[5] — можно сказать, общественное благоустройство, — было спасено от опасности заменою слова travail словом foi и соответственною тому переменою в роде прилагательного имени на одной из многих тысяч вывесок Невского проспекта.[6] Но в сущности дело было вовсе не шуточное.[7] Магазин отделался на этот раз очень легко; конечно, так; а все-таки ясно было, что надобно[8] поприжаться и поприжаться, заставить забыть о себе, что теперь — по крайней мере надолго — нечего уж думать о развитии предприятия, которое так и просилось идти вперед, что высшее возможное счастье надолго должно будет состоять в том, чтобы продолжать существовать, отказавшись на многие месяцы,[9] вероятно не на один год,[10] от расширения дела.[11] Это было, конечно, тяжело. Но ведь и то сказать, разве это не предвиделось? Хорошо и то, что дело успело без помех развиться хоть настолько, — помехи могли явиться гораздо раньше; хорошо и то, что помехи проявились только в останавливающем, а не в разрушительном характере, — ведь можно было ждать и разрушения.

Само собою разумеется, что внимание, раз обращенное на магазин, не отвратилось. Но в магазине действительно не было ничего, кроме тишины и порядка, благонравия и благоустройства. Поэтому деятельность внимания ограничивалась собственно вниманием, действие внимания ограничи-

---

[1] оцените [2] и готовности [3] *Вместо:* ценю ∾ важность — *было:* очень хорошо ценю важность [4] *Далее было:* и потом ученых того поприща, [5] государство, [6] *Далее было:* как хорошо [7] *Далее было:* А Кирсанов мог не отделаться так легко. [8] *Вместо:* конечно, так ∾ надобно — *было:* но видно было, что идти надобно [9] *Вместо:* на многие месяцы, — *было:* на годы [10] на многие месяцы ∾ год *вписано.* [11] от развития стремлений

валось тем, что надобно неподвижно остановиться на том месте, где оно застало, и своей неподвижностью покупать продолжение своего существования.[1] <*л. 46*>

Но от этих вещей нельзя отделаться[2] никак, особенно если раз они вздумали прицепиться, а они вздумали и прицепились к вывеске.[3]

— Если б я вздумал, например, положим, гулять по Невскому, — кому-нибудь непременно вздумалось бы думать о том, зачем,[4] дескать, он гуляет по Невскому? Что это значит? Но я не гуляю по Невскому, потому кому-нибудь наверное уж вздумалось:[5] его никогда не видно гуляющим по Невскому, — что это значит? Вы не подумайте, что я шучу, — нисколько; и не предположите, что я, может быть, ошибся в своем «наверное», — нет, это я так только для смягчения выразился «наверное», а я это положительно знаю, у меня на это есть доказательства,[6] и я по чистой правде вам говорю, что вот уж три года ни одного дня не проводил я без тяжелого размышления о том, как мне быть по вопросу о моем гулянии или негулянии по Невскому. Я б, пожалуй, и стал гулять, хоть этого вовсе мне не хочется, но по зрелом размышлении я убедился, что от этого дело выйдет еще хуже — «раньше не гулял, теперь начал гулять, — что это значит?» Согласитесь, ведь это уж еще гораздо более компрометировало бы меня. И если человек,[7] который ведет такую жизнь, что ни о чем в ней нельзя задуматься, кроме того, что он не гуляет (или гуляет, это все равно относительно удобства взятия[8] за тему для размышлений[9] и вывода предположений), если такой человек все-таки вот уж несколько лет служит предметом размышлений и предположений, то уж никак не избавиться от этой судьбы Кирсанову, у которого жена открыла на Невском магазин.[10]

Таким образом, по временам стал заезжать к нему медик, лечивший когда-то высушиваньем,[11] и выражал ему свое уважение, и советовал ему быть спокойным, и советовал ему быть осторожным, и все это было очень любезно, и действительно было очень доброжелательно как со стороны медика, лечившего высушиваньем, так и вообще со стороны просвещенных мужей, которые действительно были и просвещенные, и добрые, и благожелательные, и доброжелательные люди, <*л. 52. Низ*> не желающие никогда никому вредить и никого стеснять.

И вправду сказать, ни вреда, ни стеснения Кирсанову не было.

---

[1] *После этой фразы на полях позднейшая помета, предполагающая перестановку текста:* 3 письма [2] отцепиться [3] *Далее начато:* иначе зачем же *К тексту, начатому этой фразой, помета:* 3 м<арта>. После разговора о мастерской [4] *Далее начато:* я гуляю [5] *Далее было:* все гуляют, а он не [6] *Далее было начато:* и я вам скажу более: [отчего мне рассказывать] [не вышел оттого] как не вышел? Вы скажете: Отчего у тебя нет таланта, как [7] *Далее было начато:* жизнь которого [8] задумывания [9] для раздумья [10] *Вместо:* открыла ∾ магазин — *было начато:* имеет магазин за [11] *Далее было:* а теперь уж

На мастерской это отзывалось тем, что она продолжала существовать, конечно, не развиваясь, а стараясь по возможности сжиматься, — но все-таки продолжала существовать, значит и на ней доброжелательство отзывалось хорошим, а не дурным результатом, и над ней оно оказывалось действительно доброжелательством и, можно сказать, даже охранением[1] ее от всякого вреда.[2] ‹*л. 52 об. Верх*›

Однако если дело не могло теперь расширяться,[3] то оно все-таки могло продолжать устроиваться лучше и лучше. Конечно, и в этом надобно было соблюдать осторожность, чтоб[4] заметные успехи не пробуждали новой недоверчивости; конечно, и сама остановка расширения должна была много задержать внутреннее развитие, потому что в этих вещах[5] увеличение внешнего размера и увеличение средств для внутреннего усовершенствования — стороны,[6] очень тесно связанные между собою; но все-таки, хоть гораздо медленнее, чем могло быть при других условиях, дело успевало.

В каком положении было оно года через три-четыре после основания второй мастерской, лет через семь после основания первой, — это рассказывает письмо одной девушки, которая познакомилась около этого времени с Верой Павловной, к одной подруге, жившей тогда в Москве.

Письмо Катерины Васильевны Полозовой[7]

Милая Полина, мне так понравилась[8] совершенно новая вещь, которую я недавно узнала и которой сама теперь занимаюсь, что хочу описать[9] ее тебе; я уверена, что и ты ею заинтересуешься, но главное, может быть ты найдешь возможность сама заняться чем-нибудь подобным: это так приятно, мой друг. Я очень желала бы для тебя, чтобы ты нашла эту возможность.

Вещь, которую я хочу описать тебе, — мастерская, собственно[10] две мастерские, устроенные по одному принципу женщиною, с которою я подружилась вот уж месяца два и которой теперь помогаю с тем условием, чтоб через несколько времени она помогла мне сделать то, что удалось сделать ей. Эта женщина — Вера Павловна Кирсанова, еще молодая дама,[11] очень добрая,[12] веселого характера, простая, совершенно в моем вкусе, хоть и вовсе не похожа на твою Катю,[13] такую смирную и тихую: она очень бойка и жива. Но ты знаешь, я люблю таких, которые не похожи на меня, — ведь и ты вовсе не похожа на меня.[14] Я с нею познако-

[1] *Вместо:* и можно сказать ∾ охранением — *было:* и скорее охр‹анением›
[2] *Далее следует текст, помещенный на стр. 724—725.*
[3] *а.* Они не могли расширяться, но *б.* Однако они не могли расширять
[4] *Далее было:* не возбуждать
[5] *Далее было:* размеры
[6] вещи,
[7] *Здесь:* Хвойницкой. *Далее было:* к одной из ее
[8] *Вместо:* мне так понравилась — *было:* я так полюбила
[9] рассказать
[10] *Далее было:* т‹о› е‹сть›
[11] *Далее было:* Вера Павловна Кирсанова
[12] *Далее было:* простая
[13] *Далее было: а.* которую ты знала, — и я не грущу больше, как ты знаешь
[14] *Далее было:* Однако, что же я заговорилась о Кате, — ведь я пишу не о ней. А все-таки придется

милась прямо по этому делу — приехала, сказала, что, узнавши кое-что о ее мастерской, — я слышала только об одной, — я заинтересовалась устройством этой мастерской и приехала видеть ее. Она повела показать мне мастерскую, и я расскажу тебе некоторые впечатления моего первого посещения; они были так новы для меня, что я тогда внесла их в свой дневник, который у меня был давно брошен, но в последнее время возобновился по[1] обстоятельству, о котором скоро расскажу тебе подробно; а впрочем, так и быть, скажу два слова теперь же: я полюбила[2] одного очень оригинального[3] человека, с которым, кажется, мы уж не расстанемся,[4] — но все-таки не в этом дело,[5] об этом после побольше, а теперь ведь я взялась за перо с тем, чтоб описывать тебе впечатления первого моего посещения мастерской Кирсановой. Я,[6] разумеется, дополняю теперь свой дневник подробностями, которые узнала после, но мне приятно, что в нем осталось записанным первое мое посещение и что в нем[7] первые впечатления сохранили свою свежесть. Теперь, может быть, я и забыла бы сказать о многом, что тогда поразило меня и что теперь кажется самой обыкновенной вещью, чем больше становится она для ‹меня› обыкновенной, тем больше я привязываюсь к ней, потому что она вещь очень хорошая.

Швейная мастерская — что же такое я увидела, как ты думаешь?[8] Мы остановились у одного из подъездов большого дома в Шестилавочной[9] улице, между Сергиевской и Фурштадтской. Вера Павловна повела меня по хорошей лестнице — знаешь,[10] одной из тех лестниц на улицу, на которых живут люди, занимающие[11] квартиры в 600, в 800 руб. У одной из дверей[12] третьего этажа она позвонила, и я увидела себя в большой зале, с роялем, порядочной мебелью, — одним словом, комната имела такую меблировку и такой вид, как будто вошла в квартиру семейства, проживающего три-четыре[13] ‹тысячи› рублей в год. «Это мастерская? И это одна из комнат квартиры, занимаемой швеями?» — «Да, но ведь эта комната — приемная и зал для вечерних собраний,[14] пойдемте по другим комнатам, в которых собственно живут швеи, они теперь в рабочих комнатах, и мы никому не помешаем нашим осмотром».[15]

Вот что увидела ‹я› при этом обзоре и ‹что› пояснила мне Вера Павловна.

Помещение мастерской образовалось[16] из трех квартир, выходящих на одну площадку и обратившихся в одну квартиру, когда растворили заделанные двери из одной в другую. Квартиры эти раньше отдавались за 700,

---

[1] был давно ∾ по *вписано.* [2] я, кажется, полюбила [3] стран‹ного› [4] *Вместо:* с которым ∾ не расстанемся — *было:* за которого, кажется, и выйду [5] *Далее было:* как я разбавляю [6] Я дополняю [7] *Вместо:* в нем — *было:* там [8] полагаешь? [9] *Вместо:* Мы остановились ∾ Шестилавочной — *было начато: а.* Мы подошли с Верой Павловной к большому дому, по К. и Вера Павловна повела меня *б.* Мы подъехали к большому дому, который находился в конце Сер‹гиевской› [10] *Далее было:* эти лестницы [11] не очень богатые, но занимающие [12] Мы вошли в одну из дверей [13] пять-шесть [14] но ведь ∾ собраний, *вписано.* [15] *Далее было: а. Начато:* Мы *б.* Видишь ли, По‹лина?› [16] сост‹авилось›

550 и 425 рублей в год — всего за [1] 1675 руб.; но, отдавая их все вместе, по контракту на пять лет, хозяин дома ‹согласился› уступить их за 1250 рублей. Всего в мастерской 20 комнат, из них 2 очень большие, по 4 окна: одна служит приемною, другая столовою; в двух других, также очень больших, по три окна, работают; в остальных живут. Мы (я все говорю про свое первое посещение) прошли пять или шесть комнат, в которых живут девушки, — в тех комнатах, которые побольше, по четыре, в других — по три и по две. Меблировка этих комнат очень порядочная, красного дерева или ореховая, в некоторых есть большие стоячие [2] зеркала, в других хорошие трюмо, — много хороших кресел, диванов, — мебель [3] в различных комнатах разнокалиберная, — почти вся она постепенно покупалась за дешевую цену по случаю. Комнаты имеют такой вид, как в квартирах чиновничьих семейств средней руки — в семействах старых начальников отделения или нестарых столоначальников, которые скоро будут начальниками отделения. Мы вошли в рабочие комнаты, и девушки, занимающиеся в них шитьем, точно так же показались [4] мне одеты,[5] как дочери, сестры, молодые жены этих чиновников: на одних были шелковые платья, из простеньких шелковых материй, на других барежевые, кисейные; лица имели также [6] ту мягкость и нежность, которые развиваются только от жизни в довольстве. Все это было очень странно: я рассказываю тебе коротко, но тогда разглядывала всё до последней мелочи с удивленным любопытством. В рабочих комнатах мы провели [7] довольно много времени, я познакомилась тут же с некоторыми из девушек, — степень развития их была неодинакова: одни говорили уж совершенно языком образованного общества, были знакомы с литературою, как наши барышни, имели понятие и об истории, и чужих землях, и обо всем, что составляет обыкновенный круг понятий барышень [8] в нашем обществе; это, конечно, те, которые уж давно в мастерской; развитие других, поступивших недавно,[9] конечно, было меньше, но все-таки и с ними можно было говорить как с девушками,[10] уже имеющими некоторое образование. Таким образом, мы дождались обеда. Он состоял из трех блюд: в тот день был рисовый суп, разварная рыба и телятина.[11] После обеда на столе явились чай и кофе, кому что было угодно. Обед был настолько хорош, что я поела со вкусом и не почла бы себе большим лишением жить [12] на таком обеде. А ведь ты знаешь, что мой отец имеет хорошего повара.[13] Вера Павловна сказала мне, что в кухмистерской такой стол стоит 40 копеек, но что самой компании он вообще обходится с хлебом (но не считая чая и кофе) от 6 до 7 рублей, — а за столом было больше [14] 40 человек — правда, в том числе несколько детей.

---

[1] всего то есть за [2] стоячие *вписано.* [3] *Далее было:* вообще [4] удивили [5] похожи [6] *Далее было:* привлекательность ‹?› [7] просидели [8] девушек [9] *Далее было:* только что начиналось. Мне было странно [10] людьми, [11] и жаркое [12] иметь [13] а ведь ты знаешь ∾ повара *вписано.* [14] было около

Итак, мне говорили, и я знала, что я буду в мастерской, в которой живут швеи, что мне покажут их комнаты, что я буду видеть швей, что я буду сидеть за их обедом, — вместо того я видела несколько соединенных в одну квартиру комнат людей небедного состояния, видела девушек среднего чиновничьего[1] или небогатого помещичьего круга, была[2] за обедом, небогатым, но удовлетворительным даже для меня,[3] — что ж это такое? И как же это возможно?

Когда мы возвратились к Вере Павловне, она и ее муж объяснили мне, что это вовсе не трудно. Между прочим, Кирсанов тогда написал мне для примера небольшой расчет на лоскутке бумаги, который уцелел между страниц моего дневника. Я перепишу его для тебя, но раньше объясню.

Вместо бедности— довольство, вместо грязи — не только чистота, даже некоторая роскошь комнат, вместо грубости — порядочная образованность, — все это производится двумя причинами: с одной стороны, увеличивается доход швей, с другой[4] — достигается очень большая экономия в их расходах.

Ты поймешь, отчего они получают больше дохода: ту долю, которая оставалась в прибыли у хозяйки, получают они сами, потому что работают на свой счет. Но это не все. Работая на свой счет, они очень бережливы и на время, и на материал работы, — понятно, оттого работа идет быстрее и расходов на нее меньше.

Ты поймешь, что и в расходах на их жизнь много сбережений. Они покупают все большими количествами, купцы, у которых они берут, знают,[5] что их мастерская очень аккуратна; вещи выбирает внимательно, с знанием толку в них, со справками, — конечно, все покупается дешевле и лучше, чем вообще приходится покупать теперь простым бедным людям. Кроме того, многие расходы становятся совершенно ненужными или чрезвычайно уменьшаются,[6] — подумай, например, об одном: ходить каждый день в магазин за две, за три версты — сколько от этого износится лишней обуви, изотрется лишнего платья? Подумай о самых мелочных пустяках: если не имеешь дождевого зонтика,[7] это значит уж терпеть сильный[8] убыток. Простой холстовый[9] зонтик стоит, положим, 2 рубля, в мастерской живет 25 швей, — на зонтики для каждой было бы 50 рублей, но когда они живут вместе, когда выходят из дому, только когда хочется и когда им удобно,[10] конечно, не будут многие вдруг выходить из дому в дождь. Они нашли, что пяти дождевых зонтиков совершенно достаточно. Это зонтики шелковые, хорошие, каждый стоит 5 рублей,[11]— всего расхода на[12] дождевые зонтики — 25. Ты видишь, что они поль-

---

[1] чиновничьего круга [2] сидела [3] *Далее было:* отец которой, говорят, [4] с другой стороны [5] купцы, ∞ знают *вписано.* [6] или ∞ уменьшаются *вписано.* [7] *Далее было:* то платье, которое [8] быть в сильном [9] Простой холстовый *вписано.* [10] *Далее было:* кому же [11] *Далее было:* ты посуди, что когда [12] *Далее было начато:* на поку ‹пку›

зуются вместо дрянной вещи хорошей вещью, и все-таки эта вещь обходится им вдвое дешевле. Так со многими мелочами,[1] которые составят очень большую важность,[2] если сосчитать их все вместе. Почти так с квартирою, почти так даже со столом. Теперь тебе понятен будет расчет, который сделал мне для примера[3] Кирсанов, когда я была у них в первый раз.[4] Написавши его, он сказал мне вот что.

«Разумеется, я не могу наизусть сказать вам точные цифры, да и трудно[5] было бы найти тут точные цифры, потому что, вы знаете, у каждого коммерческого дела, у каждого магазина, у каждой лавки своя особая пропорция между различными статьями доходов и расходов, в каждом семействе тоже свои особые степени экономии в делании расходов и особые пропорции между различными статьями их.[6] Я[7] вам поставлю цифры[8] только для примера и, чтоб пример был убедителен, буду брать такие, которые вообще больше тех, какие вы найдете на самом деле почти во всяком коммерческом предприятии и почти во всяком хозяйстве. Попробуйте же посмотреть, что выйдет[9] в нашем примерном счете.

Доход, который выручается[10] коммерческим предприятием[11] за продажу товаров, распределяется на три главных части: одна идет в жалованье рабочим, другая на остальные расходы предприятия: наем помещения, его освещение, покупку материалов для работы; третья остается в прибыль хозяину. Мы положим для примера, что выручка разделяется между этими частями в такой пропорции: на жалованье рабочим идет половина дохода, на другие расходы — четверть, на прибыль хозяину остается также одна четвертая. Это значит, что если выручается двести рублей, рабочие получают из них 100, на другие расходы идет 50, в прибыль хозяину остается 50. Посмотрим, что будут получать рабочие при таком порядке, как в нашей мастерской.

Они получают свою плату — 100.

Та доля, которая[12] при другом порядке оставалась у всякого хозяина, поступает также в их руки, потому что хозяева сами они, — 50 р.

Работая из своего материала, они, конечно, осторожнее, внимательнее, бережливее в его употреблении, меньше тратят его попусту; содержание[13] помещения стоит им гораздо дешевле, — например, у нас вы видите, что мастерская помещается в двух комнатах, отделенных от огромной квартиры; за квартиру платится 1250, в ней 20 комнат, эти две комнаты хоть не самые большие, но все-таки больше почти всех остальных, поэтому вместо 125 рублей, положим, что надобно платить за них 200 рублей, — но ведь при обыкновенном устройстве помещение для мастерской, в кото-

---

[1] *Вместо:* со многими мелочами — *было:* со многим, так с квартирой [2] часть расходов [3] для пробы [4] *Далее начато:* Он сказал [5] невозможно [6] *К последующему тексту дата:* 19 февр‹аля› [7] Я возьму [8] *Далее было:* наудачу [9] как это выйдет [10] получается [11] *Вместо:* Доход ∾ предприятием — *было:* Расходы коммерческого предприятия [12] которая оставалась [13] наем

рой занимается[1] 25 <человек>, стоило бы по крайней мере 500 руб., — видите, какое огромное сбережение, — больше чем наполовину; так и во всех остальных расходах по содержанию предприятия, — но мы положим сбережение не на половину, а только на третью часть, — из 50 рублей сберегается 16 руб. 66 к<оп>.

Вот мы уж[2] набрали, что наши рабочие получают вместо 100 рублей — 166 р. 66 к<оп>.

Но[3] в самом деле они получают больше; если они, работая на свой счет, бережливы на материал, то ведь они точно так же бережливы и на время, — они меньше тратят его попусту, они работают усерднее, — от этого работа идет быстрее, лучше,[4] — положим, что от этого выигрывается в успехе работы только одна пятая доля лишняя, — что в то время, когда при обыкновенном небрежном ведении работы было бы сделано пять штук товара, будет сделано при их очень усердном труде 6 штук; от 166 руб. 66 коп. одна пятая доля — 33 руб. 33 коп.

Вот мы и сосчитали, что вместо 100 рублей, которые они получают при другом порядке, при нашем порядке они получают вдвое больше — 200.

Разница в средствах[5] между двумя людьми уж огромная, если один получает вдвое больше другого: когда, например, один чиновник получает 2 тысячи рублей жалованья, а другой вдвое, и семейства у них одинаковы, то всё у второго уж гораздо изобильнее и лучше, чем у первого, — а[6] на маленьких доходах эта разница еще заметнее. Вот уж и, понятно, что образ жизни наших рабочих весьма много отличается от образа жизни других,[7] — но это не вся их выгода, далеко нет. Кроме того, что они получают гораздо больше, они делают свои расходы гораздо экономнее. Начнемте с того, что они всё берут оптом, по самой дешевой цене,[8] в самое выгодное время; вообще всё получают на самых выгодных условиях. Это очень большое сбережение. Возьмем один пример.[9] <*л. 46 об.*> Они нанимают свою квартиру за 1250 рублей. В ней 20 комнат, из них две очень большие, по 4 окна, две тоже большие, по 3 окна,[10] остальные 16[11]

---

[1] находится [2] *Далее было:* и видим, что [3] *Далее было: а.* нет, они *б.* тогда почему нет, [4] *Далее было:* и выходит [5] Представьте и огромную разницу в средствах двух [6] а чем больше сумма [7] *Далее было:* ведь [8] *Далее было:* на самых выгодных условиях [9] *Далее было:* Им нужны дрова, когда они нанимают углы, обувь. Вы знаете, что если брать 50 пар башмаков, то будет сделана очень значительная уступка, чем если б вы брали одну пару [Положим, но ведь если у вас в руках деньги и вы можете]. Если вы берете одну пару в долг, с вас возьмут дороже, чем [если вы] когда вы берете на наличные деньги, а если вы можете даже платить деньги вперед при заказе, с вас возьмут еще дешевле. Положим, что на этом выигрывается 33% за 1 рубль при экономной оптовой покупке. То, за что при [мелочной] покупке по мелочи, в невыгодное время, большей частью в долг, надобно было бы заплатить 1 р. 35 коп. — вы видите, что [на 200] за свои 200 р. при нашем порядке рабочий получает то, <за> что при другом порядке [имел бы] платил бы [250 рублей] 286 рублей. Эта пропорция слишком мала, так она больше, — но все-таки и по ней [10] *Далее было:* разочтите, сколько пришлось бы им, например, платить за эту квартиру [11] *Далее было:* по два окна

почти все имеют по два окна. Когда[1] эти комнаты были разделены на три квартиры и когда хозяин не имел такой уверенности в исправной уплате денег и в том, что его квартиры будут заняты постоянно, он не мог взять за них меньше 1675 рублей, — вы видите, уж очень большая уступка от найма в большом размере. Но их выигрыш от нашего порядка гораздо больше. Ведь каждая из них отдельно нанимала бы одну комнату, очень маленькую и плохую, или угол в комнате. Попробуем рассчитать, сколько было бы взято денег за такое помещение с одиночных бедных жильцов, занимающих углы, как занимали бы они в таких комнатах. В 16 комнатах жили бы по 3—4 человека, каждый платил бы по крайней мере 3 рубля 50 к.[2] в месяц, — это составит 10 руб. 50 к. за комнату (я беру слишком мало), за 16 комнат — 168 рублей в месяц; в двух комнатах, где по три окна, жило бы по 5 человек — это будет 17 руб. 50 к. с комнаты, с двух — 35 рублей; в двух самых больших комнатах жило бы по 8 человек — по 3 руб. 50 к.; это будет по 28 рублей за комнату, с двух комнат — 56 руб.; теперь, если сложить, выйдет всего: 168 руб., 35 рублей, 56 рублей = 259 руб. в месяц, в год — 3108 рублей; а я считал слишком мало жильцов, их было бы, по всей вероятности, больше. Видите ли, что за помещение, за которое брали бы с одиночных жильцов 3108 рублей, при нашем порядке платится только 1250 руб. — это значит, что за каждый рубль они получают столько помещения, за сколько при другом порядке брали бы с них 2 руб. 49 к., почти в два с половиной раза. Очень похожа на эту выгода в приобретении многих других удобств и вещей. Но мы возьмем самую умеренную, слишком малую пропорцию этой выгоды в общей сложности покупок:[3] в квартире они выигрывают от нашего порядка 1 руб. 50 к., — мы возьмем, что они от нашего порядка вообще выигрывают только 50 к. на рубль, что в общей сложности им обходится при нашем порядке в 1 рубль вещь, которая иначе обходилась бы в 1 руб. 50 к. Это значит, что за свои 200 руб. они приобретают столько вещей,[4] что при другом порядке не могли бы приобрести их меньше как за 300 руб. — Но это еще не все. При таком устройстве их жизни они вовсе не имеют надобности[5] в некоторых расходах, неизбежных при обыкновенном порядке,[6] здесь с ними никто не может подраться, они не должны тратить денег на то, чтоб откупиться от неприятностей.[7] В других случаях очень много сокращается количество товара, нужного на удовлетворение[8] известной потребности.[9] Возьмем в пример обувь. Наверное каждая из них изнашивала ‹бы› ее вдвое больше, если б должна была ходить в мастерскую с квартиры, а не имела ее[10] в другой комнате той же квартиры, где живет. Почти то же можно

---

[1] Если [2] *Далее было:* это сост‹авит› [3] *Вместо:* самую умеренную ∾ покупок — *было:* вместо того [4] *Далее было:* сколько [5] *Вместо:* они ∾ надобности — *было:* не имеют нужды [6] *Вместо:* при обыкновенном порядке, — *было:* при другом порядке [7] *Далее было: а. Начато:* Другие расходы очень сильно *б.* А добываемое количество товара [8] доставление [9] надобности [10] *Далее было:* рядом

сказать об одежде. Почти то же надобно сказать о провизии для стола: готовить кушанье на 40 человек значит сберегать больше чем наполовину дров, больше чем наполовину посуды, больше чем на третью долю провизии сравнительно с тем, как если бы готовилось 40[1] обедов на 40 человек. Но мы положим опять самую умеренную пропорцию общего сбережения, — возьмем,[2] что сберегается в этом отношении только одна четверть расходов, — это значит, что при нашем порядке нужно товаров только на 1 рубль там, где при обычном, разрозненном порядке жизни было бы нужно товаров на 1 руб. 30 к., — это значит, что[3] товары, которые при обычном порядке покупались бы за 300 рублей, доставляют им при их образе жизни столько удобств, сколько при разрозненной жизни доставляло бы количество товаров,[4] за которое при этом разрозненном порядке надобно было бы заплатить 400 руб. Вы видите, что наш порядок дает им 200 руб. там, где они при обычном устройстве работы имели бы только 100 руб., что с своих 200 рублей они живут при нашем порядке с такими удобствами, с какими при разрозненной жизни не могли бы жить меньше как на 400 руб. Вот вам и вся разгадка дела: наш порядок дает им возможность жить в 4 раза лучше, чем обычный разрозненный порядок работы и жизни. Сравните жизнь двух одинаковых семейств, из которых одно проживает в год одну, другое — четыре тысячи рублей: конечно, вы найдете громадную разницу между ними и в квартире, и в платье, и в столе, и во всем,[5] — вот насколько могут и участницы нашей мастерской лучше жить сравнительно с швеями, не пользующимися таким порядком работы и жизни. Удивительно ли после этого, если[6] вам показалось, что жизнь наших вовсе не похожа на жизнь, какую только и могут вести швеи при обычном порядке?»[7]

Вот какое чудо я увидела, милая Полина, и вот как просто оно объясняется, — и я теперь так привыкла к нему, что мне кажется уж[8] странным, как могла я тогда удивляться, как могла не ожидать, что все это найду таким, что все это должно быть и не может быть иначе. Пожалуйста, напиши,[9] имеешь ли ты какую-нибудь возможность заняться тем, к чему я теперь готовлюсь, — устройством какой-<нибудь> мастерской по этому порядку? Это так приятно, мой друг, что[10] я советую тебе всячески отыскивать возможность для этого. И если ты найдешь ее, — о, тогда не только я, но и Вера Павловна уж не оставит тебя без самых полных описаний всего этого порядка во всех подробностях и без рассказов о том,

---

[1] 20 [2] положим, [3] *Далее было:* покупая товары, которые им обходятся в 200 рублей [4] *Вместо:* доставляло ∾ товаров — *было:* доставляло бы товары [5] *Далее было:* точно такую же пропорцию [6] *Далее было:* наши швеи [7] *Далее было начато:* *а.* они имеют все удобства [и вещей на 4 раза] и у каждой *б.* Вот моя милая, это теперь кажется мне очень натурально, что я не [8] *Далее было:* чудом, как могла я тогда удив<ляться> [9] *Далее было:* нравится ли тебе [10] что ты не

какими осторожными, постепенными, верными мерами дошла Вера Павловна до[1] заведения такого порядка. Твоя К. Полозова.[2]

P. S. Я все забываю сказать тебе о другой мастерской, потому что[3] заговорилась о той, которую увидела первую. Вторая мастерская, которою управляет теперь не Вера Павловна, а одна из ее знакомых, основана гораздо раньше первой, и поэтому все успело устроиться еще лучше, чем в той, которую я описываю тебе.[4] Это натурально, потому что с каждым лишним годом приобретаются новые средства, и самый порядок жизни гармонируется все больше и больше. В подробностях устройства много разницы, потому что все приспособляется к обстоятельствам. Например, в этой старшей мастерской, кроме тех швей, которые живут в ней, есть десять участниц, замужних женщин, которые живут отдельно. В новой мастерской таких участниц еще только четыре. В новой мастерской еще нет ни одной семейной квартиры, в старой мастерской живут уж три замужних женщины с мужьями и детьми. Два из этих семейств занимают по две комнаты, одно — даже три, потому что муж швеи, артельщик, получает порядочное жалование. Разумеется, тут особые счеты,[5] которые, однако, очень просты. Старая мастерская несколько больше новой, — в ней около 40 участниц, а в новой только 30; помещение старой мастерской почти вдвое больше, и вообще в ней все уж развилось много шире, чем в новой, как я тебе и говорила. ‹*л. 47. Верх*›

Так прожили Вера Павловна и Кирсанов[6] года три и более. Однажды поутру к Вере Павловне вошла служанка[7] — это давно была уж не Маша:[8] она уж три года замужем, и после нее была Аннушка, после Аннушки была Параша, после Параши была Надя,[9] и все[10] поочередно пошли под венец, и для всех венцов женихи оказались выбранными хорошо, и теперь в ожидании того же живет у Веры Павловны Лиза, — вошла Лиза и сказала, что приехала к Вере Павловне незнакомая гостья.[11] Год раньше, полгода позже, гостья не застала бы Веру Павловну дома в это время: был второй час; но теперь Вера Павловна[12] вот уж около года мало отлучалась из дому днем,[13] да и вечера у нее свободны лишь не очень давно: она кормила грудью[14] Володю, будущего Владимира Александровича, — теперь будущему Владимиру Александровичу было уж около года,[15] кормление грудью кончилось, и[16] уж несколько месяцев будущий Владимир Александрович соглашался предоставить матери до-

---

[1] *Далее было:* такого отличного превращения своей мастерской [2] *Здесь:* Хвойницына [3] *Далее было:* и об одной уж рассказала [4] *Далее было:* две девушки очень звали [5] *Далее было:* того, сколько [считать] следует считать [6] *Вместо:* Так прожили ∾ Кирсанов — *было:* Так прошли [7] девушка [8] *Далее было:* у Маши, говорят, уж двое детей [9] *Далее начато:* после Н‹ади› [10] *Далее было:* пошли по ее следам [11] *Далее было:* девушка [12] *Далее было:* мало [13] *Далее начато:* только [14] *Далее было:* сынишку. [Сынишке было] [Мите] [Саше] [Андр‹ею›] [Николаю] Володе [15] *Далее было:* и по в‹ечерам› [16] *Далее было:* вечерами

вольно свободно распоряжаться своим временем,[1] но мать все-таки гораздо на меньшее время и редко бывала не дома, чем прежде и после. Итак, благодаря неизвестному для гостьи влиянию Владимира Александровича, гостья застала Веру Павловну дома. Вышедши в зал, Вера Павловна увидела блондинку среднего роста, с красивым, очень красивым, но еще более[2] добрым и честным лицом.[3] Наряд гостьи был прост, но все-таки показывал, что она девушка очень небедная: платье самого простого покроя было из довольно дорогой материи; шляпа, часы, чрезвычайно маленькие; довольно крупные брильянты. ⟨*л. 46. Низ*⟩

— Я приехала к вам не с визитом, а знакомиться, если вы захотите продолжать со мною знакомство, — сказала гостья, назвав свою фамилию и объяснив, кто она.[4] — От одного из моих друзей я услышала очень подробный рассказ о вашей мастерской,[5] — она очень заинтересовала меня. Мне бы хотелось самой заняться подобным делом, — я приехала посмотреть, — и, если вы захотите меня учить, поучиться, как вести такое дело.

Вера Павловна очень была рада. Они[6] — она и гостья — говорили довольно долго, понравились друг другу, — дождавшись того, что будущий Владимир Александрович захотел покушать, потом уснул[7] — Вера Павловна предложила гостье посмотреть на мастерскую.[8] ⟨*л. 46 об. Верх*⟩

Знакомство[9] с Полозовой[10] скоро привело к развязке тех отношений, которые еще оставались отчасти неопределенны для Веры Павловны, и поэтому роль Полозовой[11] в ее истории довольно важна.

Полозова[12] говорила в своем письме к подруге, что много[13] обязана мужу Веры Павловны: действительно, Кирсанов имел случай оказать ей важную услугу года за три перед тем, как она познакомилась с Верой Павловной. Но до этого дела мы скоро дойдем, если будем рассказывать теперь все по порядку, а лучше ж рассказывать по порядку.

Отец Катерины Васильевны,[14] отставной ротмистр, прокутил в молодости[15] своей довольно большое родовое имение; и когда прокутил, то вышел в отставку, чтоб остепениться и заняться устройством себе нового состояния. Он был человек энергичный,[16] ловкий; собравши все последние крохи, оставшиеся у него, он увидел у себя в руках тысяч пять, пустил их в хлебную торговлю, начал брать мелкие подряды, бил на все руки, хватался за всякое выгодное дело, приходившееся по его средствам, и

---

[1] *Вместо:* соглашался ∾ временем — *было: а.* не требовал *б.* допускал *в.* отпускал мать по вечерам [2] с красивым ∾ более *вписано.* [3] *Далее было:* одетую просто [но видно], но все-таки [4] назвав ∾ кто она *вписано.* [5] о ваших двух мастерских [6] *Далее было: а.* долго говорили *б.* говорили довольно долго [7] улож⟨или?⟩ [8] *К последующему тексту помета:* Письма. [9] Само собою разумеется, что [эта корреспонденция] это знакомство [10, 11] Хвойницкой [12] Хвойницкая [13] довольно много [14] *В рукописи ошибочно:* Веры Павловны [15] *Далее было:* именье и когда прокутил [16] *Далее начато:* де⟨ловитый?⟩

лет через 10 имел изрядный капитал. Заслужив репутацию человека[1] солидного и оборотливого, он не имел особого труда выбрать самую богатую невесту из всех купеческих дочерей в двух губерниях, в которых шли его торговые дела, и взял за женою чуть ли не 200 тысяч. Тогда ему было лет 40, и это было лет за 20 перед тем временем, как мы видели его дочь вошедшею в дружбу с Верою Павловной. Через два года жена умерла от болезни, бывшей следствием рождения дочери, отец остался опекуном над малюткою и не захотел жениться во второй раз — отчасти потому, что не хотел давать дочери мачеху, отчасти потому, что и не было надобности искать нового приданого, когда уж бывшее в руках дошло до 300 ‹тысяч›.[2] Приложив[3] свои прежние деньги к жениным, он[4] повел дела уже весьма широко и стал миллионером.[5] К откупам он имел какое-то отвращение, а занимался только подрядами и торговыми спекуляциями. Через несколько времени провинция показалась ему тесна для его деятельности, и он переселился в Петербург. Дела его росли и росли. Так шло до очень недавнего времени, но на старости он было срезался: погубила гордость и горячность. У него был громадный подряд, а он поспорил,[6] поссорился с одним человеком, нужным по этому подряду. Этот человек его и подрезал.[7] Товар — сапоги, холст, не помню что — был забракован, кроме того, оказались какие-то провинности ли, злонамеренности ли, — не знаю хорошенько, но только дело повернулось так, что все три-четыре[8] миллиона ухнули, и Полозов[9] под 60 лет остался почти нищий. То есть нищий перед недавним, — но так, без сравнения с недавним, он жил хорошо: у него осталась доля в каком-то стеариновом заводе, он сделался управляющим этим заводом, с хорошим жалованьем, кроме того оставалось еще несколько десятков тысяч. Если б такие остатки остались у него лет 15, даже 12 назад, их было бы достаточно, чтоб снова подняться. Но в 60 лет подниматься уж тяжело, и Полозов[10] не думал подниматься, — он думал только о том, как бы поскорее устроить продажу завода, акции которого почти не давали дохода и падали.[11] В продаже было единственное средство спасти деньги, лежащие[12] в акциях; выдать замуж дочь, которую сильно любил, — на приданое ей он назначил большую часть оставшегося у него, оставивши у себя тысяч 30—40 в пятипроцентных билетах, которые тогда[13] на одно время пошли было в большую честь, и с этим доходом

[1] Оказавшись человеком [2] *Вместо:* Через два года ∾ ‹тысяч› — *было: а. Начато:* Жена умерла, но он остался *б.* Жена умерла, оставив ему на замену свой капитал, и оставила маленькую дочь *в.* Жена умерла, но ее деньги остались у него в руках — он был опекуном над дочерью *г.* Жена умерла, но ему остались [3] После женитьбы дела его пошли хорошо, и приложив [4] *Далее было начато: а.* имел у *б.* повел [5] *Далее было:* даже довольно крупным. [6] *Далее было:* из-за спора [7] зарезал. *Далее было начато:* Поставка [8] два, три [9] Хвойницкий [10] Хвойницкий [11] *Далее было:* не выручая деньгами [12] положенные [13] тогда пошли

в 1500 — 2000 рублей спокойно, втихомолку доживать век, вспоминая о прошлом величии.

Старик очень любил дочь, и Катерина Васильевна в самом деле стоила того, чтоб любить: она была очень добрая девушка, тихая, кроткая, без всяких претензий в то время, как отец был богат, гордая теперь, когда отец упал; раньше довольная всем — теперь грустная: удар, который подрезал отца, подрезал и ее, и тоже со стороны потери богатства, только не собственно по потере богатства, а по особенному обстоятельству, — по потере второго жениха. Но если этот потерянный жених был второй,[1] то, значит, был раньше его первый, и вот в истории этого-то первого жениха принимал участие Кирсанов. <*л. 47. Середина*>

Кирсанов не занимался практикою, но считал себя не вправе отказываться бывать на консилиумах. А в это[2] время — так, через год после того, как он стал профессором, — его приглашали на консилиумы все[3] практикующие медицинские тузы. Причин было две: во-первых, оказалось, что действительно есть на свете[4] Клод Бернар и живет в Париже: один из тузов, ездивший неизвестно зачем,[5] с ученою целью, собственными глазами видел Клода Бернара, как есть живого Клода Бернара, настоящего, — отрекомендовался ему по чину и званию, орденам и знакомству, и Клод Бернар, послушавши его с четверть часа, сказал ему: «напрасно вы приезжали для изучения успехов медицины в Париж,[6] вам незачем было выезжать для этого из Петербурга». Туз принял эти слова за аттестацию[7] своих знаний, — и не ошибся в этом, ошибся разве в смысле аттестации, — и, возвратившись, произносил имя Клода Бернара не менее десяти раз в сутки, прибавляя не менее пяти раз «мой ученый друг» или «мой знаменитый товарищ по науке», — как же после этого было не звать Кирсанова на консилиумы? — согласитесь, нельзя не звать. А вторая причина была еще важнее: от Кирсанова нельзя было опасаться, что он станет отбивать практику,[8] — не только не отбивал — и по насильной просьбе не брал, — ведь это вещь: если у больного[9] приближается неизбежный, по мнению туза, карачун, и по злонамеренному велению[10] судьбы нельзя

---

[1] *Вместо:* Но ∾ второй — *было: а.* Но раньше второго жениха, конечно *б.* Но если был второй [2] А год [3] все тузы [4] *Вместо:* Оказалось ∾ на свете — *было начато: а.* Существованье в это время ок<оло?> *б.* Существованье Клода Бернара в Париже *в.* Оказалось, что Клод Бернар действительно живет в Париже [5] *Вместо:* ездивший ∾ зачем, — *было:* ездивший в Париж более для того, чтобы «смазать колесы жизни», как он выразился, а смазка эта, как известно, происходит более для науки [то есть с ученою целью] — завершить <?> ученое <*1 нрзб.*> в Париже — очень хорошо, и видел там, конечно, очень много такого, что кажется для людей науки, но какой бы то ни было науки <*не закончено*> *После:* зачем — *было:* [для изучения] [для усовершенствования] с ученою целью [в Париже работать гораздо удобнее] [можно было очень многому] и в клинике у тех же деятелей, как и Кирсанов [6] *Далее было:* вы могли оставаться и в Париже [7] за комплимент [8] *Далее было начато: а.* после него *б.* но если б миру тузов [9] если у больного на носу [10] устройству

сбыть больного с рук ни водами, ни какою другою заграницею,[1] то у некоторых — должно быть, только у некоторых — медицинских[2] тузов существует обычай сбывать его на руки другому медику, которому они, пожалуй, рады[3] заплатить деньги, только спаси меня от такого неблагонамеренного больного, который в самом деле опасно болен, я таких больных не люблю. Кирсанов даже и[4] по ‹*л. 48 об. Низ*› просьбе желающего скрыться туза редко брался[5] за лечение больного, обыкновенно рекомендовал кого-нибудь из своих приятелей, занимающихся практикою, а сам оставлял себе только те очень редкие случаи, которые интересны в научном отношении. Как же не приглашать на консилиумы такого собрата,[6] известного Клоду Бернару, «моему ученому другу» или «другу нашего знаменитого собрата», и практики не отбивающего?

Поэтому,[7] когда случилась надобность сделать консилиум в доме Полозова, — у Полозова, тогда еще миллионера, доктором был, конечно, один из козырных тузов, — то был приглашен Кирсанов. Консилиум составлялся над Катериною Васильевною. Исследовав больную, Кирсанов сказал собратьям туза, что они могут ехать, куда им нужно, а он останется наблюдать больную, и козырный туз, пользовавший Катерину Васильевну, бежал с быстротою оленя и с восторгом освобожденного узника.[8] В самом деле, казус был трудный: нет никакой болезни[9] в больной, а силы больной падают чрезвычайно быстро, и если так будет продолжаться, то она протянет ноги через две-три недели.[10] Какая[11] болезнь у нее, туз не мог доискаться и потом нашел, что у нее прекращение питания нервной системы — Atrophia nervorum, — бывает ли на свете такая болезнь, я не знаю, но если бывает, то согласитесь, что это самая плохая штука для медика, стоящего на том, что у него все больные выздоравливают.[12]

---

[1] *Далее было:* или больной уж [ног не таскает] ногами не может добраться до границы [2] практикующих медицинских [3] готовы, пожалуй [4] *Далее было:* в таких случаях [5] брался продолжать [6] человека, [7] *Далее было:* он был приглашаем на консилиумы [8] *Вместо:* освобожденного узника. — *было:* освобожденного очередного в рекруты, которому сказали: «зайти в рекрутское присутствие», зат‹ем› [9] *Вместо:* нет никакой болезни — *было:* никакой болезни нельзя доискаться [10] *Было:* через неделю. [11] Еще болезнь смотря какая [12] *Далее было:* Когда консилиум разошелся и Кирсанов остался у больной, он сел подле и заговорил таким образом:

— Первая обязанность медика — развлечь пациента. Позвольте мне для [начала знакомства] вашего развлечения и для начала знакомства рассказывать вам анекдоты. В каком роде будет вам интереснее слышать? [Я знаю много разных: какие необыкновенные приключения] О суровых родителях, или о капризах, или о любви, или о необыкновенных приключениях? Я знаю много всяких, — говоря это, он [смотрел на больную], разумеется, смотрел на больную.

— Вам все равно, какой? Так я расскажу вам тот, который мне самому нравится. Он был со мною. А надобно вам сказать, кто я. Я практикою не занимаюсь. Поэтому, если я хочу лечить вас, значит я интересуюсь вами. [Но я страстно люблю женщину [которая никогда не станет], которую едва ли когда перестану любить. Значит, я интересуюсь вами не как женщиной, очень хорошею девушкою, а как челове-

Расспрашивали, исследовали больную, — больная отвечала очень спокойно, с большою готовностью; расспрашивали ее горничную,[1] как водится, горничная заливалась слезами и отвечала на все также очень хорошо,[2] но, кроме прекращения питания нервов, Atrophia nervorum, никакого другого расстройства нельзя было отыскать. Так все и согласились, что пользующий врач прав, действительно надобно ‹признать› у больной Atrophia nervorum, вещь, против которой в науке нет еще никаких средств. Один Кирсанов молчал. «Какое же ваше мнение?» стали допытываться у него. «Я недостаточно исследовал больную. Я еще останусь здесь — это случай интересный». Когда все разошлись, Кирсанов послал[3] горничную спросить у больной, может ли она принять его. «Может». Она встретила его с улыбкою, наполовину грустною, наполовину насмешливою.[4] *‹л. 49. Верх›*

В самом деле,[5] Катерина Васильевна могла улыбаться[6] над докторами, потому что если б у нее и была Atrophia nervorum, то была бы лишь одним из симптомов болезни, а не самою болезнью. Болезнь состояла просто в том, что Катерина Васильевна отчаянно тосковала,[7] а тоска произошла тоже немудреным образом. За девушкою,[8] наследницею громадного состояния, женихи, конечно, увивались сотнями.[9] Из них один понравился ей, и очень. Его фамилия, собственно, не нужна, — пусть он будет обозначаться[10] у нас хоть буквою Ж. Отец рано заметил, что дочь начинает пристальнее вслушиваться в его речи, чем в речи

ком, который не] Поинтересуйтесь же и вы моим анекдотом. Теперь я страстно люблю женщину, которую едва ли когда перестану любить и которая едва ли когда даже узнает, что я люблю ее, — значит я [очень несчастен] [я очень хорошо] многое могу понимать. Но это еще не анекдот. Анекдот вот в чем: когда я был студентом первого курса [у меня были уроки], я имел уроки в Петергофе. На пароходе я увидел женщину, в которую влюбился. Я ездил во вторых местах, — чтоб видеть ее вблизи, я взял билет первого класса. [Я спросил, кто она, мне не сказали этого, я два] На другой день я стоял с утра на набережной у петергофского парохода и, наконец, дождался ее — она возвращалась, я, разумеется, взял билет. На другой день я стоял на петергофской пристани, — ее не было в этот день; я стоял другой день и дождался: она снова ехала в Петергоф. Конечно, я тоже взял билет. Когда я ехал с нею в пятый раз, она сошла с палубы в каюту. Погода была хорошая, в каюте никого не было. Через несколько времени я вошел в каюту. Она сидела и плакала. Как у меня достало смелости — я удивлялся через месяц, вспоминая; — впрочем, я всегда был смел. Я подошел к ней и сказал: «[Я живу] У меня в Петергофе уроки, стало быть я очень небогатый человек. Я всегда ездил во вторых местах; с тех пор как я увидел вас, я беру билет в первое место. Заметили ли вы, чтоб я искал случая познакомиться с вами? Нет, я и теперь не заговорил бы с вами, — но скажите [может быть], не могу я что-нибудь сделать для вас? Это не признание в любви [вы не бойтесь, я вам], это только признание в том, что я человек, очень преданный вам. *К последующему тексту дата:* 24 февр‹аля›

[1] *Далее было:* ее отца, расспрашивали [2] *Вместо:* очень хорошо — *было:* с большой гордостью [3] попросил [4] *К последующему тексту помета, означающая вставку:* следующая стр‹аница› [5] *а.* На самом деле *б.* Но она [6] смеяться [7] *Далее было:* за ней как за наследницей [8] *Далее было:* которая очень недурна [9] *Далее было:* чуть ли не с тех пор, когда еще [10] называться

других, и очень благоразумно поспешил предупредить ее: «друг мой, Катя, за тобою очень сильно ухаживает Ж.,[1] — но остерегайся его — он очень дурной человек: мот и волокита, — он прокутит твое состояние, будет оскорблять тебя, ты с ним была бы так несчастна, что я желал бы лучше видеть тебя умершею,[2] чем его женою, это было бы легче и для меня, и для тебя». Катерина Васильевна любила отца и привыкла очень уважать его мнение, он никогда не стеснял ее, она была уверена, что он говорит единственно по любви к ней, а главное, она была девушка очень мягкого характера, — есть такие натуры, может быть самые очаровательные из всех, хотя, конечно, очень редко счастливые, у которых вся сила характера постоянно обращается на то, чтоб[3] не огорчать любимых людей.[4] Эти люди кажутся пассивными, слабыми, — они стараются не бороться, они говорят: «как вы думаете, так я и сделаю», но вы ошиблись, думая, что они неспособны к инициативе, — нет, для них только удобство их не так дорого, как удобство любимых людей, они только слишком расположены находить себе довольство и радость в довольстве и радости других, — кто охотник служить другим, у того столько дела, что редко вы увидите занятого чем-нибудь другим, потому редко имеете вы случай заметить в характере таких людей что-нибудь кроме того, что они добры, уступчивы и заботливы;[5] но когда обстоятельства повертываются так, что или нужно им действовать независимо, брать инициативу для пользы любимых людей, или когда случается небольшой промежуток времени, в который нечего заботиться о других и есть свобода подумать о самом себе, тогда вы видите, что и у них нет недостатка ни в отваге, ни в твердости характера. Катерина Васильевна была таким человеком. Поэтому, выслушав слова отца, она сказала: «да, Ж. мне нравится, но вовсе не настолько, чтоб я стала пренебрегать вашим мнением; я брошу быть близкою к нему». Это и не было тогда особенною жертвою, — привязанность ее к Ж. была еще очень слаба. Она стала холодна с ним, и очень может быть, что все обошлось бы благополучно, но отец, человек резкий и раздражительный, пересолил. Раз как-то он сказал колкость Ж., тот давно уже заметил,[6] что старик косится на него, захотел испытать, не от влияния ли отца стала холодна с ним дочь, и отвечал тоже колкостью; старик в ответ довольно ясно намекнул, что есть пройдохи,[7] гоняющиеся за богатыми невестами, которых потом обирают и тиранят. Ж. рассчитал, что теперь ему следует играть роль жертвы, и перестал являться к Полозовым. Катерина Васильевна очень спокойно[8] выдержала его удаление,[9] держала себя в те дни как всегда, да и на самом ‹деле› была опечалена не так много;[10] и видя, что дочь не вспоминает о Ж., Полозов через неделю за-

[1] *Далее было:* этот человек вовсе не будет тебе пара [2] мертвою [3] постоянно ∾ чтоб *вписано.* [4] *Вместо:* не огорчать ∾ людей — *было:* стараться не огорчать тех, кого они [5] *Текст:* кто охотник ∾ заботливы — *вписан.* [6] понял, [7] негодяи [8] *Было начато:* хл‹аднокровно› [9] *Далее было:* была в те [10] огорчена не слишком

был о нем.[1] Но Ж. именно с той поры начал настойчивое волокитство, которое удалось, — он стал писать к Катерине Васильевне, — сначала по городской почте, потом через горничную, которая поверила искренности его отчаяния, — стала ему ‹верить› и Катерина Васильевна, и любовь начала разгораться в ней. Она молчала и молчала. Но страдание сделалось наконец так сильно, что ее здоровье стало расстроиваться, — она молчала и об этом,[2] — и долго никто не обращал на это внимания. Когда отец посоветовал ей лечиться, оно уже много ослабело, а когда знаменитый медик[3] увидел, что не может справиться с болезнью, опасность была уж близка. Отчего болезнь — отец не мог[4] догадаться, потому что со времени истории с Ж. прошло уж с полгода, — после того целых три-четыре ‹месяца›[5] Катерина Васильевна не показывала никакого вида, что эта история сколько-нибудь занимает ее, и кому ж пришло бы в голову обращать внимание на прекращение ухаживаний одного искателя, когда искателей был целый десяток[6] и когда уж не один искатель был[7] без всяких дурных последствий отставлен Катериной Васильевной по совету отца?

Но если тузы напрасно[8] искали причину болезни, то Кирсанову нечего было много разыскивать,[9] чтобы видеть, что в больной[10] нет никакого физического расстройства, которое могло быть причиною болезни, что упадок сил происходит от какой-нибудь нравственной причины. Он слышал, что отец и дочь находятся в очень хороших отношениях, — а между тем отец не знал этой причины, — что ж это такое? Во всяком случае видно, что у девушки есть сильный характер, если она успела скрыть и от отца, с которым так близка, и от всех причину своего расстройства и если успела так долго скрывать самое расстройство, — ведь ясно было из объяснений пользующего медика, что расстройство не замечалось никем очень долго. Кирсанов слышал ото всех очень хорошие отзывы о характере больной, о ее кротости, — но, еще важнее, он сам видел, что прислуга очень привязана к ней, — это было еще более важною[11] рекомендациею в его глазах, но главною рекомендациею было впечатление того, как держала себя сама больная — тихо, кротко, мягко,[12] терпеливо, — не было в ней заметно никаких следов раздражения против кого-нибудь, против чего-нибудь, — она безответно принимала свою судьбу и твердо переносила ее. Кирсанов увидел[13] в ней девушку, вполне[14] заслуживающую сочувствия,[15] и нашел, что следует заняться тем, нельзя ли как-нибудь помочь ей.[16] Ему казалось, что вмешательство тут

---

[1] *Против фразы:* Катерина Васильевна ∾ о нем — *дата:* 25 февр‹аля› [2] *Далее было:* когда заметили [3] *Далее было:* [заметил] убедился в характере болезни [4] *Вместо:* отец не мог — *было:* не могли [5] *Далее было:* эта история не двигалась [6] *Далее было:* и Катерина Васильевна долго [7] был отставлен [8] напрасно *вписано.* [9] отыскивать, [10] *а.* в молодом организме *б.* физических причин [11] еще более важною *вписано.* [12] *Далее было:* ни на кого [13] заинтересовался [14] вполне *вписано.* [15] симпатии, [16] *Далее начато:* Да и

необходимо; конечно, и без него раньше или ‹позже› разъяснится дело, и тогда отец сделает все, что можно,[1] для спасения дочери, — но не будет ли тогда слишком поздно? Если оставить всё идти, как шло до сих пор, в девушке может — должна — явиться чахотка, и тогда уж никакая заботливость о ней не поможет. ‹*л. 49 об. Верх*›

— Жаль, что мы с вами никогда не встречались раньше, — начал он, — врачу надобно[2] пользоваться доверием больного.[3] А впрочем,[4] может быть, мне удастся приобрести ваше доверие и с первого знакомства. Они не понимают вашей болезни. И, действительно, тут нужна небольшая догадливость. У меня есть предположение.[5] И это предположение таково, что[6] вы одна не могли бы скрыть характера вашей болезни. Нужно, чтоб кто-нибудь помогал вам. Кто же? Разумеется, горничная.[7]

В улыбке больной уж не было насмешливости, а была только одна грусть.

— Как можно мне было получить доказательства, что я не ошибаюсь в своей догадке? Разумеется, обратиться к горничной.[8] Вероятно, она очень привязана к вам, не захотела бы[9] выдавать. Но ведь я сбил бы, она спуталась бы.[10] Ведь я стал бы расспрашивать не так, как они: мои вопросы были бы гораздо точнее, ближе к делу. Я[11] узнал бы от нее все. А я ее не расспрашивал и не буду расспрашивать. Почему? А потому, что я держусь двух правил: действовать прямо, совершенно прямо, — следовательно, если мне нужно что-нибудь узнать о вас,[12] то не обращаться к человеку,[13] который стал бы упрекать себя в измене вам, когда я вынудил бы его открыть вашу тайну. Согласитесь, ведь это честное правило. А вот другое мое правило: против воли человека не следует делать ничего для него;[14] свобода человека выше всего, выше даже жизни. Этих правил я ‹не› нарушаю никогда. Следовательно, если вам не угодно будет довериться мне, я не буду употреблять других средств удостовериться в вашей болезни. Если вы, доверившись мне, скажете, что вам не угодно выздоравливать, я вам не помешаю делать над собою, что вам угодно, — напротив, если[15] причины, по которым поступаете, покажутся мне основательны, я готов помогать вам — почему ж не помочь, если в деле замешан интерес, который для вас выше жизни? Теперь я вам скажу, в чем ваша болезнь, по моему мнению.

---

[1] нужно [2] *Вместо:* врачу надобно — *было начато:* я хочу ле‹чить› [3] *Начато:* пац‹иента› [4] *Далее было:* я постараюсь при‹обрести› [5] догадка. *После:* предположение. — *было начато:* Ваша горничная как [6] *Далее начато:* *а.* в вашей болезни *б.* кто‹-нибудь› *в.* поэтому помогал [7] *Далее начато:* *а.* Больная перестала улы‹баться› *б.* Насмешливость из‹образилась?› [8] *Далее начато:* Как вы думаете [9] не стала бы [10] *Далее было:* ведь это очень трудно скры‹ть› [11] А я [12] *Далее было:* то и обращаться к вам, а не к кому-нибудь [13] к людям [14] *Далее было начато:* пока он в здравом рассудке [15] если вы убедите меня

Кирсанов наклонился к уху больной и сказал шепотом: — вы хотите умереть и перестали кушать.

Больная вспыхнула.[1]

— Я не прошу вас отвечать мне — к чему?[2] Теперь я это знаю. Но чего я еще не могу узнать — это причину вашей решимости. Об этом могу я спросить у вас?

Больная покраснела.

— Вам тяжело было бы отвечать? В таком случае я не смею спрашивать. Но я могу просить вас рассказать[3] вам о себе самом то, что может послужить к увеличению доверия между нами? Да? Благодарю вас. Такое решение во всяком случае показывает, что вы очень несчастны. И у меня есть большое страдание. Я страстно люблю[4] женщину, которая даже не знает и никогда не должна узнать, что я люблю ее.[5] Я это говорю для того, чтобы показать, что я понимаю по себе возможность стараданий, при которых принимаются такие решения, как ваше.

Больная смотрела на Кирсанова с сочувствием. Значит,[6] дело было ясно.

— Быть может, у вас и у меня причина страданья — одинаковое чувство?[7]

Больная вздохнула и покраснела.

— Прошу же вас верить,[8] что никогда, не только против вашей воли, но без положительного вашего согласия я не сделаю ничего. Верьте этому.[9] Это не то что привилегия в вашу пользу, по особому уважению моему к вам, — нет, это мое общее правило. Теперь, прошу вас, скажите мне, отчего ж это чувство делает вас несчастной? Вы не хотите отвечать?[10] Но я все-таки не отступлю от своего правила. Теперь я почти наверное мог бы узнать от вашего батюшки то, что, мне кажется, нужно знать, — вероятно, ведь он имеет же какое-нибудь понятие о том, с кем вы знакомы, вероятно даже и прямо знает, кого вы любите.

— Нет, — сказала больная, — он ничего не знает. Если б он знал, он догадался бы о моей болезни. А он не догадывается.

— Да? В таком случае моя решимость не расспрашивать вашего батюшку без вашей воли дает мне мало выигрыша над вами, но самый ваш ответ уж дает мне новую, почти несомненную догадку, — ваш батюшка не знает этого, — следовательно, он не одобрил бы вашего чувства к нему, иначе ведь вы попробовали бы сказать ему о нем прежде, чем принимать последнее решение. Да?

Больная потупила глаза.

---

[1] *Далее было начато:* Не говорите «да», не нужно, к чему? Это было бы [2] *Далее было:* Этого было бы, может быть, достаточно [3] рассказать что-нибудь [4] влюблен в [5] *Далее начато:* Я понимаю [6] Значит *вписано.* [7] *Вместо:* причина ∞ чувство? — *было:* одна причина страданья? [8] помнить, [9] *Далее было:* Это, конечно, не для вас [10] *Далее было:* Но вы видите [я всё], я теперь

— Теперь[1] несколько слов. Я не говорил вам, что я никогда не лгу, — я лгу, но только когда лгать — благородно.[2] Я тоже не скажу вам, что я никогда не хитрю, — нет, я хитрю, но только когда это честно. [3] Вот, например, теперь — посмотрите, как я хитро говорил с вами, — ведь я выведал из вас уж очень много,[4] хотя вы не хотели сказать мне ни слова, [5] кроме того, что один раз сказали «нет», — видите, какой я хитрый. Но зато ведь моя хитрость с вами все-таки честна. Это такой случай, который дает мне право хитрить с вами, — но лгать перед вами он еще не дает мне права, и поэтому я не могу солгать. Другой на моем месте, чтоб более войти в ваше доверие, стал бы говорить, что, вероятно, ваше чувство хорошо и что[6] если ваш батюшка внушил вам убеждение, что он не одобряет его, то ваш батюшка неправ, — это почти всякий на моем месте сказал бы вам, хотя никто не думал бы этого. А я не скажу, потому что не имею права лгать.[7] Ваш батюшка — человек очень богатый, о богатых людях много говорят в городе, поэтому и я знаю его характер. Его называют человеком умным, рассказывают, что он любит вас, — правда это, что он любит вас?

— Правда.[8]

— Я это знал. Смотрите же, что из этого выходит. Если он, который любит вас, не одобрил бы, по вашему мнению, вашего чувства, значит он не мог бы иметь выгодного мнения о человеке, которого вы любите, — другие причины несогласия не могли бы остановить вас от разговора с ним о вашем чувстве, — если б дело было только в бедности любимого вами человека, вы все-таки попробовали бы убедить вашего батюшку.[9] Смотрите[10] ж, что я должен заключить из этого. Ваш батюшка, как все знают, человек опытный[11] в жизни, знающий людей; вы неопытны; если он и вы расходитесь во мнении о каком-нибудь человеке, вся вероятность на той стороне, что ошибаетесь вы, а не ваш батюшка; эти мои слова как будто плохо могут внушить вам охоту довериться мне, — так?

— О, нет.

— Я человек хитрый: нет, я вижу дальше — вы можете сердиться на меня за них, вы можете почувствовать ко мне нелюбовь из-за них, но вы скажете: «он говорит честно, он не притворяется, он не лжет», значит я очень много выигрываю в вашем доверии тем, что говорю слова, которые другой почел бы лишающими меня вашего доверия. Вот видите, какой я хитрый. Но — ведь мое мнение, что человек, к которому чувствуете вы расположение, не достоин вас, — ведь оно только предположение, — я не скрываю от вас, что я думаю так, но я еще не

[1] *Далее было:* я скажу вам еще [2] честно. [3] благородно. [4] *Вместо:* уж очень много, — *было:* более половины, [5] *Вместо:* хотя ∞ ни слова, — *было:* хотя не слышал от вас [6] что отец [7] *Далее было начато:* Нет, я не [8] *Далее было начато:* Видите ли, он человек опытный, вы — нет, следовательно, если вы с ним расходитесь во мнении о каком-нибудь [9] *Далее было:* на согласие. [10] Слушайте [11] умный

имею оснований ручаться, что я не ошибаюсь, напротив, это очень может быть. Дайте же возможность[1] узнать, не ошибаюсь ли я.[2] Назовите мне этого человека, дайте возможность узнать, что он за человек.[3] Для чего это нужно? Вот для чего: я хочу испросить вашего позволения прямо сказать вашему батюшке, в чем дело. Если вы позволите мне это, в таком случае ваше дело почти наверное может устроиться так, что вы останетесь довольны его развязкою. Если вы не согласитесь дать мне это позволение, я хоть имею почти полную <уверенность>, что мой разговор с вашим батюшкой спас бы вас, все-таки не скажу ему ни слова. Вмешиваться в дела человека против его воли — никогда, никогда, это мое правило. Вы видите, вы ничем не рискуете, сказав мне его имя; от вас будет зависеть, буду ли я пользоваться этими сведениями, или нет, — скажите ж, это безопасно для вас.

— Но что ж вы хотите сказать моему отцу? — проговорила больная.[4]

— Это зависит от того, знает ли он его, или нет. Если нет, то, конечно, прежде всего пусть познакомится.

— Он знает его.

— Близко?

— Да.

— В таком случае я скажу вот что: чтоб он согласился на ваш брак с ним, — только с одним условием: назначить время свадьбы не сейчас, чтоб вы имели время хладнокровнее осмотреться,[5] — только, больше ничего. Сопротивления вашему желанию никакого быть не должно; данное слово должно быть исполнено безусловно. Ваш батюшка должен сказать: «пусть он будет твоим женихом; через два или три месяца», как вы и ваш батюшка согласитесь, «я ни одним словом, ни одним взглядом не буду удерживать тебя от венчанья, — а между тем[6] полное покровительство мое вашим отношениям как отношениям жениха и невесты». Вот что должен сказать ваш батюшка и должен сдержать свое слово. Поверьте, я не солгу перед вами в том, как мне покажется, в состоянии ли он сдержать такое слово. Если мне покажется, что нет, я скажу вам: не верьте ему и[7] умирайте.

— Но он не согласится дать такое слово.

— Посмотрим. Он человек умный?

— Да.[8]

— На этом все у меня и основано. С умными людьми легко иметь всякое дело. Если он умный человек, он согласится.[9]

— Нет.

---

[1] случай [2] *Далее было начато:* Если я ошибаюсь, тогда вы [3] *Вместо:* дайте ∾ за человек. — *было:* дайте возможность познакомиться с ним. [4] *Далее было:* Скажите, он знает его? [5] *а.* а через несколько времени *б.* чтоб вы имели время хладнокровнее обдумать, [6] *Далее было начато: а.* я не буду *б.* вы будете видеться *в.* вам [7] *Далее было:* продолжайте [8] *Далее было:* — Нет, вы должны серьезно [9] *Далее было:* Но ведь вы этого не знаете?

— Однако какая же вы стойкая![1] Но теперь затруднение только в том, что я не знаю вашего батюшку и потому не могу судить, настолько ли он умный человек, чтоб мог дать[2] слово, которое должен дать и сдержать. Вы позволите мне посмотреть на него, чтоб узнать это? Само собою, в этом нашем разговоре не будет ни слова о вашем деле. Ведь теперь мне только еще нужно увидеть, что за человек ваш батюшка. Вы согласны на это?

— Да, если вы дадите честное слово, что не будете говорить с ним о деле.[3]

— Я не даю особых честных слов,[4] каждое простое слово должно быть честное слово. И зачем вам мое слово, какое бы то ни было? Если б я хотел действовать без вашего согласия, я мог бы пойти к нему и без вашего позволения и выдать вашу тайну. Но если вы не позволяете, я не пойду к нему. Кажется, этого довольно, чтобы вы могли быть уверены, что я не буду говорить ничего, на что не имею вашего согласия.

— Идите, — сказала больная.

Вошедши в кабинет Полозова, сказал, что еще не кончил исследования больной, но считает нужным отложить его окончание на полчаса и пришел посидеть с ним этот промежуток времени: что[5] он надеется на благоприятный исход болезни, но пока еще не может сказать ничего решительного, и потом завел разговор, о чем вздумалось идти разговору. [6] Он нашел старика действительно человеком умным и, возвратившись к его дочери, <сказал>, что теперь совершенно ручается за его согласие.

— Но как же вы получите его? Вы скажете ему, что знаете о характере моей болезни?

— Зачем? это все-таки значило бы выдавать вашу тайну. — Нет, я просто скажу, что у вас упадок сил, происходит от нравственного страдания, что страдание это происходит от безнадежной любви, а безнадежность любви — от вашей уверенности в том, что он не согласится, и что если он не согласится, то упадок сил будет продолжаться и приведет через несколько времени к смерти. Все это правда, но если мы обязаны говорить только правду, то ведь мы обязаны говорить только ту правду, которую нужно говорить.[7] Скажите ж теперь имя.

Катерина Васильевна назвала имя,[8] — нам не нужно знать эту фамилию, потому пусть она будет заменена здесь одной буквою Ж., с которой начинается. Но едва она произнесла его, как тотчас же сказала нетерпеливо:

— Нет, я напрасно это сделала.

---

[1] *Далее было:* Это хорошо. Надобно отстаивать свои р<ешения?> [2] понять [3] *Далее было начато:* Тут [4] *Вместо:* особых честных слов, — *было:* честных слов, [5] *Далее было:* болезнь дочери Полозова такого рода [6] *Далее было начато:* Старик [7] *Далее было:* Я никогда не обманываю, но и никогда не открою чужой тайны. [8] фамилию *После:* имя, — *было начато:* положим, что человек

— Вы раскаиваетесь, что доверились мне? Вы всегда вправе взять назад ваше доверие.

— Нет, я в вас верю, я не знаю, как вы так скоро сумели внушить мне полную веру в себя, — но как же вы получите его согласие? Ведь вы не знаете, как это было: когда мой отец стал замечать, что Ж. ухаживает за мною, он сказал мне: «удаляйся этого человека, Катя, — я скорее соглашусь видеть тебя умершею, чем видеть его женою, — это будет легче и для тебя, и для меня».

— Мало ли что говорится, не каждому слову, какое говорится,[1] надобно придавать всю полную его силу,[2] — почти всегда все надобно понимать гораздо легче, чем говорится.

— Нет, он сказал это решительно, так решительно, что я не сомневаюсь, он так чувствует и не откажется от этого чувства.[3]

— А что ж, если б и так? Все-таки почти несомненна хорошая развязка.[4] Ей нисколько не мешает то, что он не желает видеть вас его женою. Вы и он[5] — оба люди неглупые. С умными людьми есть всегда возможность порядочно уладить всякое дело. Месяца в два постоянных продолжительных свиданий[6] с Ж. может увидеть, что ошибался в своем мнении о нем. Я не говорю, что ошибаетесь вы, — я вам это уж говорил, — если так, через два месяца вы отвернетесь от него, — если же ошиблись не вы, ваш батюшка протянет ему руку, только и всего. Я уверен,[7] что он как человек умный поймет это. Я и иду поговорить[8] с ним в этом смысле.

Но со стариком не так легко было сладить, как с семнадцатилетнею девушкою. Полозов очень удивился, когда услышал, что упадок сил его дочери происходит от безнадежной любви к Ж., — он давно забыл о Ж.; слова, которые так глубоко врезались в память Катерины Васильевны, были сказаны им месяца три тому назад, когда ее страсть[9] еще не была[10] так сильна.[11] ‹*л. 49. С середины*› Он так давно решил, что эта история ‹не имеет› никакой важности, и так много[12] и так долго видел подтверждения тому, что она не имеет важности. А вдруг[13] обнаружившееся ему имело слишком романтический вид и не могло казаться правдоподобным человеку,[14] привыкшему вести исключительно практическую жизнь,

---

[1] какое говорится *вписано.* [2] *Вместо:* полную его силу — *было начато:* ту силу, которую, кажется [3] *Далее было:* Неужели вы думаете, что в таком случае нельзя ничего сделать? [4] *Вместо:* почти ∾ развязка. — *было:* очень возможна развязка [5] Вы оба [6] *Далее было:* кто-нибудь из вас увидит, что [7] Я надеюсь [8] Я так и буду говорить [9] *Вместо:* когда ее страсть — *было:* когда она и сама еще не чувствовала [10] *Вместо:* еще не была — *было:* развилась [11] *Далее незаконченная фраза:* Из любви к отцу *и знак, указывающий на продолжение текста в середине следующей страницы. Вместо:* Полозов очень удивился ∾ так сильна — *снова начато:* Старик чрезвычайно изумился, когда Кирсанов сказал ему, что причина [истории] расстройства дочери — любовь ее к Ж. [12] *Далее было:* было подтверждений [13] *Было начато: а.* Тру‹дно?› *б.* Д‹авно?› *в.* А она имела слишком романтический вид, и вдруг [14] человеку очень практическому,

смотреть на все с холодным благоразумием. Но когда, наконец, он принужден был поверить[1] объяснению Кирсанова, он все-таки не мог понять всей серьезности дела. Он отвечал: «Ну да, фантазия ребенка, который помучится и забудет. Мне счастье[2] ее жизни дороже, чем угождение ее неопытным фантазиям». Когда Кирсанов довел его до крайности своею настойчивостью, он ударил кулаком по столу и вскрикнул: «Вы говорите, она может умереть, — ну что ж, пусть лучше умрет, чем будет несчастна, это легче и для меня, и для нее». Кирсанов увидел, что дочь была совершенно права, когда слова, раз сказанные ее отцом, приняла в полной силе[3] их смысла и осталась убежденною, что напрасно вновь поднимать[4] речь об этом, что решение отца — решение неизменное.

Тогда Кирсанов стал развивать ему свой взгляд на дело, — тот взгляд, который он добросовестно высказал[5] больной. «Я не говорю о том, — сказал он, — что брак может не представлять такой страшной важности, если смотреть на него хладнокровнее: когда жена несчастна, почему не разойтись ей с мужем? Вы привыкли считать это недозволительным, ваша дочь, вероятно, воспитана[6] вами в таких же понятиях, стало быть для нее и для вас это действительно так важно, как вы думаете. А если брак решает судьбу безвозвратно, то действительно лучше дать ей умереть, чем допускать брак, в котором она будет несчастною. Но[7] если я уверен, что вы не ошибаетесь в этом человеке, что он действительно дурной человек, то почему ж вы не надеетесь на рассудок вашей дочери? Страсть ослепляет[8] тогда, когда встречает препятствия, — дайте ей простор, и через несколько времени рассудок начнет пробуждаться,[9] — я почти уверен, что если этот человек такой, каким вы считаете его, она разлюбит его, когда будет иметь свободу любить или не любить, — пусть он будет женихом, и через несколько времени она откажет ему сама».

Такая манера смотреть на вещи была слишком нова для Полозова. Он отвечал резко, что он в такие вздоры[10] не верит, что он слишком хорошо знает жизнь, что он видел слишком много примеров безрассудства людей, чтоб полагаться[11] на их рассудок. Напрасно говорил Кирсанов, что во всех тех случаях безрассудства, которые он видел, наверное было одно из двух: или безрассудство началось сгоряча, в минутном порыве увлечения, или человек, делающий безрассудство, не имел свободы, был раздражаем сопротивлением, — такие речи были уж совершенно тарабарщиною для Полозова. «Она безумная, и вверять такому ребенку его судьбу было бы глупо. И это пройдет. Если уступать каждой фантазии неопытного человека,[12] то он погибнет». С этих пунктов никак нельзя было сбить его.

---

[1] верить [2] *Далее было:* дороже [3] *Вместо:* в полной силе — *было:* *а.* за всё *б.* во всей силе [4] заг‹оваривать› [5] раскрыл [6] выросла [7] Но я уверен, что вы [8] разгорается [9] *Вместо:* начнет пробуждаться — *было начато:* будет иметь возможность говорить [10] глу‹пости› [11] верить [12] неопытных людей,

Конечно, Кирсанов знал, что как ни тверды мысли человека, находящегося в заблуждении, но если другой человек, более развитый,[1] более знающий, вернее понимающий дело, будет постоянно работать над тем, чтоб вывести его из заблуждения, заблуждение не устоит, — так, но сколько времени возьмет борьба с ним?[2] Кирсанов знал вперед, что и нынешний разговор не останется вовсе без влияния на Полозова, хотя и нельзя еще теперь заметить никакого колебания[3] в его мыслях, — они все-таки начнут колебаться, это неизбежно, это математически верное[4] ожидание, — и если продолжать с ним такие разговоры, его мысли будут сломаны, — но когда? Старик силен в своих мыслях, он горд своею опытностью, он привык считать себя неошибающимся, он тверд и упрям,[5] — сломать его можно, нет сомнения, что Кирсанов может сломать его этою постоянною правильною борьбою холодных доказательств против убеждений всей его жизни,[6] — но скоро ли? наверное, нет. А в настоящем случае отсрочка слишком опасна, — долгая отсрочка наверное гибельна, а долгая отсрочка неизбежна при этом методическом способе спокойной борьбы. Кирсанов увидел, что надобно прибегнуть к крайнему средству. Оно рискованно, это правда, — но при нем только риск, а без него почти верная гибель, — а в нем риск на самом деле вовсе не так велик, как показалось бы человеку, менее твердому в своих убеждениях[7] о неизбежности и неотвратности результатов,[8] когда существуют причины.[9] Но риск, хотя и не велик, все-таки серьезный. Из всей лотереи только один билет проигрышный, — нет никакой вероятности, чтобы вынулся он, — но если он вынется?[10] Тот, кто идет на риск, должен быть совершенно готов не моргнуть, если б вынулся не этот билет. Он видел спокойную, молчаливую твердость девушки и был уверен в ней.[11] А он вправе ли подвергать ее риску? Конечно, да. Теперь из ста шансов только один, ‹*л. 49 об. Низ*› что она не погубит своего здоровья в этом деле, — более чем наполовину шансов, что погибель будет быстра, — а тут из бесчисленных тысяч шансов будет один против нее. Пусть же она рискует в лотерею, по-видимому, более страшную, потому что более быструю, но, в сущности, несравненно менее опасную.

— Хорошо, — сказал он: — я буду действовать сообразно вашему решению; если вы не хотите этого лечения[12] теми средствами, какие в вашей власти, я буду лечить ее своими, хотя они гораздо хуже. Завтра я[13] соберу консилиум.

---

[1] знающий и более развитый [2] *Далее было:* А в этом случае, такая отсрочка — она гибельна. [3] влияния [4] верно, разумеется, [5] *Далее было:* скоро ли [6] этого постоянного ∞ его жизни, *вписано.* [7] в своей теории [8] игры, [9] *Далее было начато: а.* Риск *б.* Всякий лишний *в.* Никто не решился бы на *г.* Риск [10] *Далее было: а.* Но уж надобно дер‹жаться?› *б.* На всякий случай, должно быть готовым [11] *Далее было начато: а.* да не один он может *б.* он один может так [12] *Далее было: а.* то остается мне *б.* пусть я бы лечил ее [13] я снова

Возвратившись к больной, он сказал, что ее отец оказался очень упрям, упрямее, чем он ждал, и что надобно будет действовать против него более решительными средствами, чем простые слова.

— Нет, ничто не поможет, — грустно сказала больная.

— Вы уверены в этом?

— Да.

— Вы готовы к смерти?

— Да.

— Что, если я решусь подвергнуть вас риску умереть?

— Я давно уж вижу, что моя смерть неизбежна,[1] что немного дней осталось мне жить.

— Видите, в том средстве, которое я хочу употребить, успех почти совершенно верен, но неудача — смерть; она почти невозможна, но все-таки надобно быть готовой и на это.[2] Когда остается только одно спасение[3] — призвать в опору себе решимость на смерть, эта опора почти всегда выручит,[4] знаете, когда скажешь: «уступай мне, или я умру»,[5] то почти всегда уступят; но знаете, ведь если не уступят, приходится умереть, — иначе нет расчета начинать дело, иначе — только стыд и положение хуже прежнего.[6] И я убью вас, если не освобожу; вы согласны?

— Да.

— Не бойтесь, риска очень мало. Успех несомненен.

— Но что же вы хотите сделать?

— Я вам сказал: завтра я[7] гораздо решительнее нынешнего потребую у него согласия, если он не согласится, я убью вас.[8]

Конечно, почти во всяком другом подобном случае[9] Кирсанов и не подумал бы прибегать к такому риску, — гораздо проще было увезти девушку из дому, и пусть она венчается с кем хочет. Но тут[10] дело было гораздо затруднительнее по особому своему характеру. Кирсанов был убежден, что мнение отца справедливо, что если Катерина Васильевна соединит свою судьбу с Ж., то она будет слишком несчастна.[11] Поэтому он был не вправе соединять ее с ним.[12] Поэтому-то и оставалось одно то средство спасти ее, на которое он решился, — средство, в котором, кроме шанса спасения, есть и шанс смерти.

На другой день собрался консилиум из самых высоких знаменитостей великосветской медицинской практики,[13] — он набрал целых пять человек, самых отборных, так что на консилиуме при пяти человеках

---

[1] *Вместо:* что ∾ неизбежна, — *было:* неизбежность смерти [2] *Далее было: а.* если это неизбежно *б.* когда не можешь [3] *Далее было:* идти под руку со смертью навстречу [4] *Далее было:* но ведь надобно же серьезно опираться на нее, и [5] *Далее было:* то уж надобно [6] иначе нет ∾ прежнего. *вписано.* [7] *Далее было:* потребую решительно [8] *Далее было начато:* На другой день [9] *Далее было:* не было надобности ни для кого [10] *Далее было:* Кирсанов чувствовал [11] *Далее начато:* Помогать [12] *Далее начато:* Остава‹лось› [13] *Далее было:* было шесть человек, т. е.

состояло восемь звезд: почти все медицинские звездные знаменитости[1] таскают на себе свои звезды без пощады, без спуска. Так-то и нужно было Кирсанову, — звезды важное дело по части внушительно-убедительного действия. О, как бы я желал иметь звезду! Клянусь, на всё готов,[2] только укажите мне средство получить звезду![3]

Кирсанов говорил, все слушали — что он говорил, с тем все соглашались, потому что ведь, помните, есть на свете Клод Бернар и живет в Париже, да и кроме того, Кирсанов говорит такие вещи, которые, чорт их знает, и не поймешь, что это такое, правда или нет, — ведь он говорит по-новому, совсем не о том и не то, что мы знаем, — то, что мы знаем, по его мнению, не больше как невежество, — так вот видите, и понять нельзя, да и сказать того нельзя, что невразумительно для меня,[4] уж тем менее можно противоречить: по второму твоему слову посмотрит на тебя так, будто вслух скажет: «ах, ты невежда», — а шутя и заподлинно скажет это вслух,[5] — как же противоречить? А если не противоречить, то ведь необходимо поддакивать с видом вполне понимающего,[6] о чем идет дело, — как же иначе?

Кирсанов сказал, что он очень внимательно исследовал больную и совершенно согласен с мнением г. такого-то,[7] пользующего больную, что болезнь неизлечима никакими медицинскими средствами,[8] а агония в этой болезни очень мучительна, да и вообще каждый лишний час, переживаемый больною, — лишний час страдания,[9] и потому он считает[10] обязанностью консилиума составить определение, что по человеколюбию следует прекратить страдания больной приемом морфия, после которого она уж не проснулась бы. Объяснив это, он попросил собравшихся своих товарищей исследовать больную для того, чтобы принять или отвергнуть его предложение. Тузы исследовали больную, хлопая глазами, и, конечно, не могли найти того, что нашел Кирсанов. Вернувшись в далекий от комнаты зал консилиума, они положили: дать больной смертельный прием[11] морфию.

Когда консилиум постановил свое определение, Кирсанов позвонил слугу и попросил его пригласить Полозова[12] в комнату. Старик вошел. Один из звездоносцев сказал приличное грустно-торжественное и возвышенно-непонятное предисловие; прочитал ему постановление консилиума. Полозова[13] хватило, как обухом по лбу; ждать смерти неизвестно

---

[1] *Далее было:* ужасно любят свои звезды и носят их на себе [2] на всякую подлость готов [3] *Далее было:* На всё, на всё готов [только чтобы] для звезды, готов быть человеком, героем, готов быть ‹*нрзб.*›. Алчет душа моя звезды! *Текст:* из самых высоких ∾ звезду! *вписан.* [4] *Далее было:* да противоречит уж тем [5] что это такое ∾ вслух *вписано.* [6] *Вместо:* вполне понимающего — *было:* знатока [7] *Вместо:* г‹осподина› такого-то — *было:* Его Превосходительства *После:* такого-то — *было:* (г‹осподин› такой-то, пользующий Катерину Васильевну туз, сладко улыбнулся) [8] *Далее было:* что смерть от этой болезни [9] да и вообще ∾ страдания, *вписано.* [10] думает [11] смертельный прием *вписано.* [12] отца [13] Старика

когда, хоть скоро — да неизвестно же когда, и еще неизвестно, наверное — и услышать, что[1] решено: умертвить ее, и через полчаса не будет ее в живых, — это вещи совершенно различные. Кирсанов смотрел на него с напряженным вниманием:[2] он был почти совершенно уверен в эффекте, но все-таки дело было возбуждающее нервы. Минуты две старик молчал как ошеломленный.

— Не нужно; она умирает от моего упрямства; я уступаю. Выздоровеет ли она?

— Конечно, — сказал Кирсанов.

Тузы рассердились бы, если б имели время рассердиться, то есть поняли, что Кирсанов поставил их актерами мелодрамы;[3] но Кирсанов, велев слуге вывести потерявшегося Полозова,[4] уж благодарил их за проницательность, с какою они отгадали его намерение, с какою поняли, что причина болезни — нравственное страдание, что нужно запугать упрямца, который иначе действительно был бы причиною смерти дочери, которая, как они справедливо утверждали, уж недалеко от смерти, совершенно неизбежной без этой уступки со стороны отца. Тузы разъехались, очень довольные каждый тем, что выказал перед другими[5] и засвидетельствовал аттестатом Кирсанова свою медицинскую проницательность; довольные и обилием[6] гонорария за консилиум.

Кирсанов пошел к больной и сказал:

— Теперь ваши отношения к человеку, которого вы любите, совершенно зависят от вас.[7] Вы победили и спасены. Вы не боялись риска, и смелость ваша награждена успехом. Ваш батюшка покоряется необходимости. Он объявит[8] вам это, как только я отпущу его к вам. Но я не скоро отпущу его, — я должен сильно внушить ему, что, давая согласие, он должен давать его вполне и нисколько уж не мешать отношениям между вами и человеком, которого вы любите, развиваться так, как они будут развиваться сами собою. Я не отпущу его прежде, чем не доведу его[9] до того, что он совершенно откажется от всякой мысли стеснять вас. Теперь можете быть спокойны: ваши страдания кончились благодаря вашей решимости.

Катерина Васильевна в восторге схватила его руку,[10] и он едва успел вырвать[11] ее, чтоб она не поцаловала ее.

После этого был долгий разговор с Полозовым, которому Кирсанов подробно развивал[12] свою прежнюю мысль, что если Ж. человек плохой, то нужно[13] только дать Катерине Васильевне достаточно времени чувствовать себя свободною от стеснения, и она сама успеет рассмотреть

---

[1] *Далее начато:* через полчаса [2] *Было начато:* любопытством [3] *Вместо:* поставил ∾ мелодрамы; — *было:* *а.* *Начато:* пригласил *б.* разыграл с ними комедию [4] велев ∾ Полозова, *вписано.* [5] перед другими *вписано.* [6] и тем обилием [7] теперь ∾ от вас. *вписано.* [8] скоро объявит [9] *Вместо:* не доведу его — *было:* не внушу ему [10] *Далее было:* и успела поцаловать ее [11] вырвать ее у нее [12] развивал и доказывал [13] После этого ∾ нужно *вписано.*

это; но что если отец будет хоть сколько-нибудь стеснять ее, он совершенно проиграет свое дело и погубит во второй раз свою дочь, едва спасенную.[1]

Потрясенный внезапным эффектом консилиума, старик теперь был доступнее убеждениям. И притом он теперь смотрел на Кирсанова уж не теми глазами, как вчера, — вчера ему все представлялась самая натуральная мысль: «Я постарше тебя и поопытнее, не тебе меня учить, у тебя еще ветер ходит в голове», — а теперь он видел, что Кирсанов хоть и молод, но уж проучил его. Он смотрел и с уважением, и со страхом на этого человека, который так крепко повернул всеми, кем хотел повернуть.

— Неужели вы в самом деле дали бы ей смертельный прием? — спрашивал он.

— Еще бы! Разумеется, — совершенно равнодушно отвечал Кирсанов.

— И у вас достало бы духу?

— Еще бы на это не достало![2] Что за тряпка был бы я, если б колебался в таком простом деле.[3]

— Вы страшный человек! — повторял Полозов.

— Это значит, что вы еще не видали страшных людей,[4] — с снисходительною улыбкою отвечал Кирсанов, вероятно, думая: «посмотрел бы ты на Рахметова, так увидел бы, что я овечка».

— Но как вы могли так повернуть всех этих медиков, весь этот консилиум?

— Будто трудно повертывать этих людей? — сказал Кирсанов тоном пренебрежения.[5]

Не было конца таким вопросам и таким ответам, и, думая о своих вопросах, слушая его ответы, Полозов все живее и живее[6] чувствовал: «да, это не нашего поля ягода: мы такие штуки сберегали для своих неудач, потому что нам их трудно делать, а ему, видно, в самом деле ничего не стоит это, что он готов их делать по делам людей, которых видит в первый раз от роду! Да, воротит, как медведь,[7] и понимает вещи чуть ли не получше нашего брата;[8] я резок, а он гораздо порезче, я вижу далеко, а он, должно быть, подальше», и он чувствовал, что Кирсанов берет над ним власть и что Кирсанов думает дельнее его. Долго Кирсанов ломал старика и наконец-таки уломал. Говорил ему теперь и

---

[1] *Далее было начато:* Старик [2] *Вместо:* Еще ∾ не достало! — *было начато:* На это не ну‹жно› [3] *Далее было:* — Вы страшный человек! Вы способны быть злодеем! — Никогда. Мне тяжело — это разные вещи [4] *Далее было:* отвечал Кирсанов. [5] *Вместо:* сказал ∾ пренебрежения. — *было:* ответил он с пренебрежением. *После:* пренебрежения — *было начато:* *а.* И после десятка *б.* И после десятков, может быть, не одной сотни таких вопросов и ответов [6] яснее и яснее [7] *Далее было:* и он чувствовал, что покоряется [8] *Далее было:* где я сказал бы: трудновато, — он говорит: пустяки, где я сказал: это человек не очень далекого ума, я не очень-то уважаю

такие вещи: «легко вас[1] заставить сделать то, чего вы не хотите? А я заставил.[2] Значит, понимаю, как надобно браться за дело. Поверьте же, что если я вам говорю, как надо делать, то значит, и надо так делать, я знаю». С такими людьми нельзя говорить иначе — им надобно наступать на горло. После трех-четырех часов борьбы совершенно убедился,[3] что Кирсанов лучше его понимает, как надобно вести дело, и что он должен действовать безусловно по правилу, которое даст ему Кирсанов.[4]

Но убедившись в этом, он все-таки не мог понять, что ж это за человек? [5] Он на его стороне — и вместе на стороне его дочери: он заставил его покориться дочери — и вместе с тем хочет, чтоб дочь изменила свою волю, — как это примирить?[6]

— Очень просто, — отвечал ему Кирсанов: — вы губили дочь[7] и себя, потому что не умели разобрать дела, и когда я показал вам его, вы не умели рассудить, как надобно вести его, а цель у вас верная, — в цели я схожусь с вами; она губила себя и вас, потому что [8] вы не давали ей возможности спокойно [9] разобрать дело, — я просто хотел, чтоб вы были рассудительны и чтоб она могла рассмотреть дело,[10] — я желаю вам обоим добра, и для этого нужно, чтоб [11] вы оба стали рассудительны,[12] а вы оба нерассудительны, поэтому я и за обоих вас, и против обоих вас.

В тот же вечер Полозов написал к очаровательному господину письмо, в котором просил его пожаловать к себе по очень важному делу; [13] очаровательный господин приехал, произошло нежное объяснение, очаровательный господин был объявлен женихом Катерины Васильевны с тем, что свадьба будет через три месяца.

Кирсанов почел неудобным [14] видеть жениха [15] в первые дни после кризиса,[16] — Катерина Васильевна, конечно, еще находилась в восхищении, в экзальтации,[17] — если он увидит, что жених действительно дрянь, и захочет помочь ее глазам раскрыться [18] на его недостатки, это еще не будет иметь успеха, напротив, принесет вред; сопротивление подновит ее экзальтацию. Он [19] заехал уж недели через две спросить у Катерины

---

[1] *Далее было:* обойти и согнуть в рог? А я согнул, — значит мне судить, как надобно приниматься за дело. [2] *Далее было начато:* Легко [3] понял [4] *Далее было начато:* В тот же день Полозов написал Ж., что просит его [5] *Вместо:* что ж ∾ человек? — *было:* что ж это такое? [6] *Вместо:* как это примирить — *было:* что ж это такое? [7] *Вместо:* вы губили дочь — *было:* *а.* вы сходили с ума от дикого взгляда — почему не поняли, как надобно вести *б.* вы губили человека [8] потому что она неопытна [9] хладнокровно [10] *Далее было:* только — я скажу одно — я хотел как того, чтобы [11] я желаю ∾ чтоб *вписано.* [12] *Далее было:* я желаю добра [13] *Далее было:* и послал [14] *Вместо:* почел неудобным — *было:* не видел в эти дни [15] очаровательного жениха [16] возобновления [17] *Далее было:* принимаемой за его [18] *Вместо:* ее глазам раскрыться — *было начато:* ей открыть [19] Недели через две он

Васильевны, позволит ли она ему[1] бывать у них в такое время, когда бы мог он видеть ее жениха.[2]

Катерина Васильевна уж очень поправилась в это время. Она была еще несколько бледна и худа, но уж совершенно здорова благодаря искусству туза, которому Кирсанов опять передал ее, сказавши ей: «лечитесь у него, нужды нет, теперь никакие его снадобья,[3] хотя бы вы и стали принимать их, не помешают вашему выздоровлению».[4] Катерина Васильевна встретила его с восторгом,[5] но с недоумением посмотрела на него, когда он сказал, зачем приехал.

— Вы спасли мне жизнь, и неужели вам нужно мое разрешение, чтоб бывать у нас?

— Но вам мое посещение при нем могло бы показаться попыткою вмешаться в ваши отношения, а вы знаете,[6] что я имею правило не делать[7] ничего без согласия человека, в интересе которого я хотел бы действовать.[8]

Кирсанов нашел жениха человеком таким, каким предоставлялся он Полозову. Но Кирсанов[9] просидел вечер, не выказывая ничем своего мнения о нем, — был любезен[10] со всеми и не сделал ни одного намека Катерине Васильевне о том, нравится ли ему ее жених. Этого было уж достаточно, чтоб возбудить ее любопытство и опасение.[11] На следующий день в ней беспрестанно возобновлялась[12] мысль: «почему Кирсанов ничего не сказал мне о нем? Если он произвел выгодное впечатление на Кирсанова, Кирсанов сказал бы мне это; неужели он ему не понравился? что ж могло в нем не понравиться Кирсанову?» — и когда вечером приехал жених,[13] она всматривалась в поступки жениха, вдумывалась в его слова, чтоб найти, что ж в нем могло не понравиться Кирсанову. Она знала, зачем она это делает, — затем, чтоб доказать себе, что Кирсанов не мог найти в нем никаких недостатков. Так. Но мысль доказывать себе, что в любимом человеке нет недостатков, уже ведет к тому, что скоро они будут замечены. ‹*л. 50*›

---

[1] *Далее было:* познакомиться с ее женихом [2] *Далее было начато:* Скажите мне, неужели на‹добно?› [3] микстуры, [4] *Вместо:* благодаря ∾ выздоровлению». — *было:* туз [ее пользовавший], на пользование которого снова сдал ее Кирсанов, [он] гордился успехом [лечения] своих медикаментов [из которых главными были те, которые он сам принимал довольно исправно, потому что они были им составлены и почти исключительно из эссенции какого-то удивительно целебного экстракта ракагута] [ракагутин, который был невкусен], из которых главным был удивительно целебный экстракт ракагутин, силою медицинского действия совершенно похожий на несколько крупинок испанской мухи, всыпанных в толченый сáхар, на самом деле не имеющий ничего приятного на вкус, и еще одно: Кирсанов, когда он [поздравил] в день решенья, прощаясь с ней, сказал: можете принимать все, что он вам станет давать, теперь вам никакая микстура не помешает выздороветь. [5] с восклицанием, [6] *Далее было:* без согласия человека [7] не вмешиваться [8] *К тексту:* Но вам ∾ действовать — *знаком отнесена дата:* 26 ф‹евраля› [9] *Далее было:* не выказывал [10] холоден [11] *Далее начато:* Она думала [12] являлась [13] когда ∾ жених *вписано.*

Через несколько дней Кирсанов был опять и опять не сказал ей ни слова о том, как ему нравится ее жених. На этот раз она уж не выдержала и в конце вечера сказала ему:[1]

— Ваше мнение? Что ж вы молчите?

— Я не знал, угодно ли будет вам слышать мое мнение, и не знаю, будет ли оно сочтено[2] вами за беспристрастное.[3]

— Он вам не нравится?

Кирсанов не отвечал ничего.[4]

— Он вам не нравится?

Кирсанов все-таки молчал.

— Что ж вам не нравится в нем?

— Я ничего не говорил, нравится он мне или нет.

— Это видно.

— Я буду ждать, когда будет видно и то, почему он нравится или не нравится мне.[5]

На следующий вечер[6] Катерина Васильевна стала еще внимательнее всматриваться и вслушиваться. Кирсанова не было, жених говорил с нею, и она не заметила ничего.[7] Теперь в ней, хотя она не могла еще заметить, в ней кроме мысли: убедиться, что в женихе нет недостатков, была уже досадная мысль: «как же я не могу заметить, что в нем не нравится Кирсанову?» Она досадовала на свое неуменье наблюдать и думала.[8] «Неужели я, в самом деле, так проста?» Было возбуждено самое искательное чувство — самолюбие[9] — в направлении, самом опасном для жениха.

На следующий раз Кирсанов, прежде державший себя совершенно нейтрально, только участвовавший[10] в разговоре, но не бравший на себя роли давать ему направление, стал направлять разговор. Он говорил о богатстве, — и Катерине Васильевне стало казаться, что жениху слишком приятно говорить о богатстве, — Кирсанов завел разговор об игре, — и Катерине Васильевне стало казаться, что жених слишком симпатично говорит о волнениях, которые доставляет игра.[11] Кирсанов заговорил о женщинах, — и Катерине Васильевне стало казаться, будто жених говорит о них слишком легко. Кирсанов начал говорить[12] о семейной жизни, — и Катерине Васильевне стало казаться,[13] что может —

---

[1] *Вместо:* и в конце ∾ ему: — *было:* и сказала ему: почему вы мне хотели [2] принято [3] *Далее было начато:* Вы смотрите на него слишком [4] *Вместо:* не отвечал ничего. — *было:* промолчал [5] *Далее было начато:* Но вы видите, что [6] раз [7] *Далее было: а. Начато:* Но когда дня *б.* Но у нее уж сильна была мысль, что до [8] задумала. *После:* думала. — *было начато:* я кажется [9] *Вместо:* Было ∾ самолюбие — *было:* самолюбие ее было возбуждено [10] поддерживавший [11] *Далее было начато:* Кирсанов [заговорил об успехе] начинал рассказывать [приключения] о любовных приключениях и Катерине Васильевне показалось, что [12] *Вместо:* начал говорить — *было:* заговорил [13] *Вместо:* стало казаться, — *было:* показалось

неужели может? нет, этого не может быть, нет, это напрасно ей кажется, — но все‹-таки› ей показалось, что ей кажется, что, может быть, женщине пришлось бы много терпеть от такого мужа.

Кризис произошел; Катерина Васильевна долго не могла заснуть, все плакала,[1] плакала от досады на себя за то, что обижает жениха невыгодным взглядом на него. На следующий вечер она уж хотела доказать себе, что она действительно напрасно оскорбляет его,[2] и для этого она, сама того не замечая, начала говорить с ним, тоже выпытывая его мысли, как вчера делал Кирсанов, и опять долго не могла заснуть, опять все плакала, досадуя на себя за то, что[3] разговор с женихом не успокоил ее сомнений в нем.

Понятно, что недели через полторы,[4] через две она уже чувствовала страх от мысли:[5] «скоро все будет безвозвратно, я уж потеряю возможность,[6] если я ошиблась в нем», — и еще недели через полторы-две она уж думала: «нет, я не могу решиться так скоро, — зачем же это должно быть так скоро?»[7]

Теперь Кирсанов видел, что может говорить с нею.

— Вы все доспрашивались моего мнения о нем,[8] — сказал он: — оно не так важно, как ваше. Что вы думаете о нем?

Теперь она молчала.

— Я не смею допытываться, — сказал он и тотчас же заговорил о другом. Но через четверть часа она сама подошла к нему:

— Дайте же мне совет, мои мысли колеблются.

— Зачем же вам мой совет, вы сами знаете, что должно делать, когда мысли колеблются.[9]

— Ждать, когда они перестанут колебаться?[10]

— Я не знаю, как вы находите лучше.

— Я отложу свадьбу.[11]

— Почему ж не отложить, если это кажется вам лучше.

— Но как он примет это?

— Попробуйте и увидите, как примет.

— Но мне тяжело сказать[12] ему это.

— В таком случае скажите вашему батюшке, чтоб он сказал ему это.

— Я не хочу прятаться за другого, я сама скажу ему это.

— Если вы[13] чувствуете в себе силу сказать сама, то, конечно, это гораздо лучше.

---

[1] *Далее было начато: а.* о чем, сама не знала, она знала только, что *б.* о том, [2] *Далее было:* и она начала сама [3] *Далее было: а. Начато:* нашла *б.* не могла сделать вывода из своего разговора с Ж. [4] через две недели [5] *Вместо:* чувствовала ∾ мысли: — *было:* думала с некоторым страхом: [6] *Вместо:* я уж ∾ возможность, — *было:* я не могу [7] *Далее было начато: а.* А отец не *б.* А Кирсанов *в.* И когда Кирсанов однажды приехал, он уж [8] *Далее было:* оно не так важно [9] *Далее было начато:* Подождать, пока [10] *Далее было:* Так, так, чтобы [пойти] сделать решительный шаг, надобно [11] *Далее было начато:* Кирсанов снова молчит. — Может быть, [12] признаться [13] *Далее было:* можете сказать сами

Между женихом и невестой произошла сцена.[1] Жених вышел из себя, увидев,[2] что громадное богатство невесты может выскользнуть из его рук, — он рассыпался резкими упреками Полозову,[3] которого назвал даже интригующим против него, сказал Катерине Васильевне, что она дает отцу слишком много власти над собою, что она боится его, действует теперь по его приказанию, — но отец не вмешивался в дело ни одним словом, и все упреки против него[4] только оскорбляли Катерину Васильевну. — Как? Он не понимает, что она может думать и своею головою, что у нее есть характер!

— Вы, кажется, считаете меня игрушкою в руках другого?

— Да, — сказал он в горячности.[5]

Катерина Васильевна вспыхнула:

— Я для вас хотела умереть, я для вас не пожалела отца,[6] и вы не понимаете этого? С этой минуты все кончено между нами, — сказала она и быстро ушла из комнаты.[7]

Вот как кончилась история с первым женихом.[8] После этого Кирсанов перестал бывать у Полозовых, потому что слишком не любил знакомств с людьми, которые выше его по положению в обществе.

Через три года у Катерины Васильевны был другой жених,[9] уж гораздо изящнее, благовоспитаннее, умнее[10] прежнего. Теперь она была не девочка и не могла сделать такого резко дурного выбора, как в первый раз. Второй жених держал себя очень ловко, с полным дипломатическим искусством, и сам Полозов был доволен им. За ним не водилось никаких слабостей и грешков,[11] он был мягок, любезен, почтителен, но[12] без всякого унижения, с сохранением полного достоинства; он только был страстно влюблен и разыгрывал эту роль в совершенстве, — он был вполне светский человек[13] и даже недурных правил. Да и по своему положению в обществе он был недурной[14] партиею: из хорошей фамилии, с большими связями, не беден,[15] ему должна была достаться почти тысяча душ из четырех тысяч, принадлежавших его отцу. Неизвестно, понравился ли бы он Кирсанову, но Кирсанов не бывал у Полозова, а из[16] тех, кто бывал, никто ничего не мог сказать против него.[17] Те, кто мог рассчитывать быть искателем руки богатой невесты, завидовали ему, но должны были признаваться, что он хороший жених.

---

[1] *Далее было:* от которой произошла ‹?› отсрочка свадьбы. [2] видя, [3] отцу, *После:* Полозову, — *было:* упрекнул Катерину Васильевну за то [4] *Далее было:* возбуждали [5] *Далее было:* Этим словом было решено всё. [6] *Вместо:* не пожалела отца — *было:* мучу отца [7] *Далее было:* *а.* И действительно, раз‹говоры› *б.* Несколько дней продолжались переговоры [8] *Далее было начато:* Прошло года два, и у Катерины Васильевны был другой жених, уж гораздо [9] *Далее было:* которого она собственно [10] тоньше [11] *Далее было:* он был человек дела [12] но с достоинством [13] *Далее было:* умевший [14] хорошей [15] *Далее было:* у него было больше 500 душ [16] а из других никто [17] *Далее было:* Все прежние женихи не могли

Итак, дело шло[1] к свадьбе с общим одобрением и с полным удовольствием самого Полозова.[2] Второй жених был уже объявлен женихом;[3] но в это-то самое время Полозов поссорился, оборвался, лопнул, и физиономия жениха вытянулась. Катерина Васильевна сказала ему: «я перестала быть выгодною невестою для вас, отдаю назад вам ваше слово». Но, сказавши это, с той поры редко смеялась, а слишком часто была печальна; грустна — всегда.[4]

Не то, чтоб ее сердце было разбито именно разлукою со вторым женихом, — она была очень расположена к нему, пожалуй даже влюблена в него, — он был так хорош собою, так изящен, так деликатен,[5] — но той страстной любви, от погибели которой разрывается сердце, она не имела к нему: он был слишком изящен и дипломатичен, чтоб внушить подобное неблаговоспитанное чувство.[6] Катерина Васильевна чувствовала к нему любовь светской девушки, очень хорошую и очень сильную светскую любовь — и только, а такая любовь вырывается из сердца без смертельных ран. Но веселость Катерины Васильевны была разбита,[7] потому что[8] она потеряла веру в людей, — по крайней мере, веру в тех людей, каких видела.

Полозову хотелось устроить продажу стеаринового завода, которым он управлял, и удалось, наконец, найти покупщика. Покупщик[9] был иностранец, и на визитных карточках его написано Charles Beaumont, но произносилась[10] его фамилия не Шарль Бомон, как следовало бы скорее ожидать, а Чарльз Бьюмонт, — да и натурально, что она так произносилась, потому что он был агент лондонской фирмы Джибсон, Миллинер и К⁰ по закупке сала и стеарина. Завод не мог идти при жалком и финансовом и административном состоянии своего акционерного общества, — но перешедши к Ходчсону, Миллинеру и К⁰, он должен был дать большие выгоды, — затратив на него полмиллиона, фирма могла иметь по сто тысяч верного барыша. Но агент был человек добросовестный,[11] внимательно осматривал состояние завода, подробно разбирал его счетные книги,[12] прежде чем решился советовать фирме покупку; потом пошли переговоры с обществом о продаже завода и тянулись очень долго, потому что[13] уж такова натура наших акционерных

---

[1] Всё шло [2] *Далее начато:* Но когда [3] *Далее было:* месяца через четыре должна была состояться и свадьба, — но в это-то время, — Катерина Васильевна была [4] *Вместо:* печальна ∾ всегда — *было:* грустна, задумчива [5] *Далее было:* как мог быть [6] *Далее было начато:* любовь это почти внушение [7] Но Катерина Васильевна была убита [8] *Далее было:* разбились [9] *Далее было:* *а.* тот думал приобрести завод не для себя, а для лондонской фирмы [Джибсона] Ходчсона, Миллинера и К⁰, которая вела торговлю [с Россией] [между прочим] с Россией [между], в числе дел занимающейся и закупкою сала, которое входит в обороты всех больших английских домов, имеющих торговлю с Россией. *б.* Покупщик был комиссионер фирмы Джибсон, Миллинер и К⁰ именно по части [операций] [сала] закупки сала и стеарина. На кар<точках> [10] читалась [11] *Далее было:* о чужом деле, и очень долго рассматривал завод, чтобы не подвести [12] *Далее было:* потом [13] *Далее было:* наши общества

обществ, что они всё тянут и тянут. А Полозов во все это время ухаживал за покупщиком, часто приглашал его к себе обедать.[1]

Проницательный читатель уже предвидит,[2] что Чарльз Бьюмонт[3] будет играть решительную роль в судьбе Катерины Васильевны и поэтому будет более или менее важным действующим лицом в моем рассказе. Что ж он за человек?

Он, как и следует англичанину, не был большой охотник пускаться в интимности и в личные излияния, но когда его спрашивали, он рассказывал свою историю — не многословно, но очень отчетливо. Его семейство, говорил он, было родом[4] из Канады,[5] из французских колонистов, составляющих и теперь чуть ли не половину ее населения. Поэтому-то и фамилия его имела французское происхождение. И точно, сам он по виду скорее походил на французского, чем на английского американца: он был брюнет, довольно смуглый. Но его отец, потомок канадского мужика,[6] переселился из Канады в Соединенные Штаты, когда Чарльзу, которого тогда звали Шарлем, было лет семь. Сначала отец жил в Бостоне, сколотил небольшой капитал и отправился на Дальний Запад[7] расчищать леса, поднимать нови и приобретать полное довольство.[8] Вместо довольства он приобрел удар индейского томагоука, и вдова его с сыном возвратились в Бостон, продав только что расчищенную покойным землю.[9] Сын пошел в матросы.[10] Натурально, что он, с семи лет живший уже между англо-американцами, наполовину забыл свой родной французский язык, — и точно, он говорил по-французски[11] недурно для англичанина,[12] но никуда негодно для француза. Когда ему было 13—14 лет, он пошел в матросы, сделал два-три рейса в Европу и в последний рейс попал в Петербург. Корабль оставался в Кронштадтской гавани довольно долго, и Чарльзу случилось занемочь;[13] его свезли в больницу, он лежал долго — и, когда вышел из больницы, его корабль давно уже ушел.[14] Что ему делать? Он стал отыскивать американцев в Петербурге и нашел нескольких на заводе Берта, — они устроили его к себе. ‹*л. 50 об.*› Ему повезло на заводе,[15] потому что он и работал, и учился, так что через год один из[16] американцев, машинист, мог уже сделать его своим помощником; а скоро он перешел от Берта уже настоя-

---

[1] *Далее было:* и Чарльз Бьюмонт сделался близким знакомым Полозова и [его] подружился с Катериной Васильевной [2] знает, [3] *Далее было:* и Катерина Васильевна станут между [4] Его фамилия была родом [5] *Далее было:* происхождение поэтому-то у него [6] потомок ∾ мужика *вписано.* [7] *Далее было:* пионером цив‹илизации› [8] *Вместо:* приобретать ∾ довольство. — *было:* богатеть [9] *Далее было начато:* *а.* Тут сын кое-как *б.* Сын как подрос, то сделался [10] *Далее было:* и попал на корабль, ходящий в Россию. [11] *Далее было:* бойко, но только [12] иностранца, [13] *Вместо:* и Чарльзу ∾ занемочь; — *было:* и случилась на беду [14] *Далее было:* Но он конечно отыскал земляков, — [15] *Далее было:* он скоро начал получать жалованье полное [16] один из машинистов, тоже

щим машинистом на завод, принадлежащий русскому.[1] Так ему и случилось прожить около 10 лет в Петербурге, куда он попал случайно, и почти все эти 10 лет он прожил в обществе русских. Натурально, что он выучился хорошо говорить по-русски,[2] а от английского языка сильно отвык: говорил по-английски гораздо лучше, чем по-французски, и не-англичанин принял бы его за чистого англичанина или американца, но[3] англичанину или американцу было слишком слышно, что английский акцент его не чист.[4] А по-русски говорил он совершенно как русский. Свое время в Петербурге не терял он даром: всякий свободный час употреблял на ученье, и хотя не имел себе руководителей, но[5] приобрел очень порядочное образование, а когда приобрел его, то отправился в Америку — ему было тогда лет 25 — и тотчас же пристроился к какой-то американской газете писать статейки о России и вообще о Восточной Европе и о Западной Азии. Но подобные статейки требовались в ограниченном размере, и Чарльз стал искать себе иного занятия и попал в[6] нью-йоркскую контору лондонской фирмы Ходчсон, Миллинер и К°. Но, говорил он, скоро стало его тянуть назад в Россию, [7] в Петербург, где прошли лучшие годы его молодости;[8] его мать давно умерла, он человек свободный,[9] и он перешел в лондонскую контору своей фирмы, чтоб искать случая получить должность в Петербурге,[10] — через полгода случай этот представился, и вот он уж с полгода жил в Петербурге в то время, как началось его знакомство с Полозовым по случаю покупки[11] завода. С американцами Петербурга он мало водился, а с служащими в американском посольстве был в яростной[12] вражде, и они не могли говорить о нем без пены на губах: тогда правительство было в руках южан, рабовладельческой партии, а Бьюмонт был безусловным аболиционистом.[13] Большинство петербургских американцев, агенты нью-йоркских фирм, тоже, подобно своим фирмам, придерживались южной партии по торговым расчетам и тоже бегали от Бьюмонта. Про англичан он говорил, что очень любит их, что после[14] населения свободных штатов Северо-Американского союза — это лучший народ в мире, но что ему неприятно с ними, потому что он беспрестанно должен выдерживать стычки с ними из-за того, что говоря с американцем, они тут разумеют и население Южных штатов, которые, по словам Бьюмонта, такие же северо-американцы, какими французами были эмигранты.[15]

---

[1] *Вместо:* на завод ∾ русскому. — *было:* *а.* на русский завод. *б.* на завод из русских, чугунный. *Фраза:* А скоро ∾ русскому *вписана.* [2] *Далее было:* может быть не совсем [3] но акцент [4] *Далее было:* Свое время в Петербурге не терял он даром [5] но усердие [6] *Далее было:* купеческую контору, торгов‹авшую› [7] *Далее было:* где прошли лучшие [8] *Далее было:* да и скоро [9] его мать ∾ свободный *вписано.* [10] в России [11] продажи [12] в непримиримой [13] *Далее было:* и как только встречал кого из служащих [14] *Далее было:* свободных земледельцев Соединенного Американского союза [15] *Текст:* С американцами ∾ эмигранты *вписан.*

Нельзя не сказать, что в этой истории не было ничего ни необыкновенного, ни неправдоподобного. У проницательного читателя сильно[1] чешется язык сказать, что... — но уж так вышколен моим грубым обращением, что будет молчать, — и умно делает.

Полозов очень заботливо[2] ухаживал за Бьюмонтом, звал его к себе по вечерам, потом стал приглашать и обедать, — нельзя, дело шло о том, чтоб выручить от захватов погибели больше половины того, что осталось у старика из прежнего громадного богатства, — о том, чтобы обеспечить свою старость и составить приданое дочери. Бьюмонт сначала долго[3] не принимал приглашения Полозова, но как-то раз, не успевши уклониться[4] от обеда, увидел себя за обедом только втроем со стариком и его дочерью.[5] Бьюмонт и раньше замечал, что Полозова всегда задумчива, почти всегда грустна. Но он не обращал на это особого внимания, — он знал, что ее отец недавно потерял громадное богатство, и естественно было думать, что девушка грустит о потерянном блеске.

— Думал ли я когда-нибудь, — сказал за обедом[6] Полозов, — что эти акции завода будут иметь для меня такую важность! Тяжело на старости подвергнуться такому удару. Еще хорошо, что Катя так равнодушно перенесла, что я погубил ее состояние. Только она меня и поддерживает. А если б еще она жалела или роптала, я с ума бы, кажется, сошел.

Бьюмонт взглянул на Полозова, потом взглянул на Катерину Васильевну:

— Да, это, конечно, большое облегчение, когда семейство дружно переносит неприятности.

— Да вы смотрите сомнительно, Карл Яковлевич[7] (Бьюмонт[8] для русского разговора принимал это отчество, объясняя, что его отца звали в Канаде Жак, а в Соединенных Штатах[9] Джемс), — вы думаете, что она задумчива, так это оттого, что она жалеет о богатстве? Нет, Карл Яковлевич, нет, вы ее напрасно обижаете. У нас с нею другое горе — мы изверились в людей, — сказал полушутя, полупечально Полозов.

Катерина Васильевна покраснела — ей было неприятно, что отец завел о ней разговор.

— Нет, папа, вы напрасно мою задумчивость объясняете такими высокими мотивами, — у меня просто невеселый[10] характер, и я скучаю.

— Быть грустной — против этого ничего нельзя сказать, — сказал Бьюмонт, — но чувствовать скуку — это, по моему мнению, не извинительно. Она в моде у наших братьев англичан, но мы, американцы, не знаем ее: это слово не существует[11] в нашем американском языке, нам

[1] уж так сильно [2] внимательно [3] довольно долго [4] отвертеться [5] *Далее было: а. Начато:* и тут обратил на нее *б.* и тут [начал] [сдружились] он и Катерина Васильевна сблизились [6] за обедом *вписано.* [7] *Вместо:* Яковлевич — *было:* Петрович (Бьюмонт говорил, что его отца звали [8] *Далее было:* говорил, что его отца звали [9] в Канаде ∾ Штатах *вписано.* [10] угрюмый [11] неизвестно

некогда скучать, у нас слишком много дела; мне кажется, что и русский народ должен бы видеть себя в таком же положении: у него тоже слишком много дела на руках.[1] Но действительно я вижу в русских совершенно противное: они очень расположены хандрить; сами англичане далеко не выдерживают с ними сравнения в этом, хотя и прославились изобретением сплина.

— И русские правы, что хандрят, — сказала Катерина Васильевна.— Какое ж у них дело? Им нечего делать; они должны сидеть сложа руки. Укажите [2] и мне дело, и я, вероятно, не буду скучать.

— Вы хотите найти себе дело? О, за этим не должно быть остановки. Вы видите вокруг себя такое невежество, такую беспомощность.[3]

— Да, но один, — еще более одна, — что может делать один?

— Но ведь ты же делаешь, Катя, — сказал Полозов: — я вам выдам ее секрет, Карл Яковлевич, она от скуки учит девочек, — у нее каждый день бывают ее ученицы, и она возится с ними от 10 до часу, иногда больше.

Бьюмонт посмотрел на Катерину Васильевну с уважением:

— Вот это по-нашему, это по-американски, — но зачем же в таком случае вы скучаете?

— Но разве это такое дело, которое может придать интерес жизни? Это не больше как развлечение, которое занимает меня, пока я занята им, и о котором нечего думать в другие часы дня, — оно слишком легко, оно могло бы служить хорошим отдыхом от чего-нибудь более серьезного, не более. И притом, знаете, что кажется мне, мистер Бьюмонт? Может быть, я ошибаюсь, может быть, вы назовете меня материалисткою...[4]

— Вы ждете такого упрека от американца, от человека из той нации, которая ославлена на целый свет как погрязшая в материализме, думающая только о доллерах?

— Вы шутите, но я серьезно боюсь высказать вам мое мнение,[5] — оно в самом деле покажет вам, что я материалистка; но моя жизнь привела меня к такому прозаическому взгляду, — мне кажется, что [6] дело, которым я занимаюсь, слишком одностороннее дело и что та одна сторона, на которую обращено оно, — не первая сторона, на которую должны быть обращены заботы человека, желающего принести пользу народу. Я думаю так: дайте людям кусок хлеба, читать они выучатся и сами.[7] А начинать надобно не с книги, а с хлеба, иначе мы будем почти попусту тратить время.

Бьюмонт взглянул [8] на Катерину Васильевну с любопытством и подумал про себя: «ого!»

— Да, это очень грубый материализм, — сказал он улыбнувшись,[9] —

---

[1] *Далее было:* и мне странно [2] Дайте [3] *Далее было:* что за работою нет недостатка [4] *Далее начато:* Это-то упрек [5] *Далее было:* оно может казаться обскурантам [6] *Далее было: а.* это направление поможет *б.* модное направление очень [7] *Вместо:* читать ∾ сами — *было:* книга сама очутится в руках. [8] посмотрел [9] *Далее было:* и я знаю одного материалиста

но если вы думаете, что надобно начинать не с того конца, с которого обыкновенно начинают заботу о нравственном возвышении народа, то почему ж вы не начинаете с той стороны, с которой надобно?

— Я вам сказала: одна что я могу сделать? Я не знаю, как приняться,[1] за что приняться, и если б даже знала, где у меня возможность? Вы знаете, девушка так связана во всем. Я независима в своей комнате, но что я могу делать в своей комнате? Положить на стол книжку и учить читать, — я это и делаю. Но если я выхожу,[2] куда я могу идти одна? С кем я могу видеться одна? Какое дело я могу вести одна? — А я говорю вам, что я еще и не знаю, какое же дело надобно вести и как его вести.

— Ты, кажется, изображаешь[3] меня, Катя, деспотом, который держит тебя взаперти, — сказал Полозов: — уж в этом-то я неповинен с тех пор, как ты так страшно проучила меня.

— Нет, папа, вы хороший, вы не стесняете,[4] — стеснение не от вас, от всего общества.[5]

— Вот как, Катерина Васильевна, вы давали страшные уроки вашему батюшке, чтоб он не был деспотом?

— Папа, зачем вы вспоминаете о том, от чего я давно краснею, — ведь я тогда была ребенком. Мистер[6] Бьюмонт, скажите, правда, что у вас в Америке девушка не так связана?

— Да, мы, американцы, можем этим гордиться. И у нас далеко еще не то, чему следует быть; но все-таки какое ж сравнение с европейцами! Американцы все-таки признают гораздо больше свободы за женщиною.

— Папа, поедем в Америку, когда мистер Бьюмонт выкупит тебя от твоего завода, — сказала шутя Катерина Васильевна.[7] — Я там буду что-нибудь делать.

— Ну, Катя, ты-то, может быть, и годишься для Америки, а я-то был бы слишком плохим американцем.

— Можно найти дело и в Петербурге, — сказал Бьюмонт.

— Например? укажите, я буду очень, очень благодарна вам.

Бьюмонт задумался, как будто сказал лишнее.

— Вы не хотите сказать? Что ж это, тоже одни неопределенные слова? Это я могла бы слышать и от многих русских.[8] От американца я ждала большего.

«Что ж, в самом деле? Зачем же я и здесь, как не за этим? И через кого ж и узнать, пора или еще нет?» — думал Бьюмонт.

— Нет, Катерина Васильевна, это не неопределенные слова: я, когда говорил вам о возможности найти дело, думал о деле, которое существует, к которому вы можете примкнуть, и, к чести вашей нации, это дело[9]

---

[1] вы не начинаете ∾ приняться *вписано.* [2] выйду из своей комнаты, [3] выставляешь [4] *Далее было:* и если б вы были не хороший [5] *Далее было:* Мне бы заниматься сплетнями, [6] Но мистер [7] сказала ∾ Катерина Васильевна. *вписано.* [8] Это ∾ русских *вписано.* [9] *Далее начато: а.* чисто *б.* делается

начато руками русской женщины и делается руками нескольких женщин, все чисто русских. Познакомьтесь с г-жою Кирсановою, — у нее найдется дело и для вас.

— Кирсановою? Кто это? Ее муж медик? — быстро спросила Катерина Васильевна.

— Вы его знаете? [1] Как же вы не слышали о деле, деятельницею которого его жена? Это дело очень любопытное. Быть знакомым с вами и не говорить — это непростительно с его стороны.

— Мы его знали, когда он еще не был женат, — сказал Полозов: — наше знакомство связано с тем случаем, когда получил урок, отучивший меня от деспотизма, — сказал Полозов.

— Папа, вы опять, зачем, милый папа? Мы виделись с Кирсановым четыре года тому назад, мистер Бьюмонт, он пользовал меня, и без него я бы умерла.[2] С тех пор мы не видались. Он не хотел продолжать знакомства с нами — теперь я понимаю, почему: мы тогда были богаты, а он слишком горд, чтоб быть знакомым с людьми, которые богаче. Я теперь это понимаю.

— Да, он бросил все свои прежние богатые знакомства, — сказал Полозов.

— Это не имеет в себе ничего особенного, папа, они неприятны. Удовольствие можно находить только в обществе равных. Но, мистер Бьюмонт, мы всё отвлекаемся от дела. Вы меня познакомите с m-me Кирсановой?

— Я сам не знаком с Кирсановыми. Я только знаю их, но не знаком.

— Как же это сделать?[3] Укажите ж, через кого я могу познакомиться с m-me Кирсановою?

— Тут не нужно ничьей рекомендации, вы просто отправьтесь к ней.[4]

— Конечно, да, и потом:[5] — если вы о ней слышали, то, может быть, и она слышала о вас, — вероятно, у вас есть общие знакомые. Ваше имя, вероятно, послужит рекомендациею, хотя вы и не знакомы лично.

— Нет, мое имя не известно им. Вы можете сказать или не сказать его, как вам угодно, но оно не поможет вашему знакомству, — да и не нужно: я ручаюсь, что цель, с которою вы начинаете знакомство, заставит ее полюбить вас.

— Еду, завтра же еду. Но как узнать адрес?

— Я не знаю, где они живут, но об этом можно узнать в Медицинской академии, где он служит.[6]

— Ах, какой он человек! Я ни раньше, ни после не видела таких людей! Похожа ли она на него?

---

[1] *Далее было:* Тем лучше. [2] *Далее было:* Ах, какой это человек! [3] *Далее было:* с огорчением сказала Катерина Васильевна, — как же я поз<накомлюсь> [4] *Далее было:* Непременно. Но все-таки я могу сказать, что вы меня послали к ней? [5] Конечно, да, и потом: *вписано.* [6] *Далее начато:* Она похожа на

— Да,[1] потому что все хорошие люди очень похожи друг на друга, — я в этом смысле и говорил.[2]

— Если б я больше видела таких людей, как он!

— Конечно, то общество, в котором вы жили раньше,[3] не очень изобилует такими людьми; даже нынешний круг ваших знакомых тоже еще плоховат; но, когда вы сойдетесь с Кирсановыми и узнаете кружок их знакомых, вы увидите,[4] что есть целые круги, состоящие исключительно из таких людей, как он.[5]

— Но что ж это за дело, о котором вы говорите с таким уважением и в котором я могу принять участие?

— Это опыт практического применения тех экономических принципов, которые в последнее время выработаны наукою. Вы знаете их?[6]

— Да, я читала кое-что о них и вижу, что дело, на которое указываете мне, должно быть очень завлекательно.

— Да, у нас в Америке есть уже довольно много таких опытов, но в России, насколько я знаю, это еще первый. Это чрезвычайно освежительно действует на душу, потому-то я и решился рекомендовать вам участие в нем. Я надеюсь, что и личность m-me Кирсановой подействует на вас освежительно.[7]

Вот каким образом произошло[8] то, что Катерина Васильевна познакомилась с Верою Павловною.[9] Она была у ‹нее› в первый раз на другой[10] же день поутру, как сказала Бьюмонту, а Бьюмонт вечером опять

---

[1] *Далее было:* если я не ошибаюсь, она похожа на него [2] я ∞ говорил. *вписано. После:* говорил — *было: а.* Катерина Васильевна не знала, как это принять. *б.* Катерина Васильевна покраснела. *в.* Это очень хорошая женщина и потому похожа на него — все хорошие люди очень похожи друг на друга.

— Зачем вы сравниваете меня с такими людьми, как она?

— Я еще и не сравниваю [а только], — я еще слишком мало знаю вас, —я только думаю, что может быть, и что это мне кажется. Катерина Васильевна покраснела еще больше.

— Нет, не шутите так, мистер Бьюмонт, если я застенчива, то ведь это меня делает очень обидчивой, — зачем обижать такими шутками?

— Нет, это не шутка, [кажется, что это действительно]. Вы мне очень нравитесь. Сколько я узнал [3] до этих пор, [4] вероятно увидите [5] *Далее было:* Вот каким образом [началось знакомство] произошло, что Полозова познакомилась с Верою Павловной [Бьюмонт сказал в тот же] [В тот же вечер] [Вечером]. В тот же день, как Полозова была у Веры Павловны, Бьюмонт приехал к Полозову. Катерина Васильевна была в совершенном восторге от увиденного и ее нельзя было узнать, — так она была весела, и бог знает сколько времени [6] *Далее было:* — Несколько; слишком мало и неопределенно.

— Но все-таки сколько-нибудь знаете? — Когда вы увидите их в практике их применения, в жизни, вы увидите, что они очень просты, но применение их очень любопытно по своей новизне [и вы увидите, что они удовлетворяют всем представлениям], и вы увидите, как только [и много иное] сумеете ‹*не закончено*› [7] *К последующему тексту дата:* 27 ф‹евраля›. [8] *Далее ошибочно осталось:* знакомство [9] *Далее было:* Едва прошло полчаса, как она возвратилась домой, у нее уж сидел Бьюмонт — он сам известил вчера [10] *а.* вечером *б.* поутру

был у них, — что это с ним сделалось? Раньше, бывало, не дозовешься, а теперь сам, без зова, приехал — и на другой же день после того как был, — что это значит? Старику ли Полозову трудно намотать это себе на ус? — Что ж, жених подходящий,[1] — в прежнее время, конечно, не такого [2] нашла бы, а теперь — теперь лучшего и ждать нельзя. Человек очень хороший и основательный, получает жалованья больше 3 тысяч рублей, захочет, может получать и больше, может и сам войти в обороты — дельная голова. Говорит, что хотел бы навсегда остаться в России, что она ему мила, будто родина: партия ей.

Соображение старика оправдывалось делом, но соображал он еще несколько рано: пока Бьюмонт вовсе не затем ‹приезжает›, что хочет стать женихом, нет; правда, со вчерашнего разговора он смотрит на Катерину Васильевну с уважением и сочувствием, но он вовсе не ею занят, не для ‹нее› приехал — ему хочется поскорее узнать, что она видела поутру.[3]

Как одушевлена Катерина Васильевна! Ее узнать нельзя! Куда девалась ее грустная задумчивость, ее тихая молчаливость! С каким восторгом рассказывает она Бьюмонту, — и ведь уж рассказывала отцу, и все-таки не унялся от одного раза рассказывания ее энтузиазм, — о том, что видела поутру. Да, теперь ее сердце полно, живое дело найдено! Бьюмонт слушает внимательно, но разве можно слушать это так? ‹*л. 51*› Наконец заметила она и чуть не с гневом говорит:

— Мистер Бьюмонт, я разочаровываюсь в вас,[4] — неужели на вас это так мало действует, что вам интересно — и только?

— Катерина Васильевна, вы забываете, что я [5] все это видел; в ваших описаниях [6] для меня новы только некоторые подробности; я вижу, что дело [7] вообще развилось, рад этому, но ведь ко всему, что составляет сущность его, я слишком привык.

— Вы говорите, что очень близко [8] знали эту мастерскую? [9]

— Зачем же понимать мои слова в таком смысле? Я видел у нас в Америке несколько таких учреждений, — я вчера говорил вам, — некоторыми из них я довольно долго занимался.[10] Для меня интерес новизны тут могут иметь только личности, которым обязано дело своим успехом,[11] — например, что вы можете рассказать мне о m-me Кирсановой?

— Ах, боже мой, она мне чрезвычайно понравилась, — все объясняла с такою любовью, — и больше я ничего не могу сказать о ней; неужели до того мне было, чтоб думать [12] о ней, когда у меня перед глазами было такое дело?

---

[1] выгодный [2] *Далее начато;* Конечно, раньше не такого [3] *Далее было:* Катерина Васильевна встретила его. [4] *Далее было:* вы слушаете меня как бы только из вежливости [5] что мне [6] рассказах [7] что мое дело [8] хорошо [9] Вы знали эту мастерскую? [10] *Вместо:* некоторыми из них ∞ занимался — *было:* некоторыми я занимался очень много. *После:* занимался — *было:* Если вы хотите, чтобы я сказал вам, что собственно мне тут было бы интересно — мне интересно было [слышать] узнать побольше не о самом учреждении, а [о том одном] об его учредительнице — И вы можете интересоваться отдельной личностью? [11] *Вместо:* которым ∞ успехом, — *было:* участвующие в этом деле [12] заниматься

— Ваша правда, — сказал Бьюмонт:[1] — так и я совершенно забываю о ‹людях›, когда заинтересован делом.[2] Ах, что ж вы мне ‹не› рассказываете о m-me Кирсановой?

Катерина Васильевна перебрала[3] все свои воспоминания, но в них почти только и нашлось первое впечатление, какое сделала на ‹нее› Вера Павловна;[4] она очень живо описала ее наружность, голос, манеры, — все,[5] что бросается в глаза в первую минуту встречи с новым человеком, — но дальше — дальше у нее[6] в воспоминаниях уж действительно почти ничего, относящегося к самой Вере Павловне: мастерская, мастерская и мастерская и объяснения[7] Веры Павловны о мастерской, — эти объяснения она все помнит, но саму Веру Павловну[8] во все последующее время после первой минуты встречи она уж не помнила.

— Итак, на этот раз я обманулся в своем ожидании узнать от вас много о вашей новой знакомой. Но я не отстану от вас, — через несколько дней я буду опять допрашивать вас о ней.

— Но почему ж вам самому не познакомиться с ней, если она вас так интересует?

— Да, я думал сделать это. Но прежде,[9] чем я решусь на это, я должен узнать о ней побольше.[10] Я даже попрошу вас,[11] если вам и случится упоминать мою фамилию в разговорах, то не упоминать, что я расспрашивал вас о ней или что хочу познакомиться с нею.

— Да? Конечно, если вы этого хотите. Но это начинает походить на загадку.[12]

— Во всяком случае на это у меня важная причина, которая, вероятно, и устранится, когда я побольше услышу от вас о ней. Но пока эта причина очень важна.

Бьюмонт начал бывать у Полозовых часто. Одушевление[13] Катерины Васильевны продолжалось, не ослабевая, а только переходя в постоянное настроение духа, бодрое, живое, светлое. Для Бьюмонта она, когда успевала побывать в мастерской и у Кирсановых, несколько отвлекала[14] свое внимание от мастерской на саму Веру Павловну, но в первое время это удавалось ей все-таки редко, и все-таки рассказы ее о Вере Павловне вы-

---

[1] *Далее было:* и улыбнулся [несколько натянуто], но как будто нисколько [2] *Далее было:* Но после этого он сказал [3] старалась [4] *Далее было:* в те немногие минуты разговора, которые [5] *Далее было:* встречу [6] *Далее было:* уж не было [7] слова [8] *Далее было:* она уж не помнит [9] Но прежде я должен узнать [10] *Далее было:* И я слишком осторожен на новые знакомства [11] *Далее было начато:* не упоминайте меня [12] *Далее было:* Когда вы больше познакомитесь с нею — поговорим: когда я больше познакомлюсь с вами — после вчерашнего и нынешнего разговора я вас знаю так, как будто мы были [коротко] близко знакомы несколько лет, — когда вы ближе познакомитесь с нею, у меня к вам будет просьба [которую вы исполните и после которой], после которой я должен буду объяснить вам загадку — эта загадка будет объяснением для вас по мере того, как вы ближе познакомитесь с нею [не как] [не только с ее внешнею жизнью, но] и после того, через несколько дней я . . . — Нет, вы тут ничего [13] *Далее было:* и разговоры [14] обращала

ходили довольно скудны материалом, — очевидно, она живет с мужем очень хорошо; мало сказать: очень хорошо, — они чрезвычайно сильно любят друг друга, и по всему видно, что оба чрезвычайно счастливы своими отношениями, — почти только. Но, кажется, этого было довольно Бьюмонту, — он стал уж говорить, что, кажется, скоро он познакомится с Кирсановыми.[1]

— Мистер Бьюмонт, я слишком плохой агент, согласитесь, но что ж мне делать? — Личность очень мало занимает меня, у меня всегда на первом плане дело, — сказала недели через три Катерина Васильевна. — Отдельный человек [2] занимает меня лишь настолько, насколько это нужно для дела. Если надобно что-нибудь сделать для человека, я занимаюсь им; как миновала надобность, личность снова не привлекает к себе моих мыслей. Я думаю о всевозможных вещах [3] вообще, а не по отношению к отдельным лицам, — может быть, я не умею это выразить ясно, не знаю. [4]

— Я это [5] очень хорошо понимаю, Катерина Васильевна: по натуре одних людей всё думается под формою живых, определенных случаев, — их мысль берет факт и делает [6] его представителем общего понятия. Это натуры, которые принято называть поэтическими, — мне такое название кажется несправедливо, потому что обижает меня, — будто у меня не поэтическая натура, — но у меня не такая натура; я беру частный [7] факт только чтобы извлечь из него общее понятие — мне легче думается под формою общих понятий. Я давно вижу, что у вас то же.[8] Это не значит, что у нас слаба фантазия, — нет,[9] в обоих разрядах есть люди с самой сильной и с самой слабой фантазией, — у какого поэта воображение было сильнее, чем у Фурье? Самые живые картины великих поэтов едва ли так живы и отчетливы, как его описания,[10] — но все-таки он писал не беллетристические рассказы, а теоретические рассуждения. Однако,[11] хотя вы и плохой агент, хотя вы и очень мало обращаете [12] внимания на личные отношения, которые мне нужно знать, я все-таки узнал их настолько, насколько мне нужно было знать.[13] Но теперь мне интересно знать ваше мнение об этих отношениях. Скажите, как вам нравятся отношения Кирсановых?

— Они превосходны.

— Так; сами по себе превосходны и для них превосходны. Но для вас — были бы такие отношения совершенно по вас?

— Что вы спрашиваете это, мистер Бьюмонт? Вы довольно ‹знаете› мой образ жизни, — как я держу себя: если я не вижу себе дела, я ухожу

---

[1] с Верой Павловной. [2] Личность [3] *Далее было:* *а.* но о людях *б.* но о характерах [4] *Далее было:* понятно ли это? [5] *Перед:* Я это — *было:* Это разница [6] и влагает [7] частный *вписано.* [8] *Далее было:* Вы тоже [9] *Далее было:* это просто [10] *К последующему тексту дата:* 28 ф‹евраля›, написал — 1 м‹арта›. [11] Но, [12] рассказываете [13] *Далее было:* [чтобы] [Вы скажете] [Но вы говорили только] И действительно, хотя Вера Павловна не з‹нала?›

в свою комнату; мне приятно говорить только или тогда, когда это нужно для дела, или когда я чувствую, — вот хоть об этой мастерской, — я несколько только в последние дни перестала мучить вас бесконечными рассказами о ней, — но теперь, когда я начала привыкать, когда мое прежнее волнение от этого дела стало заменяться спокойным, хотя не менее сильным участием к нему, вы видите, что я стала менее разговорчива.

Этот тон разговора уж показывает, что Катерина Васильевна и Бьюмонт были очень дружны. Да и как им было не сблизиться? Она увидела в нем, который раньше говорил только о сухих практических расчетах с ее отцом, совершенно новую сторону с той поры, как зашла у них речь о деле, которое может занять ее, — он выказывал такое одушевление, когда говорил об общих интересах, что [1] человеку, сколько-нибудь занятому ими, нельзя было смотреть на него без симпатии; точно так увидел и Бьюмонт Катерину Васильевну. Они были союзники, горячо преданные одному делу, — как же было им не подружиться? [2] Они оба уж чувствовали, что это не просто дружба; нет, им обоим уж думалось: [3] «мы были бы пара друг другу; мы были бы счастливы». Почему ж и не быть? К этому теперь подходил разговор.

— С одним из моих друзей — в Нью-Йорке, в Бостоне, в Филадельфии, где ‹бы то› ни было, все равно покуда, — была довольно занимательная история, которую я хочу рассказать вам, Катерина Васильевна, — начал Бьюмонт. — Он был женат на женщине, лучше которой никого никогда не знал. Она тоже считала его лучшим человеком из всех, кого знала. Они были чрезвычайно привязаны друг к другу. [4] И однако ж они не могли ужиться вместе.[5] Он готов был отдать голову за малейшее увеличение ее счастья,[6] он был готов на все для нее, он хотел жить так, чтоб никто не тревожил его без надобности в нем, — и не мог сделать исключения из этого даже для нее. Он хотел сделать это исключение, когда заметил, что она хочет того, но это ему не удалось.[7] Она, наоборот, хотела отдавать любимому человеку все то время, которым она и он могли располагать свободно, — и он не мог принять этого, он хотел принять, но она видела, что это ему не нужно. Что вы скажете о таком человеке? Он не умел любить, он не знал чувства любви?

— Я не знаю, умел ли он, понимал ли; но я понимаю его.[8] Я, как он, скучала бы, если от меня потребовали бы того, что от него.

— Как же назвать вас и его? Людьми с сухим сердцем?

---

[1] *Далее было:* на него нельзя было смотреть без си‹мпатии› [2] *Далее было: а.* Но было и больше уж *б.* Но он хорошо знал [3] *Вместо:* уж думалось: — *было начато:* приходило в [4] *Далее было:* Он был человек [суровый] очень строгих правил, — она также [5] *Далее было:* потому что она почувствовала себя ‹*не закончено*› [6] *Далее было:* но только с тем условием, чтобы она не тревожила [7] *Далее было:* Она хотела отдавать все время своему [8] *Далее было:* «Я беру у вас только то, что мне нужно».

— Как хотите, это все равно. При малейшей надобности я готова делать все, что надобно, но без надобности не тревожьте меня, это мой идеал жизни.

— Вы любили два раза? Но было ли это достаточно серьезное чувство, чтобы вы могли сказать, что знаете свой идеал?

— Мне 22 года. Я могла узнать себя.

— Мне кажется, что вы не ошибаетесь. Поэтому позвольте досказать полнее историю, которую я выставил вам только в общих чертах. Вам нужно слышать ее? Или она теперь будет касаться вас? [1]

— Да? Она может иметь отношение ко мне?

— Да, она имеет отношение к вам.

— Говорите.

— Мой друг, — говорила через полчаса Катерина Васильевна, — когда я сказала, что знаю себя, я говорила о том, что я чувствовала в себе в эти дни, после того как мы с тобою сблизились. Итак, знал ли, что [2] я не могла ни на минуту не думать о тебе? Что бы я ни думала, как бы я ни была увлечена, поглощена другими мыслями,— мысль о тебе стояла рядом с ними. С чем это сравнить? Я знаю, — с тем, как всегда помнишь о себе, — ведь что бы я ни думала, как бы я ни была поглощена чем-нибудь, я все-таки помню свое имя, свои лета, цвет своих волос, — я помню себя, — точно так же ты был всегда в моих мыслях — будет ли это всегда так продолжаться? Я не знаю. Не ослабеет эта связь всех моих мыслей, всех чувств с мыслью о тебе, с чувством к тебе? Я не знаю; мне кажется, нет, но я этого не знаю.

— Я знаю, — нет; я знаю это по опыту.[3]

— Но, мой друг, сильнее, чем теперь, это не может быть.[4] Нельзя думать о тебе, любить тебя больше, чем в это время. Но, мой друг, во мне даже и теперь не бывает того стремления, чтобы постоянно быть вместе с тобою. ‹*л. 51 об.*› Когда ты [5] уходил, я не хотела удерживать тебя, если ты удалялся от меня, отрывался от меня против твоей воли делами раньше, чем, вероятно, самому хотелось бы, — но [6] это было не так часто, а когда это не бывает, я не жалею о том, что ты удаляешься, — может быть, как ты говоришь, это значит, что я не люблю тебя.[7] Будем называть это чувство как угодно, — просто привязанностью, страстною привязанностью, или не страстной любовью, или любовью людей сухого сердца, или непоэтического сердца, или любовью людей, которые больше живут головою, чем сердцем, — мне кажется, что это все будет неправда, что это чувство — тоже настоящая, страстная любовь, и что

---

[1] *Далее начато:* Мне нужно [2] что не проходило [3] *Далее было:* если привязанность слишком сильна [4] *Далее было:* Разве можно думать о другом [5] *Далее было:* уезжал, я не жалела, прощался [6] *Далее было:* если ты удалялся, что я имела сказать тебе: ничего [7] *Далее было начато:* *а.* но *б.* ну

у нас с тобою не сухое сердце, и что у нас жизнь сердца не слабее, чем жизнь головы, — но пусть будет все равно. Мы любим друг друга, как только умеем и можем любить. Пусть другим не может быть достаточно нашего чувства, но его достаточно для нашего счастья; пусть другим нужно больше, — для нас больше было бы, если б один из нас требовал от другого больше, было бы обременением, скукою. Так ли? С этой минуты мы муж и жена.[1] Вот мое кольцо, и вместе с ним возьми — даю тебе свой поцалуй.

— Я венчаюсь, вчера мы сказали это друг другу и отцу,[2] — сказала на другой день Полозова Вере Павловне.

— С мистером Бьюмонтом, от которого вы уж давно без ума?

— Ну, конечно, — к чему было и спрашивать, — я потому и забыла назвать его по имени, что этого вовсе не нужно вам, чтоб знать, — но вот чего, Вера Павловна, не знали бы, если б я теперь не сказала: наша свадьба послезавтра, а завтра[3] я буду у вас с моим женихом. Он очень любит вас.[4]

— И разочаруется, когда увидит меня своими глазами, а не вашими, в настоящем моем виде, а не в идеальном портрете ваших похвал.

— Едва ли, потому что он знает ‹вас› не в идеальном портрете моих похвал, а гораздо больше, чем я.[5]

— Вот новость! Как же это?[6]

— Как? Это я вам сейчас скажу. Вы тогда увидите, что он с первого дня, как приехал в Петербург, должно быть, очень сильно желал увидеться с вами, но ему казалось, что лучше будет, если он отложит знакомство до той поры, когда[7] он приедет к вам не один, а с невестою или женою, — ему кажется, что вам приятнее будет видеть его так, чем одного. Я даже поручусь, что эта мысль и участвовала в желании жениться.[8]

— На вас?

— О, боже, не на мне! Почему ж он знал, что женится на мне? Нет,[9] мы с ним венчаемся, конечно, не для вас, а сами для себя; но в том, что он вообще думал жениться и поэтому бывал в обществе,[10] в этом, может быть, участвовало желание познакомиться с вами.

— Он говорит по-русски лучше, чем по-английски, говорили вы? — сказала Вера Павловна с волнением.

— По-русски — как я, и по-английски не лучше моего.

---

[1] *Вместо:* мы муж и жена. — *было:* я твоя жена. [2] *Вместо:* Я∾отцу — *было: а. Начато:* Я выхожу *б.* Послезавтра моя свадьба [3] Ну, конечно∾завтра, *вписано.* [4] *Далее было:* Вера Павловна. [5] *Далее было:* Как сам это сказал? [6] *Далее было:* — А вот как. Как, я знаю, — не знаю, зачем мне знать? [7] *Далее было: а.* явится к вам не по собственной рекомендации, а по *б.* можно будет начать ему через посредство [8] поскорее жениться. [9] Нет, на мне [10] *Далее было:* где и нашлась невеста

— Друг мой, Катенька, как я рада! — И Вера Павловна бросилась обнимать свою гостью. — Саша, иди сюда. Скорее, скорее![1]

— Что, Верочка? Здравствуйте, Катерина Ва...

Но он не успел договорить ее имени, потому что она уж[2] обняла его и крепко поцаловала.[3]

— Ныне Пасха, Саша, ты не предполагал, что Пасха иногда бывает в январе? Говори же: воистину воскресе, — проговорила со смехом Вера Павловна.

— В таком случае надобно цаловаться три раза,[4] Катерина Васильевна, — только что ж это значит?

— Это значит, что зови меня Катею, сестрою, — но пока довольно будет тебе и одного поцалуя.

— Одного, когда уж вы надавали мне их целый десяток? — только[5] скажите мне кто-нибудь, чем я заслужил? Тем, что люблю вас, Катерина Васильевна? да ведь я давно вам это говорю. Что с вами обеими? Вы готовы прыгать до потолка?[6]

— Тем, что теперь ты будешь звать ее не Катериною Васильевною, а Катенькою, как она велит.[7]

— Как же это?

— А вот как.[8]

Через два дня была свадьба, а накануне Бьюмонт и его невеста просидели до поздней ночи у Кирсановых. Рассказывая по требованию новых знакомых свою жизнь, Бьюмонт начал прямо со своего приезда в Соединенные Штаты и говорил о своих приключениях в них с большими подробностями. Он по приезде занялся газетною работою, потом действительно поступил в контору[9] Ходчсон, Миллинер и К^0 и оттуда попал в Петербург действительно тем самым путем,[10] о котором было уж говорено по его краткому рассказу, делаемому для всех желающих.[11] Значит, по крайней мере часть его автобиографии[12] достоверна.

Два семейства с самого же начала стали чрезвычайно близки и остаются[13] в такой же тесной дружбе до сих пор.

Если б я писал роман, этим он и был бы кончен мною, но я не имею[14] претензии писать роман, — для этого[15] нужен был бы талант, которого у меня нет, — я просто рассказываю о жизни одной из моих добрых зна-

[1] *Далее было:* Не успел Кирсанов [2] *Далее было:* с громким хохотом, уж цаловала его [3] *Далее было:* — да, — зови Катеньку сестрою, как
— Что это значит? Пасха? После Пасхи в январе? Очень рад [4] *Далее было:* Но позвольте, [5] *Далее было:* что ж это значит [6] *Далее было:* — Ты чем заслужил? ты, ничем — тем, что теперь ты в самом деле [7] *Далее было:* А как это, я и сама еще не знаю [8] *Далее было:* Да это еще надобно узнать теперь. *К последующему тексту дата:* 2 марта. [9] в купеческую контору [10] *Далее было:* как мы уж знаем [11] *Вместо:* желающих. — *было:* кто хотел знать. [12] биографии [13] остаются близкими [14] не пишу [15] *Далее было: а.* у меня недостаточно было *б.* нет таланта

комых и людей, к ней близких, то, что мне кажется не лишенным интереса, а может быть и пользы для публики; и потому я должен прибавить еще несколько страниц.

И, во-первых, мне нужно объясниться с публикою о том, до какой ‹степени› участвовал в моем рассказе вымысел и многое ‹ли› в нем изменено против того, как было на самом деле.[1] Само собою разумеется, что лицам даны имена[2] собственного моего изобретения, и, как видит читатель, уж[3] эта сторона моей изобретательности показывает, что нельзя искать в моем рассказе большой дозы вымысла: я фамилий-то не умел придумать таких, чтоб они были сколько-нибудь самобытным изобретением, — должен был взять слова, какие попались, и приделать к ним окончания, предлагаемые для этой цели грамматикою,[4] и т. п.: лопух-ов, полоз-ов; даже и на это не хватило моего творчества: пришлось сделать прямое заимствование из географических данных любезного отечества и окрестить одного[5] — второго — мужа Веры Павловны Кирсановым, по готовому имени города Кирсанова. — После этого, кажется, напрасно и спрашивать, и если я мог выдумать порох, то разве только выдуманный порох: я вообще не так-то изобретателен на выдумки.[6]

Да, все существенное в моем рассказе — факты, пережитые моими добрыми знакомыми. Разумеется, я должен был несколько переделать эти факты, чтобы не указывали пальцами на людей, о которых я рассказываю, что, дескать, вот она,[7] которую он переименовал в Веру Павловну, а по-настоящему зовется вот как, и второй муж ее, которого он переместил в Медицинскую академию, — известный наш ученый[8] такой-то, служащий по другому, именно вот по какому ведомству.

Но все эти перемены чисто внешние, за исключением одной: главный факт происходил гораздо проще, чем я его рассказал, так что если б я его рассказал точно так, как он был, то и не пришлось бы мне приписывать Рахметову отзыв, что этот факт имел мелодраматическую форму: Рахметов этих слов не говорил, потому что на самом деле все обошлось с гораздо меньшими эффектностями.

Зачем же я придал эффектность, присочинил и выстрел, и пропажу? Не из охоты к эффектам,[9] нет, а только для тебя, та часть публики, которая нашла в моем рассказе что-нибудь новое для себя, — я для тебя должен был завить и закудрявить простой ход дела, потому что тебе он показался бы уж слишком прост, то есть, по-твоему, груб, прозаичен,[10] безнравственен. Ведь и с прикрашивающими смягчениями мой рассказ кажется тебе все-таки довольно безнравственным, — так что ж бы ты сказала, если б я прямо сообщила здесь[11] тебе с самого начала, что на самом деле

[1] *Далее было начато:* Но изменения не на [2] те имена [3] *Далее было:* сами фамилии [4] *Вместо:* предлагаемые ∾ грамматикою, — *было:* ов, ин, ский [5] одного из моих действующих [6] на это. [7] *Далее было начато:* он ее назвал Верою [8] профессор [9] *Далее было:* мой [читатель] друг, затем готовясь на время, до следующего рассказа, расстаться с тобою [10] непоэтичен [11] *Вместо:* сообщил здесь — *было:* сказал тебе

и следует делать, и делают порядочные люди еще гораздо проще, и гораздо меньше убиваются, и гораздо непрерывнее сохраняют между собою дружбу, как бы ни изменялись их отношения? На первый раз я подрумянил[1] для тебя факты, — ведь, по-твоему, только румянам принадлежит нравственность,[2] — сделал это для того, чтоб ты не назвала меня учащим тебя уж слишком большой безнравственности.

А впредь я этого не буду делать, потому что теперь ты уж несколько подготовилась читать без ужаса и такие вещи, в которых[3] с начала до конца лица будут показываться тебе без румян, — я ведь и здесь в большей части рассказа выводил их без румян, так ты[4] уж позволь мне в следующие разы и вовсе не прикрашивать[5] хороших лиц румянами ни в каких обстоятельствах.[6]

Есть[7] в рассказе еще одна черта, придуманная мною: это — мастерская.[8] На самом деле Вера Павловна хлопотала над устройством не мастерской; и таких мастерских, какую я описал, я не знал: их нет в нашем любезном отечестве. На самом деле[9] она ‹являлась› чем-нибудь вроде воскресной школы или[10] — ближе к подлинной правде — вроде ежедневной бесплатной школы, не[11] для детей, а для взрослых, — но для хода самого рассказа ведь это все равно, а мне показалось, что ‹лучше› вместо дела, более или менее известного, описать такое, которое очень мало известно у нас.

Больше, кажется, не в чем мне объясняться. Начну ж досказывать то, что, по моему мнению, надобно досказать.[12] *‹л. 52. Верх›*

---

[1] подкрасил [2] *Вместо:* только румянам ∾ нравственность — *было:* только румяна имеют нравственное достоинство. [3] в которых румяна [4] так ты уж несколько привыкла [5] не румянить [6] *Вместо:* ни в каких обстоятельствах. — *было:* в каких бы положениях или сценах ни являлись. [7] Есть еще одна [8] мастерская Веры Павловны. [9] Но тут сделка, она и важна для твоего смысла, публика, [10] *Далее было начато:* бесплатной средней [11] только не [12] *Окончания романа, соответствующего журнальному тексту, в черновой редакции нет: вероятно Чернышевский спешил с отправкой очередной части в «Современник» и приступил к переписыванию последних главок (их см. ниже, стр. 731—743). После перебеленной XVII главки он записывает шифром XVIII-ю, которою и завершается роман в рукописи.*

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ, ВАРИАНТЫ, НАБРОСКИ

‹ВАРИАНТ НАЧАЛА § VIII ГЛАВЫ ПЕРВОЙ›*

На Гороховой, между Садовою и Семеновским мостом, стоит дом, надпись на котором в 1852 году говорила, что он — дом статского советника Ивана Захаровича Сторешникова, — так сказывала надпись, но статский советник Сторешников умер, еще в 1837 году, и в 1852 году дом принадлежал его сыну, Михайлу Ивановичу Сторешникову, — так сказывали документы, но на самом деле ‹*не закончено*› ‹*л. 34 об.*›

‹ВАРИАНТЫ § IV ГЛАВЫ ВТОРОЙ›

‹1›

Лопухов наблюдал Верочку — и убедился[1] в ошибочности своего понятия о ней как о бездушной девушке, холодно выходящей по расчету за человека, которого презирает: она от души танцовала, шутила, веселилась. Да, к стыду ее надобно сказать, что она забыла на время[2] свою грусть, — потому что, к новому[3] ‹*не закончено*› ‹*л. 59. Верх*›

‹2›

— Мсье Лопухов, я никак не ожидала видеть вас танцующим, — начала Верочка, — к ее стыду, надобно сказать, что она была весела, — выставки избежала[4] — этому она еще и вчера была рада, а теперь была рада и тому, что не успела вовсе избежать всякого вечера: к новому ее

---

* *Публикуемые ниже черновые и беловые тексты представляют собой редакции, варианты или наброски различных мест романа: большею частью они образовались при переписке текста перед отправкой его в редакцию «Современника». Здесь же помещены наброски неосуществленных глав. Коренным образом отличается от окончательного текста глава «Обыкновенные люди и особенный человек». Тексты печатаются в порядке, соответствующем хронологии романа. В зависимости от характера автографа зачеркнутые варианты даются либо в подстрочных примечаниях, либо в квадратных скобках.*

[1] *Далее было:* что ее [2] *Далее было:* о своем [3] *К тексту:* Лопухов наблюдал ∾ к новому — *помета:* Черновой 3. [4] *Далее было:* и рад‹остна› — это хорошо, да и то хорошо

стыду, надобно сказать, что она любила танцы, а в эти лета так не хочется грустить, что при малейшем случае забыть забывается грусть.

— Почему ж? разве это так трудно танцовать? [1]

— Вообще нет, но для вас — да.

— Почему ж это для меня?

— Потому что я знаю вашу тайну, — вашу и Федину: вы пренебрегаете женщинами.

— Федя не совсем верно понял мою тайну: я не пренебрегаю ими, но я избегаю, — и почему, знаете ли? — Я знаю [2] все их тайны, и одна из этих тайн заставляет меня избегать их.

— Скажите, какой знаток женского сердца.[3]

— Нет, но у меня есть верный источник знать их. И чтобы доказать вам это, я скажу вам вашу тайну.

— Мою? Это любопытно. Познакомьте меня саму с нею.[4] ‹*л. 57. Верх*›

‹ВАРИАНТЫ ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ›

‹1›

Однажды [они] сидели у Лопуховых вчетвером, он и борец-атлет. Атлет не принимал никакого участия в разговоре: он пришел только [попросить Веру Павловну побольше играть и петь] послушать пенье Веры Павловны и не охотник был говорить ни о чем, кроме серьезных вопросов науки и дел жизни, а [потому] разговор был, на его беду, легкий, поверхностный, — он курил, слушал и наблюдал. Не было заметно ровно ничего особенного: Кирсанов не взглянул ни одного лишнего разу на Веру Павловну, не отвел от нее своего [*Я* [ненавидела] не любила бы видеть вас в гостях у себя, Александр Матвеевич, если б обязана была наливать вам чай, — только и спасает вас от моего ожесточения наш договор, что вы сами заведуете своим чаем, — посмотрите, эти господа уже давно освободили меня от забот [угощ‹ать›] хозяйки, а вы все еще пьете и пьете.

— Он всегда отличался этим, — сказал Лопухов, — [всегда сидит] когда мы с ним жили вместе, всегда сидит и за обедом и за чаем вдвое дольше меня: он гастроном. [А мне было бы скучновато сидеть долго за] В старину, когда я кутил, у меня с вином было то же, что с чаем [я одним разом]: я очень любил его, но не любил отдавать ему много времени.

---

[1] уметь танцовать [2] *Далее было: а. Начато:* их *б.* вашу тайну. — Мою? Это интересно. Вы кол‹дун› [3] *Далее было:* Вы колдун? [4] *Над текстом:* — Мсье Лопухов ∾ с нею. — *помета:* Черновой 4.

— Да, у Дмитрия совершенно другая привычка, — посмотрите, как он курит: большими глотками.

— С вином было то же, что теперь с чаем: я очень любил его, но не любил отдавать ему много времени. [Поэтому] Я и теперь не люблю слабых вин, — их скучно пить. Я понимаю, что хороший сотерн — прекрасное вино, но оно не для меня [мне нужно].

— Это односторонность, Дмитрий: я точно так же люблю сотерн, как и самое крепкое] взгляда ни одного лишнего раза, держался совершенно непринужденно [безукоризненно], как и всегда: ведь, кажется, Лопухов был зоркий [наблюдательный] человек, да и Вера Павловна тоже, — не замечали ж они ничего. Но Нальчин явился на другое утро к Кирсанову.

— Скажите, Александр Матвеевич, люблю я мешаться в чужие дела?

— Ваша единственная слабость [Ник‹олай›], Петр Захарович, [состоит] то, что вы думаете, будто вы не любите мешаться в чужие дела, между тем как вы беспрестанно заняты ими, — отвечал Кирсанов голосом, шутливость которого была несколько натянута.

— Да, я мешаюсь в них не по охоте, а потому, что так надобно, — но люблю я мешаться в них, Александр Матвеевич?

— Кто же это знает? — отвечал Кирсанов тем же тоном.

— Хорошо. Все-таки вы признаете, что я никогда не мешаюсь в дела пустые, что я высказываю свое мнение [только тем людям, дела] только тогда, когда от того или другого решения дела зависит что-нибудь важное. Но это предисловие лишнее. Вы видите, что я хочу говорить с вами о вашей поездке. Имеете ли вы право уезжать? Я не знал этого, вчера я увидел, что вы не имеете его. Вы знаете, я личные дела рассматриваю с общей точки зрения. Для меня лиц нет. Для меня [еще только факт] человек, о котором я говорю, существует только как представитель тех или других сил, имеющих известное влияние на жизнь других людей. Вы держали себя вчера так, что и наблюдатель более проницательный, чем я, не заметил бы ничего, если б [не был занят] смотрел на вас только как на частное лицо. Но я был занят вашею поездкою с общей точки зрения, и потому я понял ее причину. Общей, научной или какой-нибудь другой причины я найти не мог для нее, — следовательно, она должна иметь какую-нибудь личную причину. Я видел вчера, что ‹*не закончено*›

‹2›

— Да знаете ли, мой идеал, к сожалению, недостижим. Я встретился с ним в почтовой карете, когда за год до окончания курса ехал к родным на каникулы. В карете было четыре места. Подле меня сидел молодой русский купец, [порядочно образованный] очень порядочный человек, против меня старичок-немец, подле немца, против купца [девуш‹ка›], немка, девушка [очень хорошей фамилии, она мало была знакома со всеми главными] вовсе не родная и не знакомая соседу-немцу — он был из Ревеля, она ехала в Москву из Штутгарта. Немец не обращал на нее

внимания, купец не говорил по-немецки, один я почувствовал призвание развлекать ее [и мы разговорились с], и она стала рассказывать мне, что едет в Москву из Штутгарта, всего только 4-й день в России, однако уж успела заметить много печальных странностей в наших привычках, на все смотрела с любопытством, потому что остается жить в России. Мы с купцом не курили из уважения к даме, которой, может быть, это было бы очень неприятно. Ведь она разговаривала со мною и могла бы сказать мне, чтоб я не стеснялся курить, спросить меня, не курю ли я [если бы ей не был неприятен табачный запах]? Но она не говорила, чтоб мы курили, не стесняясь ее, — значит табачный запах неприятен для нее. Но немец не поцеремонился и с первой станции вернулся в карету с сигарою в зубах. Мы посмотрели, что из этого будет. Прошло четверть часа, полчаса — дама не морщилась. Купец ободрился [вынул сигару] и закурил папиросу. — Но когда он докурил до половины, моя немка [очень деликатно] сказала: извините меня перед вашим спутником, но у меня начинает болеть голова, я очень досадую. ‹*л. 35 об. Низ*›

‹БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ КОНЦА §§ XXVII—XXIX ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ›

‹...› В самую минуту прощанья, уже через баллюстраду сказал: — Ты вчера написала, что еще никогда не была так привязана ко мне, как теперь, — это правда, моя милая Верочка! И я привязан к тебе не меньше, чем ты ко мне. А расположение к человеку — желание счастья ему, мы твердо знаем. А счастья нет без свободы. Ты не хотела бы стеснять меня, и — и я тебя тоже. А если б ты стала стесняться мной, ты бы меня огорчила. Так ты этого не делай, а пусть будет с тобою, что тебе лучше. А там посмотрим. Когда мне воротиться, ты напиши: я пришлю адрес. До свиданья, мой друг: второй звонок, слишком пора. До свиданья, мой друг.

XXVII

Это было в конце апреля. В половине[1] июня Лопухов возвратился. Пожил недели три в Петербурге, потом поехал[2] в Москву, по заводским делам. 9-го июля он уехал, а 11 июля поутру произошло недоумение в гостинице у станции Московской железной дороги, по случаю невставанья приезжего, а часа через два потом сцена на Каменноостровской даче. Теперь проницательный читатель уже не промахнется в отгадке того, кто это застрелился. — «Я уж давно видел, что Лопухов», говорит проницательный читатель. — «Конечно», отвечаю я. — «Да он и не застрелился, я с самого начала знал, что не застрелился», — в восторге от своей догадливости вопиет проницательный читатель. — «Так куда же он девался, и как фуражка его оказалась простреленною по околышу?»

[1] В последних числах [2] уехал

— «Нужды нет, это всё его штуки, а он сам себя ловил бреднем, шельма этакой», — ломит себе проницательный читатель. — Ну, бог с тобою, как знаешь, — ведь тебя ничем не урезонишь. ‹*л. 41*›

XXVIII

ОБЫКНОВЕННЫЕ ЛЮДИ И ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Часа через три после того, как ушел Кирсанов, Вера Павловна опомнилась, и одною из первых ее мыслей было: нельзя же так оставить мастерскую. Да, хоть Вера Павловна и любила доказывать, что мастерская идет сама собою, но ведь в сущности знала, что только обольщает себя этою мыслью, а на самом деле мастерской необходима руководительница, иначе все развалится. Впрочем, теперь дело уж очень установилось, и можно было иметь очень мало хлопот по руководству им. У Мерцаловой было двое детей, но час-полтора в день, — да и то не каждый день, — она может уделять; она, наверное, не откажется, — ведь она и теперь много занимается в мастерской. Вера Павловна начала разбирать свои платья, свои вещи для продажи, — а сама послала Машу: сначала к Мерцаловой — просить ее приехать, потом к торговке старым платьем, а подстать и всякими вещами, Рахели, одной из самых ловких и оборотливых евреек, но доброй знакомой Веры Павловны, с которой [как со] Рахель была безусловно честна, как со всеми порядочными людьми почти все еврейские мелкие торговцы и торговки. Сначала Маша должна была заехать с Рахелью на городскую квартиру, собрать там все оставленные в городе платья и вещи, по дороге заехать к меховщику, которому отдано было на сохранение зимнее платье, и потом со всем этим [добром] ворохом Рахель должна была приехать на дачу, чтобы хорошенько оценить всё и купить всё гуртом.

Когда Маша выходила из ворот, ее встретил [Рахманов] Рахметов, уже с полчаса бродивший около дачи.

— Вы уходите, Маша? Надолго?

— Должно быть, придется воротиться уж поздно вечером. Много поручений.

— Вера Павловна остается одна?

— Да. Одна.

— Так я зайду, посижу вместо вас, — может быть, случится какая-нибудь надобность.

— Ах, пожалуйста, а то боялась за нее.

Кроме Маши и равнявшихся ей или превосходивших ее простотою души и платья, все немного побаивались Рахметова, — и Лопухов, и Кирсанов, и все, не боявшиеся ничего и никого, иногда чувствовали перед ним некоторую трусоватость. Но Маша и равнявшиеся ей или превосходившие ее сильно благоволили к нему. Он вошел, сказал Вере Павловне,

что уж он все знает и приехал просидеть у нее вечер, на всякий случай, не понадобятся ли ей его услуги. Услуги были бы нужны, ‹*л. 41*› пожалуй, хоть сейчас — помогать в хлопотах по разборке вещей, и всякий другой на месте Рахметова в одну и ту же секунду и был бы приглашен, и сам вызвался бы заняться этим. Но Вера Павловна, поблагодарив его за внимательность, не попросила пособить ей разбирать вещи, и он не вызвался, а сказал: «Я буду сидеть в кабинете; если что понадобится, вы позовете; и если кто придет, я отопру дверь, вы не беспокойтесь сама», — и преравнодушно ушел в кабинет. Долго пересматривал он полки с книгами, всё раздумывая, какую взять, наконец с радостью сказал: «А?, вот это хорошо, что попалось» — это он сказал, прочитав на переплете нескольких томов: «I. Newtonii Opera [quae super sunt] omnia» — «Полное собрание сочинений Ньютона», — торопливо стал перебирать томы, один за другим, отыскал, какой нужно, и с любовною улыбкою перечитал заглавие сочинения [которого] [встречею с ко‹торым›], мысль о котором так его одушевила: «In Apocalypsis Commentariorum libri V», то есть [Комментар‹ий›] «Толкование на [книгу] Апокалипсис». — «Да, эта сторона истории знания до сих пор оставалась у меня пробелом. Ньютон писал этот комментарий в старости, когда был наполовину человеком в здравом уме, наполовину помешанным. Книга классическая по вопросу о смешении безумия с умом. Ведь это смешение почти во всех книгах, почти во всех головах. Но здесь оно должно быть в образцовой форме. Во-первых, гениальнейший ум, во-вторых, и примешавшееся к нему безумие — признанное, бесспорное безумие. Значит, книга капитальная по своей части. Тончайшие черты общего явления должны выказываться здесь рельефнее, чем где бы то ни было, и никто не может подвергнуть сомнению, что это черты именно того явления, которому принадлежат, — черты смешения безумия с умом. Сочинение, достойное изучения». Он с усердным наслаждением принялся читать книгу, [читать которую так] которую в последние сто лет едва ли кто мог прочесть, кроме несчастных [занимавш‹ихся›] корректоров ее: читать ее для кого бы то ни было, кроме Рахметова, то же самое, что [куша‹ть›] есть песок или опилки. Но ему было вкусно.

[Если б я был художник вроде наших великих художников [имеющих], я присочинил бы [к тому, что было] какую-нибудь пружину, чтобы Рахметов [принимал участие в развит‹ии›] участвовал в действии романа. Если б я был истинным художником, я взял бы предметом рассказа те стороны жизни, в которых Рахметов был главным действующим лицом, — и это мне очень хотелось бы сделать, но с такою задачею я не справился бы. Но хоть я и плохой писатель, а всё не]

Если бы я был художник вроде наших великих художников, имеющих куаферские понятия об искусстве и взгляд очень благородного и образованного фата средней руки на жизнь и людей, я присочинил бы к [своему] тому, что я рассказываю, какую-нибудь пружину [и], чтобы

Рахметов стал участвовать в действии романа, и [изоб<разил>] нарисовал бы фигуру, на лбу у которой красивым и четким шрифтом было бы отпечатано: «видите, добрые люди, как тупоумен мой автор и как ни бельмеса не понимает [ни в чем, что выходит] из того, о чем пишет, и что он не человек, а кукла [свернутая] из старого тряпья».

Если бы я был истинный художник, я взял бы предметом рассказа те стороны жизни, в которых Рахметов был главным действующим лицом, — это мне очень хотелось бы сделать; но с такою задачею я не справился бы. Но хоть я и плохой писатель, а все же [не считаю нужным присочинять пружин, все же могу понимать и] могу исполнять требования — если не искусства, то [хоть] по крайней мере сносной беллетристики — лучше наших великих художников, — я знаю, что для этого надобно просто рассказывать без [фигляр<ства>] присочинений все, что нужно для оттенения главных лиц и положений рассказа: потому [хоть Рахметов и не принимал никакого участия в действии, я все-таки скажу о нем, что нужно для] не присочиняю пружин для введения Рахметова в участники действия, а просто: да, он не был действующим лицом в [рассказываемой] истории, которую я рассказываю, а все-таки [без него нельзя его] [лицо его нужно] [без знакомства с ним, нельзя понять в истинном] <если> его лицо не было бы поставлено в романе подле главных действующих лиц, как стоит подле них в жизни, то черты главных действующих лиц не будут иметь [живой] своей житейской определенности [для читателя].

Без Рахметова огромное большинство читателей сбилось бы с толку насчет главных лиц романа. Ведь оно уже готово назвать Веру Павловну, Лопухова, Кирсанова — героями, лицами идеальными. Точно, в сравнении с [лицами] людьми других типов, они герои. Но те читатели, которые близко знают живых людей этого типа, видят, что мои три героя — нисколько не герои, а люди вовсе не выше [самого обыкновенного] общего уровня людей своего типа, что каждый из людей этого типа переживал <*л. 41 об.*> много событий, в которых действовал точно так же, как они действуют у меня, — положим, не тех именно событий, как рассказываемое мною: ведь вовсе не каждая порядочная женщина чувствует страстную любовь к приятелю мужа, не каждый порядочный человек борется со страстью к замужней женщине, да еще целые три года [не каждый], и принужден бывает застрелиться ли на мосту, или так, неизвестно куда, пропасть из гостиницы; но каждый порядочный человек не счел бы ровно никаким геройством точно так на их месте, и много раз поступал не хуже в случаях, не менее или и гораздо побольше трудных, и все-таки не считает себя удивительным человеком, а только думает о себе, что, дескать, я так себе, ничего, довольно честный человек. Так и смотрели на себя и Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов, и смотрели на них все хорошие знакомые их, то есть люди в их роде, — как на людей обыкновенных в своем роде. Но Рахметов и в их кругу считался человеком особен-

ным. Таких людей — немного. Но знать их не мешает: кроме того, что они дают своим высоким станом [средство] мерку судить о росте массы людей их типа, они важны и сами по себе: это двигатели двигателей, это теин в чаю, букет в благородном вине, это соль соли земли.

Таких людей, как Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов, я знаю сотни и забыл сотни. Таких людей, как Рахметов, я встречал только [пять] [шесть] [семь] девять человек, и никогда не сгладится ни одна черта ни одного из них в моей памяти. [Один из них] Двое из этих людей — женщины, [остальные пятеро] семеро — мужчины.

Тот из них, которого я встречал в кругу Лопухова и Кирсанова и о котором расскажу здесь, служил живым доказательством, что в сне Веры Павловны рассуждения Лопухова и Алексея Петровича о почвах требуют оговорки: нет такой почвы, в которой не [встре<чались>] попадались бы хоть маленькие клочочки, на которых могут вырастать здоровые колосья. Генеалогия Веры Павловны, Лопухова, Кирсанова не восходила дальше дедушек с бабушками. Рахметов был из фамилии, известной с XIII века: в числе татарских темников — корпусных начальников, — перерезанных в Твери вместе с их войском за [покушение] намерение обращать народ в магометанство, — намерение, которого наверное не было у них, а [проще] правду сказать, просто за притеснения, — был Рахмет. [Маленький] Сын Рахмета, Латыф — Михаил, рожденный от жены русской, насильно взятой, племянницы тогдашнего тверского «дворского» — [нечто] звание, похожее на французских майордомов или коннетаблей, — был пощажен за мать, и от этого Михаила Рахметовича пошли Рахметовы. Они в Твери были боярами, в Москве стали только окольничими, в Петербурге в прошлом веке делались генерал-аншефами, — конечно, далеко не все: фамилия разветвилась очень многочислен<ная>. <*л. 42*>

<...> если я знаю, то мало ли чего я знаю, чего тебе [не нужно] проницательный читатель, во веки веков не узнать. А вот чего я действительно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь. Об этом я не имею никаких других ни известий, ни предположений, кроме тех, какие имеют все его знакомые. Когда прошло месяца три-четыре после того, как он пропал из Москвы, и не было никаких слухов о нем, все предположили, что он отправился путешествовать по Европе. И догадка эта, кажется, верна. По крайней мере, она подтверждается вот каким случаем. Через год после того, как пропал Рахметов, один из знакомых Кирсанова встретил в вагоне по дороге из Вены в Мюнхен молодого человека, русского, который говорил, что проехал славянские земли, везде сближался со всеми классами, в каждой земле оставался на столько, чтоб иметь достаточное понятие о нравах, понятиях, образе жизни, степени благосостояния всех главных составных частей населения, жил для этого и в городах, и в селах, ходил

пешком из деревни в деревню, — потом точно так же познакомился [с населением северной Г<ермании>] румынами и венграми, с населением северной Германии, из которой опять [проехал] подвинулся к югу, в немецкие провинции Австрии, и вот теперь все с тою же целью едет в Баварию, оттуда через Вюртембург и Баден, проедет в Швейцарию [где], потом во Францию, объездит и обойдет всю ее, потом Англию, — и на это употребит еще год, — если останется из этого года время, то он познакомится с Италиею и Испаниею, если же нет, то так и быть, «потому что это не так нужно, а те земли осмотреть нужно» — зачем же? — «для соображений», а что через год во всяком случае ему «нужно» быть уже в Северо-Американских штатах, изучить которые более «нужно» ему, чем какую-нибудь другую страну, — что он даже не знает [останется ли он], возвратится ли он в Россию, или найдет себе дело в Северо-Американских штатах, — если найдет, то не возвратится, — но вероятнее, что возвратится, потому что кажется, в России, — не теперь, а через несколько времени, — он [будет более «нужен», чем] может быть полезнее, чем в Америке.

Все это очень похоже на Рахметова — даже и эти «нужно», случайно оставшиеся в памяти рассказчика. Наружностью, летами, чертами лица проезжий тоже подходил к Рахметову [насколько можно], но рассказчик тогда не обратил особенного внимания на своего спутника, который к тому же и скоро вышел из вагона, в какой-то деревушке, — поэтому рассказчик мог описывать его наружность лишь слишком общими выражениями, и полной достоверности нет; по всей вероятности это был Рахметов, а впрочем, кто ж его знает? — может быть и не он. Был еще слух, что один молодой русский являлся к одному немецкому философу, и сказал ему так: «у меня 30 000 талеров; мне нужно только 5000; остальные я прошу вас взять у меня». — «Зачем же?» — «На издание ваших сочинений». Философ, натурально, не взял, но русский, будто бы, все-таки положил деньги у банкира на имя философа и [принес] [оставил у него] прислал ему такую записку: «Я оставил деньги на ваше имя. Распоряжайтесь ими». [Философ этот действительно очень беден. Если бы] Философ этот действительно живет в бедности, а Рахметов очень уважал его. Если б этот слух был верен, не было бы никакого сомнения, что к философу являлся именно Рахметов.

Так вот каков был господин, сидевший теперь в кабинете Кирсанова.

Да [совершенно особой пород<ы>] особенный человек был этот господин, особой, редкой породы экземпляр был, и не затем описывается экземпляр этой редкой породы, чтобы научить [вас] тебя, проницательный читатель, обращению с этою породою; тебе, ни одного такого экземпляра не видать в глаза, — твои глаза, проницательный читатель, не так устроены, чтобы видеть таких людей — для тебя, они невидимы, их видят только честные и смелые глаза, — а для того я описываю такого человека, чтобы ты хоть понаслышке знал, какие есть люди на свете.

Да, смешные люди, — очень забавны. Это я для них самих говорю, что они смешны: потому что мне жалко их. Это я для тех благородных людей говорю, которые очаровывают. А тебе, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди, — а то, ведь ты, пожалуй, и не поймешь сам-то: да, недурные люди, — мало их, но [ими] они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись, — ими движется жизнь, — без них, она заглохла бы [замерла бы], прокисла бы, — это [среди хор‹оших›] двигатели двигателей, это теин в чаю, букет в благородном вине, это соль соли земли.

Вот какой человек сидел теперь в кабинете Кирсанова ‹*л. 43*›

‹ВАРИАНТ § XVII ГЛАВЫ ЧЕТВЕРТОЙ, НЕ ВОШЕДШЕЙ В ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ›

И вот таким образом шло это дело доброжелательства, и поэтому или не поэтому[1] стали Вере Павловне сниться сны, из которых вот один,[2] который она видела уж после той, другой свадьбы, еще не рассказанной мною, когда семейный кружок Кирсановых состоял уж не из двух лиц, а из четырех, — так что этот сон помещается здесь вовсе не по хронологическому порядку, — и зачем он помещается здесь, а не там, где следовало бы ему быть по хронологическому порядку, неизвестно; да и вообще зачем он помещается, тоже неизвестно — всё это надобно объяснить просто тем, что я плохой рассказчик, говорю о многом не на тех местах, где сообщил бы его хороший рассказчик, и говорю много лишнего,[3] чего не стал бы говорить хороший рассказчик, — но[4] уж каков я есть, таков пусть и буду, — откуда ж мне взять уменье рассказывать хорошо, если не дано мне природою этого уменья? — уж извини, пишу как умею, и если что-нибудь выходит не у места или что-нибудь выходит лишнее, не взыщите.

Итак, вот один из снов Веры Павловны.[5]

ПЯТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ[6]

Она входит в комнату мужа, — муж лежит и читает книгу.

— Я тебе помешала?

---

[1] или не поэтому *вписано.* [2] *Далее было:* последний [3] такого [4] но что ж [5] *Далее начато:* И снится Верочке сон, — [будто] Она входит в ком‹нату› [6] *На полях дата:* 4 март‹а›. *Выше и далее пометы: а.* (? Зачем? Лишнее? Или глава V?) И снится Вере Павловне сон. *б.* Итак, вот один из снов Веры Павловны; но прежде чем начинать сон, надо ‹*не закончено*›.

Кирсановы сидели и с ними общество — Мерцаловы, Катерина Васильевна с мужем (Катерина Васильевна давно уж была замужем), еще два-три семейства, несколько человек молодежи [о чем же шел разговор, это всё равно] *в.* Однажды Вера Павловна была в своем обществе, и как очень часто бывает, больше чем наполовину [случаев] раз (*так в рукописи*) и на этот ее *г.* Однажды [Вера Павловна] вечером Вера Павловна была в своем обществе, и как бывает часто, больше чем наполовину [случаев] раз, был с нею там и на этот раз муж; он кончил свои дела прежде, чем она успела кончить беседу с своею компаниею. *д.* Итак,

— Нет, это я от нечего делать пересматриваю, чтоб припомнить, а то уж начинаю спутывать[1] подробности, — надобно рассказывать детям, что годится им рассказывать.[2]

— Позволь, милый, тут картина, что это за чудовища?[3]

— Эта огромная собака — Фенри; эта змея — средисветная змея, эта бледная женщина — Гела. Вспоминаешь? Вероятно, тебе случалось читать рассказы из «Эдды»?

— Да, теперь вспоминаю, — это, должно быть, Один, — ведь одноглазый,[4] это он, да? — А[5] этот, с молотком, Тор? — А вот этого я не помню, однорукого, — кто это?

— Тир.

— А это, должно быть, Локи?

— Да.

— Локи, Гела — знаешь что, мой милый,[6] ведь «Эдда» писана приверженцами[7] их врагов. Помнишь, этот чудный[8] эпизод в «Консуэло», рассказ о чешском поверье[9] про «того, кого обижают»,[10] кого оклеветали, кого не понимают.[11] Локи, Гела — мне кажется, что и они оклеветаны.

— Благодарю тебя, — говорит Локи, — он выступил из картины, он вырос, он стоит перед нею[12] с грустною[13] улыбкою, — благодарю.[14]
‹*л. 52 об. Середина*›

Вере Павловне стали сниться сны, — но о снах после, а кроме снов, наяву, разумеется, были разговоры о том, как надобно сжиматься, и как неприятно сжиматься, и как вредно сжиматься, почему все-таки плохо сжиматься. — Однажды у [Мерцаловых] *е.* Лишнее? Или [это из следующей главы, которой еще нет? 5-ой главы?] Глава 5-ая?

[1] позабывать [2] *Вместо:* им рассказывать — *было:* для них [3] *Далее было:* Ах знаю, этот одноглазый — это Фенри [4] он одноглазый [5] А вот и [6] *Далее было:* мне кажется, они оклеветаны Эддою? [7] сторонниками [8] дивный [9] *Вместо:* о чешском поверье — *было начато: а.* чеха *б.* чешского патриота *в.* чешского исто‹рика› *г.* чешского ‹*не закончено*› [10] *Далее было:* мне кажется, что и эти лица ок‹леветаны› [11] кого оклеветали ∾ не понимают. *вписано.* [12] *Далее было:* гигантом [13] грустною и злою [14] *Далее дата на полях:* 5 м‹арта› *и пометы:* Перечитыванье. Дополненья и поправки. [человек] (1) Но человек до последней крайности старается сохранить отношения, с которыми сжился, — в самой глубине нашей природы лежит консервативный элемент, от которого мы отступаем только по необходимости — в этом, по моему мнению, заключается объяснение [того] моего [положенья] предположенья, что мне хотелось думать и подумалось, что ‹*не закончено*› (2) В труде и в наслаждении вообще человеческий элемент берет верх над личным отдыхом: в труде мы [покоряемся] действуем под преобладанием, воздействием внешних рациональных надобностей [это логика труда], в наслаждении под преобладанием [потребностей] других собственных общих потребностей человеческой натуры [В отдыхе или] Отдых или развлечение — [дело] элемент [требуется уж собственной личностью каждого], в котором личность [хочет быть свободна] ищет восстановленья сил от [сильного] возбужденья, более или менее истощающего запас его [энер‹гии›] жизненного материала. Это элемент вводится в жизнь [личностью] уж самой личностью [самим индивидуумом] [личность хочет быть ‹*3 нрзб.*› своими индивидуальными удобствами] Поэтому (внизу стр‹аницы›) ‹*продолжения фразы внизу страницы нет*›. Тут личность хочет сделаться уж главной (3) и я буду употреблять его слова, передавать вам его мысли собственными его словами,

‹ВАРИАНТ § VIII ГЛАВЫ ПЯТОЙ›

а. Ей постоянно приходилось видеть через год опять в прежнем затруднении то семейство, которое за год было выведено ею из затруднения. В ней явились сомнения, для разрешения которых понадобилось серьезное чтение, и она стала искать ответов в серьезных книгах.

Сердце[1] требовало и личной жизни. Но Катерина Васильевна была уже слишком недоверчива к людям, знавшим о ее богатстве,[2] могли ль встречаться ей люди, кроме тех, которые ‹*не закончено*› и потому,[3] когда ее отец разорился, она сама не знала, больше ли она огорчена, или обрадована этим. ‹*л. 54*›

б. Ей постоянно приходилось видеть, что семейство, которое было выведено ею из затруднения, через полгода, через год опять находится в прежнем затруднении. У ней явились вопросы: отчего ж эта неотступность затруднений для бедняков? Насколько тут виноваты обстоятельства, насколько сами бедняки? Слишком во многих случаях было ясно, что виноваты сами бедняки; но почему ж они так неблагоразумны или дурны? Она обратилась к серьезному чтению за ответами на это.

Сердце требовало и личной жизни. Но Катерина Васильевна была проникнута недоверием ко всему обществу, ее окружавшему и вполне стоившему полного недоверия. Можно ли полагаться на искренность, когда знаешь, что все ищут богатства и что богатство в твоей руке?[4] Потому Катерина Васильевна была не меньше и обрадована, чем огорчена, когда отец ее разорился. Ей было жалко видеть отца,[5] вдруг ставшего стариком из крепкого,[6] еще не старого человека; было жалко того, что она лишилась прежних средств помогать другим; было на первый раз

Вот его суждение о деле, почему я не только буду излагать [его мысли] исключительно его мысли, но я постоянно буду употреблять его собственные выражения, почти без всякой перемены. Вот его мысли, его взгляд на дело, объяснение которого представлено им мне письмом. [(3) почему я буду не только [содержание] [сохранять] передавать содержанье его мыслей [без всякого] с совершенною точностью,] (3) почему я буду передавать его мысли собственными его словами [без всякого изменения], как бы говорил он сам. Вот его слова о деле, объяснение которого составляет цель моего письма. (4) Никогда наши прежние отношения [(5) Я желал бы, чтобы она ясно представляла себе эту сторону моего характера, в которой заключается разгадка всего. Это не легко. Поэтому я хотел этого, [я должен говорить] и потому довольно долго остановлюсь на этом письме, довольно долго, потому что мне самому очень трудно] (5) Каждому из нас довольно трудно быть натуральным. 6 март‹а›. (6) Но — это вещь, объяснение которой очень щекотливо для нее, — однако мне тогда должно было сделать, — но как мне представлялось ‹*не закончено*› (7) которой я отдал несколько вечеров. (8) [этим] разговором была занята (9) И потом (10) невозможно удержать прежних отношений. Я стал (11) Я не стал отрицать ‹?› (12) не пошатываться туда и сюда, не делать лишней суеты [ни для], неприятной другим, не изменять [своего решения] своей обязанности. Это легко, когда обязанность — влечение собственной натуры. ‹*л. 52 об. Середина*›

[1] Но сердце [2] *Далее было:* *а*. да и в самом деле *б*. богатство казалось ей *в*. а где ж мо‹гли› [3] и когда [4] *Далее было:* Как тут разобрать [5] старика, [6] бодрого

обидно увидеть пренебрежение толпы, чуть не ползавшей на коленах перед отцом и ею. Но[1] было и отрадно, что эта пошлая, скучная, гадкая толпа отстала, перестала стеснять ее жизнь, возмущать ее своею низостью; явилась и надежда на счастье: «теперь если я найду в ком привязанность,[2] то привязанность ко мне, а не к миллионам моего отца»[3] ‹*л. 53*›

Правда, — несколько уныло произнесла Катерина Васильевна. Но все-таки я ‹не› стану обманывать.

— И не сумели, потому что нельзя подделаться под опытность, когда ее не имеешь.

— Но, мистер Бьюмонт, и нельзя же требовать этого. При условиях нашей жизни,[4] при наших понятиях девушке невозможно иметь того знания будничных отношений, о котором мы говорили. Пусть она была влюблена,[5] пусть[6] она испытала несколько связей, — это почти никогда нисколько не помогает.[7] И этого наконец нельзя советовать: и пользы нет, опасность страшная. Это будут отношения неприятные. Девушка или в самом деле унизится, — научится хитрить, обманывать, — ведь она должна будет обманывать родных, скрываться от них,[8] — очень много шансов, что она сделается и легкомысленна; если ж этого не будет — то ее сердце будет разбито. А в будничной опытности она все-таки почти нисколько не выиграет, потому что эти отношения — эффектны, праздничны. Вы видите, что ваше требование невозможно при нашей жизни.[9]

— Это и дурно, Катерина Васильевна, что оно невозможно.

— Разумеется, — сказала Катерина Васильевна. — Мы в этом согласны.

Странные разговоры между девушкою и человеком, который, по ее мнению, собирается просить ее руки.

— Я одному удивляюсь, — опять говорит в другой раз Бьюмонт, и опять с досадою, — что при таких условиях еще бывают счастливые браки.

— Вы как будто досадуете на то, что бывают счастливые браки, — смеясь говорит Катерина Васильевна, — она, как заметно, теперь часто смеется — таким тихим,[10] но веселым смехом.

— Но почему они наводят на грустные мысли, я вам скажу: если при таких ничтожных[11] судить о своих потребностях и о характере мужчин, девушки все-таки довольно часто умеют делать удачный выбор, мне думается: какую же здравость и светлость ума, какую проницательность

[1] *Далее было начато:* она чувство‹вала› [2] *Вместо:* если ∞ привязанность. — *было: а. Начато:* я могу *б.* если я встречу привязанность *в.* со мною будут искренни; кто полюбит меня, в ком я найду привязанность, то в том найду [3] *Далее обозначен номер следующей главки:* IX [4] При наших условиях [5] *Далее было: а.* пусть она не была *б. Начато:* беречь репутацию [6] *Далее было:* была у нее [7] *Далее было:* Я много думала об этом. [Это нисколько не] Это будут отношения неприятные и будничные — из них мало можно извлечь пользы. [8] *Далее было:* очень много шансов, что она в самом деле [9] *Далее было начато:* — Разве я не говорил [10] *Далее было:* смехом [11] *Так в рукописи.*

ума в женщине показывает это! И этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, оно задушает его, — а история пошла бы в десять раз быстрее, если б не был убиваем.

— Да, вы панегирист женщин, мистер Бьюмонт, — но нельзя объяснить проще — случаем...

— Случай! Сколько хотите случаев объясняйте случаем, но как скоро случаи многочисленны, то вы знаете, кроме случайных причин, от которых происходит часть их, должна быть и общая причина, от которой происходит другая часть,— эта причина может быть здесь только одна: здравость выбора от проницательности ума.[1]

— Вы мистрисс Бичер-Стоу по женскому вопросу, мистер Бьюмонт, — та доказывает, что негры — самое даровитое из всех племен, что они[2] по уму гораздо выше белой расы.

— Права ли она, я не знаю; но что я прав, я знаю.

— Вы, кажется, сердитесь на меня за то, что я не преклоняюсь перед женщиною? Но примите в извинение хотя трудность стать на колена перед самой собою.[3]

— Это[4] вовсе не шутки, Катерина Васильевна.[5] Я говорю серьезно, а вы надо мной подсмеиваетесь, — сказал Бьюмонт решительно с досадою.

Сказать [6] вам серьезно мое мнение? Извольте. Только не о женском уме,[7] — потому что я не хочу сама быть судьею в своем деле, — а о вас. Вы человек очень сдержанного характера, — и вы горячитесь когда говорите об этом.[8] Что из этого следует? То, что у вас должны быть какие-то личные отношения к этому делу, — вы, должно быть, пострадали от какой-нибудь ошибки[9] в выборе, сделанном женщиною, — неопытною, как вы говорите.

— Если это было, то это прошло. Но этим замечанием вы даете новое доказательство тому, что я прав, говоря о проницательности ума женщины.

— Мистер Бьюмонт, вы говорите комплимент — я ужасаюсь.

— Это не комплимент, а аргумент,[10] Катерина Васильевна.

— Правда. А вот видите, я сделала ошибку, приняв аргумент за комплимент, — следовательно, мой ум уж не до такой степени проницателен, как вам угодно утверждать.

— Вы не ошибались, вы[11] шутили.

— Да, мне хотелось бы услышать от вас хоть одну любезность, мистер Бьюмонт, — ведь я женщина, мистер Бьюмонт, женщины любят любезности, — а вы до этих пор не сказали мне ни одной.

---

[1] *Далее было начато:* Все женщины должны быть влюблены в вас, мистер Бьюмонт. Женщины [2] *Далее было:* гораздо выше [3] *Далее было начато: а.* Вы кажется *б.* Но я говорю [4] Но это [5] *Далее было:* Это правда. [6] Сказать серьезно? Извольте [7] *Далее было:* от меня не зависит [8] *Вместо:* когда ∾ об этом — *было:* по этому вопросу. *После:* об этом — *было:* вы человек очень мягкий, и вы чуть не бранитесь на меня, когда [9] *Далее было:* происшедшей [10] *Далее было:* согласитесь [11] *Далее было:* и сами даже знаете

— Женщина! — вы не женщина, а девушка, — добрая, благородная, но все-таки девушка, — с досадою сказал Бьюмонт. Тут Катерина Васильевна уж не выдержала и расхохоталась.

— Катерина Васильевна,[1] через три дня я попрошу у вас серьезного ответа.

— На вопрос, который не предлагали? Но разве я так мало знаю вас, чтобы мне нужно было думать три дня? — Катерина Васильевна встала, подошла к Бьюмонту и поцаловала его в лоб. Он пожал ее руку.

— Так, Катерина Васильевна, но подумайте. Я сказал слишком мало: 3 дня, — подумайте об этом еще неделю.

— Но кто ж вам сказал, что я не думала об этом две недели?

— Может быть, — конечно, — я видел, но этого мало, подумайте еще.

— Хорошо,[2] если вам действительно угодно еще другой ответ, кроме того, который я вам дала, но я вам отвечу завтра.[3] ⟨*л. 53*⟩

Но если б послушать разговоры Катерины Васильевны с Бьюмонтом, то многие подумали ⟨бы⟩, что она и Полозов ошибаются[4] и назвали бы

---

[1] *Далее было:* я попрошу у вас серьезного ответа [2] Хорошо, упрямый [3] *После:* отвечу завтра — *было:* — Мы давно не говорили о Кирсановых, — сказала однажды Катерина Васильевна.

— Это потому, что я не спрашивал вас о них.

— Нет, если вы охладели к ним, то ⟨я⟩ всё больше привязываюсь, но во все это время, — вот уж недели две, — мне было неловко говорить о них, потому что я узнала из жизни их очень важное обстоятельство, которое не умела себе объяснить в их пользу, а между тем чувствовала, что [они должны] это не может быть так, как я узнала. [Вы знаете, что] Кирсанов — второй муж Веры Павловны. Фамилия первого ее мужа была Лопухов.

— Что ж из того, что молодая женщина [вышла за второго мужа] [повенчалась] [вышла] повенчалась во второй раз, потеряв первого мужа? Надеюсь, вы не индианка, которая считает обязанностью сжигаться с первым мужем, — это хорошо в балладе Гете, но в действительности совершенно лишнее, — сказал Бьюмонт.

— Вы смеетесь, мистер Бьюмонт, потому что не хотите дослушать. Он погиб от любви к ней, и она через полторы недели повенчалась с его соперником — я так узнала тогда, две недели тому назад, из их разговора с Мерцаловыми, у которых [мы вместе] я была вместе с ними. Я стала спрашивать [как это случилось] подробности, чтоб как-нибудь объяснить себе это [они], Мерцалов отвечал [какой-то шуткой] по своей манере шуткой [силлогизмом], педантическими формулами: «все действительное разумно; свадьба [наших приятелей] Кирсановых действительна, следовательно, она была разумна. Если вы, Катерина Васильевна, сомневаетесь ⟨большей посылке⟩ в справедливости большей посылки, которая действительно фальшива, то будем диспутировать о ней, — если вы принимаете ее [как принимают люди], хотя она и фальшива, то [заключение] не можете не допустить заключения, что свадьба была разумна». Все засмеялись — и больше ничего. Это чрезвычайно поразило меня, — такая бесчувственность в таких [добрых] отличных людях.

— Если люди отличные, то, верно, они не бесчувственны, — вероятно [незачем было] не надобно было больше им огорчаться о том, что вам показалось ужасно.

— Но я не успокоилась таким философским ⟨*не закончено*⟩ ⟨*л. 53 об.*⟩ *К последующему тексту дата:* 29 март⟨а⟩

[4] *Вместо.* Но если б ∞ ошибаются. — *было:* Но если б послушать их — большую часть их разговоров [то никто], то многие нашли, что Полозов и Катерина Васильевна

эти разговоры странными, — даже невозможными между [1] девушкою и человеком, которого отец девушки считает влюбленным в нее, о котором и сама девушка думает, что он любит ее. Не то чтобы они вовсе не говорили о чувствах, — напротив, очень много,[2] но как говорили, и что говорили!

Если женщины стеснены предрассудками, — говорил Бьюмонт, считая ненужным делать англицизмы и американизмы,[3] — то и мужчины — я говорю о порядочных людях — подвергаются поэтому большим неудобствам. Скажите, как жениться на девушке, которая не испытала любви? Она не может судить [4] о том, будет ли ей нравиться жизнь с человеком такого характера, как ее жених, — она не испытала будничных отношений к людям различного характера [5] — она не знает, не будет ли для нее в муже неприятно то, что нравится ей в женихе,[6] — ей от этого риск, и порядочному человеку, который женится на ней, тоже.

— Вы хотите, чтоб замуж выходили только вдовы? — смеясь, отвечала Катерина Васильевна.

— Вы высказались очень удачно. Только вдовы. Девушкам должно быть запрещено выходить замуж.

— Это правда, — серьезно [7] отвечала Катерина Васильевна.

— Вы рассказывали мне историю вашей любви к Соловцову, — говорил в другой раз Бьюмонт, — но что это такое? Это было ребяческое чувство, оно не дает вам никакой опытности.[8] Это годилось для того, чтобы иногда шутить, вспоминая, — и грустить,[9] если хотите, потому что здесь есть очень прискорбная сторона: хорошо, что вы спаслись,[10] но вы спаслись редким случаем, что вам попался тогда [11] Кирсанов, — иначе вы погибли бы от чахотки или от негодяя, — да, можно смеяться, можно из этого вывести философскую мысль о вреде тех или иных вещей, которые губили вас,[12] как вы и вывели — все это прекрасно; но это только сделало вас более рассудительным и хорошим человеком, а еще нисколько не дало вам опытности в различении [13] того, какого характера муж вам нужен; не негодяй, а честный человек — прекрасно; это вы вывели. Но разве со всяким честным человеком может ужиться [14] всякая порядоч-

ошибаются. О чем они говорили? Обо всем на свете. *После:* ошибаются — *было: а.* Итак, разговоры эти были странны, — правда ‹*не закончено*›. [Катерина Васильевна рассказывала, кажется, что они как будто] [вот, например] пример тому, что они мало

[1] *Далее было: а. Начато:* молодою девушкою *б.* людьми [2] *Далее было: а.* но сами мысли их были *б.* но тон разговоров был оригинальным *в.* а содержание такое холодное *г.* а тон и содержание их *д.* но и по тону так в этом [3] *Вместо:* считая ∾ американизмы — *было:* забывая делать англицизмы [4] Может ли она судить [5] *Далее было начато:* по праздничности нельзя судить [6] *Далее было:* или поклоннике [7] серьезно *вписано.* [8] *Далее было начато:* Над этим можно [9] плакать, [10] *Далее было:* — Это правда, это правда, — отвечала Катерина Васильевна. — Да и наконец, что ж это такое ‹*не закончено*› [11] встретился [12] *Далее было:* но что же дальше? Какую гарантию даст это вашему мужу [что только] [но где] [13] *Далее было:* характеров [14] *Вместо:* со всяким ∾ ужиться — *было:* всякий честный человек годится

ная женщина? Нужно точное[1] различение характеров между порядочными людьми.[2] Вы тогда сказали, что замуж должны выходить только вдовы.[3] Вы рассказывали мне вашу жизнь — какая же вы вдова? — заключил он с явною досадою. ‹*л. 53 об.*›

‹ОКОНЧАНИЕ РОМАНА В РАННЕЙ РЕДАКЦИИ›

XV*

Но если бы послушать разговоры Катерины Васильевны и Бьюмонта, то многие нашли бы, что она и Полозов ошибаются. Не то чтобы предполагаемые невеста и жених вовсе не говорили между собою о чувствах, — нет, говорили, как и обо всем на свете, но мало; и это бы еще ничего, что очень мало; но главное — каким тоном говорили и что́ говорили! Очень многим такие рассуждения, — потому что ближе всего назвать это рассуждениями, — покажутся даже совершенно невозможны между девушкою и человеком, о котором она думает, что он любит ее. — Например, — это было через месяц после начала их знакомства; продажа завода была покончена, мистер Лотер собирался уехать на другой ‹день› (и уехал, — не ждите, что он произведет какую-нибудь катастрофу: он, как следует негоцианту, сделал коммерческую операцию, объявил Бьюмонту, что фирма назначает его управляющим завода с жалованьем в 1000 фунтов, чего и следовало ждать, и больше ни во что не вмешивался, — какая ж ему надобность, сами рассудите); акционеры, в том числе Полозов, завтра же должны были получить (и получили, опять не ждите никакой катастрофы — фирма Ходчсона, Лотера и К⁰ очень солидная) половину денег наличными, а другую половину векселями на трехмесячный срок; Полозов в удовольствии от этого сидел за столом в гостиной и пересматривал денежные бумаги, отчасти слушал и разговор дочери с Бьюмонтом, когда они проходили через гостиную, — они ходили вдоль, через все четыре комнаты квартиры, бывшие рядом на улицу.

— Если женщины стеснены предрассудками, — говорил Бьюмонт, не считая нужным делать англицизмы и американизмы, — то и мужчины — я говорю о порядочных людях — подвергаются от этого большим неудобствам. Скажите, как жениться на девушке, которая не испытала простых житейских отношений? Она не может судить, будет ли ей нравиться жизнь с человеком такого характера, как ее жених, — она не знает его будничного, настоящего характера, не знает будничного характера других, которые могли бы быть ее женихами. Почему знать? быть может, ей будет неприятностью в муже то, чего она совершенно не могла замечать в женихе.[4] От этого свадьба для нее — риск; так, но и для порядочного человека, который женится на ней, — тоже.

* *Перед последующим беловым текстом помета:* Окончание романа «Что делать». *Слева на полях даты:* 21—30 марта. *Справа над текстом раскрыты имена действующих лиц, данные в беловике сокращенно, как и по всему черновому автографу.*

[1] более строгое [2] *Далее было начато*: Ваша любовь не дала вам [3] *Далее было*: какая же вы вдова? [4] *Далее было начато:* Ей

— Вы хотите, чтобы замуж выходили только вдовы? — смеясь, отвечала Катерина Васильевна.

— Именно. Вы выразились очень удачно. Девушкам должно быть запрещено выходить замуж.

— Это правда, — серьезно отвечала Катерина Васильевна.

Полозову сначала дико было слушать такие разговоры или доли разговоров, выпадавшие и наслух. Но теперь он уже попривык и думал: «что ж, я сам человек без предрассудков. Я занялся торговлею, женился на купчихе».

На другой день эта часть разговора — ведь это была только небольшая часть в разговоре, который вообще шел вовсе не о том, а о всяких других предметах, — продолжалась таким образом:

— Вы рассказывали мне историю вашей любви к Соловцову. Но что это такое? Это было ребяческое чувство, которое не дает никакой гарантии. Это годится для того, чтобы шутить, вспоминая, — и грустить, если хотите, потому что здесь есть очень прискорбная сторона. Вы спаслись только благодаря редкому случаю, что дело попало в руки Кирсанова; иначе вы погибали от чахотки или от негодяя. Можно выводить из этого основательные мысли о вреде тех или других вещей, которые губили вас. Вы их и вывели. Все это прекрасно. Но это только сделало вас более рассудительным и хорошим человеком, а еще нисколько не дало вам опытности в различении того, какого характера муж нужен вам. Не негодяй, а честный человек,[1] — вот что могли вы узнать. Прекрасно. Но разве всякая порядочная женщина может хорошо ужиться со всяким честным человеком? Нужно более точное различение характеров, то есть нужна совершенно другая опытность. Мы вчера решили, по вашему выражению, что замуж должны выходить только вдовы. Вы рассказывали мне вашу жизнь. Какая ж вы вдова?

Все было говорено с каким-то неудовольствием, а последние слова отзывались прямо досадою, даже укоризною.

— Это правда, — несколько уныло сказала Катерина Васильевна, — но все-таки я не стану обманывать. ‹*л. 56*›

— И не сумели бы, потому что нельзя подделаться под опытность, когда не имеешь ее.

— Но, мистер Бьюмонт, и нельзя же требовать этого. При условиях нашей жизни, при наших понятиях, нельзя[2] желать для девушки того знания будничных отношений, о котором мы говорили. Пусть она будет влюбляться, пусть она входит в какие угодно отношения — это почти никогда ничему не поможет. Пользы нельзя ждать, а опасность огромная. Девушка или в самом деле унизится, научится хитрить, обманывать, — потому что ведь она должна будет обманывать родных и общество, скры-

[1] *Далее было:* прекрасно [2] девушке нельзя

ваться от них, — от этого уж недалек и переход до обманов, действительно дурных, — очень возможно и то, что она в самом деле сделается легкомысленною, или, если этого не будет, если она останется хороша, то ее сердце будет разбито. А между тем она все-таки почти ничего не выиграет в будничной опытности, потому что эти отношения эффектные, праздничные. Вы видите, что этого никак нельзя советовать при нашей жизни.

— Конечно, Катерина Васильевна; но именно это и дурно.

— Разумеется, мы в этом согласны.

Что это такое? — Не говоря уж о том, что это чорт знает что такое со стороны общих понятий, — какой смысл это имело в личных отношениях? — Мужчина говорит: «я сомневаюсь, будете ли вы хорошею женою мне». А девушка отвечает: «Нет, пожалуйста, сделайте мне предложение». Удивительно!

— Я одному удивляюсь, — продолжал Бьюмонт на третий день, — что при таких условиях еще бывают счастливые браки.

— Вы говорите таким тоном, будто досадуете на то, что бывают счастливые браки, — смеясь отвечала Катерина Васильевна, — она теперь, как заметно, часто смеется таким тихим, но веселым смехом.

— А в самом деле, они могут наводить на грустные мысли — вот какие: если при таких ничтожных средствах судить о своих потребностях и о характерах мужчин девушки все-таки умеют довольно часто делать удачный выбор, то какую же светлость и здравость ума в женщине, какую верность, силу, проницательность его показывает это! — И этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, оно задушает[1] его, — а история человечества пошла бы вперед в десять раз быстрее, если бы этот ум не был отвергаем и убиваем, а действовал бы.

— Вы панегирист женщин, мистер Бьюмонт; нельзя ли объяснить это проще, — случаем?

— Случай! — сколько хотите случаев объясняйте случаем; но когда случаи многочисленны, то вы знаете, кроме случайности, которая производит часть их, должна быть и какая-нибудь общая причина, от которой происходит другая часть. Здесь[2] нельзя предположить никакой другой общей причины, кроме моего объяснения: здравость выбора от проницательности ума.

— Вы — мистрисс Бичер-Стоу по женскому вопросу, мистер Бьюмонт; та доказывает, что негры самое даровитое из всех племен, что они выше белой расы по умственным способностям.[3]

— Вы шутите, а я вовсе нет.

---

[1] заглушает [2] *Далее было:* может существовать только [3] *Вместо:* выше ∾ способностям. — *было:* по умственным способностям выше белой расы

— Вы, кажется, сердитесь на меня за то, что я не преклоняюсь перед женщиною? Но примите в извинение хотя трудность стать на колена перед самою собой.

— Вы шутите, а я серьезно досадую.

— Но не на меня же? Я нисколько не виновата в том, что женщины не могут делать того, что нужно по вашему мнению. Впрочем, если[1] хотите, и я скажу вам свое серьезное мнение, — только не о женском вопросе:[2] я не хочу быть судьею в своем деле, — а собственно о вас. Вы человек очень, очень сдержанного характера, — и вы горячитесь, когда говорите об этом. Что из этого следует? То, что у вас должны быть какие-нибудь личные отношения к этому вопросу; вероятно, вы пострадали от какой-нибудь ошибки в выборе, сделанном девушкою,[3] как вы называете, неопытною. ‹*л. 56 об.*›

— Может быть, я, — может быть, кто-нибудь другой, близкий ко мне; во всяком случае, это невесело. Однако подумайте, Катерина Васильевна. Я через три дня попрошу у вас ответа.

— На вопрос, который не был предложен? Но разве я так мало знаю вас, чтобы думать три дня? — Катерина Васильевна встала, подошла к Бьюмонту и поцаловала его в лоб.

По всем бывшим примерам, и даже по требованию самой вежливости, Бьюмонту следовало бы обнять ее и поцаловать уже в губы; но Бьюмонт вместо этого только пожал ее руку:

— Так, Катерина Васильевна; но все-таки подумайте.

— Но кто ж вам сказал, Чарли, — Катерина Васильевна села подле него и обняла одной рукой его талью, другая рука оставалась в руке странного жениха этой странной невесты, — кто ж вам сказал, что я уж не думала об этом гораздо больше трех дней? [4]

— Может быть, — конечно, — я видел, — но все-таки...

— Полноте, Чарли, вы уже слишком опасаетесь, что я могу раскаяться.

— Конечно, Катерина Васильевна, этого не будет; но у меня был пример. Мужчине это ничего; но для женщины, при наших условиях жизни, это приносит много огорчений. Я видел своими глазами. Один из моих друзей, — положим, что это был один из моих друзей, — где это было, все равно, — в Нью-Йорке, в Бостоне, в Филадельфии, где-нибудь, — был женат на женщине, очень хорошей. Она также считала его очень хорошим человеком. Они были чрезвычайно привязаны друг к другу. И однако ж они не могли ужиться вместе. Он был готов отдать голову за малейшее увеличение ее счастья. Но, будучи готов на все для нее, он хотел жить так, чтобы никто не тревожил его без надобности в нем, и не

---

[1] если вы уж [2] *Было:* по женскому вопросу [3] женщиною [4] *Вместо:* Катерина Васильевна села ∾ дней? — *было:* [она заменила теперь этим именем], — что ж, что я уж не думала об этом гораздо больше трех дней?

в силах был сделать исключения из этого даже для нее. Он хотел сделать это исключение, когда увидел, что она хочет этого; но это ему не удалось. Она много страдала от этого. Это неприятно.

— Я могла слышать от кого-нибудь эту историю? — спросила Катерина Васильевна.

— Может быть.

— Я еще не давала тебе ответа?

— Нет.

— Ты знаешь его?

— Знаю, — сказал Бьюмонт, и только теперь началась обыкновенная сцена,[1] какой следует быть между женихом и невестою, с поцалуями и объятиями.

XVI

На другой день, часа в три, Катерина Васильевна приехала к Вере Павловне.

— Я венчаюсь послезавтра, Вера Павловна, — сказала она, входя: — и ныне вечером привезу к вам своего жениха. Он очень любит вас обоих, — но вас, Вера Павловна, еще гораздо больше, чем Александра Матвеича.

— Нечего спрашивать, кто, — вы давно от него без ума. Бьюмонт,[2] — очень рада, Катерина Васильевна. Но во мне он разочаруется, когда увидит меня своими глазами в моем настоящем виде, а не вашими, в идеальном портрете.

— Разочаруется? едва ли, потому что он знает не идеальный ваш портрет, а саму вас, и не через меня, а сам, и[3] знает гораздо больше, чем я.

— Вот новость! — вы шутите? Как же это?

— Как? — Это я сейчас скажу. — Он с самого первого дня, как приехал в Петербург, очень сильно желал увидеться с вами, — но ему казалось, что лучше будет, если он отложит знакомство до той поры, когда приедет к вам не один, а с невестою или женою; ему казалось, что вам тогда будет приятнее видеть его с нею, нежели одного. Я даже не поручусь, что эта мысль не участвовала в его желании жениться.[4]

— Жениться на вас, чтобы познакомиться[5] со мною?

— На мне, — кто ж говорил, что на мне он женится для вас? — О нет, мы с ним венчаемся, конечно, сами для себя, а не для вас.[6] Но разве мы с ним знали друг о друге, что мы существуем на свете, когда он приехал в Петербург? Он ехал сюда с мыслью жениться, — вот в этом участвовало желание познакомиться с вами. ‹*л. 55*›

---

[1] *Далее было:* состоявшая в том [2] *Вместо:* Нечего ∾ Бьюмонт — *было:* — Бьюмонт, конечно? — нечего спрашивать, вы столько говорили о нем [3] *Далее было:* гораздо [4] *Далее было:* — Катерина Васильевна, что это вы говорите? [5] *Было начато:* знако‹миться› [6] *Далее было начато:* *а.* Но вообще, *б.* И разве он знал, когда приехал *в. Начато:* Да

— Он лучше говорит по-русски, нежели по-английски, — говорили вы? — с волнением спросила Вера Павловна.

— По-русски, как я; и по-английски, как я.

— Друг мой, Катенька, как же я рада! — и Вера Павловна бросилась обнимать свою гостью. — Саша, иди сюда! Скорее, скорее!

— Что, Верочка? Здравствуйте, Катерина Василь...

Он не успел[1] договорить ее имени, — Катерина Васильевна уж обняла[2] и поцаловала его.

— Ныне Пасха, Саша, — отвечай же Катеньке: воистину воскресе, — со смехом проговорила Вера Павловна.

— В таком случае, надо цаловаться три раза, исполним обычай, Катерина Васильевна. Но только что ж это все значит? Чем я заслужил? Тем, что люблю? — Так ведь это давно.[3]

— Садись, она расскажет, я сама еще ничего не знаю порядком, — сказала Вера Павловна.

XVII[4]

Вечером,[5] по требованию своих новых знакомых, рассказывая свою жизнь, Бьюмонт начал прямо с своего[6] приезда в Соединенные Штаты. Как только я приехал,[7] — говорил он, — я стал заботиться о том, чтобы поскорее получить натурализацию. Для этого я постарался сойтись с аболиционистами, — написал несколько статей для «Tribune» о влиянии крепостного права на[8] общественное устройство России, — через это сошелся с ними, — стал[9] гражданином Массачусетса. Вскоре по приезде — через них же — я получил место в конторе одного из немногих аболиционистов нью-йоркской биржи, — далее шла[10] та самая история, которую мы уж знаем. Значит, по крайне мере эта часть биографии Бьюмонта достоверна.

XVIII[11]

[Оба семейства [с самого первого дня жили] с того же самого дня стали очень близки. На первое время после свадьбы Бьюмонты пос‹елились›] [На заводе была квартира для управляющего, — и на первое время после свадьбы Бьюмонты поселились там, — это было что-то в роде исполненья [Северо-Американского об‹ычая›] англо-американского обычая, по которому молодые [прямо из-за] отправлялись путешествовать. Но, [они, не будучи американцами, долго не] переезжая туда, они не

[1] Но не успел он [2] обняла его [3] *Далее было:* Ах, не тем, того было бы [4] *Перед главкой: XVII — дата:* 2 март‹а›. [5] Рассказывая вечером [6] *Вместо:* с своего — *было начато:* с того, ч‹то› [7] По прие‹зде› [8] на всё [9] получил [10] началась [11] *XVIII главка, непосредственно следующая за беловой XVII и помеченная датой:* 3 март‹а›, *написана шифром и представляет собою обычный черновик. Помещаем ее здесь, как это сделано Чернышевским, и для полноты представления о характере работы над этой частью даем ее в транскрибированном виде.*

хотели долго оставаться за городом и поручили Кирсановым наблюдать, как ‹*не закончено*›]. [На заводе была квартира для управляющего, и Бьюмонты после свадьбы отправились туда, — но только на остаток лета [они хотели этим заме‹нить?›] как на дачу. Они хотели условиться с Кирсановыми, чтобы жить по-соседству. А осенью они наняли ‹*не закончено*›]. [Свадьба была летом. С того же самого дня оба семейства стали очень дружны.

В тот же вечер было заключено условие: на остаток лета Бьюмонты отправятся [по]жить на заводе]. [В тот же вечер было заключено условие: обоим семействам искать квартир, которые были бы рядом. В ожидании того, пока [это не так] они отыщутся и устроятся, Бьюмонты поехали на завод, где [была квартира устроена] по распоряжению была устроена квартира для управляющего. [Бьюмонт] Месяца через полтора, когда [квартира в городе отыскалась] отыскались удобные квартиры в той же Серг‹иевской› улице рядом, на квартире в заводе остался жить только Полозов. [Но зять почти каждое] [каждое утро, дочь] Дочь и зять почти каждый день приезжали [к нему] туда, а летом почти вовсе переселялись на завод, заме‹нявший› ‹*не закончено*›] [Об‹оим›] В тот же вечер условились: обоим семействам искать квартир, которые были бы рядом. В ожидании того, пока [это исполнится] удобные квартиры отыскались и устроились, Бьюмонты пожили на заводе, где [была квартира] по распоряжению фирмы была отделана квартира для управляющего, — [а когда месяца через два] и это удаление за город [заменившее] могло считаться соответствующим путешествию [которое ан‹гличане› делают], в которое отправляются молодые по англо-американскому обычаю. Месяца через [два] полтора [квартира была отыскана] две квартиры рядом были отысканы [и после того жизнь пошла порядком, так что и] [когда на з‹аводе›]. Старик Полозов предпочел остаться на заводской квартире [огромность], простор которой [напоминал ему время] хоть в слабой степени напоминал ему время его величия [притом можно]. Каждый день поутру приезжает к нему в гости дочь, вместе с мужем [которому постоянно надобно было бывать на заводе]. Он по своим делам, она вместе с ним. На лето [они переселяются] они и вовсе переселяются на завод, который заменяет им дачу, а в остальное время года старик, кроме того, что видит у себя дочь и зятя, часто имеет удовольствие принимать у себя гостей, потому что завод служит [целью] обыкновенно целью очень частых поездок за город. Он бывает очень доволен каждым таким пикником, — как же иначе? [он тут им распоряжается] Ему принадлежит роль гостеприимного хозяина.

Так и шла — ладно и дружно, тихо и шумно, весело и дельно — жизнь двух семейств, так идет она и теперь [как она идет] [так бы идти]. Но мои герои и героини люди еще молодые, деятельные [полные сил и — потому [надеюсь, — уверен] читатель не имеет никакого основания ждать, что мой рассказ о них кончен развязкою — ведь это только

первая часть истории, ведь это только первая часть их жизни, не больше. [У живых и дельных людей, окончание одной <*нрзб*>. служит только] и я вовсе не хочу кончать свой рассказ о них — этим известием, что они [сж<ились?>] [нашли себя] [живут] наслаждаются в двух квартирах рядом на Сергиевской улице, — о, я имею рассказать о них еще многое, гораздо интереснее, чем всё, что рассказывал до этого [и я это рассказал] и мой рассказ] и их жизнь, ладно и дружно, тихо и шумно, устроившись хорошо для них, вовсе не [потеряла своего интереса] перестала быть интересною, — нет, я имею рассказать о них многое [еще гораздо интереснее, более интересное], очень многое, и уверен, что продолжение моего рассказа о них покажется публике занимательнее того, что я рассказал ей о них до сих пор. [Сначала, вместо предисловия, скажу несколько слов о моих героях]

Каждое из двух семейств живет по-своему, — на одной половине больше шума, на другой больше тишины [конечно <*текст поврежден*> так приятнее. Это]. Катерина Васильевна [занята больше Веры Павловны] [устроила] давно устроила свою особую мастерскую и много заменяет Веру Павловну в ее мастерской [потому что в последнее], а скоро и почти вовсе заменит, потому что в нынешнем году Вера Павловна — простите ей — действительно будет держать экзамен на медика, и тогда ей уж вовсе некогда будет заниматься мастерской. [Что затем? Затем] Катерине Васильевне [к счастью] не нужно искать средств [она была бы состоятельна, — она не имела]: она не захотела иметь приданого, но у ее отца есть капитал, достаточный для обеспечения ее и обеспечения независимости — тем лучше.

И вот они все живут, работают и отдыхают и веселятся и смотрят на будущее если не без забот, то с твердою и совершенно основательною уверенностью, что чем дальше, тем лучше будет. — Так прошло около трех лет, и пришел и идет нынешний 1863 год. И вот, [весна] зима нынешнего года. <*л. 55 об.*>

Был уже 1863 год, снег начинал таять, зимняя дорога портиться, и Вера Павловна спрашивала: да будет еще хоть один морозный день, чтобы еще раз до летн<его переезда?> на завод устроить зимний пикник туда? — и никто не мог отвечать на ее вопрос, только день проходил за днем всё с оттепелью, и с каждым днем вероятность зимнего пикника уменьшалась. Но вот — наконец! Когда уже почти была потеряна надежда! 7° холода в 5 час<ов> дня — пикник, пикник!

Пикник состоял из двух саней. Одни сани катились с болтовнею и шутками, другие сани держали себя уже решительно из рук вон: то ехали шагом и отставали на четверть версты, то пускались вскачь и обгоняли с криком и гиканьем. Когда обгоняли, то бросали снежками в веселые, но не буйные сани, — и небуйные сани после двух-трех таких обид решились защищаться, — пропустивши буйные сани вперед, сами остано-

вились, наскоро набрали несколько горстей снега и поехали по-прежнему, коварно не показывая никакого вида, что запаслись оружием, — буйные сани уже снова ехали шагом, — теперь другие проехали мимо них смирно и притаили свой умысел, — вот буйные сани снова понеслись с гвалтом и гиканьем, — на небуйных санях приготовились к отпору сюрпризов, — но что это такое? Коварство против коварства! Буйные сани берут вправо, проносятся на расстоянии пяти сажен и насмешливо посылают прощальные поцалуи к другим саням: друзья, обманули, догоним, отмстим прошлые обиды! Отчаянная скачка: догонят или нет?

— Догоним! с восторгом говорят небуйные сани. Нет! с отчаянием говорят они, — догоним! с новым восторгом говорят они.

— Догоняют! с отчаянием говорят буйные сани. Погоняйте! с восторгом говорят они. — Догонят или не догонят?

На небуйных санях сидели Кирсановы и Бьюмонты, на буйных — четыре человека молодежи и одна дама, и от нее всё буйство буйных саней. Она уже стоит на площадке подъезда завода: здравствуйте, mesdame и messieurs, мы очень, очень рады снова видеть вас, — говорит дама, сидевшая в буйных санях, — господа, помогайте же дамам выйти из саней, — прибавляет она, обращаясь к своим спутникам. Скорее, скорее в комнаты, мороз нарумянил всех.

— Здравствуйте, старикашка, — да он у вас вовсе еще не старик, Катерина Васильевна, — что это вы мне про него наговорили? Он еще будет за мной волочиться! Будете, милый старикашка? — говорит дама других саней.

— Буду, — говорит Полозов.

— Дети, позволяете ему волочиться за мной?

— Позволяем! — говорит один из молодежи.

— Нет, нет, — говорят трое других.

Но почему же дама других саней вся в черном? Траур это, или нет?

— Все-таки я устала, — говорит она.

— Вы и нас замучили, — говорит Катерина Васильевна.

— Как меня разбила скачка за вами по ухабам! — говорит Вера Павловна.

— Хорошо, что до завода оставалась только одна верста! — говорит Катерина Васильевна.

— Садитесь отдохнуть, — говорит Вера Павловна. Дама в трауре уже села в углу широкого дивана, который идет по двум стенам зала — с одной стороны садится Кирсанов, Вера Павловна усаживается на колени к нему — с другой стороны садится ‹2 *нрзб.*› подле Бьюмонта — Катерина Васильевна обняла мужа. Полозов суетится над питьем и закуской. Молодежь подала закуски своей даме и Катерине Васильевне, придвигая себе кресла к дивану.

— Расскажите ваши истории, mesdames, — вы обещали, — говорит дама в трауре, управившись с подушками, — теперь хорошо, я слушаю.

— Прогоните ваших рабов, — говорит Кирсанов.

— Разве это секрет? — вероятно Вера Павловна.

— В таком случае, господа, расстанемтесь, — отправляйтесь на тот диван, — говорит дама в трауре молодежи, указывая на противоположный конец комнаты. Все четыре раба вздыхают, возводят глаза к небу, и один говорит: [1] <если бы мы> предвидели это, мы взяли б с собою кинжалы, а теперь мы не можем заколоться.

— Когда принесут закуску, заколемся вилками, — говорит другой. — Двое других [2] с чувством жмут <руки> и говорят: благодарим за прекрасную мысль. — Все четверо уходят в другой угол комнаты.

— Какой она молодец! — серьезным тоном тихо говорит один из них,[3] когда они усаживаются в этом другом углу комнаты.

— Да, ты правду говорил про нее, — замечает второй, обращаясь к одному из остальных, — молодец,[4] молодец.

— Я был уверен, когда уж он сказал,[5] что молодец, он даром не похвалит, — говорит третий.

— Хорошая женщина, — говорит тот, рекомендация которого найдена[6] справедливой.[7]

В другом углу зала: [8]

— Начинай, Чарли, начало твое.[9]

— Как же мне начинать, Верочка? Я ничего не знаю, я человек приезжий, — говорит Бьюмонт.

— Когда он не хочет, то я за него, — говорит Катерина Васильевна, обращаясь к даме в трауре. — Что с вами? — прибавляет она в испуге.

— Что с вами? — говорит Кирсанов.

— Чарли, воды! — говорит Катерина Васильевна.

— Нет, это ничего, — говорит дама, — это сейчас пройдет,[10] прошло, только теперь я не могу вас слушать, — пожалуйста, не говорите об этом, мне совестно, [11] — говорит дама в трауре, — через пять минут:

---

[1] *Рукопись с текстом:* Был уже 1863 год ∾ говорит — *утрачена, и он воспроизводится здесь по копии М. Н. Чернышевского* (*ЦГАЛИ*). [2] Все [3] *Далее было:* подходя [4] *Далее было:* по двое все один за другим [5] похвалил [6] была найдена [7] *Вместо:* Я был ∾ справедливой — *было:*

— Он ее не стоит, — говорит первый.

— Отчего? Он хороший человек, — говорит второй.

— Кто ж говорит — нехороший? — говорит первый, — хороший, не стоит ее

— А я бы тебя попросил указать мне человека, который бы ее стоил, — говорит тот, кто был с нею знаком раньше.

[Ну ты уж] — Уж будто и людей нет, — говорит третий.

— Укажи.

— Конечно, не стоит, — говорит третий, но не в этом дело, а как находишь все это?

— [Как следует] Что тут находить? — говорит четвертый. Отлично дурно, следовательно отлично! — все хохочут. [8] комнаты [9] *Далее было:* говорит Вера Павловна. [10] *Далее было:* только позвольте мне на [несколько] минуту [встать уйти [11] пожалуйста ∾ совестно *вписано.*

— Господа рабы! — кричит она, — ко мне![1] Дама в трауре идет к рояли.[2] — Вы были огорчены моею жестокостью,[3] — мне стало жаль вас — я хочу вас утешить — что бы вам спеть?[4] Ах, вот что! — и она запела, стараясь выводить ноты как можно визгливее и сантиментальнее:

Стонет <*в рукописи пропуск*> дружо<чек>

Все[5] зажимали рты,[6] чтоб не фыркнуть от смеха,[7] голос дамы задрожал в самом деле.

— Не удается, господа, — надобно что-нибудь другое, — а между прочим вот вам[8] мое материнское наставление: не влюбляйтесь и знайте, что вам не должно жениться, — я вам спою:

Много красавиц <*в рукописи пропуск*> — Но веселей молодецкая воля.

— Этот стих[9] не годится, нужно бы другой, но это все равно, вы понимáете, — а вот дальше хорошо:

Не женися <*в рукописи пропуск*> меня...

— Дальше глупость,[10] не стоит петь. Впрочем, господа, и влюбляться можно, и жениться можно, — только с разбором, и без обмана. Тогда нельзя будет жалеть. Я вам спою про себя, как я выходила замуж. Романс старинный — но ведь и я старуха.[11]

— Я шотландка, дочь барона, я сижу в балконе, в нашем замке — Дальтоне,[12] подле лес и река Брингал. К балкону[13] подходит мой жених[14] — он бедный человек, а я богатая, но я его люблю, и я пою:

Я убегаю с тобой из моего замка, —

— Что ж он отвечает мне? как вы думаете? — Вот что поет он:

Ты хочешь <*в рукописи пропуск*> сан

— Ведь я вам говорила — я знатная дочь шотландского барона, — я очень похожа на дочь шотландского барона, не правда ли? такая беленькая, белокурая?[15]

Но раньше <*в рукописи пропуск*>

— Он рассказывает мне, господа, кто он — он разбойник, — что ж, ведь и это правда, господа.[16]

О дева, друг недобрый я,
Глухих <*в рукописи пропуск*> конец

---

[1] за мной! [2] фортепьяно [3] моим изгн<анием> *После:* жестокостью — *было начато:* я хочу утешить [4] *Далее было:* Да что вас спрашивать? [5] Все захо<хотали> [6] *Далее было:* платками [7] *Далее было:* но голос вдруг [8] Ах вот что ∞ вот вам *вписано.* [9] *Далее было:* теперь я бы спела [10] вздор [11] Как я выходила ∞ старуха *вписано.* [12] *Далее было:* но романс говорит [13] к замку [14] *Далее было:* я пою: возьми меня [15] *Далее было:* Опять все смеются: — не может быть этого [16] *Далее было:* Он разбойник — она печальна была

— Но я все-таки отвечаю: все-таки я иду с тобою на всё. И пошла. Так, можно и жениться. Только умейте выбирать.

Месяц встает
И тих и спокоен ‹*л. 54 об.*›

в такую можно влюбиться, на такой жениться, такую любить разрешаю и благословляю, дети, это хорошо, это всему помогает, — раскрывайте сердце для жизни, французы говорят: il a du cœur, это значит: он честен и не трусит, так, это дает силу.

Мой милый, смелее вверяйся ты року! —

развеселилась с вами, господа, —

Гей, шинкарка —

кто будет — мне шампанского — Вера Павловна, Катерина Васильевна, кто из вас? — дама в трауре протянула к ним руку, как бы за стаканом.

— Меду, теперь не нужно это только потому, что слова из песни не выбросишь, давайте шампанского — полстакана.

А шинкарка что говорит:
Коли ты женатый, то иди до дому,
Коли ж не женат, останься со мною.

Видите, господа, шинкарка еще существо нравственное — как нравственно рассуждает: если ты женат, ступай домой.

— Благодарю, Кирсанов. Господа, чье здоровье пить?

— Ваше, ваше! пейте свое здоровье!

— Это за мои советы вам? Хорошо —

Да разлетится горе в прах!

И разлетится.

И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца.

Пью свое здоровье! Извольте оставаться здесь и пойте — я приказываю, — я пойду слушать. Теперь всё прошло — пойте, да хорошую песню.

Один из молодежи сел за фортепьяно, — господа, ведь ее нельзя петь ‹*нрзб.*› песню, надо уж в самом деле хорошо, — вот припев:

Iuch he —

я буду соло — и подтяните припев:

Iuch he

и все вчетвером грянули:

Ich hab...

— Что это за нигилист такой?

Ну теперь знаете? — Гете

Und mir

Хор:

Iuch he

Я еду к моему ‹*нрзб.*› сама — как? — говорила Вера Павловна на другом диване, в конце зала.

— Так? Молодец, Вера Павловна! дама в трауре хлопнула в ладоши, господа, сюда не подходить, но аплодировать оттуда.

— Ура, — раздались и аплодисменты.

— А чему мы аплодируем? — Ну да кто ж их знает? Только если он велел, так верно чему-нибудь хорошему, — молодец он — молодец, молодец! А как же об этом думаете? А жалко ее! Что делать! Без этого нельзя!

— Конечно нельзя, а жаль.

— Что жалеть? Сама говорит: молодец.[1]

— Однако вы наделали много вздору, — сказала дама в трауре,[2] — теперь умнее? [3] А ведь это все ужасно забавно! [4]

— Ты знал его?

— Немного.[5] Но точно, это человек, — вот как она.

— Вот бы пара.[6]

— Такие люди парами не живут.[7] Каждый из них должен командовать. Двум командирам нужны разные команды. Им под пару нужны смирные.

— Правда. А где он теперь?

— Говорят, в последний раз видели между Веной и Мюнхеном, говорят, что через год уедет в Америку.

— Бьюмонт не встречал его там?[8]

— Нет.

— Так и неизвестно, где?

— Неизвестно.

— А пора б ему воротиться!

— Да, пора.

— Не беспокойтесь, не пропустит своего времени.

— Да, а если ‹не› возвратится?

— Так что ж?[9] За людьми никогда не бывает остановки, если будет им дело; — найдется другой, — был бы хлеб, а зубы будут.

— А мельница мелет, сильно мелет! Готовит хлеб!

Так проходит [10] вечер, — пора по домам!

— Позвольте еще тост, — сказала дама в трауре ‹*л. 54*›

---

[1] *Рукописный лист с текстом:* в такую можно влюбиться ∾ молодец — *утрачен и воспроизводится по копии М. Н. Чернышевского* (*ЦГАЛИ*). [2] *Далее было:* хорошо что [3] *Вместо:* Однако ∾ умнее — *было: а. Начато:* Итак *б.* Да что это? и вы поднимали такой шум! говорила дама в трауре. — Из таких пу‹стяков?› [4] *Далее было:* — Где он теперь? — Говорят, в последний раз видели подле Вены, потом он хотел ехать в Америку. — Ему бы пора воротиться [5] *Далее было:* но довольно, чтобы сделать [6] *Далее было:* Они мне милы и в одиночку [7] *Далее было:* сожгут друг друга, да ведь она много старше? — Это ничего. [8] *Вместо:* Бьюмонт ∾ там? — *было:* Он его не в‹стречал?› [9] *Далее было:* Ты знаешь, свято место не бывает пусто, был бы хлеб, а зубы будут. [10] прошел

ДОПОЛНЕНИЕ

ЗАМЕТКА ДЛЯ А. Н. ПЫПИНА И Н. А. НЕКРАСОВА

Если бы у меня был талант, мне не было бы надобности прибегать к таким эффектцам в стиле Александра Дюма-отца, автора Монте-Кристо, как пришивка начала второй части романа к хвосту первой. Но при бесталанности это дозволительно и пользительно. — Вторую часть я начну писать не скоро, — в ней новые лица, на градус или на два повыше, чем в первой; потому надобно дать пройти несколько времени, чтобы Вера Павловна с компаниею несколько сгладились в памяти, чтобы новые лица не сбивались на старые, — например, дама в трауре на Веру Павловну. — Итак, вторая часть будет готова к печати осенью или зимою, следовательно пройдет правдоподобный срок со времени пикника, с которого начинается действие второй части; оно идет очень быстро, всего с месяц. Общий план второй части таков: дама в трауре — та самая вдова, которая была спасена Рахметовым в третьей главе. Она, видите ли, убивается из-за любви к нему. И сей герой взаимно. Кирсановы и Бьюмонты, открыв таковую нежную страсть, лезут из кожи вон помочь делу. И отыскивают оного Рахметова, уже прозябающего в Северной Пальмире. С разными взаимными объяснениями обоих сих любящихся свадьба устроивается. — Из этого видно, что действие второй части совершенно отдельно от первой и что первой части только искусственно придан вид недоконченности прибавкою пикника. — Но я очень дорожу этою прибавкою и шестою главою как беллетристическою хитростью.

Общая идея второй части: показать связь обыкновенной жизни с чертами, которые ослепляют эффектом неопытный взгляд, — изложить истину, что у Наполеона или Лейбница тоже, как и у всех людей, были две руки, две ноги, нос, два уха, а не то что уж пять голов, как у Брамы, или сто рук, как у Шивы. — У меня так и подделано: и Рахметов, и дама в трауре на первый раз являются очень титаническими существами; а потом будут выступать и брать верх простые человеческие черты, и в результате они оба окажутся даже людьми мирного свойства и будут откровенно улыбаться над своими экзальтациями.*

4 апреля 1863. Н. Чернышевский.

---

* *Первоначально:* раскаяться в своих экзальтациях.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Г. Е. Тамарченко

«ЧТО ДЕЛАТЬ?» И РУССКИЙ РОМАН ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Наследие Чернышевского-романиста стало предметом специального историко-литературного изучения сравнительно поздно. После выхода романа «Что делать?» вспыхнула ожесточенная полемика — не только критико-публицистическая, но и беллетристическая, длившаяся несколько лет; однако после этого в течение ряда десятилетий о Чернышевском в легальной печати возможны были лишь глухие упоминания и намеки.

Расширение цензурных возможностей после революции 1905 г. позволило сыну писателя, М. Н. Чернышевскому, выпустить первое Полное собрание сочинений, куда вошли оба романа— «Что делать?» и «Пролог». Об этих романах писали тогда не так уж много. Авторы, близкие к «Вехам», как известно, ставили под сомнение не только художественную, но и общественную ценность романов Чернышевского.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда ученым стали доступны материалы, захороненные в секретных архивах или сохранившиеся в частных собраниях, стало возможно научное изучение Н. Г. Чернышевского-беллетриста. Из тех, кто стоит у истоков такого изучения, следует выделить два имени — А. П. Скафтымова и А. В. Луначарского.

А. П. Скафтымов еще в 20-х годах в своих работах, посвященных «Что делать?», поставил этот роман в широкий историко-литературный контекст, рассмотрев его в отношении к западноевропейскому роману (в частности, к Жорж Занд).[1] В его же работах 30—40-х годов были впервые исследованы незавершенные беллетристические произведения Чернышевского.[2] Тем самым роман «Что делать?» был поставлен в связь с даль-

---

[1] А. П. Скафтымов. 1) Роман «Что делать?». — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926; 2) Чернышевский и Жорж Занд. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928.

[2] А. П. Скафтымов. 1) Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Саратов, 1939; 2) Сибирская беллетристика Н. Г. Чернышевского. — Уч. зап. Сарат. пед. ин-та, вып. 5, 1940.

нейшей эволюцией Чернышевского-беллетриста. По справедливому замечанию Е. И. Покусаева, «в обобщающих трудах саратовского ученого были обозначены самые главные аспекты и направления исследований художественного творчества» писателя.[3]

По сей день сохранили свое значение также статьи А. В. Луначарского 1928 и 1932 гг.,[4] где был уже поставлен вопрос об особой роли «Что делать?» в развитии русского романа и о значении его для нашей современности. Вполне современный интерес заключают в себе мысли А. В. Луначарского о композиционном и о жанровом своеобразии «Что делать?» как интеллектуального романа: «Самому *типу* того романа, который нам нужен, мы можем у него учиться. Неправда, будто Чернышевский не воспитывает, будто ум у него все вытесняет. Чернышевский, конечно, рационалист, конечно, интеллектуальный писатель, конечно, умственные сокровища, которые лежат в его романах, имеют самое большое значение; но он имеет силу остановиться на такой границе, когда эти умственные сокровища одеваются плотью высокохудожественных образов. И такого рода *интеллектуальный роман*, может быть, для нас важнее всякого другого».[5]

С тех пор появилась громадная научная литература о Чернышевском-беллетристе — о романе «Что делать?» в частности и в особенности. Поэтому здесь стоит остановиться только на тех аспектах, которые сегодня стоят на очереди — требуют осмысления (или переосмысления) на уровне современных требований литературной науки.

1

К форме романа Чернышевский впервые обратился после десяти лет интенсивной литературно-журнальной работы — лишь тогда, когда возможности критико-публицистической деятельности были для него исключены арестом и заключением в Петропавловскую крепость. Отсюда и возникло распространенное представление, будто бы беллетристическая форма была для Чернышевского вынужденной и служила лишь для того, чтобы довести свои идеи до широкой аудитории, не имеющей специальной подготовки. Такой взгляд (разделявшийся в свое время автором этих строк) [6] заключает в себе некоторое упрощение, сводя задачу Чернышевского-ро-

---

[3] Е. И. Покусаев. От редактора. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 6. Саратов, 1971, стр. 5.

[4] А. В. Луначарский. 1) Н. Г. Чернышевский как писатель. — Вестник Коммунистической академии, 1928, кн. 30; 2) Романы Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Избранные произведения, т. 5. М.—Л., 1932.

[5] А. В. Луначарский. Русская литература. М., 1947, стр. 178. (Курсив мой, — *Г. Т.*).

[6] Гр. Тамарченко. Романы Чернышевского. Саратов, 1954, стр. 11. См. также: Н. Богословский. Н. Г. Чернышевский. 1828—1889. М., 1955, стр. 444 и работы других авторов.

маниста к чистой иллюстративности. Арест, может быть, ускорил обращение Чернышевского к роману, поскольку на воле прямая публицистическая пропаганда революционно-демократических идей представлялась ему более неотложным делом, чем беллетристическая деятельность, к которой его тянуло еще с юности. Но само обращение к жанру романа было вызвано ходом идейно-творческой эволюции писателя, которая привела его к новой проблематике, требовавшей именно художественной разработки.

По статьям Чернышевского, написанным и опубликованным в последний год перед арестом, нетрудно проследить, как возникала и усложнялась эта новая проблематика. В статье «Не начало ли перемены?» поставлены вопросы, связанные со значением субъективного фактора в истории в предстоящем революционном кризисе. Чернышевский выделил две стороны этой проблемы: об особенностях психологии народных масс в моменты серьезных исторических кризисов и о новом типе личности, сформированном в разночинской среде. Разумеется, обе стороны дела для Чернышевского неразрывно между собою связаны.

Эзоповская форма выражения политических и организационных идей Чернышевского — форма «психологических размышлений», рассуждений об «исторической психологии» — не была чистой условностью или метафорой. Она была глубоко содержательна, ибо подводила автора к новой для него проблематике. На «аналогиях» между законами психологии и законами истории построена вся статья «Не начало ли перемены?». В этих «аналогиях» развита мысль о *взаимозависимости* истории и психологии, о том, что от уровня интеллектуального и духовно-психологического развития людей наиболее передового общественного слоя в значительной мере зависит ближайший ход исторических событий — то или иное разрешение очередного узла социально-политических противоречий.

Не случайно итоговая, заключающая статью мысль — это мысль о путях формирования новой среды и нового типа интеллигентного труженика, который способен близко принимать к сердцу интересы простонародья, да и самим простонародьем воспринимается как свой человек: «Его сиволапые собеседники не делают о нем такого отзыва, что вот, дескать, какой добрый и ласковый барин, а говорят о нем запросто, как о своем брате, что, дескать, это парень хороший и можно водить с ним компанство. Десять лет тому назад не было из нас, образованных людей, такого человека, который производил бы на крестьян подобное впечатление. Теперь оно производится нередко <...> Образованные люди уже могут, когда хотят, становиться понятны и близки народу. Вот вам жизнь уже и приготовила решение задачи, которая своею мнимою трудностью так обескураживает славянофилов и других идеалистов».[7]

[7] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16 томах, т. VII. М., 1950, стр. 899. — Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, указываются лишь том и страница.

В случае стихийного возмущения масс весь успех дела, по мысли Чернышевского, будет зависеть от наличия или отсутствия такого рода «новых людей»: от их количества и сплоченности, от степени готовности разночинной интеллигенции возглавить стихийное движение — внести элементы сознательности и организации в назревающий взрыв крестьянского недовольства.

Как видим, работая над статьей об Н. Успенском, Чернышевский уже ясно ощутил тему своего будущего романа. Процессы зарождения нового социально-психологического типа, новой этики и психологии, новой среды — это была проблематика, требовавшая не публицистического, а художественного выяснения, не теоретических выкладок, а беллетристического анализа человеческих взаимоотношений, характеров и судеб, т. е. *литературного сюжета*.

Таким образом, к форме романа Чернышевского привела внутренняя логика его собственной идейной эволюции. Роман «Что делать?» — отнюдь не простая иллюстрация тех политических и организационных идей, которые были уже высказаны Чернышевским в его критике и публицистике, включая статью «Не начало ли перемены?». Роман стал той формой, в которой волновавшие его проблемы получили дальнейшую разработку, а идеи — проверку, уточнение и углубление.

Кроме того, в процессе работы над «Что делать?» перед Чернышевским встал целый ряд новых проблем, кардинальных для духовных и практических судеб русской разночинной интеллигенции. Чернышевский едва ли не первый подверг художественному анализу такие явления, как стремительно возросшая роль идей в общественной жизни, а в соответствии с этим — возрастающая роль мысли в психологии и в поведении отдельного человека.

После «Что делать?» проблема соотношения мысли и чувства, сознательного и стихийного начал в душевной организации и поведении человека оказалась в центре художественных интересов эпохи.

2

Как было отмечено еще А. В. Луначарским, повествование в романе «Что делать?» развертывается таким образом, чтобы картина эпохи воспринималась в ее историческом движении и перспективе: в нерасторжимой связи прошедшего, настоящего и будущего. Эта связь времен не только формулирована в публицистических отступлениях и в разговорах с «проницательным читателем», но воплощена и в сюжетной структуре романа: в движении событий и взаимоотношений между героями.

Причудливая и по-своему целостная сюжетная структура «Что делать?» складывается из нескольких сюжетов, относительно самостоятельных. Они весьма своеобразно сплетены между собой не только движением авторской мысли, но и судьбой центральной героини — Веры Павловны Розальской-Лопуховой-Кирсановой. Поставив в центре сквозного сюжета наиболее

тяжкий случай (поскольку для женщины восхождение из «трущоб» к сознательной общественно-трудовой деятельности было куда труднее, чем для мужчины), Чернышевский тем самым еще раз подчеркивает, что предлагаемая им программа действия («Что делать?») доступна *каждому* разумному человеку разночинской среды.

Начало романа строится на вполне традиционном сюжетном мотиве: насильственное сватовство «дрянного», но богатого жениха к хорошей, но бесправной девушке; зависимость ее от «пошлых людей» в родном семействе грозит гибелью героине. Эта вполне традиционная исходная ситуация получает, однако, вовсе не традиционную, не предвиденную Марьей Алексеевной развязку, благодаря тому что среди людей старого мира все чаще встречаются люди иного типа, названные Чернышевским «обыкновенными новыми людьми». Развязка традиционного сюжета о «пошлых людях» становится *завязкой* главного сюжета: своим замужеством Вера Павловна пробивает брешь в неподвижной системе устоявшегося жизненного уклада и делает первый шаг навстречу своей судьбе. Это стало возможно лишь потому, что внесословная демократическая интеллигенция уже образует свой особый общественный круг.

Сложная семейно-бытовая коллизия, возникшая во взаимоотношениях Веры Павловны с Лопуховым и Кирсановым, способ разрешения этой коллизии, найденный Лопуховым, рассматривается обычно в литературе о Чернышевском как сюжетное содержание романа «Что делать?». Естественно, это звено сюжета изучено наиболее полно. Поэтому здесь стоит остановиться лишь на тех моментах, которые расходятся с общепринятым истолкованием.

Вопреки распространенному мнению, Н. Г. Чернышевский и его положительные герои отнюдь не устанавливают никаких «правил поведения», пригодных для любого случая жизни: «В этом нет решительно никакой ни крайности, ни прелести, чтобы все жены и мужья расходились, ведь вовсе не каждая порядочная женщина чувствует страстную любовь к приятелю мужа, не каждый порядочный человек борется со страстью к замужней женщине, да еще целых три года, и тоже не всякий бывает принужден застрелиться на мосту или (по словам проницательного читателя) так неизвестно куда пропасть из гостиницы. Но каждый порядочный человек вовсе не счел бы геройством поступить на месте этих изображенных мною людей точно так же, как они <...> и много раз поступал не хуже в случаях не менее или даже и более трудных» (наст. изд., стр. 233; в дальнейшем указывается только страница).

Единственное «правило» нравственной жизни, признаваемое героями Чернышевского, вовсе не открытие романиста; оно опирается на многовековую традицию нравственной культуры: счастье для «порядочного человека» заведомо невозможно, если оно достигнуто за счет другого человека. Именно из-за этого Кирсанов «борется со страстью к замужней женщине, да еще целых три года». Из-за этого Лопухов застав-

ляет Кирсанова прекратить борьбу. Это же «правило» заставляет Веру Павловну негодовать против собственного сердца и долго не признавать факта своей любви к приятелю мужа. Как видим, усилия героев романа направлены в противоположные стороны, так что возникает традиционный конфликт разнонаправленных воль. Но эти усилия одинаково продиктованы заботой о *другом*. Такого рода борьба как раз и является нравственной *нормой* для «новых людей» Чернышевского. Здесь, повторяем, романист еще не вносит никаких новаций в историю нравственной культуры.

Оригинальность этики Чернышевского начинается там, где само это «правило» становится уже и не правилом, а органической душевной *потребностью* его героев — нравственной природой отношений, возникающих лишь на очень высоком уровне душевного и умственного развития. Любовь, по Чернышевскому, — это и есть способность «радоваться тому, что хорошо» для любимого. А раз так, то стремление «не быть причиной несчастья» для другого уже не является требованием отвлеченного долга и не является «жертвой»; то и другое, по убеждению Чернышевского, равноценно нравственной фальши и порождает только ханжество.

Предварительным условием *этики* любовных отношений является в «Что делать?» *наличие* любви, понятой как страстная преданность интересам жизни и счастья другого человека или других людей: высокий нравственный уровень чувства является основанием и почвой этической «теории расчета выгод» (весьма неточно называемой «теорией разумного эгоизма»). Она нужна героям «Что делать?» лишь для того, чтобы *не ошибиться* в понимании ситуации и подлинных интересов, подлинных потребностей близких, а значит — и своих собственных.

«Игра эгоизма», выдающая желаемое за реальное, противоречивость чувства, столь присущая человеку в противоречивых обстоятельствах, легко может толкнуть к ошибочному решению, которое приведет к непредвиденным, не соответствующим намерению результатам. Герои Чернышевского — «рационалисты», люди, верящие в безграничные возможности разума; при помощи вдумчивого анализа и самоанализа они стремятся избежать столь обычного расхождения между «благими намерениями» и жизненными результатами, так как сознают себя морально ответственными не только за свои побуждения, но также и за жизненные результаты своих поступков.

Эти уточнения важны не только потому, что как раз этическая теория Чернышевского ничуть не устарела до наших дней; в этике Чернышевского скрыт ключ к пониманию особенностей психологизма в романе «Что делать?». Романист менее всего склонен к тому схематизму, который основан на игнорировании психологических противоречий. Но «диалектику души» (недаром это ставшее классическим определение художественной силы Л. Н. Толстого принадлежит именно Чернышевскому) он не воспроизводит в ее непосредственном движении (как это вполне удавалось лишь

Толстому), но подвергает рациональному анализу. Его «новые люди» приходят к своим умозаключениям и практическим решениям путем нелегкой душевной работы, вдумчивого и разумного учета душевного состояния и коренных интересов *всех* участников возникшей (единственной и неповторимой) ситуации. Лишь в борьбе противоречивых чувств и суждений они приходят к «оптимальным» решениям — к тому, что в сложившейся ситуации отвечает их «выгоде», потому что обеспечивает максимум возможного счастья тем, кого они любят.

Живое зерно психологизма Чернышевского-романиста и его «теории расчета выгод» заключается в необходимости этического творчества, предполагающего высокий уровень эмоциональной и интеллектуальной культуры человеческих отношений. Этическая теория романиста не может быть верно понята вне присущих ему особенностей психологизма, вне художественной природы интеллектуальной прозы Чернышевского вообще.

В этой связи необходимо еще одно уточнение. Распространено мнение, что Чернышевский развивает свои этические идеи именно в сфере личных — семейных и любовных — отношений вследствие цензурной невозможности раскрыть этику «новых людей» в их прямом общественном действии. Это не совсем так. Душевному опыту, накопленному в *личных* привязанностях, Чернышевский отводил важнейшую роль в формировании *общественных* чувств и стремлений: именно они подготавливают человека (биографически и исторически) к тому, чтобы общественные связи и стремления становились содержанием личного душевного мира.

Полюбив Лопухова, Вера Павловна «от мысли о себе, о своем милом, о своей любви перешла к мыслям, что всем людям надобно быть счастливыми и что надобно помогать этому скорее прийти. Это одно и натурально, одно и по-человечески...». Чернышевский считал это не особенностью его героев, но общим законом человеческой психологии. Пятнадцатью годами позднее в одном из писем к сыновьям он возвратился к мысли о значении непосредственно личных, в частности семейных, привязанностей как источника любви к человечеству, как условия развития человечности в людях: «Никто не может думать о миллионах, десятках, сотнях миллионов людей так хорошо, как следовало бы. И вы не в силах. Но все-таки часть разумных мыслей, внушенных вам любовью к вашему отцу, неизбежно расширяется и на множество, множество других людей. И хоть немножко переносятся эти мысли и на понятие „человек" — на всех, на всех людей <...> Любя кого-нибудь честным чувством, мы больше, нежели было бы без того, любим и всех людей. Такова-то научная истина о всех честных и добрых личных чувствах: это чувства, имеющие непреодолимое свойство расширяться с любимого нами человека на всех людей.

И теперь не засмеемся ли мы, если нам попадется в какой-нибудь ученой книге глупость такого сорта: „семейная любовь — чувство узкое". Это совершенно не научная мысль, при научном анализе оказывающаяся бессмысленным сочетанием слов» (XV, 173).

По мысли Чернышевского, сила и глубина личных привязанностей — необходимая школа, в которой только и может развиваться настоящая любовь к человечеству. Без опыта любви, без способности к личным привязанностям сама «любовь к человечеству» оказывается не действительной душевной силой, а чем-то умозрительным — пустой абстракцией, которая легко сочетается на практике с деспотизмом, бессердечностью, жестокостью. Не случайно в «Четвертом сне Веры Павловны» картинам социалистического будущего предпослан своеобразный очерк истории «очеловечения» любовных отношений между мужчиной и женщиной, которым в свое время так восхищались Меринг и Луначарский: по мысли Чернышевского, без исторического обогащения и роста душевной культуры, которая наиболее прямо и непосредственно сказывается именно в отношениях полов, невозможна и новая организация общества, свободная от эксплуатации и унижения человека человеком.

Вот почему семейно-психологический сюжет и является сквозным сюжетом романа; это вызвано не только внешними цензурными соображениями, но и существом замысла.

Противоречивость просветительского мировоззрения Чернышевского в его романе сказалась явственнее, чем в публицистике и критике. Некоторые слабые стороны романа связаны с непоследовательностью его концепции человека, с ограниченностью просветительского материализма. Это проявилось, например, в трактовке индивидуального своеобразия характеров, которое, по мысли Чернышевского, проявляется не в труде и не в наслаждении (это сферы, где действуют общие законы человеческой природы), а по преимуществу в способе отдыхать. Однако вопреки собственным рассуждениям Чернышевский показывает в романе характеры своих героев в их постоянном взаимодействии с социально-историческими обстоятельствами, так что «натура» выступает не только как нечто «заданное» природой, но как те природные задатки, которые развиваются или заглушаются в ходе жизни. В этом взаимодействии с условиями времени складывается человеческая индивидуальность, которая, таким образом, и формируется и проявляется отнюдь не только в сфере «отдыха».

Не вполне преодоленное метафизическое представление о «натуре», понятой как продукт природы, а не истории, все же сказывается в художественной ткани романа. Так, например, обязательным условием счастливой и прочной семьи оказывается полное тождество, совпадение индивидуальных склонностей — тех самых, которые проявляются в способе отдыхать. В этих звеньях сюжета возникают элементы иллюстративности и та несколько слащавая сентиментальность, которая снижает художественную убедительность изображения, в особенности в образе Веры Павловны.

К основному семейно-психологическому сюжету в романе «Что делать?» как бы «подключено» несколько более или менее развернутых подчиненных сюжетов. Мы имеем в виду не только историю продажи дочери

«пошлому» жениху, по-своему вполне законченную, но составляющую лишь экспозицию и завязку сквозного сюжета. Есть несколько «вставных» сюжетов, написанных в форме, вполне традиционной для романа, — как отступления в прошлое персонажей. Такова, например, своеобразная новелла о Насте Крюковой и докторе Кирсанове — едва ли не начало того длительного резонанса, который вызвало некрасовское стихотворение «Когда из мрака заблужденья. . .» в русской повествовательной прозе.

Главка «Особенный человек» тоже включает в себя самостоятельный «вставной» сюжет — историю духовного формирования Рахметова как профессионального революционера. Это общеизвестно. Тема революционного подполья, конспирации — искусства борьбы с политической полицией, опасности полицейских репрессий и т. п. входит в сюжет с момента его кульминации.

Пока еще не отмечалось, однако, что эта тема, войдя в роман вместе с Рахметовым, получает и дальнейшее сюжетное развитие, становясь «потайным», «эзоповским» сюжетом «Что делать?». Возникнув в третьей главе, эта «подводная» линия сюжета уже не исчезает до финала. В четвертой и пятой главах одновременно и параллельно со спадом и развязкой «открытого» семейно-психологического сюжета идет подспудное, прочерченное лишь пунктиром, подтекстовое течение действия, связанное не только с Рахметовым (сюжетная функция которого, кстати сказать, вовсе не сводится к простому сообщению о мнимом самоубийстве Лопухова), но и с судьбой Лопухова-Бьюмонта, с трудностями существования мастерских Веры Павловны, с общей атмосферой надвигающегося революционного кризиса.

Эти звенья «потайного» сюжета (в отличие от вставного рассказа о прежней жизни Рахметова) совершенно свободны от какой бы то ни было иллюстративности. Это интереснейшие творческие поиски и находки романиста, откровенно рассчитанные на активное сотворчество читателя.

3

Кульминация «открытого» сюжета в романе «Что делать?» является одновременно завязкой его «эзоповского», потайного сюжета. Смысл этой завязки — в решении Лопухова перейти на нелегальное положение, может быть, существенно ускоренном ситуацией «любовного треугольника».

В одной из бесед с «проницательным читателем» Чернышевский утверждает, что «не Рахметов выведен для того, чтобы вести разговор (с Верой Павловной, — *Г. Т.*), а разговор сообщен тебе для того, и единственно для того, чтобы побольше познакомить тебя с Рахметовым». И все же не совсем правы те исследователи, которые видят *весь* смысл этого разговора в том, чтобы «еще ближе познакомить читателя с Рахметовым»,[8] «чтобы

[8] Г. Верховский. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Ярославль, 1959, стр. 182.

полнее раскрыть характер Рахметова».[9] Они тем более неправы, когда находят, что в этом диалоге Чернышевский «освободился на время от необходимости прибегать к иносказаниям и намекам».[10] Наоборот, именно с этого момента необходимость в «иносказаниях и намеках» становится постоянной. И более того — намеки и иносказания становятся теперь приемами сюжетостроения.

Чтобы убедиться в завязочном значении этого эпизода, присмотримся внимательнее к диалогу Рахметова и Веры Павловны:

«... — Его поручение состоит в следующем: он, уходя, чтобы „сойти со сцены"...

— Боже мой, что он сделал! Как же вы могли не удержать его?

— Вникните в это выражение: „сойти со сцены" и не осуждайте меня преждевременно. Он употребил это выражение в записке, полученной вами, не так ли? и мы будем употреблять именно его, потому что оно очень верно и удачно выбрано.

В глазах Веры Павловны стало выражаться недоумение; ей все яснее думалось: „я не знаю, что это? что же мне думать?" <...>

— Итак, уходя, чтобы, по очень верному его выражению, „сойти со сцены", он оставил мне записку к вам...» (217).

Слова «сойти со сцены» каждый раз берутся в кавычки. Рахметов настойчиво призывает Веру Павловну и читателя вникнуть в их смысл. О содержании записки можно уже догадаться. Рахметов предупреждает: «Утешение должно заключаться в самом содержании записки». Он не дает записки в руки Вере Павловне, а после прочтения немедленно сжигает: «По чрезвычайной важности ее содержания, характер которого мы определили, она *не должна остаться ни в чьих руках*».[11] Другую записку Вера Павловна получает на память: «Она не *документ*» (224).

Все это — первые уроки конспирации, которые Рахметов дает Вере Павловне, а Чернышевский — не «проницательному читателю» (ему не следует понимать ни содержания записки, ни истинной цели всех предосторожностей с этим «документом»), а читателю-другу, способному схватывать такого рода намеки.

Выражение «сойти со сцены» означает в этом контексте решимость Лопухова стать «невидимым» как для политической полиции, так и для всех на свете «проницательных читателей». Недаром же Чернышевский говорит об «особенных» людях: «Тебе ни одного такого человека не видать; твои глаза, проницательный читатель, не так устроены, чтобы видеть таких людей; для тебя они невидимы; их видят только честные и смелые глаза» (214).

---

[9] М. Т. Пинаев. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1963, стр. 180.

[10] Там же.

[11] Курсив в цитатах из романа «Что делать?» здесь и далее мой, — *Г. Т.*

Даже от людей своего круга вся операция тщательно засекречена, и ради этого Рахметов на целый день оставляет Веру Павловну в неведении и душевных терзаниях: «Надобно было, чтобы другие видели, в каком вы расстройстве, чтобы известие о вашем расстройстве разнеслось для достоверности события, вас расстроившего <...> Теперь три источника достоверности события: Маша, Мерцалова, Рахель. Мерцалова особенно важный источник — ведь это уж на всех ваших знакомых. Я был очень рад вашей мысли послать за нею» (221).

Конспирация на то и конспирация, чтобы *никто,* кроме тех, кто необходим в *данном* деле, не знал ничего лишнего. Разумеется, такая степень секретности нужна была не только для того, чтобы Вера Павловна могла без опасений вступить в церковный брак с Кирсановым. Все эти «уроки» конспирации имеют смысл лишь при том условии, что мнимое самоубийство Лопухова имеет своей *главной* задачей его переход на нелегальное положение. По этой же причине никто из многочисленных знакомых и друзей Лопухова, при всей своей безупречной порядочности, не мог бы заменить Рахметова в этом деле. Если бы задача «самоубийства» сводилась к легализации отношений Веры Павловны с Кирсановым, роль Рахметова мог бы выполнить едва ли не любой из их друзей и единомышленников, лишь бы он не был болтлив. Да Рахметов в подобном случае и не взялся бы за такое «поручение»: ведь он делает исключительно то, что считает «нужным» с точки зрения своего «дела». Между тем он не только берется за это «дело», но еще считает его «веселой обязанностью».

Рахметов трижды хвалил Лопухова за «основательность» его последнего решения и за то, *как* оно было проведено в жизнь: «В последнее время он, точно, обдумал все умно и поступил отлично», — говорил он. «Решение его было основательно». Но в то же время Рахметов и порицает Лопухова: по его мнению, тот недостаточно подготовил жену к возможности своего решения. Независимо от возникшей семейной коллизии, Лопухов «все-таки должен был *на всякий случай* приготовить вас к чему-нибудь подобному, просто как к *делу случайности,* которой нельзя желать, которой незачем ждать, но которая все-таки может представиться: ведь *за будущее никак нельзя ручаться, какие случайности* может привести оно. Эту-то аксиому, что *бывают всякие случайности,* уж наверное он знал. Как же он оставлял вас в таком состоянии мыслей, что, когда произошло *это*, вы не были приготовлены? То, что он не предвидел *этого*, произошло от пренебрежения, которое обидно для вас, но само по себе вещь безразличная, ни дурная, ни хорошая; то, что он не подготовил вас *на всякий случай,* произошло из побуждения положительно дурного <...> Как вам это нравится?» (225—226).

Подчеркнутые слова и обороты приобретают, как увидим, смысл некоего кода, условного обозначения и в дальнейшем тексте «Что делать?».

Вера Павловна отводит упрек Рахметова:

«— Это неправда, Рахметов. *Он не скрывал от меня своего образа мыслей.* Его *убеждения* были так же хорошо известны мне, как вам» (226).

Конечно, Рахметов упрекает друга не в том, что Лопухов своевременно «не приготовил» жену к возможности... влюбиться в третье лицо. Он винит Лопухова в том, что тот не поступил, как некогда сам Чернышевский, — не предупредил жену о неизбежно грозящих ему опасностях и «случайностях». Вера Павловна опровергает эти обвинения тем, что убеждения мужа (уж конечно не только в области семейной этики!) были ей прекрасно известны.

Этот подтекст нарочито перемешан со спорами об этике семейных отношений, о ревности, о нравственности и безнравственности в браке и т. д. Для читателя-единомышленника разделить эти два «слоя» их диалога не составляло труда.

§ 12 главы четвертой возвращает читателя к главке «Особенный человек» и к разговору с Рахметовым — возвращает даже лексически и фразеологически: «И вот проходит год; и пройдет еще год, и еще год после свадьбы с Кирсановым, и все так же будут идти дни Веры Павловны, как идут теперь <...> и много лет пройдет, они будут идти все так же, если *не случится ничего особенного*; кто знает, *что принесет будущее*? но до той поры, как я пишу это, *ничего такого не случилось*» (266).

В конце этой же главы (§ 17) возникают первые столкновения Кирсановых с политической полицией из-за мастерских и магазина, который к этому времени открылся на Невском под вывеской «Au bon travail».[12] В результате встречи Кирсанова с жандармским чином «Мерцалова и Вера Павловна значительно поурезали крылья своим мечтам и стали заботиться о том, чтобы хотя удержаться на месте, а уж не о том, чтоб идти вперед <...> По охлаждении лишнего жара в Вере Павловне и Мерцаловой, швейные и магазин продолжали существовать, не развиваясь, но радуясь уже и тому, что продолжают существовать» (291). Разумеется, и слово «труд» с вывески пришлось убрать. Сразу после этого следует письмо Кати Полозовой к ее подруге, заключающее главу и одновременно — тему легальных возможностей в условиях полицейской государственности.

---

[12] Первым обратил внимание на этот мотив и разъяснил его идейный смысл в свое время А. П. Скафтымов: «Утопические элементы воззрений Чернышевского не помешали ему предвидеть неминуемость столкновения предполагаемых социалистических мастерских с российским самодержавием. В романе отмечено, что широко развернувшаяся организация Веры Павловны в российских условиях не могла развиваться свободно. Наступил момент, когда явились зловещие предостережения, и размах роста организации пришлось сократить» (А. П. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, стр. 168).

Пятая глава романа, названная «Новые лица и развязка», действительно содержит в себе «развязку», но лишь «открытого», семейно-психологического сюжета, который завершается торжеством новой этики в отношениях любви и брака. Но в «подводном течении» сюжета нарастает тема все более тесного взаимодействия легальных и конспиративных форм деятельности «новых людей»: «мирная жизнь» двух счастливых супружеских пар, связанных сердечной дружбой, рисуется в то же время как жизнь на колеблющейся от внутренних толчков почве, почти на вулкане.

Намеченный в конце четвертой главы мотив борьбы с политической полицией возвращается в конце пятой главы. Вот диалог Веры Павловны с Катей Полозовой: «Жаль, что нет возможности развиваться этим швейным: как они стали бы развиваться», — говорит иногда Вера Павловна. Катерина Васильевна ничего не отвечает на это, только в глазах ее сверкает злое выражение. «Какая ты горячая, Катя; ты хуже меня, — говорит Вера Павловна. — А хорошо, что у твоего отца все-таки что-нибудь есть; это очень хорошо». — «Да, Верочка, это хорошо, все-таки спокойней за сына». «Впрочем, Катя, ты меня заставила не знаю о чем думать. Мы проживем тихо и спокойно». Катерина Васильевна молчит. — «Да, Катя, ну, для меня скажи: да...». Катерина Васильевна смеется. «Это не зависит от моего „да“ или „нет“, а потому в удовольствие тебе скажу: да, мы проживем спокойно» (334).

Катя — жена человека, в деятельности которого конспиративные формы преобладают над легальными, живущего по чужим документам и с чужой фамилией. У нее гораздо меньше шансов прожить «тихо и спокойно», ей труднее на это надеяться, чем Вере Павловне...

Завершается пятая глава не идиллией дружбы и счастья, а сценами зимнего пикника. Тревожные опасения и пылкие надежды героев романа достигают здесь максимального напряжения: в сценах пикника идет уже 1863 год, репрессии в полном разгаре, обе супружеские пары с «тяжелой встревоженностью» наблюдают за «дамой в трауре», возлюбленный или муж которой уже схвачен: «Раза два Вера Павловна украдкою шепнула мужу: „Саша, что если *это случится* со мною?“ Кирсанов в первый раз не нашелся, что сказать; во второй нашелся: „Нет, Верочка, с тобою этого не может *случиться*“. — „Не может? Ты уверен?“ — „Да“. И Катерина Васильевна раза два шепнула украдкою мужу: „со мною *этого* не может быть, Чарли?“ В первый раз Бьюмонт только улыбнулся, не весело и не успокоительно; во второй тоже нашелся: „*по всей вероятности, не может*; *по всей вероятности*“» (338).

Финал этой главы насыщен не только светлыми надеждами на крутые общественные перемены, но и жестокими опасениями разгрома революционного подполья, атмосферой тяжелых утрат и опасностей, грозящих также и главным героям романа. Сцены пикника — образец *вероятностного мышления* Чернышевского и его героев. Возмужавшие в обстановке

революционной ситуации, они исполнены суровой готовности встретить любой из возможных вариантов развязки исторической коллизии и не отступят от своих убеждений — независимо от того, которая из двух исторических тенденций возьмет верх. Слушая монолог-песню «дамы в трауре», женщины благословляют своих мужей на испытания и опасности: «— Забудь, что я тебе говорила, Саша, слушай ее! — шепчет одна и жмет руку. — Зачем я не говорила тебе *этого*? Теперь буду говорить, — шепчет другая» (343).

Трагическая напряженность атмосферы в сценах зимнего пикника так сильно акцентирована, что в качестве финала романа она звучала бы как отказ от надежд на оптимальный вариант — на победу крестьянской революции, которая освободит и репрессированных революционеров. Поэтому Чернышевский вводит иной финал — полустраничную шестую главу, где эзоповский сюжет романа получает оптимистическую развязку. Такое «двойственное» — на два конца — завершение сюжетного действия романа получило впоследствии широкое распространение как в повествовательных, так и в драматических жанрах и стало называться «открытой развязкой».

Финальная глава — «Перемена декораций» — вовсе не претендует на точный прогноз событий. Это лишь авторский перст, указующий на *возможность* революционного разрешения исторической коллизии, которая *может* открыть новые пути, новые судьбы и для героев романа. Последние строки романа — спор с читателем: читатель («и не один проницательный, а всякий читатель») не желает слушать о том, чего на самом деле еще не было.

«— Полноте, кто же станет вас слушать!

— Неужели вам не угодно?

— За кого вы меня принимаете? — Конечно, нет!

— Если вам теперь не угодно слушать, я, разумеется, должен отложить продолжение моего рассказа до того времени, когда вам угодно будет его слушать. Надеюсь дождаться этого довольно скоро» (344).

Роман кончается по существу большим вопросительным знаком; ответа не дала еще история, а романист отвечает: «Надеюсь дождаться...».

Именно так воспринимали смысл заключительных сцен романа тогдашние передовые читатели. Это подтверждает, например, истолкование финала, которое давал Г. В. Плеханов. Вскоре после смерти Чернышевского он писал, что роман «полон самых светлых *надежд*» и что эти надежды приурочиваются «к скорому торжеству освободительного движения в России».[13]

Если «открытый» сюжет романа «Что делать?» замыкается обычной «полной» развязкой, то сюжетное движение, связанное с темой подполья,

---

[13] Г. В. Плеханов. Соч., т. V. М.—Пгр., 1925, стр. 114.

конспирации, жандармских репрессий, не получает сюжетного завершения; оно обрывается на констатации политической альтернативы, от исторического решения которой зависят и судьбы героев.

Последние заключительные страницы придают роману сюжетную цельность и законченность. В сценах пикника и в главе «Перемена декораций» сквозное сюжетное действие, связанное с событиями и взаимоотношениями в среде «обыкновенных новых людей», органически связывается и переплетается с сюжетным развитием темы «особенных людей». Именно в сценах пикника обнаруживается страстное сочувствие «обыкновенных порядочных людей» людям революционного подполья, их напряженный интерес к развитию революционных событий в стране, их готовность принять участие в борьбе, какими бы опасностями она ни грозила их благополучию и мирному счастью.

4

Сдвоенный сюжет «Что делать?» («открытый» — семейно-психологический и «эзоповский» — политико-публицистический) составляет основу композиции романа. Однако при всей многосоставности этой сюжетной конструкции, при всей подчиненности ее движению авторской мысли, чисто сюжетных элементов Чернышевскому оказалось недостаточно для развертывания всех ее аспектов, оттенков и разветвлений. Поэтому такую важную роль в композиции «Что делать?» играют еще и внесюжетные элементы.

Энергия авторского отношения к изображаемому, активность авторских оценок так велика, что автор становится своеобразным действующим лицом повествования, к тому же не эпизодическим только (как в рассказе о знакомстве его с Рахметовым), но как бы постоянно присутствующим: он волнуется за судьбы героев и их взаимоотношений, за верность или ошибочность их решений, наконец, за то, чтобы их «теория и практика» были верно истолкованы и по достоинству оценены читателем.

Традиционные для русского романа лирические отступления переходят у Чернышевского в полемические экскурсы. Прием полемики с враждебным читателем (найденный Гоголем в «Мертвых душах») Чернышевский использует так, что образ его оппонента — «Проницательного читателя» — тоже становится «действующим лицом» повествования. В результате возникает еще один, как бы «дополнительный сюжет»: связная, развивающаяся история спора, идейной борьбы между Автором и «Проницательным читателем».

На протяжении всего повествования «проницательный читатель» постоянно возникает на страницах романа, лезет со своими «глубокомысленными», претенциозными суждениями и догадками. Дважды автор «выгоняет его в шею», но каждый раз он снова возвращается, снова на-

вязывает свои требования и вкусы. Наконец, когда «Проницательный читатель» заговаривает о «синем чулке» (по поводу занятий Веры Павловны медициной), он вызывает уже не иронию, а настоящий гнев Автора, который в яростном негодовании изобличает и в третий раз — уже окончательно — выталкивает в шею «Проницательного читателя» из своего романа.

Опираясь на традицию Гоголя, Чернышевский выработал новаторские приемы композиции, которые привели к зарождению нового жанра — интеллектуального романа. Дополнительная «сюжетная линия», связанная с борьбой Автора с «Проницательным читателем», особенно ярко обнаруживает связь композиционного новаторства романиста с его жанровым новаторством. Непрерывный поединок, который происходит на протяжении всего романа между ними, — это поединок на арене мысли, мировоззрения. Но в этой борьбе обнаруживаются не только идейные позиции, но и характеристические свойства ума противников: воинствующая непримиримость, презрение и насмешливость, «веселое лукавство ума», прямота и настойчивость у Автора, тупоумие, лицемерие, пошлость и непомерные претензии на глубокомыслие у «Проницательного читателя».

Внесюжетные элементы композиции оказались необходимы романисту и для утверждения социалистических идеалов. Из социалистического будущего героям романа удается «перенести в настоящее» — в свою собственную жизнь и взаимоотношения — достаточно много, не выходя за пределы своего времени. Здесь и романист остается на почве реализма. Более всего это относится к области нравственной жизни и личных отношений «новых людей»: этика Чернышевского — не только материалистическая, но и социалистическая; в этом громадное значение романа для нашего времени.[14] Как только Чернышевский пытается беллетристически утвердить идеи социализма за этими пределами, представить их в картинах организации труда и общественного быта, он неизбежно переходит к иллюстративности — к демонстрации любимых идей, еще не имевших тогда корней в реально-историческом развитии страны.

К чести романиста надо сказать, что на эти «издержки пропаганды» он шел вполне сознательно, не строя иллюзий ни насчет сохранения художественного уровня, ни относительно их реализма. В первоначальном варианте романа содержалось даже прямое указание, что мастерских, какие создала Вера Павловна, в русской действительности не существует, что автор поставил их на место других форм деятельности, более осуще-

[14] Этот вопрос рассмотрен мною в статье: Чернышевский и борьба за демократический роман. — В кн.: История русского романа, т. 2. Л., 1964, стр. 39—42. — Этот же вопрос содержательно исследован в работе: Л. М. Лотман. Социальный идеал, этика и эстетика Чернышевского. — В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969, стр. 184—228.

ствимых в тогдашних условиях: «Есть в рассказе еще одна черта, придуманная мною: это мастерская. На самом деле Вера Павловна хлопотала над устройством не мастерской; и таких мастерских, какую я описал, я не знал: *их нет в нашем любезном отечестве*. На самом деле она хлопотала над чем-то вроде воскресной школы или — *ближе к подлинной правде* — вроде ежедневной бесплатной школы не для детей, а для взрослых» (714).

Эти эпизоды и написаны в суховатой форме очерка, даже не претендующей на художественность: выкладки и расчеты, информация и описания.

Идея нерасторжимой связи прошлого с настоящим, а настоящего с социалистическим будущим развернута в романе не только через соотнесение действующих лиц в сюжете («пошлых», «обыкновенных порядочных» и «особенных» людей). Этому назначению служат также сны Веры Павловны. Сам композиционный прием — использование сновидений героя для образного выражения авторских идей — восходит к традиции Радищева (глава «Спасская полесть» в «Путешествии из Петербурга в Москву»). Сны Веры Павловны очень близки к радищевскому сну: и здесь причудливо переплетаются картины реального общественного быта и аллегорическая персонификация понятий. Радищевская Прямовзора — несомненно старшая родственница «сестры своих сестер и невесты своих женихов», которая в снах Веры Павловны именует себя также «Любовью к людям». Она и действует тем же способом: раскрывает глаза на правду жизни, исцеляет внутреннее зрение, дает людям способность видеть то, что скрыто за поверхностью жизненных явлений.

Сны Веры Павловны не равноценны по художественному уровню, но их поэтичность прямо пропорциональна силе, оригинальности, внутренней энергии заключенной в них мысли. Примером тому может служить ставший хрестоматийным «Четвертый сон...». Если даже сцены в мастерских Веры Павловны не несут органического единства социалистической идейности и реализма, тем более это относится к картине социалистического будущего, которая рисуется в этом сне. Здесь Чернышевский идет на такие «издержки пропаганды» тоже вполне сознательно: в примечаниях к Миллю он сам оговаривался, что в настоящее время невозможно даже теоретически сколько-нибудь полно предугадать формы жизни развитого социалистического общества, что «теперь никто не в силах отчетливым образом описать для других или хотя бы представить самому себе иное общественное устройство, которое имело бы своим основанием идеал более высокий» (IX, 465).

Что всякая попытка дать образную (а значит — основанную на детализации, на выпуклости подробностей) картину далекого будущего получится неизбежно условной и неточной — это понимали все последовательные и вдумчивые деятели революционно-демократической литературы. В частности, Салтыков-Щедрин писал, что Чернышевский в своем романе не мог избежать «некоторой произвольной регламентации подробностей,

и именно тех подробностей, для предугадания и изображения которых действительность не представляет еще достаточных данных».[15]

Здесь проявлялась общая особенность всего утопического социализма, отмеченная в свое время В. И. Лениным.[16] Что же касается русского революционно-демократического движения 60-х годов, то в нем, по словам В. И. Ленина, «нет *ни грана* социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы „социализма 48-го года" на Западе».[17]

Совсем иное дело — первая половина этого же сна, рисующая не будущее, а прошлое, — то, что, по мысли Чернышевского, подготавливает и делает возможным это будущее. К лучшим страницам романа относится «серия совершенно блестящих по своей живописности и по верности изображения эпохи картин»[18] исторического развития отношений между мужчиной и женщиной — история человеческого чувства любви с древнейших времен до современности и ближайшего будущего. Здесь «поэзия мысли» достигает исключительно высокого накала.

Август Бебель говорил об этом очерке истории любовного чувства: «Жемчужиной среди всех эпизодов представляется мне сравнительная характеристика любви в различные исторические эпохи, облеченная в форму снов Веры. Это сравнение, пожалуй, лучшее, что XIX век до сих пор сказал о любви».[19]

Свободное сочетание сюжетных и внесюжетных форм повествования создает в «Что делать?» композицию необычайно динамичную, изнутри освещенную живым и непрерывным движением ищущей и увлеченной авторской мысли — мысли, проникнутой любовью и негодованием, страстью и иронией, сочувствием и сарказмом. Вопреки бесчисленно повторяющимся в разные времена прямым нападкам или косвенным ужимкам эстетствующих снобов, роман выдержал проверку временем и самые серьезные эстетические критерии: он раскрывает перед читателями позднейших поколений все новые и новые грани своего содержания, все новые и новые возможности воздействия на умы и души.

Это достигается не совершенством пластического воссоздания жизни, но в первую очередь энергией, живостью и красотой одушевленной мысли, которая развертывается во всех элементах его содержания и формы, т. е. тем, что Чернышевский определял как «поэзию мысли» и в чем он видел главное свое достоинство как романиста: «Когда я писал „Что делать?", во мне стала являться мысль: очень может быть, что у меня есть некоторая сила творчества. Я видел, что я не изображаю своих знакомых, не

---

[15] Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. XI. М., 1937, стр. 325.
[16] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 187.
[17] Там же, т. 21, стр. 258.
[18] А. В. Луначарский. Русская литература, стр. 171.
[19] Литературное наследство, т. 67. М., 1959, стр. 190.

копирую, — что мои лица столь же вымышленные лица, как лица Гоголя <...> Я не хочу сказать этим, что у меня такая же сила творчества, как у Гоголя. Нет, этим я не интересуюсь. Я столько *вдумывался* в жизнь, столько читал и *обдумывал* прочтенное, что мне уже довольно и небольшого поэтического таланта для того, чтобы быть замечательным поэтом» (XII, 682).[20]

Чернышевский дважды подчеркивает, что речь идет здесь о различии *качественном*, об ином *типе* поэтического мышления, чем тот, который присущ «поэтам по природе»: «Очень сомнительно, чтобы поэтический талант был у меня велик. Но мне довольно и небольшого, чтобы писать хорошие романы, в которых много поэзии. Я не претендую равняться с великими поэтами. Но успеху моих романов не мог бы помешать и Гоголь» (XII, 682—683). «Поэзия мысли» приобретает в романе «Что делать?» *жанрообразующее* значение; именно она связывает в единое целое все без исключения элементы его содержания и формы, она определяет «форму целого», художественную целостность произведения — его жанр.

Д. С. Лихачев недавно заметил, что в новой литературе «каждое произведение — это новый жанр. Жанр обусловливается материалом произведения, — форма вырастает из содержания. Жанровая система как нечто жесткое, внешне накладываемое на произведение <...> постепенно перестает существовать».[21] Весь опыт развития русского романа в XIX в., и особенно романа 60-х годов, подтверждает это наблюдение. Прав исследователь поэтики русского реализма, когда говорит о главной черте, отличающей русский роман 60—70-х годов от романа предыдущих десятилетий: «Роман как никогда становится для читателя в это время явлением не только искусства, но и философии, морали, отражением всей совокупности духовных интересов общества. Философия, история, политика, текущие интересы дня свободно входят в роман, не растворяясь без остатка в его фабуле».[22]

В «Что делать?» поэзия мысли приобретает значение конструирующего фактора — новую (по сравнению с предшественниками) художественную функцию — и создает новый *жанр*, который точнее всего определяют слова А. В. Луначарского: «интеллектуальный роман». «Эпоха реформ» поставила перед романистом-просветителем такие задачи, которые уже не укладывались в традиционные рамки чисто сюжетной композиции. Новые жанры всегда рождаются на пересечении новых литературных направлений и литературной традиции. 60-е годы в русской литературе были эпохой особенно резкого размежевания направлений в общественно-политической и в литературной борьбе. И потому именно — эпохой

[20] Курсив мой, — *Г. Т.*

[21] Д. Лихачев. Будущее литературы как предмет изучения. — Новый мир, 1969, № 9, стр. 181—182.

[22] Г. М. Фридлендер. Поэтика русского реализма. Л., 1971, стр. 177.

зарождения новых жанров в литературе, и особенно в развитии русского романа. Чернышевский пока еще недооценен как романист, открывший своим «Что делать?» целый период особенно интенсивного жанротворчества.

5

Первый роман Чернышевского принадлежит к числу тех произведений русской литературы, которые оказали особенно глубокое и длительное влияние на умы современников. Это вынуждена была констатировать даже реакционная критика. Катков писал в 1879 г. в статье, специально посвященной роману Чернышевского: «Автор „Что делать?“ в своем роде пророк. Многое, что представлялось ему как греза, совершилось воочию: новые люди разошлись или сами собою, или разосланы на казенный счет по градам и весям, тщатся на практике осуществить уроки учителя, далеко превзойдя его надежды <...> Этот тип разросся страшно, и Маниловы нигилизма составляют теперь главную часть нашей интеллигенции. Куда ни посмотришь, везде Лопуховы, Кирсановы и Веры Павловны».[23]

Влияние, которое оказал роман Чернышевского на общественную жизнь, было настолько сильным, что вызванная его появлением острая полемика захватила не только публицистику и литературную критику, но велась также и в беллетристических формах.

Однако толчок, который дал «Что делать?» формированию новых жанров русского романа, сильнее всего сказался не в творчестве последователей и подражателей Чернышевского (В. Слепцов, Марко Вовчок, Н. Бажин и др.). Писатели-демократы наследовали лишь тематику и некоторые идеи Чернышевского; развивать жанр интеллектуального романа они даже и не пытались. В смысле жанрообразования влияние романа «Что делать?» сказалось гораздо заметнее в произведениях, полемичных по отношению к нему.

На протяжении десятилетия после выхода «Что делать?» появлялось громадное количество произведений, проникнутых полемикой с Чернышевским. Его «новые люди» и новые идеи надолго стали главной темой повествовательной прозы, сосредоточив на себе интерес литературной и читательской общественности. Как писал Салтыков-Щедрин, это новое явление русской жизни встало в центр внимания писателей, независимо от того, как к этому явлению относился тот или иной автор, тот или иной лагерь литературной борьбы: «Для одних это явление представляет лишь пищу для безобразных и злобных глумлений, для других оно составляет предмет самых серьезных надежд; во всяком случае, оно слишком типично само по себе, чтобы можно было сделать малейший шаг в деле изучения общества, не коснувшись его. Люди, наиболее чуждающиеся современного направления русской мысли, очень хорошо понимают, что

[23] Московские ведомости, 1879, № 153, стр. 2.

тут уже есть живой и своеобразный тип, на который они охотно клевещут и взводят небылицы, но которого обойти не могут».[24]

Возник едва ли не особый жанр «антинигилистического романа» с четко выраженными тематическими и структурными признаками. Стоит отметить главные из них. Это в первую очередь изображение «эпохи реформ» как «смутного времени», как эпохи распада всех традиционных человеческих связей, этических норм и представлений. Особенно привлекала романистов этой категории тема трудовой эмансипации женщины, занимавшая одно из центральных мест как в «Что делать?», так и у последующих авторов демократического лагеря. Революционно настроенного разночинца наперебой изображали совсем не интеллигентным, но грубым, невежественным и наглым «нигилистом», а женщин интеллигентного труда — либо жертвами этих нахалов, обманутыми их архиреволюционной фразеологией, либо такими же грубыми «нигилистками».

Салтыков-Щедрин называл подобные произведения «литературой полицейско-нигилистической», а их идейную направленность (на примере «Марева» Клюшникова) характеризовал так: «Мысль этого романа заключается в следующем: мыслить не надобно, ибо мышление производит беспорядок и смуту <...> „Мышление вредно“ — согласитесь, что в этом афоризме заключено целое миросозерцание».

С этими идейно-тематическими особенностями неразрывно связаны некоторые существенные признаки жанра: использование памфлета и карикатуры на реальных участников движения — едва ли не самая характеристическая особенность поэтики «антинигилистического романа». Она ведет за собой и другую, не менее характерную особенность: претензию на своего рода «документализм» — на воспроизведение реальных общественных событий времени (таких как петербургские пожары весной 1862 г., студенческие и крестьянские «беспорядки», польское восстание и т. д.).

В обстановке ожесточенной политической борьбы первого пореформенного десятилетия демократическая критика почти не видела (да, очевидно, и не могла видеть) различий между авторами «антинигилистических романов» бульварно-авантюрного или бульварно-порнографического типа (таких как «Марево» Клюшникова, «Современная идиллия» и «Поветрие» Авенариуса, «Панургово стадо» Вс. Крестовского) и писателями критического реализма, тоже выступавшими против революционного демократизма «новых людей», но с иных литературно-общественных позиций и на ином художественном уровне.

В отличие от помянутых выше создателей «антинигилистического романа», которым свойственно несколько даже умилительное единодушие в трактовке выдвинутых Чернышевским вопросов и типов, серьезные писатели сходились только в том, что они не были согласны с революци-

[24] Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 59.

онными демократами, в первую очередь с Чернышевским, в понимании ближайших задач и перспектив российской истории. Во всем остальном они очень различны между собой — в подходе к теме и в ее освещении.

Что поток беллетристических произведений, полемичных по отношению к «Что делать?», весьма неоднороден, стало выясняться много позднее — этот процесс растянулся на целое столетие. Современное советское литературоведение решительно отказалось, например, от абстрактного противопоставления Чернышевскому Достоевского как реакционера во всех отношениях, враждебного революционному демократу. Большинство современных исследователей в произведениях Достоевского 60-х годов и в его «почвенничестве» видит выражение своеобразной и противоречивой формы демократизма.

Однако и до сих пор продолжается спор о таких «промежуточных» романах первой половины 60-х годов, как «Взбаламученное море» Писемского и «Некуда» Лескова, которые в течение ряда десятилетий считались первыми образчиками «антинигилистического романа». Недавно начался пересмотр традиционной оценки «Взбаламученного моря» Писемского; ряд исследователей утверждает, что этот роман «явился плодом не только реакционных, но и антикрепостнических, атеистических и социалистических идей»[25] и что, стало быть, «антинигилистическую» направленность последних частей романа нельзя прямолинейно отождествлять с реакционно-крепостнической, охранительной позицией.

Издавна сложившаяся оценка романа Лескова «Некуда» и его рецензии на роман «Что делать?» тоже требует решительного пересмотра. В рецензии, хотя полемичной, но в то же время и сочувственной по отношению к «Что делать?» и его автору, определилась личная писательская проблема Лескова, художественное решение которой он пытался развернуть год спустя в своем романе «Некуда»: «Я никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами <...> Героев романа г. Чернышевского тоже называют нигилистами. А между ними и личностями, надоевшими всем и каждому своим нигилизмом, нет ничего общего».[26]

Эта задача определила замысел и структуру романа «Некуда». Он полемичен по отношению к Чернышевскому только в вопросе о возможности для России первого пореформенного десятилетия крестьянской революции, а потому и в вопросе об исторической плодотворности усилий революционеров, какими бы высокими качествами они ни обладали. Карикатуры на «новых людей» Чернышевского («настоящих нигили-

[25] Н. Н. Грузинская. Новая бытопись А. Ф. Писемского в романе «В водовороте». — Проблемы идейности и мастерства художественной литературы. Уч. зап. Томского гос. ун-та, 1969, № 77, стр. 126.

[26] Н. С. Лесков. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» — Собр. соч. в 11 томах, т. 10. М., 1958, стр. 21.

стов») в романе нет, но их судьба — судьба Райнера, Лизы Бахаревой, Помады — рисуется как беспросветно трагическая, поскольку их стремления и деятельность исторически бесперспективны. Их путь ведет в «никуда» и деться им — и вообще «хорошим людям» — пока что в России «некуда».

Лесков был и прав и неправ в этой полемике. Его правота сводится к тому, что революционная ситуация 1859—1861 гг. действительно разрешилась половинчатой реформой и широкого крестьянского движения не возникло: крестьянская революция в России не состоялась. Именно поэтому первая «Земля и воля» 60-х годов около 1864 г. практически самоликвидировалась, а заговорщицкие кружки и конспиративные организации ишутинского типа, замкнутые в собственной среде и лишенные связи с движением «низов», были исторически обречены на неудачу и привели к таким формам архиреволюционного авантюризма, как Нечаевское дело.

Лесков предвидел эти ближайшие перспективы развития благодаря тому, что близко знал жизнь русской деревни предреформенной поры и в годы реформы. Как справедливо отмечал Горький, «он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооруженным не книжным, а подлинным знанием народной жизни; в частности — знанием того, что русский крестьянин вовсе не склонен ни к какому „общинному“ социализму, а потому — „через купца не перескочишь“, как это формулировано еще в рассказе „Овцебык“, написанном незадолго до романа „Некуда“».[27]

Но Лесков в этом вопросе был неправ, если исходить из более широкой перспективы истории. Взгляд Чернышевского, намеченный уже в «Что делать?», но получивший более полное развитие в «Прологе», был в этом смысле проницательнее. Уже в 1861 г. (в статье «Не начало ли перемены?») он видел в сложившейся исторической ситуации не одну, а *две* вполне вероятные возможности исторического развития страны: «Странная вещь история. Когда совершится какой-нибудь эпизод ее, видно бывает каждому, что иначе и не мог он развиваться, как тою развязкою, какую имел. Так очевидно и просто представляется отношение, в котором находились противуположные силы в начале этого эпизода, что нельзя было, кажется, не предвидеть с самого начала, к чему приведет их столкновение, а пока дело только приближается, ничего не умеешь сказать наверное ‹...› Может быть, нынешнее положение продлится еще долго, — ведь тянулось же оно до сих пор, хотя почти все были уверены, что прошлой весны оно не переживет. А может быть, и не протянется оно так долго, как кажется вероятным» (VII, 877-878).

[27] См. об этом: Ф. М. Иоффе. Заметки М. Горького о творчестве Н. С. Лескова (Из архива А. М. Горького). — Русская литература, 1968, № 2, стр. 27—28.

Свою задачу Чернышевский видел в пропаганде идеи крестьянской революции. Эта идея была плодотворна, как бы ни разрешилась данная историческая коллизия — какая из заложенных в ней тенденций ни взяла бы верх на практике. Как последовательный революционер, Чернышевский в «Что делать?» ориентировался (и ориентировал читателя) на оптимальную возможность. Даже в том случае, считал он, если достаточно массового крестьянского движения не возникнет, деятельность «чисто народного меньшинства» — революционной демократии — исторически будет не бесплодной, потому что именно она толкает правительственных реформаторов на осуществление и углубление реформ.

Много лет спустя эта мысль была поддержана В. И. Лениным, который писал: «Революционеры играли величайшую историческую роль в общественной борьбе и во всех социальных кризисах *даже тогда*, когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы — побочный продукт революционной борьбы.

Революционеры 61 года остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи».[28]

Такое понимание роли революционеров-шестидесятников беллетристически широко развернуто в «Прологе», но в «Что делать?» оно уже ясно намечено как одна из вероятных возможностей исторической «развязки»: «Еще немного лет, быть может и не лет, а месяцев, и станут их («новых людей», — *Г. Т.*) проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошиканные, страмимые. Так что же, шикайте и страмите, гоните и проклинайте, вы получили от них пользу <...> И не останется их на сцене? — Нет. Как же будет без них? — Плохо. Но после них все-таки будет лучше, чем до них» (149).

Этим пунктом, собственно, и исчерпывается сознательная полемика Лескова с Чернышевским. По другим вопросам — в особенности же в вопросе о соотношении политической активности и этической взыскательности, любви к человечеству и непосредственной человечности отношений с ближними — Лесков скорее наследует проблематику первого романа Чернышевского, как ее наследовало и все дальнейшее развитие русского классического романа, не исключая и романов Достоевского.

6

Антинигилистический пафос романа «Некуда» обращен преимущественно против *этического* нигилизма в самой жизни, а не в романе «Что делать?», где Лесков такого нигилизма не находил. Тем не менее намеченный в «Некуда» тип злободневного романного повествования на «текущие темы» (включая элементы личного памфлета и своеобразный

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 179.

«документализм») был подхвачен и использован беллетристами, которые нравственный «антинигилизм» Лескова превратили в антинигилизм социально-политический — в рупор верноподданнических или плоско либеральных взглядов.

Что же касается борьбы с этическим нигилизмом (и с его теоретическим оправданием вульгарно понятой революционной целесообразностью и не менее вульгарно истолкованной теорией «расчета выгод»), то она была бесконечно углублена в творчестве Достоевского, приведя к возникновению его классических романов-трагедий. Его полемика с Чернышевским началась в «Зимних заметках о летних впечатлениях», развернулась в «Записках из подполья» и в «Крокодиле», но к рождению романа нового типа привела в «Преступлении и наказании».

Основное в полемике Достоевского против автора «Что делать?» — идея «беспочвенности» тех путей к социалистическому будущему, которые Чернышевский пропагандирует, не считаясь с историческим состоянием русского общества: «Трудов мы не любим, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо одним шагом перелететь до цели...». Эти слова в «Зимних заметках...» направлены против русских (а не только западных) социалистов-утопистов, и в первую очередь против Чернышевского, что подтверждается «Записными книжками» тех же лет, где эта мысль выражена с прямым адресом: «Куда вы торопитесь? (Чернышевский). Общество наше решительно ни к чему не готово. Вопросы стоят перед нами. Они созрели, они готовы, но общество наше отнюдь не готово!».[29]

В «Записках из подполья», написанных уже после выхода романа «Что делать?», Достоевский полемизирует с этической теорией Чернышевского во всей ее сложности и объеме. Поэтому полемика утрачивает свой чисто публицистический характер и ведется новыми художественными средствами и приемами. Такая художественная полемика с автором «Что делать?» привела Достоевского к новому этапу его творческого развития как романиста. Как справедливо заметил Р. Г. Назиров в статье «Об этической проблематике повести „Записки из подполья“», «подполье — это исходная ситуация трагических мыслителей во всех больших романах Достоевского <...> Для всех романов зрелого Достоевского „Записки из подполья“ послужили идеологическим этюдом».[30]

Разум отнюдь не всесилен в общественной истории, так же как в душе и в поведении современного «развитого» человека, ибо «рассудок есть только рассудок и удовлетворяет только рассудочной способности человека, а хотенье есть проявление всей жизни <...> Рассудок знает только то, что успел узнать <...> а натура человеческая действует вся

[29] Неизданный Достоевский. Литературное наследство, т. 83. М., 1971, стр. 126.
[30] Достоевский и его время. Сб. статей. Л., 1971, стр. 145.

целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет».[31] Поскольку Достоевский признает резонность такого взгляда на роль рассудочной способности, он в 1-й части «Записок из подполья» передает своему герою существенную часть полемики с теорией «расчета выгод», которую от себя начал в «Зимних заметках. . .».

Тут Достоевский нащупал действительно слабое место той концепции человека, которая лежит в основе «Что делать?». Как уже сказано выше, единственной сферой индивидуального своеобразия Лопухов объявляет сферу отдыха; с этой точки зрения поведение людей в общественных и личных отношениях полностью поддается разумному анализу и может регулироваться теорией «расчета выгод».

В «Записках из подполья» Достоевский и сам приходит к новой концепции личности, в некотором даже противоречии с собственными суждениями в «Зимних заметках. . .». Устами своего «антигероя» он утверждает теперь, что «самая выгодная выгода» — сохранить «нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность»,[32] хотя бы даже и во вред себе и другим. Человек из подполья декларирует, «что ведь все дело-то человеческое, кажется, и действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик!».[33]

Во второй части «Записок. . .» — «По поводу мокрого снега» — существо полемики с Чернышевским раскрывается сюжетно: в поведении героя и его взаимоотношениях с людьми.[34] Особенно важен по своему полемическому содержанию параллелизм сюжетных мотивов, связанных с темой проституции, — истории взаимоотношений Насти Крюковой с Кирсановым и безыменного «парадоксалиста» «Записок из подполья» с Лизой. Оба эпизода восходят к известному стихотворению Некрасова, на которое Достоевский ссылается в эпиграфах. Полемическая идея писателя заключается здесь в том, что современный «развитой» человек менее всего способен спасать кого бы то ни было от унижения и оскорблений как раз потому, что руководствуется в этих случаях не сердечным порывом, а головными, «книжными» идеями, за которыми скрывается болезненная жажда самоутверждения за счет человеческого достоинства другого существа.

---

[31] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в тридцати томах, т. 5. Л., 1973, стр. 115.

[32] Там же.

[33] Там же, стр. 117.

[34] В литературе о Достоевском уже отмечались те сюжетные положения второй части повести, которые перекликаются с некоторыми эпизодами «Что делать?»: уличное столкновение Лопухова с осанистым господином, которого он «положил в канаву», и героя «Записок. . .» с офицером, «Рассказ Крюковой» и история отношений человека из подполья с Лизой и т. д. (см.: Виктор Шкловский. За и против. Заметки о Достоевском. М., 1957, стр. 154—162).

Нравственное превосходство проститутки Лизы над «человеком из подполья» — первая образная реализация мысли Достоевского о том, что не разум и не «развитие», а любовь и сострадание, действующие бессознательно, только и способны стать основой нравственной цельности человека.

Обе части повести (которые так часто рассматриваются врозь) являются развернутым беллетристическим исследованием психологии человека, «больного» гипертрофией сознания. При всей внешней разнохарактерности первой и второй частей повести это произведение в жанровом отношении органически целостно. И обе части «Записок из подполья» объединяет полемика против просветительского рационализма автора «Что делать?»: Достоевский показывает, что в современном «развитом» человеке могут парадоксально сосуществовать мечты о подвиге самоотвержения и низменное стремление насладиться унижением другого человека, комплекс неполноценности и бешеное самолюбие, жажда общения и крайняя самоизоляция.

Такой психологический склад — не случайность, но закономерное явление современности. Сам факт исторического существования такой «расколотости» личности выступает в «Записках...» как доказательство утопичности (или, по терминологии Достоевского, «беспочвенности») социализма Чернышевского.

Возникновению первых романов-трагедий Достоевского предшествовало еще одно «промежуточное» произведение, тоже насквозь проникнутое полемикой с идеями Чернышевского. Мы имеем в виду «Крокодил. Необыкновенное событие или пассаж в Пассаже». Автор вступительной статьи к 83-му тому «Литературного наследства» Л. М. Розенблюм справедливо утверждает, что материалы «Записных книжек», опубликованных в этом томе, окончательно доказали, что Достоевский ничуть не покривил душой, когда в «Дневнике писателя» 1873 г. категорически отрицал, будто «Крокодил» — это памфлет-аллегория, направленный против личности Чернышевского, в то время уже находившегося на каторге. Права Л. М. Розенблюм и в другом своем заключении: «Хотя „Крокодил“ не является памфлетом и в нем не подразумеваются обстоятельства политической и личной судьбы Чернышевского, хотя его сатирические стрелы направлены против журналов и газет разных направлений, — *в центре рассказа полемика* с „Современником“ и, главным образом, — *с идеями Чернышевского*».[35]

В повестях и романах Достоевского 60-х годов полемика направлена отнюдь не против *личности* Чернышевского, но против его *теории* «разумного расчета выгод». Неверно, будто многие персонажи «Преступления и наказания» являются прямой карикатурой или «пародией» на героев «Что

[35] Неизданный Достоевский, стр. 46 (курсив мой, — *Г. Т.*).

делать?». Если те или иные сюжетные ситуации или идеи героев Достоевского перекликаются с «Что делать?», это не литературная пародия на образы «новых людей», а та — в одних случаях трагическая, в других пародийная — форма, которую принимают сами *идеи* Чернышевского, попадая в головы разных людей, одинаково «не готовых» к социалистическому преобразованию действительности.

В «Преступлении и наказании» многовариантно — в целой галерее взаимосвязанных и соотнесенных друг с другом персонажей — романист показывает, что кризис традиционной морали и возросшая роль идей расшатали нравственное единство общества. Все главные герои «Преступления и наказания» (за исключением семейства Мармеладовых) руководствуются именно личным рассуждением, собственным «расчетом» — «арифметикой» в том или ином варианте. «Сколько голов, столько и умов»: «рассуждающие» персонажи романа представляют почти все исторически сложившиеся в «культурном слое» русского общества уровни интеллектуального и нравственного развития. Родион Раскольников находится в состоянии постоянной борьбы нравственного чувства с овладевшей его разумом «идеей». Как человек, верящий в победоносную силу мысли, он этой «идее» и следует, обрекая себя на цепь бессмысленных преступлений, на трагический разрыв с людьми и с собственной нравственной природой. Он становится жертвой ложной идеи по доверию к собственному разуму.

Лебезятников (образ которого чаще всего расценивается как карикатура на «новых людей» Чернышевского и их этическую теорию) на самом деле только изображение того, во что превращаются эти теории, попадая в примитивное сознание — в недалекую голову, по «лакейству мысли» способную лишь карикатурить чужие идеи. Это, однако, не значит, что Лебезятников у Достоевского существует вне этического закона: и здесь выручает стихия нравственного чувства. При всем «лакействе мысли» даже Лебезятников, столкнувшись с фактом жестокой несправедливости, по эмоциональному порыву встает на защиту Сони Мармеладовой, обвиненной Лужиным в воровстве.

Вне нравственного закона живет в романе один только Лужин: этот расчетливый делец и себялюбец начисто свободен от стихии сострадания; «братского любящего начала» у него попросту «в наличности не оказалось». И именно Лужин прямо ссылается на теорию «расчета выгод» — она для него оказалась этическим оправданием корыстного расчета, обоснованием своего «права» на хитрое, заранее обдуманное утверждение деспотической власти над людьми более тонкой душевной организации. Это его, лужинский, способ личного самоутверждения.

Многовариантность истолкования принципа «расчета выгод» героями «Преступления и наказания» создает то соотношение между ними, которое в литературе о Достоевском часто определяют как «двойничество» (Раскольников — Порфирий Петрович, Раскольников — Свидригайлов,

Раскольников — Лужин). С другой стороны, это создает картину «общения разобщенных» — катастрофического разрушения общности критериев нравственной оценки, что в перспективе грозит той «эпидемией» общественного распада и взаимного уничтожения, которая дана в эпилоге — в последнем сне Раскольникова.

В противоположность Чернышевскому автор «Преступления и наказания» не считает «норму разумности» чем-то всеобщим, показывая, что при громадном разрыве в уровнях сознания и душевной культуры она не может обеспечить единства нравственных критериев, регулирующих жизнь общества.

Полемика Достоевского с просветительским рационализмом и этической теорией Чернышевского-романиста была художественно плодотворна потому, что велась по самым существенным, центральным вопросам эпохи, отражая коренные противоречия пореформенной русской жизни — противоречия, не только исторически не разрешенные, но и неразрешимые в пределах изображенной ими полосы истории. Полемика на таком высоком уровне несла в себе не простое столкновение общественных и философских позиций, но и глубокие различия в художественном мышлении, в способах поэтического осмысления жизни. Поэтому она так тесно связана с зарождением новых жанров, новых типов и структур русского романа, заключавших в себе богатейшие возможности дальнейшего развития романной прозы.

Интеллектуальному роману Чернышевского Достоевский полемически противопоставил «роман идей» и ту поэтику, которую М. Бахтин назвал поэтикой «полифонического романа». По убеждению Достоевского, общество переживает «переходную эпоху» своего развития и потому разрешение и приведение к единству современных непримиримых противоречий социальной, интеллектуальной, нравственной жизни может быть выработано лишь исторически — в отдаленной перспективе.

Интеллектуальный роман Чернышевского и полифонический «роман идей» Достоевского являются ответом литературы на кризис традиционной морали и на возросшую роль идей в психологии личности, а значит, и в жизненном поведении людей, и в ходе исторической жизни. Эту проблематику (с наибольшей четкостью и ясностью поставленную в центр внимания именно романом «Что делать?») не может обойти ни один из романистов-новаторов второй половины 60-х годов. Ею не мог пренебречь и Л. Н. Толстой, для которого тоже возникла необходимость учитывать проблематику и творческий опыт Герцена и Чернышевского.

7

Вопрос об идейном содержании полемики Толстого с Чернышевским (этика «разумного эгоизма», задачи и формы просвещения народных низов, отношение к политической борьбе и к эмансипации женщины и т. д.)

достаточно разработан в литературоведении.[36] Что роман Чернышевского был в середине 60-х годов в поле зрения Толстого, тоже вполне установлено.[37] Здесь важны лишь те аспекты полемики между двумя писателями, которые вели к созданию новых жанровых структур русского романа. С этой точки зрения наиболее существенна проблема соотношений разума и стихии чувств, получившая столь различное, даже противоположное художественное освещение в романах Чернышевского и Толстого.

В первых своих литературных выступлениях Толстой поразил всех (и в первую очередь именно Чернышевского) особой «непосредственной чистотой нравственного чувства» и способностью воспроизводить живой процесс душевной жизни, ее «текучесть». После «Люцерна» (1857) и разочарования в европейской цивилизации — в произведениях первой половины 60-х годов (например, в «Казаках» и «Семейном счастии») — изображение душевной жизни героев уже открыто полемично по отношению ко *всякому* рационализму.

Таким образом, художественная полемика Толстого с просветительским рационализмом возникла еще до появления романа «Что делать?» и независимо от него. Уже тогда Толстой показывал, что само движение мысли неотделимо ни от своеобразия человеческой личности, ни от неповторимости конкретной жизненной ситуации, — иначе говоря, что интеллектуальная деятельность тоже индивидуальна.

Однако в «Казаках» или в «Семейном счастии» толстовская критика рационализма (со всеми его гражданскими и этическими идеалами) сама носила преимущественно эмоциональный характер. Она не была развернута в целостное мировоззрение и осуществлялась еще в рамках повести, по самой природе этого жанра и не претендующей на развернутую «картину эпохи».

Иное дело «Война и мир». Для создания романа (да еще такого всеобъемлющего замысла и размаха) писателю необходимо было найти *свое* художественное решение всей совокупности проблем, выдвинутых эпохой. Здесь Толстой по-своему осмысляет и те вопросы, которые были

---

[36] См.: П. А. Сергеенко. Л. Н. Толстой и его современники. М., 1911; Н. Н. Апостолов. Лев Толстой и его спутники. М., 1928; В. Фриче. Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский. — Красная новь, 1928, № 9; Б. Эйхенбаум. Чернышевский и Толстой. — Красная газета, веч. вып., 1928, 29 ноября, № 329; А. И. Шифман. Чернышевский о Толстом. — В кн.: Л. Н. Толстой. Сб. статей. М.—Л., 1951; Е. Н. Купреянова. Молодой Толстой. Тула, 1956; Б. И. Бурсов. Лев Толстой. Л., 1960; Б. Ф. Егоров. Дополнение к теме «Чернышевский и Л. Толстой». — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 3. Саратов, 1962; М. Б. Храпченко. Лев Толстой как художник. М., 1963; Т. И. Усакина. К истории статей Чернышевского о Толстом. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 4. Саратов, 1965; И. В. Чуприна. Чернышевский и нравственно-философские искания Л. Толстого в 60-е годы. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 6. Саратов, 1971, и др.

[37] См.: М. П. Николаев. Н. Г. Чернышевский и Л. Н. Толстой. Тула, 1969.

выдвинуты Герценом в «Былом и думах» и Чернышевским в «Что делать?». Это в первую очередь вопросы о человеке и истории (в частности — о роли личности в истории), о традиционной морали и личной совести, о возрастающей роли идей в жизни общества, о назначении женщины и т. д. и т. п.

В «Войне и мире» дано резко полемическое по отношению к предшественникам решение всех этих вопросов. Но, может быть, как раз необходимость эстетически убедительно противопоставить Герцену и Чернышевскому противоположный взгляд на вещи и толкнула Толстого к роману на историческом материале, да к тому же — с прямым включением в ткань повествования авторских аналитических суждений и развернутых историко-философских глав.

Еще Б. М. Эйхенбаум отмечал художественно-конструктивное и жанровое значение историко-философских рассуждений в «Войне и мире», где «все семейные, домашние события и продолжения выступали на фоне исторических событий и философских рассуждений. Философские отступления и картины сражений создавали определенный уровень, по отношению к которому распределялись все предметы. Получалась естественная „иерархия“ тем и предметов».[38]

Об этом пишет и Л. Я. Гинзбург: «Современники так до конца и не поняли, что для Толстого рассуждение, прямо высказанная мысль были равноправным элементом в том „лабиринте сцеплений“, каким представлялось ему искусство».[39] Л. Я. Гинзбург права и тогда, когда утверждает, что «отношение к эстетическим возможностям рассуждений сближает Толстого с Герценом».[40] Однако вряд ли она права, когда склоняется к мысли, «не использовал ли Толстой „Былое и думы“ в качестве одного из своих источников?».[41]

«Былое и думы», как об этом пишет и сама Л. Гинзбург, *не роман.* Автобиографический герой этой книги совершенно сливается с автором, так что художественная задача — найти соотношение авторского аналитического суждения и голоса героя тут даже не возникает, как не возникает и проблема перехода от документально-исторического материала к вымыслу и вымышленным героям. В «Былом и думах» *все* — история.

Чернышевский в «Что делать?», пожалуй, впервые в истории русского романа дает авторской мысли (включая сюда и авторский анализ психологии героев, и авторские рассуждения на общие философско-исторические, этические и эстетические темы) права эстетического и конструктивного фактора, так что без этого авторского голоса, четко отделенного от «голосов» персонажей, не могла бы вполне развернуться и «картина эпохи».

---

[38] Б. М. Эйхенбаум. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960, стр. 184—185.
[39] Л. Гинзбург. О психологической прозе. Л., 1971, стр. 327.
[40] Там же, стр. 329.
[41] Л. Гинзбург. «Былое и думы» Герцена. Л., 1957, стр. 197.

По существу у Чернышевского (как затем и у Толстого в «Войне и мире») рассуждения «от автора» вовсе не являются «отступлениями»; это прямое продолжение того же аналитического осмысления жизни, которое развертывалось по ходу сюжета во взаимоотношениях и поступках героев, в анализе психологических мотивов их поведения и т. п. «Публицистическими отступлениями» или «отступлениями историко-философскими» эти авторские рассуждения называют лишь по инерции — в противоречие с признанием за ними конструктивного художественного значения.

Толстой в «Войне и мире» вводит в структуру романа разработанный Герценом (но восходящий еще к Пушкину) прием свободного перехода от изображения «частной» жизни к философии истории, от бытовой и психологической характеристики вымышленных персонажей к такому же детальному психологическому анализу поведения исторических лиц.

Таким образом, Толстой-романист использует в целях полемики идейно-художественные открытия противников — ту новую ступень художественного историзма, которая проявляется у Герцена и Чернышевского в утверждении своеобразного «параллелизма», а точнее — взаимодействия законов истории и психологии. К этому толкает его как раз полемическая установка: вере в прогресс и в науку (и связанному с ней убеждению в способности выдающейся личности оказывать могущественное влияние на ход исторических событий) Толстой противопоставляет иную точку зрения; он утверждает стихийный характер исторического процесса, его неподконтрольность воле и разумению отдельного, хотя бы и выдающегося деятеля.

Художественный результат такой полемики оказался неожиданным и даже парадоксальным. Толстой с громадной художественной силой показал, что решающую роль в движении и исходе исторических событий, изображенных в «Войне и мире», играют не чьи бы то ни было претензии целенаправленно «двигать» историю, а стихийная жизнедеятельность громадных человеческих массивов, втянутых в эти события. Поведение каждого из участников этих событий в свою очередь подсказано «роевой» жизнью с ее бесконечно разнообразными повседневными интересами, стимулами и чувствами.

В «Войне и мире» новая стадия проникновения романиста в «диалектику души» художественно согласована с решением новых для Толстого вопросов: о движущих силах истории, о ее глубинных закономерностях.

Проблема взаимосвязи истории и психологии, выдвинутая Герценом и Чернышевским, получила у Толстого более полное художественное раскрытие, чем это было доступно не только Чернышевскому, но и Герцену. Роман Толстого оказался в итоге не отрицанием «исторического воззрения» (как это входило в исходную полемическую задачу автора) и не возвратом к представлениям о «вечных», неизменных на все времена

законах духовной жизни, а наоборот — бесконечным углублением и обогащением художественного историзма.

Исследователи справедливо указывают, что выбор эпохи войн с Наполеоном связан в «Войне и мире» со стремлением Толстого воспроизвести «эпическое состояние мира», требующее в качестве своей основы событий общенационального значения. Утверждая поэзию патриархально-роевой жизни, романист видел в первой отечественной войне тот узел истории, который объединил людей в общенациональном масштабе.

Такое истолкование источника эпической силы «Войны и мира» недавно было дополнено новым, очень существенным оттенком. Отвергая буржуазную цивилизацию «главным образом за ту разобщенность, которую она несла с собой», романист «с наслаждением окунулся в „пору“, отмеченную пафосом стихийно возникшей всеобщности», в эпоху «отечественной войны с ее рубежной ситуацией между жизнью и смертью для всей нации в целом и для каждого в отдельности».[42] В этом смысле особенно убедителен один из черновых набросков Толстого, приведенный С. Розановой в подтверждение своей мысли и объясняющий выбор не только эпохи, но и героев «Войны и мира»: «Я буду писать историю людей, более свободных, чем государственные люди, историю людей, живших в самых выгодных условиях жизни для борьбы и выбора между добром и злом, людей, изведавших все стороны человеческих мыслей, чувств и желаний, людей таких же, как мы, могущих выбирать между рабством и свободой, между образованием и невежеством, между славой и неизвестностью, между властью и ничтожеством, между любовью и ненавистью, людей, свободных от бедности, от невежества и независимых».[43]

С. Розанова несомненно права, когда утверждает, что такой «герой свободного выбора» вполне сопоставим с ведущим действующим лицом герценовской исповеди, сквозной темой которой является изображение «человечески сильного и человечески прекрасного развития», «образование свободного человека».[44] В творческом сознании самого Толстого такой герой полемически сопоставлен также и с «новыми людьми» Чернышевского, тоже ведь людьми «свободного выбора», «человечески сильного и человечески прекрасного развития».

В эпохе войн с Наполеоном Толстой находит не только поэзию сравнительно еще раннего этапа истории, не расколотого противоречиями буржуазной цивилизации, — поэзию, обращенную в прошлое. Грандиозные события национальной жизни оказываются у него также общественной почвой для возникновения нового уровня нравственных потребностей и интеллектуальных исканий личности.

---

[42] С. Розанова. Толстой и Герцен. М., 1972, стр. 223.
[43] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 13. М., 1949, стр. 72.
[44] С. Розанова. Толстой и Герцен, стр. 236.

Здесь впервые Толстой ставит в центр повествования также и людей напряженной интеллектуальной жизни — Пьера Безухова и Андрея Болконского. Художественная сила и обаяние этих образов — это поэзия, обращенная уже не в прошлое, а в будущее, прямой творческий отклик Толстого на возросшую роль идей, интеллекта, мышления. При этом, однако, полноценный интеллектуальный герой у Толстого немыслим без того богатства и поэтичности душевной жизни, которое свойственно его же героям эпического плана. Без такой опоры на богатство эмоциональной жизни интеллектуализм превращается, по художественной концепции Толстого, в сухую рассудочность, глухую к многообразию жизни и в конечном счете всегда тупо эгоистическую.

Художественная трактовка интеллектуального героя полемична в «Войне и мире» как по отношению к либеральному прогрессизму, так и по отношению к просветительскому рационализму, в частности к Чернышевскому. И в этом случае полемика оказалась художественно необычайно плодотворной. Особенно важны с этой точки зрения образ и судьба князя Андрея. Пьер Безухов — человек, гораздо больше подвластный стихии чувства,— является укрупнением того же типа рефлектирующего героя, героя с пробужденной совестью, который и раньше разрабатывался Толстым. Князь Андрей — человек интеллектуально-волевого склада — характер новый в творчестве самого Толстого.

Для князя Андрея ничуть не меньше, чем для «новых людей» Чернышевского или для героев Достоевского, мысль, напряженные интеллектуальные искания, вызванные потребностью реализовать свои силы в общественной сфере, стали ядром личности и содержанием внутренней жизни. Однако — в противоположность «новым людям» из «Что делать?» и героям Достоевского — у князя Андрея органичная потребность согласовать свою практическую деятельность с «общими» идеями и реализовать личные силы в общественно-исторической практике проявляется не в «одержимости» идеей и не в служении однажды сознательно выработанным «убеждениям», а в постоянном динамическом взаимодействии идейных исканий и практического опыта. Поэтому он и проходит несколько кругов идейного одушевления и глубокого «охлаждения», вызванного крушением очередной попытки сознательного и целенаправленного участия в истории своей страны.

Князь Андрей — интеллектуальный герой в самом высоком и лучшем варианте этого типа душевной организации. Он не усваивает готовые идеи, чтобы потом служить им, а непрерывно *мыслит* сам — вырабатывает собственные жизненные концепции, соответствующие духу и потребностям исторического времени, в котором он живет. Свою деятельность он подчиняет тем мыслям, к которым пришел сам — по ходу внутренней биографии. Он совершенно чужд той «двойственности», — того расхождения слова и дела, теории и практики, — которая была столь свойственна «лишним людям» 40—50-х годов и преодоление которой,

например в глазах Чернышевского, было главной духовно-интеллектуальной задачей «новых людей».

В то же время интеллектуальная жизнь князя Андрея настолько индивидуальна, так неразрывно связана с богатством и напряженностью его эмоциональной, душевной, практической жизни, что не может привести и к ослеплению идеей — к той «одержимости» ею, которая столь свойственна некоторым из героев Достоевского и становится как бы средостением между ними и показаниями жизни и нравственного чувства. В образе князя Андрея наиболее явственно выступает то новое углубление художественного историзма в трактовке человека — единство его духовно-интеллектуальной и социально-практической деятельности, — которого достигло в «Войне и мире» искусство Толстого, ставшее новым словом в истории русского и мирового романа.

* * *

Первое пореформенное десятилетие — это эпоха зарождения ряда новых жанров, новых художественных структур русского реалистического романа. Это десятилетие в литературном процессе стало своего рода большим перекрестком, от которого начинаются новые пути, новые направления в развитии русской прозы. Мы пытались определить своеобразное место первого романа Чернышевского в этом процессе.

Значение «Что делать?» не исчерпывается громадным общественным влиянием на умы нескольких поколений русской интеллигенции. Воздействие этого романа на литературный процесс было ничуть не менее существенным и глубоким. Мы вовсе не хотим сказать, что этот роман художественно совершенный, что это небывалый художественный взлет в истории русского романа. Однако, вызвав художественную полемику по коренным вопросам эпохи, роман Чернышевского оказался могучим толчком и катализатором в процессе возникновения целого ряда новаторских форм, художественных открытий в области романа. Тем самым он способствовал появлению произведений, по масштабу и влиянию на дальнейшее художественное развитие человечества существенно превосходивших «Что делать?».

С. А. Рейсер

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНА «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

1

Для текстолога роман «Что делать?» представляет особенный интерес: важнейшим источником является журнал «Современник» (1863, №№ 3, 4, 5), в котором произведение было напечатано. Ни корректуры, ни беловой рукописи не сохранилось.

Автор, находившийся в заключении в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, конечно, должен был писать с оглядкой на цензуру, гораздо большею, чем литератор, находившийся на свободе. «Чернышевский из своего далека прислал нам роман»,— прозрачно намекал Н. С. Лесков.[1] Эта осторожность и забота о судьбе романа очевидны a priori и наглядно подтверждаются маскировочной «Заметкой для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова», смысл которой был в 1953 г. убедительно раскрыт в работе Б. Я. Бухштаба.[2]

Из особого положения автора и непрочного положения «Современника», недавно только перенесшего жестокие репрессии и висевшего на волоске, следует и другое, недоказуемое документально, но в высшей степени вероятное предположение, что редакция журнала (скорее всего, Н. А. Некрасов и А. Н. Пыпин) решалась, в предвидении цензурных осложнений, на какие-то исправления и купюры в отдельных местах романа. Скорее всего именно таковы, например, строки точек, полностью заменяющие текст раздела 7 четвертого сна Веры Павловны; об этом дальше (см. стр. 805—806).

Очень возможно, что Чернышевский просил Некрасова «исправить и сглаживать написанное, так как писавши по частям он мог, по забыв-

[1] Николай Горохов <Н. С. Лесков>. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?». (Письмо к издателю «Северной пчелы»). — В кн.: Н. С. Лесков. Собр. соч. в одиннадцати томах, т. X. М., 1958, стр. 20.

[2] Б. Я. Бухштаб. Записка Чернышевского о романе «Что делать?». Перепеч. в кн.: Б. Я. Бухштаб. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966, стр. 117—132.

чивости, допускать повторения»,— это сообщение Н. В. Рейнгардта[3] весьма правдоподобно. Такая просьба могла содержаться в одном из не дошедших до нас писем Чернышевского к Пыпину от 23 января или 12 марта 1863 г.[4]

Аналогичная просьба — о проверке собственных имен и дат в главе третьей романа — содержалась в не дошедшем до нас письме Чернышевского к Пыпину от 12 февраля 1863 г. (XIV, 471).

Мы в сущности не знаем, был ли нанесен роману какой-либо цензурный урон и какой именно. Вполне вероятно уже высказывавшееся в литературе предположение, что чиновники следственной комиссии и III Отделения просматривали рукопись лишь с их «следственной» точки зрения и не нашли в ней ничего или почти ничего предосудительного. Помощник смотрителя Алексеевского равелина И. Борисов — правда, в поздних воспоминаниях — писал, что читал роман в рукописи и может «удостоверить, что цензура III Отделения в очень немногом исправила его».[5]

Ни в коем случае нельзя игнорировать еще одно авторитетное свидетельство: члена редакции и двоюродного брата Чернышевского — А. Н. Пыпина. В официальной записке, имевшей целью смягчение участи Чернышевского, датированной 18 февраля 1881 г. и составленной видными адвокатами, которые понимали, что все написанное может подвергнуться проверке и поэтому должно строго соответствовать истине, ясно сказано, что роман пропущен «без всяких исключений».[6] Это утверждение всегда должно нами учитываться.

Вполне допустимо, что дело происходило именно так, как его изображает цензор О. А. Пржецлавский: после просмотра романа высшими полицейскими и следственными органами цензор Министерства народного просвещения просто уже не решался на какие бы то ни было посягательства на текст произведения.[7] Это предположение находит свое подтверждение в недавно опубликованной дневниковой записи казанского краеведа Н. Я. Агафонова от 21 апреля 1878 г.[8]

---

[3] О Н. Г. Чернышевском. — Современное слово, 1911, 19 сентября, № 1331, стр. 2. — Исправления редакцией «Современника» допускает и А. П. Скафтымов (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XI. М., 1939, стр. 721. — Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, указываются лишь том и страница).

[4] Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 281, 285, 290.

[5] И. Борисов. Алексеевский равелин в 1862—65 гг. (Из моих воспоминаний). — Русская старина, 1901, № 12, стр. 576.

[6] Красный архив, т. XXII, 1927, стр. 226.

[7] О. А. Пржецлавский. Воспоминания. — Русская старина, 1875, № 9, стр. 154. — Вообще следует иметь в виду, что Бекетов цензуровал всякий раз не отдельно «Что делать?», а, как правило, весь номер «Современника». — См. кн.: Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.—Л., 1940, стр. 389.

[8] Е. Г. Бушканец. Царская цензура и «Что делать?» Чернышевского. — Огонек, 1951, 23 сентября, № 39, стр. 24. — Сообщение Агафонова о том, что роман

В. Н. Бекетов в поздней беседе с Н. Я. Агафоновым утверждал, что после того, как роман прошел «фильтру III Отделения», он просматривал его поверхностно и «слепо подписал».[9] Между тем в журнале следственной комиссии 16 января 1863 г. ясно написано, что роман передается «для напечатания с соблюдением установленных правил для цензуры» (Чернышевский, XVI, 713).

Любопытна реакция консервативно настроенных читателей, разобравшихся в смысле романа. Так, А. А. Фет писал в воспоминаниях: «Мы с Катковым не могли прийти в себя от недоумения и не знали только, чему удивляться более: циничной ли нелепости всего романа или явному сообщничеству существующей цензуры».[10]

Возможно, что цензор даже рад был не производить никаких изъятий,— так мог поступить либерально настроенный В. Н. Бекетов, находившийся от Некрасова в некоторой материальной зависимости.[11]

Гроза разразилась несколько позже, когда роман был уже полностью напечатан: отзыв того же Пржецлавского от 24 апреля и особенно второй — от 15 мая 1863 г.— ясно это подтверждает. Если в первом отзыве сказано, что «содержание романа вообще не предосудительно...», для того, чтобы найти ключ, «нужно <...> напряженное внимание в читателе и способность соображения частностей между собою. Едва ли много в массе читающих найдется таких», что окончательное решение о достоинстве романа нужно отложить до выхода последней части, то во втором отзыве тон разительно другой: роман назван аморальным, отрицающим христианскую идею брака и проповедующим вместо нее «чистый разврат», разрушающим идею семьи, основы гражданственности и т. д. Сочинение это, сказано в заключение, «в высокой степени вредно и опасно».[12]

был пропущен цензорами В. Н. Бекетовым и Ф. И. Рахманиновым, неверно: единоличным цензором «Современника» в это время был Бекетов.

[9] Е. Г. Бушканец. Первая библиография сочинений Чернышевского.— Литературное наследство, т. 67. М., 1959, стр. 215—220.

[10] А. Фет. Мои воспоминания. 1848—1889. Ч. 1. М., 1890, стр. 429.— 4 декабря 1872 г. И. А. Гончаров писал А. Ф. Писемскому, что роман «Что делать?» «проскочил в печать под эгидой той же узко чиновничьей и осторожной цензуры» (Полн. собр. соч. в восьми томах. Т. VIII. М., 1955, стр. 447).

[11] А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. М., 1972, стр. 181.

[12] Каторга и ссылка, 1928, № 7 (44), стр. 43—50.— В литературе о Чернышевском обычно забывается, что Пржецлавский не только написал официальный отзыв, но и выступил против романа в качестве критика-журналиста. Под псевдонимом «Ципринус» он напечатал в «Голосе» (1863, 4 июля, № 169, стр. 659—660) обширную статью: «Промах в учении новых людей. (По поводу романа «Что делать?»)». На эту статью последовал ответ П. А. Бибикова: «Ревность животных. По поводу неслыханного поступка Веры Павловны Лопуховой» (П. А. Бибиков. Критические этюды. 1859—1865. СПб., 1865, стр. 153—189). Против Бибикова было возбуждено судебное преследование по обвинению в порицании «начал брачного союза». Особое присутствие С.-Петербургской уголовной палаты приговорило его

Этот отзыв определил судьбу Бекетова. 21 июня 1863 г. он известил Некрасова, что ему «велено подать в отставку, что <...> уже учинено в прошлую субботу», т. е. вскоре после второго отзыва Пржецлавского.[13]

Если бы Бекетов мог доказать, что он не пропускал в печать те или иные места романа, что он своевременно «сигнализировал» о вредном его направлении,— не было бы и оснований для столь суровой меры, как увольнение. Ссылка же на визу крепостного и жандармского начальства легко была дезавуирована: Бекетову бы объяснили, что эти визы не имели в виду цензурной стороны текста. Но наученное горьким опытом III Отделение не разрешило к печати следующее произведение Чернышевского «Повести в повести», на много лет похороненное в жандармских архивах.[14]

В. Е. Евгеньев-Максимов совершенно справедливо полагает, что пропустить роман на свой страх и риск Бекетов, «разумеется, никогда не решился бы». Возможно, однако, что консультации с председателем С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ имели место, но не отражены в документах. Обдумав визу крепостного начальства, они могли разрешить роман к печати. Но едва ли рядовой цензор, каким был В. Н. Бекетов, мог самостоятельно, нарушая служебную иерархию, дойти по этому вопросу до министра внутренних дел П. А. Валуева да

к аресту на гауптвахте на семь дней (Журнал Министерства юстиции, 1866, № 1, стр. 205—207).

[13] Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, стр. 110. — Прошение В. Н. Бекетова об отставке «по болезни» датировано 14 июня 1863 г., но до 22 июня он продолжал бывать на заседаниях С.-Петербургского цензурного комитета. В формулярном списке подлинная причина увольнения не указана, его оклад (1500 р.) был обращен в пенсию и единовременно было выдано пособие — 500 р. (у Бекетова в это время было одиннадцать человек детей и позднее родился двенадцатый: ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 61, л. 81, 90 об., 108 и др., и ф. 777, оп. 27, ед. хр. 52, журнал от 22 июня 1863 г.; см. «Справку главного управления по делам печати о сочинениях Чернышевского, составленную для министра внутренних дел» не позднее 20 июля 1866 г.: Шестидесятые годы..., стр. 301 и 431; Литературное наследство, т. 51—52, стр. 110). Об увольнении Бекетова было объявлено в официальной «Северной почте» (1863, 24 июля, № 163, стр. 658). Слух о том, что роман был прочитан министром внутренних дел П. А. Валуевым и будто бы он способствовал его допуску в печать, малоправдоподобен (об этом пишет в цитированной выше статье Н. В. Рейнгардт). Во всяком случае, в недавно изданном подробном «Дневнике» П. А. Валуева (т. 1—2, М., 1961) это обстоятельство никак не отражено. Версию о Валуеве поддерживал в свое время В. Е. Евгеньев-Максимов (Роман «Что делать?» в «Современнике». — В кн.: Н. Г. Чернышевский (1889—1939). Труды научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти. Изд. ЛГУ, 1941, стр. 229—230).

[14] Е. Н. Пыпина. Письмо 23 марта 1864 г. родителям в Саратов. — В кн.: Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, стр. 314.

еще, как допускает В. Е. Евгеньев-Максимов, «советовать Валуеву» что-то касающееся судьбы романа.[15]

Впрочем, В. А. Цеэ — председатель С.-Петербургского цензурного комитета с 10 марта 1862 по 15 мая 1863 г. — в позднем (9 мая 1882 г.) письме к своему другу, министру народного просвещения в 1861—1866 гг. А. В. Головнину, утверждал, что в цензурном архиве находится подлинный экземпляр романа с пометкой: «Печатать дозволяется. Свиты е‹го› и‹мператорского› в‹еличества› генерал-майор Потапов». Цеэ при этом добавлял: «Вот факт, за верность которого я ручаюсь честью».[16]

Экземпляр, на который ссылается Цеэ, до сих пор не обнаружен; скорее всего, в делах нынешнего ЦГИА в Ленинграде он не находится, да и не должен находиться. Рукопись после набора оставалась в редакции, а к цензору шла корректура. Наличие рукописи безусловно реабилитировало бы Бекетова и не допустило бы его отставки. Во всяком случае Бекетов не мог в своих объяснениях не сослаться на этот важнейший для него документ, а особенно на разрешительную помету Потапова. Очевидно, память двадцать лет спустя изменила Цеэ: в функции Потапова, помимо всего, вовсе не входило делать разрешительные надписи.

Рукопись могла остаться в делах цензуры лишь в том случае, если бы она была запрещена к печати. Среди дел ЦГИА в фонде 777 (С.-Петербургского комитета по делам печати) есть особая опись — № 25 (озаглавленная «Собрание рукописей»): в ней значатся 1948 единиц. Опись составлялась в основном в 1939 г.; потом в 1941, 1957, 1966, 1967 и в 1968 гг. к ней делались небольшие дополнения. Она представляет собою совершенно хаотическое, без какой-либо системы, описание рукописей, печатных изданий, вырезок, цензорских донесений и т. д. — основная часть собрания относится к началу XX в., самые ранние, если не ошибаюсь, к 1848 г. Из произведений Чернышевского в описи указан только: «Н. Чернышев. ‹так!› Рассказ о Крымской войне» (№ 599).

Начало рукописи «Что делать?» было 26 января 1863 г. послано из Петропавловской крепости с.-петербургскому обер-полицеймейстеру для передачи А. Н. Пыпину с правом напечатать ее «при соблюдении установленных для цензуры правил».[17] Этот документ, давно опубликован-

[15] В. Е. Евгеньев-Максимов. Роман «Что делать?» в «Современнике», стр. 229.

[16] М. В. Теплинский. Н. Г. Чернышевский и цензура. (По новым материалам). — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 5. Саратов, 1968, стр. 183. — М. В. Теплинский считает это сообщение Цеэ достоверным. Стоит отметить, что 19 июля 1866 г. председатель С.-Петербургского цензурного комитета М. Н. Турунов извещал правителя дел Главного управления по делам печати П. И. Капниста, очевидно в ответ на его запрос, что ему не известны подробности доставления в цензуру романа, ибо он, мол, вступил в должность лишь «в июле 1863 г.» (Шестидесятые годы..., стр. 391).

[17] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. (По архивным материалам). Изд. 2. М.—Пгр., 1923, стр. 235 (в дальнейшем: Лемке). — Начало романа читал чиновник особых поручений III Отделения действительный статский

ный М. К. Лемке, опровергает поздние воспоминания В. А. Цеэ. Поэтому можно думать, что цензурный урон был невелик, если вообще имел место. Предположение Н. А. Алексеева о том, что «текст несомненно испытал на себе тяжелую руку цензуры», не кажется достаточно обоснованным (см.: Чернышевский, XI, 721) и документально не подтверждается. Разыскания в цензурных архивах, наново (после В. Е. Евгеньева-Максимова и других исследователей) проведенные мною в марте 1971 и в мае 1972 г., неизвестных ранее материалов не обнаружили: в журналах заседания С.-Петербургского цензурного комитета данных о «Что делать?» не найдено (ЦГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 52). Вполне возможно, конечно, что какие-то купюры были произведены неофициальным путем, в «дружеских» беседах Бекетова с редакторами «Современника», но их сегодня восстановить мы бессильны. Можно, например, предположить, что по совету Бекетова или по собственной инициативе пришлось произвести какие-то изъятия на стр. 93 третьего номера «Современника». На такое подозрение наводят расширенные пробелы после строк 5-й сверху и 2-й снизу: производить переверстку редакция явно не хотела. Другой, еще более очевидный случай — четвертый сон Веры Павловны.

Текстологическое своеобразие романа заключается в том, что автор, роман которого появился за его полной подписью, был лишен возможности держать корректуру своего произведения и читать роман: по постановлению следственной комиссии современные журналы Чернышевскому было запрещено выдавать.[18] Мы так и не знаем, когда именно увидел Чернышевский свое произведение в печатном виде.[19] Перед нами редчайший случай: текст огромного художественного произведения не авторизован, и какова была последняя воля автора — мы в сущности ясно себе не представляем.

Отсюда вытекают особые, бóльшие, чем обычно, права и обязанности текстолога при установлении основного текста романа. Сохраняя все явно индивидуальное, следует устранить «индивидуальность» корректора и унифицировать ряд мест в соответствии с современными нормами;

советник А. В. Каменский, следующую часть — генерал-майор П. Н. Слепцов, член следственной комиссии от военного министерства (Лемке, стр. 235, 240).

[18] Лемке, стр. 241. — В начале 1864 г. Некрасов передал в библиотеку Петропавловской крепости комплекты «Современника» за 1861—1863 гг. — это было сделано, конечно, для Чернышевского, и в частности, чтобы дать ему возможность читать «Что делать?» (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. XI. М., 1952, стр. 28): во всяком случае, № 1 за 1863 г. Чернышевский имел в крепости (Чернышевский, XIV, 489).

[19] Не заслуживает доверия сообщение С. Г. Стахевича о том, что он познакомился с романом в Петропавловской крепости, путем перестукивания, от соседа по камере А. Левашова (В Петропавловской крепости. — Былое, 1923, № 21, стр. 74).

само собою разумеется, должны быть исправлены более чем сто опечаток текста «Современника».

Единственно возможным было перепечатывать текст романа по «Современнику» 1863 г. Именно так и были осуществлены все дореволюционные зарубежные издания «Что делать?». Список их весьма невелик: женевские издания М. К. Эльпидина 1867, 1876 и 1902 гг. (тираж — по 1000 экземпляров), фотоперепечатка 1897 г.[20] и лейпцигское издание Э. Л. Каспровича 1898 г.

В книге Н. Б<ерезина> «Русские книжные редкости» (М., 1902, стр. 160) содержится совершенно неверное указание, будто бы роман «был также выпущен оттиском из этого журнала в очень небольшом количестве экземпляров». Конечно, такого издания никогда не было (скорее всего, за него было принято фотомеханическое переиздание 1897 г.); редакция «Современника» едва ли бы решилась издавать роман в сброшюрованном виде — ни в 1863, ни в каком другом году. Однако наличие сброшюрованных экземпляров в книжных магазинах Петербурга документально подтверждается отношением с.-петербургского градоначальника, рассмотренным в Совете Главного управления по делам печати 3 декабря 1874 г.[21] Е. Н. Водовозова в своих мемуарах также сообщает, что из вырезанных из «Современника» листов составляли экземпляры, цена которых превышала 25 рублей[22] — большую по тем временам сумму. Вероятно, именно один из таких экземпляров был приобретен ГПБ в Книжной лавке писателей в 1958 г. Другой, хорошей сохранности, находится в Ленинграде в собрании М. С. Лесмана. В библиотеке В. А. Десницкого находился, как любезно сообщила мне Н. М. Чернышевская в письме от 16 марта 1971 г., экземпляр с надписью: «Николаю Гавриловичу от наборщиков». Его нынешнее местонахождение неизвестно.

Строгий цензурный запрет с «Что делать?» был снят только революцией 1905 г.[23]

---

[20] См.: Народоволец. Социально-политическое обозрение, 1897, май, стр. 78; Автономно-демократическая конституция, 1897, 8 августа, обозрение печати; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати. Часть V. М., 1971, стр. 767, № 2127 (ротапринт); С. С. Левина. Изучение и описание русских нелегальных книг XIX в. Инструктивно-методические указания. М., 1973, стр. 36 (ротапринт).

[21] М. В. Теплинский. Н. Г. Чернышевский и цензура, стр. 185; Б. Е. Есин. Распространение журнального текста романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — В кн.: Журналистика и литература. Изд. МГУ, 1972, стр. 275—276.

[22] На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты. Т. II. М., 1964, стр. 199. — В конце века за комплект «Современника» с романом Н. Г. Чернышевского цена доходила до 60 р. (А. С. Суворин. Дневник. М.—Пгр., 1923, стр. 151).

[23] В 1905 г. вышли два издания романа — в марте и июне; на этом последнем обозначено: «Издание второе М. Н. Чернышевского». В 1906 г. «Что делать?» вошло в состав второй части тома IX Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского (вышел в свет в июле 1906 г.) и отдельным оттиском из этого тома в августе 1906 г. На титульных листах в обоих случаях указано: «Издание 3-е М. Н. Чернышевского». Издания 1905 и 1906 гг. набирались каждое наново, но текстологиче-

В период 1863—1905 гг. русский читатель мог пользоваться либо названными зарубежными изданиями, либо рукописными экземплярами — популярность романа была такова, что энтузиасты переписывали и распространяли объемную рукопись. Такие копии сохранились в наших архивохранилищах. Об изготовленном в Харькове в 1874 г. экземпляре сообщает А. П. Скафтымов в статье «Роман „Что делать?“ (Его идеологический состав и общественное воздействие)».[24] В Пушкинском Доме Академии наук СССР в Ленинграде хранится неполный экземпляр, изготовленный в 1878 г. Интереснейшие сведения еще об одном рукописном экземпляре сообщил старый большевик Николай Александрович Алексеев 12 ноября 1955 г. Н. М. Чернышевский. С разрешения адресата цитирую отрывок из этого письма. «Весной 1888 г., когда мне шел пятнадцатый год и я учился в пятом классе новгород-северской гимназии, со мной сблизился мой одноклассник В. М. Сапежко <...>. В. М. решил организовать строго конспиративный кружок саморазвития среди гимназистов для подготовки его членов к революционной деятельности <...>. В следующем году, находясь на масляницe в родительском доме, я получил по почте из Новгород-Северска от В. М. Сапежко 120 страниц романа „Что делать?“, который удалось раздобыть на очень короткий срок. Чтобы использовать его для своих целей, членам кружка надо было срочно переписать весь текст <...>. Переписанный роман был переплетен в несколько частей. Переплетчиком был сам В. М., заплативший за обучение этому ремеслу местному переплетчику».

Далее, Н. М. Чернышевская в письме ко мне от 10 февраля 1971 г. добавляла: «Из бесед в доме Алексеевых <...> я несколько раз слышала разговоры о том, например, что Николай Александрович в течение своей жизни (до революции) четыре раза переписал от руки роман „Что делать?“. Жена Н. А. Елизавета Павловна добавляла, что В. М. Сапежко переодевался нищим и в большом мешке (будто бы для собирания хлеба) носил рукопись романа „Что делать?“, переплетенную им и его товарищами, для распространения в деревнях (вероятно, среди земской интеллигенции)».

Сведения о еще трех рукописных экземплярах (начала 1890-х годов) можно найти в воспоминаниях старого большевика Н. Л. Мещерякова.[25]

О распространенности списков «Что делать?» важное свидетельство находим в мемуарах И. Е. Репина: «Книгой „Что делать?“ зачитывались не только по затрепанным экземплярам, но и по спискам, которые со-

---

ского интереса они не представляют, восходя в обоих случаях к «Современнику». Все эти данные любезно сообщены мне Н. М. Чернышевской, на основании ее семейного архива, в письмах от 22 мая и 14 октября 1971 г.

[24] Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926, стр. 139.

[25] Борьба классов. М., 1932, стр. 48. Цит. по примечаниям Н. В. Водовозова в изд.: Н. Г. Чернышевский. Что делать? Academia, 1937, стр. 450.

VIII

Проницательный читатель, — я объясняюсь только съ читателемъ: читательница слишкомъ умна, чтобы надоѣдать своею догадливостью, потому я съ нею не объясняюсь, говорю это разъ навсегда; есть и между читателями не мало людей не глупыхъ: съ этими читателями я тоже не объясняюсь; но большинство читателей, въ томъ числѣ почти всѣ литераторы и литературщики, люди проницательные, съ которыми мнѣ всегда пріятно бесѣдовать, — итакъ, проницательный читатель говоритъ: я понимаю, къ чему идетъ дѣло; въ жизни Вѣры Павловны начинается новый романъ; въ немъ будетъ играть роль Кирсановъ; я понимаю даже больше: Кирсановъ уже давно влюбленъ въ Вѣру Павловну, потому-то онъ и перестал бывать у Лопуховыхъ. О, какъ ты понятливъ, проницательный читатель: какъ только тебѣ скажешь что-нибудь, ты сейчасъ же замѣчаешь: „я понялъ это", и восхищаешься своею проницательностью. Благоговѣю предъ тобой, проницательный читатель.

Итакъ, въ исторіи Вѣры Павловны является новое лицо, и надобно было бы описать его, еслибы оно уже не было описано. Когда я разсказывалъ о Лопуховѣ, то затруднялся обособить его отъ его задушевнаго пріятеля и не умѣлъ сказать о немъ почти ничего такого, чего не надобно было бы повторить и о Кирсановѣ. И дѣйствительно,

Страница нелегальной рукописной копии «Что делать?».

хранялись вместе с писанной запрещенной литературой и недозволенными карточками „политических“».[26]

В ЦГАОРе, в фонде Особого присутствия правительствующего сената, в материалах вещественных доказательств, отобранных у А. В. Андреевой, С. К. Волкова и В. А. Жегунева в 1879 г., находятся рукописные отрывки 2-й главы «Что делать?».[27]

Обширные выписки из «Что делать?» были обнаружены властями у саратовского писаря в 1886 г.[28]

О переписке от руки в 1880—1890-е годы сочинений Чернышевского пишет в мемуарах Э. Кадомцев.[29]

Таким образом, факт рукописного бытования романа может считаться бесспорным: текст во всех случаях восходил к «Современнику». Экземпляров, конечно, было больше, чем десять-пятнадцать, о которых сохранились сведения.[30]

Новый этап в изучении романа начался только после Великой Октябрьской революции, когда в архиве Петропавловской крепости была найдена черновая рукопись «Что делать?». В 1929 г. она была опубликована Издательством политкаторжан.[31] Это издание представляет собою результат продолжительного, поистине героического труда Н. А. Алексеева.[32] Незадолго до того им был расшифрован дневник Чернышевского. Как известно, помимо трудностей с чтением вообще не очень разборчивого почерка Чернышевского,[33] им была выработана сложная полустенографическая система сокращений и условных обозначений многих грам-

---

[26] И. Е. Репин. Далекое — Близкое. М.—Л., 1937, стр. 181.

[27] ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, стр. 3.

[28] В. К. Архангельская. Из архивных разысканий. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 6. Саратов, 1971, стр. 272—273.

[29] Э. Кадомцев. Воспоминания о молодости. М., 1937, стр. 17—18.

[30] Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров сообщают, что роман распространялся также и в гектографированном виде, — такие экземпляры мне не встречались (Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1933, стр. 223).

[31] Н. Г. Чернышевский. «Что делать?» (роман, писанный в Петропавловской крепости) в первоначальном виде. Под редакцией и с примечаниями Н. А. Алексеева. М., Изд-во политкаторжан, 1929. — Это издание существует в двух вариантах: первый — тиражом 4000 экземпляров, второй — 5500. Второй вариант был отпечатан по тому же набору, что и первый. Во втором есть отсутствовавшие в первом «Предисловие» от издательства и оглавление; несколько отличны титульные листы, различны фигурные концовки на стр. 464. По сообщению Н. М. Чернышевской (в письме ко мне от 10 февраля 1971 г.), второй вариант был выпущен по не рассыпанному еще набору, когда первый разошелся «молниеносно».

[32] До того два отрывка (глава четвертая, § 17, и глава пятая, § 18) были напечатаны им же в издании: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1928, стр. 19—28.

[33] Неразборчивость усиливалась, вероятно, и тем, что привыкший писать металлическим пером Чернышевский в крепости принужден был снова обратиться к гусиному: заключенным стальные перья не выдавались; см.: И. Борисов. Алексеевский равелин в 1862—65 гг., стр. 576; Лемке, стр. 363.

матических форм и оборотов.[34] Исключительно ценная для своего времени работа Н. А. Алексеева сегодня уже должна быть признана устарелой и не соответствующей требованиям нынешней текстологии. Полную транскрипцию всей черновой рукописи в 1973—1974 гг. наново осуществила Т. И. Орнатская, ее труд и печатается в настоящем издании: в нем, как может легко убедиться читатель, многое прочтено иначе, многие главы и параграфы поставлены в иных местах, впервые воспроизводятся все недописанные фразы, зачеркнутые места и пр. Только теперь становится возможным изучить в деталях всю историю создания романа.

С выходом романа в Издательстве политкаторжан проблема текста существенно осложнилась. Дело в том, что первоначальный черновик не просто перебелялся, а при этом существенно переделывался: что-то сокращалось, что-то, наоборот, расширялось. Текст все время правился стилистически, а в ряде случаев отдельные места исключались в предвидении цензуры. Во всяком случае первоначальный текст начисто опровергает предположение В. Н. Шульгина, будто бы черновая редакция мало чем отличалась от беловой и что Чернышевский переписывал роман для того, чтобы иметь запасной экземпляр на случай утраты белового.[35]

Творческая история романа остается еще далеко не разработанной. Следует иметь в виду, что роман писался безостановочно и работа над ним шла одновременно по разным линиям. По мере того как определенная часть завершалась, Чернышевский перебелял ее, а точнее говоря, перерабатывал, нередко расширяя отдельные места. Завершенный текст сложными путями отправлялся в редакцию «Современника». Но в то же самое время Чернышевский писал роман и дальше. При этом отдельные листы, на которых были начаты те или другие отрывки, почему-либо не удовлетворившие автора, не уничтожались, а использовались в дальнейшей работе. Возможно, что выданные заключенному листы были на строгом учете, во всяком случае разбрасываться ими не приходилось. Именно таким образом возникли позднейшие записи на листах 34 об.—35, 41—42, 52 об.—59. На них в самом разном порядке находятся отброшенные, но нередко очень интересные варианты и даже другие редакции романа (стр. 715—742 наст. изд.; в дальнейшем указывается только страница).

---

[34] Н. А. Алексеев. «Шифр» Н. Г. Чернышевского. — Красный архив, т. 3 (76), 1936, стр. 221—225; ‹И. Ф. Протасов?›. О рукописи Чернышевского. — Вопросы стенографии и машинописи, 1928, № 12, стр. 3—5.

[35] В. Н. Шульгин. Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., 1956, стр. 84. — Дошедший до нас черновой текст опровергает и сообщение Н. В. Рейнгардта, будто бы роман писался «на обрывках» (цитированная выше статья в «Современном слове»).

Для спешной работы было характерно и то, что в черновике окончания романа не было — оно писалось, очевидно, прямо набело: §§ 19—23 главы пятой и глава шестая известны только по журнальному тексту.

2

Сообщение о том, что Чернышевский пишет роман и предназначает его для «Современника», заключенный в «покое № 11» Алексеевского равелина мог сообщить в одном из не дошедших до нас писем к А. Н. Пыпину, писанных до 18 декабря, 20 декабря или около 24 декабря.[36] Во всяком случае Е. Н. Пыпина сообщала об этом своим родителям в Саратов уже 1 января 1863 г.[37]

Еще не получив романа и вообще не зная, дойдет ли он, а если дойдет — будет ли пропущен цензурой, редакция «Современника» (ее, кроме Чернышевского, составляли в это время Некрасов, Пыпин, Салтыков-Щедрин, Антонович) поспешила сделать на обложке № 1—2 журнала (возобновленного после восьмимесячного запрета) следующее объявление: «Для „Современника“, между прочим, имеются: „Что делать?“ роман Н. Г. Чернышевского. (Начнется печатанием со следующей книжки)». Дальше объявлялось о романе Н. Г. Помяловского «Брат и сестра», повести М. Е. Салтыкова «Тихое пристанище» и о комедии А. Н. Островского «Пучина». В общем перечне демонстративность анонса «Что делать?» была несколько ослаблена.[38]

Тем не менее объявление, надо сказать, не только смелое, но и рискованное. Редакция на самом видном месте называла имя арестованного члена редакции. Притом судьба романа была в это время еще совершенно не ясна: цензурное разрешение № 1—2 дано 5 февраля,[39] между тем рукопись после случайной потери ее 3 февраля Некрасовым была доставлена ему лишь 8 февраля,[40] — значит, раньше 9-го никак не

---

[36] Н. М. Ч е р н ы ш е в с к а я. Летопись..., стр. 275.

[37] Н. М. Ч е р н ы ш е в с к а я - Б ы с т р о в а. Чернышевский в Алексеевском равелине. (Переписка Е. Н. Пыпиной с родными 1862—1864 гг.). — В кн.: Николай Гаврилович Чернышевский... Саратов, 1928, стр. 304.

[38] Е. Н. Пыпина в письме к родителям в Саратов 5 ноября 1862 г. сообщала, что объявление об издании «Современника» в 1862 г. после «всех мытарств» было урезано цензурою, в частности не было пропущено имя Чернышевского; тогда редакция вообще отказалась от перечисления имен ближайших сотрудников (Литературное наследство, т. 25—26. М., 1936, стр. 390; объявление см., например, в «С.-Петербургских ведомостях», 1862, 13 ноября, № 248, стр. 1051, и потом еще несколько раз в той же редакции). Один из запрещенных цензурою вариантов см.: Н. А. Н е к р а с о в. Полн. собр. соч. и писем, т. XII, стр. 203—204.

[39] В. Э. Б о г р а д. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959, стр. 416.

[40] Ведомости С.-Петербургской городской полиции, 1863, 5, 6, 7 февраля, №№ 29, 30 и 31; А. Я. П а н а е в а (Г о л о в а ч е в а). Воспоминания, стр. 352—356; Е. Л‹и т в и н о в а›. Воспоминания о Н. А. Некрасове. — Научное обозрение, 1903, № 4, стр. 131; А. М. Л о в я г и н. Из бесед с П. А. Ефремовым. — Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты (Новая серия), вып. 1, СПб., 1908, стр. 3.

могла быть сдана в набор, — затем корректуры (они были готовы к 19 марта) были, как полагалось, отправлены цензору; а в этот день № 1—2 уже вышел в свет.

С другой стороны, не зная, как обернется его судьба и успеет ли он дописать роман, Чернышевский явно торопился.[41] Роман объемом в 27 печатных листов был написан в период с 14 декабря 1862 г. до 4 апреля 1863 г. Все это время шла напряженная борьба со следователями[42] и продолжалась работа над переводами Шлоссера и Гервинуса; все же в месяц в среднем писалось не меньше шести листов — темп ни с чем несравнимый и неслыханный в истории литературы.

Беловой текст, разумеется, переписывался Чернышевским без каких-либо сокращений. Черновой же, вопреки обычной своей манере, Чернышевский вначале писал также полностью, не применяя издавна выработанной им системы сокращений, — так было написано около половины романа. Далее Чернышевский стал писать краткописью и сделал об этом 23 января 1863 г. (§ 17 главы третьей) такую пометку: «Отсюда я начинаю писать сокращенно, как писаны все мои черновые [ру<кописи>], — это я делаю потому, что, надеюсь, Комиссия уже достаточно знакома с моим характером, чтобы знать, что в моих бумагах [нет ничего] и не может быть ничего противозаконного. Притом же, ведь это черновая рукопись, которая переписывается набело без сокращений. Но если непременно захотелось бы прочесть и эти черновые страницы романа, я готов прочесть их вслух (это легче) или дать ключ к сокращениям» (538).

Когда Чернышевский передал в следственную комиссию для пересылки в редакцию «Современника» 36 листов, составлявших первые две главы, 15 января 1863 г.[43] (т. е. ровно через месяц после начала работы), роман еще был далеко не дописан — он был доведен примерно до § 16 главы третьей.[44]

---

[41] Конечно, этим объясняется передача рукописи в редакцию «Современника» по частям. Совершенно неосновательно предположение Н. В. Богословского, будто бы в пересылке частями было нечто очень тонкое и хитроумное. При передаче романа сразу полностью у членов следственной комиссии, мол, «могли бы возникнуть и наверняка бы возникли сомнения относительно цензурности романа» (Н. В. Богословский. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Что делать? Из рассказов о новых людях. Роман. М., 1971, стр. 11—12). Чтобы обеспечить печатание неоконченного романа из номера в номер, единственным выходом (обычным в журнальной практике тех лет) было представление рукописи по частям.

[42] Роман, разумеется, тоже был одним из звеньев тщательно обдуманной борьбы, но этот аспект просматривавшими «Что делать?» чиновниками уловлен не был. Впрочем, Н. В. Рейнгардт передает, что роман был одной из улик (О Н. Г. Чернышевском, стр. 2); однако нигде в материалах процесса роман не фигурирует. Так же, как Рейнгардт, думал и Н. И. Костомаров (Автобиография. М., 1922, стр. 334).

[43] Лемке, стр. 235.

[44] Чернышевский сам отмечал на полях черновой рукописи даты; они воспроизведены в настоящем издании.

Меньше чем через месяц, 12 февраля, были переданы следующие 36 листов,[45] — в это время роман был дописан приблизительно до четвертой главы.

Завершенный вчерне 2 марта, роман сразу же начал переписываться и 26, 28 и 30 марта был по частям передан в следственную комиссию.[46]

Последняя, небольшая часть и записка для Пыпина и Некрасова были переданы 6 апреля.[47] Таким образом, Чернышевский ни разу не имел перед собою романа в полном виде.

Даты получения отдельных частей романа — 3 февраля, около 18 февраля и около 20 апреля[48] — стоит сопоставить с датами цензурных разрешений №№ 3, 4 и 5 «Современника»: № 3 — 15 февраля и 14 марта (выход в свет — 19 марта), № 4 — 20 апреля (выход в свет — 28 апреля), № 5 — 27 апреля и 18 мая (выход в свет — 30 мая).[49]

Из письма Е. Н. Пыпиной к родителям от 19 февраля мы узнаем, что первые две главы к этому времени уже были набраны, — значит, на их набор (приблизительно 8 печатных листов) ушло никак не более десяти дней: по тем временам это были темпы очень быстрые.

О темпах набора второй и третьей посылки сведений нет. Но можно не сомневаться, что и здесь промедления не было. Ведь всегда была опасность, что на роман будет обращено внимание властей и что печатание его будет прекращено.

Само собой разумеется, что никакой возможности сноситься с автором по поводу цензурных или редакционных купюр не было.

3

В литературе о Чернышевском до сих пор нет работы, которая была бы посвящена сравнению чернового и журнального текста. Между тем сопоставление первоначального и окончательного текстов должно прояснить историю текста романа: различия их очень значительны и могут исследоваться в разных аспектах.

План романа определился уже в черновике и особых изменений не претерпел.

---

[45] Лемке, стр. 240.

[46] Там же, стр. 316.

[47] Там же.

[48] Там же, стр. 317; Н. М. Чернышевская. Летопись..., стр. 286. — Третья дата устанавливается предположительно: Потапов передал окончание романа в следственную комиссию 6 апреля (Лемке, стр. 316), но 16 апреля он еще не был получен (см. письмо Е. Н. Пыпиной 16 апреля: Н. М. Чернышевская-Быстрова. Чернышевский в Алексеевском равелине, стр. 306).

[49] В. Э. Боград. Журнал «Современник», стр. 418, 420, 423.

Наиболее значительны отступления в главе третьей.[50] § 21 черновика соответствует § 20 журнального текста (и далее до конца главы, т. е. до § 31 включительно). Еще больше переделана пятая глава — в ней начиная с § 14 и до конца нет соответствия черновой и окончательной редакции. § 18 этой главы не имеет в журнальном тексте ничего подобного — его нумерация совершенно условна и определяется последовательностью отрывков; о нем речь пойдет ниже. § 7, 8 и 9 главы четвертой черновика лишь отчасти совпадают с окончательным текстом.

Некоторые параграфы появились лишь в окончательном тексте: ранее они отсутствовали. Таковы «Похвальное слово Марье Алексевне» (§ 24 главы второй) и «Особенный человек» (§ 29 главы третьей). Особое заглавие («Вторая завязка»), в окончательном тексте устраненное, в черновике дано отрывку, вошедшему потом именно в параграф «Особенный человек». В остальном, с небольшими вариантами, в черновике налицо заглавия первой, второй, третьей и четвертой глав; глава пятая в ранней редакции заглавия не имеет, глава шестая отсутствует — она была написана, очевидно, лишь при перебеливании рукописи. Заглавий отдельных параграфов в ранней редакции вообще нет, если не считать третьего и четвертого сна Веры Павловны и письма Катерины Васильевны Полозовой.

Роман — от черновика к беловику — подвергся существеннейшей переработке; черновой текст, сравнительно с окончательным, особенно интересен с точки зрения его приспособления для цензуры.

Цензура, конечно, предстояла в сознании Чернышевского и при писании романа в его первой редакции. Но, в чем-то сразу сдерживая себя, Чернышевский в других случаях писал свободно, очевидно заранее решив, что особенное внимание на эту сторону он обратит при окончательной отделке романа.

Обратим внимание на некоторые, наиболее характерные места.

Уже в самом начале Чернышевский снял фразы, несколько расширявшие тему: «Философ из этого выведет, что большинство всегда консервативно. Эстетик выведет, что трагедия влечет к себе мысль и чувство сильнее, чем фарс». И несколько ниже: «Консерваторы оказались правы, как всегда <...>. Так мудрый ход истории всегда дает делу конец, более или менее удовлетворительный даже и для побеждаемой стороны» (347).

В «Предисловии» Чернышевский, по аналогичным соображениям, снял характерный публицистический выпад: «Зачем вы так много страдаете, люди? Нет вам никакой надобности страдать, кроме дикости ваших понятий. Поймите истину, и истина осчастливит вас» (356). Эти слова,

---

[50] Все ссылки обозначают главы и параграфы, соответствующие окончательному тексту. Следует, однако, иметь в виду, что первоначально текст был написан без разделения на параграфы.

написанные с проповедническим пафосом, сразу обращали мысль читателя (и значит властей!) к революционному пути переустройства мира — начинать с такой демонстративной декларации писатель счел излишним.[51]

В § 1 главы первой, снова по тем же причинам, снят звучавший дидактически абзац, которым Чернышевский заключал пьяную исповедь Марьи Алексевны: «Верочка слушала, и женщина, казавшаяся ей чудовищем, теперь становилась понятна: это не зверь, как ей казалось прежде, нет, — это человек — испорченный, ужасный, обращенный колдовством жизни в зверя, но все-таки человек. Прежде в Верочке была только ненависть к матери, — теперь она чувствовала, что в ее сердце рождается что-то похожее на жалость. Это был первый и сильный практический урок в любви к людям, как бы ни были они злы и испорчены» (366); особенно многозначительны последние две строки.

Явно выходили за границы темы и могли быть расширительно истолкованы слова от автора в § 3 главы первой: «по наблюдению, внесенному во все романы, что дерзкий человек, не привыкший встречать сопротивления, трусит и бывает разбит наповал, как встретит твердое сопротивление» (373).

Иногда устранялась, казалось бы, мелочь. Однако она существенно усиливала социальное звучание. Так, в § 4 главы первой снята деталь: «Полковник был очень важной фамилии» (374). Речь идет о Серже, который стал полковником только в воображении кухарки, но вторая часть фразы ориентировала на высшие круги и не была необходима. Поэтому в окончательном тексте полковник остался, а «важная фамилия» была устранена. Аналогично Чернышевский поступал и в других случаях. В § 8 главы третьей черновика Лопухов кладет в грязную канаву «туза» «со звездой», т. е. генерала или действительного статского советника и именует его при этом: «Ваше превосходительство» (512); в журнале — «некто осанистый» и «милостивый государь» (147).

Снова то же самое в истории с дамой, для которой Кирсанов составлял каталог книг. Он произносит: «*Я, ваше-ство* — назвал даму по ее титулу, *очень хорошему*» (512); подчеркнутого в окончательном тексте нет.

В назидание сыну этой титулованной дамы Кирсанов грозит дать ему оплеуху (513), — и это в журнале отсутствует.

Эти четыре детали из разных мест романа — все одного плана.

Очень характерной переработке подверглось место о невесте Лопухова. На вечере в доме Розальских Лопухов объявляет Верочке, что у него есть невеста. В окончательном тексте разговор ведется так, что читатель некоторое время готов верить в ее реальность. В черновике

---

[51] Ср.: Н. А. Вердеревская. Публицистическое и художественно-образное в произведениях Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Проблемы русской и зарубежной литературы. Вып. 4. Ярославль, 1970, стр. 157—166.

(§ 4 главы второй) это место звучит совсем иначе: Лопухов объясняет Верочке, что у него «две невесты» — тем самым сразу обнажает нарочитость рассказа. С одной невестой (наукой) «мы <...> ставим на лампу реторты, режем лягушек», с другою (бедность, нищета, неустройство жизни, в более широком плане — революция) Лопухов постоянно, несколько раз сталкивается в течение дня (405—406). Таким образом, фиктивность, аллегоричность «невест» формулируется в разговоре с Верочкой сразу же и только для Марьи Алексевны сохраняется почти фарсовый рассказ об обручении и пр.[52]

В § 6 главы второй сняты публицистически звучащие слова от автора, выводящие за непосредственные сюжетные цели данного отрывка: «Нам нужны факты. И факты — я ничего не рассказываю, кроме фактов, — хороши они, дурны они — мне что за дело, — сами судите, правдоподобны они или нет по вашему мнению, это зависит от того, в каком кругу вы жили, с какими людьми знались. <...> Я полагаю, что мнения того, другого и третьего не имеют никакого влияния на достоверность самого факта, а свидетельствуют только о степени развития людей, выражающих о нем то или другое мнение» (415).

Настойчивое подчеркивание того, что Лопухов — материалист, показалось Чернышевскому излишним; в черновике (§ 9 главы второй) был, а в журнальном тексте полностью исчез довольно большой, издевательски звучавший абзац, в котором есть такие слова: «по своему образу мыслей Лопухов был, что называется, материалист. Что можно сказать в извинение такому дурному свойству Лопухова? Разве только то, что он был медик и занимался естественными науками, — это располагает к материалистическому взгляду. Но, по правде сказать, и это извинение плоховато <...> Стало быть, от заразы можно предохраниться <...> Он был материалист, — этим все решено, — и автор не так прост, чтобы стал спорить против того, что материалисты — люди низкие и безнравственные» (428).

В § 18 главы второй снят очень характерный выпад против славянофилов. Верочка протестует против того, что женщинам навязывают женственность. Лопухов ее поддерживает: «То же самое, Верочка, как славянофилы упрашивают русский народ, чтобы он оставался русским, — они не имеют понятия, что такое натура, и думают, что хоть мне, например, нужно ужасно заботиться о том, чтобы у меня волосы оставались каштановыми, — а если я чуть забуду об этом заботиться, то вдруг порыжею» (452). Полемика со славянофилами усиливала политическую актуальность и могла вызвать цензурные придирки; для придания роману большей цельности Чернышевский (или редакция?) предпочел устранить этот кусок.

---

[52] Ср.: М. Т. Пинаев. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1963, стр. 34—37.

В § 19 главы второй Чернышевский обращается с гневной инвективой к современному ему поколению: «Грязные люди, дрянные люди, гнилые люди. Хорошо, что ты, читатель, не таков». Тут же, обрывая себя, Чернышевский пишет, что он человек «старого века», а ныне, мол, «русская публика, к какой я привык, уже больше чем наполовину сменилась публикою другого поколения, более честного и более чистого. Не очень еще много в ней людей, у которых голова в порядке. Но большинство уже имеет, по крайней мере, желание смотреть на белый свет честным взглядом» (458). Соображения, по которым это место снято, очевидно, те же, что и в изложенном выше отрывке: оно не было безусловно необходимым. То же самое мы встретим еще раз — в § 4 главы третьей, в описании ареста Сашеньки Кожуховой. Лопухову в полиции «наговорили грубостей и только, — это было давно, лет восемь тому назад, с тех пор полиция очень много переменилась в обращении с людьми, одетыми порядочно; переменилась ли в обращении с народом и переменилась ли в сущности, я не знаю, но очень может быть, что переменилась даже и в этом; тогда было другое, господствовала еще полная грубость» (499).

Все это звучит явно иронично: Чернышевский подчеркивает, что изменения если и произошли, то лишь в отношении людей высшего класса. Учтем и другое. Действие этой главы отнесено приблизительно к концу 1855 г. (через полгода, в июле 1856 г., произошло «самоубийство» Лопухова). Значит, «лет восемь тому назад» — это конец 1847 г., т. е. начало эпохи «мрачного семилетия».

Около половины августа 1855 г.[53] работницы швейной мастерской вместе с Верой Павловной и Лопуховым отправились в загородную прогулку на Острова (§ 6 главы третьей). С ними поехали «молодой офицер, человек пять университетских и медицинских студентов» (505), в этом же пикнике участвовал и «ригорист», т. е. Рахметов. Во время пикника двое студентов стали изобличать Лопухова в «неконсеквентности, остатках прокислой гегелевщины, модерантизме, консерватизме и — что уже хуже всего — в буржуазности — и что еще хуже самой буржуазности — в скептицизме» (505—506). Один из студентов встал на сторону Лопухова, но офицер и двое других студентов присоединились к нападающим. Спор длился долго: часть отстала, но двое — «его постоянные противники и упорнейшие поклонники» — долго его продолжали. Несколько позднее друзья стали рассуждать об Огюсте Конте: в его системе «видели очень много верного, но слишком много непоследовательной примеси средневековых понятий <...> — тут не было разноречия» (506).

В окончательном тексте это место претерпело изменения. Двое студентов, поклонники Лопухова, и он сам «отыскивали друг в друге некон-

---

[53] Год не указан, но легко определяется — в июле следующего, 1856 г. Лопухов симулировал самоубийство.

секвентности, модерантизм, буржуазность» (143): «прокислая гегелевщина» и «консерватизм» исчезли. Зато у одного студента нашли романтизм, у другого — ригоризм, а у Лопухова — схематистику. Офицер был «уличаем в огюст-контизме» (143). Несколько позднее роли переменились: в огюст-контизме обвинялся уже Лопухов, а в схематизме — офицер.

Очевидно, что, называя грехи передового деятеля эпохи, Чернышевский воспроизводит политические и философские споры и терминологию эпохи.

Роман был адресован самым широким кругам читателей того времени. Трудно предположить, что автор употреблял бы слова, непонятные этому кругу: очевидно, перед нами распространенные слова эпохи.

«Гегелевщина» — т. е. все то, что восходило к идеалистическому миропониманию 1840-х годов, — надо полагать, не требовала особых пояснений для читателя первой половины 1860-х годов. Как ни велико было значение Гегеля для русской умственной жизни первой половины XIX в., и в частности для самого Чернышевского,[54] все же для эпохи революционной ситуации он уже никак не был актуален — употребленный Чернышевским суффикс «-щина», «прокислая гегелевщина» черновика это выразительно подчеркивает. Консерватизм и скептицизм тоже едва ли требовали комментариев — это были ходовые понятия эпохи. Консерватор — это, скажем, Павел Петрович Кирсанов из «Отцов и детей» Тургенева; скептик — человек, не верящий в прогресс и в близкие перемены, а эпоха требовала веры в положительный идеал, без которого борьба становилась бесперспективной, лишенной цели. Так, в популярном в те годы «Философском лексиконе» С. С. Гогоцкого, куда как далекого от материалистического мировоззрения, было сказано, что скептицизм «не имеет прочного положительного значения <...> Значение скептицизма только условное, переходное, возбуждающее вслед за собою новые исследования и потребности положительных убеждений» (т. IV, Киев, 1872, стр. 349).

Но и эти три понятия были из окончательного текста сняты и заменены другими. Некоторые из них не требуют пояснений. Романтик в устах, например, Базарова было едва ли не бранным словом. Схематистика — нечто оторванное от жизни и уже по одному тому неприемлемое. Буржуазность была всем понятна: о ней много было сказано у Герцена в «С того берега» (1850).

Ригоризм, воплощенный в Рахметове, — это было нечто вроде его прозвища, — понятие более сложное. Словари определяют ригоризм как безусловную строгость «в исполнении должного по его убеждению» (Даль). В этом и была для современников привлекательность ригоризма:

---

[54] А. И. Володин. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973, стр. 204—211.

на фоне Рудиных и Агариных требовательность к себе была положительным качеством. Но в жизни законченный ригоризм вызвал и некоторое небрежение. «Не следует увлекаться педантическим ригоризмом», — писал Писарев в «Цветах невинного юмора»;[55] вот эта чрезмерность отождествлялась с педантизмом и могла вызывать неприязненное отношение. Нужна была законченная, величественная в своих конечных целях устремленность Рахметова, чтобы вызвать к ней уважение. Впрочем, ригоризм был обнаружен только у одного студента и подвергался относительно меньшим нападкам, чем другие идейные пороки эпохи.

Сложнее было отношение Чернышевского к Огюсту Конту. Он читал его впервые в 1846 г. Сначала Конт ему понравился, но вскоре он заподозрил, «не вздор ли все это» (I, 197). Впрочем, в статье «Июльская монархия» («Современник», 1860, №№ 1, 2, 5) Конт назван «одним из гениальнейших людей нашего времени» (VII, 166). А в письме к сыновьям из Вилюйска 27 апреля 1876 г. Конт подвергся решительному осуждению: «Есть другая школа, в которой гадкого нет почти ничего (если не считать глупостей ее основателя, отвергнутых его учениками), но которая очень смешна для меня. Это — огюст-контизм» (XIV, 651). Далее следовала суровая критика Конта: в заключение он был назван «запоздалым выродком» «Критики чистого разума» Канта.

Учение Конта пользовалось в России 1840-х и последующих годов немалой популярностью. В 1860-е годы близкие Конту идеи развивал П. Л. Лавров. Следует учитывать, что при отсутствии научного материализма в середине XIX в. позитивизм оказывал воздействие на радикалов — от В. Н. Майкова и до Писарева; не мог пройти мимо него и Чернышевский. Во всяком случае современники хорошо понимали смысл этих споров и знали их адресата (или адресатов).

Итак, перед нами целый ряд идеологических понятий эпохи. Все эти формулы были чужды и даже враждебны правящему классу, но все же были цензурно приемлемы.

Но первые два слова окончательного текста совсем иного характера. Сложно звучащие, малораспространенные в обиходе неконсеквентность и модерантизм были воскрешенными архаизмами, в качестве своеобразных политических эвфемизмов эпохи намеренно употребленными Чернышевским в контексте других, более невинных терминов.

Модерантизм — политический термин эпохи французской революции. Так монтаньяры называли сначала жирондистов, а потом дантонистов. Вожди модерантизма — Демулен и Дантон — 5 апреля 1794 г. были гильотинированы. Термидорианская реакция и была победой принципов модерантизма, т. е. — в точном русском переводе — умеренности. В ка-

---

[55] Д. И. Писарев. Соч., т. II. М., 1955, стр. 360.

честве особой словарной статьи модерантизм и модерантисты введены в знаменитый «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. С. Кириллова (вып. 1, СПб., 1845, стр. 194).

В более позднее время это слово несколько раз было употреблено Чернышевским в № 9 «Современника» за 1859 г. в обзоре «Политика»: «Этих реформаторов, проповедующих вражду против революционеров, назовем хоть модерантистами, по выражению конца XVIII века <...> сословия, участвующие до некоторой степени в просвещении и благосостоянии, — распадаются на три партии: реакционеров, модерантистов и революционеров» (VI, 338 и 339). В следующих строках это слово употреблено еще три раза. Модерантистами названы Кавур и орлеанисты. Одним словом, модерантисты — это для России либералы, постепеновцы. Русский перевод — умеренные — не раз употребит Герцен в работе «С того берега», оно встретится в статье Добролюбова «Из Турина» (1861), но Чернышевский предпочел употребить эвфемизм, точнее говоря — кальку с французского.

Примерно то же самое и с термином консеквентность. Этимологически слово означает последовательность (от франц. conséquence). Популярная в свое время книга С. С. Г<огоцкого> «Философский словарь, или Краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии» (Киев, 1876, стр. 36) определяет этот термин так: «Консеквентностью называется не вообще последовательность мыслей, но последовательность в выводах и заключениях из каких-нибудь предпосланных начал или положений». В этом же значении слово зарегистрировано и в «Словаре русского языка» Академии наук в 1912 г. (т. IV, вып. 6, стлб. 1862). Слова эти не получили особого распространения в русском языке, но в 1840-х годах встречаются в языке Герцена и Белинского. 22 сентября 1842 г. Герцен записывает в дневник: «Геройство консеквентности, самоотвержение принятия последствий так трудно, что величайшие люди останавливались перед очевидными результатами своих же принципов».[56] В напечатанной в ноябре того же года в «Московских ведомостях» статье «Публичные чтения г. Грановского» снова встречаем: «Мы породнились с Европой, когда феодализм, последовательный и неумолимый в консеквентности, своими ногами стал себе на грудь...».[57] «Во всем нужна консеквентность», — писал Белинский в одной из рецензий 1845 г.[58] 6 сентября 1847 г. он же писал В. П. Боткину: «Они <славянофилы> люди некон-

---

[56] А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. II. М., 1934, стр. 229. — А. Ф. Ефремов ошибается, считая слово новым в эпоху 1860-х годов; см. его статью: Иноязычная лексика в языке Н. Г. Чернышевского и ее обработка. — Уч. зап. Сарат. гос. ун-та, 1948, т. XIX, стр. 118.

[57] А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. II, стр. 113.

[58] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1959, стр. 337.

секвентные».[59] Этот философский термин встречается в письмах и материалах, касающихся Б. Н. Чичерина 1850—1860-х гг., и т. д.

Трудно сказать, помнил ли Чернышевский эти слова из статьи Герцена (дневник был опубликован на много лет позже, письма Белинского тоже), — вполне возможно, что он заимствовал это слово из памяти семинарского преподавания, из каких-либо философских трактатов, — во всяком случае важно отметить, что перечень «грехов» включает в себя в равной мере слова и философского и политического смысла. Не исключено, что намеренно усложненная философская лексика служила и для целей цензурной маскировки.

Небывалый успех романа способствовал и тому, что решительно все эпизоды, в том числе и споры на Островах,[60] стали хорошо известны современникам. Это находит подтверждение в том, что Л. Н. Толстой, в 1863—1864 гг. задумавший злую пародию на «Что делать?», счел необходимым использовать и этот термин.

В комедии «Зараженное семейство» 26-летняя племянница помещика, Катерина Матвеевна Дудкина, сбежавшая с акцизным чиновником и настигнутая близкими, изъясняясь все время на нигилистическом жаргоне, говорит дяде: «Вы совершенно правы, Иван Михайлович, поступок мой неконсеквентен» (действие V, явление 7). В «Идиоте» Достоевского (действие романа, написанного в 1867 г., отнесено к концу 1860-х годов) 28-летний Евгений Павлович Радомский иронически обращается к Ипполиту Терентьеву: «Вы таки консеквентны» (часть II, глава 10). Эти примеры — лучшее доказательство того, что названный философский термин был в определенном контексте популярен среди молодежи тех лет.

Очень значителен абзац в § 8 главы третьей, посвященный новым людям. Он налицо и в журнальном тексте, но с одной характерной купюрой. «Шесть лет тому назад этих людей не видели, — три года тому назад презирали, — *теперь боятся, — через несколько лет будут благословлять...*» (514). Подчеркнутые слова о революционном деятеле эпохи устранены: они звучали вызывающе и, конечно, обратили бы на себя внимание цензуры.

Следует остановиться на одной важной детали § 29 главы третьей. В черновом тексте, рассказывая о Рахметове, Чернышевский замечает: «Я встречал человек шесть таких людей» (573). В другом черновом наброске: «Я встречал только [пять], [шесть], [семь], девять человек <...> Двое из этих людей женщины, семеро мужчины» (724). В журнале: «Я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы (в том числе двух женщин)» (202).

---

[59] Там же, т. XII. М., 1956, стр. 323.

[60] В конце апреля 1856 г. у Лопухова собралась «целая ватага молодежи» и происходили «ожесточенные изобличения взаимных неконсеквентностей» (639).

Несомненно, что эти цифры имеют какое-то не до конца выясненное значение в истории политической борьбы 1860-х годов.

В письме к своему институтскому товарищу И. И. Бордюгову от 22 апреля 1859 г. Добролюбов упоминает о пяти или шести друзьях, с которыми он сидел у одного восторженного господина: «...говорил о том, что мне теперь так дорого и о чем с тобой мы тоже толковали».[61] Пять или шесть плюс восторженный господин плюс сам Добролюбов — это семь или восемь человек.

В дневниковой записи Добролюбова 5 июня 1859 г. по поводу статьи Герцена «Very dangerous!!!» — снова глухое упоминание: «Мало нас, если и семеро...», и т. д.[62]

В романе, написанном в 1862—1863 гг., снова встречаемся с близкими цифрами — пять, шесть или семь (в черновиках) и шесть (в окончательном тексте). Из восьми два места заняты женщинами — подходящих кандидатов надо, конечно, искать в кругу М. А. Боковой (урожд. Обручевой, по второму браку Сеченовой), М. А. Богдановой (Быковой), А. П. Блюммер (Кравцовой), Н. И. Корсини (Утиной), М. А. Коркуновой (Понятовской, потом Манассеиной) и ряда других женщин, возглавивших борьбу за право на образование, за свободное устройство своей личной жизни и за многое другое, далеко выходившее за пределы только женских интересов. Недаром большая часть названных здесь имен была связана с «Землей и волей».[63]

Как бы то ни было, настойчивое повторение приблизительно одной и той же цифры — в пределах от пяти до десяти — невольно наводит на мысль о существовании в России какого-то ядра подпольной организации, людей, на которых можно положиться, которые готовы принять непосредственное участие в борьбе. Поименно перечислить этих лиц затруднительно — русское революционно-демократическое движение конца 1850-х—начала 1860-х годов знает гораздо больше людей, безусловно преданных революционной идее; но вполне возможно, что цифры, называемые и Добролюбовым и в романе, следует воспринимать как обозначение центра революционной группы.[64]

---

[61] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в девяти томах, т. IX. М.—Л., 1964, стр. 350.

[62] Там же, т. VIII, стр. 570. — В подсчете Добролюбова ошибка: в приведенном им перечне близких людей названо восемь человек, а если добавить ранее названного И. М. Сорокина и самого Добролюбова, то получается десять.

[63] См.: Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 215.

[64] Этот вопрос обсуждался в ряде статей: М. В. Нечкина. 1) Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.). — Литературное наследство, т. 61. М., 1953, стр. 478—481; 2) Н. Г. Чернышевский в борьбе за сплочение сил русского демократического движения в годы революционной ситуации (1859—1861). — Вопросы истории, 1953, № 7, стр. 69; В. Н. Шульгин. К расшифровке «Странички из дневника» Н. А. Добролюбова. — Там же, 1964, № 10, стр. 128—132; С. А. Рейсер. Был ли Н. А. Добролюбов автором письма «Русского человека» к Герцену? — Там же, 1955, № 7, стр. 130—131; М. Т. Пинаев.

В тексте «Современника» четвертый сон Веры Павловны (§ 16 главы четвертой) имеет один пропуск — седьмой раздел заменен двумя строками точек (в журнале типографская небрежность — он обозначен как восьмой).

В черновом тексте четвертый сон не разбит на разделы, но, сверяя оба текста, установить границы каждого из них нетрудно. План остался в обоих случаях совершенно одинаков. Последовательно вычленяя один за другим разделы этого параграфа, находим небольшой абзац, отсутствующий в окончательном тексте и по месту как раз приходящийся на раздел седьмой. Вот он:

«Что она говорила, этого я не знаю. Я могу догадываться, что она говорила, — но я не знаю, — я уверен, что я не ошибаюсь в том, что я отгадываю, — но я не знаю. Та, от которой я слышал это, слышал этот сон, и которая здесь названа Верой Павловной, сказала мне: „Я клялась молчать и молчу“. — „Я знаю, все равно, все равно“. — „Может быть“,— отвечала она. — „Вам было сказано вот что“, — я сказал ей. — „Может быть, нет, может быть, да, я не имею права сказать вам ни да, ни нет — и к чему вам знать это? Этого еще нет, это еще невозможно, к чему ж вам знать? Но то, что было дальше, то уже не тайна, то я могу сказать вам“» (649).

Итак, в этом разделе заключен какой-то сугубо тайный смысл. Вера Павловна не может открыто сказать чего-то очень важного, особо сокровенного, касавшегося того времени, когда будет достигнуто полное равенство мужчины и женщины. Именно пути достижения этого равенства — великая тайна. Вера Павловна готова поделиться тем, что будет потом, но она молчит, сохраняя верность данной ею клятве, о том, как и когда эта тайна будет реализована в жизни и, значит, перестанет быть тайной.

В разделе формально речь идет о полном равенстве женщины в будущем свободном обществе; этой свободы теперь еще нет, и можно только предвосхищать пути ее достижения: «Я могу догадываться, что она говорила», — сказано в тексте.

Вот эти пути, то, что «она говорила», и есть тайна, касающаяся, как очевидно, не только равноправия женщины, но всего образа жизни страны.

Именно этого «догадываться» и побоялась, вероятно, редакция «Современника». Можно предположить, что именно ею (по собственной

Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», стр. 103 и след. — Следует, однако, иметь в виду, что приблизительно ту же цифру Добролюбов называет в статье «Литературные мелочи прошлого года» (Современник, 1859, №№ 1 и 4), относя их к предшествующей эпохе (Белинского): «... еще пять-шесть человек, умевших довести в себе отвлеченный философский принцип до реальной жизненности и истинной глубокой страстности» (Собр. соч., т. IV, стр. 72).

инициативе или по совету цензора) был снят и заменен точками седьмой раздел. Намеки были слишком очевидны, а читатель начала 1860-х годов и в самом деле был «проницательным», хотя и не в том смысле, как характеризовал его в романе Чернышевский.

Обращение к соответствующей (118-й) странице журнала позволяет утверждать, что это место подверглось типографской правке. Избегая переверстки, редакция оставила на стр. 118, кроме двух строк точек, место еще минимум для двух строк, а на двух-трех предыдущих и последующих страницах несколько расширила пробелы. (При этой операции в спешке и «потерялось» обозначение раздела 7-го: после 6-го сразу идет 8-й). На стр. 118 можно поместить на четырех строках до 280 знаков: первоначальный текст седьмого раздела составляет в черновике 580 знаков, но он мог быть в окончательной редакции сокращен и тогда поместился бы на указанном пространстве.[65] Во всяком случае представляется очень маловероятным, чтобы «пустой» раздел принадлежал самому Чернышевскому.

Разумеется, мы не знаем, в каком виде этот раздел перешел из черновика в окончательный текст, и приходится довольствоваться лишь нам известным. Но даже если это место и подверглось правке, то основная суть его не могла измениться и дает нам право предположительной его интерпретации.

Наиболее значительно отличается черновой текст от журнального в § 17 главы четвертой романа. В «Современнике» — полторы страницы, повествующие о том, как «отчасти знакомый, а больше незнакомый собрат <...> по медицине» приехал сообщить, что «один» из его знакомых желает познакомиться с Кирсановым. Этот новый знакомый («просвещенный муж») затронул в беседе вопрос о вывеске магазина, и в результате «Au bon travail» — магазин, хорошо исполняющий заказы, — был переименован в «A la bonne foi» — добросовестный магазин.

В «Современнике» иронически сообщалось, что Кирсанов приехал домой «очень довольный», но тут же читаем, что эта беседа заставила Веру Павловну и Мерцалову значительно поурезать «крылья своим мечтам», охладить лишний жар, — всякому читателю было ясно, куда и зачем приглашали Кирсанова.

В черновике соответствующее место занимает не менее семи страниц (658—664): в нем подробно повествуется, как сначала в магазин стали наведываться некие «любознательные» посетители, как потом тот же медик пригласил Кирсанова познакомиться с «просвещенным мужем». По-жандармски любезный на первых порах, он начинает вежливый допрос о цели открытого на Невском магазина: мелькают его

[65] Здесь и в нескольких других случаях я пользовался авторитетной полиграфической консультацией проф. А. Г. Шицгала, которого искренне благодарю за помощь и за советы.

слова о том, что о магазине ходят «невыгодные слухи», что «само слово travail — это ясно, взято из социалистов, это революционный лозунг».[66]

«Просвещенный муж» советует быть осторожнее и т. д. Впрочем, вскоре же следует окрик: «Мы здесь не для ученых споров», «мне с вами некогда спорить».

Но и после перемены вывески на более благонамеренную «внимание, раз обращенное на магазин, не отвратилось», медик продолжал изредка заезжать и советовал Кирсанову быть осторожнее.

Чтобы не оставалось никаких колебаний, о чем и с кем идет разговор, в уста «просвещенного мужа» вкладываются такие слова: «Вот таково прямое изъявление воли, которая должна быть исполнена» (661 — текст и сноска); прибавлять эпитет «высочайшей» не было никакой надобности, контекст был очевиден.[67]

Не может быть никакого сомнения, что Чернышевский отлично понимал, что это место ни в коем случае не может появиться в печати. Однако — вопреки обычной манере — оно в черновой рукописи осталось незачеркнутым, и это дало Н. А. Алексееву основание предполагать, что смягченный текст «Современника» «скорее всего надо приписать рвению цензора».[68]

Но дело в том, что простым сокращением пространного текста превратить его в журнальный невозможно. Можно, конечно, заподозрить, что после цензурного запрещения в редакции «Современника» создали новый, невинный текст. Но этому противоречит простое сопоставление начальной, цензурно совершенно «невинной» части этого параграфа с черновым текстом. Он не просто переписывался набело, а в ряде мест существенно изменялся: весь отрывок стилистически целен и органичен. Единственный возможный вывод таков: Чернышевский сначала дал себе волю и написал как хотелось, а при перебеливании создал цензурно допустимый текст, но забыл зачеркнуть черновик.

Добавлю, что ничего подобного по резкости и откровенности в журнальном тексте нет. Можно было заметить, что Чернышевский устранял

---

[66] Формула «Droit au travail» стала особенно популярной со времени появления книги Луи Блана «Le socialisme. Droit au travail» (Paris, 1848): она использована Чернышевским в статье «Кавеньяк» (Современник, 1858, № 1; Чернышевский, т. V, стр. 15).

[67] В первой публикации, в сборнике «Н. Г. Чернышевский. 1828—1928» (М., 1928, стр. 23), Н. А. Алексеев эти слова прочитал: «Такова прямая выс‹очайшая› воля...». В изданиях 1929 г. чтение несколько уточнено: «Это прямое веление, которое должно быть исполнено» (стр. 373). Для издания 1939 г. текст снова сверялся (об этом — в письме Н. А. Алексеева к Н. М. Чернышевской от 15 февраля 1947 г.) и дано такое чтение: «Вот это вообще прямое выражение воли» (XI, 594). В настоящем издании устанавливается наиболее правдоподобное прочтение.

[68] См.: Н. Г. Чернышевский... М., 1928, стр. 19.

и гораздо менее острые места, которые могли бы дать повод к запрету романа в целом. Во имя целого Чернышевский сознательно шел на сглаживание отдельных резких мест. Критика существующего строя достигалась именно общей направленностью романа; отдельные эпизоды, как бы выразительны они ни были, можно было, по мысли автора, приносить при этом в жертву.

В журнальном тексте (§ 12 главы четвертой) упоминается сын Веры Павловны от Кирсанова (ср. еще § 20 главы третьей). У Мерцаловой тоже есть ребенок (глава третья, § 30; в черновике — двое детей), сын есть и у Бьюмонтов (глава пятая, § 22). Этих мест просто не замечали.[69] Вопрос о детях вызвал в свое время полемику и клеветнические отклики. В мемуарах Фета рассказывается, будто бы Салтыков в беседе с Тургеневым по поводу нового романа на вопрос о детях ответил: «Детей не полагается».[70] «Дети и подавно отрицаются», — писал Лесков в названной выше статье (стр. 18). В не напечатанной в свое время статье В. П. Боткина и А. А. Фета о романе «Что делать?» тот же ответ («детей не предполагается») вложен в уста одного из «светильников quasi-нового учения».[71] Следует напомнить, что в напечатанном в № 8 «Современника» за 1863 г. очерке Салтыкова «Как кому угодно» в иронической форме дан ответ на расхожие обывательские представления о безнравственности нигилистов — сторонников нового учения.[72]

В этой связи нужно отметить, что в черновом варианте романа (§ 18 главы четвертой) сыну посвящено все же девять строк (673—674), так сказать, информационного характера; сюжетного значения он не имеет, и, очевидно, поэтому Чернышевский, стремившийся при переработке к наибольшей концентрации действия, почти вовсе устранил этот эпизод. Если бы он мог предположить, какой шум поднимется в реакционной критике как раз в связи с проблемой деторождения у «нигилистов», — наверное, эпизод о Володе остался бы в романе; напомним, что потомство необходимо предполагается в учении Фурье, именем которого реакционная критика пугала обывателей.[73]

---

[69] См., впрочем: П. Цитович. Что делали в романе «Что делать?». Изд. 3-е. Одесса, 1879, стр. 47.

[70] А. Фет. Мои воспоминания, стр. 367—368.

[71] Литературное наследство, т. 25—26, стр. 489.

[72] См.: П. С. Рейфман. Предполагаются ли дети? — Уч. зап. Тарт. гос. ун-та, 1970, вып. 251, стр. 357—363; см. также примечания В. А. Мыслякова к очерку «Как кому угодно» в кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. VI. М., 1968, стр. 445—446.

[73] См. вышеупомянутые примечания В. А. Мыслякова (стр. 687). Ср. еще в «Преступлении и наказании» Достоевского слова Лебезятникова — полемический выпад на ту же тему: «Некоторые даже совершенно отрицают детей, как всякий намек на семью» (часть V, глава 1).

§ 18 главы пятой черновика был полностью устранен. Нечто похожее — об отсутствии у автора беллетристического таланта — уже раньше было коротко изложено в «Предисловии», но и это уничижительно звучавшее место в окончательный текст не вошло.

В прибереженном для самого конца романа отрывке содержится одно важное признание: Вера Павловна, дескать, в действительности (в романе ведь якобы нет никаких выдумок!) хлопотала не об устройстве мастерских «в нашем любезном отечестве», а о чем-то типа воскресной школы — о ежедневной бесплатной школе для взрослых. Это место в 1863 г., когда воскресные школы в России были уже повсеместно закрыты, звучало совершенно неприемлемо; лучше уж было оставить версию о мастерских — в ней не содержалось по крайней мере ничего демонстративного, тем более что зародыши трудовых ассоциаций в стране действительно возникали и риск цензурного запрета был в этом случае меньше.[73a]

Сопоставление черновой и журнальной редакции «Что делать?» должно быть произведено в полном объеме и с разных точек зрения. Здесь даны некоторые наблюдения, касающиеся лишь одного вопроса — какие меры узник Алексеевского равелина принимал против возможного цензурного натиска.

Приблизительно два десятка приведенных примеров дают представление о путях преодоления возможных цензурных препон. Основной принцип переработки можно сформулировать так: Чернышевский хотел сконцентрировать внимание на самом главном и, не ослабляя социального звучания романа, не поступаясь ничем из его принципиальных установок, без ущерба для основной идеи, устранял особенно резко звучавшие места, не абсолютно необходимые, такие, которые неизбежно вызвали бы негодование властей.

Чернышевский вышел победителем — роман был напечатан, насколько можно судить, без сколько-нибудь серьезных утрат.

4

Критически проверенного и текстологически осмысленного издания романа «Что делать?» до сих пор не существует.

Для «Современника» набор происходил по не очень разборчивому и весьма убористо написанному оригиналу. Более 8 печатных листов соответствовали 36 листам оригинала (Чернышевский называл их полулистами, так как двойной лист был разрезан пополам); на лист (страницу) оригинала приходилось в среднем 9150 знаков. Для сравнения напомню, что лист современной машинописи, подготовленной для набора, включает никак не более 2000 знаков. Читали корректуру, конечно, все члены ре-

---

[73a] Л. П. Богословская. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1974, стр. 124—134.

дакции «Современника», в первую очередь Некрасов и Пыпин, но кто именно правил набор — неизвестно.

Даже учитывая относительно неразвитую полиграфическую культуру того времени, нельзя не отметить в тексте «Современника» целый ряд технических дефектов.

Начать с того, что четыре раза нарушена нумерация параграфов: в главе третьей вместо § 12 должен быть § 7; там же, начиная с § 13 (надо § 14), подряд восемнадцать ошибочных обозначений параграфов; то же в главе пятой (§ 9 вместо § 8 и далее тринадцать неверных обозначений следующих параграфов); наконец, в § 16 главы пятой, в четвертом сне Веры Павловны, ошибочно указан раздел 8 (надо 7) и потом еще четыре ошибочных обозначения следующих разделов. Эти 38 ошибок — конечно, результат спешки.

Той же поспешностью объясняются и нередкие буквенные опечатки. Укажу *для примера*: нанисано (№ 3, стр. 23, 4 сн.); ееть (стр. 32, 9 св.); невскому (стр. 32, 21 св. и стр. 126, 3 св.); М. Ле-Теллье (надо: Ж. — по всей книге Ле-Теллье зовут Жюли, стр. 35, 10 сн.); в тысячу рас (стр. 70, 16 св.); караванную (надо: Караванную — стр. 125, 6 сн.; стр. 126, 1 и 3 св.); получили (надо: получали, № 4, стр. 373, 10 сн.); предвестницы (надо: предвестница, стр. 383, 17 сн.); непопятно (надо: понятно, стр. 388, 3 св.); кажется (надо: покажется, стр. 395, 7 сн.); это (надо: этого, стр. 471, 1 св.); ваггоне (стр. 501, 5 св.); румунами (надо: румынами, стр. 501, 13 св.); замечал (надо: не замечал, стр. 515, 4 сн.); эта (надо: это, стр. 519, 11 сн.); одинадцатого (стр. 519, 3 св.); шкуку (надо: штуку, стр. 522, 7 св.); котарая (№ 5, стр. 62, 2 сн.); в не ней (надо: в ней не, стр. 86, 21 св.); твому (надо: твоему, стр. 111, 1 св.); по (надо: По, стр. 120, 15 сн.); и матиев (надо: иматиев, стр. 126, 6 св.); Nouveauteés (надо: Nouveautés, стр. 128, 3 сн.); мачиху (стр. 138, 15—16 св.); не (надо: по, стр. 183, 18 св.).

Есть опечатки иного характера, наглядно свидетельствующие об ошибках наборщика и невнимательности корректора.

В § 10 главы третьей, перечисляя светил науки, Чернышевский (в тексте «Современника», № 3, стр. 419, строка 7 сн.) назвал Бургава, Гуфеланда и Гавье; последнее имя непонятно, но конъектура очевидна по сопровождающим словам — «великий ученый, открыл обращение крови»: речь, понятно, идет о Гарвее (в черновой рукописи — Гарве), его имя было уже восстановлено.

Трудно допустить, чтобы Чернышевский в пределах романа, более того — одного дня, на соседних страницах писал бы по-разному одно и то же слово в одном и том же значении, если на это не было каких-либо художественных оснований (например, индивидуализация речи персонажей).

Между тем (для примера) назову такие бросающиеся в глаза несогласованности.

1. В тексте «Современника» непоследовательно напечатано слово «госпиталь»: оно немотивированно встречается и в этой, и в более распространенной в то время форме «гошпиталь». Так, «гошпиталь» в тексте «Современника» — № 3, стр. 59 (а рядом, стр. 58, «госпиталь»!); № 4, стр. 413; № 5, стр. 74, 76, 81, 83, 96 (два раза), 159. «Госпиталь» — № 3, стр. 58; № 4, стр. 410, 420, 437, 462; № 5, стр. 100. Вероятно, правильно предпочесть более частую в те годы и чаще встречающуюся в романе форму «гошпиталь».[74]

2. В написании тех лет нередко наряду с «волосы» употреблялась и форма «волоса». В «Современнике» встречаем обе формы: наборщик набирал, не всматриваясь в написание последней буквы.

«Волосы» — № 3, стр. 20, 24, 133; № 4, стр. 405 (два раза), 419 (два раза), 421, 480. «Волоса» — № 3, стр. 50, 55; № 4, стр. 374, 474; № 5, стр. 80, 110.

Следует, по-видимому, предпочесть форму «волосы».[75]

3. Обычно в издании читаем «фортепиано», но дважды (№ 3, стр. 18, 4 сн. и стр. 62, 14 сн.) находим «фортопьянщику» и «фортопьянах» — так второпях прочел наборщик, и эта просторечная форма осталась не унифицированной. Но Марья Алексеевна в черновом тексте говорит: «На фортопьянах» (418; в Изд. политкаторжан, стр. 93 — правильно); эту просторечную, стилистически преднамеренную форму в ее устах и следует сохранить.

Есть еще более значительные дефекты — повторение одних и тех же слов в § 18 главы второй, явная ошибка в сокращенной формуле «Quod erat demonstrandum» в § 3 главы третьей, неясность в знаке равенства в словах «Жертва = сапоги всмятку» в § 19 главы второй; о них см. в разделе «Источники текста» (стр. 834 и сл).

Следует, надо полагать, сохранить свойственные тому времени и лично Чернышевскому архаические формы вроде интригантка,[76] замужство (ср. название главы в «Кому на Руси жить хорошо»), страмить, глагольные формы с корневым «о» — затрогивать, отсрочивать, разработывать, успокоивать, устроивать и др.

---

[74] А. Ф. Ефремов в работе «Язык Н. Г. Чернышевского» полагает, что обе формы «конкурируют между собою в его языке» (Уч. зап. Сарат. гос. пед. ин-та, 1951, вып. XIV, стр. 348), — это предположение ошибочно и основано на доверии к наборному тексту без обращения к рукописи; ср. также в более ранней работе того же автора — «Иноязычная лексика в языке Н. Г. Чернышевского и ее обработка» — наблюдения (не всегда верные) об употреблении этих форм в речах действующих лиц (стр. 138—139).

[75] А. Ф. Ефремов в названной выше работе 1951 г. считает, что и эти две формы «находились в некотором равновесии» (стр. 145). По указанным выше соображениям согласиться с ним трудно.

[76] Ср.: А. Ф. Ефремов. 1) Язык Н. Г. Чернышевского, стр. 343, 347—348; 2) Иноязычная лексика в языке Н. Г. Чернышевского и ее обработка, стр. 136, 144.

Из особого положения автора, не имевшего возможности держать корректуру, перебелявшего еще не законченный роман, посылавшего его «на волю» по частям и, стало быть, ни разу не видавшего его в законченном и полном виде, а с другой стороны — из условий нервной спешки, в которых происходили чтение рукописи в редакции, набор и корректура, вытекают и особые, бо́льшие, чем обычно, права и даже обязанности редактора: текст требует не только внимательного, но и критического к себе отношения.

5

История текста романа в период 1905—1929 гг. интереса не представляет. Никаких текстологических исследований не велось, опечатки не исправлялись, конъектуры не производились.

Начиная с 1929 г., когда Издательство политкаторжан опубликовало первоначальную редакцию романа, и возникает вопрос о тексте. Впрочем, как уже было указано, сравнительного анализа двух редакций не делалось.

Естественно, встает вопрос, как же разрешалась в дальнейшем проблема текста.

Просмотр вышедших книг свидетельствует о разнобое и представляется поучительным.

Вышедшее в 1930 г. (Госиздат) под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума издание воспроизводило текст «Современника»: оно готовилось до выхода издания Политкаторжан, точно так же как и его перепечатка 1933 г. (ГИХЛ). В некоторых изданиях этих лет, например «Школьная библиотека классиков» (1933, 1934), «Молодая гвардия» (Л., 1935), Саратов (1936), Гослитиздат (1938, на титульном листе указано: «Журнальная редакция»; это было сделано, чтобы читатель не спутал книгу с изданием Политкаторжан 1929 г.); Минск (1938), Чебоксары (1941), Лениздат (1947), источников переизданий не называют; все эти издания восходят к «Современнику», но не непосредственно, а чаще через текст, подготовленный К. И. Халабаевым и Б. М. Эйхенбаумом. Особо стоит отметить только саратовское издание 1936 г. — в нем текст сверен непосредственно с журналом, но при этом допущена последовательная его модернизация; это вызвало обоснованные возражения А. Ф. Ефремова.[77]

Вообще названные выше издания не всегда аккуратны. Так, издание Лениздата (1947), вероятно, действительно восходит к «Современнику»: это устанавливается совпадением ошибочной нумерации разделов четвертого сна Веры Павловны, однако к этой ошибке «Современника» добавлена еще своя: две строки точек раздела 7-го продолжаются двумя строками текста, относящимися к следующему разделу.

[77] А. Ф. Ефремов. Язык Н. Г. Чернышевского, стр. 175, 273, 305, 379 и др.

Лучшее для своего времени издание в составе Полного собрания сочинений (т. XI, 1939 г.) стало прототипом, к которому восходят многочисленные переиздания романа.

К сожалению, отсутствие прочных текстологических традиций по отношению к памятникам новой литературы сказывается в том, что целый ряд перепечаток романа восходит не непосредственно к т. XI, что, понятно, является обязательным, а представляет собою «копии с копии». Каждая новая перепечатка, всегда и неизбежно, обогащает текст новыми ошибками.[78] Так, от основного ствола — т. XI — образовался целый ряд вторичных ответвлений, к которым, кажется, уместно применить термин древнерусской литературы — изводы.

Даже относительно изданий Гослитиздата (1951, 1954, 1957, 1960) и «Художественной литературы» (1963 и 1969)[79] нет уверенности в том, что каждое перепечатывалось с т. XI. По некоторым признакам можно полагать, что они восходят друг к другу, т. е. для очередного переиздания в редакции расклеивался не т. XI, а предыдущее издание. Объяснялось это, вероятно, тем, что экземпляров т. XI в наличности не было, а под руками было только предшествующее издание. Так, пусть в мелочах, но каждое переиздание все дальше отходило от т. XI, увеличивая число ошибок, — процесс, хорошо известный каждому, кто имел дело с рукописной копийной традицией и сверял переиздания, последовательно восходящие друг к другу.

Вот несколько примеров того, о чем сказано выше.

В издании Гослитиздата (М., 1951) источник перепечатки вообще не указан, но надо полагать, что оно восходит к т. XI. А переиздание в городе Горьком (1953), как сообщается в предисловии, воспроизводит текст Гослитиздата (1951), хотя надежнее было бы и не составляло никакого дополнительного труда перепечатать текст т. XI, а не его копию.

Точно так же издание Гослитиздата (М., 1954) восходит (допустим!) к т. XI, а от него «пошли» и издания Учпедгиза (М., 1957, 1958, 1959, 1960) и киевское переиздание («Молодь», 1956) — итого не менее пяти воспроизведений. А если допустить (что весьма вероятно), что три учпедгизовские перепечатки восходят друг к другу, текстологическая ненадежность их станет очевидной.

---

[78] Вообще из многих перепечаток романа заслуживают быть отмеченными лишь пять: в составе «Избранных сочинений» (т. V, М., 1932, подготовка текста Н. В. Богословского), «Academia» (1937, подготовка текста Н. В. Водовозова), саратовская (1947 и 1950, подготовка текста Н. М. Чернышевской), «Молодой гвардии» (М., 1948, отв. редактор А. Хршановский) и в составе «Избранных сочинений» (М.—Л., Гослитиздат, 1950).

[79] Издание «Художественной литературы» (Л., 1971) сообщает, что текст печатается по т. XI. На самом деле в издание внесены некоторые поправки по «Современнику» и произведены некоторые исправления дефектных мест, например в § 18 главы второй.

Аналогично издание Гослитиздата (М., 1957) восходит (с тем же допущением!) к т. XI, а издание Детгиза (М., 1959) сообщает, что является его перепечаткой.

Издание Гослитиздата (М., 1960) дало повод Петрозаводску (1961) без долгих раздумий перепечатать именно его.

Издание «Художественной литературы» (Л., 1967) стало основою перепечатки Лениздата (1970 и 1971).

Текст, подготовленный Н. М. Чернышевской (Саратов, 1947), стал источником для перепечатки в Кирове (1948).

Издание Детгиза (М.—Л., 1950) легло в основу воронежской перепечатки (1950), а другое издание «Детской литературы» (М., 1967) стало источником воронежской (1970) и куйбышевской (1971) перепечаток.

Два издания «Детской литературы» (1971 и 1972) почему-то избрали за основу издание Гослитиздата (1969), а минское («Беларусь», 1969) уверяет, что перепечатывает т. XI, хотя по некоторым деталям в этом позволительно усомниться.

Особое внимание привлекает саратовская перепечатка 1968 г. В издательской аннотации сказано, что «в основу положен авторизованный текст „Современника“»; итак, на родине Чернышевского основное местное издательство уверено (и уверяет читателя!), что текст журнала был просмотрен автором, — именно этого не было!

Таким образом, мы видим, что издательства не руководствуются в выборе оригинала для переиздания никакими научными соображениями, а берут просто то, что «ближе лежит» и что поновее, — в совершенно ошибочном предположении, что новейшая перепечатка является и лучшей. Порою же просто берется первый попавшийся текст. Это видно из поучительного примера с двумя «изводами», дающими в одном и том же издательстве («Детская литература») разное решение проблемы текста. В 1950 г. роман (и его перепечатка в Воронеже того же года) дан в отличном от «Современника» виде: § 17 главы четвертой дан в основном тексте в первоначальной редакции, а журнальный текст отнесен (по предложению Н. В. Богословского) в приложение. А издание 1967 г. (и его перепечатка в Воронеже же в 1970 г.) дают традиционный журнальный текст, а в приложении воспроизводят раннюю редакцию этого места.

Есть еще одна примета, позволяющая дифференцировать тексты переизданий романа, — § 17 главы четвертой (о визите Кирсанова в III Отделение): отрывок, не зачеркнутый в оригинале, послужил источником различных текстологических решений.

В издании «Academia» Н. В. Водовозов попытался обосновать нарочитый характер этого места в «Современнике». Вслед за Н. А. Алексеевым он утверждал, что либо Чернышевский снял его в порядке авто-

цензуры, либо же он зачеркнут цензором. На этом основании он ввел в основной текст раннюю редакцию, а журнальную отнес в приложение.

Эта композиция была принята, по большей части без дополнительных мотивировок Гослитиздатом (М., 1947), издательствами Перми и Свердловска (оба издания — 1949), Читы и Минска (1950), Детгизом (1950, подготовка текста Н. В. Богословского),[80] «Московским рабочим» (1954, подготовка текста И. В. Вострышева), в Воронеже (1954) — всего не менее чем в десяти перепечатках.

Остальные издания воспроизводят в основном тексте журнальную редакцию романа.

Иногда первоначальная редакция вовсе не фигурирует («Молодая гвардия», 1948; Лениздат, 1950 и 1970; М., «Правда», 1952 и 1955), но в большинстве случаев переиздания дают в приложении:

а) только первоначальную редакцию § 17 главы четвертой (657—663);

б) этот же параграф и небольшой отрывок первоначального текста (о Рахметове, находящемся за границей, и о готовящемся взрыве — 742);

в) § 17 и 18 главы четвертой первоначального текста (657—665).

В издательской практике наибольшее распространение получил второй из перечисленных вариантов.[81]

6

Единственное издание, претендующее на научность, — издание романа в составе шестнадцатитомного Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, осуществленное Гослитиздатом в 1939 г. (под редакцией П. И. Лебедева-Полянского; подготовка текста и комментарии т. XI Н. А. Алексеева и А. П. Скафтымова).

Это издание представляет собою перепечатку «Современника», однако без достаточно критического осмысления текста. Явные буквенные опечатки по большей части устранены, но многое из указанного выше осталось, например Гавье, двукратное повторение строк «Милый мой!..» (88—89); остались дублетными формы: госпиталь и гошпиталь, волосы и волоса, фортепиано и фортопьяно; остался нелепый знак равенства — «жертва = сапоги всмятку» и т. д.

Кроме того, на стр. 226 (строка 4 св.) и на стр. 256 (строка 18 сн.) пропущено по строке текста.

---

[80] Впрочем, в 1932 г. Н. В. Богословский в подготовленном им тексте (Избранные сочинения, т. V, М., 1932) сохранил в основном тексте журнальную редакцию, а раннюю отнес в приложения: очевидно, впоследствии редактор пересмотрел свои взгляды.

[81] В цитированном выше письме Н. А. Алексеева от 12 ноября 1955 г. указано, что рассказ Крюковой (522—532) в первоначальном тексте полнее и его имело бы смысл ввести в основной текст; это пожелание ни в одном издании реализовано не было.

К этим ошибкам добавлено немало новых — «писано» вместо «написано» (19), «увидеться еще» вместо «еще увидятся» (28), «позвольте» вместо «позволите» (84), «хвалить» вместо «захвалить» (92), «минуточку» вместо «минутку» (111), «ошиблась» вместо «ошибалась» (116), «да черты грубее» вместо «да и черты грубее» (122), «заработной» вместо «заработанной» (129), «отказывались» вместо «отказались» (129), «воздорожал» вместо «вздорожал» (148), «уже» вместо «уж» (155), «грустит» вместо «грустил» (160), «но» вместо «он» (170), «подвинул» вместо «пододвинул» (179), «забыл» вместо «забывал» (176), «это» вместо «и это» (190), «объясняться» вместо «объясниться» (192), «приобрести» вместо «приобресть» (199), «придерживался» вместо «держался» (201), «смогу» вместо «могу» (202), «времени» вместо «временем» (202), «Но у» вместо «Но и у» (206), «много» вместо «мною» (210), «на праздник» вместо «на этот праздник» (211), «получения» вместо «получение» (213), «вас всю» вместо «всю вас» (217), «виноваты» вместо «виновата» (218), «гороховская» вместо «Гороховая» (223), «не было» вместо «мне не было» (234), «кто писал» вместо «кто это писал» (238), «прибрала» вместо «прибирала» (248), «ей» вместо «ее» (249), «закуривает» вместо «закуривает ее» (249), «как та» вместо «как эта» (252), «таблицы» вместо «таблиц» (253), «занимают убеждения» вместо «занимают его убеждения» (256), «не знаешь» вместо «его не знаешь» (270), «погасло» вместо «погасала» (272), «смертной» вместо «смертельной» (273), «вдовое» вместо «вдвое» (290), «свей» вместо «своей» (293), «сделаю» вместо «и сделаю» (297), «то и» вместо «то уж и» (303), «опровергаем» вместо «отвергаем» (322), «Яковлевич» вместо «Яковлич» (332) и т. д.

В тексте «Современника» (очевидно, это восходит к авторской рукописи) отчетливо различаются типы отточий — в три, четыре, пять и т. д. точек. В издании 1939 г. это унифицировано.

Между тем в литературе уже было обращено внимание на то, что у Радищева, Лермонтова, Добролюбова, Л. Толстого, А. Григорьева и других писателей — явно не случайно — колеблются от четырех до двенадцати знаков.[82]

В тексте «Современника» (например, № 3, стр. 131, строка 19 св.) напечатано, в соответствии с произношением тех лет, «мёбелью», — очевидно, и эту особенность надо сохранить; в издании 1939 г. это не сделано.

Надо сохранить и характерную для Чернышевского особенность — вводить восклицательный и вопросительный знак в середину фразы.

Другой вопрос — как поступить с длинными абзацами, в середине которых стоит тире. В большей части случаев это тире соответствует абзацу, как он обозначается ныне. Но в некоторых случаях значение этого тире

---

[82] С. А. Рейсер. Палеография и текстология нового времени. М., 1970, стр. 173.

несколько иное — оно слабее абзаца, а лишь усиленная точка, пауза большей длительности, чем точка. Некоторые случаи спорны, и редактору следует в них внимательно разобраться. В настоящее издание внесено более ста исправлений различного рода; тем не менее возможности дальнейшего улучшения текста еще нельзя считать исчерпанными.

7

Установление основного (канонического в старом обозначении) текста романа «Что делать?» должно касаться двух сторон.

Учитывая особые, не имеющие прецедента обстоятельства, в которых печатался роман, текст его должен быть внимательнейшим образом проработан и уточнен. Должны быть устранены очевидные небрежности спешного набора, пунктуация и орфография должны быть приближены к современным нормам, но с учетом особенностей эпохи и словоупотребления Чернышевского. Само собою разумеется, что унификация не должна касаться тех случаев, которые представляют собою индивидуальную речь персонажей. Во всяком случае никогда еще ответственность редактора не была так значительна, как в данном случае.

Эта работа очень трудоемка, но не представляет каких-либо принципиальных трудностей. Для помощи и контроля могут быть привлечены другие автографы Чернышевского, но прежде всего черновик романа.

Другое дело — восстановление цензурных и редакционных купюр. Начать с того, что мы достоверно не знаем ни одного цензурного вычерка и ни одного места, исправленного редакторами «Современника». В некоторых случаях мы можем лишь более или менее уверенно говорить о том, что в предвидении цензурных нападок Чернышевский при переписке набело заранее смягчал некоторые места романа. Но фактический цензурный или редакционный вычерк и автоцензура в ожидании цензорской атаки — случаи принципиально различные. Автор в этом случае перерабатывает не только данное место, но приводит в соответствие с ним окружающий его текст. Тем самым восстановление изолированного «острого» места всегда связано с риском нарушения единства авторского замысла. Текст произведения всегда предстоит сознанию писателя — а потом и читателя (исследователь представляет собою его разновидность) — в своей целостности. Эта структура исправлением предполагаемых, цензурно ослабленных мест, неизбежно искажается. Поэтому к их инкорпорированию в основной текст произведения следует подходить максимально осторожно, тем более что мы в сущности никогда не можем с полной уверенностью сказать, почему тот или иной отрывок исправлен: мы сплошь и рядом склонны заподозрить вторжение цензуры там, где на самом деле — художественная правка, неотъемлемое право писателя на любом этапе творческой истории его произведения.

Путь восстановления цензурных (или якобы цензурных) автокупюр вообще рискован и чреват опасными последствиями: текстолог может ненароком восстановить из лучших побуждений не подлежащее восстановлению место. При этом такого рода работа всегда оказывается непоследовательной. Ухватившись за более острый вариант, редактор его восстановит, а равноправные, но мелкие варианты останутся при этом незамеченными. Скажем, мы восстанавливаем рассказ о визите Кирсанова в III Отделение, но ни один исследователь не предлагал еще ввести в роман более острый текст, касающийся дамы, у которой Кирсанов составлял каталог, или гораздо более острую характеристику «туза со звездой», которого Лопухов кладет в канаву.

Стать на путь полной реконструкции текста автора, т. е. предстоявшего сознанию писателя полного воплощения его замысла, — задача невозможная, тем более что далеко не все из замыслов находит отражение в вариантах, на которые почти единственно может опираться редактор; многое только мелькало в уме писателя, оставшись не зафиксированным в письменной форме. В итоге перед нами окажется неполноценный текст, состоящий из клочков разного достоинства, все равно не восстанавливающий замысла в его «идеале».

Все такого рода места — материал разделов «Варианты» и «Комментарии». Во втором из них комментатор может высказывать те или другие гипотезы и их обосновывать, воссоздавая творческую историю произведения.

Поэтому ни выделяемый на основании анализа седьмой раздел четвертого сна Веры Павловны, ни более полный текст рассказа Крюковой, ни отрывок о находящемся за границею Рахметове не должны вводиться в основной текст «Что делать?».

Так же обстоит дело и с § 17 главы четвертой, содержащим расширенный вариант рассказа о посещении Кирсановым III Отделения.[83] Дело в том, что в отличие от других зачеркнутых отрывков это место в черновике не зачеркнуто. Трудно объяснить, в чем могла состоять цель автора, если он сделал это намеренно. Ведь никаких связей с редакцией Чернышевский не имел и предлагать более полный вариант не мог, не мог он и рассчитывать на то, что черновик романа попадет в руки друзей и они, сверяя текст (написанный трудно расшифровываемой криптограммой!), поймут намек автора и будут печатать рассказ в более полной редакции. Очевидно, что перед нами совершенно случайно оставшийся незачеркнутым текст.

[83] В. Н. Шульгин почему-то считает, что разговор Кирсанова происходил «не то с шефом жандармов, а вероятнее всего с генерал-губернатором Петербурга кн. Суворовым» (Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского, стр. 111). Первое предположение маловероятно: Кирсанова по такому делу принял, конечно, не шеф жандармов, а более или менее высокопоставленный чиновник; второе предположение исключается — А. А. Суворов не имел никакого отношения к III Отделению и находился с ним в состоянии постоянной вражды.

Конечно, переписывая роман набело, Чернышевский в чем-то шел на компромисс: иначе роману не суждено было бы появиться в печати. Но именно в таком виде он увидел свет, именно в этой редакции он оказал грандиозное, ни с чем несравнимое воздействие на поколения читателей. Достаточно напомнить слова В. И. Ленина: «Он меня всего глубоко перепахал».[84]

«С тех пор как завелись типографские станки в России, — писал Г. В. Плеханов, — и вплоть до нашего времени, ни одно печатное произведение не имело такого успеха, как „Что делать?“».[85]

По словам Герцена, который был современником, «это — удивительная комментария ко всему, что было в 60—67. . .».[86]

Сегодня, когда роман стал для нас историческим памятником эпохи, мы обязаны издать его максимально точно, исправив несомненные и бесспорные дефекты, но не имеем достаточных оснований инкорпорировать в основной текст хотя бы и более острые варианты первоначальной редакции, устраненные самим автором, редакцией «Современника» или цензурой.

О том, в каком виде Чернышевский издал (или переиздал) бы роман в иных политических условиях, мы можем только высказывать более или менее обоснованные предположения.

8[87]

Не боясь ошибиться, можно утверждать, что всякий пишущий о «Что делать?» обязательно останавливается на вопросе о прототипах романа.

До недавнего времени этот вопрос разрешался так: в образе Дмитрия Сергеевича Лопухова Чернышевский изобразил врача Петра Ивановича Бокова, в образе Александра Матвеевича Кирсанова — знаменитого русского физиолога Ивана Михайловича Сеченова; воспроизвел в романе действительно имевшую место ситуацию — номинальный, а потом и фактический брак П. И. Бокова и Марии Александровны Обручевой, спустя некоторое время ее увлечение И. М. Сеченовым, женой которого она вскоре и стала. П. И. Боков, желая счастья любимой женщине и своему другу, устранился, сохранив с ними обоими на всю жизнь добрые отношения.

---

[84] См.: Н. Валентинов. Встречи с В. И. Лениным. Цит. по изданию: В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е. М., 1967, стр. 653.

[85] См.: Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. II. М., 1958, стр. 175.

[86] Письмо к Н. П. Огареву 15/27 августа 1867 г. — В кн.: А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XXIX, кн. 1, стр. 185.

[87] Разделы VIII—X представляют собою дополненный и переработанный вариант статьи «Легенда о прототипах „Что делать?“ Чернышевского», первоначально напечатанной: Ленинградский гос. библиотечный институт имени Н. К. Крупской. Труды, 1957, т. II, стр. 115—125.

Такого рода интерпретацию сюжета можно найти в большинстве работ, посвященных «Что делать?» или касающихся биографии И. М. Сеченова, М. А. Обручевой, П. И. Бокова, или эпохи 1860-х годов.

Эта гипотеза считается настолько незыблемой, что исследователи и журналисты статьи, посвященные этим лицам, не обинуясь, называют: «Герои „Что делать?“» [88] или «Героиня романа „Что делать?“ в ее письмах».[89]

Та же точка зрения закреплена и в мемуарной традиции. Достаточно прочесть, например, книгу дальней родственницы и поздней современницы Чернышевского — В. А. Пыпиной [90] — или полумемуарную статью А. Лебедева, воспроизводящую записи Ф. В. Духовникова со слов Ольги Сократовны Чернышевской: «Лопухов взят с Бокова, офицер с Кирсанова»,— читаем в этой статье.[91]

Ту же теорию защищал и автор двухтомной монографии о Чернышевском — Ю. М. Стеклов. Впрочем, он чувствовал в ней хронологические противоречия (о них дальше) и, вместо того чтобы обратиться к материалам, предпочел полный натяжек вымысел: «Во всяком случае,— пишет он,— первая половина романа Боков—Обручева могла легко быть позаимствована Чернышевским для своего произведения из действительности <...> Очень возможно, что к тому моменту, когда Чернышевский писал „Что делать?“, достаточно ясно наметилась и вторая половина этой романтической истории, и если даже допустить, что автор, изображая второй брак Веры Павловны, несколько предвосхитил события, то это только делает

[88] С. Султанов <С. С. Раецкий>. О П. И. Бокове. — Утро России, 1914, 7 и 8 марта, № 55 и 56. — Псевдоним раскрыт по кн.: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов..., т. III. М., 1958, стр. 144. — Ряд сведений о Раецком любезно сообщен мне проф. Б. С. Боднарским в письме от 9 сентября 1956 г. — они характеризуют его как серьезного и добросовестного журналиста.

[89] Статья С. Я. Штрайха в «Звеньях» (т. III—IV, М., 1934, стр. 588).

[90] Любовь в жизни Чернышевского. Размышления и воспоминания по материалам семейного архива. Пгр., 1923, стр. 53. — Впрочем, в отрывке, впервые опубликованном Т. А. Богданович в книге «Любовь людей шестидесятых годов» (Л., 1929, стр. 427), — более осторожно: «Слышать приходилось мне — не дома, — что Боков и Сеченов, т. е. история их отношений к Марии Александровне, нашли отражение в романе Чернышевского „Что делать?“. Может быть, да, а может быть, только отчасти». О том же см. в статье А. Витмера, посвященной памяти П. И. Бокова: «Святой человек». — Исторический вестник, 1915, № 12, стр. 819.

[91] Русская старина, 1912, № 5, стр. 303. — Тут во всяком случае оговорка: надо понимать — Кирсанов с офицера. Бывший сапер, И. М. Сеченов с радостью сбросил военную форму еще в Киеве в 1850 г. (И. М. Сеченов. Автобиографические записки. М., 1932, стр. 65). Эту страницу его биографии Ольга Сократовна могла и не знать. А. П. Скафтымов (см. дальше) указал, что Ольга Сократовна могла так называть И. М. Сеченова на основании того, что с 1860 г. он преподавал в Медико-хирургической академии и по этой службе носил военную форму. Странно, однако, что Ольга Сократовна запамятовала фамилию этого офицера, друга Бокова и знакомого их семьи.

честь его психологической проницательности, помогшей ему предвидеть ход событий».[92]

Аргументация Ю. М. Стеклова была признана настолько сильной, что авторы широко распространенного комментария к «Что делать?» — Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров — ограничились тем, что перепечатали в своей книге соответствующее место работы Стеклова, а в сносках дополнили его утверждения еще несколькими соображениями.[93]

В последнем по времени Полном собрании сочинений Чернышевского, в примечаниях к тому XI, содержащему «Что делать?», находим строки, хотя и в более осторожной форме, но закрепляющие ту же традиционную, имеющую уже без малого вековую давность точку зрения.[94] В этих примечаниях, написанных Н. А. Алексеевым и А. П. Скафтымовым, читаем: «Безусловно, в образах Веры Павловны, Лопухова и Кирсанова Чернышевский был очень далек от намерений точного воспроизведения реальных лиц, которые своими качествами и отдельными моментами жизни давали ему лишь некоторый материал для романа. Чернышевский мог иметь в виду лишь некоторые их стороны, какие для его общественно-типологических заданий представлялись важными и интересными. В то же время категорическое отрицание роли названных лиц как реальных прототипов романа, какое мы встречаем, например, в воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева в отношении к П. И. Бокову, едва ли правильно». В другом месте того же комментария утверждается, что личность Сеченова «в некоторых чертах послужила прототипом для образа Кирсанова». К словам: «Итак, Вера Павловна занялась медициною» — примечание гласит: «В этом моменте характеристики Веры Павловны отражены некоторые черты жизни Марьи Александровны Боковой-Сеченовой, которая Чернышевскому была лично известна и жизненная судьба которой, очевидно, послужила Чернышевскому отправным фактом при выработке сюжета „Что делать?“» (XI, 713 и 718).

---

[92] Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828—1889. Т. II. М.—Л., 1928, стр. 123.

[93] Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1933, стр. 41—44. — Относительно Веры Павловны делается, впрочем, справедливая оговорка о наличии в ней черт Ольги Сократовны. В одноименной книге М. Т. Пинаева (М., 1963) вопрос о прототипичности основных героев романа дан в соответствии с предложенной мною интерпретацией (см. выше, сноска 87); то же в работе: Г. Е. Тамарченко. Чернышевский и борьба за демократический роман. «Что делать?». — В кн.: История русского романа в двух томах, т. II. М.—Л., 1964, стр. 29.

[94] О том же см. в цитированной книге Т. А. Богданович «Любовь людей шестидесятых годов» (стр. 58 и предисловие Н. К. Пиксанова, стр. VII). Автор ряда исследований по интересующей нас теме С. Я. Штрайх неоднократно подчеркивал свое согласие с принятым ранее в литературе толкованием. Кроме указанной выше его статьи см., например, его книгу: Сестры Корвин-Круковские. М., 1934, стр. 5; см. также в кн.: Борьба за науку в царской России. М.—Л., 1931, стр. 77.

Таким образом, несмотря на две-три оговорки, комментаторы принимают обычную точку зрения: Боков—Сеченов—Обручева — все они в той или другой мере (иногда в значительной — «отправной факт») послужили прототипами героев романа.

Из воспоминаний, исследований и комментариев та же гипотеза легко перешла в популярные книги и школьные пособия,— в этом, впрочем, нет ничего удивительного.[95]

Из литературоведения тот же взгляд быстро перекочевал и в другие науки. Так, в книге физиолога X. С. Коштоянца о Сеченове читатель прочтет те же утверждения, подкрепленные притом собственными соображениями автора в пользу гипотезы Кирсанов—Сеченов. X. С. Коштоянц полагает, что аргументом в пользу того, что Чернышевский писал Кирсанова с Сеченова, является, в частности, письмо Сеченова к Мечникову по поводу «грязных пасквилей Цитовича против героев романа „Что делать?“» (гнусная брошюра «Что делали в романе „Что делать?“»).[96]

Действительно, 24 декабря 1878 г. Сеченов писал И. И. Мечникову о том, что ему «как лицу прямо задетому в брошюре, вмешиваться» в дело протеста против книги Цитовича неудобно.[97] Но дело в том, что это письмо не имеет ни малейшего отношения к названной X. С. Коштоянцем брошюре Цитовича и аргументом в его пользу служить никак не может. Пасквиль Цитовича о романе «Что делать?» имеет цензурное разрешение 24 февраля 1879 г., т. е. он вышел в свет через два месяца после письма Сеченова! Сеченов же пишет о совсем другой брошюре Цитовича — «Ответ на письма к ученым людям», вышедшей в Одессе примерно в конце сентября 1878 г. (цензурное разрешение — 23 сентября). В ней действительно дважды (на стр. 16 и 26) упомянуты «Рефлексы головного мозга», а на стр. 19 находится следующий гнусный и почти незамаскированный намек: «Пятый сманил чужую жену или по дружбе уступил приятелю свою».

Можно не продолжать дальше нашего обзора. Как видим, мемуаристы, исследователи, критики, педагоги, популяризаторы, комментаторы — все единодушно признают, что в романе «Что делать?» существует реальная жизненная основа в виде истории романа Обручевой с Боковым и Сеченовым.

---

[95] См., например: Б. Рюриков. Н. Г. Чернышевский. Критико-биографический очерк. М., 1961, стр. 154; А. А. Озерова. Н. Г. Чернышевский. Изд. 2-е. М., 1956, стр. 148; Н. В. Богословский. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1955, стр. 457—459; А. А. Зерчанинов, Д. Я. Райхин. Русская литература. Учебник для IX класса средней школы. Изд. 15-е. М., 1956, стр. 141; Н. Н. Новикова. Владимир Обручев — герой романа Н. Г. Чернышевского «Алферьев». — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, стр. 483; и ряд других работ.

[96] X. С. Коштоянц. Сеченов. 1829—1905. М., 1950, стр. 47.

[97] См.: Борьба за науку в царской России, стр. 96.

9

Нельзя сказать, что изложенное здесь понимание было единственным, принятым в нашей литературе. Справедливость требует указать, что и мемуаристы и исследователи подвергали порою сомнению правильность обычного толкования, однако их голоса тонули в хоре сторонников традиционной интерпретации и не обращали на себя никакого внимания.

В 1905 г. Л. Ф. Пантелеев в первом томе своих мемуаров «Из воспоминаний прошлого», в главе, посвященной истории «Земли и воли», в сноске указал на совершенную неправдоподобность гипотезы о Бокове — Лопухове.[98] Вся глава была проникнута резко ироническим и даже враждебным отношением к Бокову (он был зашифрован как «господин á la Вирхов») и, может быть, поэтому мнение Пантелеева никем не было принято.

Точка зрения, согласно которой писатель воспроизвел в романе реальную жизненную ситуацию, настолько укрепилась в нашей литературе, что всякая попытка оспорить ее правильность вызывает полемику. В воспоминаниях Екатерины Жуковской приведены слова В. А. Слепцова о том, что «не автор романа списал с него ‹П. И. Бокова› свой тип, а напротив, сам доктор вдохновился романом и разыграл его в жизни: порукой в том хронология». К. И. Чуковский сделал к этому месту примечание: «Это неверно. Сеченов действительно был прототипом Лопухова, героя романа „Что делать?“. Чернышевский был знаком с Сеченовым задолго до написания „Что делать?“, и ему была известна история его отношений с Боковой, которые и отразились в романе».[99] Сообщенный Жуковской аргумент (хронология) не заинтересовал редактора и не был проверен.

Неправомерно было бы элиминировать и семейные предания. Сын писателя М. Н. Чернышевский (в передаче его дочери Н. М. Чернышевской) и двоюродная сестра Екатерина Николаевна Пыпина (со слов своей сестры Евгении Николаевны) склонны были отрицать прототипичность героев.[100]

Важным является свидетельство еще одного позднего, но осведомленного современника — дочери М. А. Антоновича, О. М. Антонович-Мижуевой. В отрывке ее воспоминаний, напечатанном в 1936 г., было в совершенно недвусмысленной форме высказано сомнение в правильности привычного представления о прототипах «Что делать?». Приведем это

---

[98] Перепечатано: Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, стр. 334.

[99] Екатерина Жуковская. Записки. Редакция и примечания Корнея Чуковского. Л., 1930, стр. 216. — Отметим попутно, что «красавец-доктор», о котором говорится в мемуарах, — конечно, Боков, а не Сеченов, как разъяснено в примечаниях. О Бокове — прототипе Лопухова К. И. Чуковский писал в примечаниях к изданию: А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. Вступ. статья, редакция текста и комментарии Корнея Чуковского. Л., 1956, стр. 436.

[100] А. П. Скафтымов. Роман «Что делать?» (Его идеологический состав и общественное воздействие). — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сборник... Саратов, 1926, стр. 94.

Переводы «Что делать?» на иностранные языки.

существенно важное место: «Родители мои хорошо были знакомы с доктором Боковым, его женой и их другом дома Сеченовым. Но ни отец мой, ни мать никогда не говорили, что Чернышевский в этом своем романе вывел якобы чету Боковых и Сеченова. А на это кстати было бы указать мне, когда я, с большим трудом доставши этот роман, бывший тогда под запретом, стала читать его; кстати, еще и потому, что я знала всех трех якобы героев его. Напротив, мама мне говорила, что в лице Веры Павловны Чернышевский хотел изобразить Ольгу Сократовну, которую он страшно идеализировал <. . .> О том, что в романе „Что делать?" выведены Боков и Сеченов, я услышала впервые всего несколько лет тому назад, да недавно прочла в книге Т. А. Богданович „Любовь людей шестидесятых годов"».[101]

И это указание современника не заставило исследователей пересмотреть старую точку зрения.

В исследовательской литературе, если не ошибаюсь, один только раз был подвергнут сомнению вопрос о правильности традиционного толкования — А. П. Скафтымовым в 1926 г. в названной выше статье о «Что делать?». В отличие от Ю. М. Стеклова А. П. Скафтымов не прибег к вымыслам, а сделал вывод, что «если мог Чернышевский что-либо почерпнуть из этой истории, то лишь один момент „спасания из-под родительской опеки"». Впрочем, А. П. Скафтымов счел нужным оговориться, что это предположение по скудости имеющихся данных остается темным и неопределенным.[102] Но через 18 лет, в издании Гослитиздата, А. П. Скафтымов высказался уже гораздо более категорически в пользу привычного толкования.

Отрицает прототипичность основных персонажей романа и М. Т. Пинаев, автор специального комментария к роману «Что делать?», и М. И. Яновская, автор работы о Сеченове:[103] она даже склонна настаивать на том, что эта «литературная сплетня» была пущена недоброжелателями со специальной целью очернить Сеченова и помешать его научной карьере. Не Чернышевский списал героев с тройки Обручева—Боков—Сеченов, а они поступали по роману, который был для них и всего поколения подлинным учебником жизни.[104]

10

Между тем установление истины не представляется в данном случае особенно сложным или кропотливым делом.

---

[101] Литературное наследство, т. 25—26, стр. 238—239.

[102] Н. Г. Чернышевский. Сборник... Саратов, 1926, стр. 115—116.

[103] М. Т. Пинаев. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», стр. 93—94; М. Яновская. Сеченов. М., 1959, стр. 192 и след.

[104] Акад. А. Н. Крылов передает слова брата Сеченова — Андрея Михайловича: «Наврал попович, это совсем не Ваня и не Мария Александровна описаны, но в подробности не вдавался» (А. Н. Крылов. Воспоминания и очерки. М., 1956, стр. 37).

Целесообразно прежде всего воспользоваться именно тем аргументом, который в 1863 г. В. А. Слепцов предлагал своей собеседнице — Екатерине Жуковской, но который и она, и — через 65 лет — ее редактор К. И. Чуковский отвергли.

Напомню, что Чернышевский был арестован 7 июля 1862 г. и что роман «Что делать?» писался в Петропавловской крепости, в условиях полной изоляции автора от внешнего мира, с 14 декабря 1862 по 4 апреля 1863 г. — эта дата указана Чернышевским на черновой рукописи романа и не может быть оспорена.[105]

Стало быть, необходимо прежде всего установить, что именно из романа Обручевой относится к этому времени. Допустим, хотя и это не бесспорно, что все интимные переживания наших героев сразу же становились широко известными в Петербурге и немедленно доходили до Чернышевского.[106]

Мария Александровна Обручева стала посещать лекции в Петербургском университете с осени 1860 г.,[107] а затем стала слушать лекции в Ме-

---

[105] Для наших целей не имеет значения предположение, что роман был задуман и первые наброски его относятся ко времени жизни Чернышевского в Саратове в 1851—1853 гг. (XI, 703). В это время ситуация Обручева—Боков—Сеченов вообще не существовала.

[106] П. И. Боков (домашний врач Чернышевских с 1858 г.) несомненно был близок Чернышевскому. Дата знакомства Сеченова и Чернышевского не установлена, но скорее всего оно произошло через Бокова. Точно известно, что Сеченов приехал в Петербург 1 февраля 1860 г. Как предполагает М. И. Яновская, знакомство его с Боковым произошло в одну из суббот после 25 февраля 1861 г. у С. П. Боткина, — это могли быть субботы 5, 12, 19 или 26 марта (М. Яновская. Сеченов, стр. 96 и 116. — Эта книга, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей», написана в полубеллетристической форме, но является результатом внимательной работы над материалами эпохи). Не датирован единственный сохранившийся документ — визитная карточка Бокова, на которой написано: «П. И. Боков и И. М. Сеченов приглашают Чернышевского и Александра Николаевича <Пыпина> по случаю окончания экзаменов Марии Александровны» (Чернышевский, XI, 718). Записка написана не ранее осени 1861 г. — времени знакомства Сеченова с Обручевой — и до апреля 1862 г., когда Пыпин уехал за границу. Во всяком случае (вероятно, в начале 1863 г.) Сеченов предложил «Современнику» свою статью: «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы». Она была запрещена цензурою, но под заглавием «Рефлексы головного мозга» в том же году появилась в «Медицинском вестнике» (№ 47 от 23 ноября). См.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Великий ученый и царская цензура. (Цензура 1860-х гг. в борьбе с материализмом). — Резец, 1938, № 24, стр. 17—19; С. Е. Драпкина. Н. Г. Чернышевский и И. М. Сеченов. — Физиологический журнал, 1940, т. 28, вып. 2—3, стр. 147—156; В. Е. Гурвич. Еще одно доказательство личной и идейной близости И. М. Сеченова и Н. Г. Чернышевского. — Труды института истории естествознания и техники, 1955, т. IV, стр. 376—379 (в этой работе сделана неубедительная попытка доказать, что знакомство Сеченова с Чернышевским должно быть отнесено к 1857—1860 гг.); Научное наследство. Том III. Иван Михайлович Сеченов. Неопубликованные работы, переписка и документы. М., 1956, стр. 36 и 56—57; М. Г. Ярошенко. Н. Г. Чернышевский и И. М. Сеченов. — Вопросы философии, 1958, № 7, стр. 76—83.

[107] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 213.

дико-хирургической академии. Здесь она и встретилась с И. М. Сеченовым, в это время (с 16 апреля 1860 г.) адъюнкт-профессором кафедры физиологии.[108] У нас нет никаких оснований подвергать сомнению указываемую самим Сеченовым дату его знакомства с Марией Александровной — осень 1861 г.[109]

Нет точных сведений, когда познакомился с М. А. Обручевой П. И. Боков. Во всяком случае, это знакомство произошло раньше, чем знакомство М. А. с Сеченовым: Боков был приглашен в семью генерала А. А. Обручева давать уроки его дочери; для освобождения ее от тяжкой ферулы родительского гнета он вскоре предложил ей частый в обычаях того времени фиктивный брак. Он был оформлен 20 августа 1861 г. — эта дата точно устанавливается воспоминаниями брата невесты, В. А. Обручева, и письмом О. С. Чернышевской мужу в Саратов от 29 августа 1861 г.[110]

Далее: из биографии М. А. Обручевой-Боковой мы знаем, что этот фиктивный брак через некоторое время стал браком фактическим. И только спустя еще какой-то промежуток времени М. А. стала женой Сеченова.

Таким образом, для того чтобы Чернышевский мог воспользоваться сложившейся ситуацией и описать в романе брак с П. И. Боковым, сближение с И. М. Сеченовым и уход к нему, остается время с начала сентября 1861 до 7 июля 1862 г., т. е. никак не более 10 месяцев, а в действительности, вероятно, гораздо меньше.

Уже эта справка должна заставить нас отнестись с большим сомнением к традиционной гипотезе.

За эти десять месяцев в отношениях Обручевой и Бокова не произошло ничего такого, что могло заставить Чернышевского обратить особое внимание на эту пару. Весьма вероятно, что Чернышевский знал о том, что брак был поначалу фиктивный, но браков такого рода вокруг него было в это время немало. Не забудем, что в романе брак Лопухова и Веры Павловны изображен как вначале фиктивный и лишь позднее (см. §§ 19 и 20 главы третьей) ставший фактическим:[111] именно так нередко и происходило в действительности. Не говорю уже о совершенно

---

[108] Научное наследство. . ., стр. 27.

[109] И. М. Сеченов. Автобиографические записки, стр. 174—175.

[110] В. А. Обручев. Из пережитого. — Вестник Европы, 1907, № 5, стр. 134. — Письмо О. С. Чернышевской мне неизвестно. О нем упоминает А. П. Скафтымов в цитированной выше статье в саратовском сборнике (стр. 115).

[111] Это было понято их квартирной хозяйкой Петровной, но осталось незамеченным современной исследовательницей Н. Наумовой, которая с энергией, достойной лучшего применения, настаивает на фактическом браке с самого начала, — см. ее книгу: Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Л., 1972, стр. 29, 31. — Ср. в статье французского исследователя Шарля Корбе (Corbet): «Этот фиктивный брак перешел <. . .> в реальный. . .» (Réminiscences sandiennes dans «Que faire?» de Černyševskij. — Révue des études slaves, t. XLIII, fasc. 1—4, Paris, 1964, p. 22).

различной социальной среде: Обручева — дочь генерала, а Вера Павловна — из среды мелкого чиновничества.

Наши сомнения еще более усилятся, когда мы попытаемся установить продолжительность фиктивного и фактического брака Обручевой и Бокова. По счастью, такого рода более или менее точные сведения в нашем распоряжении есть. Этот брак продолжался четыре года! Эта цифра указана в упомянутой выше статье С. Султанова, написанной на основании непосредственных бесед с П. И. Боковым. Приблизительно в конце 1860-х годов Боков сошелся с женой видного петербургского чиновника Т. П. Измайловой (урожденной баронессой Д'Альгейм) и вскоре переехал с ней в Москву.

Очень осведомленный, очень точный и близкий к М. А. Сеченовой Л. Ф. Пантелеев[112] по этому поводу писал: «Семейная жизнь М. А. (урожденной Обручевой) и П. И. потерпела крушение от очень обыденной причины — увлечений П. И. своими прекрасными пациентками. *Так говорила мне сама* М. А. Ее близкие отношения к И. Мих. Сеченову, который помог ей своими средствами на поездку за границу для довершения медицинского образования, относятся к значительно более позднему времени, чем фабула романа „Что делать?"».[113]

Эти даты соответствуют данным, которые можно извлечь из писем и очень сдержанных во всем, что касается личной жизни, «Автобиографических записок» Сеченова.

В письмах первых лет Сеченов систематически передает приветы Бокову («Петру Ивановичу» или официально: «Вашему мужу»).[114]

Упоминая о знакомстве с В. О. Ковалевским, Сеченов пишет: «С ним я познакомился, когда *моя будущая жена* — мой неизменный друг до смерти — и я стали заниматься переводами, это началось в 1863 г.».[115]

Если в рассказе о 1863 г. М. А. именуется «будущая жена», то, излагая свою дальнейшую жизнь, Сеченов пишет уже иначе: «В каникулы следующего, 1865 года *мы отправились с женой* за границу».[116]

Некоторое время уход к Сеченову, может быть, и можно было скрывать, тем более что все трое мирно жили в одной квартире (вообще не исключена ситуация, именуемая ménage à trois, — и она была вполне в духе эпохи: вспомним рассуждение Рахметова в главе «Особен-

---

[112] Его статья «Памяти Н. Г. Чернышевского» (Голос минувшего, 1915, № 1) посвящена «Моему другу М. А. С‹еченовой›».

[113] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 335 (курсив мой, — *С. Р.*).

[114] Архив Академии наук СССР, Московское отделение, ф. 605, д. № 24; Научное наследство, стр. 234—235.

[115] И. М. Сеченов. Автобиографические записки, стр. 197 (курсив мой, — *С. Р.*).

[116] Там же, стр. 204 (курсив мой, — *С. Р.*). Речь здесь, разумеется, не может идти о формальном браке; развод с Боковым был оформлен лишь в 1888 г. (Звенья, т. III—IV, стр. 894), а брак с Сеченовым заключен в 1891 г. (Дворянский адрес-календарь на 1898 г., ч. 1, стр. 195).

ный человек»), но в конце концов надо было известить об этом мать жены. В письме от 18 декабря 1867 г. П. И. Боков и сделал это, сообщив З. Ф. Обручевой о том, что дочь ее «по характеру сошлась более с удивительным из людей русских, дорогим сыном нашей бедной родины — Иваном Михайловичем <...> Вы можете себе представить, до какой степени наша жизнь счастливей, имея членом семьи Ивана Михайловича!».[117]

Что брак М. А. Обручевой и П. И. Бокова в самом деле не был кратковременным эпизодом, видно хотя бы из следующих строк письма Марии Александровны к В. О. Ковалевскому от 22 ноября 1872 г. М. А. Бокова писала: «Никогда не вздыхаю о husband'е <...> Хороший он человек, только мы не созданы друг для друга». Так написать может только женщина, прошлый брак которой еще не стал слишком далеким прошлым. Через десять-двенадцать лет эти слова едва ли возможны.[118]

Впрочем, все, что произошло в жизни трех героев после 7 июля 1862 г., уже не может представлять для наших целей непосредственного интереса. Произведенные хронологические расчеты приводят к выводу, что все перипетии романа М. А. Обручевой с П. И. Боковым и И. М. Сеченовым относятся ко времени после написания «Что делать?» и, стало быть, вопреки общераспространенному мнению, никакого отношения к фабуле романа не имеют.[119]

11

Трудно, если не невозможно, да едва ли и нужно выяснять сейчас, каким образом создалась разоблаченная нами легенда.

Как и другие недостоверные сообщения о революционных демократах, она возникла скорее всего в качестве устного (по условиям судьбы Чернышевского) предположения какого-то или каких-то не очень осведомленных современников, усмотревших разительное сходство ситуации, но не знавших сколько-нибудь точных дат всех событий.

Едва ли Чернышевский имел в виду в своем романе какую-либо конкретную ситуацию. Вернее, как всякий большой мастер, он обобщил и типизировал характерное для его эпохи явление.[120] Именно так и надо по-

---

[117] Звенья, т. III—IV, стр. 887.

[118] Там же, стр. 597. — 16 октября 1889 г. И. М. Сеченов писал Обручевой: «Ты бы не была счастлива, моя золотая, окруженная такими дарами» (Архив Академии наук СССР, Московское отделение, ф. 605, д. № 29). Речь идет о роскошной обстановке, в которой жили Боков и Измайлова.

[119] Поскольку хронологические соображения являются исключающими, у нас нет надобности заниматься таким вопросом, как сравнительное изучение характеров лжепрототипов и персонажей романа.

[120] Ср.: А. И. Ревякин. Проблема типического в художественной литературе. Пособие для учителей. М., 1959, стр. 105.

нимать его слова о том, что «все существенное в моем рассказе — факты, пережитые моими добрыми знакомыми» (713). Однако эти слова (вообще бо́льшая часть этого параграфа) из чернового текста в беловой все же не перешли. Очень важно не забывать, что резкий протест против обязательных поисков прототипов содержится в написанном 10 октября 1863 г., т. е. вскоре после завершения «Что делать?», предисловии к «Повести в повести»: «. . . „Не умеющие читать“, как я называю их в романе, не могут никакими резонами быть обращены в людей с здравым смыслом, понимающих, что роман надобно читать как роман. Они все ищут: с кого срисовал автор вот это или вот то лицо? с себя? или с своей кузины? или с своего приятеля? Они не могут успокоиться, пока не отыщут чего-нибудь такого <. . .> Если бы я был менее опытен в жизни, я надеялся бы, что этою шуткою для невинного смеха честным людям, этою оплеухою некоторой тенденции некоторых людей я отобью у сплетников охоту к сплетням» (XII, 684—685). Это мнение самого автора романа игнорируется обычно исследователями, желающими во что бы то ни стало отыскать прототип.

С этой достаточно наивной презумпцией — прототип обязательно был — исследователю расстаться очень трудно. Так, В. Свирский, будучи не в состоянии опровергнуть мои хронологические расчеты, нехотя уступает лишь часть: ситуация Боков—Обручева послужила якобы исходным пунктом. Из множества других аналогичных фактов этот «запал ближе в его душу, чем другие». Только после этого В. Свирский соглашается признать «творческое воображение» художника и «общий стратегический план».[121]

Примерно такова же точка зрения П. Ф. Ковалевой, автора статьи «К вопросу о прототипах „новых людей“ Чернышевского».[122] П. Ф. Ковалева тоже не мыслит художественного произведения вне понятия прототипа. «Учитель, — пишет она, — должен <. . .> рассказать <. . .> какие жизненные события и лица возбудили творческую фантазию художника и, следовательно <?>, „явились прототипами“» (стр. 175). В сноске П. Ф. Ковалева продолжает: «Умолчать об этом невозможно, так как сведения о прототипах есть в школьном учебнике и учебно-педагогической практике». Казалось бы, чего проще — разъяснить школьнику, что прототип совсем не обязательное условие создания художественного образа, что написанное в некоторых школьных книжках ошибочно; нет — исходя из своеобразно понятых педагогических соображений, автор тщится во что бы то ни стало утвердить традицию, не допуская и мысли о ее пересмотре.

---

[121] Владимир Свирский. Откуда вы, герои книг? Очерки о прототипах. М., 1972, стр. 66—68.

[122] Уч. зап. Орловского гос. пед. ин-та. Сборник работ аспирантов по гуманитарным наукам, 1963, т. XIX, стр. 175—187.

Чтобы доказать свой тезис, приходится идти на ряд натяжек, неправдоподобных и недоказуемых предположений. Так как даты не сдвинуть, остается допустить, что какие-то сведения о романе Обручевой Чернышевский мог получить из писем, присылавшихся ему в Петропавловскую крепость (стр. 184). Трудно представить себе бестактность корреспондента Чернышевского, который, отлично понимая, что все письма подвергаются тщательному просмотру, стал бы «развлекать» узника Алексеевского равелина слухами, неизбежно носящими оттенок сплетни. (Свидания с женой начались 23 февраля 1863 г.,[123] когда бо́льшая часть романа (примерно до § 17 главы четвертой) уже была написана и никакой новой информацией писатель воспользоваться не мог).

Другим, тоже надуманным аргументом является предположение, что Сеченов уехал весною 1862 г., по окончании учебного года, в научную командировку за границу (до мая 1863 г.), чтобы подавить чувство к Обручевой и не разрушать ее брака с Боковым. Но это предположение решительно противоречит всему, что мы знаем о научных интересах и исканиях Сеченова, и никак не согласуется с приведенными выше данными.

Фактическое сближение Обручевой с Сеченовым, как видно из приведенных выше данных, следует отнести к концу 1864—началу 1865 г. Но допустим даже, что Сеченов сразу же (т. е. с сентября 1861 г.) бурно влюбился в Обручеву, сразу же получил признание, сразу же разрушил брак с Боковым, — и тогда (опять-таки при условии, что все интимные отношения тройки сразу же сообщались только этим и занятому Чернышевскому!) мы сможем допустить, что будущему автору «Что делать?» была известна лишь начальная часть новых отношений. Но если всё произошло так стремительно, как нужно П. Ф. Ковалевой для торжества ее точки зрения, тогда, спрашивается, зачем было Сеченову пытаться гасить отъездом за границу свою любовь? Гораздо больше логики было в попытках Кирсанова подавить свое чувство к Вере Павловне.

Таким образом, новые доводы, привлеченные П. Ф. Ковалевой, никакой доказательной силы не имеют, внутренне противоречивы и ее попытка спасти традиционное толкование должна быть признана неудачной.

Описанные в романе факты и отношения были в это время едва ли не массовым явлением: таковы фиктивные браки, возникшие в борьбе за свободу женщины; а так называемые (употребляя терминологию эпохи) «консервы», «братья» и «доктора» привлекали всеобщее внимание. У всех на устах был, например, брак С. В. Корвин-Круковской с В. О. Ковалевским; в обществе шли непрерывные разговоры о семейных отношениях Л. П. и Н. В. Шелгуновых и М. Л. Михайлова, А. Я. и И. И. Панаевых и Некрасова и др., — еще одна история, притом связанная с име-

[123] Н. М. Чернышевская. Летопись..., стр. 287.

нем передового ученого и одной из первых русских женщин-врачей, легко включилась в тот же ряд. Достаточно было небольшого сдвига (ведь современники не имели в руках документов, которыми располагаем мы), чтобы жизненный эпизод прикрепился к запретному роману, разрабатывавшему именно эту тему. Хронологическая контаминация — явление, хорошо знакомое каждому историку.

Читатель вообще склонен искать реальную основу художественного произведения. Для примера можно напомнить попытку объявить «Грозу» Островского изложением реального эпизода с Клыковым в Костроме в 1859 г., хотя простая справка о времени этого дела и дате окончания драмы должна была бы устранить всякие возможности сопоставления. Возникало предположение, что для фабулы «Преступления и наказания» Достоевский якобы воспользовался делом студента А. М. Данилова, убившего 12 января 1866 г. капитана Попова и его служанку; на самом деле роман начал писаться за несколько месяцев до этой даты.

В этой связи весьма интересно указать, что в секретно изданном в 1865 г. в Петербурге «Собрании материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие» читаем: «Роман Чернышевского имел большое влияние даже на внешнюю жизнь некоторых недалеких и нетвердых в понятиях о нравственности людей, как в столицах, так и в провинции <. . .> Были примеры, что дочери покидали отцов и матерей, жены — мужей, некоторые шли даже на все крайности, отсюда вытекающие, появилась попытка устройства на практике коммунистического общежития в виде каких-то общин и ремесленных артелей» (стр. 194).

«За 16 лет пребывания в университете, — свидетельствовал названный выше П. П. Цитович, — мне не удавалось встретить студента, который бы не прочел знаменитого романа еще в гимназии, а гимназистка 5—6 класса считалась бы дурой, если б не ознакомилась с похождениями Веры Павловны <. . .> Я уже не говорю, в какой мере влиянием романа „Что делать?“ объясняется размножение социальных девиц и „мадамш“».[124]

Роман, который был признан евангелием нового учения, определил очень многое в жизни. Напомню слова Г. И. Димитрова о значении «Что делать?» в его жизненной судьбе. Факты такого рода отнюдь не единичны. «Фиктивные браки, с целью освобождения генеральских и купеческих дочек из-под ига семейного деспотизма, в подражание Лопухову и Вере Павловне сделались обыденным явлением жизни», — свидетельствует А. М. Скабичевский.[125]

---

[124] П. Цитович. Что делали в романе «Что делать?», стр. V.

[125] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 249—250; ср.: Е. Н. Водовозова. На заре жизни, стр. 199 и след.

Пример Веры Павловны и в самом деле мог оказать влияние на смелое решение Марии Александровны Боковой, решившейся бросить вызов общепринятым нормам современного быта.

В романе «Что делать?» исследователь должен искать не псевдонимы тех или иных конкретных лиц, а типически обобщенное, широкое полотно эпохи.

12

15 июля 1878 г. Карл Маркс в письме к З. Шотту по поводу невозможности поехать в Киссинген писал: «*Что делать* (que faire?) — как говорят русские»,[126] — первые два слова написаны по-русски.

История русской литературы знает ряд проблемных заглавий-вопросов, отражающих искания передовой мысли: Кто виноват? Не начало ли перемены? (первоначально: Чего ждать?) Что такое обломовщина? Когда же придет настоящий день? Кому на Руси жить хорошо? Виновата ли она? Где лучше? Научились ли? Что нужно народу? Что делать войску? и другие. Более поздним отголоском, вероятно ориентированным все же на заглавие романа Чернышевского, является в 1880-х годах толстовское — Так что же нам делать?

Формула «Что делать?» подготовлялась всем общественно-политическим развитием эпохи. В том или другом варианте она встречается в разговоре Ольги Ильинской с Обломовым, в прощальном письме Елены Стаховой в «Накануне», в речах Базарова, в знаменитой статье Добролюбова о романе Тургенева «Накануне», в статье Писарева о романе «Отцы и дети» [127] и т. д. Заглавие романа Чернышевского стало наиболее емким и обобщающим фразеологическим оборотом и знаком эпохи самого широкого социального диапазона.

Продолжая традицию великого русского революционера, тридцать восемь лет спустя так же озаглавил свою работу В. И. Ленин.

---

[126] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. XXXIV, стр. 258.

[127] Б. П. Козьмин указывал, что в некрологе Ф. Ф. Павленкова о Писареве содержится утверждение, будто «Что делать?» представляет собою ответ на вопрос, поставленный Писаревым (Д. И. Писарев и социализм. — Литература и марксизм, 1929, № 4, стр. 74; перепеч.: Б. П. Козьмин. Литература и история. М., 1969, стр. 259). Некролог этот недавно опубликован Ф. Ф. Кузнецовым в «Русской литературе» (1959, № 2, стр. 207). В нем действительно содержится такое утверждение, со ссылкой на окончание статьи Писарева «Базаров». Статья Писарева на вопрос «Что делать?» отвечала так: «Жить пока живется, есть сухой хлеб, когда нет ростбифу, быть с женщинами, когда нельзя любить женщину, а вообще не мечтать об апельсинных деревьях и пальмах, когда под ногами сугробы и холодные тундры» (Русское слово, 1862, № 3; Сочинения, т. 2. М., 1955, стр. 50). Эти слова куда как далеки от идейного смысла романа Чернышевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

Источники текста

Что делать? Из рассказов о новых людях. — Современник, 1863, № 3, стр. 5—142 (ценз. разр. 15 февраля и 14 марта, вып. в свет 19 марта); № 4, стр. 373—526 (ценз. разр. 20 апреля, вып. в свет 28 апреля); № 5, стр. 55—197 (ценз. разр. 27 апреля и 18 мая, вып. в свет 30 мая). Подпись в каждом номере: «Н. Чернышевский».

Что делать? Из рассказов о новых людях. Черновая редакция. 59 листов. ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хр. 234.

Что делать? Из рассказов о новых людях. Копия М. Н. Чернышевского части утраченной рукописи главы V. Там же, ед. хр. 652.

Печатается по тексту «Современника», сверенному с черновой редакцией и копией М. Н. Чернышевского. Устранены (без оговорок) более ста опечаток или очевидных описок, путаница в нумерации глав и параграфов (так условно названы разделы внутри глав; см. также стр. 810—812 наст. изд., статью С. А. Рейсера).

Кроме того, введены следующие исправления.

Стр. 21, строка 17 сн.: *нельзя не быть злой* вместо *нельзя быть злой*. «Не» восстанавливается по смыслу и по черновой редакции, где написано: «нельзя мне не быть злой». Возможно, что «мне» выпало при переписке рукописи или при наборе. Однако не исключено, что Чернышевский хотел придать всей фразе более общий смысл — «нельзя в этом мире не быть злой».

Стр. 22, строка 8 сн. и в нескольких других местах текста: «Сторешни́к» вместо «Сторешник» — исправлено по черновой редакции.

Стр. 29, строка 1 сн.: «шутки» вместо «штуки» — исправлено по смыслу и по черновой редакции.

Стр. 75, строка 8 сн.: «Но — ничего» вместо «Но» — исправлено по черновой редакции.

Стр. 77, строка 8 сн.: «судей» вместо «людей» — исправлено по смыслу и по черновой редакции.

Стр. 77, строка 3 сн.: «выражением» вместо «движением» — исправлено по смыслу.

Стр. 92, строка 24 св. В «Современнике» слова «Милый мой! Ты видел, я плакала, когда ты вошел, — это от радости» повторены дважды. После первого раза следует: «Он взял и поцеловал ее руку». После второго: «Лопухов поцеловал ее руку, и много раз поцеловал ее руку». В черновой редакции слова «Милый мой, ты видел, я плакала, когда ты вошел, — это от счастья» продолжаются: «Дайте Вашу руку, — он взял и целовал ее руку. — Нам не нужно было говорить, что мы любим друг друга? Да и говорили. — И все целовал ее руку». Предположение, что Вера Павловна дважды обратилась к Лопухову с одними и теми же словами, маловероятно; их, очевидно, следует оставить только один раз и притом в более распространенной версии. Вероятно, написав первую фразу («Милый мой! Ты видел, я плакала, когда ты вошел, — это от радости. Он взял и поцеловал ее руку»), Чернышевский зачеркнул ее (или забыл зачеркнуть?) и написал следующую — то же, но с добавлением: «И много раз поцеловал ее руку». Наборщик не разобрался и набрал обе фразы дважды.

Стр. 96, строка 8 сн.: «понятно» вместо «конечно» — исправлено по смыслу и по черновой редакции.

Стр. 104, строка 12 сн.: «повенчаться» вместо «посоветоваться» — исправлено по черновой редакции.

Стр. 125, строка 2 св.: «о—е—а—а—dum, как говорится по-латыни». Формула «Quod erat demonstrandum» нередко употреблялась в сокращенной форме «Quodum», или «Q. E. D.», или иногда «Queadum» — скорее всего, именно это и было написано в рукописи.

Стр. 127, строка 11 св.: «оборванная» вместо «образованная» — исправлено по черновой редакции.

Стр. 143, строка 19 сн.: «и бороться то» вставлено по смыслу и по черновой редакции.

Стр. 143, строка 7 сн.: «оказались» вместо «отличились» — исправлено по смыслу и по черновой редакции.

Стр. 154, строка 11 сн.: «приобрел ее сердце» вместо «приобрел сердце» — исправлено по смыслу.

Стр. 199, строка 21 сн.: «как увидишь лучше, так и сделаешь» вместо «как увидишь, так и сделаешь» — исправлено по смыслу.

Стр. 200, строки 4—6 св. Текст черновой редакции несколько более распространенный; возможно, что в «Современнике» при наборе выпали некоторые слова, но не исключено, что перед нами обычная для Чернышевского правка при перебеливании рукописи.

Стр. 225, строка 24 сн.: «не замечал» вместо «замечал» — исправлено по смыслу и по черновой редакции: это исправление было введено в текст романа раньше, см.: Чернышевский, т. XI, стр. 220.

Стр. 241, строка 20 сн.: «стеснительно» вместо «действительно» — исправлено по смыслу и по черновой редакции.

Стр. 263, строка 11 сн.: «Лопухова» вместо «Кирсанова» — та же описка в черновой редакции; исправлено по смыслу.

Стр. 280, строка 12 св.: «Он ценил в ней только красоту» вместо «Он ценил только в ней красоту» — исправлено по смыслу.

Стр. 288, строка 13 св.: «дурно» вместо «трудно» — исправлено по смыслу.

Стр. 290, строка 16 сн.: «успеете» вместо «умеете» — исправлено по смыслу и по черновой редакции.

Стр. 298, строка 6 св.: «лет 40» вместо «лет 50» — исправлено по смыслу и по черновой редакции.

Стр. 310, строка 10 св.: «Наставление» вместо «Направление» — исправлено по смыслу.

Стр. 322, строка 2 сн.: «по его же словам» вместо «по словам» — исправлено по смыслу.

Стр. 328, строка 2 св.: «погибли бы» вместо «погибали» — исправлено по смыслу и по черновой редакции.

Стр. 342, строка 6 сн.: «но тогда я так думала, и он так думал» вместо «но тогда я думала, и он думал» — исправлено по смыслу.

Учитывая совершенно особые условия печатания романа, в издании унифицированы формы «волосы» и «волоса» в пользу первой, «госпиталь» и «гошпиталь» в пользу второй. Разнобой в употреблении этих слов отражает колебания в языке того времени и не позволяет определить, где текст рукописи и где чтение наборщика.

Пунктуация и орфография даны по современным нормам, но с учетом некоторых особенностей письма Чернышевского: по возможности сохранены случаи, в которых слышится интонация автора или его героев. Сохранены отточия с разным числом точек, явно имевшие для Чернышевского особое значение; сюда же следует отнести вопросительный и восклицательный знаки в середине фразы, продолжающейся строчной буквой, тире, иногда заменяющее абзац, и пр.

Примечания к тексту романа

Примечания не ставят своей задачей постатейное комментирование текста; это сделано в преследующих педагогические цели книгах: Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1933; М. Т. Пинаев. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1963. — В нижеследующих примечаниях впервые прокомментирован ряд остававшихся неясными мест. Общеизвестные мифологические и исторические имена не поясняются, кроме случаев, когда они требуют комментария в контексте.

[1] Стр. 7. *О. С. Ч.* — Ольга Сократовна Чернышевская (рожд. Васильева, 1833—1918) — жена Н. Г. Чернышевского с апреля 1853 г. Некоторыми чертами живого, самостоятельного и непосредственного характера, вкусами и привычками образ Веры Павловны восходит к Ольге Сократовне. В то же время черты серьезности, возвышенности жизненных идеалов, планы трудового переустройства общества, стремление к образованию не находят себе соответствия в реальном облике жены Чернышевского. Ее душевные качества и стремления Чернышевский постоянно преувеличивал и в сильно идеализированном виде вложил в образ своей героини. В романе Ольга Сократовна выведена в заключении также под именем «дамы в трауре» (глава V, § 23, см. прим. на стр. 857). Преувеличены и плохо обоснованы попытки некоторых современных исследователей представить Ольгу Сократовну в качестве сподвижницы революционной работы ее мужа. Важнейший материал см.: М. Н. Чернышевский. Жена Н. Г. Чернышевского. — Современник, 1925, № 1, стр. 113—126; Марианна Чернышевская. Мои воспоминания об Ольге Сократовне Чернышевской. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926, стр. 206—214; А. П. Скафтымов. Роман «Что делать?» (Его идеологический состав и общественное воздействие). Там же, стр. 92—140; В. А. Пыпина. Любовь в жизни Чернышевского. Размышления и воспоминания. (По материалам семейного архива). Пгр., 1923; Т. А. Богданович. Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929; В. Н. Шульгин. 1) Ольга Сократовна — жена и друг Чернышевского. — Октябрь, 1950, № 8, стр. 170—187; 2) Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., 1956, стр. 67—168.

[2] Стр. 7. *Меня услышат на Литейном мосту...* — Наплавной мост через Неву, соединявший город с Выборгской стороной; постоянный был построен в 1874—1879 гг.

[3] Стр. 9. *Ça ira* — французская национальная песня, приобретшая всеобщую популярность в мае—июне 1792 г. Авторство приписывается не менее чем пяти лицам, сведения о них неясны и противоречивы. Песня исполнялась на мотив контрданса «Le carillon national» («Национальный колокольный звон», композитор Бекур). Песня известна в нескольких более или менее схожих редакциях; основной текст см.: Grand Larousse, т. III, p. 87. — «Это песня, прежде всего национальная ‹...›, — характеризует ее Мишле, — сильная (как заповеди бога и церкви), чудесно отражала шаг путников, сокращала им дорогу, утверждала успех работника, который видит приближение цели. Эта песня верно следовала поступи самой революции...» (J. Michelet. Histoire de la Révolution française, т. II. Paris, 1887, p. 169). Чернышевский отнюдь не цитировал текст — приводимых им в романе слов нет ни в одном варианте. Тем более далек от подлинника якобы перевод. Чернышевский, конечно, совершенно сознательно вводил в текст романа слова, очень далекие от текста песни. «Мы рабочие люди... мы темны... будем учиться, знание освободит нас» и т. д. В этом псевдопереводе Чернышевский цитирует даже формулу «разумного эгоизма» — «наше счастье невозможно без счастья других». Традиционное предположение ряда исследователей, будто бы Чернышевский приводит песню «в подлиннике и в переводе», — досадная ошибка (см., например: М. Т. Пинаев. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», стр. 18—19; Л. Магон. Роман «Что делать?» и общественно-политическая плат-

форма «Молодой России». — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 1. Саратов, 1958, стр. 513), ср. также стр. 352 черновой редакции.

[4] Стр. 15. *...до знакомства с медицинским студентом Лопуховым...* — Единственным высшим учебным заведением, подготовлявшим в Петербурге в это время врачей, была Медико-хирургическая академия (основана в 1799 г., с 1881 г. Военно-медицинская). В ней, как видно и из дальнейшего текста, учились и Лопухов и Кирсанов. Слушатели Академии считались на действительной военной службе и носили военную форму (см. главу I, § 14). По многочисленным отзывам официальных лиц и по мемуарам современников видно, что Академия больше других учебных заведений считалась рассадником революционных идей. Этому, в частности, способствовало изучение естественных наук; стоит напомнить, что в этой же Академии учился Базаров — герой романа Тургенева «Отцы и дети» (1862); см.: Г. А. Бялый, А. Б. Муратов. Тургенев в Петербурге. Л., 1970, стр. 214—216.

[5] Стр. 15. *Теперь этот дом отмечен каким ему следует нумером, а в 1852 году, когда еще не было таких нумеров...* — С конца XVIII в. и до 1834 г. в Петербурге существовала валовая нумерация домов в пределах каждой полицейской части; в 1834 г. были перенумерованы дома четной и нечетной стороны каждой улицы; в 1846 г. нумерация была уточнена, при этом четная и нечетная стороны поменялись местами; эта нумерация привилась приблизительно с конца 1850-х годов (С. А. Рейсер. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957, стр. 135—136).

[6] Стр. 17. *...с орденом на шее.* — Младшим из орденов, носимых на шее, был орден Станислава 2-й степени, следующий — орден Анны 2-й степени и орден Владимира 4-й степени. Начальник отделения, о котором пишет Чернышевский, скорее всего имел один из первых двух названных орденов. (Сообщил В. М. Глинка — Гос. Эрмитаж).

[7] Стр. 17. *...выкушать чаю (цветочного).* — Особый сорт чая, содержавший примесь молодых листиков и цветов чайной розы; он был дороже обычного чая и считался особенно вкусным.

[8] Стр. 17. *фермуар* — ожерелье с застежкой-украшением.

[9] Стр. 18. *...согласилась покупать ботинки ей у Королева.* — Чернышевский имеет в виду торговый дом придворного башмачника «Леонтия Королева сыновья». Он находился на Невском проспекте, против Аничкова дворца, в доме Беггрова (тогда № 65, теперь на его месте дом № 64, см.: Путеводитель. 60 000 адресов из С.-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочия, СПб., 1854, стр. 127).

[10] Стр. 18. *суприз* — просторечное произношение слова «сюрприз».

[11] Стр. 23. *Ваш великий поэт ‹...› сказал, что в целой России нет пяти пар маленьких и стройных ног.* — См. в «Евгении Онегине»:

...только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног...
(Глава 1, строфа 30).

[12] Стр. 23. *...Карамзин был историк, да и то не русский, а татарский.* — Вероятно, Чернышевский одновременно намекает и на татарское происхождение дворянского рода Карамзиных и на консервативную историческую концепцию автора «Истории государства Российского», «Записки о древней и новой России» и пр. В приписывающейся Пушкину эпиграмме на Карамзина читаем: «В его „Истории“ изящность, простота Доказывают нам, без всякого пристрастья, Необходимость самовластья И прелести кнута». Кнут, в частности, считался занесенным на Русь именно татарами. Упоминания Карамзина см.: Чернышевский, т. XVI, стр. 874.

[13] Стр. 23. *самоеды* — тогдашнее название ненцев.

[14] Стр. 24. *m-me Сталь* — знаменитая французская писательница А.-Л.-Ж. де Сталь (Staël, 1766—1817). Ее разносторонний литературный талант, ум и красно-

речие сделали ее салон центром Парижа накануне и в первые годы Революции. В дневнике (запись 4 марта 1853 г.) Чернышевский мечтает о том, что его будущая жена станет де Сталь (т. I, стр. 476).

[15] Стр. 24. *Я не ипокритка* — т. е. не притворщица, лицемерка (от франц. hypocrite).

[16] Стр. 26. ... *будирует* — се́рдится, дуется (от франц. bouder).

[17] Стр. 27. ... *запела «Тройку» — тогда эта песня была только что положена на музыку.* — Первое переложение «Тройки» Некрасова на музыку относится к 1852 г. («Сельская красавица», композитор О. Бернард). В романе, написанном в начале 1860-х годов, Чернышевский мог иметь в виду и переложения 1857 г. (А. И. Дюбук, Н. Леонтьев), 1858 г. (С. А. Зыбина), 1859 г. (И. Ф. Вителяро). См.: Г. К. Иванов. Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). Справочник. Вып. 1. М., 1966, стр. 246.

[18] Стр. 28. *кардинал Меццофанти* — профессор Болонского университета Джузеппе Меццофанти (1774—1849), знаменитый полиглот своего времени, знавший около 50 языков. Вероятно, Чернышевский помнил статью о нем: А. Пишо. Кардинал Меццофанти. — Библиотека для чтения, 1856, № 2, стр. 144—156; № 3, стр. 31—53.

[19] Стр. 28. ... *ездил повсюду при Жюли, вроде наперсницы корнелевской героини.* — Типичная ситуация в пьесах французского драматурга П. Корнеля (1606—1684) — наперсники и наперсницы основных действующих лиц.

[20] Стр. 28. ... *Вихман...* — Модный магазин Вихман помещался на Невском проспекте (тогда № 69, теперь № 66). См.: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга... СПб., 1867—1868, стр. 91; Городской указатель или Адресная книга... СПб., 1849, стр. 299.

[21] Стр. 31. ... *в той линии Гостиного двора, которая противоположна Невскому...* — т. е. на бывшей Малой Суровской линии.

[22] Стр. 31. *Ж. Ле-Телльe.* — Н. А. Добролюбов в Париже был в течение некоторого времени близок с Эмилией Телльe (Tellier) — пятнадцать ее неизданных писем к Добролюбову за период октябрь 1860—май 1861 г. хранятся в Пушкинском Доме Академии наук СССР. Имя Телльe Чернышевский, конечно, слышал от Добролюбова, делившегося со своим другом решительно всеми деталями своей личной жизни. Во всяком случае Чернышевский прочитал ее письма, когда разбирал бумаги Добролюбова после его смерти. Не отсюда ли и фамилия героини, весьма вероятно, чем-то близкой к реальной парижанке?

[23] Стр. 36. ... *томы Юма и Гиббона, Ранке и Тьерри.* — Д. Юм (Hume, 1711—1776) — английский философ и историк, автор «Истории Англии от завоевания Юлия Цезаря до революции 1688 года»; Э. Гиббон (Gibbon, 1737—1794) — английский историк, автор «Истории и разрушения Римской империи»; Л. Ранке (Ranke, 1795—1886) — немецкий реакционный историк; О. Тьерри (Thierry, 1795—1856) — французский историк, автор многих работ: «История завоевания Англии норманами», «Рассказы о временах меровингов», «История происхождения и успехов третьего сословия» и др. О. Тьерри признавал деление общества на исторически сложившиеся классы, но отрицал антагонизм между буржуазией и пролетариатом. См.: Н. Г. Сладкевич. Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова. — Вопросы истории, 1949, № 2, стр. 26—51; И. И. Лягушенко. Критика буржуазной историографии Н. Г. Чернышевским и его взгляд на историю и задачи историка. — Уч. зап. Мордовского гос. пед. ин-та им. Полежаева, 1956, вып. 4, стр. 99—118; I. K. Dodonov. N. G. Černyševskij als Historiker. — In: Beiträge zur russischen, polnischen und deutschen Geschichte. Halle, 1956, S. 171—213 (Jahrbuch für Geschichte der deutsch-slawischen Beziehungen und Geschichte Ost und Mitteleuropas, Bd. I); В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды русских революционных демократов. Работы Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и их соратников. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II. М., 1960, стр. 7—66.

[24] Стр. 43. ...*после Ватерлооской битвы, когда маршал Груши оказался глуп, <...> а Лафайет стал буянить*... — В битве 18 июня 1815 г. под Ватерлоо (Бельгия) завершилась карьера Наполеона I. Э. Груши (1766—1847) не успел соединиться с основными силами французской армии; знаменитый французский политический деятель М.-Ж. Лафайет (1757—1834) усердно ратовал за призвание на трон Луи-Филиппа Орлеанского.

[25] Стр. 53. ...*пропеть из Риголетто <...> «La donna è mobile»*... — Опера «Риголетто» итальянского композитора Д. Верди (1813—1901) по драме В. Гюго «Король забавляется» впервые поставлена в Венеции в 1851 г., в Петербурге на итальянском языке в 1853 г. (на русском лишь в 1878 г.). Ария «La donna è mobile» («Женщина изменчива») — в переводе А. А. Горчаковой «Сердце красавицы склонно к измене».

[26] Стр. 54. *роббер* — в карточных играх круг игры, иногда три партии, иногда две последовательно выигранные партии.

[27] Стр. 55. — *У вас есть невеста?* — В этой и следующих строках Лопухов, обыгрывая невежество Марии Алексеевны, прикровенно говорит о революции. В первоначальном тексте невест у Лопухова две: одна — наука, другая — революция (см. стр. 405).

[28] Стр. 56. ...*мы сумеем же устроить жизнь так, что не будет бедных*... — Эта и следующие строки — описание революционного переустройства общества.

[29] Стр. 59. *Жорж Занд <...> Диккенс.* — Жорж Занд (в настоящее время принято написание Санд; Georges Sand, 1804—1876, псевдоним Авроры Дюдеван), Диккенс Чарльз (Dickens, 1812—1870) — любимые авторы Чернышевского в течение всей его жизни, близкие ему демократическим характером творчества и острой постановкой социальных проблем (а Жорж Санд — еще и проблемой женского равноправия). Произведения обоих писателей были у него, в частности, в Петропавловской крепости. В «Современнике» (1856, № 4; Чернышевский, т. III, стр. 340—345) он напечатал предисловие к переводу мемуаров Жорж Санд; полный перечень цитат и ссылок на Диккенса и Жорж Санд см.: Чернышевский, т. XVI, стр. 866 и 870. В 1928 г. Ю. М. Стеклов высказал предположение, что роман Диккенса «Наш общий друг» служил для Чернышевского образцом при создании «Что делать?» (Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828—1889. Т. I. М.—Л., 1928, стр. 203). Современные исследователи (в особенности А. П. Скафтымов, см. ниже) отклонили эту гипотезу. Названный роман Диккенса с гораздо бо́льшим основанием в последнее время выдвинут в качестве произведения, оказавшего определенное влияние на роман Достоевского «Идиот» (Ф. И. Евнин. Об источниках романа Достоевского «Идиот». («Идиот» и «Наш общий друг» Диккенса). — В кн.: Искусство слова. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Димитрия Димитриевича Благого. М., 1973, стр. 208—216). Роман Жорж Санд «Жак» («Jacques», 1834) Чернышевский, вероятно, учитывал при создании «Что делать?». О Жорж Санд Чернышевский писал, что она «имела на развитие литературное и общественное более влияния, нежели какой бы то ни было другой поэт со времени Байрона» (Современник, 1856, № 8, стр. 180—181; Чернышевский, т. XVI, стр. 477). См.: Charles Corbet. Rèminiscences sandiennes dans «Que faire?» de Černyševskij. — Rèvue des ètudes slaves, t. XLIII, fasc. 1—4, Paris, 1964, p. 17—33; А. П. Скафтымов. Чернышевский и Жорж Занд. — В кн.: А. П. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, стр. 203—227 (или в его же книге: Нравственные искания русских писателей. М., 1972, стр. 218—249). См. также: М. Л. Селиверстов. Диккенс и Теккерей в оценке Чернышевского. Фрунзе, 1954; З. Г. Гражданская. Диккенс в русской революционно-демократической критике. — Уч. зап. Моск. обл. гос. пед. ин-та, т. XXVI, Труды кафедры зарубежной литературы, 1953, вып. 1, стр. 105—120; З. Х. Либинзон. Чернышевский о западноевропейском романтизме. — Уч. зап. Горьк. гос. пед. ин-та им. А. М. Горького, т. XVI, Филологическое отделение, 1955, стр. 168—187.

[30] Стр. 63—64. (*...тогда еще были трехрублевые, т. е., если помните, монета в 75 к.*). В 40-х годах XIX в. в России была выпущена «русско-польская» монета в 75 к., равная 5 злотым и имевшая хождение на всей территории Российской империи в течение довольно долгого времени. После 1843 г. соотношение бумажной ассигнации и серебра достигало 1:4 — этим и объясняется двойной счет. (Сообщил И. Г. Спасский — Гос. Эрмитаж).

[31] Стр. 64. *...трансцендентальный негодяй, восьмое чудо света плутовской виртуозности вроде Али-паши Янинского, Джеззар-паши Сирийского, Мегемет-Али Египетского, которые проводили европейских дипломатов и (Джеззар) самого Наполеона Великого...* — Трансцендентальный — термин кантианской философии, употребленный здесь в прямом смысле — выходящий за пределы, перешагивающий. Али-паша Янинский (1741—1822) — наместник Южной Албании, Ахмед Джеззар-паша (1735—1804) — восточный политический авантюрист, в 1799 г. три месяца успешно сопротивлялся в Акке Наполеону и заставил его отступить. Мегемет-Али (1769—1849) — вице-король Египта, провел в Египте много прогрессивных реформ, но отличался необычайной жестокостью и коварством.

[32] Стр. 64. *Уж на что, кажется, искусники были Луи-Филипп и Меттерних, а ведь как отлично вывели сами себя за нос из Парижа и Вены в места злачные и спокойные буколически наслаждаться картиною того, как там, в этих местах, Макар телят гоняет.* — Король Франции (в 1830—1848 гг.) Луи Филипп (1773—1850) в 1792 г. по примеру отца (герцога Орлеанского) отказался от всех титулов и принял имя Эгалитэ; после революции 1848 г. отрекся от престола и бежал в Англию. Австрийский дипломат и один из идеологов Священного союза князь К.-В. Меттерних (1773—1859) в 1848 г., преданный своими сотрудниками, бежал в Англию, где пробыл до 1852 г.

[33] Стр. 65. *Прочтите-ко «Историю кампании 1815 г.» Шарраса...* — Чернышевский имеет в виду книгу: J.-B. Charras. Histoire de la campagne de 1815. Waterloo. Paris, 1858 (и ряд переизданий). Русский перевод вышел лишь в 1868 г.

[34] Стр. 65. *По свидетельству всех Видоков и Ванек-Каинов...* — Э.-Ф. Видок (1775—1857) — французский сыщик, автор знаменитых мемуаров, очень высоко поставил французскую уголовную полицию; его имя со времен Пушкина стало в России нарицательным. Ванька-Каин (Иван Осипов, 1718—после 1755) — московский сыщик. Вначале вор и грабитель, затем сыщик, позднее он снова вошел в стачку с бандитами и был сослан в Сибирь. Рассказы о его похождениях пользовались шумной известностью и стали темою лубочных повестей, особенно: М. Комаров. История Ваньки-Каина. М., 1775 и ряд переизданий.

[35] Стр. 66. *Или вот: стал он приносить книги Верочке <...> это Destinée <...>. Тут все о сериях больше говорится <...> ученая книга.* — Речь идет о книге французского социалиста-утописта, ученика Фурье, В. Консидерана (Considérant, 1805—1894) «Destinée sociale» (1838 и ряд переизданий). Написанное по-французски заглавие малограмотная Марья Алексеевна читает, частично подставляя похожие русские буквы, как «Гостиная». Книгу Консидерана Чернышевский знал уже в июне 1849 г., когда упомянул в дневнике об отдаче Консидерана под суд (т. I, стр. 287). Эту очень ценимую им работу Чернышевский в 1864 г. рекомендовал ссыльным полякам в Тобольске (С. Г. Стахевич. Среди политических преступников. См.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928, М., 1928, стр. 59). У Консидерана «серии» — одна из форм организации коллективного труда по системе Фурье.

[36] Стр. 66. *«О религии, сочинение Людвига».* — Речь идет о книге немецкого философа-материалиста Людвига Фейербаха (Feuerbach, 1804—1872), оказавшего большое влияние на становление мировоззрения К. Маркса. Его книга «Das Wesen des Christenthums» («Сущность христианства», 1841) пользовалась в России огромной популярностью: русские переводы ее были изданы в Москве (подпольно) в 1861 г. и в Лондоне и Гейдельберге в 1861 и 1862 гг. В представлении плохо знавшего немецкий язык и невежественного Михаила Ивановича Людвиг отождествлялся с французским королем Людовиком XIV, которого он считает отцом

Наполеона III; в действительности Наполеон III был сыном голландского короля Людовика-Бонапарта, брата Наполеона I.

[37] Стр. 67. ...*будто читала Саксона Грамматика, рассказывающего, как испытывали Гамлета в лесу девицею.* — Саксон Грамматик (ок. 1140—1206) — датский летописец, автор «Historia Danica», в которой изложена легенда, легшая в основание «Гамлета» Шекспира. В ней, в частности, рассказывается, как Гамлет, при встрече с любимой девушкой, ловко расстроил планы надзирающих за ним шпионов.

[38] Стр. 68. ...*Надобно так смотреть на жизнь?* — Лопухов до конца главы излагает Вере Павловне теорию разумного эгоизма. Она была, вслед за Фейербахом, теоретически разработана Чернышевским в статье «Антропологический принцип в философии» (Современник, 1860, № 4; Чернышевский, т. VII, стр. 222—295). В конспекте, составленном В. И. Лениным, книги Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии» (между 1909 и 1911 гг.) он, приводя слова Фейербаха о том, что новая эпоха начинается там, «где против исключительного эгоизма нации или касты угнетенная масса или большинство выдвигает свой вполне законный эгоизм», пишет на полях: «Ср. Чернышевский», — имея в виду, очевидно, именно теорию разумного эгоизма (Полн. собр. соч., т. XXIX, стр. 58). Ср.: А. А. Азнауров. Этическое учение Н. Г. Чернышевского. М., 1960.

[39] Стр. 73. ...*партизанам разных прекрасных идей.* — По-видимому, выпад против либералов, маскировавших словами свое подлинное отношение к народу. Чернышевский употребляет слово «партизан» (франц. partisan) в старинном значении — сторонник, приверженец.

[40] Стр. 76. ...*в Коломну...* — Так назывался в старом Петербурге район Покровской площади (ныне площади Тургенева) в конце Садовой улицы. Коломна считалась окраиной города (ср. «Домик в Коломне» Пушкина, 1830 г.).

[41] Стр. 77. ...*без эстетической жилки? Это было еще недавно модным выражением у эстетических литераторов...* — Упоминаемое Чернышевским выражение часто встречается у критиков, примыкавших к группе «чистого искусства», — у В. П. Боткина, А. В. Дружинина и др. Чернышевский употребляет его здесь в ироническом контексте. Ср. еще в рецензии на «Сборник чудес...» Н. Готорна: «Люди без художественной жилки в душе (это техническое выражение „художественная жилка") очень нравятся людям, ею одаренным...» (Современник, 1860, № 6; Чернышевский, т. VII, стр. 452).

[42] Стр. 84. *А вы знаете права родителей!* <...> *Они начнут процесс...* — В действовавшем тогда «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» сказано, что «кто похитит незамужнюю женщину для вступления с нею в брак <...> с согласия похищенной», приговариваются: «похититель» к тюремному заключению на срок от 6 месяцев до одного года, а «согласившаяся на похищение» к заключению на столько же времени в монастыре или к «уединенной жизни в доме ее родителей или опекунов под их строгим надзором» (статья 2040). Священник, совершивший «противозаконный» брак, приговаривается к наказанию по церковным правилам и может быть «извержен из сана» (статья 2043). Свидетелям угрожало лишение прав и ссылка на житье в Томскую или Тобольскую губернии и заключение на срок от одного до двух лет (статья 2044). За «вступление в брак явно или тайно, против решительного запрещения родителей или без испрошения согласия их» — то же наказание, что за похищение, но сопряженное с лишением прав наследства (статья 2057; Свод законов Российской империи издания 1857 года, т. XV. СПб., 1857, стр. 537—542; сравнительный указатель статей Уложения 1845 и 1857 гг., стр. 51—52 3-й пагинации). Впрочем, очень практически рассуждавшая Марья Алексеевна хорошо знала, что все подобные дела тянутся долго, требуют, как правило, больших взяток и «кончаются совершенно ничем» (стр. 110). Обвенчанных суд почти никогда не разлучал. Зная это, Лопухов и говорит Вере Павловне: «Жену и мужа не могут разлучить» (стр. 92). Этим и объясняются многочисленные фиктивные, но церковно оформленные браки.

1860—1870-х годов — М. А. Обручевой и П. И. Бокова, С. В. Корвин-Круковской и В. О. Ковалевского, Л. В. Чемодановой и С. С. Синегуба и целый ряд других. Иногда эти фиктивные браки превращались со временем в фактические, а порою оканчивались разрывом. См.: Е. Н. Водовозова. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты, т. II. М., 1964, стр. 222; Н. В. Шелгунов. Из прошлого и настоящего. — В кн.: Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в двух томах, т. 1. М., 1967, стр. 139—143.

43 Стр. 84. ... *выходя из Галерной в улицу, которая ведет на Конногвардейский бульвар.* — Вера Павловна условилась с Лопуховым, что она будет сидеть на Конногвардейском бульваре (ныне Бульвар Профсоюзов) «на последней скамье того конца, который ближе к мосту». Мы не знаем, в какой части Галерной (ныне Красной) улицы жила г-жа Б. К указанному Верой Павловной месту Лопухов мог пройти через Благовещенскую площадь и улицу того же названия (ныне площадь и улица Труда) или через Замятин переулок (ныне переулок Леонова).

44 Стр. 87. ... *погреб Денкера*... — Винные погреба Денкера находились на Невском и Литейном проспектах, на Большой Морской улице (ныне ул. Герцена) и на 5-й линии Васильевского острова (Городской указатель или Адресная книга..., СПб., 1849, стр. 60).

45 Стр. 87. *Он вынул красненькую бумажку* — ассигнацию в 10 р.

46 Стр. 94—95. ... *у нас будет две комнаты, твоя и моя* <...> *Мы видимся с тобою в нейтральной комнате*... — Н. Л. Бродским и Н. П. Сидоровым было указано, что эти строки восходят к желанию, выраженному незадолго до брака О. С. Чернышевской. В дневнике Н. Г. Чернышевского 28 марта 1853 г. записаны слова его невесты: «У нас будут отдельные половины и вы ко мне не должны являться без позволения»; Чернышевский добавляет: «Это я и сам хотел бы так устроить» (т. I, стр. 533). В письме к родным от 22 августа того же года приложен план занимаемой молодыми супругами в Петербурге квартиры: из него видно, что идея нейтральной комнаты была осуществлена (т. XIV, стр. 306; ср.: Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1933, стр. 101—102; о том же: В. А. Пыпина. Любовь в жизни Чернышевского. Размышления и воспоминания. (По материалам семейного архива). Пгр., 1923, стр. 121). Высказанные Верой Павловной в этом разговоре мысли стали для многих современников чем-то вроде программы семейных отношений.

47 Стр. 97. ... *от соседства Семеновского моста*... — Мост через Фонтанку на Гороховой улице (ныне улица Дзержинского).

48 Стр. 98. ... *жертва — сапоги всмятку.* — Этот прочно вошедший в разговорную речь своею второю частью оборот восходит к «Мертвым душам» Гоголя: «Это выходит просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку! это просто, черт побери!..» (том I, глава 9). Чернышевский использует это выражение и в написанном в 1863 г. очерке «Из автобиографии» (т. I, стр. 680). Позднее это выражение встретится у А. В. Сухово-Кобылина в «Свадьбе Кречинского» (действие II, явление 10) и у Г. И. Успенского («Из деревенского дневника»). Формула «сапоги всмятку» многократно использована В. И. Лениным, — см.: Полн. собр. соч., т. I, стр. 254, т. II, стр. 547, т. VIII, стр. 81, т. X, стр. 10, т. XVI, стр. 14, т. XXV, стр. 44, т. XXX, стр. 95 и др.

49 Стр. 101. ... *лавка Рузанова.* — Лавка А. М. Рузанова торговала «косметическими и благовонными товарами» и помещалась по Зеркальной (ныне Садовой) линии Гостиного двора. См.: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга... СПб., 1867—1868, стр. 411 (3-й пагинации) и 71 (4-й пагинации).

50 Стр. 102. *«хуже гоголевского почтмейстера, телятина!»* — т. е. Ивана Кузьмича Шпекина из «Ревизора» Гоголя.

51 Стр. 103. ... *в каком-то здании с бесконечными коридорами на Васильевском острове.* — Чернышевский мог иметь в виду здание Академии художеств (на Университетской набережной), здание Кадетского корпуса на Съездовской линии или скорее здание Университета (на Университетской набережной) — называть более

точно Чернышевский, по-видимому, считал неосторожным. В черновике: «При каком-то большом казенном заведении» (стр. 463 наст. изд.).

[52] Стр. 103. ...*читал какое-то новое сочинение — то ли Людовика XIV, то ли кого другого из той же династии.* — По аналогии с эпизодом у Марьи Алексеевны (см. стр. 66) следует, что Мерцалов читал скорее всего ту же книгу Фейербаха «Сущность христианства», — другие работы этого философа на русский язык переведены в это время еще не были; «новым» сочинение названо потому, что недавно появилось в подпольном русском издании.

[53] Стр. 103. ...*а если ‹родители› начнут дело?* — См. прим. 42.

[54] Стр. 103. *Как же с этим быть? ‹...› Да, когда есть жена, оно и страшновато идти без оглядки.* — См. прим. 42.

[55] Стр. 108. ...*в полпивную...* — Полпивная — название пивной, торгующей полпивом (легкий сорт пива) и другими напитками.

[56] Стр. 109. ...*для блезиру* — для удовольствия (от франц. plaisir), здесь в значении «для виду».

[57] Стр. 110. ...*подать просьбу, начать дело, отдать под суд.* — См. прим. 42.

[58] Стр. 112. *Я, милая мамаша, пошел по откупной части!* — До 1862 г. в России существовала система передачи государством тому или иному лицу, за определенную плату, права взимания сборов с населения за продажу какой-либо отрасли производства, чаще всего водки. Обычно откупщики получали суммы, значительно превосходившие уплаченные ими государству.

[59] Стр. 115. ...*пальто...* — В то время так назывался род мужской домашней длиннополой одежды.

[60] Стр. 116. ...*отчего же на чужих-то жен зарятся? Оттого, что их в наряде видят, а свою в безобразии. Так в писании говорится, в притчах Соломоних.* — Квартирный хозяин Веры Павловны ошибается: таких или близких слов в библейской «Книге притчей Соломоновых» нет. Впрочем, в первоначальной редакции ясно сказано: «Говорится ли это в притчах Соломоних, или нет, не знаю» (стр. 476 наст. изд.).

[61] Стр. 118. ...*отнес в контору Полицейских ведомостей...* — Точное название: «Ведомости С.-Петербургской городской полиции» (1839—1883), ср. стр. 76 наст. изд.

[62] Стр. 119. *«Chronique de l'œuil de Bœuf» — вещь, перед которою «Фоблаз» вял.* — Чернышевский имеет в виду книгу французского писателя Г. Тушар-Лафоса (G. Touchard-Lafosse. 1780—1847) «La chronique de l'œuil de Bœuf» («Хроника овального окна»: овальное окно в одном из помещений Версальского дворца играло важную роль в интимной жизни французских королей). Книга, лишенная всякой исторической ценности, смаковала скандальные эпизоды из быта двора от Людовика XIII до XVI и долго пользовалась огромной популярностью. Чернышевский мог читать первое издание 1830—1832 гг. или одно из переизданий 1832, 1845 и 1855 гг. Последнее издание этой книги выпущено в 1964 г.! Книга эта упоминается также в черновике рецензии на стихотворения Е. П. Ростопчиной (Современник, 1856, № 3; Чернышевский, т. III, стр. 835). Чернышевский сравнивает книгу Тушар-Лафоса со знаменитым романом Ж.-Б. Луве де-Кувре (J.-B. Louvet de-Couvray, 1760—1797) «Les amours et les galenteries de chevalier de Foblas» («Приключения кавалера Фоблаза», 1787—1790), фривольно описывающим цепь любовных приключений легкомысленного французского аристократа конца XVIII в.

[63] Стр. 123. ...*междоусобная война в Канзасе...* — Речь идет о войне в штате Канзас (США) в 1851—1856 и особенно в 1861—1865 гг. между фермерами Севера и рабовладельцами Юга.

[64] Стр. 123. ...*войны Севера с Югом...* В «Современнике», в очередном обзоре «Политика», в феврале 1861 г. Чернышевский, выражая сочувствие северянам, утверждал, что «кризис, переживаемый теперь Северною Америкою, не может остаться без очень сильного влияния на судьбу цивилизованного света. Если он приведет к результату, предсказываемому теперь почти всеми в Западной Европе,

опустятся руки у одной партии и перейдет общественное мнение на сторону другой; если же развязка дел в Северной Америке будет иная, то и в Западной Европе значительно ускорится ход событий...» (Современник, 1861, № 2; Чернышевский, т. VIII, стр. 409). Под «ходом событий» Чернышевский имеет в виду, в частности, значительное усиление революционного движения в России. См.: И. И. Разумникова. Н. Г. Чернышевский о гражданской войне в Соединенных штатах Америки 1861—1865 гг. — Труды Воронежск. гос. ун-та, 1957, т. 47, стр. 34—55; И. И. Лягушенко. Н. Г. Чернышевский о гражданской войне в США. — Уч. зап. Мордовск. гос. ун-та, 1963, т. XXVIII, стр. 113—160.

65 Стр. 123. ...*спора о химических основаниях земледелия по теории Либиха...* — Немецкий химик Ю. Либих (Liebig, 1803—1873) — автор многочисленных работ, главным образом по органической химии в ее применении к агрономии; современники считали эти работы, систематически переводившиеся на русский язык, благодеянием для человечества. Многие из русских ученых (Н. Н. Зинин, П. А. Ильенков и др.) были учениками Либиха. Маркс, Энгельс и Ленин также высоко ценили его работы. Имя Либиха многократно, всегда положительно, упоминается Чернышевским. В «Современнике» (1855, № 8; Чернышевский, т. II, стр. 731—732) была напечатана его рецензия на русский перевод книги «Новые письма о химии в ее приложении к промышленности, физиологии и земледелию» (СПб., 1855). Для революционных демократов идеи Либиха были особенно важны: в новых методах агрохимии они видели пути воздействия на природу и тем самым улучшение жизни людей. Во-вторых, учение Либиха позволяло опровергнуть взгляды Мальтуса и, наконец, обосновывало важность уничтожения противоположности между городом и деревней.

66 Стр. 123. ...*о законах исторического прогресса, без которых не обходился тогда ни один разговор в подобных кружках...* — На эту тему, в частности о движении русского крестьянства в сторону социализма, ряд высказываний содержится в работах самого Чернышевского, например в статье «О причинах падения Рима» (Современник, 1861, № 5; Чернышевский, т. VII, стр. 648—669). Кроме того, постоянные разговоры на эту тему были связаны с работами П. Л. Лаврова и с «Историей цивилизации в Англии» Т. Бокля (русские переводы с 1861 г.). В написанных в Петропавловской крепости примечаниях к переводу «Введения в историю XIX века» Гервинуса Чернышевский сочувственно отзывается о Бокле (т. X, стр. 441). Ср. характерные строки в поэме Некрасова «Балет» (1865—1866) «Не все ж читать вам Бокля!»...

67 Стр. 123. ...*о великой важности различения реальных желаний...* — Речь идет о философии Фейербаха и о развитии этих идей в статье Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (Современник, 1860, № 4; Чернышевский, т. VII, стр. 222—295).

68 Стр. 123. ...*на языке философии, которой мы с вами держимся...* — Лопухов и Мерцалов были материалистами в духе 1860-х годов.

69 Стр. 124. ...*грязь...*, ...*дренаж...* — Многократно употребленные во втором сне Веры Павловны слова «грязь», «дренаж» и др. мотивированы разговорами предыдущего дня о Либихе, но в самые эти слова вложено общественно-политическое содержание — о трудовой жизни будущего («реальная грязь»), противопоставленной жизни на «гнилой», нездоровой почве. В этом контексте слово «дренаж» воспринималось как эвфемизм революции.

70 Стр. 132. *Добрые и умные люди написали много книг о том, как надобно жить на свете, чтобы всем было хорошо; и тут самое главное, — говорят они, — в том, чтобы мастерские завести по новому порядку.* — Идея коллективной трудовой организации, лишенной эксплуатации, содержится в работах всех социалистов-утопистов и оказала на Чернышевского несомненное влияние. Речь идет о Э. Кабе (Cabet, 1788—1856), Ш. Фурье (Fourier, 1772—1837), А.-К. Сен-Симоне (Saint-Simon, 1760—1825), В. Консидеране (Considérant, 1808—1893), Р. Оуене (Owen, 1771—1858) и др. Кроме того, Чернышевский, по-видимому, в дан-

ном случае имел в виду также и идеи, изложенные в книге Луи Блана (Blanc, 1811—1882) «Organisation du travail» (Париж, 1839 и ряд переизданий): на эту книгу Чернышевский обратил внимание еще в 1848 г. и не раз упоминал ее впоследствии.

[71] Стр. 137. ...*моя специальность не очень интересна, по вашему мнению и еще по мнению одного человека, про которого я знаю, кто он.* — Мерцалов, очевидно, имеет в виду Рахметова.

[72] Стр. 137. ...*было абонировано десять мест в боковых местах итальянской оперы.* — Итальянская опера в Петербурге шла в Михайловском театре (ныне Малый оперный театр; открыт в 1833 г.).

[73] Стр. 138. ...*когда-нибудь и от этой оспы люди избавят себя, даже и средство известно, только еще не хотят принимать его, все равно как долго, очень долго не хотели принимать и средства против оспы.* — Очевидный намек на путь революционного преобразования социального строя: Чернышевский особенно подчеркивает, что «средство известно».

[74] Стр. 141. ...*молодые люди* <...> *очень уважают Лопухова, считают его одною из лучших голов в Петербурге, может быть они и не ошибаются и настоящая связь их с Лопуховым и заключается в этом.* — Молодые преподаватели швейной мастерской Веры Павловны, очевидно, связаны с Лопуховым и подпольной работой; ср. еще более отчетливую формулировку в черновой редакции (стр. 504).

[75] Стр. 142. ...*чуть ли не половина компании даже слушала спор Дмитрия Сергеича с двумя студентами...* — Ср. стр. 505 черновой редакции.

[76] Стр. 143. *Он вознегодовал* <...> *чуть ли не на меня даже, хоть меня тут и не было...* — Читатель романа понимал этот намек — арестованный автор (он равноправное действующее лицо романа) не мог принимать участия в прогулке.

[77] Стр. 147. ...*Телемак, да повести г-жи Жанлис, да несколько ливрезонов нашего умного журнала «Revue étrangère», — книги всё не очень заманчивые...* — Роман «Приключения Телемака, сына Улисса» был издан в 1699 г.; он принадлежал перу французского писателя, богослова и педагога Ф. де-Салиньяк де ла Мот Фенелона (Fénelon, 1651—1715). В этом романе проповедовалось возвращение к природе и простому быту пастухов и земледельцев, который противопоставлялся современному общественному строю. В России книга Фенелона неоднократно переводилась начиная с 1747 г. Ф. Жанлис (Genlis, 1746—1830) — французская писательница, автор ряда детских книжек и сентиментально-нравоучительных романов. В России первой половины XIX в. они пользовались огромной популярностью и многократно переводились на русский язык. Журнал «Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts» издавался в Петербурге в 1832—1863 гг. Ф. Беллизаром. В нем печатались произведения иностранных (по преимуществу французских) авторов и информация о заграничной жизни. В черновой редакции сказано еще более иронично: «нашего умнейшего журнала — книги все не очень вкусные...» (стр. 511). Ливрезон (от франц. livraison) — выпуск, книжка.

[78] Стр. 147. ...*Новый завет в женевском переводе...* — Женевской библией называется перевод на французский язык Роберта Оливетана (1535), пересмотренный Кальвином в 1545 и 1551 гг. и неоднократно подвергавшийся переработкам до 1835 г. Одно из этих изданий и читал Кирсанов.

[79] Стр. 147. ...*верстах в трех за Лицеем.* — В 1844 г. Царскосельский лицей (в котором обучался Пушкин) был переименован в Александровский и переведен в Петербург (Каменноостровский проспект, угол Лицейской улицы; ныне Кировский проспект, угол ул. Рентгена). Три версты за ним — примерно возле нынешней станции Ланская.

[80] Стр. 147. *Идет ему навстречу некто осанистый...* — Ср. стр. 512 черновой редакции и стр. 797.

[81] Стр. 147. *С Кирсановым не было такого случая, а был другой случай.* — Ср. стр. 512—513 черновой редакции.

[82] Стр. 149. ...*через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: «спасите нас!»* — Намек на близость революционного взрыва.

[83] Стр. 151. *Фирхов* — в русской транскрипции чаще Вирхов, Рудольф (Virchov, 1821—1902) — знаменитый немецкий ученый, создатель так называемой целлюлярной (клеточной) теории, по которой клетка — изначальная и единственная форма живого вещества. В письме к О. С. Чернышевской 6 апреля 1877 г. Чернышевский высоко оценил Вирхова («главного руководителя медицинского мышления в Германии, потому и в России») (т. XV, стр. 16—17, ср. стр. 41, 42, 102, 105); в письме к ней же 30 января 1878 г.: «Фирхов — это человек необыкновенного ума и ученейший, гениальнейший из всех современных нам медиков целого света» (там же, стр. 106); «состояние <...> общественных обычаев» так же влияет, по Вирхову, на здоровье (там же, стр. 110). Работы Вирхова были в 1860—1870-х годах предметом оживленной полемики и пользовались большой популярностью; современная наука отвергла бо́льшую часть его положений, и труды Вирхова сохраняют очень ограниченное, по преимуществу историческое значение.

[84] Стр. 151. *Клод Бернар* (Bernard, 1813—1878) — знаменитый французский физиолог, изучавший главным образом вопросы пищеварения. Его работы положили основание экспериментальной физиологии и медицине; отбросив учение о «жизненной силе», он искал материальные причины каждого явления. Философские воззрения Бернара представляли собою смесь позитивизма и идеализма.

[85] Стр. 151. *Бургав*, Герман (Boerhaave, 1668—1738) — знаменитый голландский врач; *Гуфеланд*, Христофор-Вильгельм (Hufeland, 1762—1836) — знаменитый немецкий врач, пропагандист оспопрививания. В «Современнике» (1856, № 5; Чернышевский, т. III, стр. 515) Чернышевский напечатал небольшую рецензию на русский перевод его книги: Искусство продлить человеческую жизнь. (Макробиотика). СПб., 1856. *Гарвей* Вильям (в написании Чернышевского Гарве; Harvey, 1578—1657) — знаменитый английский врач, открывший закон кровообращения и исследовавший животные яйца. *Дженнер* Эдуард (Jenner, 1729—1823) — английский врач, открывший в 1796 г. предохранительную силу коровьей оспы.

[86] Стр. 166. ...*белые слоны, кошки, лошади...* — Возможно, что Чернышевский вложил в эти (и предшествующие) строки хорошо понятный современникам политический смысл — белые противопоставлялись черным, т. е. неграм-невольникам. Непосредственное продолжение этих слов — разговор о «Хижине дяди Тома» Бичер-Стоу.

[87] Стр. 166. *«А не знаете ли вы чего-нибудь поподробнее о жизни самой г-жи Бичер-Стоу, роман которой мы все знаем по вашим рассказам?»* — Гарриет Бичер-Стоу (Beecher-Stowe, 1811—1896), американская писательница, прославившаяся романом «Хижина дяди Тома» («Uncle Tom's cabin», 1852), изображавшим ужасы рабовладельчества в Америке. Роман в первый же год по выходе выдержал 35 изданий, разошелся в количестве 350 000 экземпляров и был переведен на 20 языков. Русский перевод был издан в 1858 г. приложением к № 1 «Современника». Перевод был осуществлен Борисовым, В. В. Бутузовым, Калистовым, П. М. Новосильским, Пашковским и Ф. Г. Толлем в условиях необычайной спешки. При этом одному из переводчиков, П. М. Новосильскому — цензору «Современника» в это время, было за пять с небольшим листов уплачено 500 р.: очевидная взятка за пропуск романа (другие переводчики получали в среднем по 10 р. за печ. лист). Перевод романа был одним из немаловажных факторов в борьбе с доживавшим свой век крепостным правом. Чернышевский очень ценил роман Бичер-Стоу и не раз на него ссылался (см. по указателю имен: Чернышевский, т. XVI, стр. 847; Гонорарные ведомости «Современника». Вступ. статья и примечания С. А. Рейсера. — Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, стр. 245 и 279—280).

[88] Стр. 166. ...*может пока рассказать кое-что о Говарде, который был почти такой же человек, как г-жа Бичер-Стоу.* — Англичанин Джон Говард (Howard, 1725—1790) — известный филантроп, много сделавший для улучшения тюремного

быта; он умер в России, во время тифозной эпидемии, изучая способы содержания солдат.

[89] Стр. 167. *«Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя. Москва, 1861 г.»* — Это четырехтомное издание было осуществлено в 1862 г. В Петропавловской крепости Чернышевский имел, вероятно, четырехтомное издание 1842 г. См.: Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II. М., 1930, стр. 454.

[90] Стр. 167. *...пока 2-я часть «Мертвых душ» не была напечатана для всей публики...* — Сохранившиеся фрагменты второго тома «Мертвых душ» были опубликованы в 1855 г. Чернышевский писал об этом в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (Современник, 1855, № 12; Чернышевский, т. III, стр. 10—13).

[91] Стр. 171. *...когда поет Бозио...* — Анджолина Бозио (Bosio, 1830—1859) — знаменитая итальянская певица. С 1855 г. она четыре сезона пела в Петербурге; певица пользовалась огромной популярностью и в демократической среде, благодаря своим частым выступлениям в различных благотворительных концертах; она пела и по-русски (ср. в тексте: «А когда ж это Бозио успела выучиться по-русски?»). Она упомянута в стихотворении Некрасова «Крещенские морозы» (1859), а Чернышевским еще в «Прологе» и в «Повести в повести». А. А. Гозенпудом указано, что Чернышевский не случайно вложил в уста Бозио исполнение романса Глинки на слова Пушкина «Адели». Пение Бозио — «переход от впечатлений театра к тайне сердца Веры Павловны, в которой она не смеет, не хочет себе признаться», а образы, созданные Бозио, — «олицетворение любви — счастливой или несчастливой» (А. А. Гозенпуд. Русский оперный театр XIX века (1857—1872). Л., 1971, стр. 159—160).

[92] Стр. 171. *...пропустила «Травиату»...* — Опера Д. Верди «Травиата» (по роману А. Дюма-сына «Дама с камелиями») впервые была исполнена на итальянском языке в Петербурге в 1856 г., на русском — в 1858 г.

[93] Стр. 171. *...хорош с Тамберликом...* — Энрико Тамберлик (Tamberlick, 1820—1883) — знаменитый итальянский певец-тенор, неоднократно гастролировавший в Петербурге и имевший особенный успех в «Риголетто» в роли герцога.

[94] Стр. 171. *Час наслажденья* ‹...› *Отдай любви...* — Чернышевский цитирует стихотворение Пушкина «Адели» по памяти: надо — «Час упоенья...».

[95] Стр. 171. *...«лéта» с неверным ударением...* — Вера Павловна знает лишь слово «лето» (в значении часть года) и множественное число от него «летá», не понимая архаизма «лето» (в значении год) и множественного числа от него «лéта».

[96] Стр. 172. *...де-Мерик* — французская певица Генриетта де Мерик (Mérik, урожд. Лаланд, ум. 1867), гастролировавшая в итальянской опере в Петербурге.

[97] Стр. 175. *...подле Нового моста...* — Так вначале называли Николаевский мост — первый постоянный мост через Неву, построенный в 1842—1850 гг. (с 1918 г. — мост имени лейтенанта П. П. Шмидта).

[98] Стр. 179. *Ведь портретов Овэна нет нигде, ни у кого.* — Имя знаменитого английского социалиста-утописта Роберта Овэна (Овена; современное написание Оуен; Owen, 1771—1858) было очень популярно в передовых кругах России 1860-х годов. Чернышевский не раз сочувственно отзывается об Оуене в своих статьях. Популяризации его учения была посвящена статья Н. А. Добролюбова «Роберт Овэн и его попытка общественных реформ» (Современник, 1859, № 1; Собр. соч. в девяти томах, т. IV. 1962, стр. 7—47). Имя Оуена не пользовалось признанием властей, и портреты его не могли распространяться.

[99] Стр. 185. *Как ты думаешь об этих странных опытах искусственного произведения белковины?* ‹...› *По-моему, это великое открытие, если оправдается.* — Слова Лопухова отражают многочисленные и настойчивые попытки ученых начиная с XVIII в. найти пути искусственного синтеза белка (по терминологии того времени — белковины). В 1850—1860-х годах были предприняты поначалу безуспешные попытки проникновения в тайны его структуры. Ученые правильно догадывались, однако, что белок — основа биологической формы развития материи (об этом

писал в 1876 г. Ф. Энгельс, см.: Антидюринг. М., 1966, стр. 78). Первый удар по виталистической имманентности был нанесен в 1828 г. искусственным получением мочевины Ф. Велером (Wöhler). Дальнейший крах витализма — искусственное получение жиров П.-Е. Бертло (Berthelot) в 1854 г. и углеводов А. М. Бутлеровым в 1861 г. Обо всех этих опытах Чернышевский, вероятно, знал. Белки были синтезированы лишь к середине XX в. Белки (протеины) — высокомолекулярные органические соединения — играют основную роль в структуре и жизни организмов и являются одним из важнейших продуктов питания: их искусственное производство сулит значительное увеличение и удешевление пищевых продуктов, это имело решающее значение для беднейшей части населения. Этим, в частности, и объясняется интерес революционных демократов и близких к ним ученых к названной проблеме. Ср.: А. Л. Шварцман. Н. Г. Чернышевский и естествознание. — Вопросы философии, 1956, № 4, стр. 145—154; А. Л. Шварц. Н. Г. Чернышевский и русское естествознание. М., 1959.

[100] Стр. 191. *...ехать в оперу на «Пуритан»...* «Пуритане в Шотландии» — опера В. Беллини (1802—1835), впервые поставленная в России на русском языке в 1840 г.; затем вошла в репертуар итальянской оперы.

[101] Стр. 200. *Особенный человек.* — При создании образа Особенного человека — Рахметова — Чернышевский воспользовался отдельными чертами владельца деревни Изнаир Сердобского уезда Саратовской губернии (ныне Екатериновского района Саратовской области) Павла Александровича Бахметева. «В своем романе я назвал особенного человека Рахметовым в честь именно вот этого Бахметева», — передает слова Чернышевского С. Г. Стахевич (Среди политических преступников. — В кн.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II. Саратов, 1958. стр. 91). П. А. Бахметев был последним представителем захиревшей ветви некогда знатного рода. Дед Бахметева был корнет, т. е. лицо 12-го класса, а отец добрался до чина поручика, т. е. до 10-го класса. П. А. Бахметев родился в 1828 г. С января 1845 и до середины июня 1851 г. он учился в Саратовской гимназии и был с января 1850 г. учеником старшего учителя русской словесности этой гимназии Чернышевского. (Впрочем, Чернышевский знал Бахметева во всяком случае уже в 1846 г.). В 1852—1854 гг. Бахметев учился в Горыгорецком земледельческом институте, но ушел со второго курса. Что он делал до 1857 гг. — неизвестно. В этом году он продал свое имение (23 двора, немногим более двух тысяч десятин земли) за очень небольшую сумму — около 15 000 рублей: очевидно, имение было запущено, может быть заложено и перезаложено. В начале мая 1857 г. он был в Петербурге, где, между прочим, провел целую ночь, гуляя с Чернышевским по набережной Фонтанки. Содержание этого разговора неизвестно, но оно должно быть сопоставлено со словами Чернышевского в романе: «Проницательный читатель, может быть, догадывается из этого, что я знаю о Рахметове больше, чем говорю...» и т. д. (стр. 213). Эти строки романа перекликаются с письмом Е. Н. Пыпиной к родителям 23 апреля 1863 г.: «Николай Гаврилович много знал о нем такого, чего мы и не подозревали» (Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, стр. 307). Дата беседы с Чернышевским (июль—август), приводимая Д. Л. Мордовцевым в его статье о Рахметове в газете «Северный курьер» (1900, 18 апреля, № 164, стр. 3), неверна (см. ниже).

29 апреля 1857 г. «неслужащий дворянин, сердобский помещик» П. А. Бахметев получил (сроком на один год) заграничный паспорт и 6 мая выехал из Петербурга пароходом в Штеттин (см.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970, стр. 356, 387; Русская литература, 1963, № 1, стр. 173). 7 (19) августа Бахметев был у Герцена в Лондоне. Он оставил ему для дел революции 800 фунтов стерлингов (=20 000 франков, по тогдашнему курсу около 5100 р.). Рассказ Герцена в «Былом и думах» нашел отражение в «Бесах» Достоевского (часть II, глава VI, § 2). Позднее, в конце 1860-х—начале 1870-х годов, эти деньги доставили Герцену немало хлопот и огорчений. 20 августа (1 сентября) 1857 г. Бахметев

уехал на Маркизовы острова (по другим сведениям, на Сандвичевы острова, в Австралию или в Новую Зеландию), чтобы основать там новый социальный строй.* Из этой затеи ничего не вышло, и никакими сведениями о Бахметеве после его отъезда из Лондона мы не располагаем.

Вероятно, во время бесед с Герценом в июне 1859 г. в Лондоне Чернышевский касался и Бахметева: может быть, конец «Рассказов из Белого дома», известный нам в изложении П. Ф. Николаева («Дело кончается тем, что компания, разбитая и разочарованная в попытках общественной деятельности, решается устроить по крайней мере свое личное счастье и для этого уезжает куда-то на Маркизские острова, где и основывает свою коммуну на новых социальных началах...»), является отзвуком этих разговоров (П. Ф. Николаев. Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге. М., 1906, стр. 47; ср. нечто очень близкое: В. Н. Шаганов. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке. СПб., 1907, стр. 24—25).

Приведенные данные позволяют судить, в какой мере биография Рахметова является отражением реальных данных о личности П. А. Бахметева (см.: П. А. Бахметев. ‹Письмо к Герцену› — Литературное наследство, т. 41—42. М., 1941, стр. 526—528; А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XI. М., 1957, стр. 344—348 (Былое и думы, часть VII, глава 3); С. А. Рейсер. Особенный человек. — Русская литература, 1963, № 1, стр. 173—177; Н. Я. Эйдельман. Павел Александрович Бахметев. (Одна из загадок русского революционного движения). — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, стр. 387—398). Современники допускали, что некоторые черты Рахметова восходят к личности революционера П. Д. Баллода (1839—1918), см.: В. Г. Короленко. Собр. соч. в десяти томах, т. VIII. М., 1955, стр. 326 (История моего современника, книга IV, часть I, глава 13). — Эта точка зрения получила подробное обоснование в книге В. Свирского «Откуда вы, герои книг?» (М., 1972, стр. 117—163). Автор полагает, что П. Д. Баллод послужил прототипом образа Базарова в «Отцах и детях» Тургенева и образа Рахметова в «Что делать?» Чернышевского. Для подтверждения этой гипотезы автор собрал небезынтересный материал, и некоторые сопоставления кажутся правдоподобными. Но, к сожалению, в гипотезе В. Свирского есть ответственные, но недоказанные допущения, мешающие принять его тезис. Оказывается, Баллод Чернышевского до Сибири не знал. В. Свирский легко справляется с этой трудностью, допуская, что Чернышевский слышал о нем через общих знакомых: лица, посвященные в тайну прокламации «Предостережение», «конечно же ‹?› информировали Николая Гавриловича о том, кто составлял прокламацию, где она будет печататься, каким образом распространяться» (стр. 146 названной книги). Как часто бывает в таких случаях, условное допущение усыпляет его создателя и он далее пишет о нем, как о бесспорно доказанном: «Трудно себе представить, чтобы такая колоритная, такая рахметовская фигура не произвела впечатления на воображение писателя» (там же). Не отрицая, что Баллод еще не вполне стал в то время Рахметовым, автор и этот вопрос легко решает: Чернышевский, мол, «угадал» и предсказал «будущего прототипа» (там же). И в доказательство В. Свирский ссылается на столь же неубедительную гипотезу о том, что Чернышевский «угадал» и будущую ситуацию Боков—Обручева—Сеченов (см. стр. 830 наст. изд.). При таком методе легко обосновать все, что захочется исследователю: если нельзя доказать, то «предсказал» и «угадал» — и все становится на место. Впрочем, В. Свирский, к счастью, не решается настаивать категорически на своей гипотезе: оговорки вроде «даже в том случае, если моя гипотеза окажется ошибочной... »(стр. 163), делают ему честь. За всем тем, имя Баллода совсем снято со счетов быть не может.

* Н. Я. Эйдельман установил, что скорее всего Бахметев покинул Англию 20 августа (1 сентября) на клипере «Акоста», отплывшем в Новую Зеландию (По следам Рахметова. — Вопросы и ответы, 1973, № 8, стр. 53—60).

[102] Стр. 201. *Маколей, Гизо, Тьер, Ранке, Гервинус.* — Подчеркивая оригинальность Рахметова, Чернышевский называет имена наиболее популярных историков своего времени: умеренно либерального Томаса Маколея (Macaulay, 1800—1869), консервативного историка Франсуа Гизо (Guizot, 1787—1874), апологета буржуазных порядков, впоследствии палача Парижской Коммуны 1877 г., Луи Тьера (Thiers, 1797—1877), немецкого реакционного историка Леопольда Ранке (Ranke, 1795—1886) и немецкого историка Георга Гервинуса (Gervinus, 1805—1871), — одну из его работ, «Введение в историю XIX века», Чернышевский переводил в Петропавловской крепости. Гервинус сочувственно изображал национально-освободительные движения, и это не могло не вызвать одобрения Чернышевского, однако буржуазная ограниченность его исторического учения никак не могла ему импонировать и вызвала ряд критических замечаний; см.: Чернышевский, т. X, стр. 441—453; см. также литературу в прим. 23.

[103] Стр. 201. *...несколько дюжих томов «Полное собрание сочинений Ньютона»* <..> *«Observations on the Prophecies of Daniel, and the Apocalypse of St. John».* — Очевидно, в руках Рахметова было издание «Opera quae extant omnia...» (5 томов, Лондон, 1779—1785). В пятом томе этого издания находится впервые изданная посмертно (Лондон, 1773) работа Ньютона «Observations upon the Prophecies of Holy Writ, particulary the Prophecies of Daniel and the Apocalypse of St. John». Н. А. Алексеев и А. П. Скафтымов дали этому месту следующее разъяснение: «В книге, с одной стороны, критически анализируются вселенские соборы, как дело интриг византийских императоров, трезво, критически освещается почитание святых как идолопоклонство, а с другой стороны — библейские апокалиптические „пророчества“ трактуются в мистическом смысле, как подлинное предсказание отдаленнейших исторических событий и как свидетельство того, что „вселенная управляется провидением“» (Чернышевский, т. XI, стр. 717). Это «смешение безумия с умом» и было неприемлемо для рационалиста Рахметова.

[104] Стр. 202. *Таких людей, как Рахметов, мало: я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы (в том числе двух женщин); они не имели сходства ни в чем, кроме одной черты.* <...> *Сходства не было ни в чем, кроме одной черты, но она одна уже соединяла их в одну породу и отделяла от всех остальных людей.* — Ср. стр. 803—804 наст. изд.

[105] Стр. 202. *Рахметов был из фамилии, известной с XIII века...* — Чернышевский приводит типическую родословную русской дворянской семьи, восходящую к татарам. Называя имена виднейших политических деятелей XVIII в. И. И. Шувалова (1727—1797), Б.-Х.-А. Миниха (1683—1767) и П. А. Румянцева (1725—1796), Чернышевский подчеркивает близость предков Рахметова к различным группам правящей верхушки России. В черновой редакции упоминается еще А. Г. Орлов (1737—1808). В XIX в. дед Рахметова сопровождал Александра I в Тильзит: в этом городе Восточной Пруссии (ныне г. Советск Калининградской обл.) Александр I заключил вынужденный союз с Наполеоном I и присоединился к континентальной блокаде. Потом дед пострадал за дружбу с М. М. Сперанским (1772—1839), который в результате сложной бюрократической игры, направленной на усиление политической роли дворянства и буржуазии, был обвинен в измене и сослан Александром I в Нижний Новгород, а потом в Пермь. О Сперанском Чернышевский подробно писал в статье «Русский реформатор» (Современник, 1861, № 10; Чернышевский, т. VII, стр. 794—827), — статья выдержана в сочувственных тонах по отношению к Сперанскому, который, по его мнению, был «увлекающийся мечтатель».

[106] Стр. 202. *В числе татарских темников...* — Темник у татар — начальник над тьмою, т. е. десятком тысяч воинов; темник состоял под непосредственным начальством самого хана и пользовался в орде большим влиянием.

[107] Стр. 203. *...бывали генерал-аншефами...* — Титул полного генерала (от франц. général en chef), существовавший от времен Петра I до Павла I, который заменил его титулом «генерал от...».

[108] Стр. 203. *...убит был при Нови.* — 4 августа 1799 г. русско-австрийские войска под командованием Суворова нанесли возле города Нови в Северной Италии серьезное поражение французской армии.

[109] Стр. 203—204. *...и на расшивах, и на косных лодках* <...> *15 вершков ростом...* — Расшивой на Волге называется плоскодонное парусное судно с острым носом; косной — легкая остродонная лодка. В обороте «15 вершков ростом» подразумевается — двух аршин 15 вершков (209 см).

[110] Стр. 205. *Дубовка* — посад Саратовской губернии, ныне районный центр Волгоградской области.

[111] Стр. 206. *Пулярка* — холощеная откормленная курица (от франц. poularde).

[112] Стр. 208. *Если я прочел Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направления...* — Чернышевский перечисляет крупнейших экономистов своего времени — Адама Смита (Smith, 1723—1790), Т. Мальтуса (Malthus, 1766—1834), к которому он и здесь и в романе «Алферьев» относится отрицательно, Д. Рикардо (Ricardo, 1772—1823), Д.-С. Милля (Mill, 1806—1873); все эти имена многократно упоминаются в сочинениях Чернышевского (см. указатель имен: Чернышевский, т. XVI), а «Основания политической экономии» Милля были Чернышевским переведены и напечатаны в «Современнике» в 1860—1861 гг. Этот перевод был им снабжен целым рядом критических примечаний, в которых он, по словам К. Маркса, показал «банкротство буржуазной политической экономии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. XXIII. М., 1960, стр. 17. — См.: Э. Лейкин. Экономические взгляды Чернышевского. — Вестник Коммунистической академии, 1928, кн. 30 (6), стр. 55—84, и 1929, кн. 31 (1), стр. 1—34; М. П. Крижанский. Освещение Н. Г. Чернышевским банкротства буржуазной экономии. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. (1889—1939). Труды научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти. Л., 1941, стр. 143—181; Г. П. Булатов. Н. Г. Чернышевский — критик буржуазной политической экономии. Ставрополь, 1948; А. Н. Корниенко. Н. Г. Чернышевский как критик буржуазной вульгарной экономии. — Вопросы экономики, 1951, № 5, стр. 65—81; В. Н. Замятнин. 1) Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского. М., 1951; 2) Экономические воззрения Н. Г. Чернышевского и их место в истории русской экономической мысли. (Итоги исследований). М., 1965).

[113] Стр. 208. *Теккерей* — Вильям Теккерей (Thackerey, 1811—1863) — знаменитый английский романист, пользовавшийся в России огромной популярностью. Кроме отзыва Рахметова, в § 16 главы пятой романа Бьюмонт-Лопухов высказывается о Теккерее в том же духе; Катерина Васильевна с ним соглашается. Эти отзывы точно передают оценку самого Чернышевского, данную им в № 2 «Современника» за 1857 г. в рецензии на «Ньюкомы...» в русском переводе 1856 г.: Чернышевский отмечал, что «Теккерей обладает колоссальным талантом», но в «Ньюкомах» критик не нашел богатства содержания, а это убивает роман, «великолепная форма находится в нескладном противоречии с бедностью содержания». Таланту Теккерея Чернышевский противопоставляет творчество Диккенса (Чернышевский, т. IV, стр. 511—522; ряд других упоминаний см. по указателю имен: т. XVI, стр. 925); ср.: Ю. Н. Троицкий. Теккерей в русской критике. — Уч. зап. Тульск. гос. пед. ин-та, 1953, вып. IV, стр. 166—191.

[114] Стр. 208. *...он занимался чужими делами или ничьими в особенности делами...* — Намек на революционную деятельность Рахметова.

[115] Стр. 211. *Года через два после того, как мы видим его* ‹*Рахметова*› *сидящим в кабинете Кирсанова за ньютоновым толкованием на «Апокалипсис», он уехал из Петербурга...* — Таким образом, отъезд Рахметова приурочен Чернышевским примерно к середине 1859 г., т. е. к началу революционной ситуации.

[116] Стр. 211. *Тогда-то узнал наш кружок...* — Глава написана от имени автора, равноправного участника всего происходящего в романе. Из контекста следует, что это был не просто дружеский кружок, а нечто гораздо более близкое к политической группе.

[117] Стр. 212. *«Проба <...> однако же на всякий случай нужно. Вижу, могу».* — Революционеры должны были воспитывать в себе выдержку и силу воли и, если надо, уметь выдержать пытку, никого не выдавая. Позднее нечаевская революционная группа в своем уставе специально оговорила это качество (Государственные преступления в России в XIX в. ... Под ред. Б. Базилевского. Т. 1. Штутгарт, 1903, стр. 334).

[118] Стр. 212. *Рахметов шел из первого Парголова в город...* — Первое Парголово находится приблизительно в 10 километрах, считая от тогдашней окраины города (например, Каменноостровского проспекта; железная дорога проведена позднее), — популярная в те годы дачная местность; ныне входит в Выборгский район Ленинграда.

[119] Стр. 214. *...в России <...> года через три-четыре, — «нужно» будет ему быть.* — Чернышевский верил в близкое наступление в России революции и здесь и далее (глава VI) указывал одну и ту же дату — приблизительно 1864—1865 гг.

[120] Стр. 214. *Был еще слух, что молодой русский, бывший помещик, явился к величайшему из европейских мыслителей XIX века, отцу новой философии...* — Чернышевский в романе имеет в виду Л. Фейербаха, хотя он, конечно, хорошо знал, что Бахметев был у Герцена, имени которого он назвать в печати не мог.

[121] Стр. 215. *...это соль соли земли.* — Чернышевский усиливает евангельскую формулу: «Вы — соль земли» (Евангелие от Матфея, гл. V, ст. 13).

[122] Стр. 216. *...нечто уже вроде капуанской роскоши.* — По рассказу Тита Ливия, войска Ганнибала после победы над римлянами при Каннах (в 216 г. до н. э.) ушли на зимние квартиры в город Капую, славившийся богатством и изнеженностью жителей, и предались там безделью и изысканному разврату. Л. Толстой в «Анне Карениной» (часть V, глава 15) употребляет в том же значении менее привычное образование: «капуйский» (см.: Г. Гельд. О двух именах прилагательных в романе «Анна Каренина». — В кн.: Толстой. Памятники творчества и жизни, вып. IV. М., 1923, стр. 199—200).

[123] Стр. 242. *Schweigler* — в переводе с немецкого на русский язык значит Молчальник; намек на то, что адресат заслуживает доверия.

[124] Стр. 246. *...а я муж г-жи Тедеско...* — Фортуната Тедеско (во втором браке Штраус, 1826—1875) — знаменитая итальянская оперная певица; в 1859 г. она гастролировала в Петербурге. Этот же анекдот почти дословно рассказан Чернышевским в работе «Антропологический принцип в философии» (Современник, 1860, № 4, стр. 333; Чернышевский, т. VII, стр. 225).

[125] Стр. 249—250. *Вера Павловна Кирсанова живет в Сергиевской улице, потому что мужу нужно иметь квартиру ближе к Выборгской стороне.* — Сергиевская улица — ныне улица Чайковского. На Выборгской стороне находилась Медико-хирургическая академия, в которой работал Кирсанов.

[126] Стр. 256. *...он мне привез одну новую поэму, которая еще не скоро будет напечатана...* — Поэма Некрасова «Коробейники» была написана в августе 1861 г. и напечатана в № 10 «Современника». Публикация поэмы почти не вызвала цензурных препятствий. Чернышевский допускает анахронизм: действие этой главы романа происходит во второй половине 1856 г., когда поэма еще не была написана. Чернышевский цитирует первые четыре стиха главы 1-й и стихи 9—20 главы 4-й. В статье «Не начало ли перемены?» (Современник, 1861, № 11) Чернышевский цитировал не включенные в поэму 12 строк «Песни убогого странника» (от слов: «Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?») и дал к ним пространный комментарий в духе пропаганды революционных идей (т. VII, стр. 874). Комментарием является в сущности и следующая за цитатами беседа Кирсанова и Веры Павловны.

[127] Стр. 259. *...знаменитые поражения французских конных армий малочисленными английскими пехотинцами и при Кресси, и при Пуатье, и при Азенкуре.* — В битве при Кресси английский король Эдуард III в 1346 г. нанес поражение

французским войскам под командованием короля Филиппа VI, в сражении при Пуатье в 1356 г. Эдуард III победил французского короля Иоанна Доброго, в битве при Азенкуре английский король Генрих V в 1415 г. победил французов, сражавшихся под командованием коннетабля Альберта.

[128] Стр. 261. *Рахметовы* <...> *сливаются с общим делом так, что оно для них необходимость, наполняющая их жизнь...* — Формула «Общее дело» начиная с 1850-х годов — эвфемизм, заменявший понятие «революция» (слово, невозможное в печати) и хорошо известный натренированному в «эзоповом» языке читателю эпохи. Почти буквально эти слова были повторены в статье критика П. А. Бибикова о романе «Что делать?»; см. его книгу «Критические этюды» (СПб., 1865, стр. 185). Привычный оборот многократно встречался (в более или менее сходных вариантах) в статьях самого Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Шелгунова, в стихах Некрасова, Добролюбова и многих других поэтов той эпохи. С различными оттенками (порою полемическими и враждебными) читатель находил тот же эвфемизм в «Преступлении и наказании» (часть II, глава 5) и в «Бесах» Достоевского (часть I, глава 1, § 6), в «Нови» Тургенева (многократно), в «Воскресении» Л. Толстого (часть III, глава 6) и т. д.

[129] Стр. 264. *Это было бы очень важно, если бы явились наконец женщины-медики.* — Медицина была наиболее общественно значимой профессией, в которой передовые женщины 1860-х годов находили возможность равноправной полезной деятельности. Таковы были, например, М. А. Бокова (Сеченова), М. А. Богданова (Быкова), Н. П. Суслова (Эрисман), А. И. Кашеварова (Руднева) и другие.

[130] Стр. 268. *...о синих чулках.* — Происхождение этого фразеологического оборота не вполне ясно. Он возник в Англии 60—70-х годов XVIII в. Душою кружка леди Монтегю (Montegu) был ученый Б. Стеллингфлит (Stillingfleet, 1702—1771), который вопреки моде носил синие чулки. Голландский адмирал Боскавен (Boskawen) назвал этот кружок «собранием синих чулков» («blue stocking»). По другой версии, синие чулки носили дамы, члены этого кружка, в подражание своей знаменитой гостье m-me де Полиньяк (Polignac). Во Франции женщин, интересовавшихся наукой и литературой в ущерб домашним делам, стали называть «bas bleu» (калька с английского). В России этот оборот был принят уже в эпоху Пушкина (так шутя называли А. О. Россет-Смирнову), он встречается у П. А. Вяземского, позднее у Некрасова («Прекрасная партия»), Тургенева («Рудин», глава 5), Толстого («Война и мир», т. II, ч. III, гл. 9), Писемского («Сергей Петрович Хозаров...», гл. III), Е. П. Ростопчиной («Возврат Чацкого в Москву...»), Помяловского («Брат и сестра») и пр. Пренебрежительный оттенок этот оборот получил не раньше конца XVIII в. (Чернышевский, т. XI, стр. 718—719 — примечания Н. А. Алексеева и А. П. Скафтымова; Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова... Изд. 3-е. М., 1966, стр. 609—610; М. И. Михельсон. Ходячие и меткие слова. Изд. 2-е. СПб., 1896, стр. 396—397; Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. П. Молоткова. М., 1967, стр. 530).

[131] Стр. 271. *«Ложь не выходила из уст его», сказано про кого-то в какой-то книге. «Нет притворства в сердце его», сказано про кого-то в какой-то, может быть, в той же книге.* — Источник этих слов не установлен.

[132] Стр. 274. *Боккаччио* — Джованни Боккаччо (Boccacio, 1313—1375), знаменитый итальянский поэт и писатель, автор сборника новелл «Декамерон», популярного в русской литературе. Боккаччо упоминается у Чернышевского в качестве «компилятора народных преданий» (т. XII, стр. 137), автора рассказов не только пошлых, грубых и грязных, но и чистых и прекрасных (см.: т. XV, стр. 58—59; ср. также: т. II, стр. 617).

[133] Стр. 275. *И сладкие речи* <...> *И поцелуй.* — Цитата из «Фауста» Гёте («Комната Маргариты») в переводе Э. И. Губера (Сочинения, т. II. СПб., 1859, стр. 194); в третьей строке должно быть: «Восторг объятий». См.: С. В. Тураев. Творчество Гёте в оценке Н. Г. Чернышевского. — Труды Моск. гос. библ. ин-та, 1956, т. II, стр. 132—148.

[134] Стр. 275. *Милый друг! погаси.* <...> *Словно в ночи звезда.* — Чернышевский цитирует по памяти, не точно строки стихотворения Кольцова «Русская песня»; см. издание: Стихотворения Кольцова. СПб., 1846. В этом тексте ряд строк был отредактирован Белинским по сравнению с первой публикацией «Отечественных записок» (1843, № 2).

[135] Стр. 275. ...*знакомый, — о, какой знакомый теперь! — голос...* — Подразумевается голос Бозио в третьем сне Веры Павловны (см. стр. 171).

[136] Стр. 276. *«Wie herrlich leuchtet* <...> *Wie lacht die Flur».* — Начальные строки стихотворения Гёте «Майская песнь» («Mailied», 1771) — одна из любимых песен Чернышевского с юности.

[137] Стр. 276. *O Erd'! O Sonne!* <...> *Auf jenen Höh'n!* — Цитата (ст. 11—16) из того же стихотворения Гёте.

[138] Стр. 276. *«Whol perlet im Glase der purpurne Wein, Wohl glänzen die Augen der Gäste...»* — начальные строки стихотворения Ф. Шиллера «Четыре века» («Die vier Weltalter», 1802).

[139] Стр. 277. *номады* — кочевники.

[140] Стр. 277. *Астарта* — финикийская богиня плодородия. В греческой и римской мифологии отождествлялась с Афродитой — покровительницей, оплодотворяющей силы природы, богиней брака и любви.

[141] Стр. 278. *Пизистрат* (VI в. до н. э.) — древнегреческий государственный деятель, захвативший верховную власть в Афинах, откуда он был дважды изгоняем. *Ареопаг* — верховный суд в древних Афинах. *Аспазия* (V в. до н. э.) — прославившаяся умом и красотой гречанка; ее считали виновницей Пелопоннесских войн, приведших к падению Афин. *Афродита* — см. предыдущее примечание. *Гинекей* — женская половина в древнегреческих домах.

[142] Стр. 279. *Тоггенбург* — герой баллады Ф. Шиллера «Рыцарь Тоггенбург», особенно известной в России по переводу Жуковского (1818). Чернышевский приводит прозаический пересказ баллады.

[143] Стр. 279. *Ту царицу звали «Непорочностью».* — Под этим названием Чернышевский, как это видно из чернового текста, имеет в виду Мадонну.

[144] Стр. 280. *Это сказал Руссо в «Новой Элоизе».* — В романе в письмах «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) Ж.-Ж. Руссо (Rousseau, 1712—1778) в образе героини Юлии д'Этанж раскрывал пробуждение в женщине чувства человеческого достоинства. Ср. запись Чернышевского в альбом своей невесте: «Женщина должна быть равна с мужчиною...» и т. д. (т. XIV, стр. 223). В письме к А. Н. Чернышевскому 5 марта 1885 г. Чернышевский писал, что «Новая Элоиза» может быть «ныне читаема без смеха, лишь как исторические памятники давно минувших фазисов общественной жизни» (т. XV, стр. 519). Другие упоминания Руссо см. по указателю имен: Чернышевский, т. XVI, стр. 916. — Ср.: Т. Л. Занадворова. Жан-Жак Руссо в оценке Н. Г. Чернышевского. — Уч. зап. Магнитогорск. гос. пед. ин-та, 1963, вып. 15(2), стр. 110—126.

[145] Стр. 282. ...*прекраснее Афродиты Луврской...* — Статуя, хранящаяся в Луврском музее в Париже и более известная под названием Венеры Милосской.

[146] Стр. 284. ...*дворец, который стоит на Сейденгамском холме...* — К Всемирной выставке 1851 г. в Гайд-Парке в Лондоне по проекту архитектора Джозефа Пакстона был выстроен так называемый Хрустальный (или Кристальный) дворец (Crystal Palace) — огромное сооружение из стекла и железа без кирпича и дерева — одно из значительных достижений строительной техники того времени. В 1854 г. дворец был перенесен в предместье, на 10 км севернее (ныне в черте города), и использовался в течение более чем 25 лет. 30 ноября 1936 г. здание сгорело. Об этом дворце Чернышевский неоднократно упоминал: в частности, он подробно описал его в «Отечественных записках» (1854, № 8 и 9; Чернышевский, т. XVI, стр. 91—106, 129—132). В бытность в Лондоне 26—30 июня 1859 г. Чернышевский осмотрел дворец; некоторые черты его описаны в четвертом сне Веры Павловны (см.: Е. И. Покусаев. Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и деятельности.

Изд. 4-е. Саратов, 1967, стр. 207—208). В «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского (Эпоха, 1864, № 1—2; Полн. собр. соч., т. V. Л., 1973, стр. 113) содержится полемический выпад против рассказа о хрустальном дворце: «Тогда выстроится хрустальный дворец. Тогда... Ну, одним словом, тогда прилетит птица Каган», т. е. легендарная птица, приносящая людям счастье.

147 Стр. 284. ... *алюминий* — металл, впервые полученный в виде порошка в 1827 г. Технический способ его производства был разработан в 1854 г. Широкое применение в технике, промышленности и в быту алюминий нашел в XX в.

148 Стр. 285. «*Будем жить с тобой по-пански*; ‹...› *Все добуду с ними я*...» — Цитата из стихотворения Кольцова «Бегство» (1838; впервые опубликовано: Современник, 1839, т. 14) — одно из любимых стихотворений Чернышевского. Чернышевскому принадлежит рецензия на сборник стихотворений Кольцова со статьею о нем Белинского (Современник, 1856, № 5; Чернышевский, т. III, стр. 510—515) и ряд упоминаний в «Очерках гоголевского периода» (статьи четвертая и пятая: Современник, 1856, № 4 и 7; Чернышевский, т. III, стр. 138, 181—185, 195, 199).

149 Стр. 287. ... *полоса* ‹...› *про которую говорилось в старину, что она кипит молоком и медом* ‹...› *иматиев*. — Цитата из Библии (Исход, глава III, ст. 8) — по преданию, бог сказал Моисею, что он приведет израильтян «в землю,... где течет молоко и мед». *Иматий* (или гиматий) — верхняя одежда древних греков, состоявшая из квадратного или продолговатого четырехугольного куска шерстяной материи.

149а Стр. 288. ... *электрическое освещение*. — Электрическое освещение жилищ в России вошло в широкий обиход лишь с начала XX в.

150 Стр. 291. ... *явилась новая вывеска: «Au bon travail. Magasin des Nouveautés»*. — Замена вывески связана с вызовом Кирсанова в III Отделение. Слово travail в сознании властей ассоциировалось с формулой французских социалистов-утопистов, в частности Луи Блана, — droit au travail. Книга Л. Блана «Le socialisme. Droit au travail» (Париж, 1848 и ряд переизданий) не раз использовалась русскими революционными деятелями.

151 Стр. 291. ... *приехал к Кирсанову* ‹...› *собрат его по медицине, много рассказывал о разных медицинских казусах, всего больше об удивительных успехах своей методы врачевания, состоявшей в том, чтобы класть вдоль по груди и по животу два узенькие и длинные мешочка, наполненные толченым льдом*... — Возможно, что этими строками Чернышевский намекает на практиковавшего в Петербурге адъюнкт-профессора Медико-хирургической академии X. А. Нордстрема (1818—1885), который все болезни лечил холодной водой — обтиранием, усиленным ее употреблением внутрь и т. д. (см.: А. П. Плетнев. Воспоминания. Одесса, 1910, стр. 9; П. А. Плетнев. Сочинения и переписка, т. III. СПб., 1885, см. по указателю имен). О связях этого врача с III Отделением никаких сведений нет, но его брат И. А. Нордстрем служил чиновником особых поручений этого ведомства (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1861—1862 гг., ч. I, стр. 86, 145); возможно, что Чернышевский намеренно объединил их в одно лицо.

152 Стр. 291. ... *один из его знакомых желает познакомиться с Кирсановым* — См. стр. 658—663 — первоначальная, гораздо более резкая редакция.

153 Стр. 293. ... *платья* ‹...› *барежевые*... — дамские платья из тонкой, легкой ткани, бумажной, шерстяной или полушелковой.

153а Стр. 297. ... *ротмистр или штаб-ротмистр*. — По табели о рангах — невысокие военные чины 8 и 9 классов. Они соответствовали в гражданском ведомстве чинам коллежского асессора и титулярного советника.

153б Стр. 299. ... *искателей руки — без числа: ведь одна дочь у Полозова, страшно сказать: 4 миллиона!* — Страницей раньше Чернышевский писал, что ко времени, когда дочери исполнилось 17 лет, ее отец уже потерял бо́льшую часть своего состояния.

[154] Стр. 309. *«Громобой»* — герой одноименной баллады Жуковского (1810), долго пользовавшейся огромной популярностью.

[155] Стр. 313. *Кант, Фихте, Гегель.* — Многочисленные упоминания Чернышевским имен И. Канта (1724—1804), И.-Г. Фихте (1762—1814) и Г.-В.-Ф. Гегеля (1770—1831) см. по указателю имен (т. XVI, стр. 873—874, 931 и 857—858). См.: А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970, стр. 376—399; История философии в СССР в пяти томах, т. III. М., 1968, стр. 29—100 (автор — В. Е. Евграфов); И. К. Пантин. Материалистическое мировоззрение и теория познания русских революционных демократов. (Очерки). М., 1961; У. Д. Розенфельд. Н. Г. Чернышевский. Становление и эволюция мировоззрения. Минск, 1972.

[156] Стр. 314. *...но она не воображала себя ни Лелиею, ни Индианою, ни Кавальканти, ни даже Консуэло, она в своих мечтах была Жанною, но чаще всего Женевьевою ‹...› она встречает Андре.* — Чернышевский называет имена героинь ряда популярных романов Жорж Санд: Лелия — героиня одноименного романа («Lélia», 1833), Индиана — тоже героиня одноименного романа («Indiana», 1831), Кавальканти — Квинтилия де-Кавальканти — героиня романа «Личный секретарь» («Le secrétaire intime», 1834), Консуэло — героиня одноименного романа («Consuelo», 1842), Жанна — тоже героиня одноименного романа («Jeanne», 1844), Женевьева — героиня романа «Андре» («André», 1834).

[157] Стр. 314. *...мисс Найтингель ‹...› любимица всей Англии.* — Флоренс Найтингель (Nightingale, 1820—1910) — девушка из высших слоев английского общества, отправившаяся вместе с группою привлеченных ею женщин в качестве сестер милосердия в Крым во время кампании 1854—1856 гг., впоследствии автор нескольких работ по организации медицинского обслуживания. С подвига Найтингель ведет свое начало участие женщин в военно-госпитальной службе. В течение ряда лет ее имя пользовалось в Англии и других странах Европы огромной популярностью.

[158] Стр. 315. *...в английских гошпиталях Крыма и Скутари...* — Речь идет о Крымской кампании 1854—1856 гг.

[159] Стр. 315. *...терпеливые греки, не скучавшие десять лет осаждать Трою.* — Согласно сказанию о Троянской войне, греки в XII в. до н. э. после десятилетней осады хитростью взяли Трою (Илион) — город на северо-западе Малой Азии — и разрушили его. Основной источник — поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея».

[160] Стр. 318. *Я считаю, мне кажется (поправил он свой американизм)...* — Лопухов-Бьюмонт имеет в виду обороты типа: «I guess», «I consider», «It seems to me». В черновой редакции автор пишет, что Бьюмонт не считал «нужным делать англицизмы и американизмы».

[161] Стр. 318. *...о вашей стране, о вашей родине, — поправил он свой англицизм...* — Английский оборот: «About your country».

[162] Стр. 318. *Я ненавижу вашу родину, потому что люблю ее как свою, скажу я вам, подражая вашему поэту.* — Бьюмонт может здесь иметь в виду стихотворение Лермонтова «Родина» (1841). Однако более вероятно, что речь идет о Некрасове. В таком случае Чернышевский мог подразумевать либо стихотворение «Родина» (1846), либо стихотворение «Блажен незлобивый поэт...» (1852; строки: «Он проповедует любовь Враждебным словом отрицанья» или «И как любил он — ненавидя»), либо стихотворение «Замолкни, муза мести и печали...» (1855; строки: «То сердце не научится любить, Которое устало ненавидеть»), либо, наконец, стихотворение «Поэт и гражданин» (1855—1856; строки: «Клянусь, я честно ненавидел! Клянусь, я искренно любил»).

[163] Стр. 318. *Аболиционист* — сторонник уничтожения невольничества в США.

[164] Стр. 324. *Бьюмонт заезжал к Полозовым решительно каждый день ‹...› Она поехала к Бьюмонту.* — Чернышевский забыл, что несколько раньше (в § 9 той же главы) он сообщал, что Бьюмонт жил на одной лестнице с Полозовыми, и о том, что он куда-либо переехал, не сообщалось.

[165] Стр. 332. — *Я написал несколько статей в «Tribune...»* — Эта газета выходила в Нью-Йорке с 1841 до 1924 г., когда она слилась с газетой «Herald»; новое название: «New York Herald Tribune».

[166] Стр. 334. *«Давно отвергнутый тобою»...* — Стихотворение Некрасова (1854), особенно ценившееся Чернышевским (см. его письмо к Некрасову 5 ноября 1856 г.: Чернышевский, т. XIV, стр. 322). Первые музыкальные переложения относятся (по данным цитированной выше — прим. 17 — библиографии Г. К. Иванова) к 1865 г., но весьма вероятно, что существовали до сих пор не учтенные более ранние переложения.

[167] Стр. 334. *...песню Лизетты из Беранже* — т. е. стихотворение «Нет, ты не Лизетта...» в переводе В. С. Курочкина (впервые: Русский вестник, 1857, июль, книга 2); музыкальные переложения неизвестны.

[168] Стр. 334. *... а Катерина Васильевна с своим хором «Песню Еремушке».* — Музыкальные переложения этого стихотворения до 1871 г. неизвестны.

[169] Стр. 334. *...переделали на свои нравы «Спор двух греческих философов об изящном».* — «Спор древних греческих философов об изящном» Козьмы Пруткова (Современник, 1854, № 2) представлял собою пародию на стихотворения Щербины; музыкальные переложения неизвестны.

[170] Стр. 335. *Выходила молода ‹...› Распотешу молодца.* — Чернышевский цитирует середину одного из многочисленных вариантов широко распространенной народной песни: «Ах вы, сени мои, сени, Сени новые мои...».

[171] Стр. 336. *...дама буйных саней... ‹...› ...дама в трауре...* — Под этими обозначениями Чернышевский прикровенно «изобразил свою жену: причина ее мучительной тоски — судьба самого Чернышевского». Тем самым ясно, что «мужчина лет тридцати», появляющийся затем с этой дамой, — сам Чернышевский, освобожденный победоносной революцией. «Грядущая революция и является подспудной, но основной темой конца романа», — формулирует наиболее точно Б. Я. Бухштаб итог многолетних споров о смысле последних глав «Что делать?» (см. его статью: Записка Чернышевского о романе «Что делать?». — Изв. Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1953, т. XII, вып. 2, стр. 161; перепечатано в несколько иной редакции в его же книге: Библиографические разыскания по русской литературе XX века. М., 1966, стр. 117—132).

[172] Стр. 337. *Мосолов.* — М. Т. Пинаев в книге «Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского „Что делать?“» допускает, что выведенный в романе Мосолов изображает реального Юрия Михайловича Мосолова (1838—1915?) — ученика Чернышевского по Саратовской гимназии, потом видного деятеля революционного подполья 1850—1860-х годов, одного из организаторов «Библиотеки казанских студентов», члена «Земли и воли» (назв. книга, стр. 121—125, 147). Е. Г. Бушканец в статье «Юрий Мосолов — персонаж романа „Что делать?“» (Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965) выдвинул гипотезу, что появление персонажа с такой фамилией не случайно и что таким образом «Чернышевский выражал своеобразный вотум доверия одному из своих самых стойких и последовательных учеников» (назв. статья, стр. 345). Ни с первым, ни со вторым исследователем согласиться невозможно. В романе ни в речах Мосолова, ни в немногих словах о нем других не содержится решительно никаких намеков такого рода. Если же согласиться с Е. Г. Бушканцем, что этим именем Чернышевский передает на волю сигнал о доверии к Мосолову, то нельзя будет не сделать вывод, что опытнейший и осторожнейший конспиратор Чернышевский с головою выдает властям и себя и своего ученика. Он сообщает тем самым через роман, что сам он революционер и что Мосолов его верный друг. Но весь смысл борьбы Чернышевского на следствии состоял в том, чтобы доказать, что он самый благонамеренный литератор, а совсем не «потрясователь основ». А всеобщее оглашение имени Мосолова (равного Мосолову — персонажу романа) не может быть расценено иначе, как предательство. Е. Г. Бушканец полагает, что Мосолов «скромный переводчик ‹...› не привлекал к себе внимания ‹...› III Отделения» (там же, стр. 346); на самом

деле он давно (с 1856 г.) был «на заметке» у властей и не был арестован по недостатку улик. Но уже вскоре (с сентября 1863 г.) он находился совсем близко от Чернышевского — в Екатерининской куртине Петропавловской крепости! Если же Чернышевскому нужно было оповестить узкий круг единомышленников о доверии к Ю. М. Мосолову, то роман для этого — самый неудачный способ: Чернышевский мог вполне сообщить нужное (одну фразу — «ему можно доверять!») при свидании жене — 23 февраля, после 24 апреля, 15 сентября — или при одном из свиданий с Пыпиным (Н. М. Чернышевская. Летопись ..., стр. 287, 298, 310, 313; А. Н. Пыпин. Записка о деле Н. Г. Чернышевского. — Красный архив, 1927, т. XXII, стр. 216); при свиданиях Чернышевскому несомненно было сообщено об аресте Ю. М. Мосолова. Не говорю уже о том, что рассматривать употребленную в художественном произведении фамилию в качестве документа едва ли правомерно. Не вполне ясно, значила ли что-либо фамилия этого героя или это первое пришедшее в голову обозначение (ср. в черновике романа: «Лицам даны имена собственного моего изобретения», «я фамилий-то не умел придумать таких, чтоб они были сколько-нибудь самобытным изобретением» (стр. 713). Вообще попытки семасиологизации фамилий действующих лиц романа не дали еще пока достаточно убедительных результатов. Корень «Рахм», как это установлено М. С. Альтманом, имеет в разных языках и в разных диалектах русского языка не менее двадцати различных значений; ср.: Л. Я. Боровой. Путь слова. Очерки и разыскания. М., 1974, стр. 209—210. Трудно соотнести фамилию Кирсанова с одним из трех персонажей вышедшего незадолго до того романа Тургенева «Отцы и дети», хотя внутренняя полемика с этим произведением очевидна. Натяжкой представляется и высказанное недавно предположение: «Сама фамилия Лопухова как бы вырастает из пренебрежительной фразы Базарова о мужике: „Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; — ну, а дальше?“» (Г. Верховский. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Ярославль, 1959, стр. 11—12).

[173] Стр. 339. *Я его не знал...* — Здесь и в следующих строках речь идет о Рахметове, который скорее всего в Америке. Его возвращение непосредственно связывается с грядущей революцией.

[174] Стр. 340. *...проходили мимо ревербера* — т. е. фонаря с вогнутым отражающим зеркалом (франц. réverbère).

[175] Стр. 341. *Стонет сизый голубочек* <...> *Его миленький дружо..* Дама в трауре поет романс И. И. Дмитриева (1760—1837), написанный в 1792 г. и неоднократно переложенный на музыку начиная с конца XVIII в. Ее голос «задрожал и оборвался», потому что она вспомнила о своем муже, — прикровенный намек, что Ольга Сократовна тяжело переживает его арест.

[176] Стр. 341. *Много красавиц в аулах у нас* <...> *Но веселей молодецкая воля* <...> ***Не женися, молодец, слушайся меня!*** Сначала Чернышевский цитирует песню Казбича из «Героя нашего времени» Лермонтова («Бэла», 1838—1839); музыкальные переложения относятся к более позднему, чем роман «Что делать?», времени. Далее цитата из «Черкесской песни» из «Измаил-бея» (часть II, строфа 9, 1832), которую и поет «дама в трауре»: известны музыкальные переложения А. А. Алябьева (1843), М. А. Балакирева (1859), В. Г. Кастриото-Скандербек (1861), Б. А. Фитингоф-Шелля (1858), — см.: Г. К. Иванов. Русская поэзия... Т. 1, стр. 184.

[177] Стр. 342. *Красив Брингала брег крутой* <...> *Милей чем отчий дом.* Чернышевский цитирует ст. 9—16, 53—56, 49—52 (с неточностями в ст. 11, 12, 50—53) из «Песни» Вальтера Скотта (из поэмы «Rokeby») в переводе К. Павловой (Отечественные записки, 1840, № 5). Музыкальные переложения неизвестны. Вполне возможно, что неточность в ст. 51 («Опасна будет жизнь моя» вместо «Безвестна...») сознательна: в прикровенной форме Чернышевский передает свой разговор 1853 г. с невестой (Ольгой Сократовной — «дамой в трауре»), предупреждавший ее об опасностях его жизни, посвященной революционной борьбе.

178 Стр. 343. *Месяц встает <...> Вверяйся ты року!* — Чернышевский цитирует ст. 1—8 «Песни Селимы» из «Измаил-бея» Лермонтова (часть III, строфа 15, 1832). В строке 1 вместо «встает» в подлиннике «плывет». Известно переложение на музыку М. А. Балакирева (1859; см.: Г. К. Иванов. Русская поэзия..., т. 1, стр. 184).

179 Стр. 343. *Гей, шинкарочка моя, <...> Ковані підківки.* Как нами установлено, Чернышевский цитирует по памяти и не вполне точно строки 17—20 и 11—12 заключительной песни украинской думы про поход на поляков 1637 г. Она была впервые опубликована, в записи И. И. Срезневского, в издававшемся им сборнике «Запорожская старина» (ч. I, Харьков, 1833, стр. 109) и перепечатана с небольшими отличиями, произведенными М. А. Максимовичем, в книгах: «Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем» (ч. I, М., 1834, стр. 32) и «Сборник украинских песен, издаваемый Михаилом Максимовичем» (ч. I, Киев, 1849, стр. 57; ср.: Б. П. Кирдан. Собиратели народной поэзии. Из истории украинской фольклористики XIX в. М., 1974, стр. 67—68). Чернышевский приводит текст в редакции одного из этих сборников: он дан в современной украинской орфографии.

180 Стр. 344. *Да разлетится горе в прах <...> Да снидет радость без конца.* — Чернышевский цитирует ст. 27, 29, 30 стихотворения Некрасова «Новый год» (Современник, 1852, № 1; в издание «Стихотворения» Некрасова 1856 г. не вошло, скорее всего по цензурным причинам. Музыкальные переложения неизвестны). В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» (Современник, 1858, № 12; Чернышевский, т. V, стр. 392) Чернышевский процитировал ст. 31—33, 35 и 36, вложив в них революционный смысл. «В романе Чернышевского, — пишет Л. П. Медведева, — эти слова, воспринимаемые читателем в ином контексте, чем у Некрасова, получали смысл страстного ожидания революционного обновления жизни» (Поэзия Некрасова в беллетристике Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 1, Саратов, 1958, стр. 521).

181 Стр. 344. *Черный страх бежит как тень <...> Запах розы все слышней.* — Чернышевский цитирует ст. 11—16 (с перестановкой ст. 13—14) стихотворения «Стансы» («Stanzas») Т. Гуда в переводе М. Л. Михайлова (Современник, 1862, № 4), вкладывая в них революционный смысл. Музыкальные переложения неизвестны. Об этой цитате и ее связи с отношениями Чернышевского и Михайлова см.: Б. П. Козьмин. Чернышевский и Михайлов. (К истории их взаимоотношений). — Вопросы истории, 1946, № 7, стр. 23; перепеч.: Б. П. Козьмин. Литература и история. Сборник статей. М., 1969, стр. 160.

Примечания к черновой редакции*

Стр. 348. ...*Беранже... Дюпон...* — Пьер-Жан Беранже (1780—1857) — знаменитый французский поэт-песенник; его произведения в переводах и переделках (прежде всего В. С. Курочкина) были широко распространены в 1860-х и следующих годах. Пьер Дюпон (1821—1870) — французский поэт-песенник, один из выдающихся представителей рабочей поэзии. Его «Песня работников», написанная в 1846 г., до создания «Интернационала», служила международным рабочим гимном: русский перевод Д. Д. Минаева, выполненный в 1862 г., был запрещен цензурой и до 1868 г. не мог появиться в печати.

Стр. 354. *Минеральный сад.* — С 1834 и до 1873 г. в Новой Деревне находилось «Заведение искусственных минеральных вод» — кафе-шантан с рестораном, гуляниями, фейерверком, иллюминациями и пр. Заведение было особенно популярно, когда им владел И. И. Излер (1811—1877). Подробное описание так называемых «Минерашек» Излера см.: П. П. Соколов. Воспоминания. Л., 1930, стр. 222—224; Вл. Михневич. Петербург весь на ладони... СПб., 1874, стр. 235.

Стр. 356—357. ...*людей, действительно одаренных сильным талантом, например,*

* Места, разъясненные в основном тексте, повторно не комментируются.

с «Мещанским счастьем», «Молотовым», с маленькими пьесками г. Успенского. — Чернышевский очень ценил повести Н. Г. Помяловского (1835—1863) «Мещанское счастье» и «Молотов» (Современник, 1861, №№ 2 и 10) — они были у него в Петропавловской крепости. Рассказы Н. В. Успенского (1837—1889) из крестьянского быта печатались в «Современнике» с 1858 г. и вызвали известную статью Чернышевского «Не начало ли перемены?» (Современник, 1861, № 11; Чернышевский, т. VII, стр. 855—889).

Стр. 367. ...*Виргиния, которая закололась от преследований этого гадкого тирана, Юлия Цезаря, и смерть которой освободила Рим!* ‹...› *Виргиния закололась от преследований Аппия Клавдия, а не Юлия Цезаря...* — Дочь центуриона из плебеев, Виргиния понравилась децемвиру Аппию Клавдию, и он решил завладеть ею незаконным образом, объявив ее своей рабой. Отец девушки, Луций Виргилий, чтобы спасти дочь от позора, публично ее зарезал. В возникшем после этого в Риме восстании децемвиры были свергнуты. Эта история (относящаяся к 305 г. до н. э.) многократно была сюжетом художественных произведений — Алфиери, Лессинга и др.

Стр. 373. ...*потом заехала в лавку Погребова...* — Мануфактурная лавка Погребовых находилась в Гостином дворе по Большой Суровской линии (ныне Перинная линия, — см.: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга... СПб., 1867—1868, стр. 87 3-й пагинации).

Стр. 392. ...*Виллингтон... Блюхер.* — Артур Уэлсли Веллингтон (1769—1852) — английский полководец и реакционный государственный деятель: участвовал в борьбе против Наполеона и в конгрессах Священного союза. Гебгардт Лебрехт Блюхер (1742—1819) — прусский полководец; в 1815 г. решил судьбу битвы при Ватерлоо, придя на помощь Веллингтону.

Стр. 397. ...*дети начинают всегда, как Цицерон свою речь против Катилины...* — Имеется в виду знаменитое начало речи Цицерона («Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra...» («Доколе ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением...») против Катилины — главы заговора демократов, направленного против консулов и сенаторской олигархии (62 г. до н. э.).

Стр. 419. *Филипп Эгалите* (1747—1793) — герцог Орлеанский, отец Луи-Филиппа (ср. прим. 32), в 1792 г. отказался от своих титулов и принял имя Эгалите, в 1793 г. был гильотинирован.

Стр. 419. ...*будто знала логику г. Рождественского...* — Н. Ф. Рождественский (1802—1872) — автор «Руководства к логике» (1826—1844, — пять изданий).

Стр. 425. ...*хаба́лда...* — бранчивая баба (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, М., 1955, стр. 540).

Стр. 427. ...*Хлодвиг... Тертулиан.* — Хлодвиг I Великий (465—511) — король французов из рода Меровингов: в 491 г. женился на дочери бургундского короля Клотильде, которая обратила его в христианство; перенес столицу в Париж. Квинт Септимий Тертулиан (ок. 160—ок. 222) — видный христианский богослов.

Стр. 511. ...*один том «Рассуждения о красноречии» старика Роллена...* — Чернышевский имеет в виду книгу французского историка и педагога Шарля Роллена (Rollin, 1661—1741) «Praeceptiones rhetoricae» (1717 и ряд переизданий).

Стр. 536. ...*рассказать кое-что о Вильберфорсе...* — Вильберфорс, Вильям (Wilberforce, 1759—1883) — английский государственный деятель, противник торговли неграми.

Стр. 542. ...*пропустила «Норму»...* — опера В. Беллини, впервые поставленная в Милане в 1831 г., а в России на русском языке — в 1837 г. (в Итальянской опере в Петербурге с 1844 г.).

Стр. 542. *Гризи* (Grisi), Джулия (1811—1869) — знаменитая итальянская певица; для нее В. Беллини написал оперу «Пуритане».

Стр. 543. *Фиоретти* (Fioretti), Элен — артистка итальянской оперы в Петербурге в 1860 г. Ее голос очень понравился Тургеневу в 1864 г. (Письмо к П. Виардо 11 (23) января 1864 г. — Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. V. М.—Л., 1963, стр. 199).

Стр. 557. *Очень полезно было бы повторить опыты Сегена, который в маленьком разрезе производит осуществление Лапласовой теории возникновения солнечной системы...* Говоря так, Лопухов, очевидно, имеет в виду работы известного французского инженера Марка Сегена (Seguin, 1786—1875), который выдвинул гипотезу о тождественности движения и тепла и существенно продвинул вперед развитие молекулярной физики и астрономии. См., например: Memoire sur l'origine et la propagation de la force... Paris, 1857 и 1859; Considérations sur las causes de la cohésion, envisagées comme une des conséquences de l'atraction newtonienne, et résultats qui s'en déduisent pour expliquer les phénomènes de la nature. Paris, 1855.

Идеи Сегена можно было сравнивать с космогонией знаменитого французского математика Пьера-Симона Лапласа (Laplace, 1749—1827) о туманности, имеющей вращение, — эта теория, развивавшая мысли Канта, была сильным ударом по религиозному мировоззрению и сохраняла свое значение до начала XX в.

Стр. 594. ... *времена Регентства...* — Так назывался во Франции период с 1715 и до 1723 г. вкл., когда регентом — после смерти Людовика XIV и до совершеннолетия Людовика XV был Филипп Орлеанский (1674—1723).

Стр. 660. ... *Сэ... Рау.* — Сэ, Жан-Батист (Сэй, Say, 1767—1832) — французский экономист, последователь Адама Смита. Рау, Карл-Давид (Rau, 1792—1870) — немецкий экономист и статистик. См. прим. 112.

Стр. 661. *Вывесок с разными девизами очень много на Невском: «Au pauvre Diable», «À la Elégance»...* По справочнику «Всеобщая адресная книга...» (СПб., 1867—1868, стр. 56, 71, 97 3-й пагинации) видно, что на Невском проспекте было несколько магазинов со сходными вывесками: «À la ville de Paris», «Magasin Étrangère», «Savonnerie de l'Etoile» и др.

Стр. 666. ... *в Шестилавочной улице, между Сергиевской и Фурштатской.* — Шестилавочная улица (или Средний проспект, потом Надеждинская улица, ныне улица Маяковского) начиналась от Кирочной улицы (ныне улица Салтыкова-Щедрина) и шла в те годы до Итальянской улицы (ныне улица Жуковского).

Стр. 699. ... *‹Бьюмонт› нашел несколько ‹американцев› на заводе Берта...* — Чернышевский имеет в виду судостроительный завод Чарльза Берта (или Берда, ум. 1843), а потом его сына Франка (1802—1864) в Петербурге.

Стр. 720. ... *Фенри... Гела... Один... Тор... Тир... Локи* — персонажи памятника древнескандинавской литературы IX—XIII вв. н. э. «Эдда».

Стр. 728. *Надеюсь, вы не индианка, которая считает обязанностью сжигаться с первым мужем, — это хорошо в балладе Гете, но в действительности совершенно лишнее...* — Чернышевский имеет в виду «индийскую балладу» Гёте «Der Gott und die Bajadere» (1797), многократно переводившуюся на русский язык.

Примечание к заметке А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова

Впервые — Н. Г. Чернышевский. Что делать? (Роман, писанный в Петропавловской крепости). В первоначальном виде. Под ред. и с прим. Н. А. Алексеева. М., 1929, стр. 452—453. Сверено с автографом Пушкинского Дома.

Пересылая из Петропавловской крепости для редакции «Современника» отдельные части романа, Чернышевский несколько раз присоединял к ним пояснительные записки. Сколько было таких записок, мы не знаем, но, очевидно, Следственная комиссия к ним привыкла и не нашла возражений против передачи А. Н. Пыпину и Н. А. Некрасову очередной, датированной 4 апреля 1863 г., когда роман уже был завершен. Если при посылке первых записок Чернышевский имел в виду действительное наведение тех или иных справок, проверку имен и дат и пр., то последняя записка имела совсем другой адрес и другое назначение: она была по существу обращена к членам следственной комиссии и имела целью усыпить возможные подозрения относительно действительного смысла последних глав романа, продолжать который в намерения Чернышевского не входило. Наиболее убедительная аргументация развернута в названной на стр. 782 работе Б. Я. Бухштаба.

Б. Л. Кандель

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА «ЧТО ДЕЛАТЬ?» НА ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР И НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Библиография составлена на основе фондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук СССР, Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом), Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. Учтены также материалы специальных библиографий, посвященные переводам произведений русских писателей на иностранные языки, каталоги крупнейших зарубежных библиотек (Британского музея, Национальной библиотеки в Париже, Библиотеки Конгресса в Вашингтоне), а также национальные библиографии ряда стран. Учтены материалы исследований о произведениях Н. Г. Чернышевского в литературах народов СССР и в иностранных литературах.

Материалы расположены в алфавите языков, в их пределах — в хронологии переводов. Отсутствие в ряде случаев сведений о переводчике, количестве страниц и т. п. означает, что составителю не удалось данные издания просмотреть или получить о них все необходимые для полного описания сведения.

ПЕРЕВОДЫ НА ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

Азербайджанский язык

Что делать? Кн. 1—2. Баку, Детюниздат, 1952—1957. Кн. 1. 368 с.; кн. 2. 179 с.

Армянский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. Г. Сарикян. Ереван, Армгиз, [1939], на тит. л. 1938. 576 с.
Предисл. В. Кирпотина.

То же. Ереван, Айпетрат, 1953. 512 с.
Предисл. А. Салахян.

Грузинский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. К. Бакрадзе-Ингороква. Тбилиси, Госиздат ГрузССР, 1955. 599 с.
Предисл. Г. Джибладзе.

Казахский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. К. Шангытбаев. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1951. 520 с.
Послесл. Н. Водовозова.

Каракалпакский язык

Что делать? Роман. Пер. М. Абдурахманов. Нукус, «Каракалпакия», 1968. 430 с.

Киргизский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. Д. Абдылдаев. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1954. 536 с.
Послесл. Б. Рюрикова.

Латышский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. К. Фрейнберг. Рига, Латгосиздат, 1951. 472 с.
Предисл. Н. Богословского.

Литовский язык

Что делать? Пер. А. Дамбраускас. Вильнюс. Гос. изд. худож. лит., 1949. 448 с.

Молдавский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. З. Сэпунару. Кишинев, Молдавгиз, 1954. 564 с.
Послесл. Б. Рюрикова.

Таджикский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. Г. Эфрон. Душанбе, Таджикгосиздат, 1955. 624 с.
Предисл. Б. Рюрикова.

Татарский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. С. Файзуллина. Казань, Таткнигоиздат, 1959. 492 с.

Туркменский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. М. Сопиев. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1960. 604 с.
Коммент. М. П. Николаева.

Узбекский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. Ш. Талибов. Ташкент, Гослитиздат УзССР, 1957. [Вых. дан. 1958]. 579 с.
Послесл. Б. Рюрикова.

Уйгурский язык. Арабск. шрифт

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. Х. Насыров. Ташкент, «Правда Востока», 1956. 837 с.
Послесл. Б. Рюрикова.

Украинский язык

Що робити? Перекл. М. Дукин. Київ, Держ. літ. видав., 1936. 523 с.
Предисл. Г. Димитрова и А. Старчакова.

Що робити? З оповідань про нових людей. Ред. перекл. Н. Андріанової. Київ, Держ. вид. худож. літ., 1950. 366 с.
Послесл. Н. Водовозова.

Що робити? З оповідань про нових людей. Перекл. за ред. Н. М. Андріанової. — В кн.: Чернишевський М. Г. Що робити? Пролог. Київ, Держ. вид. худож. літ., 1961, с. 3—335. Дополнения, с. 661—664.

В архиве И. Я. Рудченко (Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР. Ленинград) хранится рукопись (на 24 полулистах) — перевод на украинский язык четвертого сна Веры Павловны; предположительная датировка — конец XIX в. (Указано И. Ф. Мартыновым).

Чувашский язык

Что делать? Пер. Н. А. Сандрова и В. Л. Садая. Чебоксары, Чувашгосиздат, 1957. 496 с.

Эстонский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. В. Даниель. Таллин, «Худож. лит. и искусство», 1948. 532 с.
Предисл. X. Тийдус.

Якутский язык

Что делать? Из рассказов о новых людях. Пер. С. Данилов. Якутск, Якуткнигоиздат, 1956. 495 с.

ПЕРЕВОДЫ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Английский язык

A vital question; or, What is to be done? Transl. by N. H. Dole and S. S. Skidelsky. N. Y., T. Y. Crowell and Co., 1886. IX, 462 p.
N. H. Dole, S. S. Skidelsky. «Preface», pp. III—IX.
То же. N. Y., J. W. Lowell Co., 1888. IX, 462 p. (Lovell's Library. № 1017).
What's to be done? a romance. Transl. by B. R. Tucker. Boston, B. R. Tucker, 1886.
То же. 4-th ed. N. Y., Manhattan book Co., 1910. (Manhattan books).
What is to be done? Tales about new people. Introd. by E. H. Carr. The B. R. Tucker transl. rev. and abriged by L. B. Turkevich. N. Y., Vintage books, 1961. 354 p.

Болгарский язык

Какво да се прави? (Что делать?). (Из разказите за новите хора). Роман. Писан в тъмницата 1862—1863. (Изд. 2-е). Руссе, Скоропеч. на С. Гулабчев, 1891. XII, 510 с.
«Предговор от преводача», с. IV—XII. Подп.: Клъ.
Какво да се прави? Что делать? Роман. (Писан в тъмницата). Прев. на Ив. Т. Клинчаров. София, п-ца «Доверие», 1927. 496 с.
Какво да се прави? Разкази за новите хора. Роман. Прев. А. Беливанова. София, Съюз на Българо-съветските дружества, 1948. 533 с.
То же. Изд. 2-е, прераб. София, Съюз на Българо-съветските дружества, 1949. 534 с.
То же. Изд. 3-е, прераб. София, «Нар. култура». 484 с.
То же. Изд. 4-е. 1969. 412 с.

Венгерский язык

Mit tegyünk? Regény. Ford. Sasvári Armin. K. 1—2. Budapest, Az Athenaeum R. Társulat kiadása, 1877. K. 1. 206 l. K. 2. 150 l.
«Utószó a magyar forditashoz», k. 2, l. 149—150.
То же. 2. kiadás. Budapest, Athenaeum, 1896.
То же. «Pesti napló», [веч. вып.], 1877.
Mit tegyünk? Regény. Ford. Rákos Ferenc. Budapest, Révai, 1—2 kiad. 1949. XLI, 453 l.
С предисл. Г. Димитрова и Г. Лукача.
То же. Budapest, Uj Magyar Könyvkiadó, 1954. 404 l.
То же. Budapest. Az Orosz Könyvkiadásá, 1957. 436 l.

Вьетнамский язык

Что делать? Пер. Чыонг Тинь и Ву Лок. Т. 1—2. Ханой, 1962—1963. Т. 1. 393 с. Т. 2. 351 с.

Голландский язык

Wat to doen? Roman. Amsterdam, Liebers, 1893.
Издание библиографически проверить не удалось. Дезидерата в каталоге «Россика» Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Испанский язык

Que hacer? Gente nueva. Trad. por L. A. Vargas. Moscú, Ed. en lenguas extranjeras, 1957. 532 p. (Obras clásicos de la literatura rusa).

Итальянский язык

Che fare? Trad. di F. Verdinois. Milano, Treves, 1906. (Biblioteca amena. № 708).
F. Verdinois. Nicola Cernicevski.
Che fare? Versione integrale a cura di Ignazio Ambrogio. Vol. l. Milano, ed. «Cooperativo libro popolare», 1950. 165 p. Pref. di G. Berti.

Китайский язык

Что делать? Т. 1—2. Шанхай, Чубаньшэ, 1951. Т. 1. 546 с. Т. 2. 549 с.
Что делать? Пер. Ло Шу. Шанхай, Пинмин чубаньшэ, 1956. 3, 133 с.

Корейский язык

Что делать? Пер. Цой Чхан Соб. Пхеньян, Корейско-советское изд-во, 1955. 544 с.

Монгольский язык

Что делать? Пер. С. Шаравжамц. Улан-Батор, 1966. 488 с.

Немецкий язык

Was tun? Erzählungen von neuen Menschen. Roman. T. 1—3. Leipzig, F. A. Brockhaus, 1883. VIII, 339, 325, 239 S.
«Vorwort des Übersetzers», T. 1, S. V—VIII.
То же. 2. Aufl. T. 1—2. Leipzig, F. A. Brockhaus, 1890. T. 1. VIII, 339 S. T. 2. 325 S.
«Vorwort des Übersetzers», T. 1, S. V—VIII.
Was tun? Schilderungen neuer Menschen. Aus dem Russischen übers. von E. Adler und B. Braun. — «Die neue Welt. Illustrierte Unterhaltungsbeilage», 1892, №№ 1—43.
Was tun? Erzählungen von neuen Menschen. (Auszug). Nach der deutschen Übersetzung redigiert und mit Anmerkungen versehen von H. Walden. Engels, Deutscher Staatsverl., 1936. 72 S. (Schulbibliothek).
Was tun? Aus Erzählungen von neuen Menschen. Übertr. von M. Hellmann. Berlin, SWA — Verl., 1947. 552 S.
Was tun? Roman. Übers. von W. Jollos. Zürich, Artemis-Verl., 1949. XV, 518 S.
Was tun? Aus Erzählungen von neuen Menschen. Übertr. von M. Hellmann und H. Gleistein. Berlin, Aufbau-Verlag, 1952. 624 S.
G. Lukács. «Einleitung», S. 5—42.

Персидский язык

Что делать? Пер. Партоу Азар. Тегеран, Нагус, 1951. 702 с.

Польский язык

Co robić? Z opowiadań o nowych ludziach. Przeł. J. Brzęcskowski. Warszawa, «Książka i Wiedza», 1951. 545 s.

В 1864 г. ссыльные революционеры С. Краков и Л. Павлович предлагали И. Огрызко издать в Петербурге на польском языке перевод «Что делать?» — он не осуществился. Около 1866 г. перевод романа на польский язык предпринял революционер П. П. Маевский; сохранилась часть, оставшаяся в рукописи, — см.: Т. Ф. Федосова. Павел Маевский и первые попытки перевода романа Чернышевского «Что делать?» — В кн.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов. М., Изд-во Академии наук СССР, 1960, с. 323—336.

Румынский язык

Ce-ĭ de făcut? Roman. Trad. de P. Muşoiu. Vol. 1—2. Bucureşti, 1894—1896. 444 p.

То же. Ed. nouă. Bucureşti, Jubileu, 1909. 495 p.

Al patrulea vis al Verei Pavlovna. Trad. de C. Buzdugan. Din romanul «Ce-i de făcut?» — «Lumea nouă», 1896, vol. 2, № 10, 15 ianuarie, p. 3, 5.

Ce-i de făcut? Din povestirile despre oamenii noi. Trad. de Al. Philippide şi A. Ivanovschi. Bucureşti, Ed. «Cartea rusă», 1951. 477 p. (Clasicii ruşi).
N. Vodovozov. Prefata, p. 5—19.

Ce-i de fácut? Roman. Ed. a 2-a. Trad. rev. de P. Comarnescu şi A. Ivanovski. Bucureşti, Ed. Cartea rusă, 1956. 513 p.
B. Riurikov. Despre romanul lui Cernişevski «Ce-i de făcut?», p. 5—41.

То же. Ed. a 3-a. Bucureşti, Ed. pentru literatură universală, 1963. 564 p. (Clasicii literaturii universale).

Сербско-хорватский язык

Особеньак. Уломак из романа Шта да се ради? Пер. Л. К. Лазаревич. — «Матица». Лист за кньижевност и забаву. Нови Сад, 1869, т. 4, № 30, с. 689—693; № 31, с. 716—719; № 32, с. 739—743; № 33, с. 761—767.
[Вступление переводчика], с. 689—690.

Шта да се ради? Приповетка о новим льудима. С рус. — «Радник», 1871, т. 1, №№ 80—86, с. 318—319, 322—323, 326—327, 330—331, 334—335, 338—340, 342—343; 1872, т. 2, № 1—8, 10—43.

Шта да се ради? Приповетка о новим льудима. Само први део. Београд, 1872. 252 с. (Из «Радника»).

Други сан Вере Павловне. Из романа «Шта да се ради?». С рус. — «Рад», 1874, т. 1, с. 6. Угледни лист.

Жена у раду. Епизода из романа: «Шта да се ради?». — «Мисао», 1882, т. 1, № 9, с. 129—134.

Четврти сан Вере Павловне. Из романа «Шта да се ради?». С рус. — «Гусле», 1883, № 11, с. 335—339; № 12, с. 366—367.

Шта да се ради? Приповетка из живота нових льуди. Две свеске. Смедерево, изд. К. Т. Наумовича, 1885. 184, 211 с. Перевод глав 1 и 2. Напеч. в Белграде. Пер. не указан. Перевод сделан с женевского издания 1876 г. М. Елпидина. Статья переводчика «Н. Г. Чернышевский», с. I—XVI.

Четврти сан Вере Павловне. Одломак из романа «Шта да се ради?». С рус. М. I. А.— «Таково», 1897, т. 8, №№ 9—15.

Шта да се ради? Роман из живота нових льуди. Превео М. Радичевич. Са три слике пишчеве. Са предговором превоиочевим. Београд, 1909. XVIII. 674 с. Исправленное издание 1885 г.

Шта да се ради? Београд, «Култура», 1947. 636 с.

Šta da se radi? Prev. R. Bošković. Zagreb, «Kultura», 1948. 633 s.

Словацкий язык

Co robit? Prel. J. Mihál. Sv. 1—2. Bratislava, Obroda, 1949. (Kniznica klasikov. Sv. 3—4). Sv. 1. 316 s. Sv. 2. 371 s.

Словенский язык

Kaj delati? Prev. J. Žagor, K. Zelenko. Ljubljana, Mladinska knjiga, 1959. 508 s.

Финский язык

Mitä on tehtävä? Suomentanut N. Jaakkola. Petroskoi, Karjalais — Suomalaisen SNT : n Valtion Kustannusliike, 1956. 472 s.

Французский язык

Que faire? Roman. Trad. par A. T‹veritinov›. Lodi (Italia). Tipographie E. Bignami, 1875. IX, 531, [4] p.
На обл.: Berlin, Librairie Stuhr, 1876.
«Avant-propos du traducteur», p. III—IX.

То же. Milano, Robecchi, 1876.
Перевод был перепечатан в 1885 г. в нью-йоркской газете «Courrier des Etats Unis» и в 1889 г. в парижской газете «L'égalité».
См.: В. И. Семевский. Заметка о переводах сочинений Н. Г. Чернышевского на иностранные языки и об отзывах о них в иностранной печати. — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, ф. 265, оп. 2, № 3047, л. 2 об.—3.

Jalousie. Trad. de V. Starkoff. Paris, Ed. de «Floréal», 1923. 64 p. (Floréal-roman. 1-re série. № 3).
Отрывок из романа «Что делать?»

Que faire? (Les hommes nouveaux). Trad. par D. Sesemann. Moscou, Ed. du Progress, 1967. 526 p.

Чешский язык

Co dělat? Z příběhů o nových lidech. Přel. J. France. Praha, «Svoboda», 1949. 417 s.

То же. 2. rev. vyd. Praha, «Svoboda». 1951. 377 s.

Co dělat? Z příběhů o nových lidech. Roman. 5 vyd. Přel. J. Hulák. Praha, SNKLHU, 1954. 473 s.

Шведский язык

Hvad skall man göra? (Tschto djélatj?). Berättelser om nya menniskor. Roman. Öfvers. fran det ryska originalet, jemfördt med Brockhaus tyska edition. Stockholm, I. Marcus' boktryckeri — Aktiebolag, 1885. VII, 584 s.
«Förord», s. III—VII.

Японский язык

Что делать? Пер. Итико Камитика. Токио, Намбоку шёин, 1931.

Что делать? Ч. 1—2. Пер. Хидехира Ишии. Токио, Шинсэй-ся, 1951. 301 с.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Алексеев М. П. Н. Г. Чернышевский в западноевропейских литературах. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. (1889—1939). Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти. Л., 1941, с. 242—269. (Ленингр. ун-т).

Ахромеев В. Д. Материалы об общественно-литературных влияниях Н. Г. Чернышевского на венгров до их освобождения. — Учен. зап. Курск. пед. ин-та, 1957, вып. 6, с. 20—32.
Бакалов Г. Чернышевский на Балканах. — Каторга и ссылка, 1934, № 4, с. 22—32.
Дювель В. Чернышевский в немецкой рабочей печати. — Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 163—205.
Ежегодник книги. 1921—1929, 1935, 1941—1970.
Иванова М. В., Супоницкая П. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в советских изданиях и критической литературе. (1917—1960). Библиогр. указатель. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. 3. Саратов, 1962, с. 334—367. (Сарат. ун-т. Дом-музей Н. Г. Чернышевского).
Николаев М. П. Н. Г. Чернышевский. Семинарий. Изд. 2-е. Л., «Просвещение», 1959.
Оганнисян Р. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ереван, 1952.
Погодин А. Л. Руско-српска библиографиjа. 1800—1925. Т. 1—2. Београд, 1932—1936. (Српска краљевска академиjа. Посебна издања. Кн. 92, 110. Филозофски и филолошки списи. Кн. 22, 29).
Рейте М., Зольдхейи Ж. Первый венгерский перевод романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. 2. Саратов, 1961, с. 234—243. (Сарат. ун-т. Дом-музей Н. Г. Чернышевского).
Спижарская Н. В. Неизвестная статья А. Бебеля о Чернышевском. — Доклады и сообщения Филол. ин-та, 1949, вып. 1, с. 92—102. (Ленингр. ун-т).
Тверитинов А. Н. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. СПб., М. В. Пирожков, 1906, с. 77.
Чернышевский М. Н. О Чернышевском. Библиография. 1854—1910. Изд. 2-е, испр. и значит. доп. СПб., 1911.
Чернышевский М. Н. Перечень заграничных изданий сочинений Н. Г. Чернышевского и переводов на иностранные языки. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 10, ч. 2. СПб., 1906, с. 140—141.
Чуич Г. Т. Русская литература на сербском языке. Опыт библиографии переводной русской литературы за период с 1860 по 1910 г. — Труды Воронежск. ун-та, 1926, т. 3, с. 116—140.
Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Auteurs. T. 183. Paris, 1955.
British Museum. General catalogue of printed books. Vol. 37. London, 1966.
Ten-year supplement. 1956—1965. Vol. 9. London, 1968.
The Library of Congress. Author Catalog: A cumulative list of works represented by Library of Congress printed cards. Ann Arbor—N. Y., 1943—1972.
Index translationum. Nouvelle série. Vol. 1—23 [за 1948—1970 гг.] Paris, UNESCO, 1949—1972.
Boutchik V. Bibliographie des oeuvres littéraires russes traduites en français. Paris, Orobity et Flory, 1935. VIII, 199, 19 p.
Supplément 1—3. Paris, 1938—1943.
Kozocsa S. Az orosz irodalom bibliográfiája. Budapest, 1947. XVI, 333 l. (Az Országos Széchenyi könivtár kiadvanyai. 27).
Line M. B. A bibliography of Russian literature in English translation. (Excluding periodicals). London, The Library Assoc., 1963. 74 p.
Roman F. Literatura rusă și sovietică in lumbă romînă. 1830—1959. Contribuții bibliografice. București, Ed. de Stat pentru imprimate și publicații, 1959. 520 p.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* В указатель включены исторические и мифологические имена, он охватывает основной и черновой тексты романа и заметку, написанную для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Исправление по черновой редакции: на стр. 328, строки 1 и 2 снизу, вместо «понимала» дважды следует читать «помнила».

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Гаврилович Чернышевский

ЧТО ДЕЛАТЬ?

ИЗ РАССКАЗОВ О НОВЫХ ЛЮДЯХ

Утверждено к печати Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редакторы издательства *Е. А. Гольдич, А. Л. Лобанова.* Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *З. В. Гришина* и *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 12/VII 1974 г. Подписано к печати 24/II 1974 г. Формат бумаги 70 × 90$^{1}/_{16}$. Бумага № 1. Печ. л. 54$^{1}/_{2}$ + 1 вкл. ($^{1}/_{8}$ печ. л.) = 63.76 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 67.05. Изд. № 5765. Тип. зак. № 1335. М-21125. Тираж 25000 (1-й завод). *Цена 4 р. 37 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

